ДБ
350
Г72
I

Журналъ
«Русская Историческая Библіотека»
№ 1.

Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

Сборникъ

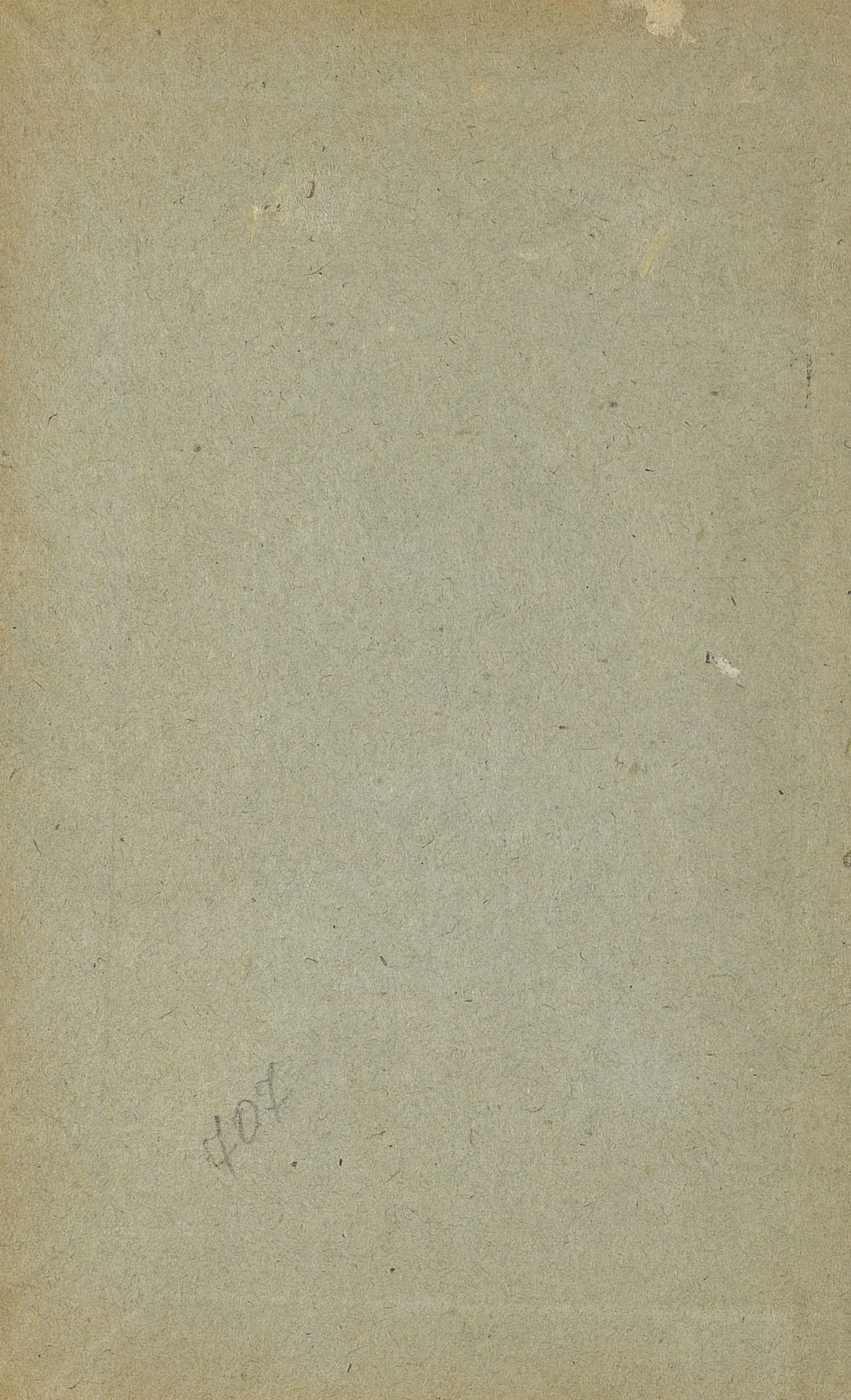
извлеченныхъ изъ оффиціальныхъ изв[illegible] правительственныхъ сообщен[illegible].

Составленъ подъ редакціей

Б. Базилевскаго
(В. Богучарскаго).

Томъ первый.
(1825—1876 годъ).

1 р. 50 к.
Складъ
при
книгоиздательствѣ
Донская Рѣчь.



Журналъ
Русская Историческая Библіотека
№ 1.

Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ.

Сборникъ
извлеченныхъ изъ оффиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній.

Составленъ подъ редакціей
Б. Базилевскаго
(В. Богучарскаго).

Томъ первый.
(1825--1876 годъ).

С.-Петербургъ.
„Русская Скоропечатня", Спб., Екатерин. кан., 94.
1906.


Государственная
БИБЛИОТЕКА
Историческая
88210


БИБЛИОТЕК
№ 88210

Предисловіе.

Окончаніе XIX вѣка естественно повлекло за собою желаніе мыслящихъ людей подвести итоги всѣхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ этомъ вѣкѣ. Такіе итоги въ нашемъ отечествѣ подведены, къ сожалѣнію, относительно далеко не всѣхъ сторонъ жизни. Такъ называемыя государственныя преступленія въ Россіи, совершенно независимо отъ того или иного субъективнаго къ нимъ отношенія, составляли безспорно весьма крупное явленіе русской жизни, и потому подведеніе имъ итоговъ, хотя бы въ скромной формѣ одного лишь собранія воедино всѣхъ опубликованныхъ русскимъ правительствомъ по этому поводу данныхъ, не можетъ не являться дѣломъ, отвѣчающимъ несомнѣнно назрѣвшей потребности времени. Съ этой цѣлью и предпринята настоящая работа. Выпускаемый нынѣ первый томъ сборника печатается за границею, но составители его отнюдь не упускаютъ изъ вида русскихъ цензурныхъ условій, ибо надѣются на свободный пропускъ его въ предѣлы Россіи. На этомъ основаніи въ настоящій сборникъ вошли исключительно лишь оффиціальныя, опубликованныя во всеобщее свѣдѣніе самимъ правительствомъ, данныя о государственныхъ преступленіяхъ въ Россіи за періодъ времени 1825 — 1876 годъ. Такой же программы составители сборника намѣрены держаться и при составленіи слѣдующихъ его томовъ, если произведеніе это будетъ допущено къ свободному обращенію въ Россіи, но, само собою разумѣется, программа сборниковъ будетъ значительно измѣнена въ случаѣ противоположномъ.

Въ настоящій томъ вошли полностью данныя о всѣхъ государственныхъ преступленіяхъ за указанный промежутокъ времени, которыя были опубликованы правительствомъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», «Сѣверной Почтѣ» (оффиціальномъ органѣ Министерства внутреннихъ Дѣлъ 1862—1868 года) и «Правительственномъ Вѣстникѣ». Исключеніе составляетъ отчетъ о процессѣ такъ называемыхъ «нечаевцевъ». Онъ приводится здѣсь далеко не полностью по соображеніямъ чисто техническаго характера. Дѣло въ томъ, что перепечатка помѣщеннаго въ свое время въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отчета о процессѣ нечаевцевъ составила бы, по сдѣланному подсчету, сама по себѣ книгу, заключающую въ себѣ свыше пятидесяти печатныхъ листовъ.

Редакторъ сборниковъ *Б. Базилевскій.*

Петербургъ.

Апрѣль 1903 года.

Эти строки написаны мною ровно три года тому назадъ по полученіи изъ заграницы извѣстія, что печатаніе перваго тома «Государственныхъ преступленій въ Россіи» закончено. Затѣмъ, какъ я имѣлъ уже случай это опубликовать («Наша Жизнь» 1905 г. № 328 и январская книжка «Былого» стр. 323—325), мы произвели съ этимъ томомъ такой экспериментъ: нѣмецкій издатель его, извѣстный соціалъ-демократъ и депутатъ германскаго рейхстага, Дитцъ подалъ отъ себя въ главное управленіе по дѣламъ печати прошеніе, въ которомъ, сылаясь на то, что изданная имъ книга содержитъ въ себѣ исключительно матеріалы, опубликованные самимъ русскимъ правительствомъ, просилъ о разрѣшеніи свободнаго пропуска ея въ Россію для продажи въ магазинахъ.

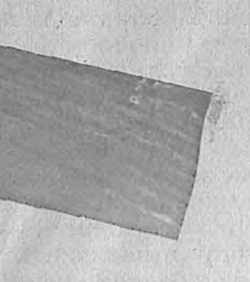
На это прошеніе Дитцъ получилъ 9 октября 1904 года за № 3392 отъ цензурнаго комитета иностранной цензуры отвѣтъ, въ которомъ сообщалось, что, постановленіемъ петербургскаго цензурнаго комитета, книга Базилевскаго признана подлежащей запрещенію ко ввозу въ Россію...

Въ настоящее время этотъ томъ перепечатывается съ заграничнаго изданія слово въ слово. Буду ли я привлеченъ за это по какой нибудь статьѣ,—покажетъ близкое будущее, но, если да, то процессъ получится безпримѣрный въ судебныхъ лѣтописяхъ всего міра: такой то, имя рекъ, привлекается за распространеніе произведенія, составленнаго изъ собранія матеріаловъ, опубликованыхъ во всеобщее свѣдѣніе самимъ русскимъ правительствомъ. Наши прокуроры очень искусны, но и имъ, кажется, придется изрядно поломать головы надъ вопросомъ,—какая же именно статья закона въ данномъ случаѣ нарушена?

Запрещая эту книгу ко ввозу въ Россію три года тому назадъ,—предполагалъ ли петербургскій комитетъ цензурный, что этимъ онъ заставитъ современемъ такъ сильно ломать прокурорскія головы?

И оправдана премудрость чадами ея..

В. Богучарскій.



1825 годъ.

Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости.

(Декабря 19-го дня. № 300).

Санктпетербургъ. 15 Декабря.

Вчерашній день будетъ безъ сомнѣнія эпохою въ Исторіи Россіи. Въ оный жи-
ли Столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что Государь Императоръ
колай Павловичъ воспринимаетъ вѣнецъ Своихъ Предковъ, принадлежащій Ему, и
слѣдствіе торжественнаго, совершенно произвольнаго отреченія Государя Цесаре-
на Константина Павловича, и по назначенію въ Бозѣ почивающаго Императора Але-
андра, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи Престола. Но Провидѣнію
ло угодно, сей столь вожделѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ
оисшествіемъ, которое внезапно, но лишь на нѣсколько часовъ, возмутило спокой-
віе въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Вскорѣ послѣ изданія Высочайшаго Манифеста
вступленіи Его Императорскаго Величества на Престолъ, Государственный Совѣтъ,
авительствующій Сенатъ и Святѣйшій Сѵнодъ присягали въ вѣрности Монарху; въ
еніе утра должны были дать присягу всѣ полки Лейбъ-Гвардіи. Въ половинѣ двѣ-
дцатаго часа Командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и Начальникъ Гвардейскаго
таба донесли Его Величеству, что присяга учинена полками Конно-Гвардейскимъ,
валергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ, Гренадерскимъ,
ардейскимъ Егерскимъ, Финляндскимъ, и Саперным Баталіономъ. О прочихъ пол-
хъ не было еще извѣстія; по сему причиною полагали отдаленность ихъ казармъ
ъ Дворца. Въ двѣнадцать часовъ узнали, что четыре Офицера Гвардейской Конной
тиллеріи, оказавшіе сопротивленіе, взяты подъ стражу, но что прочіе, какъ Офи-
ры, такъ и нижніе чины Гвардейскаго Артиллерійскаго Корпуса присягали съ отмѣн-
мъ и единодушнымъ усердіемъ. Уже въ исходѣ перваго часа дошло до свѣдѣнія
о Величества, что часть Московскаго полка (какъ сказывали, отъ 3 до 4-хъ сотъ
ловѣкъ), выступивъ изъ своихъ казармъ съ распущенными знаменами и провозгла-
я Императоромъ Великаго Князя Константина Павловича, идетъ на Сенатскую пло-
дь. Толпы народа сбѣгались къ сей площади и передъ Дворцомъ. Государь Импе-
торъ вышелъ изъ Дворца безъ Свиты, явился одинъ народу и былъ встрѣченъ
ъявленіями благоговѣнія и любви: отовсюду раздавались усердныя восклицанія.
жду тѣмъ, двѣ возмутившіяся роты Московскаго полка не смирялись. Онѣ построи-
сь въ баталіонъ-карре передъ Сенатомъ; ими начальствовали семь или восемь Оберъ-
фицеровъ, къ коимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ.
большія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость противопоста-
ть имъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. Государь Императоръ
ъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полка, и предводитель-
вуя онымъ, приблизился къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе, но съ твердымъ
мѣреніемъ не употреблять силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротостью
увѣщаніемъ образумить ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подъѣхалъ Санкт-
тербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ Графъ Милорадовичъ, въ надеждѣ, что
слова возвратятъ ихъ къ чувству обязанности; но въ ту самую минуту, стоявшій
лѣ него человѣкъ во фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета и смертельно ра-
ъ сего вѣрнаго и столь отличнаго Военачальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

Сіе злодѣяніе ни въ чемъ не измѣнило намѣреній Его Императорскаго Величе-
а. Твердость и милость равномѣрно оказывались въ сдѣланныхъ нѣсколько разъ
его повелѣнію увѣщаніяхъ возмутившимся. Государь призывалъ ихъ къ долгу и
ренію, но не внимая никакимъ условіямъ, не скрывая отъ нихъ, что и за самою
орою покорностію, долженствуетъ необходимо и во всякомъ случаѣ послѣдовать
мѣрное наказаніе зачинщиковъ мятежа.

Между тѣмъ, Его Величество далъ приказаніе, бывшій въ караулѣ у Дворца
къ Финляндскій Егерскій усилить Сапернымъ баталіономъ, а полкамъ Кавалер-

гардскому, Конно-Гвардейскому, Павловскому, Гренадерскому и Лейбъ-Гвардіи Артиллерійской первой бригадѣ явиться къ Нему. Всѣ сіи войска ревностно просили дозволенія однимъ ударомъ уничтожить бунтъ и мятежниковъ. Къ симъ послѣднимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ Лейбъ-Гренадерскаго полка и Гвардейскаго Морского Экипажа; но съ другой стороны, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который въ ту лишь минуту возвратился въ С.-Петербургъ, узнавъ, что часть принадлежащаго къ его дивизіи Московскаго полка обезславила себя возстаніемъ на законную Власть, немедля отправился къ казармамъ и тамъ, даже не употребляя никакихъ строгихъ мѣръ, привелъ къ присягѣ шесть ротъ сего полка, кои при началѣ возмущенія хотя отказывались присягать, однако же не хотѣли и слѣдовать примѣру вышедшихъ на Сенатскую площадь. Его Высочество, обязавъ сіи роты клятвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности къ Государю Императору Николаю Павловичу, привелъ ихъ къ Августѣйшему Брату Своему; онѣ пылали равнымъ съ другими войсками нетерпѣніемъ положить конецъ мятежу.

Но Государь Императоръ еще щадилъ безумцевъ, и лишь при наступленіи ночи, когда уже были вотще истощены всѣ средства убѣжденія и самое воззваніе Преосвященнаго Митрополита Серафима пренебрежено мятежниками, Его Величество, наконецъ, рѣшился вопреки желанію сердца Своего, употребить силу. Вывезены пушки и немногіе выстрѣлы въ нѣсколько минутъ очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавшихъ, преслѣдуя и хватая ихъ. Потомъ разосланы по всѣмъ улицамъ сильные дозоры и въ шесть часовъ вечера изъ всей толпы возмутившихся не было уже и двухъ человѣкъ вмѣстѣ; они бросали оружіе, или сдавались въ плѣнъ. Въ десять часовъ взято было дозорами болѣе пяти сотъ, кои скитались разсѣянные; виновнѣйшіе изъ Офицеровъ пойманы и отведены въ крѣпость. Въ шесть часовъ вечера Государь возвратился во Дворецъ, и молебствіе по случаю восшествія Его Императорскаго Величества на престолъ совершено въ присутствіи Ихъ Величествъ, всего Двора и при великомъ стеченіи знатныхъ особъ. Въ городѣ уже было возстановлено повсемѣстное спокойствіе.

Таковы были происшествія вчерашняго дня; будучи очевидцами оныхъ, мы описали всѣ обстоятельства съ величайшею подробностію. Они безъ сомнѣнія горестны для всѣхъ Русскихъ и должны были оставить скорбное чувство въ душѣ Государя Императора. Но всякъ, кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего Монарха въ сей памятный день, Его великодушнаго мужества, разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, коему съ восторгомъ дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вожди ихъ; всякъ, кто видѣлъ, съ какою блистательною отважностію и успѣхомъ дѣйствовалъ Августѣйшій Братъ Его, Великій князь Михаилъ Павловичъ, наконецъ, всякъ кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади, въ большую часть сего времени со всѣхъ сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же людей изъ черни также пьяныхъ, и что изъ всѣхъ Гвардейскихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣсколько ротъ двухъ полковъ и Морского Экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ буйства, тотъ конечно съ благодарностію къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго, что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи; непоколебимой вѣрности величайшей безъ всякаго сравненія части войскъ, и общей преданности Русскихъ Августѣйшему ихъ законному Монарху. Признаніе уже допрошенныхъ важнѣйшихъ преступниковъ и добровольная явка главнѣйшихъ зачинщиковъ, скорость, съ коею бунтующіе разсѣялись при самыхъ первыхъ выстрѣлахъ, изъявленія искренняго раскаянія солдатъ, кои сами возвращаются въ казармы оплакивать свое минутное заблужденіе, все доказываетъ, что они были слѣпымъ орудіемъ, что провозглашеніе имени Цесаревича Константина Павловича и мнимая вѣрность присягѣ, отъ коей Его Императорское Высочество самъ произвольнымъ и непремѣннымъ отреченіемъ Своимъ разрѣшилъ всѣхъ, служили только покровомъ настоящему явному намѣренію, замыслившихъ сей бунтъ, навлечь на Россію всѣ бѣдствія безначалія.

Праведный судъ вскорѣ совершится надъ преступными участниками бывшихъ безпорядковъ. Помощію Неба, твердостію Правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушаетъ спокойствія столицы, и войска, кои изъ предосторожности провели минувшую ночь на бивуакахъ близъ Дворца, возвратились въ казармы.

Нынѣ поутру Государь Императоръ объѣзжалъ всѣ находившіеся при Немъ полки и узнавъ, что рядовые Гвардейскаго Экипажа изъявляютъ живѣйшее раскаяніе, утверждаютъ, что они были вовлечены въ мятежъ обманомъ, и уже въ присутствіи Великаго князя Михаила Павловича дали присягу въ вѣрности, дозволилъ сему баталіону предстать предъ Него, даровалъ имъ великодушное прощеніе и возвратилъ знамя, коего по волѣ Его Императорскаго Величества они были лишены вчера. Они со слезами славятъ милосердіе Монарха.

Русскій Инвалидъ.

(22 декабря. № 302).

Высочайшій Манифестъ.

Божіею Милостію
Мы Николай Первый
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Печальное происшествіе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованія Манифеста о восшествіи Нашемъ на Престолъ, извѣстно уже въ его подробностяхъ, изъ перваго публичнаго о немъ объявленія.

Тогда какъ всѣ Государственныя сословія, всѣ чины Военные и Гражданскіе, народъ и Войска единодушно приносили Намъ присягу вѣрности и въ Храмахъ Божіихъ призывали на Царствованіе Наше благословеніе небесное, горсть непокорныхъ дерзнула противостать общей присягѣ, закону власти, военному порядку и убѣжденіямъ. Надлежало употребить силу, чтобъ разсѣять и образумить сіе скопище. Въ семъ кратко состоитъ все происшествіе, мало важное въ самомъ себѣ, но весьма важное по его началу и послѣдствіямъ.

Сколь ни прискорбны сіи послѣдствія, но Провидѣніе показало въ нихъ новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, коими, карая зло, изъ самаго сего зла оно производитъ добро.

По первому обозрѣнію обстоятельствъ, слѣдствіемъ уже обнаруженныхъ, два рода людей составляли это скопище: одни заблужденію, умыслу непричастные; другіе, злоумышленные ихъ руководители.

Чего желали заблудшіе? — Быть вѣрными данной имъ присягѣ. — Всѣми средствами обольщенія они были увѣрены, что защищаютъ Престолъ, и въ семъ увѣреніи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденіямъ. Чего желали злоумышленники?— Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича было токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные Правительству; испровергнуть Престолъ и Отечественные законы, превратить порядокъ Государственный, ввести безначаліе.

Какія средства?—Убійство. Первою жертвою злоумышленниковъ былъ Военный Генералъ-Губернаторъ Графъ Милорадовичъ; тотъ, кого судьба войны, на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы. Другія жертвы принесены были въ то же время: убитъ Командиръ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Стюрлеръ; тяжко ранены Генералъ-Маіоръ Шеншинъ, Генералъ-Маіоръ Фридрихсъ и другіе, кровію своею запечатлѣвшіе честь и вѣрность своему долгу.

Ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченныя.

Удостовѣрясь въ семъ самымъ строгимъ взысканіемъ, Я считаю первымъ дѣйствіемъ Правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспріимутъ каждый по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе.

Сей судъ и сіе наказаніе, по принятымъ мѣрамъ, обнимая зло, давно уже гнѣздившееся, во всемъ его пространствѣ, во всѣхъ его видахъ, истребитъ, какъ Я уповаю, самый его корень, очиститъ Русь Святую отъ сей заразы, извнѣ къ Намъ нанесенной, смоетъ постыдное и для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины, проведетъ навсегда рѣзкую и неизгладимую черту раздѣленія между любовію къ Отечеству и страстію къ безначалію, между желаніями лучшаго и бѣшенствомъ превращеній, покажетъ, наконецъ, всему свѣту, что Россійскій народъ, всегда вѣрный своему Государю и законамъ, въ коренномъ его составѣ также неприступенъ тайному злу безначалія, какъ недосягаемъ усиліямъ враговъ явныхъ, покажетъ и дастъ примѣръ, какъ истреблять сіе зло, и доказательство, что оно не вездѣ неизцѣльно.

Всѣхъ сихъ благотворныхъ послѣдствій Мы имѣемъ право ожидать и надѣяться отъ единодушной приверженности къ Намъ и Престолу Нашему всѣхъ состояній.—Въ семъ самомъ горестномъ происшествіи Мы съ удовольствіемъ и признательностію зрѣли, отъ обывателей Столицы любовь и усердіе, отъ войскъ готовность и стремленіе по первому знаку Государя своего карать непокорныхъ, отъ Начальниковъ ихъ преданность непоколебимую, на высокомъ чувствѣ, чести и любви къ Намъ утвержденную.

Посреди ихъ отличался Графъ Милорадовичъ. Храбрый воинъ, прозорливый

Полководецъ, любимый Начальникъ, страшный въ войнѣ, кроткій въ мирѣ, Градоправитель правдивый, ревностный исполнитель Царскія воли, вѣрный сынъ Церкви и Отечества, онъ палъ отъ руки недостойной, не на полѣ брани, но палъ жертвою того же пламеннаго усердія, коимъ всегда горѣлъ; палъ исполняя свой долгъ, и память его въ лѣтописяхъ Отечества пребудетъ всегда незабвенна.

Данъ въ Санктпетербургѣ въ 19-й день Декабря мѣсяца, въ 1825-е лѣто отъ Рождества Христова. Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Николай.

Русскій Инвалидъ.

(29 декабря. № 305).

Подробное описаніе происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14 декабря 1825 года.

Декабря 14 поутру Государь Императоръ извѣщенъ былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, что нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи отказались отъ должной Его Императорскому Величеству присяги и, завлеченные буйствомъ своихъ капитановъ, овладѣли знаменами, принесенными къ полку для присяги, и изранили своего бригаднаго командира генералъ-майора Шеншина и полковаго командира генералъ-майора Фридрихса; что толпа сія въ величайшемъ неистовствѣ взяла направленіе къ Исаакіевской площади, увлекая много встрѣчающихся ей офицеровъ, но что другая часть полка осталась покорною и въ порядкѣ.

Государь Императоръ, давъ повелѣніе генералъ-майору Нейдгарту велѣть лейбъ-гвардіи Семеновскому полку немедленно унять бунтующихъ, а конной гвардіи быть готовой по востребованію, самъ изволилъ сойти на дворцовую главную гауптвахту, гдѣ караулъ былъ отъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и приказалъ зарядить ружья и занять главныя дворцовыя ворота. Между тѣмъ доходили до Государя Императора свѣдѣнія, что бунтовавшія роты Московскаго полка были 5-я и 6-я, что онѣ уже вышли на площадь противъ сената и что при нихъ находится толпа разныхъ людей въ самомъ буйственномъ видѣ. Государь Императоръ изволилъ приказать тогда же первому баталіону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка немедленно придти къ Его Величеству на дворцовую площадь, что имъ и исполнено въ неимовѣрной скорости. Въ то же время прибылъ къ Государю Императору военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ съ извѣстіемъ, что толпа произноситъ крикъ и восклицанія: ура, Константинъ! и что онъ полагаетъ, что сіе есть только предлогъ къ самымъ пагубнымъ намѣреніямъ, для которыхъ нужно безотлагательно взять строжайшія мѣры. Тогда послано было отъ Его Величества повелѣніе прибыть тремъ ротамъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, свободнымъ отъ караула и лейбъ-гвардіи Саперному батальону, которому занять Зимній Дворецъ, а 3-му батальону лейбъ-гвардіи Преображенскому полку и Кавалергардскому полку прибыть немедленно къ Его Величеству; между тѣмъ, самъ Государь Императоръ съ первымъ батальономъ Преображенскаго полка пошелъ на встрѣчу бунтующимъ, дабы предупредить всякое покушеніе на дворецъ, въ коемъ изволили находиться Ихъ Императорскія Величества Государыни Императрицы и прочіе члены Императорской Фамиліи.

Прибывъ на площадь противъ дома княгини Лобановой, Государь Императоръ услышалъ выстрѣлы и тогда же донесено Его Императорскому Величеству, что военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ смертельно раненъ бунтующими, въ то же время прибылъ къ Государю Императору лейбъ-гвардіи Конный полкъ, а вслѣдъ за нимъ три роты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; вскорѣ потомъ Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ привелъ батальонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Сей батальонъ съ большимъ усердіемъ просилъ позволенія смыть кровью бунтующихъ срамъ и безчестіе мундиру своему нанесенное; но Государь Императоръ, не желая проливать крови, предпочелъ мѣры кротости и увѣщанія. Но когда ни увѣщанія Его Величества, ни присутствіе митрополита, ни угрозы не могли склонить мятежниковъ къ добровольной сдачѣ, когда напротивъ того буйство ихъ примѣтно возрастало, къ шайкѣ прибыли разныя толпы лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка солдатъ съ тремя офицерами и знаменами онаго и тогда же началась стрѣльба изъ среды шайки, то Его Величество изволилъ рѣшиться прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости тѣмъ необходимѣйшимъ, что чернь, подкупаемая деньгами и подносимымъ виномъ, начинала болѣе и болѣе приставать къ бунтующимъ.

Вслѣдствіе сего приняты были Государемъ Императоромъ слѣдующія мѣры: приказавъ лейбъ-гвардіи Преображенскому полку занять площадь спиною къ Адмиралтейству, лейбъ-гвардіи Семеновскому—улицу, ведущую къ манежу Конно-гвардейскаго полка и переулокъ отъ Галерной къ провіантскимъ магазинамъ, лейбъ-гвардіи же Измайловскому и Егерскому полкамъ стать въ резервъ, а Финляндскому одному

батальону занять Исаакіевскій мостъ, Его Величество изволилъ повелѣть артиллеріи 1-й Артиллерійской бригады быть готовой къ дѣйствію; Павловскаго же полка три роты заняли Галерную улицу. Прежде, однакожъ, не было приступлено къ послѣднимъ мѣрамъ строгости, Государь Императоръ изволилъ повелѣть лейбъ-гвардіи Конному и Кавалергардскому полкамъ сдѣлать покушеніе устрашить бунтовщиковъ атакою, весьма трудною, впрочемъ, по тѣсному мѣсту и выгодному расположенію мятежной шайки, усиленной уже большею частью батальона Гвардейскаго Экипажа; но и сія мѣра не имѣла желаннаго успѣха. Мятежники стояли твердо и, пользуясь выгодою своего мѣста, продолжали неистовство. За симъ Его Величество съ душевнымъ прискорбіемъ приказалъ вывесть противъ мятежной толпы 4 орудія и зарядить оныя картечью, послалъ въ послѣдній разъ объявить имъ, чтобы они предались милосердію Государя Императора, но, получивъ рѣшительный отказъ, повелѣлъ начать стрѣльбу изъ орудій; по второму выстрѣлу вся шайка разсыпалась и была преслѣдована лейбъ-гвардіи Кавалергардскимъ и Коннымъ полками на Васильевскій Островъ вдоль по Англійской набережной и Галерной улицѣ, дабы отрѣзать бѣгущихъ; тогда же захвачено до 500 человѣкъ, а прочіе разсыпались въ разныя стороны по домамъ и по Невѣ.

Когда же совершенно смерклось, то, дабы отнять всякій способъ злонамѣреннымъ возобновить свои покушенія во время ночи, Его Величество изволилъ повелѣть оставить войска на ночь подъ ружьемъ. Вслѣдствіе сего дворцовая площадь занята была лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, лейбъ-гвардіи Саперным батальономъ, двумя ротами 1-го батальона лейбъ-гвардіи Егерскаго полка при 10-ти орудіяхъ при 1-й и 2-й батарейныхъ ротъ и тремя эскадронами Кавалергардскаго полка; въ Большой Милліонной, у моста на Мойкѣ, поставлена была рота лейбъ-гвардіи Егерскаго полка при двухъ орудіяхъ, а другая при 4-хъ орудіяхъ у моста Эрмитажнаго театра; лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 1-й батальонъ и эскадронъ Кавалергардовъ съ 4-мя орудіями поставлены на углу Зимняго Дворца по набережной и противъ Адмиралтейства; 2-й батальонъ лейбъ-гвардіи занималъ Адмиралтейскую площадь; на Исаакіевской площади подъ командою генералъ-адъютанта Васильчикова оставленъ батальонъ Семеновскій, Московскій, 2-й батальонъ Измайловскаго, 4 конныхъ орудія и 4 эскадрона лейбъ-гвардіи Коннаго полка; на Васильевскомъ островѣ подъ командою генералъ-адъютанта Бенкендорфа 2 эскадрона лейбъ-гвардіи Коннаго полка, конно-піонерный дивизіонъ, батальонъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и 4 орудія конной артиллеріи. Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ наряженъ былъ для разъѣзда по прочимъ улицамъ города; сими мѣрами установлена совершенная тишина и забрано въ продолженіе ночи до 150 человѣкъ; многіе изъ зачинщиковъ частью взяты, частью же сами явились добровольно. Еще въ продолженіе вечера большая часть гвардейскаго морского экипажа воротилась добровольно въ свои казармы, гдѣ съ искреннимъ раскаяніемъ и въ страхѣ отъ пагубнаго своего изступленія просила пощады и помилованія. Его Императорское Высочество великій князь Михаилъ Павловичъ личными убѣжденіями своими довершилъ то, къ чему собственное ихъ раскаяніе уже приготовило; всѣ единогласно предались милосердію Государя, съ покорностью ожидая своей участи; сему же послѣдовала и большая часть людей лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Къ чести мундира послѣ сихъ постыдныхъ происшествій произошли и примѣры отличнаго исполненія своихъ обязанностей; караулъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, стоявшій въ сенатѣ подъ командою подпоручика Насакина 1-го, во все время стоялъ подъ ружьемъ и, несмотря ни на угрозы, ни на просьбы мятежниковъ, остался твердъ въ своей обязанности; то же самое исполнилъ и унтеръ-офицерскій караулъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, стоявшій въ московскихъ казармахъ.

На другой день по утру порядокъ былъ совершенно возстановленъ. Государь Императоръ, лично объѣхавъ всѣ войска и поблагодаривъ ихъ за усердіе, вѣрность и отличный порядокъ въ столь горестномъ и неожиданномъ случаѣ, повелѣлъ ихъ распустить. Войска, за городомъ расположенныя, коимъ приказано было подойти къ столицѣ, возвращены на свои квартиры, кромѣ полковъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго, приведеннаго въ городъ для разъѣздовъ, и по два эскадрона отъ полковъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго и Уланскаго, оставленныхъ близъ города для перехваченія бѣглыхъ мятежниковъ. Его Императорское Величество, слѣдуя внушенію сердца своего и по совершенномъ удостовѣреніи въ истинномъ раскаяніи Гвардейскаго Экипажа, дозволилъ оному предстать предъ Его Величество и, удостовѣрясь лично, что однимъ обманомъ могъ онъ завлеченъ быть въ подобное неистовство, удостоилъ ихъ всемилостивѣйшаго прощенія и, возвративъ имъ дарованное блаженной памяти Государемъ Императоромъ знамя, велѣлъ оное вновь освятить и батальону учинить присягу, что исполнено въ раскаяніи, съ восторгомъ и видимымъ усердіемъ. Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка двѣ роты съ отличною исправностью содержали караулъ 14 декабря въ Петропавловской крѣпости, сего же полка рота Его Величества съ капитаномъ своимъ не хотѣвшая согласиться на буйство прочихъ, приведена была симъ капитаномъ къ Его Императорскому Величеству и потому въ знакъ милости дозволено оной пристроиться къ занимающему зимній дворецъ лейбъ-гвардіи Саперному батальону; 15-го же числа по утру донесено Его Величеству Его Императорскимъ Высочествомъ Ми-

ханломъ Павловичемъ, что и остальная большая часть нижнихъ чиновъ сего полка, обманомъ увлеченная, также въ истинномъ раскаяніи проситъ помилованія. Его Императорское Величество, желая и здѣсь оказать милосердіе искренно кающимся, возвратилъ и сему полку знамена, у нихъ взятыя, приказавъ освятить оныя вновь и полкъ привелъ къ присягѣ. Все сіе исполнено съ отличнымъ усердіемъ. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, равномѣрно лишившійся знаменъ, но заслужившій помилованіе по вѣрности и усердію большей его части, равномѣрно всемилостивѣйше прощенъ и знамена его вновь также освящены.

По продолжающимся подробнымъ достовѣрнымъ допросамъ явно изобличены зачинщики сего неслыханнаго предпріятія: въ чинѣ подпоручика Кондратій Рылѣевъ; дворянинъ Орестъ Сомовъ; бывшій вице-губернаторъ статскій совѣтникъ Іосифъ Горскій; оставной поручикъ Каховскій; лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитаны: князь Щепинъ-Ростовскій и Бестужевъ; адъютантъ Его Королевскаго Высочества герцога Александра Виртембергскаго Бестужевъ; лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ Сутговъ и поручикъ Пановъ; адъютантъ командующаго гвардейскою пѣхотою генералъ-лейтенанта Бистрома, поручикъ князь Оболенскій; дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса полковникъ князь Трубецкой; гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Корниловичъ; флота капитанъ-лейтенантъ Бестужевъ; адъютантъ адмирала Моллера Бестужевъ же; лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ князь Одоевскій; коллежскіе ассесоры: Пущинъ (и) Вильгельмъ Кюхельбекеръ; лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ; всѣ они уже взяты и содержатся подъ арестомъ, кромѣ Кюхельбекера, который, вѣроятно, погибъ во время дѣла. Кромѣ сихъ главныхъ зачинщиковъ, арестованы, состоящіе подъ сильнымъ сомнѣніемъ: Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Якубовичъ; добровольно явившійся 12-го Егерскаго полка полковникъ Булатовъ, гвардейскаго экипажа лейтенанты: Арбузовъ, Вишневскій, Кюхельбекеръ, Миллеръ и Бодиско; лейбъ-гвардіи Конно-Піонернаго Эскадрона капитанъ Пущинъ; лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручики: Малютинъ, Фокъ, Кожевниковъ и князь Вадбольскій.

Подлинное подписалъ
Генералъ-адъютантъ Потаповъ.

21 декабря 1825 г. С.-Петербургъ.

1826 годъ

Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости.

(7-го января. № 5).

Прибавленіе къ подробному описанію происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14-го декабря 1825 года.

Происшествія 14-го декабря обнаружили ужасный заговоръ. Люди, недостойные имени Россіянъ, составили его въ мракѣ. Они умышляли умерщвленіе Императорской фамиліи, безначаліе, разграбленіе имуществъ, убіеніе всѣхъ мирныхъ гражданъ. Такія безумныя предпріятія никогда не могли совершиться во всей своей обширности; но самое покушеніе привесть ихъ въ дѣйствіе уже имѣло-бы слѣдствіемъ величайшія несчастія. Никогда строгость не могла быть необходимѣе, никогда общественная польза не требовала мѣръ столь рѣшительныхъ и быстрыхъ, какъ въ сихъ важныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ. Для сего Государь Императоръ еще въ первые дни учредилъ слѣдственную Коммиссію, въ которую соизволилъ назначить Членами: Его Высочество Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Министра Военныхъ Дѣлъ А. И. Татищева (Президентъ), Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя А. Н. Голицына, Генералъ-Адъютантовъ: П. В. Голенищева-Кутузова (Санктпетербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора), Бенкендорфа, Левашева и Потапова (Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества). Сія Коммиссія неутомимо занимается симъ Государственнытъ дѣломъ. Между тѣмъ Правительство съ величайшею дѣятельностью исполняло долгъ свой во всемъ своемъ пространствѣ. Показанія заговорщиковъ, явно обличенныхъ, и открытіе общества, которое нѣсколько лѣтъ уже приготовляло переворотный взрывъ, поставили оное въ горестную необходимость прибѣгнуть къ многочисленнымъ арестованіямъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Государственное благо не дозволяетъ медлить: надлежало усугубить розысканія и открыть самый корень заговора, дабы схватить всѣ его нити. Правительство имѣетъ теперь утѣшительную надежду поставить конецъ мѣрамъ, кои должно было принять по сему случаю, ему извѣстны теперь всѣ тайны ненавистной и гнусной шайки, всѣ злодѣйскіе умыслы заговорщиковъ; оно обнародуетъ ихъ, какъ скоро слѣдствіе будетъ окончено.

Въ числѣ допрошенныхъ, благодаря Бога, нашлось нѣсколько невинныхъ, которые ту же минуту освобождены; другіе, по молодости и дѣтской неопытности, дозволили уловить себя въ сіи коварныя сѣти, не зная ни цѣли, ни гибельныхъ послѣдствій своей неосторожности. Теперь съ мучительнѣйшими угрызеніями совѣсти видятъ они бездну, на край которой завлечены были. Нашлись и такіе, которые хотя не принадлежали къ сей злодѣйской шайкѣ, но знали, не открыли ихъ преступныхъ умысловъ, и тѣмъ сдѣлались сами причастны ихъ преступленію. Касательно главныхъ зачинщиковъ и заговорщиковъ, примѣрная казнь будетъ имъ справедливымъ возмездіемъ за нарушеніе общественнаго спокойствія.

Русскій Инвалидъ.

(8 января. № 6.)

Въ № 5 „Русскаго Инвалида", на страницѣ 20-й, въ строкахъ 19-й, 20 и 21 надобно читать: примѣрное наказаніе, коего требуютъ справедливость, польза Государства и общее мнѣніе людей благомыслящихъ.

Русскій Инвалидъ.

(10-го января. № 8).

Приказъ
Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.
Въ Санктпетербургѣ. Января 8 дня 1826 года. № 2.

Черниговскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, по сдѣланнымъ открытіямъ и по показаніямъ соучастниковъ, оказался однимъ изъ главныхъ злоумышленниковъ, стремящихся къ общему безпокойствію и разрушенію благосостоянія Государства, имѣющихъ уже прежде за нѣсколько лѣтъ самыя злодѣйскія намѣренія противъ Правительства и самой жизни, Блаженной Памяти, покойнаго Государя Императора Александра Павловича. Въ то самое время, какъ по открытіи сего преступленія приступлено было къ арестованію Подполковника Муравьева-Апостола, онъ нанесъ нѣсколько ранъ Полковому своему Командиру подполковнику Гебелю, и успѣлъ возмутить часть Черниговскаго пѣхотнаго полка, подъ тѣмъ же ложнымъ предлогомъ сохраненія вѣрности, прежде данной, присяги Его Императорскому Высочеству Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу. Онъ арестовалъ посланныхъ за нимъ фельдъегера и жандармовъ, ограбилъ полковую казну, освободилъ закованныхъ каторжныхъ колодниковъ, содержавшихся въ Васильковской городовой тюрьмѣ и предалъ городъ неистовству нижнихъ чиновъ. Три роты подъ командою маіора Трухина остались вѣрными законному своему Государю и ушли отъ мятежниковъ; а полковой Адъютантъ Поручикъ Павловъ спасъ полковую печать и бумаги.—Главнокомандующій 1-ю Арміею предписалъ ближайшему Корпусному Командиру, Генералу отъ Инфантеріи Князю Щербатову, отправиться самому съ нужнымъ числомъ войскъ для уничтоженія сей шайки злоумышленниковъ и для возстановленія прежняго порядка въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, употребляя къ тому мѣры должной строгости и не щадя бунтовщиковъ. Хотя можно было надѣяться, что сими мѣрами совершенно прекратятся послѣдствія сего преступленія, но для избѣжанія и малѣйшаго опасенія, если бы сверхъ ожиданія преступники могли скрыться отъ преслѣдованія Генерала Князя Щербатова,—Его Императорское Величество препоручилъ Его Высочеству Цесаревичу принять на сіе время подъ Начальство Свое войско 3-го пѣхотнаго Корпуса, для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго наказанія мятежниковъ.

Государь Императоръ, принявъ за правило дѣйствовать со всею откровенностью предъ войсками, коихъ вѣрность и непоколебимость къ законной власти испыталъ при самомъ вступленіи Своемъ на Престолъ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, объявить имъ о всемъ выше изъясненномъ, дабы, предавъ ихъ презрѣнію имя преступника Муравьева-Апостола, сдѣлать извѣстнымъ имена Подполковника Гебеля, Маіора Трухина и Поручика Павлова, заслуживающихъ непоколебимымъ усердіемъ своимъ уваженіе храбрыхъ и вѣрныхъ Россійскихъ войскъ..

При самомъ утвержденіи сего Приказа, получено донесеніе отъ Главнокомандующаго 1-ю Арміею, съ рапортомъ отъ Командира 3-го пѣхотнаго Корпуса Генералъ-Лейтенанта Рота, къ Генералъ-Адъютанту Князю Щербатову, въ копіи при семъ приложенной, что возмущеніе Черниговскаго полка совершенно прекращено.

Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба
Баронъ Дибичъ.

Копія съ рапорта, полученнаго 5-го сего Генваря по полудни въ 8-мь часовъ Командиромъ 4-го пѣхотнаго Корпуса, Генералъ-Адъютантомъ Княземъ Щербатовымъ отъ Командира 3-го пѣхотнаго Корпуса Генералъ-Лейтенанта Рота отъ 3-го Генваря изъ мѣстечка Фастова, за № 13-мъ.

Узнавъ по прибытіи моемъ вчерась на ночь въ деревню Мохначку, что Подпол-

ковникъ Муравьевъ съ мятежниками, по полученнымъ извѣстіямъ о моемъ движеніи, оставилъ намѣреніе идти чрезъ Фастовъ въ Брусиловъ, перемѣнивъ свое направленіе, шелъ къ Бѣлой Церкви, въ надеждѣ успѣть овладѣть у Графини Браницкой значительной суммой, я сего числа въ 3 часа по полуночи выступилъ съ Кавалеріею и Конною Артиллеріею, давъ направленіе Генералъ-Маіору Гейсмару съ двумя орудіями и 3-мя эскадронами къ деревнѣ Устимовкѣ;—я же съ 5-ю эскадронами и 6-ю орудіями шелъ чрезъ Фастовъ, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступленіе, направивъ равномѣрно по полуночи 12-ть ротъ пѣхоты съ 4-мя пѣшими орудіями съ Большого Половецкаго на м. Бѣлую Церковь. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ и по приближеніи въ часъ по полудни Генералъ-Маіора Гейсмара къ деревнѣ Устимовкѣ, гдѣ мятежники защищались, но по нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ орудій, положили оружіе. Подполковникъ Муравьевъ раненъ, братъ его застрѣлился, одинъ офицеръ убитъ, кромѣ другихъ раненыхъ и убитыхъ. О чемъ Вашему Сіятельству имѣю честь сдѣлать первое мое донесеніе.

Русскій Инвалидъ.

(12-го января. № 9).

Санктпетербургъ. 10-го января.

Въ одномъ изъ предшедшихъ Номеровъ сихъ „Вѣдомостей“ мы помѣстили извѣстіе о мѣрахъ осторожности, кои по особенному Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества приняты по всѣмъ частямъ управленія, какъ скоро, вслѣдствіе происшествій 14-го минувшаго декабря открылись ковы злодѣевъ, умышлявшихъ на безопасность отечества и Августѣйшаго, по счастію Россіи Царствующаго въ ней Дома.

Новое мятежническое покушеніе, столь-же преступное и безумное, столь-же легко и скоро остановленное дѣйствіемъ законной власти, какъ и то, коего мы были свидѣтелями, служитъ доказательствомъ несомнительнымъ и необходимости предписанныхъ Его Величествомъ сильныхъ мѣръ, и настоящаго намѣренія заговорщиковъ, наконецъ, и всего болѣе той утѣшительной для здравомыслящаго наблюдателя неоспоримой истины, что среди великодушнаго народа Русскаго, среди славныхъ—вѣрностію—Русскихъ войскъ, сіи пагубные замыслы не могутъ никогда имѣть даже и малѣйшаго успѣха.

Всякій удостовѣрится въ томъ, прочитавъ, въ ниже помѣщаемомъ Приказѣ Начальника Главнаго Штаба, описаніе бывшаго въ 3-е сего января уже совершенно прекращеннаго возмущенія части Черниговскаго полка.

Приказъ
Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.
Въ Санктпетербургѣ. Января 9 дня, 1826 г., № 3.

Въ дополненіе приказа моего, отданнаго вчерашній день о возникшемъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку и уже прекращенномъ возмущеніи—объявляю симъ для свѣдѣнія войскъ, вновь полученный Главнокомандующимъ 1-ю Арміею, въ копіи у сего прилагаемый, рапортъ Генералъ-Лейтенанта Рота, заключающій подробное донесеніе о преслѣдованіи и совершенномъ покореніи мятежниковъ.

Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба
Баронъ Дибичъ.

Копія съ рапорта, полученнаго 6-го Января 1826 года въ 10-ть часовъ утра Главнокомандующимъ 1-ю Арміею Генераломъ отъ Инфантеріи Графомъ Сакеномъ, отъ командира 3-го пѣхотнаго Корпуса Генералъ-Лейтенанта Рота отъ 3-го того же Января изъ С. Трилесы за № 16-мъ.

„Спѣшу донести Вашему Сіятельству чрезъ нарочнаго, что послѣ выступленія моего изъ мѣстечка Поволоча по двухдневномъ преслѣдованіи возмутителя Подполковника Муравьева-Апостола, имѣвшаго при себѣ шесть ротъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, я успѣлъ окружить его съ трехъ сторонъ.—Средній отрядъ настигъ мятежниковъ на Устиновской Высотѣ близъ деревни Полосовъ (Васильковскаго уѣзда), гдѣ Муравьевъ-Апостолъ, увидя приближеніе нашихъ войскъ, построилъ мятежниковъ своихъ въ каре, и взявъ на руку, пошелъ прямо на орудія. Каре сей, бывъ принятъ картечнымъ огнемъ, разстроился.—Тогда Кавалерія сдѣлала атаку, всѣ мятежники бросили оружіе и до семисотъ человѣкъ, нижнихъ чиновъ сдались, равно какъ и самъ Подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, который весьма тяжело раненъ картечью и сабельнымъ ударомъ въ голову, Штабсъ-Капитанъ баронъ Соловьевъ, поручикъ Быстрицкій, Полтавскаго пѣхотнаго полка Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ и братъ Муравьева-Апостола отставной подполковникъ; убиты же Поручики: Кузьминъ, Щипила и свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Прапорщикъ Муравьевъ-Апостолъ (также братъ подполковника); кромѣ сего ранено и убито нѣсколько нижнихъ чиновъ.—Со стороны нашей нѣтъ ни ране-

ныхъ, ни убитыхъ. Донося о семъ Вашему Сіятельству, имѣю честь испрашивать разрѣшенія, какъ поступать со взятыми и обезоруженными мятежниками, которые завтрашняго числа по приказанію моему будутъ отправлены за конвоемъ въ Дивизіонную квартиру 9-й пѣхотной дивизіи, мѣстечко Бѣлую Церковь, гдѣ они будутъ приведены къ присягѣ на вѣрное подданство Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, и содержаны подъ присмотромъ. Дѣлая Вашему Сіятельству мое донесеніе, что мятежъ совершенно прекращенъ, я считаю долгомъ присовокупить, что войска, употребленныя для усмиренія онаго, оказали величайшее усердіе и похвальнѣйшій духъ. Нижніе чины, бывшіе съ Муравьевымъ-Апостоломъ, вообще не защищались, и видно, что они только обманомъ были завлечены къ буйству. 1-я же Гренадерская рота Черниговскаго пѣхотнаго полка не только не послѣдовала ихъ примѣру, но еще отстранилась отъ нихъ и примкнула ко мнѣ, что я отношу отличной твердости и достоинствамъ Капитана оной Козлова. О семъ происшествіи донесено мною всеподданнѣйше Его Императорскому Величеству сего числа за № 17-мъ".

Произведенное Муравьевымъ-Апостоломъ возмущеніе показало въ другой части Государства, что намѣренія заговорщиковъ повсюду одинаковы, что вездѣ ихъ средствомъ — убійства, цѣлію — безначаліе, грабежи и кровопролитія; оно показало также, что повсюду за исключеніемъ весьма немногихъ, ослѣпленныхъ или обманутыхъ наши войска единодушны въ преданности къ Власти законной, въ пламенномъ усердіи къ Государю, что Военачальники и всѣ высшіе и нижніе чины исполняютъ долгъ свой, долгъ вѣрности, охраненія общественной безопасности, съ одинаковымъ рвеніемъ и неустрашимостью.

Взирая на сіе, кто изъ Русскихъ не повторитъ, съ чувствомъ безпредѣльной довѣренности къ Небу, тѣхъ достопамятныхъ словъ Высочайшаго Манифеста, въ коихъ Государь Императоръ, указуя на происшествія, мгновенно омрачившія день Его торжественнаго Воцаренія, именуетъ оныя откровеніемъ тайныхъ путей Провидѣнія, творящаго добро изъ самаго зла, Имъ караемаго.

Высочайше учрежденный тайный Комитетъ по волѣ Его Императорскаго Величества объявляетъ, что дворянинъ Сомовъ, взятый по подозрѣнію въ участіи съ злоумышленниками, изъ коихъ со многими онъ былъ въ короткой связи, по изысканіи Комитета оказался не только совершенно непричастнымъ къ заговору, имѣвшему цѣлію разрушить настоящій образъ Государственнаго Правленія въ Россіи, но и на Петровской площади во время возмущенія 14-го декабря совсѣмъ не былъ.

Русскій Инвалидъ.

(27-го января. № 22).

Приказъ
Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.
Въ Санктпетербургѣ. Января 20-го дня 1826 года. № 7.

Черниговскаго пѣхотнаго полка первая Гренадерская рота, подъ начальствомъ Капитана, что нынѣ Маіоръ, Козлова, при возникшемъ въ семъ полку мятежѣ, сохранила непоколебимую вѣрность къ Престолу, и, удаляясь отъ злоумышленниковъ, явилась къ настоящему начальству, гдѣ съ ревностію способствовала въ покореніи мятежниковъ. Государь Императоръ, во вниманіи къ таковой вѣрности и отличному усердію, Высочайше повелѣть соизволилъ, всѣхъ чиновъ оной роты перевесть въ полки Лейбъ-Гвардіи.

О сей Монаршей волѣ объявляю по всей Арміи.
Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба
Баронъ Дибичъ.

Русскій Инвалидъ.

(29 января. № 24).

Слѣдственная коммиссія учрежденная по особому повелѣнію Его Императорскаго Величества вскорѣ послѣ происшествій 14-го минувшаго Декабря, продолжаетъ дѣйствовать въ кругу съ величайшею точностію ей предначертанномъ, и уже успѣла собрать многія достовѣрныя свѣдѣнія, объясняющія начало, ходъ и образованіе разныхъ тайныхъ обществъ, коихъ руководители въ замыслахъ своихъ, по счастію невозможныхъ въ исполненіи, готовились изумить Россію злодѣйствами и ввергнуть въ бездну мятежей и бѣдствія. Представляемъ здѣсь въ краткомъ извлеченіи и лишь предварительно сіи свѣдѣнія, почерпнутыя изъ допросовъ и признаній самихъ виновныхъ.

Таковы были преступныя намѣренія управлявшихъ сими сообществами, что число людей, способныхъ принять въ оныхъ участіе, долженствовало быть весьма невелико,

и сіе, къ чести имени Русскаго, къ утѣшенію всѣхъ добрыхъ гражданъ, совершенно доказано производящимся слѣдствіемъ. Обстоятельства, о коихъ мы упомянемъ ниже, доказываютъ также, что въ семъ случаѣ, безумство едва-ли не равнялось гнусности умысла и что было бы легко заранѣе предсказать неуспѣхъ онаго, узнавъ до какой степени простиралось разномысліе между заговорщиками, какъ ихъ предположенія противорѣчили одно другому, какъ безпрестанно измѣняя ихъ, они часто въ недоумѣніи, казалось, сами ужасались своихъ желаній и останавливали всякое дѣйствіе, и, наконецъ, что всего замѣчательнѣе и важнѣе, какъ тщетны были ихъ усилія, чтобы собрать значительнѣйшее число сообщниковъ или распространить вредныя правила свои въ народѣ.

Первая мысль о составленіи сего заговора родилась въ распаленномъ воображеніи нѣсколькихъ молодыхъ людей, обольщенныхъ пагубнымъ примѣромъ мятежниковъ, кои посреди революцій, въ послѣднія тридцать лѣтъ, потрясавшихъ Европу, ознаменовали бытіе свое кратковременными успѣхами: сіи жалкіе подражатели извергов, въ стремленіи своемъ къ перемѣнамъ и разрушенію, уклоняясь отъ пути указуемаго намъ преданіями добродѣтельныхъ предковъ, истинныхъ сыновъ Россіи, забывая долгъ свой къ Государю и отечеству, забывая данныя ими клятвы и самыя выгоды своего положенія въ обществѣ, слѣпо предались мечтательной надеждѣ быть преобразователями Россіи и предприняли готовить къ сему средства.

Изъ показаній ихъ явствуетъ:

1-е) что для сего въ концѣ 1815-го года они предположили, а въ началѣ 1816-го уже начали заводить тайное общество, которое составлялось изъ многихъ отдѣленій и коего цѣль была двоякая. Одна, всѣмъ объявляемая: благотвореніе, другая настоящая, но извѣстная лишь небольшому числу членовъ: измѣненіе Государственныхъ установленій въ Россіи;

2-е)—что члены, знавшіе истинную цѣль сообщества, еще въ 1817-мъ году, въ то самое время, когда въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ съ Августѣйшимъ Семействомъ Своимъ посѣтилъ Москву Имъ освобожденную и Его щедротами подъятую изъ пепла, разсуждали о средствахъ умертвить Государя. Жизнь Сего обожаемаго подданными Монарха они считали непреоборимымъ препятствіемъ въ исполненіи своихъ намѣреній, и одинъ изъ нихъ, не дожидая жребья, долженствовавшаго назначить убійцу, самъ вызвался на злодѣйство. Но, устрашенные ли въ сію минуту воплемъ совѣсти, еще не совсѣмъ въ нихъ умолкшей, или думая, что имъ должно прежде изготовить способы ко всеобщему испроверженію, они вдругъ рѣшились отложить замышляемое ужасное убійство до другого времени;

3-е) что въ 1818-мъ году, находя, что ихъ сообщество не довольно быстро распространяется, они собрались опять въ Москвѣ и дали оному новое образованіе, съ именемъ **Союза благоденствія** или **Зеленой книжки**. Цѣль по прежнему была двоякая: всѣ чины, сверхъ дѣлъ благотворительности, обязывались способствовать успѣхамъ просвѣщенія и улучшенію нравовъ; намѣреніе испровергнуть Государственныя постановленія въ Россіи оставалось тайною Начальниковъ; они старались, приготовлять къ тому умы, умножая число своихъ сообщниковъ и мало-по-малу-открывая имъ свои мнѣнія и виды;

4-е) что въ 1821-мъ году, на третьемъ общемъ собраніи Депутатовъ всѣхъ отдѣленій въ Москвѣ, они принуждены были признать худой успѣхъ своего предпріятія, вовсе несоотвѣтствовавшій ихъ ожиданіямъ; отъ того произошли разномыслія, пренія, и, наконецъ, Начальники, удостовѣрясь, что большая часть членовъ не одобряютъ ихъ политическихъ замысловъ, чтобы удалить сихъ членовъ, сдѣлали предложеніе, на которые согласились всѣ, одни искренно, другіе притворно, уничтожить **союзъ**. Съ тѣхъ поръ многіе навсегда отказались отъ всякихъ сношеній съ остатками бывшаго общества;

5-е) но что изъ сихъ остатковъ злоумышленники составили новыя сообщества, въ коихъ вступающіе были избираемы съ чрезвычайными предосторожностями; взаимныя сношенія оныхъ были покрыты глубочайшею тайною;

6-е) что около того времени учредились два общества, почитаемыя главными, **Сѣверное** и **Южное**. Они имѣли свои Директоріи или Думы, первое въ Петербургѣ, другое въ Тульчинѣ; отъ нихъ зависѣло нѣсколько отдѣленій подъ названіемъ **Управъ** или **Округовъ**, вскорѣ потомъ возникло третье общество: **Соединенныхъ Славянъ**; съ нимъ были въ тѣсной связи два Члена **Южнаго**;

7-е) что вслѣдъ затѣмъ Начальниками всѣхъ сихъ обществъ составленъ планъ для испроверженія существующаго порядка посредствомъ вооруженной силы; для того они старались присоединять къ себѣ военнослужащихъ, и въ особенности ротныхъ и полковыхъ Командировъ;

8-е) что во всѣхъ вышеозначенныхъ обществахъ, первенствовавшіе члены, и каждый лишь по видамъ своего личнаго честолюбія, дѣлали разныя предположенія для будущаго образованія Государства; одни предлагали вручить верховную власть Совѣту, составленному изъ трехъ правителей, надѣясь быть въ числѣ оныхъ; другіе хотѣли раздробить Россію на нѣсколько независимыхъ, но соединенныхъ общимъ союзомъ частей, подъ названіемъ **Держава**, чтобы быть главами въ сихъ отдѣленныхъ

правленіяхъ; наконецъ, иные думали отторгнуть отъ Имперіи цѣлыя области и объявить ихъ совершенно независимыми или уступить сосѣдственнымъ Государствамъ;

9-е) что посреди сихъ противныхъ мнѣній, внушаемыхъ однимъ слѣпымъ и преступнымъ желаніемъ власти, нѣкоторые изъ предложенныхъ плановъ не утверждены общимъ согласіемъ; но что нѣсколько человѣкъ изъ главныхъ заговорщиковъ снова обратились къ прежнему гнусному умыслу на жизнь покойнаго Императора Александра;

10-е) что въ 1823 году два члена, рѣшась совершить злодѣйскій ударъ, отправились въ Бобруйскъ ожидать проѣзда Государя, и не исполнили ужаснаго намѣренія только за неявкою приглашенныхъ ими на помощь сообщниковъ;

11-е) что въ 1825-мъ году мятежники опять думали приступить къ исполненію онаго, что между ними одинъ, осыпанный благодѣяніями Императора, предложилъ себя въ Его убійцы и долго, съ злобнымъ упорствомъ, противился мнѣнію другихъ не столь нетерпѣливыхъ злоумышленниковъ; тогда въ ихъ скопищѣ было сначало опредѣлено послать въ Таганрогъ извергов, принадлежащихъ къ обществу Соединенныхъ Славянъ, но потомъ однако же сдѣланъ новый планъ, еще отложить сіе злодѣйство до прибытія Его Императорскаго Величества въ Бѣлую Церковь на смотръ въ Маіѣ 1826-го года.

12-е) что другой кровожадный мятежникъ нарочно пріѣхалъ изъ отдаленнаго края въ Санктпетербугъ, въ исходѣ 1825-го года и присоединился къ Сѣверному Обществу, чтобы участвовать въ убіеніи Императора Александра;

13-е) что, когда по неисповѣдимымъ Судьбамъ Божіимъ, смерть естественная, послѣ тяжкой, хотя недолговременной болѣзни, лишила насъ въ Александрѣ Отца и Государя, то злоумышленники рѣшились истребленіемъ всей Императорской Фамиліи подать знакъ къ мятежу, и думали произвести въ одно время возмущеніе въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й Арміи.

Но сіи люди, недостойные имени Русскихъ, обманывали себя, и на счетъ собственныхъ силъ своихъ, кои всегда были ничтожны, и на счетъ возможности замышленныхъ ими бунтовъ. Послѣдствія обоихъ покушеній, какъ членовъ Сѣвернаго Общества въ Петербургѣ 14-го декбря, такъ и Муравьева-Апостола въ Васильковѣ и окрестностяхъ, доказали, что ни въ какомъ сословіи мятежники не могли найти себѣ пособниковъ; ибо тѣ немногіе рядовые воины, кои сначала послѣдовали имъ, и даже нѣкоторые изъ Офицеровъ, были не обольщены, а обмануты, вѣря, что ихъ ведутъ исполнять долгъ, налагаемый присягою: сіи происшествія доказали, что ковы сего рода (если бъ даже оные были и не столь безразсудно составлены), не могутъ имѣть успѣха въ Россіи.

Правительство, какъ мы уже сказали выше, съ радостію удостовѣрилось, что число заговорщиковъ и особенно тѣхъ, кои очернили себя злодѣйствомъ на дѣлѣ или въ намѣреніи, весьма невелико. Ему теперь извѣстны всѣ заведенныя ими тайныя общества, всѣ безумные и преступные ихъ умыслы, всѣ средства, которыя они хотѣли употребить для приведенія ихъ въ дѣйствіе. Исполнивъ первый долгъ свой охраненія безопасности Государства, оно вскорѣ приступитъ къ исполненіе другой, не менѣе священной обязанности: правосудія требуемаго и самымъ человѣколюбіемъ.

Правительство отличитъ съ надлежащею точностію, какъ о томъ было объявлено, разныя степени преступленія допрашиваемыхъ Слѣдственною Коммиссіею. Первые, виновнѣйшіе были основателями или начальниками сихъ тайныхъ обществъ. За ними слѣдуютъ тѣ, кои, зная всѣ, отъ прочихъ сокрываемые, ужасные замыслы, участвовали въ сихъ злодѣйственныхъ намѣреніяхъ; другіе долженствовали только служить орудіемъ для исполненія плана имъ неизвѣстнаго, а нѣкоторые, слѣпо-легковѣрные, такъ же, какъ бывшіе съ ними обманутые рядовые, даже не подозрѣвали, что ихъ вооружаютъ противъ законной власти и порядка.

Разсмотрѣніе извѣтовъ и соображеніе обстоятельствъ, разсказываемыхъ людьми столь несходными между собою, долго затрудняло и замедляло ходъ порученнаго Коммиссіи изслѣдованія; но оно близко къ окончанію. Главные преступники, изверги, покушавшіеся на Цареубійство, возбудители мятежей или обнажавшіе мечъ на Государя и установленныя Имъ начальства, уже уличены; но доселѣ не преданы Суду и достойному наказанію, потому что могутъ еще быть нужны для очныхъ ставокъ съ сообщниками, для того, чтобы допрашивая многихъ, тѣмъ вѣрнѣе въ опредѣленіи мѣры вины каждаго, избѣжать всякой ошибки, особливо такой, которая могла бы въ глазахъ Судіи увеличить важность преступленія, однимъ словомъ, чтобы справедливость окончательнаго приговора не была подвержена ни малѣйшему сомнѣнію. Между тѣмъ, слѣдственная Коммиссія ревностно исполняетъ повелѣніе Государя, донося Его Величеству безъ потери времени, о всѣхъ, кои оказываются взятыми подъ стражу по неосновательнымъ подозрѣніямъ, происшедшимъ отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ, и Его Императорское Величество немедленно возвращаетъ имъ свободу.

Русскій Инвалидъ.

(18-го маія. № 116).

Высочайшій Манифестъ.
Божіею Милостію
Мы Николай Первый
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая
Объявляемъ всенародно.

По донесеніямъ Начальниковъ Губерній дошло до Нашего свѣдѣнія, что въ нѣнѣкорыхъ селеніяхъ казенные и помѣщичьи крестьяне, обманутые ложными слухами и злонамѣренными разглашеніями, отступаютъ отъ должнаго порядка, полагая: первые, то есть, казенные крестьяне, что будутъ освобождены отъ платежа податей, а послѣдніе, то есть помѣщичьи, отъ повиновенія ихъ господамъ.

Сожалѣя о заблужденіи сихъ поселянъ и желая обратить ихъ на путь истинный мѣрами кротости, свойственными Отеческому милосердію Нашему, повелѣваемъ объявить повсемѣстно:

1) что всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ платежа податей, а послѣднихъ, то есть помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей отъ повиновенія ихъ господамъ, суть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія, съ тѣмъ, чтобъ посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться за счетъ крестьянъ, по ихъ простодушію.

2) Всѣ состоянія въ Государствѣ, въ томъ числѣ и поселяне, какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне и дворовые люди, по всей точности должны исполнять всѣ обязанности, законами предписанныя, и безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ.

3) Если и за симъ Нашимъ повелѣніемъ откроется какой-либо безпорядокъ между казенными поселянами, или помѣщичьими крестьянами и дворовыми людьми, по ложнымъ слухамъ о свободѣ отъ платежа податей или отъ законной власти помѣщиковъ, то виновные навлекутъ на себя справедливый Нашъ гнѣвъ, и немедленно будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

4) Подтверждается Начальникамъ Губерній имѣть неослабное наблюденіе, дабы разглашатели подобныхъ слуховъ или толковъ, были безъ промедленія предаваемы суду, для поступленія съ ними также по всей строгости законовъ.

5) А какъ и до Насъ уже прямо доходятъ недѣльныя просьбы поселянъ, писанныя на основаніи вышесказанныхъ слуховъ или толковъ, то для прекращенія сего зла и сохраненія тишины и порядка, Мы повелѣваемъ сочинителей или писателей такихъ просьбъ, яко возмутителей общаго спокойствія, предавать суду и наказанію по всей строгости законовъ.

Правительствующій Сенатъ немедленно учинитъ надлежащее распоряженіе къ опубликованію сего Нашего повелѣнія во всенародное извѣстіе, предписавъ притомъ, чтобъ чтеніе онаго въ Воскресные и праздничные дни по церквамъ, на торгахъ и ярмаркахъ продолжаемо было въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня полученія сего повелѣнія въ губерніяхъ, съ строгимъ сверхъ того подтвержденіемъ Начальникамъ оныхъ, дабы за исполненіемъ, изложенныхъ въ семъ Нашемъ повелѣніи мѣръ имѣли они неослабное наблюденіе, что и возлагаемъ на непосредственную ихъ отвѣтственность въ предупрежденіе всякаго неустройства.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Николай.

Въ Царскомъ Селѣ. 12-го Маія 1826.

Русскій Инвалидъ.

(4 Іюня. № 131).

Высочайшій Манифестъ.
Божіею Милостію
Мы Николай Первый
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Изъ Манифеста Нашего 19 декабря минувшаго года и изъ послѣдовавшихъ всенародныхъ объявленій извѣстно уже всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ существованіе злыхъ умысловъ на испроверженіе Престола, на превращеніе Государственнаго порядка, Отечественныхъ законовъ, всего Россіи священнаго.

Слѣдственной Коммиссіи, для изысканія ихъ учрежденной, поставили Мы въ

обязанность объять дѣло сіе во всемъ его составѣ, дойти до самыхъ сокровенныхъ его корней, обнаружить его начало и расширеніе, всѣ его связи и постепенности, и обнаружить не признаками вѣроятностей или подозрѣній, но доказательствами достовѣрными, очевидными, неопровергаемыми.

Столь точное и столь обширное изысканіе было необходимо. Когда въ самые первые дни Царствованія Нашего, неисповѣдимымъ судьбамъ Вышняго благоугодно было разверзть предъ нами ужасную тайну, за десять лѣтъ прежде составленную и столько времени во мракѣ сокровенную: то былъ перстъ Божій, указующій Намъ путь и средства и обязанность Нашу, обязанность тѣмъ болѣе для Насъ священную, что не во дни Державы Нашей возникло и не намъ лично, но всему Отечеству совокупно грозило сіе бѣдствіе.

Таковы были мысли Наши при учрежденіи Слѣдственной Коммиссіи; таковы были и правила, данныя ей въ руководство. Въ теченіе слишкомъ пяти мѣсяцевъ ежедневно занимаясь ввѣреннымъ ей дѣломъ, трудами по истинѣ неусыпными, сличая и повѣряя каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе, устраняя вѣроятности, отвергая мнимыя подозрѣнія, утверждаясь на единой очевидности, на собственномъ признаніи обвиняемыхъ или на уликахъ ничѣмъ неопровергаемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляя имъ всевозможные способы къ оправданію,—Коммиссія, наконецъ, достигла цѣли, ей предназначенной, и въ окончательномъ донесеніи представила Намъ всю совокупность ея изысканій, съ приложеніемъ въ подлинномъ всѣхъ доказательствъ, на коихъ они утверждаются.

При разсмотрѣніи сего донесенія и приложеній къ оному, представляются въ нихъ два рода обвиненій, очевидно различныхъ: обвиненія тяжкія въ преступленіяхъ Государственныхъ, въ замыслахъ долголѣтнихъ, обдуманныхъ и упорныхъ, постоянно и непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ; и обвиненія въ поступкахъ, коихъ начало состояло въ малодушіи, въ слѣпомъ довѣріи къ другимъ, въ неумѣніи проникнуть въ ихъ тайны или въ кратковременномъ порывѣ страстей, раскаяніемъ сопровождаемомъ, и вообще въ намѣреніяхъ колеблемыхъ, безъ цѣли постоянной опредѣленной, а паче всего безъ участія въ какомъ либо дѣйствіи. Сіи послѣднія обвиненія сами по себѣ подлежатъ дѣйствію мѣръ исправительныхъ; первыя же, хотя въ разныхъ степеняхъ, но всѣ относясь болѣе или менѣе къ самому существу и средоточію злоумышленій, всѣ ровно подлежатъ одному и тому же суду.

Сей Судъ положили Мы составить изъ трехъ Государственныхъ сословій: Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Сvнода, присоединивъ къ онымъ нѣсколько особъ изъ высшихъ Воинскихъ и Гражданскихъ Чиновниковъ. Предсѣдатель и Члены Слѣдственной Коммиссіи не будутъ въ немъ присутствовать.

Таковымъ устройствомъ сего Суда Мы желали не токмо сохранить законную силу прежнихъ примѣровъ, но еще болѣе желали означить, что Мы всегда признавали дѣло сіе дѣломъ всѣхъ истинныхъ Сыновъ Отечества, дѣломъ всей Россіи.

Ввѣряя сему Верховному Уголовному Суду участь обвиняемыхъ, Мы единаго отъ него ожидаемъ и требуемъ: справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой.

По совершеніи Суда и по поднесеніи Намъ доклада, приговоръ онаго со всѣми обстоятельствами будетъ преданъ во всеобщее извѣстіе. Данъ въ Санктпетербургѣ Іюня 1-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1826-е, Царствованія же Нашего первое.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Николай.

Указъ Правительственному Сенату.

Вслѣдствіе Манифеста Нашего, въ сей день состоявшагося, повелѣваемъ:

1) Предсѣдателемъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ быть Дѣйствительному Тайному Совѣтнику 1-го класса Князю Лопухину, а въ случаѣ болѣзни его Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Князю Куракину.

2) Министру Юстиціи исполнять въ семъ Судѣ обязанности по званію Генералъ-Прокурора.

3) Сверхъ членовъ трехъ Государственныхъ Сословій, присутствовать въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ нижеслѣдующимъ чинамъ: Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Головкину, Генералу Графу Ланжерону, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Барону Строганову, Генералъ-Адъютанту Воинову, Инженеръ-Генералу Опперману, Генералъ-Адъютантамъ: Графу де Ламберту, Сенявину, Бороздину, Паскевичу, Генералъ-Адъютанту Эманюелю, Генералъ-Адъютантамъ: Графу Комаровскому, Башуцкому, Закревскому и Бистрому и Сенатору Московскихъ Департаментовъ Тайному Совѣтнику Кушникову.

На подлинномъ написано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Николай.

Въ С.-Петербургѣ. Іюня 1 дня 1826 года.

Приложенie къ Русскому Инвалиду.

(12 Іюня. № 138).

(Печатано въ военной типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Высочайшему повелѣнію).

Донесеніе слѣдственной коммиссіи.

Его Императорскому Величеству
Высочайше учрежденной Коммиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ всеподданнѣйшій докладъ.

Коммиссія, учрежденная указомъ Вашего Императорскаго Величества отъ 17-го Декабря минувшаго года, привела къ окончанію порученное ей изслѣдованіе, и представляетъ на высочайшее усмотрѣніе Ваше, вмѣстѣ съ подробнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, всѣ собранныя ею свѣдѣнія открытыхъ въ Россіи Тайныхъ Обществахъ приличенныхъ въ злоумышленіи, о началѣ оныхъ, ходѣ, измѣненіяхъ, планахъ, мало-по-малу распространявшихся, равно и о степени участія въ сихъ планахъ и предпріятіяхъ, и вообще о поступкахъ и дознанныхъ намѣреніяхъ каждаго изъ членовъ.

Вашему Величеству, при самомъ назначеніи Коммиссіи и почти въ минуту усмиренія бывшаго мятежа, угодно было напомнить, что, слѣдуя побужденіямъ собственнаго сердца и примѣру славныхъ предковъ своихъ, Вы лучше хотите простить десять виновныхъ, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію. Симъ правиломъ мудраго великодушія Коммиссія постоянно руководствовалась въ продолженіе слѣдствія; но съ другой стороны не теряла изъ вида возложенной на нее обязанности стараться, посредствомъ точныхъ изысканій, очистить государство отъ зловредныхъ началъ, обезпечить тишину и порядокъ, успокоить совершенно гражданъ мирныхъ, преданныхъ престолу и закону.

Устремляясь къ сей цѣли, Коммиссія вникала тщательно, но безъ предубѣжденій, во всѣ обстоятельства, кои могли служить къ обнаруженію какой-либо отрасли кова мятежниковъ; при разсмотрѣніи оныхъ и во всякомъ случаѣ, по возможности, отличала минутное ослѣпленіе и слабость отъ упорнаго зломыслія, и основаніемъ своихъ заключеній почти всегда полагала признаніе самихъ подозрѣваемыхъ, или бумаги, ими писанныя; извѣты же сообщниковъ и показанія другихъ свидѣтелей были, по большей части, только пособіями для улики, или для распространенія слѣдствія и соображеній при вопросахъ.

Какъ Вашему Величеству извѣстно, одно изъ таковыхъ показаній, долженствовавшее возбудить особенное вниманіе правительства, получено въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ въ іюнѣ минувшаго года отъ Шервуда, унтеръ-офицера 3-го Бугскаго уланскаго полка. Онъ доносилъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й арміи есть люди, замышляющіе испроверженіе порядка въ государствѣ, и что они принадлежатъ къ Тайному Обществу, которое постепенно умножаетъ число своихъ членовъ. Именуя одного изъ нихъ (Вадковскаго Ѳеодора), Шервудъ просилъ позволенія ѣхать въ Курскъ, для свиданія съ нимъ и другими, коихъ онъ считалъ его сообщниками, надѣясь имѣть чрезъ то вѣрнѣйшія и обстоятельнѣйшія свѣдѣнія. Оныя въ самомъ дѣлѣ доставлены имъ правительству въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, а вскорѣ затѣмъ согласныя и еще подробнѣйшія извѣстія привезены въ Таганрогъ генералъ-лейтенантомъ графомъ Виттомъ, который зналъ о существованіи и цѣли Тайнаго злоумышленнаго Общества, чрезъ агента своего, притворно къ оному присоединившагося. Большая часть сихъ показаній подтверждена полученнымъ 1-го Декабря на имя въ Бозѣ почивающаго Императора письмомъ Майбороды, капитана Вятскаго полка, который самъ былъ членомъ Тайнаго Общества. Вслѣдствіе сего извѣта, начальствомъ 2-й арміи и присланнымъ изъ Таганрога генералъ-адъютантомъ Вашего Величества приняты мѣры осторожности; по указаніямъ Майбороды, взяты подъ стражу многіе изъ подозрѣваемыхъ въ злоумышленіи, отысканы, захвачены нѣкоторыя ихъ бумаги и сдѣланы предварительные допросы. Но между тѣмъ сообщники ихъ въ С.-Петербургѣ, зная ли, что правительству уже извѣстны ихъ намѣренія, или только нетерпѣливо желая приступить къ исполненію оныхъ, предприняли обмануть часть гвардейскихъ полковъ на счетъ присяги Вашему Величеству, чтобы произвести движеніе, коего жители столицы были свидѣтелями 14-го Декабря. Въ тотъ же вечеръ, они почти всѣ были во власти правительства, и показанія ихъ дополнили, объяснили прежнія извѣстія о существованіи заговора.

Съ сего времени начались дѣйствія Коммиссіи. Получаемыя съ каждымъ днемъ новыя свѣдѣнія доказывали необходимость распространенія слѣдствія; Коммиссія, соображаясь въ точности съ правилами, Вашимъ Величествомъ предначертанными, не иначе употребляла данную ей власть и приступала къ розысканіямъ, какъ въ случаяхъ явной надобности. По требованіямъ оной, взяты подъ стражу или призваны къ допросу лишь тѣ, даже изъ членовъ Тайныхъ Обществъ, о коихъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они, или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть, опасны, или что показанія ихъ нужны для

обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ. О многихъ, коихъ имена означены въ особомъ, у сего подносимомъ спискѣ, какъ не совершенно знавшихъ цѣль Тайнаго Общества, къ коему они принадлежали, или удалившихся отъ онаго по чувству вины своей. Коммиссія положила только довести до высочайшаго Вашего свѣдѣнія, предавая судьбу ихъ правосудію и милосердію Вашего Императорскаго Величества. Но всѣ, по вышеизложеннымъ причинамъ, долженствовавшіе обратить на себя вниманіе Коммиссіи, допрошены съ надлежащимъ тщаніемъ и точностію[1]): отвѣты ихъ объяснены сличеніемъ, подтверждены очными ставками, и почти во всѣхъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ цѣли заговора, составу Тайнаго Общества и дѣйствіямъ руководителей онаго, показанія ихъ совершенно согласны[2]).

Изъ оныхъ открывается, что въ 1816 году, нѣсколько молодыхъ людей, возвратясь изъ-за Границы послѣ кампаній 1813, 1814 и 1815 года и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи Тайныхъ Обществахъ съ политическою цѣлію, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное. Первые, сообщившіе другъ другу мысль сію, были Александръ Муравьевъ, нынѣ отставной полковникъ[3]), который сначала полагалъ сіе Тайное Общество вмѣстить въ составъ какой-нибудь Масонской ложи, Никита Муравьевъ (капитанъ), и полковникъ князь Трубецкой. Побужденіемъ ихъ, какъ говоритъ Александръ Муравьевъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на допросъ, была ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая для нихъ самихъ покровомъ безпокойнаго честолюбія; они не чувствовали, какъ нынѣ признаютъ единогласно во всѣхъ показаніяхъ своихъ, что чрезъ предполагаемыя ими средства никакая истинно полезная цѣль не могла быть достигнута[4]); что существованіе такого сообщества было беззаконно и противно нравственности[5]); что слѣдствіемъ онаго, рано или поздно, и можетъ быть даже безъ участія многихъ членовъ, долженствовали быть преступленія, ихъ собственная гибель и вредъ для государства[6]).

На сихъ первыхъ совѣщаніяхъ о заведеніи Общества, были, сверхъ именованныхъ, офицеры прежняго Семеновскаго полка: Якушкинъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы. Они тогда не приступали къ исполненію плановъ своихъ, и только въ Февралѣ слѣдующаго (1817) года, когда капитанъ Никита Муравьевъ, познакомясь съ полковникомъ Пестелемъ, сблизилъ его (какъ онъ говоритъ) съ Александромъ Муравьевымъ, уже имѣвшимъ тѣсную связь съ княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ, учредилось ихъ первое Тайное Общество, подъ названіемъ Союза спасенія, или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества. Уставъ онаго былъ сочиненъ Пестелемъ. Общество раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ[7]). Изъ сей третьей высшей степени, избирались ежемѣсячно старѣйшины: предсѣдатель, блюститель и секретарь; для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ Общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все, что ему откроютъ, если оно будетъ и несогласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи давалъ онъ другую; сверхъ того каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу. Обѣщались стремиться къ цѣли Общества и покоряться рѣшенію верховнаго собора бояръ, хотя сіе наименованіе боярина, какъ показываетъ одинъ князь Трубецкой, долженствовало быть тайною для членовъ нижнихъ степеней. Боярами назвали членовъ коренныхъ, то есть основателей Общества, но возводили или принимали прямо въ сіе званіе и нѣкоторыхъ новыхъ. Въ то время составляли Общество: вышеименованные Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Павель Пестель, князь Сергѣй Трубецкой, князь Ѳедоръ Шаховской, Ѳедоръ Глинка, Новиковъ (бывшій правителемъ канцеляріи Малороссійскаго генералъ-губернатора и потомъ умершій въ отставкѣ), Михайло Лунинъ, и еще три члена, кои потомъ въ разныя времена удалились отъ Общества, прекратили всякія сношенія съ упорнѣйшими изъ бывшихъ товарищей своихъ и тѣмъ заслужили, при милостивомъ прощеніи Вашего Императорскаго Величества, совершенное забвеніе кратковременнаго заблужденія, извиняемаго и отмѣнною ихъ молодостію[8]).

---

[1]) Не допрошенъ Николай Тургеневъ, который былъ требованъ, но не явился изъ-за границы для отвѣта.

[2]) Тѣмъ изъ допрошенныхъ, кои оказались, или непринадлежавшими къ злоумышленнымъ Тайнымъ Обществамъ, или совершенно отставшими отъ оныхъ, немедленно возвращена свобода.

[3]) Съ именами всѣхъ, въ семъ донесеніи упоминаемыхъ, означаются ихъ нынѣшніе чины.

[4]) Слова Александра Муравьева.

[5]) Слова Никиты Муравьева.

[6]) Слова князя Сергѣя Трубецкаго.

[7]) По нѣкоторымъ показаніямъ, былъ еще четвертый родъ членовъ въ семъ Обществѣ, непринятыхъ въ оное, даже иногда и незнавшихъ его существованія, но считаемыхъ почему-либо въ единомысліи съ прочими; ихъ называли друзьями.

[8]) Если не ошибаемся, двое изъ этихъ лицъ были: В. А. Перовскій и Илья Гавриловичъ Бибиковъ. П. Б.

Цѣлію составленія ихъ Общества было, съ самаго начала, измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи: такъ показываютъ Александръ, Сергѣй, Матвѣй, Никита Муравьевы и Пестель [1]); но по чувству слабости своей и дерзости предпріятія, они, какъ утверждаетъ князь Трубецкой, больше говорили о обязанности подвизаться для пользы отечества, способствовать всему полезному, если не содѣйствіемъ, то хотя изъявленіемъ одобренія, стараться пресѣкать злоупотребленія, оглашая предосудительные поступки недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, особенно же стараться усиливать Общество пріобрѣтеніемъ новыхъ надежныхъ членовъ, развѣдавъ прежде о ихъ способностяхъ и нравственныхъ свойствахъ, или даже подвергнувъ ихъ нѣкоторому испытанію. Они тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, не задолго предъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и генералъ-маіору Михаилу Орлову, который въ сіе время думалъ съ Графомъ Мамоновымъ, и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Тургеневымъ, завести другое Общество подъ названіемъ **Русскихъ Рыцарей**. На совѣщаніяхъ между имъ и Александромъ Муравьевымъ, они взаимно приглашали другъ друга въ свое Общество, и не могли согласиться въ правилахъ для соединенія. Генералъ-маіоръ Орловъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить Общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія, и полагалъ испросить на то высочайшаго одобренія; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный Императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ и приписывая сіе вліянію Польскихъ Тайныхъ Обществъ, имѣлъ мысль, посредствомъ своего сообщества, противодѣйствовать онымъ. Планъ его не исполнился, и Общество имъ предполагаемое, не составилось.

Но и то, которое уже было установлено, не могло хвалиться успѣхами. Нѣкоторые члены (въ томъ числѣ Пестель) уѣхали изъ Петербурга; иные находили неопредѣлительность въ цѣли, неудобства въ исполненіи предписаній устава; другіе, особенно изъ тѣхъ, коимъ было только предложено вступить въ союзъ, между прочими Михайло Муравьевъ (братъ Александра), Бурцовъ, Петръ Колошинъ, Якушкинъ, Фонъ-Визинъ, не иначе соглашались какъ съ тѣмъ, чтобы Общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія; чтобы уставъ онаго (по словамъ Никиты Муравьева), основанный на клятвахъ, правилѣ слѣпаго повиновенія и проповѣдывавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала, яда [2]), былъ отмѣненъ и вмѣсто онаго принятъ другой, коего главныя положенія заимствованы изъ напечатаннаго въ журналѣ Freywillige Blätter, устава, коимъ будто-бы управлялся Tugend-Bund.. Коренные члены союза, бывшіе тогда въ Москвѣ съ отрядомъ гвардіи, долго не уступали сему желанію, и замѣчательно, что во время сихъ преній на одномъ собраніи, гдѣ находились Александръ, Никита, Сергѣй, Матвѣй Муравьевы Якушкинъ, Фонъ-Визинъ, Лунинъ и князь Ѳедоръ Шаховской, родилась, или, по крайней мѣрѣ, объявлена въ первый разъ ужасная мысль о цареубійствѣ [3]). Одного члена Александра Муравьева, князь Трубецкой увѣдомлялъ изъ Петербурга, „что Государь намѣренъ возвратить Польшѣ всѣ завоеванныя нами области и, будто предвидя неудовольствіе, даже сопротивленіе Русскихъ, онъ думаетъ удалиться въ Варшаву со всѣмъ дворомъ и предать отечество въ жертву неустройствъ и смятеній". Сіе извѣстіе, столь нелѣпое, какъ потомъ признали сами члены тогдашняго Тайнаго Общества, произвело на нихъ дѣйствіе едва вѣроятное. Они вскричали, что покушеніе на жизнь Императора есть необходимость; одинъ (князь Ѳедоръ Шаховской), какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, полагалъ только дождаться дня, когда будетъ въ караулѣ полкъ, въ коемъ онъ служилъ [4]); хотѣли бросить жребій, и наконецъ Якушкинъ, который въ мученіяхъ несчастной любви давно ненавидѣлъ жизнь, распаленный въ сію минуту

---

[1]) Александръ Муравьевъ говоритъ, что къ свѣдѣнію о сей сокровенной цѣли Общества приготовляли нововступающихъ понемногу, объявляя оную только членамъ послѣдней высшей степени.

[2]) „Это было мною написано въ подражаніе уставамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ", говоритъ Пестель.

[3]) Пестель утверждаетъ, что еще прежде въ томъ же 1817 году, Лунинъ говорилъ, что если „при началѣ открытыхъ дѣйствій Общества" рѣшатся убить Императора, то можно будетъ для сего выслать на Царско-Сельскую дорогу нѣсколько человѣкъ въ маскахъ. Лунинъ признается, что онъ, между прочимъ, говорилъ, это. Пестель, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, хотѣлъ набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей, такъ называемую cohorte perdue (обреченный на гибель отрядъ) и поручить начальство онаго Лунину, чтобъ всѣхъ изгубить, pour faire main basse sur tout. Пестель въ этомъ не сознается.

[4]) Князь Ѳедоръ Шаховской, по словамъ того же Матвѣя Муравьева, изъявлялъ въ сіе время готовность на ужаснѣйшія преступленія, и другой Муравьевъ, Сергѣй, не иначе называлъ его, какъ le tigre; впослѣдствіи онъ отсталъ отъ Общества и жилъ въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ. Предъ Коммиссіею князь Шаховской признался только въ томъ, что онъ былъ членомъ Тайнаго Общества.

волненіемъ и словами товарищей, предложилъ себя въ убійцы. Онъ, и въ изступленіи страстей, какъ кажется, чувствовалъ, на что рѣшался. Рокъ избралъ меня въ жертвы, говорилъ онъ; сдѣлавшись злодѣемъ, я не долженъ, не могу жить: совершу ударъ и застрѣлюсь. Всѣ прочіе, хотя и поздно, устрашились или образумились и остановили его; генералъ-маіоръ фонъ-Визинъ доказывалъ, что извѣстіе, ихъ смутившее, есть безъ сомнѣнія основательное, съ чѣмъ послѣ и самъ князь Трубецкой, призванный ими въ Москву для объясненій, принужденъ былъ согласиться. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, сверхъ того въ письменномъ мнѣніи, которое прислалъ Обществу въ слѣдующій день, представлялъ, что предположенное злодѣйство будетъ безплодно; ибо Тайное Общество ихъ не имѣетъ еще средствъ онымъ воспользоваться. Якушкинъ повиновался; но, обвиняя сочленовъ своихъ въ томъ, что они его побудили къ преступному, ими самими осуждаемому, намѣренію, онъ на время разорвалъ связь съ ними и Обществомъ, которое вскорѣ измѣнило свое образованіе, принявъ новое имя Союза Благоденствія и предложенный новый уставъ, сочиненный Александромъ, Михайломъ Муравьевыми, княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ [1]).

Первая часть сего устава отыскана Коммиссіею и при семъ подносится на высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Главныя черты сего законоположенія Союза Благоденствія, раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываетъ, что оно есть подражаніе и даже большею частію, переводъ съ Нѣмецкаго. Сочинители, именемъ основателей сообщества, объявляютъ, что одно благо отечества есть цѣль ихъ, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства; что правительство, несмотря, на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться въ тайнѣ. Они дѣлили членовъ на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно отъ занятій по другимъ. Въ первой предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, то есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ надъ всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство, о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія или усовершенствованія. Во второй — умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно Ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и черезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ симъ и съ цѣлію Общества сообразныя. Членамъ сей второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію. Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствіе судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ.

Членамъ не воспрещалось самимъ обращать вниманіе мѣстныхъ начальствъ на замѣчаемыя злоупотребленія, хотя вообще до свѣдѣнія правительства оныя долженствовали доходить чрезъ Правленіе Союза. Вѣроятно, что для сего въ особенности нѣкоторые (въ томъ числѣ Михайло Муравьевъ) предлагали испросить согласія покойнаго Императора на учрежденіе ихъ Общества; но сіе предложеніе не принято прочими членами. Образованіе онаго было слѣдующее. Старѣйшіе члены, основатели Общества или первоначально вступившіе въ оное, составляли такъ называемый Коренный Союзъ; изъ него избирался Совѣтъ Кореннаго Союза, то-есть Блюститель и пять Засѣдателей, изъ коихъ одинъ, прочими, подъ руководствомъ Блюстителя, былъ назначаемъ въ Предсѣдатели, и тогда именовался Главою Союза. Каждые четыре мѣсяца выходили изъ Совѣта два Засѣдателя, и на мѣста ихъ поступали другіе. Блюститель смѣнялся въ концѣ года. Когда прочіе члены Кореннаго Союза присоединялись къ Совѣту, то изъ сего образовалась Коренная Управа. Ко-

---

[1]) Не задолго предъ тѣмъ составилось, подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, служившее для испытанія, Общество военныхъ людей; существованіе онаго было весьма кратковременно. Александръ Муравьевъ утверждаетъ, что онъ совсѣмъ не помнитъ сего Общества. Въ оное былъ принятъ полковникъ Артамонъ Муравьевъ, онъ около сего времени предлагалъ Александру и Никитѣ Муравьевымъ убить покойнаго Государя. Сіе предложеніе отвергнуто первымъ (Александромъ Муравьевымъ).

Государственная публичная БИБЛИОТЕКА

ренный Совѣтъ имѣлъ исполнительную власть въ Союзѣ, Коренная Управа законодательную; она же, какъ выше означено, избирала чиновниковъ и была верховнымъ судилищемъ въ Союзѣ. Совѣтъ могъ признать членами и сдѣлать своими уполномоченными, въ ихъ мѣстѣ пребыванія, людей, пользовавшихся довѣренностію Кореннаго Союза, Управа назначала еще Временную Законодательную Палату для разсмотрѣнія, поясненія и дополненія законовъ Союза, но не измѣняя цѣли онаго. Сіи Палатою сочиненные законы должны были, съ одобренія Управы, имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія оныхъ Верховнымъ Правленіемъ Союза, которое тогда только могло быть установлено, когдабы Союзъ совершенно составился.

Изъ всего означеннаго очевидно, что всѣ распоряженія въ семъ Тайномъ Обществѣ, особенно же направленіе онаго къ какой-либо цѣли, оставались въ рукахъ основателей или коренныхъ членовъ. Они же были обязаны набирать новыхъ или заводить управы, каждый одну. Управы были Дѣловыя, Побочныя и Главныя. Управа называлась Дѣловою и получала списокъ первой части устава, когда въ ней было не менѣе 10 человѣкъ членовъ; до тѣхъ поръ она считалась недѣйствительною. Однако же Коренный Союзъ имѣлъ право дѣлать исключенія изъ сего правила для скорѣйшаго распространенія Общества; всякая могла завести другую, Побочную, которая имѣла сношенія только съ нею. Но если сею Побочною Управою была также заведена Управа, и въ ней находилось не менѣе 10 членовъ, то она становилась независимою отъ основавшей оную. Въ главныя поступала та, которая завела три Побочныя или три Вольныя Общества (такъ назывались тѣ, кои, не входя въ составъ Союза Благоденствія, могли своею особенною дѣятельностію, по литературѣ, художествамъ и такъ далѣе, способствовать достиженію цѣли онаго). Такая Управа получала списокъ второй части устава. Въ каждой Управѣ, для начальствованія, надзора за порядкомъ и раздѣленія работъ, назначался, посредствомъ избранія, Совѣтъ изъ Блюстителя и одного или двухъ Старѣйшинъ, смотря потому, изъ 10 или 20 членовъ была составлена Управа. Всѣ дѣла въ Управахъ и Коренномъ Союзѣ были рѣшимы большинствомъ голосовъ; также были произносимы и приговоры. Имена членовъ, заслужившихъ одобреніе Союза, вписывались въ почетную книгу, а изгоняемыхъ изъ Общества въ постыдную. Члены имѣли право выходить изъ Союза, но обѣщая хранить въ тайнѣ все имъ извѣстное. Къ сему же храненію тайны обязывались тѣ, коимъ дѣлалось предложеніе вступить въ Союзъ, и повторяли свое обѣщаніе, послѣ прочтенія первой части. Обрядовъ для принятія не было; вступающій давалъ расписку, которая потомъ безъ вѣдома его сожигалась. Всякій долженъ былъ вносить въ кассу Общества 25-ю долю своего годового дохода [1]) и повиноваться законнымъ предписаніямъ Союза.

Таковы были объявленныя въ 1-й части устава цѣль и правила Союза Благоденствія. Вторая часть не была сочинена или, по крайней мѣрѣ, не была одобрена Кореннымъ Союзомъ; ибо написанный княземъ Трубецкимъ проектъ оставленъ безъ вниманія, и Александръ Муравьевъ бросилъ его въ огонь съ другими бумагами въ 1822 году. Но объ оной упоминали и, быть можетъ, сверхъ приманки для любопытства, видѣли въ ней средство, когда нибудь открыть новымъ членамъ настоящія намѣренія основателей Общества [2]). Они не строго, и даже очень мало сообразовались и съ правилами, въ первой части означенными. При заведеніи Управъ рѣдко былъ наблюдаемъ предположенный порядокъ; оныхъ было двѣ въ Москвѣ: 1-я подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, который послѣ отставки своей жилъ тамъ нѣсколько времени; 2-ая подъ предсѣдательствомъ князя Ѳедора Шаховскаго; обѣ существовали не долго [3]). Въ Петербургѣ также двѣ: у лейбъ-гвардіи егерскаго офицера Семенова и у полковника Бурцова [4]).

Члены оныхъ[5]) хотя дѣлились на Управы, но собирались, гдѣ хотѣли, не соблюдая никакого порядка. Въ Петербургѣ были заведены и Вольныя Общества, почти независимыя отъ Союза Благоденствія. Два также въ Измайловскомъ полку: 1-е учреждено княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ и коллежскимъ ассесоромъ Токаревымъ

---

[1]) Сему правилу, какъ всѣ согласно показываютъ, слѣдовали немногіе. Въ Петербургѣ до 1825 года собрано не болѣе пяти тысячъ рублей, которые отданы князю Трубецкому, а имъ издержаны не на дѣла Тайнаго Общества.

[2]) Сіи намѣренія не долго хранились въ тайнѣ. „Сначала“, говоритъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывшій секретаремъ Тайнаго Общества, „знали только главные, а впослѣдствіи проникнули и другіе члены, что цѣлію Союза было измѣненіе государственныхъ установленій: для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, признавали равно нужнымъ усиливать Общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ публики“.

[3]) Показаніе Семенова.

[4]) Показанія Семенова и Никиты Муравьева.

[5]) Означенные поименно въ одномъ изъ прилагаемыхъ у сего списковъ.

(впослѣдствіи умершимъ); 2-е егерскимъ офицеромъ Семеновымъ; то и другое существовали не долѣе трехъ мѣсяцевъ. Третіе отдѣльное Общество основано полковникомъ Глинкою, какъ показываетъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывшій и въ прежде-означенныхъ Обществахъ и Управахъ[1]). Новиковъ завелъ, или по крайней мѣрѣ заводилъ, Малороссійское Общество, при Масонской ложѣ, которую называлъ мѣстомъ приготовленія; но, какъ показываетъ бывшій тогда въ Полтавѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, онъ только искалъ средствъ добывать деньги, и ни Общество, ни ложа его не распространились[2]). О Пестелѣ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ не признавалъ новаго Союза и дѣйствовалъ отдѣльно по другимъ правиламъ, прежде въ Митавѣ, потомъ, въ Тульчинѣ; но онъ въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что имъ, какъ и другими, былъ принятъ уставъ Союза Благоденствія, названный, по цвѣту переплета, Зеленою Книгою. Впрочемъ дѣятельность сего Тайнаго Общества, какъ по всему видно, была сосредоточена въ такъ называемомъ Коренномъ Союзѣ, и сія дѣятельность всего болѣе обращалась на умноженіе членовъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ была большая часть Коренной Управы[3]). Однакоже, если вѣрить показаніямъ одного посторонняго свидѣтеля, неподтвержденнымъ извѣтами допрошенныхъ, составлявшіе сію Управу располагались тогда дѣйствовать на общее мнѣніе изданіемъ особеннаго дешеваго журнала, пѣсенъ, каррикатуръ, и хотѣли для того имѣть литографію за границей и тайную типографію въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ[4]).

По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ими были разговоры и пренія, которыя инымъ могли казаться правильными совѣщаніями, о разныхъ образахъ правленія. По словамъ полковника Пестеля и другихъ, какъ выше было означено, съ самаго учрежденія перваго Общества (Сыновъ Отечества или Союза Спасенія), обнаруживались въ основателяхъ мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя и болѣе склонныя къ монархическимъ установленіямъ. Первую о правленіи республиканскомъ подалъ Новиковъ своимъ проектомъ Конституціи; а въ началѣ 1820 года было, какъ показываетъ полковникъ Пестель, въ Санктпетербургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по уставу имѣла въ Союзѣ власть законодательную. Въ семъ собраніи Пестель, по вывозу члена, исправлявшаго должность Блюстителя[5]), исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ, утверждаетъ Пестель, объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе, между прочими Николай Тургеневъ, слѣдующими словами: prèsident sans phrase[6]), кромѣ одного полковника Глинки, который говорилъ въ пользу монархическаго и предлагалъ вручить скипетръ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Сіе заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его Тульчинской; съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены говорили, что если Императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сіи показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными: одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о разныхъ политическихъ предметахъ, фонъ-деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какого либо рѣшительнаго мнѣнія; что, между прочими, онъ и Глинка отрек-

---

[1]) Полковникъ Глинка не подтвердилъ сего показанія своимъ признаніемъ.

[2]) Предъ Коммиссіею было показываемо, что впослѣдствіи одинъ изъ принятыхъ имъ, Переяславскій маршалъ Лукашевичъ завелъ новое Общество Малороссійское, и что будто бы оно имѣло цѣлію отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе онаго къ независимому королевству Польскому. Но сіи показанія Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, основанныя на догадкахъ, найдены несправедливыми.

[3]) Списокъ членовъ оной также приложенъ къ сему донесенію. Генералъ-маіоръ Михайло Орловъ, и Николай Тургеневъ, не успѣвъ въ намѣреніи завести свое Общество, вступили въ Союзъ Благоденствія; первый, какъ утверждаетъ онъ въ запискѣ, поданной имъ въ Коммиссію, не прежде Іюля 1820 года; ибо ему тогда сказали другіе члены, что противно великодушію знать ихъ тайны, имена многихъ, и не раздѣлять съ ними опасностей.

[4]) Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго Императора, бывшій, какъ видно, членомъ Союза Благоденствія. Изданіе журнала предпринималъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Тургеневъ; есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, которыя тогда были сочинены и, можетъ быть, распускаемы, но точно ли по предписаніямъ Тайнаго Общества, того нельзя сказать утвердительно.

[5]) Одного изъ трехъ выше показанныхъ, впослѣдствіи раскаявшихся и оставившихъ Общество.

[6]) Объявляю безъ фразъ, что хочу президента. Тѣ, которые предпочитали монархическій образъ правленія, должны были сказать, что хотятъ монарха.

лись дать свое; что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: „Республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи". Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе, кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно Императрицы Елисаветы.

Впрочемъ все, происходившее на семъ совѣщаніи, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, не имѣло никакого вліянія на образъ мыслей и дѣйствія членовъ вообще; не сдѣлано вслѣдствіе того никакихъ предписаній подвѣдомственнымъ Управамъ, кромѣ Тульчинской [1]); на многихъ, бывшихъ послѣ, собраніяхъ, не говорено о республиканскомъ правленіи, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія, и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все, единогласно отмѣняли. Должно однако же замѣтить, что, вскорѣ послѣ вышеописаннаго совѣщанія или разговора, нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ ономъ членовъ опять собирались, но случайно, какъ сказываетъ Пестель и, продолжая прежнія разсужденія, одинъ [2]) подалъ мысль о покушеніи на жизнь Императора Александра. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что, кромѣ его и Пестеля, всѣ бывшіе съ ними члены отвергли предложеніе, какъ преступное: доказывали, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого злодѣйства были бы всѣ бѣдствія, всѣ ужасы безначалія. Пестель отвѣчалъ, что оные могутъ быть отвращены учрежденіемъ Временнаго Правленія изъ принадлежащихъ къ ихъ Тайному Обществу; на него возставали единодушно, съ жаромъ. Но ужасное предложеніе, если вѣрить показанію одного Сергѣя Муравьева-Апостола, было снова сдѣлано на другомъ собраніи и принято большинствомъ голосовъ. Изъ бывшихъ на семъ послѣднемъ онъ помнитъ только себя, Никиту Муравьева и Пестеля.

Между тѣмъ присоединеніе новыхъ членовъ къ Союзу Благоденствія продолжалось: многіе могли быть прельщены разсѣянными въ Уставѣ, впрочемъ, весьма обыкновенными филантропическими и патріотическими мыслями; другихъ завлекали побужденія дружбы, довѣренность къ нѣкоторымъ людямъ или вліяніе моды (ибо есть мода и на мнѣнія), а симъ пользовались дѣятельнѣйшіе въ Обществѣ, возбуждая въ слабыхъ боязнь сдѣлаться смѣшными, или суетное любопытство; а иныхъ, буде вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ, даже виды личной корысти. Но также многіе начинали чувствовать свое заблужденіе, и одинъ изъ первыхъ, полковникъ Александръ Муравьевъ. „Лучъ горней благодати, говоритъ онъ, коснулся моей душѣ омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками и долго, въ слезахъ раскаянія, молилъ Небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника; Онъ, въ теченіе шести лѣтъ, испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имущества, наконецъ и праведнымъ гнѣвомъ Государя и карою закона. „Нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и только уклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ; но въ 1819 году превозмогъ себя, письменно объявилъ Коренному Союзу о своемъ мнѣніи, прося, заклиная всѣхъ, послѣдовать его примѣру — отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Ему отвѣчали увѣреніями (ложными), что они съ нимъ согласны и уничтожаютъ Общество [3]). Вскорѣ послѣ того, оно и въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, стало приходить въ упадокъ: нѣкоторые члены, не имѣвъ рѣшительности явно отказаться, удалялись отъ онаго, въ томъ числѣ и означенные выше три члена перваго Тайнаго Общества, раскаяніемъ своимъ заслужившіе совершенное, отеческое прощеніе Вашего Величества: двое около 1821 года, одинъ же, хотя позднѣе, но до того разорвалъ тяготившія совѣсть его связи, что наконецъ, даже избѣгалъ встрѣчи съ прежними товарищами [4]).

Но на Югѣ, полковникъ Павелъ Пестель, будучи тогда адъютантомъ графа Витгенштейна и живучи въ Тульчинѣ, главной квартирѣ 2-й арміи, старался всѣми средствами распространять свои мнѣнія. Онъ внушалъ молодымъ сослуживцамъ своимъ, что воля самого Монарха (въ Бозѣ почивающаго Императора Александра), до времени только сокрываемая, есть питать идеи сего рода въ юношествѣ и войскахъ; что, стремясь къ измѣненію настоящаго порядка, они будутъ содѣйствовать ему, что въ

---

[1]) Онъ и нѣкоторые другіе, фонъ-деръ Бригенъ, Колошинъ, Семеновъ подтвердили сіе на очныхъ съ Пестелемъ ставкахъ.

[2]) Пестель и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говорятъ, что Никита Муравьевъ; а Никита Муравьевъ показываетъ, что Пестель.

[3]) Показаніе титулярнаго совѣтника Семенова.

[4]) Никита Муравьевъ говоритъ, что когда какой-либо членъ начиналъ оказывать холодность къ Обществу, то старались его увѣрить что онъ не одинъ, а и всѣ прочіе перемѣнили образъ мыслей, что Общество распадается на части и почти уже не существуетъ.

Петербургѣ всѣ умы въ движеніи, что уже составилось многочисленное и почтенное по достоинствамъ своихъ членовъ сообщество, которое все готовитъ къ великой перемѣнѣ [1]). Онъ принялъ многихъ въ Союзѣ Благоденствія, показывая нововступающимъ первую часть устава, но самъ часто уклонялся отъ опредѣленныхъ въ ономъ правилъ. Вліяніе его, какъ видно по единогласнымъ свидѣтельствамъ, бывало рѣдко оспариваемо близкими къ нему сообщниками; однако же въ исходѣ 1820 года, и между бывшими въ семъ краѣ, начали оказываться холодность, несогласія въ мнѣніяхъ, и возникали жаркіе споры на собраніяхъ, кои бывали у Пестеля и Юшневскаго (генералъ-интенданта 2-й арміи), имъ принятаго и до конца остававшагося въ тѣсной съ нимъ связи. Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное диктаторство. Сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить диктатора тріумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго. Пестелю нельзя было ѣхать въ Москву; полномочными отъ его Управы назначены полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, который, замѣтивъ въ Обществѣ явную наклонность къ революціоннымъ правиламъ и даже къ предпріятіямъ противозаконнымъ, думалъ уже тогда воспользоваться долженствовавшимъ быть на семъ съѣздѣ разногласіемъ, чтобы склонить членовъ къ уничтоженію Союза. Генералъ-маіоръ фонъ-Визинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ [2]), для приглашенія депутатовъ, а въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка. Кромѣ ихъ и вышепоименованныхъ были на съѣздѣ: два брата фонъ-Визины, генералъ-маіоръ Орловъ, полковникъ Граббе, Якушкинъ (вступившій въ Союзъ Благоденствія въ 1819-мъ году), Михайло Муравьевъ, Охотниковъ. Симъ членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генералъ фонъ-Визинъ предлагалъ раздѣлить Общество на три разряда: 1-й, высшій, главноуправляющій и законодательствующій, Незнаемыхъ; 2-й, Исполнителей; изъ онаго хотѣли отряжать членовъ для наблюденій, разъѣздовъ, словесныхъ сообщеній, прекративъ всѣ письменныя; наконецъ, 3-й, Нововводимыхъ. Тутъ опять начались несогласія и споры; предложеніе фонъ-Визина отвергали Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время съѣзда и, по словамъ Комарова, показывавшій себя весьма умѣреннымъ), генералъ-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ. Послѣднему Якушкинъ сказалъ однажды:—Я на лицѣ твоемъ вижу, что ты измѣняешь Обществу.—Да! отвѣчалъ Комаровъ, если оно не войдетъ опять въ предѣлы извѣстнаго мнѣ устава.—Это невозможно. Вскорѣ затѣмъ, генералъ Орловъ письменно объявилъ, что онъ уже не хочетъ принадлежать къ Обществу, и остался твердъ, несмотря на убѣжденія и просьбы товарищей; а въ концѣ Февраля (1821 года), на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслію, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены, и многіе члены, въ томъ числѣ Бурцовъ и Комаровъ, искренно вѣрили и радовались уничтоженію онаго.

Но истинныя причины, побудившія сдѣлать сіе объявленіе, какъ показываютъ Якушкинъ, фонъ-Визинъ и Никита Муравьевъ, было чувство, что уставъ не ясно опредѣлялъ цѣль Общества, отъ чего дѣятельность онаго уменьшалась, и желаніе удалить членовъ, кои уже хладѣли въ усердіи къ сей цѣли или не знали оной и, по характеру своему и образу мыслей, казались неспособными содѣйствовать Коренной Управѣ. Бывшіе въ Москвѣ руководители оной тогда же рѣшились (сіе объявляютъ генералъ фонъ-Физинъ и Якушкинъ) со временемъ составить новое Общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ, чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установленій. Въ сію первую степень принимать не иначе, какъ по согласію Главнаго Правленія въ Петербургѣ; для принятія во вторую, нужно бы было единодушное утвержденіе членовъ двухъ отдѣленій; оныхъ полагалось четыре: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Смоленской губерніи и Тульчинѣ. Якушкинъ утверждаетъ, что сіе Тайное Общество, съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ уставомъ, тогда же и составилось; генералъ-маіоръ фонъ-Визинъ напротивъ, что все окончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ. Первый прибавляетъ, что назначенныя въ Москвѣ и Смоленскѣ отдѣленія не были учреждены.

Полковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской Управѣ извѣстіе о разрушеніи Союза Благоденствія и долженъ былъ представить ей письменное сообщеніе отъ предсѣдателя Московскаго съѣзда. Но уже знавъ все по слухамъ, Пестель и Юшневскій на предварительномъ совѣщаніи условились: во 1-хъ, не признавать Общества разрушеннымъ; во 2-хъ, воспользоваться симъ случаемъ, чтобы удалить всѣхъ слабосердыхъ, представя имъ опасности и трудности предпріятія.

---

[1]) Показаніе подполковника Комарова.

[2]) Показаніе подполковника Комарова.

Вслѣдствіе сего, когда, по собраніи Думы Тульчинской, Бурцовъ, исполнивъ данное ему въ Москвѣ порученіе, вышелъ, а за нимъ и Комаровъ, то Юшневскій говорилъ приготовленную имъ рѣчь, но симъ не удалилъ никого; напротивъ, подстрекнулъ самолюбіе присутствовавшихъ членовъ. Полковникъ Аврамовъ (послѣ, какъ онъ увѣряетъ, раскаявшійся) объявилъ, что если и всѣ оставятъ Союзъ, то онъ не перестанетъ полагать оный существующимъ въ немъ одномъ; другіе также провозгласили, что депутаты ихъ въ Москвѣ вышли изъ предѣловъ данной имъ власти, что Общество не разрушено и будетъ продолжать дѣйствовать, перемѣнивъ нѣкоторыя изъ прежнихъ правилъ. Какъ бывшіе на семъ собраніи, такъ и приставшіе вскорѣ потомъ къ ихъ мнѣнію, Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, два Крюковыхъ, князь Барятинскій, Басаргинъ, князь Сергѣй Волконскій, Василій Давыдовъ (вѣроятно сообразжаясь съ положеніями сочиненнаго Пестелемъ устава перваго Тайнаго Общества), приняли названіе Бояръ Союза [1]). Они выбрали предсѣдателями или директорами Пестеля, Юшневскаго и сначала третьимъ, Никиту Муравьева; ибо думали, что и онъ, не бывъ въ Москвѣ, также несогласенъ на уничтоженіе Общества. Но въ Петербургѣ, какъ утверждаетъ послѣдній (Никита Муравьевъ) „оно было по крайней мѣрѣ совершенно разстроено: большая часть членовъ изъ него вышла; остававшіяся Управы, не имѣя между собою связи, не имѣя никакого устава и общаго управленія, не знали, чего хотѣли или не могли дать себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ“ [2]).

Только въ исходѣ 1822 года сіе Петербургское или Сѣверное Общество снова образовалось. Его раздѣлили на Убѣжденныхъ и Соединенныхъ или Согласныхъ [3]). Союзъ Убѣжденныхъ или Верхній Кругъ, составлялся изъ основателей [4]); принимали въ оный и другихъ изъ Союза Соединенныхъ, но не иначе какъ по согласію всѣхъ находящихся въ Петербургѣ Убѣжденныхъ. Сіе согласіе было нужно и для принятія какой-либо рѣшительной мѣры. Сверхъ того Верхній Кругъ имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ Думы или Совѣта, управлявшаго Обществомъ, дозволялъ принятіе нововступающихъ, требовалъ отчетовъ отъ Думы. Ненаходящійся въ ономъ членъ могъ принять не болѣе двухъ, и согласія на то испрашивалъ чрезъ члена, коимъ былъ самъ принятъ; сей послѣдній также, если не былъ въ числѣ Убѣжденныхъ; сіе согласіе чрезъ такую же цѣпь доходило отъ Думы до принимающаго новыхъ членовъ. Сихъ съ начала испытывали, готовили потомъ открывали имъ мало-по-малу цѣль Тайнаго Общества, но о средствахъ дл' достиженія оной и о времени начатія дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣніе один Верхній Кругъ. Многимъ, коихъ назначали слѣпыми орудіями, говорили только, чтъ ихъ дѣло рубиться; нововступившіе и вообще всѣ непричисленные къ Убѣжденнымъ, знали одного принявшаго ихъ члена. Но сіе правило и всѣ прочія весьма нестрого наблюдались [5]).

Возобновивъ Тайное Общество, начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьева; потомъ, въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкого, лишь возвратившагося изъ-за границы, и князя Евгенія Оболенскаго [6]). Чрезъ годъ послѣ того первый отправился въ Кіевъ, и съ надеждою, что, будучи въ Штабѣ 4-го Корпуса, онъ можетъ имѣть сообразное съ планами злоумышленниковъ вліяніе на войска онаго, и для того, чтобы наблюдать за Пестелемъ, коему главные дѣйствова-

---

[1]) Пестель показываетъ, что съ сего времени, члены Южнаго Общества или, какъ онъ его называетъ, Округа, раздѣлялись на Братій, Мужей и Бояръ. Братья не имѣли права принимать другихъ; Мужи, пользуясь симъ правомъ, должны были отъ принятыхъ ими скрывать имена прочихъ членовъ. Бояре присоединялись къ Директоріи для рѣшеній въ важныхъ случаяхъ. Принимая новаго члена, довольствовались его честнымъ словомъ.

[2]) Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго Союза составлять новое Тайное Общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его Семенова, да принялъ полковника Митькова, Якова Толстого и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія Общества прекратились; Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего Общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ Императорской Фамиліи.

[3]) Показаніе князя Евгенія Оболенскаго.

[4]) Главными изъ сихъ основателей или возобновителей Общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, князь Оболенской и Николай Тургеневъ, который однако же не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго Общества, Соединенныхъ и Убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ.

[5]) Показаніе Александра Бестужева.

[6]) Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ.

тели Сѣвернаго Общества не довѣряли: ибо, по словамъ Рылѣева, видѣли въ немъ **хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте.** На мѣсто князя Трубецкого сдѣланъ членомъ Директоріи или Думы Рылѣевъ, который настоялъ, чтобы впредь сіи Директоры или Правители были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ.

Сношенія новаго Петербургскаго или Сѣвернаго Союза съ Южнымъ, какъ показываютъ многіе допрошенные, были довольно рѣдки и почти всегда на словахъ: Думы боялись ввѣрять письма даже сочленамъ своимъ, ибо оныя могли по нечаянному случаю попасть въ руки постороннихъ. Сіи два Общества не соглашались во многомъ, особенно же касательно своего внутренняго устройства; но имѣли одну цѣль: ниспроверженіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи. Коммиссія представляетъ на высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества отысканные ею списки сихъ проектовъ, вмѣстѣ съ краткими изъ оныхъ извлеченіями [1]). Для достиженія цѣли своей, также въ обоихъ думали употребить одни средства: силу, дѣйствіе войскъ, которыя надѣялись склонить къ возмущенію [2]). Приготовленіемъ сихъ средствъ особенно занимались на Югѣ, въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-ой и 2-й арміи. Тамъ, какъ показываетъ капитанъ Майборода, полковникъ Пестель то ласкалъ рядовыхъ, то вдругъ, когда ожидали покойнаго Императора въ армію, подвергалъ ихъ жестокимъ и, вѣроятно, незаслуженнымъ наказаніямъ: **„Пусть думаютъ“**, говорилъ, **„что не мы, а высшее начальство и самъ Государь причиною излишней строгости“.** Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ также всячески, и въ Черниговскомъ и въ другихъ полкахъ 9-й дивизіи, старался привязывать къ себѣ солдатъ, въ томъ числѣ выписанныхъ изъ прежняго Семеновскаго полка; внушалъ имъ мысли о возможности и близости всеобщей перемѣны, требуя обѣщанія за нимъ во всякомъ случаѣ слѣдовать.

Дѣйствія сего Тайнаго Общества (Южнаго) уже не ограничивались умноженіемъ членовъ; оныя съ каждымъ днемъ болѣе принимали характеръ рѣшительнаго заговора противъ власти законной, и скоро на совѣщаніяхъ стали обнаруживаться, въ часто повторяемыхъ предложеніяхъ, злодѣйскіе, страшные умыслы. Въ Тульчинской Думѣ первенствовалъ, какъ и прежде, полковникъ Пестель; его сочленомъ въ оной, и всегда согласнымъ, хотя по наружности недѣятельнымъ, былъ Юшневскій. Отъ нихъ зави-

---

[1]) Одинъ проектъ Конституціи написанъ Никитою Муравьевымъ. Онъ предполагалъ монархію, но оставляя Императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ области. Сей проектъ, по увѣренію Пестеля, служилъ только для вновопринимаемыхъ членовъ, коихъ боялись устрашить предложеніемъ учредить республику. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что онъ говорилъ сіе, обманывая Пестеля, чтобъ не разсердить его, и чтобъ Южное Общество не отдѣлилось совершенно отъ Сѣвернаго. Другая Конституція, съ именемъ **Русской Правды** и совершенно въ духѣ республиканскомъ, есть сочиненіе Пестеля. Обѣ имѣютъ основаніемъ безразсудное предположеніе, что всякое государство можетъ принимать всѣ виды, по волѣ образователей. Обѣ, даже по мнѣнію нѣкоторыхъ умнѣйшихъ членовъ **Союза**, равно доказываютъ совершенное незнаніе отечественнаго края, свойствъ онаго, выгодъ и потребностей; а въ такъ названной **Русской Правдѣ**, сверхъ того, часто обнаруживается сдва вѣроятное и смѣшное невѣжество. Редакторъ, раздѣляя Имперію на большія области и отторгая отъ оной почти всѣ присоединенныя отъ Польши, именуетъ Лифляндію, Эстляндію, Курляндію и губерніи Новгородскую и Тверскую, **Холмогорскою** областью, а губерніи Архангельскую, Ярославскую, Вологодскую, Костромскую и Пермскую, областью **Сѣверскою** или **Сѣверанскую**. По его плану, Временное Правленіе долженствовало служить переходомъ отъ самодержавія къ республикѣ, и первою мѣрою сего Правленія было бы запрещеніе Тайныхъ Обществъ и заведеніе искуснаго, дѣятельнаго шпіонства, съ тѣмъ, чтобы шпіонами были люди **умные и самой чистой нравственности.** Временное Правленіе долженствовало также основать Іудейское Царство изъ находящихся въ Польшѣ и Россіи Жидовъ. **„Ихъ будетъ два милліона“**, говоритъ Пестель (въ томъ числѣ женщины, старики, дѣти); **они даже и безъ вспомогательнаго войска могутъ легко пройти сквозь всю Европейскую Турцію и, выбравъ мѣсто на берегахъ Малой Азіи, завести свое независимое государство“.** Юшневскій поправлялъ только слогъ сего Пестелева сочиненія. Кромѣ сихъ, найдены еще два проекта Конституціи: одинъ неполный, въ бумагахъ князя Трубецкаго; онъ ни что иное, какъ списокъ Конституціи Муравьева, съ весьма неважными перемѣнами; другой, Государственный Завѣтъ, у Сергѣя Муравьева-Апостола; сей послѣдній есть сокращеніе Пестелева проекта.

[2]) По всему видно, что сія мысль родилась въ нихъ не прежде 1821 года и вѣроятно вслѣдствіе бывшихъ незадолго предъ тѣмъ революцій въ Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ. Иные, говоритъ Пестель, полагали, что возмущеніе должно быть въ Петербургѣ; другіе, что надобно начать въ арміи, идти на Москву и тамъ принудить Сенатъ провозгласить перемѣну, установить новый образъ правленія.

сѣли всѣ составлявшіе Южное Общество, одни непосредственно, другіе чрезъ подвѣдомственныя Думѣ двѣ Управы: Каменскую или Правую, гдѣ засѣдали Давыдовъ и князь Сергѣй Волконскій, и Васильковскую или Лѣвую, въ коей начальствовали Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ: первый, Муравьевъ, послѣ сдѣланъ и третьимъ членомъ Думы [1]). Въ Январѣ 1823 года, были въ Кіевѣ собраны начальства всѣхъ управъ, Пестель, Юшневскій, Василій Давыдовъ, князь Сергѣй Волконскій, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ. Они читали отрывки Пестелевой Русской Правды, и сдѣланъ вопросъ: при введеніи нашихъ новыхъ законовъ какъ быть съ Императорскою Фамиліею? Истребить ее, сказалъ Пестель; съ нимъ согласились Юшневскій, Давыдовъ, Волконскій; но Бестужевъ-Рюминъ думалъ удовольствоваться смертію одного Императора (прочихъ членовъ царственнаго дома предполагали, какъ показываетъ Пестель, вывезти за границу, употребивъ къ тому Кронштадтскій флотъ). Сергѣй Муравьевъ на сей разъ противился вообще ихъ мнѣнію: онъ не хотѣлъ цареубійства. Кончили тѣмъ, что хотя большинство голосовъ на сторонѣ Пестеля, но нельзя дозволить, чтобы шесть человѣкъ рѣшили вопросъ столь важный. Бестужевъ-Рюминъ послѣ прислалъ къ Юшневскому рѣчь, въ коей осуждалъ намѣреніе сообщниковъ своихъ, доказывая, что члены Императорской Фамиліи по совершеніи революціи не будутъ опасны: „Чего“, говорилъ онъ, „могутъ еще пожелать Русскіе, когда мы устроимъ для нихъ хорошее правленіе, когда мы дадимъ имъ мудрые законы?“ [2]) Но, несмотря на изъявленное въ семъ случаѣ, искреннее или притворное несогласіе, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, въ томъ же 1823 году, при свиданіи съ начальниками другихъ Управъ, Пестелемъ, княземъ Сергѣемъ Волконскимъ, Давыдовымъ, въ деревнѣ Каменкѣ одобрили ихъ предложеніе истребить весь Императорскій Домъ. Князь Сергѣй Волконскій утверждаетъ, что оно даже и возобновлено Муравьевымъ; а въ 1824 г. Бестужевъ писалъ въ Варшаву (сіе письмо не доставлено княземъ Волконскимъ), требуя смерти Государя Цесаревича Константина Павловича отъ членовъ Тайнаго Польскаго Общества, съ коимъ онъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ вступилъ въ сношенія и связи.

Открытіе сего Польскаго Тайнаго Общества и переговоры съ нимъ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ дѣйствіямъ Южной Директоріи. Бестужевъ-Рюминъ извѣстилъ ее о существованіи онаго; ему же дано порученіе сдѣлать условія съ повѣренными сего Общества, коего цѣлію было отдѣленіе отъ Россіи, независимость Польши въ ея прежнемъ видѣ. Условія вскорѣ сдѣланы Бестужевымъ-Рюминымъ съ одной стороны, а съ другой—Крыжановскимъ. Южное Общество обѣщало признать независимость Польши, возвратить ей завоеванныя области, еще не совсѣмъ слившіяся съ Россіею (qui ne sont pas russifiées), между прочими область Бѣлостокскую, губернію Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской, съ наблюденіемъ однако же нужныхъ для обороны выгодъ при постановленіи новыхъ границъ; обѣщало покровительствовать въ Россіи Полкамъ и стараться искоренять взаимную не-любовь обѣихъ націй; а Общество Польское обязывалось употребить средства дѣйствительнѣйшія, какого бъ ни были они рода, чтобы препятствовать Государю Цесаревичу пріѣхать въ Россію, когда начнется революція, и съ своей стороны, приступивъ въ то же время къ возмущенію, идти на Литовскій корпусъ, если онъ не пристанетъ къ нимъ, обезоружить его и учредить въ Польшѣ республиканскій образъ правленія. Сверхъ того хотѣли взаимно сообщать одно другому нужныя и вообще важныя свѣдѣнія, но съ тѣмъ, чтобы сношенія происходили не между простыми членами, а чрезъ особыхъ коммиссаровъ. Сими коммиссарами назначены Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, Гродецкій и Чаркосскій. Впослѣдствіи Пестель самъ и князь Сергѣй Волконскій входили въ новые переговоры съ депутатами Польскаго Общества, Яблоновскимъ и Гродецкимъ [3]). Пестель признается, что обѣщалъ независимость Польшѣ, но утверждаетъ, что не сказалъ ничего положительнаго о возвращеніи завоеванныхъ областей, хотя и видно по картѣ Россіи, имъ сочиненной и приложенной къ проекту Конституціи (Русской Правдѣ), что онъ въ своихъ планахъ отъ состава Имперіи отдѣлялъ всѣ означенныя Бестужевымъ части прежней Польши, и хотя на совѣщаніяхъ съ нѣкоторыми Петербургскими членами (такъ показываетъ Никита Муравьевъ), на упрекъ за сіе намѣреніе ему и Давыдову, они оба отвѣчали: „Какъ быть! слово уже дано, и на то была

---

[1]) Впослѣдствіи они отдѣлили Тульчинскую Управу отъ Думы или Директоріи, сдѣлавъ въ оной начальникомъ князя Барятинскаго. Сіи Управы иногда, по крайней мѣрѣ на Французскомъ, назывались Вентами или Вендитами, въ подражаніе Итальянскимъ карбонарамъ. Управа Каменская, буде вѣрить показанію Давыдова, основана лишь въ 1824 году; но начальники оной, князь Волконскій и Давыдовъ, были уже и прежде въ числѣ главныхъ членовъ Южнаго Общества.

[2]) Сей отрывокъ Бестужева на Французскомъ въ его отвѣтахъ.

[3]) Гродецкій, по желанію полномочныхъ Южнаго Общества, взялся предложить Варшавской Директоріи, чтобы съ Его Высочествомъ Цесаревичемъ было поступлено точно такъ въ Польшѣ, какъ съ прочими членами Императорской Фамиліи поступятъ въ Россіи; онъ надѣялся, что Директорія согласится. (Показаніе Бестужева-Рюмина).

воля Южнаго Общества". Сіи сношенія съ Обществомъ Польскимъ, кажется, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій. Повѣренные онаго требовали отъ Пестеля, чтобы онъ далъ имъ узнать важныхъ людей въ государствѣ, участвующихъ въ заговорѣ противъ настоящаго порядка, обѣщая со своей стороны наименовать и сблизить съ ними такихъ же. Пестель былъ принужденъ отвѣчать не ясно, ибо не могъ назвать никого. Поляки охолодѣли, но связи ихъ съ Южнымъ Обществомъ не совершенно прекратились; ибо опредѣлено было обоюднымъ уполномоченнымъ съѣхаться опять въ Кіевѣ, въ Январѣ 1826 года. Впрочемъ все сіе долженствуетъ быть точнѣе объяснено производящимся въ Варшавѣ слѣдствіемъ.

Не задолго до сихъ странныхъ сношеній, въ коихъ частные люди своевольно располагали достояніемъ отечества и судьбою правительствъ и народовъ, Управа Васильковская, то есть Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, замышляли начать мятежническія дѣйствія въ 9-й дивизіи, которая тогда была собрана въ лагерѣ при Бобруйскѣ, ожидая прибытія покойнаго Государя и Вашего Императорскаго Величества. Они хотѣли (оба въ томъ согласно признаются), въ положенный день или ночь, съ помощію нѣсколькихъ сообщниковъ, одѣтыхъ въ мундиры солдатъ полка, коимъ начальствовалъ единомышленникъ ихъ полковникъ Швейковскій, овладѣть Государемъ и Вашимъ Величествомъ; также взять подъ стражу генералъ-адъютанта барона Дибича, произвести бунтъ въ лагерѣ и, оставя гарнизонъ въ крѣпости (которая, говорятъ они, могла въ неудачѣ служить для нихъ убѣжищемъ), идти на Москву, возмущая на пути и присоединяя къ себѣ другія войска. Но, какъ извѣстно уже Вашему Величеству и Коммиссіею неоднократно было замѣчено всѣ покушенія и планы злоумышленниковъ, равно очевидно ознаменованы и нетерпѣливостію страстей, и ничтожностію средствъ: обманывая на сей счетъ другъ друга, по всегдашнему обыкновенію въ заговорахъ, они часто были сами ослѣплены своими вымыслами, и лишь въ минуты, назначенныя для совершенія предпріятія, узнавали свою слабость. Такъ было и въ семъ случаѣ. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, думавъ возмутить цѣлый корпусъ войскъ, скоро увѣрились, что въ ономъ могли имѣть только двухъ пособниковъ: полковника Швейковскаго и капитана Норова. Вслѣдствіе того положили: 1) Бестужеву ѣхать въ Москву узнать, что тамъ дѣлаютъ настоящіе или бывшіе члены Тайнаго Общества, пригласить ихъ, именно Михаила Муравьева и Михаила фонъ-Визина, къ участвованію въ новыхъ планахъ, и для исполненія оныхъ привезти нѣсколькихъ молодыхъ людей въ Бобруйскъ; 2) требовать мнѣнія и помощи Пестеля чрезъ Василья Давыдова, котораго затѣмъ звали къ себѣ въ лагерь. Давыдовъ не пріѣхалъ и не отвѣчалъ. Бестужевъ нашелъ въ Москвѣ только Ивана фонъ-Визина и Якушкина, которые отказались отъ всякаго содѣйствія, и начальники Васильковской Управы остались при одномъ злодѣйственномъ умыслѣ. Пестель утверждаетъ, что онъ удержалъ ихъ; но сему нельзя вѣрить, ибо изъ показаній Бестужева-Рюмина [1]) видно, что въ Апрѣлѣ слѣдующаго 1824 года, составленъ планъ другого и еще болѣе преступнаго покушенія, имъ, Пестелемъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ, двумя Поджіо, Давыдовымъ и Швейковскимъ. Полагали ошибочно, что покойный Государь Императоръ будетъ въ семъ году осматривать войска 3-го корпуса при мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, и заговорщики рѣшили, что въ первую ночь послѣ пріѣзда Его Величества въ павильонъ парка Александріи, при смѣнѣ караула, нѣсколько одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры офицеровъ (въ томъ числѣ разжалованныхъ), коихъ они считали готовыми на злодѣйство, ворвутся въ комнаты Государя и умертвятъ его [2]). Тогда же Муравьевъ-Апостолъ, Швейковскій и Тизенгаузенъ должны были произвести возмущеніе въ лагерѣ, идти на Кіевъ и на Москву. Муравьевъ думалъ изъ Кіева отправиться въ Петербургъ, дѣйствовать на Сѣверное Общество и съ нимъ; Бестужевъ опредѣлялъ себя въ начальники Черниговскаго полка. Но смотра не было; потому даже не сдѣлано предложенія назначаемымъ въ убійцы [3]) и, можетъ быть, не рожденнымъ для злодѣйства офицерамъ и рядовымъ; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Жуковъ, выписанный изъ гвардіи, говорилъ послѣ (такъ свидѣтельствуетъ Бестужевъ-Рюминъ): „Знаю, что для успѣха намъ нужна смерть Государя; однакожъ, если жребій велитъ мнѣ быть исполнителемъ ужаснаго приговора, то я самъ себя лишу жизни".

Но исполненіе сихъ преступныхъ намѣреній только что отлагалось; оно, какъ явствуетъ изъ множества показаній, было постоянною мыслію руководителей Южнаго Тайнаго Общества. Уже и въ 1821 году, по свидѣтельству ротмистра Ивашева, вскорѣ послѣ возобновленія союза на Югѣ, въ одномъ собраніи, гдѣ находились Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, князь Барятинскій, Вольфъ, Крюковы 1-й и 2-й и Басаргинъ, члены провозгласили торжественно, что цѣль ихъ есть измѣненіе существующаго въ государствѣ порядка, во что бы ни стало, предполагая не только упраздненіе престола, но истребленіе всѣхъ лицъ, кои могли бы тому пре-

---

[1]) Также Поджіо, В. Давыдова и Сергѣя Муравьева.

[2]) Швейковскій утверждаетъ, что по его мнѣнію должно было только арестовать Государя.

[3]) Сихъ только они между собою называли заговорщиками, другихъ же соумышленниковъ революціонерами.

нятствовать; средства къ сему предоставляли избрать директорамъ, Пестелю и Юшневскому, и для того вручали имъ власть неограниченную [1]). Въ другомъ засѣданіи, при Юшневскомъ, Аврамовѣ, Ивашевѣ, двухъ Крюковыхъ, князѣ Барятинскомъ и штабъ-лекарѣ Вольфѣ (который показываетъ сіе), Пестель требовалъ рѣшительнаго утвержденія плана его ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія посредствомъ вооруженной силы, и упразднить Царствующій Домъ. Члены изъявили согласіе. Въ 1822 году, князь Барятинскій, принимая въ общество полковника Фалленберга, взялъ съ него клятву жертвовать всѣмъ и даже покуситься на жизнь Императора [2]). Въ 1823 году младшій изъ братьевъ Поджіо [3]), вступивъ въ Союзъ, нашелъ, что всѣми (Южными) Управами положено было цѣлію установленіе республики, но изъ осторожности не вдругъ открывать сіе нововводимымъ. Въ семъ же году Поджіо видѣлъ въ Петербургѣ князя Барятинскаго и письмо, которое онъ привозилъ отъ Пестеля къ Никитѣ Муравьеву. Пестель спрашивалъ о числѣ членовъ, силѣ, успѣхахъ Сѣвернаго Общества; готовы ли въ Петербургѣ къ возмущенію? и прибавлялъ: „Les demi-mesures ne valent rien; isi nous voulons avoir maison nette (слабыя мѣры ни къ чему не годятся: мы здѣшніе, думаемъ все до чиста искоренить). “Какъ! вскричалъ Никита Муравьевъ, они тамъ Богъ вѣсть, что затѣяли: хотятъ всѣхъ“. Князь Барятинскій требовалъ рѣшительнаго отвѣта, Никита Муравьевъ объявлялъ, что ихъ намѣреніе начать съ обращенія умовъ (commencer par la propagande); но имъ (Никитою Муравьевымъ), какъ утверждаетъ въ своихъ показаніяхъ Поджіо, иные въ Петербургѣ тогда были не довольны, хуля его медлительность, бездѣйствіе, холодность. Въ числѣ тѣхъ, кои желали скорыхъ мѣръ, не ужасаясь злодѣйства, Поджіо именуетъ Митькова, который на свиданіи у Оболенскаго сказалъ ему: „Я съ вашимъ мнѣніемъ (о погубленіи всей Императорской Фамиліи) согласенъ совершенно, до корня [4]); князя Валеріана Голицына, повторившаго слова Митькова [5]); Рылѣева, исполненнаго отваги, какъ говоритъ показатель, но хотѣвшаго дѣйствовать и на умы, сочиненіемъ возмутительныхъ пѣсенъ и Катехизиса свободнаго человѣка [6]), наконецъ и Матвѣя Муравьева-Апостола [7]). Поджіо представляетъ его одним изъ жаркихъ приверженниковъ Пестеля и республиканскаго правленія, готовымъ произнести смертный приговоръ Царствующему Дому, только съ тѣмъ (сію мысль, по другимъ показаніямъ, имѣли и братъ его Сергѣй, и Бестужевъ-Рюминъ, и Пестель), чтобы злодѣйство, ими внушенное, казалось дѣломъ другихъ, послѣдствіемъ заговора, составленнаго внѣ ихъ Тайнаго Общества, и чтобы они могли избѣгнуть отъ кары праведнаго всеобщаго омерзѣнія [8]). Но сіи мнѣнія Матвѣя Муравьева значительно измѣнились въ теченіе слѣдующаго года; ибо въ найденномъ между бумагами брата его Сергѣя письмѣ (отъ 3-го Ноября 1824) онъ, напротивъ, изъявляетъ благоразуміе, старается удержать брата отъ всякихъ покушеній, доказываетъ ему, если небеззаконность, то по крайней мѣрѣ безразсудность предпріятія и невозможность успѣха. „Духъ въ гвардіи“, пишетъ онъ, „и вообще въ войскахъ и на-

---

[1]) На очныхъ ставкахъ, подтвердивъ показаніе Ивашева, нѣкоторые (Юшневскій, Басаргинъ, князь Барятинскій и Крюковъ 2-й) прибавили, что сіе происходило въ томъ самомъ засѣданіи, въ коемъ положено было не признавать Общества разрушеннымъ.

[2]) Показаніе Фалленберга; и князь Барятинскій сознался въ этомъ на очной съ нимъ ставкѣ.

[3]) Показаніе самого Поджіо.

[4]) Митьковъ сознавался въ томъ на очной ставкѣ съ Поджіо; послѣ онъ опять началъ запираться.

[5]) Онъ, однакожъ, въ этомъ не признается.

[6]) Рылѣевъ только думалъ кончить сей Катехизисъ свободнаго человѣка, начатый Никитою Муравьевымъ, но не успѣлъ. Въ сочиненіи возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ онъ признался.

[7]) Самъ Сергѣй Муравьевъ, въ одномъ изъ послѣднихъ отвѣтовъ своихъ, утверждаетъ, что, сверхъ названныхъ подполковникомъ Поджіо сіе мнѣніе объ истребленіи Императорской Фамиліи раздѣляли въ Петербургѣ еще многіе изъ членовъ, и въ томъ числѣ главныхъ, Сѣвернаго Общества. Нѣкоторые признали справедливость сего показанія, какъ сіе подробно означено въ особыхъ о каждомъ запискахъ; о другихъ онъ самъ объявилъ послѣ, что не говорилъ съ ними о томъ; противились же сему мнѣнію, какъ показываетъ онъ, князь Трубецкой и Никита Муравьевъ. Онъ приводитъ слова послѣдняго: „je vais dire à ces messieurs, que la Famille Impériale est sacrée (я объявляю этимъ господамъ, что Императорская Фамилія должна быть священна).

[8]) Пестель, если вѣрить словамъ Никиты Муравьева, думалъ даже сихъ заговорщиковъ-убійцъ, имъ возбужденныхъ, немедленно казнить смертію, и такимъ образомъ будто бы отмщая за Императорскую Фамилію, отклонить отъ своего Общества всякое подозрѣніе въ участіи. На очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ Пестель не признался въ семъ послѣднемъ намѣреніи.

родѣ совсѣмъ не тотъ, какой мы предполагали. Государь и Великіе Князья любимы; они съ властію имѣютъ и способы привязывать къ себѣ милостями; а мы, что можемъ обѣщать, вмѣсто чиновъ, денегъ и спокойства? Метафизическія разсужденія о политикѣ и двадцатилѣтнихъ прапорщиковъ въ правители государства. Изъ Петербургскихъ умнѣйшіе начинаютъ видѣть, что мы обманываемся и обманываемъ другъ друга, твердя о нашихъ силахъ. Въ Москвѣ я нашелъ только двухъ членовъ, которые сказали мнѣ: здѣсь ничего не дѣлаютъ, да и дѣлать нечего" [1]).

По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ Тайномъ Обществѣ, точно не стыдясь, обманывали другъ друга. Такъ генералъ-маіоръ князь Сергѣй Волконскій сообщалъ Пестелю, что онъ подговорилъ многихъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19-й дивизіи, за исключеніемъ лишь полка его личнаго непріятеля Бурцова; называлъ нѣкоторыхъ, будто бы принятыхъ имъ или приготовленныхъ, и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышлено, изъ тщеславія, для доказательства его преступнаго усердія. Такъ они говорили въ Южномъ Обществѣ, что ихъ главныя силы на Сѣверѣ, и тамъ должно начаться дѣйствіямъ; а въ Петербургѣ, что все готово на Югѣ; утверждали иногда, что Москва рѣшитъ дѣло, а въ Москвѣ не было уже и Управы и очень мало членовъ, большею частію, отставшихъ отъ Союза; говорили также, и также ложно, что есть Тайныя Общества на Кавказѣ и въ Харьковѣ (послѣднее будто бы подъ начальствомъ графа Якова Булгари). Но то же самое чувство тщеславія не допускало ихъ ни сердиться за обманъ, ни признаваться въ перемѣнѣ образа мыслей. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, послѣ означеннаго выше письма къ брату, въ коемъ онъ сверхъ того изъявилъ весьма невыгодное мнѣніе о Пестелѣ, послѣ разговора въ томъ же духѣ съ пріѣзжавшимъ къ нему въ деревню маіоромъ Лорсромъ вдругъ снова началъ увѣрять Пестеля въ привязанности къ нему, въ рвеніи къ успѣху его плановъ [2]). Сей послѣдній (Пестель), какъ свидѣтельствуютъ Никита Муравьевъ, другіе допрошенные и самый ходъ происшествій, былъ въ Южномъ Обществѣ не только директоромъ, но полнымъ властелиномъ; большая часть членовъ слѣпо ему вѣрила; иные, въ томъ числѣ начальникъ одной изъ Управъ, князь Сергѣй Волконскій, не знавъ его проекта Конституціи, хотѣли всѣмъ жертвовать для введенія предположеннаго въ ней образа правленія [3]). Впрочемъ, по нѣкоторымъ показаніямъ, онъ часто дѣйствовалъ такъ, чтобы его мысли и намѣренія были предложены не имъ и даже казались не его внушеніемъ. Подполковникъ Поджіо встрѣтился съ нимъ въ первый разъ осенью 1824 года. Пестель зналъ, что онъ членъ ихъ Общества, зналъ, что онъ изъ такихъ, коихъ, по словамъ его, не было нужды пришпоривать, но сперва говорилъ очень осторожно, только искалъ плѣнить его умомъ, велерѣчіемъ, лестью, много разсуждалъ о различныхъ формахъ правленія, началъ отъ Нимврода, и особенно охуждалъ наслѣдственный въ Монархіяхъ порядокъ. Но когда Поджіо, въ восторгѣ, который въ другомъ случаѣ можно бы назвать дѣтскимъ, вскричалъ: „Должно признаться, что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ государственной наукѣ, они были ученики, и наука въ младенчествѣ": то онъ сталъ мало—по—малу намекать о томъ, что для торжества ихъ идей нужны усилія, жертвы. Отвѣтъ уже воспламененнаго до бѣшенства и нынѣ горько раскаявшагося Поджіо былъ готовъ: принесемъ на жертву всѣхъ. Тогда Пестель, сжавъ руку, сказалъ: Давай считать ихъ по пальцамъ; для удара я готовлю двѣнадцать, удальцевъ. Барятинскій уже набралъ нѣкоторые. Дошедши до царственныхъ особъ женскаго пола, онъ на минуту остановился: „знаешь ли Поджіо, что это ужасно!"и однакожъ заключилъ свой страшный счетъ числомъ 13-ть, прибавя: Если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ; у всѣхъ великихъ

---

[1]) Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ показываетъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ, что онъ былъ въ необыкновенномъ расположеніи души, когда видѣлся съ Поджіо въ Петербургѣ; долго не получая извѣстій о братѣ своемъ Сергѣѣ, онъ вообразилъ, что заговоръ открытъ и братъ его подъ стражею. „Терзаемый горестію, страхомъ", говоритъ онъ, „я въ безуміи хотѣлъ мести, хотѣлъ самъ покуситься на жизнь Государя, и объявлялъ о своемъ намѣреніи кавалергардскимъ офицерамъ, Вадковскому, Свистунову, Артамону Муравьеву". Первый думалъ для сего употребить бывшее у него духовое ружье; послѣдній назначалъ день, когда его эскадронъ будетъ въ караулѣ. Но Матвѣй Муравьевъ, узнавъ, что братъ его свободенъ, успокоился и оставилъ мысль о злодѣйственномъ покушеніи. Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ вышеупомянутыхъ офицеровъ (Ѳеодоръ Вадковскій) предполагалъ, между прочими способами для исполненія повелѣній ихъ Общества, убить покойнаго Императора и всѣхъ членовъ его августѣйшей фамиліи на какомъ-нибудь большомъ придворномъ балѣ, и тутъ же провозгласить установленіе Республики. Подпоручикъ Кривцовъ и корнетъ Александръ Муравьевъ говорятъ, что, находя сіе предположеніе нелѣпымъ, сочли за шутку.

[2]) Уступая просьбамъ брата, какъ онъ утверждаетъ; даже письма его къ Пестелю сочинены не имъ, а братомъ его Сергѣемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

[3]) Князь Сергѣй Волконскій говоритъ самъ, что онъ видѣлъ только небольшіе отрывки Пестелевой Русской Правды, и что главнѣйшія основанія оной были ему вовсе неизвѣстны.

княгинь есть дѣти. Довольно объявить ихъ лишенными правъ на царство; и кто захочетъ престола облитаго кровью? „Но Пестель самъ, какъ показываетъ его сообщникъ-обвинитель, хотѣлъ для себя по крайней мѣрѣ власти царской. „Кто же“, спрашивалъ онъ у Поджіо, „будетъ главою Временнаго Правительства?“—„Кому быть кромѣ того, кто начинаетъ и безъ сомнѣнія совершитъ великое дѣло революціи, кромѣ Васъ?“—„Неловко мнѣ, нося имя не Русское“.—„Что нужды! Вы уймете самое злорѣчіе, удалясь, какъ Вашингтонъ, въ среду простыхъ гражданъ; вѣдь Временное Правительство недолго будетъ дѣйствовать, годъ много два.“—„О, нѣтъ!“ возразилъ Пестель, „не менѣе десяти лѣтъ; оно необходимо для однихъ предварительныхъ мѣръ; между тѣмъ, чтобы не роптали, можно занять умы внѣшнею войною, возстановленіемъ древнихъ республикъ въ Греціи. А окончивъ великій подвигъ, я заключусь въ Кіевской Лаврѣ, буду схимникомъ, и тогда примусь за вѣру“ [1]).

Ослѣпляя такимъ образомъ людей незрѣлаго ума въ своемъ непосредственномъ кругу, зарождая или, по крайней мѣрѣ, укореняя въ ихъ сердцахъ беззаконныя и безчеловѣчныя намѣренія, директоръ Южнаго Тайнаго Общества продолжалъ стараться и о томъ, чтобы распространить свое вліяніе на Сѣверную Думу [2]). Князь Сергѣй Волконскій, Давыдовъ, Швейковскій пріѣзжали въ Петербургъ (первый два раза), съ предложеніемъ соединить оба Общества, дѣйствовать вмѣстѣ, стремиться къ одной, опредѣленной южными членами, цѣли. Въ 1825 году былъ и самъ Пестель. Онъ, возвратясь на Югъ, увѣрялъ, что привелъ все въ желанный имъ порядокъ; что Общества Южное и Сѣверное соединились; что сначала ему противились во многомъ, и однажды онъ въ нетерпѣніи, ударивъ по столу, сказалъ: Такъ будетъ же Республика;—что наконецъ, всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами. Но члены Петербургскаго Общества показываютъ другое. Рылѣевъ утверждаетъ, что они думали соединиться съ Южнымъ для того единственно, чтобы надзирать за Пестелемъ и противодѣйствовать ему; что сего къ сожалѣнію не могли сдѣлать; а по словамъ Никиты Муравьева, Пестель послѣ пріѣзда въ Петербургъ, на собраніи, при князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, Николаѣ Тургеневѣ, Рылѣевѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, жаловался на дѣятельность Сѣвернаго Общества, на недостатокъ единства, точныхъ правилъ, на различіе устройствъ на Сѣверѣ и Югѣ. Въ Южномъ Обществѣ были Бояре, въ Сѣверномъ ихъ не было. Онъ предлагалъ слить оба Общества въ одно, назвать Боярами главныхъ Петербургскихъ членовъ, имѣть однихъ начальниковъ, всѣ дѣла рѣшить большинствомъ голосовъ Бояръ, обязать ихъ и прочихъ членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшеніямъ. Предложеніе было принято, какъ сказалъ князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи. „Мнѣ это весьма не понравилось“, говоритъ Муравьевъ, „и когда вскорѣ затѣмъ Пестель пришелъ ко мнѣ, то у насъ началось преніе. Пестель говорилъ, что надобно прежде всего истребить всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, заставить Синодъ и Сенатъ объявить наше Тайное Общество Временнымъ Правительствомъ съ неограниченною властію; что сіе Временное Правительство, принявъ присягу всей Россіи, роздавъ министерства, арміи, корпуса и прочія мѣста членамъ Общества, мало по малу, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, будетъ вводить новый порядокъ. Я на-

---

[1]) Пестель, также по свидѣтельству Поджіо, говорилъ и о людяхъ, коихъ намѣренъ былъ употребить, щедро обѣщая своимъ соумышленникамъ министерства и всѣ важныя мѣста въ государствѣ. О предателяхъ сказалъ, что имена ихъ записаны въ черную книгу и обречены мщенію, кинжаламъ, aqua tophana и проч. и проч. Послѣ, когда Василій Давыдовъ спросилъ у него при Поджіо: „Знаешь его и мое мнѣніе? всѣхъ! то онъ отвѣчалъ, усмѣхаясь: Да! Поджіо ужасный человѣкъ. На очной ставкѣ Пестель признался, что имѣлъ съ нимъ означенный выше разговоръ, но прибавя:—безъ театральныхъ движеній, и мнѣ никакой нужды не было воспламенять Поджіо, я нашелъ его готовымъ на все.

[2]) Тѣми же средствами-ласкательствомъ. Однажды въ разговорѣ съ Рылѣевымъ, какъ сей показываетъ, Пестель, чтобы привязать къ себѣ сего, тогда новаго члена, и узнать его образъ мыслей, изъявлялъ поперемѣнно разныя политическія мнѣнія: онъ былъ, говоритъ Рылѣевъ, и гражданиномъ Сѣверо-Американскимъ, то защитникомъ государственнаго устава Англіи, то Конституціи Испанской, и террористомъ, Наполенистомъ. Между прочимъ сказавъ, что и богатствомъ, и силой, и славой, Англія обязана своимъ законамъ, чрезъ минуту согласился съ Рылѣевымъ, что сіи законы устарѣли, не годятся для нашего вѣка, наполнены недостатками и могутъ плѣнять только слѣпую чернь, купцовъ, лордовъ и близорукихъ Англомановъ. Хваля Бонапарте, на слова Рылѣева, что даже честолюбцу должно, для собственной выгоды, подражать скорѣе Вашингтону, Пестель отвѣчалъ: правда; но если бы и вышелъ Наполеонъ, то все мы не будемъ въ проигрышѣ.

шелъ сей планъ, равно и варварскимъ и несбыточнымъ“ [1]. Въ слѣдствіе сего разговора, Никита Муравьевъ на другомъ собраніи Общества доказывалъ, что совершенное соединеніе ихъ съ Южнымъ невозможно, по дальности разстоянія и по несходству въ мнѣніяхъ; что въ Сѣверномъ всякій слѣдовалъ своему, а въ Южномъ, какъ онъ слышалъ, никто не противорѣчилъ Пестелю, и такъ большинство голосовъ было бы выраженіемъ одной его воли. Онъ же не сказывалъ, сколько у него Бояръ, и предоставлялъ себѣ право, вмѣстѣ съ своими Боярами, принимать новыхъ. Муравьевъ прибавилъ, что никогда не будетъ слѣпымъ орудіемъ рѣшеній большинства, которыя могутъ быть противны его совѣсти, и хочетъ имѣть свободу выйти изъ Общества. Его слова подѣйствовали; Пестель долженъ былъ согласиться оставить все въ прежнемъ видѣ до 1826 года, а тогда собрать уполномоченныхъ для постановленія правилъ и для избранія однихъ правителей въ оба Общества. Съ тѣхъ поръ онъ [2]) видимо охладѣлъ къ главнымъ членамъ Петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣщалъ прислать свой проектъ Конституціи, однако жъ не прислалъ и не входилъ ни въ какія объясненія объ устройствѣ и состояніи Южнаго Общества. О князѣ Сергѣѣ Волконскомъ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ былъ въ Петербургѣ послѣ Пестеля (вѣроятно, во второй разъ) и не имѣлъ никакихъ порученій, а только хвалилъ единодушіе Обществъ Сѣвернаго и Южнаго.

Въ семъ послѣднемъ безпрестанно оказывалось нетерпѣніе приступить къ дѣйствію, мятежамъ, и было останавливаемо только чувствомъ безсилія. Сіи порывы особенно волновали такъ называемую Васильковскую Управу, которая часто, какъ увѣряетъ Пестель, составляла планы, рѣшалась на предпріятія, даже и по его мнѣнію несбыточныя, безъ согласія Тульчинской Директоріи, но увѣдомляла ее обо всемъ. Сія Управа приняла многихъ новыхъ членовъ; она, какъ означено выше, вступила первая въ сношенія съ Польскимъ Обществомъ, и ею же въ 1825 году открыто другое Тайное Общество, Соединенныхъ Славянъ, которое было и не весьма многочисленно и незначительно, ни по званію, ни по свойствамъ членовъ своихъ, и коего существованіе продолжалось не болѣе двухъ лѣтъ. Основать оное вздумалъ, въ 1823 году, подпоручикъ артиллеріи Борисовъ 2-й, пригласивъ къ тому своего брата и одного Волынскаго шляхтича Люблинскаго. Онъ сочинилъ, а Люблинскій перевелъ на Польскій языкъ, формулу клятвеннаго обѣщанія для вступающихъ и краткій Катехизисъ Славянина. Въ немъ, между многими ученическими апофѳегмами о природѣ, о просвѣщеніи и предразсудкахъ, о простотѣ выраженій великодушія и надутомъ слогѣ рабства, сказано: „Не надѣйся ни на кого, кромѣ друзей и своего (оружія). Друзья тебѣ помогутъ, а оружіе тебя защититъ; и ты, если Славянинъ, и на землѣ твоей, при брегахъ морей ее окружающихъ, построишь четыре порта, Черный, Бѣлый, Далматскій, Ледовитый, воздвигнешь городъ и въ немъ своимъ могуществомъ посадишь на тронѣ богиню просвѣщенія, и проч. и проч. Желаешь сего, жертвуй 10-ю частію своихъ доходовъ, и будешь обитать въ сердцѣ друзей.“ Къ клятвѣ, обѣщаясь хранить тайну, дѣйствовать для блага Славянскихъ племенъ, они прибавляли: „Если измѣню, то да буду наказанъ и угрызеніемъ совѣсти, и симъ оружіемъ, надъ коимъ произношу присягу. Да внидетъ оно остріемъ въ сердце мое, да истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сцѣпленіемъ неслыханныхъ бѣдъ“. Цѣлію Общества они полагали соединить общимъ союзомъ и единобразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь Славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осміугольной печати ихъ: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей. Средствъ для сего предпріятія, они, какъ говорятъ единогласно въ показаніяхъ, не имѣли никакихъ до самаго конца. Заводя сіе Общество, Борисовъ старался только умножать число членовъ, и чтобы придать ему важности, увѣрялъ принимаемыхъ, что оно сильно, что средоточіе онаго въ Петербургѣ, отрасли во всѣхъ земляхъ, населенныхъ Славянами, и что основатель Общества есть извѣстный Молдавскій князь, который теперь не въ Россіи. Въ лжи-

---

[1]) Планъ самаго Муравьева, какъ онъ показываетъ, былъ слѣдующій:

1) Окончивъ свой проектъ Конституціи, раздать множество экземпляровъ онаго людямъ всѣхъ состояній.

2) Произвести возмущеніе въ войскѣ и тогда напечатать сей проектъ.

3) По мѣрѣ успѣховъ возмущенія, во всѣхъ занятыхъ мѣстахъ учреждать предположенныя имъ новыя начальства и другія присутственныя мѣста.

и 4) Если бы Императорская Фамилія не согласилась принять его Конституцію, то изгнать ее и предложить установленіе республиканскаго правленія, но только въ сей крайности; ибо онъ въ концѣ 1822 года, какъ увѣряетъ, отчасти перемѣнилъ свой образъ мыслей и призналъ превосходство монархическихъ формъ надъ республиканскими.

[2]) Слова Никиты Муравьева.

вости сего и въ причинахъ побудившихъ его вымыслить разсказываемую имъ басню онъ въ послѣдствіи признавался Бестужеву-Рюмину, и тоже подтвердилъ на допросахъ предъ Коммиссіею. Когда онъ и другіе члены сего Тайнаго Общества познакомились съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, ихъ было 36 человѣкъ [1]), большею частію молодыхъ офицеровъ артиллеріи и нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полковъ 3-го корпуса. Сей корпусъ стоялъ тогда лагеремъ у мѣстечка Лещина. Многіе изъ товарищей Муравьева и Бестужева-Рюмина по Южному Обществу видались съ ними ежедневно, полковники: Швейковскій, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Враницкій, маіоръ Спиридовъ; положено, чтобы Бестужевъ, обратилъ Соединенныхъ Славянъ къ своей цѣли. Ему было не трудно доказать невозможность когда-либо исполнить ихъ собственный планъ; онъ прибавилъ къ сему, что обязанность Русскаго думать о преобразованіи Россіи, прежде иныхъ соплеменныхъ намъ народовъ, и потомъ, говоря именемъ своего многочисленнаго могущественнаго Общества, распространившаго отрасли свои по всей Имперіи, именемъ Верховнаго Правленія, сокровеннаго даже и для большой части членовъ въ непроницаемой тайнѣ, пригласилъ ихъ содѣйствовать и повиноваться ему безпрекословно. Всѣ тутъ бывшіе согласились [2]). Общество Славянъ присоединилось къ Южному, то есть, къ Васильковской Управѣ; они обязались клятвою, цѣлуя образъ, который Бестужевъ снялъ съ шеи; а онъ, объявивъ, что должно стремиться къ испровержению настоящаго порядка посредствомъ военной силы, раздѣлилъ ихъ на округи. Начальники сихъ округовъ, для артиллерійскихъ Горбачевскій, для пѣхотныхъ Спиридовъ, назывались Посредниками; ибо чрезъ нихъ Соединенные Славяне сносились съ Бестужевымъ и Южнымъ Обществомъ. Потомъ онъ показывалъ имъ проектъ новыхъ республиканскихъ законовъ [3]) и увѣрялъ, что князь Трубецкой возилъ его на разсмотрѣніе лучшихъ иностранныхъ публицистовъ, кои всѣ одобрили сіе законоположеніе [4]). Наконецъ, требовалъ, чтобы они подговаривали солдатъ и готовились, по его предписанію, начать возмущеніе не позднѣе Августа 1826 года, при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, а, можетъ быть, и прежде. Затѣмъ, на собраніяхъ у него и Муравьева, гдѣ бывали и вышепоименованные члены Южнаго Общества и нѣкоторые изъ Соединенныхъ Славянъ [5]), они оба твердили имъ безпрестанно о близости, о пользѣ революціи, воспламеняли ихъ воображеніе и страсти, сначала намекали, потомъ говорили ясно и рѣшительно о необходимости посягнуть на жизнь Императора Александра, истребить всю династію. Одинъ изъ Общества Соединенныхъ Славянъ (Горбачевскій) сказалъ: „Но это противно Богу и Религіи".—„Неправда", возразилъ Сергѣй Муравьевъ, и сталъ имъ читать свои выписки изъ Библіи, коими, ложно толкуя ихъ, хотѣлъ доказать, что монархическое правленіе не угодно Небу. „Надобно", повторялъ Бестужевъ, „самый прахъ ихъ (членовъ Императорской Фамиліи) развѣять по землѣ. Послѣдствій такихъ, какъ во Франціи, бояться не должно: тамъ началъ революцію народъ, а не войско; у нихъ не было хорошей Конституціи, одна смѣняла другую, всѣ были наполнены недостатками, и между верховными правителями ихъ, консулами, былъ человѣкъ отважный съ обширнымъ геніемъ. У насъ противъ всего подобнаго взяты мѣры [6])."

Во время сихъ свиданій и переговоровъ, члены Васильковскаго Округа едва не рѣшились, не медля, поднять знамя бунта. Получено извѣстіе, что у одного изъ нихъ (Швейковскаго) отнятъ полкъ. Онъ былъ въ отчаяніи; сообщники его также, и по участію въ немъ, и потому, что съ нимъ лишались надежды привлечь къ содѣйствію полкъ, коимъ онъ начальствовалъ. Въ первыя минуты раздраженія, они [7]) опредѣлили возмутить 3-й корпусъ (дивизіи 8-ю и 9-ю пѣхотныя, 3-ю гусарскую и артиллерію сихъ дивизій) и идти на Кіевъ, потребовавъ совѣта и помощи у Пестеля; хотѣли также послать убійцъ въ Таганрогъ и полковникъ Артамонъ Муравьевъ предложилъ себя. „Ты намъ нуженъ здѣсь для своего полка", отвѣчали ему. Бестужевъ, для совершенія злодѣянія, взялся найти человѣкъ до 15 [8]) изъ Соединенныхъ Славянъ и

---

[1]) Кои означены въ одномъ изъ приложенныхъ списковъ.

[2]) Борисовъ 2, Горбачевскій, Пестовъ, Тютчевъ, Бечасновъ, Громницкій, Андреевичъ 2, Веденяпинъ 1, Мозгалевскій, Щипилла, Шимковъ, Кирѣевъ и Мозганъ. Сверхъ того присоединились къ Южному Обществу, но не присягали, Ивановъ и Лисовскій.

[3]) Государственный Завѣтъ, сокращеніе Русской Правды Пестеля.

[4]) Они въ самомъ дѣлѣ думали послать свой проектъ Конституціи для исправленія нѣкоторымъ Французскимъ и Англійскимъ литераторамъ, коихъ образъ мыслей считали близкимъ къ своему; сіе объявляетъ Бестужевъ-Рюминъ.

[5]) Тютчевъ, Борисовъ 2-й, Горбачевскій, Пестовъ, Бечасновъ, Громницкій, Андреевичъ 2-й, Берстель, Мозгалевскій.

[6]) Показаніе Бечаснаго.

[7]) То-есть: Сергѣй, Артамонъ Муравьевы и Бестужевъ-Рюминъ. Враницкій не былъ на ихъ первыхъ совѣщаніяхъ; Швейковскій въ горести тогда все молчалъ; Тизенгаузенъ также говорилъ очень мало.

[8]) Такъ показываютъ штабсъ-капитанъ Корниловъ и самъ Бестужевъ.

другихъ, непринадлежавшихъ ни къ какому Тайному Обществу, но извѣстныхъ ему и надежныхъ по ихъ образу мыслей и характеру. Онъ составилъ имъ списокъ; но не всѣ, коихъ имена были въ ономъ изъявили согласіе [1]). Нѣкоторымъ онъ и не открывалъ своихъ намѣреній, какъ видно полагаясь на общую данную ими присягу въ слѣпомъ повиновеніи. Но не долго они занимались своими преступными мечтами; опомнясь, самъ Швейковскій убѣдительно, со слезами, просилъ товарищей не жертвовать собою за него, отложить всякое дѣйствіе. Чувствуя всю невѣроятность удачи, они согласились и однакоже дали другъ другу слово начать непремѣнно въ 1826 году. И тогда они думали убіеніемъ Императора Александра подать знакъ къ повсемѣстнымъ смятеніямъ, принудить Сенатъ провозгласить избранную ими Конституцію и составить три лагеря: первый у Кіева, подъ командою Пестеля, второй у Москвы, подъ командою Бестужева-Рюмина, третій близъ Петербурга, гдѣ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ долженъ былъ явиться, чтобъ принять начальство надъ гвардіею. Такъ имъ все казалось легко! Но одинъ (полковникъ Тизенгаузенъ), иногда казавшійся ревностнымъ, даже предлагавшій составить кассу для предпріятій Общества и продать для сего послѣднее платье жены своей, говорилъ: „Начинать черезъ годъ! Развѣ черезъ десять лѣтъ! [2]) „Артамонъ Муравьевъ еще нѣсколько времени упорствовалъ въ желаніи не откладывать и ѣхать для убійства въ Таганрогъ; Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ утверждаютъ, что ему вѣрили, считая его самохваломъ, яростнымъ“ болѣе на словахъ, нежели въ самомъ дѣлѣ; онъ самъ признался предъ Коммисіею въ истинѣ приписываемыхъ ему словъ и умысла.

По снятіи Лещинскаго лагеря, они разстались, твердя о планѣ на 1826-й годъ между собою и Соединеннымъ Славянамъ чрезъ Бестужева. Онъ имъ повторялъ, что при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, будетъ удобный случай произвести мятежъ и и всѣ замышленныя ими перемѣны, увѣрялъ снова въ силѣ своего Тайнаго Общества, уже неимѣющаго нужды въ новыхъ членахъ и, требуя отъ нихъ крови священной, утверждалъ, что не будетъ кровопролитія; наконецъ, совѣтовалъ, предписывалъ приглашать къ сообщничеству фейерверкеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Сіе порученіе было исполняемо, хотя не всѣми и не всегда съ успѣхомъ; ибо нѣкоторымъ солдаты, на ихъ лукавыя обѣщанія и слова, что пора избавиться отъ несправедливости начальниковъ, по большей части Нѣмцевъ, отвѣчали: Невѣримъ, это все пустое, или: Хорошо, мы съ вами, если только въ этомъ не будетъ бунта, или какого иного худа. Иные даже спрашивали: да полно, батюшка, не противно ли это присягѣ и знаетъ ли про то Государь? И, ругаясь надъ ихъ простодушнымъ легковѣріемъ, имъ говорили, что все согласно съ присягою и будетъ извѣстно Государю.

Директоры Южнаго Общества были, какъ сіе означено выше, увѣдомляемы о дѣлахъ и предположеніяхъ Васильковской Управы. Сергѣй Муравьевъ тогда уже самъ былъ однимъ изъ директоровъ. Пестель въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что онъ не одобрялъ ихъ плановъ, зналъ невозможность исполненія, предвидѣлъ, что и въ 1826 году нельзя будетъ ни на что рѣшиться; но по другимъ показаніямъ [3]), онъ нѣсколько разъ говорилъ: „Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ; однакожъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него“. Онъ повторялъ сіи слова и послѣ кончины Государя Императора Александра, ибо непритворная, всеобщая горесть отечества не перемѣнила ни расположенія заговорщиковъ, ни главныхъ намѣреній ихъ. Одинъ изъ членовъ и бояръ (Ѳеодоръ Вадковскій) писалъ въ то время изъ Курска къ Пестелю (это письмо достойно замѣчанія): „Вотъ случай, коимъ Общество могло бы воспользоваться, еслибы оно было готово; но онъ пропущенъ. Будемъ ждать, что сдѣлаетъ новое правительство. Если оно будетъ дѣйствовать дурно, то сіе, умноживъ число недовольныхъ, увеличитъ наши силы; въ противномъ же случаѣ, при общемъ благоденствіи, имѣя и болѣе свободы, удвоимъ старанія, чтобы скорѣе испровергнуть его“. Многіе изъ допрошенныхъ [4]) свидѣтельствуютъ, что уже послѣ сего, Пестелемъ и его главными соумышленниками, было положено, 1-го Января нынѣшняго года по вступленіи Вятскаго полка, коимъ Пестель командовалъ, въ караулъ въ Тульчинѣ, арестовать главнокомандующаго 2-й арміи и начальника штаба, и тѣмъ подать знакъ возмущенію, какъ донесеніе капитана Майбороды, удостовѣривъ въ существованіи Тайнаго Общества, открыло всѣ планы онаго, и Пестель взятъ подъ стражу.

Между тѣмъ и въ Обществѣ Петербургскомъ явилась бо́льшая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленіи Рылѣева въ Думу,

---

[1]) Признались въ томъ Спиридовъ, Горбачевскій, Борисовъ 2-й, Бечасновъ, Пестовъ: они въ семъ случаѣ обязались новой клятвой, также цѣлуя образъ.

[2]) Тизенгаузенъ утверждаетъ, что онъ былъ только увлеченъ дружбой къ Сергѣю Муравьеву; хотя ужасался его намѣреній, даже хотѣлъ донести обо всемъ начальству, но былъ удержанъ отъ того болѣзнію.

[3]) Капитана Майбороды и Давыдова.

[4]) Давыдовъ, князь Сергѣй Волконскій, капитанъ Майборода.

на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого. Онъ и принятый имъ въ Апрѣлѣ 1825 года, причисленный къ Верхнему Кругу, Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріязнію, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что, съ перваго засѣданія его въ Кругѣ Убѣжденныхъ, онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ общества; что съ тѣхъ поръ до 27-го Ноября, онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средствъ удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами; что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу. Имъ и Рылѣевымъ, прямо и чрезъ другихъ, приняты многіе новые члены [1]); въ томъ числѣ вступили въ Общество, въ разныя времена, нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минувшаго Декабря: Николай, Михайла, Петръ Бестужевы, Сутгофъ, Пановъ, князь Одоевскій, князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ, служившій въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ. Чрезъ него [2]) Рылѣевъ дѣйствовалъ на кругъ молодыхъ офицеровъ сего экипажа, кои не были членами ни Сѣвернаго, ни Южнаго Тайнаго Общества, и не составляли особеннаго, а только любили собираться, чтобы въ нескромныхъ разговорахъ охуждать правительство, хвалить Конституцію Американскихъ Штатовъ, мечтать о введеніи новаго республиканскаго порядка въ Россіи. На сихъ, впрочемъ, весьма малочисленныхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ Арбузовымъ, первенствовалъ Завалишинъ, также молодой флотскій офицеръ, недавно возвратившійся изъ отдаленнаго морского путешествія. Онъ увѣрялъ товарищей, что принадлежитъ къ таинственному Вселенскому ордену Возстановленія, который, будто бы имѣя членами важнѣйшихъ людей въ разныхъ государствахъ, стремится къ преобразованію всѣхъ правительствъ въ Европѣ и Америкѣ; прибавлялъ, что статуты сего ордена (писанные, по словамъ читавшаго ихъ Рылѣева, двусмысленно, въ духѣ, который можно назвать и монархическимъ и республиканскимъ), онъ доводилъ до свѣдѣнія покойнаго Императора Александра, прося его согласія на подобное установленіе въ Россіи; не смотря на то, онъ находилъ (такъ показываетъ мичманъ Бѣляевъ 1-й), что Государь и Августѣйшій Домъ его будутъ всегда препятствіемъ въ успѣхѣ замышляемыхъ имъ перемѣнъ и спачала полагалъ вывезти ихъ за границу; потомъ онъ и особливо Арбузовъ, стали говорить, что лучше всѣхъ истребить. Слыша о сихъ предположеніяхъ, другіе сперва ужасались, но послѣ, мало-по-малу привыкая, становились равнодушнѣе. Такимъ образомъ ихъ готовили въ орудія Тайнаго Общества, почти имъ неизвѣстнаго, ибо Арбузовъ по крайней мѣрѣ неясно объ ономъ разсказывалъ [3]).

---

[1]) Рылѣевъ имѣлъ намѣреніе, одобренное Сѣверною Думою, принимать и купцовъ; онъ о томъ совѣтовался съ барономъ Штейнгейлемъ, который сказалъ, что это невозможо, что наши купцы невѣжды (показаніе Рылѣева и самаго Штейнгейля).

[2]) А на него самого, прежде принятія въ Общество, чрезъ Николая Бестужева.

[3]) Одинъ (Дивовъ) даже старался превзойти Арбузова и Завалишина въ изъявленіяхъ кровожадности: онъ самъ признается въ семъ безуміи. Завалишинъ утверждаетъ, что большая часть его поступковъ и словъ были, по крайней мѣрѣ вначалѣ, не что иное какъ благонамѣренная хитрость; что онъ еще въ малолѣтствѣ, читая Священное Писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія истины, и что онъ тогда же вздумалъ учредить Орденъ Возстановленія. „Сперва“, говоритъ онъ, „я полагалъ цѣлію одно торжество истинъ Вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе: хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, будто бы для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ Европы, стараться вывести изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые желаютъ перемѣнъ и смятеній. Написанные мною статуты Ордена, на подобіе Малтійскихъ, я представлялъ Императору Александру, онъ похвалилъ мое усердіе, но не принялъ плана, что крайне меня огорчило. Вскорѣ затѣмъ, имѣвъ несчастіе войти въ связи съ симъ коварнымъ злодѣемъ Рылѣевымъ, я узналъ, что есть Тайное Общество враждебное правительству и рѣшился было донести о томъ; но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о Тайномъ Обществѣ чрезъ другихъ, и для сего дозволялъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившіяся нынѣ къ моей гибели. Я говорилъ, что Орденъ Возстановленія существуетъ, показывалъ статуты, не тѣ, которые представлялъ покойному Государю, а другіе и въ другомъ духѣ, мною же нарочно для того сочиненные. Но обманывая другихъ, самъ сдѣлался жертвою обмана: мой собственный образъ мыслей начиналъ измѣняться; сердце тускнѣло, а я не замѣчалъ въ немъ пятенъ; наконецъ, сталъ увѣрять себя и повѣрилъ, что намѣренія Рылѣева могли быть чистыя, что во всякомъ случаѣ позорно быть доносителемъ“. На него, уже послѣ сего объясненія, показали Арбузовъ, Бѣляевъ 1-й и Дивовъ, что онъ имъ читалъ съ жаромъ и восторгомъ стихи будто бы имъ писанные и

Около сего же времени, то есть въ теченіе 1825 года, члены Сѣверной Думы познакомились съ пріѣхавшимъ изъ Грузіи капитаномъ Якубовичемъ. Александръ Бестужевъ открылъ ему о существованіи Тайнаго Общества и предложилъ вступить въ оное, на что онъ не совсѣмъ согласился, говоря: „Не хочу принадлежать ни къ какому Обществу, чтобы не плясать по чужой дудкѣ; сдѣлаю свое; вы пользуйтесь этимъ, какъ хотите; я же, или постараюсь увлечь за собою войска, или, при неудачѣ, застрѣлюсь: мнѣ жизнь наскучила“. Подъ словами: сдѣлаю свое, Якубовичъ разумѣлъ намѣреніе убить Императора Александра, увѣряя, что онъ на сіе давно рѣшился изъ личной, восемь лѣтъ питаемой имъ мести. Причиною столь неимовѣрной злобы было то, что Якубовичъ въ 1817 году, за участвованіе въ одномъ несчастномъ поединкѣ, выписанъ изъ гвардіи въ Кавказскій корпусъ. Въ своихъ показаніяхъ предъ Коммиссіей, онъ утверждаетъ, что никогда не умышлялъ того въ самомъ дѣлѣ, а только желалъ удивлять своихъ сообщниковъ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и отчаянною дерзостію; но они не сомнѣвались, и по остатку ли добрыхъ чувствъ, или по разсчетамъ старались его удержать отъ дѣла безполезнаго, даже вреднаго[1]). Рылѣевъ, который послѣ говорилъ Трубецкому: „Якубовича можно бы спустить съ цѣпи, да что будетъ проку?“ хотѣлъ просить его на колѣняхъ отложить, хотя на мѣсяцъ или на два, грозя, если онъ не согласится, убить его, или донести правительству. Якубовичъ сказалъ, что уступаетъ просьбамъ, отлагаетъ до маневровъ или до Петергофскаго праздника, потомъ далѣе, наконецъ до Мая 1826 года, или даже на неопредѣленное время. Одинъ изъ допрошенныхъ (баронъ Штейнгель) слышалъ отъ Рылѣева, что когда Якубовичу объявили о кончинѣ Императора Александра, то онъ скрежеталъ зубами, досадуя, что лишился возможности совершить давно замышленное имъ злодѣйство[2]). Объ его намѣреніи знали и внѣ Петербурга: въ исходѣ Сентября, Никита Муравьевъ сообщалъ объономъ въ Москвѣ генералъ-маіорамъ Михайлу Фонъ-Визину и Михайлу Орлову. Они и самъ Муравьевъ говорили, что должно препятствовать Якубовичу всѣми возможными средствами, а въ крайности и увѣдомить правительство. Послѣдній (Орловъ) худо вѣрилъ извѣстію, видя въ ономъ хитрость, чтобы завлечь его опять въ Тайное Общество, будто бы для отвращенія злодѣйствъ и несчастій, посредствомъ его вліянія. Въ Кіевѣ князю Сергѣю Трубецкому доставилъ о томъ свѣдѣніе полковникъ Фонъ Бригенъ; оно дошло и до Васильковской Управы, ибо Сергѣй Муравьевъ, разсуждая о назначаемыхъ въ орудія цареубійства, упоминалъ объ Якубовичѣ[3]).

Осенью въ семъ же 1825 году, другой человѣкъ (подполковникъ Батенковъ), совсѣмъ иныхъ свойствъ, но также, какъ Якубовичъ, не бывшій членомъ Сѣвернаго Общества, а знавшій тайныя намѣренія руководителей онаго, вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рылѣевымъ и Александромъ Бестужевымъ. Рылѣевъ рѣшился сдѣлать Батенкова однимъ изъ своихъ главныхъ пособниковъ. Бестужевъ утверждаетъ, что онъ напротивъ долго подозрѣвалъ его, и слова, согласныя съ ихъ словами и образомъ мыслей, почиталъ способомъ извѣдыванія; однако же, говоря съ нимъ однажды о томъ, чтобы могло быть въ Россіи при иномъ образѣ правленія, онъ прибавилъ: „Есть 20 или 30 удалыхъ головъ, которыя для такой перемѣны на все готовы“. Батенковъ отвѣчалъ: „Я почелъ бы себя недостойнымъ имени русскаго, если бы отсталъ отъ нихъ“. Вскорѣ послѣ того Рылѣевъ, пришедши къ Александру Бестужеву, вскричалъ: „Какъ ты былъ несправедливъ, сомнѣваясь въ Батенковѣ! Онъ нашъ“. Съ сихъ поръ они обходились съ нимъ какъ съ ближайшимъ сообщникомъ, не скрывая отъ него своихъ надеждъ и умысловъ, по крайней мѣрѣ главнаго: перемѣны правленія; но насчетъ силъ и средствъ Тайнаго Общества, кажется, умѣли обмануть его. Батенковъ, какъ самъ показываетъ сначала, въ разговорахъ съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ искалъ одной забавы, хотѣлъ блистать остроуміемъ и смѣлыми мечтами; но потомъ, лишась выгоднаго мѣста (въ Совѣтѣ Военныхъ Поселеній), по нечаянному стеченію обстоятельствъ и непріятнымъ образомъ, онъ, въ волненіи оскорбленнаго самолюбія, сталъ раздѣлять съ ними ихъ преступныя желанія, а мало-по-малу и планы, особливо познакомясь съ пріѣхавшимъ въ Октябрѣ изъ Кіева княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Впрочемъ, какъ видно изъ собственныхъ извѣтовъ Батенкова, его всегда влекли къ таинственности и къ замысламъ дерзостнаго честолюбія, и воображеніе, болѣе безпокойное, нежели живое, и высокая мысль о себѣ, и самые успѣхи по службѣ. Не знавъ еще Рылѣева и Бестужева,

---

наполненные гнуснѣйшими клеветами на покойнаго Императора Александра. Завалишинъ признался, что читалъ имъ сіи стихи, утверждая однакоже, что не онъ авторъ и не знаетъ, кѣмъ они сочинены; онъ прибавляетъ, что въ распаленіи страстей, коимъ ознаменовано время его преступнаго заблужденія, онъ былъ готовъ говорить все ужасное, чужое и свое.

[1]) Показанія Александра Бестужева.

[2]) Рылѣевъ на вопросъ о томъ объявилъ Коммиссіи, что Якубовичъ, вбѣжавъ къ нему, закричалъ: „Царь умеръ; это вы его у меня вырвали“.

[3]) Такъ показываетъ полковникъ Тизенгаузенъ.

онъ когда-то въ дорогѣ, думая о способахъ, коими правительство можетъ оградить себя отъ покушеній враждебныхъ ему Тайныхъ Обществъ, и находя, что къ сему оно должно употребить другія, имъ заводимыя сообщества, сочинилъ планъ Тайнаго Общества противъ правительства. Вѣроятно въ томъ, къ коему онъ несовершенно соединился, г. Батенковъ полагалъ силы, которыя предназначалъ своему. Онъ самъ говоритъ, что въ Рылѣевѣ видѣлъ не что иное, какъ агента настоящихъ сокровенныхъ правителей Общества и средоточіемъ онаго считалъ главную квартиру 2-й арміи; хотѣлъ однако же, посредствомъ связей съ здѣшними членами, преобразовать по своему плану, или, буде не успѣетъ, разрушить его, разгласивъ чрезъ своихъ знакомыхъ о существованіи заговора и наименовавъ князя Трубецкаго въ числѣ злоумышленниковъ. Я не подозрѣвалъ, прибавляетъ онъ, что уже стою между ими. Происшествія скоро доказали, что всѣ его предположенія были столь неосновательны, сколь и противозаконны; онъ ежедневно болѣе и болѣе увлекался въ сообщество съ мятежниками: сначала содѣйствовалъ имъ только изъявленіемъ сходнаго съ ихъ мнѣніями образа мыслей, а послѣ совѣтами, въ коихъ иногда оказывалъ умѣренность, даже нѣкоторое благоразуміе. Такъ, когда при немъ стали говорить о грабежѣ, кровопролитіи, и кто-то (Александръ Бестужевъ, какъ думаетъ князь Трубецкой) сказалъ: „Можно и во дворецъ забраться[1])“, то Батенковъ возразилъ съ жаромъ: „Сохрани Боже! Дворецъ во всякомъ случаѣ долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ безопасности общей“. Но часто другими словами, какъ будетъ означено ниже, онъ и одобрялъ ихъ къ дѣйствію. И они считали его важнымъ для себя пособникомъ; ибо, съ своей стороны обманываясь, полагали, что г. Батенковъ имѣетъ на значительныхъ въ государствѣ людей вліяніе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Потому льстили его чрезмѣрному самолюбію, и каждое слово его казалось имъ замѣчательнымъ. Ему, какъ онъ самъ показываетъ, случилось сказать въ шутку, что онъ желаетъ быть купцомъ, сдѣлаться градскимъ головою и возвысить это званіе въ достоинство лорда мейора; Якубовичъ тотчасъ подхватилъ: „Вы хотите быть головами, господа! Пусть такъ; но оставьте намъ руки“.

Пріѣздъ сего послѣдняго (Якубовича) въ Петербургъ, его разговоры, объявленный имъ умыселъ сильно дѣйствовали на тогдашняго начальника Сѣверной Думы Рылѣева; имъ, какъ утверждаетъ Александръ Бестужевъ, воспламенена тлѣвшаяся искра. Хотя и до того Рылѣевъ полагалъ, что Общество приступитъ къ началу при кончинѣ Императора Александра, или и прежде, если будетъ въ состояніи; но тогда уже (можетъ быть по извѣстіямъ съ Юга) сталъ намекать о возможности начать въ Маѣ 1826 года, даже и скорѣе: „Вотъ увидишь, когда возвратится Государь (изъ Таганрога), мы что нибудь предпримемъ“. Сіи слова сказаны имъ въ отвѣтъ на вопросъ Пущина: что они дѣлаютъ? привезенный изъ Москвы, въ Сентябрѣ, новымъ членомъ барономъ Штейнгелемъ, котораго побудило къ нимъ присоединиться (какъ онъ самъ искренно объявляетъ) между прочимъ и страданіе неудовлетвореннаго честолюбія, досада видѣть себя забытымъ, заброшеннымъ. Ему, какъ одному изъ менѣе ослѣпленныхъ, Рылѣевъ говорилъ: „Во 2-й арміи хотятъ Демократіи; но это вздоръ, невозможное дѣло; мы желаемъ Монархіи ограниченной“. Но онъ же, и почти въ то же время, восклицалъ при Батенковѣ, что въ Монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ, что въ Америкѣ только знаютъ хорошо правленіе, а Европа вся, и самая Англія въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія; когда же (сіе показываетъ Александръ Бестужевъ) представился вопросъ, какъ быть, если Императоръ не согласится на условія, и можно ли, помня примѣръ Испаніи, полагаться на вынужденное согласіе? то онъ (Рылѣевъ) сказалъ: „Южные отвергаютъ Монархію; ихъ мнѣніе принято и здѣсь; они берутся извести Государя при случаѣ“. Александръ Бестужевъ показываетъ также, что Рылѣевъ и Оболенскій вѣроятно вслѣдствіе южныхъ инстигацій, упоминали и о погубленіи всей Императорской Фамиліи. Показатель присталъ къ сему мнѣнію, но утверждаетъ, что притворно, и настаивалъ, вмѣстѣ съ Якубовичемъ, что на это нужно не менѣе 10-ти убійцъ, въ надеждѣ, что нельзя будетъ найти такого числа отчаянныхъ извергов, и тѣмъ устранится ударъ отъ главы священной. Я былъ крикунъ, а не злодѣй, пишетъ онъ, хотя предлагалъ себя для совершенія ненавистнаго дѣла; ибо зналъ, что меня Рылѣевъ не употребитъ; ему было извѣстно, что дѣйствовать на солдатъ должно людямъ чистымъ. Почти то же объявляетъ и Торсонъ, но Рылѣевъ не во всемъ сознается: увѣряетъ, что и не зналъ вѣрно о намѣреніи Южнаго Общества погубить Государя Императора Александра и все августѣйшее семейство его; что, хотя предпочиталъ всѣмъ другимъ образъ правленія Сѣверо-Американской республики, однакожъ желалъ въ Россіи, и раздѣливъ ее на области, подобныя Американскимъ Штатамъ, оставить на время формы Монархіи; что, впрочемъ, считалъ свое Общество въ правѣ только разрушить существующій порядокъ, а не вводить новый, безъ согласія депутатовъ (противъ сей мысли очень возставалъ Пестель); наконецъ, что когда спросили:

---

[1]) Онъ для сего опредѣлялъ 1-е Января и поздравительныя посѣщенія.

что дѣлать, если государь не согласится на ихъ условія? то онъ, Рылѣевъ, сказалъ: не вывезти ли за границу?; что къ сему мнѣнію пристали Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ Думы велѣно приготовлять Кронштатскій флотъ, чрезъ надежныхъ офицеровъ. Исполняя сіе порученіе, Рылѣевъ говорилъ съ Торсономъ, и на слова его, что это средство опасно, что лучше Императорскую Фамилію оставить даже во дворцѣ, лишь подъ присмотромъ, отвѣчалъ: „Нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя, а развѣ въ Шлюссельбургѣ; и на случай возмущенія мы имѣемъ примѣръ то, что сдѣлано въ бунтъ Мировича[1])".

Извѣстіе, поразившее скорбію сердца всѣхъ добрыхъ Россіянъ и всѣхъ благомыслящихъ людей въ Европѣ, произвело на злоумышленниковъ иное впечатлѣніе, но не радостное; ибо случай, коимъ они думали воспользоваться, для начатія мятежей, лишь только снова доказалъ ихъ безсиліе. Они въ одно время (27-е Ноября) узнали о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Императора, о манифестѣ, коимъ Его Величество назначалъ преемника державы и о присягѣ уже данной Государю Цесаревичу всѣми жителями столицы[2]). Въ своихъ совѣщаніяхъ они не скрывали терзавшей ихъ досады. Батенковъ говорилъ двумъ Бестужевымъ (Александру и Николаю): „Потерянъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣлыя 50 лѣтъ; если бы въ Государственномъ Совѣтѣ были головы, то нынѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому Государю, и новымъ законамъ. Теперь все для насъ пропало невозвратно[3])". Къ досадѣ въ нихъ присоединялся и страхъ, что Обществу нельзя уже будетъ существовать. Хотя Трубецкой утверждалъ, что это не бѣда, что надобно лишь приготовиться содѣйствовать южнымъ, если они подымутся: однакожъ, и онъ съ другими главными членами положилъ прекратить Общество, по крайней мѣрѣ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Но тутъ же, разсуждая о присягѣ 27-го Ноября, Батенковъ промолвилъ: „Какъ легко въ Россіи произвесть перемѣну! Стоитъ разослать печатные указы изъ Сената. Только въ ней не можетъ быть иного правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковныя ектеніи не допустятъ до Республики. Хотя для переходу, нужна Монархія ограниченная". Когда же его сообщники замѣтили, что Монарху-завоевателю легко сдѣлаться изъ ограниченнаго самовластнымъ, онъ отвѣчалъ: „Этому пособить можно. Зачѣмъ имѣть мужчинъ на тронѣ? У насъ двѣ Императрицы, много Великихъ Княгинь и Княженъ".

Директоры Сѣвернаго Тайнаго Общества, Рылѣевъ, князья, Трубецкой, Оболенскій и ближайшіе ихъ совѣтники, не долго останавливались на мысли разрушить оное навсегда или на время; до нихъ дошелъ слухъ, что Государь Цесаревичъ твердъ въ намѣреніи не принимать короны, и сія вѣсть возбудила въ заговорщикахъ новую надежду: обмануть часть войскъ и народъ, увѣрить, что великій князь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола и, возмутивъ ихъ подъ симъ предлогомъ, воспользоваться смятеніемъ для испровержения порядка и правительства. „Чтобы прекратить несогласія въ мнѣніяхъ", говоритъ Рылѣевъ, „положили мы (онъ, Оболенскій, Александръ Бестужевъ и Каховскій, за себя и всѣхъ принадлежавшихъ къ ихъ отраслямъ): назначить князя Трубецкаго полновластнымъ начальникомъ или диктаторомъ, хотя сіе названіе инымъ (Александру Бестужеву) казалось смѣшною игрушкою. Съ тѣхъ поръ онъ одинъ дѣлалъ распоряженія". Но князь Трубецкой утверждаетъ, что истиннымъ распорядителемъ всего былъ Рылѣевъ; что онъ управлялъ всѣми намѣреніями и дѣйствіями, только употребляя имя мнимаго диктатора[4]).

Трубецкой однакоже дѣйствовалъ съ своей стороны. 8-го Декабря, онъ совѣтовался съ Батенковымъ о средствахъ для замышляемой революціи и для будущаго образованія государства; они одобрили слѣдующій, составленный Батенковымъ планъ, если можно такъ назвать предположенія безъ связи, безъ основанія, несогласныя ни съ состояніемъ Россіи, ни съ здравыми понятіями о составѣ политическихъ обществъ.

Воспользоваться случаемъ, чтобы:

1-е Пріостановивъ дѣйствіе самодержавія, назначить Временное Правительство, которое учредило бы въ губерніяхъ камеры для избранія депутатовъ.

---

[1]) Собственное признаніе Рылѣева.

[2]) Князь Оболенскій посылалъ въ сей самый день спрашивать у кавалергардскаго корнета Александра Муравьева, можно-ли надѣяться на ихъ полкъ для произведенія бунта; Муравьевъ отвѣчалъ, что это намѣреніе безумное.

[3]) Онъ почти тоже сказалъ и Штейнгелю.

[4]) Рылѣевъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ на допросы показываетъ, что сіе не совсѣмъ справедливо; что князь Трубецкой многое предлагалъ первый и, превосходя его (Рылѣева) въ осторожности, равнялся съ нимъ въ дѣятельности по дѣламъ заговора. „Впрочемъ", прибавляетъ Рылѣевъ, „я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествій 14-го Декабря: я могъ все остановить и напротивъ былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно нужную для блага Россіи, то конечно я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемѣну образа мыслей".

2-е. Стараться, чтобъ были установлены двѣ палаты, изъ коихъ въ верхней члены были бы опредѣляемы на всю жизнь (хотя Батенковъ и желалъ, чтобъ они были наслѣдственные).

3-е. Употребить на сіе войска, кои не согласятся присягать Вашему Величеству, не допуская ихъ до безпорядковъ и стремясь только къ умноженію числа ихъ.

Впослѣдствіи же, для учрежденія Конституціонной Монархіи, учредить Провинцальныя Палаты для мѣстнаго законодательства.

Обратить военныя поселенія въ народную стражу.

Отдать городовому правленію (муниципалитету) крѣпость Петропавловскую (объ коей Батенковъ потому говорилъ: вотъ Палладіумъ Русскихъ вольностей), помѣстить въ ней градскую стражу и городовый совѣтъ.

Провозгласить независимость университетовъ Московскаго, Дерптскаго, Виленскаго.

При семъ Батенковъ сказалъ Трубецкому, что если всѣ войска откажутся присягать и Его Высочество Цесаревичъ вслѣдствіе того пріѣдетъ въ Петербургъ, то перемѣна въ образѣ правленія будетъ невозможна; что лучше бы сообщникамъ ихъ раздѣлиться: однимъ объявлять Императоромъ Государя Цесаревича, а другимъ показывать себя преданными Вашему Величеству. Въ случаѣ же перевѣса первой стороны, полагалъ онъ, случится одно изъ двухъ: или 1-е, что Ваше Величество согласитесь на измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи и на учрежденіе Временнаго Правительства, или 2-е, что отложите принятіе державы, и тогда они (заговорщики), объявивъ, что чрезъ то вы отрекаетесь отъ престола, провозгласятъ Императоромъ Наслѣдника Вашего Императорскаго Величества Великаго Князя Александра Николаевича.

На это князь Трубецкой отвѣчалъ, что войскъ за нихъ вѣроятно будетъ очень мало[1]), а изъ важныхъ людей между военными никто не захочетъ участвовать въ предпріятіи.—„Такъ и думать не о чемъ", вскричалъ Батенковъ.

Но, и сочиняя вмѣстѣ сіи планы для испровerженія порядка, они, какъ видно, во многомъ или не понимали, или обманывали другъ друга. Трубецкой и сообщники его назначили Батенкова только правителемъ дѣлъ Временнаго Правленія; а онъ воображалъ, что будетъ членомъ онаго и предавался мечтамъ неограниченнаго честолюбія, надеждѣ быть лицемъ историческимъ; хотѣлъ членами сего правленія сдѣлать: одну духовную особу, себя, и чрезъ нѣсколько времени, третьимъ князя Сергѣя Трубецкого. „Тогда, имѣя большинство голосовъ на своей сторонѣ (ибо онъ надѣялся владѣть Трубецкимъ), я, говоритъ онъ, управлялъ бы Государствомъ и обратилъ бы Временное Правленіе въ регентство малолѣтнаго Александра II-го". (Изъ словъ Трубецкого онъ полагалъ, что присяга, данная Вашимъ Величествомъ Цесаревичу, будетъ объявлена отреченіемъ отъ престола, а, по слышанному отъ Рылѣева, что быть можетъ во время замышляемаго мятежа покусятся на жизнь Вашу). „Затѣмъ, продолжаетъ Батенковъ, мало-по-малу утвердивъ себя, получивъ силу учрежденіемъ родовой аристократіи и пріобрѣтенными чрезъ то связями, я дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ; но если бъ Государь Императоръ принялъ наши условія, то я перешелъ бы на его сторону, не взявъ мѣста во Временномъ Правительствѣ[2]). Впрочемъ, я все худо вѣрилъ, чтобъ было что-нибудь предпринято".

Но другіе уже готовили средства для предпріятія. Къ Рылѣеву, какъ въ опредѣленное сборное мѣсто, являлись члены съ предложеніями, планами, или за приказаніями Думы. Ихъ совѣщанія въ сіи послѣдніе дни представляли странную смѣсь звѣрства и легкомыслія, буйной непокорности къ властямъ законнымъ и слѣпаго повиновенія неизвѣстному начальству, будто бы ими избранному.

12-го Декабря, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, одинъ изъ членовъ (баронъ Штейнгель), собирались вечеромъ у Рылѣева, князь Трубецкой, Николай, Александръ и Михаилъ Бестужевы, князь Оболенскій, Каховскій, Арбузовъ, Рѣпинъ, графъ Коновницынъ, князь Одоевскій, Сутгофъ, Пущинъ, Батенковъ, Якубовичъ, Щепинъ-Ростовскій, но не всѣ вмѣстѣ: одни приходили, другіе уходили. Николай Бестужевъ и Арбузовъ отвѣчали за гвардейскій экипажъ; Бестужевъ 3-й (Московскаго полка), но довольно слабо, за свою роту; Рѣпинъ сначала за часть Финляндскаго полка, потомъ лишь за нѣсколько офицеровъ, прибавляя, что сей полкъ увлечь за собою не можетъ никто изъ согласившихся участвовать въ бунтѣ; князь Одоевскій только твердилъ въ жалкомъ восторгѣ. „Умремъ! ахъ! какъ славно мы умремъ! Але-

---

[1]) Онъ сначала, какъ говоритъ Рылѣевъ, воображалъ что, довольно будетъ одного полка для совершеннаго успѣха.

[2]) Онъ (Батенковъ) думалъ также предложить корону и Великому Князю Михаилу Павловичу, и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Тоже думалъ и говорилъ своимъ соумышленникамъ баронъ Штейнгель, надѣясь, что Императрица, не имѣя дѣтей, согласится, даже и при жизни своей, установить правленіе республиканское.

ксандръ Бестужевъ и Каховскій показывали себя пламенными террористами, готовыми на ужаснѣйшія злодѣйства. Первый признается, что сказалъ: „Переступаю за Рубиконъ; а Руби-конъ значитъ руби все, что попало“; однакоже клянется, что сіе было лишь бравадою, пустою игрою словъ. Каховскій кричалъ: „Съ этими филантропами не сдѣлаешь ничего; тутъ просто надобно рѣзать, да и только; а если не согласятся, я пойду и самъ на себя все объявлю“. Испуганному симъ Штейнгелю Рылѣевъ отвѣчалъ: „Не бойся; онъ у меня въ рукахъ, я уйму его“. И однакожъ на другой день, Рылѣевъ, при Оболенскомъ, Пущинѣ (старшемъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы) и Александрѣ Бестужевѣ, говорилъ Каховскому, обнимая его: „Любезный другъ! ты сиръ на сей землѣ; долженъ пожертвовать собою для общества. Убей Императора“. И съ сими словами прочіе бросились также обнимать его. Каховскій согласился; хотѣлъ 14-го числа, надѣвъ Лейбъ-гренадерскій мундиръ, идти во дворецъ, или ждать Ваше Величество на крыльцѣ; но потомъ отклонилъ предложеніе за невозможностію исполнить, которую признали и всѣ другіе [1]).

Собраніе ихъ въ сей вечеръ (13-го числа) было также многочисленно и безпорядочно, какъ предшедшее: всѣ говорили, почти никто не слушалъ. Князь Щепинъ-Ростовскій удивлялъ сообщниковъ своимъ пустымъ многорѣчіемъ; Корниловичъ, только что возвратившійся въ Петербургъ, увѣрялъ, что во 2-й арміи готово 100 тысячъ человѣкъ; Александръ Бестужевъ отвѣчалъ на замѣчанія младшаго Пущина (Конно-Піонернаго): по крайней мѣрѣ, объ насъ будетъ страничка въ исторіи. Но эта страничка замараетъ ее, возразилъ Пущинъ, и насъ покроетъ стыдомъ. Когда же баронъ Штейнгель, удостовѣрясь болѣе прежняго въ ничтожности силъ ихъ Тайнаго Общества, и какъ, отецъ семейства, заранѣе устрашенный вѣроятными послѣдствіями мятежа, спрашивалъ Рылѣева: „Неужели вы думаете дѣйствовать“? то онъ сказалъ ему: „Дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать; а князю Трубецкому, который начиналъ изъявлять боязнь: умирать все равно; мы обречены на гибель; и прибавилъ, показывая копію съ письма подпоручика Ростовцова къ Вашему Величеству: „Видите ль, намъ измѣнили. Дворъ уже многое знаетъ, но не все; и мы еще довольно сильны“.—„Ножны изломаны, промолвилъ другой, и саблей спрятать нельзя“.

Въ шумѣ сихъ разговоровъ, преній, восклицаній, слышны были снова и ужасныя предложенія: говорили, но, какъ утверждаютъ, лишь мимоходомъ, о погубленіи всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; а покушенія на священную Вашу жизнь требовали, какъ необходимости, князь Оболенскій, Александръ Бестужевъ и наконецъ самъ князь Трубецкой, ихъ диктаторъ [2]) Сей послѣдній полагалъ, что надобно оставить Великаго Князя Александра Николаевича и провозгласить Его Императоромъ. Трубецкой не совершенно въ томъ, признается, но и не запирается, утверждая, что не можетъ самому себѣ дать яснаго отчета въ тогдашнихъ поступкахъ своихъ и рѣчахъ: ибо онъ былъ, какъ въ безпамятствѣ, и потому не смѣетъ извѣта соумышленниковъ своихъ назвать клеветою. Якубовичъ [3]) вызывалъ бросить жребій, кому изъ пяти (ихъ въ сію минуту столько было въ комнатѣ) умертвить Ваше Величество. Видя, что всѣ молчатъ, онъ сказалъ: впрочемъ, я за это не возьмусь; у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но хладнокровно убійцей быть не могу [4]). Нѣкоторые члены совѣтовали удовольствоваться арестованіемъ

---

[1]) Такъ показываютъ: князь Оболенскій (прибавляя однакожъ, что сіе было въ минуту изступленія) и Рылѣевъ. „Прежде, говоритъ онъ, я нѣсколько разъ удерживалъ Каховскаго, который умышлялъ на жизнь Императора Александра; даже ссорился съ нимъ за то, хотя, успокоивая его, увѣрялъ, что въ случаѣ нужды, Общество никого не употребитъ для сего удара кромѣ его; но въ этотъ день, вдругъ ужаснувшись возможности междоусобной войны, я вздумалъ, что для избѣжанія оной надобно Государя принесть на жертву. „Каховскій же утверждаетъ напротивъ, что онъ отказывался, а Рылѣевъ самъ назначалъ его въ убійцы; что такихъ людей, кои согласились бы, жертвуя для Тайнаго Общества не только жизнію, но и честію, истребить всю Императорскую Фамилію, и потомъ даже предъ казнію увѣрять, что не были ихъ сочленами—Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ называли чистыми, самоотверженными. Однакожъ на очной ставкѣ Каховскій призналъ, что Александръ Бестужевъ наединѣ уговаривалъ его не исполнять порученія, даннаго ему Рылѣевымъ 13 Декабря.

[2]) Показанія Штейнгеля.

[3]) Показанія князя Трубецкаго и Рылѣева.

[4]) Одинъ Арбузовъ, буде вѣрить Рылѣеву, къ сему примолвилъ: „Нѣтъ ничего легче, какъ убить Государя, когда онъ будетъ выходить изъ дворца“. Якубовичъ предлагалъ также разбить кабаки, дозволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ какой нибудь церкви, идти съ толпами неистовыхъ ко дворцу. Такого предложенія, даже и на семъ мятежномъ совѣщаніи, никто не смѣлъ одобрить; оно единодушно отвергнуто: такъ показываетъ Рылѣевъ. Якубовичъ признается, что говорилъ это, но при-

Вашего Величества и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей. Штейнгель ставилъ въ примѣръ Шведскую революцію 1809 года; Рылѣевъ кончилъ споръ словами: „Обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно"; но просилъ достать карту Петербурга и планъ Зимняго дворца, на что Александръ Бестужевъ отвѣчалъ со смѣхомъ: „Царская Фамилія не иголка, не спрячется, когда дѣло дойдетъ до ареста [1]". Они уже знали навѣрное, что слѣдующій день (14 Декабря) назначенъ для обнародованія Манифеста о восшествіи Вашего Императорскаго Величества на Прародительскій Престолъ. О томъ, что Сенатъ собирается въ 7-мъ часовъ утра для присяги, извѣстилъ ихъ оберъ-прокуроръ Краснокутскій, членъ Южнаго Общества, который вечеромъ 13-го числа пріѣзжалъ къ князю Трубецкому и оттуда, не заставъ его, къ Рылѣеву. Показываютъ (Корниловичъ и Рылѣевъ), что, объявивъ свою новость, онъ прибавилъ: дѣлайте, что хотите; но Краснокутскій не сознается въ этомъ, а говоритъ только, что, слыша вокругъ себя: завтра присяга, сигналъ, онъ отгадалъ намѣренія Тайнаго Общества на 14-е Декабря, хотѣлъ было донести объ оныхъ правительству и раздумалъ единственно затѣмъ, что считалъ исполненіе невозможнымъ.

О сихъ намѣреніяхъ было уже сообщено простымъ членамъ отъ главныхъ дѣйствователей [2]); положено приготовлять солдатъ къ возмущенію изъявленіемъ сомнѣній въ истинѣ отреченія Государя Цесаревича, и съ первымъ полкомъ, который откажется отъ присяги идти къ ближайшему, а тамъ далѣе, увлекая одинъ за другимъ. Князь Трубецкой при семъ напоминалъ слова Батенкова: надо бы и въ барабанъ пріударить, чтобъ собрать народъ [3]); потомъ всѣ войска, которыя пристанутъ, собрать предъ Сенатомъ и ждать, какія мѣры будутъ приняты правительствомъ. Они думали, особливо ихъ диктаторъ, князь Трубецкой (какъ онъ утверждаетъ), что Ваше Величество, не употребляя силы для усмиренія мятежниковъ, рѣшитесь скорѣе отказаться отъ правъ самодержавія и вступите съ ними въ переговоры. Тогда они объявили бы свои желанія:

1-е. Чтобъ были собраны депутаты изъ всѣхъ губерній.

2-е. Чтобы о томъ былъ изданъ Манифестъ отъ Сената и въ ономъ было сказано, что сіи депутаты долженствуютъ опредѣлить новое законоположеніе для управленія Государствомъ на будущее время.

3-е. Чтобы дотолѣ утвердить Временное Правленіе, пригласивъ въ оное депутатовъ изъ Царства Польскаго, для постановленія мѣръ къ сохраненію единства Державы.

Въ случаѣ, еслибы Ваше Величество рѣшились послать въ Варшаву къ Государю Цесаревичу, заговорщики хотѣли требовать мѣстъ для стоянія лагеремъ внѣ города [4]), несмотря на зимнее время, въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Высочества; но не переставать требовать также и созванія депутатовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они всѣ будутъ нужны, или для упрошенія Цесаревича принять Державу, или для торжественной присяги Вашему Величеству. Наконецъ, въ томъ случаѣ, когда бы Великій Князь Константинъ Павловичъ прибылъ въ Санктпетербургъ, они

бавляетъ, что въ слѣдующую ночь въ (3 часа) онъ раскаялся. Оболенскій утверждаетъ, что противъ мысли разбить даже и одинъ кабакъ, чтобъ напоить солдатъ, возставалъ Рылѣевъ, первый и съ жаромъ.

[1]) Трубецкой, если вѣрить показаніямъ Рылѣева, также думалъ о занятіи дворца, несмотря на слова Батенкова, и за сіе брались Якубовичъ и Арбузовъ (они не признаются въ томъ); но, прибавляетъ Рылѣевъ, мы хотѣли только захватить Императорскую Фамилію и держать ее подъ стражею до Великаго Собора (съѣзда депутатовъ), который рѣшилъ бы судьбу всѣхъ членовъ оной; я долженъ однакожъ признаться: мнѣ приходило на мысль, что для безопасности новаго правленія, лучше бы всѣхъ изгубить; только сей мысли я не открывалъ никому; наконецъ и самъ отстранилъ ее, возвратясь къ прежней.

[2]) Наканунѣ (12 Декабря) съѣзжались у князя Оболенскаго, гдѣ былъ и Рылѣевъ, офицеры разныхъ полковъ гвардіи, Лейбъ-гренадерскаго поручикъ Сутгофъ, Измайловскаго подпоручикъ Кожевниковъ, Финляндскаго поручикъ баронъ Розенъ, Конной гвардіи корнетъ князь Одоевскій, Кавалергардскаго полка корнетъ Арцыбашевъ и поручикъ Анненковъ, Гвардейскаго Экипажа лейтенантъ Арбузовъ. Князь Оболенскій сообщилъ имъ приказанія директора и Думы стараться въ день, который назначится для присяги, возмутить и вести за собой на Сенатскую площадь, сколько имъ будетъ возможно, нижнихъ чиновъ изъ полковъ своихъ, а если не удастся, то по крайней мѣрѣ быть самимъ.

[3]) Батенковъ показываетъ самъ, что онъ говорилъ Якубовичу: Чего думать о планахъ всего Общества! Вамъ, молодцамъ, стоило бы только разгорячить солдатъ именемъ Цесаревича и походить изъ полка въ полкъ съ барабаннымъ боемъ, такъ можно надѣлать много великихъ дѣлъ.

[4]) Именно на Пулковской горѣ, какъ полагалъ Батенковъ.

надѣялись увѣрить Его Высочество, что все произведено однимъ усердіемъ къ нему [1]).

Таковъ былъ, по словамъ князя Трубецкого, объявленный ими другъ другу планъ. Рылѣевъ говоритъ только, что должно было войскамъ, ими возмущеннымъ, идти на Сенатскую площадь и Начальнику ихъ Трубецкому дѣйствовать по обстоятельствамъ; что они надѣялись избѣгнуть кровопролитія и посредствомъ Сената, который думали принудить къ тому, получить отъ Вашего Величества, или отъ Государя Цесаревича, согласіе на созваніе депутатовъ, для назначенія Императора и установленія представительнаго образа правленія. Они хотѣли предложить депутатамъ проектъ Конституціи, писанный Никитою Муравьевымъ. Князь Оболенскій прибавляетъ къ сему, что, до съѣзда депутатовъ, Сенатъ долженствовалъ бы учредить Временное Правленіе (изъ двухъ или трехъ членовъ Государственнаго Совѣта и одного члена ихъ Тайнаго Общества, который былъ бы правителемъ дѣлъ онаго), назначить и корпуснаго и дивизіонныхъ командировъ гвардіи изъ людей имъ извѣстныхъ и сдать имъ Петропавловскую крѣпость. При неудачѣ, они полагали (такъ показываютъ согласно князь Трубецкой и Рылѣевъ), выступить изъ города, чтобы стараться распространить возмущеніе [2]).

Но по крайней мѣрѣ сначала, они были такъ ослѣплены, что совсѣмъ не ожидали неудачи. Батенковъ, 13-го Декабря поутру, говорилъ Александру Бестужеву: кажется, что успѣхъ несомнителенъ [3]). Баронъ Штейнгель, менѣе другихъ заблуждавшійся, началъ однакоже сочинять проектъ Манифеста [4]), въ коемъ онъ объявлялъ, что когда оба Великіе Князья (Ваше Императорское Величество и Государь Цесаревичъ) отрекаются отъ престола, не хотятъ быть отцами Россіи, то осталось ей самой избрать себѣ Правителя, и потому Сенатъ назначаетъ общее собраніе депутатовъ, а дотолѣ Временное Правленіе [5]). Князь Трубецкой, съ своей стороны, означилъ въ бумагѣ, найденной у него ввечеру 14-го Декабря и у сего прилагаемой, сущность Манифеста, въ коемъ намѣревался, отъ имени Сената, объявить объ уничтоженіи прежняго правленія и учрежденіи Временнаго для созваніи депутатовъ.

Нѣкоторые вздумали дать свѣдѣніе о предпринимаемомъ и въ другія мѣста. Пущинъ (Иванъ) отправилъ, чрезъ Американскую Компанію [6]), письмо въ Москву, къ титулярному совѣтнику Семенову. „Насъ“, писалъ онъ, „по справедливости назвали бы подлецами, еслибъ мы пропустили нынѣшній, единственный случай. Когда ты получишь это, все уже будетъ кончено. Насъ здѣсь 60 членовъ; мы можемъ надѣяться на 1500 рядовыхъ, которыхъ увѣрятъ, что Цесаревичъ не отказывается отъ престола. Прощай; вздохни объ насъ, если и проч.“ Въ заключеніи онъ поручалъ Семенову показать его письмо генералъ-маіорамъ фонъ-Визину и Михаилу Орлову, коихъ, по старымъ связямъ и образу мыслей, вѣроятно, считалъ внутренно благопріятствующими видамъ Тайнаго Общества. Князь Трубецкой можетъ быть думалъ также [7]), и 13-го числа, отправя письмо къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ братомъ его Ипполитомъ, онъ писалъ и къ генералу Орлову съ кавалергардскимъ офицеромъ Свистуновымъ; сіи письма не доставлены [8]). Трубецкой показываетъ, что онъ только, и не упоминая о причинахъ, звалъ Орлова въ Петербургъ, но прибавлялъ: если быть чему-нибудь, то будетъ и безъ васъ, какъ при васъ. Ежели вѣрить дальнѣйшимъ показаніямъ князя Трубецкого, то онъ рѣшился писать въ надеждѣ, что генералъ Орловъ, и не принадлежа къ Обществу, могъ бы, своимъ появленіемъ и силою характера, обуздать другихъ членовъ, коихъ онъ, диктаторъ, былъ уже не въ со-

---

[1]) Каховскій утверждаетъ, что Рылѣевъ думалъ поручить одному члену Общества умертвить Государя Цесаревича всенародно и тутъ же закричать, что онъ убилъ его по приказанію Вашего Величества; такимъ образомъ, говорилъ онъ, мы вдругъ погубимъ обоихъ. Рылѣевъ объявилъ, что это клевета; тоже сказали Штейнгель, Александръ и Николай Бестужевы, на коихъ ссылался Каховскій.

[2]) Каховскій прибавляетъ, что въ семъ случаѣ Рылѣевъ хотѣлъ зажечь городъ; но сей послѣдній утверждаетъ, что и это ложь.

[3]) Показаніе Александра Бестужева.

[4]) Желая, говоритъ онъ, доказать Рылѣеву, что и я могъ бы на что-нибудь пригодиться.

[5]) Сей проектъ хотѣли, вслѣдствіе приказаній диктатора, нести въ Сенатъ: Рылѣевъ, коллежскій ассессоръ Иванъ Пущинъ и, какъ они показываютъ, Батенковъ, который не сознается въ томъ.

[6]) Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ сей Компаніи.

[7]) Однажды, говоря о Пестелѣ, Трубецкой сказалъ: должно будетъ послать Орлова во 2-ю армію, и сила Пестеля исчезнетъ. — Да развѣ Орловъ нашъ? спросилъ Рылѣевъ. Нѣтъ, отвѣчалъ Трубецкой, имъ владѣютъ Раевскіе; но тогда по неволѣ будетъ нашъ.

[8]) Муравьевъ и Свистуновъ сожгли дорогою, узнавъ о происшествіяхъ 14-го Декабря.

стояніи удерживать. Онъ утверждаетъ, что по сей же причинѣ, по чувству своего безсилія, однажды просилъ, чтобъ его отпустили въ 4-ый корпусъ, тамъ что-нибудь сдѣлать, хотя зналъ, что въ семъ корпусѣ у него не было ни одного сообщника, хотя думалъ и ѣхать не прямо и прожить нѣсколько времени въ Москвѣ.

Чѣмъ ближе подходило предназначенное самими мятежниками роковое для нихъ мгновеніе, чѣмъ болѣе воспламенялись нѣкоторые, тѣмъ больше изъявлялъ нерѣшимости избранный ими начальникъ, уже видимо волнуемый раскаяніемъ, или, по крайней мѣрѣ, страхомъ. „Что-жъ!" говорилъ онъ и повторялъ Рылѣеву, „если выйдетъ мало войска, рота или двѣ, зачѣмъ идти и намъ, и другихъ вести на гибель?" Рылѣевъ иногда казался согласнымъ, иногда напротивъ отвѣчалъ: „если придетъ хоть 50 человѣкъ, то я становлюсь въ ряды съ ними"; и однакожъ не сдержалъ слова.

Несмотря на сомнѣнія и боязнь, князь Трубецкой не отказывался явно, и опредѣлено ему на другой день быть на Сенатской площади, чтобы принять главную команду надъ войсками, которыя не согласятся присягать Вашему Величеству; подъ нимъ же начальствовать капитану Якубовичу и полковнику Булатову. Сей послѣдній, какъ видно изъ дѣлъ и словъ его, не злой, а слабоумный человѣкъ, за нѣсколько дней до того не зналъ о существованіи Тайнаго Общества; но его считали нужнымъ, потому что онъ, служивъ прежде въ Лейбъ-гренадерскомъ полку, оставилъ хорошую о себѣ молву, и многіе солдаты еще любили его. 6-го Декабря Пановъ, поручикъ того же Лейбъ-гренадерскаго полка, позвалъ его обѣдать съ нѣсколькими другими офицерами. Тутъ, осыпаемый ласкательствами, разгоряченный виномъ и споромъ (ибо при немъ нарочно хвалили одного государственнаго сановника, котораго онъ ненавидѣлъ) Булатовъ произнесъ обѣтъ пожертвовать всѣмъ пользѣ отечества. Ему тотчасъ объявили, что есть Общество, которое составилось для произведенія благотворной перемѣны въ ономъ; что онъ, по любви къ Россіи, долженъ принадлежать къ сему Обществу и, несчастный, самъ не понимая, какимъ образомъ, принялъ на себя обязанность быть пособникомъ мятежниковъ, съ коими едва былъ знакомъ. Рылѣевъ открылъ ему намѣренія ихъ. Булатовъ часто спрашивалъ: Но гдѣ же польза отечества? Я вижу одну перемѣну въ правителяхъ; вмѣсто Государя, вы хотите имѣть диктатора князя Трубецкого; однако же обѣщалъ дѣйствовать съ ними и, какъ бы предвидя погибель, прощался съ своими дѣтьми-младенцами и плакалъ, но отказался ѣхать въ Лейбъ-гренадерскій полкъ для возмущенія рядовыхъ. Въ вечеру 13-го числа, замѣтивъ, что на слова Рылѣева о князѣ Трубецкомъ:—„Не правда ли, что мы выбрали прекраснаго начальника?" Якубовичъ отвѣчалъ усмѣхнувшись: „Да! онъ довольно великъ". Булатовъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Якубовичемъ и дорогой спрашивалъ: „Какъ вамъ кажется, полезно ли, хорошо ли обдумано предпріятіе нашихъ товарищей, и довольно ли они сильны?" — „Не вижу пользы", отвѣчалъ Якубовичъ, „и для меня они почти всѣ подозрительны".—„Дадимъ же другъ другу слово", продолжалъ Булатовъ, „что если, какъ завтра должно открыться, средства ихъ несоразмѣрны замысламъ, и въ ихъ предположеніяхъ нѣтъ истинной пользы, то мы не пристанемъ къ нимъ". Якубовичъ согласился.

Такъ всѣ тѣ, коихъ заговорщики назначали своими начальниками въ рѣшительный день, заранѣе готовились ихъ бросить.

Въ казармы гвардейскаго Морского Экипажа посланъ былъ Рылѣевымъ, для начатія первыхъ дѣйствій, лейтенантъ Арбузовъ, который уже и 12-го Декабря старался въ своей ротѣ, чрезъ фельдфебеля Боброва и унтеръ-офицера Аркадьева, распустить слухи, что будто скоро потребуется отъ войскъ незаконная присяга; что за четыре станціи отъ Нарвы, Государь Цесаревичъ стоитъ съ 1-й арміей и Польскимъ корпусомъ, для истребленія тѣхъ, которые присягнутъ Вашему Величеству; что прочіе полки гвардіи непремѣнно откажутся. Но Бобровъ и Аркадьевъ не исполняли его приказаній и говорили, что рядовые не вѣрятъ. 13-го Декабря онъ прямо отъ Рылѣева пріѣхалъ къ мичманамъ братьямъ Бѣляевымъ. Тутъ, кромѣ ихъ, нашелъ двухъ Бодиско, Дивова и подпоручика Измайловскаго полка Гудимова. „Господа!" говорилъ онъ, „зная вашъ образъ мыслей, кажется, могу вамъ сказать все откровенно. Завтра насъ будутъ звать къ присягѣ: откажитесь и приготовьте къ тому свои роты. Мы выведемъ ихъ на Петровскую площадь, гдѣ соберутся другіе полки, и принудимъ Сенатъ утвердить давно уже сочиненный проектъ Конституціи, чтобы ограничить власть Императора". Оборотясь къ лейтенанту Бодискѣ 1-му, онъ прибавилъ: „надѣюсь, что и вы будете".—„Нѣтъ", отвѣчалъ Бодиско, я съ моею ротою не буду. Могу ли дѣйствовать, не зная вашего плана и сообщниковъ? Вамъ другое дѣло: вы бываете съ тѣми, которые составили заговоръ, и можетъ быть даже увѣрены въ хорошемъ окончаніи". Арбузовъ силился доказать, что нѣтъ сомнѣнія въ успѣхѣ, увѣрялъ, что и самъ не знаетъ всего, повторялъ: приходите, и однако же оставилъ ихъ, не получивъ желаннаго отвѣта. Но тогда именно, сіи молодые офицеры, за исключеніемъ Гудимова, который уѣхалъ прежде, вдругъ рѣшились содѣйствовать замышленной революціи, идти утромъ въ свои роты и возбудить въ рядовыхъ сомнѣніе насчетъ истины отреченія Его Императорскаго Высочества Цесаревича. Ночью около 12-ти часовъ, пріѣзжали къ Арбузову Якубовичъ и Александръ Бестужевъ. Якубо-

вичъ, познакомясь съ Бѣлыевыми, говорилъ имъ: „Не сомнѣваюсь въ вашей храбрости, но вы еще не бывали подъ пулями; берите примѣръ съ меня. Впрочемъ нельзя бояться неудачи: вся гвардія за насъ“. 14-го Декабря поутру, сіи офицеры, и еще нѣкоторые [1]), явились передъ матросами. Бодиско 1-й имъ сказалъ: „присягайте или нѣтъ; я не могу ни приказывать, ни совѣтовать; слушайтесь своей совѣсти“ [2]). Къ нимъ пришли Николай Бестужевъ и Каховскій. Первый предлагалъ, откинувъ самолюбіе, взять въ начальники Арбузова: ему можно повѣрить; мы здѣсь всѣ за общимъ дѣломъ. Каховскій восклицалъ: лучше умереть, нежели не участвовать въ этомъ, и спрашивалъ не надобенъ ли кому-нибудь кинжалъ. Арбузовъ звалъ на сенатскую площадь; Бодиско отвѣчалъ ему: я пойду не иначе, какъ со всѣмъ экипажемъ. — Вы либералы лишь на словахъ, вскричалъ Арбузовъ. Когда пріѣхалъ бригадный начальникъ генералъ-маіоръ Шиповъ, то матросы, уже вовлеченные въ обманъ своими офицерами, не согласились присягать. Онъ арестовалъ ротныхъ командировъ; но Николай Бестужевъ уговорилъ Бѣляевыхъ, Бодиско, Дивова, Шпейера, освободить ихъ. Въ сію минуту раздался голосъ: ребята, слышите ли стрѣльбу? вашихъ бьютъ, и экипажъ побѣжалъ со двора, несмотря на усилія капитана 1-го ранга Качалова, который хотѣлъ матросовъ удержать въ воротахъ [3]). За всѣми пошли и другіе офицеры, дотолѣ не участвовавшіе въ безпорядкахъ [4]). На дорогѣ у конногвардейскаго манежа имъ встрѣтился Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ; онъ кричалъ: въ каре противъ кавалеріи!

Возмущеніе въ Московскомъ полку началось прежде. Тамъ князь Щепинъ-Ростовскій, штабсъ-капитанъ Михайла Бестужевъ, братъ его Александръ и еще два сего же полка офицера (Броке, Волковъ) ходили по ротамъ 6-й, 5-й, 3-й, 2-й, стараясь ослѣпить рядовыхъ, уговаривая ихъ не присягать Вашему Императорскому Величеству, повторяя: „все обманъ, насъ заставляютъ присягать, а Константинъ Павловичъ не отказывался; онъ въ цѣпяхъ; Его Высочество, шефъ полка, также въ цѣпяхъ“. Александръ Бестужевъ прибавлялъ, что онъ присланъ изъ Варшавы, съ повелѣніемъ не допускать полки до присяги. Михайла Бестужевъ говорилъ: „Царь Константинъ любитъ нашъ полкъ и прибавитъ вамъ жалованья; кто не останется вѣренъ ему, того колите“ [5]). Онъ и князь Щепинъ приказали солдатамъ взять боевые патроны и зарядить ружья. „Я не хочу знать генерала“, отвѣчалъ Щепинъ адъютанту Веригину, собиравшему офицеровъ къ полковому командиру; велѣлъ возмущенной имъ толпѣ рядовыхъ отнять знамя у гренадеровъ, бить ихъ прикладами, и бросился съ обнаженною саблею на генералъ-маіора Фридрихса, которому уже грозилъ Александръ Бестужевъ пистолетомъ. Князь Щепинъ ранилъ генерала Фридрихса въ голову, и когда онъ безъ чувствъ упалъ, то, бросясь также на бригаднаго командира генералъ-маіора Шеншина, тяжело ранилъ и его, и лежащаго еще долго рубилъ; потомъ далъ нѣсколько ударовъ саблею полковнику Хвощинскому, гренадеру Красовскому, унтеръ-офицеру Мосѣеву и кричалъ солдатамъ: зарублю! наконецъ, отнявъ знамя, повелъ бунтующія роты на Сенатскую площадь. Выходя на берегъ Фонтанки и видя возлѣ себя Александра Бестужева, онъ сказалъ ему: что, вѣдь къ чорту Конституція, и Бестужевъ отвѣчалъ (отъ всего сердца, какъ увѣряетъ): разумѣется къ чорту. Онъ (Александръ Бестужевъ) увѣряетъ также, что хотя дѣйствовалъ въ казармахъ Московскаго полка, какъ рѣшительный возмутитель, но уже чувствовалъ въ себѣ волненіе совѣсти; что даже, вставая въ сей день, со слезами молился: Боже! если дѣло наше правое, помоги! А ежели нѣтъ, буди воля Твоя надъ нами.

Въ полку Лейбъ-гренадерскомъ бунтъ произведенъ тѣми же средствами. Когда рядовыхъ вывели для присяги, къ нимъ подходилъ подпоручикъ Кожевниковъ, нетрезвый, какъ онъ самъ признается; ибо, узнавъ чрезъ Сутгофа, что наступилъ часъ, назначенный Тайнымъ Обществомъ для мятежа, онъ хотѣлъ ободриться и довелъ себя до безпамятства крѣпкимъ напиткомъ. Онъ спрашивалъ солдатъ: зачѣмъ вы забываете клятву данную Константину Павловичу; потомъ кричалъ еще въ галлереѣ: кому присягаете? все обманъ! Но порядокъ въ полку симъ не былъ нарушенъ: всѣ присягнули, и рядовые сѣли обѣдать. Тогда поручикъ Сутгофъ, бывшій уже у присяги, вдругъ пришелъ къ своей ротѣ съ словами: „Братцы! напрасно мы послушались; другіе полки не присягаютъ и собрались на Петровской площади. Одѣньтесь, зарядите ружья, за мной, и не выдавайте. Ваше жалованье у меня въ карманѣ; я раздамъ его безъ приказу“. Почти вся рота, несмотря на увѣщанія полковаго командира Стюрлера, послѣдовала за Сутгофомъ, который безпрестанно повторялъ: впередъ! не выдавайте!. Между тѣмъ

---

[1]) Вишневскій, Мусинъ-Пушкинъ, Шпейеръ, Окуловъ, Кюхельбекеръ.

[2]) Также говорили Вишневскій и Кюхельбекеръ.

[3]) Такъ показываютъ Дивовъ; прочіе не помнятъ, что рѣшило движеніе экипажа.

[4]) Лейтенанты Цебриковъ и Лермонтовъ.

[5]) Показанія нижнихъ чиновъ Московскаго полка; Бестужевъ увѣряетъ, что не говорилъ этого.

другой поручикъ, Пановъ, также присягнувшій, бѣгалъ изъ роты въ роту, возбуждая рядовыхъ увѣреніями, что ихъ обманули, что имъ будетъ худо отъ прочихъ полковъ и Константина Павловича. Когда же командиръ полка вызвалъ баталіоны и велѣлъ заряжать ружья, чтобы вести ихъ противъ мятежниковъ, то Пановъ уговаривалъ не повиноваться; лучше сдадимся тѣмъ, которые стоятъ за Константина; наконецъ, видя, что ему вѣрятъ многіе, бросился въ середину колонны и, подавъ знакъ возмущенія крикомъ: Ура! повелъ нѣсколько ротъ въ разстройствѣ на Сенатскую площадь. Идучи мимо Зимняго дворца Вашего Императорскаго Величества, онъ вступилъ было съ частію лейбъ-гренадеръ на дворъ онаго; но, увидѣвъ, что тамъ стоятъ саперы, и сказавъ: это не наши, пошелъ далѣе. На площади, когда нѣкоторые изъ рядовыхъ примѣтили, что они обмануты, Пановъ ободрялъ ихъ, увѣряя, что скоро будетъ самъ Константинъ Павловичъ и накажетъ гвардію за ея непостоянство, а ихъ наградитъ. Онъ присоединилъ свои роты къ тѣмъ, которыя были приведены Щепинымъ. Къ нимъ же пристало нѣсколько человѣкъ во фракахъ съ кинжалами, пистолетами, саблями.

Коммиссія почитаетъ ненужнымъ описывать всѣ происшествія сего дня, ознаменованнаго буйствомъ немногихъ и знаками общаго усердія, нелицемѣрной преданности къ престолу и, всего болѣе, новымъ примѣромъ царственныхъ доблестей, наслѣдственныхъ въ семъ Августѣйшемъ Домѣ, который былъ предметомъ безумной злобы мятежниковъ. Сіи происшествія извѣстны Вашему Величеству и Россіи. Она съ прискорбіемъ и омерзѣніемъ узнала о покушеніи людей, умышлявшихъ обезславить имя Русское, и видитъ съ восторгомъ благодарности, что преступные ковы и надежды ихъ разрушены въ одно, благословенное Небомъ, мгновеніе. Принятыя мѣры осторожности вскорѣ остановили всѣ дѣйствія бунтовавшихъ: въ ихъ рядахъ уже господствовало безначаліе, коего ужасами они угрожали Отечеству. Яростнѣйшіе продолжали отличаться убійствами. Каховскій, какъ видно изъ многихъ показаній, наконецъ подтвержденныхъ и его собственнымъ признаніемъ, стрѣлялъ изъ пистолета и смертельно ранилъ графа Милорадовича, въ ту самую минуту, когда онъ явился одинъ передъ рядами несчастныхъ обманутыхъ воиновъ, чтобы образумить ихъ и возвратить къ долгу [1]). Князь Евгеній Оболенскій также ранилъ его штыкомъ, хотѣвъ, какъ утверждаетъ, только ударить лошадь, чтобы принудить его удалиться. Каховскій же, по словамъ князя Одоевскаго [2]), убилъ и полковника Стюрлера, и потомъ, бросая пистолетъ, сказалъ: довольно! у меня сегодня двое на душѣ. Онъ же ранилъ свитскаго офицера (штабсъ-капитана Гастефера) кинжаломъ. Князь Щепинъ первый далъ солдатамъ приказаніе стрѣлять, и въ семъ безпорядкѣ ранено нѣсколько рядовыхъ и полковникъ Веліо. Наконецъ, Кюхельбекеръ (Вильгельмъ) дерзнулъ обратить оружіе на Великаго Князя Михаила Павловича: матросы гвардейскаго экипажа, съ коими онъ стоялъ [3]), и въ волненіи мятежа устрашенные симъ покушеніемъ злодѣйства, отвели пистолетъ его. Кюхельбекеръ однако же увѣряетъ, что онъ не хотѣлъ совершить удара, а притворно согласился на сіе по вызову Ив. Пущина для того, чтобы не допустить къ сему другихъ и, зная, что пистолетъ его измоченный снѣгомъ не могъ бы выстрѣлить; въ доказательство прибавляетъ, что послѣ онъ мѣтилъ тѣмъ же пистолетомъ въ генерала Воинова, и пистолетъ осѣкся [4]).

Но изъ людей, кои были душою заговора, или обѣщали принять главное начальство надъ вовлеченными въ обманъ войсками, явился на сборномъ мѣстѣ одинъ Якубовичъ, и не надолго: по условію-ли съ Булатовымъ или, какъ онъ показываетъ, по чувству вины своей и безразсудности, онъ вскорѣ оставилъ мятежниковъ. Булатовъ былъ на площади, но только зрителемъ, хотя, выходя изъ дому и заряжая пистолеты, говорилъ: можетъ быть увидятъ, что есть въ Россіи Бруты и Рьеги, которыхъ (въ чемъ признается откровенно) зналъ только по именамъ. Князь Трубецкой скрывался отъ своихъ сообщниковъ: онъ спѣшилъ въ Главный Штабъ присягать Вашему Величеству, думая сею готовностію загладить часть своего преступленія и потому, что тамъ соумышленники не могли найти его. Ему нѣсколько разъ дѣлалось дурно; онъ бродилъ весь день изъ дома въ домъ, удивляя всѣхъ встрѣчавшихъ его знакомыхъ; наконецъ, пришелъ ночевать къ свояку своему, посланнику двора Австрійскаго, откуда, по Высочайшей волѣ Вашей, истребованъ графомъ Нессельродомъ. Рылѣевъ, какъ онъ самъ говоритъ, увидѣвъ, что нѣтъ князя Трубецкого на площади, поѣхалъ искать его и не возвращался. Поступки Батенкова въ этотъ день были почти такіе же. Онъ проснулся съ мыслію о своемъ будущемъ величіи, какъ члена Верховнаго Правленія; конецъ мечтамъ положила повѣстка

---

[1]) Лекарь, дѣлавшій операцію, представилъ Коммиссіи пулю, найденную въ тѣлѣ Милорадовича; она не ружейная, а пистолетная.

[2]) И собственному признанію.

[3]) Дороѳеевъ, Ѳедоровъ, Куроптевъ.

[4]) Пущинъ на вопросъ Коммиссіи, отвѣчалъ, что это ложь. Бывшіе тутъ нижніе чины говорятъ, что Кюхельбекеру указывалъ на Великаго князя не Пущинъ, а поручикъ Цебриковъ; но и онъ не признается въ томъ.

о присягѣ. Еще нѣсколько времени онъ старался узнать, что происходитъ, искалъ Александра Бестужева, Рылѣева, который ему сказалъ, что офицеры одной батареи гвардейской артиллеріи, возмутясь, ѣздятъ съ орудіями по городу. Сія ложная вѣсть его поразила, и онъ также спѣшилъ присягнуть, забывъ о планахъ для перемѣнъ въ Государствѣ, о славѣ быть въ числѣ Правителей, и желая только, чтобы скорѣе переловили бунтовщиковъ. Однако жъ вечеромъ, когда уже тишина и порядокъ были повсюду возстановлены, онъ заѣхалъ къ Рылѣеву и, не входя, а заглядывая въ комнату, спрашивалъ: ну! что? Иванъ Пущинъ, бывшій тутъ съ нѣкоторыми другими изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади мятежниковъ, оборотился къ нему до половины и сказалъ въ отвѣтъ: да вы, подполковникъ, вы-то что? Увидѣвъ его и барона Штейнгеля, Батенковъ скрылся [1]). и въ теченіе двухъ недѣль, полагаясь на краткость своихъ сношеній съ членами Тайнаго Общества, надѣялся избѣжать подозрѣній Правительства; даже при началѣ допросовъ, онъ долго увѣрялъ, что намѣренія заговорщиковъ были ему весьма несовершенно извѣстны; что онъ, считая ихъ невозможными въ исполненіи, почти не обращалъ на нихъ вниманія, что чувствуетъ себя виновнымъ въ однихъ нескромныхъ словахъ и дерзкихъ желаніяхъ. Но множество уликъ и можетъ, быть, упреки совѣсти наконецъ превозмогли притворство: онъ полнымъ искреннимъ признаніемъ утвердилъ свидѣтельства другихъ [2]). Всѣ прочіе, больше или меньше участвовавшіе въ мятежѣ и вообще въ замыслахъ Сѣверной Думы, показывая другъ на друга, сдѣлались вскорѣ извѣстны Коммиссіи, немедленно отысканы и представлены къ допросу [3]); нѣкоторые сами отдались подъ стражу. Между сими послѣдними полковникъ Булатовъ. Сей человѣкъ странный и несчастный, давно изнуряемый внутреннею неизлѣчимою болѣзнію, умѣвъ съ самаго начала почувствовать и беззаконность и безразсудность предпріятія своихъ сообщниковъ, даже рѣшительно отклонившись отъ содѣйствія и восхищавшися, какъ онъ сказываетъ, распоряженіями Вашего Величества 14-го Декабря, вдругъ на слѣдующій день, когда и яростнѣйшіе начинали признавать вину свою, предался какому-то неизъяснимому бѣшенству. Мысль, что его именемъ завлеченъ въ заблужденіе и погубленъ любившій его полкъ (Лейбъ-гренадерскій), нелѣпая сказка, распущенная легкомысліемъ или зложелательствомъ, что всѣ рядовые, бывшіе на площади, обречены смертной казни, совершенно омрачили его умственныя способности. „Въ семъ состояніи“, говоритъ онъ въ письмѣ къ Его Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, „я пришелъ въ Главный Штабъ къ присягѣ. Мое воображеніе смутилось; голова пылала; мнѣ казалось, что отвсюду течетъ кровь моихъ любезныхъ сослуживцевъ, и когда вокругъ меня клялись въ вѣрности Государю, я поднялъ руку, поцѣловалъ крестъ, съ ужасною клятвою въ сердцѣ: умертвить Его. Всякъ, увидѣвъ мое имя на присяжномъ листѣ, узнаетъ въ немъ подпись злодѣя“. Онъ однако же не былъ злодѣемъ, по крайней мѣрѣ закоренѣлымъ; волненіе страстей скоро въ немъ затихло; онъ началъ удостовѣряться въ лживости дошедшихъ до него слуховъ, наконецъ пришелъ во дворецъ, былъ допущенъ къ Вашему Величеству, и первый взглядъ Вашъ обезоружилъ его. Съ сей минуты до того времени, когда новый припадокъ прежней болѣзни лишилъ его силъ и жизни (19 Января сего года), онъ безпрестанно терзался воспоминаніемъ своего страшнаго, дотолѣ никому неизвѣстнаго умысла, воспоминаніемъ самыхъ знаковъ оказаннаго ему милосердія; но утолялъ муку совѣсти признаніями, совершенно добровольными (ибо онъ даже не былъ допрашиваемъ) и умирая, смѣло завѣщалъ участь дѣтей Монарху, на коего мыслилъ поднять руку.

Спокойство, твердостію Вашего Величества возвращенное столицѣ, въ прочихъ мѣстахъ Имперіи, за исключеніемъ Василькова и окрестностей, не было и нарушено. Въ Москвѣ, гдѣ всѣ жители съ восторгомъ произносили клятву въ вѣрности Вашему Императорскому Величеству и Наслѣднику Престола, нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, въ томъ числѣ и отставшіе отъ онаго, собирались разсуждать о происшествіяхъ 14-го Декабря. Одинъ, Мухановъ [4]), извѣстный другимъ невоздержностію въ рѣчахъ, говорилъ въ изступленіи досады: „Наши товарищи гибнутъ; ихъ можетъ спасти только смерть Государя, и я знаю человѣка готоваго, по крайней мѣрѣ, отмстить за нихъ“ [5]). Сами сообщники слушали его съ пренебреженіемъ. На югѣ, гдѣ вслѣдствіе предписаній, привезенныхъ изъ Таганрога генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ, уже были забираемы подъ стражу важнѣйшіе злоумышленники, по указаніямъ, донесшаго на нихъ капитана Майбороды, бѣшенство другихъ, смущен-

---

[1]) Такъ разсказываетъ Штейнгель.

[2]) Одно изъ своихъ письменныхъ объявленій Коммиссіи онъ начинаетъ сими словами: Дабы не умереть, нося въ душѣ преступную тайну.

[3]) Большая часть въ Петербургѣ; Кюхельбекеръ, бѣжавшій послѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, въ Варшавѣ; немногіе въ Москвѣ, въ томъ числѣ баронъ Штейнгель, который выѣхалъ отсюда 22-го Декабря.

[4]) Штабсъ-капитанъ Измайловскаго полка.

[5]) Показаніе Якушкина. Мухановъ признался, что говорилъ то.

ныхъ открытіемъ заговорщиковъ, также изливалось въ словахъ [1]). Поджіо говорилъ Василію Давыдову: „должно, для спасенія нашихъ, ѣхать въ Петербургъ, убить Императора Константина“ (имъ еще неизвѣстно было вступленіе Вашего Величества на Престолъ); я предлагаю свои двѣ руки“.—„Надобно ихъ шесть“, отвѣчалъ Давыдовъ. Поджіо думалъ найти пособниковъ въ Митьковѣ, князѣ Валеріянѣ Голицинѣ, князѣ Оболенскомъ и Матвѣѣ Муравьевѣ [2]). Генералъ-маіоръ князь Сергѣй Волконскій, узнавъ, что полковникъ Пестель съ нѣкоторыми другими арестованъ, нашелъ средство увидѣться съ нимъ наединѣ. Пестель сказалъ ему: „не бойтесь, спасайте только мою Русскую Правду [3]); а я не открою ничего“; и однако жъ во всемъ признался предъ Коммиссіею, наименовалъ всѣхъ своихъ соумышленниковъ и, по требованію Коммиссіи, всѣ они отысканы и представлены сюда мѣстными начальствами. Сергѣй и Матвѣй Муравьевы также были взяты (29 Декабря) начальникомъ перваго, подполковникомъ Гебелемъ, хотя онъ (Муравьевъ) находился не при полку и, узнавъ отъ Бестужева-Рюмина о приказаніи арестовать его, скрывался вмѣстѣ съ братомъ [4]). Къ сожалѣнію г. Гебель не имѣлъ осторожности приставить къ нимъ достаточную стражу, и въ ту же ночь, нѣсколько офицеровъ, принадлежавшихъ къ Обществу Соединенныхъ Славянъ, поручики: Кузминъ, Сухиновъ, Щипилла и штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ ворвались въ комнаты, гдѣ содержались Муравьевы, освободили ихъ, схватили подполковника Гебеля и жандармскаго офицера, ранили перваго. Сергѣй Муравьевъ тогда лишь, какъ утверждаетъ онъ, рѣшился возмутить Черниговскій полкъ. Онъ былъ въ мѣстечкѣ Трилѣсьѣ, но немедленно отправился въ Ковалевку, чтобы собрать тамъ 2-ю гренадерскую роту, велѣвъ поручику Кузмину туда же привести 5-ю, а Соловьеву и Щипиллѣ возмутить свои роты и съ ними идти въ Васильковъ. Изъ Ковалевки, гдѣ онъ ночевалъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, 30-го Декабря, пошелъ съ двумя ротами, 2-ю и 5-ю, на Васильковъ. Дорогою пріѣхалъ къ нему Бестужевъ-Рюминъ, котораго онъ посылалъ въ Брусиловъ за извѣстіями. Въ 8-ми верстахъ отъ города, узнавъ, что тамъ стоитъ рота съ маіоромъ Трухинымъ, Муравьевъ приказалъ своимъ зарядить ружья; маіоръ Трухинъ съ своей стороны приказывалъ тоже; ему не повиновались, и возмутившіяся роты вступили безпрепятственно въ Васильковъ. Тутъ, отдавъ подъ стражу маіора Трухина, выпустивъ, арестованныхъ подполковникомъ Гебелемъ, Соловьева, Щипиллу и нѣсколькихъ преданныхъ суду рядовыхъ, взявъ безденежно хлѣба, другихъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ изъ городскихъ лавокъ, Муравьевъ началъ составлять планы для дѣйствія. Къ нему пристали еще нѣкоторые офицеры и пріѣзжалъ изъ Бѣлой Церкви, приглашенный имъ накапунѣ, подпоручикъ 17-го Егерскаго полка Александръ Вадковскій, членъ не весьма дѣятельный Южнаго Общества. Сергѣй Муравьевъ уговаривалъ его произвести бунтъ въ семъ полку. „Буду стараться, если соберутъ его, но кажется невозможно“, отвѣчалъ Вадковскій и разстался съ Муравьевымъ, который въ то же время посылалъ въ Кіевъ, надѣясь тамъ найти какого нибудь единомышленника и требуя пособія. Онъ думалъ идти или на Кіевъ, или на Бѣлую Церковь, или къ Житомиру, чтобы соединиться съ офицерами Общества Славянъ; наконецъ, рѣшился двинуться къ Брусилову, откуда могъ, смотря по обстоятельствамъ, поспѣть однимъ переходомъ и въ Кіевъ, и въ Житомиръ. На другой день, 31-го Декабря въ полдень (ибо онъ дожидался 2-й мушкетерской роты) онъ велѣлъ собраться къ походу тѣмъ, кои уже пристали къ нему; передъ выступленіемъ, полковой священникъ, за 200 рублей, согласился отпѣть молебенъ и прочесть сочиненный Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ Катехизисъ, въ коемъ, какъ было означено выше, своевольно толкуя отдѣльныя мѣста изъ Ветхаго Завѣта, они хотѣли доказать, что Богу угоденъ одинъ республиканскій образъ правленія. Но сей лже-Катехизисъ, какъ самъ Муравьевъ показываетъ, произвелъ на рядовыхъ невыгодное для его намѣреній впечатлѣніе, и онъ увидѣлъ себя принужденнымъ дѣйствовать снова именемъ Государя Цесаревича, увѣряя солдатъ, что Его Высочество не отрекался отъ Короны. На пути къ Брусилову, въ

---

[1]) Достойно замѣчанія, что главные, въ томъ числѣ полковникъ Пестель, арестованы именно 14-го Декабря.

[2]) Показанія Давыдова и Поджіо.

[3]) Списокъ оной, руки самого Пестеля, былъ зарытъ въ землѣ близъ деревни Курносовки, но найденъ штабсъ-ротмистромъ Слѣпцовымъ, адъютантомъ генералъ-лейтенанта Чернышева.

[4]) За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, узнавъ въ Житомирѣ о происшествіяхъ 14-го Декабря, вздумалъ снова требовать смерти Государя Цесаревича отъ директоровъ Польскаго Тайнаго Общества и просилъ графа Мошинскаго доставить имъ письмо, которое Бестужевъ-Рюминъ еще въ 1824-мъ году хотѣлъ отправить къ нимъ чрезъ князя Сергѣя Волконскаго. „Я надѣялся“, говоритъ Муравьевъ, „что, сдѣлавъ сіе, Варшавское Общество принуждено будетъ начать и возмущеніе въ Польшѣ, а мы тѣмъ воспользуемся“. Но графъ Мошинскій не согласился на предложеніе, сказавъ, „что уставы Польскаго Общества не дозволяютъ принимать никакихъ письменныхъ сообщеній“.

деревнѣ Мотовиловкѣ нашелъ онъ 1-ю гренадерскую и первую мушкетерскую роты безъ командировъ [1]). Онъ предлагалъ имъ, просилъ съ нимъ соединиться; часть мушкетерской роты согласилась, гренадерская отказалась вся рѣшительно и отступила къ Бѣлой Церкви. Мятежники провели весь слѣдующій день (1-е Января) въ Мотовиловкѣ, ибо начальникъ ихъ Сергѣй Муравьевъ боялся трудить солдатъ въ праздникъ Новаго года. 2-го Января, не получая извѣстій изъ Кіева, полагая, что и тамъ и въ самомъ мѣстечкѣ Брусиловѣ уже знаютъ о бунтѣ его, онъ пошелъ къ Бѣлой Церкви и ночевалъ въ селѣ Пологи; тутъ, увѣдомясь отъ Щипиллы, что въ Бѣлой Церкви нѣтъ войска, которое онъ надѣялся возмутить, Муравьевъ снова измѣнилъ свой планъ, обратился къ Трилѣсью искать сближенія съ членами Общества Соединенныхъ Славянъ, но между деревнями Устимовской и Королевкой, встрѣтилъ высланный противъ него гусарскій отрядъ генерала Гейсмара. „Я привелъ свои роты въ порядокъ“, говоритъ онъ, „велѣлъ солдатамъ не стрѣляя идти прямо на пушки съ оставшимися офицерами (ибо многіе изъ присоединившихся къ нему въ Васильковѣ въ то время уже оставили его); солдаты шли за мною [2]), когда я упалъ безъ чувствъ, раненый картечью; очнувшись, увидѣлъ своихъ въ разстройствѣ, хотѣлъ собрать ихъ; но они, вмѣсто повиновенія, схватили меня и Бестужева и отдали начальнику эскадрона Маріупольскаго полка“. Братъ его Матвѣй и всѣ прочіе офицеры также взяты, кромѣ убитаго въ дѣлѣ другого брата Ипполита и поручика Сухинина, который, успѣвъ бѣжать, отысканъ уже мѣстнымъ начальствомъ въ Кишеневѣ; изъ взятыхъ, Кузминъ застрѣлился въ тотъ же день предъ глазами обоихъ Муравьевыхъ, съ коими онъ содержался [3]).

Описавъ свойство, намѣренія и дѣйствія открытыхъ въ Россіи злоумышленныхъ Тайныхъ Обществъ, Коммиссіи остается обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на личное въ сихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ участвованіе всѣхъ допрошенныхъ въ продолженіе слѣдствія, какъ тѣхъ, коихъ имена упомянуты въ семъ донесеніи, такъ и другихъ, менѣе значившихъ въ кругу своихъ сообщниковъ, хотя нѣкоторые между ими участвовали и въ самыхъ преступныхъ умыслахъ. Коммиссія старалась представить сіе наиточнѣйшимъ образомъ въ особыхъ о каждомъ запискахъ, означая въ оныхъ, и собственныя ихъ признанія, и показанія свидѣтелей, и новые, по симъ показаніямъ данные ими, отвѣты и объясненія. Сіи записки, вмѣстѣ съ письменными извѣтами допрошенныхъ и другими, слѣдующими къ дѣлу, болѣе или менѣе важными бумагами, Коммиссія подноситъ на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества. 30-го Мая 1826 года. Предсѣдатель, военный министръ Татищевъ. Генералъ-фельдцейхмейстеръ Михаилъ. Д. т. с. князь Голицынъ. Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, г.-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ. Генералъ-адъютанты: Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашовъ, Потаповъ. Скрѣпилъ д. ст. сов. Д. Блудовъ.

СПИСОКЪ

лицъ кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ Обществахъ предаются по Высочайшему повелѣнію Верховному Уголовному Суду, въ силу Манифеста отъ 1-го числа Іюня сего 1826 года.

Сѣвернаго Общества.

1. Князь Трубецкой, полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса.
2. Рылѣевъ отставной подпоручикъ.
3. Князь Евгеній Оболенскій, поручикъ лейбъ-гв. Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго всею пѣхотою Гвардейскаго Корпуса генералъ-адъютанта Бистрома 1-го.
4. Муравьевъ Никита, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба капитанъ.

---

[1]) Командиръ 1-й гренадерской былъ съ своею ротою; но рядовые, чтобы спасти начальника своего отъ мятежниковъ, уговорили его одѣться въ солдатскій мундиръ.

[2]) Весьма неохотно, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, и бросили ружья, какъ скоро гусары закричали имъ: сдавайтесь.

[3]) Изъ нихъ: Сухиновъ, Соловьевъ, Щипилла и Мозалевскій преданы военному суду въ 1-й арміи. Ипполитъ Муравьевъ пріѣхалъ къ братьямъ нечаянно въ Васильковъ и остался съ ними вопреки усильнымъ просьбамъ ихъ, особливо Матвѣя, который предвидѣлъ окончаніе преступнаго ихъ предпріятія. Онъ говорилъ о томъ на походѣ Бестужеву-Рюмину. Не надобно терять надежды, отвѣчалъ Бестужевъ; если не удастся здѣсь, то не все еще пропало: мы скроемся въ лѣсахъ, проберемся къ Петербургу, и я убью Государя. Бестужевъ увѣряетъ, что онъ это сказалъ единственно для того, чтобы ободрить Муравьева и удержать его отъ самоубійства.

5. Каховскій, отставной поручикъ.
6. Князь Щепинъ-Ростовскій, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.
7. Бестужевъ Александръ, лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка штабсъ-капит., адъютантъ Его Королевскаго Высочества Герцога Александра Виртембергскаго.
8. Бестужевъ Михайло, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.
9. Арбузовъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.
10. Бестужевъ Николай, 8-го экипажа капитанъ-лейтенантъ.
11. Пановъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.
12. Сутгофъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.
13. Кюхельбекеръ, коллежскій ассессоръ.
14. Пущинъ Иванъ, коллежскій ассессоръ.
15. Князь Одоевскій, лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ.
16. Якубовичъ, Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ.
17. Цебриковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.
18. Рѣпинъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитанъ.
19. Муравьевъ, Александръ, отставной полковникъ.
20. Якушкинъ, отставной капитанъ.
21. Фонъ-Визинъ, отставной генералъ-маіоръ.
22. Князь Шаховской Ѳедоръ, отставной маіоръ.
23. Лунинъ Михаилъ, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка подполковникъ.
24. Мухановъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ.
25. Митьковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка полковникъ.
26. Завалишинъ, 8-го флотскаго экипажа лейтенантъ.
27. Батенковъ, корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ.
28. Баронъ Штейнгель, отставной подполковникъ.
29. Торсонъ, флота капитанъ-лейтенантъ, адъютантъ начальника Морскаго Штаба.
30. Князь Голицынъ Валеріанъ, камеръ-юнкеръ.
31. Бѣляевъ 1. } гвардейскаго экипажа мичманы.
32. Бѣляевъ 2. }
33. Дивовъ, Гвардейскаго экипажа мичманъ.
34. Бестужевъ Петръ, мичманъ 27-го флотскаго экипажа.
35. Свистуновъ, Кавалергардскаго полка корнетъ.
36. Анненковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ.
37. Кривцовъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи подпоручикъ.
38. Муравьевъ Александръ, корнетъ Кавалергардскаго полка.
39. Нарышкинъ, полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка.
40. Фонъ-деръ-Бригенъ, отставной полковникъ.
41. Пущинъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона капитанъ.
42. Бодиско 1-й, Гвардейскаго экипажа лейтенантъ.
43. Кюхельбекеръ, того же экипажа лейтенантъ.
44. Мусинъ-Пушкинъ, того же экипажа лейтенантъ.
45. Акуловъ, того же экипажа лейтенантъ.
46. Вишневскій, того же экипажа лейтенантъ.
47. Бодиско 2-й, того же экипажа мичманъ.
48. Горской, статскій совѣтникъ.
49. Графъ Коновницынъ 1, гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ.
50. Оржитскій, отставной штабсъ-ротмистръ.
51. Кожевниковъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.
52. Фокъ, того же полка подпоручикъ.
53. Лаппа, того же полка подпоручикъ.
54. Назимовъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ.
55. Баронъ Розенъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.
56. Глѣбовъ, коллежскій секретарь.
57. Андреевъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.
58. Толстой, Московскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ.
59. Графъ Чернышевъ, Кавалергардскаго полка ротмистръ.
60. Чижовъ, 2-го флотскаго экипажа лейтенантъ.
61. Тургеневъ Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Южнаго Общества

1. Пестель, полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.
2. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка.
3. Бестужевъ-Рюминъ, Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.
4. Муравьевъ-Апостолъ Матвѣй, отставной подполковникъ.
5. Юшневскій, 4-го класса, бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи.
6. Князь Волконскій Сергѣй, генералъ-маіоръ.

7. Давыдовъ, Василій Львовъ сынъ, отставной полковникъ.
8. Князь Барятинскій, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.
9. Поджіо, отставной подполковникъ.
10. Муравьевъ Артамонъ, Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ.
11. Повало-Швейковскій, Саратовскаго пѣхотнаго полка полковникъ.
12. Вадковскій, Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщикъ.
13. Тизингаузенъ, полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка.
14. Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части.
15. Крюковъ, квартирмейстерской части поручикъ.
16. Фаленбергъ, подполковникъ квартирмейстерской части, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи по квартирмейстерской части.
17. Лореръ, Вятскаго пѣхотнаго полка маіоръ.
18. Краснокутскій, оберъ-прокуроръ Сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ.
19. Лихаревъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.
20. Вольфъ, штабъ-лекарь, состоявшій при главной квартирѣ 2-й арміи.
21. Крюковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.
22. Поджіо, отставной штабсъ-капитанъ.
23. Аврамовъ, полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка.
24. Норовъ, отставной подполковникъ.
25. Янтальцевъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты № 27.
26. Ивашевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.
27. Басаргинъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка поручикъ, старшій адъютантъ Главнаго Штаба 2-й арміи.
28. Корниловичъ, гвардейскаго Генеральнаго Штаба штабсъ-капитанъ.
29. Бобрищевъ-Пушкинъ 1, поручикъ квартирмейстерской части.
30. Бобрищевъ-Пушкинъ 2. поручикъ квартирмейстерской части.
31. Заикинъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.
32. Аврамовъ, поручикъ квартирмейстерской части.
33. Загорѣцкій, поручикъ квартирмейстерской части.
34. Поливановъ, отставной полковникъ.
35. Баронъ Черкасовъ, поручикъ квартирмейстерской части.
36. Фоэтъ, штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.
37. Графъ Булгари Николай, поручикъ кирасирскаго Ея Величества полка.

Соединенныхъ Славянъ

1. Борисовъ 1, подпоручикъ 8-ой артиллерійской бригады.
2. Борисовъ 2, отставной подпоручикъ.
3. Спиридовъ, маіоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
4. Горбачевскій, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
5. Бечасновъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
6. Пестовъ, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
7. Андреевичъ 2, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
8. Люблинскій, дворянинъ Волынской губерніи.
9. Тютчевъ, капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
10. Громницкій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
11. Кирѣевъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
12. Фурманъ, капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.
13. Веденяпинъ 1, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
14. Веденяпинъ 2, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады.
15. Шимковъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
16. Мозганъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
17. Ивановъ, провіантскій чиновникъ 10-го класса.
18. Фроловъ 2-й, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпорутчикъ.
19. Мозгалевскій, подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
20. Лисовскій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
21. Выгодовскій, канцеляристъ.
22. Берстель, подполковникъ, бывшій командиръ легкой роты № 2-го 9-й артиллерійской бригады.
23. Шахиревъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка поручикъ.

Русскій Инвалидъ.

(15 Іюля. № 167).

Высочайшій Манифестъ.

Божіею Милостію
Мы Николай Первый
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный Уголовный Судъ, Манифестомъ 1-го іюня сего года составленный для сужденія Государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчивъ, сколько долгъ правосудія и Государственная безопасность дозволяли, обращены нами къ надлежащему исполненію, и изданы во всеобщее извѣстіе.

Такимъ образомъ дѣло, которое Мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; Отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся.

Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя происшествія, обязанностію Себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно семь мѣсяцевъ, среди мгновеннаго мятежа явилась предъ Нами тайна зла долголѣтняго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную за кровь Русскую, за вѣру, Царя и Отечество, на семъ самомъ мѣстѣ пролїянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Его десницу, какъ она расторгла завѣсу, указала зло, помогла Намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ, — туча мятежа взошла какъ бы для того, чтобы потушить умыселъ бунта.

Не въ свойствахъ, не во нравахъ Русскихъ былъ сей умыселъ. Составленный горстію извергов, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную; но въ десять лѣтъ злонамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе. — Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя Русское измѣною Престолу и Отечеству. Напротивъ, Мы видѣли при семъ случаѣ новые опыты приверженности; видѣли, какъ отцы не щадили преступныхъ дѣтей своихъ, родственники отвергали и приводили къ Суду подозрѣваемыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ.

Но усилія злонамѣренныхъ, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенныя, тѣмъ не менѣе были дѣятельны. Язва была глубока, и по самой сокровенности ея опасна. Мысль, что главнымъ ея предметомъ, первою цѣлію умысловъ была жизнь Александра Благословеннаго, поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ. Другія соображенія тревожили и утомляли вниманіе: надлежало въ самыхъ необходимыхъ изысканіяхъ, по крайней возможности, щадить, не коснуться, не оскорбить напраснымъ подозрѣніемъ невинность. Тотъ-же Промыслъ, коему благоугодно было при самомъ началѣ Царствованія Нашего, среди безчисленныхъ заботъ и попеченій, поставить насъ на семъ пути скорбномъ и многотрудномъ, далъ Намъ крѣпость и силу совершить его. Слѣдственная Коммиссія въ теченіе пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ, дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія, привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верховный Уголовный Судъ, объявъ дѣло во всемъ пространствѣ Государственной его важности, отличивъ со тщаніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный.

Такъ, единодушнымъ соединеніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, въ теченіе краткаго времени укрощено зло, въ другихъ нравахъ долго неукротимое. Горестныя происшествія, смутившія покой Россіи, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла изводящаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благое.

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ, — недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія Правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ.

Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія Мы пріимемъ съ признательностію и удовольствіемъ. Для него отверсты въ Отечествѣ Нашемъ всѣ

пути чести и заслугъ. Правый Судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія, все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей.

Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ Правительству. Въ Государствѣ, гдѣ любовь къ Монархамъ и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ; они могутъ таиться въ мракѣ, но при первомъ появленіи отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи Государственнаго состава, каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и спокойный въ настоящемъ, можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзностныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ Намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверзтымъ, всегда будутъ приняты Нами съ благоволеніемъ: ибо Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть Отечество Наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ Нашихъ союзъ родства предаетъ потомству славу дѣяній, предкамъ стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки, или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ Гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ Христіанскій.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Николай.

Въ Царскомъ Селѣ. 13-го Іюля 1826 г.

Русскій Инвалидъ.

(16 Іюля. № 168—169).

Высочайшій Рескриптъ, данный на имя Его Превосходительства Г. Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества Барона И. И. Дибича.

(Весь Рескриптъ писанъ Собственною рукою Его Императорскаго Величества).

Баронъ Иванъ Ивановичъ!

Вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ благодарить Васъ за неутомимые труды Ваши и благоразумныя распоряженія, коими предупредили Вы замыслы части злѣйшихъ измѣнниковъ, готовившихся во 2-й Арміи поднять знамя бунта.

Среди заслугъ Отечеству, Вами оказанныхъ, справедливое потомство всегда вмѣнитъ Вамъ въ одну изъ важнѣйшихъ рѣшимость принятыхъ Вами мѣръ, тогда когда поражены были постигшимъ всеобщимъ Нашимъ несчастьемъ и дѣйствовали сами собою. Примите отъ Меня отъ лица Отечества совершенную признательность.

Пребываю Вамъ всегда благосклоннымъ.

На собственноручномъ Рескриптѣ подписано:

Николай.

Елагинъ Островъ. 14 Іюня 1826 года.

Русскій Инвалидъ [1]).

(№№ 168 и 169, 170 и 171, 172).

Верховный и Уголовный Судъ надъ злоумышленниками.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго.

Изъ Правительствующаго Сената,
Объявляется во всенародное извѣстіе.

Правительствующій Сенатъ въ Общемъ Собраніи Санктпетербургскихъ Департаментовъ, выслушавъ переданный въ оный изъ Верховнаго Уголовнаго Суда въ спискѣ протоколъ, состоявшійся въ 11-й день сего Іюля, при коемъ приложены въ

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Суда помѣщенъ также въ П. С. З. (1825—27 г.) т. 1 статья 465. Редак.

копіяхъ: во 1-хъ, Всеподданнѣйшій Его Императорскому Величеству докладъ онаго Суда, съ росписью Государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ къ разнымъ Казнямъ и наказаніямъ; во 2-хъ, Имянный Высочайшій Указъ, данный Верховному Уголовному Суду въ 10-й день сего же Іюля, о пощадахъ, Его Императорскимъ Величествомъ даруемыхъ осужденнымъ преступникамъ, — Приказали: о совершеніи казней и наказаній надъ Государственными преступниками, Высочайшимъ Указомъ и приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда опредѣленныхъ, предписать Г. Санктпетербургскому Военному Генералъ-Губернатору. Докладъ же Верховнаго Суда съ росписью осужденнымъ преступникамъ, и Высочайшій Указъ, равно выписку изъ упомянутаго протокола Верховнаго Уголовнаго Суда, съ изъясненіемъ учиненнаго въ ономъ, по высочайше предоставленной ему власти, окончательнаго постановленія о пяти преступникахъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими по тяжести ихъ злодѣяній, издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Въ Санктпетербургѣ Іюля 13 дня 1826-го года.

Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому,
Верховнаго Уголовнаго Суда
всеподданнѣйшій докладъ.

Верховный Уголовный Судъ, Манифестомъ 1-го іюня сего года для сужденія Государственныхъ преступниковъ составленный, всеподданнѣйше представляетъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества существо приговора, о нихъ состоявшагося, изобразивъ предварительно тотъ порядокъ, коимъ дѣло сіе въ немъ было производимо.

Обрядъ производства уголовныхъ дѣлъ установленъ общими законами; но въ дѣлѣ высшихъ Государственныхъ преступленій, общій уголовный обрядъ не могъ быть достаточенъ. Посему Ваше Императорское Величество, при самомъ составленіи сего Суда, соизволили преподать ему дополнительныя правила, на общемъ порядкѣ судопроизводства основанныя, и для успѣшнаго движенія сего дѣла необходимыя.

Верховный Уголовный Судъ въ 3-ій день Іюня мѣсяца открылъ свои засѣданія чтеніемъ Высочайшаго Манифеста, потомъ донесенія Слѣдственной Коммиссіи и подробныхъ о каждомъ подсудимомъ свѣдѣній, составленныхъ въ той же Коммиссіи изъ подлиннаго о нихъ производства.—Все, что по прежнимъ свѣдѣніямъ отдѣльно было извѣстно о существѣ сихъ преступленій, при чтеніи актовъ представилось Суду въ ужасной всѣхъ обстоятельствъ совокупности. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ подробности, тѣмъ, казалось, расширялась предъ нимъ бездна злобы и нравственнаго ожесточенія.

Всѣ прежнія чувства ужаса и омерзѣнія возбудились здѣсь съ новою силою.

Но судъ не могъ, не долженъ былъ колебаться сими чувствами; онъ измѣрялъ преступленія, но видѣлъ предъ собою еще токмо подсудимыхъ.—Сколь ни достовѣрны были акты Слѣдственной Коммиссіи, но общій порядокъ правосудія, и правила, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предначертанныя, требовали личнаго въ допросахъ удостовѣренія. Къ сему два пути предлежали: призывъ подсудимыхъ предъ Судъ, или нарядъ къ нимъ Коммиссіи, Судомъ избранной изъ среды его составленной. Ваше Императорское Величество тотъ и другой способъ соизволили представить его усмотрѣнію. Онъ избралъ послѣдній, какъ равно достовѣрный, но по числу подсудимыхъ болѣе удобный.

Ревизіонная Коммиссія исполнила порученное ей дѣло съ точностію. Всѣ подсудимые безъ исключенія подтвердили предъ нею собственноручнымъ подписаніемъ прежнія ихъ показанія. Имъ открыты были способы дополнять оныя всѣми обстоятельствами, кои могли они считать нужными къ ихъ оправданію; нѣкоторые, у именно пяти подсудимыхъ, пользуясь симъ дозволеніемъ, и дѣйствительно представили поясненія. И хотя Коммиссія не нашла въ нихъ ничего важнаго и существеннаго, тѣмъ не менѣе представила оныя Верховному Суду на усмотрѣніе. По заключенію его, они пріобщены къ дѣлу, и приняты къ совокупному съ онымъ соображенію. По окончаніи такимъ образомъ ревизіи слѣдствія, Судъ приступилъ къ чтенію законовъ на преступленія сего рода постановленныхъ, и къ выпискѣ, при семъ прилагаемой, во всей подробности ихъ изложенныхъ.

Изъ соображенія сихъ законовъ съ дѣломъ, сами собою проистекали два слѣдующіе вопроса:

1) Къ какому роду преступленій относятся преступленія, въ актахъ Слѣдственной Коммиссіи обнаруженныя?—Судъ призналъ единогласно, что всѣ они принадлежатъ къ преступленіямъ Государственнымъ, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ, въ законодательствѣ нашемъ извѣстнымъ.

2) Какое наказаніе по законамъ нашимъ положено за сіи преступленія?—Судъ призналъ и единогласно опредѣлилъ, что преступленія, въ актахъ означенныя, и собственнымъ признаніемъ подсудимыхъ двукратно удостовѣренныя подлежатъ всѣ безъ изъятія смертной казни.

Симъ однимъ общимъ приговоромъ оканчивалось дѣло во всей законной его точности. Строгость нашихъ законовъ не дозволяетъ въ семъ родѣ преступленій различать никакихъ постепенностей. Всѣ, и дѣйствовавшіе, и соглашавшіеся, и участвовавшіе, и даже токмо знавшіе, но не донесшіе объ умыслѣ посягательства на Священную Особу Государя Императора, или кого-либо изъ Императорской Фамиліи, также объ умыслѣ бунта и воинскаго мятежа, всѣ безъ изъятія подлежатъ смертной казни, и по точной силѣ законовъ всѣ однимъ общимъ приговоромъ считаются къ сей казни присужденными.

Сія спасительная строгость нашихъ законовъ единымъ Монаршимъ милосердіемъ можетъ быть смягчаема; но смягчаема частно, въ видѣ изъятій, въ извѣстномъ и опредѣленномъ случаѣ, а не въ видѣ общаго правила, которое всегда остается одно и то же во всей его силѣ и дѣйствіи.

Въ семъ самомъ уваженіи благоугодно было Вашему Императорскому Величеству и въ настоящемъ случаѣ Всемилостивѣйше повелѣть, чтобы Верховный Уголовный Судъ опредѣлилъ: „въ какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимыхъ частными и особенными каждаго лица обстоятельствами; чтобы онъ установилъ разряды разныхъ степеней виновности; чтобъ каждому степени положилъ наказаніе, и чтобъ по симъ разрядамъ и степенямъ распредѣлилъ подсудимыхъ". (Дополнит. статьи, Отдѣленіе II, статьи 3, 12, 13 и 14).

Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, для приуготовленія началъ, на коихъ должны быть основаны разряды, избрана была изъ среды Суда особая Коммиссія.—Ясно, что основаній разрядовъ надлежало искать въ обстоятельствахъ дѣла. Къ сему два средства представлялись: донесеніе Слѣдственной Коммиссіи, и самыя дѣла, въ ней произведенныя. Въ донесеніи излагаются обстоятельства въ ихъ совокупности, въ дѣлахъ содержатся они во всей подробности; въ нихъ находятся самые отвѣты подсудимыхъ, самыя показанія, ими писанныя или подписанныя, и двукратно, сперва при слѣдствіи, а потомъ при ревизіи, ими утвержденныя. Коммиссія признала справедливымъ соединить оба сіи средства, то есть, свести и повѣрить изложеніе слѣдствія съ самымъ его производствомъ, и для сего прочесть слѣдствія и пересмотрѣть раздѣльно всѣ дѣла отъ начала до конца ихъ. Сколько трудъ сей былъ многосложенъ, столько онъ былъ необходимъ. Совершеніемъ его Коммиссія, во-первыхъ, пріобрѣла возможность обозрѣть подробности дѣла во всемъ ихъ пространствѣ, и положить основанія разрядовъ не на одномъ токмо донесеніи, но на самыхъ подлинныхъ актахъ; во-вторыхъ, она удостовѣрилась не токмо въ точности изложенія и въ сходствѣ его съ дѣлами, но и въ точности самаго ихъ производства. Во всемъ составѣ 121-го дѣла открылось токмо шесть случаевъ, и случаевъ не весьма существенныхъ, кои могли требовать нѣкотораго поясненія, и кои посему признано нужнымъ чрезъ слѣдственную Коммиссію дополнить. Симъ не измѣнилось существо дѣлъ, но приведены обстоятельства ихъ въ большую ясность.

Въ семъ порядкѣ, обозрѣвъ все дѣло, Коммиссія приступила къ установленію разрядовъ. Для сего ей предлежало: опредѣлить главные роды преступленій; отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды, и поставивъ ихъ въ порядкѣ постепенности, изъ сложенія и сопряженія ихъ произвесть начала разрядовъ.

Роды преступленій.

Всѣ разнообразныя части сего обширнаго дѣла, въ совокупномъ ихъ обозрѣніи, представляютъ одинъ главный умыселъ: умыселъ на потрясеніе Имперіи, на испровержение коренныхъ Отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего Государственнаго порядка.

Три средства, три главные рода злодѣяній, предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1) Цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій.

Виды преступленій.

Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій. Всѣ они принадлежатъ вообще къ тремъ: 1) къ знанію умысла; 2) къ согласію въ немъ; 3) къ вызову на совершеніе его; но каждый изъ сихъ видовъ заключаетъ въ себѣ еще разныя постепенности, коихъ подробное изложеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

По первому пункту.

1) Умыселъ на Цареубійство собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію ихъ. Сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого-либо изъ Членовъ Императорской Фамиліи.

2) Умыселъ на истребленіе Императорской Фамиліи, или кого-либо изъ Членовъ ея, возбужденіемъ къ тому другихъ, или одобреніемъ лица, къ тому предназначеннаго.

3) Умыселъ на лишеніе свободы Священной Особы Государя, или кого-либо изъ Членовъ Императорской Фамиліи; умыселъ на удаленіе Императорской Фамиліи, собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

4) Участіе въ вышеозначенныхъ умыслахъ согласіемъ, хотя безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

5) Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, т. е. на удаленіе Императорской Фамиліи, или лишеніе свободы, хотя съ противорѣчіемъ на два первые.

6) Злодерзостныя слова, относящіяся къ Цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ и означающія не умыселъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывы.

7) Участіе въ умыслѣ, въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ, или даже и вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

8) Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся съ отступленіемъ, и съ противорѣчіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

9) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т. е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

10) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, безъ согласія и даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

По второму пункту.

1) Учрежденіе и Управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію бунтъ: пріуготовленіемъ способовъ къ бунту или назначеніемъ къ тому срочнаго времени; или составленіемъ плановъ, уставовъ конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

2) Дѣятельное участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими; участіе, или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда-же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ Областей отъ Имперіи.

3) Участіе въ семъ умыслѣ распространеніемъ общества, или посредствомъ привлеченія товарищей или принятіемъ порученій. Сюда же пренадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ-то печати и бумагъ.

4) Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія, или даже съ противорѣчіемъ онымъ.

5) Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

6) Полное знаніе сего умысла, хотя безъ всякаго дѣйствія.

7) Неполное знаніе сего умысла, особенно же жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

По мятежу.

1) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

2) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, хотя безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

3) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли.

4) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, хотя безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

5) Дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

6) Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ, или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

7) Знаніе о пріуготовленіяхъ къ мятежу, безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

8) Согласіе къ мятежу, безъ полнаго свѣдѣнія сокровенной цѣли.

9) Знаніе о предстоящемъ мятежѣ, безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

10) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, хотя по увлеченію и безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Въ семъ состоятъ разные виды, кои Коммиссія нашла и различила въ преступленіяхъ.

Основанія разрядовъ. Ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другого средства, какъ соединеніе сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій, соразмѣрно ихъ тяжести. Тотъ, кто виновенъ во всѣхъ трехъ родахъ преступленій, соединяя въ себѣ первые виды въ каждомъ, безъ сомнѣнія долженъ занимать первое мѣсто. За нимъ слѣдуютъ тѣ, кои найдены виновными въ двухъ токмо родахъ, соединяя въ себѣ первые ихъ виды, на коихъ вина въ третьемъ родѣ или ниже первыхъ, или совсѣмъ не существуетъ.

На семъ общемъ правилѣ Коммиссія основала разряды, но въ приложеніи онаго къ случаямъ, столь разнообразнымъ, необходимо надлежало допустить нѣкоторыя ограниченія. Вина весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленія, часто сопрягается въ одномъ лицѣ съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ; а какъ законъ въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тягчайшею, то и надлежало сію тягчайшую вину поставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо, по другимъ его винамъ, принадлежало къ разрядамъ низшимъ.

Въ разнообразіи преступленій Коммиссія искала болѣе всего, чтобъ не упустить безъ вниманія никакой значительной разности, но каждому виду дать свое мѣсто и поставить его въ соразмѣрности съ другими. Такимъ образомъ произошли одиннадцать разрядовъ преступленій.

Дабы удостовѣриться въ ихъ точности, Коммиссія признала нужнымъ сдѣлать примѣрный опытъ самого распредѣленія въ нихъ лицъ—опытъ, но не самое распредѣленіе; ибо сіе послѣднее принадлежало Верховному Суду, и Коммиссія не могла предварять его.

Для сего надлежало ей пройти снова всю, такъ сказать, исторію каждаго подсудимаго; обозрѣть всѣ обвиненія, извлечь изъ оныхъ вины, кои уликами и собственнымъ признаніемъ утверждены съ очевидностію, и сіи вины отмѣтить противъ каждаго. Симъ образомъ составленъ общій списокъ подсудимыхъ, съ краткимъ, но точнымъ означеніемъ ихъ преступленій. По симъ преступленіямъ опредѣлялось мѣсто подсудимаго и разрядъ, къ коему онъ принадлежалъ. Симъ многотруднымъ приложеніемъ Коммиссія удостовѣрилась, что самое большое число подсудимыхъ, съ точностію и сходствомъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ, можетъ размѣститься въ разрядахъ, ею предположенныхъ, съ слѣдующими токмо ограниченіями:

1) При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ найдено, что вины нѣкоторыхъ подсудимыхъ усиливаются, а другихъ уменьшаются особенными ихъ обстоятельствами.

Вины усиливаются: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ воинскаго порядка, кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго разсвирѣпѣнія.

Напротивъ, вины ослабляются: 1) признаками раскаянія, какъ-то: совершеннымъ удаленіемъ отъ участія въ тайномъ обществѣ, измѣненіемъ его видовъ и отступленіемъ отъ жестокихъ его предположеній; 2) особыми поступками нѣкоторыхъ подсудимыхъ, также къ смягченію относящимися; 3) скорымъ и чистосердечнымъ признаніемъ при слѣдствіи; 4) наконецъ юностію лѣтъ при увлеченіи въ злонамѣренное сообщество. Коммиссія не могла не принять въ уваженіе сихъ особенныхъ обстоятельствъ, и потому, поставивъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ подсудимыхъ, по мѣрѣ ихъ вины, въ своихъ мѣстахъ, признала однако же справедливымъ, составивъ имъ отдѣльный списокъ, присовокупить обстоятельства сіи къ общему соображенію Верховнаго Уголовнаго Суда.

2) Вины подсудимыхъ утверждены собственнымъ ихъ признаніемъ. Во всемъ обширномъ производствѣ сего дѣла найдены четыре токмо лица, вины коихъ утверждаются на обстоятельствахъ, а не на сознаніи. Составя о сихъ лицахъ особенное изложеніе, Коммиссія представила оное на дальнѣйшее Верховнаго Суда усмотрѣніе.

3) Сколь ни тяжки вины, въ первомъ разрядѣ означенныя; но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, кои по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ идти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему разряду.—Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостію злобы, свирѣпымъ упорствомъ, и наконецъ хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Коммиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣяній особенный списокъ.

Въ семъ заключались представленія Коммиссіи.

Верховный Уголовный Судъ, разсмотрѣвъ оныя во всей подробности, большинствомъ голосовъ призналъ, что число разрядовъ, Коммиссіею предположенныхъ, за исключеніемъ тѣхъ злодѣяній, кои по чрезмѣрной ихъ тяжести поставлены внѣ оныхъ, стоитъ въ надлежащей соразмѣрности съ разнообразіемъ и многосложностію видовъ преступленій.

За симъ Судъ, въ исполненіе Высочайше предначертанныхъ ему правилъ, приступилъ къ опредѣленію каждому разряду наказаній. При семъ опредѣленіи Верховный уголовный Судъ не могъ отступить отъ общаго правила, въ самомъ началѣ единогласно имъ постановленнаго, а именно, что всѣ подсудимые, безъ изъятія, по точной силѣ нашихъ законовъ, подлежатъ смертной казни. И потому, если установленіемъ разрядовъ въ наказаніяхъ благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству даровать нѣкоторымъ изъ нихъ жизнь, то сіе будетъ не дѣйствіемъ закона, а тѣмъ менѣе дѣйствіемъ Суда, но дѣйствіемъ единаго Монаршаго Милосердія; будетъ особеннымъ изъятіемъ, на сей токмо случай, по Высочайшему Вашему предназначенію, допускаемымъ. И хотя Милосердію, отъ Самодержавной Власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ; но Верховный Уголовный Судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія столь высокія, и съ общею безопасностью Государства столь смежныя, что самому Милосердію онѣ, ка-

жется, должны быть недоступны. По симъ уваженіямъ Судъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ представить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества слѣдующія положенія о казняхъ и наказаніяхъ:

Первое. Всѣмъ преступникамъ, кои, по особому свойству и важности ихъ злодѣяній, не могутъ войти въ составъ разрядовъ, положить смертную казнь четвертованіемъ.

Второе. Всѣмъ преступникамъ, къ первому разряду принадлежащимъ, положить смертную казнь отсѣченіемъ головы.

Третіе. Всѣмъ преступникамъ, ко второму разряду принадлежащимъ, опредѣлить такъ называемую въ законахъ нашихъ политическую смерть, то есть, положить голову на плаху, и потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

Четвертое. Преступникамъ, къ третьему разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу вѣчно.

Пятое. Преступникамъ, къ четвертому, пятому, шестому и седьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу на опредѣленную работу на опредѣленное время, и потомъ вѣчно на поселеніе.

Шестое. Преступникамъ къ осьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку на поселеніе.

Седьмое. Преступникамъ къ девятому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку въ Сибирь.

Осьмое. Преступниковъ, къ десятому разряду принадлежащихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты до выслуги.

Девятое. Преступниковъ, къ одиннадцатому разряду принадлежащихъ, лиша чиновъ, написать въ солдаты до выслуги.

Сдѣлавъ сіи положенія о казняхъ и наказаніяхъ, Судъ поступилъ къ распредѣленію самыхъ преступниковъ по разрядамъ, по каждомъ изъ нихъ постановилъ приговоръ. Существо всѣхъ этихъ поступленій, и казни, имъ опредѣленныя, содержатся въ особенной росписи, изъ общаго протокола составленной и присемъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества подносимой.

Изъ сей росписи Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите:

1) Что изъ 121-го человѣка подсудимыхъ, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда осуждаются: пять человѣкъ, внѣ разрядовъ состоящихъ, къ смертной казни четвертованіемъ; тридцать одинъ человѣкъ, въ первомъ разрядѣ состоящихъ, къ смертной казни отсѣченіемъ головы; семнадцать человѣкъ, во второмъ разрядѣ состоящихъ, къ политической смерти со ссылкою вѣчно въ каторжную работу, два человѣка, въ третьемъ разрядѣ состоящіе, къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно: тридцать восемь человѣкъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ разрядѣ состоящихъ, въ каторжную работу на опредѣленное время, и потомъ на поселеніе; пятнадцать человѣкъ, въ осьмомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, на поселеніе вѣчно; три человѣка, въ девятомъ разрядѣ состоящіе, по лишеніи чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ въ Сибирь вѣчно; одинъ человѣкъ, въ девятомъ разрядѣ, состоящій, по лишеніи чиновъ и дворянства, въ солдаты до выслуги; восемь человѣкъ, въ одиннадцатомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ, въ солдаты съ выслугою.

2) При семъ распредѣленіи, изъ тѣхъ четырехъ подсудимыхъ, коихъ вины утверждаются обстоятельствами безъ собственнаго ихъ сознанія, трое, а именно: Тургеневъ, Князь Шаховской и Цебриковъ, по особому разсмотрѣнію ихъ преступленій, отнесены Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ свойственнымъ имъ разрядамъ, и вмѣщены: первый изъ нихъ въ первый разрядъ, вторый въ осьмый, третій въ одиннадцатый; о Горскомъ же, какъ не вошедшемъ ни въ какой разрядъ, представляется при семъ выписка изъ особаго протокола, о немъ состоявшагося.

Въ заключеніи Верховный Уголовный Судъ вмѣняетъ себѣ долгомъ донести, что опредѣленія и приговоры его состоялись или по большинству голосовъ всего собранія, или же по большему числу голосовъ одинакаго мнѣнія.

Члены Святѣйшаго Синода, въ Верховномъ Судѣ присутствовавшіе, при заключеніи общаго протокола, сообразно правиламъ ихъ и прежнимъ примѣрамъ, изъявили мнѣнія ихъ слѣдующими словами: „Слушавъ въ Верховномъ Уголовномъ Судѣ слѣдствіе о Государственныхъ преступникахъ Пестелѣ, Рылѣевѣ и другихъ ихъ сообщникахъ, умышлявшихъ на Цареубійство и введеніе въ Россію Республиканскаго Правленія, и видя собственное ихъ во всемъ признаніе и совершенное обличеніе, согласуемся, что сіи Государственные преступники достойны жесточайшей казни, а слѣдовательно, какая будетъ сентенція отъ оной не отрицаемся; но поелику мы духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не можемъ“.

Всемилостивѣйшій Государь! Съ того самаго дня, какъ горестныя происшествія обнаружили сіе дѣло, когда вспыхнувшій мятежъ укрощенъ былъ единымъ личнымъ присутствіемъ Вашимъ, всѣ вѣрные подданные Ваши въ благоговѣйномъ чувствѣ признали единодушно, что судьба Россіи, твердой Вашей десницѣ Провидѣніемъ ввѣренная, пребудетъ непоколебима. Впослѣдствіи, когда признавъ дѣло сіе дѣломъ всѣхъ

вѣрныхъ сыновъ Отечества, дѣломъ всей Россіи, Ваше Императорское Величество соизволили, по образу высокихъ Вашихъ Предковъ, призвать къ сужденію онаго высшія Государственныя Сословія, съ присоединеніемъ къ нимъ Военныхъ и Гражданскихъ чиновниковъ, симъ самымъ снова утвердили ту истину, что если мрачный духъ крамолы внѣшними примѣрами подстрекаемый, можетъ вторгнуться въ Россію: то, заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ отчаяннаго разврата или буйнаго своевольства мыслей, никогда не проникнетъ онъ въ нѣдро ея, для него неприступное; — и что въ Отечествѣ нашемъ любовь къ Государю и преданность къ Престолу, опираются на коренныхъ законахъ нашихъ, на самыхъ нравахъ и свойствахъ природныхъ.

Верховный Уголовный Судъ, чувствуя всю важность его призыванія, желалъ въ полной мѣрѣ оправдать изъявленное ему Вашимъ Императорскимъ Величествомъ довѣріе, и проходя съ неутомимымъ вниманіемъ весь многосложный составъ сего обширнаго дѣла, искалъ, по слову Вашему, единаго „справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ непоколебимой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной".

РОСПИСЬ

Государственнымъ преступникамъ, приговоромъ Верховнаго Уголовнаго Суда осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ.

1. Государственные преступники, осуждаемые къ смертной казни четвертованіемъ.

1) Полковникъ Пестель. Имѣлъ умыселъ на Цареубійство изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе Императорской Фамиліи, и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея Членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ; учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія Областей отъ Имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

Подпоручикъ Рылѣевъ. Умышлялъ на Цареубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица, умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе Императорской Фамиліи, и пріуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго Общества, управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить Манифестъ о разрушеніи Правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи, и принималъ членовъ; пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ Начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

3) Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Имѣлъ умыселъ на Цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе Императорской Фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія Цесаревича, и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыслъ и на лишеніе свободы Государя Императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи, и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія Областей отъ Имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію предъ рядами бунтующихъ лжекатехизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4) Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Имѣлъ умыселъ на Цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти Государя Императора и нынѣ Царствующаго Государя Императора; избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; имѣлъ умыселъ на истребленіе Императорской Фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха, имѣлъ умыселъ на изгнаніе Императорской Фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти Государя Императора, и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія; участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лже-катехизиса; возбуждалъ и приуготовлялъ къ бунту, требуя даже клятвенныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа; составлялъ умыселъ на отторженіе Областей отъ Имперіи, и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго, принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ Офицеровъ и солдатъ къ бунту и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

5) Поручикъ Каховскій. Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи, и бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ Царствующаго

Государя Императора, не отрекся отъ сего избранія, и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался; участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, и самъ нанесъ смертельный ударъ Графу Милорадовичу и Полковнику Стюрлеру и ранилъ Свитскаго Офицера.

II. Государственные преступники перваго разряда, осуждаемые къ смертной казни отсѣченіемъ головы.

1) Полковникъ Князь Трубецкой. Въ 1825 году умышлялъ на Цареубійство и соглашался съ предложеніемъ другихъ, предлагалъ лишеніе свободы Императора и Императорской Фамиліи при занятіи Дворца; управлялъ Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ.

2) Поручикъ Князь Оболенскій. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство одобреніемъ выбора лицъ, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи союза благоденствія, установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя приуготовлять главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ Графа Милорадовича, возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство.

3) Подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. Имѣлъ умыселъ на Цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго Общества, и зналъ умыслы Южнаго во всемъ ихъ пространствѣ; дѣйствовалъ въ мятежѣ, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4) Подпоручикъ Борисовъ 2-й. Умышлялъ на Цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго, и умышлялъ на лишеніе свободы Его Высочества Цесаревича; учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ; приуготовлялъ способы къ оному; составилъ катехизисъ и клятвенное обѣщаніе: дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

5) Подпоручикъ Борисовъ 1-й. Умышлялъ на Цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго; учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, и содѣйствовалъ къ составленію устава; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

6) Подпоручикъ Горбачевскій. Умышлялъ на Цареубійство; обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ, участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ; возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ; въ произведеніи бунта далъ клятву, старался распространить общество принятіемъ членовъ, и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7) Маіоръ Спиридовъ. Умышлялъ на Цареубійство; вызывался самъ, давъ клятву на образѣ, совершить оное, и назначалъ къ тому другихъ; участвовалъ въ управленіи Славянскимъ обществомъ; старался о распространеніи его принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

8) Штабсъ-Ротмистръ Князь Барятинскій. Умышлялъ на Цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій, и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

9) Коллежскій Ассесоръ Кюхельбекеръ. Покушался на жизнь Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, во время мятежа на площади; принадлежалъ тайному обществу съ знаніемъ цѣли; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови;самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова, и разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ, старался поставить въ строй.

10) Капитанъ Якубовичъ. Умышлялъ на Цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго Государя, и сверхъ того предложилъ бросить жеребій на убіеніе нынѣ Царствующаго Императора; былъ на совѣщаніяхъ общества, и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; участвовалъ въ приготовленіи онаго; помогалъ совѣтами, предлагалъ разбить питейные дома, позволить грабежъ и взявъ хоругви изъ Церкви, идти ко Дворцу; во время самого мятежа ,присоединясь къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ, и пришелъ съ ними на площадь.

11) Подполковникъ Поджіо. Умышлялъ на Цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изысканіемъ къ тому средствъ, избираніемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе Императорской Фамиліи; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго Общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ, совѣтовалъ и убѣждалъ Князя Волконскаго возмутить ввѣренное ему войско.

12) Полковникъ Артамонъ Муравьевъ. Умышлялъ на Цареубійство собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ; привлекалъ въ тайное общество другихъ, и приуготовлялъ товарищей къ мятежу.

13) Прапорщикъ Вадковскій. Умышлялъ на Цареубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи, возбуждая къ оному и другихъ, участвовалъ въ умыслѣ про-

извести бунтъ и въ распространенiи тайнаго общества принятiемъ въ оное товарищей.

14) Прапорщикъ Бечасновъ. Соглашался въ умыслѣ на Цареубiйство принятiемъ съ клятвою назначенiя къ совершенiю онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденiемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и принялъ въ общество одного товарища.

15) Полковникъ Давыдовъ. Имѣлъ умыселъ на Цареубiйство и истребленiе Императорской Фамилiи, о чемъ и совѣщанiя происходили въ его домѣ; участвовалъ въ управленiи тайнаго общества и старался распространять оное принятiемъ членовъ и порученiй; участвовалъ согласiемъ въ предположенiяхъ объ отторженiи Областей отъ Имперiи; и приуготовлялъ къ мятежу предположенiемъ одной Артиллерiйской ротѣ быть готовою къ дѣйствiямъ.

16) 4-го класса Юшневскiй. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубiйство и истребленiе Императорской Фамилiи, съ согласiемъ на всѣ жестокiя мѣры Южнаго общества; управлялъ тѣмъ обществомъ вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властiю; участвовалъ въ сочиненiи конституцiи и произнесенiи рѣчей; участвовалъ также въ умыслѣ на отторженiе Областей отъ Имперiи.

17) Штабсъ-Капитанъ Александръ Бестужевъ. Умышлялъ на Цареубiйство и истребленiе Императорской Фамилiи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишенiе свободы Императорской Фамилiи; участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченiемъ товарищей и сочиненiемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ.

18) Подпоручикъ Андреевичъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубiйство согласiемъ; первый умышлялъ на лишенiе свободы Его Императорскаго Высочества Цесаревича; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденiемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ, и приуготовлялъ товарищей къ воинскому мятежу.

19) Капитанъ Никита Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубiйство изъявленiемъ согласiя въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 году; и хотя въ послѣдствiи и измѣнилъ въ семъ отношенiи свой образъ мыслей, однакожъ предполагалъ изгнанiе Императорской Фамилiи; участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденiи и управленiи тайнаго общества, и въ составленiи плановъ и конституцiи.

20) Коллежскiй Ассесоръ Пущинъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубiйство одобренiемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; участвовалъ въ управленiи общества, принималъ членовъ и давалъ порученiя; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

21) Генералъ-Маiоръ Князь Волконскiй. Участвовалъ согласiемъ въ умыслѣ на Цареубiйство и истребленiе всей Императорской Фамилiи; имѣлъ умыселъ на заточенiе всей Императорской Фамилiи; участвовалъ въ управленiи Южнымъ обществомъ и старался о соединенiи его съ Сѣвернымъ; дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженiе Областей отъ Имперiи, и употреблялъ поддѣльную печать Полеваго Аудиторiата.

22) Капитанъ Якушкинъ. Умышлялъ на Цареубiйство собственнымъ вызовомъ въ 1817-мъ году, и участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятiемъ въ тайное общество товарищей.

23) Подпоручикъ Пестовъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубiйство, принятiемъ съ клятвою назначенiя къ совершенiю онаго; и соглашался въ умыслѣ бунта.

24) Лейтенантъ Арбузовъ. Умышлялъ на Цареубiйство и истребленiе Императорской Фамилiи; участвовалъ въ умыслѣ бунта съ привлеченiемъ товарищей; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и товарищей.

25) Лейтенантъ Завалишинъ. Умышлялъ на Цареубiйство и истребленiе Императорской Фамилiи, возбуждая къ тому словами и сочиненiями и принадлежалъ къ тайному обществу съ знанiемъ сокровенной цѣли.

26) Полковникъ Повало-Швейковскiй. Участвовалъ въ умыслѣ на лишенiе свободы покойнаго Государя Императора въ Бобруйскѣ при Бѣлой Церкви, а нынѣ Царствующаго Государя Императора въ Бобруйскѣ,—и зналъ объ умыслѣ на Цареубiйство, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространенiи тайнаго общества, принятiемъ отъ него порученiй и привлеченiемъ одного товарища.

27) Поручикъ Пановъ 2-й. Принадлежалъ къ тайному обществу, и по учиненiи уже присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ нѣсколько ротъ, вступилъ съ ними на дворъ Зимняго Дворца и потомъ присоединился къ другимъ мятежникамъ на площади; команда его производила стрѣльбу.

28) Поручикъ Сутгофъ. Принадлежалъ къ тайному обществу; и по учиненiи присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ; команда его производила стрѣльбу.

29) Штабсъ-Капитанъ Князь Щепинъ-Ростовскiй. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденiемъ нижнихъ чиновъ, коими предводительствовалъ на площади съ пролитiемъ крови и съ нанесенiемъ тяжкихъ ранъ Генераламъ Шеншину, Фридрихсу, Полковнику Хвощинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру.

30) Мичманъ Дивовъ. Умышлялъ на Цареубiйство и истребленiе Императорской Фамилiи, съ возбужденiемъ другихъ словами и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденiемъ нижнихъ чиновъ.

31) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Тургеневъ. По показаніямъ 24-хъ соучастниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества; участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ, ввести Республиканское Правленіе; и удалясь за-границу; онъ по призыву Правительства, къ оправданію не явился; чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія.

III. Государственные преступники втораго разряда, осуждаемые къ политической смерти, по силѣ Указа 1753-го года Апрѣля 29-го числа, т. е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

1) Капитанъ Тютчевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

2) Порутчикъ Громницкій. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества, принятіемъ его порученій и привлеченіемъ товарищей, и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

3) Прапорщикъ Кирѣевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ; также соглашался въ умыслѣ бунта, и приуготовлялъ товарищей къ военному мятежу.

4) Порутчикъ Крюковъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ, и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

5) Подполковникъ Лунинъ. Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства согласіемъ, въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ и заведеніемъ Литографій для изданія сочиненій общества.

6) Корнетъ Свистуновъ. Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства и истребленіи Императорской Фамиліи согласіемъ; а въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей.

7) Порутчикъ Крюковъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи согласіемъ; а въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества и привлеченіемъ товарищей.

8) Порутчикъ Басаргинъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ, и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена.

9) Полковникъ Митьковъ. Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

10) Порутчикъ Анненковъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11) Штабъ-Лекарь Вольфъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

12) Ротмистръ Ивашевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Подпоручикъ Фроловъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли бунта.

14) Подполковникъ Норовъ. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы блаженной памяти Императора и нынѣ Царствующаго Государя, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

15) Капитанъ-Лейтенантъ Торсонъ. Зналъ умыселъ на Цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.

16) Капитанъ-Лейтенантъ Николай Бестужевъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.

17) Штабсъ-Капитанъ Михайло Бестужевъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго: лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту.

IV. Государственные преступники третьяго разряда, осуждаемые къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу.

1) Подполковникъ Баронъ Штейнгель. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и лишеніе свободы, съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ Манифеста и Приказа войскамъ.

2) Подполковникъ Батенковъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, соглашался на умыселъ бунта и приуготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами.

V. Государственные преступники четвертаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

1) Штабсъ-Капитанъ Мухановъ. Произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія мгновенный порывъ на Цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта.

2) Генералъ-Маіоръ фонъ-Визинъ. Умышлялъ на Цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, хотя въ послѣдствіи времени измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

3) Штабсъ-Капитанъ Поджіо. Участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство согласіемъ и даже вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся и съ отступленіемъ отъ онаго; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приготовленіи къ мятежу.

4) Подполковникъ Фаленбергъ. По принятіи въ 1822 или 1823 году Княземъ Барятинскимъ въ тайное общество, соглашался произвести Цареубійство, и хотя въ послѣдствіи и началъ отъ общества уклоняться, но сокровенную цѣль его зналъ.

5) 10-го класса Ивановъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ, и приуготовлялъ товарищей къ мятежу.

6) Подпоручикъ Мозганъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена и возбуждалъ нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется.

7) Штабсъ-Капитанъ Корниловичъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества къ Сѣверному, и въ приготовленіи къ мятежу.

8) Маіоръ Лореръ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарищей.

9) Полковникъ Аврамовъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена.

10) Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ. 2-й. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и привлеченіемъ въ тайное общество одного члена.

11) Прапорщикъ Шимковъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного члена.

12) Корнетъ Александръ Муравьевъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

13) Мичманъ Бѣляевъ 1-й. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

14) Мичманъ Бѣляевъ 2-й. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

15) Полковникъ Нарышкинъ 2-й. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

16) Корнетъ Князь Одоевскій. Участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество одного члена и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

VI. *Государственные преступники пятаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 10-ть лѣтъ, а потомъ на поселеніе.*

1) Штабъ-Капитанъ Рѣпинъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли и приготовлялъ товарищей къ мятежу.

2) Коллежскій Секретарь Глѣбовъ. Зналъ о цѣли тайнаго общества, хотя не вполнѣ и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, дававши деньги солдатамъ для покупки вина.

3) Поручикъ Баронъ Розенъ. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, остановивъ свой взводъ, посланный для усмиренія мятежниковъ.

4) Лейтенантъ Кюхельбекеръ. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

5) Мичманъ Бодиско 2-й. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

VII. *Государственные преступники шестого разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 6-ть лѣтъ, а потомъ на поселеніе.*

1) Полковникъ Александръ Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ Цареубійства согласіемъ, въ 1817-мъ году изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго удалился, но о цѣли его Правительству не донесъ.

2) Дворянинъ Люблинскій. Зналъ умыселъ на Цареубійство и участвовалъ въ учрежденіи съ Борисовымъ Славянскаго тайнаго Общества, съ составленіемъ и переводомъ плановъ, хотя послѣ изъ онаго и выбылъ.

VIII. *Государственные преступники седьмого разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ на каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе.*

1) Подпоручикъ Лихаревъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

2) Полковникъ Ентальцевъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о пріуготовленіяхъ къ мятежу.

3) Поручикъ Лисовскій. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о приуготовленіи къ мятежу.

4) Полковникъ Тизенгаузенъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и на лишеніе свободы всей Императорской Фамиліи, и участвовалъ въ умыслѣ бунта.

5) Подпоручикъ Кривцовъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

6) Прапорщикъ Толстой. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

7) Ротмистръ Графъ Чернышевъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

8) Поручикъ Аврамовъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

9) Поручикъ Загорецкій. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

10) Полковникъ Поливановъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11) Поручикъ Баронъ Черкасовъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

12) Поручикъ Графъ Булгари. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Канцеляристъ Выгодовскій. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

14) Подполковникъ Берстель. Зналъ объ умыслѣ на лишеніе свободы Императорской Фамиліи и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

15) Полковникъ Фонъ-деръ-Бригенъ. Зналъ объ умыслѣ на Цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

IX. Государственные преступники восьмого разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе.

1) Подпоручикъ Андреевъ 2-й. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и возбуждалъ къ мятежу.

2) Подпоручикъ Веденяпинъ 2-й. Соглашался на умыселъ бунта и зналъ о приуготовленіи къ военному мятежу.

3) Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Краснокутскій. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи Самодержавной власти посредствомъ Сената и зналъ о приуготовленіи къ мятежу 14-го декабря 1825 года.

4) Лейтенантъ Чижовъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и соглашался на мятежъ.

5) Камеръ-Юнкеръ Князь Голицынъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

6) Штабсъ-Капитанъ Назимовъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного товарища.

7) Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля.

8) Подпоручикъ Залкинъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ принятіемъ порученій отъ общества и привлеченіемъ одного товарища.

9) Капитанъ Фурманъ. Соглашался въ умыслѣ бунта.

10) Маіоръ Князь Шаховской. По уликѣ 4-хъ сообщниковъ, участвовалъ въ умыслѣ на Цареубійство и по собственному признанію принадлежалъ къ тайному обществу.

11) Штабсъ-Капитанъ Фохтъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

12) Подпоручикъ Мозгалевскій. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Поручикъ Шахиревъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

14) Полковникъ Враницкій. Принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т. е. измѣненіе Государственнаго порядка.

15) Лейтенантъ Бодиско 1-й. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, бытностію на площади.

X. Государственные преступники девятаго разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь.

1) Подпоручикъ Графъ Коновницынъ 1-й. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли, относительно бунта, и соглашался на мятежъ.

2) Штабсъ-Ротмистръ Оржицкій. Хотя не вполнѣ, но зналъ сокровенную цѣль тайнаго общества относительно бунта, равно какъ зналъ о предстоящемъ мятежѣ.

3) Подпоручикъ Кожевниковъ. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

XI. Государственный преступникъ десятаго разряда, осуждаемый къ лишенію чиновъ и дворянства и написанію въ солдаты до выслуги.

1) Капитанъ Пущинъ. Зналъ о приготовленіи къ мятежу и не донесъ.

XII. Государственные преступники одиннадцатаго разряда, осуждаемые къ лишенію токмо чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою.

1) Мичманъ Петръ Бестужевъ. Принадлежалъ къ тайному обществу и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

2) Прапорщикъ Веденяпинъ 2-й. Соглашался на умыселъ бунта.

3) Лейтенантъ Вишневскій. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

4) Лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

5) Лейтенантъ Акуловъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

6) Подпоручикъ Фокъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7) Поручикъ Цебриковъ. По показанію свидѣтелей, въ день мятежа 14-го декабря произносилъ возмутительныя слова Морскому Экипажу, когда онъ шелъ на Петровскую площадь; самъ подходилъ къ толпѣ мятежниковъ, и ввечеру далъ пристанище одному изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ Князю Оболенскому.

8) Подпоручикъ Лаппа. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

Подлинная Роспись за подписаніемъ Предсѣдателя и Членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда.

УКАЗЪ

Верховному Уголовному Суду.

Разсмотрѣвъ докладъ о Государственныхъ преступникахъ, отъ Верховнаго Уголовнаго Суда Намъ поднесенный, Мы находимъ приговоръ, онымъ постановленный, существу дѣла и силѣ законовъ сообразнымъ.

Но силу законовъ и долгъ правосудія желая по возможности согласить съ чувствами милосердія, признали Мы за благо, опредѣленныя симъ преступникамъ казни и наказанія смягчить нижеслѣдующими въ нихъ ограниченіями:

1. Преступниковъ перваго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ смертной казни осужденныхъ, а именно: Полковника Князя Трубецкого, Поручика Князя Оболенскаго, Подпоручика Борисова 2-го, отставнаго поручика Борисова 1-го, Подпоручика Горбачевскаго, Маіора Спиридова, Штабсъ-Ротмистра Князя Барятинскаго, Капитана Якубовича, отставного Подполковника Поджіо, Полковника Артамона Муравьева, Прапорщика Вадковскаго, Прапорщика Бечаснова, отставнаго Полковника Давыдова, 4-го класса Юшневскаго, Подпоручика Андреевича 2-го, Коллежскаго Ассессора Пущина, Подпоручика Пестова, Лейтенанта Арбузова, Лейтенанта Завалишина, Полковника Повало-Швейковскаго, Поручика Панова 2-го, Поручика Сутгофа, Штабсъ-Капитана Князя Щепина-Ростовскаго, Мичмана Дивова и Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Тургенева,—даровавъ имъ жизнь, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу.

II. Нижеслѣдующихъ преступниковъ того же перваго разряда и къ той же смертной казни Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ, по лишеніи чиновъ и дворянства сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе; а именно: 1) Отставного Подполковника Матвѣя Муравьева-Апостола по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія; 2) Коллежскаго Ассессора Кюхельбекера по уваженію ходатайства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича; 3) Штабсъ-Капитана Александра Бестужева, по уваженію того, что лично явился ко Мнѣ повинною головою; 4) Капитана Никиту Муравьева, по уваженію совершенной откровенности и чистосердечнаго признанія; 5) Генералъ-Маіора Князя Волконскаго по уваженію совершеннаго раскаянія, отставнаго Капитана Якушкина, также по уваженію совершеннаго раскаянія.

III. Преступниковъ второго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ политической смерти съ положеніемъ головы на плаху и къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу, а именно: Капитанъ-Лейтенанта Николая Бестужева 1-го и Штабсъ-Капитана Михаила Бестужева, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу. Капитана Тютичева, Поручика Громницкаго, Прапорщика Кирѣева, Поручика Крюкова 2-го, Подполковника Лунина, Корнета Свистунова, Поручика Крюкова 1-го, Поручика Басаргина, Полковника Митькова, Поручика Анненкова, Штабъ-Лекаря Вольфа, Ротмистра Ивашева, Подпоручика Фролова 2-го и Капитанъ-Лейтенанта Торсона, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе;

отставного Подполковника Норова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжую работу на пятнадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

IV. Преступниковъ третьяго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ въ каторжную работу вѣчно, а именно: отставнаго Подполковника Барона Штейнгеля и Подполковника Батенкова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ которжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

V. Преступниковъ четвертаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: Штабсъ-Капитана Муханова, отставныхъ Генералъ-Маіора Фонъ-Визина и Штабсъ-Капитана Поджіо, Подполковника Фаленберга, 10-го класса Иванова, Подпоручика Мозгана, Штабсъ-Капитана Корниловича, Маіора Лорера, Полковника Аврамова, Поручика Бобрищева-Пушкина 2-го, Прапорщика Шимкова, Корнета Александра Муравьева, Мичмана Бѣляева 1-го, Мичмана Бѣляева 2-го, Полковника Нарышкина 2-го, и корнета Князя Одоевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VI. Преступниковъ пятаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: Штабсъ-Капитана Рѣпина и Лейтенанта Кюхельбекера, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на восемь лѣтъ и потомъ на поселеніе; мичмана Бодиско 2-го сослать въ Крѣпостную работу; а Коллежскаго Секретаря Глѣбова и Поручика Барона Розена сослать въ каторжную работу по приговору на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VII. Преступниковъ шестого разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на шесть лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: отставного Полковника Александра Муравьева, по уваженію совершеннаго и искренняго раскаянія, сослать на житье въ Сибирь, не лишая чиновъ и дворянства; дворянина Люблинскаго по лишеніи дворянства, сослать въ каторжную работу на пять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VIII. Преступниковъ седьмого разряда Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на четыре года и потомъ на поселеніе, а именно: Подпоручика Лихарева, Подполковника Ентальцева, Поручика Лисовскаго, Подполковника Тизенгаузена, Подпоручика Кривцова, Прапорщика Толстого, Ротмистра Графа Чернышева, Поручика Ивана Аврамова, Поручика Загорецкаго, Полковника Поливанова, Поручика Барона Черкасова, Канцеляриста Выгодовскаго и оставнаго Полковника Фонъ-деръ-Бригена, по лишеніи чиновъ и дворянства сослать въ каторжную работу на два года и потомъ на поселеніе; а Подполковника Берстеля и Поручика Графа Булгари, по уваженію молодости его лѣтъ, въ крѣпостную работу на два года.

IX. Съ преступниками восьмого разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденными къ лишенію чиновъ и дворянства къ ссылкѣ на поселеніе, а именно: съ Подпоручикомъ Андреевымъ 2-мъ, Подпоручикомъ Веденяпинымъ 1-ымъ, Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Краснокутскимъ, Лейтенантомъ Чижовымъ, Камеръ-Юнкеромъ Княземъ Голицынымъ, Штабсъ-Капитаномъ Назимовымъ, Поручикомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ 1-мъ, Подпоручикомъ Залкинымъ, Капитаномъ Фурманомъ, Маіоромъ Княземъ Шаховскимъ, Штабсъ-Капитаномъ Фохтомъ, Подпоручикомъ Моралевскимъ, Поручикомъ Шахировымъ и Полковникомъ Враницкимъ, поступить по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда; а Лейтенанта Бодиско 1-го написать въ матросы.

X. Преступниковъ девятаго разряда, Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ осужденныхъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь, а именно: Подпоручика Графа Коновницына, отставнаго Штабъ-Ротмистра Оржицкаго и Подпоручика Кожевникова, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

XI. Съ преступникомъ десятаго разряда Капитаномъ Пущинымъ 1-ымъ, осужденнымъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги, поступить по приговору Суда.

XII. Съ преступниками одиннадцатаго разряда, осужденными Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ лишенію чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою, и именно: съ Мичманомъ Петромъ Бестужевымъ, Прапорщикомъ Веденяпинымъ 2-мъ, Лейтенантомъ Вишневскимъ, Лейтенантомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, Лейтенантомъ Акуловымъ, Подпоручикомъ Фокомъ и подпоручикомъ Лаппою, поступить по приговору Суда, распредѣливъ ихъ въ дальнѣйшіе гарнизоны; но Поручика Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, подданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

XIII. Наконецъ, участь преступниковъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими. Предаю рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

Верховный Уголовный Судъ въ полномъ его Присутствіемъ имѣетъ объявить осужденнымъ имъ преступникамъ, какъ приговоръ, въ немъ состоявшійся, такъ и пощады, отъ Насъ имъ даруемыя, и потомъ обратить все къ надлежащему, куда слѣдуетъ, исполненію. Правительствующій Сенатъ съ своей стороны не оставитъ Докладъ Верховнаго Суда и настоящія по оному постановленія издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

Царское Село. 10-го іюля 1826 года.

Выписка изъ Протокола Верховнаго Уголовнаго Суда 11-го іюня 1826 года.

Верховный Уголовный Судъ, по выслушаніи Высочайшаго Имяннаго Указа, въ 10 день Іюля сему Суду даннаго, положили: Поелику XIII-ю статьею сего Высочайшаго Указа Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ участь преступниковъ, въ ономъ непоименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ, и внѣ сравненія съ другими, предать рѣшенію Верховнаго Уголовнаго Суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ Судѣ состоится, то сообразуясь съ Высокомонаршимъ смягченіемъ казней и наказаній, прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ, Верховный Уголовный Судъ по Высочайше предоставленной ему власти, приговорили: вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ, Павлу Пестелю, Кондратію Рылѣеву, Сергѣю Муравьеву-Апостолу, Михайлѣ Р. Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговоромъ Суда опредѣленной,—сихъ преступниковъ, за ихъ тяжкія злодѣянія, повѣсить.

Подлинный Протоколъ за подписаніемъ Предсѣдателя и Членовъ Верховнаго Уголовнаго Суда.

Русскій Инвалидъ.

(Іюля 20-го. № 173).

Его Императорское Величество въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ селѣ Іюля 12-го дня 1826 года соизволилъ отдать слѣдующій Приказъ.

Исключаются изъ списковъ.

Приговоренные Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ смертной казни: Пѣхотныхъ полковъ: Вятскаго Полковникъ Пестель 2-й. Черниговскаго Подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ. Полтавскаго Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Приговоренные тѣмъ-же судомъ къ смертной казни, коихъ Высочайше повелѣно, лишивъ чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу: Вѣчно: Полковъ Лейбъ-Гвардіи: Преображенскаго Полковникъ Князь Трубецкой 2-й. Финляндскаго Поручикъ Князь Оболенскій. 8-й Артиллерійской бригады Подпоручики Борисовъ и Горбачевскій. Пензенскаго пѣхотнаго полка Маіоръ Спиридовъ. Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистръ Князь Барятинскій. Нижегородскаго Драгунскаго полка Капитанъ Якубовичъ. Ахтырскаго Гусарскаго полка Полковникъ Муравьевъ 3-й. Нѣжинскаго Конно-Егерскаго полка Прапорщикъ Вадковскій. Артиллерійскихъ бригадъ: 8-й Прапорщикъ Бечасновъ и Подпоручикъ Андреевичъ 2-й. 9-й Подпоручикъ Пестовъ. Саратовскаго пѣхотнаго полка Полковникъ Повало-Швейковскій 1-й. Лейбъ-Гвардіи полковъ: Гренадерскаго Поручики Пановъ и Сутгофъ. Московскаго Штабсъ-Капитанъ Князь Щепинъ-Ростовскій. На 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: Драгунскаго Штабсъ-Капитанъ Бестужевъ. Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ Муравьевъ. Генералъ-Маіоръ Князь Волконскій 4-й. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ политической смерти, а потомъ къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу; коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу: Вѣчно: Лейбъ-Гвардіи Московскаго полка Штабсъ-Капитанъ Бестужевъ. На 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: Пензенскаго пѣхотнаго полка Капитанъ Тютчевъ и поручикъ Громницкій. 8-й Артиллерійской бригады Прапорщикъ Кирѣевъ. Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Поручикъ Крюковъ. Полковъ Лейбъ-Гвардіи: Гродненскаго Гусарскаго Подполковникъ Лунинъ 3-ій. Кавалергардскаго Корнетъ Свистуновъ и Поручикъ Крюковъ. Егерскаго Поручикъ Басаргинъ. Финляндскаго Полковникъ Митьковъ. Кавалергардскаго Поручикъ Анненковъ и Ротмистръ Ивановъ. Пензенскаго пѣхотнаго полка Подпоручикъ Фроловъ 2-й. Приговоренные тѣмъ же Судомъ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе, коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на 12 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго Полка Штабсъ-Капитанъ Мухановъ. Свиты Его Императорскаго Величества по

Квартирмейстерской Части Подполковникъ Фаленбергъ. Пензенскаго пѣхотнаго полка Подпоручикъ Мозганъ. Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитанъ Корниловичъ. Пѣхотныхъ полковъ: Вятскаго Маіоръ Лорерь. Казанскаго Полковникъ Аврамовъ. Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й. Саратовскаго пѣхотнаго полка Прапорщикъ Шимковъ. Кавалергардскаго полка корнетъ Муравьевъ. Тарушинскаго пѣхотнаго полка Полковникъ Нарышкинъ. Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Корнетъ Князь Одоевскій. Приговоренные тѣмъ же Судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 10-ть лѣтъ, а потомъ на поселеніе; коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу: На 10 лѣтъ: Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Поручикъ Баронъ Розенъ. На 8 лѣтъ, а потомъ обоихъ на поселеніе: Онаго жъ полка Штабсъ-Капитанъ Рѣпинъ. Приговоренные тѣмъ же Судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе, коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на 2 года, а потомъ на поселеніе: Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Подпоручикъ Лихаревъ. Конно-Артиллерійской № 27-го роты Подполковникъ Ентальцевъ. Пѣхотныхъ полковъ: Пензенскаго Поручикъ Лисовскій. Полтавскаго Полковникъ Тизенгаузенъ. Лейбъ-Гвардіи Конной Артиллеріи Подпоручикъ Кривцовъ. Московскаго пѣхотнаго полка Прапорщикъ Толстой. Кавалергардскаго полка Ротмистръ Графъ Чернышевъ. Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Поручики Аврамовъ, Загорецкій и Баронъ Черкасовъ. Въ каторжную работу на два года: Лейбъ Кирасирскаго Ея Императорскаго Величества полка Поручикъ Графъ Булгари. 9-й Артиллерійской бригады Подполковникъ Берстель. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ лишенію чиновъ и дворянства и ссылкѣ на поселеніе, каковой приговоръ Высочайше Утвержденъ: Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Подпоручикъ Андреевъ 2-й. 9-й Артиллерійской бригады Подпоручикъ Веденяпинъ 1-й. Лейбъ-Гвардіи Конно-Піонернаго Эскадрона Штабсъ-Капитанъ Назимовъ. Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й и Подпоручикъ Заикинъ. Пѣхотныхъ полковъ: Черниговскаго Капитанъ Фурманъ. Азовскаго Штабсъ-Капитанъ Фохтъ. Саратовскаго Подпоручикъ Мозгалевскій. Черниговскаго Поручикъ Шахиревъ. Свиты Его Императорскаго Величества по Квартирмейстерской Части Полковникъ Враницкій. Разжаловываются въ рядовые, съ лишеніемъ дворянства и съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны безъ выслуги: Приговоренные тѣмъ же Судомъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Подпоручикъ Графъ Коновницынъ 1-й. Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Подпоручикъ Кожевниковъ. Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Поручикъ Цебриковъ.

При исполненіи надъ всѣми вышеписанными преступниками приговоровъ, по снятіи орденовъ и военныхъ мундировъ, переломить надъ ними шпаги предъ войсками.

Разжаловываются въ рядовые съ лишеніемъ дворянства, съ выслугою: По приговору того же Суда. Лейбъ-Гвардіи Конно-Піонерскаго Эскадрона Капитанъ Пущинъ 1-й. Разжаловываются въ рядовые съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны съ выслугою же: По приговору того же Суда. 9-й Артиллерійской бригады Прапорщикъ Веденяпинъ 2-й и Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Подпоручики Фокъ и Лаппа.

С.-Петербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(21 августа. № 34).

Высочайше утвержденный приговоръ объ офицерахъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, осужденныхъ за участіе въ мятежѣ, произведенномъ бывшимъ въ томъ полку подполковникомъ Муравьевымъ-Апостоломъ.

Правительствующій Сенатъ въ Общемъ Московскихъ Департаментовъ Собраніи слушали предложеніе г. Министра Юстиціи Генерала отъ Инфантеріи Князя Лобанова-Ростовскаго, что г. Военный Министръ, за отсутствіемъ г. Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, препроводилъ къ нему для внесенія въ Правительствующій Сенатъ засвидѣтельствованную копію съ Высочайше конфирмированнаго въ 12 день минувшаго іюля всеподданнѣйшаго доклада Аудиторіатскаго Департамента, Черниговскаго пѣхотнаго полка о штабсъ-капитанахъ: Маевскомъ, Баронѣ Соловьевѣ, поручикахъ: Сизиневскомъ, Петинѣ и прочихъ, сужденныхъ за участіе въ произведенномъ бывшимъ въ томъ полку подполковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ мятежѣ. Означенную копію со всеподданнѣйшаго доклада Аудиторіатскаго Департамента онъ, г. Министръ Юстиціи, предложилъ Правительствующему Сенату, присовокупляя, что о исполненіи послѣдовавшей по оному докладу Высочайшей конфирмаціи, какъ увѣдомилъ его г. Министръ Юстиціи, г. Военнымъ Министромъ надлежащее распоряженіе уже сдѣлано. Всеподданнѣйшимъ же докла-

домъ Аудиторіатскій Департаментъ Его Императорскому Величеству въ Высочайшее благоусмотрѣніе представлялъ заключеніе свое слѣдующаго содержанія, что по разсмотрѣніи дѣла находитъ оный Департаментъ: 1) Изъ подсудимыхъ штабсъ-капитанъ Баронъ Соловьевъ и поручикъ Сухиновъ, принадлежа тайному Славянскому обществу, избравшему себѣ противозаконныя правила стремиться на испровержепіе установленнаго въ Государствѣ порядка, были вѣрными сподвижниками и участниками во всѣхъ злыхъ замыслахъ возмутителя подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, ибо они, Соловьевъ и Сухиновъ, въ то время, какъ Муравьевъ и братъ его, по Высочайшему повелѣнію арестованы полковникомъ Гебелемъ въ селеніи Трилѣсахъ, забывъ должное къ его званію уваженіе, для освобожденія Муравьевыхъ, вмѣстѣ съ ними и поручиками Кузьминымъ и Щипиллою, сдѣлали на Гебеля нападеніе и, отобравъ у часовыхъ ружья, причинили ему оными жестокія раны; потомъ съ возмущенными Муравьевымъ двумя ротами, когда вошелъ онъ въ городъ Васильковъ, изъ нихъ Сухиновъ, слѣдуя впередъ съ толпою возмущенныхъ солдатъ и повстрѣчавъ подполковника Трухина, съ частью нижнихъ чиновъ шедшаго на встрѣчу Муравьеву-Апостолу, окружилъ ихъ сею толпою; при чемъ сорваны были съ Трухина эполеты и шпага и онъ посаженъ на гауптвахту, откуда тогда же выпущены всѣ арестанты въ чомъ числѣ и Соловьевъ, который, до вступленія еще Муравьева, пріѣхавъ въ Васильковъ, былъ Трухинымъ арестованъ; послѣ сего Сухиновъ, съ тою толпою отправясь въ квартиру полкового командира, взялъ тамъ знамена и казенный ящикъ; а переночевавъ съ Муравьевымъ въ Васильковѣ и способствуя, они, Соловьевъ и Сухиновъ, ему уговорить еще бывшія тамъ три роты присоединиться къ нимъ, находились оба при чтеніи полковымъ священникомъ на площади предъ всѣми ротами составленнаго Муравьевымъ-Апостоломъ и подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ возмутительнаго катехизиса, наполненнаго оскорбительными выраженіями противу Верховной власти съ превратнымъ истолкованіемъ текстовъ Священнаго Писанія и потомъ, провозгласивъ мнимую свободу, отправились изъ Василькова съ тѣми ротами подъ командою Муравьева-Апостола, имѣвшаго намѣреніе возмутить вблизи квартировавшія войска; но на пути бывъ преслѣдованы воинскимъ отрядомъ, изъ нихъ Соловьевъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, а Сухиновъ бѣжалъ и, укрываясь въ разныхъ мѣстахъ, составилъ себѣ фальшивый паспортъ. Прапорщикъ же Мазалевскій, по вступленіи Муравьева-Апостола съ двумя ротами въ Васильковъ, тотчасъ присоединился къ нему и, по приказанію его, занявъ постъ караульнаго офицера на заставѣ, останавливалъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Васильковъ; причемъ, взявъ подъ арестъ прибывшихъ туда двухъ жандармскихъ офицеровъ и произнося надъ ними угрозы, посадилъ ихъ на гауптвахту, отобралъ имѣвшіяся у нихъ деньги, далъ изъ оныхъ 25 рублей бывшимъ въ караулѣ солдатамъ на водку, а прочія доставилъ Муравьеву; потомъ, по повелѣнію его, переодѣвшись въ партикулярное платье и получивъ три возмутительныхъ катехизиса, отправился въ городъ Кіевъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и тремя рядовыми, у коихъ велѣлъ спороть погоны, дабы не узнали, которой они дивизіи; а по прибытіи въ Кіевъ приказалъ бросить сіи катехизисы на улицахъ; однако, при возвращеніи оттуда, на дорогѣ былъ схваченъ и взятъ подъ арестъ; сверхъ того зналъ онъ, Мазалевскій, о существовавшемъ въ 3-мъ корпусѣ тайномъ обществѣ, но не донесъ о семъ Начальству. 2) Подпоручикъ Быстрицкій, до вступленія еще Муравьева-Апостола съ возмущенными имъ двумя ротами въ Васильковъ, былъ командированъ подполковникомъ Трухинымъ въ мѣстечко Германовку для принятія подъ начальство свое состоявшей въ командѣ Барона Соловьева 2-й мушкетерской роты, прибылъ съ оною въ Васильковъ 31 декабря 1825 года по выступленіи уже оттуда Муравьева-Апостола и, узнавъ, что онъ вооруженною рукою заставилъ всѣхъ повиноваться, рѣшился соединиться съ полкомъ единственно изъ боязни быть на сильно захваченнымъ отъ однополчанъ или отъ самого Муравьева-Апостола; и потому, не остановясь въ Васильковѣ, пошелъ съ ротою въ селеніе Мотовиловку, гдѣ сдалъ ее барону Соловьеву; потомъ находился при мятежникахъ до самаго пораженія ихъ и взятъ былъ воинскимъ отрядомъ съ оружіемъ въ рукахъ; и хотя Быстрицкій обстоятельствами дѣла не уличенъ въ принадлежности его къ тайному обществу и въ знаніи о настоящей цѣли Муравьева-Апостола и сообщниковъ его, но виновенъ Быстрицкій въ томъ, что по приходѣ въ Васильковъ съ ротою, не испросивъ отъ начальниковъ своихъ наставленія, что ему дѣлать, самовольно ушелъ оттуда и, передавъ роту въ руки мятежниковъ, самъ при нихъ остался, чѣмъ и сдѣлался сообщникомъ ихъ. 3) Штабсъ-капитанъ Маевскій, поручики: Петинъ и Сизиневскій и подпоручикъ Войниловичъ, видя противозаконныя и возмутительныя дѣйствія Муравьева-Апостола, присоединились къ сообществу его и исполняли данныя отъ него повелѣнія; поелику изъ нихъ Петинъ, командуя 2-ю гренадерскою ротою, когда прибылъ къ нему Муравьевъ-Апостолъ изъ селенія Трилѣсъ, послѣ причиненія тамъ увѣчья полковнику Гебелю, не старался узнать, для чего онъ приказалъ сей ротѣ быть въ готовности; а видя, что Муравьевъ-Апостолъ поилъ солдатъ водкою и говорилъ имъ: „Служите за Бога и вѣру для вольности“, не воспротивился Муравьеву въ такихъ злыхъ его замыслахъ, но послѣдовалъ за нимъ съ тою ротою въ Васильковъ; если же Петинъ, какъ объяснился предъ Судомъ, не имѣлъ возможности про-

тиву угрозъ Муравьева воспротивиться, по крайней мѣрѣ, при началѣ еще возмущенія обязанъ былъ, замѣтивъ противозаконное Муравьева обольщеніе нижнихъ чиновъ, внушить имъ прямую ихъ обязанность; и тогда, буде бы они не послушались, изыскать средства отстать отъ мятежниковъ. Маевскій же, Сизиневскій и Войниловичъ, ежели и угрозами Муравьева-Апостола и сообщниковъ его принуждены были исполнять волю ихъ, имѣли совершенную возможность, не подвергая жизнь свою опасности, удалиться отъ нихъ; ибо Маевскій, получа отъ Муравьева дозволеніе, ѣздилъ изъ Василькова въ селеніе Плисецкое, гдѣ квартировала бывшая въ командѣ его рота, для взятія оставшихся тамъ вещей и жалованья; Войниловичъ посыланъ Муравьевымъ съ приказаніемъ отъ него въ 1-ю гренадерскую роту, которая обще съ капитаномъ Козловымъ не присоединилась къ Муравьеву и, не повѣривъ никакимъ ложнымъ его обольщеніямъ, удалилась и ушла въ дивизіонную квартиру; а Сизиневскій, по выступленіи Муравьева-Апостола изъ Василькова, оставался еще тамъ нѣсколько времени съ тяжестями; но за всѣмъ тѣмъ, они, Маевскій, Войниловичъ и Сизиневскій, не отставъ отъ мятежниковъ, послѣдовали за ними; а послѣ уже, какъ они, такъ и Петинъ, почувствовавъ заблужденіе свое, бѣжали и добровольно явились къ Начальнику. 4) Подпоручики: Рыбаковскій, Кондыревъ и прапорщики: Князь Мещерскій, Апостолъ-Кегичъ и Бѣлелюбскій, по вступленіи Муравьева-Апостола въ Васильковъ, были также присоединены имъ къ мятежнической его шайкѣ, и изъ нихъ Рыбаковскій находился по приказанію его въ караулѣ у заставы, а послѣ всѣ они послѣдовали изъ Василькова за Муравьевымъ при возмущенныхъ ротахъ; но на пути отставъ отъ оныхъ, ушли и добровольно явились своему Начальству. Предъ Судомъ всѣ они объявили, что, боясь угрозъ, пристали къ мятежникамъ; а изъ дѣла видно, что съ Кондырева, когда повстрѣчался онъ съ Сухиновымъ и съ бывшею съ нимъ толпою нижнихъ чиновъ, сорваны эполеты, и тогда же онъ, Кондыревъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Трухинымъ посажены на гауптвахту; Апостолъ же Кегичъ, возвращавшійся въ Васильковъ съ жандармскимъ поручикомъ Несмѣяновымъ былъ взятъ у заставы Мазалевскимъ и арестованъ; а Бѣлелюбскій, при вступленіи Муравьева въ Васильковъ, находясь въ караулѣ на гауптвахтѣ и имѣя у себя нижнихъ чиновъ не болѣе восьми человѣкъ, не могъ сдѣлать никакого сопротивленія противъ мятежниковъ, которые заряженными постолетами угрожали его лишить жизни; но въ то время, какъ онъ былъ ими посланъ снять караулы, скрылся, не исполнивъ того, и на другой уже день, случайно увидя его, Муравьевъ принудилъ слѣдовать за нимъ; сверхъ сего полковникъ Гебель и подполковникъ Трухинъ удостовѣрили, что Кондыревъ, Князь Мещерскій и Апостолъ-Кегичъ насильно были увлечены мятежниками и къ сообществу ихъ не принадлежали; а Васильковскій Городничій и Земскій Исправникъ объяснили Суду: 1) Что Кондыревъ приходилъ къ нему, Городничему, въ отчаяніи и слезахъ и, объявляя, что слѣдуетъ за Муравьевымъ по неволѣ, просилъ засвидѣтельствовать о семъ предъ начальствомъ, и что съ подобными объявленіями и просьбами также приходили къ нему, Городничему, Рыбаковскій, Апостолъ-Кегичъ и Князь Мещерскій, сказывая, что за всѣми ими былъ отъ Муравьева-Апостола особый надзоръ; а послѣдній, что Кондыревъ и Рыбаковскій точно являлись къ нему и спрашивали Адъютанта Павлова; при чемъ Кондыревъ съ заплаканными глазами говорилъ, что онъ по принужденію Муравьева посланъ за Павловымъ. Посему вина ихъ, Рыбаковскаго, Кондырева, Князя Мещерскаго, Апостола-Кегича и Бѣлелюбскаго, что послѣдовали за Муравьевымъ, не воспротивясь ему, заслуживаетъ снисхожденіе, тѣмъ болѣе, что сопротивленіе однихъ ихъ, какъ въ полку младшихъ и въ командѣ своей никакихъ частей неимѣвшихъ, было бы безполезно. 5) Хотя подпоручикъ Молчановъ преданъ суду по случаю, что имѣлъ связь съ подпоручикомъ Вадковскимъ, его родственникомъ, который былъ членомъ тайнаго общества и пріѣзжалъ къ Муравьеву въ Васильковъ въ день произведеннаго имъ возмущенія; но Молчановъ по судопроизводству ни въ чемъ виновнымъ не оказался; ибо Вадковскій передъ отъѣздомъ своимъ къ Муравьеву читалъ только Молчанову полученную отъ Муравьева записку о томъ, что ихъ тайное общество открыто; однако не пояснялъ, въ чемъ именно оное состояло и, слѣдовательно, доноситъ начальству о томъ, что Молчановъ настояще не зналъ и что прежде сего было открыто, почиталъ онъ уже не нужнымъ; притомъ и противу показаній Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ въ намѣреніи убить Генералъ-Лейтенанта Рота онъ, Молчановъ, не сознался и по дѣлу нѣтъ въ томъ никакихъ доказательствъ.—Соображая всѣ сіи обстоятельства съ прописанными въ сентенціи военнаго суда законами, Аудиторіатскій Департаментъ признаетъ изъ подсудимыхъ: барона Соловьева, Сухинова и Мазалевскаго, какъ по злымъ дѣйствіямъ изъ главныхъ сообщниковъ возмутителя Сергѣя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни. Сверхъ того полагаемъ: а) сообщниковъ подполковника Муравьева-Апостола поручиковъ: Кузьмина и Щипиллу, прапорщика квартирмейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавшихъ въ возмущеніи, но убитыхъ на мѣстѣ пораженія, согласно съ мнѣніемъ Главнокомандующаго 1 Арміею, изъ списковъ выключить, какъ измѣнниковъ, на могилахъ ихъ крестовъ и никакихъ памятниковъ, приличныхъ христіанскому погребенію, не дѣлать; но, поставя висѣлицу, къ вѣчному ихъ посрамленію, прибить подъ оною имена ихъ. б) Подпоручика Быстрицкаго

за то, что прійдя съ ротою въ Васильковъ, по выходѣ уже оттуда Муравьева-Апостола и не испросивъ отъ Начальниковъ своихъ наставленія, что ему дѣлать, самовольно ушелъ и, передавъ роту въ руки мятежниковъ, остался при нихъ и послѣ взятъ обще съ ними съ оружіемъ въ рукахъ: лиша чиновъ и дворянскаго достоинства и переломя надъ головою его шпагу, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. в) Штабсъ-капитана Маевскаго, поручиковъ: Петина и Сизиневскаго и подпоручика Войниловича, за исполненіе приказаній Муравьева-Апостола, видя дѣйствія его возмутительныя и противозаконныя, во уваженіе, что они, признавъ послѣ заблужденіе свое, отстали отъ него и добровольно явились начальству, лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые, опредѣливъ въ дальные гарнизоны. г) Подпоручиковъ: Рыбаковскаго и Кондырева, прапорщиковъ: Князя Мещерскаго, Апостола-Кегича и Бѣлелюбскаго, не имѣвшихъ намѣренія къ возмущенію, но противу желанія ихъ увлеченныхъ съ собою Муравьевымъ-Апостоломъ и бѣжавшихъ отъ него, какъ скоро нашли случай и тогда же явившихся къ начальству, пріемля во вниманіе неопытность ихъ и молодыя лѣта, посадить въ крѣпость на полгода для восчувствованія оказаннаго ими при возмущеніи малодушія и потомъ опредѣлить на службу. д) Подпоручика Молчанова, какъ виновнымъ ни въ чемъ неизобличеннаго, освободивъ отъ суда и ареста, отправить на службу. е) За оказавшіеся недостатки въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку послѣ происшедшаго въ ономъ мятежа аммуничныя вещи взыскать, исчисленную Коммиссаріатскимъ Департаментамъ, сумму 1170 рублей 8¾ коп. съ имѣнія подсудимыхъ: Соловьева, Сухинова, Мазалевскаго, Быстрицкаго, Маевскаго, Петина, Сизиневскаго, и Войниловича, какъ признанныхъ по сему дѣлу виновнѣйшими. ж) Поручика гусарскаго Принца Оранскаго полка Князя Коребутъ-Воронецкаго, который при производствѣ сего дѣла уличенъ въ несправедливомъ Начальству донесеніи о взятіи яко бы имъ въ селеніи Гребенкахъ, во время означеннаго мятежа, капитана Фурмана и рядового Башмакова съ 30 человѣками бунтовщиковъ и въ удержаніи у себя отобранныхъ у рядового Черниговскаго пѣхотнаго полка Евдокима Степанова 18 рублей серебромъ, кои тотчасъ не возвратилъ, но доставилъ оныя уже по востребованіи Начальствомъ, арестовать за тѣ неприличные поступки на три мѣсяца съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. На подлинномъ Высочайшая Его Императорскаго Величества конфирмація, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, воспослѣдовала такова: „барона Соловьева, Сухинова и Мазалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ городѣ Васильковѣ, при собраніи командъ изъ полковъ 9 пѣхотной дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ по выключкѣ ихъ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и прочихъ, равно и касательно взысканія денегъ за растраченныя аммуничныя вещи, быть по мнѣнію Аудиторіатскаго Департамента. Николай. Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 12 дня 1826 года". Приказали: о сей высочайшей Его Императорскаго Величества конфирмаціи, воспослѣдовавшей на докладѣ Аудиторіатскаго Департамента дать знать отъ Сената печатными указами: Гг. Министрамъ, Военнымъ Генералъ Губернаторамъ, Управляющимъ гражданскою частью, Генералъ-Губернаторамъ, Градоначальникамъ, присутственнымъ мѣстамъ, Губернскимъ Правленіямъ и Правительствамъ, а въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и во всѣ Санктпетербургскаго и Московскаго Правительствующаго Сената Департаменты и Общее С. Петербургскихъ Департаментовъ Собраніе сообщить вѣдѣніе[1]).

Русскій Инвалидъ.

(21 Іюля. № 174.)

Приказъ

Россійскимъ Войскамъ.

Храбрыя Россійскія Войска! Когда во дни незабвенные 14-го Декабря 1825 и 3-го Генваря 1826 года вѣрными грудями вашими заслоненъ Престолъ, спасена Святыня Православной вѣры, избавлено Отечество отъ ужасовъ бунта, извѣстилъ Я васъ, что нѣкоторые зачинщики злодѣйскихъ умысловъ таились среди вѣрныхъ вашихъ рядовъ. Вы съ ужасомъ и негодованіемъ извергли ихъ; нынѣ судъ надъ ними и казнь, имъ подлежащая, исполнены, и очищены вѣрные полки ваши отъ заразы, вамъ и всей Россіи угрожавшей. Итакъ, съ помощію Всевышняго, сего дни на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы, ровно за седмь мѣсяцевъ, не щадили крови своей, и съ счастіемъ жертвовали жизнію вашему Государю, на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ вами палъ незабвенный въ Россійской Арміи Графъ Милорадовичъ, на томъ самомъ мѣстѣ принесена Господу

---

[1]) Указъ вошелъ въ полное Собр. Закон. Рос. Имперіи. Собраніе второе- Т. I. Статья 514.

Редакторъ.

Богу жертва благодаренія, за дарованіе спасенія чрезъ васъ Государству, и молитва Ему же о упокоеніи душъ, падшихъ за Вѣру, Царя и Отечество.

Возвѣщая о семъ вамъ, храбрыя Россійскія Войска, отъ лица Россія благодарю васъ и взываю, сохраните вѣчно доблести, всегда васъ отличавшія: теплую вѣру къ Богу, вѣрность къ Престолу, храбрость и неутомимость, и да познаетъ тогда каждый, что съ нами Богъ.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Николай.

Санктпетербургъ Іюля 14-го 1826 года.

Русскій Инвалидъ.

(22 Іюля. № 175).

Его Императорское Величество въ присутствіи Своемъ въ лагерѣ при Красномъ Селѣ Іюля 7-го дня 1826 года соизволилъ отдать слѣдующій Приказъ:

Государь Императоръ по разсмотрѣніи дѣлъ о нижеписанныхъ Штабъ и Оберъ Офицерахъ, изъ коихъ одни принадлежали къ тайнымъ обществамъ, а другіе обличены въ содѣйствіи или знаніи объ оныхъ, снисходя къ обстоятельствамъ, увлекшимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ во временное заблужденіе, и пріемля во вниманіе, что всѣ они вовсе не участвовали въ неистовыхъ намѣреніяхъ, а многіе скоро оставили общества, и всѣ вообще въ поступкахъ своихъ показываютъ истинное раскаяніе, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, не предавая ихъ строжайшему наказанію по суду, опредѣлить имъ исправительныя мѣры наказанія.—Вслѣдствіе чего:

По Арміи: состоящій по Арміи Полковникъ Глинка 1-й отставляется отъ службы и ссылается на жительство въ городъ Петрозаводскъ; во уваженіе же прежней его службы и недостаточнаго состоянія, дозволяется употребить его тамъ по гражданской части съ чиномъ Коллежскаго Совѣтника.

Переводятся.

По Кавалеріи: Кавалергардскаго полка Полковникъ Кологривовъ 2-й въ Финляндской, Поручикъ Свиньинъ въ Харьковской тѣмъ же чиномъ, Корнеты: Князь Вяземскій 2-й въ С.-Петербургской, Васильчиковъ въ Тверской Драгунскіе, и Арцыбашевъ въ Таманской Гарнизонный полкъ, всѣ трое прапорщиками, съ выдержаніемъ изъ нихъ въ крѣпости Кологривова шесть мѣсяцевъ, а Васильчикова и Арцыбашева по одному мѣсяцу. Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка Поручикъ Плещеевъ 1-й въ Курляндскій Драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ, и Корнетъ Рынкевичъ въ Бакинской Гарнизонный Баталіонъ прапорщикомъ, и съ выдержаніемъ сего послѣдняго въ Крѣпости еще двухъ мѣсяцевъ. Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго полка и Адъютантъ Главнокомандующаго 1-ю Арміею Генерала отъ Инфантеріи Графа Фонъ-деръ-Остенъ-Сакена 1-го, Поручикъ Титовъ, въ Омскій Гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще три мѣсяца. Старшій Адъютантъ 2-го Пѣхотнаго Корпуса, Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Ротмистръ Сабуровъ 2-й, по выдержаніи въ крѣпости еще одного мѣсяца, въ Смоленской Драгунской полкъ Капитаномъ. Гусарскихъ полковъ: Принца Оранскаго Штабсъ-Ротмистры: Паскевичъ въ Иркутской Гусарской и Жуковъ Штабсъ-Капитаномъ въ Архангелогородской Гарнизонной полки. съ выдержаніемъ въ Крѣпости, перваго еще два, а послѣдняго шесть мѣсяцевъ, Ахтырскаго Ротмистры, Семичевъ 2-й въ Нижегородской Драгунской полкъ и Франкъ 5-й въ Уральской Гарнизонной баталіонъ, оба Капитанами и съ выдержаніемъ еще въ крѣпости, перваго шесть, и послѣдняго два мѣсяца. По пѣхотѣ: Полковъ Лейбъ-Гвардіи: Гренадерскаго Подпоручикъ Кожевниковъ въ Иркутской Гарнизонной полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще шесть мѣсяцевъ. Измайловскаго: Адъютантъ Главнокомандующаго 1-ю Арміею Генерала отъ Инфантеріи Графа Фондъ-деръ-Остенъ-Сакена 1-го, Капитанъ Графъ Мусинъ-Пушкинъ въ Петропавловской; Подпоручики Князь Ватбольскій въ Вятской и Малютинъ въ Севастопольской пѣхотные, а Поручики Гангебловъ въ Владикавказской Гарнизонной полки, и Гудима въ Дербентской Гарнизонной баталіонъ, всѣ тѣми же чинами, съ выдержаніемъ изъ нихъ въ Крѣпости, первыхъ трехъ по одному мѣсяцу, а Гангеблова четыре мѣсяца. Павловскаго и Адъютантъ Начальника 4-й пѣхотной дивизіи, Генералъ-Адъютанта Потемкина 1-го, Поручикъ Князь Оболенскій въ 45-й Егерской полкъ тѣмъ же чиномъ. Пѣхотныхъ полковъ: Витебскаго Подполковникъ Хотяинцевъ 1-й, по выдержаніи въ Крѣпости еще три мѣсяца, въ Ладожской пѣхотной полкъ. Пермскаго Полковникъ Леманъ, по выдержаніи въ Крѣпости еще одинъ мѣсяцъ, Въ Томской пѣхотной полкъ. Командиръ 1-го Морского полка Полковникъ Фонъ-Вольской, по выдержаніи еще одинъ мѣсяцъ въ Крѣпости, въ Эстляндской пѣхотной полкъ. Егерскихъ полковъ: 17-го Подпоручикъ Вадковскій, по выдержаніи еще четыре мѣсяца въ Крѣпости, въ Моздокской Гарнизонной баталіонъ, 22-го Подполковникъ Миклашевскій 1-й, по выдержаніи въ Крѣпости еще одинъ мѣсяцъ въ 42-й Егерскій полкъ. По Артиллеріи: Конно-Артиллерійскихъ ротъ: № 5-го Капитанъ Пыхачевъ

въ 13-ю и Поручикъ Нащокинъ въ 11-ю Конно-Артиллерійскія роты, по выдержаніи еще въ Крѣпости перваго два, а послѣдняго три мѣсяца. № 6-го Командиръ Роты и Конно-Артиллерійской бригады, при 3-й Гусарской дивизіи состоящей, Подполковникъ Фроловъ 4-й въ 15-ую и Прапорщикъ Высочинъ 1-й въ 17-ю Конно-Артиллерійскія роты, съ выдержаніемъ ихъ еще въ Крѣпости, перваго шесть мѣсяцевъ, а послѣдняго одинъ мѣсяцъ. 9-й Артиллерійской бригады Подпоручикъ Тихановъ, по выдержаніи въ Крѣпости еще одинъ мѣсяцъ, въ 11-ю Артиллерійскую бригаду. По Гвардейскому Г[illegible]еральному Штабу: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Подпоручикъ Искрицкій 1-й, по выдержаніи въ Крѣпости еще шесть мѣсяцовъ, въ Орской Гарнизонной баталіонъ тѣмъ же чиномъ.

Отставляется отъ службы.

По пѣхотѣ. 32-го Егерскаго полка Полковникъ Непенинъ.

Дополненіе.

Къ Высочайшему Приказу, отданному въ лагерѣ при Красномъ Селѣ 7-го Іюля 1826 года.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, нижепоименованныхъ Оберъ-Офицеровъ, изобличенныхъ въ участіи въ злоумышленныхъ тайныхъ обществахъ, наказать исправительными мѣрами, не предавая ихъ суду, единственно по Всемилостивѣйшему снисхожденію къ ихъ молодости и неопытности. — Вслѣдствіе чего:

Переводятся въ Гарнизонные баталіоны.

По Кавалеріи: Кавалергардскаго полка Поручикъ Горожанской въ Кизильской тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще четыре года. По Артиллеріи: 9-й Артиллерійской бригады Подпоручикъ Черноглазовъ въ Верхнеуральской тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще два года. По Гвардейскому Генеральному Штабу: Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Прапорщикъ Палицынъ въ Петровской тѣмъ же чиномъ съ выдержаніемъ въ Крѣпости еще одинъ годъ.

1827 годъ.

Русскій Инвалидъ.

(28 Марта. № 80).

Утверждается Конфирмація.

Главнокомандующаго 1-ю Арміею Генералъ-Фельдмаршала Графа Фонъ-деръ Остенъ-Сакена надъ Поручикомъ Полтавскаго пѣхотнаго полка Усовскимъ, судившимся при Арміи за принадлежность къ бывшему злоумышленному тайному обществу, лишается всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства съ переломленіемъ предъ полкомъ черезъ палача надъ головою его шпаги и потомъ ссылается въ Сибирь въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, съ оставленіемъ по истеченіи сего времени тамъ на поселеніи.

Русскій Инвалидъ.

(5 Іюня. № 140.)

По сентенціи Военнаго Суда.

Литовскаго Піонернаго баталіона Капитанъ Игельстромъ и Поручикъ Вегелинъ, за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, намѣреніе возмутить баталіонъ и уклоненіе отъ присяги на вѣрное подданство Его Императорскому Величеству, по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства и по переломленіи чрезъ палача надъ головами ихъ шпаги ссылаются въ каторжную работу на десять лѣтъ съ оставленіемъ потомъ въ Сибири на поселеніи; того же баталіона подпоручикъ Петровскій и прапорщикъ Воеховичъ, участвовавшіе въ преступныхъ намѣреніяхъ двухъ первыхъ, Несвижскаго Карабинернаго полка поручики Вильканецъ и Гофманъ, знавшіе о таковыхъ намѣреніяхъ Игельстрома, Вегелина и Петровскаго, но не донесшіе о томъ начальству, а сверхъ того Гофманъ, составивъ между офицерами тайное общество военныхъ друзей и учредивъ изъ членовъ онаго Комитетъ, былъ въ немъ начальникомъ и содѣйствовалъ къ распространенію общества,—по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и по выдержаніи каждаго въ крѣпости шести мѣсяцевъ опредѣляются рядовыми въ Кавказскій Отдѣльный Корпусъ.

Приложеніе къ №№ 160—162 „Русскаго Инвалида“ [1]).

Варшава $\frac{\text{22 декабря 1826}}{\text{3 января 1827}}$ года.

Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, Главнокомандующему Польской Арміей.

Донесеніе
Слѣдственнаго Комитета.

Слѣдственный Комитетъ, учрежденный для открытія Тайныхъ Обществъ, въ недавнемъ времени существовавшихъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Областяхъ отъ прежней Польши къ Россійской Имперіи присоединенныхъ, исполнилъ порученіе, по Высочайшей волѣ Его Императорскаго и Царскаго Величества оному данное въ предписаніи Вашего Высочества отъ 7/19 февраля $\frac{\text{минувшаго}}{\text{сего}}$ года.

Онъ разсмотрѣлъ съ надлежащимъ строжайшимъ вниманіемъ и точностью всѣ бывшія въ виду его, даже малѣйшія указанія, изъ признаній самихъ обвиняемыхъ и другихъ источниковъ почерпнутыя и представляетъ Вашему Императорскому Высочеству собранныя имъ вслѣдствіе сихъ изысканій свѣдѣнія о цѣли, не всегда одинаковой означенныхъ Тайныхъ Обществъ, о средствахъ ими употребленныхъ для достиженія оной, о родѣ и степени участія, которое члены сихъ обществъ принимали въ ихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ.

Дабы опредѣлить со всевозможною достовѣрностью, какъ истинныя побужденія основателей и вліяніе, которое могло имѣть существованіе одного Тайнаго Общества на составленіе другихъ, такъ и бывшія между оными сношенія для условій о взаимной при исполненіи намѣреній ихъ, помощи, Комитетъ счелъ необходимымъ, обратясь къ самому началу сихъ Обществъ, тщательно изслѣдовать постепенное распространеніе плановъ ихъ и соотвѣтствовавшее тому измѣненіе въ ихъ установленіяхъ и правилахъ.

Имъ найдено, что въ концѣ 1814 года уже существовало Тайное Общество, подъ названіемъ истинныхъ Поляковъ. Цѣлью онаго было питать и усиливать народное чувство; всякій членъ сверхъ того обязывался присоединять къ Обществу другихъ и содержать въ тайнѣ все до онаго касающееся. Наружнымъ знакомъ былъ перстень изъ бѣлаго металла съ малиновою эмалью, внутри коего означены были точками число статутовъ общества, а заглавными буквами P. P. наименованіе онаго (Prawdziwych Polakow); но сіе Общество, составленное изъ однихъ неопытныхъ молодыхъ людей, почти не распространилось; въ немъ было во все время не болѣе 12 Членовъ; они вскорѣ потомъ большею частью разъѣхались изъ Варшавы въ другія мѣста, и сообщество ихъ, которое по страннымъ своимъ обрядамъ и прежде многимъ казалось смѣшно, разрушилось само собою; оно существовало одинъ только годъ и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ доказательства противозаконныхъ намѣреній и мятежнаго духа основателей.

Едва уничтожилось сіе первое неудачное учрежденіе, какъ изъявленная покойнымъ Генераломъ Донбровскимъ, вѣроятно безъ всякаго особеннаго намѣренія, мысль, сдѣлалась поводомъ новаго волненія въ умахъ нѣкоторыхъ людей. Не-задолго до смерти своей, случившейся въ 1818 году, онъ говорилъ одному, прежде бывшему подъ начальствомъ его, Офицеру: „Какъ не жалѣть, что Поляки, способствовавъ своею храбростью славѣ столь многихъ предводившихъ ими воиновъ, сами пріобрѣли такъ мало себѣ и Отечеству выгодъ, за всѣ свои усилія и пожертвованія! Въ настоящемъ нетвердомъ состояніи политическихъ дѣлъ въ Европѣ, бытіе и образъ правленія Польши не имѣетъ еще достаточнаго ручательства; мы не знаемъ судьбы своей и не завели никакихъ между собою связей, которыя могли бы, въ неизвѣстныхъ случаяхъ будущаго, послужить для насъ средствомъ спасенія. Если бы Наполеону, послѣ возвращенія его съ острова Эльбы, удалось явиться снова на берегахъ Вислы съ войскомъ, то и мы несчастные были бы снова жертвами войны, а для чего? Чтобы принять отъ побѣдителя угодныя ему условія. Итакъ не должно ли намъ стараться возбудить упадающую бодрость народа Польскаго, внушить ему довѣренность къ собственнымъ своимъ силамъ, соединить посредствомъ одного мнѣнія всѣхъ и разнымъ Державамъ нынѣ принадлежащихъ Поляковъ, чтобы имѣть способъ, не только обратить всю

---

[1]) Нижепомѣщаемый, ставшій чрезвычайною библіографическою рѣдкостью, документъ былъ начатъ печатаніемъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ отъ 22 іюня 1827 года № 155—156; печатаніе его продолжалось съ №№ 157 и 158, гдѣ было также сказано, что „продолженіе въ слѣдующемъ №“; но въ № 159 было объявлено, что „по новому распоряженію, на сихъ дняхъ будетъ при „Русскомъ Инвалидѣ“ роздано Донесеніе Варшавской слѣдственной коммиссіи, особою книжкою напечатанное“ (стр. 636). Книжка и была приложена затѣмъ отдѣльными листами къ №№ 160 — 162 „Русскаго Инвалида“ подъ заглавіемъ „Донесенія“ уже не „Коммиссіи“, какъ значилось первоначально, а „Комитета“. Редакторъ.

Націю на пользу службы нашего Государя, но также, если жребій войны будетъ Ему неблагопріятенъ, и обезпечить независимость Польши, покорясь Королю, народомъ безъ чуждаго вліянія избранному?“

Сіи мысли Генерала Донбровскаго произвели сильное впечатлѣніе въ умѣ Офицера, коему онъ сообщалъ ихъ, и сей, слѣдуя данному совѣту, спѣшилъ распространять оныя, говорилъ о томъ нѣсколько разъ съ Княземъ Антономъ Яблоновскимъ и Подполковниками Крыжановскимъ и Прондзинскимъ, и съ нѣкоторыми другими, приглашая ихъ дѣйствовать съ своей стороны для достиженія цѣли, указанной Генераломъ Донбровскимъ; однако же странное, хотя и не безпримѣрное въ Исторіи стеченіе обстоятельствъ, сдѣлало, что ни тотъ, кто первый имѣлъ мысль соединить всѣхъ Поляковъ узами одного народнаго чувства, ни тотъ, который, казалось, долженствовалъ быть главнымъ для исполненія сего плана орудіемъ, не участвовали ни мало въ мѣрахъ, коими оный былъ приводимъ въ дѣйствіе. Генералъ Донбровскій вскорѣ послѣ того умеръ, а пользовавшійся его довѣренностью офицеръ, будучи въ сіе время самъ опасно боленъ, долго жилъ въ чужихъ краяхъ, а потомъ, возвратясь въ отечество, еще съ разстроеннымъ здоровьемъ, совершенно потерялъ изъ вида свои прежнія намѣренія.—Слѣдствіемъ доказано, что онъ не зналъ ничего о дѣлахъ и замыслахъ Тайнаго Общества.

Нѣтъ причины полагать, что вышеозначенный разговоръ Генерала Донбровскаго подалъ тогда же поводъ къ заведенію какого либо сообщества. Но изъ показаній многихъ обвиняемыхъ видно, что слова его не были безъ послѣдствій. Первоначальная имъ предложенная мысль часто измѣнялась, смотря по свойству, правиламъ и большей или меньшей злонамѣренности основателей и главныхъ дѣйствователей Тайныхъ Обществъ, послѣ того существовавшихъ въ Польшѣ; но вездѣ примѣтно вліяніе оной и, сличивъ собранныя Комитетомъ, свѣдѣнія, можно сказать утвердительно, что она была всегда, если не побужденіемъ къ составленію кова, то по крайней мѣрѣ средствомъ закрывать истинную цѣль сообществъ предъ тѣми Членами, коимъ Начальники не смѣли вдругъ объявить о своихъ умыслахъ.

Въ 1821-мъ году вниманіе Правительства было возбуждено полученными изъ разныхъ мѣстъ, и въ главныхъ чертахъ совершенно однообразными извѣстіями. По онымъ можно было съ основательностью полагать, что не смотря на запрещеніе Масонства, въ Царствѣ Польскомъ есть Тайное Общество, коему даны уставъ, хотя и сходные съ Масонскими, но для того единственно, чтобы симъ прикрыть его настоящее стремленіе, противное установленному въ Государствѣ порядку и общему благу. Немедленно приняты мѣры для изслѣдованія, справедливо ль сіе предположеніе Правительства, и вскорѣ съ достовѣрностью узнано о существованіи тайнаго, такъ называемаго Національнаго Масонства, которое, подобно обыкновенному, составлялось изъ Членовъ разныхъ степеней, имѣло свой капитулъ, ложи, знаки орденскіе и другія для показанія принадлежности къ Обществу. Посредствомъ дальнѣйшихъ изысканій открыты и многіе Члены; ихъ признанія, всѣ между собою согласныя, заслуживали вѣроятіе, тѣмъ болѣе что допрошенные сами до того еще добровольно отказались отъ сношенія съ сообществомъ.—Изъ объясненій ихъ почерпнуты слѣдующія свѣдѣнія:

Въ бывшихъ прежде обыкновенныхъ Массонскихъ ложахъ возникали часто разномыслія, споры и нѣкоторые изъ принадлежащихъ ко онымъ офицеровъ, досадуя на сіи распри, изъявляли сожалѣніе, что въ Польской арміи также, какъ и въ иныхъ земляхъ, нѣтъ полковыхъ Масонскихъ ложъ. Лукасинскій, Маіоръ 4-го Линейнаго пѣхотнаго полка, который, какъ дознано послѣ, уже готовилъ планъ Тайнаго Общества, съ другими важнѣйшими и обширнѣйшими видами, спѣшилъ воспользоваться случаемъ привести оный въ дѣйствіе, и въ 1819 году завелъ такъ называемое Національное Массонство, объявивъ себя Великимъ Мастеромъ и учредивъ Капитулъ изъ основателей или первыхъ Членовъ сообщества; другіе присоединены къ оному въ званіи совѣтующихъ. Капитулъ установилъ нѣкоторые обряды и формулы принятія; потомъ старались умножать число Членовъ; первоначально вступившіе вводили новыхъ и вскорѣ найдена возможность учредить ложи 1-й, 2-й и 3-й степени; изъ оныхъ и Капитула составлялось все Національное Массонство: главное управленіе было предоставлено Капитулу. — Положено было распространять Общество, особенно между Офицерами, какъ служащими, такъ и отставными и между Гражданскими Чиновниками. Не отказывали рѣшительно и другимъ; но первые, сообразно принятому правилу, было во всякомъ случаѣ предпочитаемы.

Вступающимъ объявлялось, что цѣль Членовъ Общества есть помогать другъ другу въ нуждахъ и бѣдствіяхъ жизни и способствовать къ соблюденію духа и чувства народнаго, сохранять память славныхъ для Польши происшествій. Посему, вмѣсто опредѣленныхъ въ знаки словъ, положено употреблять имена Знаменитыхъ въ Польской Исторіи людей: Болеслава Храбраго, Баторія Замойскаго, Понятовскаго и т. д. На сихъ основаніяхъ учредилось Общество и число Членовъ онаго было довольно велико; но будучи составлено изъ началъ разнородныхъ, оно не имѣло единства ни въ видахъ, ни въ побужденіяхъ, и основатель могъ не обнаруживать совершенно своей цѣли предъ всѣми. Должно еще замѣтить, что сіе Общество не имѣло и устава. Нѣкоторые даже изъ Членовъ Капитула напоминали

Великому Мастеру обѣщаніе, данное имъ при самомъ заведеніи Національнаго Массонства, и слыша отвѣты неудовлетворительные, замѣчая въ немъ желаніе откладывать, перестали вѣрить его искренности и принимать участіе въ дѣлахъ. Другіе, едва принятые въ оное Офицеры, упорно требовали сообщенія статутовъ; увидѣвъ же, что имъ или не хотятъ или не могутъ показать ихъ, объявили рѣшительно, что не считаютъ себя Членами. Наконецъ, иные, привыкшіе къ правиламъ стараго Массонства, находя въ обрядахъ сего новаго, будто Національнаго, одно подражаніе, называли его смѣшнымъ; спрашивали при самомъ принятіи, съ чьего разрѣшенія оно учреждено, и недовольные отзывомъ Великаго Мастера, прибавляли, что не могутъ принадлежать къ Обществу, неисполнившему сего перваго условія.—Многіе послѣдовали ихъ примѣру и уже не являлись въ собранія.

Между тѣмъ нѣкоторые оставшіеся еще Члены Капитула узнали, что Маіоръ Лукасинскій, долженствовавшій дѣйствовать не иначе, какъ съ согласія Капитула, присвоивалъ себѣ исключительно право начальства, что онъ замышлялъ введеніе новыхъ обрядовъ и принималъ Членовъ произвольно посредствомъ одного простого сообщенія, не спрашивая у другихъ ни одобренія, ни совѣта. Сіе возбудило въ нихъ справедливую недовѣрчивость; они почувствовали, что не имѣя ни законнаго дозволенія на заведеніе Общества, ни опредѣленнаго устава, ни ручательства за дальнѣйшія дѣйствія и намѣренія основателя, могутъ безъ всякаго съ ихъ стороны умысла сдѣлаться участникомъ въ предпріятіи, совершенно противномъ ихъ собственной цѣли.

Вслѣдствіе сего, и они отказались отъ Національнаго Массонства. Лукасинскій, видя сіе неудовольствіе почти всѣхъ Членовъ, удостовѣрясь, что онъ уже не въ состояніи поддерживать Общества, а и того менѣе обратить его въ орудіе своихъ особенныхъ, неизвѣстныхъ другимъ, видовъ, рѣшился провозгласить оное разрушеннымъ; вскорѣ за тѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ Капитулу, что Національное Массонство уже не существуетъ.

Сіе происходило лѣтомъ 1820 года. Національное Массонство уничтожилось, и всѣми бывшими впослѣдствіи изысканіями доказано, что съ того времени большая часть принадлежавшихъ къ оному Офицеровъ оставили всякую о немъ мысль, и уже не имѣли никакихъ для сего собраній.—Но не всѣ, подобно имъ, повиновались гласу разсудка и долга. Капитулъ, или лучше сказать, то таинственное отдѣленіе Капитула, которое всегда оставалось безвѣстнымъ для прочихъ Членовъ Общества, не измѣнило своихъ плановъ и, отбросивъ личину Массонства, отселѣ начало дѣйствовать сообразнѣе съ замыслами своего главнаго руководителя. Сіи дѣйствія однакоже ограничивались составленіемъ или разсмотрѣніемъ проектовъ образованія для предполагаемаго сообщества и не были ознаменованы никакими успѣхами до 1821 года; тогда лишь особенный случай вдругъ усилилъ ихъ дѣятельность, и возникло новое Тайное Общество, къ коему Національное Массонство было только приготовленіемъ.

Счанѣцкій, бывшій Офицеръ Польской службы и послѣ отставки своей поселившійся въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ, распространялъ въ семъ краѣ Національное Массонство, къ которому принадлежалъ прежде, живучи въ Варшавѣ. Оно въ Царствѣ Польскомъ было уничтожено, но въ Познани продолжало существовать еще и въ 1820 году въ томъ же самомъ видѣ. Въ семъ году въ исходѣ Іюня Подполковникъ Прондзинскій ѣздилъ въ Познань и тамъ присутствовалъ въ засѣданіи Общества, когда въ оное принимали Генерала Уминскаго. Замѣтивъ, какъ онъ сказываетъ, что иные обряды были несообразны съ его о семъ мыслью, онъ объявилъ мнѣніе свое Членамъ, которые немедленно послѣдовали его совѣтамъ и указаніямъ. Прондзинскій утверждаетъ однако же, что никогда не бывалъ Членомъ Національнаго Массонства; но вѣроятно ли, чтобы Общество пригласило въ свое засѣданіе человѣка, оному вовсе чуждаго? Впрочемъ, бывъ въ семъ собраніи, онъ черезъ то уже сдѣлался Членомъ Общества, въ которое число принимали и безъ всякихъ обрядовъ. Вскорѣ послѣ сего Счанѣцкій явился въ Варшаву для переговоровъ съ главными въ Обществѣ. Лукасинскій и Козаковскій сказали ему, что оно рушилось, что не худо и ему уничтожить свое въ Познани. Счанѣцкій, если вѣрить показаніямъ Лукасинскаго, отвѣчалъ, что это уже невозможно, ибо по предложенію Прондзинскаго измѣнены и цѣль и самое имя ихъ сообщества, которое нынѣ называется Обществомъ Коссиніеровъ (Косцовъ). Козаковскій говоритъ, что Счанѣцкій точно сказывалъ имъ о сихъ намѣреніяхъ, но не прибавляя, что оныя были слѣдствіемъ предложеній Прондзинскаго.

Въ исходѣ Апрѣля 1821 года Уминскій, также жительствующій въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ, пріѣхалъ въ Варшаву и узнавъ отъ Счанѣцкаго, что Лукасинскій былъ начальникомъ ихъ Общества, изъявилъ желаніе войти съ нимъ въ сношеніе. Для сего назначилъ быть собранію въ Лазенкахъ; на оное съѣхались Подполковники Прондзинскій и Козаковскій, Рефендарій Вержбиловичъ, бывшій Подполковникъ Доброгойскій, Циховскій, прежде служившій въ Казначействѣ, Волынскій Шляхтичъ Собанскій и Моравскій, бывшій издатель періодическихъ листовъ, впослѣдствіи запрещенныхъ Правительствомъ [1]). Уминскій объявилъ собранію, что въ

[1]) Сей Моравскій нашелъ средство скрыться и потому не былъ допрошенъ.

Великомъ Княжествѣ Познанскомъ Національное Массонство совершенно измѣнило свое образованіе, что вмѣсто прежнихъ неопредѣленныхъ и неясныхъ предположеній, оно избрало для себя политическую и что сему примѣру должно бы послѣдовать и Общество въ Царствѣ Польскомъ существующее. Лукасинскій, казалось, не одобрялъ сихъ перемѣнъ; однакоже предложеніе Уминскаго принято большинствомъ голосовъ и положено собраться вновь на другой день $\frac{19 \text{ Апрѣля}}{1 \text{ Маія}}$ въ гостиницѣ, называемой Потокъ, за четверть мили отъ Варшавы. Между тѣмъ Уминскій, стараясь умножать число членовъ сего заводимаго имъ въ Варшавѣ Общества, имѣлъ свиданіе съ Полковникомъ Александромъ Оборскимъ, который былъ уже предваренъ о семъ чрезъ Доброгойскаго. Онъ увѣрялъ Оборскаго, что единственная цѣль его и прочихъ Членовъ есть благо общее; что въ числѣ оныхъ всѣ отличнѣйшіе люди ихъ края; что они имѣютъ въ Познани большую сумму денегъ и многія важныя связи въ другихъ земляхъ; наконецъ, что онъ скоро самъ поѣдетъ въ Дрезденъ для переговоровъ съ Министромъ одной первостепенной Державы; обольщенный Уминскимъ, ослѣпленный увѣреніями его о силѣ Познанскаго Общества, Оборскій обѣщалъ ему быть на другой день въ Потокѣ.

На сіе собраніе, кромѣ Лукасинскаго, явились: Подполковники Козаковскій и Прондзинскій, Оборскій, Моравскій, Собаньскій и Адвокатъ Шредеръ. Генералъ Уминскій пріѣхалъ къ нимъ на бѣлой лошади, въ вышитой узорчатой шапкѣ. Такой нарядъ могъ возбудить вниманіе прохожихъ и Полиціи; для сего положили дать сборищу видъ поединка, а потомъ каждому своей дорогой отправиться въ Бѣланской лѣсъ. Всѣ вышепоименованные, а съ ними еще Г-нъ Іорданъ сошлись въ лѣсу [1]). Уминскій повелъ ихъ въ уединенное мѣсто онаго и тамъ, составя кругъ, говорилъ рѣчь, наполненную лживыми сужденіями и софизмами, но способную воспламенить умы людей, уже готовыхъ къ заблужденіямъ. Онъ представлялъ своимъ товарищамъ, что Поляки, принадлежа разнымъ Державамъ, и слѣдовательно лишенные отечества, должны безпрестанно стремиться къ утвержденію ея свободы и независимости; что всѣ Поляки, гдѣ бы кто ни жительствовалъ, должны способствовать сему согласными стараніями и усиліями и Сообщества всѣхъ областей прежней Польши дѣйствовать совокупно; что наконецъ, какъ для того, чтобы не терять изъ вида сей великой цѣли, такъ и для введенія необходимаго въ сихъ Обществахъ единства и для постановленія преградъ всякимъ отступленіямъ отъ правилъ, онъ считаетъ нужнымъ, чтобы Члены дали утвержденную ихъ Познанскими товарищами присягу стремиться неуклонно къ предназначенной цѣли. Засимъ Прондзинскій, вынувъ шпагу, вонзилъ ее остріемъ въ землю; на ефесъ оной повѣсили желѣзную медаль съ изображеніемъ Костюшки; Уминскій поднялъ руку, держа въ ней ножъ вмѣсто кинжала, а Моравскій читалъ въ слухъ слѣдующее клятвенное обѣщаніе:

„Я (такой то) клянусь предъ Богомъ и отечествомъ и обязываюсь своею честью, что всѣ свои силы буду употреблять на возстановленіе моей несчастной, но любезной матери-отчизны, что для ея свободы и независимости я буду жертвовать имуществомъ и жизнью, что не измѣню, не открою никому тайнъ, которыя нынѣ или впослѣдствіи будутъ мнѣ ввѣрены, что, напротивъ, всѣми отъ меня зависящими мѣрами буду содѣйствовать успѣхамъ нашего Общества. Торжественно обѣщаю повиноваться законамъ Отечества, какъ существующимъ уже, такъ и тѣмъ, которые впредь могутъ быть постановляемы. Не взирая ни на какія обстоятельства, я не буду щадить не только крови предателя но и всякаго, кто будетъ дѣйствовать въ противность блага моей отчизны. Если буду преданъ или открытъ, то скорѣе соглашусь лишиться жизни, нежели сказать о тайнахъ Сообщества или Членахъ онаго. Наконецъ, обѣщаю также, что не буду имѣть у себя ничего письменнаго объ нашемъ Обществѣ и еще менѣе какихъ-либо бумагъ съ означеніемъ именъ, принадлежащихъ къ оному, развѣ мнѣ сіе будетъ повелѣно моимъ Начальникомъ въ Обществѣ. Если нарушу сію, предъ Высшимъ Существомъ мною произносимую, клятву, то да умру я лютою смертью измѣнниковъ, да имя мое будетъ переходить изъ устъ въ уста къ потомству, а тѣло мое да будетъ добычею дикихъ звѣрей; симъ да накажется мое гнусное дѣло въ примѣръ другимъ, кои могли бы дерзнуть послѣдовать мнѣ. Призываю въ свидѣтели Всемогущаго Бога! А вы, тѣни Жолкевскаго, Чарнецкаго, Понятовскаго, Костюшки, вдохните въ меня ваши чувства, да пребуду я непоколебимъ въ своемъ предпріятіи".

Послѣ чтенія сего клятвеннаго обѣщанія, Уминскій спросилъ, одобряютъ ли оное. Нѣкоторые изъ присутствующихъ изъявили согласіе, а Уминскій сказалъ, что слѣдственно присяга дана. Засимъ Члены разошлись, положивъ собраться тотъ же вечеръ къ подполковнику Козаковскому.

Все, здѣсь описанное, изслѣдовано Комитетомъ съ величайшею точностью, и не только засвидѣтельствовано единогласными всѣхъ бывшихъ при семъ въ Бѣланскомъ лѣсу показаніями (ибо оныя разнствуютъ лишь въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ), но еще самымъ несомнительнымъ образомъ подтверждено на очныхъ

---

[1]) Сей Г. Іорданъ нечаянно случился въ Бѣланахъ и былъ увлеченъ Прондзинскимъ, но впослѣдствіи не имѣлъ никакихъ связей съ Обществомъ.

ставкахъ между ими и Уминскимъ въ присутствіи Регирунгсрата Краузе, Чрезвычайнаго Коммиссара Его Величества Короля Прусскаго, когда Уминскій былъ привезенъ въ Варшаву для тщательнѣйшихъ изысканій о сношеніяхъ нѣкоторыхъ Членовъ Общества Познанскаго съ Польскими. Уминскій старался многое скрыть, желая заставить думать, что онъ въ семъ случаѣ не былъ главнымъ дѣйствователемъ и не предлагалъ учредить Общество подобное Познанскому; но онъ не могъ опровергнуть ни одного изъ сдѣланныхъ на него показаній, и того въ особенности, что былъ на собраніи въ Бѣлинахъ и что по его приглашенію произнесена вышепомѣщенная присяга.

При малѣйшемъ вниманіи легко замѣтить злонамѣренность и коварство сочинявшихъ сіе клятвенное обѣщаніе. Въ ономъ обязываются не только повиноваться узаконеніямъ Общества уже существующимъ, но содѣйствовать всему, что руководитель онаго замыслитъ и впослѣдствіи для достиженія своей преступной цѣли. Онъ предоставляетъ себѣ полную власть располагать успѣхи всякаго, ибо, обрекая на смерть называемыхъ имъ предателями, онъ можетъ еще по своему произволу включить въ число жертвъ и другихъ будто бы дѣйствующихъ въ противность блага отчизны. Трудно повѣрить, чтобы кто - либо, даже и самый легкоумный человѣкъ, могъ, не устрашась, вступить въ такія обязательства, и вѣроятно сочинявшій присягу предвидѣлъ сіе, ибо положилъ, что объ ней нововводимые узнаютъ тогда лишь, когда произносятъ ее. Никто, какъ кажется, изъ бывшихъ въ Бѣланскомъ лѣсу не размыслилъ о семъ: они въ тотъ же вечеръ по назначенію сошлись къ Козаковскому. Въ семъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ Уминскаго, сначала разсуждали: должно ли новому Обществу установить Центральное Правленіе въ Варшавѣ. Уминскій объявилъ, что безъ того не будетъ совокупности и единообразія въ дѣйствіяхъ, и что на семъ только условіи Общество Познанское можетъ согласиться на присоединеніе къ Варшавскому. Симъ вопросъ рѣшенъ и опредѣлено сему Правленію называться Центральнымъ Комитетомъ. Потомъ приступили къ сужденію о составѣ Комитета. Многіе члены полагали, что въ ономъ каждая Провинція должна имѣть Представителя; но какъ сей мѣры нельзя было принять немедленно, то рѣшились избрать Членовъ Временнаго Центральнаго Комитета съ тѣмъ, что всякая Провинція можетъ, если не одобритъ сдѣланнаго за нее выбора, назначить и прислать на то мѣсто другого. Въ семъ же засѣданіи постановили, что первыми составными частями Общества будутъ Гмины (Communes, Товарищества), въ коихъ Членовъ должно быть не болѣе десяти, что изъ нѣсколькихъ Гминъ будетъ составляться Округъ, а изъ нѣсколькихъ округовъ Провинція. Общество положено распространять повсюду, гдѣ языкъ польскій въ употребленіи, и потому вся прежняя Польша раздѣлена слѣдующимъ образомъ на провинціи:

1. Царство Польское. 2. Великое Княжество Познанское со включеніемъ въ оное и Калишскаго Воеводства. 3. Галиція. 4. Литовскія Губерніи. 5. Волынь. 6. Вольный городъ Краковъ и Армія, которую надлежало почитать 7-ю Провинціею.

Въ Члены Временнаго Центральнаго Комитета выбраны:

Вержбиловичъ, Лукасинскій, Козаковскій, Прондзинскій, Кицинскій, Моравскій, Собанскій.

Первымъ дѣломъ Комитета было изысканіе средствъ распространять Общество; поручено стараться о семъ въ Провинціи Познанской Уминскому, который былъ почитаемъ Представителемъ оной, въ Литвѣ отставному Полковнику Оборскому, на Волынѣ—Собанскому. Краковъ думали отдать въ вѣдомство Г-на Іордана; но онъ впослѣдствіи не принималъ никакого участія въ предпріятіяхъ Общества и сдѣланный ему на сіе вызовъ остался безъ дѣйствія. Комитетъ разсуждалъ о томъ, какое Обществу дать имя. Уминскій предлагалъ назваться Коссиніерами (Косцами)[1]. Сіе имя, какъ онъ сказывалъ, принято Обществомъ Познанскимъ. Другіе Члены не соглашались. Потомъ предлагаемо было именоваться Обществомъ Національнымъ и Патріотическимъ; но неизвѣстно, которое изъ сихъ названій предпочтено Комитетомъ, ибо многіе уже послѣ того и вступившіе въ Общество Члены знали только первое изъ сихъ наименованій. Кажется, однако же, что, по крайней мѣрѣ, большею частью сіе Общество называли Патріотическимъ. Наконецъ, Уминскій изъявилъ мнѣніе, что Уставъ Общества Познанскаго, привезенный въ спискѣ Моравскимъ, можетъ служить образомъ для Статутовъ, которые Варшавское Общество намѣрено составить для себя, и Комитетъ поручилъ составленіе оныхъ Лукасинскому, Моравскому и Кицинскому; такъ заключилось засѣданіе.

Въ послѣдовавшихъ за симъ собраніяхъ разсматривали проекты Статутовъ и правилъ для порядка въ Обществѣ. Главныя основанія были уже приняты, но о примѣненіи и объясненіи оныхъ возникли жаркіе споры. Прондзинскій и Моравскій, съ большею противъ другихъ горячностью, утверждали, что должно ввести въ Общество образъ управленія представительный, говоря и повторяя упорно, что Центральный

[1]) Въ воспоминаніе Польской революціи 1794 года, ибо въ сіе время тайны крестьянъ, образованные въ баталіоны и вооруженные косами, имѣли успѣхъ въ сшибкахъ съ Русскими войсками.

Комитетъ долженъ быть составленъ изъ однихъ Повѣренныхъ Провинцій. Лукасинскій и Махницкій были иного мнѣнія: они полагали, что Комитетъ есть только Совѣтъ Главы Общества и хотѣли, чтобы сіе званіе было возложено на Генерала Князевича; Уминскій обѣщалъ уговорить его къ сему. Прондзинскій отвѣчалъ, что Главу Общества надлежитъ заранѣе почитать Начальникомъ революціи; что, слѣдовательно, сіе мѣсто долженъ занять человѣкъ отличнѣйшій, пользующійся великимъ уваженіемъ, а Генераловъ Донбровскаго и Косинскаго уже нѣтъ въ живыхъ; что слѣдственно въ семъ затрудненіи напрасно дѣлать назначеніе, которое можетъ быть будетъ безъ послѣдствія. Нѣкоторые другіе Члены предложили дождаться извѣстій отъ Уминскаго о переговорахъ его съ Генераломъ Князевичемъ; симъ кончилось преніе и вся власть осталась въ Центральномъ Комитетѣ. Прочія статьи Устава приняты большинствомъ голосовъ и разосланы въ Провинціи, за исключеніемъ отдѣленія 1-го о Верховной власти.

Между тѣмъ, пока Комитетъ занимался разсмотрѣніемъ сихъ предположеній, отправленные имъ Члены, исполняя свои обѣщанія, распространяли Общество въ другихъ мѣстахъ. Оборскій, съ даннымъ отъ Комитета наказомъ, пріѣхалъ въ Вильну; тамъ отъ одного Гружѣвскаго, на коего ему было указано, какъ на человѣка, готоваго ему способствовать, онъ узналъ, что въ Литвѣ Національное Массонство еще существуетъ. Онъ объявилъ ему о своемъ порученіи и они вмѣстѣ положили созвать на другой день въ Закретѣ на берегу Виліи находящихся въ Вильнѣ Членовъ сего Массонства. Оборскій въ 5-ть часовъ утра, прибывъ въ назначенное мѣсто, нашелъ Г. г. Ромера, Бялозора, Станислава Солтана, Томера и Станислава Гружѣвскихъ, Станислава и Ѳеофила Микуличей, Степана и Станислава Мацкевичей. Оборскій сказалъ имъ, что Національное Массонство совершенно измѣнилось, что, вмѣсто онаго, учреждено Общество новое, привелъ ихъ къ присягѣ по означенной выше сего формулѣ и предложилъ избрать Предсѣдателя на одинъ годъ: выборъ палъ на г. Ромера; Оборскій вручилъ ему формулу клятвеннаго обѣщанія и привезенный имъ изъ Варшавы наказъ, а самъ, будучи весьма равнодушенъ къ состоянію дѣлъ Общества началъ думать о своихъ собственныхъ, которыя были настоящею причиною его пріѣзда въ Вильну.

Ромеръ по своему новому званію созвалъ вскорѣ послѣ того въ Поплавахъ собраніе, подобное бывшему въ Закретѣ, и привелъ также къ присягѣ Карла Прозора, Александра Поцѣя и Игнатія Завита. Нашедши въ переданномъ ему отъ Оборскаго наказѣ, что всякій Предсѣдатель Провинціи долженъ имѣть Совѣтъ изъ четырехъ Членовъ, и онъ, какъ предсѣдатель временной, выбралъ Князя Константина Радзивилла, Гг. Вейниловича, Новомѣйскаго и Адама Солтана, который для сего и принятъ въ Общество. Составленный такимъ образомъ Провинціальный Совѣтъ немедленно приступилъ къ сужденію, можно ли, не знавъ Статутовъ и Устава Общества, заняться образованіемъ онаго. Князь Радзивилъ говорилъ, „что содержаніе принятой имъ присяги не согласно съ его внутреннимъ убѣжденіемъ, и что должно бы, не обязываясь къ столь неограниченному повиновенію, прежде узнать точнѣе о свойствѣ Общества“. Съ его замѣчаніемъ согласились и другіе; слова о такомъ повиновеніи исключены изъ клятвеннаго обѣщанія.

Спустя нѣсколько уже мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Оборскаго, прибылъ въ Вильну Михаилъ Гофманъ съ новыми давно ожидаемыми Статутами. Не будучи знакомъ съ Членами Общества, и въ отсутствіи Ромера, къ коему онъ долженъ былъ явиться, не зная, кому отдать ввѣренный ему пакетъ, Гофманъ вспомнилъ, что Г. Ходцко принадлежалъ къ Капитулу стараго массонства; ему онъ вручилъ рукопись открытую, какъ и самъ получилъ ее. Ходцко не былъ Членомъ Патріотическаго Общества, однакожъ взялъ бумаги отъ Гофмана и передалъ ихъ Ромеру, когда онъ возвратился въ Вильну. Но симъ Тайна Сообщества была нарушена и Ромеръ увидѣлъ себя принужденнымъ принять въ оное Г. Ходцко. Въ новыхъ Статутахъ предписывалось составить Общество изъ Гминъ и Округовъ; Провинціальный Совѣтъ рѣшился сначала образовать первые. Ромеръ поручилъ Завишу завести Гмины въ Повѣтахъ Ковненскомъ и Упитскомъ, Биллевичу въ Россіенскомъ, Князю Радзивиллу въ Новоградскомъ, Гружѣвскому въ Шавельскомъ. Ни одинъ не исполнилъ сего порученія.

Первыя Гмины учреждены въ Вильнѣ Ромеромъ[1]). Число Членовъ было не только полное, но вскорѣ и превзошло опредѣленное; ее раздѣлили на двѣ, и вторая, отдѣленная отъ первой, Гмина ввѣрена управленію Войниловича[2]).

---

[1]) Она составлялась изъ слѣдующихъ: Ромера, Князя Константина Радзивилла, Іосифа и Станислава Гружѣвскихъ, Вагнера, Новомѣйскаго, Адама Солтана, Поцѣя, Корбута, Бучинскаго и Пржецишевскаго.

[2]) Членами сей Гмины были: Баранкевичъ, Ходцко, Кульчицкій, Бялозоръ, Струмилло, Занъ и Лобановскій.

Ни почему не видно, чтобъ были заведены еще другія Гмины; изъ вышеозначенныхъ каждая собиралась раза три или четыре, первая у Вагнера, вторая у Баранкевича; въ сихъ засѣданіяхъ разсуждали только о предлагаемыхъ новыхъ Членахъ и о правилахъ для образованія Общества.

Медлительность и неосторожность принимаемыхъ имъ для управленія Обществомъ мѣръ произвело отвращеніе, даже недовѣрчивость во многихъ Членахъ Виленскаго Сообщества. Стали говорить что необходимо знать, кто Главный Начальникъ всего Общества; съ тѣмъ вмѣстѣ изъявили желаніе не въ точности слѣдовать правиламъ, въ Уставѣ начертаннымъ. Князь Родзивиллъ требовалъ сего упорнѣе прочихъ; онъ даже объявилъ и Гминѣ и Провинціальному Совѣту, „что лучше будетъ вовсе отказаться отъ Общества, нежели подвергаться опасности содѣйствовать слѣпо достиженію цѣли, имъ худо извѣстной и быть можетъ противной ихъ долгу и совѣсти". Онъ нѣсколько разъ говорилъ о томъ и наединѣ Ромеру и Солтану, которые находили его замѣчанія справедливыми; другіе Члены не согласились съ его мнѣніемъ, но князь Радзивилъ остался твердъ въ ономъ, и вскорѣ послѣ полученія Статутовъ пересталъ участвовать въ совѣщаніяхъ и дѣлахъ Общества. Видя сіе, Ромеръ каждому изъ Членовъ, отправлявшихся въ Варшаву по своимъ собственнымъ надобностямъ, поручалъ стараться узнать обстоятельнѣе обо всемъ, что касается до Общества. Поцѣй былъ въ Варшавѣ въ 1821 году. Ромеръ требовалъ, чтобы онъ спросилъ у референдарія Вержбиловича, кто управляетъ Обществомъ. Поцѣй получилъ и привезъ Ромеру въ отвѣтъ, что это тайна. Вскорѣ потомъ Пржецишевскій сталъ собираться въ Варшаву; ему Ромеръ поручилъ узнать отъ отставного полковника Оборскаго, имѣетъ ли ихъ Общество успѣхъ? Оборскій отвѣчалъ, что оно распространяется, но составлено еще изъ первыхъ только началъ. Сіи Свѣдѣнія не удовлетворяли Ромера; онъ желалъ точнѣйшихъ и въ томъ же 1821 году далъ еще порученіе недавно принятому въ Общество и отправлявшемуся въ Варшаву Бучинскому сыскать Оборскаго, требовать отъ него извѣстій. Но Оборскій уже чувствовалъ отвращеніе къ Обществу, не участвовалъ въ дѣлахъ онаго, и сказалъ Бучинскому, что онъ ничего не знаетъ, и что всѣ эти Сообщества и патріотизмъ не поведутъ ни къ чему. Сей отвѣтъ также переданъ Ромеру, который продолжалъ нетерпѣливо добиваться вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи Общества и объ успѣхахъ его. Онъ воспользовался отъѣздомъ Адвоката Кульчицкаго, который отправлялся за другими дѣлами въ Варшаву. Ромеръ далъ ему два письма, одно къ Оборскому, другое къ подполковнику Козаковскому, примолвя: „Отъ Козаковскаго ты узнаешь, кто главный начальникъ Общества, что тамъ дѣлается и что тамъ должно дѣлать". Первый, Оборскій, не зная ничего, отвѣчалъ на вопросы неясно, Подполковникъ Козаковскій, которому Кульчинскій докучалъ нѣсколько разъ, наконецъ, сказалъ ему, „что Верховная власть въ Обществѣ сокрыта отъ всѣхъ, что между тѣмъ оно значительно распространяется и что въ него не принимаютъ ни знатныхъ людей (Магнатовъ), ни Генераловъ, ни Полковниковъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, я скоро уѣду изъ Варшавы и надобно прислать сюда кого-нибудь для продолженія сношеній: я съ здѣшними не буду имѣть никакихъ". Кульчицкій также ѣхалъ въ Лембергъ и увѣдомилъ Ромера письменно о томъ, что слышалъ.

Не имѣя ни прямыхъ сношеній съ Варшавскимъ Обществомъ, ни руководства, ни прежней довѣренности къ своимъ силамъ, Общество Литовское перестало отличаться дѣятельностью, какъ при началѣ. Нѣтъ никакой причины полагать, чтобъ сіе Общество отъ исхода 1821 года до обнародованнаго въ Россійско-Польскихъ Областяхъ въ Іюлѣ 1822 года запрещенія Тайныхъ Обществъ что-либо предприняло, кромѣ присоединенія къ Обществу немногихъ Членовъ, коихъ дѣйствія ограничились ихъ вступленіемъ; но слѣдствіемъ не оказалось также, чтобъ бывали собранія Гминъ или Провинціальнаго Совѣта.

Лишь въ Августѣ 1823 года дѣятельность сего Общества какъ-будто возбудилась снова. Въ сіе время Ромеръ поручилъ Бялозору увѣдомить Гружѣвскаго, жившаго тогда въ деревнѣ, что его хотятъ отправить въ Варшаву. Спустя потомъ нѣсколько дней, Завита позвалъ его къ себѣ и вручилъ 1000 Польскихъ злотыхъ, какъ онъ думалъ, на путевыя издержки до Варшавы. Ромеръ утверждаетъ, что онъ не помнитъ, откуда взялъ сіи деньги, думаетъ, однакожъ, что они были собраны съ Членовъ Патріотическаго Общества, но не можетъ сказать, кто именно участвовалъ въ сей складкѣ. Сіе показаніе довольно вѣроятно, ибо въ кассѣ Общества никогда не бывало и такой суммы денегъ. Струмилло говоритъ, что Гмина, къ которой онъ принадлежалъ, въ одномъ изъ своихъ засѣданій положила сдѣлать складку для составленія кассы; но со всѣхъ Членовъ могли собрать только 18 рублей серебромъ, которые вскорѣ послѣ того Ромеръ у него потребовалъ на расходы Общества. Вагнеръ, бывшій Казначеемъ онаго, также показываетъ, что въ кассѣ ему ввѣренной никогда не бывало болѣе 15 рублей, и сіи деньги, Ромеръ употребилъ на посылку нарочнаго въ Россіены съ извѣстіемъ о закрытіи Массонскихъ ложъ.

Гружѣвскій пріѣхалъ въ Вильну; Ромеръ объявилъ ему, что Общество Варшавское требуетъ отъ Литовскаго большей дѣятельности и установленія постоянныхъ между ними сношеній; сіе, прибавилъ онъ, есть цѣль даннаго ему, Гружѣвскому, порученія. Потомъ они вмѣстѣ пошли къ Кульчицкому; Ромеръ объявилъ и ему о причинахъ отправленія Гружѣвскаго въ Варшаву и просилъ пособить въ семъ дѣлѣ. Гружѣвскій утверждаетъ, что Кульчицкій наименовалъ ему Подполковника Крыжановскаго, но Кульчицкій не признается въ томъ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, Гружѣвскій явился къ Крыжановскому и объявилъ ему о своемъ порученіи. Крыжановскій расправшивалъ о состояніи Общества въ Литвѣ, велѣлъ сообщить оному, что всего болѣе надобно стараться умножать число Членовъ, что нужно также узнать, не существуетъ ли Тайныхъ Сообществъ въ Россіи, въ Курляндіи и Пруссіи; что имъ должно собрать свѣдѣнія о запасахъ оружія въ Виленскомъ Арсеналѣ и что при случаѣ можно будетъ приказать жителямъ сего города овладѣть Арсеналомъ.

Симъ ограничились дѣйствія Гружѣвскаго въ Варшавѣ. На возвратномъ пути въ Бѣлостокѣ онъ принялъ Г-на Довнаровича въ Общество, поручилъ ему распространять оное и для того оставилъ списокъ съ формулы клятвеннаго обѣщанія. Довнаровичъ въ самомъ дѣлѣ принялъ нѣсколько человѣкъ, но изъ нихъ нѣкоторые дали присягу на пирушкѣ пьяные и потомъ отреклись отъ нее, не хотѣли имѣть никакихъ связей съ Обществомъ. Были также люди, которые и не согласились не предложеніе Довнаровича.

Въ Вильнѣ Гружѣвскій не нашелъ Ромера; объ своемъ разговорѣ съ Крыжановскимъ онъ разсказывалъ Стумиллѣ и Ходцко. Первый, удивляясь мысли объ Арсеналѣ, вскричалъ: „Но какимъ же средствомъ овладѣть имъ?“ Ходцко думалъ, что студенты могутъ его взять.

Ромеръ не запирается, что намѣреніе захватить Арсеналъ было ему извѣстно; только прибавляетъ, что онъ счелъ сіе за шутку. Впрочемъ по слѣдствію не оказалось, чтобы Обществомъ Виленскимъ было что-либо предпринято для исполненія сей мысли Крыжановскаго. Гружѣвскій объявляетъ также, что Ромеръ въ томъ же году говорилъ ему: „Готовь саблю свою къ веснѣ“; сіи слова ему показались шуткою, однакожъ онъ рѣшился упомянуть и объ нихъ въ доказательство своей совершенной искренности. Ромеръ съ своей стороны признается, что сказалъ это Гружѣвскому, но безъ всякаго намѣренія, шутя.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ Литвѣ, Собанскій, назначенный Временнымъ Центральнымъ Комитетомъ для распространенія Патріотическаго Общества на Волынѣ и въ Подоліи, отправился туда для исполненія сего порученія. Пріѣхавъ въ Бердичевъ, онъ тамъ учредилъ Провинціальный Совѣтъ. Въ наказѣ, данномъ ему отъ Временнаго Центральнаго Комитета было предписано помѣстить въ сей Совѣтъ отставного полковника Тарновскаго, Карла Дзѣконскаго и бывшаго въ Польской службѣ Офицеромъ Ивашкѣвича; но ихъ не было въ Бердичевѣ. Собанскій, вмѣсто того, избралъ тогда же принятыхъ имъ въ Общество Скибицкаго, бывшаго прежде колоновожатымъ въ Польской арміи, Графа Петра Мошинскаго Волынскаго Губернскаго предводителя дворянства и Станислава Карвицкаго, бывшаго Предсѣдателемъ 2-го Департамента Главнаго Суда той же Губерніи. Чрезъ нѣсколько времени къ симъ Членамъ присоединили Цишевскаго. Но сей послѣдній не исправлялъ назначенной для него Собанскимъ должности и не былъ ни на одномъ Засѣданіи Провинціальнаго Совѣта, который собирался два раза въ Бердичевѣ и разъ въ Бальтѣ. На сихъ собраніяхъ разсуждали объ одномъ образованіи Общества и о средствахъ увеличить число Членовъ. Между тѣмъ, Дзѣконскій, присоединяясь къ Обществу въ Варшавѣ, возвратился оттуда и привезъ Собанскому Уставъ онаго, также за исключеніемъ Отдѣленія перваго о Верховной власти. При томъ объявилъ, что онъ назначенъ Вице-Президентомъ Провинціальнаго Совѣта.

Вскорѣ затѣмъ Тарновскій, также возвратясь изъ Варшавы, сообщилъ Провинціальному Совѣту, что вслѣдствіе новыхъ распоряженій Временнаго Центральнаго Комитета, Губерніи Волынская, Подольская и Кіевская, составляющія одну Провинцію, будутъ раздѣлены на три; что Подолія остается подъ предсѣдательствомъ Собанскаго, а на Вильнѣ будетъ предсѣдателемъ онъ, Тарновскій, Скибицкій, пріѣхавшій почти въ одно время съ Тарновскимъ, подтвердилъ его извѣстія, сказавъ притомъ, что везетъ актъ образованія Общества къ предсѣдателю Кіевскому. Но въ Кіевской провинціи не было Предсѣдателя. При началѣ образованія оной всѣмъ завѣдовалъ Запольскій; послѣ его смерти сіе перешло къ Іотепкѣ, бывшему Судьѣ Главнаго Суда Кіевской губерніи; когда же онъ въ 1824 году уѣхалъ изъ Кіева, то Гродецкій заступилъ его мѣсто. Все сіе засвидѣтельствовано Ивашкѣвичемъ, который говоритъ, что Кіевская Провинція не имѣла Предсѣдателя, а только Провинціальный Совѣтъ, составленный изъ Запольскаго, Іотепки, Антона Чарковскаго и его, Ивашкѣвича.

Соображаясь съ доставленными Тарновскимъ предписаніями, Собанскій уступилъ ему предсѣдательство въ провинціи Волынской и поручилъ Станиславу Карвицкому познакомить его съ Членами, жившими въ семъ краѣ [1]); сими перемѣнами положенъ былъ конецъ существованію провинціальнаго Совѣта трехъ Губерній: Волынской, Подольской и Кіевской, и потому оный рѣшился отправить въ Варшаву къ Временному Центральному Комитету отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по прежнему наказу, увѣдомя его съ тѣмъ вмѣстѣ до какой степени распространилось Общество въ сихъ мѣстахъ. Сей отчетъ подписанъ Собанскимъ, Дзѣнковскимъ и Мошинскимъ; онъ имѣлъ

1) Сіи члены были: Пулаcскій, Іосифъ Залѣсскій, Липскій и Быковскій.

видъ обыкновеннаго письма, но истинное содержаніе было написано между строками симпатическими чернилами [1]). Сіе письмо для отправленія взялъ Тарновскій: онъ утверждаетъ съ клятвою, что ничего и не зналъ о томъ; однако же вѣрно, что отчетъ доставленъ Центральному Комитету.

Тарновскій безъ промедленія началъ заниматься образованіемъ Волынскаго Общества: помѣстилъ въ Провинціальный Совѣтъ Станислава Карвицкаго и Іосифа Залѣсскаго. Первый, назначенный Вице-Президентомъ, вмѣстѣ съ Тарновскимъ управлялъ дѣлами Патріотическаго Общества; втораго хотѣли сдѣлать Казначеемъ, но онъ только носилъ сіе имя и ни въ чемъ по Обществу не участвовалъ. Карвицкій и Тарновскій раздѣлили Волынскую провинцію на 6 округовъ: Ровенскій порученъ Ворцелю, Константиновскій Ивану Понятовскому, Овручскій Залѣсскому, Луцкій Липскому [2]), Кременецкій Скибицкому.

Ворцель признается, что вслѣдствіе сихъ распоряженій, о коихъ его увѣдомилъ Мошинскій, онъ, хотя и съ трудомъ, уговорилъ нѣсколько человѣкъ вступить въ сообщество. Изъ наименованныхъ имъ иныхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, другіе же Францискъ Чарнецкій и Игнатій Платеръ утверждаютъ, что никогда не принадлежали къ Патріотическому Обществу. Ворцель говоритъ самъ, что онъ едва былъ знакомъ съ ними и упоминалъ имъ о Тайномъ Обществѣ лишь мимоходомъ, такъ же какъ о необходимости поддерживать и питать народный духъ и чувство.

Слѣдственный Комитетъ не нашелъ никакихъ доказательствъ, чтобы прочіе, большею частью безъ вѣдома ихъ избранные Тарновскимъ, Начальники Округовъ его Провинціи, старались образовать ихъ и, какъ видно, Общество въ сихъ мѣстахъ не имѣло значительныхъ успѣховъ. Почти также было и въ двухъ другихъ провинціяхъ, ибо во всѣхъ трехъ въ Патріотическое Общество дѣйствительно принято не болѣе 30-ти человѣкъ. Сначала называли принадлежащими къ оному еще многихъ, но въ продолженіе слѣдствія открыто, что показатели именовали ихъ Членами ошибочно, по слухамъ или догадкѣ. Есть примѣры, что иные изъ имѣвшихъ порученіе распространять Общество, или изъ хвастовства, или для того, чтобы не подвергнуться упрекамъ за бездѣйствіе, включили въ число принятыхъ или и тѣхъ, при которыхъ они только слегка упоминали о существованіи Общества, и даже тѣхъ, объ коихъ только думали, что они согласились бы на предложеніе вступить въ оное. Малочисленность принадлежавшихъ въ самомъ дѣлѣ къ Обществу въ семъ краѣ не трудно изъяснить обстоятельствами мѣстными. Обыватели Губерній Волынской, Подольской и Кіевской живутъ по деревнямъ, иногда весьма далеко другъ отъ друга, не имѣютъ удобности часто видѣться и собираются только по дѣламъ или въ случаяхъ чрезвычайныхъ. Отъ того всѣ засѣданія, о коихъ сказано выше, были во время ярморокъ въ Балтѣ и Бердичевѣ или во время контрактовъ въ Кіевѣ [3]). На сихъ же собраніяхъ принята и большая часть Членовъ.

Общество существовало въ семъ видѣ до 1822 года, но въ семъ году, чтобы установить единство, рѣшились учредить для всѣхъ трехъ провинцій Комитетъ, долженствовавшій быть средоточіемъ дѣлъ Общества. Тарновскій на сдѣланный ему о семъ вопросъ отвѣчалъ, что можетъ быть Варшавскій Центральный Комитетъ учреждалъ подобный для провинцій Волынской, Подольской и Кіевской, но что сія мѣра не была приводима въ дѣйствіе. Однако же доказано, что есть Комитетъ, хотя и имъ не былъ формально установленъ, но существовалъ, и что управленіе дѣлами Общества по всѣмъ тремъ Провинціямъ оставалось въ рукахъ дѣятельнѣйшихъ Членовъ, между прочимъ и Тарновскаго. Онъ не былъ предсѣдателемъ Провиціальнаго Кіевскаго Совѣта, и однако же, когда пріѣзжалъ въ Кіевъ, то всякій разъ ему давали отчетъ о состояніи Общества въ сей Провинціи.—Въ засѣданіи, бывшемъ въ Кіевѣ у него, Тарновскаго, Запольскій, первый изъ занимавшихся учрежденіемъ и образованіемъ Общества въ Кіевской Губерніи, читалъ свое о томъ донесеніе. Наконецъ, онъ же, Тарновскій, въ 1822 году сдѣлалъ нѣкоторыя общія распоряженія не по одной Волыни, а и по двумъ другимъ Провинціямъ.

Дѣла Патріотическаго Общества были въ семъ положеніи, когда дѣйствія его начали встрѣчаться и смѣшиваться съ дѣйствіями другого Сообщества, о коемъ еще не упоминалось въ семъ донесеніи. Сіе Сообщество называлось Рыцарями Храма (Темпліерами); основателемъ его былъ Маѣвскій, Капитанъ Уланскаго полка Его Королевскаго Высочества Принца Оранскаго, Номера 1-го. Сей Офицеръ былъ въ плѣну у Англичанъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Шотландіи, тамъ принятъ въ ложу Рыцарей Храма и, какъ онъ сказываетъ, возведенъ въ высшіе степени ордена, съ дозволеніемъ учреждать новыя ложи [4]). Спустя довольно долгое время послѣ возвра-

[1]) Рецептъ для составленія сихъ чернилъ данъ Дзѣнковскому въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Уставомъ Общества.

[2]) Сей Липскій умеръ.

[3]) Контрактами называется ежегодное собраніе тамошнихъ помѣщиковъ для приведенія въ порядокъ разныхъ между собою дѣлъ по хозяйству и торговлѣ.

[4]) Въ подтвержденіе онъ показывалъ многимъ выданный будто ему изъ Шотландской ложи дипломъ; но оный не найденъ въ бумагахъ его и не былъ представленъ Слѣдственному Комитету.

щенія своего въ Польшу, онъ вздумалъ воспользоваться симъ дозволеніемъ; однако же въ Варшавѣ не могъ привести онаго въ дѣйствіе. Тамъ въ 1819 году онъ принялъ только безъ всякихъ обрядовъ и торжественности Г. Лаговскаго, бывшаго Штабъ-Офицера Польской службы и Заблоцкаго, Коммиссаріатскаго Чиновника; потомъ принужденъ былъ ѣхать за ремонтомъ на Волынь и съ сихъ поръ жилъ почти всегда тамъ. Но онъ не терялъ изъ виду прежнихъ своихъ намѣреній и отсутствіе изъ Варшавы не считалъ препятствіемъ для успѣха. Напротивъ, безпрестанные разъѣзды, сношеніе по должности съ множествомъ разнаго рода людей доставляло ему неожиданные благопріятные случаи. Онъ ими пользовался, и въ 1820 году съ помощію и по совѣту Лаговскаго, также часто бывавшаго въ семъ краѣ, положилъ начало своему Обществу на основаніяхъ, ниже сего описанныхъ.

Не зная расположенія умовъ, не зная, возможно ли будетъ распространить Общество въ настоящемъ видѣ онаго, Маѣвскій, равно и Лаговскій, ибо послѣдній съ сего времени является всегдашнимъ Совѣтникомъ и руководителемъ перваго, рѣшились таить свою истинную цѣль подъ благовиднымъ покровомъ намѣреній человѣколюбія; потому Общество свое наименовали **Благотворительнымъ**. Но сіе названіе не долго было въ употребленіи, вскорѣ Члены начали именовать себя **Темпліерами**, а прежнее имя оставлено для первой степени, и особенно для тѣхъ изъ принимаемыхъ, коихъ свойства и правила были начальникамъ не довольно извѣстны. Отъ сего произошло, что многіе Члены знали оное подъ симъ только именемъ.

Кандидатамъ объявляли, что цѣль Общества есть: благотвореніе, исполненіе обязанностей нравственности и законовъ добродѣтелей. Въ присягѣ они обѣщали сообразоваться въ точности съ правилами Общества, не открывать тайнъ его, всѣмъ жертвовать отечеству, проливать кровь для защиты онаго, стоять на полѣ битвы одному противъ трехъ.—Та же присяга обязывала ихъ не обольщать ни женъ, ни дочерей другихъ Членовъ Сообщества, и буде одинъ поручитъ другому опеку надъ дѣтьми своими, то исправлять сію должность добросовѣстно и съ человѣколюбіемъ. Наконецъ, имъ было предписано считать все Общество своимъ семействомъ и стараться возвращать къ добродѣтели заблуждающихся Членовъ [1]).

Обряды, особенно для вступленій, были установлены такіе, чтобы заставить думать, будто Общество существуетъ съ весьма давнихъ временъ. Маѣвскій показываетъ, что Лаговскій для сочиненія оныхъ справлялся съ разными Масонскими книгами, съ однимъ сочиненіемъ о **Рыцаряхъ храма**, соображаясь, однако же и съ тѣмъ, что онъ, Маѣвскій, ему разсказывалъ о своемъ принятіи въ Эдинбургскую ложу. Вступающій долженъ былъ принести Обществу въ даръ, по крайней мѣрѣ, 100 злотыхъ на благотворительныя дѣла.

Прежде еще образованія Общества многіе уже были приняты въ оное Маѣвскимъ. Число Членовъ увеличилось въ большія въ Кіевѣ въ Генварѣ 1821 года два Собранія; въ послѣднемъ избраны Верховные Сановники Общества [2]). Но симъ выборомъ по большей части возложены только имена; весьма немногіе исправляли въ самомъ дѣлѣ назначенныя имъ должности; въ Августѣ того же года были два засѣданія въ Бердичевѣ.—Въ первомъ приняты между прочими Графъ Петръ Мошинскій, во второмъ, которое было гораздо многочисленнѣе, Собанскій. Въ семъ засѣданіи Карвицкій предложилъ соединить Патріотическое Общество съ Темпліерами. Но сіе предложеніе, поддерживаемое Мошинскимъ, Цишевскимъ и Пуласскимъ, которые только что вступили въ Патріотическое Общество, было отвергаемо Тишковскимъ и Маѣвскимъ. Сей послѣдній утверждалъ, что Общество Темпліеровъ, имѣя отрасли въ разныхъ земляхъ, будучи распространено и въ Бѣлоруссіи, и въ Малороссіи, столь велико, столь сильно, что не имѣетъ нужды соединяться съ другимъ. Слѣдствіемъ доказано, что все сіе было не справедливо и что Общество Темпліеровъ никогда не имѣло отраслей въ означенныхъ Областяхъ Имперіи; но Члены разныхъ Тайныхъ Обществъ считали себя вправѣ обманывать другъ друга, когда находили въ томъ выгоду. Предложеніе Карвицкаго осталось на сей разъ безъ дѣйствія, но приняло другое: учредить двѣ нижнія степени для испытанія тамъ, чтобы прежняя первая была уже третьею. Изъ присяги сихъ новоустановленныхъ степеней исключены слова: **обязывалась жертвовать всѣмъ Обществу, проливать за него кровь свою и не отступать и предъ тремя непріятелями на полѣ битвы.** Положили, сверхъ того, въ каждой Губерніи завести ложу изъ 12 Членовъ. Для сего назначены **Намѣстниками или Предсѣдателями сихъ ложъ**: въ Волынскую губернію Карвицкій, въ Подольскую Мошинскій, въ Кіевскую Пуласскій вмѣстѣ съ Цишевскимъ. Слѣдственнымъ Комитетомъ открыто, что изъ сихъ ложъ существовали въ самомъ дѣлѣ

---

[1]) Сіе клятвенное обѣщаніе сочинено Лаговскимъ; въономъ видна отличительная черта его характера, какое-то расположеніе къ мистическому нравоученію.

[2]) Маѣвскій наименованъ Великимъ Магистромъ Темпліеровъ, Станиславъ Карвицкій заступающимъ мѣсто Великаго Магистра, Лаговскій Великимъ Ораторомъ, Пуласскій Великимъ Намѣстникомъ, Цишевскій Великимъ Судьсю, Загорскій Великимъ Обознымъ, Карпинскій Великимъ Секретаремъ.

только двѣ, одна въ Житомирѣ подъ управленіемъ Карвицкаго, другая въ Подоліи подъ начальствомъ Мошинскаго.

Между тѣмъ, около сего времени многіе изъ Темпліеровъ приняты въ Патріотическое Общество, а равнымъ образомъ и нѣкоторые изъ Членовъ сего Общества вступили въ Темпліеры.

Пренія и ссоры долженствовали быть послѣдствіемъ такого смѣшенія людей съ различными видами и побужденіями; оныя вскорѣ начались. Главные Члены Общества Темпліеровъ принадлежали и къ Обществу Патріотическому. Маѣвскій сталъ бояться, чтобы сіе послѣднее не овладѣло совершенно тѣмъ, которое онъ основалъ, и чтобы Темпліеры не обратились въ нижнюю степень или ложу для испытаній. Дабы противодѣйствовать сему, онъ, во всякомъ случаѣ превознося свое Общество, твердя о его силахъ, старался унижать Общество Патріотическое. Тогда ему была еще неизвѣстна истинная цѣль онаго; онъ однако же угадывалъ, что сія цѣль могла быть не иная, какъ политическая и потому говорилъ, что сіе Общество есть враждебное Правительству и долженствуетъ навлечь гоненіе на Членовъ. Съ другой стороны, Тарновскій, вступивъ въ Темпліеры, находилъ мистическіе обряды ихъ смѣшными, опровергалъ увѣренія Маевскаго и всячески препятствовалъ распространенію его сообщества. Замѣчая сіе несогласіе въ мнѣніяхъ и намѣреніяхъ, Станиславъ Карвицкій, будучи отъ природы боязливъ или, какъ онъ самъ себя называетъ, трусъ, началъ ужасаться политической цѣли Патріотическаго Общества, въ которое онъ только что вступилъ, и рѣшился возобновить старанія для соединенія Обществъ или, чего онъ желалъ наиболѣе, для того, чтобы подчинить совершенно Патріотическое Общество Темпліерамъ. Тарновскаго сія мысль доводила до бѣшенства; онъ всѣми силами противился принятію оной; съ нимъ соглашался Князь Антонъ Яблоновскій, который считалъ соединеніе потому невозможнымъ, что исключительною цѣлью Общества Патріотическаго было возстановленіе и независимость Польши, а Темпліеры могли со временемъ назначить себѣ другую, обширнѣйшую. Старанія Карвицкаго и въ семъ случаѣ были безуспѣшны.

Но отъ сихъ продолжительныхъ споровъ необходимо должны были родиться неудовольствія, даже зложелательство между людьми, коихъ мнѣнія были столь несходны. Дошло до того, что важнѣйшіе изъ Темпліеровъ, особливо Намѣстники, будучи всѣ Членами Общества Патріотическаго и мучая безпрестанными ссорами, стали грозить, что совсѣмъ оставятъ свое прежнее Сообщество, тѣмъ болѣе, что мистицизмъ онаго имъ часъ отъ часу менѣе нравился, а къ Патріотическому ихъ влекла политическая ея цѣль, всегда заманчивая для умовъ безпокойныхъ. Маѣвскій, видя, что Общество, имъ основанное, готово разрушиться и, не зная, чѣмъ остановить его паденіе, вздумалъ къ существовавшимъ дотолѣ тремъ степенямъ прибавить четвертую, въ которой—говорилъ онъ—Члены Общества Темпліеровъ найдутъ, то, чего они ищутъ въ Патріотическомъ, слѣдственно не захотятъ уже разстаться съ первымъ. Мысль учредить сію четвертую степень приведена въ дѣйствіе; но предназначеніе оной, какъ видно, никогда не было съ совершенною точностью опредѣлено. Изъ всѣхъ показаній о Сообществѣ Темпліеровъ самыя несогласныя суть тѣ, кои относятся къ сему обстоятельству. Маѣвскій, который, по своимъ собственнымъ словамъ о 4-й степени, что Темпліеры въ ней найдутъ то, чего они искали въ Обществѣ Патріотическомъ, сначала призналъ, что, слѣдственно, главная цѣль сего Общества — соединеніе всѣхъ частей прежней Польши — сдѣлалась также и цѣлью Темпліеровъ, притомъ утверждалъ и неоднократно, что сіе заключеніе было бы несправедливо, что цѣль установленной имъ 4-й степени была совсѣмъ не та.

Мошинскій былъ въ обоихъ Обществахъ и, слѣдовательно, не имѣя причины скрывать, что вышеозначенная цѣль была принята и Темпліерами, также сначала объявилъ, что о сей цѣли знали Члены 4-й степени, и потомъ также перемѣнилъ свое показаніе, утверждая, что сія степень принадлежала къ однимъ обрядамъ и тайнамъ Массонства; прежде онъ сказалъ иное единственно по ошибкѣ, не вспомня вдругъ съ надлежащею точностію, въ чемъ разнствовали цѣли двухъ Сообществъ, коихъ онъ былъ Членомъ.

Станиславъ Карецкій, подтверждая сіе показаніе, увѣрятъ, что 4-я степень Темпліеровъ не имѣла ничего сходнаго съ Обществомъ Патріотическимъ, что она просто Массонская и не что иное, какъ степень 33-я Массонства Французскаго.

Лаговской говоритъ, что онъ не участвовалъ въ установленіи сей 4-й степени, даже не зналъ объ ней. Цишевскій же утверждаетъ, что въ сей степени предписывалось жертвовать имуществомъ и жизнью для возстановленія Отечества; а Казимиръ Пуласскій объявилъ, что послѣ учрежденія двухъ первыхъ нижнихъ степеней онъ слышалъ, будто въ числѣ обязанностей Членовъ есть и соблюденіе духа и чувства народнаго; но ему неизвѣстно, открытіемъ ли сей цѣли означалось принятіе въ 4-ю степень.

Сличивъ сіи разныя показанія, сообразивъ оныя съ тогдашними обстоятельствами и съ другими во время слѣдствія собранными свѣдѣніями, кажется, невозможно согласить противорѣчія и симъ разрѣшить вопросъ, имѣло ли Общество Тем-

ліеровъ цѣль политическую? Доказано, что Маѣвскій узналъ съ точностью объ истинномъ назначеніи Патріотическаго Общества только въ 1825 году; слѣдовательно, онъ не могъ въ 1822 сообщать другимъ, чего еще и самъ не зналъ; онъ не имѣлъ въ томъ и нужды, ибо вступившіе тогда въ 4 степень Темпліеровъ, то есть Намѣстники, всѣ были Членами Патріотическаго Общества; слѣдственно, цѣль онаго была имъ самимъ гораздо болѣе извѣстна. Все объясняется тѣмъ, что сія 4 степень соотвѣтствовала 33 степени Массонства Французскаго; а изъ признаній Станислава Карвицкаго, который вступилъ въ оную въ Парижѣ, массонъ 33 степени принималъ на себя съ именемъ Темпліера обязанность помогать всякому народу, воюющему за свою независимость. Сіе обѣщаніе могло относится и къ Польшѣ, но не къ ней исключительно, какъ въ Обществѣ Патріотическомъ. Слѣдственно, Маѣвскій, подозрѣвая виды сего Общества, имѣлъ право сказать, что въ 4 степени Общества Темпліеровъ Члены найдутъ то, чего они ищутъ въ другомъ; но изъ сего нельзя еще съ основательностью заключить, чтобы цѣль Патріотическаго Общества была принята Темпліерами, ибо въ сіе время Польша не сражалась за свою независимость, а Темпліеры не обязывались возбуждать войны сего рода посредствомъ революцій.

Едва лишь удалось Маѣвскому спасти свое Общество отъ разрушенія и соединенія съ Обществомъ Патріотическимъ, какъ стала ему грозить новая опасность: намѣреніе измѣнить совершенно и образованіе и даже отчасти предназначеніе Общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишить основателя способовъ управлять имъ сообразно съ своими видами.

Въ 1822 году, послѣ описанныхъ выше засѣданій Общества Темпліеровъ, Члены онаго, принадлежащіе къ Намѣстничеству Графа Петра Мошинскаго, и въ томъ числѣ Цишевскій, собирались два раза у своего Намѣстника и разсуждали о средствахъ распространить Общество, дать ему болѣе силы и дѣятельности. Всѣ вообще находили, что Маѣвскій не имѣлъ нужныхъ для управленія способностей и что для введенія недостающаго въ ономъ единства необходимо составить новые Статуты. Мошинскій сообщилъ свои на счетъ сей мысли Цишевскому, а сей послѣдній сочинилъ проектъ образованія, по коему Общество Темпліеровъ долженствовало состоять изъ прежнихъ 4 степеней. Въ первой поступающимъ предписывалась любовь къ ближнему и взаимное вспоможеніе; во второй обязанность соблюдать народный духъ и чувство; въ третьей напоминали вообще о долгѣ любить Отечество; наконецъ, въ четвертой Темпліеръ объявлялъ, что весь принадлежитъ своему родному краю и готовъ, если нужно, жертвовать ему всѣмъ. Цишевскій въ сіе время былъ уже Членомъ Патріотическаго Общества и, соображаясь съ Уставомъ онаго, написалъ Проектъ Устава для Темпліеровъ. По сему проекту слѣдовало ввести и между ими постепенность во властяхъ для управленія Обществомъ, учредивъ Верховный Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ Великаго Магистра, Комитеты Провинціальные, Намѣстничества и Округи. При каждомъ изъ сихъ Начальствъ должны были находиться разъѣздники для сношеній съ другими Начальствами, а въ Губернскихъ городахъ Прокуроры для наблюденія за безопасностью какъ всего Общества, такъ и всякаго Члена въ особенности. Свѣдѣнія отъ нихъ долженствовали быть присылаемы чрезъ разъѣздниковъ.

Въ томъ же году Цишевскій, собравъ у Пуласскаго трехъ другихъ Членовъ — Станислава Карвицкаго, Маѣвскаго и Тишковскаго, показалъ имъ свой проектъ образованія; всѣ одобрили его и однакожъ оный не сдѣлался Уставомъ Общества. Маѣвскій, видя, что у него отнимаютъ большую часть присвоенной имъ власти, потребовалъ проектъ къ себѣ будто бы для разсмотрѣнія, а потомъ самовольно уничтожилъ его, какъ несогласный съ коренными правилами Общества Темпліеровъ.

Въ семъ положеніи оставалось все до конца 1822 года и между тѣмъ приняты лишь не многіе и незначущіе Члены. Патріотическое Общество Провинцій Волынской, Подольской и Кіевской также очень мало дѣйствовало. Члены обоихъ Обществъ слышали, что въ Варшавѣ взяты нѣкоторые люди подъ стражу и сіе возбудило въ нихъ боязнь, которая еще увеличилась, когда Графъ Викторъ Оссолинскій въ 1823 году сообщилъ Мошинскому предписаніе не принимать никого вновь и вообще наблюдать крайнюю осторожность. Боязнь ихъ была не безъ основанія; мѣры, которыя тогда приняты въ Варшавѣ, точно имѣли цѣлью открытіе Патріотическаго Общества и принадлежатъ къ Исторіи онаго.

Съ того времени, какъ Центральный Комитетъ началъ посредствомъ разосланныхъ имъ повѣренныхъ распространять сіе Общество въ Литвѣ и другихъ Россійско-Польскихъ областяхъ, Общество имѣло нѣкоторые успѣхи и въ Царствѣ Польскомъ и хотя изъ вступившихъ въ оное Членовъ большая часть была ничтожныхъ, неимѣвшихъ впослѣдствіи никакихъ сношеній съ Сообществомъ, но за то были и такіе, которые своею дѣятельностью замѣняли другихъ или нелюбившихъ сего рода Сообществъ или предчувствовавшихъ опасность, коей они подверглись бы, участвуя въ предпріятіяхъ онаго.

Бывшій Подполковникъ Доброгойскій, посланный Лукасинскимъ для распространенія Общества въ Калишѣ, былъ въ семъ городѣ многими хорошо принятъ, а

въ Начальникѣ Контроля кассы Воеводства Добржицкомъ нашелъ ревностнаго пособника, который съ жаромъ присталъ къ Обществу и взялся содѣйствовать Доброгойскому. Кощуцкій, бывшій прежде студентомъ въ Бреславскомъ Университетѣ, а послѣ Ассессоромъ въ Калишскомъ судѣ, также съ отмѣнною готовностью вступилъ въ Общество и сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ послѣдователей всѣхъ правилъ, онымъ предписанныхъ. Другое важнѣйшее лице, отставной Маіоръ Махницкій, въ сіе же время является въ числѣ Членовъ Патріотическаго Общества. Онъ былъ товарищемъ и содѣйствователемъ Лукасинскаго въ заведеніи Національнаго Массонства, не показываясь въ ономъ открыто, такимъ же образомъ управляя и Капитуломъ онаго и Комитетомъ, который послѣ разрушенія сего Массонства не переставалъ быть дѣятельнымъ; онъ тогда же замыслилъ положить основаніе новому Тайному Обществу. Не бывъ въ Варшавѣ, когда отставной Генералъ Уминскій пріѣзжалъ для учрежденія Патріотическаго Общества, Махницкій по возвращеніи узналъ обо всемъ отъ Лукасинскаго и, какъ сей послѣдній показываетъ, одобрилъ все, присталъ къ нимъ, не скупился ни на совѣты, ни на возбужденія. Во Временномъ Центральномъ Комитетѣ было свободное мѣсто за отъѣздомъ Собанскаго, отправленнаго въ Россійско-Польскія Губерніи для распространенія Общества. Положено Махницкому заступить его; однако же онъ, не измѣняя избраннаго имъ прежде осторожнаго, почти отъ всѣхъ сокрываемаго хода, продолжалъ дѣйствовать лишь въ тайнѣ и очень рѣдко являлся въ засѣданіяхъ Комитета.

Число Членовъ Патріотическаго Общества въ Царствѣ Польскомъ увеличилось, во оное было составлено изъ людей малозначущихъ, не имѣло ни силъ, ни вліянія. Тѣ между ими, кои болѣе другихъ желали успѣха замышляемымъ предпріятіямъ, сами чувствовали, что въ семъ состояніи онъ не возможенъ, что Общество не имѣетъ ни твердости, ни единства, и Лукасинскій, коему было поручено распространять оное въ войскѣ, признавался, что его внушенія не производили никакого впечатлѣнія на Генераловъ, даже на Полковниковъ. Обманывая на сей счетъ прочихъ членовъ, главные старались увѣрить ихъ, что прежде бывшіе въ Польской службѣ отличные Офицеры принадлежатъ къ ихъ обществу; однакожъ чувствовали, что симъ они не долго могутъ ослѣплять и самыхъ легкомысленныхъ и возвышать въ мнѣніи такое Сообщество, которое по свойству Членовъ своихъ не имѣло никакихъ правъ на довѣренность. Всѣхъ болѣе былъ въ семъ убѣжденъ Махницкій; и по способностямъ своимъ, и по опытности, онъ лучше другихъ могъ судить, каковы люди, изъ коихъ составлялось Общество, и первый началъ думать о средствахъ дать оному въ Начальники человѣка съ извѣстностью въ свѣтѣ, такого, чтобъ имя его могло возбудить надежды и привлечь послѣдователей. Прежде всѣхъ мысли его представился Генералъ Княжевичъ; Махницкій объявилъ Сочленамъ, что, если онъ (Княжевичъ) или, въ случаѣ его отказа, хоть Генералъ Косинскій [1]) не примутъ начальства надъ Обществомъ, то оно не можетъ и существовать далѣе. Хотя во Временномъ Центральномъ Комитетѣ иные спорили съ Махницкимъ, однакожъ онъ рѣшился сдѣлать предложеніе Генералу Княжевичу, который, давно оставя службу, живетъ въ Дрезденѣ. Для сего онъ избралъ одного Павликовскаго и, принявъ его вмѣстѣ съ Лукасинскимъ въ Общество, объявилъ ему, на что онъ предназначенъ. Павликовскій жилъ пронырствомъ, и какъ скоро узналъ намѣреніе Махницкаго, онъ сталъ утверждать, что пользуется довѣренностью Генерала Княжевича; ему дали денегъ на дорогу и онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Дрезденъ, но вмѣсто того, доѣхалъ лишь до Познани, написалъ оттуда, что онъ исполнилъ данное ему порученіе: только Генералъ Княжевичъ, не видя документа въ подтвержденіе истины словъ его, не захотѣлъ вступить съ нимъ въ переговоры. При семъ Павликовскій требовалъ новыхъ наставленій, особливо же новой суммы денегъ и получилъ ее. Подобными обманами онъ еще нѣсколько времени льстилъ ожиданіямъ легковѣрныхъ Членовъ Общества. Хотя имъ и не было представлено никакихъ доказательствъ, что Павликовскій въ самомъ дѣлѣ имѣлъ свиданіе съ Генераломъ Княжевичемъ; хотя даже многіе и сомнѣвались въ томъ, но, чтобы возвышать свое Общество въ мнѣніи, не стыдясь, говорили или что Генералъ Княжевичъ Начальникъ онаго, или что онъ предсѣдатель заграничнаго Главноуправляющаго Комитета, коего цѣль и сношенія столь важны, что ихъ необходимо хранить въ величайшей тайнѣ. Слѣдствіемъ обнаружена совершенная лживость сихъ увѣреній и тѣ самые, которые распространяли между своими товарищами сіи слухи о Генералѣ Княжевичѣ, объявили въ признаніяхъ, что все ими на сей счетъ сказано безъ малѣйшаго основанія, что онъ, вѣроятно, не зналъ о существованіи Общества, въ которомъ его провозглашали главою и что сдѣланныя будто бы ему предложенія были ничто оное, какъ выдумка Павликовскаго, который симъ старался выманить у Общества болѣе денегъ.

Какъ ни таинственны были дѣйствія сего Общества, однакоже не могли всегда избѣгать бдительнаго надзора правительства. Извѣстія, изъ разныхъ мѣстъ полученныя, даже и показанія, хотя еще не полныя, нѣкоторыхъ, благоразуміемъ или рас-

---

[1]) Нынѣ уже умершій.

каянiемъ побужденныхъ, Членовъ, не дозволяли сомнѣваться, что есть тайное Общество съ опредѣленною политическою цѣлью, что оно въ безпрестанномъ движенiи и умножаетъ число соумышленниковъ. Вслѣдствiе сего усилена дѣятельность въ изысканiяхъ, взяты подъ стражу Лукасинскiй, Махницкiй, Доброгойскiй, Добржицкiй, Адвокатъ Шредеръ, Кошицкiй и нѣсколько другихъ менѣе значившихъ въ Обществѣ Членовъ. Наряженъ Слѣдственный Комитетъ для совершеннаго открытiя кова, коего одна отрасль была уже обнаружена.

Сiи мѣры, доказавъ, что существованiе Тайнаго Общества извѣстно, привели въ ужасъ всѣхъ Членовъ онаго. Не зная, не будутъ ли они вскорѣ раздѣлять судьбу взятыхъ подъ стражу товарищей, опасаясь дать къ тому поводъ малѣйшею неосторожностью, они убѣгали другъ отъ друга и, развѣ случайно встрѣчаясь, дозволяли себѣ сказать мимоходомъ нѣсколько словъ о своемъ Сообществѣ. Сiе продолжалось до 1823 года. Временный Центральный Комитетъ уже не существовалъ; изъ Членовъ онаго главные были подъ стражею, иные въ отсутствiи по дѣламъ службы или своимъ, прочiе въ страхѣ. Что касается до тѣхъ, которые, вступивъ въ Общество, единственно по сему считались принадлежащими къ оному, они не могли имѣть желанiя дѣйствовать больше прежняго, чувствуя, что и такъ уже подвергли себя опасности. Однимъ словомъ, Общество въ Царствѣ Польскомъ было совершенно безъ движенiя и готово разрушиться. Но, видя, что не сбывается то, что они опасались всего болѣе, то есть быть взятыми подъ стражу, видя, что слѣдствiе продолжается, не касаясь до нихъ. они стали покойнѣе; время мало—по—малу изгладило первыя впечатлѣнiя страха, и ревностнѣйшiе Члены, не боясь уже за себя, и какъ видно, полагаясь на скромность допрашиваемыхъ, осмѣлились, однако же, съ необыкновенными предосторожностями заняться снова дѣлами Общества. Они не имѣли установленныхъ засѣданiй; совѣщанiя начинались, когда случайно два или три Члена встрѣчались на какомъ нибудь гуляньѣ, всего чаще въ Королевскомъ саду. На сихъ совѣщанiяхъ разсуждали единственно о мѣрахъ для препятствiя дальнѣйшимъ открытiямъ Правительства: тогда положено сообщить и Волынскому Провинцiальному Совѣту, чтобъ тамъ не набирали новыхъ Членовъ.

Въ Царствѣ Польскомъ были въ сiе время дѣятельны только Подполковникъ Крыжановскiй, Князь Антонъ Яблоновскiй, Референдарiй Гржимала и Секретарь Плихта. Къ симъ присоединились Сенаторъ и Кастелланъ Графъ Станиславъ Солтыкъ, который далъ знать Гржималѣ, что принадлежитъ къ Обществу. По слѣдствiю не открыто, кѣмъ онъ былъ принятъ; самъ онъ утверждаетъ, что его никто не принималъ; и сего показанiя нельзя назвать невѣроятнымъ, ибо извѣстно, что въ Обществѣ не было никакихъ знаковъ, по коимъ Члены могли бы узнавать другъ друга; что они по изъявленному въ разговорахъ образу мыслей, когда онъ былъ сходенъ съ ихъ мыслями и правилами, заключали, принадлежитъ ли кто къ ихъ Сообществу и отъ такихъ ничего не скрывали. Подобнымъ сему случаемъ, какъ видно, и Графъ Солтыкъ и многiе другiе узнали о тайнахъ Общества. Какъ бы то ни было, но присоединенiе такого Члена долженствовало обрадовать главныхъ въ Обществѣ дѣйствователей. Въ немъ, наконецъ, они находили человѣка съ многолѣтней опытностью [1]), прiобрѣтенною въ исправленiи разныхъ государственныхъ должностей, и съ именемъ, которое могло внушить довѣренность. Спѣшили симъ воспользоваться, и вскорѣ потомъ Гржимала и Плихта предложили ему быть Начальникомъ Варшавской провинцiи, слѣдственно, главою Общества. Графъ Солтыкъ принялъ ихъ предложенiе и съ сего времени былъ постоянно признаваемъ за начальника всего Патрiотическаго Общества.

Въ нѣкоторомъ отношенiи онъ въ самомъ дѣлѣ былъ главою и руководителемъ онаго. Собранiя Членовъ съ тѣхъ поръ бывали всегда у него и обыкновенно онъ предсѣдательствовалъ на совѣщанiяхъ. Крыжановскiй и Князь Яблоновскiй, которые иногда дѣйствовали безъ предписанiй, всегда, однако же, давали ему отчетъ во всемъ ими сдѣланномъ и совѣтовались какъ продолжать начатое. Сiи собранiя впослѣдствiи названы Верховнымъ Совѣтомъ Общества; хотя никто не думалъ вручать имъ такую власть, но она сама собою сосредоточивалась въ семъ Совѣтѣ; ибо отселѣ не въ Обществѣ и дѣлалось, и предпринималось по направленiю онаго. Члены, о коихъ сказано выше, что они одни остались дѣйствующими, составляли сей совѣтъ; однако же, не всѣ принимали равное участiе въ управленiи Общества. Истинными правителями были: Графъ Солтыкъ, Князь Антонъ Яблоновскiй и Подполковникъ Крыжановскiй; ихъ не возводили въ сiе званiе, но оно принадлежало имъ: Графу Солтыку за тѣмъ, что его считали необходимымъ, а двумъ другимъ потому, что они были предпрiимчивѣе и дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ. Вскорѣ явились новыя доказательства предпрiимчивости сихъ Членовъ.

Во все время своего существованiя прежнiй Центральный Комитетъ Патрiотическаго Общества занимался единственно средствами распространять оное и разсужденiемъ о Статутахъ для его образованiя. Намѣренiемъ сего Комитета было только соединить Поляковъ узами народнаго чувства, предоставля времени

[1]) Ему слишкомъ 80 лѣтъ.

произвести обстоятельства, въ коихъ Общество могло бы достигнуть своей настоящей цѣли, то есть совокупить и сдѣлать независимыми всѣ части прежней Польши. Но заступившій мѣсто его Совѣтъ едва принялъ, безъ вѣдома самого Общества, главное надъ онымъ управленіе, какъ началъ простирать свои дерзостныя замыслы гораздо далѣе и, считая, что обстоятельства уже благопріятствуютъ ему, спѣшилъ воспользоваться ими для приведенія въ дѣйствіе своихъ разрушительныхъ плановъ.

Оссолинскій и Князь Антонъ Яблоновскій бывали иногда для своихъ дѣлъ въ Волынской Губерніи и въ Кіевѣ. Въ 1823 году они замѣтили между Офицерами находившихся тамъ войскъ неудовольствіе, которое они безъ малѣйшей осторожности изъявили въ рѣчахъ самыхъ нескромныхъ и при множествѣ свидѣтелей. Иные говорили даже, что нынѣшній порядокъ не можетъ продолжаться; при томъ носились неясные слухи о Тайномъ Обществѣ, составившимся для измѣненія образа Правленія въ Россіи.

Сіи слухи, достигнувъ Варшавы, возбудили вниманіе Членовъ такъ называемаго Верховнаго Совѣта Патріотическаго Общества. Зная, что цѣль Русскаго Тайнаго Общества не иначе можетъ быть достигнута, какъ посредствомъ революціи, они въ мятежахъ, угрожавшихъ Россіи, видѣли одинъ благопріятный случай для исполненія своихъ собственныхъ намѣреній и думали воспользоваться или пособіемъ Общества, которое замышляло перемѣну въ Имперіи, или долженствовавшими произойти отъ сего безпорядками. И такъ между Крыжановскимъ, Княземъ Яблоновскимъ и Графомъ Солтыкомъ положено узнать вѣрнѣе о цѣли и силахъ Русскаго Общества, а, буде можно, и войти съ онымъ въ сношеніе.

Съ своей стороны, сіе Общество, извѣстясь о существованіи Польскаго, желало имѣть точнѣйшее свѣдѣніе о силѣ и свойствѣ онаго, чтобы дѣйствовать съ нимъ за-одно, если предназначенія ихъ сходны или, въ противномъ случаѣ, стараться устранить препятствія, которыя могли бы возникнуть отъ несогласія въ видахъ.

Для сего въ 1823-мъ году Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ обратились къ Графу Александру Ходкевичу, прося его ввести ихъ въ сношенія съ Обществомъ Польскимъ. Ходкевичъ не принадлежалъ къ Обществу, но, зная намѣренія и дѣйствія нѣкоторыхъ Членовъ онаго, обѣщался быть посредникомъ и далъ вышеозначеннымъ Депутатамъ Русскаго Общества письмо къ Графу Карлу Презору, жившему тогда въ своихъ деревняхъ Минской губерніи. Однако же, вскорѣ потомъ потребовалъ письмо назадъ, сказавъ, что Членъ Польскаго Общества долженъ быть тѣмъ же лѣтомъ въ Бобруйскѣ, гдѣ стояла 9-я пѣхотная дивизія, въ которой служили Муравьевъ и Бестужевъ. Сей Членъ не явился, но Ходкевичъ увѣрялъ, что Депутатъ Общества будетъ непремѣнно въ Кіевѣ на контракты 1824 года, и сіе обѣщаніе исполнилось. Крыжановскій прибылъ въ Кіевъ въ назначенное время.

На пути онъ заѣзжалъ въ Млыновъ для того, какъ онъ утверждаетъ, чтобы познакомиться съ Графинею Ходкевичъ. Мужъ ея разсказалъ ему слышанное о Русскомъ Обществѣ отъ Муравьева и Бестужева, а Крыжановскій изъявилъ желаніе войти въ сношенія съ ними. Ходкевичъ обѣщалъ доставить къ тому случай, какъ скоро они пріѣдутъ въ Кіевъ. Ходкевичъ признается, что Бестужевъ говорилъ ему: „Въ Россіи есть сообщество людей, положившихъ себѣ цѣлью искоренять злоупотребленія въ Правленіи“. Но, запираясь во всемъ прочемъ, выше сего означенномъ, утверждаетъ, что, знакомя Бестужева и Муравьева съ Крыжановскимъ, онъ и не зналъ о принадлежности сего послѣдняго къ Патріотическому Обществу. Однако же, совершенное согласіе сихъ показаній, повторенныхъ ими безъ перемѣнъ и на очныхъ съ Ходкевичемъ ставкахъ, не дозволяютъ сомнѣваться въ истинѣ оныхъ, тѣмъ болѣе, что для нихъ не было никакой выгоды лживо описывать обстоятельства, кои во всякомъ случаѣ не могли служить ни къ отягощенію, ни къ облегченію ихъ собственной вины.

Впрочемъ, по какимъ бы то ни было побужденіямъ со стороны Графа Ходкевича, но Бестужевъ и Муравьевъ, какъ сіе слѣдствіемъ доказано, имѣли первое свиданіе съ Крыжановскимъ и у него въ Кіевѣ, и тутъ же положено было на другой день собраться у Крыжановскаго. Онъ спѣшилъ имъ объявить, что не имѣетъ ни полномочія, даже иного права заключать съ ними какія—либо окончательныя условія; что цѣль его есть установить между обоими Обществами дружественныя сношенія и связи, дабы дать имъ способы приступить къ взаимному соглашенію [1].

Муравьевъ и Бестужевъ съ своей стороны изъявляли тѣ же намѣренія и правила; первый прибавилъ, что „чувства народной ненависти, родившіяся во времена варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда извѣстно, что пользы всѣхъ народовъ однѣ и тѣ же, что на семъ основаніи Русское Общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способ-

---

[1]) Крыжановскій утверждаетъ, что онъ Депутатамъ Русскаго Общества говорилъ: „Теперь въ Польшѣ отъ Обществъ остались однѣ развалины“. Бестужевъ и Муравьевъ показали, что не помнятъ сего, признавая. однако же, что Крыжановскій, видимо, не хотѣлъ разсказывать имъ о своемъ Обществѣ подробно.

ствовать къ искорененію взаимной нелюбви двухъ Націй". Крыжановскій отвѣчалъ, что „Депутаты Общества Русскаго, а можетъ быть и онъ самъ, выше сего предразсудка, но что отъ обстоятельствъ сей предразсудокъ сдѣлался всеобщимъ и не скоро будетъ можно уговорить Поляковъ войти въ связь съ Русскими и оказывать имъ довѣренность, что, впрочемъ, хорошо бы помогать Полякамъ въ дѣлахъ, для коихъ они бываютъ въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ".

Депутаты Русскаго Общества просили, чтобы Польское не допустило Литовскій Корпусъ противиться ихъ предпріятіямъ. Крыжановскій сказалъ, что ежели сей Корпусъ объявитъ себя на сторонѣ Государя Цесаревича, то Общество обезоружитъ его или инымъ способомъ принудитъ къ бездѣйствію [1]).

Когда же стали говорить что при началѣ революціи Общество Польское должно дѣйствовать вмѣстѣ съ Русскими, Крыжановскій замѣтилъ съ своей стороны, что, если условія ихъ будутъ утверждены обоюдными Обществами, то Польскому для своихъ собственныхъ выгодъ необходимо будетъ соображать свои дѣйствія съ Русскимъ, что лишь только надобно увѣдомить оное заблаговременно. Отъ сего родился вопросъ: когда Русское Общество приступитъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ? Бестужевъ полагалъ, что черезъ пять лѣтъ; Муравьевъ думалъ, напротивъ, что гораздо прежде.

Начались разсужденія о границахъ, которыя предназначали Польшѣ по совершеніи революціи; но Бестужевъ прервалъ ихъ, сказавъ, что сего рѣшить еще нельзя, что мнѣнія въ Русскомъ Обществѣ на сей счетъ несогласны, что есть даже Члены, требующіе неприкосновенности нынѣшнихъ предѣловъ Государства.

Депутаты Русскаго Общества спрашивали между прочимъ у Крыжановскаго, какой образъ правленія намѣрена ввести у себя Польша. Крыжановскій говорилъ, что „онъ не уполномоченъ отвѣчать на сіе, и не имѣетъ точнаго свѣдѣнія о мнѣніи своихъ Сочленовъ, ибо между ими никогда еще не было разсуждаемо о формѣ правленія". Бестужевъ, повторяя вопросъ, прибавилъ, что „Русское Общество не изъ одного любопытства хочетъ знать о видахъ Поляковъ въ семъ отношеніи; что цѣль онаго есть установленіе правленія Республиканскаго и что лучшимъ ручательствомъ въ согласіи обоюдныхъ Націй было бы сходство ихъ мнѣній о семъ важномъ предметѣ; что Польша, если она знаетъ истинныя пользы свои, должна вмѣстѣ съ Россіей дать себѣ образованіе, подобное Соединеннымъ Областямъ Сѣверной Америки".

Бестужевъ долго старался убѣдить Крыжановскаго, что необходимо Обществу Русскому сказать что-нибудь яснѣе. Крыжановскій, не зная, какъ отвѣтить, замѣтилъ Бестужеву, что онъ слишкомъ горячится. „Безъ восторга,—возразилъ Бестужевъ — нельзя сдѣлать ничего великаго".

Депутаты Русскаго Общества, наконецъ, приступили къ тому, что, по собственному признанію ихъ, они считали главнымъ въ семъ совѣщаніи, къ изъявленію желанія своихъ сообщниковъ обязать Поляковъ всѣми какого—либо рода средствами препятствовать Государю Цесаревичу возвратиться въ Россію для произведенія контръ-революціи. Если вѣрить Муравьеву, Крыжановскій сказалъ, что Поляки найдутъ средство не допустить Его Императорское Высочество въ Россію, тогда революціонныя движенія начнутся и что болѣе уже о семъ не говорили. По одному же изъ первыхъ показаній Бестужева, Крыжановскій отвѣчалъ, что еще ни одинъ Полякъ не обагрялся кровію своихъ Монарховъ. Потомъ сей Бестужевъ показывалъ, что отвѣтъ Крыжановскаго былъ слѣдующій: „буде положенному между нами, Общество своею властью дастъ силу договора, то, конечно, и сдѣлать все возможное для исполненія главнаго условія съ тѣмъ только, чтобы вы не требовали жизни Цесаревича". „Сергѣй Муравьевъ и я,—прибавилъ Бестужевъ,—мы сказали, что требуемъ только принятія мѣръ противъ возвращенія Цесаревича въ Россію для произведенія контръ-революціи".

Крыжановскій называетъ ложными всѣ сіи замыслы показанія; утверждаетъ, что, когда ему начали говорить о Его Императорскомъ Высочествѣ, то онъ отвѣчалъ: „Все, нами сказанное, не есть актъ, а лишь слова, которыя ни къ чему не обязываютъ". Бестужевъ также объявилъ, что Крыжановскій полагалъ до ратификаціи не считать ничего твердо постановленнымъ; но онъ симъ не отрекся отъ другихъ своихъ вышеприведенныхъ показаній, которыя даже и внесены имъ въ ту же самую бумагу.

При концѣ совѣщанія Крыжановскій просилъ Депутатовъ Русскаго Общества прекратить всякія политическія сношенія съ Графомъ Ходкевичемъ и на вопросы его о ихъ свиданіи отвѣчать, что они, поговоривъ, не могли ни въ чемъ согласиться. Сверхъ сего положили, чтобъ никому изъ прочихъ Членовъ Общества не знать депутатовъ другого, а назначить людей, съ коими Русскіе могли бы сноситься по дѣламъ своего и Польскаго Общества. Для сего Крыжановскій выбралъ Антона Чарковскаго, Члена Патріотическаго Общества и, не зная еще другого способнаго, по мнѣнію его, на сіе

---

[1]) Не говоря того ясно, Крыжановскій въ семъ случаѣ располагалъ Польскою Арміею, въ коей не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія и которой замыслы ему были до самаго конца неизвѣстны.

человѣка, поручилъ Ивашкѣвичу, также Члену Общества, найти кого-нибудь съ надлежащими для предполагаемыхъ переговоровъ свойствами. Ивашкѣвичъ обратился къ Гродецкому и, чтобъ уговорить его, ибо Гродецкій долго не соглашался, представлялъ ему, что отъ него Отечество требуетъ сей жертвы; что Депутаты Русскаго Тайнаго Общества „намѣрены открыть Полякамъ нѣчто весьма важное, могущее вести къ возстановленію Польши; что отъ Общества Варшавскаго присланъ Подполковникъ Крыжановскій для сношеній съ сими Депутатами, но что ему нельзя долго жить въ Кіевѣ, и слѣдственно, необходимо назначить другого достойнаго довѣренности человѣка для продолженія начатыхъ переговоровъ; что онъ, сверхъ правъ своихъ на уваженіе, и потому предпочтительно другому, долженъ быть избранъ, что по мѣсту своему обязанъ всегда жить въ Кіевѣ“.

Обольщенный сими словами, Гродецкій повѣрилъ Ивашкѣвичу, который его тотъ же день представилъ Крыжановскому. Сей послѣдній подтвердилъ Гродецкому, что ему поручается продолжать сношенія Патріотическаго Общества съ Муравьевымъ и Бестужевымъ, что онъ долженъ будетъ доставлять въ Варшаву получаемыя черезъ нихъ свѣдѣнія и потомъ ожидать разрѣшенія на вопросы, коихъ самъ разрѣшить не можетъ. Крыжановскій познакомилъ его съ депутатами Русскаго Общества; они вмѣстѣ положили, что, если Русскимъ будетъ нужно писать въ Варшаву по дѣламъ Общества, то Бестужевъ, вмѣсто подписи, будетъ ставить стихъ изъ трагедіи Танкредъ: Moi toujours eprouvè, moi qui suis mon ouvrage! а Муравьевъ: Vive la joie! Но сіи средства не были употребляемы. Антона Чарковскаго, также назначеннаго въ Повѣренные Польскаго Общества, тогда не было въ Кіевѣ; Крыжановскій не сообщилъ ему о семъ порученіи, и Чарковскій, не зная ничего, не могъ и думать объ исполненіи. Онъ однако же признается, что Ивашкѣвичъ говорилъ ему гораздо уже послѣ: „Ты назначенъ для сношеній съ Муравьевымъ и для полученія отъ него политическихъ свѣдѣній“, но притомъ утверждаетъ,что, не вѣря симъ словамъ, онъ не думалъ входить съ Муравьевымъ въ связи. Слѣдствіемъ не открыто никакихъ обстоятельствъ, по коимъ было можно полагать, что Чарковскій имѣлъ переговоры съ Членами Русскаго Общества. Бестужевъ въ 1825 году давалъ Князю Сергѣю Волконскому письмо на имя Чарковскаго, въ коемъ онъ просилъ сего послѣдняго имѣть къ Волконскому довѣренность; но оба доказали, что сіе письмо не было доставлено Чарковскому; Бестужевъ сверхъ того объявилъ именно,что Чарковскій не участвовалъ въ сношеніяхъ между Обществами.

Бестужевъ послѣ своего совѣщанія, даже послѣ отъѣзда Крыжановскаго изъ Кіева, написалъ проектъ договора, въ которомъ, кромѣ того, о чемъ они разсуждали, помѣстилъ нужныя, по мнѣнію его, для исполненія условій объясненія. Онъ отдалъ сей проектъ Юшневскому для представленія Тульчинской Думѣ. Многіе Члены Русскаго Общества считали сей проектъ за настоящій, заключенный съ Обществомъ Польскимъ, договоръ и такъ объ немъ показывали на допросахъ. Но слѣдствіемъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Варшавѣ, доказано противное. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ признаній своихъ Бестужевъ пишетъ, что **только два условія были рѣшительно постановлены въ переговорахъ съ Крыжановскимъ: 1) что Поляки употребятъ всѣ возможныя средства для воспрепятствованія Государю Цесаревичу возвратиться въ Россію, когда Русское Тайное Общество начнетъ открыто дѣйствовать; 2) что, буде Литовскій Корпусъ войскъ объявитъ себя на сторонѣ Его Императорскаго Высочества, то Поляки обязываются обезоружить оный или инымъ образомъ не допустить его противиться успѣхамъ Общества.** О прочихъ статьяхъ, говорилъ Бестужевъ, — разсуждали безъ наблюденія порядка; о нѣкоторыхъ лишь мимоходомъ и совсѣмъ не такъ, какъ бы должно при заключеніи окончательнаго договора. Въ томъ же показаніи Бестужевъ прибавляетъ, что „Крыжановскій выѣхалъ изъ Кіева немедленно послѣ совѣщаній ихъ; что уже послѣ отъѣзда его онъ, Бестужевъ, записалъ сказанное на сихъ совѣщаніяхъ, назвалъ свою бумагу Конвенціею и отдалъ ее Юшневскому; что Крыжановскій не видалъ сей бумаги, ибо никто не могъ ему показать ее“. Сіе подтвердилъ и Сергѣй Муравьевъ, а Юшневскій показалъ, что получилъ отъ Бестужева проектъ Конвенціи и, видя, что сей Актъ никѣмъ не подписанъ, онъ въ присутствіи многихъ Членовъ Русскаго Общества, бывшихъ тогда въ Кіевѣ, **истребилъ ее, какъ бумагу, которая только долженствовала замѣнить словесное извѣщеніе.**

Крыжановскій о переговорахъ своихъ сообщилъ Князю Яблоновскому; потомъ, возвратясь въ Варшаву, донесъ и Графу Солтыку.

Главные изъ Варшавскихъ Членовъ Патріотическаго Общества, хотя уже менѣе прежняго ужасались послѣдствій взятія нѣкоторыхъ товарищей ихъ подъ стражу, однако же еще были не совсѣмъ спокойны, не зная, чѣмъ окончится начатое дѣлопроизводство. Но въ сіе время всѣ ихъ опасенія миновались. Находившіеся подъ слѣдствіемъ ихъ сообщники оказали на допросахъ столько упорства, что открыта лишь часть составленнаго Обществомъ кова; наиболѣе уличенные: Лукасинскій, Доброгойскій, Добржицкій, Махницкій, Концуцкій и Шредеръ преданы суду; оный пригово-

рилъ только трехъ первыхъ къ наказаніямъ; прочихъ освободилъ за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ, однако же отдавъ подъ надзоръ полиціи. Что касается другихъ, Его Величество въ Бозѣ почивающій Императоръ и Царь Александръ 1-й, слѣдуя побужденіямъ Своего неистощимаго милосердія, даровалъ прощеніе всѣмъ, кои, бывъ Членами Общества, не принимали дѣятельнаго участія въ предпріятіяхъ онаго. Такимъ образомъ, сіе Общество въ цѣломъ составѣ своемъ на сей разъ еще не открыто. Но случившееся имѣло примѣтное вліяніе на бытіе и дѣйствія его впослѣдствіи. Бывшіе въономъ члены вступили почти всѣ безъ ревностнаго на то желанія, не зная точно, къ какой цѣли они должны стремиться; многіе, вѣроятно, и не согласились бы вступить, если бы сія цѣль была имъ заранѣе объявлена; происшествія, наконецъ, показали бездну, въ которую влекло ихъ небольшое число людей развратныхъ и коварныхъ, и они приняли твердое намѣреніе, не имѣть связей съ Обществомъ, коего видовъ и тайныхъ дѣйствій сначала не умѣли проникнуть. Ковы для разрушенія порядка были составляемы и послѣ сего времени; можно сказать даже, что сіи новые ковы ознаменованы больше, противъ прежняго, преступною рѣшительностью; нѣкоторые Члены Патріотическаго Общества, ослѣпленные страстію къ революціямъ, сдѣлались посредственно или непосредственно участниками въ умыслахъ на Государя и Государство; но всякая отвѣтственность за столь важныя и гнусныя дѣйствія должна падать исключительно на сихъ людей, кои тогда одни составляли все Общество, ибо прочимъ Членамъ они о томъ не давали и свѣдѣнія.

На Волыни, въ Подоліи и въ Кіевѣ, Патріотическое Общество было не дѣятельнѣе Варшавскаго, но и тамъ, какъ и въ Царствѣ Польскомъ иныхъ членовъ какое-то внутреннее безпокойство возбуждало непрестанно къ новымъ замысламъ и предпріятіямъ. Станиславъ Карвицкій не былъ приглашенъ на переговоры Крыжановскаго съ Бестужевымъ и Муравьевымъ; однакожъ зналъ о существованіи Русскаго Тайнаго Общества и желаніи его войти въ сношенія съ Обществомъ Патріотическимъ. Угадывая, что сіе именно могло быть предметомъ совѣщанія Крыжановскаго, онъ сообщалъ о томъ Маѣвскому, просилъ его собрать точнѣйшія свѣдѣнія о Русскомъ Обществѣ чрезъ Лукашевича, Переяславскаго Повѣтоваго Маршала; онъ думалъ, что Лукашевичъ, будучи въ связи съ знатнѣйшими Русскими домами, скорѣе всякаго можетъ все узнать. Лукашевичъ согласился и вскорѣ послѣ того сказалъ Маѣвскому, „что принадлежащіе къ Русскому Обществу люди въ своемъ распаленномъ воображеніи питаютъ самые вредные замыслы; что онъ не только самъ будетъ убѣгать сношеній съ ними, но и пріятелямъ своимъ совѣтуетъ тоже“. Сей случай далъ многимъ поводъ думать, что Лукашевичъ былъ Членомъ Патріотическаго Общества; однакоже достовѣрно извѣстно, что онъ никогда не вступалъ въ оное.

Муравьевъ и Бестужевъ, послѣ переговоровъ съ Крыжановскимъ, сначала ожидали, что имъ немедленно будутъ сдѣланы отъ Патріотическаго Общества какія-либо новыя сообщенія; не получая ничего и видя, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ между Обществами сношеній, они стали жаловаться Гродецкому на холодность и недовѣрчивость Поляковъ. Бестужевъ съ изступленіемъ страсти произнесъ въ семъ случаѣ длинную рѣчь; говорилъ: „Что Россія, наскуча Правленіемъ самовластнымъ, рѣшилась учредить Конституціонное; что стремящееся къ сему Сообщество, уже многочисленное и сильное, съ каждымъ днемъ еще умножаетъ силы свои, и что съ его только помощію Поляки могутъ имѣть надежду возстановить свое Отечество; что для сего Общество Патріотическое должно бы вступить въ сношеніе съ ихъ Обществомъ чрезъ Членовъ, уполномоченныхъ на заключеніе окончательныхъ условій; что если только соединятся съ ними, то безъ сомнѣнія получатъ отъ нихъ вспоможеніе достаточное для возвращенія, принадлежащихъ нынѣ другимъ Державамъ, Польскихъ Областей, и будутъ народомъ независимымъ“. Муравьевъ подтвердилъ въ нѣсколькихъ словахъ все съ пышнымъ велерѣчіемъ сказанное его другомъ; потомъ оба просили Гродецкаго, довести ихъ разговоръ до свѣдѣнія Патріотическаго Общества. Гродецкій самъ не имѣлъ къ тому средства, но зная, что Графъ Мошинскій есть членъ сего Общества, поѣхалъ къ нему въ Бердичевъ и разсказалъ слышанное отъ Бестужева и Муравьева для сообщенія въ Варшаву. Графъ Мошинскій показываетъ то же самое о семъ разговорѣ, но не помнитъ, отъ Гродецкаго, или отъ кого другого онъ узналъ объ немъ. Будучи молодъ и неопытенъ, Графъ Мошинскій сначала былъ увлеченъ, и обѣщалъ исполнить желаніе своего Сочлена, но потомъ, размысливъ о вѣроятныхъ сего послѣдствіяхъ, рѣшился не отправлять извѣстія въ Варшаву. Послѣ того Гродецкій уже не видался съ Мошинскимъ, и Комитетомъ не открыто, были ль между ними какія дальнѣйшія сношенія.

Бестужевъ не могъ часто отлучаться отъ своего полка; однакоже нашелъ случай быть въ томъ же году еще два раза въ Кіевѣ, для переговоровъ съ Гродецкимъ.

На первомъ свиданіи онъ сказывалъ ему, что Русское Тайное Общество, присоединивъ къ себѣ еще многихъ значительныхъ и отличныхъ людей, теперь такъ сильно и успѣхи его столь быстры, что оно, конечно, вскорѣ достигнетъ своей цѣли, что сверхъ того имъ заведены сношенія съ Венгріею, Испаніею и всѣми Германскими краями [1]. Спустя потомъ два мѣсяца, въ другомъ разговорѣ Бестужевъ объявилъ

[1]) Гродецкій не помнитъ, упоминалъ ли Бестужевъ объ Англіи.

Гродецкому: „Что Русское Общество имѣетъ уже полное число Членовъ, что Депутаты онаго ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Члена Патріотическаго Общества въ Кіевъ, для заключенія окончательныхъ съ нимъ условій, и что ему кажутся странны медлительность и нерѣшимость Поляковъ". Гродецкій отвѣчалъ: „что слышанное отъ него онъ сообщитъ Графу Мошинскому, что Варшавское Общество, безъ сомнѣнія, пришлетъ къ нимъ Члена съ надлежащимъ полномочіемъ, но что, вѣроятно, ему нельзя быть въ Кіевѣ прежде Контрактовъ".

Бестужевъ показывалъ, что послѣ своихъ совѣщаній съ Крыжановскимъ, онъ говорилъ Гродецкому о желаніи Русскаго Общества, чтобы Поляки, въ томъ же самомъ году [1]) нашли способъ лишить Государя Цесаревича жизни, и что Гродецкій, обѣщалъ увѣдомить о семъ Общество, прибавилъ: „Вѣроятно, они согласятся". Но Гродецкій отвѣчалъ на всѣхъ допросахъ, что сіе показаніе несправедливо, въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ обстоятельствъ, открытыхъ слѣдствіемъ, не подтверждаетъ онаго. Правда, что Бестужевъ въ семъ 1824 году писалъ къ Обществу Варшавскому и поручилъ Сергѣю Волконскому, передать для доставленія сіе письмо Гродецкому; но Волконскій возвратилъ его Бестужеву, сказавъ, что письменныя сношенія запрещены. Въ семъ письмѣ, по собственнымъ показаніямъ Бестужева, онъ писалъ Патріотическому Обществу о его бездѣйствіи, извѣщалъ оное, что принятая Русскимъ Тайнымъ Обществомъ обязанность, покровительствовать полякамъ въ Россіи строго исполняется. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ Польскому Обществу найти средство лишить Великаго Князя Цесаревича свободы, или рѣшиться умертвить Его, а потомъ ожидать начала дѣйствій Русскаго. Изъ показаній его же, Бестужева, явствуетъ, что онъ писалъ сіе письмо по слѣдующимъ причинамъ: 1-е) Что Гродецкій, а особливо Тарковскій, примѣтно старались избѣгать всякой встрѣчи съ Депутатами Русскаго Общества. 2-е) Что Пестель, видя совершенное бездѣйствіе Общества Польскаго, начиналъ бояться измѣны, думалъ, что, во время Революціи, сіе общество можетъ помочь Его Высочеству Государю Цесаревичу войти на Престолъ Россійскій, и за то получитъ отъ Него въ даръ независимость своего Отечества, или избрать Его Королемъ Польскимъ, съ правами, установленными Конституціею 3-го маія, къ коей, какъ думалъ онъ, Поляки весьма привязаны. Пестель основывалъ свои заключенія на словахъ Крыжановскаго, что никогда Поляки не проливали крови Государей своихъ.

На сіе Волконскій показалъ, „что, кажется, когда онъ въ 1824 году ѣхалъ въ Кіевъ, то ему въ Васильковѣ дали письмо для доставленія Гродецкому; что Муравьевъ писалъ сіе письмо, но въ немъ, и сіе онъ можетъ сказать почти утвердительно, даже имя Его Императорскаго Высочества не было упомянуто, а только требовали рѣшительнаго отвѣта о предложенномъ содѣйствіи".

Хотя Гродецкій, начиная съ осени 1824 года довольно часто видѣлся съ Волконскимъ, однакожъ до начала слѣдующаго 1825 года между ними не было никакихъ разговоровъ о дѣлахъ Обществъ. Въ сіе уже время Волконскій однажды у себя въ домѣ представилъ Гродецкому Полковника Пестеля, прося ихъ познакомиться другъ съ другомъ. Пестель отвелъ Гродецкаго въ сторону и сказалъ, что онъ уполномоченъ Русскимъ Обществомъ для заключенія договора съ цѣлью, которая ему извѣстна; потомъ спросилъ имѣетъ ли онъ, Гродецкій, такое же полномочіе? Гродецкій отвѣчалъ, что нѣтъ, но что, вѣроятно, Членъ Общества Польскаго, нарочно для сего избранный, въ непродолжительномъ времени будетъ изъ Варшавы. Пестель просилъ сблизить его съ симъ Членомъ, какъ скоро онъ пріѣдетъ. Предположеніе Гродецкаго сбылось. Въ Варшавѣ не знали, что ему были сдѣланы новыя внушенія чрезъ Бестужева; но Князь Яблоновскій имѣлъ надобность быть на контрактахъ въ Кіевѣ; имъ и Крыжановскимъ положено при семъ случаѣ возобновить начатыя въ предшедшемъ году сношенія. Князь Яблоновскій явился на контракты, чрезъ нѣсколько дней послѣ разговора Пестеля съ Гродецкимъ; онъ просилъ Карвицкаго узнать, есть ли въ Кіевѣ Депутатъ Русскаго Тайнаго Общества; Князь Яблоновскій думалъ отнестись прямо къ нему, но Карвицкій сказалъ, что Члены Кіевской Провинціи могутъ обидѣться, если онъ не пригласитъ на переговоры и Гродецкаго [2]); Яблоновскій согласился войти сначала съ нимъ въ сношенія. Крыжановскій также былъ въ Кіевѣ, по причинѣ смерти отца своего и въ одно время съ Яблоновскимъ, но отказался отъ участія въ переговорахъ съ Депутатами Русскаго Общества, прося Яблоновскаго все взять на себя. Карвицкій повелъ его къ Гродецкому, съ которымъ прежде онъ не былъ знакомъ. Яблоновскій вышедши съ Гродецкимъ въ другую комнату и объявя о цѣли своего пріѣзда, просилъ сблизить его съ Пестелемъ, который такъ же какъ и онъ, Яблоновскій, имѣлъ полномочіе для заключенія договора [3]). Гродецкій, не зная, гдѣ въ то

[1]) Въ 1824 году.

[2]) Другіе Члены Провинціи не имѣли свѣдѣнія о сношеніяхъ Патріотическаго Общества съ Южнымъ. Вышеприведенныя слова Карвицкаго онъ сказалъ имъ единственно по желанію имѣть средство узнать, что будетъ происходить на переговорахъ.

[3]) Князь Яблоновскій не имѣлъ никакого полномочія отъ Патріотическаго Общества.

время жилъ Пестель, отправился съ Яблоновскимъ къ Волконскому, у коего самъ въ первый разъ встрѣтился съ Пестелемъ. Волконскому было уже все извѣстно; онъ назначилъ слѣдующій день для свиданія Пестеля съ Княземъ Яблоновскимъ, который и явился въ опредѣленный часъ; Гродецкій же не бывъ приглашенъ на переговоры, хотя и зналъ тайный предметъ оныхъ, счелъ, что лучше въ нихъ не участвовать, и пришелъ къ Волконскому уже при концѣ совѣщаній.

Пестель, открывъ ихъ описаніемъ великихъ силъ Русскаго Тайнаго Общества, говорилъ: „Что не только весь народъ, но и войско хочетъ свергнуть съ себя иго деспотизма; что нельзя сомнѣваться въ содѣйствіи всѣхъ Областей, населенныхъ настоящими Русскими, но что общество хочетъ знать расположеніе и тѣхъ, которыя вошли въ составъ Имперіи въ позднѣйшія времена; что Нѣмецкія Губерніи желаютъ оставаться соединенными съ Россіею, и теперь нужно лишь свѣдѣніе о видахъ Поляковъ, бывшихъ прежде отдѣльною Державою. Нѣтъ средины, продолжалъ Пестель; вамъ необходимо объявить себя за насъ, или противъ насъ. Но мы и безъ Вашей помощи можемъ оружіемъ даровать себѣ свободу; а вы, если пропустите представляющійся вамъ случай, должны будете уже навсегда отказаться отъ надежды быть народомъ независимымъ“. Онъ требовалъ, чтобы Поляки сказали все и совершенно откровенно; особливо желаетъ знать, какой образъ Правленія Общество думаетъ ввести въ Польшу. Князь Яблоновскій отвѣчалъ: „Что единственная цѣль Общества, коего именемъ онъ дѣйствуетъ, есть возвращеніе независимости Польши въ предѣлахъ, бывшихъ до втораго раздѣленія оной; что слѣдственно ему прежде всего надобно просить отъ Депутатовъ Общества Русскаго яснаго объявленія, согласно ли сіе Общество на независимость его Отечества“? Пестель увѣрялъ, что въ семъ не можетъ быть ни малѣйшаго затрудненія; что если бы и возникли какія-либо сомнѣнія на сей счетъ, то жителямъ дадутъ на выборъ, присоединиться къ тому или другому Государству по своей волѣ. Тогда князь Яблоновскій съ своей стороны сказалъ, что Патріотическое Общество, считая время рѣшительныхъ дѣйствій и перемѣнъ еще отдаленнымъ, доселѣ не разсуждало о предполагаемой формѣ Правленія, но что, по его собственному мнѣнію, въ Отечествѣ его Правленіе Конституціонное Монархическое приличнѣе всякаго иного. Пестель началъ выхвалять Республиканское; говорилъ, что должно подражать образованію Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Князь Яблоновскій положилъ конецъ сему разговору, замѣтивъ, что оный не касается до предмета совѣщаній. Онъ утверждаетъ вопреки показанію Пестеля, что ими не было положено ввести одинаковый образъ Правленія въ Польшѣ и въ Россіи. Волконскій, бывшій свидѣтелемъ сихъ совѣщаній, объявилъ, что Князь Яблоновскій точно сказалъ: „Патріотическое Общество не желаетъ республики, но что однакожъ онъ согласился на учрежденіе Временнаго Правительства, доколѣ не будетъ извѣстна воля всей націи“. Князь Яблоновскій не признается и въ томъ; но его показанію отвѣтъ его Пестелю былъ слѣдующій: „Что Польское Общество, ожидая отъ помощи Русскаго великихъ для себя выгодъ, охотно обѣщаетъ ему содѣйствовать, но съ тѣмъ, чтобы никто не вмѣшивался въ ихъ внутреннія дѣла; что если всѣ они захотятъ управлять Польшею, то лучше же ей оставаться подъ властію общаго Государя Польши и Россіи“.

Пестель просилъ, чтобы Польское Общество не предпринимало ничего до извѣщенія, что Русское приступаетъ къ начатію Революціи. „Вамъ нужна помощь,—прибавилъ онъ,—должно пріобрѣсть на нее право искреннимъ и дѣятельнымъ участіемъ“; Князь Яблоновскій отвѣчалъ: „Что Общество Польское не считало возможнымъ достигнуть цѣли своей такъ скоро, особливо въ нынѣшнемъ положеніи Европы, и потому занималось единственно приготовленіемъ средствъ, питая народное чувство во всѣхъ краяхъ прежней Польши, чтобы воспользоваться благопріятнымъ при будущихъ политическихъ перемѣнахъ случаемъ; но тотъ, который можетъ представить ей замышляемая въ Россіи революція, есть, безъ сомнѣнія, самый лучшій для возвращенія Польшѣ ея первобытной независимости; что, слѣдственно польза Общества Патріотическаго всего больше ручается за искренность его и содѣйствіе“. Какъ и по мнѣнію Пестеля нельзя было прежде трехъ лѣтъ приступить къ принятію мѣръ рѣшительныхъ, то всякое разсужденіе о семъ отложено до другого времени.

Князь Яблоновскій изъявилъ желаніе знать, какіе люди начальствуютъ Русскимъ Тайнымъ Обществомъ. Пестель не захотѣлъ удовлетворить сего желанія, а съ своей стороны требовалъ, чтобы Общество Польское, если узнаетъ о существованіи какихъ-либо Сообществъ за границей, давало о нихъ свѣдѣнія Русскому. Князь Яблоновскій обѣщалъ сіе, но утверждаетъ, что объ условіи Польскому Обществу не входить въ связи съ иностранными безъ согласія Общества Русскаго, совсѣмъ не упоминали.

Пестель показывалъ, что между ими было положено: Полякамъ поступить съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ точно также, какъ въ Россіи поступятъ съ Великими Князьями; и Волконскій: что Общество Польское должно будетъ принять надлежащія мѣры для взятія подъ стражу тѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, которые случатся въ Польшѣ при началѣ Революціи. Князь Яблоновскій называетъ сіи оба показанія несправедливыми; по его словамъ требовали только, чтобы во время Революціи

Поляки не воспользовались какими-либо обѣщаніями Государя Цесаревича. „Пестель и Волконскій. продолжаетъ онъ, показывали совсѣмъ не то, что я объявляю, и мнѣ невозможно подтвердить сказанное ими, не потому, чтобы я думалъ симъ уменьшить вину свою; я признался во многихъ преступленіяхъ и не сталъ бы таить сего одного; но я считаю первымъ долгомъ говорить истину, не скрывая и не прибавляя къ ней ничего. Изъ показаній моихъ и самого тогдашняго положенія нашихъ дѣлъ ясно видно, что мое совѣщаніе съ Членами Русскаго Общества было лишь приготовительное, слѣдственно, мы не могли назначать мѣръ исполненія. Не знаю, зачѣмъ они утверждаютъ противное; развѣ что они думали сдѣлать мнѣ сіи предложенія впослѣдствіи, и оттого имъ кажется, что оныя и были уже сдѣланы“.

На сихъ же переговорахъ положено Полякамъ не принимать Русскихъ въ свое Общество, а Русскимъ—Поляковъ; положено также распространять Общество въ Литовскомъ Корпусѣ, въ коемъ Поляковъ столько же, какъ и Русскихъ; а чтобы не было несогласія въ обоюдныхъ для сего мѣрахъ, то опредѣленіе порядка для введенія Общества въ сіе войско поручить Графу Мошинскому и Полковнику Швейковскому. Сверхъ сего признавая, что необходимо установить постоянныя сношенія между Обществами и что за медлительностью сего средства не удобно продолжать ихъ въ Кіевѣ, Князь Яблоновскій просилъ наименовать ему живущаго въ Варшавѣ Члена Русскаго Общества, который имѣлъ бы отъ своей Директоріи надлежащій наказъ и полномочіе для переговоровъ съ Обществомъ Польскимъ; Пестель отвѣчалъ, что нужныя полномочія будутъ даны Подполковнику Лунину.

При концѣ совѣщаній условились собраться снова на Контракты 1826 года. Князь Яблоновскій сказалъ, что если онъ самъ не можетъ пріѣхать, то вмѣсто его будетъ другой Членъ Патріотическаго Общества. Между тѣмъ для сношеній оставалось, какъ и прежде, посредство Гродецкаго, и могли быть найдены еще другіе способы чрезъ Графа Петра Мошинскаго и Швейковскаго. Чтобы познакомить Яблоновскаго съ симъ послѣднимъ, Пестель звалъ его въ залу контрактовъ тотъ же день къ 7-ми часамъ вечера. Яблоновскій приходилъ, но въ тѣснотѣ не могъ найти Пестеля; на другой день онъ былъ у Швейковскаго съ Волконскимъ. Въ семъ свиданіи однакожъ говорили только о томъ, что помѣшало имъ встрѣтиться наканунѣ, и послѣ сего Яблоновскій не имѣлъ уже никакихъ сношеній ни съ Волконскимъ, ни съ Швейковскимъ.

На совѣщаніи Пестель говорилъ одинъ. Волконскій сдѣлалъ лишь нѣсколько незначущихъ замѣчаній. Гродецкій, который по сказанной уже причинѣ, не хотѣлъ участвовать въ переговорахъ, пришелъ, когда считалъ ихъ оконченными. Переговоры еще продолжались, но Гродецкій молчалъ. О томъ, что онъ успѣлъ слышать, показанія его немного разнствуютъ отъ показаній Князя Яблоновскаго. По его словамъ, Пестель требовалъ, чтобы на первый годъ Поляки приняли такой же образъ Правленія, какой будетъ введенъ въ Россіи, съ тѣмъ, что послѣ могутъ по своей волѣ измѣнить оный. Онъ также показываетъ, что Яблоновскимъ и Депутатами Русскаго Тайнаго Общества было положено записать бывшіе между ними переговоры, чтобы по сему другіе Члены, для того именно уполномоченные, приступили къ постановленію настоящихъ условій.

Таковы были, судя по собраннымъ свѣдѣніямъ, обстоятельства сей странной негоціаціи, въ коей молодой легкомысленный человѣкъ, едва извѣстный въ свѣтѣ, не пользуясь ничьею довѣренностію, не имѣя никакого вліянія въ дѣлахъ Государственныхъ, вступилъ въ договоръ съ мятежниками, чтобы при ихъ помощи отнять Польшу у законнаго Государя ея, ввести въ оной, по волѣ ихъ или своей, новое Правленіе, котораго оно не требуетъ и не желаетъ.

Впрочемъ, сіе совѣщаніе не имѣло никакихъ послѣдствій, равно какъ и первое, на коемъ дѣйствовалъ другой злоумышленникъ (Крыжновскій), также не имѣвшій ни малѣйшихъ средствъ для приведенія своихъ замысловъ въ дѣйство, и также едва-ли извѣстный кому-нибудь, кромѣ своихъ полковыхъ товарищей.

Возвращаясь изъ Кіева, Князь Яблоновскій объявилъ Графу Мошинскому, къ чему онъ назначенъ. Но Мошинскій оставался Членомъ Патріотическаго Общества, потому единственно, что не зналъ, какимъ образомъ изъ онаго выйти, и какъ прежде не сообщилъ въ Варшаву свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ Гродецкаго, такъ и послѣ не занимался исполненіемъ даннаго ему порученія. Онъ вскорѣ потомъ имѣлъ свиданіе съ Швейковскимъ, однакожъ не думалъ заводить связей въ Литовскомъ Корпусѣ [1]). Нѣкоторые другіе члены Общества въ Волынской губерніи, Карвицкій, Маѣвскій, Ворцель, Тарновскій, Ивашкѣвичъ, знали о переговорахъ Крыжановскаго и Князя Яблоновскаго съ Депутатами Русскаго Тайнаго Общества; знали даже отчасти о томъ, что было предметомъ сихъ совѣщаній, однакоже не старались войти съ ними

[1]) Достойно замѣчанія, что Литовскимъ Обществомъ, которое распространялось сначала столь быстро, даже не сдѣлано и попытки присоединить къ себѣ Офицеровъ сего Корпуса: тому причиною было, извѣстное всѣмъ, вообще хорошее расположеніе умовъ въ сей части войскъ.

въ сношенія, и по всему видно, что между ними не было никакихъ, по крайней мѣрѣ касательно дѣлъ, обоюдныхъ обществъ. Князь Яблоновскій, вслѣдствіе сказаннаго ему Пестелемъ, что продолженіе сихъ сношеній въ Варшавѣ будетъ поручено Лунину, заводилъ съ нимъ разговоръ о семъ; но Лунинъ, или не получая о семъ свѣдѣній, или не хотѣвъ принять порученія, показывалъ, что не понимаетъ намекъ князя Яблоновскаго и между ними не было никакихъ объясненій и связи.

Карвицкій нетерпѣливо желалъ узнать тайный предметъ переговоровъ Князя Яблоновскаго съ Депутатами Русскаго Общества, и для того, какъ означено выше, способствовалъ ихъ свиданію. Потомъ, видя, что никто ему не сказываетъ о происходившемъ на совѣщаніяхъ, онъ спрашивалъ потомъ у князя Яблоновскаго, который въ отвѣтъ сказалъ только: „Русскіе, кажется, искренни и въ будущемъ году все будетъ кончено". Яблоновскій совѣтовалъ и Гродецкому также о томъ говорить съ Карвицкимъ неясно. Гродецкій, будучи еще осторожнѣе, не сказалъ ему на сей счетъ ни слова. Карвицкій, досадуя за сіи знаки недовѣрчивости, изъявлялъ свое неудовольствіе Капитану Маѣвскому и прибавлялъ, что непремѣнно должно узнать, о чемъ Яблоновскій договаривался съ Депутатами Русскаго Общества. Они оба отправились за симъ къ Крыжановскому, который тогда былъ въ Кіевѣ; но и Крыжановскій, не хотѣвъ открыть тайны Карвицкому, говорилъ, что не могли согласиться на условіяхъ.

Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ съ сей стороны, Карвицкій вздумалъ обратиться къ прежней мысли соединить Патріотическое Общество съ Обществомъ Темпліеровъ. Желая, чтобы Крыжановскій благопріятствовалъ сему, онъ увѣрялъ его, что Общество Темпліеровъ весьма многочисленно, имѣетъ большія суммы денегъ, и что надобно ввести его въ прямыя, непосредственныя сношенія съ Варшавскимъ Патріотическимъ. Крыжановскій не соглашался съ намѣреніемъ слить сіи два Сообщества въ одно, но думалъ, что хорошо установить между ними тѣсную связь для сообразнаго дѣйствія обоихъ. Слѣдуя сей мысли, или, какъ онъ самъ утверждаетъ, угадывая, что въ разсказахъ Карвицкаго о силѣ Темпліеровъ много лживаго, и, считая нужнымъ испытать его, онъ сказалъ: „Если намъ доставятъ 10.000 злотыхъ на расходы и назначатъ Члена Темпліера для посредничества, то можно будетъ установить предполагаемыя связи". Карвицкій принялъ сіи условія и обѣщалъ, что они будутъ исполнены.

Сначала покажется довольно странно, что сей послѣдній, занимая лишь второе мѣсто въ Обществѣ Темпліеровъ, располагалъ онымъ самовольно, вопреки мнѣнію многихъ Членовъ, и соглашался на выдачу денежныхъ суммъ безъ совѣта съ Маѣвскимъ, который въ сіе время даже былъ не въ отсутствіи; сіе объясняется тѣмъ, что Маѣвскій, видя Общество не въ безопасномъ положеніи, не хотѣлъ быть главою онаго и уже предлагалъ Карвицкому сдать ему совершенно должность Великаго Магистра. Но Карвицкій по той же самой причинѣ отказывался отъ званія Великаго Магистра, хотя пользовался уступленными Маѣвскимъ правами и былъ настоящимъ Начальникомъ Темпліеровъ. Подполковникъ Крыжановскій увѣряетъ, что ему было тогда вовсе неизвѣстно, какое мѣсто въ Обществѣ Темпліеровъ занималъ Маѣвскій; что говоря о семъ Обществѣ съ Карвицкимъ, онъ его считалъ главою онаго. Князь Яблоновскій то же думалъ. Онъ говоритъ, что не зналъ Капитана Маѣвскаго, даже и не слыхивалъ объ немъ. Заблоцкій, Членъ сего Общества, показываетъ, что Тишковскій, будучи въ Варшавѣ въ 1825 году, называлъ Карвицкаго Великимъ Магистромъ.

Видно что Маѣвскій, хотя долго сему сопротивлялся, однакожъ пришелъ, наконецъ, къ мысли соединенія Обществъ Патріотическаго и Темпліеровъ; онъ тогда уже не только не препятствовалъ Карвицкому вступать въ условія съ Крыжановскимъ, но и помогалъ ему весьма усердно въ изысканіи способовъ для исполненія сихъ условій. Оказались затрудненія, которыхъ не предвидѣли. Вопреки пышнымъ описаніямъ Карвицкаго, Общество ихъ не имѣло денегъ; можно было ожидать ихъ только отъ добровольной складки между членами, а они не изъявляли къ сему никакого расположенія. Надѣялись всю требуемую сумму 10.000 злотыхъ получить отъ Графа Мошинскаго; онъ отказался и даже не далъ ничего. Карвицкій, столь скорый на обѣщанія, также не имѣлъ охоты давать деньги, и Маѣвскій, пріѣхавъ въ сіе время[1] по дѣламъ службы въ Варшаву, обращался къ Заблоцкому, и увѣряя его, что Общество Темпліеровъ значительно распространилось на Волыни, сказалъ, что ему, Заблоцкому, поручено завѣдывать сношеніями сего Общества съ Патріотическимъ, къ коему оно присоединяется; а затѣмъ просилъ переговорить съ Крыжановскимъ о мѣрахъ, которыя нужно будетъ принять для сего соединенія. Крыжановскій отвѣчалъ что прежде всего надобно прислать обѣщанные 10.000 злотыхъ и дать свѣдѣніе о числѣ Членовъ Общества, означивъ, сколько всякій можетъ представить денегъ, людей и оружія. Маѣвскій говорилъ, что обѣщанная сумма будетъ привезена Тишковскимъ въ Іюнѣ, и утверждалъ, что число и силы Общества весьма велики. Но въ самомъ

[1]) Въ Маіѣ 1825 года.

дѣлѣ въ Обществѣ Темпліеровъ никогда не бывало болѣе 24-хъ Членовъ, и не всѣ они были дѣятельными; что же касается до денегъ, то ими собрано нѣсколько сотъ злотыхъ, кои давно уже были издержаны, частью на подаянія бѣднымъ, частью на расходы для убранства ложъ.

На допросахъ, сказывая о семъ разговорѣ, Заблоцкій прибавилъ, что, удивляясь большому числу денежныхъ суммъ и вооруженныхъ людей, коими, по словамъ Маѣвскаго, ихъ Общество могло располагать, онъ спросилъ его: „Да что значатъ и противъ кого дѣлаются сіи приготовленія“? Маѣвскій отвѣчалъ, что сіе дѣлается вслѣдстіе условій, постановленныхъ между Русскимъ Тайнымъ Обществомъ и Обществами Патріотическимъ и Темпліеровъ; что Русскіе замышляютъ перемѣну въ своихъ Государственныхъ законахъ и, конечно, будутъ имѣть успѣхъ; что они уступятъ Великое Княжество Литовское Польшѣ, и для занятія онаго нужно имѣть войска. Маѣвскій утверждаетъ, что не говорилъ Заблоцкому о запасахъ оружія и войскахъ, что все прочее имъ сказано единственно изъ хвастовства, и что Общество Темпліеровъ никогда не имѣло сношеній съ Русскимъ Тайнымъ Обществомъ; сіе послѣднее совершенно доказано и слѣдствіемъ.

Возвратясь въ Волынскую губернію, Маѣвскій объявилъ Карвицкому, Пуласскому, Тишковскому слышанное отъ Крыжановскаго въ Варшавѣ; они рѣшились собрать требуемую сумму. Но успѣха и въ сей разъ не было. Тишковскій повезъ въ Варшаву только письмо, коимъ Маѣвскій обѣщалъ скоро прислать деньги. Онъ въ самомъ дѣлѣ, пользуясь выиграннымъ черезъ сіе временемъ, возобновилъ, усугубилъ старанія, чтобы достать нужные 10000 злотыхъ. Сначала обратился къ графу Ворцелю, котораго пригласилъ къ себѣ, подъ предлогомъ, что имѣетъ сообщить ему нѣчто важное о Русскомъ Тайномъ Обществѣ. Ворцель, слышавъ все отъ Солтыка, Мошинскаго и Яблоновскаго, зналъ о семъ Обществѣ больше Маѣвскаго, и подозрѣвая не безъ основанія, что въ сихъ новыхъ свѣдѣніяхъ нѣтъ ничего истиннаго, онъ только обѣщалъ Маѣвскому передать ихъ другимъ Членамъ въ Варшаву; а къ сему прибавилъ, что онъ недавно оттуда и что Патріотическое Общество поручило ему напомнить Темпліерамъ о скорѣйшемъ доставленіи опредѣленной съ общаго согласія суммы. Маѣвскій сказалъ, что деньги будутъ посланы безъ замедлѣнія. Съ Собанскимъ онъ былъ счастливѣе. Сей послѣдній съ самаго начала 1822 года былъ въ отсутствіи и сдѣлался почти вовсе чуждъ обоимъ Обществамъ. Маѣвскій увѣрилъ его, что собираются деньги, какъ для вспоможенія Членамъ Патріотическаго Общества, взятымъ подъ стражу, такъ и на подаяніе женамъ и дѣтямъ старыхъ военнослужащихъ; Собанскій далъ 300 рублей серебромъ. Съ помощью Чарковскаго набрали еще 700, всего 1000 рублей серебромъ[1]). Чарковскій взялся свезти ихъ въ Варшаву, и ему же поручено объявить Обществу Патріотическому, что Карвицкій и Маѣвскій будутъ соблюдать согласіе между обоюдными Обществами. Сверхъ того Маевскій чрезъ него извѣщалъ, что въ Императорской Арміи всѣ умы въ волненіи; что Русскіе намѣрены возстать на свое Правительство. Чарковскому также поручили и стараться дать высокое мнѣніе о числѣ и силахъ Общества Темпліеровъ и въ то же время узнать вѣрнѣе о состояніи Варшавскаго.

По даннымъ ему наставленіямъ, Чарковскій долженъ былъ ввѣренныя ему деньги вручить Заблоцкому, назначенному въ посредники между Обществами. Онъ не взялъ ихъ и повелъ Чарковскаго къ Подполковнику Крыжановскому, а тотъ послалъ его къ Князю Яблоновскому. Но и сей послѣдній не хотѣлъ брать денегъ; наконецъ, они всѣ вмѣстѣ отправились къ графу Солтыку, куда пришелъ и приглашенный для сего Референдарій Гржимала. Чарковскій, обращаясь къ Графу Солтыку, какъ къ Начальнику Общества, объявилъ ему о своемъ порученіи и прибавилъ, что остальная сумма, коей не успѣли еще собрать, скоро будетъ доставлена. Графъ Солтыкъ отвѣчалъ, что онъ принимаетъ деньги и проситъ увѣрить Карвицкаго и Маѣвскаго, что онъ съ своей стороны будетъ охранять твердость соединенія Обществъ. Крыжановскій слышалъ отъ Чарковскаго, какимъ образомъ Маѣвскій досталъ присланную сумму; онъ замѣтилъ, что сихъ денегъ, полученныхъ чрезъ добровольную складку между нѣсколькими Членами, нельзя почитать взятыми изъ Капиталовъ Общества Темпліеровъ, что Чарковскій объ сихъ капиталахъ даже не слыхивалъ; что все сіе показываетъ, какъ мало истины въ томъ, что Карвицкій говорилъ о состояніи сего Общества и какъ опасно вѣрить ему; что, слѣдственно, имъ необходимо узнать съ точностью, какое число людей, сколько лошадей и оружія Общество Темпліеровъ можетъ выставить. Тогда Чарковскій сталъ описывать, замѣченное будто бы Маѣвскимъ, волненіе умовъ въ Русской Арміи. Графъ Солтыкъ, какъ объявили нѣкоторые изъ допрошенныхъ, отвѣчалъ: „Пусть Русскіе дѣлаютъ, что хотятъ; но скажите Маѣвскому, чтобы онъ отгонялъ отъ себя такія мысли; въ насъ онѣ были бы сущимъ безумствомъ“. По извѣтамъ Заблоцкаго и Князя Яблоновскаго, графъ Солтыкъ увѣрилъ, что въ Царствѣ Польскомъ спокойство не будетъ нарушено и совѣтовалъ

---

[1]) Въ сіе число даны: Собанскимъ 300 рублей, Карвицкимъ 100 рублей, Маѣвскимъ 150 рублей, Тишковскимъ 100 рублей, Антономъ Чарковскимъ 150 рублей, Ѳомою Чарковскимъ собранные отъ многихъ Членовъ, 200 рублей, всего 1000 рублей.

въ другихъ Провинціяхъ поступать такъ же, пока въ Россіи не послѣдуетъ перемѣны прочной. Въ семъ послѣднемъ Графъ Солтыкъ не запирается.

При концѣ засѣданія положено, что привезенныя Чарковскимъ деньги будутъ отданы на сохраненіе Ксендзу Дембеку. Сей Ксендзъ, принятый въ Патріотическое Общество Оссолинскимъ, не былъ Членомъ Верховнаго Совѣта, но всякій разъ являлся на собранія онаго и потому зналъ о замышленныхъ ковахъ и сношеніяхъ съ Русскимъ Тайнымъ Обществомъ. Заблоцкій разсказалъ ему о пріѣздѣ Чарковскаго; онъ согласился взять привезенныя имъ деньги, и какъ оныя не были впослѣдствіи требованы обществомъ, то, по сдѣланному объ нихъ Ксендзомъ Дембекомъ на допросахъ показанію, онѣ найдены въ цѣлости. Симъ заключается описаніе дѣйствій и замысловъ Патріотическаго Общества въ Царствѣ Польскомъ и въ Россійско-Польскихъ Областяхъ Имперіи. Комитетомъ не открыто ни малѣйшаго обстоятельства, по коему можно бы полагать, что съ сего времени было что-либо однимъ изъ сихъ Обществъ предпринято. Въ Волыніи, по близости ея къ мѣсту, бывшему средоточіемъ заговоровъ, находимъ еще въ Декабрѣ 1825 года слѣды сношеній между Обществами Русскимъ и Польскимъ. Сергѣй Муравьевъ пріѣзжалъ къ Графу Мошинскому, и разсказавъ о происшествіяхъ 14—26 Декабря, спросилъ: „Если 3 и 4 Корпусъ возмутятся, Поляки будутъ-ли помогать имъ? Мошинскій отвѣчалъ, что онъ на сей случай не имѣетъ наставленія, но думаетъ, что Общество Русско-Польскихъ Провинцій послѣдуетъ во всемъ примѣру Варшавскаго. Тогда Муравьевъ сдѣлалъ ему другой вопросъ: „Возьмется-ли онъ доставить черезъ Князя Яблоновскаго письмо къ Варшавскому Обществу"?

Мошинскій не согласился, говоря, что „законами Общества письменныя сношенія запрещены; что, впрочемъ, уже близко время Контрактовъ и Яблоновскій скоро самъ пріѣдетъ". — „Ежели, сказалъ Муравьевъ, случится что-нибудь рѣшительное, то вы узнаете отъ брата, съ которымъ я ѣду въ Петербургъ".

Показанія Муравьева о семъ свиданіи съ Мошинскимъ разнствуетъ отъ вышеописаннаго; онъ утверждаетъ, что говорилъ Мошинскому: „Хотя Польское Общество и обѣщало удержать Великаго Князя Цесаревича въ Варшавѣ, когда въ Россіи начнется революція, однакожъ Общество Южное находитъ, что лучше бы лишить Его Жизни". Что потому онъ просилъ его доставить Директоріи Общества только, въ которомъ Бестужевъ доказывалъ необходимость сей мѣры, что Мошинскій не отвѣчалъ на главное, а только объявилъ, что не можетъ, по правиламъ своего Общества, принять бумаги. Мошинскій, вопреки сему показанію, остался при своемъ, прибавляя, что Муравьевъ не сказывалъ о содержаніи письма и о томъ, что Русское Тайное Общество требовало отъ Поляковъ покушенія на жизнь Его Императорскаго Высочества Цесаревича.

Слѣдственный Комитетъ старался въ семъ донесеніи представить съ возможною подробностью и точностью все имъ открытое объ основаніи Тайныхъ Обществъ, бывшихъ въ Царствѣ Польскомъ и въ Россійско-Польскихъ Областяхъ, о свойствѣ и стремленіи оныхъ, о средствахъ, кои были или употребляемы для достиженія цѣли, вначалѣ имъ предназначенной, или позднѣе, и вслѣдствіе преступныхъ замысловъ нѣкоторыхъ Членовъ, занявшей мѣсто первой. Происходящая отъ сей перемѣны цѣли разность въ намѣреніяхъ доказывается, или временемъ, въ которое тотъ или другой Членъ принадлежалъ къ одному изъ вышеозначенныхъ Обществъ, или степенью участія его въ ихъ ковахъ; тѣмъ самымъ опредѣляются и разныя мѣры преступленія каждаго изъ Членовъ. Слѣдуя сему, Комитетъ счелъ обязанностію раздѣлить ихъ на разряды, сообразно съ поступившими на каждаго извѣтами, съ его собственными признаніями и другими свѣдѣніями, коими сіи признанія и извѣты подтверждены, объяснены или опровергнуты, однимъ словомъ, сообразно съ степенью участія каждаго изъ Членовъ въ замыслахъ и дѣйствіяхъ, бывшихъ предметомъ изысканій Комитета.

Въ сихъ разрядахъ заключаются:

Въ первомъ: Тѣ Члены Патріотическаго Общества и Общества Темпліеровъ, которые были употреблены для сношеній съ Русскимъ Тайнымъ Обществомъ, зная или не зная о цѣли сего Общества.

Во второмъ: Тѣ Члены Патріотическаго Общества и Общества Темпліеровъ, кои, также зная и не зная о цѣли Русскаго Тайнаго Общества, имѣли свѣдѣніе о сношеніяхъ съ онымъ.

Въ третьемъ: Члены означенныхъ Обществъ въ разныя времена принятые, или и безъ формальнаго принятія къ онымъ принадлежавшіе, и послѣ запрещенія Тайныхъ Обществъ продолжавшіе дѣйствовать, какъ Члены сихъ Обществъ.

Въ четвертомъ: Члены, принятые послѣ запрещенія Тайныхъ Обществъ, но не участвовавшіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

Въ пятомъ: Члены Общества Темпліеровъ, принятые прежде запрещенія Тайныхъ Обществъ, а послѣ сего времени не участвовавшіе въ дѣйствіяхъ онаго.

Въ шестомъ: Тѣ изъ принятыхъ въ Общества: истинныхъ Поляковъ, Патріотическое и Темпліеровъ, прежде запрещенія Тайныхъ Обществъ, кои послѣ сего запрещенія не участвовали ни въ какихъ дѣйствіяхъ и не знали ни о какой очевидно-преступной цѣли.

Въ седьмомъ: Тѣ, объ коихъ были показанія, что они принадлежали къ симъ Тайнымъ Обществамъ, но безъ означенія, въ какое время они приняты и безъ доказательствъ въ истинѣ показанія.

Представляя Вашему Императорскому Высочеству вмѣстѣ съ симъ донесеніемъ и раздѣленныя по разрядамъ записки о каждомъ изъ обвиняемыхъ, и Журналы Засѣданій и вообще всѣ принадлежащіе къ слѣдствію акты, Комитетъ смѣетъ ласкать себя мыслію, что онъ строго и точно исполнилъ данное ему Вашимъ Высочествомъ порученіе.

Подписали: Станиславъ Графъ Замойскій, Предсѣдатель Сената. Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Новосильцовъ, Станиславъ. Графъ Грабовскій, Сенаторъ и Воевода. Францискъ Грабовскій, Сенаторъ и Воевода. Государственный Совѣтникъ исправляющій должность Военнаго Министра, Генералъ отъ Артиллеріи Гауке. Генералъ-Лейтенантъ Графъ Курута. Девизіонный Генералъ Раутенштраухъ. Баронъ Моренгеймъ. Генералъ-Маіоръ Кривцовъ. Капитанъ-Командоръ Колзаковъ.

Русскій Инвалидъ.

(16 Сентября. № 234).

По сентенціи Военнаго Суда.

Нижегородскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Старковъ и Оренбургскаго гарнизоннаго полка прапорщикъ Таптыковъ за преступныя связи съ злонамѣренными людьми лишаются чиновъ и дворянскаго достоинства, и первый написывается рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ, а послѣдній ссылается въ Сибирь въ каторжную работу на четыре года съ тѣмъ, чтобы по истеченіи сего срока оставленъ былъ съ Сибири на поселеніи.

Русскій Инвалидъ.

(21 Ноября. № 295).

По сентенціи Военнаго Суда.

32-го Егерскаго полка маіоръ Раевскій 5-й, за противозаконные и дерзкіе поступки, коими умышленно старался разстроить во ввѣренной ему части дисциплину и порядокъ, лишается чиновъ, дворянскаго достоинства, знаковъ отличія и ссылается въ Сибирь на поселеніе.

1830 годъ.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(21 Іюля. № 25).

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Аудиторіатскаго Департамента по военно-судному дѣлу о рядовомъ Нижегородскаго Драгунскаго полка Князѣ Сергѣѣ Сергѣевѣ сынѣ Оболенскомъ, повелѣно: его, Оболенскаго, за причиненіе обнаженною саблею препровождавшему его въ Грузію на службу уряднику, что нынѣ хорунжій, Аксюку въ бокъ раны, упорное сокрытіе полученія имъ письма отъ государственнаго преступника Кюхельбекера для отдачи онаго статскому совѣтнику Грибоѣдову, а также и за изъявленіе ропота на Правительство, приговоренъ къ лишенію дворянскаго и княжескаго достоинства и воинскаго званія, какъ вреднаго для службы и нетерпимаго въ обществѣ, съ ссылкою въ Сибирь на поселеніе,—собственною Его Императорскаго Величества рукою въ 1-й день маія написано: „Быть по сему, Николай“.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(19 Іюня. № 29).

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Аудиторіатскаго Департамента, по военно-судному дѣлу о состоявшемъ въ вѣдѣніи Кіевской Коммиссаріатской Коммиссіи Коммиссіонерѣ 10 класса Василіѣ Павловѣ сынѣ Дороховѣ, который за то, что онъ при нетрезвой жизни своей, имѣя дурную нравственность, осмѣлился, стоя позади фронта солдатъ, произнести дерзкія и противу Высочайшей Его Императорскаго Величества Особы оскорбительныя слова, приговоренъ къ лишенію чиновъ, дворянскаго достоин-

ства и знака отличія Военнаго ордена и къ опредѣленію рядовымъ въ Финляндскій Корпусъ—собственною Его Императорскаго Величества рукою въ 26-й день маія написано: „Быть по сему. Николай“.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(20 Декабря. № 51).

Высочайшій Манифестъ.

Божіею Милостію
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Гнусная измѣна поколебала соединенное съ Россіею Царство Польское. Люди злоумышленные, не обезоруженные благодѣяніями незабвеннаго Императора Александра, великодушнаго Возстановителя страны ихъ, подъ кровомъ дарованныхъ Имъ Законовъ, наслаждаясь плодами попеченія Его, готовили въ тайнѣ ковъ для испроверженія учрежденнаго Имъ порядка и 17-го минувшаго ноября ознаменовали начало своихъ дѣйствій мятежемъ, кровопролитіемъ, преступнымъ покушеніемъ на жизнь Любезнѣйшаго Брата Нашего Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича. Пользуясь темнотою вечера, они устремили толпу возбужденной ими, неистовой черни ко Дворцу Его и въ то же время въ разныхъ частяхъ Варшавы распространяя нелѣпый слухъ, что Россійскія войска истребляютъ мирныхъ жителей, успѣли симъ обманомъ увлечь за собою народъ и наполнить городъ всѣми ужасами безначалія. Цесаревичъ, съ собравшимися къ нему Россійскими войсками и тѣми изъ Польскихъ, кои оставались вѣрны своему долгу, расположился близь Варшавы и рѣшился не дѣйствовать наступательно, чтобы, отвращая всякій поводъ къ новымъ кровопролитіямъ, явно доказать нелѣпость и коварство извѣта и дать гражданскимъ Начальствамъ время и средство, при помощи благомыслящихъ жителей, вразумить заблуждающихся и обуздать злонамѣренныхъ. Сія надежда не исполнилась. Правительственный Сенатъ не могъ возстановить порядка: безпрестанно угрожаемый мятежниками, кои составили изъ среды своей нѣсколько противозаконныхъ сообществъ, измѣняя составъ свой удаленіемъ Нами поставленныхъ Членовъ и призваніемъ новыхъ по требованіямъ предводителей бунта, онъ только умолялъ Цесаревича возвратить бывшія съ нимъ Польскія Войска, въ Варшаву для спасенія собственности общественной и частной отъ новыхъ расхищеній; вскорѣ сей Совѣтъ разрушился и вся власть осталась въ рукахъ одного изъ Генераловъ. Между тѣмъ, духъ мятежа распространялся по всѣмъ Областямъ Царства Польскаго; вездѣ употребляли тѣ же средства: обманъ, угрозы, обольщенія, чтобы мирныхъ гражданъ поработить владычеству немногихъ возмутителей. Въ сихъ важныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ Цесаревичъ нашелъ необходимымъ, удовлетворяя желанію Правительственнаго Сената, дозволить малому числу Польскихъ войскъ, вѣрными пребывшихъ, возвратиться въ Варшаву, чтобы по возможности охранить личную безопасность и собственность жителей, и Самъ съ Россійскими полками выступилъ изъ предѣловъ Царства Польскаго: 1-го декабря Онъ прибылъ въ мѣстечко Влодаву Волынской губерніи.

Такъ совершилось злодѣяніе, можетъ быть, издавна умышляемое. Народъ Царства Польскаго, послѣ столь многихъ превратностей наслаждавшійся миромъ и благоденствіемъ подъ Сѣнію Державы Нашей, снова ввергнутъ въ пучину мятежей и бѣдствій, и минутно овладѣвшая имъ толпа легкомысленныхъ, хотя уже волнуемая страхомъ близкаго наказанія, дерзаетъ мечтать о торжествѣ и Намъ, своему Государю законному, предлагаетъ условія. Россіяне! Вы знаете, что мы ихъ отвергнемъ съ негодованіемъ. Сердца ваши, пылающія ревностію къ Престолу, понимаютъ всѣ чувства Нашего сердца. На первую вѣсть объ измѣнѣ вы отвѣтствовали повтореніемъ клятвъ непоколебимой вѣрности; и нынѣ, во всемъ пространствѣ Нашей обширной Имперіи, Мы видимъ одно движеніе; всѣ одушевляются однимъ желаніемъ, не щадить трудовъ, жертвовать достояніемъ и жизнью за честь Царя своего, за цѣлость Государства. Мы съ умиленіемъ взираемъ на сей великодушный порывъ народной любви къ Намъ и Отечеству и вмѣняемъ Себѣ въ священный долгъ отвѣчать на оный словами успокоенія. Новыя жертвы, новыя усилія будутъ не нужны. Съ Нами Богъ, поборникъ справедливости, и могущество Россіи одимъ рѣшительнымъ ударомъ можетъ смирить дерзнувшихъ смутить ея спокойствіе. Наши вѣрныя войска, еще недавно прославленныя новыми побѣдами, уже собираются на западныхъ границахъ Имперіи, они готовы карать вѣроломство, но хотимъ отличить невинныхъ отъ преступниковъ, хотимъ миловать и слабыхъ, по слѣпости или боязни слѣдующихъ противозаконному влеченію.

Не всѣ подданные Наши Царства Польскаго, не всѣ жители Варшавы были участниками бунта и плачевныхъ его слѣдствій: многіе доказали славною смертію, что знали долгъ свой; другіе, какъ Мы видимъ изъ донесенія Цесаревича, съ слезами отчаянія принужденно возвратились въ мѣста подвластныя мятежникамъ. Они, съ обманутыми и обольщенными, безъ сомнѣнія составляютъ большую часть войскъ и народа Царства Польскаго. Мы къ нимъ обращаемся въ Воззваніи отъ 5-го сего мѣсяца, въ коемъ, изъявивъ Наше праведное негодованіе къ вѣроломству, повелѣваемъ немедленно положить конецъ своевольствамъ и противозаконнымъ вооруженіямъ, возстановить весь прежній порядокъ. Симъ они могутъ еще загладить вины своихъ соотечественниковъ и спасти Царство Польское отъ гибельныхъ послѣдствій преступнаго ослѣпленія. Указавъ имъ единственное средство избавленія, Мы о семъ дѣйствіи Нашего милосердія изъявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ; да видятъ въ немъ и твердую Нашу волю ограждать неприкосновенность правъ Престола и Отечества, и намѣреніе столь же твердо щадить заблужденіе, очищаемое раскаяніемъ. Россіяне! Примѣръ Царя вашего будетъ вашимъ руководствомъ: правосудіе безъ мщенія, непоколебимость въ борьбѣ за честь и пользы Государства безъ ненависти къ ослѣпленнымъ противникамъ; наказаніе однимъ измѣнникамъ; любовь и уваженіе къ тѣмъ изъ подданныхъ Нашихъ Царства Польскаго, кои вѣрны данной Намъ клятвѣ; готовность къ примиренію со всѣми, кои возвратятся къ долгу. Вы оправдаете надежды Наши, какъ оправдывали ихъ до нынѣ. Пребывайте въ спокойствѣ, въ твердомъ упованіи на Бога, всегда благодѣющаго Россіи, въ твердой довѣренности къ Монарху, который знаетъ великость и святость Своихъ обязанностей быть хранителемъ цѣлости, достоинства Державы Своей и славы имени Русскаго. Данъ въ С.-Петербургѣ 12-го декабря въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцатое, Царствованія Нашего въ шестое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

1831 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе, томъ VI).

4444.—Марта 22. Именной указъ, данный Правительствующему Сенату: При самомъ началѣ мятежа, возмутившаго Царство Польское, предвидя вліяніе онаго на умы слабые, готовые увлечься мечтами законопротивными къ нарушенію спокойствія въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши къ Имперіи Россійской, Мы въ постоянномъ попеченіи о благѣ вѣрноподданныхъ Нашихъ жителей тѣхъ губерній, обратились къ Дворянскому въ оныхъ сословію, какъ знаменитѣйшему классу обывателей и изъявили оному ожиданія Наши, что оно употребитъ въ сихъ обстоятельствахъ всѣ усилія свои, дабы доказать Намъ и Отечеству непоколебимую вѣрность свою и постоянное ко благу общему усердіе. Таковыя ожиданія Наши совершились почти вездѣ и повсемѣстно. Дворянство губерній: Виленской, Гродненской и Волынской чрезъ временныхъ Военныхъ Губернаторовъ поспѣшило излить предъ Нами неизмѣнныя чувства вѣрноподданнической преданности своей, а вслѣдъ за тѣмъ на самомъ опытѣ доказало, сколь охотно жертвуетъ оно достояніемъ своимъ и трудами къ удовлетворенію многоразличныхъ и значительныхъ военныхъ требованій по снабженію дѣйствующей Арміи продовольствіемъ и иными потребностями. Тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ получили Мы нынѣ свѣдѣніе, что горсть людей неблагонамѣренныхъ, недостойныхъ имени дворянскаго, забывъ долгъ присяги и недавній еще обѣтъ вѣрности, дерзнула нарушить спокойствіе Виленской губерніи въ уѣздахъ: Тельшевскомъ, Шавельскомъ и Россіенскомъ,—но съ твердостью рѣшились Мы исполнить надъ ними примѣръ заслуженнаго наказанія, который остановитъ, Мы уповаемъ, колеблющихся и возвратитъ заблудшихъ къ обязанностямъ долга и присяги.

Мы повелѣваемъ: 1. Всѣхъ дворянъ или Шляхту, принявшихъ участіе въ семъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противостанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Уложенію и приговоры Суда исполнить надъ ними на мѣстѣ съ утвержденія отдѣльнаго отряднаго начальника. 2. Недвижимыя имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе инвалиднаго капитала. 3. О всѣхъ мужескаго пола дѣтяхъ Дворянъ или Шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пунктѣ означенное, наказанныхъ, входить къ Намъ съ особымъ представленіемъ; дѣтей же, именующихся Шляхтичами, но ни какихъ доказательствъ на сіе званіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты. 4. Людей низ-

шаго званія, кои, участвуя въ сихъ безпорядкахъ, будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекруты и отсылать на службу въ Сибирскіе Линейные баталіоны. 5. Дѣтей мужескаго пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты. 6. Всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будутъ въ убійствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ судомъ по Полевому Уголовному Уложенію. 7. Кто изъ простолюдиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика или угрозами, броситъ оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать.

О всемъ вышеизложенномъ Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить немедленно надлежащее исполненіе.

Сенатскія Вѣдомости.

(10 Октября. № 41).

Высочайшій Манифестъ.

Возженная измѣной война прекратилась: народъ Царства Польскаго освобожденъ отъ насилія мятежниковъ и тѣ слабые остатки ихъ полчищъ, кои до конца упорствовали въ заблужденіи, тѣснимые отовсюду Нашими храбрыми войсками, удалились въ предѣлы сосѣдственныхъ съ Нами Державъ и тамъ положили оружіе. Вѣрные подданные Наши! Возвѣщая вамъ о семъ торжествѣ истинно утѣшительномъ, ибо имъ возстановляются спокойствіе и порядокъ, Мы, такъ же какъ при началѣ сей горестной для сердца Нашего борьбы, обращаемся вмѣстѣ съ вами къ Тому, Кто, владычествуя судьбами Царствъ и народовъ, столь видимо благословилъ Наше правое дѣло. Первая мысль Наша, первая жертва хвалы и благодаренія да вознесутся къ Престолу Его. Онъ въ неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ положилъ подвергнуть Насъ новымъ тягостнымъ испытаніямъ, но посреди ихъ явилъ и новые знаки Своей къ Намъ благости, показалъ твердость могущества Россіи, и вѣрныя Наши войска, сію необоримую ограду Отечества, покрылъ новымъ блескомъ славы. Храбрые воины наши оправдали Нашу довѣренность. Прославленныя подвигами на берегахъ Ефрата, на высотахъ Балкана, Тавра и на поляхъ Румеліи, они въ семъ достопамятномъ, болѣе семи мѣсяцевъ непрерывавшемся походѣ, умѣли еще превзойти себя, презирая опасности, перенося неимовѣрные труды и нужды, сражаясь съ препятствіями, самою природою поставляемыми и съ отчаяннымъ сопротивленіемъ враговъ, не щадившимъ достоянія и крови народа, имъ вовлеченнаго въ преступленіе, и рядъ блистательныхъ успѣховъ достойно заключенъ покореніемъ Варшавы, гдѣ непріятель былъ равно изумленъ великодушнымъ мужествомъ побѣдителей и уваженіемъ ихъ къ жизни и собственности побѣжденныхъ. Но сею кротостію въ побѣдѣ, симъ безкорыстіемъ и человѣколюбіемъ ознаменованы и всѣ дѣйствія Нашихъ воиновъ въ Царствѣ Польскомъ. Помня слова Наши, они среди самыхъ кровопролитій старались уменьшать ужасы сей междоусобной брани, вездѣ щадили падшихъ, заблуждающихся и всѣхъ возвращающихся къ долгу принимали, какъ братьевъ. Россіяне! Съ помощью Небеснаго Промысла Мы довершимъ, начатое Нашими храбрыми войсками. Время и попеченія Наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ Нами мѣръ, тѣснѣйшему твердому соединенію сего края съ прочими областями Имперіи, и сей Государственный неразрывный союзъ, къ утѣшенію Нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однихъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія.

Данъ въ С.-Петербургѣ въ шестый день октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцать первое, Царствованія же нашего въ шестое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Николай.

1832 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе, томъ VII.)

5515. Іюля 24. **Именной указъ, объявленный Главнокомандующему Дѣйствующею Арміею Военнымъ Министромъ.** Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: при выдачѣ указовъ объ отставкѣ офицерамъ, которые

принадлежали къ обществу злоумышленниковъ, по происшествію 14 декабря 1825, прописывать въ сихъ указахъ подробно все: за что и какъ означенные офицеры осуждены были Верховнымъ Судомъ и каковая объ нихъ послѣдовала Высочайшая конфирмація, также вносить имъ запрещеніе въѣзжать въ обѣ столицы Имперіи.

Сенатскія Вѣдомости.

(26 Ноября. № 48.)

По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали предложеніе Господина Министра Юстиціи Тайнаго Совѣтника и Кавалера Дмитрія Васильевича Дашкова, что г. Военный Министръ отъ 8-го сего ноября сообщилъ ему, что Государь Императоръ, обративъ Всемилостивѣйшее вниманіе на участь преступниковъ, сосланныхъ въ каторжную работу, кромѣ осужденныхъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, по особымъ Высочайшимъ конфирмаціямъ и желая, по чувствамъ милосердія Своего, облегчить ихъ жребій сокращеніемъ опредѣленнаго имъ времени употребленія въ каторжной работѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ числа таковыхъ преступниковъ: Соловьева, Мозалевскаго, Завалишина, Быстрицкаго и Кучевскаго, кои приговорены въ каторжную работу вѣчно или безъ назначенія срока, оставить въ оной всего пятнадцать лѣтъ, а Игельстрома, Вегелина и Рукевича, приговоренныхъ къ употребленію въ каторжной работѣ на 10 лѣтъ и Колесникова [1]), сосланнаго въ сію же работу на 6 лѣтъ, освободивъ отъ оной, обратить на поселеніе въ Сибири. О таковой Высочайшей волѣ онъ, Г. Министръ Юстиціи, доводитъ до свѣдѣнія Правительствующаго Сената присовокупляя, что объ оной, какъ видно изъ отношенія г. Генералъ-Адъютанта Графа Чернышева, сообщено отъ него тѣмъ Начальствамъ, до коихъ исполненіе относится.

1834 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ IX. Отдѣленіе второе.)

(Изъ Манифеста 4 сентября 1834 года.)

7383. О наказаніяхъ, постановленныхъ главнымъ виновникамъ бывшаго въ Царствѣ Польскомъ мятежа. Особый уголовный судъ постановленіемъ Нашимъ отъ 13 февраля 1832 года для сужденія государственныхъ преступниковъ, учрежденный въ Варшавѣ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Разсмотрѣвъ поднесенный Намъ докладъ и приговоръ, упомянутымъ Судомъ о преступникахъ сихъ постановленный, и сохраняя въ памяти Нашей представительство, объ оказаніи имъ возможнаго помилованія, въ свое время предъ Нами учиненное въ Бозѣ почившимъ Государемъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, Мы, согласуя долгъ правосудія и силу законовъ съ чувствомъ милосердія, и пріемля во вниманіе изъявленное преступниками сими раскаяніе, признали за благо смягчить мѣры опредѣленныхъ симъ Судомъ Казней и наказаній и для того повелѣваемъ: 1) Преступниковъ по особенной важности ихъ злодѣяній, осужденныхъ по закону къ смертной казни, а именно: подпоручика Петра Высоцкаго, подпоручика Франца Мальчевскаго, обывателя Калишскаго Воеводства Винцентія Нѣмоевскаго и рядоваго Ѳому Пршибыльскаго, не подвергая опредѣленной имъ казни, сослать въ каторжную работу въ Сибири: Высоцкаго на 20, Мальчевскаго на 18, Пршибыльскаго на 15 и Нѣмоевскаго на 10 лѣтъ.

2) Приговоренныхъ по Суду къ строгому заключенію: на 12 лѣтъ подпоручика Людвига Хршонстовскаго и на 10 лѣтъ подпоручика Станислава Прокоповича и осужденнаго къ тяжкому на 10 лѣтъ заключенію подпоручика Франца Стыпулковскаго, вмѣсто опредѣленныхъ имъ сроковъ, сослать къ содержанію въ крѣпостной работѣ: Хршонстовскаго на 10, а прочихъ двухъ каждаго на 8 лѣтъ.

3) Осужденныхъ къ тяжкому заключенію преступниковъ, а именно: на 6 лѣтъ унтеръ-офицера Іосафата Наполеона Вояковскаго; на 4 года унтеръ-офицеровъ: Николая Кошевскаго, Ивана Вольскаго, Игнатія Биля, Винцентія Ленчовскаго, Адольфа Курцевскаго, Гаспара Бабскаго, Періуша Рожанскаго, и подхорунжаго Ѳому Кицинскаго, вмѣсто опредѣленныхъ имъ сроковъ, отослать въ крѣпостныя арестанскія роты: Вояковскаго на 5 лѣтъ, а всѣхъ прочихъ на 3 года.

---

[1]) Фамилій Кучевскаго, Рукевича, Колесникова и Завалишина (брата, осужденнаго Верховнымъ Судомъ) въ офиціально опубликованныхъ правительствомъ документахъ по дѣлу декабристовъ, не значилось. Редакторъ.

4) Приговоренныхъ по суду къ тяжкому заключенію на 3 года унтеръ-офицеровъ: Фортуната Велюбицкаго, Александра Богуславскаго, Северина Гродзинскаго и фельдфебеля Іосифа Рожнецкаго и на 2 года студента Войцеха Слабовскаго отослать въ крѣпостныя арестанскія роты: первыхъ 4-хъ преступниковъ на 2 года, а послѣднихъ на 1 годъ.

5) Сему же наказанію подвергнуть на срокъ, Судомъ опредѣленный, студента Ипполита Ржевусскаго, приговореннаго къ тяжкому на одинъ годъ заключенію.

6) Приговоренныхъ Судомъ къ заключенію въ смирительномъ домѣ унтеръ-офицеровъ: на 2 года Михайла Бембновскаго и на 1 годъ Рафаила Водзинскаго выдержать въ ономъ перваго 1 годъ, а втораго согласно приговору Суда.

7) Осужденнаго, по приговору Суда, къ тяжкому на одинъ годъ заключенію отставного подполковника Карла Зелинскаго, снисходя къ изъявленному имъ раскаянію и къ показанію его, что принять званіе вице-предсѣдателя противозаконнаго въ Закрочимѣ продолжавшагося Правленія, вынужденъ онъ былъ угрозами мятежниковъ, а найпаче во вниманіе къ тому, что онъ, Зелинскій, вскорѣ по увольненіи отъ службы въ ихъ рядахъ, возобновилъ присягу на вѣрность Намъ и явился къ Суду, Всемилостивѣйше прощая, освобождаемъ его, Зелинскаго, отъ опредѣленнаго закономъ наказанія.

8) Относительно прочихъ затѣмъ, въ прилагаемомъ у сего спискѣ поименованныхъ преступниковъ, кои, по укрощеніи бывшаго мятежа, скрылись и, бывъ обвиняемы въ преступленіяхъ, изъятыхъ отъ дарованнаго Манифестомъ Нашимъ всепрощенія, двукратно на сроки съ предостереженіемъ, на основаніи 65 статьи постановленія Нашего 13 февраля 1832 года, къ Суду вызываемы были, но не явились вовсе, и затѣмъ уже по доказательствамъ о тяжкихъ ихъ злодѣяніяхъ и преступленіяхъ, слѣдствіемъ обнаруженныхъ, суждены помянутымъ Судомъ и по силѣ Уголовнаго Уложенія Царства Польскаго, приговорены онымъ, а именно: означенные въ томъ спискѣ первые 249 преступниковъ къ смертной казни повѣшеніемъ; слѣдующіе за ними 9 къ смертной казни отсѣченіемъ головы, а прочіе 7 къ строгому и тяжкому заключенію подлежащими, со всѣми послѣдствіями, кои по закону влечетъ за собою таковое всѣхъ ихъ осужденіе, Мы, съ лишеніемъ преступниковъ сихъ всѣхъ правъ, каждому изъ нихъ принадлежавшихъ, приговоренныя имъ казни и наказанія обращаемъ въ изгнаніе всѣхъ ихъ, въ спискѣ поименованныхъ, навсегда изъ Царства Польскаго и прочихъ подвластныхъ Намъ областей Имперіи Нашей. Если же кто-либо изъ сихъ преступниковъ, явно или тайно, возвратится когда-либо въ предѣлы Имперіи или Царства, то таковаго подвергнуть дѣйствію постановленнаго о немъ Судомъ приговора по всей строгости Полевого Уголовнаго Уложенія Дѣйствующей Арміи.

Именной Списокъ.

I. Преступники, къ смертной казни повѣшеніемъ приговоренные:

1) Клементій Громанъ, бывшихъ Польскихъ войскъ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка унтеръ-офицеръ. 2) Иванъ Бышинскій. То же самое. 3) Людовикъ Бончакевичъ, бывш. Польск. войскъ Л.-Гв. Гренад. полка подпрапорщикъ. 4) Леонъ Чарковскій. Тоже самое. 5) Леопольдъ Рачинскій. Тоже самое. 6) Клементій Попчевскій. Тоже самое. 7) Иванъ Зелинскій, быв. Польск. войскъ Л.-Гв. Гренад. полка унтеръ-офицеръ. 8) Адамъ Козьмянъ. Тоже самое. 9) Владиславъ Энглертъ. Тоже самое. 10) Феликсъ Китлинскій. Тоже самое. 11) Войцехъ Лѣщинскій. Тоже самое. 12) Казимиръ Мацѣіовскій. Тоже самое. 13) Ремигій Вержбицкій. Тоже самое. 14) Станиславъ Смолинскій. Тоже самое. 15) Викентій Поплавскій. Тоже самое. 16) Антонъ Боярскій. Тоже самое. 17) Өаддей Троинскій, бывш. Пол. войскъ Сапернаго баталіона фельдфебель. 18) Вацлавъ Сташевскій, бывш. Пол. войскъ Саперн. батал. унтеръ-офицеръ. 19) Камилъ Мохнацкій. Тоже самое. 20) Эдуардъ Вернезобре. Тоже самое. 21) Иванъ Ольшевскій. Тоже самое. 22) Антонъ Фальковскій. Тоже самое. 23) Евстафій Мацѣіовскій. Тоже самое. 24) Францъ Обуховичъ. Тоже самое. 25) Осипъ Гарчинскій. Бывш. Пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича № 1 полка унтеръ-офицеръ. 26) Карлъ Манишевскій. Того же полка фельдфебель. 27) Аполлинарій Ныко. Того же полка подпрапорщикъ. 28) Өома Малянкевичъ. Того же полка унтеръ-офицеръ. 29) Маріанъ Плахецкій. Тоже самое. 30) Иванъ Непомуценъ Млодецкій. Тоже-самое. 31) Мартынъ Добжелевскій. 32) Иванъ Фальковскій. Того же полка фельдфебель. 33) Осипъ Пѣховскій. Того же полка унтеръ-офицеръ. 34) Августинъ Бризенмейстеръ. Тоже самое. 35) Игнатій Полянскій. Тоже самое. 36) Өома Свѣркоцкій, бывш. Пол. войскъ 2-го пѣхотн. полка фельдфебель. 37) Карлъ Клоссъ. Тоже самое. 38) Антонъ Запасникъ. Того же полка унтеръ-офицеръ. 39) Казимиръ Обремскій. Тоже самое. 40) Андрей Радлицкій. Тоже самое. 41) Өедоръ Карчевскій, того же полка подпрапорщикъ. 42) Войцехъ Зджарскій, того же полка фельдфебель. 43) Францъ Хельмонскій, бывш. Пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича № 3 полка подпрапорщикъ. 44) Юліанъ Сокочевскій. Тоже самое. 45) Осипъ Вашкевичъ, того же полка фельфебель. 46) Антонъ Янушинскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 47) Мартынъ Раевскій. Тоже самое.

48) Антонъ Скальскій, того же полка фельдфебель. 49) Симонъ Фютинскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 50) Клавдій Бернадскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 51) Зенонъ Кулаковскій, бывш. Пол. войскъ 4 пѣхотн. полка фельдфебель. 52) Иванъ Павловскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 53) Осипъ Войцеховскій. Тоже самое. 54) Сильвестръ Шаблицкій. Тоже самое. 55) Осипъ Ковальскій. Тоже самое. 56) Викентій Карпинскій, бывш. Пол. войскъ 5 пѣхотн. полка фельдфебель. 57) Гаспаръ Колачинскій. Того же полка унтеръ-офицеръ. 58) Станиславъ Трушковскій. Тоже самое. 59) Маркелъ Виславскій. Того же полка фельдфебель. 60) Людовикъ Скродскій. Тоже самое. 61) Өедоръ Гулевичъ. Тоже самое. 62) Валентинъ Зомбковскій. Тоже самое. 63) Өедоръ Елинскій, того же полка унтеръ-офицеръ. 64) Максимиліанъ Лютостанскій. Тоже самое. 65) Іеронимъ Дембицкій, бывш. Пол. войскъ 6-го пѣх. полка фельдфебель. 66) Францъ Лисѣцкій. Тоже самое. 67) Леонъ Добржицкій. Того же полка унтеръ-офицеръ. 68) Маркелъ Магнускій. Тоже самое. 69) Феликсъ Павловскій. Того же полка подпрапорщикъ. 70) Иванъ Пихельскій, бывш. Пол. войскъ 7-го пѣхотн. полка подпрапорщикъ. 71) Михайло Словяновскій. Тоже самое. 72) Антонъ Боровскій. Того же полка фельдфебель. 73) Павелъ Пепловскій. Того же полка унтеръ-офицеръ. 74) Осипъ Массальскій. Того же полка фельдфебель. 75) Францъ Мильцеръ. Тоже самое. 76) Адамъ Лясота. Того же полка унтеръ-офицеръ. 77) Андрей Грошовскій. Тоже самое. 78) Осипъ Баерскій. Тоже самое. 79) Людовикъ Зверковскій. Тоже самое. 80) Фердинандъ Мейснеръ. Тоже самое. 81) Францъ Лисѣцкій, бывш. Пол. войскъ 8 пѣх. полка унтеръ-офицеръ. 82) Доминикъ Саскій. Тоже самое. 83) Гаврило Морачевскій. Тоже самое. 84) Матвѣй Консиновскій. Тоже самое. 85) Леопольдъ Кѣтлинскій. Тоже самое. 86) Феликсъ Лубенскій. Тоже самое. 87) Андрей Новосельскій. Тоже самое. 88) Константинъ Ковецкій. Тоже самое. 89) Осипъ Пательскій, бывш. Пол. войскъ Егерскаго Е. И. Величества № 1 полка фельдфебель. 90) Станиславъ Мазуркевичъ. Того же полка унтеръ-офицеръ. 91) Антонъ Бачевскій. Тоже самое. 92) Феликсъ Шимановскій. Тоже самое. 93) Леонъ Липинскій. Тоже самое. 94) Станиславъ Рыдецкій. Тоже самое. 95) Венедиктъ Козловскій. Тоже самое. 96) Иванъ Янушевскій. Тоже самое. 97) Антонъ Вержбицкій. Тоже самое. 98) Михайло Мыстковскій, бывш. Пол. войскъ 2-го Егерскаго полка фельдфебель. 99) Станиславъ Чайковскій. Тоже самое. 100) Иванъ Бржезинскій. Тоже самое. 101) Францъ Шамота. Того же полка унтеръ-офицеръ. 102) Степанъ Мшанецкій. Тоже самое. 103) Осипъ Любовицкій. Тоже самое. 104) Францъ Глашинскій. Тоже самое. 105) Иванъ Пенчиковскій. Тоже самое. 106) Кастанъ Яворскій. Тоже самое. 107) Михайло Остророгъ. Тоже самое. 108) Викентій Модзелевскій, бывш. Пол. войскъ 3-го Егерскаго полка подпрапорщикъ. 109) Эдуардъ Берльеръ. Того же полка унтеръ-офицеръ. 110) Андрей Піяновскій. Тоже самое. 111) Францъ Скомпскій. Тоже самое. 112) Іеронимъ Паѣнцкій. Тоже самое. 113) Лукьянъ Каперскій, быв. Пол. войскъ 4-го Егерскаго полка фельдфебель. 114) Осипъ Козловскій. Тоже самое. 115) Вильгельмъ Хрусцинскій. Того же полка унтеръ-офицеръ. 116) Ксаверій Гускій. Тоже самое. 117) Эразмъ Борженцкій. Тоже самое. 118) Антонъ Парисъ. Тоже самое. 119) Викторъ Радзѣіовскій. Тоже самое. 120) Людовикъ Рожницкій. Тоже самое. 121) Викентій Гаучъ, бывш. Пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Павловича № 1 полка унтеръ-офицеръ. 122) Іосифъ Добровольскій, отставной того же полка подпоручикъ. 123) Осипъ Зѣлинскій. Того же полка рядовой. 124) Константинъ Тршасковскій, бывш. Пол. войскъ 4-го Егерскаго полка фельфебель. 125) Карлъ Кобылинскій. Того же полка унтеръ-офицеръ. 126) Викторъ Тыльскій, быв. Пол. войскъ 6-го пѣх. полка унтеръ-офицеръ. 127) Станиславъ Попинскій, уволенный отъ службы подпоручикомъ изъ подпрапорщиковъ быв. пол. войскъ Л.-Гв. Гренад. полка. 128) Северинъ Циховскій. Отставной подпрапорщикъ того же полка. 129) Карлъ Пашкѣвичъ. отставной унтеръ-офицеръ того же полка. (Всѣ вышеназванные подпрапорщики, фельдфебеля и унтеръ-офицеры состояли въ 1830 году въ Школѣ пѣхотныхъ подпрапорщиковъ въ Варшавѣ. 130) Людовикъ Набѣлякъ, редакторъ газетъ. 131) Северинъ Гощинскій Тоже самое. 132) Рохъ Рупневскій, студентъ бывшаго Варшавскаго Александровскаго Университета. 133) Людовикъ Орнишевскій. Тоже самое. 134) Валентинъ Насіоровскій. Тоже самое. 135) Эдуардъ Тршцинскій. Тоже самое. 136) Людовикъ Янковскій. Тоже самое. 137) Александръ Свентославскій. Тоже самое. 138) Валентинъ Кросновскій. Тоже самое. 139) Монардъ Реттель, бывш. ученикъ Варшав. Лицея. 140) Осипъ Заливкій, бывш. пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Павловича № 1 полка подпоручикъ. 141) Антонъ Чарнецкій. Тоже самое. 142) Яковъ Грабовскій Того же полка фельдфебель. 143) Антонъ Росляковскій. Бывш. пол. войскъ 4-го пѣхотнаго полка капитанъ. 144) Викентій Слубицкій. Того же полка поручикъ. 145) Осипъ Свенцицкій. Тоже самое. 146) Маркелъ Сицинскій. Того же полка подпоручикъ. 147) Алексѣй Косицкій. Тоже самое. 148) Адамъ Пршерадскій. Тоже самое. 149) Титъ Пршерадскій. Тоже самое. 150) Осипъ Кршиштопорскій. Тоже самое. 151. Юліанъ Заіончковскій. Тоже самое. 152) Матвѣй Лоссовскій. Тоже самое. 153) Андрей Гавронскій, быв. пол. войскъ Сапернаго Баталіона Капитанъ 1-го класса. 154. Ру-

дольфъ Гасфортъ. Того же батал. подпоручикъ. 155) Карлъ Карсницкій. Тоже самое. 156) Станиславъ Долингеръ. Тоже самое. 157) Антонъ Шиндлеръ. Того же батал. унтеръ-офицеръ. 158) Петръ Урбанскій, быв. пол. войскъ Л. Гв. Гренад. полка поручикъ. 159.(Леонъ Человскій. Того же полка подпоручикъ.)160.(Александръ Ласкій. Тоже самое. 161) Людовикъ Балинскій. Того же полка подпрапорщикъ. 162) Людовикъ Михаловскій, быв. пол. войскъ пѣхотнаго Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича № 5 полка подпоручикъ 163) Людовикъ Боркѣвичъ, быв. пол. войскъ 7-го пѣх. полка подпоручикъ. 164) Людовикъ Яблоковскій, быв. пол. войск. пѣхот. Е. И. В. Вел. Кн. Михаила Павловича № 1 полка подпоручикъ. 165) Иванъ Лозовскій. Тоже самое. 166) Алексанрръ Стрненскій, быв. пол. войскъ Егерскаго Е. И. Вел. № 1 полка подпоручикъ. 167) Адамъ Вендроговскій. Того же полка унтеръ-офицеръ. 168) Игнатій Волошинскій, быв. пол. войскъ 3-го Егер. полка подпоручикъ. 169) Леонъ Бешковскій. Тоже самое. 170) Игнатій Черникъ. Того же полка фельдфебель. 171) Иванъ Лабановскій, быв. пол. войскъ Гвард. Конно-Артил. батареи поручикъ. 172) Александръ Орловскій. Той же батареи подпоручикъ. 173) Графъ Маврикій Гауке. Тоже самое. 174) Антонъ Ольшевскій. Той же батареи унтеръ-офицеръ. 175) Альбертъ Гаевскій. Тоже самое. 176) Феликсъ Новосельскій, быв. пол. войскъ Саперн. батал. подпоручикъ. 177) Іосифъ Іокишъ. Того же батал. подпрапорщикъ. 178) Викентій Гиршпель. Тоже самое. 179) Алексѣй Пухальскій. Тоже самое. 180) Осипъ Бѣлявскій. Тоже самое. 181) Осипъ Василевскій, быв. пол. войскъ. Гвард. Кон. Арт. Батареи унтеръ-офицеръ. 182) Антонъ Жарскій, быв. пол. войскъ пѣшей артиллеріи подпрапорщикъ. 183) Карлъ Борковскій. Той же батареи унтеръ-офицеръ. 184) Осипъ Глембоцкій. Тоже самое- 185) Антонъ Липскій. Тоже самое. 186) Игнатій Пѣнтка. Тоже самое. 187) Александръ Доновскій. Той же батареи подпрапорщикъ. 188) Людовикъ Раковскій. Той же батареи унтеръ-офицеръ. 189) Антонъ Шишковскій. Тоже самое. 190) Северинъ Дорнфельдъ. Тоже самое. 191) Леонъ Коссъ. Тоже самое. 192) Андрей Бржезинскій, быв. пол. войскъ пѣш. артил. легкой № 3 роты подпрапорщикъ. 193) Станиславъ Фрезе. Тоже самое. 194) Ксаверій Венгленскій. Тоже самое. 195) Антонъ Сколимовскій. Той же артил. № 4 роты унтеръ-офицеръ. 196) Ѳаддей Дорантовичъ, быв. пол. войскъ Кон. Артил. легк. № 1 батареи подпрапорщикъ. 197) Христофоръ Прэшель. Тоже самое. 198) Юліанъ Гриффель. Тоже самое. 199) Графъ Эдуардъ Платеръ. Той же Артил. № 2 батареи подпрапорщикъ. 200) Леопольдъ Звѣржховскій Тоже самое. 201) Викентій Заржецкій, был. пол. войскъ Ракетной полуроты унтеръ-офицеръ. 202) Александръ Яшовскій, был. пол. войскъ Ракетной конной полубатареи унтеръ-офицеръ. 203) Матвѣй Прошковскій. Был. пол. войскъ арсенальной мастеровой роты подпрапорщикъ. 204) Иванъ Баршковскій, студентъ бывш. Варшав. Университета. 205) Леопольдъ Гевартовскій. Тоже самое. 206) Станиславъ Фалинскій. Тоже самое. 207) Адамъ Пиволарскій. Тоже самое. 208 Наполеонъ Шиманскій. Тоже самое. 209) Викентій Кобылинскій. Тоже самое. 210) Александръ Лидке. Тоже самое. 211) Антонъ Бацевичъ. Тоже самое) 212) Поликарпъ Сухорскій, магистръ Правъ. 213) Александръ Маіончинскій, быв. студ. бывш. Варшав. Унив. 214) Михайло Швейцеръ. Тоже самое. 215) Осипъ Мейзнеръ, исключенный изъ аппликантовъ при Присутственныхъ мѣстахъ. 216) Кастанъ Витковскій, студ. бывш. Варшав. Унив. 217) Игнатій Модлинскій. Тоже самое. 218) Константинъ Яроновскій, быв. ученикъ 6-го класса въ Варшав. Воеводскомъ училищѣ. 219) Юліанъ Домбскій, студ. бывш. Варш. Унив. 220) Леонъ Горженскій. Тоже самое 221) Казимиръ Пашковичъ, коммисаріатскаго Штата Подполковникъ. 222) Іосафатъ Болеславъ Островскій, за нерадѣніе исключенный изъ аппликантовъ при Присутственныхъ мѣстахъ. 223) Ксаверій Брониковскій, патронъ при Гражданскомъ Трибуналѣ Маловецкаго Воеводства. 224) Маврикій Мохнацкій, магистръ Правъ. 225) Графъ Густавъ Малаховскій, б. Посолъ Шидловецкаго повѣта. 226) Графъ Адамъ Гуровскій, помѣщикъ Колшинскаго воеводства. 227) Францъ Гржимала, редакторъ Газетъ. 228) Наполеонъ Габскій, писецъ при редакторѣ газеты „Всеобщій Журналъ". 229) Михайло Дембинскій. Уволенный отъ должности помощника секретаря въ правительственной коммиссіи финансовъ. 230) Владиміръ Казимиръ Корманскій, уволен. въ чинѣ подпоручика изъ вахмистровъ быв. пол. войскъ Гвард. Конно-Егерскаго полка. 231) Карлъ Штольцманъ, артиллеріи поручикъ, состоявшій адъюнктомъ дирекціи Артиллеріи быв. пол. войскъ. 232) Александръ Радзѣіовскій, отставной быв. пол. войскъ изъ 4-го Егер. полка унтеръ-офицеръ. 233) Францъ Трщинскій, б. Посолъ Орловскаго повѣта. 234) Адольфъ Циховскій, отстав. быв. пол. войскъ изъ Егер. Е. И. В. № 1 полка подпоручикъ. 235) Александръ Мнѣвскій, Помѣщикъ Калишскаго Воеводства. 236) Константинъ Пршиборовскій, житель Калишскаго Воеводства. 237) Наполеонъ Понинскій, житель Краковскаго Воеводства. 238) Князь Янушъ Четвертинскій, быв. пол. войскъ Кон. Артил. легкой № 2 батареи подпоручикъ. 239) Онуфрій Корженіовскій, быв. пол. войскъ пѣшей артил. батарейной № 2 роты унтеръ-офицеръ. 240) Викентій Нѣшокоцъ, быв. пол. войскъ артиллеріи поручикъ; состоялъ адъютантомъ при Дирекціи Артиллеріи. 241) Яковъ Антонини, быв. пол. войскъ 8-го пѣхот. полка маіоръ. 242) Графъ Романъ Сол-

тыкъ, б. Посолъ Конѣцкаго повѣта. 243) Валентинъ Звѣрковскій, членъ комитета Кредитнаго Общества. 244) Графъ Владиславъ Островскій, б. Посолъ Піотровскаго повѣта. 245) Графъ Антонъ Островскій, б. Сенаторъ Кастелянъ Царства Польскаго. 246) Графъ Иванъ Ледуховскій, б. Посолъ Ендржеіовскаго повѣта. 247) Францъ Воловскій, б. депутатъ Варшавскаго Округа. 248) Адамъ Лущевскій, б. Посолъ Сохачевскаго повѣта. 249) Іоахимъ Лелевель, б. Посолъ Желеховскаго повѣта.

II. Преступники, къ смертной казни отсѣченіемъ головы приговоренные:

1) Князь Адамъ Чарторыскій, бывшаго Сената Царства Польскаго сенаторъ, воевода и членъ бывшаго Администраціоннаго Совѣта. 2) Өеофилъ Моравскій, б. Посолъ Калишскаго Повѣта. 3) Станиславъ Баржиковскій, б. Посолъ Остроленкскаго повѣта. 4) Иванъ Скршинецкій, быв. пол. войскъ полковникъ, командиръ 8-го пѣхотнаго полка. 5) Бонавентура Нѣмоіовскій, помѣщикъ Калишскаго Воеводства. 6) Федоръ Моравскій. Тоже самое, 7) Алоизій Бернацкій, б. Посолъ Вѣлюнскаго повѣта. 8) Іосифъ Свирскій, б. Посолъ Грубѣтовскаго повѣта. 9) Иванъ Ольрихъ Шанѣцкій, б. Депутатъ Стопницкаго Округа.

III. Преступники, къ заключенію осужденные:

а) Строгому (reclusion dans une maison de force) на двадцать лѣтъ: 1) Каликстъ Карвиновскій, быв. пол. войскъ 4-го пѣх. полка поручикъ. 2) Юліанъ Дунинъ, того же полка подпоручикъ.

б) Тяжкому (reclusion rigoureuse) на десять лѣтъ: 3) Людовикъ Воловскій, студ. бывш. Варшав. Универс. 4) Игнатій Полихновскій. Тоже самое. 5) Ксаверій Новицкій. Тоже самое. 6) Юліанъ Лабенцкій. Тоже самое. 7) Владиміръ Юзефовичъ. Тоже самое.

1837 годъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(2 Января. № 1.)

Якутскаго пѣхотнаго полка рядовой изъ дворянъ Яковъ Васильевъ сынъ Масловскій, по произведенному надъ нимъ военному суду, оказался виновнымъ въ произнесеніи дерзкихъ выраженій на счетъ высочайшей особы Государя Императора и Грекороссійскаго исповѣданія. По докладу Государю Императору, послѣдовавшей о Масловскомъ конфирмаціи Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміею, Его Величество въ 13-й день минувшаго ноября высочайше повелѣть соизволилъ: рядоваго Масловскаго, по лишеніи дворянскаго достоинства и по выключкѣ изъ военнаго званія, опредѣлить въ арестантскія роты въ число всегдашнихъ арестантовъ.

1839 годъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(15 Декабря. № 100.)

Высочайше конфирмованная сентенція военнаго суда. Вольнопрактикующій въ г. Ригѣ лекарь 3-го класса Владиславъ Игнатьевъ сынъ Малицкій и Рижскій 3-й гильдіи купецъ Іоганъ Карлъ Вейсъ, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, преданы были Военному Суду за способствованіе къ побѣгу за границу бывшему студенту Дерптскаго Университета Владиславу Еленскому, оказавшемуся принадлежащимъ къ основанному въ г. Дерптѣ тайному обществу, и дворянину Коссаковскому, состоявшему подъ надзоромъ полиціи.

Генералъ-Аудиторіатъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, нашелъ означенныхъ подсудимыхъ виновными: во первыхъ, лекаря Малицкаго въ томъ, что онъ, зная, что студентъ Дерптскаго Университета Еленскій скрывался въ Ригѣ отъ преслѣдованія Правительства за участіе въ открытомъ въ Дерптѣ тайномъ обществѣ, не только не объявилъ о томъ полиціи, но еще, когда Еленскій вмѣстѣ съ проживавшимъ въ Ригѣ польскимъ дворяниномъ Леонардомъ Коссаковскимъ, подозрѣваемомъ въ связяхъ съ польскими мятежниками, вознамѣрился бѣжать за границу, онъ, Малицкій, способствуя имъ въ томъ, убѣдилъ къ содѣйствію и подсудимаго купца Вейса, и вмѣстѣ съ нимъ подговорилъ шкипера одного англійскаго корабля Шмидта, который, за условленную плату скрывъ тѣхъ бѣглыхъ у себя на кораблѣ подъ видомъ матросовъ, увезъ тайно

за границу.—Во-вторыхъ, купца Вейса въ томъ, что онъ, по собственному его сознанію, зная, что Еленскій и Коссаковскій, не имѣя паспортовъ, намѣреваются бѣжать за границу, не объявилъ о томъ полиціи, но еще по просьбѣ лекаря Малицкаго рѣшился содѣйствовать имъ въ этомъ преступномъ намѣреніи отысканіемъ шкипера иностраннаго корабля и потомъ вмѣстѣ съ Малицкимъ провожалъ ихъ на корабль; хотя же онъ въ извиненіе свое представляетъ, что рѣшился на сей поступокъ безъ умысла, единственно по легкомыслію и простотѣ, но сего за справедливое признать нельзя; ибо при всей своей простотѣ, онъ не могъ не понимать, что, способствуя къ побѣгу двумъ безпаспортнымъ людямъ, дѣйствовалъ преступно, въ явное нарушеніе законовъ. А потому Генералъ-Аудиторіатъ полагалъ: подсудимыхъ Малицкаго и Вейса, за умышленное способствованіе къ побѣгу заграницу Еленскому и Коссаковскому, чѣмъ доставили изъ нихъ Еленскому случай избѣжать преслѣдованія Правительства, на основаніи 206-го Воинскаго артикула, изъ нихъ Малицкаго, какъ болѣе виновнаго, лишивъ лекарскаго званія, отдать въ солдаты съ опредѣленіемъ на службу по распоряженію Инспекторскаго Департамента; а купца Вейса, вовлеченнаго въ сей поступокъ Малицкимъ, выдержать въ крѣпости въ казематѣ шесть мѣсяцевъ и потомъ подвергнуть полицейскому надзору на мѣстѣ жительства, сверхъ того взыскать съ нихъ издержанныя при производствѣ сего дѣла на канцелярскіе припасы, прогоны и суточныя деньги Аудитору всего 379 руб. 66 копѣекъ.

Съ симъ заключеніемъ поднесенъ былъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ въ 26-й день минувшаго октября послѣдовала собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: „Купца Вейса выслать на жительство въ Пермь, а впрочемъ быть по сему“.

1840 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе, томъ XV.)

12697. а.—Сентября 18. Именный указъ, объявленный министромъ государственныхъ имуществъ. — О возложеніи на ликвидаціонныя коммиссіи: Виленскую, Гродненскую и Волынскую производства ликвидаціи долговъ по имѣніямъ мятежниковъ, конфискованнымъ за участіе въ заговорѣ Канарскаго. Виленскій Военный, Гродненскій, Минскій и Бѣлостокскій Генералъ-Губернаторъ, имѣя въ виду, что по случаю открытія вновь въ Западныхъ губерніяхъ заговора, главнымъ зачинщикомъ коего былъ Эмисаръ Канарскій, нѣкоторые прикосновенные къ оному лицу, по приговорамъ военныхъ судовъ въ Вильнѣ и Кіевѣ, лишены правъ состоянія съ подверженіемъ имѣній ихъ конфискаціи, сообщилъ на усмотрѣніе вопросъ: слѣдуетъ ли на Ликвидаціонныя Коммиссіи, производящія ликвидацію долговъ и по конфискованнымъ за участіе въ заговорѣ Канарскаго имѣніямъ? (Далѣе слѣдуетъ на поставленный вопросъ утвердительный отвѣтъ).

1848 годъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(23 Марта. № 24.)

Высочайше конфирмированная сентенція военнаго суда. Виленскій Военный, Гродненскій, Минскій и Ковенскій генералъ-губернаторъ разсмотрѣвъ военно-судное дѣло о переданномъ Австрійскимъ Правительствомъ въ Россію дворянинѣ Виленской губерніи Адольфѣ Холмскомъ нашелъ его виновнымъ въ томъ, что, состоя до 1831 года на службѣ засѣдателемъ Дисненскаго земскаго суда, во время бывшаго польскаго мятежа, принималъ дѣятельное участіе въ ономъ, а послѣ удалился за границу, гдѣ, проживая болѣе 17-ти лѣтъ, не просилъ о помилованіи и дозволеніи возвратиться въ отечество, и потому конфирмаціею своею опредѣлилъ: его, Холмскаго, лишить дворянскаго достоинства и сослать въ Сибирь на поселеніе. Конфирмація сія въ 19-й день минувшаго февраля Высочайше утверждена.

1849 годъ.

Русскій Инвалидъ.

(22 декабря. № 276).

Пагубныя ученія, народившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія испровerженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ.

Но въ Россіи, гдѣ Святая Вѣра, любовь къ монарху и преданность къ Престолу—основаны на природныхъ свойствахъ народа и доселѣ хранятся непоколебимо въ сердцѣ каждаго,—только горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большею частью молодыхъ и безнравственныхъ, мечтала о возможности попрать священнѣйшія права религіи, закона и собственности. Дѣйствія злоумышленниковъ могли-бы только тогда получить опасное развитіе, если-бы бдительность Правительства не открыла зла въ самомъ началѣ.

По произведенному изслѣдованію обнаружено, что служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ титулярный совѣтникъ Буташевичъ-Петрашевскій первый возымѣлъ замыселъ на испроверженіе нашего государственнаго устройства съ тѣмъ, чтобы основать оное на безначаліи. Для распространенія своихъ преступныхъ намѣреній онъ собиралъ у себя въ назначенные дни молодыхъ людей разныхъ сословій. Богохуленіе, дерзкія слова противъ Священной Особы Государя Императора, представленіе дѣйствій Правительства въ искаженномъ видѣ и порицаніе государственныхъ лицъ—вотъ тѣ орудія, которыя употреблялъ Петрашевскій для возбужденія своихъ посѣтителей. Въ концѣ 1848 года онъ приступилъ къ образованію независимо отъ своихъ собраній тайнаго общества, дѣйствуя заодно съ Поручикомъ лейбъ-гвардіи Московскаго Полка Момбели, Штабсъ-капитаномъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго Полка. Львовымъ 2-мъ и неслужащимъ дворяниномъ Спѣшневымъ. Изъ нихъ: Момбели предложилъ учрежденіе тайнаго общества подъ названіемъ „Тайнаго Товарищества“ или „Братства взаимной помощи и людей превратныхъ мнѣній“; Львовъ—опредѣлилъ составъ общества, а Спѣшневъ—написалъ планъ для произведенія общаго возстанія въ Государствѣ.

У двухъ изъ сообщниковъ Петрашевскаго: Титулярнаго Совѣтника Кашкина и Коллежскаго Ассессора Дурова были также назначены въ извѣстные дни собранія въ томъ же преступномъ духѣ.

Для раскрытія всѣхъ соучастниковъ въ этомъ дѣлѣ Государю Императору благоугодно было учредить особенную секретную слѣдственную Коммиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Набокова изъ слѣдующихъ членовъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гагарина, генералъ-лейтенанта Дубельта и генералъ-адъютантовъ князя Долгорукова 1-го и Ростовцева.

По представленному Его Величеству, послѣ пятимѣсячныхъ самыхъ тщательнюхъ розысканій, докладу Коммиссіи, всѣ лица, кои оказались вовлеченными въ преступные замыслы или случайно, или по легкомыслію, посредствомъ другихъ, были по Высочайшему повелѣнію освобождены отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія законовъ.

Затѣмъ признаны подлежащими окончательному судебному разбору 23 человѣка, коихъ Высочайше повелѣно предать суду по Полевому Уголовному Уложенію въ Особой Военно-Судной Коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго изъ слѣдующихъ членовъ: генералъ-адъютантовъ: графа Строганова 2-го, Анненкова 2-го и Толстаго 1-го и сенаторовъ: князя Лобанова-Ростовскаго, Дурасова и Веймарна.

Генералъ-Аудиторіатъ, по разсмотрѣніи дѣла, произведеннаго Военно-Судною Коммиссіею, призналъ, что 21 подсудимый, въ большей или меньшей степени, но всѣ виновны: въ умыслѣ на испроверженіе существующихъ отечественныхъ законовъ и государственнаго порядка,—а потому и опредѣлилъ: подвергнуть ихъ смертной казни разстрѣляніемъ; остальныхъ же двухъ: отставного подпоручика Черносвитова, къ обвиненію котораго юридическихъ доказательствъ не оказалось, но обнаружившаго самый вредный образъ мыслей, оставить въ сильномъ подозрѣніи и сослать на жительство въ одно изъ отдаленныхъ мѣстъ Имперіи, а сына почетнаго гражданина Катенева, по случаю помѣшательства въ умѣ, оставить въ настоящее время безъ произнесенія надъ нимъ приговора, но, по выздоровленіи, вновь предать военному суду.

Его Величество, по прочтеніи всеподданнѣйшаго доклада Генералъ-Аудиторіата, изволилъ обратить Всемилостивѣйшее вниманіе на тѣ обстоятельства, которыя могутъ въ нѣкоторой степени служить смягченіемъ наказанія и вслѣдствіе того Высочайше повелѣлъ: прочитать подсудимымъ приговоръ суда при сборѣ войскъ и, по совершеніи всѣхъ обрядовъ, предшествующихъ смертной казни объявить, что Государь Императоръ даруетъ имъ жизнь, и затѣмъ, вмѣсто смертной казни, подвергнуть ихъ слѣдующимъ наказаніямъ:

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-Аудиторіата.	Высочайшая Конфирмація.
1	Служащаго въ Департаментѣ Внутреннихъ Сношеній Министерства Иностранныхъ дѣлъ Титулярнаго Совѣтника Михаила Буташевича-Петрашескаго (28-ми лѣтъ).	За преступный замыселъ къ испровержению существующаго въ Россіи государственнаго устройства, привлеченіе на бывшія у него сходбища разнаго званія, большею частью, молодыхъ людей, распространеніе между ними зловредныхъ идей богохуленіемъ, дерзкими словами противъ Священной Особы Государя Императора, превратнымъ толкованіемъ правительственныхъ мѣръ и порицаніемъ государственыхъ лицъ и, наконецъ, за покушеніе составить для той же цѣли тайное общество.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока.
2	Неслужащаго дворянина Николая Спѣшнева (28-ми лѣтъ.)	За злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, за покушеніе для этой цѣли составить тайное общество и произнесеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчей противъ релегіи.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ раскаянію икъ добровольному раскрытію весьма важныхъ обстоятельствъ дѣла, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на десять лѣтъ.
3	Лейбъ-Гвардіи Московскаго Полка Поручика Николая Момбели (26-ти лѣтъ). лѣтъ).	За злоумышленное намѣреніе произвести переворотъ въ общественномъ бытѣ Россіи въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, за покушеніе для той же цѣли составить тайное общество и за помѣщеніе въ рукописныхъ своихъ сочиненіяхъ въ высшей степени дерзкихъ словъ о Священной Особѣ Государя Императора.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.
4	Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго Полка Поручика Николая Григорьева (27-ми	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, написаніе и распространеніе статьи въ высшей степени возмутительнаго содер-	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-Аудиторіата.	Высочайшая Конфирмація.
		жанія, подъ заглавіемъ „Солдатская бесѣда“, которая имѣла цѣлью поколебать въ нижнихъ чинахъ преданность къ Престолу и повиновеніе начальству.		
5	Лейбъ Гвардіи Егерскаго Полка Штабсъ-Капитана Ѳедора Львова 2-го (25-ти лѣтъ).	За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за принятіе участія въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.
6	Студента С.-Петербургскаго университета Николая Филиппова (25-ти лѣтъ).	За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за покушеніе къ распространенію въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства на четыре года, а потомъ опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ.
7	Состоящаго при Азіятскомъ Департаментѣ въ Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ Языковъ кандидата Дмитрія Ахшарумова (26-ти лѣтъ).	За непосредственное участіе въ преступныхъ намѣреніяхъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи и за покушеніе на распространеніе въ высшей степени дерзкихъ, возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства на четыре года и потомъ опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Кавказскій Корпусъ.
8	Приватнаго Слушателя въ С.-Петербургскомъ Университетѣ Александра Ханыкова (23-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и произнесеніе возмутительной рѣчи, въ коей порицалъ Бога и существующее въ Россіи государственное устройство.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодымъ лѣтамъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одномъ изъ Оренбургскихъ Линейныхъ Баталіоновъ
9	Отставного Коллежскаго Ассессора Сергѣя Дурова (33-хъ лѣтъ.)	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, учрежденіе у себя на квартирѣ собраній для этой цѣли и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года, а потомъ опредѣлить рядовымъ.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-Аудиторіата.	Высочайшая Конфирмація.
10	Отставного Инженеръ-Поручика Ѳедора Достоевскаго (27-ми лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе одного частнаго письма, наполненнаго дерзкими выраженіями противъ Православной Церкви и верховной Власти и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года и потомъ опредѣлить рядовымъ.
11	Служащаго въ Азіятскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Коллежскаго Совѣтника Константина Дебу 1-го (39-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ вообще и въ особенности за совѣщанія о составленіи тайнаго общества.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на четыре года въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства и потомъ опредѣлить рядовымъ.
12	Служащаго въ Азіятскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Губернскаго Секретаря Ипполита Дебу 2-го (25-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе зловредныхъ ученій и за храненіе у себя въ высшей степени возмутительныхъ сочиненій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на два года въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства и потомъ опредѣлить рядовымъ.
13	Учителя Русской Словесности, не имѣющаго чина Феликса Толля (26-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго рѣчи противъ Религіи.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на два года.
14	Помощника Инспектора классовъ въ С.-Петербугскомъ Технологическомъ Институтѣ Титулярнаго Совѣтника Ивана Ястржембскаго (35-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и чтеніе на собраніяхъ у Петрашевскаго своихъ сочиненій, написанныхъ въ возмутительномъ духѣ.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.
15	Неслужащаго Дворянина Алексѣя Плещеева (23-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и на происходившихъ у Петрашевскаго непозволительныхъ разсужденіяхъ о Правительствѣ и за доставленіе отставному Инженеру Поручику Достоевскому частнаго письма (о коемъ упомянуто выше), наполненнаго дерзкими вы-	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-Аудиторіата.	Высочайшая Конфирмація.
		раженіями противъ Православной Церкви и Верховной Власти.		
16	Служащаго въ Азіятскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Титулярнаго Совѣтника Николая Кашкина (20-ти лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ къ произведенію переворота въ общественномъ бытѣ Россіи съ примѣненіемъ къ оному безначалія, за учрежденіе у себя на квартирѣ для этой цѣли собранія и произнесеніе преступныхъ рѣчей противъ Религіи и общественнаго устройства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ и раскаянію, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Кавказскихъ Линейныхъ баталіоновъ.
17	Состоящаго при Департаментѣ Министерства Юстиціи Титулярнаго Совѣтника Василія Головинскаго (20-ти лѣтъ).	За возмутительные въ высшей степени разговоры противъ Правительства на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Оренбургскихъ Линейныхъ баталіоновъ.
18	Лейбъ-Гвардіи Егерскаго Полка Поручика Александра Пальма (26-ти лѣтъ).	За посѣщеніе собраній Петрашевскаго и Дурова и за недоведеніе до свѣдѣнія Правительства о слышанныхъ имъ тамъ преступныхъразговорахъ.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ принесенному раскаянію, вмѣнивъ въ наказаніе нахожденіе подъ слѣдствіемъ и судомъ и восьми мѣсячное содержаніе въ казематѣ, перевести тѣмъ же чиномъ въ Армію.
19	Служащаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ чиновника для особыхъ порученій Титулярнаго Совѣтника Константина Тимковскаго (34-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ и распространеніе зловредныхъ ученій.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на шесть лѣтъ въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства.
20	Отставного Коллежскаго Секретаря Александра Европеуса (22-хъ лѣтъ).	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, предположеніе составить общую для круга соучастниковъ библіотеку запрещенныхъ сочиненій и за допущеніе къ произнесенію въ его квартирѣ въ высшей степени преступныхъ рѣчей противъ Религіи и Правительства.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Во вниманіе къ молодости лѣтъ, лишивъ чиновъ, опредѣлить рядовымъ въ одинъ изъ Кавказскихъ Линейныхъ баталіоновъ безъ лишенія дворянства.

№	Имена преступниковъ.	Главные виды преступленій, судомъ обнаруженные.	Заключеніе Генералъ-Аудиторіата.	Высочайшая Конфирмація.
21	Московскаго Мѣщанина Петра Шапошникова.	За преступные разговоры въ своей квартирѣ противъ Религіи и Правительства и за сильное подозрѣніе противъ Священной Особы Государя Императора.	Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ.	Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на шесть лѣтъ въ арестантскія роты Инженернаго Вѣдомства и потомъ опредѣлить въ одинъ изъ Оренбургскихъ Линейныхъ баталіоновъ.

Затѣмъ подсудимаго отставного подпоручика Черносвитова Высочайше повелѣно: оставить въ сильномъ подозрѣніи, отправить на жительство въ Кексгольмскую крѣпость; заключеніе же Генералъ-Аудиторіата на счетъ помѣшавшагося въ умѣ сына почетнаго гражданина Катенева, заключающееся въ томъ, чтобы вновь предать его военному суду, въ случаѣ выздоровленія,—Высочайше утверждено.

И такъ, виновные, заслуживше по закону смертную„ казнь и только неизреченнымъ милосердіемъ Государя Императора помилованные, понесутъ достойное наказаніе. Да послужитъ настоящее дѣло предостереженіемъ и спасительнымъ примѣромъ юношамъ, можетъ быть также заблуждающимся, но еще не преступнымъ. Да обратятъ, въ особенности, родители вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей и да потщатся внушать имъ съ младенческихъ лѣтъ, что только Святая Вѣра, любовь къ Монарху и преданность къ Отчеству, повиновеніе законамъ и установленнымъ властямъ—могутъ служить незыблемымъ основаніемъ спокойствію Государствъ и благоденствію всѣхъ и каждаго!

1856 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ XXXI.)

(Изъ Коронаціоннаго Манифеста, 26 августа 1856 года, внесеннаго въ статью 30871 П. С. З.).

Подвергшимся разнымъ за политическія преступленія наказаніямъ и до нынѣ еще не получившимъ прощенія, но по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному послѣ произнесеннаго надъ ними приговора поведенію, заслуживающимъ помилованія, даровать, на основаніи особыхъ для того постановленныхъ правилъ: однимъ—облегченія, болѣе или менѣе значительныя, въ самомъ мѣстѣ ихъ ссылки; другимъ же—освобожденіе отъ оной, съ правомъ жительствовать въ одной изъ указанныхъ имъ внутреннихъ Великороссійскихъ губерній, а нѣкоторымъ—и дозволеніе жить, гдѣ пожелаютъ въ предѣлахъ Нашей Имперіи и Царства Польскаго, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы.

Тѣмъ изъ сихъ, получающихъ нынѣ прощеніе, которые были подвергнуты наказанію по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда 13-го Іюня 1826 года и мнѣнію Государственнаго Совѣта 24-го февраля 1829 года [1]) или же на основаніи постановленій Военно-Судныхъ Коммиссій, по прикосновенности къ замысламъ и дѣйствіямъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ 1825 и 1827 годахъ, и къ бывшему въ 1831 году возмущенію въ Польшѣ, а дотолѣ принадлежали къ дворянству потомственному, даровать вмѣстѣ съ законными ихъ послѣ произнесенія надъ ними приговора рожденными дѣтьми, всѣ права потомственнаго дворянства, токмо безъ права на прежнія имущества.

Имена тѣхъ изъ осужденныхъ по приговорамъ 1826, 1827 и 1829 годовъ, которымъ даруется потомственное дворянство, означены въ особомъ указѣ Нашемъ Пра-

[1]) Это мнѣніе опубликовано не было. Ред.

вительствующему Сенату, а имена участвовавшихъ въ польскомъ возмущеніи, которымъ также даруется дворянство потомственное, будутъ объявлены чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Принадлежавшимъ къ другимъ состояніямъ, также и на томъ же основаніи, даровать вмѣстѣ съ законными дѣтьми ихъ, послѣ ихъ осужденія рожденными, тѣ права состоянія, коими они до сего осужденія пользовались.

Состоящихъ по прикосновенности къ преступленіямъ политическимъ подъ особымъ надзоромъ полиціи, отъ онаго освободить.

Всѣ сіи облегченія и милости объявить кому слѣдуетъ установленнымъ для того порядкомъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ XXXI.)

30883.—Августа 26. Именной, данный Сенату.—О милостяхъ и облегченіяхъ, Всемилостивѣйше даруемыхъ, по случаю Коронаціи Его Императорскаго Величества, лицамъ, подвергшимся наказаніямъ за преступленія политическія. Желая въ день Коронованія Нашего оказать новую милость лицамъ, подвергшимся наказаніямъ за преступленія политическія и по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному поведенію заслужившимъ одобрительные отзывы, Мы даровали имъ разныя облегченія, о коихъ объявлено въ манифестѣ Нашемъ отъ сего числа (30877).

Изъ означенныхъ лицъ, осужденныхъ по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда 13 Іюля 1826 года и 18 августа 1827 года и мнѣнію Государственнаго Совѣта 24 февраля 1829 года, за участіе въ замыслахъ и дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ 1825 и 1827 годахъ, даруются Нами слѣдующія милости:

1) Находящимся въ Сибири на поселеніи: Сергѣю Трубецкому, Евгенію Оболенскому, Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Ивану Горбачевскому, Александру Поджіо, Владиміру Бечаснову, Ивану Пущину, Сергѣю Волконскому, Ивану Якушкину, Дмитрію Завалишину, Дмитрію Щепину-Ростовскому, Ивану Кирѣеву, Александру Фролову, Михайлѣ Бестужеву, Владиміру Штейнгелю, Гаврилѣ Батенкову, Петру Фаленбергу, Юліану Люблинскому и Василію Колесникову [1]; находящимся въ Сибири на жительствѣ: отставному губернскому секретарю Аполлону Веденяпину, Михайлѣ Кюхельбекеру, Веніамину Соловьеву, Андрею Быстрицкому, Флегонту Башмакову [2], Дмитрію Таптикову и Хрисанфу Дружинину [3]; служащимъ въ Сибири по гражданской части: канцелярскимъ служителямъ Николаю и Александру Крюковымъ, коллежскому регистратору Николаю Басаргину, губернскому секретарю Петру Свистунову, коллежскимъ секретарямъ Ивану Анненкову и Александру Бригену—дозволить возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаютъ, въ предѣлахъ Имперіи, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы; тѣхъ же, которые въ прежнее время возвращены изъ Сибири и жительствуютъ во внутреннихъ губерніяхъ—освободить отъ всѣхъ ограниченій.

2) Вмѣстѣ съ симъ, какъ возвращаемымъ нынѣ изъ Сибири, такъ и непоименованнымъ въ 1-мъ пунктѣ сего указа, уже жительствующимъ въ другихъ мѣстахъ Имперіи, которые были осуждены по тѣмъ же приговору, опредѣленію и мнѣнію 1826, 1827 и 1829 годовъ, а дотолѣ принадлежали къ дворянству потомственному и впослѣдствіи не пріобрѣли онаго новою службою, равно и законнымъ дѣтямъ какъ ихъ, такъ и осужденныхъ вмѣстѣ съ ними и впослѣдствіи умершихъ, рожденныхъ послѣ произнесенія надъ отцами приговоровъ и не пользующимся потомственнымъ дворянствомъ—даровать дворянство потомственное, только безъ правъ на прежнія имущества. Причисленнымъ же по винѣ своей къ низшимъ степенямъ: Владиміру Штейнгелю, Андрею Розену, Захару Чернышеву, Алексѣю Черкасову, Валеріану Голицыну и Веніамину Соловьеву и законнымъ дѣтямъ ихъ, рожденнымъ послѣ приговоровъ—даровать прежніе титулы: Голицыну—княжескій, Чернышеву—графскій, а прочимъ—баронскій. Если и послѣ умершихъ лицъ, осужденныхъ по упомянутымъ дѣламъ, пользовавшихся дотолѣ почетными титулами и причисленныхъ къ разрядамъ не выше третьяго, остались законныя дѣти, то и имъ даровать прежніе почетные титулы отцовъ ихъ.

3) Сыновьямъ изъ осужденныхъ въ 1826 году по приговору Верховнаго Уголовнаго Суда Василія Давыдова, Василія Ивашева, Вильгельма Кюхельбекера и Андрея Розена, названныхъ, при опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія,

---

[1]) О ссылкѣ Колесникова оффиціальныхъ свѣдѣній объявлено не было. Ред.

[2]) Тоже. Ред.

[3]) Тоже. Ред.

Васильевыми и Розеновыми, возвратить фамиліи отцевъ ихъ и именовать Давыдовыми, Ивашевыми, Кюхельбекерами и баронами Розенами.

4) Тѣмъ изъ уроженцевъ Западныхъ губерній, участвовавшихъ въ польскомъ возмущеніи 1831 года, которые, по ихъ безукоризненному поведенію, получатъ отъ главныхъ мѣстныхъ начальствъ разрѣшеніе возвратиться на родину, а равно и законнымъ дѣтямъ ихъ, рожденнымъ послѣ приговоровъ надъ отцами, даровать также: пользовавшимся до приговоровъ потомственнымъ дворянствомъ—всѣ права сего дворянства только безъ правъ на прежнія имущества, а принадлежавшимъ къ другимъ состояніямъ—права прежнихъ состояній ихъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащія по сему распоряженія.

1861 годъ.

Вѣдомости С.-П-бургской городской полиціи.

(14 декабря. № 275.)

По полицейскому управленію столицы [1].

14 сего декабря въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе на площади передъ Сытнымъ рынкомъ, что въ Петербургской части, отставному губернскому секретарю Михаилу Михайлову Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, коимъ опредѣлено: Михайлова, виновнаго въ злоумышленномъ распространеніи сочиненія, въ составленіи коего онъ принималъ участіе и которое имѣло цѣлью возбудить бунтъ противъ Верховной власти для потрясенія основныхъ учрежденій Государства, но осталось безъ вредныхъ послѣдствій по причинамъ, отъ Михайлова независившимъ, — лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на шесть лѣтъ.

1862 годъ.

Сѣверная Почта.

Газета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

(21 февраля. № 39).

Тринадцать лицъ, принадлежавшихъ къ составу мировыхъ учрежденій Тверской губерніи (членъ губернскаго присутствія Бакунинъ, предсѣдатели мировыхъ съѣздовъ, предводители дворянства Бакунинъ и Балкашинъ, мировые посредники: Кудрявцевъ, Полторацкій, Глазенапъ, Харламовъ, Лазаревъ, Кислинскій, Невѣдомскій и Лихачевъ и кандидаты мировыхъ посредниковъ: Широбоковъ и Демьяновъ) позволили себѣ письменно заявить мѣстному губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они впредь намѣрены руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніемъ 19 февраля 1861 года, и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу.

Тверское губернское по крестьянскому дѣлу присутствіе, разсмотрѣвъ вышеупомянутое заявленіе, постановило представить оное министру внутреннихъ дѣлъ, присовокупляя, что, по мнѣнію присутствія, лишь тотъ образъ дѣйствій долженъ быть признаваемъ враждебнымъ обществу, который основанъ не на соблюденіи дѣйствующаго закона, для всѣхъ обязательнаго, а на произволѣ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ.

Вслѣдствіе сего сдѣлано распоряженіе объ арестованіи означенныхъ лицъ и о преданіи ихъ суду 1 отдѣленія 5 департамента правительствующаго сената, коему подвѣдомственна Тверская губернія.

Русскій Инвалидъ.

(7 марта. № 51.)

На литературномъ вечерѣ, бывшемъ 2-го числа сего мѣсяца въ пользу Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, оставшійся за штатомъ про-

---

[1]) Никакихъ другихъ оффиціальныхъ сообщеній, кромѣ настоящаго, по дѣлу М. Л. Михайлова не появлялось. Редакторъ.

фессоръ с.-петербургскаго университета статскій совѣтникъ Павловъ читалъ статью „О тысячелѣтіи Россіи".

При чтеніи этой статьи г. Павловъ дозволилъ себѣ выраженія и возгласы, не находившіеся въ статьѣ, пропущенной цензурою, и клонящіеся къ возбужденію неудовольствія противъ правительства.

Вслѣдствіе сего, статскому совѣтнику Платону Павлову запрещено чтеніе публичныхъ лекцій и сдѣлано распоряженіе о высылкѣ его на жительство подъ надзоръ полиціи въ отдаленный уѣздный городъ.

Вѣдомости С.-Петербургской городской полиціи.

(30 мая. № 115.)

По полицейскому управленію столицы.

31 мая въ 8 часовъ назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади въ Рождественской части, бывшему отставному поручику гвардіи Владиміру Обручеву Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, коимъ опредѣлено: Обручева въ распространеніи такого сочиненія, которое, хотя безъ прямого и явнаго возбужденія къ возстанію противъ Верховной Власти, усиливается оспаривать и подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея и дерзостно порицать установленный государственными законами образъ правленія,—лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на три года, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ поселить въ Сибири навсегда.

Сѣверная Почта.

(3 іюня. № 119.)

Показаніями фабричныхъ работниковъ, на Петербургской Сторонѣ, обнаружено, что въ двухъ воскресныхъ школахъ: Сампсоніевской, на Выборской сторонѣ и Введенской, на Петербургской, преподается ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію соціалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ Правительства. Два работника, сперва посѣщавшихъ Сампсоніевскую, нынѣ посѣщающихъ Введенскую школу, позволили себѣ въ артели возмутительные толки, отзываясь о политическихъ переговорахъ, о пользѣ пожаровъ, о надобности сжечь весь Петербургъ и т. п. Значеніе подобнаго факта не требуетъ комментарій. Означенные работники арестованы по распоряженію с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

По докладу о семъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше разрѣшено: учредить особую слѣдственную коммиссію, для подробнаго изслѣдованія, при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствій распорядителей Сампсоніевской и Введенской воскресныхъ школъ и преподаваемаго въ нихъ обученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ закрыть обѣ школы, впредь до окончанія и опредѣленія слѣдствія.

Слѣдственная коммиссія уже приступила къ возложенному на нее порученію, а вышепоименованныя двѣ школы закрыты.

Сѣверная Почта.

(6 Іюня. № 121.)

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: лицъ, виновныхъ въ поджогахъ въ С.-Петербургѣ, судить военнымъ судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ съ предоставленіемъ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору права конфирмовать и приводить въ исполненіе приговоры военнаго суда.

Сѣверная Почта.

(8 Іюня. № 123.)

Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству 5 Іюня уволены отъ службы: флигель-адъютанты Его Императорскаго Величества, полковники: находящійся въ безсрочномъ отпуску, генеральнаго штаба графъ Ростовцевъ 1-й и лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка графъ Ростовцевъ 2-й.

Русскій Инвалидъ.

(8 Іюня. № 126.)

Объявленія С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

I.

Вслѣдствіе замѣченнаго вреднаго направленія въ нѣкоторыхъ изъ учрежденныхъ въ послѣднее время народныхъ читаленъ, которыя даютъ средство не столько для чтенія, сколько для распространенія между посѣщающими оныя лицами сочиненій, имѣющихъ цѣлью произвести безпорядки и волненіе въ народѣ, а также безосновательныхъ толковъ, С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ призналъ необходимымъ закрыть, впредь до дальнѣйшаго распоряженія, всѣ нынѣ существующія народныя читальни.

II.

С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, считая въ настоящее время своею обязанностью принимать всѣ мѣры къ прекращенію встревоженнаго состоянія умовъ и къ предупрежденію между населеніемъ Столицы, не имѣющихъ никакого основанія толковъ о современныхъ событіяхъ, призналъ необходимымъ закрыть, впредь до усмотрѣнія, шахматный клубъ, въ которомъ происходятъ и изъ коего распространяются тѣ неосновательныя сужденія.

Русскій Инвалидъ.

(8 Іюня. № 126.)

(Прик. воен. мин. 7 Іюня 1862 г. № 152).

Не смотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и безплатными школами, нынѣ положительно обнаружено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности, люди злоумышленные покушались въ этихъ школахъ развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Государь Императоръ, имѣя въ виду, что при многихъ воинскихъ частяхъ также учреждены воскресныя безплатныя школы, что, по затруднительности за ними надзора, злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ производить вредныя и ложныя ученія, что при томъ обнаружены уже нѣкоторыя преступныя покушенія увлечь и нижнихъ чиновъ къ нарушенію долга службы и присяги, Высочайше повелѣть соизволилъ, въ предупрежденіе могущихъ быть пагубныхъ послѣдствій, нынѣ закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы и вообще всякія училища для лицъ, не принадлежащихъ военному вѣдомству, и впредь никакихъ сборищъ постороннихъ людей въ зданіяхъ, занимаемыхъ войсками, отнюдь не допускать.

Сѣверная Почта.

(13 Іюня. № 127.)

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ, представленныхъ Его Величеству свѣдѣній о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ:
1) Немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ.
2) Впредь до преобразованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни.

Сѣверная Почта.

(14 Іюня. № 128.)

Высочайшія повелѣнія.

Государь Императоръ 10-го сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: Чтенія публичныхъ лекцій въ С.-Петербургѣ разрѣшать не иначе, какъ по взаимному соглашенію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, главнымъ начальникомъ III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Государь Императоръ 10-го сего іюня Высочайше повелѣть соизволилъ: нынѣ же закрыть учрежденное при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ особое отдѣленіе для вспомоществованія учащимся, поручивъ комитету, управляющему дѣлами означеннаго отдѣленія, передать въ вѣдѣніе Общества всѣ имѣющіяся въ отдѣленіи денежныя суммы.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(13 Іюля. № 56.)

Высочайшая Конфирмація по военно-судному дѣлу.

Уволенный отъ службы изъ Ольвіопольскаго Уланскаго (что нынѣ Ольвіопольскій Уланскій графа Остенъ-Сакена) полка поручикъ Янковскій, по произведенному надъ нимъ, по Высочайшему повелѣнію, военному суду при Кіевскомъ Ордонансъ-Гаузѣ оказался виновнымъ въ составленіи и злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго содержанія сочиненій и въ сношеніяхъ съ преступною цѣлью съ молодыми людьми въ Краковѣ, образовавшими въ средѣ своей тайное политическое общество.

Высочайше утвержденнымъ въ 14 день Іюня сего года заключеніемъ Генералъ-Аудиторіата повелѣно: подсудимаго Янковскаго за означенныя преступленія, на основаніи 286 ст. Улож. о наказ. Угол. и Исправ., лишить всѣхъ правъ состоянія и медали за усмиреніе Венгріи и Трансвааліи и сослать въ каторжную работу на четыре года.

Русскій Инвалидъ.

(20 Іюня. № 130.)

Приказъ по 1-й Арміи.

4-го Стрѣлковаго баталіона: Поручикъ Иванъ Арнгольдтъ, подпоручикъ Петръ Сливицкій 2-й и унтеръ-офицеръ Францъ Ростковскій., переведенный 8-го мая сего года изъ этого баталіона во Владимірскій пѣхотный генерала отъ инфантеріи князя Горчакова полкъ поручикъ Василій Каплинскій, переведенный 27-го апрѣля сего года изъ Штаба Начальника Артиллеріи 1-й Арміи въ 7-ю Артиллерійскую бригаду поручикъ Станиславъ Абрамовичъ и 4-го же Стрѣлковаго баталіона рядовой Левъ Щуръ, по произведенному надъ ними, на основаніи полевыхъ военныхъ законовъ, военному суду, оказались виновными:

1) Поручикъ Арнгольдъ и подпоручикъ Сливицкій 2-й а) въ оскорбленіи Священной Особы Его Императорскаго Величества распространеніемъ между нижними чинами, состоявшей въ завѣдываніи подсудимаго Сливицкаго 2-го, фехтовальной команды ложныхъ и дерзкихъ разсказовъ объ Особѣ Его Величества и Царствующемъ домѣ, взятыхъ изъ враждебныхъ Россіи сочиненій; б) порицаніи и превратномъ истолкованіи правительственныхъ реформъ по крестьянскому дѣлу и въ Царствѣ Польскомъ; в) въ возбужденіи нижнихъ чиновъ къ явному неповиновенію начальству и даже бунту; г) въ томъ, что имѣли у себя возмутительнаго содержанія сочиненія и распространяли ихъ между нижними чинами и д) вообще въ распространеніи между нижними чинами крайне зловредныхъ идей, имѣвшихъ цѣлью поколебать въ нихъ духъ вѣрности и повиновенія законнымъ властямъ.

2) Унтеръ-Офицеръ Ростковскій: а) въ храненіи и распространеніи между нижними чинами брошюръ возмутительнаго содержанія; б) въ чтеніи и передачи для того же рядовому Щуру полученныхъ имъ отъ поручика Арнгольдта и подпоручика Сливицкаго 2-го сочиненій крайне возмутительнаго содержанія; в) въ участіи въ преступленіяхъ поручика Арнгольдта и подпоручика Сливицкаго 2-го тѣмъ, что, зная о неблагонамѣренныхъ ихъ дѣйствіяхъ, не донесъ объ этомъ начальству и, кромѣ того, взялся исполнить порученіе подпоручика Сливицкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлиссельбургскаго и Олонецкаго пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать, во время смотра, на привѣтствія Начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ; г) храненіи у себя и не представленіи начальству двухъ запрещенныхъ пѣсенъ и д) въ самовольныхъ отлучкахъ изъ команды въ партикулярномъ платьѣ въ заѣздные и развратные дома.

3) Поручикъ Каплинскій: а) въ храненіи у себя и распространеніи, очевидно, съ преступною цѣлью между другими крайне возмутительнаго содержанія сочиненій подъ заглавіемъ: „Великоруссъ“ и „Историческій Сборникъ“, чтеніе которыхъ, по собственному сознанію одного изъ подсудимыхъ подпоручика Сливицкаго 2-го, имѣло особенно гибельное вліяніе на умъ его и преимущественно побудило его на преступленіе и б) въ упорномъ запирательствѣ на первоначальныхъ допросахъ о томъ, что не передавалъ другимъ этихъ сочиненій и что послѣдняго изъ нихъ вовсе не имѣлъ у себя.

4) Поручикъ Абрамовичъ въ томъ, что, взявъ у поручика Каплинскаго вышесказанное сочиненіе „Великоруссъ“, не только не представилъ этого сочиненія начальству, но давалъ, хотя и безъ особой злонамѣренной цѣли, читать его сослуживцамъ, и

5) Рядовой Щуръ: а) въ участіи въ преступныхъ замыслахъ поручика Арнгольдта и подпоручика Сливицкаго 2-го тѣмъ, что не донесъ о дѣйствіяхъ ихъ начальству и взялся, вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Ростковскимъ, исполнить порученіе подпоручика Сливицкаго 2-го подговорить нижнихъ чиновъ Шлиссельбургскаго и Олонецкаго

пѣхотныхъ полковъ не отвѣчать во время смотра на привѣтствіе начальника, чего не исполнилъ только потому, что означенные полки уже были выведены на смотръ и б) въ томъ, что, зная о преступныхъ дѣйствіяхъ унтеръ-офицера Ростковскаго и о томъ, что онъ читалъ запрещенныя книги, не только не донесъ о семъ, но и самъ бралъ эти сочиненія для чтенія.

За вышеизложенныя преступленія Временно-Главнокомандующій Арміею, конфирмаціею своею 14-го сего іюня опредѣлилъ:

1) Поручика Арнгольдта, подпоручика Сливицкаго 2-го и унтеръ-офицера Ростковскаго, на основаніи 15, 168, 171, 172, 173, 174, 175, 606 и 614 статей 1-й книги Военно-Уголовнаго Устава (изданія 1859 года) и 275, 276, 283, 287 и 288 статей 1-й книги XV тома Свода Законовъ (изданія 1857 года),—по лишеніи первыхъ двухъ чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, а послѣдняго бронзовой медали въ память минувшей войны и воинскаго званія, а также всѣхъ правъ состоянія, казнить смертью разстрѣляніемъ съ тѣмъ, чтобы смертная казнь надъ этими преступниками была исполнена, по мѣсту содержанія ихъ подъ арестомъ въ Новогеоргіевской крѣпости.

2) Поручика Каплинскаго, на основаніи 286 ст. 1-й книги XV тома Свода Законовъ (изданіе 1857 года) по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.

3) Поручика Абрамовича, примѣняясь къ вышеприведенной 286 ст. и по смыслу 409 ст. 2-й книги Военно-Уголовнаго Устава (изданія 1859 года) по отставленіи отъ службы выдержать въ казематѣ Новогеоргіевской крѣпости подъ арестомъ три мѣсяца и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на три года.

4) Рядоваго Щура, во вниманіе къ тому, что онъ вовлеченъ въ преступленіе вліяніемъ, какое имѣли на него Сливицкій, Арнгольдтъ и въ особенности Ростковскій, вмѣсто смертной казни, лишивъ медали въ память минувшей войны, воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія наказать шпицрутенами черезъ сто человѣкъ шесть разъ и сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

Конфирмація эта 16-го числа сего іюня приведена въ исполненіе.

Сѣверная Почта.

(28 Іюня. № 140.)

Приказъ по отдѣльному гвардейскому корпусу іюня 22 дня 1862 г. № 109.

Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Григорьевъ, по произведенному о поступкахъ его слѣдствію, обвиняется въ намѣреніи распространить между нижними чинами возмутительныя идеи противъ Правительства и Верховной власти.

Посему я предаю подпоручика Григорьева военному суду арестованнымъ въ особо учрежденной мною военно-судной коммиссіи при С.-Петербургскомъ ордонансъгаузѣ съ тѣмъ, чтобы приговоръ объ означенномъ офицерѣ былъ, согласно Высочайшему разрѣшенію, постановленъ на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ.

Сѣверная Почта.

(19 августа. № 181.)

Въ „Сѣверной Почтѣ“ (отъ 21 февраля 1862 г. № 39) объявлено было о преданіи по Высочайшему повелѣнію суду правительствующаго сената тринадцати тверскихъ дворянъ, принадлежавшихъ къ составу мировыхъ учрежденій Тверской губерніи, за письменное заявленіе мѣстному губернскому по крестьянскому дѣлу присутствію, что они намѣрены впредь руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ воззрѣніями и убѣжденіями, несогласными съ положеніемъ 19 февраля 1861 года и что всякій другой образъ дѣйствій они признаютъ враждебнымъ обществу. По разсмотрѣніи дѣла въ правительствующемъ сенатѣ (по 1 отдѣленію 5 департамента) упомянутыя лица: новоторжскій предводитель дворянства коллежскій секретарь Алексѣй Александровъ Бакунинъ, бывшій членъ губернскаго присутствія отставной штабсъ-капитанъ Николай Александровъ Бакунинъ, Корчевскій предводитель дворянства коллежскій регистраторъ Сергѣй Михайловъ Балкашинъ; мировые посредники: отставной подполковникъ Павелъ Александровъ Глазенапъ, отставной капитанъ-лейтенантъ Николай Петровъ Харламовъ, отставной поручикъ Николай Михайловъ Полторацкій, отставной гвардіи поручикъ Максимъ Андреевъ Лазаревъ, губернскій секретарь Логгинъ Федоровъ Лихачевъ, отставной поручикъ Александръ Николаевъ Невѣдомскій, отставной поручикъ Василій Николаевъ Кудрявцевъ, коллежскій ассессоръ Андрей Федоровъ Кислинскій; кандидаты мировыхъ посредниковъ: отставной подпоручикъ Алексѣй Петровъ Демьяновъ и отставной поручикъ Леонидъ Алексѣевъ Широбоковъ — признаны виновными въ составленіи и распространеніи заявленія, заключающаго въ себѣ недозволенныя сужденія о постановленіяхъ и дѣйствіяхъ правительства,

съ нарушеніемъ служебнаго порядка, за что, по силѣ существующихъ законовъ, рѣшеніемъ правительствующаго сената опредѣлено: лишивъ упомянутыхъ лицъ нѣкоторыхъ по 54 ст. уложен. особенныхъ правъ и преимуществъ, подвергнуть ихъ заключенію въ смирительномъ домѣ, сообразно разнымъ степенямъ виновности подсудимыхъ, на слѣдующіе сроки: коллежскаго секретаря Бакунина на два года и четыре мѣсяца, коллежскаго ассессора Кислинскаго на два года, а остальныхъ на два года и два мѣсяца. Рѣшеніе это было объявлено подсудимымъ 10 Іюня и на основаніи онаго они были подвергнуты заключенію 18 Іюля. Государь Императоръ, по случаю торжественнаго дня тезоименитства Государыни Императрицы, Всемилостивѣйше соизволилъ освободить всѣхъ упомянутыхъ лицъ отъ присужденнаго имъ заключенія, сохранивъ затѣмъ силу приговора въ остальной его части. Вслѣдствіе сего упомянутыя лица освобождены отъ заключенія 22 Іюля.

Сѣверная Почта.

(26 августа. № 187.)

(Приказъ по войскамъ, въ Царствѣ Польскомъ расположеннымъ. Г. Варшава. Іюля 14 дня 1862 г. № 7.)

Поручики стрѣлковыхъ баталіоновъ: 5-го Даниловичъ, 6-го Огородниковъ и Олонецкаго пѣхотнаго полка Зейнъ, оказавшіеся по слѣдственному дѣлу виновными въ томъ, что были главными распорядителями заказанной 24 минувшаго іюня, очевидно, съ цѣлью политической демонстраціи, въ походной церкви въ лагерѣ, панихиды по государственнымъ преступникамъ, по волѣ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Константина Николаевича предаются полевому военному суду, арестованными съ тѣмъ, чтобы судъ сдѣлалъ заключеніе и о степени виновности прикосновенныхъ къ дѣлу офицеровъ и священника.

Русскій Инвалидъ.

(18 сентября. № 206.)

Утверждается конфирмація Его Императорскаго Высочества Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ надъ поручиками: Стрѣлковыхъ баталіоновъ: 5-го Готскомъ-Даниловичѣ, 6-го Огородниковѣ и Олонецкаго пѣхотнаго Его Королевскаго Высочества Принца Карла Баварскаго полка Зейнѣ, которые, за то, что были главными распорядителями отправленной съ цѣлью политической демонстраціи панихиды по казненнымъ государственнымъ преступникамъ, а Огородниковъ, сверхъ того, за передачу священнику, служившему панихиду, ложныхъ и вредныхъ слуховъ о нынѣшнихъ событіяхъ въ Россіи и Царствѣ Польскомъ Зейнъ же за нарушеніе должнаго уваженія къ своему полковому командиру отставляются отъ службы съ выдержаніемъ подъ арестомъ въ Новогеоргіевской крѣпости въ казематѣ; Огородникова и Зейна въ теченіе года, а Даниловича въ продолженіе девяти мѣсяцевъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(30 октября. № 87).

Генералъ-Аудиторіатъ, разсмотрѣвъ военно-судное дѣло о юнкерѣ Новгородскаго баталіона Внутренней Стражи Степанѣ Ивановѣ Кудрявомъ, оказавшемся виновнымъ въ произнесеніи въ присутствіи нижнихъ чиновъ и въ употребленіи въ своемъ дневникѣ въ высшей степени преступныхъ выраженій противъ Верховной Власти и Правительства, положилъ: Кудряваго, лишивъ воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ. Означенное заключеніе Генералъ-Аудиторіата 4-го октября сего года Высочайше утверждено, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Кудрявому сократить на 6-ть лѣтъ. Г. Военный Министръ въ рапортѣ своемъ присовокупилъ, что подсудимый Кудрявый показывается, по формулярному списку, происходящимъ изъ дворянъ Новгородской губерніи.

Русскій Инвалидъ.

(24 октября. № 234.)

По сентенціи военнаго суда: Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Григорьевъ (Николай) за распространеніе между нижними чинами посредствомъ разговоровъ и сообщеній ложныхъ слуховъ, превратныхъ понятій о ихъ обязанностяхъ относительно Начальства и Правительства и покушеніе поселить между ними чувство неудовольствія къ существующему порядку, лишается чиновъ, дворян-

скаго достоинства, бронзовой медали въ память войны 1853—1856 годовъ и всѣхъ правъ состоянія и ссылается на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Изъ рапорта г. Военнаго Министра видно, что Григорьевъ, по формулярному списку, показывается изъ дворянъ Тульской губерніи.

Русскій Инвалидъ.

(25 октября. № 235.)

По сентенціи военнаго суда: Резервнаго дивизіона Александрійскаго Гусарскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка Подполковнику Красовскому, присужденному Генералъ-Аудиторіатомъ, на основаніи Полевыхъ Уголовныхъ Законовъ, къ лишенію чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни разстрѣляніемъ за покушеніе возбудить нижнихъ чиновъ къ неповиновенію черезъ подбрасываніе къ нимъ возмутительнаго воззванія и другія преступныя дѣйствія, по Всемилостивѣйшему Государя Императора повелѣнію, смертная казнь замѣняется политическою смертью, съ исполненіемъ надъ нимъ обряда, въ семъ случаѣ въ законахъ установленнаго, и ссылкою затѣмъ въ каторжную работу въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ.

Изъ рапорта г. Военнаго Министра видно, что Красовскій, по формулярному списку, показывается изъ дворянъ Орловской губерніи.

Сѣверная Почта.

(9 ноября. № 244.)

Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: уволеннаго Высочайшимъ приказомъ 5-го Іюня сего года, независимо желанія и безъ преимуществъ, бывшаго флигель-адъютанта, л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка графа Михаила Ростовцева считать уволеннымъ по прошенію и съ мундиромъ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: уволеннаго Высочайшимъ приказомъ 5-го іюня сего года, независимо желанія и безъ преимуществъ, бывшаго флигель-адъютанта полковника генеральнаго штаба графа Николая Ростовцева считать уволеннымъ отъ службы по прошенію и съ мундиромъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(21 декабря. № 112.)

Высочайшая конфирмація по военно-судному дѣлу.

Высочайшею конфирмаціею, послѣдовавшею 22 ноября сего года на всеподданнѣйшемъ докладѣ Генералъ-Аудиторіата повелѣно: бывшаго учителемъ Лугскаго уѣзднаго училища, произведеннаго указомъ Правительствующаго Сената отъ 11 іюля сего года за № 6545 за выслугу лѣтъ въ губернскіе секретари Николая Викторова за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій и за произведеніе 2 іюня сего года въ нетрезвомъ видѣ трехъ поджоговъ въ зданіи Лугскаго уѣзднаго училища, не имѣвшихъ, впрочемъ, никакихъ важныхъ послѣдствій, по лишеніи чиновъ и всѣхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ сослать на житье въ Иркутскую губернію съ воспрещеніемъ ему всякой отлучки изъ мѣста, которое будетъ назначено для его жительства въ продолженіе трехъ лѣтъ и потомъ выѣзда въ другія сибирскія губерніи въ теченіе десяти лѣтъ.

Русскій Инвалидъ.

(29 декабря. № 286.)

По сентенціи военнаго суда. Лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона поручикъ Посниковъ и прикомандированный къ этому баталіону Гренадерскаго Саперного баталіона поручикъ Еллинскій, за предоставленіе бывшему студенту Яковлеву возможности скрыть слѣды преступленія при арестованіи его во время распространенія между нижними чинами сочиненій возмутительнаго содержанія, а штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Саперного баталіона Энгель, за недонесеніе объ этомъ по начальству и бездѣйствіе власти, исключаются изъ службы съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ Посникова и Еллинскаго, сверхъ того, выдержать въ казематѣ крѣпости два мѣсяца.

1863 годъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(8 января. № 3.)

Бывшій студентъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Алексѣй Андреевъ Яковлевъ, по Высочайшему повелѣнію, сужденъ былъ военнымъ судомъ по полевымъ уголовнымъ законамъ и оказался виновнымъ въ распространеніи между нижними чинами сочиненій возмутительнаго содержанія и преступныхъ мыслей объ ограниченіи правъ верховной власти и измѣненіи существующаго порядка правленія. Генералъ-Аудиторіатъ, признавъ Яковлева подлежащимъ за преступленія его, лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни—разстрѣляніемъ, по особымъ уваженіямъ, представляющимся къ облегченію его участи, всеподданнѣйше ходатайствовалъ о дарованіи ему жизни, съ тѣмъ, чтобы по лишеніи его всѣхъ правъ состоянія сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на двадцать лѣтъ. На всеподданнѣйшемъ докладѣ Генералъ-Аудиторіата послѣдовала въ 7-й день декабря 1863 года собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы Яковлеву ограничить шестью годами“.

Къ сему г. Военный Министръ присовокупилъ, что Яковлевъ сынъ статскаго совѣтника, изъ дворянъ, какой губерніи по дѣлу не видно.

Сенатскія Вѣдомости.

(22 марта. № 24.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Хохрякову срокъ каторжной работы ограничить пятью годами“.

Въ Петербургѣ, 27-го Февраля 1863 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшихъ Студентахъ Императорской Медико-Хирургической Академіи: Василіи Хохряковѣ (22-хъ) и Петрѣ Беневольскомъ (19 лѣтъ), о мѣщанинѣ Михаилѣ Митрофановѣ (21 года), и крестьянахъ: Михаилѣ Ѳедоровѣ (17), Василіи Трифоновѣ (18), Егорѣ Коченковѣ (23 лѣтъ) и Иванѣ Антоновѣ (21 года), призналъ ихъ, по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла, виновными: Хохрякова и Беневольскаго—въ злоумышленномъ распространеніи возмутительныхъ воззваній, съ цѣлью возбудить къ неповиновенію Верховной Власти; Митрофанова, Ѳедорова и Трифонова — въ имѣніи у себя одного изъ означенныхъ воззваній и въ передачѣ онаго другимъ, впрочемъ, безъ злаго умысла; Коченкова—въ недонесеніи, кому слѣдовало, на виновнаго въ чтеніи возмутительныхъ воззваній, и Антонова также въ недонесеніи о передачѣ ему подобнаго же воззванія.

Совершенно соглашаясь съ опредѣленіемъ Правительствующаго Сената о мѣрѣ наказанія всѣхъ сихъ лицъ за преступленія, ими совершенныя, согласно съ дѣйствующими законами, Государственный Совѣтъ въ отношеніи одного изъ подсудимыхъ, а именно Петра Беневольскаго, принялъ въ уваженіе имѣющіяся въ дѣлѣ смягчающія вину его обстоятельства, и руководствуясь Св. Зак. (изд. 1857 г.) Т. XV кн. 1, Улож. о Нак. ст. 167 и 168, призналъ возможнымъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о смягченіи Беневольскому, слѣдующаго ему, по закону, наказанія.

По симъ соображеніямъ Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ:- утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената, и, вслѣдствіе сего, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній: 1) Участь бывшаго студента Императорской Медико-Хирургической Академіи Петра Беневольскаго повергнуть Монаршему милосердію, съ представленіемъ, не благоугодно-ли будетъ Его Императорскому Величеству Высочайше повелѣть: Беневольскаго, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, вмѣсто ссылки въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на пять лѣтъ и четыре мѣсяца, какъ по закону слѣдовало, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; 2) бывшаго студента той-же Академіи Василія Хохрякова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; 3) мѣщанина Михаила Митрофанова подвергнуть аресту на три недѣли, съ отдачею подъ надзоръ Полиціи на три года; 4) крестьянъ Василія Трифонова и Михаила Ѳедорова наказать розгами, по пятнадцати ударовъ каждаго, а затѣмъ также отдать подъ полицейскій надзоръ

на одинъ годъ; 5) крестьянина Егора Коченкова наказать розгами пятнадцатью ударами, и 6) Крестьянину Ивану Антонову сдѣлать строгое внушеніе, чтобы на будущее время немедленно доносилъ, кому слѣдуетъ, объ извѣстныхъ ему преступленіяхъ.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта
Графъ Д. Блудовъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(19 Апрѣля. № 32.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Васильева и Волкова, вмѣсто смертной казни, сослать въ каторжную работу на десять лѣтъ. . . . .

Воронову и Емельянову ограничить содержаніе въ крѣпости однимъ годомъ".

С.-Петербургъ, 23-го Марта 1863 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о почетномъ гражданинѣ Николаѣ Васильевѣ 18, канцелярскомъ служителѣ Николаѣ Волковѣ 20, бывшемъ студентѣ С.-Петербургскаго Университета Николаѣ Вороновѣ 19 и сынѣ чиновника 12 класса Яковѣ Емельяновѣ 17 лѣтъ, признавъ ихъ по собственнымъ отвѣтамъ, уликамъ и другимъ обстоятельствамъ дѣла виновными: Васильева—въ злоумышленіи на жизнь Государя Императора, выраженномъ въ составленномъ и распространенномъ имъ, Васильевымъ, возмутительномъ воззваніи и въ другихъ сочиненіяхъ; Волкова—въ участіи въ этомъ-же преступленіи и недонесеніи о томъ Правительству; наконецъ Воронова и Емельянова—въ недонесеніи, кому слѣдовало, о намѣреніи Васильева распространить возмутительное воззваніе, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената и, вслѣдствіе, на основаніи приведенныхъ въ опредѣленіи Сената узаконеній: 1) Васильева и Волкова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію, черезъ повѣшеніе и 2) Воронова и Емельянова, лишивъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость каждаго на два года.

Но при семъ Государственный Совѣтъ не могъ не обратить вниманія на то, что по дѣйствующимъ законамъ несовершеннолѣтніе преступники подвергаются наказанію значительно уменьшенному, противъ того, которое опредѣляется преступникамъ совершеннолѣтнимъ по всѣмъ родамъ преступленій и проступковъ, и что это основное правило нашего уголовнаго законодательства не имѣетъ и не можетъ имѣть своего примѣненія къ такимъ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ, которые оказываются виновными въ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь.

Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ положилъ: означенное обстоятельство повергнуть на Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта.
Графъ Д. Блудовъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(26 апрѣля. № 34.)

По сентенціи Военнаго Суда, 16-го Стрѣлковаго баталіона поручику Якову Ушакову, присужденному Генералъ-Аудиторіатомъ, на основаніи полевыхъ уголовныхъ законовъ, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ смертной казни разстрѣляніемъ, за распространеніе вредныхъ идей между фабричными работниками, посредствомъ чтенія и передачи имъ сочиненій возмутительнаго содержанія, съ съ преступною цѣлію возбужденія ихъ противъ правительства, по Всемилостивѣйшему Государя Императора повелѣнію, смертная казнь замѣняется лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкою въ каторжную работу на заводахъ на четыре года.

Сенатскія Вѣдомости.

(9 августа. № 64.)

Іюня 13. Михайловскаго Артиллерійскаго Училища Портупей-юнкеръ Адольфъ Іосифовъ Шукита, происходящій изъ дворянъ ковенской губерніи, по произведенному надъ нимъ военному суду, оказался виновнымъ въ распространеніи возмутительнаго печатнаго сочиненія. Генералъ-Аудиторіатъ полагалъ: юнкера Шукиту за это преступленіе, на основаніи 171 и 173 ст. 1 кн. Военно-Уголов. Устава и 286 ст. Улож. о

Наказ. Уголов. и Исправ., лишивъ Портупей-Юнкерскаго званія, дворянства и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года. Съ симъ заключеніемъ былъ представленъ Государю Императору отъ Генералъ-Аудиторіата всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ, въ 13-й день Іюля сего года, послѣдовала Собственноручная Его Императорскаго Величества конфирмація: „Быть по сему".

Русскій Инвалидъ.

(27 октября. № 237.)

По сентенціи военнаго суда: Линейнаго баталіона № 11-го подпоручикъ Крушевскій, за изъявленіе на словахъ готовности посягнуть на жизнь Священной Особы Его Императорскаго Величества и повтореніе затѣмъ дерзкихъ выраженій о Его Императорскомъ Величествѣ, въ присутствіи другихъ, лишается чиновъ, медали въ память войны 1853—1856 годовъ и всѣхъ правъ состоянія и, по преломленіи надъ головою чрезъ палача шпаги, ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(29 ноября. № 96.)

I.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, по дѣлу о мѣщанинѣ Мартьяновѣ, сужденномъ за сочиненіе и распространеніе, черезъ напечатаніе въ „Колоколѣ", письма къ Государю Императору, заключающее въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго въ Россіи порядка управленія, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ.

4 ноября 1863 года

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о мѣщанинѣ Петрѣ Мартьяновѣ (29 лѣтъ), признавъ его, по собственному сознанію, подтверждаемому и обстоятельствами дѣла, виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи, чрезъ напечатаніе въ „Колоколѣ", письма къ Государю Императору, заключающаго въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго въ Россіи порядка управленія, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената и, вслѣдствіе сего, мѣщанина Петра Мартьянова, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на пять лѣтъ, а по освобожденіи отъ сей работы, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда. Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и Членами.

II.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему".

Въ Царскомъ Селѣ 3-го ноября 1863 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ и въ Общемъ Собраніи, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, объ отставномъ канцелярскомъ служителѣ, изъ дворянъ, Митрофанѣ Муравскомъ (25 лѣтъ), признавъ его, по обстоятельствамъ дѣла виновнымъ: 1) въ произнесеніи дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ Священной Особы Государя Императора и 2) въ приготовленіи къ возбужденію бунта, мнѣніемъ положилъ: отставного канцелярскаго служителя, изъ дворянъ, Митрофана Муравскаго, на основаніи Свод. Зак. 1857 г. Т. XV Улож. Наказ. с. 280, 285, и 165-й, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а по прекращеніи сей работы, поселить въ Сибири навсегда. Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Гагаринъ.

Сѣверная Почта.

(17 декабря. № 276.)

Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 6-го Департамента, о вольнопрактикующемъ лекарѣ Каликстѣ Павловскомъ (29 лѣтъ), признавъ его, по ули-

камъ и обстоятельствахъ дѣла, виновнымъ въ покушеніи на распространеніе возмутительнаго воззванія, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената и, вслѣдствіе сего, вольнопрактикующаго лекаря Каликста Павловскаго, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на пять лѣтъ, а по прекращеніи сей работы, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда. На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему". Въ Ливадіи, 22 декабря 1863 года.

* * *

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о бывшемъ студентѣ с.-петербургскаго университета Сунгуровѣ, опредѣлилъ: бывшаго студента с.-петербургскаго университета Капитона Сунгурова, 28 лѣтъ, по предмету распространенія возмутительныхъ воззваній съ злымъ умысломъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за недонесеніе о полученіи имъ таковыхъ, имѣніе оныхъ и передачу другимъ, на основаніи 62, 138 и 285 ст. кн. 1 т. XV св. зак. угол., выдержать въ крѣпости въ теченіе одного года, безъ ограниченія правъ, съ высылкою потомъ изъ С.-Петербурга по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ.

Государственный Совѣтъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшемъ студентѣ с.-петербургскаго университета Капитонѣ Сунгуровѣ, осужденномъ за недонесеніе, кому слѣдовало, о полученіи имъ возмутительныхъ воззваній, храненіе оныхъ у себя и передачу другимъ, мнѣніемъ положилъ: утвердить по сему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената. Его Императорское Величество такое мнѣніе Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить, 25 ноября 1863 года.

Сѣверная Почта.

(20 декабря. № 279.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о бывшемъ студентѣ с.-петербургскаго университета Фрязиновскомъ, кончившемъ курсъ наукъ въ Вологодской духовной семинаріи Румянцовѣ и прочихъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу, лицахъ, опредѣлилъ: на основаніи 138, 279 и 62 ст. кн. 1 т. XV, бывшаго студента Александра Фрязиновскаго (20-ти лѣтъ) и воспитанника семинаріи Ивана Благовѣщенскаго (19-ти) выдержать подъ арестомъ каждаго по три недѣли и потомъ Фрязиновскаго выслать въ отдаленный городъ, по назначенію министра внутреннихъ дѣлъ, подъ строгій надзоръ полиціи, не воспрещая ему тамъ поступленія на службу въ уѣздныхъ и городовыхъ присутственныхъ мѣстахъ; а Благовѣщенскаго отдать подъ надзоръ полиціи на полтора года, взыскавъ съ нихъ обоихъ издержки, на слѣдствіе употребленныя; 2) кончившаго курсъ семинаріи Александра Румянцова, 22 лѣтъ, выдержать подъ арестомъ полтора мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на два года; 3) учениковъ семинаріи Петра Соколова 19-ти и Анкидина Копосова 18-ти лѣтъ выдержать подъ арестомъ каждаго 7 дней и отдать подъ надзоръ полиціи на годъ; 4) крестьянину Степану Малыгину и пономарю Копосову сдѣлать внушеніе за недонесеніе о переданныхъ первому изъ сихъ подсудимыхъ Благовѣщенскимъ возмутительныхъ сочиненіяхъ и 5) прочія части рѣшенія вологодской уголовной палаты, состоящія въ томъ, чтобы: а) привлеченныхъ къ дѣлу сему воспитанниковъ семинаріи Якова Соколова, Василія Копосова, Филарета Славина, Ивана Вознесенскаго и Петра Мысова отъ всякой отвѣтственности освободить, равно какъ и ученика гимназіи Невѣнскаго; б) возмутительныя сочиненія уничтожить; в) претензіи депутата съ духовной стороны на невыдачу ему копій съ дѣла по неимѣнію на то предписанія, а равно претензію священника Попова на сдѣланіе у него обыска, такъ какъ обыскъ сдѣланъ былъ по причинамъ, заслуживающимъ уваженія, оставить безъ послѣдствій; г) выведенное уѣзднымъ судомъ упущеніе слѣдователя въ томъ, что онъ не донесъ о заключеніи подсудимыхъ подъ стражу уѣздному суду, такъ какъ слѣдователю не было извѣстно, куда дѣло поступитъ на разсмотрѣніе, оставить также безъ послѣдствій и д) признать, что возмутительныя сочиненія, найденныя у семинаристовъ, проникли изъ другихъ слоевъ общества, какъ правильныя, утвердить. Государственный Совѣтъ въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія правительствующаго сената, мнѣніемъ положилъ: утвердить по сему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената. Его Императорское Величество таковое мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить, 25 ноября 1863 года.

1864 годъ.

Санктпетербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(21 января. № 6.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, по дѣлу о бывшихъ студентахъ: Императорской Медико-Хирургической Академіи Сетахевичѣ и Императорскаго Университета Цвѣтковѣ, сужденныхъ: первый—за злоумышленное распространеніе возмутительнаго воззванія,—а послѣдній — за имѣніе онаго у себя и недонесеніе о томъ Начальству, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Д. Блудовъ.

30-го Декабря 1863 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшихъ студентахъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Сергѣѣ Стахевичѣ и Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Андреѣ Цвѣтковѣ, сужденныхъ: первый—за злоумышленное распространеніе возмутительнаго воззванія, а послѣдній—за имѣніе онаго у себя и недонесеніе о томъ Начальству, мнѣніемъ положилъ: утвердить по сему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената.

Подлинное Мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и Членами.

Заключеніе Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ по выслушаніи записки изъ дѣла о бывшихъ студентахъ Медико-Хирургической Академіи Стахевичѣ и С.-Петербургскаго Университета Цвѣтковѣ, положилъ: 1) Студента Медико-Хирургической Академіи Сергѣя Стахевича, 20-ти лѣтъ, за злоумышленное распространеніе возмутительнаго воззванія, на основаніи 1 и 2 ч. 285, 141 и 151 ст. кн. 1 Т. XV Св. Зак. Угол., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ, поселивъ затѣмъ въ Сибири навсегда, и 2) Студента С.-Петербургскаго Университета Андрея Цвѣткова, 19-ти лѣтъ, по предмету участія съ Стахевичемъ въ злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго воззванія, оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за принятіе таковаго, слѣдовательно, имѣніе у себя безъ права имѣть, и недонесеніе о томъ, кому слѣдуетъ, на основаніи 285, 141, 152 и 43 ст. 2 степ. Улож., выдержать подъ арестомъ три недѣли и потомъ, какъ личность подозрительную, выслать изъ С.-Петербурга, съ отдачею подъ надзоръ полиціи на полтора года, предоставивъ назначеніе мѣстопребыванія его г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(24 марта. № 24).

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, по дѣлу о вольнопрактикующемъ врачѣ Стржижевскомъ, сужденномъ за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій,—Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ.

2-го марта 1864 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о вольнопрактикующемъ врачѣ Стржижевскомъ, сужденномъ за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій, мнѣніемъ положилъ: утвердить по сему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената. Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ Предсѣдателемъ и Членами.

Заключеніе Правительствующаго Сената.

Правительствующій Сенатъ, по выслушаніи записки изъ дѣла о вольнопрактикующемъ врачѣ Антонѣ Стржижевскомъ, положилъ: врача Антона Стржижевскаго, 28-ми лѣтъ, за храненіе у себя безъ злоумышленнаго распространенія сочиненій возмутительнаго содержанія, на основаніи ст. 286 п. 4, 141 и 146 Уложенія, подвергнуть аресту на двѣ недѣли и затѣмъ отдать подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(8 мая. № 37.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы срокъ каторжной работы былъ сокращенъ на половину“.

Въ С.-Петербургѣ. 7-го Апрѣля 1864 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, объ отставномъ Титулярномъ Совѣтникѣ Николаѣ Чернышевскомъ (35 лѣтъ), признавъ его по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла, виновнымъ въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачѣ онаго для тайнаго напечатанія, съ цѣлію распространенія, и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управленія, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената и, вслѣдствіе сего, отставного Титулярнаго Совѣтника Николая Чернышевскаго, на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на четырнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи.

(17 мая. № 108.)

19 мая въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе, на Мытнинской площади, въ Рождественской части, бывшему отставному титулярному совѣтнику Николаю Чернышевскому (35 лѣтъ) Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Чернышевскаго, виновнаго въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачѣ онаго для тайнаго печатанія съ цѣлью распространенія и въ принятіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи порядка управленія, лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на семь лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда.

Сенатскія Вѣдомости.

(9-го іюня. № 46.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта по дѣлу о бывшемъ учителѣ Сергачскаго (Нижегородской губерніи) Уѣзднаго Училища Курбаковскомъ, сужденномъ за употребленіе въ частномъ письмѣ дерзкихъ выраженій противъ священной Особы Государя Императора и имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ. 13-го Апрѣля 1864 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 6-го Департамента, о бывшемъ учителѣ Сергачскаго (Нижегородской губерніи) Уѣзднаго Училища Алексѣѣ Курбаковскомъ, сужденномъ за употребленіе въ частномъ письмѣ дерзкихъ выраженій противъ Священной Особы Государя Императора и имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій, мнѣніемъ положилъ: утвердить по настоящему дѣлу заключеніе Правительствующаго Сената. Заключеніемъ Правительствующаго Сената бывшій учитель Сергачскаго Уѣзднаго Училища Алексѣй Курбаковскій, за вышеозначенное преступленіе, во время совершенія котораго онъ имѣлъ менѣе 21 года, приговоренъ, на основаніи 279 и 785 ст. 1 кн. XV Т. св. Зак. Угол., къ заключенію въ крѣпость на 8 мѣсяцевъ, безъ ограниченія правъ и преимуществъ.

Казанскія Губернскія Вѣдомости.

(часть оффиціальная).

(12 іюня. № 24.)

„По случаю появленія, весною 1863 г., во внутреннихъ губерніяхъ, преимущественно приволжскихъ, подложнаго манифеста и возмутительныхъ воззваній и по по-

воду дошедшихъ до правительства свѣдѣній о замышлявшемся въ городѣ Казани вооруженномъ возстаніи, по Высочайшему повелѣнію, учреждена была въ Казани главная слѣдственная коммиссія, въ коей были сосредоточены изслѣдованія по всѣмъ важнѣйшимъ и наиболѣе сложнымъ дѣламъ о преступленіяхъ, направленныхъ къ измѣненію государственнаго строя.

По совершенномъ окончаніи общаго по сему предмету слѣдствія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, лица, обвиняемыя въ политическихъ преступленіяхъ, для преданія ихъ заслуженному наказанію, распредѣлены на три категоріи: къ первой отнесены: штабсъ-Капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ и подпоручикъ Станкевичъ, какъ зачинщики и двигатели въ преступномъ замыслѣ о вооруженномъ возстаніи въ Казани; вольный слушатель казанскаго университета священническій сынъ Иванъ Орловъ, дворяне: Минской губерніи Іеронимъ Кеневичъ, Виленской Фердинандъ Новицкій и Евстафій Госцевичъ, Ковенской Августъ Олехновичъ и мѣщанинъ гор. Новогрудка Александръ Маевскій, какъ главные виновные въ распространеніи подложнаго манифеста и возмутительныхъ воззваній, которые, поэтому, переданы были всѣ военному по полевымъ уголовнымъ законамъ, суду; другіе въ числѣ 21 человѣка, по меньшей степени виновности, отнесены ко второй категоріи и преданы суду въ общемъ уголовномъ порядкѣ; къ третьей категоріи причислены тѣ, въ отношеніи которыхъ признано возможнымъ ограничиться мѣрами административными.

По рѣшенію военнаго полевого суда, преступники первой категоріи: штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ, подпоручикъ Станкевичъ, студентъ Иванъ Орловъ, дворяне: Кеневичъ, Новицкій, Госцевичъ, Олехновичъ и мѣщанинъ Маевскій, признанные виновными въ государственной измѣнѣ, приговорены были всѣ къ смертной казни разстрѣляніемъ. Но, по конфирмаціи г. временнаго генералъ-губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерній, смертной казни подвергнуты: штабсъ-капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ, подпоручикъ Станкевичъ и дворянинъ Кеневичъ, которая и совершена надъ ними въ г. Казани, близъ Подлужной слободы, между русской и нѣмецкой Швейцаріей, 6-го текущаго іюня, въ 7 ч. утра; прочіе злоумышленники: Иванъ Орловъ, Фердинандъ Новицкій, Евстафій Госцевичъ, Александръ Маевскій и Августъ Олехновичъ присуждены къ наказанію, замѣняющему смертную казнь, именно: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ—первые четверо на 15, послѣдніе на 12 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи этого срока поселить ихъ въ Сибири навсегда. Помѣщая въ нашей газетѣ это печальное извѣстіе, не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о существѣ и цѣли преступныхъ дѣйствій агитаторовъ и пропагандистовъ. Подробное изслѣдованіе показало, что всѣ эти дѣйствія суть только различныя проявленія одного и того-же преступнаго замысла, иниціатива котораго принадлежитъ почти всецѣло польской партіи. Распространители лже-манифеста, дѣйствовавшіе въ мѣстности, прилегающей къ Окѣ и правому прибрежью Волги, были исключительно поляки. Заговоръ о вооруженномъ возстаніи въ Казани не имѣлъ также никакой другой цѣли, кромѣ поддерживанія польскаго мятежа и поощренія вмѣшательства иностранныхъ державъ; цѣль эту поляки старались замаскировать предъ русскими молодыми людьми, избравъ для переговоровъ съ ними поручика Черняка, хотя уроженца Виленской губерніи, но по вѣрѣ русскаго.

Такимъ образомъ, какъ ни прискорбны, происшедшія событія, но преобладаніе въ нихъ польскаго элемента не даетъ имъ характера внутренняго движенія и вполнѣ объясняетъ безуспѣшность дерзкихъ попытокъ злоумышленниковъ, поколебать въ народѣ его глубокую, безграничную преданность Монарху Освободителю.

Этотъ фактъ выразился ощутительно не только въ усердномъ, почти повсемѣстномъ дѣйствіи народа преданію пропагандистовъ въ руки правосудія, но и въ отреченіи русскихъ молодыхъ людей отъ соучастія съ зачинщиками возстанія, въ которое они вовлечены были сначала ложнымъ понятіемъ о цѣли и значеніи ихъ замысла. Переходя за симъ отъ общаго взгляда на сущность дѣла, къ степени виновности лицъ, подвергнутыхъ казни, нельзя не поражаться дерзостію ихъ замысла. По предложенію одного изъ главныхъ агентовъ польской революціонной организаціи, пріѣзжавшаго въ Казань, поручика Черняка, Иваницкій, Мрочекъ и Станкевичъ, замысливъ произвести вооруженное возстаніе въ краѣ, предположили дождаться прибытія въ Казань арестантской партіи поляковъ, выпустить содержащихся здѣсь арестантовъ и съ помощью ихъ и молодежи, на содѣйствіе которой они разсчитывали, а также человѣкъ ста, которые ожидались изъ Москвы, вооруженные штуцерами, револьверами и кинжалами, завладѣть складами патроновъ, пороха и свинца, забрать цейхгаусъ съ оружіемъ, захватить два или три легкія орудія около порохового завода, напасть на казармы, давъ предварительно солдатамъ опіумъ въ пищѣ, арестовать всѣхъ начальниковъ, забрать казначейство и деньги разныхъ вѣдомствъ. Затѣмъ, овладѣвъ пароходами, для дѣйствія по Волгѣ и Окѣ, и возбудивъ народъ къ мятежу посредствомъ разсылки прокламацій, отправить партіи на Пермь, Вятку и Ижевскій заводъ; здѣсь забрать ружья и образовать народное ополченіе. Для приведенія этого плана въ дѣйствіе Иваницкій, Мрочекъ и Станкевичъ не только вступили въ ближайшія сношенія съ агентами польской революціи, но старались и здѣсь образовать

кружокъ соумышленниковъ и склоняли на свою сторону университетскихъ студентовъ; успѣли заготовить нѣкоторыя средства, необходимыя для возстанія, какъ-то: оружіе, деньги, возмутительныя воззванія для распространенія въ народѣ, Иваницкій даже сдѣлалъ попытку взволновать крестьянъ села Бездны, Спасскаго уѣзда, совѣтуя не платить оброка за землю, а вооружиться десятому и пристать къ знамени бунта, что, какъ онъ самъ выразился, сдѣлано съ цѣлію прямой пропаганды и дабы испытать, насколько народъ подготовленъ къ возстанію. Однакожъ попытка эта, какъ и всѣ другія, направленныя къ произведенію вооруженнаго возстанія въ краѣ, разбилась о здравый смыслъ народа. Тотъ-же здравый смыслъ предохранилъ народъ отъ важныхъ безпорядковъ, какіе могли слѣдовать отъ дѣйствій эмиссаровъ: Новицкаго, Госцевича, Маевскаго и Олехновича, отправленныхъ Кеневичемъ изъ Москвы 22-го Апрѣля 1863 г., въ разныя губерніи для распространенія подложнаго манифеста, хотя манифестъ этотъ, данный, будто-бы, Государемъ Императоромъ 31-го Марта, въ Москвѣ, не отличаясь ничѣмъ, въ типографическомъ отношеніи, равно и по придуманной формѣ редакціи, отъ подлинныхъ печатныхъ манифестовъ, очевидно былъ разсчитанъ на простоту и легковѣріе народа, заключая въ себѣ объявленіе о дарованіи всѣмъ и каждому, безъ различія состояній, полной свободы, о представленіи крестьянамъ земли въ неотъемлемое и потомственное владѣніе безъ всякой за нее платы, о распущеніи арміи и возвращеніи солдатъ на родину, съ безвозмезднымъ надѣломъ ихъ землею изъ казенныхъ дачъ, объ уничтоженіи подушныхъ податей и рекрутской повинности, о назначеніи, по выбору народа, уѣздныхъ и губернскихъ начальниковъ, и призывѣ къ возстанію противъ властей, которыя осмѣлились бы противиться исполненію всего вышесказаннаго. Выѣхавъ въ одно время по нижегородской желѣзной дорогѣ, Новицкій, Госцевичъ, Маевскій и Олехновичъ слѣдовали, не раздѣляясь до Нижняго и отъ Нижняго до Арзамаса, откуда должны были начать подкидывать манифесты по деревнямъ и дорогамъ; изъ Арзамаса Маевскій и Олехновичъ повернули по Тамбовскому тракту, на Темниковъ и Спасскъ; далѣе путь ихъ лежалъ черезъ Шацкъ на города рязанской губерніи: Сапожокъ, Ряжскъ, Скопинъ, тульской: Епифанъ, Богородицкъ и Тулу; Госцевичъ и Новицкій направились изъ Арзамаса пензенскимъ трактомъ на Саранскъ и Городище; отсюда Госцевичъ поѣхалъ въ Симбирскъ, а Новицкій черезъ Кузнецкъ (Саратовск. губ.) въ Волжскъ, намѣреваясь, тотъ и другой, возвратиться на пароходѣ въ Нижній и оттуда желѣзной дорогой въ Москву. Но ни одному изъ нихъ не удалось кончить своего путешествія; всѣ они были преслѣдуемы полиціей и схвачены: Маевскій и Олехновичъ, 26-го Апрѣля, въ Спасскѣ, Госцевичъ 29-го апрѣля, въ Симбирскѣ и Новицкій 30-го Апрѣля, въ Самарѣ. Хотя по пути слѣдованія этихъ эмиссаровъ, впослѣдствіи, мѣрами правительства было собрано весьма значительное количество экземпляровъ лжеманифеста, но лишь въ Пензенской губерніи, по поводу ихъ, крестьяне въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были взволнованы, такъ, что для водворенія порядка потребовались особыя мѣры. Предоставляемъ каждому оцѣнить по достоинству средства, къ которымъ прибѣгнули польскіе патріоты для достиженія своихъ цѣлей“.

Сенатскія Вѣдомости.

(10 ноября. № 90.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему, но съ тѣмъ, чтобы Баллоду срокъ каторжной работы ограничить 7-ю годами“.

Въ Ниццѣ, 16/28 октября 1864 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшихъ студентахъ Университетовъ: С.-Петербургскаго Петрѣ Баллодѣ (24 лѣтъ) и Петрѣ Ткачевѣ (20 лѣтъ) и Московскаго Леонидѣ Ольшевскомъ (23 лѣтъ), Кандидатѣ С.-Петерб. Университета Дмитріѣ Писаревѣ (23 лѣтъ), Почетномъ Гражданинѣ, бывшемъ вольнослушателѣ того-же Университета Евгеніѣ Печаткинѣ (24 лѣтъ) и Губернскомъ Секретарѣ Николаѣ Жуковскомъ, призналъ ихъ, по собственному сознанію, уликамъ и другимъ обстоятельствамъ дѣла, виновными: 1) Баллода въ принятіи участія въ заговорѣ противъ Правительства, въ заведеніи тайной типографіи для печатанія возмутительныхъ противъ правительства воззваній и наконецъ въ печатаніи и распространеніи такихъ воззваній посредствомъ подкидыванія; 2) Писарева въ составленіи возмутительной статьи, наполненной дерзкими и оскорбительными выраженіями, какъ противъ Правительства, такъ и противъ Священной Особы Государя Императора; 3) Ольшевскаго въ сочиненіи возмутительныхъ воззваній; 4) Печаткина и 5) Ткачева—въ храненіи у себя возмутительныхъ сочиненій

и Жуковскаго—въ ослушаніи противъ Правительства, состоящемъ въ не возвращеніи изъ-за границы, не смотря на сдѣланный ему вызовъ.

Вслѣдствіе сего Государственный Совѣтъ, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената и на основаніи приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, мнѣніе положилъ: 1) бывшаго студента Петербургскаго Университета Петра Баллода, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на пятнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда; 2) Кандидата С.-Петербургскаго Университета Дмитрія Писарева, лишивъ нѣкоторыхъ, по ст. 54 Улож. о наказ., правъ и преимуществъ, заключить въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, по предмету же покушенія распространить составленное имъ возмутительное сочиненіе, оставить въ сильномъ подозрѣніи; 3) бывшаго студента Московскаго Университета Леонида Ольшевскаго заключить въ крѣпость на одинъ годъ и потомъ выслать на мѣсто родины съ отдачею тамъ подъ надзоръ Полиціи на одинъ-же годъ; 4) Почетнаго гражданина Евгенія Печаткина выдержать подъ арестомъ три мѣсяца и потомъ отдать подъ надзоръ Полиціи на три года; 5) бывшаго студента С.-Петерб. Университета Петра Ткачева заключить въ крѣпость на три мѣсяца и 6) Губернскаго Секретаря Николая Жуковскаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, считать изгнаннымъ навсегда изъ предѣловъ Государства.

Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ.

Русскій Инвалидъ.

(29 октября. № 239.)

По конфирмаціи бывшаго временнаго Генералъ-Губернатора Казанской, Пермской и Вятской губерній: по Пѣхотѣ: Пѣхотныхъ полковъ: 143-го Дорогобужскаго, штабсъ-Капитанъ Иваницкій, 145-го Новочеркасскаго, Поручикъ Мрочекъ, 148-го Каспійскаго поручикъ Михайловъ [1]) и исключенный Высочайшимъ приказомъ 9-го Августа 1863 г. изъ списковъ бывшаго 4-го резервнаго баталіона 45-го Азовскаго Генералъ-Адъютанта Графа Лидерса полка подпоручикъ Станкевичъ, осужденные Военнымъ Судомъ по Полевымъ уголовнымъ законамъ, оказались виновными: 1) Иваницкій и Мрочекъ въ томъ, что, составивъ планъ къ вооруженному возстанію въ Казанской губерніи, съ своей стороны употребили всѣ усилія для приведенія своего намѣренія въ исполненіе; 2) Станкевичъ въ томъ, что не только зналъ объ этомъ умыслѣ и приготовленіяхъ злоумышленниковъ, но и принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, въ побѣгѣ изъ службы, съ цѣлію вступить въ ряды польскихъ инсургентовъ и составленіи подложныхъ документовъ о своемъ званіи и 3) Михайловъ въ знаніи о преднолагавшемся вооруженномъ возстаніи и не донесеніи о томъ правительству.

За преступленія эти штабсъ-Капитанъ Иваницкій, поручикъ Мрочекъ и подпоручикъ Станкевичъ, по лишеніи чиновъ, медалей и всѣхъ правъ состоянія, подвергнуты смертной казни разстрѣляніемъ, а поручикъ Михайловъ, по лишеніи чиновъ и всѣхъ правъ состоянія, ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.

1865 годъ.

Сѣверная Почта.

(30 января. № 24.)

Высочайшій Рескриптъ, данный на имя Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Петръ Александровичъ! Происходившіе въ началѣ сего января мѣсяца, въ Московской губерніи, очередные Губернскіе выборы не состоялись. Вслѣдствіе, признанной Правительствующимъ Сенатомъ неправильности постановленій Собранія Предводителей и Депутатовъ, относительно правъ участія нѣкоторыхъ дворянъ въ дѣлахъ Губернскаго Собранія, всѣ постановленія сего Собранія, до закрытія онаго имъ принятыя, не имѣютъ законной силы. Но мнѣ не безызвѣстно, что во время своихъ совѣщаній Московское Губернское Дворянское Собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ и коснулось вопросовъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій. Благополучно совершившіяся, въ десятилѣтнее мое царствованіе, нынѣ по моимъ указа-

---

[1]) Въ вышепомѣщенномъ разсказѣ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" о казанскихъ событіяхъ фамиліи поручика Михайлова не упоминается.

Редакторъ.

ніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о Моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ Мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія, по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія, принадлежитъ исключительно Мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ Мнѣ ввѣренною. Происшедшее, въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ, должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать Мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя, передъ Мною, ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствущими узаконеніями порядка могутъ только затруднять Меня въ исполненіи Моихъ предначертаній, ни въ коемъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направляемы. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ Престоломъ и Отечествомъ Мнѣ всегда памятны и къ которому Мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ. Поручаю Вамъ поставить о семъ въ извѣстность всѣхъ Генералъ-Губернаторовъ и Губернаторовъ тѣхъ губерній, гдѣ учреждены Дворянскія собранія, или имѣютъ быть учреждены Собранія Земскія. Пребываю къ Вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества Рукою написано:
„Александръ“.

Въ С.-Петербургѣ Января 29-го дня 1865 года.

Сенатскія Вѣдомости.

(9 февраля. № 12.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:
„Быть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ 15-го Декабря 1864 года.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента, о бывшихъ: вольнослушателѣ С.-Петербургскаго Университета Львѣ Самаринѣ (22-хъ) и воспитанникѣ 2-й С.-Петербургской Гимназіи Николаѣ Бекеневѣ (19-ти лѣтъ), признавъ ихъ, по собственному сознанію и обстоятельствамъ дѣла, виновными въ покушеніи на принятіе участія въ бывшемъ въ Западныхъ губерніяхъ мятежѣ, нашелъ, что они, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, по всей строгости и по буквѣ приведенныхъ въ томъ заключеніи узаконеній, подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни. Но при семъ Государственный Совѣтъ не могъ не обратить вниманія на то: 1) что Самаринъ, прежде чѣмъ пало на него обвиненіе въ Государственномъ преступленіи, изъявилъ въ ономъ раскаяніе тѣмъ, что хотѣлъ явиться съ повинною къ Генералъ-Губернатору, чего не исполнилъ лишь по случаю его задержанія; 2) что Самаринъ по взятіи его подъ стражу, за самовольную отлучку, не только сдѣлалъ чистосердечное, на первомъ допросѣ, во всемъ признаніе, но не скрылъ и сообщника своего въ преступленіи Бекенева; 3) что Бекеневъ, прежде чѣмъ пало на него обвиненіе въ Государственномъ преступленіи, также оставилъ свое преступное намѣреніе и думалъ возвратиться въ Петербургъ, къ отцу, чего исполнить не успѣлъ, по случаю его задержанія; 4) что Бекеневъ, по взятіи его подъ стражу, немедленно сознался въ винѣ своей и указалъ на Самарина, какъ на своего сообщника; и 5) что Государь Императоръ изволилъ Высочайше повелѣть подвергать на Всемилостивѣйшее Его Величества воззрѣніе участь раскаявшихся и сознавшихся политическихъ преступниковъ, которые показали готовность способствовать къ открытію преступленія. Принимая во вниманіе сіи обстоятельства, Государственный Совѣтъ, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, призналъ возможнымъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о смягченіи подсудимымъ слѣдующаго имъ по закону наказанія. Обратясь за симъ къ опредѣленію самой мѣры испрашиваемаго смягченія, Государственный Совѣтъ призналъ и съ своей стороны, согласно съ мнѣніемъ Министра Юстиціи и Виленскаго, Гродненскаго и Минскаго Генералъ-Губернаторовъ необходимымъ принять въ соображеніе правила, Высочайше утвержденныя 11-го Мая 1863 г., по которымъ опредѣляются наказанія лицамъ, виновнымъ въ бывшемъ въ Западныхъ губерніяхъ мятежѣ. По симъ правиламъ наказанія, за участіе въ мятежѣ, представляются менѣе строгими, чѣмъ соотвѣтствующія имъ постановленія Улож. о Наказ. и всѣ преступники раздѣляются на пять категорій при чемъ къ первой категоріи относятся предводители шаекъ и лица равной съ ними вины, ко второй лица,

явно изобличенныя въ мятежѣ и въ возбужденіи къ оному, или имѣвшія, по образованію своему и положенію въ обществѣ, вредное вліяніе на массы народа, или по отношенію къ правительству особенно обязанные къ ненарушимому соблюденію вѣрноподданической присяги; къ третьей-же категоріи всѣ тѣ изъ сихъ лицъ, которыя, по умственной неразвитости или юношескому возрасту, не могли имѣть существеннаго вліянія на распространеніе возмущенія и были болѣе или менѣе увлечены примѣромъ или возбужденіемъ другихъ. По соображеніи обстоятельствъ дѣла о Самаринѣ и Бекеневѣ и по примѣненіи ихъ вины къ упомянутымъ высочайше утвержденнымъ правиламъ, Государственный Совѣтъ нашелъ, что оба они, какъ малоразвитые, не окончившіе курса наукъ даже въ среднемъ учебномъ заведеніи, ибо изъ дѣла видно, что Бекеневъ былъ воспитанникомъ только 4-го класса гимназіи, а Самаринъ хотя и считался вольнослушателемъ Университета, но получилъ воспитаніе лишь въ Гайсинскомъ католическомъ приходскомъ училищѣ, и притомъ впавшіе въ преступленіе по увлеченію и молодости лѣтъ, должны быть причислены къ третьей категоріи преступниковъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденныхъ правилахъ и подлежащихъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ менѣе отдаленныя мѣста Сибири, или отдаленныя, кромѣ Сибирскихъ губерній (ст. 6), или же взамѣнъ сего, отдачѣ въ военную службу рядовыми, съ назначеніемъ въ отдаленныя войска Оренбургскаго и Сибирскаго краевъ (ст. 7). Приступая къ избранію для подсудимыхъ одного изъ сихъ наказаній, Государственный Совѣтъ не могъ не замѣтить, что хотя Высочайше утвержденнымъ 22-го Марта 1860 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и воспрещено отдавать за преступленія въ военную службу, но дѣйствіе сего общаго закона, за силою ст. 70 основ. Госуд. Зак. не должно распространяться на настоящее дѣло, какъ принадлежащее къ числу тѣхъ, для коихъ именно изданъ законъ спеціальный, изображенный въ Высочайше утвержденныхъ 11-го Мая 1863 г. правилахъ. Признавая по сему, что къ винѣ Самарина и Бекенева долженъ быть примѣненъ этотъ послѣдній законъ, и имѣя въ виду, что сіи подсудимые, по выраженнымъ ими чувствамъ полнаго раскаянія и молодости лѣтъ, подаютъ надежду на исправленіе, въ особенности при строгомъ за ними надзорѣ ближайшаго начальства, Государственный Совѣтъ нашелъ болѣе удобнымъ отдать ихъ въ солдаты. По всѣмъ симъ соображеніямъ Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: участь Самарина и Бекенева повергнуть Монаршему милосердію съ представленіемъ: не благоугодно-ли будетъ Его Императорскому Величеству Высочайше повелѣть: сихъ подсудимыхъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ военную службу рядовыми съ выслугою и съ назначеніемъ въ отдаленныя войска Оренбургскаго или Сибирскаго краевъ по усмотрѣнію Императорскаго Департамента Военнаго Министерства. Подписалъ: Предсѣдательствующій въ Государственномъ Совѣтѣ Князь Павелъ Гагаринъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(1 іюня № 44.)

Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Быть по сему“.

Въ С.-Петербургѣ, 30-го Марта 1865 г.

Мнѣніе Государственнаго Совѣта.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, по разсмотрѣніи опредѣленія Правительствующаго Сената, 5-го Департамента о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Лондонскими изгнанниками, соглашаясь вообще съ заключеніемъ Сената по этому дѣлу, призналъ однако же возможнымъ во вниманіе къ просьбѣ матери Серно-Соловьевича и особымъ обстоятельствамъ этого дѣла, всеподданнѣйше ходатайствовать о смягченіи участи этого подсудимаго.

Вслѣдствіи сего Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

1) Участь отставныхъ: Надворнаго Совѣтника Николая Серно-Соловьевича и Коллежскаго Секретаря Павла Бетошникова повергнуть Монаршему милосердію, съ представленіемъ, не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству Высочайше повелѣть: подсудимыхъ сихъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, не ссылая въ каторжную работу поселить въ Сибири навсегда, 2) отставного Титулярнаго Совѣтника Александра Серно-Соловьевича, чиновника 14-го класса Василія Кельсіева и литератора Виктора Касаткина, лишивъ, согласно съ заключеніемъ Правительствующаго Сената, всѣхъ правъ состоянія, считать изгнанными изъ предѣловъ Государства и 3) по прочимъ частямъ утвердить также заключеніе Правительствующаго Сената. Подписалъ: Предсѣдатель Госуд. Совѣта Константинъ.

Справка.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло о разныхъ лицахъ, обвиняемыхъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Лондонскими изгнанниками, между прочимъ, опредѣлилъ: 1) Отставного Надворнаго Совѣтника Николая Серно-Соловьевича, 29 лѣтъ, за участіе въ злоумышленіи съ Лондонскими пропагандистами противъ Русскаго Правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за дачу у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику Кельсіеву, съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ, и за дерзостное порицаніе дѣйствій Правительства и самаго образа правленія на основаніи 283, 284, 285 и 286 ст. к. 1, т. XV, Св. Зак. Уголов., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда. 2) Отставного Коллежскаго Секретаря Павла Ветошникова, 33 лѣтъ, и 3) Почетнаго Гражданина Николая Владимірова, 26 лѣтъ, за пособничество пропагандистамъ въ сношеніяхъ съ ихъ соумышленниками и за пособничество въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій, на осн. 129, 133, 165, 284 и 285 ст. того-же тома, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда, но принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи имъ сего наказанія тѣмъ, чтобы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе навсегда. 4) Отставного Штабсъ-Капитана Николая Петровскаго, за недонесеніе о пребываніи въ Москвѣ неосужденнаго государственнаго преступника Кельсіева, подъ именемъ турецкаго подданнаго Яни, съ знаніемъ о преступныхъ его замыслахъ, на осн. 138 ст. Улож. о Нак., признать подлежащимъ заключенію въ крѣпость на одинъ годъ. 5) Купца Ивана Шебаева, за недонесеніе о предложеніи, сдѣланномъ ему Кельсіевымъ, напечатать въ Лондонѣ Старовѣрческія книги ихъ, коихъ нельзя напечатать въ Россіи, и, сверхъ сего, за имѣніе у себя сочиненія противоправительственнаго содержанія, на осн. 137, 225, 286 и 1365 ст. 1 к. XV тома, признать подлежащимъ аресту на три мѣсяца; но принимая во вниманіе раскаяніе ихъ, Петровскаго и Шебаева, ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ объ отмѣнѣ сего наказанія и вмѣненіе имъ въ таковое содержаніе ихъ въ крѣпости во время производства настоящаго дѣла, съ отдачею Шебаева подъ надзоръ Полиціи на одинъ годъ. 6) Отставного Коллежскаго Регистратора Бимена Лямена, за имѣніе у себя разныхъ воззваній и сочиненій противоправительственнаго содержанія на осн. 285 ст. тѣхъ же законовъ признать подлежащими аресту на два съ половиною мѣсяца и потомъ отдачѣ подъ надзоръ полиціи на два съ половиною года; но, принимая во вниманіе продолжительное содержаніе его въ крѣпости во время первоначальнаго производства дѣла, вмѣнить ему содержаніе это въ наказаніе и отдать его подъ надзоръ Полиціи на два съ половиною года, на что испросить Высочайшее соизволеніе; по предмету-же злоумышленнаго распространенія возмутительныхъ воззваній и сочиненій посредствомъ передачи оныхъ для чтенія другимъ лицамъ и въ противозаконной перепискѣ съ изгнанникомъ Бакунинымъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи. 7, 8 и 9) Преданныхъ по Высочайшему повелѣнію суду Правительствующаго Сената, находящихся за-границею Александра Серно-Соловьевича, Литератора Касаткина и Василія Кельсіева, за ослушаніе противу Правительства, состоящее въ неявкѣ ихъ въ Россію, не смотря на дѣлаемые имъ вызовы, на основ. 308 ст. том. XV, лишить всѣхъ правъ состоянія и считать ихъ изгнанниками навсегда изъ предѣловъ Государства, съ тѣмъ: 1) чтобы съ имѣніемъ сихъ лицъ было поступлено на точномъ основаніи 2 ч. той же 368 ст. Улож. и 2) что это опредѣленіе не освобождаетъ сихъ лицъ отъ сужденія на законномъ основаніи, въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію или выдачи Правительству, по обвиненіямъ, упадающихъ на нихъ по настоящему дѣлу. 10) Великобританскаго подданнаго Артура Бени, за недоведеніе до свѣдѣнія Правительства о прибытіи въ Петербургъ Русскаго подданнаго Василія Кельсіева по паспорту турецкаго подданнаго Василія Яни, на основ. 138 ст. Улож. о Нак. выдержать въ тюрьмѣ три мѣсяца, а по обвиненію въ недоведеніи до свѣдѣнія Правительства о прибытіи означеннаго Василія Кельсіева въ Россію съ знаніемъ, что Василій Кельсіевъ не осужденный государственный преступникъ, оставить въ сильномъ подозрѣніи, и затѣмъ руководствуясь 62 ст. Улож. выслать за границу, воспретивъ навсегда въѣздъ въ Россію, подъ опасеніемъ поступленія съ нимъ по 354 ст. Улож. 11) Почетнаго гражданина Михаила Журавлева и 12) Чиновника X класса Павла Аркадьева, за имѣніе сочиненій, имѣющихъ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію Верховной Власти, а Аркадьева за недонесеніе о злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго воззванія „Земская Дума", на основ. 138 и 285 ст. 1 ч. Т. XV, выдержать подъ арестомъ: Журавлева десять дней, а Аркадьева три мѣсяца, отдавъ послѣ сего подъ надзоръ Полиціи на одинъ годъ; и 13) Дочь Маіора дѣвицу Марію Челищеву, за имѣніе у себя воспрещенныхъ закономъ сочиненій и изображеній по силѣ 279 ст. Улож. о нак. выдержать подъ арестомъ десять дней и отдать подъ надзоръ Полиціи на одинъ годъ. Рѣшеніе сіе, на основ. 452 и 617 ст. кн. 2, Т. XV, Св. Зак. Уголов., представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе и ожидать утвержденія.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи.

(1 іюня. № 116.)

Назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, 1 квартала Рождественской части отставнымъ: надворному совѣтнику Серно-Соловьевичу (29 лѣтъ), коллежскому секретарю Павлу Ветошникову (33 лѣтъ), почетному гражданину Николаю Владимірову (26 лѣтъ), Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Серно-Соловьевича, за участіе въ злоумышленіи съ лондонскими пропагандистами противъ Русскаго правительства, за распространеніе заграничныхъ сочиненій ихъ преступнаго содержанія, за предоставленіе у себя убѣжища неосужденному государственному преступнику Кельсіеву, съ знаніемъ преступныхъ его замысловъ и за дерзостное порицаніе дѣйствій Правительства и самаго образа правленія; Ветошникова и Владимірова, обвиняемыхъ въ пособничествѣ въ распространеніи преступныхъ ихъ сочиненій, лишить всѣхъ правъ состоянія и поселить въ Сибири навсегда и вольнопрактикующаго врача Ивана Иванова Ганценбаха [1]), за пособничество въ составленіи фальшивыхъ документовъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

Сенатскія Вѣдомости.

(14 сентября. № 74.)

Высочайшая Конфирмація, предложенная Правительствующему Сенату Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи, Товарищемъ Министра.

1865 года Августа 4. Высочайшею Государя Императора Конфирмаціею, послѣдовавшею 8-го Августа на всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Императорскаго Двора, утверждено положеніе Совѣта Корпуса Горныхъ Инженеровъ о бывшемъ Горномъ Начальникѣ Нерчинскихъ Заводовъ, Инженеръ-Полковникѣ Оскарѣ Дейхманѣ, который за послабленія, оказанныя имъ въ содержаніи на заводахъ Государственнаго преступника Михайлова, исключается изъ службы.

Русскій Инвалидъ.

(2 декабря. № 267.)

По конфирмаціи командующаго войсками Казанскаго военнаго округа: исключенный Высочайшимъ приказомъ 18-го іюля 1863 года изъ службы, 48-го пѣхотнаго Одесскаго полка поручикъ Черныкъ, по произведенному надъ нимъ военному суду по полевымъ уголовнымъ законамъ, оказался виновнымъ въ бытности однимъ изъ главныхъ двигателей замышлявшагося въ Казани вооруженнаго возстанія, въ побѣгѣ въ г. Вильно во время бывшаго тамъ возмущенія и предводительствованіи мятежническою шайкою противъ русскихъ войскъ. За преступленія эти поручикъ Черныкъ, по лишеніи воинскаго званія и всѣхъ правъ состоянія, подвергнутъ смертной казни разстрѣляніемъ.

1866 годъ.

Дѣло

о послабленіяхъ, оказанныхъ начальствующими лицами города Тобольска государственнымъ преступникамъ Михайлову, Обручеву, безсрочно-ссыльно каторжному Макееву и другимъ преступникамъ [2]).

Докладъ по этому дѣлу происходилъ 16-го марта во 2-мъ отдѣленіи 6-го Департамента Правительствующаго Сената (въ Москвѣ). Обстоятельства дѣла слѣдующія: Третье отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 года получило извѣстіе, что начальствующія лица города Тобольска оказывали послабленія содержавшемуся въ тобольскомъ пересыльномъ замкѣ государственному преступнику Михайлову, который, будучи отправленъ изъ Петербурга 14-го декабря 1861 года, и, прибывъ въ Тобольскъ 30-го декабря того же года, не отправлялся къ мѣсту ссылки до 27-го января 1862 года; что все тобольское общество

---

[1]) Публичное объявленіе означенныхъ приговоровъ послѣдуетъ: Серно-Соловьевичу 2 числа, Ветошникову 3 числа, Владимірову 4 числа и Ганценбаху 5 числа іюня въ 8 часовъ утра.

[2]) Хотя это дѣло не принадлежитъ къ политическимъ, но такъ какъ оно касается М. Л. Михайлова, то мы помѣщаемъ его здѣсь, заимствуя отчетъ о немъ изъ № 80 газеты „Голосъ“ отъ 21 марта 1866 года. Редакторъ.

оказывало ему сочувствіе; что, по прибытіи въ Тобольскъ, онъ былъ раскованъ и содержался въ тобольскомъ замкѣ незакованнымъ; что вице-губернаторъ Соколовъ, прокуроръ Жемчужниковъ и начальникъ провіантской коммиссіи полковникъ Жданъ-Пушкинъ принимали его у себя въ домахъ и вмѣстѣ съ нимъ обѣдали; что къ Михайлову въ тюремный замокъ пріѣзжали и оказывали сочувствіе къ его положенію военный медикъ Онучинъ, жена его, директриса тюремнаго комитета купчиха Пиленкова и другія дамы, которыя подносили Михайлову букеты цвѣтовъ; что въ тотъ день, когда Михайловъ долженъ былъ отправляться изъ Тобольска къ мѣсту ссылки—въ Нерчинскъ, въ квартирѣ Жданъ-Пушкина, изъ которой онъ былъ отправленъ, разбиты были его кандалы и кольцо изъ нихъ послѣ видѣли на столѣ у вице-губернатора съ привязанною дощечкою, на которой было написано: „Покровителю угнетенныхъ—отъ Михайлова"; что при самомъ выѣздѣ Михайлова изъ города, повозка его остановлена была у заставы, гдѣ многіе мущины и дамы прощались съ нимъ, пили шампанское и кричали „ура!", а за заставою онъ былъ остановленъ вице-губернаторомъ Соколовымъ, который прощался тутъ же съ нимъ и далъ коробку съ чѣмъ то.

Вслѣдствіе этого донесенія, Государю Императору благоугодно было назначить изслѣдованіе о противозаконныхъ послабленіяхъ начальствующихъ лицъ города Тобольска, оказанныхъ государственному преступнику Михайлову и вообще о сочувствіи къ его преступленію тобольскаго общества, для чего и назначенъ былъ генералъ-майоръ Сколковъ. При слѣдствіи, произведенномъ послѣднимъ, оказалось, что со стороны начальствующихъ лицъ г. Тобольска дѣлано было одинаковое послабленіе съ Михайловымъ государственному преступнику Обручеву и безсрочно-ссыльно-каторжному Макееву. Показанія обвиняемыхъ при слѣдствіи были слѣдующія:

Смотритель тобольскаго тюремнаго замка Козаковъ. Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ, во время бытности ихъ въ Тобольскѣ, содержались не на кандальномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ, съ разрѣшенія, по отношенію къ Михайлову, тобольскаго вице-губернатора. Камеры ихъ не запирались. Обручевъ и Макеевъ доставлены были въ Тобольскъ безъ оковъ и незакованными же были отправлены изъ Тобольска къ мѣсту ссылки. Михайловъ прибылъ закованный; по прибытіи помѣщенъ былъ не въ замкѣ, а въ квартирѣ надзирателя острога Устюгова, и въ тотъ же день, по приказанію полицеймейстера, былъ раскованъ и затѣмъ переведенъ во флигель для подсудимыхъ дворянъ. Камера его, такъ же какъ у Обручева и Макеева, не запиралась. Увольнялся онъ изъ замка, съ разрѣшенія полицеймейстера, къ вице-губернатору Соколову, лекарю Онучину и другимъ лицамъ. Посѣтители бывали у Михайлова съ разрѣшенія вице-губернатора. Отъ этого послѣдняго показанія Козаковъ на другомъ допросѣ отказался, объяснивъ, что ссылку на вице-губернатора научилъ его сдѣлать полицеймейстеръ Кувичинскій, а что на самомъ дѣлѣ впускалъ посѣтителей онъ самъ, безъ билетовъ, въ чемъ и сознаетъ себя виновнымъ.

Показаніе полицеймейстера Кувичинскаго. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ содержались не на кандальномъ дворѣ, а во флигелѣ для подсудимыхъ арестантовъ изъ дворянъ; но это было сдѣлано по издавна заведенному порядку въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, гдѣ отдѣлялись содержавшіеся преступники привилегированныхъ сословій отъ простого. Что же касается того, что давалъ ли онъ прямо приказаніе смотрителю замка Козакову о содержаніи Михайлова, Обручева и Макеева во флигелѣ подсудныхъ дворянъ, то онъ этого не помнитъ; но, можетъ быть, и давалъ. Камеры означенныхъ трехъ преступниковъ никогда не запирались, также по существовавшему издавна порядку. Отдавалъ ли онъ приказаніе смотрителю расковать Михайлова по прибытіи его въ Тобольскъ, не помнитъ, но не отрицаетъ, что могъ и отдавать, уважая въ преступникѣ дворянское сословіе, къ которому послѣдній прежде принадлежалъ. О посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ къ Михайлову разными лицами, онъ вначалѣ ничего не зналъ, но когда смотритель доложилъ ему объ этомъ, то онъ не приказалъ никого пропускать безъ его записокъ; самъ же дозволилъ бывать у Михайлова только полковнику Жданъ-Пушкину, а также дозволилъ Михайлову быть на обѣдѣ у лекаря Онучина. Въ самый день отправленія Михайлова изъ Тобольска къ мѣсту ссылки, онъ дозволилъ ему быть въ домѣ Жданъ-Пушкина, откуда Михайловъ отправился въ Нерчинскъ, а не заковалъ его при отправленіи потому, что не пришло это въ голову.

Генералъ-майоръ Сколковъ, при произведеніи слѣдствія, открылъ по отношенію къ Михайлову слѣдующее обстоятельство: на другой день, по прибытіи Михайлова въ Тобольскъ, лекарь тюремнаго замка, по обыкновенію, осматривалъ его и нашелъ, что у него сильное кровохарканіе, а на тѣлѣ были синяки на нижней части голеней, почему началъ его лечить, но по тѣснотѣ помѣщенія въ больницѣ, Михайловъ, во время леченія, оставался въ своей камерѣ и поэтому же оставленъ былъ въ Тобольскѣ съ 31 декабря 1861 года до 27 января 1862 года. Въ январѣ 1862 года Михайловъ подавалъ прошеніе въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ о разрѣшеніи ему отправиться къ мѣсту ссылки, по болѣзненному его состоянію, не съ партіею пересыльныхъ арестантовъ, а на почтовыхъ. Вслѣдствіе этого прошенія, тобольская врачебная управа свидѣтельствовала Михайлова и нашла, что онъ, дѣйствительно, не

можетъ не только что идти съ партіею арестантовъ, но не можетъ даже слѣдовать и на пересыльныхъ подводахъ, почему разрѣшено ему было отправиться на свой счетъ на почтовыхъ. Въ день отправленія его въ ссылку изъ Тобольска, въ квартирѣ Ждань-Пушкина, по показанію находившагося у послѣдняго въ услуженіи человѣка Лыскова, капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій взялъ изъ чемодана Михайлова, гдѣ лежали арестантскія его вещи, кандалы, разбивалъ ихъ молоткомъ, а жена Ждань-Пушкина сказала, будто бы, что кольцо отъ этихъ кандаловъ, нужно оставить на память о Михайловѣ. Но это показаніе Лыскова опровергается показаніями двухъ жандармовъ, сопровождавшихъ Михайлова изъ Тобольска, которые объяснили слѣдственной коммиссіи, что, принимая изъ квартиры Ждань-Пушкина арестантскія вещи Михайлова, они приняли вмѣстѣ съ ними и кандалы его совсѣмъ цѣлыя. Кромѣ того, въ коммиссіи, для большаго убѣжденія, по распоряженію генералъ-майора Сколкова при кузнецахъ разбивались арестантскія кандалы молоткомъ, и оказалось, что, безъ помощи кузнеца, разбить ихъ невозможно, о чемъ и составленъ былъ генералъ-майоромъ Сколковымъ актъ.

Показаніе тобольскаго губернатора Виноградскаго. О послабленіяхъ, которыя оказывались Михайлову, Обручеву и Макееву, онъ совершенно ничего не зналъ. Вице-губернаторъ и директора попечительнаго о тюрьмахъ комитета, напротивъ, всегда представляли ему, что въ тюремномъ замкѣ нѣтъ никакихъ безпорядковъ; самъ же онъ не могъ бы допустить ихъ, потому что хорошо знаетъ, что всякое послабленіе, оказываемое такимъ преступникамъ, какъ Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ, есть протестъ противъ Правительства. Объ этихъ послабленіяхъ онъ не могъ имѣть даже частныхъ свѣдѣній, потому что не имѣлъ никакихъ частныхъ сношеній съ обществомъ; все время его поглощалось служебными занятіями, въ которыхъ онъ, какъ человѣкъ бѣдный, видѣлъ всю цѣль своей дѣятельности. Кромѣ того, во время бытности Михайлова въ Тобольскѣ, онъ занятъ былъ приготовленіемъ къ ожидавшейся ревизіи генералъ-губернатора, и потому узналъ о послабленіяхъ, дѣлавшихся преступникамъ, только изъ бумаги, полученной имъ отъ генералъ-губернатора, вслѣдствіе которой онъ потребовалъ донесенія объ этомъ предметѣ отъ полицеймейстера и получилъ объявленіе, что послабленія преступникамъ дѣлались смотрителемъ замка по приказанію вице-губернатора и прокурора. Это донесеніе онъ препроводилъ отъ себя къ генералъ-губернатору. Доходили до него частные слухи, что преступникъ Макеевъ отлучался изъ замка къ прокурору, за что онъ дѣлалъ выговоръ полицеймейстеру; въ статейномъ же спискѣ Макеева не сказано было, что онъ отправляется въ ссылку закованнымъ, и изъ свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ приказа о ссыльныхъ, видно было, что онъ прибылъ въ Тобольскъ незакованный. Обручеву, по ходатайству жандармскаго штабъ-офицера, онъ позволилъ прогуливаться для здоровья около памятника Ермака въ сопровожденіи жандарма.

Показаніе вице-губернатора Соколова. Какъ предсѣдатель губернскаго правленія, онъ постоянно занимался дѣлами о преступникахъ; какъ директоръ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, онъ постоянно бывалъ въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ для наблюденія за помѣщеніемъ арестантовъ, а какъ докторъ (тобольскій вице-губернаторъ Соколовъ-докторъ) считалъ своею обязанностью всегда помогать преступникамъ въ ихъ недугахъ, и Михайлова онъ сожалѣлъ, какъ больного человѣка. Занимаясь, въ продолженіе 10 лѣтъ изученіемъ легочной чахотки, въ доказательство чего представляетъ нѣсколько статей своихъ объ этой болѣзни, онъ видѣлъ въ Михайловѣ не только что больного, достойнаго сожалѣнія, но и интересный субъектъ для изученія со стороны науки; зналъ онъ его только по литературнымъ трудамъ и въ особенности по его статьямъ о женщинахъ. На квартиру къ себѣ Михайлова онъ дѣйствительно призывалъ для подаоія медицинскаго пособія; а такъ какъ Михайловъ являлся къ нему къ четыремъ часамъ, то онъ оставлялъ его у себя обѣдать, но въ шесть часовъ отправлялъ въ замокъ подъ присмотромъ полицейскаго чиновника, который его къ нему и привозилъ. Этихъ случаевъ было только два. Впрочемъ, главный начальникъ всѣхъ тюремныхъ заключеній въ губерніи—губернаторъ, который въ продолженіе трехъ лѣтъ совмѣстнаго служенія съ нимъ, никогда не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній по поводу неисполненія лежавшихъ на немъ обязанностей относительно тюремныхъ заключеній, между тѣмъ, какъ самъ губернаторъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, былъ въ острогѣ не болѣе трехъ разъ. Что касается прощанія съ Михайловымъ за заставою, то происходило оно слѣдующимъ образомъ: онъ поѣхалъ съ женою своею, по случаю болѣзни послѣдней, въ загородный монастырь; но, не доѣзжая до монастыря, долженъ былъ возвратиться назадъ, по причинѣ усилившагося вдругъ холода и вѣтра. На возвратномъ пути увидѣлъ онъ ѣхавшую по направленію отъ города повозку, но не зналъ, кто въ ней сидитъ, а когда подъѣхалъ къ ней, то увидѣлъ сидящаго въ повозкѣ Михайлова, и потому остановился проститься, причемъ отдалъ послѣднему бывшую съ нимъ коробку съ 5 рябчиками; но это было сдѣлано подаяніе, которое законъ не запрещаетъ давать преступникамъ и которое дѣлается въ Россіи повсемѣстно.

Показаніе прокурора Жемчужникова. Преступники Михайловъ, Обручевъ и Макеевъ содержались во флигелѣ подсудимыхъ дворянъ, потому что, по порядку,

изстари заведенному въ тобольскомъ тюремномъ замкѣ, содержащіеся арестанты изъ привилегированнаго состоянія отдѣлялись отъ простыхъ, что, по его мнѣнію, не противорѣчитъ 101 ст. XIV т. уст. о содержаніи подъ стр.; а такъ какъ Михайловъ и Макеевъ помѣщались хотя и въ одномъ корридорѣ, но въ разныхъ камерахъ, то, слѣдовательно, 101 ст. не была нарушена. Во время содержанія онъ видѣлъ ихъ раскованными, но приказанія расковывать не давалъ; заковать же ихъ онъ не могъ приказать, потому что, на основаніи законовъ, лица привилегированнаго состоянія освобождаются отъ оковъ, и онъ считалъ, что дѣйствія его были бы болѣе противозаконныя, если бы онъ приказалъ заковать Михайлова и Макеева. Кромѣ того, вопросъ о заковываніи преступниковъ въ разныхъ мѣстахъ понимается различно; такъ, Михайловъ, осужденный въ каторгу на 6 лѣтъ, присланъ былъ въ оковахъ, а шведскій подданный Бонгардъ, изъ Варшавы, осужденный въ каторгу на 12 лѣтъ—безъ оковъ; слѣдовательно, незакованіе Михайлова можетъ быть отнесено къ ошибочному пониманію закона. О посѣщеніи Михайлова разными лицами онъ ничего не зналъ. Одинъ разъ бралъ его къ себѣ обѣдать съ тою цѣлью, чтобы дать ему возможность, при его сильной болѣзни, воспользоваться хорошею пищею и разрѣшенія на это ни у кого не спрашивалъ. Разговора съ нимъ ни о чемъ противозаконномъ не имѣлъ, а говорилъ только о своихъ племянникахъ, которыхъ Михайловъ зналъ давно, потому что жилъ въ томъ городѣ, въ которомъ жила его родная сестра. Сочувствія къ нему, какъ государственному преступнику, не имѣлъ, а сочувствовалъ ему, какъ человѣку несчастному и больному и смотрѣлъ на это сочувствіе, какъ на дѣло состраданія къ ближнему, примѣръ котораго показалъ самъ Государь Императоръ. Конфирмаціи надъ Михайловымъ онъ не читалъ; но изъ словъ послѣдняго онъ узналъ, что онъ осужденъ былъ за найденное у него сочиненіе, авторомъ котораго былъ не онъ, но принялъ его на себя, чтобы отстранить отъ отвѣтственности дѣйствительнаго автора, а это обстоятельство не могло не возбудить въ немъ, Жемчужниковѣ, сочувствія къ осужденному, пострадавшему за другихъ; о самомъ же этомъ сочиненіи онъ ничего не зналъ. Притомъ, онъ не предполагалъ, чтобы Правительство, ввѣривъ ему должность прокурора, усумнилось въ его преданности и чистотѣ дѣйствій. Макеева онъ зналъ съ того времени, когда тому было шесть лѣтъ, былъ знакомъ съ его родителями, обласканъ ими, и потому положеніе этого арестанта не могло не заинтересовать его, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Михайлова, преступленіе было совершено имъ въ чаду, въ порывѣ необдуманности, и онъ видѣлъ, что, хотя наказаніе, назначенное осужденному, было жестоко, но угрызеніе совѣсти за совершенное преступленіе мучили его сильнѣе наказанія. Кромѣ того, Макеевъ, на пути слѣдованія, въ Тюмени, перенесъ сильнѣйшую горячку, послѣ которой, не оправившись, прибылъ въ Тобольскъ. Видя въ немъ, какъ и въ Михайловѣ, человѣка страдающаго болѣзнью, онъ бралъ его къ себѣ обѣдать съ тою же цѣлью, какъ и перваго, и зналъ, что они бывали въ домахъ у нѣкоторыхъ почетныхъ лицъ Тобольска, хотя самъ не встрѣчалъ ихъ ни въ одномъ домѣ; но не придавалъ важности отлучкамъ ихъ изъ замка, во-первыхъ, по болѣзненному ихъ состоянію, а во-вторыхъ, потому, что въ законахъ нѣтъ статьи, запрещающей выпускать временно-пересыльныхъ арестантовъ изъ ихъ заключеній; если же и существуетъ въ XIV т. 190 ст., то она относится къ арестантамъ подсудимымъ, а не пересыльнымъ.

На это объясненіе прокурора сдѣлано было ему коммиссіею замѣчаніе, что, если нѣтъ въ законахъ статьи запрещающей выпускать пересыльныхъ арестантовъ, то нѣтъ и такой, которая дозволяла это дѣлать, и потому онъ долженъ былъ сообразоваться съ духомъ законовъ. Прокуроръ отвѣчалъ, что, во-первыхъ, если законъ чего не запрещаетъ, то, значитъ, дозволяетъ, а во-вторыхъ, онъ сообразовался при этомъ съ духомъ законовъ, почему арестанты и не выпускались безъ различія: но особенно онъ сообразовался при этомъ съ духомъ той власти, отъ которой исходилъ законъ; духъ Государя Императора выражается въ милости и снисхожденіи, что показалъ онъ тотчасъ же по восшествіи на престолъ, освободивъ изъ ссылки политическихъ преступниковъ и Михайлову уменьшилъ срокъ работъ, назначенный ему при осужденіи.

Производившій слѣдствіе генералъ-майоръ Сколковъ донесъ, что общество тобольское вообще не сочувствовало преступленію Михайлова, что букетовъ дамы ему не подносили, потому что, при сибирскихъ морозахъ, очень трудно имѣть живые цвѣты и что, если нѣкоторыя изъ лицъ города и высказывали сочувствіе Михайлову, то это дѣлалось или изъ желанія прослыть передовыми людьми, покровительствующими литератору, или изъ подражанія другимъ. Вице-губернаторъ Соколовъ оказывалъ участіе Михайлову съ цѣлью сблизиться черезъ него съ литераторами и пріобрѣсти для себя сотрудничество въ какомъ-нибудь журналѣ. Полковникъ Жданъ-Пушкинъ знакомъ былъ съ Михайловымъ въ Петербургѣ и потому встрѣтилъ его въ Тобольскѣ, какъ знакомаго.

* * *

Произведенное слѣдствіе, по окончаніи, передано было на соглашеніе министра внутреннихъ дѣлъ съ шефомъ корпуса жандармовъ, по докладу которыхъ Государь Императоръ повелѣлъ передать его въ первый Департаментъ Правительствующаго

Сената для опредѣленія порядка отвѣтственности виновныхъ, такъ какъ они принадлежали къ разнымъ министерствамъ. 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената требовалъ заключенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ и шефа корпуса жандармовъ, относительно опредѣленія отвѣтственности виновныхъ, находящихся въ ихъ непосредственномъ распоряженіи, на что министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ Сенату, что губернаторъ Виноградскій и вице-губернаторъ Соколовъ подлежатъ отвѣтственности, послѣ удаленія отъ должности, за превышеніе и бездѣятельность власти, по 383 ст. XV т., а шефъ корпуса жандармовъ нашелъ нужнымъ предать военному суду тобольскаго жандармскаго штабъ-офицера. Послѣ этого, 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената опредѣлилъ губернатору Виноградскому, уволенному отъ должности, сдѣлать выговоръ въ административномъ порядкѣ, а вице-губернатора, прокурора, полицеймейстера и смотрителя тюремнаго замка предать суду. Комитетъ Министровъ, въ который поступило опредѣленіе Правительствующаго Сената, нашелъ, что губернаторъ Виноградскій, такъ же какъ и другіе, долженъ быть преданъ суду, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе. Военный медикъ Опучинъ и капитанъ генеральнаго штаба Скибинскій, по распоряженію военнаго министра, уволены отъ службы безъ прошеній.

Сѣверная Почта.

(5 апрѣля. № 70.)

Сегодня въ четвертомъ часу по полудни, въ то время, когда Государь Императоръ, кончивъ свою прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ на Его Величество изъ пистолета. Божіе Провидѣніе предохранило драгоцѣнные дни Августѣйшаго нашего государя. Преступникъ задержанъ. Разслѣдованіе производится.

С.-Петорбургъ. 4-го апрѣля.

Сенатскія Вѣдомости.

(8 апрѣля. № 28.)

Опредѣленіе Правительствующаго Сената.

1866 года апрѣля 5-го дня Сенаторы С.-Петербургскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, Министръ Юстиціи, Товарищъ Министра Юстиціи, Оберъ-Прокуроры и чины канцеляріи Правительствующаго Сената собрались въ 10 часовъ утра въ Сенатской церкви для принесенія Господу Богу благодарственной молитвы за сохраненіе жизни Августѣйшаго Государя Императора отъ преступнаго покушенія, совершеннаго 4-го сего апрѣля, въ 4-мъ часу по полудни. По выслушаніи молебствія Сенаторы, Министръ Юстиціи, Товарищъ Министра Юстиціи и Оберъ-Прокуроры поспѣшили въ Зимній Дворецъ, лично выразить Его Императорскому Величеству чувства глубокой вѣрноподданнической радости. Въ 11-ть часовъ утра Государь Императоръ удостоилъ выйти къ собравшимся въ залѣ предъ Его кабинетомъ и, милостиво выслушавъ отъ Сенатора, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Митусова, изъявленіе одушевлявшаго всѣхъ чувства, соизволилъ сказать: „Благодарю васъ, господа, благодарю за ваши вѣрноподданническія чувства. Они радуютъ Меня. Я всегда былъ въ нихъ увѣренъ, жалѣю только, что вамъ довелось выражать ваши чувства по такому грустному событію. Личность преступника до сихъ поръ еще не разъяснена, но, очевидно, что онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ. Всего прискорбнѣе, что онъ русскій". На сіи послѣднія слова Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ Матюнинъ сказалъ: „Государь, мы питаемъ себя надеждою, что дальнѣйшее слѣдствіе разъяснитъ личность преступника, и имя русскаго останется незапятнаннымъ". На это Его Императорское Величество изволилъ отвѣчать: „Дай Богъ"; соблаговолилъ указать, что открыто первоначальнымъ изслѣдованіемъ, и вновь обратившись ко всѣмъ собравшимся, милостиво повторилъ: „Благодарю, еще разъ благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ вѣрноподданическихъ чувствъ". Эти слова вызвали у присутствовавшихъ единодушное выраженіе восторга, возгласами: „Ура", которые не умолкали до выхода Его Императорскаго Величества изъ залы. Въ 11-ть часовъ Сенаторы, Министръ Юстиціи и Товарищъ Министра Юстиціи отправились въ Исаакіевскій Соборъ, гдѣ въ присутствіи Членовъ Императорской Фамиліи, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, по окончаніи литургіи, было совершено соборное благодарственное молебствіе, послѣ котораго Правительствующій Сенатъ, собравшись въ Общее Собраніе 1-хъ 3-хъ Департаментовъ и Департамента Герольдіи, опредѣлилъ: для сохраненія навсегда въ лѣтописяхъ Сената тѣхъ милостивыхъ словъ, которыхъ Его Императорское Величество удостоилъ сказать въ отвѣтъ на выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ Сенаторовъ, записать о всемъ вышеизложенномъ въ журналъ и составить особый протоколъ, который припечатать въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ".

Сѣверная Почта.

(10 апрѣля. № 75.)

По важности слѣдствія, производимаго о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Государя Императора, 4-го сего апрѣля, и во вниманіе къ необходимости обнаружить соучастниковъ преступника, Его Величеству благоугодно было Высочайше назначить предсѣдателемъ коммиссіи, на которую слѣдствіе возложено, генерала-отъ-инфантеріи, графа Михаила Николаевича Муравьева.

Сѣверная Почта.

(13 апрѣля, № 77)

Именной Высочайшій Указъ, данный Правительствующему Сенату.

„Четвертаго сего апрѣля, по изволенію Всеблагаго Промысла, сохранена Намъ жизнь рукою Осипа Коммиссарова, временно-обязаннаго крестьянина Костромской губерніи, Буйскаго уѣзда, Молвитинской, волости села Молвитина—уроженца той же мѣстности, которая нѣкогда дала Россіи знаменитаго въ отечественныхъ лѣтописяхъ Ивана Сусанина. Въ память этого событія и въ ознаменованіе Нашей признательности къ Коммиссарову, Всемилостивѣйше жалуемъ ему потомственное Россійской Имперіи дворянское достоинство, повелѣвая именовать его Коммиссаровымъ-Костромскимъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащія распоряженія объ изготовленіи Коммисарову-Костромскому диплома на дворянское достоинство и о поднесеніи онаго къ Нашему подписанію.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Александръ“

Въ С.-Петергургѣ 9-го апрѣля 1866 года.

Сѣверная Почта.

(13-го апрѣля. № 77.)

Свѣдѣнія о преступникѣ, покусившемся на жизнь Государя Императора. Въ № 75-мъ нашей газеты мы сообщали о назначеніи графа Михаила Николаевича Муравьева предсѣдателемъ Высочайше учрежденной въ С.-Петербургѣ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о покушеніи на жизнь Государя Императора.

Въ настоящее время труды слѣдственной коммиссіи подвинулись настолько, что личность преступника совершенно обнаружилась. Не смотря на упорное запирательство его, не смотря на отказъ положительно и точно отвѣчать на предлагавшіеся ему вопросы, коммиссіи удалось открыть, что преступникъ—уроженецъ Саратовской губерніи Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ. Отецъ его имѣлъ небольшое помѣстье въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи. Самъ же преступникъ, бывшій вольнослушатель московскаго университета, находясь еще въ Москвѣ, страдалъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ изъ его товарищей, припадками меланхоліи и ипохондріи, и въ продолженіе болѣе мѣсяца лежалъ въ клиникѣ при московскомъ университетѣ, пользуясь у тамошнихъ докторовъ. Болѣзненное настроеніе его, по показаніямъ тѣхъ же товарищей, доходило до того, что онъ писалъ письмо къ одному изъ нихъ, прося прислать ему опіума, для прекращенія мученій, вмѣстѣ съ самою жизнью. Обо всемъ этомъ собираются подробныя свѣдѣнія. Въ нынѣшнемъ году Каракозовъ былъ два раза въ Петербургѣ: одинъ разъ онъ пріѣхалъ въ февралѣ мѣсяцѣ, а другой разъ на Пасхѣ. По словамъ знакомыхъ и родныхъ, Каракозовъ постоянно жаловался на то, что жизнь ему въ тягость, что она уже ему надоѣла и что онъ ненавидитъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Каракозовъ развивалъ идеи самаго крайняго соціализма. Въ Петербургѣ, скрывая свое настоящее имя и званіе, онъ продолжалъ лѣчиться отъ болѣзни у нѣкоторыхъ здѣшнихъ докторовъ.

Въ отношеніи обнаруженія соучастниковъ преступника и связей ихъ съ зловредными обществами, стремящимися къ ниспроверженію утвердившагося государственнаго порядка, продолжается дальнѣйшее строжайшее разслѣдованіе.

Сѣверная Почта.

(11 мая. № 99.)

Свѣдѣнія о пребываніи Каракозова въ Казанскомъ университетѣ.

(Статья эта, составленная совѣтомъ университета, доставлена въ редакцію „Сѣв. Почты“ по приказанію г. министра народнаго просвѣщенія).

„Окончивъ въ 1850 году курсъ въ Пензенской гимназіи, имѣя отъ роду 19 лѣтъ, Каракозовъ подалъ прошеніе о поступленіи въ университетъ 1 мая 1861 года и послѣ вступительнаго экзамена былъ зачисленъ въ студенты 1-го курса юридическаго факультета и разряда (опредѣленіе совѣта 1 сентября 1861 г.). Въ началѣ октября

того же года въ казанскомъ университетѣ обнаружились (вскорѣ послѣ событій въ петербургскомъ и московскомъ университетахъ и въ связи съ ними) безпорядки, слѣдствіемъ которыхъ былъ двухмѣсячный перерывъ лекцій. Вслѣдствіе сборища студентовъ въ квартирѣ инспектора и „скопа у исправляющаго должность попечителя", по требованію совѣта, наряжено было начальникомъ губерніи, съ разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, формальное слѣдствіе надъ участниками. Съ своей стороны университетъ сдѣлалъ тоже разслѣдованіе о томъ, кто изъ числа всѣхъ студентовъ участвовалъ въ скопахъ. Университетская коммиссія донесла о результатахъ дознанія и назвала имена участвовавшихъ въ безпорядкахъ. Тогда совѣтъ университета въ засѣданіи 21-го октября опредѣлилъ исключить всѣхъ участвовавшихъ въ скопахъ изъ университета, съ тѣмъ, что они могутъ быть приняты черезъ годъ въ университетъ, если по слѣдствію, произведенному особой слѣдственной коммиссіей, эти лица не окажутся особенно виновными и если по свѣдѣніямъ, доставленнымъ совѣту, ихъ поведеніе въ теченіе года не будетъ предосудительно. Каковое опредѣленіе совѣта 9-го ноября того же 1861 года удостоилось Высочайшаго утвержденія съ тѣмъ, чтобы подвергнувшіеся оному и не имѣющіе въ Казани родителей, ни родственниковъ были удалены изъ города, а имѣющіе отданы имъ на поруку. Въ числѣ исключенныхъ былъ студентъ 1-го курса юридическаго факультета и разряда Дмитрій Каракозовъ, который, по распоряженію полиціи, былъ высланъ изъ Казани тогда же. Результаты слѣдственной коммиссіи, назначенной начальникомъ губерніи, сдѣлались извѣстны совѣту университета только черезъ годъ: при предложеніи 5-го октября 1862 г. присланы въ совѣтъ университета два слѣдственныя дѣла о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами въ 1861 году. Здѣсь находились подлинныя показанія всѣхъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ лицъ, и по этимъ показаніямъ, опредѣлявшимъ степень участія каждаго въ безпорядкахъ, или степень особаго упорства въ духѣ неизвинительнаго своеволія, совѣтъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 11-го августа 1862 г., долженъ былъ виновныхъ раздѣлить на три категоріи: главные виновники должны быть подвергнуты совершенному исключенію, менѣе виновные, но рѣзко оправдывающіе поведеніе студентовъ 8-го октября, должны быть исключены еще на годъ, а остальные, не исключенные изъ университета, оставлены подъ дѣйствіемъ Высочайшихъ повелѣній 10-го декабря 1849 г. и 9 ноября 1861 г. При разсмотрѣніи дѣла въ чрезвычайномъ, особо для сего назначенномъ, засѣданіи совѣта разсматривалось слѣдственное студентское дѣло. Въ засѣданіи 13-го октября читались отдѣльно каждое показаніе и затѣмъ, по окончаніи чтенія каждаго показанія, предсѣдатель присутствія отбиралъ отдѣльно отъ каждаго члена голоса о томъ, къ какой категоріи причислить виновнаго. На основаніи показаній, данныхъ слѣдственной коммиссіей, Каракозовъ Дмитрій былъ причисленъ къ третьей категоріи. Это опредѣленіе совѣта было, однако, неокончательное: оно представлялось черезъ попечителя округа министру народнаго просвѣщенія, который въ предложеніи 13-го марта уже 1863 года за № 2907 утвердилъ опредѣленіе совѣта, причемъ было обращено вниманіе совѣта на то, что принятіе каждаго изъ причисленныхъ къ 3 категоріи должно происходить не иначе, какъ по особому разрѣшенію совѣта, о чемъ послѣдній входилъ съ представленіями попечителю. Обратимся къ Каракозову. Каракозовъ, по поступленіи вновь въ университетъ, прислалъ прошеніе по почтѣ 4-го августа 1862 г. Это прошеніе вмѣстѣ съ другими, поданными въ теченіе вакаціи, было доложено въ засѣданіи 22 августа того же года (причемъ также было доложено, что документовъ отъ Каракозова не прислано). Совѣтъ опредѣлилъ: объявить подавшимъ прошеніе молодымъ людямъ, что срокъ, на который они исключены, еще не кончился, потому совѣтъ не можетъ ничего постановить по ихъ прошеніямъ. Затѣмъ, когда получено было распоряженіе министра народнаго просвѣщенія объ утвержденіи постановленія совѣта относительно распредѣленія на категоріи, то совѣтъ университета снова разсматривалъ въ засѣданіи 13-го апрѣля 1863 г. всѣ прежде поданныя прошенія и, имѣя въ виду, что у Каракозова нѣтъ свидѣтельства о поведеніи за время его пребыванія внѣ университета, въ пріемѣ его въ студенты отказалъ, и только тогда, когда сердобскій уѣздный исправникъ, при отношеніи 10-го августа за № 204, доставилъ законное свидѣтельство за № 205 о томъ, „что во время проживанія Каракозова въ Сердобскомъ уѣздѣ, въ родовомъ имѣніи его сельцѣ Жмакинѣ, въ домѣ родителей, онъ, Каракозовъ, велъ себя хорошо и ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ замѣченъ не былъ", совѣтъ 9-го сентября того же 1863 г. ходатайствовалъ предъ управляющимъ Казанскимъ учебнымъ округомъ о принятіи Каракозова въ числѣ другихъ въ студенты, о чемъ 27-го сентября послѣдовало разрѣшеніе. Вотъ на какихъ основаніяхъ былъ принятъ вновь въ студенты университета Каракозовъ. Зачисленный такимъ образомъ въ студенты того же 1-го курса и разряда юридическихъ наукъ, Каракозовъ пробылъ до конца 1863—1864 учебнаго года, когда выдержалъ испытаніе въ 2-й курсъ и по своему прошенію 29-го сентября 1864 года перешелъ въ студенты московскаго университета.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской полиціи [1]).

(7 іюня. № 121.)

8-го сего іюня въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, въ Рождественской части, дворянину Юрію Мосолову Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Мосолова, за принадлежность къ тайному политическому обществу, имѣвшему цѣлью измѣненіе существующаго въ Россіи образа правленія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи.

(8 іюня. № 122.)

9-го сего іюня въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, въ Рождественской части, дворянину Николаю Шатилову Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Шатилова за пособничество къ приведенію въ исполненіе преступныхъ намѣреній тайнаго политическаго общества, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи.

(9 іюня. № 123.)

10-го сего іюня въ 8 часовъ утра назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, въ Рождественской части, лекарю Петру Лебединскому Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, которымъ опредѣлено: Лебединскаго, за пособничество къ приведенію въ исполненіе преступныхъ намѣреній тайнаго политическаго общества, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе.

Сѣверная Почта.

(2 іюля. № 142).

Указъ Правительствующему Сенату.

Усмотрѣвъ изъ Всеподданнѣйшаго донесенія предсѣдателя особо учрежденной Нами слѣдственной Коммиссіи, члена Государственнаго Совѣта, генерала отъ инфантеріи графа Муравьева, что произведеннымъ сею коммиссіею изслѣдованіемъ обнаружены въ разныхъ мѣстахъ Имперіи преступные замыслы противъ Верховной Власти и установленнаго законами образа Правленія, Мы повелѣли учредить, для разсмотрѣнія слѣдственнаго по сему предмету дѣла и постановленія окончательнаго по оному приговора, верховный уголовный судъ, на основаніи ст. 1062-й устава уголовнаго судопроизводства 20-го ноября 1864 года, подъ предсѣдательствомъ вице-предсѣдателя Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Князя Гагарина.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее къ исполненію сего распоряженіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„Александръ“.

Въ Царскомъ Селѣ 28-го Іюня 1866 года.

Сѣверная Почта.

(2 августа. № 166.)

Въ № 77 „Сѣверной Почты“ (13-го апрѣля) вслѣдъ за первымъ извѣстіемъ о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Государя Императора и назначеніи предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи графа М. Н. Муравьева, сообщены были свѣдѣнія, полученныя коммиссіею о личности преступника, и сказано было, что для открытія его соучастниковъ и связей ихъ съ другими злоумышленниками, стремящимися къ ниспроверженію государственнаго порядка, дальнѣйшее разслѣдованіе продолжается. Несмотря на постоянное упорство и продолжительное запирательство подвергшихся болѣе или менѣе сильному подозрѣнію въ преступныхъ замыслахъ, коммиссія въ теченіе $2^1/_2$ мѣсячныхъ усиленныхъ трудовъ, обнаружила сообщниковъ злодѣя и привела въ ясность, какъ намѣренія и дѣйствія злоумышленниковъ, предшествовавшія преступленію, такъ и вліяніе заграничныхъ революціонныхъ обществъ и связи ихъ съ польской пропагандой [2]).

---

[1]) Никакихъ другихъ офиціальныхъ сообщеній по дѣлу Мосолова, Шатилова и Лебединскаго не было. Редакторъ.

[2]) Въ отношеніи упорства и запирательства привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, слѣдствіемъ обнаружено, что на одной изъ сходокъ, бывшей въ концѣ Великаго поста

Занятія слѣдственной коммиссіи, въ отношеніи къ преступнику Каракозову и главнымъ и ближайшимъ его сообщникамъ, уже окончены, и Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 28-го Іюня учрежденъ верховный уголовный судъ на основаніи 1062 ст. уст. уголовнаго судопроизводства 20-го ноября 1864 года. Нынѣ признается возможнымъ передать во всеобщее свѣдѣніе слѣдующія извѣстія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ неслыханное въ Россіи преступленіе—покушеніе на цареубійство. Имена соучастниковъ Каракозова сдѣлаются извѣстными въ свое время. Преступникъ, при первоначальныхъ допросахъ, упорно скрывалъ свое имя, фамилію и состояніе, называя себя крестьяниномъ Алексѣемъ Петровымъ, уроженцемъ южныхъ губерній, и вообще давалъ ложныя показанія относительно своей личности и мѣстопребыванія; въ клиникѣ же петербургской медико-хирургической академіи, въ которую онъ часто приходилъ за медицинскими пособіями, онъ называлъ себя Дмитріемъ Владиміровымъ. Наконецъ, было открыто, что онъ Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ, 24 лѣтъ, что отецъ его незначительный помѣщикъ Саратовской губерніи, Сердобскаго уѣзда, не утвержденный въ дворянскомъ достоинствѣ, что онъ имѣетъ родныхъ братьевъ и сестеръ, обучался первоначально въ Пензенской гимназіи, поступилъ въ 1861 году въ Казанскій университетъ, откуда за участіе въ безпорядкахъ между студентами былъ вскорѣ исключенъ, но въ 1863 г. снова принятъ въ студенты того-же университета, а осенью 1864 г. перешелъ въ Московскій университетъ, откуда исключенъ лѣтомъ 1865 г. за невзносъ студентской платы.

Живя въ Москвѣ, Каракозовъ принадлежалъ къ образовавшемуся тамъ тайному обществу, преимущественно изъ вольнослушателей университета, Петровской земледѣльческой академіи, нѣкоторыхъ студентовъ, гимназистовъ и иныхъ лицъ[1]). Общество это существовавшее за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ разныхъ формахъ и кружкахъ, въ концѣ 1865 г. приняло общее названіе „Организаціи“ и поставило себѣ цѣлью распространять соціалистическое ученіе, разрушать начала общественной нравственности, колебать вѣру въ основы религіи и путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ въ государствѣ.

Средствами для сего должны были служить: а) Пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа. б) Возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ властей. в) Устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему зловредныя ученія соціализма. г) Заведеніе въ провинціяхъ библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма, которыя, находясь въ рукахъ членовъ главнаго общества, могли бы удобнѣе привлекать и приготовлять новыхъ членовъ и въ то же время состояли бы въ зависимости отъ центральнаго общества въ Москвѣ и получили бы отъ него дальнѣйшее направленіе. д) Распространенія въ народѣ соціалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей; и—е) пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній.

Денежныя средства для устройства школъ, библіотекъ и вообще для достиженія цѣлей общества положено было пріобрѣтать чрезъ пожертвованія самихъ членовъ, съ приглашеніемъ къ тому и стороннихъ лицъ, подъ разными благовидными предлогами, которыми прикрывались всѣ повидимому благотворныя и полезныя для народа учрежденія, предполагавшіяся этимъ обществомъ. Въ случаяхъ же надобности допускалось воровство, убійство богатыхъ людей и похищеніе денегъ на почтахъ, въ казначействахъ и т. д.[2]).

Общество подраздѣлялось на разные отдѣлы съ различными наименованіями, какъ-то: „Взаимнаго вспомоществованія“, „Переводчиковъ и переводчицъ“, „Поощренія частнаго труда“. Всѣ эти отдѣлы для прикрытія революціонной цѣли главныхъ распорядителей, предполагалось облечь законною формою, испросивъ на то утвержденіе правительства. Полагалось устройствомъ безплатныхъ школъ, швейнъ и библіотекъ,

---

въ Москвѣ, между названными лицами было положено, въ случаѣ ареста, не дѣлать сознанія и при этомъ условлено какъ и что говорить; нѣкоторые же изъ главныхъ и ближайшихъ сообщниковъ преступленія согласились между собою запастись ядомъ стрихниномъ, для отравленія себя, если-бы отъ нихъ при допросахъ стали вымогать признаніе. Впослѣдствіи, признаваясь въ этомъ, упомянутыя лица возвратили бывшій при нихъ ядъ, всыпанный въ маленькія пуговицы, заклеенныя воскомъ въ волоса.

Прим. „Сѣв. Почты“.

[1]) Главный распорядитель этого общества, двоюродный братъ Каракозова, былъ членомъ извѣстнаго по своимъ прокламаціямъ въ 62 и въ началѣ 63 года тайнаго общества „Земля и Воля“. Прим. „Сѣв. Поч.“.

[2]) Былъ даже случай, что сынъ былъ подговоренъ къ отравленію отца ядомъ для полученія наслѣдства и обращенія его въ пользу сказаннаго революціоннаго общества.

Прим. „Сѣв. Поч“.

объединять свои мысли, сближаться съ различными кружками университета и иныхъ учебныхъ заведеній и вообще привлекать въ общество разныхъ лицъ. Независимо отъ сего означенное общество стремилось входить въ ближайшія сношенія съ соціалистическими кружками и дѣятелями въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ Имперіи, которые поддерживались съ одной стороны направленіемъ преподаванія значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой большею частію журналистики, которая явно распространяла идеи соціализма и, такъ называемаго, нигилизма съ возбужденіемъ общественнаго мнѣнія противъ правительственной власти и государственнаго управленія. Это разрушительное направленіе мыслей и ученія между молодымъ поколѣніемъ поддерживалось также заграничною революціонною прессою, находившею средства распространяться даже среди учебныхъ заведеній. Многіе изъ молодыхъ людей, отправлявшихся за границу съ научною цѣлію, входили тамъ въ сношенія съ агентами революціонныхъ обществъ и болѣе другихъ заражались соціалистическимъ направленіемъ, которое этимъ путемъ распространялось безвозвратно среди молодого нашего поколѣнія. Чтобы скрыть предъ правительствомъ цѣль зловредной пропаганды, въ особенности въ дѣлѣ народнаго образованія, сдѣлавшимся предметомъ усиленнаго стремленія молодого поколѣнія — „консерватизмъ въ словахъ и прогрессъ въ дѣлѣ", по словамъ одного изъ сихъ дѣятелей, „должны быть лозунгомъ друзей русской грамотности, ихъ тайною заповѣдью, скрытою отъ глазъ непосвященныхъ. Не стараться явно противодѣйствовать устройству контроля со стороны правительства надъ дѣйствіями общества, а стараться воспользоваться имъ для своей цѣли, замѣстивъ должности надзорщиковъ людьми изъ своей партіи".

Лица, составлявшія вышеупомянутое общество, подъ названіемъ „Организаціи", имѣли два направленія: одни стремились, посредствомъ соціалистической пропаганды и сближенія съ народомъ, постепенно достигать переворота въ государствѣ съ ниспроверженіемъ законнаго правительства; другіе желали скорѣе достигнуть цѣли и произвести революцію, для чего признавали нужнымъ, рано или поздно, прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—цареубійству. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ Каракозовъ, который предполагалъ безотлагательно исполнить такое страшное преступленіе.

Мысль о цареубійствѣ и вообще о приступѣ къ крайнимъ мѣрамъ возродилась по возвращеніи изъ Петербурга въ Москву одного изъ главныхъ руководителей московскихъ соціалистическихъ кружковъ[1]), который имѣлъ въ Петербургѣ близкія сношенія съ однимъ извѣстнымъ по своимъ соціалистическимъ мнѣніямъ и революціонному направленію лицомъ, ѣздившимъ лѣтомъ 1865 г. за границу и только что возвратившимся изъ Швейцаріи. Упомянутый родственникъ Каракозова тогда же сообщилъ своимъ товарищамъ о существованіи за границей европейскаго революціоннаго комитета съ цѣлію цареубійствъ и о готовности этого комитета оружіемъ и разными иными способами помогать революціи въ Россіи, и высказалъ мысль о необходимости учрежденія въ Москвѣ съ тою же цѣлію особаго тайнаго кружка. Члены этого кружка, назвавшагося „Адомъ", принимали на себя гнусную обязанность убійства вообще, угрожая имъ и всѣмъ другимъ членамъ „Организаціи", которые бы не выполнили возложенныхъ на нихъ обязанностей. Относительно-же Цареубійства было положено: что одинъ изъ членовъ назначается для исполненія этого страшнаго преступленія, имѣя при себѣ ядъ и прокламацію, которая объяснила бы народу причины убійства и цѣль предполагаемаго въ государствѣ переворота. Злодѣй обязанъ былъ, отдѣлившись отъ общества, совершенно уединиться, предаться разврату и всевозможнымъ порокамъ, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ какихъ-либо политическихъ замыслахъ, и въ сихъ видахъ дѣлать даже на другихъ доносы: когда же онъ успѣетъ совершить задуманное злодѣяніе, то онъ долженъ былъ немедленно отравиться ядомъ, которымъ былъ для сего снабженъ. При этомъ предполагалось, что находившаяся при немъ прокламація сдѣлается извѣстною народу. Цѣль цареубійства заключалась въ томъ, чтобы, исполнивъ это, произвести общее волненіе и революцію въ государствѣ. Предложеніе объ устройствѣ упомянутаго кружка подъ названіемъ „Адъ" было обсуждаемо въ средѣ нѣсколькихъ членовъ „Организаціи"[2]): нѣкоторые изъ нихъ находили мысль о цареубійствѣ рано временною и несбыточною; Каракозовъ же, будучи, по отзывамъ товарищей, всегда молчаливымъ и сосредоточеннымъ, сочувствовалъ злодѣйскому замыслу и желая его исполнить, на первой недѣлѣ прошлаго Великаго поста отправился въ Петербургъ, гдѣ и былъ въ сношеніяхъ съ вышеупомянутымъ революціоннымъ агентомъ московскихъ кружковъ. Послѣдній особенно былъ извѣстенъ изданіемъ книгъ для народнаго чтенія, въ коихъ проводились самыя зловредныя мысли съ цѣлію развратить молодое поколѣніе, и состоялъ въ сношеніяхъ съ соціалистическимъ кружкомъ крайняго нигилиста Нодкина (умер-

---

[1]) Двоюродный братъ Каракозова. Прим. „Сѣв. поч.".

[2]) Для общества „Организація", а также для другихъ обществъ подъ различными наименованіями, членами московскаго кружка были написаны уставы, переданные, передъ арестованіемъ главныхъ участниковъ, другимъ членамъ и ими уничтожены. Прим. „Сѣв. Поч.".

шаго въ апрѣлѣ сего года), который находился въ связяхъ и перепискѣ съ заграничными агитаторами. Тотъ же вышеупомянутый агентъ возымѣлъ мысль освободить отъ каторжной работы государственнаго преступника Чернышевскаго для того, чтобы онъ издавалъ въ Женевѣ журналъ, въ видахъ содѣйствія предполагаемому въ Россіи государственному перевороту. Мысль эта была передана въ Петербургѣ упомянутому руководителю московскихъ соціалистическихъ кружковъ, двоюродному брату Каракозова, пріѣзжавшему туда изъ Москвы, одновременно съ другими лицами, для осуществленія особаго своего предположенія объ устройствѣ на началахъ коммунизма рабочихъ мальцовскихъ заводовъ, которые были имъ возбуждаемы къ неповиновенію владѣльцу. Для приведенія въ исполненіе мысли объ освобожденіи Чернышевскаго, московскимъ кружкомъ былъ назначенъ къ поѣздкѣ въ Сибирь одинъ изъ его членовъ. Онъ былъ снабженъ въ Петербургѣ упомянутымъ агентомъ фальшивыми паспортами, наркотическими веществами для усыпленія стражи и ядомъ для отравленія себя, въ случаѣ неудачи, а также рекомендательными письмами къ разнымъ лицамъ въ западной и восточной Сибири, изъ числа ссыльныхъ поляковъ, съ которыми онъ, какъ видно, былъ въ сношеніяхъ съ политическою цѣлію. Сверхъ того, тотъ же агентъ, чрезъ посылку въ Москву въ Іюлѣ 1865 г. своего единомышленника, поручилъ московскому кружку стараться освободить пересылавшагося чрезъ Москву въ Сибирь государственнаго преступника Серно-Соловьевича. Тотъ же кружокъ содѣйствовалъ въ 1864 г. по дѣлу изъ Москвы пересылавшагося въ каторжную работу политическаго изъ поляковъ преступника, Домбровскаго.

Прибывъ на первой недѣлѣ Великаго поста въ Петербургъ, безъ всякаго вида, Каракозовъ проживалъ здѣсь въ разныхъ гостиницахъ, частныхъ квартирахъ и у одного медика, который въ теченіе четырехъ дней давалъ ему пріютъ и столъ, зная, что онъ безъ паспорта, и входилъ съ нимъ въ разговоры о распространеніи въ народѣ соціализма. Каракозовъ показываетъ, что онъ узналъ отъ того же медика о существованіи въ Петербургѣ разныхъ соціалистическихъ кружковъ съ политическою цѣлью. Слѣдствіемъ обнаружено, что этотъ медикъ и въ послѣднее пребываніе Каракозова въ Петербургѣ на Святой недѣлѣ, предъ совершеннымъ имъ преступнымъ покушеніемъ, видѣлся съ нимъ неоднократно и даже допустилъ его провесть у себя въ клиникѣ на дежурствѣ. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Каракозовъ распространилъ написанную имъ прокламацію „Друзьямъ рабочимъ“ между мастеровыми на заводахъ и другими лицами, велъ развратную жизнь, ходилъ по трактирамъ и портернымъ. Между тѣмъ нѣкоторые члены московскаго тайнаго кружка „Адъ“, зная направленіе мыслей Каракозова на совершеніе преступленія и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, чтобы неосторожными его дѣйствіями въ Петербургѣ они не были обнаружены, двое изъ нихъ, на четвертой недѣлѣ поста, отправились въ Петербургъ для отысканія Каракозова и чтобы увезти его въ Москву. Это тѣмъ болѣе считалось нѣкоторыми необходимымъ, что одни либо отвергали цареубійство, либо находили оное рановременнымъ, пока народъ еще не приготовленъ къ принятію революціонныхъ идей. Для скорѣйшаго же распространенія сихъ идей многіе изъ нихъ предполагали весной 1866 года отправиться въ разныя губерніи для пропаганды [1]). Каракозовъ былъ отысканъ посланными на набережной около Зимняго Дворца, въ крестьянской одеждѣ, приглашенъ въ гостинницу, гдѣ былъ уговариваемъ оставить свое намѣреніе и возвратиться въ Москву, Каракозовъ переночевалъ съ двумя означенными товарищами, разсказалъ имъ въ общихъ выраженіяхъ о своихъ здѣсь сношеніяхъ и далъ слово прибыть въ Москву. Товарищи его, пробывъ въ Петербургѣ три дня, возвратились въ Москву, и Каракозовъ остался въ Петербургѣ до конца Великаго поста, когда получилъ отъ двоюроднаго своего брата (главнаго распорядителя московскихъ кружковъ), подъ прямымъ вліяніемъ котораго онъ постоянно находился, письмо съ приглашеніемъ прибыть въ Москву. Каракозовъ отправился туда въ пятницу на Страстной недѣлѣ, но въ среду на Святой онъ внезапно снова уѣхалъ въ Петербургъ, остановился въ знаменитой гостиницѣ, посѣщалъ вышеупомянутыхъ медика и издателя книгъ для народнаго чтенія; отъ послѣдняго получилъ деньги на разныя надобности и, какъ увѣряетъ, сообщилъ ему о рѣшительномъ своемъ намѣреніи совершить преступленіе. Здѣсь онъ купилъ у одного оружейника пули, а порохъ пріобрѣлъ въ субботу на Святой недѣлѣ изъ лабораторіи; пистолетъ же привезенъ имъ изъ Москвы. Многіе изъ участниковъ московскаго общества „Организація“ и такъ называемаго „Ада“ сдѣлали подробныя указанія на сообщниковъ своихъ, какъ въ Москвѣ, такъ въ другихъ мѣстностяхъ. Или также указали въ Москвѣ нѣкоторыя лица польскаго происхожденія, бывшія съ ними въ сношеніяхъ и снабжавшія ихъ ядомъ. Независимо отъ сего обнаружены и арестанты еще и другіе польскіе дѣятели въ обѣихъ столицахъ, состоявшіе въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми мѣстными злоумышленниками. Дѣятельность сихъ лицъ, по сознанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, заключалась въ содѣйствіи къ побѣгу

---

[1]) Губерніи эти были слѣдующія: Нижегородская, Калужская, Пензенская, Саратовская, Самарская, Казанская, Пермская, Вятская, Харьковская и другія.

Прим. „Сѣв. почты“.

и укрывательствѣ политическихъ преступниковъ: Држеховскаго, Домбровскаго, Верницкаго, Юндзилла и другихъ; въ сборѣ пересылаемымъ преступникамъ изъ поляковъ денегъ; ввозѣ изъ за границы и размѣнѣ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ для снабженія деньгами польскихъ эмигрантовъ. Кромѣ сего нѣкоторые показываютъ, что въ Москвѣ была учреждена въ сихъ видахъ польская агентура подъ названіемъ „Narodowa Opieka“.

Изъ дальнѣйшаго раскрытія дѣла, коммиссія вынуждена была прибѣгать къ осмотру бумагъ лицъ завѣдомо неблагонадежныхъ, и этимъ путемъ обнаружены другіе вредные дѣятели, въ числѣ коихъ находятся нѣкоторые учредители разныхъ неразрѣшенныхъ правительствомъ обществъ, безплатныхъ школъ, читаленъ, артелей и т. п. ассоціацій. Значительная часть изъ участниковъ въ вышеупомянутыхъ преступныхъ замыслахъ, сознаваясь чистосердечно въ оныхъ, нѣкоторые, раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ, высказываетъ откровенно, что они были вовлечены въ соціалистическія и противоправительственныя стремленія, кромѣ допущеннаго ослабленія вообще наблюдательной власти, тѣми органами нашей литературы, которые систематически распространяли всевозможныя разрушительныя начала. При незатруднительности пріобрѣтенія запрещенныхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, при губительномъ вліяніи вообще революціонной литературы на неопытные и воспріимчивые умы молодежи и подъ вліяніемъ воображенія, бредившаго о возможности достигнуть общаго равенства, какъ относительно безграничной личной свободы, такъ и правъ собственности, постепенно извращались всѣ понятія, утрачивалось сознаніе всѣхъ гражданскихъ, нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей и, наконецъ, задумывался рядъ преступленій, которыя въ своемъ развитіи привели къ злодѣйскому покушенію 4-го апрѣля.

Сѣверная Почта,

(17-го августа. № 177.)

Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ газетъ напечатаны частныя корреспонденціи о возмущеніи ссыльныхъ поляковъ въ Сибири. Сообщенныя корреспондентами свѣдѣнія почти совершенно лишены основанія. Такъ, говорилось, что число возмутившихся простиралось до тысячи человѣкъ, тогда какъ ихъ было съ небольшимъ семьсотъ; что они губили до полусмерти начальника рабочей команды подполковника Шаца и перебили команду, чего не было вовсе, что бунты произведены во многихъ мѣстахъ, тогда такъ это случилось только на кругобайкальской дорогѣ и т. д. Кромѣ того въ корреспонденціяхъ допущены разныя, ни на чемъ неоснованныя предложенія о цѣли возмущенія, которая едва-ли можетъ быть кому-либо извѣстна, прежде чѣмъ не раскроется слѣдствіемъ и судомъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(2-го сентября. № 70.)

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда.

1866 года 31 августа. По указу Его Императорскаго Величества, верховный уголовный судъ въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель князь Гагаринъ, члены: Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, графъ Панинъ, Мѣтлинъ, Бацуцкій и Карніолинъ-Пинскій, при министрѣ юстиціи Замятинѣ и секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о подсудимомъ, именующемся дворяниномъ, не утвержденномъ въ дворянствѣ Правительствующимъ Сенатомъ, Дмитріѣ Владиміровѣ Каракозовѣ, 25-ти лѣтъ. Дмитрій Владиміровъ Каракозовъ обвиняется въ покушеніи 4-го апрѣля 1866 года на жизнь священной особы Государя Императора и въ принадлежности къ тайному революціонному обществу. Въ первомъ изъ сихъ преступленій Каракозовъ сознался, объяснивъ передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, при выдачѣ ему копій съ обвинительнаго акта, что преступленіе его такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился въ то время. Унтеръ-офицеры Слѣсарчукъ и Заболотинъ, схватившіе преступника послѣ сдѣланнаго имъ выстрѣла, подтвердили подъ присягою въ верховномъ уголовномъ судѣ, въ присутствіи подсудимаго, что обвиняемый дѣйствительно тотъ человѣкъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ въ священную особу Государя Императора. Затѣмъ, хотя преступникъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла на судѣ, объяснилъ, что это покушеніе сдѣлано имъ вслѣдствіе крайне болѣзненнаго настроенія духа, но это объясненіе не можетъ служить не только къ оправданію его, но и къ облегченію тяжести совершеннаго имъ преступленія, потому что приводимая имъ причина не изъ числа тѣхъ, по коимъ содѣянное не должно быть по словамъ закона, вмѣняемо въ вину (92 ст. улож. о наказаніяхъ), и что независимо отъ того объясненіе оказывается невѣрнымъ, ибо въ описаніи болѣзни Каракозова, составленномъ въ клиникѣ Московскаго университета, засвидѣтельствовано, что во время болѣзни, умственныя способности его были нормальны; притомъ въ подсудимомъ, ни до совершенія, ни во время совершенія преступленія, ни во время допросовъ, ни въ продолженіе содержанія его подъ

стражею не обнаружено, никакихъ припадковъ болѣзни, которые приводили бы его въ умоиступленіе или безпамятство; напротивъ, всѣ отвѣты его доказывали, что онъ въ твердой памяти и въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Продолжительность и послѣдовательность предъумышленнаго преступнаго намѣренія, обнаруженнаго по собственному сознанію преступника въ покупкѣ пистолета и снарядовъ къ оному, въ снабженіи себя ядомъ и распространеніи прокламацій за три недѣли до происшествія, исключаютъ всякую возможность приписывать дѣйствія сіи ненормальному состоянію умственныхъ способностей. Что касается обвиненія Каракозова въ принадлежности къ тайному обществу, то слѣдствіемъ положительно раскрыто, что онъ бывалъ на нѣкоторыхъ сходкахъ онаго, гдѣ обыкновенно молчалъ, а если говорилъ, то выражалъ отрывочными фразами крайнія мнѣнія, вслѣдствіе чего, когда двое изъ членовъ упомянутаго общества узнали о первой его поѣздкѣ въ Петербургъ, то тотчасъ же заподозрили его въ намѣреніи совершить цареубійство, и потому немедленно отправились за нимъ въ означенную столицу, уговорили его возвратиться въ Москву и взяли съ него слово, что онъ не совершитъ преступленія. Несмотря однако-жъ, на данное имъ обѣщаніе, онъ тайно отъ всѣхъ своихъ товарищей скрылся во второй разъ изъ Москвы въ половинѣ Святой недѣли и 4-го апрѣля совершилъ свое злодѣйское покушеніе. Покушеніе это составляетъ такое тяжкое преступленіе, что значеніе его дальнѣйшимъ судебнымъ слѣдствіемъ о тайныхъ обществахъ, производящимся въ верховномъ уголовномъ судѣ, не можетъ быть ни уменьшено, ни увеличено. Сверхъ того, какъ это покушеніе вполнѣ уже разслѣдовано, то и для раскрытія всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ помянутымъ тайнымъ обществамъ, не представляется никакой законной причины отлагать произнесеніе приговора надъ государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ. По симъ основаніямъ верховный уголовный судъ, приступивъ къ постановленію приговора объ этомъ подсудимомъ, нашелъ что по закону (241 ст. улож. о наказ.) „всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести Государя Императора и всякій умыселъ свергнуть Его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной Особѣ Его какое-либо насиліе подвергаютъ виновныхъ въ томъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни". Усматривая изъ сего, что преступленіе Каракозова, заключающееся въ покушеніи на жизнь священной особы Государя Императора вполнѣ доказано, что преступленія сего рода по закону подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, что въ дѣлѣ не обнаружено никакихъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго, верховный уголовный судъ опредѣляетъ: именующагося дворяниномъ, но неутвержденнаго въ дворянствѣ Дмитрія Владимірова Каракозова, 25 лѣтъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію черезъ повѣшеніе.

Подлинный подписанъ предсѣдателемъ и членами и скрѣпленъ секретаремъ.

Вѣдомости С.-Петербургской Городской Полиціи.

(2 сентября. № 188.)

3-го сентября сего года въ 7 часовъ утра въ С. Петербургѣ на Смоленскомъ полѣ приведенъ будетъ въ исполненіе приговоръ верховнаго уголовнаго суда, постановленный 31 августа 1866 г. о государственномъ преступникѣ Дмитріѣ Каракозовѣ, осужденномъ за преступное покушеніе на жизнь священной особы Государя Императора къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни чрезъ повѣшеніе.

Сенатскія Вѣдомости.

(6 сентября. № 71.)

Приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда.

1866 года, августа 31-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, верховный уголовный судъ, въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель князь Гагаринъ, члены: Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, Графъ Панинъ, Мѣтлинъ, Башуцкій и Карніолинъ-Пинскій, при министрѣ Юстиціи Замятинѣ и секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о подсудимомъ Александрѣ Александровѣ Кобылинѣ. Ординаторъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, Александръ Александровъ Кобылинъ, 23-хъ лѣтъ, не обвиняемый въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ, о которыхъ въ настоящее время производится дѣло въ верховномъ уголовномъ судѣ, оговоренъ государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ въ знаніи о его намѣреніи совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, и въ снабженіи его, Каракозова, ядами для обезображенія лица и для отравленія себя послѣ преступленія. Относительно способа и времени полученія ядовъ отъ Кобылина, Каракозовъ далъ три различныхъ показанія: 16-го апрѣля онъ объяснилъ, что яды онъ похитилъ изъ квартиры Кобылина; 12-го іюня, что яды передалъ ему самъ Кобылинъ у себя на квартирѣ, вынувъ изъ кармана, и наконецъ 14-го іюня, что яды Кобылинъ передалъ ему у Дворцоваго моста. Лѣкарь Кобылинъ, отвергая оговоръ

Каракозова, объяснилъ, что онъ бралъ на Святой недѣлѣ яды изъ клиники для производства опыта надъ животными, но Каракозову ихъ не передавалъ. Показаніе Каракозова о томъ, что онъ самъ похитилъ яды изъ квартиры Кобылина, не можетъ служить къ обвиненію Кобылина, показанія-же государственнаго преступника о томъ, что Кобылинъ передалъ ему эти яды, по одному его объясненію, у себя дома, а по другому (послѣднему) у Дворцоваго моста, противорѣча одно другому, ничѣмъ не подтверждены ни на слѣдствіи въ особой коммиссіи, ни въ верховномъ уголовномъ судѣ; напротивъ того, вполнѣ обнаружено, что у Каракозова, по объясненію эксперта не было ни одного такого яда, которымъ можно было бы обезобразить лицо и что доказанные на судѣ отношенія Кобылина къ Каракозову состояли въ томъ, что первый лѣчилъ послѣдняго и, несмотря на то, что онъ не имѣлъ паспорта, дозволялъ ему, какъ человѣку, объявившему, что у него нѣтъ пристанища, провести въ своей квартирѣ нѣсколько сутокъ, при чемъ Каракозовъ не сообщалъ Кобылину своей настоящей фамиліи, а назывался фамиліею Владимірова. Усматривая изъ сего, что оговоръ Кобылина государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ въ томъ, что онъ сообщалъ Кобылину о своемъ преступномъ намѣреніи и что Кобылинъ далъ ему яды, на судѣ не доказанъ, и что сношенія Кобылина съ Каракозовымъ не составляютъ государственнаго преступленія, верховный уголовный судъ **опредѣляетъ**: на основаніи 1 п. 771 ст. уст. уголовнаго судопроизводства, признавъ обвиненія, взведенныя на Кобылина недоказанными, освободить его отъ суда.

Подлинный подписанъ: предсѣдателемъ и членами и скрѣпленъ секретаремъ.

Рѣшенія кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената.

(13.—1866 года сентября 21-го дня.)

По дѣлу безсрочно-отпускного рядового Николая Невѣдомскаго.

(Предсѣдательствовалъ и докладывалъ дѣло Сенаторъ В. А. Арцимовичъ; заключеніе давалъ Оберъ-Прокуроръ М. Е. Ковалевскій).

Безсрочно-отпускной рядовой Николай Невѣдомскій былъ преданъ суду Московской Судебной Палаты по обвиненію въ произнесеніи имъ 10-го Апрѣля настоящаго года дерзкихъ противъ священной особы Государя Императора словъ, выражавшихъ сочувствіе къ покушенію 4-го Апрѣля. Судебная Палата, основываясь на присяжныхъ показаніяхъ трехъ свидѣтелей и на совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, признала Невѣдомскаго виновнымъ въ означенномъ преступленіи и, руководствуясь 246 и 25 ст. Улож. о наказ., приговорила его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 6 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, и затѣмъ, по окончаніи срока работъ, къ поселенію въ Сибири навсегда. Приговоръ этотъ объявленъ Невѣдомскому 18-го Августа, а 24-го Августа онъ подалъ кассаціонную жалобу, въ которой объясняетъ, что его защитнику не было дано всѣхъ средствъ доказать его невинность, такъ какъ Предсѣдатель Палаты не предоставилъ ему, вопреки 748-й ст. Уст. Угол. Судопр., права послѣдняго слова; этимъ защитникъ его лишенъ былъ возможности указать суду на очевидную разнорѣчивость въ показаніяхъ свидѣтелей, изъ коихъ одинъ, по собственному сознанію, не имѣлъ понятія о томъ предметѣ, о которомъ показывалъ; кромѣ того свидѣтели не передопрошены и имъ не дано очной ставки (726 ст. Уст. Угол. Суд.), а также не было сдѣлано постановленія о разсмотрѣніи дѣла за неявкою одного изъ свидѣтелей (640 ст. Уст. Угол. Суд.). На этомъ основаніи Невѣдомскій проситъ рѣшеніе Московской Судебной Палаты отмѣнить въ кассаціонномъ порядкѣ. Изъ представленнаго Судебною Палатою протокола засѣданія ея по дѣлу Невѣдомскаго видно, что по окончаніи судебнаго слѣдствія прокуроръ произнесъ обвинительную рѣчь, послѣ чего слово было предоставлено защитнику подсудимаго, присяжному повѣренному Соловьеву. По воспослѣдовавшимъ затѣмъ возраженіямъ на рѣчь защитника со стороны Прокурора, Предсѣдатель обратился къ подсудимому съ вопросомъ—не имѣетъ ли онъ представить еще что либо въ свое оправданіе, на что подсудимый отвѣчалъ: „Я ничего такого не говорилъ, въ чемъ меня обвиняютъ, и не могъ сказать“. На новый вопросъ Предсѣдателя:—„А болѣе ничего не можете сказать?“—Невѣдомскій отвѣчалъ: „Ничего не могу сказать“. Послѣ этого Предсѣдатель объявилъ пренія по существу дѣла прекращенными и судъ приступилъ къ постановленію вопросовъ. Изъ того же протокола видно, что допросъ свидѣтелей въ судѣ производился безъ очныхъ ставокъ, и что ни одна изъ сторонъ не заявила о необходимости передопроса. Наконецъ по вызовѣ свидѣтелей Предсѣдатель обратился къ сторонамъ съ вопросомъ о томъ, не находятъ ли они препятствій къ продолженію засѣданія по поводу отсутствія одного свидѣтеля, на что Прокуроръ и защитникъ дали отвѣтъ отрицательный. Выслушавъ заключеніе Оберъ-Прокурора и сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ законами, Правительствующій Сенатъ находитъ, что главный вопросъ, подлежащій его разрѣшенію, состоитъ въ томъ: было ли при заключительныхъ преніяхъ по дѣлу Невѣдомскаго

допущено нарушеніе установленнаго по этому предмету порядка. По закону заключительныя пренія состоятъ: 1) изъ обвинительной рѣчи прокурора; 2) изъ объясненій гражданскаго по дѣлу истца и 3) изъ защитительной рѣчи защитника или объясненій самого подсудимаго (Уст. Угол. Суд. ст. 766). По изложеніи защиты подсудимымъ или его защитникомъ, какъ прокуроръ, такъ и гражданскій истецъ могутъ представить свои возраженія, но во всякомъ случаѣ право послѣдняго слова принадлежитъ подсудимому или его защитнику (ст. 748). Послѣ окончательныхъ объясненій защитника, предсѣдатель суда спрашиваетъ самого подсудимаго, не можетъ ли онъ представить еще что-либо въ свое оправданіе, и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта объявляетъ пренія сторонъ прекращенными (ст. 749). Изъ буквальнаго смысла вышеизложенныхъ статей закона слѣдуетъ, что заявленіе при заключительныхъ преніяхъ возраженій составляетъ только такое право сторонъ, которымъ они могутъ воспользоваться, если найдутъ это необходимымъ—прокуроръ въ интересахъ обвиненія, и защитникъ въ интересахъ защиты. Нарушеніемъ этого права могъ бы считаться лишь такой случай, если бы немедленно послѣ возраженій обвинителя, до объявленія преній сторонъ прекращенными, защитникъ подсудимаго изъявилъ желаніе представить и съ своей стороны возраженіе, но предсѣдатель суда не дозволилъ бы ему воспользоваться этимъ правомъ, составляющимъ право послѣдняго слова. Но изъ протокола засѣданія по дѣлу Невѣдомскаго видно, что послѣ защитительной рѣчи защитника подсудимаго Прокуроръ представилъ свои возраженія, по окончаніи коихъ подсудимый и защитникъ не заявили о своемъ желаніи воспользоваться предоставленнымъ имъ 748-й ст. Уст. Угол. Суд. правомъ послѣдняго слова, а ожидать вызова со стороны Предсѣдателя они не имѣли никакого основанія. Слѣдовательно жалоба Невѣдомскаго на нарушеніе 748-й ст. Уст. Угол. Суд. не заслуживаетъ уваженія. Равнымъ образомъ не оказывается нарушенія порядка и въ допросѣ свидѣтелей. По смыслу 726 ст. Уст. Угол. Суд. каждый свидѣтель можетъ быть передопрошенъ въ присутствіи другихъ свидѣтелей или поставленъ съ ними на очную ставку; изъ смысла этой статьи слѣдуетъ, что передопросъ свидѣтелей вовсе не составляетъ обязанности, непремѣннаго исполненія которой законъ требуетъ отъ суда, но составляетъ лишь одно изъ тѣхъ дѣйствій, которыя зависятъ отъ усмотрѣнія суда или отъ заявленія сторонъ. Изъ протокола видно, что ни судъ не нашелъ нужнымъ передопросить свидѣтелей, и ни одна изъ сторонъ не заявила о необходимости передопроса или очныхъ ставокъ, вслѣдствіе чего неисполненіе этого въ настоящемъ дѣлѣ нельзя считать нарушеніемъ существенной формы судопроизводства. Что касается наконецъ, жалобы просителя на то, будто бы во время производства судебнаго слѣдствія судъ не сдѣлалъ особаго постановленія о разсмотрѣніи дѣла за неявкою одного изъ свидѣтелей, то жалоба эта опровергается протоколомъ засѣданія, изъ котораго видно, что Предсѣдателемъ Палаты исполнена обязанность, возложенная на него 640-ю ст. Уст. Угол. Суд., при чемъ обѣ стороны изъявили согласіе производить судебное слѣдствіе въ отсутствіи неявившагося свидѣтеля. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не находя въ производствѣ настоящаго дѣла какихъ-либо нарушеній существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: кассаціонную жалобу безсрочно-отпускного рядового Николая Невѣдомскаго оставить безъ послѣдствій.

Прибавленіе къ № 78-му С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей.

(Октября 3-го дня 1866 года.)

Приговоръ верховнаго уголовнаго суда.

1866 года Сентября 24-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, Верховный Уголовный Судъ, въ слѣдующемъ составѣ: Предсѣдатель Князь Гагаринъ, Члены: Его Императорское Высочество Принцъ Ольденбургскій, Графъ Панинъ, Мѣтлинъ, Башуцкій и Карніолинъ-Пинскій, при Министрѣ Юстиціи Замятинѣ и Секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о лицахъ, преданныхъ суду по обвиненіямъ въ знаніи о преступномъ намѣреніи Каракозова, въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ и въ другихъ преступленіяхъ. Суду Верховнаго Уголовнаго Суда преданы 34 человѣка, которые обвиняются: 1) домашній учитель Иванъ Александровъ Худяковъ, 24-хъ лѣтъ, въ способствованіи государственному преступнику Каракозову совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, снабженіемъ Каракозова деньгами на покупку пистолета, съ знаніемъ о преступномъ его намѣреніи и въ подговорѣ потомственнаго почетнаго гражданина Николая Андреева Ишутина учредить въ Москвѣ тайное революціонное общество съ цѣлію цареубійства; 2) потомственный почетный гражданинъ Николай Андреевъ Ишутинъ, 26-ти лѣтъ, въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить цареубійство и недоведеніи о томъ до свѣдѣнія Правительства и въ подстрекательствѣ своихъ товарищей къ основанію тайнаго революціоннаго общества „Адъ“, для произведенія революціи, посредствомъ цареубійства; дворяне: 3) Петръ Дмитріевъ Ермоловъ, 20-ти лѣтъ; 4) Николай Пав-

ловъ Странденъ 23-хъ лѣтъ, и 5) Дмитрій Алексѣевъ Юрасовъ 23-хъ лѣтъ,—въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Его Императорскаго Величества и въ принадлежности къ тайному обществу „Адъ"; 6) дворянинъ Максиміліанъ Николаевъ Загибаловъ 24-хъ лѣтъ; 7) вольноотпущенный дворовый человѣкъ Осипъ Антоновъ Мотковъ 19-ти лѣтъ; 8) Губернскій Секретарь Вячеславъ Николаевъ Шагановъ 26-ти лѣтъ, и 9) кандидатъ Московскаго Университета Петръ Өедоровъ Николаевъ 22-хъ лѣтъ,—въ принадлежности къ тайному обществу „Адъ"; 10) Чиновникъ X-го класса Орестъ Васильевъ Малининъ 24-хъ лѣтъ; 11) Студентъ Московскаго Университета Дмитрій Львовъ Ивановъ 19-ти лѣтъ; 12) сынъ священника Өедоръ Петровъ Лапкинъ 19-ти лѣтъ; 13) дворянинъ Константинъ Өедоровъ Кичинъ 22-хъ лѣтъ; 14) сынъ причетника Василій Ивановъ Соболевъ 22-хъ лѣтъ,—въ принадлежности къ тайному революціонному обществу „организація", которое имѣло цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ, а также въ знаніи о существованіи другого тайнаго революціоннаго общества „Адъ" и недонесеніи о семъ Правительству; 15) дворянинъ Александръ Ивановъ Ивановъ 23-хъ лѣтъ; 16) слушатель Петровской Академіи Дмитрій Алексѣевъ Воскресенскій 22-хъ лѣтъ; 17) изъ государственныхъ крестьянъ Өеофанъ Алексѣевъ Борисовъ 21-го года; 18) слушатель Петровской Академіи Алексѣй Егоровъ Сергіевскій 20-ти лѣтъ,—въ принадлежности къ тайному обществу „Организація"; 19) Князь Варлаамъ Джонъ Аслановъ Черкезовъ 20-ти лѣтъ,—въ недонесеніи объ извѣстномъ ему публичномъ распространеніи въ школѣ Мусатовскаго ученія, клонящагося къ возбужденію неповиновенія Верховной Власти, въ знаніи о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспровержение установленнаго законами образа и порядка правленія и недоведенія о томъ до свѣдѣнія Правительства; 20) Дѣйствительный Студентъ Александръ Капитоновъ Маликовъ 27-ми лѣтъ; 21) дворянинъ Николай Яковлевъ Кутьевъ 26-ти лѣтъ; 22) Провизоръ Адольфъ Францовъ Лаунгаузъ 29-ти лѣтъ; 23) слушатель Петровской Академіи Аполлонъ Петровъ Полумордвиновъ 21-го года; 24) Мировой Посредникъ Алексѣй Алексѣевъ Бибиковъ 26-ти лѣтъ; 25) Секретарь Козельской Уѣздной Земской Управы Леонидъ Егоровъ Оболенскій 24-хъ лѣтъ; 26) бывшій студентъ С.-Петербургскаго Университета Александръ Никольскій 20-ти лѣтъ, и 27) слушатель Петровской Академіи Александръ Вознесенскій 22-хъ лѣтъ,—въ знаніи о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и недоведеніи о семъ до свѣдѣнія Правительства; 28) учитель Максиміліанъ Осиповъ Марксъ 50-ти лѣтъ,—въ доставленіи средствъ для содѣянія преступленій тайному обществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и въ недонесеніи объ укрывательствѣ Маевскимъ польскихъ политическихъ преступниковъ; 29) учитель Московской 3-й Гимназіи, Коллежскій Совѣтникъ Константинъ-Болеславъ Даниловъ Трусовъ 33-хъ лѣтъ,—въ томъ, что зная о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью произвести общественный въ Государствѣ переворотъ, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства и въ томъ, что способствовалъ этому обществу въ пріобрѣтеніи средства для содѣянія задуманнаго преступленія; 30) сынъ чиновника Болеславъ Петровъ Шостаковичъ 22-хъ лѣтъ,—въ укрывательствѣ завѣдомо осужденнаго къ каторжнымъ работамъ Ярослава Домбровскаго и въ составленіи для него подложныхъ видовъ; 31) сынъ Титулярнаго Совѣтника, бывшій учитель Бронницкаго уѣзднаго училища, Николай Павловъ Петерсонъ 21-го года,—въ томъ, что зная о преступномъ укрывательствѣ Юрасовымъ и его товарищами бѣглаго государственнаго преступника Домбровскаго, не донесъ о семъ Правительству; 32) Дворянинъ Павелъ Петровъ Маевскій 27-ми лѣтъ: а) въ укрывательствѣ въ Москвѣ и снабженіи для побѣговъ фальшивыми паспортами и деньгами польскихъ политическихъ преступниковъ: Домбровскаго, Оржеховскаго, Ольтаржевскаго, Верницкаго и другихъ; б) въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и недонесеніи о томъ Правительству, и в) въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержанія; 33) дворянинъ Викторъ Александровъ Өедосѣевъ 23-хъ лѣтъ, въ томъ, что пріобрѣлъ ядъ для отравленія своего отца, съ цѣлью передать наслѣдство послѣ него обществу, и 34) мѣщанинъ Өедоръ Афанасьевъ Никифоровъ 24-хъ лѣтъ,—въ изъявленіи на словахъ умысла повторить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, и въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и недоведеніи о семъ до свѣдѣнія Правительства.

Судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что еще въ 1863 году составился въ Москвѣ кружокъ изъ молодыхъ людей, зараженныхъ соціалистическими идеями; впослѣдствіи эти люди начали дѣлать усилія для распространенія и осуществленія своихъ идей на практикѣ; съ этою цѣлью они начали устраивать школы и различныя ассоціаціи, какъ-то: переплетное заведеніе, швейную, основали общества переводчиковъ и перводчицъ и взаимнаго вспомоществованія, старались для примѣненія своихъ теорій, пріобрѣсти ваточную фабрику въ Можайскомъ уѣздѣ и устроить заводъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ на соціальномъ началѣ для рабочихъ Мальцовскаго завода;

нѣкоторые изъ сихъ заведеній и обществъ были уже учреждены безъ разрѣшенія Правительства, а нѣкоторые были, кромѣ того, направлены къ явно преступнымъ цѣлямъ, такъ напр., въ одной школѣ (Мусатовскаго), открытой даже съ разрѣшенія Правительства, преподаваніе различныхъ предметовъ клонилось къ очевидному возбужденію противъ Верховной Власти. Затѣмъ нѣкоторые члены обществъ взаимнаго вспомоществованія, а также переводчиковъ и переводчицъ, задумали организовать свою дѣятельность на опредѣленныхъ началахъ; для этого они стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предложенія, составлять и разсматривать проекты уставовъ, и хотя такихъ проектовъ было нѣсколько, но ни одинъ еще не былъ окончательно принятъ; однако-же при этомъ нѣкоторыми изъ участвовавшихъ въ упомянутыхъ сходкахъ были заявляемы цѣли и предлагаемы средства самыя безнравственныя, самыя преступныя: въ числѣ цѣлей заявлялись не только экономическій переворотъ, посредствомъ устной и письменной пропаганды, но и соціальная революція, дѣлежъ собственности и переворотъ государственный насильственными мѣрами; въ числѣ средствъ предлагались: обворованіе купца чрезъ подставного служителя, ограбленіе почты, заведеніе тайной типографіи, освобожденіе изъ каторжныхъ работъ государственнаго преступника Чернышевскаго, для руководства предполагавшеюся революціею и для изданія журнала, такъ какъ романъ этого преступника „Что дѣлать“ имѣлъ на многихъ изъ подсудимыхъ самое гибельное вліяніе, возбудивъ въ нихъ нелѣпыя противообщественныя идеи, и, наконецъ, предлагалось принять за правило, что цѣль оправдываетъ средства. Большая часть изъ этихъ предложеній не была принята, но по нѣкоторымъ и безъ общаго согласія были дѣлаемы приготовленія; такъ Ермоловъ купилъ типографскій шрифтъ, а Странденъ готовился ѣхать въ Сибирь за Чернышевскимъ. Но самыя безнравственныя, самыя тяжкія преступленія были задуманы не на общихъ сходкахъ, а въ совѣщаніяхъ между нѣсколькими лицами; къ числу этихъ преступленій принадлежатъ умыселъ и приготовленія Виктора Ѳедосѣева отравить своего отца, для передачи наслѣдства послѣ него тайному обществу, въ чемъ ему особенное содѣйствіе оказалъ Николаевъ; и наконецъ, въ небольшомъ кружкѣ были возбуждены разсужденія о томъ, слѣдуетъ-ли, по примѣру Европейскаго революціоннаго комитета, въ числѣ средствъ для произведенія всеобщей революціи допускать цареубійства и истребленія правительствъ вообще. Разсужденія объ этомъ предметѣ были возбуждены Ишутинымъ, который, возвратившись въ концѣ 1865 года изъ С.-Петербурга, сообщилъ своимъ товарищамъ: Каракозову, Ермолову, Страндену, Юрасову, Загибалову, Шаганову и Моткову свѣдѣнія полученныя имъ отъ Худякова объ упомянутомъ Европейскомъ комитетѣ. Разсужденія между этими лицами по вопросу о цареубійствѣ вообще происходили нѣсколько разъ, но одними были отвергнуты совершенно, а другими были отложены на неопредѣленное время, кромѣ Каракозова, который выразилъ отрывочными фразами полное сочувствіе этимъ преступнымъ предположеніямъ, и несмотря на то, что въ первый разъ во время поѣздки своей въ Петербургъ Великимъ постомъ былъ удержанъ Ермоловымъ и Странденомъ отъ совершенія своего преступнаго покушенія, а Ишутинымъ былъ даже вызванъ изъ Петербурга въ Москву, вторично скрылся изъ Москвы на Святой недѣлѣ и безъ вѣдома своихъ товарищей совершилъ 4 Апрѣля то преступленіе, за которое понесъ уже назначенное въ законѣ наказаніе.

Въ связи съ этими преступленіями раскрыты и дѣйствія нѣкоторыхъ польскихъ агентовъ; относительно которыхъ обнаружено, что между ними и членами „Организаціи“ сношенія существовали, что поляки помогали русскимъ въ добываніи средствъ, необходимыхъ для задуманныхъ ими преступленій, и сами пользовались ихъ помощью преимущественно при освобожденіи поляковъ, осужденныхъ къ каторжнымъ работамъ.

Обращаясь къ опредѣленію вины каждаго изъ поименованныхъ выше подсудимыхъ, Верховный Уголовный Судъ усматриваетъ, что какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что главными дѣйствующими лицами въ образованіи кружковъ съ преступными цѣлями были: Ишутинъ, Ермоловъ и Странденъ, что Ишутинъ первый возбудилъ разсужденія о Европейскомъ революціонномъ комитетѣ и объ учрежденіи подобнаго ему общества въ Москвѣ, что въ разсужденіяхъ этихъ участвовали, кромѣ означенныхъ трехъ подсудимыхъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Шагановъ и Мотковъ, которые всѣ однакоже возражали противъ всякихъ предположеній о цареубійствѣ, и что о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора великимъ постомъ было извѣстно Ишутину, Ермолову, Страндену и Юрасову; другимъ же подсудимымъ вполнѣ и положительно объ этомъ намѣреніи извѣстно не было. Сверхъ того слѣдствіемъ обнаружено, что Шагановъ составлялъ проектъ устава „Организаціи“, въ которомъ было постановлено, между прочимъ, правило, что каждый членъ обязанъ запастись револьверомъ и выучиться стрѣлять; Николаевъ, также составившій проектъ устава, принималъ, послѣ ареста главныхъ основателей „Организаціи“, самыя дѣятельныя и наиболѣе преступныя мѣры для поддержанія этого общества, ибо добывалъ рецепты для отравленія отца Ѳедосѣева; Мотковъ исправлялъ проектъ устава, составленный Ермоловымъ, и хранилъ проектъ, написанный Шагановымъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ мѣры для противодѣйствія насильственному перевороту; Юрасовъ и Загибаловъ были чле-

нами общества, имѣвшими полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ его, но невысказавшими никакой особой дѣятельности.

Въ числѣ лицъ, которыя обвинялись въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить его преступное покушеніе, былъ однимъ изъ первыхъ домашній учитель Худяковъ. Послѣ арестованія этого подсудимаго, онъ показалъ 7 Апрѣля, что вовсе не знаетъ Каракозова и что давалъ ему денежныя пособія въ качествѣ бѣднаго человѣка, явившагося къ нему подъ именемъ Владимірова; но когда Худяковъ былъ уличенъ въ томъ, что Каракозовъ былъ ему извѣстенъ подъ своимъ собственнымъ именемъ, то сознался 13 Апрѣля, что скрылъ его фамилію изъ опасенія, чтобы этотъ человѣкъ не наговорилъ на него или не припуталъ его къ своимъ дѣйствіямъ, изъ желанія свалить какіе-либо ковы на него; затѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Худяковъ зналъ Каракозова, какъ двоюроднаго брата Ишутина, съ которымъ имѣлъ сношенія по поводу изданія своихъ сочиненій и у котораго занималъ деньги. О первомъ пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ Ишутинъ и Мотковъ узнали отъ Худякова, который, идя съ ними по улицѣ въ Москвѣ, спросилъ Ишутина: „Зачѣмъ Каракозовъ въ Петербургѣ?“ „Какъ, развѣ онъ въ въ Петербургѣ?“ спросилъ Ишутинъ испуганнымъ голосомъ. „Какъ же“, отвѣчалъ Худяковъ, „онъ былъ у меня и просилъ 15 рублей“. Послѣ этого извѣстія Мотковъ, по собственному его показанію, просилъ Худякова слѣдить за Каракозовымъ и если онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ, изъ чего можно заключить, что онъ дѣйствительно имѣетъ намѣреніе совершить цареубійство, то навести на его слѣдъ полицію. Въ половинѣ марта, когда Мотковъ былъ проѣздомъ въ Петербургѣ, Худяковъ сказалъ ему, какъ Мотковъ показалъ на судебномъ слѣдствіи, что Каракозова еще не видалъ, но что Странденъ, пріѣхавшій за нимъ, не скрывается, слѣдовательно Каракозовъ не имѣетъ никакой преступной цѣли. Наконецъ, самъ государственный преступникъ Каракозовъ оговорилъ Худякова въ томъ, что сообщалъ ему на Сампсоньевскомъ мосту и у него дома о своемъ намѣреніи совершить преступленіе и взялъ у него 15 руб. для покупки пистолета, объявивъ, что намѣренъ на дняхъ совершить покушеніе; Худяковъ, по словамъ его, Каракозова, далъ ему, Каракозову, эти деньги, но сказалъ, что отъ этого преступленія нельзя ожидать никакихъ результатовъ. Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ заключенію, что хотя дѣйствительно Худяковъ въ началѣ своего ареста скрылъ, что ему извѣстна фамилія Каракозова, но объясненіе его, что это сдѣлано имъ лишь изъ опасенія, чтобы Каракозовъ не припуталъ его напрасно къ своимъ дѣйствіямъ, не можетъ быть отвергнуто безъ другихъ уликъ, и потому это не можетъ служить доказательствомъ, что Худяковъ зналъ о преступномъ намѣреніи Каракозова. Затѣмъ хотя Мотковъ и Ишутинъ о пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ узнали отъ Худякова, но какъ свѣдѣніе объ этомъ пріѣздѣ было передано Худяковымъ на улицѣ, въ обыкновенномъ разговорѣ, въ видѣ вопроса: „зачѣмъ Каракозовъ въ Петербургѣ?“, то очевидно изъ этого не возможно вывести заключенія, что Худяковъ, зная о пріѣздѣ Каракозова въ Петербургъ, зналъ и о цѣли его пріѣзда. Далѣе, хотя Мотковъ утверждаетъ, что просилъ Худякова слѣдить за Каракозовымъ, но оговорка, сдѣланная имъ самимъ, чтобы навести на слѣдъ Каракозова полицію въ такомъ случаѣ, когда онъ старается скрыть свое пребываніе въ Петербургѣ,—освобождаетъ Худякова отъ обвиненія въ преднамѣренномъ неисполненіи этой просьбы Моткова, такъ какъ ни Каракозовъ, ни Странденъ, пріѣхавшій за нимъ, не скрывались, и слѣдовательно, не могли возбудить въ Худяковѣ опасенія, что первый изъ нихъ пріѣхалъ для совершенія преступленія. Независимо отъ сего Худяковъ, въ томъ, что Мотковъ сообщалъ ему о своихъ опасеніяхъ относительно намѣренія Каракозова, не сознался и не изобличенъ. Наконецъ, оговоръ государственнаго преступника Каракозова, не подтвердившійся никакими другими уликами, опровергается самыми обстоятельствами дѣла, потому что, хотя Каракозовъ показалъ, что деньги на покупку пистолета далъ ему Худяковъ, но изъ дѣла видно, что пистолетъ былъ имъ купленъ еще въ Москвѣ. По всѣмъ этимъ изображеніямъ Худяковъ не можетъ быть признанъ уличеннымъ ни въ знаніи о намѣреніи Каракозова, ни въ содѣйствіи ему для приведенія этого намѣренія въ исполненіе. Затѣмъ, хотя Худяковъ, не сознался въ томъ, что свѣдѣнія о Европейскомъ революціонномъ комитетѣ сообщены Ишутину имъ; но это обстоятельство подтверждается, какъ показаніями Ишутина, такъ и другихъ лицъ, которымъ послѣдній тогда же говорилъ, что свѣдѣнія о революціонномъ Европейскомъ комитетѣ сообщены ему Худяковымъ; при чемъ хотя Ишутинъ оговорилъ сначала Худякова, что онъ убѣждалъ его основать подобное же революціонное общество въ Москвѣ, но этотъ оговоръ имъ не доказанъ и онъ впослѣдствіи показалъ, что мысль объ „Адѣ“ принадлежитъ ему самому; не подлежитъ однако же сомнѣнію, что Худяковъ зналъ о существованіи въ Москвѣ революціоннаго общества, имѣвшаго цѣлью государственный переворотъ, ибо въ знаніи объ этомъ онъ уличается не только оговоромъ Ишутина и показаніями Моткова; но и частыми сношеніями его, Худякова, съ членами „Организаціи“ и съ лицами разсуждавшими объ основаніи другого преступнаго общества.

Подсудимые Малининъ, Дмитрій Ивановъ, Лапкинъ и Александръ Ивановъ принадлежали къ числу членовъ общества „организація“, имѣвшихъ свѣдѣніе о про-

тивозаконныхъ цѣляхъ и предложеніяхъ онаго, какъ это доказывается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ преступныхъ предложеній на сходкахъ были оспариваемы и нѣкоторыя изъ противозаконныхъ предпріятій были остановлены именно этими подсудимыми, напримѣръ, предложеніе объ ограбленіи почты было оспариваемо Александромъ Ивановымъ; шрифтъ, купленный Ермоловымъ, былъ уничтоженъ Ивановыми затѣмъ, Малининъ, Ивановы и Лапкинъ старались вообще разстроить „Организацію", препятствовали ея сходкамъ и образовывали кружокъ, ей враждебный, имѣвшій цѣлью социальную пропаганду, безъ насильственнаго переворота въ Государствѣ. Что касается обвиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ знаніи о разговорахъ относительно образованія болѣе преступнаго общества „Адъ", то судебнымъ слѣдствіемъ доказано, что имъ были извѣстны только разсказы Моткова относительно образованія этого общества, и что они, имѣя намѣреніе противодѣйствовать этому обществу и даже донести на него, не успѣли еще убѣдиться, дѣйствительно ли предположено основать его.

Подсудимые Кичинъ, Соболевъ, Сергіевскій, Борисовъ, Воскресенскій, Кутыевъ, Полумордвиновъ и Князь Черкезовъ, хотя также принадлежали къ числу членовъ „Организаціи", кромѣ Князя Черкезова, который зналъ только о существованіи этого общества, но никто изъ нихъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о цѣляхъ и предложеніяхъ общества, на сходкахъ котораго они бывали рѣдко и не могли себѣ составить понятія даже о томъ, что такое соціализмъ, нигилизмъ и коммунизмъ. Будучи вовлечены въ это общество главными его членами подъ благовиднымъ предлогомъ учрежденія общества взаимнаго вспомоществованія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства, они, вступая въ это общество, имѣли въ виду только обѣщанное имъ облегченіе своей крайней нищеты и убѣжденіе, что безъ посторонней помощи, они не могутъ кончить образованія, которое одно могло обезпечить ихъ будущность. Затѣмъ, хотя Князь Черкезовъ обвиняется въ недонесеніи о противозаконномъ преподаваніи ученія въ школѣ Мусатовскаго, но на судебномъ слѣдствіи обнаружено, что свѣдѣнія объ этомъ преподаваніи онъ имѣлъ только по слухамъ.

Вознесенскій вовсе не былъ членомъ общества „Организація", а названъ въ числѣ членовъ его по ошибкѣ Юрасовымъ, объявившимъ на судѣ, что Вознесенскій былъ лишь членомъ общества взаимнаго вспомоществованія, для котораго предполагалось испросить разрѣшеніе правительства.

Относительно прочихъ предметовъ обвиненія изъ дѣла видно, что однимъ изъ первыхъ предположеній главныхъ дѣятелей „Организаціи" было освобожденіе осужденнаго въ каторжныя работы государственнаго преступника Чернышевскаго; для этого они хотѣли отправить въ Сибирь Страндена, который предположилъ, въ случаѣ открытія его замысла на мѣстѣ, отравиться, и потому ему необходимо было достать ядъ. Съ просьбою о пріобрѣтеніи яда товарищъ Страндена Шагановъ обратился къ учителю изъ одной изъ Московскихъ Гимназій Трусову, который познакомилъ его съ другимъ учителемъ Марксомъ, а сей послѣдній, полагая, что ядъ назначается для отравленія литератора Каткова, досталъ стрихнинъ отъ провизора Лаунгауза, и передалъ Шаганову. Лаунгаузъ объясняетъ, что Марксъ сначала сказалъ ему, что стрихнинъ нуженъ для мышей, а когда стрихнинъ былъ уже ему отданъ, то на другой день Марксъ сказалъ ему, что одинъ изъ русскихъ революціонеровъ взялъ этотъ ядъ для отравленія литератора Каткова; желая получить этотъ ядъ обратно, Лаунгаузъ, по его словамъ, долженъ былъ войти въ сношеніе съ Шагановымъ и Николаевымъ, изъ которыхъ послѣдній увѣрилъ его, что стрихнинъ остался безъ употребленія, потому, что имъ нуженъ не такой ядъ, а медленно-дѣйствующій, и просилъ его дать ему наставленіе, какъ составляется aqua tophana, объяснивъ, что посредствомъ этого яда они надѣются пріобрѣсти для своего общества большую сумму денегъ.

Николаевъ на судебномъ слѣдствіи объяснилъ, что, дѣйствительно, просилъ у Лаунгауза рецептъ для составленія медленно-дѣйствующаго яда, который впослѣдствіи и передалъ въ десяти экземплярахъ Виктору Ѳедосѣеву для отравленія его отца, такъ какъ сей послѣдній обѣщалъ, по полученіи наслѣдства, пожертвовать оное обществу „Организація", ибо онъ, Николаевъ, считалъ позволительными всякія мѣры для поддержанія того общества, которое имѣло цѣлью производить въ народѣ начала, признаваемыя имъ полезными для отечества и для народа.

Викторъ Ѳедосѣевъ показалъ на судѣ, что дѣйствительно имѣлъ намѣреніе отравить своего отца, для предоставленія наслѣдства послѣ него не обществу „Организація", а обществу взаимнаго вспомоществованія; но когда сказалъ объ этомъ въ Кирсановѣ брату своему Павлу, то сей послѣдній уговорилъ его оставить свое намѣреніе и онъ, убѣдившись словами брата, рѣшился не приводить своего умысла въ исполненіе; а Павелъ Ѳедосѣевъ показалъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, что, когда братъ его Викторъ сказалъ ему въ Кирсановѣ о своемъ преступномъ намѣреніи и когда онъ, Павелъ, пораженный ужасомъ, хотѣлъ разбить указанныя ему склянки съ ядомъ, то оба они были арестованы полиціею. Изъ этого очевидно, что хотя Викторъ Ѳедосѣевъ и объяснялъ, что рѣшился не приводить въ исполненіе своего умысла, но это опровергается уже тѣмъ, что онъ хранилъ при себѣ ядъ и

что склянки съ онымъ намѣревался передъ самимъ арестомъ разбить не онъ, а братъ его.

Учитель Трусовъ, въ объясненіе своего участія въ этомъ дѣлѣ, показалъ, что Шагановъ, дѣйствительно, говорилъ ему о намѣреніи освободить Чернышевскаго, но онъ этому намѣренію не придавалъ „никакой серьезности"; относительно же принадлежности, Шаганова къ тайному обществу, Трусовъ объяснилъ предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ, что о существованіи тайнаго революціоннаго общества онъ, Трусовъ, не зналъ, а думалъ, что Шагановъ принадлежитъ къ кружку, имѣющему цѣлью распространеніе грамотности въ народѣ.

Лаунгаузъ, въ оправданіе свое о недонесеніи, что ему было извѣстно о тайномъ обществѣ „Организація", объяснилъ на судѣ, что о цѣли этого общества узналъ только 12-го Апрѣля изъ разговора Николаева съ Маевскимъ, а Николаевъ подтвердилъ, что сообщалъ Лаунгаузу лишь о томъ, что цѣль „Организаціи" заключается въ пропагандѣ соціализма

Маевскій, не признаваясь ни въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, ни въ укрывательствѣ и снабженіи фальшивыми паспортами и деньгами польскихъ политическихъ преступниковъ, сознался лишь въ имѣніи сочиненій возмутительнаго содержанія, которыя онъ будто бы собиралъ для уничтоженія. При очевидной неосновательности приводимаго Маевскимъ оправданія въ имѣніи имъ возмутительныхъ сочиненій, онъ вполнѣ изобличается какъ въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, такъ и въ укрывательствѣ и способствованіи побѣгамъ политическихъ преступниковъ осужденныхъ въ каторжныя работы. Въ этомъ убѣждаютъ не только показанія многихъ изъ подсудимыхъ (Шаганова, Николаева, Юрасова, Маркса, Трусова и Лаунгауза), но и жившаго съ Маевскимъ дворянина Барановскаго и даже одного изъ скрытыхъ Маевскимъ преступниковъ Ольтаржевскаго. Впрочемъ въ томъ, чтобы Маевскому была вполнѣ извѣстна преступность цѣлей революціоннаго общества, онъ остался неизобличеннымъ.

Шостаковичъ, сознавшись въ укрывательствѣ осужденнаго къ каторжнымъ работамъ Ярослава Домбровскаго, просилъ Верховный Уголовный Судъ обратить вниманіе на то, что сознаніе сдѣлано имъ на первыхъ допросахъ.

Уѣздный учитель Петерсонъ сознался въ томъ, что зналъ объ укрывательствѣ государственнаго преступника Домбровскаго и не донесъ объ этомъ Правительству.

Что касается обвиненій мирового посредника Бибикова, секретаря Козельской Управы Оболенскаго, Юхновскаго мѣщанина Никифорова, бывшаго судебнаго слѣдователя Маликова и бывшаго студента Никольскаго,—въ знаніи о существованіи въ Москвѣ тайнаго революціоннаго общества, то это обвиненіе на судебномъ слѣдствіи не подтвердилось, точно такъ же не подтвердился и оговоръ Никифорова Петерсономъ въ изъявленіи на словахъ умысла повторить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора, потому, что хотя учитель Петерсонъ на судѣ, и повторилъ свой оговоръ на Никифорова, но оговора этого ни на судѣ, ни при предварительномъ слѣдствіи ничѣмъ не доказалъ; между тѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Бибиковъ, Оболенскій и Маликовъ знали объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича.

Приступая къ опредѣленію наказаній за доказанныя преступленія подсудимыхъ, Верховный Уголовный Судъ находитъ, что по закону (241, 242 и 243 ст. Улож. изд. 1866 года) всякое злоумышленіе противъ жизни Государя Императора, хотя бы приготовленія къ нему было сдѣлано лишь чрезъ словесное или письменное изъявленіе о томъ мыслей и предположеній, а также участіе въ такомъ злоумышленіи или недонесеніи о семъ правительству, подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни; такому же наказанію подвергаются основатели и члены тайныхъ обществъ, имѣющихъ вредную для спокойствія или цѣлости Государства, или противную установленнымъ законами образу и порядку правленія цѣль (318 ст. Улож.) не только за дѣйствительное совершеніе ихъ преступленій, но по правилу, изображенному въ 242 ст. Улож., и за умыселъ совершить оные, съ тѣмъ однако жъ, что если злоумышленіе сихъ обществъ открыто правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, и потому ни покушеній вслѣдствіе сего умысла, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло, то виновные, вмѣсто смертной казни, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу на сроки, означенные въ 250 ст. Улож. По симъ соображеніямъ Верховный Уголовный Судъ опредѣляетъ: 1) Ишутина, какъ зачинщика замысловъ о цареубійствѣ, уличеннаго въ незаявленіи правительству о извѣстномъ ему преступномъ намѣреніи Каракозова, и какъ основателей обществъ, дѣйствія коихъ клонились къ экономическому перевороту, съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства, на основаніи 241, 242, 243 и 318 ст. Улож. о наказ. изд. 1866 г., лишить всѣхъ правъ и казнить смертію чрезъ повѣшеніе; 2) Ермолова, 3) Страндена и 4) Юрасова, участвовавшихъ въ преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства, и виновныхъ въ недонесеніи объ извѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ, слѣдовало бы также подвергнуть смертной казни, но

какъ Ермоловъ и Странденъ остановили исполненіе намѣренія Каракозова совершить его преступное покушеніе въ первую его поѣздку въ Петербургъ, а Юрасовъ не только изъявлялъ согласія на преступный умыселъ цареубійства, но и возражалъ противъ онаго, то руководствуясь 774 ст. устав. уголовн. судопроизв., вмѣсто смертной казни, лишить означенныхъ трехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія и сослать, въ каторжныя работы въ рудникахъ: Страндена и Юрасова безъ срока, а Ермолова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. Улож. на двадцать лѣтъ; 5) Загибалова, 6) Шаганова и 7) Моткова, какъ членовъ общества „Организація" имѣвшихъ полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ онаго и изобличенныхъ въ знаніи и недонесеніи о преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства, — на основаніи 318 и 250 ст. Улож. лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Загибалова и Шаганова въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а Моткова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. Улож., на восемь лѣтъ; 8) Николаева, какъ члена общества „Организація", имѣвшаго полное свѣдѣніе о преступной онаго цѣли и сознавшагося въ доставленіи Ѳедосѣеву средствъ къ совершенію отцеубійства, для пріобрѣтенія значительной суммы денегъ въ пользу означеннаго преступнаго общества,—лишить, на основаніи 2 части 318 ст. и 250 ст. Улож. всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ; 9) Худякова, неизобличеннаго въ знаніи о намѣреніи Каракозова совершить покушеніе на жизнь Священной Особы Государя Императора и въ способствованіи Каракозову въ этомъ преступленіи, но уличеннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго общества, лишить на основаніи 3-й части 318 ст. Улож. 1866 года, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; 10) Малинина, 11) Дмитрія Иванова, 12) Лапкина и 13) Александра Иванова, какъ членовъ общества „Организація", имѣвшихъ свѣдѣніе о противозаконныхъ цѣляхъ онаго, хотя и слѣдовало бы приговорить по всей строгости 2-й части 318 ст. и 250 ст. Улож., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; но какъ они постоянно противодѣйствовали тѣмъ противозаконнымъ цѣлямъ и предложеніямъ „Организаціи", которыя имѣли въ виду насильственный переворотъ и для противодѣйствія этому обществу старались образовать особый кружокъ, не имѣвшій уже тѣхъ преступныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главные члены „Организаціи", а предназначаемый для достиженія цѣлей, предусмотрѣнныхъ въ 319 ст. Улож., и какъ сверхъ того они, въ особенности Дмитрій и Александръ Ивановы, сдѣлали вполнѣ чистосердечныя признанія, и при томъ Лапкинъ и Дмитрій Ивановъ не достигли еще и нынѣ совершеннолѣтія, имѣя только по 19-ти лѣтъ, то, признавъ ихъ подлежащими наказанію по 1 части 319 ст. Улож., лишить ихъ, на основаніи этой и 774 статей Устава Уголовнаго Судопроизводства, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ Сибирь; 14) Виктора Ѳедосѣева, изобличеннаго въ принятіи мѣръ къ отравленію своего отца и не успѣвшаго совершить это преступленіе вслѣдствіе ареста, лишить, на основаніи 2 части 1457 ст. Улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе, съ преданіемъ на мѣстѣ ссылки церковному покаянію; 15) Маркса, какъ пособника, коего содѣйствіе было необходимо, въ приготовленіи мѣръ для убійства частнаго лица, на основаніи 2 части 1457 ст. Улож., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе; 16) Маевскаго, какъ изобличеннаго въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, лишить на основаніи 2 части 316 ст. Улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе; 17) Шостаковича, за укрывательство государственнаго преступника, осужденнаго въ каторжныя работы, приговорить, въ уваженіе къ сдѣланному имъ чистосердечному сознанію, на основаніи 2 части 316 ст. Улож., къ низшему изъ означенныхъ въ сей части статьи наказаній, а именно къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію; 18) Провизора Лаунгауза, имѣвшаго свѣдѣнія о существованіи тайнаго общества, но не знавшаго въ точности всѣхъ цѣлей онаго, и сверхъ того изобличеннаго въ противозаконной передачѣ яда лицу, не имѣвшему права на полученіе онаго, заключить въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ воспрещеніемъ ему, по указанію 867 ст. Улож. навсегда продавать ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества; 19) Кичина, 20) Соболева, 21) Сергіевскаго, 22) Борисова, 23) Воскресенскаго, 24) Кутыева, 25) Полумордвинова, 26) Трусова и 27) Князя Черкезова, изъ коихъ никто не изобличенъ въ имѣніи точныхъ свѣдѣній объ обществѣ, въ сходкахъ котораго они участвовали, или о существованіи котораго только знали, приговорить, на точномъ основаніи 3 и 4 частей 319 ст. Улож. къ заключенію въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго уже въ заключеніи; 28) Петерсона, недонесшаго объ укрывательствѣ Юрасовымъ государственнаго преступника Домбровскаго, признать, на основаніи 126 ст. Улож., подлежащимъ заключенію въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ ему времени, проведеннаго въ семъ заключеніи; 29) Маликова, 30) Бибикова, 31) Оболенскаго и 32) Никольскаго признать неподлежащими обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и по

сему предмету отъ суда освободить; но какъ первые три изобличены въ знаніи объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а четвертый въ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича, то, сдѣлавъ имъ внушеніе о томъ, чтобы они впредь не входили въ сношеніе съ людьми, имѣющими противозаконныя замыслы, такъ какъ это противно и долгу службы, и обязанности каждаго вѣрноподданнаго, обязать ихъ подпискою, чтобы они, не выѣзжая изъ Петербурга, явились къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, которому предоставить принять относительно всѣхъ этихъ лицъ тѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми; 33) Никифорова, юридически неизобличеннаго во возведенныхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, отъ суда освободить, внушивъ ему отстраняться впредь отъ вредныхъ связей, такъ какъ онъ сими связями и неосмотрительнымъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ столь важному обвиненію, и затѣмъ предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи 58 ст. Улож., учредить надъ нимъ особый надзоръ полиціи; и 34) Вознесенскому, какъ посѣщавшему общество взаимнаго вспомоществованія, не разрѣшенное правительствомъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе въ крѣпости и за тѣмъ признать его невиновнымъ въ государственномъ преступленіи. Въ исполненіи этого приговора поступить на точномъ основаніи 1 пунк. 945, 947 и 948 ст. Устава Уголовн. Судопр. 20 ноября 1864 года. Подлинный подписанъ: Предсѣдателемъ и Членами и скрѣпленъ Секретаремъ.

Сенатскія Вѣдомости.

(4 октября. № 79).

По постановленіи Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ приговора о лицахъ, преданныхъ суду по обвиненіямъ въ знаніи о преступномъ намѣреніи Каракозова, въ принадлежности къ тайнымъ обществамъ и другихъ преступленіяхъ, министръ юстиціи, на основаніи 1065 и 1060 ст. Уст. Угол. Судопр., повергалъ на усмотрѣніе Государя Императора просьбы, поданныя осужденными объ облегченіи ихъ участи, и заключеніе по онымъ Верховнаго Уголовнаго Суда. Его Императорскому Величеству Всемилостивѣйше благоугодно было повелѣть: Николаю Страндену, Петру Ермолову, Дмитрію Юрасову, Петру Николаеву, Максимиліану Загибалову, Вячеславу Шаганову и Осипу Моткову сократить опредѣленный имъ верховнымъ уголовнымъ судомъ срокъ каторжной работы и сослать ихъ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ: Страндена — на двадцать лѣтъ, Ермолова и Юрасова—на десять лѣтъ, Николаева—на восемь лѣтъ, Загибалова и Шаганова—на шесть лѣтъ, Моткова—на четыре года. Александра Иванова и Федора Лапкина, вмѣсто опредѣленнаго имъ наказанія, лишить ихъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Томскую губернію. Дмитрія Иванова, чтобы дать ему возможность ревностною службою престолу и отечеству доказать на дѣлѣ то раскаяніе, которое онъ выказалъ предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, вмѣсто опредѣленнаго ему наказанія, безъ лишенія его правъ и преимуществъ, отдать въ военную службу рядовымъ съ выслугою. Болеслава Шостаковича, за силою 1-го п. 140 ст. улож. о наказ., освободить отъ лишенія особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и затѣмъ, согласно съ постановленнымъ о немъ приговоромъ, сослать на житье въ Томскую губернію.

При исполненіи надъ осужденными обряда публичной казни, прибылъ фельдъегерь и передалъ Министру юстиціи Всемилостивѣйшее Его Императорскаго Величества повелѣніе даровать Николаю Ишутину жизнь и за симъ, на основаніи 71-й ст. улож. о наказ., сослать его въ каторжныя работы безъ срока.

Сіи Всемилостивѣйшія повелѣнія объявлены осужденнымъ, и объ исполненіи ихъ сдѣлано надлежащее распоряженіе.

Сенатскія Вѣдомости.

(18 октября. № 83).

По Высочайше утвержденному заключенію генералъ-аудиторіата военнаго министерства: 12-й артиллерійской бригады Облегченной № 2 батареи подпоручикъ Кувязевъ, за умышленное распространеніе возмутительнаго воззванія, имѣвшаго цѣлью возбудить къ бунту противъ Верховной Власти, храненіе у себя другого воззванія и разныхъ запрещенныхъ противъ правительства сочиненій, лишается чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и ссылается въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ.

1867 годъ.

Сѣверная Почта.

(17 января. № 13).

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, принявъ во вниманіе, что с.-петербургское губернское земское собраніе, съ самаго открытія своихъ засѣданій, дѣйствуетъ несогласно съ закономъ, и вмѣсто того, чтобы, подобно земскимъ собраніямъ другихъ губерній, пользоваться Высочайше дарованными ему правами для дѣйствительнаго попеченія о ввѣренныхъ ему мѣстныхъ земско-хозяйственныхъ интересахъ, непрерывно обнаруживаетъ стремленіе неточнымъ изъясненіемъ дѣлъ и неправильнымъ толкованіемъ законовъ возбуждать чувства недовѣрія и неуваженія къ правительству, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Закрыть и распустить нынѣшнее с.-петербургское губернское земское собраніе.

2) Закрыть въ с.-петербургской губерніи губернскую и уѣздныя управы.

3) Пріостановить въ с.-петербургской губерніи, впредь до дальнѣйшаго повелѣнія дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года и дополнительныхъ къ нему узаконеній.

4) Всѣ дѣла и суммы управъ передать въ вѣдѣніе тѣхъ установленій, которыя завѣдывали ими до введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій.

5) Внесенные въ губернское собраніе отчетъ и докладъ губернской земской управы отъ 3-го января сего года передать на разсмотрѣніе и законное постановленіе 1-го департамента Правительствующаго Сената.

6) Предсѣдателя губернской управы считать отрѣшеннымъ, а всѣхъ другихъ членовъ земскихъ управъ уволенными отъ должностей.

Сенатскія Вѣдомости.

(17 февраля. № 14).

По Высочайшей конфирмаціи: состоявшій въ Главномъ Интендантскомъ Управленіи, числящійся по армейской пѣхотѣ поручикъ Нечмировъ, за публичное выраженіе преступнаго сочувствія къ покушенію на жизнь Священной Особы Государя Императора по лишенію медалей: въ память войны 1853—1856 года, за покореніе Черни и Дагестана, за покореніе Западнаго Кавказа, а также креста за службу на Кавказѣ и всѣхъ правъ состоянія, ссылается въ Сибирь на поселеніе.

Сѣверная Почта.

(17 мая. № 107).

Правительствующій Сенатъ, по выслушаніи дѣла объ отчетѣ и докладѣ бывшей с.-петербургской губернской земской управы, внесенныхъ, по Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе и законное постановленіе Правительствующаго Сената, 26-го минувшаго апрѣля опредѣлилъ: (повторяется дословно Высочайшее повелѣніе, приведенное въ № 13 „Сѣверной Почты"). Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ во всей подробности, въ точное исполненіе изложеннаго Высочайшаго повелѣнія, означенные отчеты и докладъ с.-петербургской губернской земской управы, вмѣстѣ съ представленными начальникомъ с.-петербургской губерніи и сообщенными министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніями по настоящему дѣлу, нашелъ, что с.-петербургская земская управа, сообщая въ отчетѣ и докладѣ своемъ о состояніи дѣлъ, имуществъ и капиталовъ, принятыхъ ею отъ правительственныхъ учрежденій, обвиняетъ администрацію въ неудовлетворительномъ веденіи земскаго хозяйства за прежнее время. Независимо того, что многія изъ этихъ обвиненій, изложенныхъ вообще въ самыхъ рѣзкихъ и неумѣстныхъ выраженіяхъ, оказались основанными на неполныхъ и неточныхъ данныхъ, управа не имѣла никакого законнаго повода входить въ обсужденіе сего предмета, такъ какъ законъ нигдѣ не представляетъ земскимъ учрежденіямъ права входить въ сужденіе о томъ, по чьей винѣ та или иная отрасль земскаго хозяйства передана имъ въ ненадлежащемъ, по ихъ мнѣнію, состояніи. Государю Императору угодно было признать за благо призвать къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе посредствомъ избранныхъ отъ онаго лицъ, и во исполненіи сей Высочайшей воли, установлены земскія учрежденія для завѣдыванія упомянутыми дѣлами. Затѣмъ, уже всѣ сужденія с.-петербургской губернской земской управы о неудовле-

творительности вообще средствъ администраціи къ совершенно правильному веденію земскаго хозяйства представляются совершенно неумѣстными. Далѣе, с.-петербургская губернская земская управа, сообщая земскому собранію о пререканіяхъ своихъ съ мѣстными административными властями, дозволила себѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицаніе дѣйствій администраціи, на что она также не имѣла никакого права, такъ какъ опредѣленіе правильности или неправильности дѣйствій административныхъ мѣстъ и лицъ зависитъ не отъ земской управы или собранія, а отъ высшихъ правительственныхъ учрежденій; земскимъ же учрежденіямъ, по силѣ 11 ст. положенія, предоставлено только право на относящіяся до нихъ дѣйствія административныхъ властей приносить жалобу Правительствующему Сенату. По сему управа должна была ограничиться въ данномъ случаѣ изложеніемъ фактовъ, подавшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ и указаніемъ, съ должнымъ приличіемъ, на то, въ чемъ она находила дѣйствія административныхъ властей несогласными съ правилами, Высочайше утвержденными для земскихъ учрежденій. Наконецъ, при объясненіи неудобствъ, къ какимъ, по мнѣнію управы, могло повести примѣненіе закона 21 ноября, губернская управа въ докладѣ своемъ совершенно неумѣстно дозволила себѣ войти въ обсужденіе дѣйствій министра внутреннихъ дѣлъ, по внесенію имъ проекта упомянутаго закона на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, и выразила свое сожалѣніе о томъ, что вмѣстѣ съ представленіями министра внутреннихъ дѣлъ голосъ довѣренныхъ отъ земства людей не доходитъ непосредственно до государственнаго совѣта, чѣмъ управа прямо вышла изъ круга своихъ правъ и обязанностей, такъ какъ дѣятельность министра внутреннихъ дѣлъ не можетъ подлежать обсужденію земскихъ учрежденій, и учрежденіямъ этимъ не предоставлено касаться вопросовъ, до основныхъ государственныхъ законовъ относящихся. Такія, выходящія изъ круга правъ и обязанностей земскихъ учрежденій, сужденія, а равно неумѣстныя и рѣзкія порицанія административныхъ властей и лицъ, заключающіяся въ отчетѣ и докладѣ управы, прочтенномъ публично въ губернскомъ земскомъ собраніи, подали, главнымъ образомъ, поводъ къ возбужденію въ земскомъ собраніи неумѣстныхъ преній по вышесказаннымъ предметамъ, бывшихъ причиною закрытія сего собранія по Высочайшему повелѣнію 16-го января 1867 года. По сему, признавая изъясненія с.-петербургской губернской земской управы, въ отчетѣ и докладѣ ея отъ 3 января сего года, совершенно неосновательными, неумѣстными, но принимая во вниманіе, что бывшіе предсѣдатель и члены управы, по означенному Высочайшему повелѣнію, объявлены уже первый отрѣшеннымъ, а послѣдніе уволенными отъ должностей и такимъ образомъ подвергнуты уже по Высочайшей волѣ взысканію, и не усматривая изъ отчета и доклада никакихъ новыхъ обстоятельствъ, могущихъ послужить поводомъ къ дальнѣйшему по этому дѣлу производству, Правительствующій сенатъ опредѣлилъ: обстоятельства настоящаго дѣла представить на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ юстиціи о вышеизложенномъ опредѣленіи Сената, Высочайше соизволилъ на приведеніе сего опредѣленія въ исполненіе.

Сѣверная Почта.

(27 мая. № 115).

Телеграфическія извѣстія изъ Парижа, полученныя министромъ внутреннихъ дѣлъ:

Отъ генералъ-адъютанта графа Адлерберга, 25-го мая вечеромъ.

Божій Промыселъ охранилъ Государя Императора. Сегодня, около 5 часовъ по полудни, на возвратномъ пути, чрезъ Булонскій паркъ послѣ военнаго смотра, выстрѣлъ изъ пистолета былъ направленъ на экипажъ, въ которомъ находились оба Императора и Великіе Князья Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ. Выстрѣлъ, сдѣланный, со стороны Императора Наполеона, никого не коснулся, но ранилъ лошадь шталмейстера, сопровождавшаго экипажъ. Преступникъ былъ немедленно схваченъ и почти растерзанъ народною толпою. Онъ молодой человѣкъ, но повидимому французъ. Подлежащія власти, въ руки которыхъ онъ переданъ, производятъ слѣдствіе. Подробности будутъ сообщены, какъ скоро изслѣдованіе ихъ приведетъ въ ближайшую извѣстность.

Отъ генералъ-адъютанта графа Шувалова, 26-го мая.

Преступникъ — уроженецъ Волынской губерніи, полякъ, по имени Березовскій. Онъ эмигрировалъ 2 года предъ симъ; онъ 20 лѣтъ и проживалъ въ Парижѣ. Онъ уже нѣсколько дней искалъ удобнаго случая для покушенія на жизнь Государя Императора. Двуствольный пистолетъ его разорвало отъ слишкомъ сильнаго заряда, а при этомъ уклонилось и направленіе пули. Березовскій сдѣлалъ полное признаніе, обнаруживая признаки фанатизма.

Сѣверная Почта.

(28 мая. № 116).

Первыя показанія преступника Березовскаго. Имя мое Антонъ Березовскій, 20-ти лѣтъ, родился въ Рутешки, Волынской губ., по ремеслу механикъ. Вслѣдствіе послѣдняго возмущенія, долженъ былъ оставить Россію и поселиться въ Парижѣ, гдѣ нахожусь съ небольшимъ два года; семейство мое послѣ мятежа переселилось во внутреннія губерніи. Я сознаюсь, что выстрѣлилъ сегодня въ Императора во время возвращенія Его со смотра. Двѣ недѣли тому назадъ у меня родилась мысль цареубійства, впрочемъ, вѣрнѣе, я питалъ эту мысль съ тѣхъ поръ, какъ началъ себя сознавать, имѣя ввиду освобожденіе родины. Я никому не сообщалъ о моемъ намѣреніи и одинъ отправился на парадъ. Пистолетъ для совершенія убійства былъ купленъ мною вчера, между вторымъ и третьимъ часами по полудни, на Севастопольскомъ бульварѣ, за 9 франковъ. При мнѣ было нѣсколько заработанныхъ мною прежде денегъ; кромѣ того, вчера же я заложилъ въ ломбардѣ (Mont-de-Piété) пальто, за которое получилъ 8 франк. Сегодня, вставъ въ 7 час. утра, я отлилъ пули, такъ какъ купленныя мною оказались малы. Въ это утро я ни съ кѣмъ ни видался. Отливъ пули, я отправился завтракать и потомъ пошелъ въ Елисейскія поля. Не встрѣтивъ Императора Александра на пути Его къ войскамъ, я рѣшился ожидать Его возвращенія. Когда карета Его поровнялась со мною, я выстрѣлилъ. Еще вечеромъ третьяго дня, въ бытность Императора въ Оперѣ, я намѣревался стрѣлять въ Него; но у меня не было при себѣ пистолета. Я долго всматривался въ Императора, чтобы узнать Его впослѣдствіи.

Сѣверная Почта.

(30 мая. № 117).

Телеграммы изъ Парижа отъ 26-го мая.

Допросы продолжаются. До сихъ поръ ничто не указываетъ на существованіе заговора, или развѣтленіе преступнаго замысла. Преступникъ продолжаетъ обнаруживать фанатизмъ. У него найдены книги, въ которыхъ проводится мысль о цареубійствѣ. Со всѣхъ концовъ Франціи получаются телеграммы, выражающія чувства ужаса и негодованія.

Отъ 27-го мая.—Новаго по слѣдствію не обнаруживается. Судебныя власти заключаютъ, что преступленіе—дѣло одного лица, безъ сообщниковъ. Рана преступника вѣроятно потребуетъ ампутаціи руки.

Волынскія Губернскія Вѣдомости.

(6 іюня. № 65).

Свѣдѣнія о происхожденіи преступника Березовскаго. Въ Извѣстіяхъ о покушеніи на жизнь Государя Императора, происшедшемъ 25-го мая, въ Парижѣ, сказано, „что преступникъ полякъ, по имени Антонъ Березовскій, 20 лѣтъ, уроженецъ Волынской губерніи, два года тому назадъ эмигрировавшій за границу". Вотъ и все, что до настоящаго времени намъ извѣстно о личности преступника; но свѣдѣнія эти настолько совпадаютъ съ исторіею одного семейства, которую приводимъ ниже, что, судя по тождеству данныхъ, преступникъ, кажется, принадлежитъ къ этому семейству. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній оказывается: „Въ г. Житомирѣ проживаетъ дворянинъ Житомирскаго уѣзда, с. Авратина, Іосифъ Николаевъ Березовскій, римско-католическаго исповѣданія, 43 лѣтъ отъ роду; онъ занимается настраиваніемъ фортепьянъ и даетъ уроки музыки; владѣлъ частью имѣнія въ означенной деревнѣ, но за долги, въ 1854 году, таковая была продана; былъ женатъ на дочери помѣщицы Новоградволынскаго уѣзда, с. Кутыщъ, Гриневичевой Камиліи, умершей въ 1852 г.; имѣетъ сыновей Станислава, нынѣ 22-хъ лѣтъ, Антона 20-ти, Цезарія 17, и дочь 15 лѣтъ; младшій сынъ Цезарій и дочь Каролина, по смерти матери, Камиліи Березовской, съ 1852 года были отданы на попеченіе бабки ихъ, въ с. Кутыщи, помѣщицы Юзефы Гриневичевой, а въ 1857 году были отданы ей и старшіе два сына, Станиславъ и Антонъ. Въ 1862 году, отецъ ихъ, Березовскій, имѣлъ намѣреніе выѣхать въ Херсонскую губернію и взять съ собою сыновей Станислава и Антона, для пріисканія имъ гдѣ-либо мѣстъ; но отправившись предварительно въ с. Кумановцы, Подольской губерніи, они, по неизвѣстной причинѣ, не согласились ѣхать съ отцемъ и остались въ этомъ селеніи: Станиславъ, подъ предлогомъ быть управителемъ имѣнія, а Антонъ для вступленія въ ксендзы. Въ 1863 г., Станиславъ уже находился въ с. Авратинѣ, Житомирскаго уѣзда, былъ взятъ изъ дому помѣщика Милевскаго, за участіе въ мятежѣ, и въ 1864 г. сосланъ въ Сибирь; младшій же братъ его, Антонъ, имѣющій нынѣ 20 лѣтъ, возвратившись къ бабкѣ въ с. Кутищи, въ 1853 г., поступилъ въ шайку мятежниковъ и бѣжалъ за границу, и хотя отецъ его, Іосифъ Березовскій, самъ тайно переходилъ гра-

ницу, для отысканія сына Антона, но послѣ кратковременнаго пребыванія въ Галиціи, былъ переданъ обратно въ Россію, въ 1865 г., и преданъ суду, о чемъ нынѣ производится дѣло въ житомирскомъ уѣздномъ судѣ. Дѣти Березовскаго въ учебномъ заведеніи не воспитывались, приготовлялись домашнимъ наставникомъ при ихъ бабкѣ, иностраннымъ языкамъ не обучались и никакого ремесла не знали. Гриневичева умерла въ 1865 г., дочь Березовскаго Каролина, въ настоящее время находится при теткѣ своей въ с. Кутыщахъ, помѣщицѣ Рыбчинской, а сынъ Цезарій состоитъ въ услуженіи у проживающаго въ Житомирѣ, содержащаго трактиръ, французскаго подданнаго Микеля и занимается присмотромъ за лошадьми. Конечно, дальнѣйшее разслѣдованіе на мѣстѣ преступленія раскроетъ и родовое происхожденіе злоумышленника; но пока сходство относительно имени, лѣтъ и времени отлучки заграницу Антона Березовскаго, съ тѣми свѣдѣніями о преступникѣ, какія сообщены газетами, даетъ основаніе полагать, что этотъ Антонъ Березовскій есть тотъ самый преступникъ, который совершилъ гнусное покушеніе на жизнь нашего Монарха.

Сѣверная Почта.

(5 іюня. № 146).

Телеграмма.

Парижъ. 3-го (15-го) іюня. Процессъ Березовскаго оконченъ. Присяжные объявили Березовскаго виновнымъ съ допущеніемъ облегчительныхъ обстоятельствъ. Березовскій приговоренъ къ пожизненной каторжной работѣ.

Сѣверная Почта.

(8 и 9 іюля. №№ 149 и 150).

Заимствуемъ изъ французскихъ журналовъ подробныя свѣдѣнія о процессѣ Березовскаго, обвиненнаго въ посягательствѣ на жизнь Его Величества Императора Всероссійскаго въ Булонскомъ лѣсу. По окончаніи предварительнаго слѣдствія, которое, несмотря на мѣры, принятыя судебными властями для ускоренія его производства, продолжалось не менѣе трехъ недѣль, дѣло о покушеніи 25-го мая (6-го іюня) было передано на рѣшеніе сенскаго суда присяжныхъ. Предварительное слѣдствіе съ полною очевидностью обнаружило, что виновникъ покушенія на жизнь Императора Всероссійскаго не имѣлъ соучастниковъ, вопреки распространившимся слухамъ, что преступникъ дѣйствовалъ не одинъ. Читателямъ памятно, вѣроятно, что настроенное воображеніе многихъ лицъ представляло Булонскій лѣсъ наполненнымъ множествомъ заговорщиковъ; между тѣмъ покушеніе 25-го мая (6-го іюня) было преступленіемъ отдѣльнаго лица. Березовскій на всѣхъ допросахъ принималъ на себя одного всю отвѣтственность въ своемъ преступномъ дѣяніи. Онъ увѣрялъ, будто-бы еще съ юношескихъ лѣтъ онъ далъ клятвенный обѣтъ ознаменовать свою любовь къ Польшѣ какимъ-либо громкимъ дѣломъ. Въ карманѣ его пальто, оставленнаго имъ у одного виноторговца, была найдена книга, касающаяся Польши, и въ которой были приведены слова клятвы, данной Килинскимъ и состоящей изъ слѣдующихъ выраженій: „Обязуюсь всѣми возможными средствами подготовить успѣхъ революціи“. Намъ кажется излишнимъ припоминать обстоятельства, сопровождавшія покушеніе 25-го мая (6-го іюня), ибо они уже извѣстны всѣмъ и каждому до мельчайшихъ подробностей. Затѣмъ остается только обратиться къ самой личности преступника и причинамъ вызвавшимъ въ немъ преступное намѣреніе лишить жизни Императора Всероссійскаго. 3-го (15-го) іюля многочисленное стеченіе публики наполняло залу сенскаго суда присяжныхъ. Между присутствовавшими не было видно дамъ, но за то лучшія мѣста были заняты многими изъ вліятельныхъ членовъ польской эмиграціи и важными должностными лицами. На столѣ передъ скамьею присяжныхъ лежали предметы, долженствовавшіе служить уликами противъ преступника. Предметы эти составляли: двухствольный пистолетъ Березовскаго, одинъ изъ стволовъ котораго разорвало, нѣсколько книгъ, составлявшихъ библіотеку преступника, нѣсколько записокъ, пистолетныя принадлежности, пистоны, порохъ, пули, красный шерстяной шарфъ и пальто, найденное у виноторговца, въ которомъ находилась книга, заключающая въ себѣ клятву Килинскаго. Въ засѣданіи суда долженъ былъ, какъ извѣстно предсѣдательствовать г. Девьэнъ; но, по разстроенному здоровью, онъ не могъ явиться въ судъ, и вмѣсто его предсѣдательствовалъ совѣтникъ г. Бертеленъ. Въ десять съ половиною часовъ обвиняемый былъ введенъ въ залу. Онъ молодой человѣкъ, съ блѣднымъ и нѣсколько смугловатымъ лицомъ. Лобъ его, высокій и правильный, наполовину прикрытъ темнорусыми волосами. Правильный овалъ его лица окаймленъ рѣденькою бородкою. Онъ носитъ усы. Лѣвая рука его подвязана чернымъ шарфомъ. Войдя въ залъ присутствія, онъ привѣтливо улыбнулся своему защитнику г. Эммануэлю Араго и обмѣнялся съ нимъ нѣсколькими словами. Онъ поклонился нѣсколькимъ изъ своихъ знакомыхъ, находившихся въ залѣ. Въ четверть двѣнадцатаго засѣданіе

открылось и подлинность личности преступника была признана и заявлена президентомъ г. Бертеленомъ. На прокурорскомъ креслѣ сидѣлъ генеральный прокуроръ г. Марма. Защитникомъ обвиняемаго былъ г. Эммануэль Араго. Послѣ присяги присяжныхъ, во время которой лицо преступника поблѣднѣло, какъ-бы подъ вліяніемъ внутренняго волненія, президентъ приказалъ прочесть обвинительный актъ. Формальность эта была выполнена судебнымъ приставомъ г. Коммерсономъ. Обвинительный актъ содержитъ въ себѣ подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, подготовившихъ и сопровождавшихъ преступленіе и уже вполнѣ извѣстныхъ нашимъ читателямъ изъ переданныхъ нами своевременно сообщеній по этому дѣлу; а потому, не останавливаясь на немъ, мы прямо перейдемъ къ описанію допроса, сдѣланнаго преступнику. По прочтеніи обвинительнаго акта, который Березовскій выслушалъ не безъ нѣкотораго душевнаго волненія, президентъ приказалъ раздать присяжнымъ планъ мѣстности, прилежащей къ булонскому водопаду, и затѣмъ приступилъ къ допросу.

Президентъ. Встаньте, Березовскій! Извѣстно-ли вамъ, живъ-ли еще вашъ отецъ? Обвиняемый. Нѣтъ, г. президентъ, я не знаю, живъ ли онъ, и не знаю также, гдѣ онъ находится. През. Но вѣдь вы сами заявили при слѣдствіи, что вашъ отецъ живетъ въ Россіи, гдѣ онъ даетъ уроки на фортепіано? Обв. Я уже давно не имѣю о немъ никакого извѣстія. През. У васъ три брата—гдѣ они? Обв. У меня два брата и одна сестра; но я не знаю, гдѣ они находятся. През. Не извѣстно-ли вамъ, скончались-ли они, были-ли они арестованы или преслѣдуемы за что-нибудь русскими властями? Обв. Нѣтъ, г. Президентъ. През. Вы воспитывались у вашей бабушки, гдѣ получили первоначальное образованіе. Наступилъ 1863 годъ—годъ польскаго возстанія. Вашъ отецъ уговаривалъ васъ не принимать участія въ смутахъ. Вы не послушались его и онъ васъ проклялъ. Обв. Это правда. През. Его проклятіе принесло вамъ несчастіе.... Обв. Въ этомъ виноватъ тотъ, который насъ угнетаетъ. През. Вы удалились сначала въ Галицію, а потомъ въ Германію, въ Мюнхенъ, Люттихъ. Тамъ вы занимались ремесломъ оружейника. Обв. Нѣтъ, г. президентъ, я былъ работникомъ на механическомъ заводѣ, гдѣ приготовлялись паровыя машины. През. Слѣдовательно вы не обучались оружейному мастерству? Обв. Нѣтъ, я былъ только механикомъ. През. Вы прибыли въ январѣ 1865 г. въ Парижъ и поступили къ г. Гуэну. Обв. Да, г. президентъ. През. Въ 1865 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, возымѣли намѣреніе довершить свое образованіе съ помощью небольшихъ денегъ, которыми вы тогда располагали? Обв. Это правда; но я вышелъ изъ училища по недостатку средствъ. През. Вы снова поступили къ г. Гуэну, отъ котораго вы ушли 15-го (27-го) мая? Обв. Я окончательно покинулъ его потому, что былъ нездоровъ. През. Въ концѣ мая вы отправились въ Мони, въ департаментъ Уазы, къ одному поляку изъ вашихъ знакомыхъ, занимающемуся слесарнымъ ремесломъ. Вы оставались у него только нѣсколько дней. Зачѣмъ вы его оставили? Обв. Я разстался съ нимъ потому только, что не умѣлъ хорошо работать. През. Дѣйствительно этотъ полякъ объявилъ, что не хотѣлъ васъ держать, потому что вы плохо знали его мастерство. Вы возвратились въ Парижъ 1-го іюня, въ два часа по полудни, по сѣверной желѣзной дорогѣ и остались на станціи, чтобы присутствовать при въѣздѣ Русскаго Царя. Обв. Точно, я видѣлъ его на станціи. През. Зачѣмъ вы были тамъ? Обв. Чтобы видѣть, могъ-ли я наказать Его за все то что онъ сдѣлалъ, а также и для того, чтобы не допустить Его святотатственно ступить ногою на французскую землю. (Движеніе). През. Съ той-ли самой минуты вы рѣшились убить Царя? Обв. Съ той самой. Но еще и прежде, въ моемъ отечествѣ, я всегда желалъ отомстить Ему. Я не хотѣлъ убить Его, когда я былъ въ Польшѣ, зная, что не могъ бы исполнить своего намѣренія. Но когда я увидѣлъ возможность лишить его жизни во Франціи, то не колебался ни минуты. (Общ. волненіе). През. Поэтому вы воспользовались гостепріимствомъ Франціи, чтобы посягнуть на жизнь Царя. Вы не приняли въ уваженіе радушнаго пріема, оказаннаго Наполеономъ вашему Государю. (Обращаясь къ присяжнымъ). Гг. присяжные, вы должны были замѣтить, что обвиняемый объясняется съ большимъ трудомъ. Это происходитъ отъ природнаго порока въ выговорѣ, о чемъ было заявлено при слѣдствіи. Я дѣлаю вамъ это замѣчаніе для того, чтобы вы не приписывали этого обстоятельства его смущенію. Г. Эммануэль Араго. Онъ хорошо говоритъ по польски, но затрудняется французскимъ языкомъ. През. Обвиняемый, не сообщали-ли вы кому-нибудь о своемъ намѣреніи? Обв. Нѣтъ, г. президентъ, рѣшительно никому. През. Мнѣ это кажется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что у васъ было много знакомыхъ. Обв. Я не рѣшился бы никому повѣрить мою тайну, опасаясь измѣны. През. При производствѣ слѣдствія не было обнаружено ничего такого, что могло бы навести на слѣдъ какихъ-либо соучастниковъ. 22-го мая (3-го іюня) вы отправились просить вспомоществованія, которое даетъ вамъ Франція, чтобы купить оружіе для совершенія преступленія. Вы пошли въ театръ, съ цѣлью, узнать будетъ ли Русскій царь присутствовать въ немъ на парадномъ спектаклѣ. Обв. Дѣйствительно, я отправился въ день параднаго спектакля къ театру, чтобы посмотрѣть, не могу ли я подойти къ Царю. През. Вечеромъ 28-го мая (4 іюня) вы ожидали Его у театральнаго подъѣзда. Обв. Правда; я даже бѣжалъ за каретой до елисейскаго дворца, крича: „Да здравствуетъ Императоръ!“ Я это сдѣлалъ, чтобы хорошенько разглядѣть обоихъ Императоровъ и

чтобы умѣть отличить одного отъ другого. През. Вы купили у Броневилля пистолетъ. Вамъ показали одноствольный, а вы потребовали двухствольный, зачѣмъ? Обв. Затѣмъ, что я непремѣнно хотѣлъ попасть въ Царя. През. Пистолетъ стоилъ вамъ восемь франковъ? Обв. Нѣтъ, девять, но это не имѣетъ никакой важности. (Обвиняемый смѣется). Преступникъ сознался затѣмъ, что купилъ также пули, но нашелъ ихъ слишкомъ малыми, что повидимому кажется доказательствомъ умѣнья его обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Онъ купилъ пороху на цѣлый франкъ и потомъ досталъ одинъ нумеръ „Монитера", чтобы освѣдомиться, въ которомъ часу долженъ былъ начаться смотръ 25-го мая (6-го іюня). През. Имѣли ли вы въ эту минуту намѣреніе убить царя? Обв. Да, имѣлъ, г. президентъ, въ этомъ я чистосердечно сознаюсь. Президентъ объясняетъ присяжнымъ, какимъ образомъ былъ заряженъ пистолетъ и показалъ имъ самое оружіе. През. Отправившись изъ Батинволя утромъ въ день смотра, вы остановились въ аллеѣ императрицы и оттуда? Обв. Я дошелъ пѣшкомъ до водопада, у котораго остановился. Я присутствовалъ на смотру съ единственною цѣлію воспользоваться удобною минутою, чтобы убить Царя. През. Вы видѣли, какъ Императорскій экипажъ приближался, направляясь къ мѣсту соединенія двухъ дорогъ, ведущихъ къ озеру. Карета, въ которой находились оба Императора и Великіе Князья, ѣхала шагомъ. Обв. Я не обращалъ на это вниманія. През. Императоръ, замѣтивъ, что аллея, пролегавшая съ лѣвой стороны, была занята значительнымъ скопленіемъ экипажей, приказалъ кортежу свернуть вправо и ѣхать на другой аллеѣ. Тогда вы побѣжали и, обогнувъ резервуаръ каскада, остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ скрещиваются аллея резервуара съ аллеею, по которой ѣхалъ Императорскій поѣздъ. Карета ѣхала шагомъ. Публики было немного, и вы подошли къ ней. Обв. Я не запомню всѣхъ подробностей, о которыхъ вы упоминаете, г. президентъ, ибо я имѣлъ предъ глазами только одну цѣль—выстрѣлить въ Императора. През. На кого вы цѣлились преимущественно? Обв. Я хотѣлъ убить одного только Царя и цѣлился въ Него одного. През. Вы были ранены? Обв. Да, г. президентъ, что и было причиною моего обморока. През. Васъ схватили. Вы хотѣли кричать, но вамъ зажали ротъ, Обв. Я хотѣлъ крикнуть: Да здравствуетъ Польша! През. Полицейскій агентъ зажалъ вамъ ротъ ладонью, и вы не могли кричать, а только успѣли выкрикнуть первыя слова. Обв. Я хотѣлъ дать почувствовать, что я это сдѣлалъ ради Польши. През. Изъ пистолета вылетѣла только одна пуля. Вы стрѣляли наискось. Обв. Я знаю только, что я цѣлилъ въ голову Царя, я зналъ, что если попаду въ Него, то ужъ убью, Его на мѣстѣ. През. Но съ какого права вы посягали па жизнь Царя? Обв. Я имѣлъ право (взволнованнымъ голосомъ). Онъ убилъ нашъ край. Онъ уничтожилъ его жителей. Однимъ почеркомъ пера Онъ отправилъ всѣхъ въ Сибирь—и послѣ всего этого я не имѣлъ бы права убить Его? През. Вы не имѣли права принимать на себя такое дѣло, къ осуществленію котораго вы не были призваны. Обв. Это призваніе я почерпалъ въ чувствахъ моего сердца, сокрушавшагося при видѣ бѣдствій моего отечества. През. Но коль скоро вы не признавали Русскаго Царя вашимъ государемъ... Обв. О, нѣтъ!.. През. То онъ все-таки человѣкъ, и никто не имѣетъ права посягать на жизнь своего ближняго. Обв. Царь не можетъ быть моимъ ближнимъ. Я не знаю, какимъ именемъ назвать Его. Его нельзя почитать, и имя Его не можетъ быть уважаемо. През. Но вы отстаиваете здѣсь теорію цареубійства. Богъ запрещаетъ убивать. Обв. Я не Богъ. През. Что вы не Богъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, (смѣхъ, тотчасъ же замолкнувшій) но вы отвѣчали, что вы сами произнесли свой судъ надъ Царемъ. Вы не имѣли права судить Царей. Обв. Оставаясь въ живыхъ, Царь, по смерти своей, былъ бы ввергнутъ правосуднымъ Богомъ въ адъ, тогда какъ искупивъ свой грѣхъ смертью, которую я приготовлялся нанести ему, онъ былъ бы счастливѣе на томъ свѣтѣ. През. Ну, а если бы ваша пуля поразила другого? Обв. Я зналъ, что моя пуля не могла попасть въ императора французовъ. През. Но если бы лошадь г. Рембо не подоспѣла во-время къ дверцамъ кареты, могли-ли вы предвидѣть куда направится полетъ вашей пули? Вы сказали при допросѣ что польская пуля не можетъ поразить императора французовъ. Но это только фраза, а не отвѣтъ. Если бы кучеръ ускорилъ шагъ лошадей, лошадь г. Рембо осталась бы назади,—вы попали бы въ императора французовъ. Обв. О нѣтъ, я былъ слишкомъ увѣренъ въ моемъ пистолетѣ. Г. Эммануэль Араго. Я желаю заявить, что лицо иноземнаго происхожденія, начальникъ полиціи, присутствовалъ при первомъ допросѣ обвиненнаго. През. Обстоятельство это не касается сущности дѣла. Заявленіе г. Араго было оставлено безъ послѣдствій и приступлено къ спросу свидѣтелей. По выслушаніи свидѣтелей, г. президентъ прочелъ присяжнымъ актъ по поводу обыска, сдѣланнаго на квартирѣ обвиненнаго. Содержаніе этого акта слѣдующее: Березовскій жилъ въ третьемъ этажѣ одного дома улицы Меркадэ, въ комнатѣ, столь дурно освѣщенной слуховыми окнами, что она скорѣе походила на чердакъ, чѣмъ на квартиру. Въ ней стояла кровать; близъ двери наковальня и столярный станокъ; на стѣнѣ висѣла карта военныхъ дѣйствій Италіи съ Австріею. На станкѣ кусокъ свинца, изъ котораго, очевидно, весьма недавно была отдѣлена значительная часть. Въ комнатѣ нашли слѣдующія книги: „Исторію Россіи и ея завоеваній"; нѣсколько любовныхъ писемъ, къ неизвѣстной дѣвушкѣ; „Книгу духовъ"; „Многочисленность міровъ" Фонтенелля; „Вѣч-

наго Жида“ Э. Сю; „Исторію іезуитовъ“ Цакконс, въ которой содержится нѣсколько разсказовъ о цареубійствѣ XVI и XVII вѣковъ; „Покушеніе Даміенса“; книга Марина, съ изложеніемъ соображеній по поводу цареубійствъ, совершенныхъ Жакомъ Клемаманомъ и Равальякомъ. На стѣнахъ нашли слѣдующія надписи; „Люди начинаютъ съ глупости и кончаютъ мошенничествомъ“; „Съ тѣхъ поръ, какъ я презираю глупцовъ, я ненавижу весь міръ“ и проч. Въ это время президентъ суда получилъ телеграмму касательно Березовскаго, вслѣдствіе котораго онъ обращается къ подсудимому съ вопросами насчетъ его дяди, проживающаго въ Парижѣ. Президентъ обращаетъ вниманіе на постоянныя увѣренія въ томъ, что онъ не имѣетъ родственниковъ въ Парижѣ. Березовскій сознается въ томъ, что у него дѣйствительно есть въ Парижѣ не дядя, но мужъ его тетки, но онъ не знаетъ, гдѣ этотъ послѣдній проживаетъ. Защитникъ, Эммануель Араго: Г. президентъ передалъ мнѣ депешу; но отъ кого она передана? Она начинается словами: подлежащія власти... Какія это власти? Въ депешѣ говорится, что Березовскій имѣетъ родственника, фанатика, который, во время возстанія, былъ предводителемъ банды и служилъ подъ начальствомъ полковника Ручезовскаго, и что этотъ родственникъ можетъ быть не чуждъ покушенія 25-го мая (6-го іюня). Президентъ объявляетъ депешу не требующею дальнѣйшихъ разъясненій. Г. Араго: Подсудимый вспомнилъ мѣсто жительства своего дяди. Березовскій: Онъ живетъ въ улицѣ Сенъ-Доминикъ-Сенъ-Жерменъ 85. През. Г. прокуроръ, слово за вами. Прокуроръ съ убѣжденіемъ и силою развиваетъ обвиненіе. Березовскій—говоритъ онъ—нимало не заслуживаетъ снисхожденія; онъ лично ни въ чемъ не можетъ сѣтовать на русское правительство; для него нѣтъ оправданій, если только политическія страсти не послужатъ ему въ уменьшеніе вины. Г. г. присяжные! Вспомните восторженные крики, которыми встрѣтилъ французскій народъ обоихъ Императоровъ послѣ покушенія; вспомните, что народъ хотѣлъ на мѣстѣ покончить съ преступникомъ, и что лишь силою удалось вырвать преступника изъ рукъ вознегодовавшей толпы. Эти люди, спасшіе его отъ правосудія народнаго, знали, что судъ надъ преступникомъ принадлежитъ присяжнымъ, и приговоръ присяжныхъ, соотвѣтствующій народнымъ чувствамъ, вызваннымъ покушеніемъ 6-го іюня, будетъ послѣднимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. През. Г. защитникъ, слово за вами. Эммануэль Араго: Я желалъ бы ознакомить присяжныхъ съ личностью подсудимаго, прежде нежели они перейдутъ къ его осужденію. Вы знаете, г. г. присяжные, какія мученія испытывала Польша. Депеша г. Друэна-де-Люи къ г. Монтебелло, посланнику при Россійскомъ Дворѣ, напечатанная въ „Монитерѣ“, утверждаетъ, что Польша въ 1863 г. была увлечена не революціонными стремленіями, но благородными исканіями справедливости, жаждою возстановить отечество и религію. Этимъ же стремленіямъ слѣдовалъ и Березовскій. Лишь только онъ былъ арестованъ, прежде нежели судебный слѣдователь приступилъ къ исполненію своей обязанности, подсудимый былъ допрашиваемъ русскимъ должностнымъ лицомъ, главнымъ начальникомъ русской полиціи, по-русски спрашивавшимъ подсудимаго объ его имени и мѣстѣ жительства его родныхъ. Березовскій, знавшій что его семейство проживаетъ въ Россіи, хотѣлъ спасти его: онъ не отвѣчалъ. Но ни отецъ его, ни его братъ, не могли уже подвергаться дальнѣйшимъ опасностямъ: его отецъ находится въ тюрьмѣ уже три или четыре года, а его братъ сосланъ въ Сибирь, это страшное мѣсто ссылки, откуда никто не возвращается. Я имѣю подъ руками—говоритъ г. Араго—доказательства объ арестѣ и ссылкѣ отца и брата Березовскаго: вотъ листы „Московскихъ Вѣдомостей“, откуда я почерпнулъ эти свѣдѣнія[1]). Пред. Г. Араго, что это за журналы? Они издаются на русскомъ языкѣ? Араго. Да, г. президентъ. През. Поэтому мы не можемъ провѣрить вашихъ показаній. Мы вполнѣ уважаемъ права защитника, но тѣмъ не менѣе необходимо равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою. Вы представляете документъ въ послѣдней, защитительной рѣчи, не сообщивъ его прокурору. Генеральн. Прокур. Намъ невозможно провѣрить показанія журнала, котораго никто изъ насъ даже не умѣетъ прочесть. Араго. Среди возраженій, раздающихся со всѣхъ сторонъ, мнѣ трудно вполнѣ обладать собою, тѣмъ болѣе, что при предъявленіи мною каждаго (?) документа, у меня требуютъ отчета, откуда онъ и какимъ образомъ дошелъ онъ ко мнѣ. Притомъ обоюдное сообщеніе доказательствъ необходимо лишь въ дѣлахъ гражданскихъ и вовсе не требуется въ процессахъ уголовныхъ. През. Но невозможно также признать вполнѣ доказаннымъ документъ, писанный на языкѣ, котораго никто не понимаетъ. Поэтому обратимся къ судебнымъ преніямъ. Араго. Подчиняюсь рѣшенію г. Президента и не буду болѣе говорить о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Защитникъ указываетъ затѣмъ на добрыя качества подсудимаго, признанныя свидѣтелями, подсудимый былъ увлеченъ чувствами великодушными, хотя и выразившимися въ преступномъ дѣяніи. Онъ понимаетъ теперь преступность своихъ дѣйствій и безплодность ихъ, въ случаѣ, если бы убійство совершилось. Но, во всякомъ случаѣ, кровь не была пролита. „Я убѣжденъ,—говоритъ въ заключеніе защитникъ —что если бы вы, г.г. присяжные, и осудили его, то это

---

[1]) Мы предоставляемъ отвѣчать на это ложное показаніе защитника самимъ „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

Прим. редакціи газеты „Сѣверная Почта“.

произошло бы противъ вашего внутренняго убѣжденія". На вопросъ президента подсудимому, не имѣетъ-ли онъ чего добавить. Березовскій отвѣчалъ: „Нѣтъ, г. президентъ, но я сожалѣю, что все это произошло въ дружественной намъ Франціи. Затѣмъ послѣдовалъ извѣстный приговоръ присяжныхъ и опредѣленіе суда.

Въ 1868, 1869 и 1870 годахъ свѣдѣній о политическихъ преступленіяхъ въ Россіи въ оффиціальныхъ изданіяхъ не появлялось.

Редакторъ.

1871 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

Правительственное сообщеніе [1]).

Сегодня, 1-го іюля, имѣетъ быть засѣданіе С.-Петербургской Судебной палаты въ особомъ присутствіи, опредѣленномъ 1032 статьею Уст. Угол. Суд., по дѣлу объ обнаруженномъ въ различныхъ мѣстахъ Имперіи заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ Государствѣ Правительства. По этому дѣлу, ввиду особой его обширности и многочисленности привлеченныхъ къ нему лицъ (87 подсудимыхъ, изъ коихъ 63 содержатся подъ стражей), составлено прокурорскимъ надзоромъ и Правительствующимъ Сенатомъ двѣнадцать обвинительныхъ актовъ, которые будутъ слушаться въ Судебной Палатѣ отдѣльно, одинъ послѣ другаго, въ теченіе этого мѣсяца; подробные стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ Палаты по сему дѣлу будутъ, по распоряженію Министерства Юстиціи, печататься въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" по возможности на слѣдующій же, послѣ засѣданія, день.

Для облегченія возможности ближайшаго ознакомленія съ этимъ многосложнымъ дѣломъ представляется необходимымъ, предварительно печатанія всѣхъ подробностей дѣла, которыя будутъ выяснены на судебномъ слѣдствіи, объяснить вкратцѣ общую связь, существующую между всѣми привлеченными къ дѣлу подсудимыми, и условія, послужившія основаніемъ подраздѣленія ихъ на категоріи.

Поводомъ къ обнаруженію Правительствомъ преступнаго заговора, составляющаго предметъ настоящаго дѣла, послужили происходившіе въ февралѣ и мартѣ 1869 г. безпорядки въ средѣ студентовъ Медико-Хирургической Академіи, С.-Петербургскаго Университета и Технологическаго института, а отчасти также и совершенное въ ноябрѣ того же года бывшимъ учителемъ приходскаго Сергіевскаго училища въ Петербургѣ Сергѣемъ Нечаевымъ, при содѣйствіи другихъ лицъ, убійство бывшаго слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Ивана Иванова. Произведеннымъ, по распоряженію III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, негласнымъ дознаніемъ обнаружено, что участниками въ убійствѣ Иванова были: дворянинъ Петръ Успенскій, купеческій сынъ Алексѣй Кузнецовъ, отставной коллежскій секретарь Иванъ Прыжовъ и московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ; въ то же время обнаружена принадлежность этихъ лицъ къ организованному Сергѣемъ Нечаевымъ въ Москвѣ отдѣленію женевскаго международнаго революціоннаго комитета. Эти 4 обвиняемые вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, всего въ числѣ 11 человѣкъ, дѣятельность коихъ принадлежитъ къ первому періоду настоящаго дѣла, а именно къ волненіямъ, происходившимъ среди студентовъ весною 1869 года, включены прокурорскимъ надзоромъ въ первый обвинительный актъ, который долженъ слушаться въ Судебной Палатѣ сего 1-го іюля, и обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. Улож. о Нак., а Успенскій, Кузнецовъ, Прыжовъ и Николаевъ, кромѣ того, въ убійствѣ Иванова. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи этого дѣла въ Москвѣ, обнаружена принадлежность къ тайному обществу сына коллежскаго секретаря Николая Долгова, сына поручика Ѳедора Рипмана и другихъ, въ числѣ 33 человѣкъ, которые всѣ принимали непосредственное участіе въ составленномъ Нечаевымъ заговорѣ и посему привлекаются вторымъ обвинительнымъ актомъ прокурорскаго надзора къ суду по обвиненію въ томъ же преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 240 ст. Уложенія.

Во время производства этихъ разслѣдованій дознано было, что дѣятельность тайной организаціи не ограничилась Москвою, и что нѣкоторыя изъ прикосновенныхъ

---

[1]) Ввиду крайне обширнаго размѣра опубликованнаго въ Правительственномъ Вѣстникѣ (№№ 155—206) стенографическаго отчета о дѣлѣ „Нечаевцевъ", которое въ полномъ объемѣ составило бы громадный томъ въ шестьдесятъ съ лишнимъ печатныхъ листовъ, мы принуждены ограничиться печатаніемъ лишь одныхъ обвинительныхъ актовъ и приговоровъ суда. Редакторъ.

къ обществу лицъ предпринимали поѣздки, между прочимъ, и въ Петербургъ, гдѣ пытались основать одно изъ отдѣленій московскаго центральнаго общества. Поэтому изъ Москвы слѣдственныя дѣйствія были перенесены въ С.-Петербургъ, и здѣсь обнаружено участіе въ заговорѣ отставного поручика Ивана Лихутина, студента Медико-Хирургической Академіи Алексѣя де Тейльса и другихъ лицъ, въ числѣ 15 человѣкъ. Эти лица, находившіяся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ московскими злоумышленниками и содѣйствовавшія ихъ преступному замыслу, преданы суду третьимъ обвинительнымъ актомъ наравнѣ съ московскими участниками въ заговорѣ, по 249 и 250 ст. Уложенія. Наконецъ, въ четвертый обвинительный актъ прокурорскимъ надзоромъ включены тѣ изъ подсудимыхъ—московскихъ жителей (дворяне: Александръ фонъ-деръ-Эльстницъ, Александра Успенская и другіе, въ числѣ 11 человѣкъ), которые, не принимая непосредственнаго участія въ заговорѣ, обвиняются лишь въ томъ, что, зная о существованіи этого заговора, они не донесли о немъ Правительству.

Одновременно съ симъ, во время преслѣдованія въ Петербургѣ участниковъ въ заговорѣ, обнаруженъ былъ отдѣльный кружокъ, состоящій изъ пяти лицъ, а именно изъ студентовъ: С.-Петербургскаго Земледѣльческаго Института Петра Топоркова, Императорской Медико-Хирургической Академіи Петра Кошкина и Александра Дудоладова, С.-Петербургскаго Технологическаго Института Александра Долгушина и поручика 3-го Туркестанскаго линейнаго батальона Льва Топоркова. Эти подсудимые, хотя и находились также въ сношеніяхъ съ прочими московскими и петербургскими злоумышленниками, но составляли отдѣльный отъ нихъ и самостоятельный кружокъ, въ особенности потому, что, будучи всѣ уроженцами Сибири, они находились между собою въ ближайшихъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе что Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ жили даже на одной квартирѣ. Въ виду сего, прокурорскимъ надзоромъ признано было болѣе удобнымъ отдѣлить этихъ подсудимыхъ отъ прочихъ обнаруженныхъ въ С.-Петербургѣ участниковъ въ заговорѣ и составить о нихъ отдѣльный обвинительный актъ (пятый) по тому же, впрочемъ, обвиненію.

Независимо отъ сего четверо изъ названныхъ въ предъидущемъ актѣ обвиняемыхъ, а именно: Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ, привлечены къ суду шестымъ обвинительнымъ актомъ, составленнымъ Правительствующимъ Сенатомъ по обвиненію въ составленіи заговора, имѣвшаго цѣлію отдѣленіе Сибири отъ Россіи.

Наконецъ, къ этому же дѣлу привлечены седьмымъ обвинительнымъ актомъ студенты Харьковскаго и Новороссійскаго Университетовъ Малютинъ и Поповъ, и восьмымъ актомъ—живущіе въ г. Череповцѣ (Новгородской губерніи) учитель Менделѣевъ, купецъ Розановъ, мѣщанинъ Талицкій и крестьянинъ Макарьевъ, у которыхъ во время изслѣдованій, произведенныхъ въ 1869 и 1870 годахъ, найдены были прокламаціи преступнаго содержанія.

Послѣдующими затѣмъ актами, составленными Правительствующимъ Сенатомъ, преданы суду по обвиненію въ недонесеніи Правительству объ извѣстномъ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію установленнаго въ Государствѣ Правительства: 9-мъ актомъ—священническій сынъ Арсеній Алексѣевъ, сынъ дьякона Василій и канцелярскій служитель Алексѣй Болотовы, 10-мъ актомъ—дворянинъ Андрей Калачевскій, 11-мъ актомъ—студентъ Технологическаго Института, Рейнгольдъ Биркъ — и 12-мъ актомъ—учитель Іосифъ Собѣщанскій [1]. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что одинъ изъ обвиняемыхъ по первому обвинительному акту—дворянинъ Петръ Ткачевъ—независимо отъ участія въ заговорѣ преданъ суду еще по двумъ обвиненіямъ: 1) въ составленіи предисловія и примѣчаній противозаконнаго содержанія къ изданному подъ его редакціею переводу книги Эрнста Бехера подъ заглавіемъ: „Рабочій вопросъ и средства къ его разрѣшенію", и 2) въ напечатаніи статьи преступнаго содержанія подъ заглавіемъ: „Психологическіе этюды", въ изданномъ имъ сборникѣ „Лучъ". Эти два дѣла будутъ слушаться въ Судебной Палатѣ тотчасъ по окончаніи дѣла о заговорѣ, на основаніи 1033 ст. Уст. Угол. Суд., также въ усиленномъ составѣ Палаты, опредѣленномъ 1032 статьею; но послѣднее дѣло будетъ разсматриваться при закрытыхъ дверяхъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(№№ 156—168, 171—177, 179—180, 182—185, 187, 195—202, 205—206).

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи (1-го іюля 1871 г.).

Засѣданіе открыто въ 11 часовъ 40 минутъ утра. Присутствіе составляли: предсѣдатель А. С. Любимовъ, члены Палаты: постоянные: Маркевичъ, Мессингъ, Медвѣдевъ, Шаховъ, Богаевскій; присоединенные члены: с.-петербургскій уѣздный предводитель дворянства князь Трубецкой (за губернскаго предводителя), царскосельскій

---

[1]) Одинъ изъ обвиняемыхъ преданныхъ этимъ обвинительнымъ актомъ суду—студентъ Владиміръ Лихутинъ—умеръ во время содержанія подъ стражею.

уѣздный предводитель дворянства Платоновъ, с.-петербургскій городской голова Погребовъ, волостной старшина 2-й Александровской волости Михайловъ. Обвинялъ прокуроръ С.-Петербургской Судебной Палаты В. А. Половцевъ. Секретарь Гойлевичъ. Защитники подсудимыхъ, присяжные повѣренные: князь Урусовъ (Успенскаго и Волховскаго), Спасовичъ (Кузнецова, Ткачева и Томиловой), Арсеньевъ (Прыжова), Соколовскій (Дементьевой), Турчаниновъ (Николаева), Хартулари (Коринѳскаго) и Депп (Флоринскаго). Въ залѣ засѣданія кромѣ того находились многіе присяжные повѣренные—защитники по другимъ группамъ подсудимыхъ, вызванныхъ въ засѣданіе въ качествѣ свидѣтелей.

Предсѣдатель. Объявляю засѣданіе Судебной Палаты открытымъ. Судебная Палата, въ составѣ особаго присутствія постоянныхъ членовъ Палаты и сословныхъ представителей приступитъ къ разсмотрѣнію дѣла объ обнаруженномъ въ 1869 г. въ разныхъ мѣстахъ Имперіи заговорѣ съ цѣлью ниспроверженія установленнаго государственнаго порядка. Это обширное и весьма сложное дѣло, которое въ лѣтописяхъ судебнаго вѣдомства займетъ не послѣднее мѣсто, обнимаетъ 84-хъ подсудимыхъ, раздѣленныхъ обвинительною властью на 11 группъ, которымъ соотвѣтствуютъ столько же обвинительныхъ актовъ. Всѣ эти обвинительные акты, въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ за другимъ будутъ предметомъ внимательнаго разсмотрѣнія Судебной Палаты и ея обсужденія. Настоящее засѣданіе, а можетъ быть и нѣсколько послѣдующихъ, Судебная Палата посвятитъ разсмотрѣнію и обсужденію перваго обвинительнаго акта, обнимающаго группу 11-ти подсудимыхъ, къ числу которыхъ, какъ извѣстно, отнесены: 1) дворянинъ Петръ Гавриловъ Успенскій, 2) купеческій сынъ Алексѣй Кириловъ Кузнецовъ, 3) отставной коллежскій секретарь Иванъ Гавриловъ Прыжовъ, 4) московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ, 5) священническій сынъ Владиміръ Ѳедоровъ Орловъ, 6) дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховскій, 7) кандидатъ правъ Петръ Никитинъ Ткачевъ, 8) с.-петербургская мѣщанка Александра Дмитріева Дементьева, 9) жена полковника Елизавета Христьянова Томилова, 10) священническій сынъ Иванъ Ивановъ Флоринскій, 11) священническій сынъ Михаилъ Петровъ Коринѳскій.

Прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1869 года, въ здѣшнихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, именно: въ Медико-Хирургической Академіи, Университетѣ и Технологическомъ Институтѣ, происходили, какъ извѣстно, безпорядки въ средѣ студентовъ. Безпорядки эти не имѣли, повидимому, другаго характера, какъ выраженіе стремленій учащейся молодежи добиться у начальства разрѣшенія имѣть свою студенческую кассу и права составлять сходки для обсужденія дѣйствій этой кассы. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ безпорядки были прекращены; но собранныя при разслѣдованіи о причинахъ ихъ свѣдѣнія привели къ мысли, что если, съ одной стороны, внѣшніе признаки университетскихъ событій не давали повода подозрѣвать въ стремленіяхъ студентовъ какихъ-либо другихъ цѣлей, кромѣ вышеупомянутыхъ желаній ихъ имѣть свою кассу и сходки, то, съ другой, желанія эти, а съ ними и выражавшая ихъ молодежь, были не болѣе какъ орудіемъ въ рукахъ людей, преслѣдовавшихъ совсѣмъ иныя цѣли и бывшихъ главнымъ образомъ причиною безпорядковъ. Тѣмъ не менѣе, въ то время не было еще ясныхъ указаній, кто именно и для какихъ цѣлей подстрекалъ студентовъ къ движеніямъ; сдѣлалось только извѣстнымъ, что въ происходившихъ въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ студенческихъ сходкахъ принимали дѣятельное участіе: состоявшій въ то время учителемъ Закона Божія въ приходскомъ Сергіевскомъ училищѣ въ Петербургѣ Сергѣй Нечаевъ, сынъ священника въ селѣ Ивановѣ, Владимірской губерніи, онъ же учитель тамошняго сельскаго училища, Владиміръ Орловъ, бывшій тогда въ Петербургѣ, а также кандидатъ правъ С.-Петербургскаго Университета Петръ Ткачевъ; что, затѣмъ, изъ нихъ Нечаевъ съ чужимъ паспортомъ уѣхалъ 4-го марта 1869 года за границу, а Орловъ неизвѣстно куда скрылся изъ Петербурга. Далѣе, въ концѣ марта того же года, задержано было напечатанное въ типографіи с.-петербургской мѣщанки Дементьевой воззваніе подъ заглавіемъ „Къ обществу“, въ которомъ неизвѣстный авторъ, между прочимъ, заявляетъ: „...Протестъ нашъ твердъ и единодушенъ, и мы скорѣе готовы задохнуться въ ссылкахъ и казематахъ, нежели задыхаться и нравственно уродовать себя въ нашихъ Академіяхъ и Университетахъ“. Какъ отдѣльный фактъ, обнаруженіе этого воззванія не привело еще къ раскрытію какого-либо организованнаго тайнаго общества, которому оно, очевидно, служило только однимъ изъ средствъ распространенія его преступныхъ намѣреній, но, тѣмъ не менѣе, обстоятельство это указало на необходимость усилить наблюденіе за разными лицами, обращавшими уже на себя вниманіе Правительства своею политическою неблагонадежностію. Сосредоточивая въ себѣ всѣ изложенныя свѣдѣнія, III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи признало нужнымъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года произвести, между прочими, обыскъ у приказчика книжнаго магазина Черкесова въ Москвѣ, дворянина Петра Успенскаго, занимавшаго въ то время квартиру отдѣльно отъ магазина, въ домѣ купца Камзолкина, Мѣщанской части. Обыскъ этотъ былъ произведенъ 26-го ноября, и результаты его слѣдующіе: 1): Подъ пружинами дивана, за парусиннымъ поперечникомъ, найдена тетрадь синей почтовой бумаги въ восьмую долю листа, въ которой оказалось восемь полулистовъ

и девять листовъ одинаковаго формата; на каждомъ изъ нихъ внизу, къ одной сторонѣ, оттиснута печать овальной формы темноголубой мастики; внутри печати изображенъ топоръ, а кругомъ надпись: „Комитетъ народной расправы 19-го февраля 1870 года“. 2) Въ распоротомъ, затѣмъ, диванѣ, въ изголовьѣ, подъ клеенчатою обивкою, найденъ заграничный паспортъ за № 168 отъ 3-го марта 1869 года, выданный изъ иностраннаго Отдѣленія Канцеляріи г. московскаго генералъ-губернатора московскому мѣщанину Николаю Николаеву. 3) Подъ тою же обивкою, въ срединѣ дивана, найдена печатная $1/_{16}$ листа книжка на неизвѣстномъ языкѣ. 4) Въ мягкомъ креслѣ, подъ парусинною обивкою и такою же поперечною, найдена въ $1/_8$ листа печатная тетрадка изъ 16-ти страницъ, напечатанная мелкимъ шрифтомъ, подъ заглавіемъ: „Изданіе общества народной расправы 1869 г., № 1, Москва“. 5) По снятіи съ кресла клеенки, въ бокахъ онаго, найдены 5 бланокъ изъ почтовой синеватой бумаги съ такими же овальными печатями, какъ и листы, найденные въ диванѣ; изъ нихъ одинъ на двухъ листахъ съ № 17 исписанный мелкимъ почеркомъ и озаглавленный: „Изложенія общихъ правилъ сѣти для отдѣленій“, въ 12-ти пунктахъ, причемъ на оборотѣ перваго листа внизу карандашемъ написаны буквы А, В, С; второй на полулистѣ, съ тою же печатью „комитета народной расправы“, на которомъ мелкимъ шрифтомъ написаны 10 пунктовъ подъ заглавіемъ: „Общія правила организаціи“, а внизу подпись: „Великорусскій отдѣлъ Москва; на третьемъ полулистѣ написано то же самое, что и на второмъ, но другимъ почеркомъ; четвертый, также полулистъ, но безъ оттиска печати, имѣющейся на всѣхъ предъидущихъ, заключаетъ въ себѣ въ 10 написанныхъ пунктахъ тѣ же правила, что и второй и третій полулисты, съ помѣтою „Москва, № 420“; пятый, на четвертушкѣ полубѣлой бумаги, съ проставленнымъ сверху № 1, заключаетъ въ себѣ написанныя разныя фамиліи, противъ которыхъ сдѣланы помѣты съ наименованіемъ городовъ и мѣстностей. 6) Внутри того же кресла вынутъ изъ-подъ клеенки клочекъ бѣлой бумаги, на которомъ карандашемъ написаны цифры, выражающія рубли и копѣйки. 7) На этажеркѣ той же комнаты найдены пять переплетенныхъ тетрадей, въ которыхъ оказались разныя имена и замѣтки, и 8) при осмотрѣ платья, бывшаго на Успенскомъ, въ карманѣ брюкъ его найдены клочки изорванной бумаги, на которыхъ значились какіе-то круги и линіи. Въ то же время произведенъ былъ обыскъ и въ завѣдываемомъ Успенскимъ книжномъ магазинѣ Черкесова, причемъ найдены, между прочимъ: 1) 14 экземпляровъ революціоннаго воззванія подъ заглавіемъ: „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, съ вытисненнымъ на каждомъ листѣ бланкомъ слѣдующаго содержанія: „Русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза—Бланки для публики“, и 2) обращеніе студентовъ къ обществу и стихотвореніе Огарева, озаглавленное „Студентъ“.

Въ виду такихъ результатовъ обыска у Успенскаго, признано было необходимымъ: во 1-хъ, произвести обыски и у другихъ лицъ, которыя или значились въ найденной у Успенскаго запискѣ, или близкимъ знакомствомъ съ нимъ и отношеніями возбуждали противъ себя подозрѣніе; во 2-хъ, приступить къ строжайшему дознанію для разъясненія происхожденія и цѣли храненія Успенскимъ у себя всѣхъ вышеозначенныхъ документовъ преступнаго свойства.

Изъ собранныхъ тѣмъ и другимъ путемъ свѣдѣній обнаружилось слѣдующее: 3-го сентября 1869 года прибылъ въ Москву изъ Женевы бывшій учитель Сергіевскаго приходскаго училища въ Петербургѣ Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, который, благодаря знакомству, сдѣланному имъ съ Успенскимъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ, до побѣга своего за границу обратился непосредственно къ сему послѣднему сначала въ магазинѣ, а потомъ сталъ бывать и въ квартирѣ. Здѣсь, послѣ долгихъ бесѣдъ о томъ, какъ помочь бѣдствующему народу, который будто бы повсюду питаетъ сильное неудовлетвореніе противъ Правительства, Нечаевъ убѣдилъ Успенскаго составить тайное общество, которое подготовило бы въ народѣ возстаніе, имѣющее цѣлію ниспровергнуть существующій въ государствѣ порядокъ. Затѣмъ, въ непродолжительномъ времени, Нечаевъ, по указанію Успенскаго, свелъ знакомства съ слушателями Петровской Земледѣльческой Академіи, гдѣ онъ слылъ подъ именемъ Ивана Петрова Павлова. Послѣдствіемъ этихъ знакомствъ было то, что Нечаевъ, въ качествѣ посланнаго отъ всемірнаго революціоннаго комитета изъ Женевы, для возбужденія въ Россіи народнаго возстанія, организовалъ изъ слушателей Петровской Академіи тайное общество, съ цѣлію распространенія въ народѣ идеи о необходимости ниспровергнуть существующій порядокъ, указывая при этомъ на 19-е февраля 1870 года, какъ на самый удобный для народнаго движенія день. Чтобы придать своей пропагандѣ болѣе убѣдительный видъ, Нечаевъ учредилъ сношенія съ вновь поступающими въ тайное общество членами посредствомъ особыхъ бланокъ отъ комитета народной расправы съ топоромъ, образцы которыхъ найдены, какъ сказано выше, при обыскѣ у Успенскаго, и составилъ для руководства общія правила организаціи и правила сѣти для отдѣленій, согласно каковымъ правиламъ, лица, склонившіяся къ образованію изъ себя тайнаго общества, должны были сначала составить кружки, каждый въ пять человѣкъ, изъ кружковъ должны были образоваться отдѣленія и т. д. Такимъ образомъ, на запискѣ, найденной у Успенскаго, значились подъ первыми четырьмя цифрами начальныя буквы фамилій, принадлежавшихъ первымъ членамъ организаціи: Долгову,

Иванову, Кузнецову и Риману. Всѣ они слушатели Петровской Академіи. Противъ этихъ фамилій, въ свою очередь, значились имена тѣхъ слушателей Академіи, которые ими уже были приглашены въ члены тайнаго общества.

Между тѣмъ, еще прежде начала этого дознанія, именно 25-го ноября того же года, въ Москвѣ, въ прудѣ Петровскаго парка, принадлежащаго Земледѣльческой Академіи, случайно найдено было мертвое тѣло, въ которомъ приглашенными къ осмотру лицамъ узнанъ былъ слушатель той же Академіи Иванъ Ивановъ. По всѣмъ признакамъ первоначальнаго осмотра, Ивановъ оказался убитымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, на шеѣ его затянутъ былъ красный шерстяной шарфъ, на концахъ котораго оказался привязаннымъ кирпичъ. При этомъ, однакожъ, никакихъ признаковъ грабежа замѣчено не было, такъ какъ даже часы оказались въ карманѣ.

Сопоставленіе такихъ обстоятельствъ, какъ состояніе Иванова въ спискѣ членовъ тайной организаціи съ одной стороны и отсутствіе признаковъ ограбленія его при убійствѣ съ другой, подало поводъ подозрѣвать, что смерть Иванова послѣдовала отъ руки человѣка имѣвшаго основаніе мстить ему и вообще заинтересованнаго въ его погибели. Направленное въ этомъ смыслѣ дознаніе раскрыло слѣдующее: Успенскій и задержанный вслѣдъ за обыскомъ у него купеческій сынъ Алексѣй Кузнецовъ, онъ же слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи, объяснили, что убійство Иванова совершено ими съ участіемъ Сергѣя Нечаева, отставного коллежскаго секретаря Ивана Прыжова и московскаго мѣщанина Николая Николаева, по слѣдующему поводу и при нижеозначенныхъ обстоятельствахъ. Образовывая тайное политическое общество, Нечаевъ, онъ же Павловъ, постоянно говорилъ имъ, что онъ дѣйствуетъ отъ имени комитета, приказанія котораго должны быть безпрекословно исполняемы; что, вербуя такимъ образомъ членовъ Петровской Академіи, Нечаевъ пригласилъ и Иванова, который хотя и далъ свое согласіе на вступленіе въ общество, но затѣмъ, на разныхъ собраніяхъ членовъ, заявлялъ постоянно недовѣріе къ словамъ Нечаева о комитетѣ, не желалъ безпрекословно подчиняться приказаніямъ послѣдняго, объявляемымъ тѣмъ же Нечаевымъ, и вообще высказывалъ строптивость, намекая даже на то, что онъ отдѣлится отъ общества и образуетъ новое общество подъ своимъ главенствомъ; что подобный образъ дѣйствій Иванова возмущалъ Нечаева, который сталъ возбуждать вопросъ объ обузданіи Иванова и что по этому поводу онъ, Нечаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ сходились сначала у Успенскаго въ квартирѣ, гдѣ былъ составленъ планъ отдѣлаться отъ Иванова чрезъ убійство его, для чего условлено было предварительно увлечь его въ академическій гротъ съ цѣлію открытія, будто бы, тамъ типографіи; потомъ же, именно 21-го ноября, собрались они у Кузнецова, куда пришелъ также и Николаевъ; что тутъ положено было Николаеву отправиться за Ивановымъ, чтобы привести надъ нимъ въ исполненіе означенный планъ, что и было затѣмъ исполнено часу въ 5-мъ 21-го же ноября, т. е. Ивановъ былъ завлеченъ въ гротъ Николаевымъ, гдѣ его ожидали уже Нечаевъ, Успенскій, Прыжовъ и Кузнецовъ, и когда онъ вошелъ, то Нечаевъ бросился на него первый, за нимъ другіе, начали душить; потомъ Нечаевъ, взявъ у Николаева заранѣе приготовленный пистолетъ, выстрѣлилъ Иванову въ голову. Послѣ этого навязаны были камни на шею и ноги Иванова, а затѣмъ трупъ его оттащили въ прудъ, гдѣ и бросили въ прорубь.

При дальнѣйшемъ развитіи дознанія, кромѣ вышеизложеннаго, обнаружено еще, что послѣ убійства Иванова, именно 22-го ноября, Алексѣй Кузнецовъ, вмѣстѣ съ Нечаевымъ, выѣхали изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ Нечаевъ, съ помощію Кузнецова, привлекъ нѣкоторыхъ студентовъ Земледѣльческаго и Технологическаго Институтовъ и Медико-Хирургической Академіи, а также и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, къ вступленію въ члены образованнаго имъ въ Москвѣ тайнаго общества; что затѣмъ, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря, онъ, Нечаевъ, когда увидѣлъ, что долѣе оставаться въ Петербургѣ небезопасно, по случаю начавшагося уже тогда дознанія, уѣхалъ въ Москву, откуда вскорѣ, вмѣстѣ съ женою коллежскаго совѣтника Варварою Александровскою, уѣхалъ за границу, въ г. Женеву.

Задержанные, по поводу открытія такихъ данныхъ, въ г. Москвѣ отставной коллежскій секретарь Иванъ Прыжовъ и московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ сознались какъ въ принадлежности своей къ тайному обществу, такъ и въ участіи съ Нечаевымъ, Успенскимъ и Алексѣемъ Кузнецовымъ въ убійствѣ Иванова.

Начавшееся затѣмъ по Высочайшему повелѣнію предварительное слѣдствіе разъяснило всѣ вышеизложенныя обстоятельства слѣдующимъ образомъ:

1. **Обвиняемый дворянинъ Петръ Гавриловъ Успенскій**, бывшій до задержанія прикащикомъ книжнаго магазина, принадлежавшаго петербургскому столичному мировому судьѣ Александру Черкесову, въ Москвѣ, на допросахъ 9-го, 10-го и 11-го января 1870 года, показалъ: знакомство его съ Нечаевымъ совершилось такимъ образомъ: въ декабрѣ мѣсяцѣ 1868 года, онъ, Успенскій, пріѣзжалъ въ Петербургъ, гдѣ познакомился съ кандидатомъ правъ Петромъ Ткачевымъ; по возвращеніи его въ Москву, въ началѣ 1869 года, Ткачевъ прислалъ къ нему нѣкоего Владиміра Орлова съ письмомъ, въ которомъ рекомендовалъ ему Орлова какъ своего хорошаго знакомаго. Орловъ сталъ бывать у него и, въ свою очередь, познакомилъ его съ москов-

скимъ мѣщаниномъ Николаевымъ, а затѣмъ, въ одно изъ своихъ посѣщеній, привелъ къ нему господина, назвавшагося Павловымъ. Такъ какъ этотъ послѣдній держался какъ-то странно, а между тѣмъ въ то время (время студенческихъ движеній) прошелъ слухъ о бѣгствѣ изъ Петропавловской крѣпости Нечаева, то Успенскій, предположивъ, не есть-ли означенный Павловъ—Нечаевъ, обратился съ вопросомъ въ этомъ смыслѣ къ Орлову; но послѣдній и на этотъ разъ, и на повтореніе того же вопроса впослѣдствіи, отвѣчалъ отрицательно. Затѣмъ Орловъ куда-то скрылся, и какъ слышалъ Успенскій, онъ находился въ Харьковской губерніи, а Нечаевъ, какъ также ему было извѣстно, уѣхалъ за границу. Въ началѣ сентября совершенно неожиданно явился Нечаевъ и прямо съ дороги пришелъ къ нему въ магазинъ. Здѣсь Нечаевъ, назвавшійся уже самъ этою фамиліею, распрашивалъ его о своихъ знакомыхъ: Орловѣ, Николаевѣ, Волховскомъ и другихъ, и, узнавъ отъ него, Успенскаго, что онъ не совсѣмъ безопасенъ, потому, что за магазиномъ наблюдаютъ, направился, по указанію Успенскаго, въ Петровско-Разумовскую Академію, гдѣ затѣмъ и основалъ свою главную квартиру. Послѣ этого Нечаевъ сталъ посѣщать его довольно часто, причемъ главнымъ предметомъ разговора было настоящее положеніе вещей и способы измѣненія его къ лучшему. Въ спорахъ по этому предмету онъ, Успенскій, высказывалъ Нечаеву свои мысли, клонившіяся къ мирному развитію народа путемъ распространенія знаній; но Нечаевъ, выражавшійся, что „любить народъ — значитъ водить его подъ картечь“, былъ всегда на сторонѣ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ и въ концѣ концовъ убѣдилъ Успенскаго въ необходимости дѣйствовать къ измѣненію настоящаго соціальнаго порядка путемъ революціи. Съ этою цѣлію Нечаевъ предложилъ ему заняться устройствомъ кружковъ. Успенскій согласился; но предварительно Нечаевъ вручилъ ему разныя вещи, какъ-то: a) заграничный паспортъ Николаева; b) небольшую книжечку, отпечатанную шифромъ и заключающую въ себѣ, какъ онъ, Успенскій, узналъ впослѣдствіи, исповѣдь революціонера; c) на бумагѣ записалъ нѣсколько названій лицъ и городовъ, которые лежали на пути его возвращенія изъ-за границы въ Россію, чрезъ Бессарабскую область и Херсонскую губернію; потомъ, чрезъ нѣсколько дней, вручилъ ему: d) прокламаціи „народной расправы“ и „дворянскія“ (послѣднія отъ Брюссельскаго дворянскаго революціоннаго комитета) и, наконецъ, передавалъ ему e) печать съ вырѣзанномъ внутри топоромъ и надписью вокругъ: „Комитетъ народной расправы“. Сначала Нечаевъ просилъ спрятать печать, но вскорѣ она ему понадобилась по слѣдующему случаю: въ числѣ разныхъ вещей, данныхъ Нечаевымъ Успенскому, находился какой-то листъ, гдѣ было написано, что предъявитель сего есть довѣренное лицо революціоннаго комитета въ Женевѣ; на листѣ семъ были подпись „Михаилъ Бакунинъ“ и печать съ какими-то словами на французскомъ языкѣ. Нечаевъ объяснилъ, что съ подобнаго рода листомъ будутъ являться ревизоры отъ революціоннаго комитета. Успенскій спряталъ этотъ листъ; а на другой или третій день явился какой-то офицеръ (какъ впослѣдствіи обнаружено, отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ) съ подобнымъ листомъ въ качествѣ ревизора, и вотъ, на другой день появленія послѣдняго, Нечаевъ сообщилъ Успенскому, что надо сдѣлать бланокъ, для чего и взялъ у него печать, выдавъ ее Прыжову, который, вмѣстѣ съ упомянутымъ офицеромъ и отпечатали, на квартирѣ Успенскаго, какъ ему кажется, 5 экземпляровъ. Такимъ образомъ, согласившись на образованіе кружковъ, Успенскій приступилъ къ дѣятельности, которая началась съ того, что онъ, Нечаевъ, Прыжовъ, купеческій сынъ Павелъ Прокопенко, Рипманъ и Долговъ — слушатели Петровской Академіи—собрались въ квартирѣ Долгова, куда подъ конецъ вечера подошелъ Ивановъ, также слушатель Академіи (впослѣдствіи убитый), и здѣсь стали обсуждать предложенія Нечаева объ устройствѣ общества съ цѣлію пропаганды и агитаціи; затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, когда Нечаевъ навербовалъ въ Академіи уже достаточное количество членовъ, онъ составилъ правила—на основаніи которыхъ должны были собираться кружки — „общія правила организаціи“, нѣсколько экземпляровъ которыхъ, кромѣ розданныхъ другимъ членамъ Нечаевымъ, хранились у него, Успенскаго; онъ же сталъ вносить въ особый листъ имена тѣхъ, кто въ это время составилъ уже кружки, какъ-то: Кузнецовъ, Ивановъ, Долговъ и друг. Вслѣдъ затѣмъ ему, Успенскому, предложено было тѣмъ же Нечаевымъ сдѣлаться членомъ кружка, но поставленнаго выше другихъ, т. е. составить отдѣленіе, въ члены котораго Нечаевъ выбралъ Прыжова, Алексѣя Кузнецова и Иванова и, для этого онъ, Успенскій, собралъ ихъ въ своей квартирѣ 8-го октября, и тутъ они прочитали уже правила „для отдѣленій“, послѣ чего каждый изъ нихъ избралъ себѣ извѣстный родъ дѣятельности. Такъ Алексѣй Кузнецовъ взялъ на себя дѣятельность въ кругу средняго класса купцовъ, Ивановъ взялъ на себя вѣдѣніе Академіи, Прыжовъ заявилъ желаніе работать въ низшихъ слояхъ общества, среди такъ называемой преступной части общества, въ трущобахъ, лавочкахъ, подземельяхъ и проч., а онъ, Успенскій, по порученію Нечаева, сдѣлался представителемъ отдѣленія. На его обязанности лежало храненіе адресовъ, веденіе кассы, сношенія съ комитетомъ, пріемъ разныхъ лицъ, которыя имѣли пріѣзжать изъ другихъ городовъ, и составленіе протоколовъ собраній; кромѣ того онъ, Успенскій, долженъ былъ сноситься съ Долговымъ, приносившимъ ему каждое воскресенье отчеты о дѣятельности кружковъ, которое онъ, въ свою

очередь, передавалъ на обсужденіе въ собранія членовъ отдѣленія. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи дѣятельность отдѣленія и его, Успенскаго, заключалась въ разрѣшеніи разныхъ затрудненій, встрѣчаемыхъ кружками, разрѣшеніи, дававшемся обыкновенно на бланкахъ съ печатью, которыя Успенскій вручалъ послѣ отчета Долгову. Подобныя бланки печатались имъ, Успенскимъ, Прыжовымъ и Нечаевымъ, причемъ на нихъ писались порученія въ родѣ: „предполагается вамъ познакомиться съ такимъ-то“ или „предполагается вамъ вѣрить подателю сего“ и т. п., а внизу каждой приписывалось: „по прочтеніи сжечь немедленно“ ;сколько разошлось всѣхъ бланокъ Успенскому неизвѣстно, но онъ знаетъ, что Нечаевъ бралъ два раза у него по сту штукъ и куда-то ихъ относилъ, да у него должны были остаться сто штукъ.

Далѣе Успенскій объяснилъ, что когда такимъ образомъ дѣятельность кружковъ и отдѣленія установилась окончательно, то собранія происходили послѣдовательно 11-го, 25-го октября и 4-го ноября, предметомъ которыхъ было обсужденіе дѣйствій разныхъ членовъ и введеніе новыхъ лицъ въ общество; дѣйствія же членовъ заключались въ увеличеніи средствъ кассы, какъ напр., Алексѣемъ Кузнецовымъ принесены были сначала 100 руб. сер., а всего—болѣе 275 р.; Бѣляевою, вошедшую уже въ это время въ общество—1 р., и образованіи особаго склада платья, заведеннаго въ квартирѣ Кузнецова, куда Прыжовъ представилъ монашескій костюмъ, Николаевъ—крестьянскій, Нечаевъ — офицерскій. Кромѣ того члены предпринимали поѣздки въ разныя мѣста, какъ напримѣръ, Прыжовъ — въ Тулу, онъ, Успенскій — въ Нижній-Новгородъ, гдѣ вручилъ прокламацію нѣкоему Попкову, съ цѣлью склонить его къ вступленію въ общество. О результатахъ этихъ поѣздокъ разсуждалось въ собраніяхъ. Далѣе обсуждались способы воспользоваться начавшимся въ то время волненіемъ въ Московскомъ Университетѣ (такъ называемою полунинскою исторіею), для чего Кузнецовъ и Прыжовъ знакомились съ недовольными студентами, другіе же члены должны были посѣщать студенческія сходки. Нечаевъ же въ это время составилъ прокламацію подъ заглавіемъ: „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, на экземплярахъ которой Нечаевъ вытиснулъ, съ помощью переданнаго ему Успенскимъ еще въ началѣ октября мѣсяца печатнаго шрифта, слова: „Русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза. Бланки для публики“—и затѣмъ экземпляры ея были розданы по кружкамъ, такъ напримѣръ, имъ Успенскимъ, переданы были Долгову и студентамъ; вообще ихъ разошлось штукъ тридцать—сорокъ. Наконецъ, заботою представляемаго имъ отдѣленія было еще составленіе отчета о дѣятельности общества, который, по словамъ Нечаева, долженъ былъ быть отправленъ за границу и который составилъ онъ, Успенскій, съ Нечаевымъ; отчетъ этотъ должны были везти Прыжовъ и Бѣляева, съ тѣмъ чтобы привезти изъ-за границы прокламаціи; но такъ какъ поѣздка не состоялась, то отчетъ остался у него, Успенскаго, въ магазинѣ.

Разъясняя такимъ образомъ исторію образованія тайнаго общества, Успенскій относительно цѣли этого общества и смысла и значенія кружковъ высказался такъ: „прежде всего о цѣли никогда ясно не говорилось, и я былъ бы въ большомъ затрудненіи, если бы мнѣ пришлось формулировать эту цѣль категорично. Разговоровъ спеціально посвященныхъ этому, никогда не бывало, и цѣль эта скорѣе подразумѣвалась, чѣмъ была постановлена прямо, но все-таки этою подразумѣваемою цѣлью было произвести возмущеніе. Я не хочу этимъ сказать, что этой цѣли и служили непосредственно кружки; нѣтъ, они служили ей, но только косвенно; на ихъ долю должна была выпасть такъ называемая „подготовительная работа“. Самое же движеніе, сколько я могъ понять изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ фразъ Нечаева, должно было начаться среди народа и именно послѣ прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ . . . . Слова 19-го февраля 1870 г., вырѣзанныя на печати, именно и указываютъ на желаніе воспользоваться народнымъ движеніемъ, которое должно явиться само, просто въ силу ихъ тяжелаго положенія. Роль же кружковъ во всей этой исторіи должна была заключаться, первое время, въ подготовительной работѣ, т. е., вскопленіи капиталовъ, въ направленіи общественнаго мнѣнія, въ поддержаніи агитаціи, какъ сказано въ правилахъ и т. д.

Въ заключеніе Успенскій подтвердилъ все сказанное имъ при дознаніи относительно участія его въ убійствѣ Иванова, причемъ, упоминая между прочими подробностями дѣла о башлыкѣ, который былъ взятъ передъ убійствомъ Алексѣемъ Кузнецовымъ у товарища своего Климина и оставленъ на мѣстѣ убійства, добавилъ, что на другой день убійства пришелъ къ нему на домъ Николаевъ и показалъ бланку, приготовленную для Климина, слушателя Петровской Академіи, считавшагося уже въ то время членомъ общества, въ которой говорилось, чтобы Климинъ никому, никогда и нигдѣ не упоминалъ о башлыкѣ, оставшемся на мѣстѣ убійства.

II. Обвиняемый купеческій сынъ, онъ же слушатель Петровской земледѣльческой академіи, Алексѣй Кузнецовъ на допросахъ 7-го января, 23-го февраля, 11-го и 30-го мая и въ особомъ заявленіи послѣ окончанія слѣдствія подтвердилъ сознаніе свое, данное при дознаніи, какъ въ принадлежности къ тайному обществу, такъ и въ участіи въ убійствѣ Иванова, причемъ передалъ обстоятельства, при которыхъ совершалось это преступленіе, въ главныхъ чертахъ согласно съ показаніями обвиняемаго Успенскаго; но кромѣ того Кузнецовъ объяснилъ еще и тѣ событія, которыя

слѣдовали за совершеніемъ убійства Иванова и въ которыхъ обвиняемый Успенскій уже не участвовалъ. На другой день послѣ убійства Иванова—объяснилъ Кузнецовъ—именно 22-го января, онъ, вмѣстѣ съ Нечаевымъ (который былъ извѣстенъ тогда ему подъ именемъ Ивана Петровича) выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, такъ какъ еще въ началѣ ноября мѣсяца онъ, Кузнецовъ, въ Москвѣ отъ Нечаева же получилъ на бланкѣ приказаніе комитета отправиться съ извѣстнымъ лицомъ въ Петербургъ. Пріѣхавши сюда 23-го ноября, онъ, по приказанію Нечаева, отправился къ разнымъ лицамъ частью для того, чтобы узнать, дома ли они, и затѣмъ ввести туда Нечаева, частью же для того, чтобы пріобрѣтать, по возможности, новыхъ членовъ въ тайное общество. Такъ, онъ былъ у нѣкоей Воронцовой, которая еще при проѣздѣ своемъ черезъ Москву была рекомендована Нечаеву, какъ могущая принять участіе въ обществѣ, княземъ Черкезовымъ, состоявшимъ уже въ обществѣ; былъ у двухъ братьевъ и сестры Лихутиныхъ, къ которымъ послалъ его Нечаевъ и въ одномъ изъ которыхъ, именно въ старшемъ братѣ, Иванѣ Лихутинѣ, узналъ того самаго офицера, который пріѣзжалъ въ Москву на собраніе ихъ центральнаго кружка въ качествѣ ревизора отъ комитета; ходилъ нѣсколько разъ къ слушателю Технологическаго Института Константину Рослякову, у котораго пребывалъ Нечаевъ, чтобы отдавать послѣднему отчетъ въ розысканіи или нерозысканіи тѣхъ личностей, къ которымъ посылалъ его Нечаевъ. Когда же потомъ Нечаевъ перебрался отъ Рослякова въ Лѣсной Корпусъ, въ казенное зданіе, къ одному изъ слушателей Земледѣльческаго Института, то Кузнецовъ получилъ отъ него приказаніе заняться обращеніемъ въ общество двухъ студентовъ института Топоркова и Святскаго, подготовленныхъ уже Нечаевымъ, вслѣдствіе чего онъ, Кузнецовъ, прочелъ имъ правила общей организаціи, далъ списать стихотвореніе „Студентъ“, и по три экземпляра „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, которые они должны были разбросать на имѣющемъ быть собраніи студентовъ; кромѣ того вручена была имъ особая азбука, посредствомъ которой должны были писаться отчеты о ихъ дѣятельности какъ новыхъ членовъ; потомъ, передъ отъѣздомъ своимъ обратно въ Москву, Нечаевъ вручилъ Кузнецову запечатанный конвертъ, въ которомъ заключалось приказаніе отъ комитета хранить всѣ бумаги до возвращенія № 2.664 (подъ этимъ нумеромъ подразумѣвался самъ Нечаевъ); бумаги же состояли изъ четырехъ конвертовъ, въ которыхъ, въ свою очередъ, были положены извѣстныя уже синія бланки съ топорами, листъ съ разными фамиліями петербургскихъ знакомыхъ Нечаева и съ выставленными противъ этихъ фамилій разными условными знаками, выражающими характеристику извѣстныхъ лицъ. Этотъ листъ предназначался, какъ будто бы комитетомъ, всѣмъ новымъ членамъ общества для руководства при составленіи въ Петербургѣ 9-го отдѣленія организаціи; далѣе въ тѣхъ же пакетахъ находилась прокламація Нечаева къ студентамъ, прокламація Бакунина, печатное стихотвореніе Огарева „Студентъ“, въ которомъ воспѣвается Нечаевъ, и еще написанный особымъ шрифтомъ приказъ комитета объ отправленіи въ Петербургъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что въ Петербургѣ № 2.664 можетъ обратиться за нужными свѣдѣніями къ нѣкоему Артусу, подъ которымъ, какъ объяснилъ Нечаевъ Кузнецову, слѣдовало разумѣть инженера Михайлова. Объясняя все изложенное, Кузнецовъ добавилъ, что означенные пакеты и бумаги съ прибавленіемъ къ нимъ бывшихъ у него по одному экземпляру: „Общія правила организаціи“ и „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, онъ по отъѣздѣ Нечаева, именно 2-го декабря, передалъ пріѣхавшему въ то время изъ Москвы въ Петербургъ князю Варлааму Черкезову для того, чтобы онъ въ свою очередь, передалъ ихъ на храненіе въ извѣстное ему Черкезову, мѣсто, а адресъ этого мѣста принесъ бы Кузнецову, но на другой день, именно со 2 на 3 декабря, онъ былъ арестованъ и адреса не получилъ.

Затѣмъ, разъясняя участіе свое въ образованіи въ Москвѣ тайнаго общества, Кузнецовъ заявилъ, что дѣйствительно онъ принесъ въ кассу общества болѣе 200 р. сер.; что онъ уговаривалъ князя Черкезова, прикащика магазина Черкесова Скипскаго, брата своего Семена Кузнецова и братьевъ Рязанцевыхъ (слушателей Академіи) вступить въ члены общества; что онъ образовалъ у себя складъ костюмовъ; что, заботясь о наибольшемъ пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ для общества, онъ составилъ особые листы съ надписью: „въ пользу пострадавшихъ“ и предлагалъ ихъ многимъ частнымъ лицамъ, прося пожертвованій въ пользу будто бы бѣдныхъ студентовъ.

Относительно участія своего въ убійствѣ Иванова, Кузнецовъ, подтверждая все сказанное Успенскимъ, прибавилъ, что когда Ивановъ былъ убитъ, Нечаевъ обыскалъ трупъ, причемъ вынулъ изъ кармана портмоне съ деньгами, какія то бумажки и снялъ пальто, и что онъ, Кузнецовъ, возвращаясь уже домой, разбросалъ на дорогѣ переданныя ему Нечаевымъ деньги Иванова, а придя къ себѣ въ квартиру куда собрались всѣ участвовавшіе въ убійствѣ, онъ сжегъ въ топившейся печкѣ свою окровавленную рубашку, бывшую во время убійства на Нечаевѣ, шапку Иванова, захваченную Нечаевымъ вмѣсто своей и вышеупомянутыя бумажки.

Наконецъ, цѣль тайной организаціи вообще и назначеніе кружковъ въ частности Кузнецовъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ: „цѣль кружковъ организаціи была двоякая: одни члены должны были вербовать людей въ общество, чрезъ посредство которыхъ должны были увеличиваться силы и средства общества, а другіе кружки

составлялись изъ людей, которыхъ брали частью изъ прежде составленныхъ кружковъ, частію набирались изъ новыхъ людей; назначеніе послѣднихъ было дѣйствовать на народъ непосредственно. Вообще вопросъ о томъ, что будетъ послѣ возстанія, Иваномъ Петровичемъ не разъяснялся, онъ указывалъ только на необходимость энергично работать въ кружкахъ, не задаваясь мыслью о томъ, что сдѣлаетъ впередъ самъ народъ; 1870 годъ имѣлъ въ его глазахъ главнымъ образомъ значеніе опредѣленной точки отправленія; положеніе же 19-го февраля и толки въ литературѣ давали поводъ представить ему для насъ эту точку отправленія невозможною. Для тѣхъ же, кто этому не вѣрилъ, онъ указывалъ на 1870 годъ какъ на средство заставить энергичнѣе работать". При обыскѣ у Кузнецова въ квартирѣ его въ Петербургѣ, 3-го декабря 1869 года, между прочимъ, найдены: а) 14 рекомендательныхъ писемъ, взятыхъ Кузнецовымъ отъ Успенскаго и Нечаева передъ поѣздкою въ Петербургъ изъ Москвы 22-го ноября 1869 года; б) вспомогательная книжка изъ сельскихъ хозяевъ, въ коей значутся разные замѣтки о днѣ и о часѣ собранія кружковъ и адреса разныхъ лицъ, къ которымъ Кузнецовъ обращался въ качествѣ члена тайнаго общества и, кромѣ того, ключъ къ шифру; и в) телеграмма изъ Москвы въ Петербургъ, отъ 4-го декабря, въ коей говорится о полученіи его денегъ; подписана „Кинявскій" (имя, которымъ назывался Нечаевъ).

III. Задержанный 27-го ноября 1869 года обвиняемый, отставной коллежскій секретарь Иванъ Гавриловъ Прыжовъ въ показаніяхъ своихъ объяснилъ, что, не отрицая участія своего въ образованіи тайнаго общества и въ совершеніи убійства надъ Ивановымъ съ фактической стороны, онъ, однако жъ, не можетъ признать нравственнаго, обдуманно-сознательнаго участія своего въ этихъ преступленіяхъ, такъ какъ дѣйствовалъ постоянно подъ вліяніемъ хитрости и обмана Нечаева, извѣстнаго ему подъ именемъ Павлова. Тѣмъ не менѣе въ разсказѣ своемъ Прыжовъ не отрицаетъ ни одного факта, заявленнаго обвиняемыми Успенскимъ и Кузнецовымъ, и прибавляетъ слѣдующее: узналъ онъ Нечаева подъ именемъ Петрова, или Павлова, въ началѣ августа, (по дѣлу видно, что Прыжовъ ошибается, указывая на августъ вмѣсто сентября) 1969 года, когда къ нему, однажды утромъ, пришелъ какой то неизвѣстный сербъ съ письмомъ отъ знакомаго ему Каравелова, живущаго въ Бухарестѣ, гдѣ говорилось, что къ нему, Прыжову, явится какой-то агитаторъ, и вмѣстѣ съ сербомъ пришло неизвѣстное лицо по имени Петровъ, или Павловъ, съ запискою отъ Успенскаго. Послѣ нѣкоторой бесѣды съ Павловымъ послѣдній сталъ приглашать его принять на себя организацію низшаго класса городскихъ населеній, именно: дворниковъ, извощиковъ, хлѣбниковъ, почтальоновъ и др., и, кромѣ того, составить изъ всѣхъ его московскихъ знакомыхъ кружокъ съ цѣлію сдѣлать ихъ агентами народнаго движенія въ разныхъ губерніяхъ. Прыжовъ отъ всего этого отказался; но тутъ же, по просьбѣ Павлова, набросалъ на клочкахъ бумаги нѣсколько прокламацій къ вольнымъ женщинамъ, чиновникамъ и къ Малороссіи. Одна или, лучше сказать, нѣкоторыя мысли одной прокламаціи вошли въ напечатанную затѣмъ въ Женевѣ и присланную Нечаевымъ въ Россію въ числѣ многихъ другихъ прокламацій подъ названіемъ „До громады". Далѣе Прыжовъ объясняетъ, что собственно членомъ организаціи онъ не былъ, но исполнялъ безпрекословно разныя порученія Павлова и „отдѣленія"; такъ онъ ѣздилъ въ село Иваново, Владимірской губерніи, къ проживающему тамъ купцу Зубкову, съ цѣлью напомнить ему объ обѣщанныхъ послѣднимъ Нечаеву 10.000 р., но не былъ Зубковымъ принятъ, ѣздилъ также въ Тулу, по порученію и на деньги Павлова, за мѣщаниномъ Николаевымъ (извѣстнымъ ему тогда подъ именемъ Александра Васильевича), котораго, и доставилъ въ Москву; писалъ, по порученію того же Павлова, письмо въ Петербургъ къ нѣкоей Лихутиной, увѣдомляя ее о смерти Нечаева; досталъ по порученію „отдѣленія", въ одной лавочкѣ за 5 коп. нѣсколько старыхъ паспортовъ и съ этою же цѣлью велъ переговоры съ чиновникомъ Цеховой Управы Ильинскимъ; равнымъ образомъ досталъ отъ знакомаго священника старую рясу, будто бы для бѣднаго священника, и 12 р., подъ видомъ помощи бѣднымъ студентамъ, на самомъ же дѣлѣ и то и другое для „общества"; бывалъ въ собраніяхъ „отдѣленія"; приготовлялъ бланки, прикладывая печать комитета народной расправы, съ топоромъ, къ листамъ почтовой бумаги и, наконецъ изъявилъ готовность ѣхать въ Женеву для представленія Огареву и Бакунину отчета о дѣятельности тайнаго общества. Кромѣ того, Прыжовъ, по его показанію, имѣлъ порученіе дѣйствовать въ средѣ уволенныхъ студентовъ Московскаго Университета, чтобы перенести въ послѣдній то устройство организаціи, которое заведено уже было въ Петровской Академіи, и съ этою цѣлью онъ приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ студентовъ, подъ предлогомъ содѣйствія подпискѣ на пожертвованія въ пользу исключенныхъ, причемъ одному изъ нихъ, Бутурлину, вручилъ стихотвореніе Огарева, посвященное Нечаеву. Затѣмъ, когда у Успенскаго произведенъ былъ обыскъ, онъ, Прыжовъ, поспѣшилъ въ книжный магазинъ Черкесова, гдѣ за печкою согласно заранѣе данному ему Успенскимъ указанію, взялъ какой то пакетъ и сжегъ его; сверхъ того, взялъ нѣсколько пакетовъ съ деньгами и передалъ ихъ на храненіе своей женѣ.

Объясняя конечную цѣль тайнаго общества, Прыжовъ показалъ, что онъ изъ

перваго разговора съ Нечаевымъ уразумѣлъ, что его цѣль была крайне радикальная, но подробностей плана, съ помощью котораго эта цѣль могла быть осуществлена въ дѣйствительности, онъ не зналъ; знаетъ только, что Нечаевъ, предлагая ему ѣхать за границу съ отчетомъ, настоятельно просилъ, чтобы онъ въ Женевѣ никому ни однимъ словомъ не упоминалъ, что дѣлается въ Россіи; но чтобы на всѣ вопросы отвѣчалъ „не знаю“; вмѣстѣ съ тѣмъ Прыжовъ заявилъ, что Нечаевъ, на вопросы его о томъ, что будетъ, если революція сдѣлаетъ свое дѣло, показывалъ ему найденную при обыскѣ у Успенскаго книжечку, напечатанную условнымъ шрифтомъ и давалъ понять, что въ ней заключается конечная цѣль всякаго революціоннаго движенія, такъ что знакомство съ нею должно быть искомою цѣлью всякаго агитатора, прибавивъ тутъ же, что книжечка эта есть знакъ, по которому узнаютъ членовъ комитета.

IV. Обвиняемый, московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ на допросахъ 23-го февраля и 30-го мая, а также и при дознаніи, сознался въ принадлежности своей къ тайному обществу и въ участіи въ убійствѣ слушателя Петровской Академіи Иванова, присовокупивъ къ обстоятельствамъ, разсказаннымъ вышеупомянутыми обвиняемыми, слѣдующее: еще въ началѣ 1869 года, именно въ январѣ мѣсяцѣ, когда онъ проживалъ въ Москвѣ, пріѣхалъ къ нему, Николаеву, изъ Петербурга знакомый его, сельскій учитель с. Иванова, Владимірской губерніи, Владиміръ Орловъ, который сообщалъ, что въ Петербургѣ происходятъ безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и что главнымъ двигателемъ студенческаго волненія былъ близкій знакомый его, Орлова, учитель Сергѣй Нечаевъ, который съ товарищами своими—недовольными какъ и онъ настоящимъ порядкомъ правленія, возымѣли желаніе измѣнить его путемъ революціи; что для этого, какъ говорилъ Орловъ, нужно сначала подготовить народъ, а подготовить его можно только тогда, когда въ средѣ его будутъ работать развитые люди, и вотъ, съ этою то цѣлью, Нечаевъ и его товарищи подняли движеніе между студентами, предвидя, что большинство ихъ разошлютъ по всѣмъ концамъ Россіи; черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ въ Москву Нечаевъ, и такъ какъ, по словамъ его, онъ былъ преслѣдуемъ полиціею, то сначала Орловъ передалъ ему свой паспортъ для побѣга за границу, а когда съ этимъ паспортомъ, выданнымъ только на проживаніе въ Россіи, бѣжать оказалось неудобнымъ, то онъ, Николаевъ, уступая просьбамъ Нечаева и Орлова, выхлопоталъ на свое имя заграничный паспортъ 3-го марта 1869 года и передалъ его Нечаеву, который и уѣхалъ за границу на деньги 200 руб. сер., привезенные ему Орловымъ изъ с. Иванова. Затѣмъ, онъ, Николаевъ, не имѣя ни вида, ни пристанища, странствовалъ то во Владимірскую губернію изъ Москвы, то обратно, пока, наконецъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, не основалъ своего мѣстожительства въ г. Тулѣ, куда пріѣхалъ изъ Москвы съ взятымъ посредствомъ обмана у мѣщанина Александра Бѣлкова паспортомъ и гдѣ опредѣлился плотникомъ въ одной плотничной артели. Передавая свои похожденія въ продолженіе этого времени, т. е., отъ начала марта, когда онъ передалъ Нечаеву свой паспортъ, и до средины іюля мѣсяца 1869 года, когда онъ прибылъ въ Тулу, Николаевъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ 3-го марта, сложивъ свои вещи у Успенскаго, отправился съ данною ему Орловымъ запискою къ студенту Московскаго Университета Маврицкому, жившему тогда во Владимірской губерніи, въ селѣ, недалеко отъ Шуйско-Ивановской желѣзной дороги, который и позволилъ ему пробыть нѣкоторое время у него; 20-го марта къ этому Маврицкому прибылъ изъ Петербурга студентъ Медицинской Академіи Михаилъ Коринѳскій, также съ запискою отъ Орлова, и сказалъ, что такъ какъ его тоже преслѣдуетъ полиція, то онъ намѣренъ достать крестьянскій паспортъ и идти работать въ народѣ; что Орловъ ему поручилъ съѣздить въ с. Иваново и завести тамъ знакомство съ людьми, извѣстными уже Орлову какъ годными къ пропагандѣ. Вслѣдствіе этого онъ, Николаевъ, на другой день отправился съ Коринѳскимъ въ с. Иваново и остановился у тамошняго библіотекаря Ивана Флоринскаго. Къ послѣднему Николаевъ потомъ заходилъ не разъ самъ и разсказалъ ему о передачѣ имъ своего паспорта Нечаеву, вслѣдствіе чего Флоринскій, во вниманіе къ его бѣдственному положенію, написалъ записку къ ивановскому купцу Зубкову о ссудѣ его, Николаева, деньгами, и онъ дѣйствительно получилъ 15 р. сер. Затѣмъ, уже находясь въ Тулѣ, онъ писалъ изъ своихъ знакомыхъ только къ Флоринскому и потому полагаетъ, что Нечаевъ по пріѣздѣ въ Россію могъ узнать о мѣстѣ его пребыванія отъ Флоринскаго. Такимъ образомъ въ Тулѣ онъ прожилъ до 20-го октября, когда къ нему пріѣхалъ Прыжовъ, котораго онъ зналъ прежде и который, приглашая его съ собою въ Москву, сказалъ, что тамъ затѣвается одно дѣло въ широкихъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего онъ въ тотъ же день и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь, увидавъ въ квартирѣ Успенскаго Нечаева, онъ услыхалъ отъ послѣдняго, что онъ прибылъ въ Россію изъ-за границы, потому что теперь настало время работать въ томъ духѣ, какъ высказывалъ онъ, Нечаевъ, прежде, т. е. „организовать молодежь съ цѣлью работать въ народѣ, вести въ немъ пропаганду и поднять его“. Далѣе, разъясняя свое участіе въ начавшемся затѣмъ образованіи кружковъ—участіе, состоявшее въ томъ, что Николаевъ переписывалъ прокламаціи „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“ на бланкахъ, на которыхъ значилось печатными буквами: „Всемір-

ный революціонный комитетъ. Русскій отдѣлъ. Бланка для публики",—переписывалъ „правила организаціи", бывалъ на собраніяхъ членовъ кружковъ, передавалъ, будто бы отъ имени комитета, бланки съ приказаніемъ, какъ напр., слушателю Петровской Академіи Рипману, спряталъ типографскій шрифтъ, данный ему Нечаевымъ, разъясняя вообще подробности дѣятельности общества, согласно съ заявленіями, данными обвиняемыми Успенскимъ, Кузнецовымъ и Прыжовымъ — Николаевъ прибавляетъ, что онъ не оставлялъ своей дѣятельности и послѣ отъѣзда Нечаева съ Кузнецовымъ въ Петербургъ и даже послѣ ареста Успенскаго; такъ, онъ, на другой день послѣ убійства Иванова, по порученію Успенскаго, купилъ синей мастики съ подушечкою для печатанія бланокъ „народной расправы", написалъ подъ диктовку Успенскаго бланку для Климина, предупреждающую послѣдняго на счетъ строгаго молчанія о башлыкѣ его, оставшемся на мѣстѣ убійства, и самъ снесъ ее Климину, затѣмъ, взявъ деньги у Прыжова и другаго члена общества Коведяева, отправился въ Петербургъ съ цѣлью предупредить Нечаева и Кузнецова объ арестѣ Успенскаго, но, не заставъ уже Нечаева въ Петербургѣ, вернулся въ Москву; отсюда съ Нечаевымъ ѣздилъ въ Тулу для подговора нѣкоей Александровской ѣхать съ Нечаевымъ заграницу, причемъ онъ, Николаевъ, долженъ былъ взять изъ Тулы служанку Александровской, Мартынову, привезти ее въ Москву, нанять тамъ ее именемъ квартиру, которая служила бы притономъ для скрывающихся членовъ общества, что и исполнилъ; потомъ ѣздилъ снова въ Петербургъ, съ цѣлью убѣдить жену поручика Юлію Бобарыкову отправиться, по порученію Нечаева, также за границу, въ Женеву; наконецъ, чрезъ эту же Бобарыкову, прибывшую потомъ въ Москву, написалъ въ Женеву къ Нечаеву записку, въ которой увѣдомлялъ послѣдняго, что два притона (т. е. квартиры въ домѣ Петровой, на Разгуляѣ, и въ домѣ Корчагина, въ Дьяковскомъ переулкѣ) уже готовы и что его, Николаева, разыскиваютъ.

Кромѣ всего вышеизложеннаго Николаевъ далъ еще слѣдующія объясненія: за недѣлю до масляницы 1869 года, въ то время, когда жилъ у него вышеупомянутый учитель с. Иванова Владиміръ Орловъ, къ послѣднему пріѣхалъ изъ Петербурга знакомый его, кандидатъ правъ Петръ Ткачевъ съ мѣщанкою Дементьевою: познакомивъ Николаева съ пріѣзжими, Орловъ сказалъ ему, что Дементьева привезена Ткачевымъ для того, чтобы найти ей жениха, а это нужно, въ свою очередь, для того, чтобы получить право располагать деньгами Дементьевой для устройства подпольной типографіи съ цѣлью печатанія въ ней разныхъ нецензурныхъ сочиненій; до совершенія же брака трудно было добыть принадлежащія Дементьевой деньги, такъ какъ онѣ находились у опекуна. Объяснивъ ему это, Орловъ сталъ просить его жениться на Дементьевой, съ тѣмъ чтобы немедленно разойтись съ нею, и онъ, Николаевъ, согласился, выхлопоталъ уже себѣ позволеніе эпархіальнаго начальства, но обвѣнчаться не успѣлъ, такъ какъ прибыли они, т. е. онъ, Орловъ, Ткачевъ и Дементьева, слишкомъ поздно, въ послѣдній день передъ масляницею, на мѣсто вѣнчанія, и причтъ имъ отказалъ. Далѣе Николаевъ прибавляетъ, что когда онъ, послѣ предпринятаго имъ по отъѣздѣ Ткачева, Орлова и Дементьевой изъ Москвы путешествія, пришелъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1869 года, обратно въ Москву къ Успенскому, то послѣдній говорилъ ему, что Ткачевъ арестованъ за написаніе прокламаціи „Къ обществу", и что печатаніе этой прокламаціи производилось въ типографіи Дементьевой. Признавая затѣмъ всѣ относящіяся къ его участію подробности убійства Иванова, Николаевъ объяснилъ, что портмоне у убитаго Иванова вытащилъ онъ, и что, кромѣ прокламаціи и бланки для сбора денегъ въ пользу „страдающихъ студентовъ", ничего въ немъ не нашли, разсчитывали же найти деньги.

V. По поводу всѣхъ этихъ разъясненій, сдѣланныхъ обвиняемыми Успенскимъ и Николаевымъ, привлеченъ былъ къ дѣлу, въ качествѣ обвиняемаго, задержанный въ іюнѣ мѣсяцѣ 1869 года, по распоряженію III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, сельскій учитель с. Иванова, Владимірской губерніи, Владиміръ Орловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ произведены были новые обыски въ московскомъ книжномъ магазинѣ Черкесова, которымъ завѣдывалъ Успенскій, причемъ: a) по обыску 7-го января 1870 года найдены на чердакѣ забытые въ землю девяносто пять экземпляровъ полулистовъ почтовой бумаги съ оттискомъ въ видѣ овальной печати съ надписью вокругъ: „комитетъ народной расправы 19 февраля 1870 года" и съ изображеніемъ топора въ срединѣ и, кромѣ того, жестяная коробка съ подушкою и пузырькомъ синихъ чернилъ; b) по обыску 11 января 1870 года въ жерловой трубѣ найденъ свинцовый сборъ литеръ въ 7 строкъ и при нихъ таковой же сборъ въ одну строку, изъ коихъ 7 строкъ составляютъ слова: Русскій отдѣлъ всемірнаго революціоннаго союза. Бланка для публики; c) по обыску 12-го и 13-го января въ числѣ разныхъ бумагъ найдены двѣ рукописи: изъ нихъ первая на двухъ листахъ почтовой бумаги, безъ подписи, содержаніе которой составляетъ послѣдовательное развитіе революціонной пропаганды, начиная съ весны 1869 года и оканчивая весною 1870 года, когда, по словамъ рукописи, должно быть народное возстаніе, а вторая, также на двухъ листахъ болѣе мелкаго шрифта, состоитъ изъ ряда замѣтокъ, относящихся къ вопросу о политическихъ переворотахъ: наконецъ d) при обыскѣ 10-го февраля, между прочимъ, найденъ заклеенный наглухо конвертъ безъ адреса и въ немъ четвертушка поч-

товой бумаги съ словами: „12-го мая 1869 года № 1. Податель сего есть одинъ изъ довѣренныхъ представителей русскаго отдѣла Всемірнаго революціоннаго союза. 2771“ и, кромѣ того, на этой же запискѣ вытиснена овальной формы печать синей краски съ надписью на французскомъ языкѣ: „alliance révolutionnaire européenne. Comité générale“; при этомъ же обыскѣ, въ пространствѣ между домомъ магазина и сосѣднимъ, въ стѣнѣ, въ щели между двумя кирпичами, найдена мѣдная овальная печать съ изображеніемъ въ срединѣ топора и съ надписью кругомъ: „Комитетъ народной расправы 19 февраля 1870 г.“.

VI. Спрошенный относительно найденныхъ вещей, обвиняемый Успенскій, признавая печать, жестяную коробку, сборъ литеръ и бланки за тѣ самые, которые были въ употребленіи въ тайномъ обществѣ, объяснилъ, что и вышеупомянутый бланкъ съ французскою надписью, писанный рукою Бакунина, тотъ самый, о которомъ онъ показывалъ какъ объ оставленномъ у него Нечаевымъ на случай предъявленія подобнаго же бланка лицомъ, могущимъ явиться въ качествѣ ревизора; относительно же найденныхъ у него рукописей, въ числѣ другихъ бумагъ, показалъ, что бумаги эти принадлежатъ не ему, а нѣкоей Антоновой и дворянину Волховскому, и отданы ими на сохраненіе сначала Прыжову, а потомъ ему; онъ же, не разбирая ихъ, положилъ на то мѣсто, въ магазинѣ, гдѣ онѣ и найдены, такъ что содержаніе двухъ вышеупомянутыхъ рукописей ему вовсе незнакомо.

VII. Привлеченный, какъ сказано выше, къ слѣдствію сынъ священника и бывшій сельскій учитель Владиміръ Орловъ показалъ, что, въ концѣ 1868 года, онъ изъ с. Иванова прибылъ въ Петербургъ, съ цѣлію опредѣлиться въ Университетъ, и тутъ остановился у знакомаго своего и земляка, учителя приходскаго училища Сергѣя Нечаева. Въ то время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ начались уже безпорядки, и онъ, по предложенію Нечаева, сталъ посѣщать студенческія сходки, собиравшіяся не помнитъ у кого, но помнитъ только, что онъ былъ и у кандидата правъ Петра Ткачева, съ которымъ его познакомилъ Нечаевъ. У Нечаева также собирались иногда студенты, и когда послѣдніе заводили рѣчь о томъ, чтобы образовать кружки по пяти и десяти человѣкъ для осуществленія образовательныхъ и другихъ полезныхъ предпріятій, то Нечаевъ замѣчалъ, что образованіе кружковъ вещь полезная, но не для тѣхъ цѣлей, а для объединенія студентовъ; болѣе ясно онъ мысли своей не высказывалъ. Не имѣя возможности долго оставаться въ Петербургѣ, за истеченіемъ срока паспорту, Орловъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года, выѣхалъ на родину и, проѣзжая Москву, остановился тамъ у знакомаго своего по селу Иванову мѣщанина Николаева; въ Москвѣ же онъ познакомился, съ помощію даннаго ему въ Петербургѣ вышеупомянутымъ Ткачевымъ рекомендательнаго письма, съ Успенскимъ, а чрезъ него и съ дворяниномъ Волховскимъ, на котораго также Ткачевъ указывалъ въ своемъ письмѣ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда въ Москву туда же прибылъ изъ Петербурга Нечаевъ, который, увѣривъ его, что бѣжалъ изъ крѣпости, гдѣ былъ задержанъ за студенческую исторію, выманилъ у него паспортъ и съ нимъ уѣхалъ въ Кіевъ, чтобы затѣмъ черезъ Одессу уѣхать за границу; затѣмъ, вскорѣ по отъѣздѣ Нечаева, въ Москву прибылъ Ткачевъ съ Дементьевою. Еще раньше въ Петербургѣ, Ткачевъ предлагалъ ему, Орлову, жениться для проформы на Дементьевой, для того, чтобы она имѣла право распорядиться деньгами, хранившимися въ кредитномъ установленіи; деньги же, какъ говоритъ Орловъ, нужны были для общества взаимнаго или страхованія, или воспомоществованія, которое хотѣлъ образовать Ткачевъ, но онъ, Орловъ, находясь въ Москвѣ послѣ выдачи своего паспорта Нечаеву увидѣлъ невозможность жениться и увѣдомилъ объ этомъ письмомъ Ткачева, указавъ на Николаева. Вслѣдствіе этого письма, онъ полагаетъ, Ткачевъ и пріѣхалъ въ Москву и обратился къ Николаеву. Послѣ неудачи Ткачевъ съ Дементьевою уѣхали въ Петербургъ, а въ Москву въ это время возвратился изъ Одессы Нечаевъ, объяснившій что его было задержали, но онъ ушелъ и теперь хочетъ достать себѣ заграничный паспортъ; паспортъ вскорѣ, какъ извѣстно, досталъ ему Николаевъ; покуда же Нечаевъ былъ въ Москвѣ, онъ, Орловъ, познакомилъ его, подъ именемъ Павлова съ Успенскимъ, былъ съ нимъ также у студента Лопатина, у котораго въ то время были Волховскій и Антонова, причемъ Нечаевъ говорилъ о пользѣ и необходимости протестовъ со стороны студентовъ. Когда потомъ Нечаевъ уѣзжалъ, уже 4-го марта, за границу, то, разставаясь съ нимъ, Орловымъ, высказалъ ему свое намѣреніе поднять народъ къ возстанію, причемъ опредѣлялъ даже время,—Орловъ не помнитъ какое, но помнитъ только, что очень непродолжительное. Нечаевъ хотя и не передавалъ ему плана своихъ дѣйствій, но говорилъ, что необходимо дѣйствовать въ этомъ направленіи на семинаристовъ, какъ людей, ближе стоящихъ къ народу, что люди, посвятившіе себя этой дѣятельности, будутъ переѣзжать съ агитаціонною цѣлію изъ города въ городъ; при этомъ фамилій не называлъ, а говорилъ только, что люди есть и просилъ его, Орлова, содѣйствовать, на что онъ и согласился, побуждаемый личными интересами, ѣхать въ Петербургъ, куда его влекла, какъ говоритъ Орловъ, любовь къ одной женщинѣ. Никакихъ особыхъ инструкцій Нечаевъ ему, Орлову, не давалъ, а рекомендовалъ только отправиться въ Петербургъ и поддерживать тамъ студенческое движеніе, причемъ вручилъ

ему десять или пятнадцать адресовъ разныхъ личностей, съ которыми слѣдовало познакомиться, какъ съ сочувствующими плану Нечаева; но онъ, Орловъ, фамилій этихъ лицъ, кромѣ одной, кажется Негрескула, не помнитъ, потому что потерялъ эти адресы. Кромѣ всего сказаннаго, Нечаевъ при отъѣздѣ упомянулъ, что паспортъ возвратитъ Николаеву черезъ лицо, которое будетъ прислано изъ-за границы вести дѣло народнаго возстанія.

Такимъ образомъ Орловъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, прибылъ опять въ Петербургъ. Здѣсь онъ остановился у знакомой Нечаева, жены полковника Елизаветы Томиловой, ходилъ на одну студенческую сходку и затѣмъ, дождавшись закрытія Медико-Хирургической Академіи, уѣхалъ изъ Петербурга, но передъ отъѣздомъ оставилъ Томиловой, по ея просьбѣ, двѣ записки, въ которыхъ просилъ своихъ друзей послѣ него довѣрять Томиловой такъ, какъ бы ему самому. Записки эти, доставленныя къ слѣдствію въ копіяхъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, слѣдующаго содержанія: первая—„**Всѣ друзья по дѣлу! Вы, которымъ знакомы имена Нечаева, Ралли, Аметистова и проч., довѣрьтесь во всемъ Томиловой и всѣмъ на кого укажетъ она.** — **Ей переданъ весь планъ нашего дѣла и чрезъ нее Вы найдете и средства и лучшихъ друзей для продолженія нашего дѣла**“. Подписано: „**Орловъ**“; вторая — „**Всѣ друзья мои по дѣлу! Вы, которымъ знакомы имена Ралли, Нечаева и друзей ихъ, довѣрьтесь этой Г-жѣ, какъ вы довѣряли имъ и довѣряете мнѣ. Ей переданъ весь ходъ дѣла, чрезъ нее Вы можете узнать и пользоваться всѣми нашими средствами и всѣми друзьями, которыхъ имѣли мы; я пишу это на случай того, что если я сойду со сцены, то чтобы Вы могли встать въ связь съ тѣмъ, что мы сдѣлали и кого имѣли**“. Подписано: „**Хомутовскій**“. — Томилова, какъ объясняетъ Орловъ, просила эти записки для того, чтобы безъ него она могла поддерживать „намѣреніе Нечаева агитировать“. Самъ же Орловъ уѣзжалъ изъ Петербурга съ тѣмъ, чтобы удалиться, по его словамъ, куда-нибудь подальше и сбросить наконецъ съ себя ту маску агитатора, которую онъ надѣвалъ, подчиняясь вліянію Нечаева, но вовсе ему не сочувствуя. Съ такимъ намѣреніемъ онъ, Орловъ, отправился на югъ Россіи, прожилъ недѣлю Пасхи въ Харьковской губерніи, въ г. Славянскѣ, у знакомыхъ своихъ, братьевъ Аметистовыхъ и отъ нихъ отправился въ землю Войска Донскаго, гдѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1969 года, и былъ задержанъ.

Въ заключеніе Орловъ присовокупилъ, что въ періодъ его перваго пребыванія въ Петербургѣ онъ указалъ Ткачеву на ивановскаго купца Зубкова какъ на человѣка очень денежнаго, вслѣдствіе чего Ткачевъ и обратился къ послѣднему за помощію для общества взаимнаго вспомоществованія; что онъ, Орловъ, получилъ отъ Ткачева и програму этого общества въ тетрадкѣ въ формѣ листа, которую переслалъ библіотекарю въ с. Ивановѣ Флоринскому, для передачи Зубкову, но куда она затѣмъ дѣвалась—ему неизвѣстно; что же касается до предъявленной ему программы революціонныхъ дѣйствій, найденной въ бумагахъ Волховскаго, то онъ ее вовсе не знаетъ.

VIII. Задержанный также по распоряженію III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 16-го Апрѣля 1869 года дворянинъ **Феликсъ Волховскій** на допросахъ при слѣдствіи показалъ, что, состоя въ Московскомъ книжномъ магазинѣ Черкесова библіотекаремъ, онъ познакомился тамъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года, черезъ Успенскаго, съ Орловымъ, который въ свою очередь представилъ ему какого-то студента подъ именемъ Павлова, но чтобы этотъ Павловъ былъ Нечаевъ онъ, Волховскій, не зналъ. Затѣмъ, видѣлся съ Орловымъ нѣсколько разъ; въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ видѣлся въ Москвѣ съ Ткачевымъ, но не имѣлъ съ нимъ никакихъ другихъ отношеній, какъ только передалъ ему посылку изъ московскаго въ петербургскій книжный магазинъ Черкесова.

Не приводя далѣе никакихъ подробностей означенныхъ свиданій своихъ съ Павловымъ (Нечаевымъ), Орловымъ и Ткачевымъ, Волховскій присовокупилъ къ вышесказанному, что во время студенческаго движенія въ Петербургѣ, именно въ мартѣ 1869 года, къ нему явился студентъ Енишерловъ, подъ именемъ Гезецкаго, съ просьбою распространить рукопись подъ заглавіемъ „Къ обществу“, въ которой излагался ходъ студенческой исторіи, и онъ взялъ эту рукопись, но гдѣ-то забылъ.

Относительно найденыхъ при обыскахъ въ московскомъ книжномъ маганѣ Черкесова, отъ 12-го и 13-го января 1870 года, и принадлежащихъ Волховскому бумагъ, именно: рукописи, содержаніе которой состоитъ изъ отрывочныхъ замѣтокъ о способѣ политическихъ переворотовъ вообще и возможности или невозможности таковыхъ въ Россіи, Волховскій объяснилъ слѣдующее: о рукописи, называемой програмой революціонныхъ дѣйствій, сначала замѣтилъ, что она ему положительно незнакома, но такъ какъ въ рукахъ его бывали рукописи, которыхъ онъ не читалъ, то онъ не можетъ ни отрицать, ни утверждать, что и упомянутая рукопись находилась въ числѣ бумагъ его, оставленныхъ имъ въ квартирѣ московской знакомой его мѣщанки Антоновой; потомъ, въ особомъ письменномъ заявленіи, Волховскій относительно этого документа высказалъ другое предположеніе, а именно, что въ постъ, 1869 года, Вла-

димиръ Орловъ, придя однажды въ библіотеку Черкесова въ Москвѣ, вручилъ ему и просилъ его передать нѣкоему Дешукову (нынѣ уже умершему) какую-то рукопись, написанную почеркомъ же Орлова: не заставъ Дешукова, когда заходилъ къ нему, чтобы исполнить просьбу Орлова, онъ, Волховскій, оставилъ рукопись у себя и хотя сначала было потерялъ ее, но потомъ помнитъ, что вышеупомянутая Антонова сказала ему, что нашла ее и сложила къ другимъ его бумагамъ. Сближая теперь два эти обстоятельства, т. е. передачу ему Орловымъ рукописи и находку затѣмъ въ бумагахъ его хотя и неподлинной, но переписанной съ какого-то оригинала рукописи — оригинала, находившагося (какъ показала свидѣтельница Надежда Успенская, о чемъ будетъ сказано ниже) на столѣ, въ квартирѣ Антоновой, у которой онъ, Волховскій, и оставилъ свои бумаги, онъ полагаетъ, что предъявляемая ему программа революціонныхъ дѣйствій есть копія съ оригинальной рукописи, данной ему Орловымъ. Что касается до второго найденнаго документа — изложенія разнаго рода политическихъ переворотовъ, то Волховскій заявилъ, что это есть не болѣе, какъ сдѣланныя его рукою выписки изъ письма, полученнаго вышеназваннымъ знакомымъ Дешуковымъ, неизвѣстно ему, Волховскому, отъ кого, и сдѣланныя съ единственною цѣлію написать опроверженіе противъ тѣхъ неправильныхъ положеній, которыми наполнено письмо но опроверженій этихъ онъ написать не успѣлъ, такъ какъ вскорѣ поступилъ прикащикомъ въ магазинъ Черкесова, что отняло у него все его время.

IX. Арестованный 26-го марта 1869 года, по подозрѣнію въ составленіи появившейся въ мартѣ мѣсяцѣ прокламаціи „Къ обществу", кандидатъ правъ Петръ Ткачевъ, по привлеченіи его къ настоящему дѣлу, показалъ, что онъ съ Нечаевымъ знакомъ не былъ, но былъ ли Нечаевъ у него съ кѣмъ-либо изъ его знакомыхъ или съ Орловымъ—точно не помнитъ, такъ какъ къ нему очень часто обращались молодые люди за работою или вообще просто изъ желанія познакомиться съ нимъ; Орлова же узналъ потому, что въ концѣ января 1869 года Орловъ прямо явился къ нему, рекомендуясь учителемъ школы въ с. Ивановѣ, и сталъ просить доставить одной знакомой ему дѣвушкѣ какую-нибудь работу, а затѣмъ былъ еще раза два или три. Во время этихъ посѣщеній Орловъ говорилъ очень много и о народныхъ школахъ, и объ артеляхъ, и о необходимости для учащейся молодежи образовать для себя кружки; но онъ, Ткачевъ, вообще старался не поддерживать этихъ бесѣдъ, такъ какъ находилъ ихъ потерею времени. Относительно даннаго имъ Орлову рекомендательнаго письма къ Успенскому Ткачевъ объяснилъ, что съ точностію не можетъ сказать, давалъ или не давалъ онъ Орлову такого письма, ибо если и давалъ то единственно ради того, чтобы отвязаться отъ Орлова, но никакъ не имѣлъ намѣренія навязать Успенскому это знакомство, потому что и Успенскаго зналъ мало, а тѣмъ менѣе могъ онъ просить послѣдняго познакомить Орлова съ Волховскимъ и Антоновою, которыхъ вовсе почти не зналъ. Дѣйствительно, въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года, онъ, Ткачевъ, ѣздилъ въ Москву; но цѣлію этой поѣздки было главнымъ образомъ желаніе ознакомиться съ существовавшимъ въ Москвѣ обществомъ присяжныхъ повѣренныхъ для ходатайства въ мировыхъ учрежденіяхъ, въ виду того, что такое же общество предполагалось въ Петербургѣ и онъ былъ приглашенъ писать уставъ его, но при этомъ онъ кстати хотѣлъ попытаться въ Москвѣ обвѣнчаться съ своею невѣстою, мѣщанкою Дементьевою, такъ какъ приближался уже постъ, а въ Петербургѣ не хотѣлъ обходить различныхъ формальностей, сопряженныхъ съ приготовленіемъ къ обряду вѣнчанія. Поэтому онъ захватилъ съ собою Дементьеву, и когда пріѣхалъ съ нею въ Москву, то дѣйствительно происходило все то, что разсказано по этому поводу обвиняемыми Орловымъ и Николаевымъ, но онъ, Ткачевъ, объясняетъ это недоразумѣніемъ съ ихъ стороны, ибо Орлову онъ еще въ Петербургѣ шутя говорилъ о томъ, что есть невѣста съ 15.000 р. приданаго, а Николаеву также шутя въ Москвѣ, что не хочетъ ли онъ жениться, когда между ними шла рѣчь о пріѣхавшей съ нимъ, Ткачевымъ, барынѣ.

Далѣе Ткачевъ заявилъ, что никогда никакого около себя кружка не составлялъ и прокламаціи „Къ обществу" не писалъ, но узналъ, что появилась въ мартѣ мѣсяцѣ такая прокламація изъ „Полицейскихъ Вѣдомостей" и затѣмъ слышалъ отъ одного изъ сотрудниковъ Петербургскихъ Вѣдомостей о полученіи даже въ редакціи подобной прокламаціи. Онъ, Ткачевъ, не зналъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что означенная прокламація напечатана въ типографіи Дементьевой до тѣхъ поръ, пока не сказали ему объ этомъ въ III Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи — не ранѣе, какъ въ октябрѣ 1869 года.

По поводу указанныхъ обвиняемымъ Орловымъ сношеній его съ ивановскимъ купцомъ Зубковымъ Ткачевъ объяснилъ, что дѣйствительно онъ писалъ къ Зубкову, въ концѣ февраля и въ началѣ марта 1869 года, три письма, въ которыхъ просилъ дать ему взаймы 1000 р., имѣя въ виду вложить ихъ въ кассу предполагавшагося имъ „общества взаимнаго вспомоществованія", но ни на одно не получилъ отвѣта. При обыскѣ у Ткачева, произведенномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, между прочимъ найдены рукописный разсказъ, въ видѣ бесѣды, двухъ солдатъ Бокова и Трофимова о казни государственнаго преступника Каракозова и пять писемъ къ Ткачеву дѣвицы Евреиновой (жившей въ то время въ Петергофѣ), которая говоритъ

о какомъ-то дѣлѣ и выражается въ одномъ мѣстѣ такъ: „Къ намъ, въ Петергофъ, переѣзжаютъ сегодня царствующіе. Остаются они недолго. Не нужно ли учинить какихъ справокъ? Вы теперь знаете, что я предана только одному дѣлу, слѣдовательно готова на все, что можетъ хотя сколько-нибудь подвинуть и ускорить развязку....“

X. Задержанная одновременно съ Ткачевымъ Петербургская мѣщанка Александра Дементьева, бывшая содержательница типографіи, въ которой напечатано воззваніе „Къ обществу“, показала, что она, въ концѣ февраля или въ началѣ марта 1869 года, желая доставить работу бѣднымъ женщинамъ, купила за 1000 р. сер. у студента Серебрянникова, уѣзжавшаго тогда за границу, типографію, заплативъ за нее всего 200 р., которые заняла у жениха своего Ткачева, такъ какъ принадлежащихъ ей по наслѣдству денегъ, въ количествѣ 3000 р., она, за несовершеннолѣтіемъ, не могла тогда получить. Въ этой типографіи ея, дѣйствительно, въ мартѣ мѣсяцѣ, напечатано было 40 экземпляровъ воззванія студентовъ „Къ обществу“, но сдѣлала она это единственно для того, чтобы представить на судъ общественнаго мнѣнія истинное изложеніе причинъ студенческаго движенія въ виду того, что въ обществѣ ходили толки, искажавшіе смыслъ студенческихъ стремленій, и тѣмъ хотѣла помочь успѣшному и скорому окончанію студенческой исторіи. Относительно пріобрѣтенія рукописнаго оригинала означеннаго воззванія Дементьева дала два различныя объясненія: въ первомъ она заявила, что оригиналъ принесъ ей какой-то незнакомый мужчина въ письмѣ къ ней отъ студентовъ; въ этомъ письмѣ студенты просили ее напечатать прилагаемое обращеніе „Къ обществу“, причемъ описывали ей положеніе, въ какомъ они находились; кѣмъ же было написано письмо, а равно и оригиналъ воззванія—она не знаетъ. По отпечатаніи, она отнесла эти прокламаціи на Конногвардейскій бульваръ и оставила на скамейкѣ, какъ объ этомъ было условлено въ вышеозначенномъ письмѣ студентовъ; но кто взялъ ихъ оттуда — она не знаетъ. Въ другомъ объясненіи Дементьева говоритъ, что она желаетъ наконецъ высказать полную истину объ этомъ воззваніи, прося не считать ея предъидущаго показанія, и разсказывала слѣдующее: 18-го или 19-го марта 1869 года къ ней пришли студенты Серебрянниковъ и Чубаровъ и стали передавать бѣдственное положеніе своихъ товарищей, которыхъ начальство обвиняетъ въ политическихъ стремленіяхъ, тогда какъ они имѣютъ въ виду только свои нужды, именно кассу и сходки: когда Серебрянниковъ и Чубаровъ ушли, то она, Дементьева, находясь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ всего разсказаннаго ей упомянутыми лицами, рѣшилась составить „обращеніе къ обществу“, въ которомъ общество увидѣло бы невинность студенческихъ стремленій, и такимъ образомъ сочинила вышеприведенное воззваніе, отпечатавъ его затѣмъ въ своей типографіи въ числѣ 40 экземпляровъ, изъ коихъ часть разослала въ редакціи журналовъ: „Дѣло“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Голоса“ и „Вѣсти“, и въ книжные магазины Черкесова и Книжной Русской Торговли, а остальные экземпляры разбросала ночью около Университета и Технологическаго Института. Не сознавалась же она никому до сихъ поръ, что она авторъ этого воззванія, потому что когда пришла на другой день по отпечатаніи къ Ткачеву, то тамъ смѣялись надъ содержаніемъ воззванія и, кромѣ того, не хотѣла обнаружить передъ студентами, что за нихъ взываетъ женщина, никѣмъ на то не уполномоченная; теперь же, увидя, что она и себя, и другихъ подвергаетъ опасности, рѣшилась сознаться.

Затѣмъ, относительно поѣздки своей въ февралѣ 1869 года въ Москву, Дементьева передала обстоятельства, тамъ происходившія, согласно съ объясненіями Ткачева, прибавивъ, что она, желая какъ можно скорѣе получить свои деньги, рѣшилась было тайно отъ Ткачева перевѣнчаться съ Николаевымъ, такъ что она собственно и была причиною недоразумѣнія, которое долженъ былъ потомъ устранять Ткачевъ.

По обыску у Дементьевой 27-го марта 1869 года, между прочимъ найдены: 1) въ типографіи ея нѣсколько буквъ того самаго шрифта, которымъ отпечатано воззваніе „Къ обществу“; 2) въ квартирѣ свидѣтельство на содержаніе типографіи отъ 14-го февраля 1869 года, и 3) прошеніе московскаго мѣщанина Николая Николаева къ московскому епископу, отъ 21-го февраля 1869 года, о дозволеніи ему вступить въ бракъ съ Дементьевою.

XI. Привлеченная къ слѣдствію по поводу показанія обвиняемаго Орлова и задержанная также по распоряженію III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 13-го апрѣля 1869 года жена полковника Елисавета Христіанова Томилова объяснила, что съ Нечаевымъ она познакомилась случайно еще въ 1868 году, потомъ онъ бывалъ у нея часто, такъ какъ давалъ уроки латинскаго языка ея братьямъ; въ началѣ 1869 года она изъ бесѣдъ съ Нечаевымъ увидѣла, что онъ очень интересуется студенческимъ движеніемъ, и когда бывала у него въ квартирѣ, по случаю болѣзни его сестры, то слышала, что къ нему приходили какіе-то знакомые; у него же познакомилась съ Орловымъ; однажды Нечаевъ зашелъ къ ней и сталъ прощаться, говоря „не скоро увидимся,—меня могутъ арестовать“, а потомъ черезъ день, т. е. 1-го февраля, или въ концѣ января, Томилова увидѣла въ рукахъ знакомой своей Вѣры Засуличъ записку слѣдующаго содержанія: „идя по

мосту, я встрѣтилъ карету, въ какой возятъ арестованныхъ; изъ нея выбросили мнѣ клочекъ бумаги и я узналъ голосъ дорогаго для меня человѣка: если Вы честный человѣкъ доставьте; это я спѣшу исполнить и въ свою очередь прошу Васъ какъ честныхъ людей сію минуту уничтожить мою записку, чтобы не узнали меня по почерку". Подписано „Студентъ". При этой запискѣ была приложена другая, отъ Нечаева, написанная карандашемъ на грязномъ клочкѣ бумаги, такого содержанія: „меня везутъ въ крѣпость; не теряйте энергіи, друзья-товарищи, хлопочите обо мнѣ! Дастъ Богъ—свидимся"; она, Томилова, тотчасъ отнесла эту записку хорошему знакомому Нечаева Аметистову, а первую уничтожила. Послѣ этого, въ началѣ марта, къ ней пріѣхалъ изъ Москвы уѣзжавшій передъ тѣмъ туда Орловъ и разсказалъ, что Нечаевъ бѣжалъ изъ крѣпости въ Москву, что онъ, Орловъ, далъ ему свой паспортъ и Нечаевъ ѣздилъ въ Одессу, но, бывъ снова задержанъ, снова ушелъ и затѣмъ, прибывъ въ Москву, получилъ отъ Николаева заграничный паспортъ, съ которымъ и уѣхалъ за границу. Вскорѣ по пріѣздѣ Орлова, она, Томилова, получила письмо изъ-за границы отъ Николаева (Нечаева), въ которомъ этотъ послѣдній просилъ передать прилагаемую записку Орлову; въ этой же запискѣ Нечаевъ просилъ поскорѣе прислать денегъ. Такъ какъ у Орлова денегъ не случилось, то Томилова, черезъ контору Гинцбурга, отправила свои 100 р., получивъ обѣщаніе отъ Орлова возвратить ей эти деньги. Черезъ нѣсколько времени Орловъ внезапно собрался уѣзжать изъ Петербурга и при прощаніи оставилъ ей тѣ двѣ записочки, которыя потомъ были найдены у нея въ портмоне; она смотрѣла на эти записки какъ на средство получить ей обратно свои деньги и думала, что въ нихъ дѣло идетъ о помощи Нечаеву, потому и оставила ихъ у себя, между тѣмъ, по отъѣздѣ Орлова, она получила изъ-за границы отъ того же Николаева (Нечаева) сначала телеграмму, въ которой говорилось о чемъ то, что нужно Зубкову, потомъ письмо, въ которомъ, между прочимъ, написано было (какъ видно изъ доставленной III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи копіи): „скажите дядѣ Владиславу (Владиміру Орлову), что настоящее вино безъ подмѣсей здѣсь только у Б (надо думать Бакунина) и можно достать; онъ сейчасъ велитъ бочки готовить, какъ только сдѣлку большую съ Зубатовымъ (Зубковымъ) сдѣлаетъ...", наконецъ, получила и третье письмо, но не успѣла прочесть его, такъ какъ вслѣдъ за его полученіемъ явился жандармскій офицеръ съ обыскомъ и взялъ таковое.

Полученіе этихъ писемъ Томилова объяснила тѣмъ, что Нечаевъ предполагалъ, вѣроятно, что Орловъ пробудетъ въ Петербургѣ до мая мѣсяца и потому, опасаясь адресовать письма непосредственно Орлову, пересылалъ ихъ на ея имя, имѣя собственно въ виду Орлова.

При обыскѣ, произведенномъ у Томиловой 13-го апрѣля 1869 года, дѣйствительно найдено измятымъ и частью разорваннымъ вышеозначенное письмо и конвертъ съ заграничными марками; въ копіи съ этого письма, доставленной къ слѣдствію III-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, между прочимъ, говорится... „уѣзжая, я не разорвалъ связи съ дѣломъ, по примѣру другихъ, и тотчасъ же послѣ того какъ успѣю устроить связи, я вернусь, чтобы меня ни ожидало. Вы тѣмъ болѣе, должны были знать, что я, пока живъ, не отступлюсь отъ того, за что взялся, а если Вы это знали, то должны были извѣщать о малѣйшемъ измѣненіи, о всѣхъ подробностяхъ, если вамъ тоже дорого дѣло..."; къ письму приложенъ адресъ, посредствомъ котораго можно найти въ Женевѣ автора письма, именно: слѣдовало спросить M. Zamperini à la Treille 12 и предъявить ему обрывокъ бумажки съ этимъ адресомъ.

XII. Задержанный въ числѣ прочихъ лицъ при дознаніи по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному обществу въ Москвѣ слушатель Петровской Академіи Иванъ Флоринскій при слѣдствіи показалъ: зналъ онъ Нечаева еще съ 1868 года, проживая въ с. Ивановѣ, Владимірской губерніи, на родинѣ Нечаева, куда тотъ пріѣзжалъ изъ Петербурга и былъ очень друженъ съ жившимъ тамъ же Владиміромъ Орловымъ. Въ началѣ 1869 года Орловъ уѣхалъ въ Петербургъ, потомъ пріѣхалъ и сказалъ, что Нечаевъ сидитъ въ крѣпости, и снова уѣхалъ въ Петербургъ, а въ мартѣ мѣсяцѣ сего же года къ нему, Флоринскому, прибыли въ с. Иваново прежній его знакомый Николаевъ со студентомъ Коринѳскимъ, который показалъ ему записку Орлова и далъ прочесть писанную тетрадку подъ заглавіемъ „Наша программа". Николаевъ же объяснилъ, что отдалъ свой паспортъ для бѣгства Нечаева за границу. Содержаніе записки Орлова Флоринскій хорошо не помнитъ, но помнитъ, что въ ней написаны были адреса его, Ѳедора Маврицкаго и Зубкова; что же касается до „Нашей программы", то въ ней, по словамъ Флоринскаго, показывалась необходимость разрушенія государства со всѣми его учрежденіями, для того чтобы освободить массы народа изъ рабства умственнаго, политическаго и экономическаго. Послѣ этого Николаевъ не разъ бывалъ у него и онъ, Флоринскій, очень сострадалъ къ нему, видя его бѣдственное положеніе, такъ что однажды далъ ему записку къ купцу Зубкову, прося послѣдняго одолжить Николаеву ситцеваго товара, а въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда онъ, Флоринскій, ѣздилъ въ Москву узнать объ условіяхъ поступленія въ Петровскую

Академію, то выпросилъ у Зубкова денегъ (100 р.) на поѣздку Прыжова за границу, съ единственною цѣлью возвратить паспортъ Николаеву. Затѣмъ, 5-го сентября 1869 г., Флоринскій пріѣхалъ на постоянное жительство въ Москву, съ цѣлью поступить въ Петровско-Земледѣльческую Академію; дня черезъ три или четыре пришелъ къ нему Нечаевъ, котораго онъ не узналъ и который отрекомендовался ему инженеромъ Павловымъ, знакомымъ Успенскаго. На этотъ разъ Нечаевъ ничего особеннаго не высказалъ, во второе же посѣщеніе свое сталъ просить Флоринскаго съѣздить къ студенту Кіевской Духовной Академіи Василію Маврицкому, который въ то время проживалъ въ с. Георгіевскомъ, Ковровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, и когда онъ, Флоринскій, согласился, то Нечаевъ назначилъ ему время, чтобы онъ явился въ магазинъ Черкесова для полученія записки и денегъ на дорогу. Флоринскій явился, получилъ отъ Успенскаго 10 р. сер., а отъ Нечаева записку, три экземпляра прокламаціи: одинъ „Народной расправы“ и два „Къ студентамъ“, и портретъ неизвѣстнаго ему человѣка, причемъ Нечаевъ выразилъ надежду, что онъ всѣ эти вещи передастъ Маврицкому и его самаго привезетъ въ Москву. Флоринскій съѣздилъ къ Маврицкому, передалъ ему все полученное отъ Нечаева, но Маврицкаго не привезъ, потому что тотъ не захотѣлъ, что вызвало недовольство со стороны Нечаева. Послѣ этого Нечаевъ продолжалъ посѣщать Флоринскаго въ Москвѣ, давалъ ему читать прокламаціи „Народную расправу“ и друг., но онѣ ему не понравились и потому онъ зарылъ ихъ въ землю; тѣмъ не менѣе Нечаевъ далъ ему потомъ переписать „правила“—онъ, Флоринскій, не знаетъ какія—и прокламацію на малороссійскомъ языкѣ, что Флоринскій и исполнилъ, причемъ онъ помнитъ, что „правила“ были написаны рукою Нечаева, а прокламація рукою Прыжова. Флоринскій при этомъ прибавляетъ, что, усмотрѣвъ „въ правилахъ“ незаконный смыслъ, онъ бросилъ перо и хотѣлъ уйти изъ комнаты, но Нечаевъ остановилъ его, сказавъ, что такъ поступаютъ подлецы; не столько слова эти, сколько то обстоятельство, что наканунѣ еще у Нечаева онъ замѣтилъ ножъ, заставили его, Флоринскаго, безусловно подчиниться Нечаеву и онъ сталъ исполнять всѣ его порученія. Такъ, въ послѣдней половинѣ сентября, по желанію Нечаева, онъ, Флоринскій, ходилъ къ Успенскому за бѣльемъ и деньгами, которыя нужны были Нечаеву для поѣздки въ Петербургъ; затѣмъ, 2-го октября, онъ, также по порученію Нечаева, ѣздилъ изъ Петровско-Разумовскаго (гдѣ помѣщается академія), въ Москву, въ магазинъ Черкесова, за пріѣзжимъ офицеромъ, съ клочкомъ бумаги, который долженъ былъ предъявить офицеру; онъ и это исполнилъ, причемъ офицеръ назвалъ свою фамилію—Лихутинъ, и заявилъ, что Нечаевъ привезъ его изъ Петербурга показать образовавшійся въ средѣ петровскихъ слушателей кружокъ. Наконецъ, 27-го октября, Нечаевъ вновь пришелъ къ Флоринскому и уговаривалъ его ѣхать за границу, но онъ отказался и съ тѣхъ поръ уже не встрѣчалъ Нечаева, а въ половинѣ ноября мѣсяца онъ, Флоринскій, получилъ изъ-за границы прокламаціи и предположилъ, что Нечаевъ, уѣхавъ туда, опять принялся за прежнее свое дѣло—посылать въ Россію прокламаціи. Прокламаціи эти Флоринскій представилъ начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, генералу Слезкину.

Въ заключеніе Флоринскій присовокупилъ, что ни къ какому тайному обществу онъ не принадлежалъ и не подозрѣвалъ, чтобы Нечаевъ могъ образовать таковое.

XIII. По поводу указаній, сдѣланныхъ обвиняемыми Флоринскимъ и Николаевымъ на бывшаго студента Медицинской Академіи Михаила Коринѳскаго, привлеченъ былъ къ слѣдствію и сей послѣдній, который въ показаніяхъ своихъ, не отрицая того, что онъ дѣйствительно, въ мартѣ мѣсяцѣ 1869 года, по порученію Орлова, пріѣзжалъ въ с. Иваново, выражалъ желаніе запастись крестьянскимъ паспортомъ, былъ у Флоринскаго, которому давалъ читать бывшую съ нимъ тетрадку, объяснилъ, однакожъ, что ни о какой пропагандѣ въ народѣ онъ не говорилъ, о крестьянскомъ паспортѣ замѣтилъ шутя, опасаясь быть взятымъ за безписьменность, что означенная тетрадь отнюдь не носила названія „Наша программа“, а называлась „Наука и народъ“ и въ ней дѣйствительно проводилась мысль о необходимости разрушенія существующаго строя въ государствѣ, но онъ, Коринѳскій, не помнитъ откуда ее пріобрѣлъ, и когда вернулся на родину, въ Нижній-Новгородъ, то изорвалъ ее. При этомъ Коринѳскій не отрицаетъ также того, что онъ собиралъ въ с. Ивановѣ деньги, которыя записывались въ книжкѣ Флоринскаго, но прибавляетъ, что дѣлалъ это по желанію Орлова, предполагая, что собранная сумма пойдетъ на вспомоществованіе исключеннымъ студентамъ. Сверхъ всего сказаннаго Коринѳскій объяснилъ, что когда онъ пребывалъ съ Николаевымъ въ селѣ Ивановѣ, то, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, пріѣхалъ туда же Орловъ, а вслѣдъ за послѣднимъ сестра Успенскаго, Надежда, съ письмомъ, какъ ему кажется, отъ нѣкоего Моравскаго, въ которомъ его извѣщали, что его разыскиваютъ и поэтому предлагались ему деньги на проѣздъ въ Петербургъ, или даже за границу, по примѣру Нечаева, но онъ не поѣхалъ, хотя, благодаря этому извѣщенію, всѣ они, т. е. Николаевъ, Орловъ и онъ, немедленно разъѣхались. Наконецъ, относительно тайнаго общества Коринѳскій отозвался незнаніемъ, заявивъ при этомъ, что самъ онъ ни къ какому обществу не принадлежалъ.

* * *

Такова фактическая сторона дѣла, раскрытая предварительнымъ слѣдствіемъ.

Какъ ни многосложны, на первый взглядъ, всѣ вышеприведенныя обстоятельства, разсѣянныя въ отдѣльныхъ показаніяхъ обвиняемыхъ, тѣмъ не менѣе внимательное соображеніе ихъ въ совокупности не можетъ не привести къ убѣжденію, что событія, которыхъ коснулось предварительное слѣдствіе, развивались преемственно съ первыхъ мѣсяцевъ 1869 года до того времени, пока начавшимся дознаніемъ не прервано было дальнѣйшее ихъ продолженіе, т. е. до конца ноября и даже начала декабря мѣсяца того же года. Всѣ отдѣльныя указанія обвиняемыхъ относительно времени и мѣста пребыванія ихъ съ февраля мѣсяца, когда студенческія движенія приходили къ концу, и по сентябрь, когда Нечаевъ послѣ заграничной поѣздки снова появился въ Москвѣ, всѣ добытые слѣдствіемъ документы, относящіеся къ этому періоду времени, положительно удостовѣряютъ, что тѣ или другія дѣйствія обвиняемыхъ, ихъ встрѣчи между собою и ихъ заключительная, общая работа въ Москвѣ, были явленіями не случайными, а послѣдовательно вытекавшими одно изъ другаго, разсчитаннымъ результатомъ той скрытой дѣятельности, которая была, если не исключительною, то главною побудительною причиною безпорядковъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, сущность всего того, что раскрыто предварительнымъ слѣдствіемъ, можетъ быть выражена въ нижеслѣдующихъ выводахъ.

1. Что въ происходившихъ въ началѣ 1869 года въ здѣшнихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядкахъ кромѣ лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ той или другой развязкѣ своихъ отношеній къ начальству заведеній т. е. кромѣ студентовъ, принимали участіе и такія лица, прямые интересы которыхъ вовсе не связывались ни съ правомъ студентовъ собираться на сходки, ни тѣмъ менѣе съ правомъ ихъ имѣть свою кассу. Лица эти, какъ обнаружено слѣдствіемъ, были: учитель приходскаго училища въ Петербургѣ Сергѣй Нечаевъ, вызванный имъ изъ Владимірской губерніи сынъ священника Владиміръ Орловъ и кандидатъ правъ Ткачевъ.

2. Что послѣ того какъ принятыми Правительствомъ мѣрами вышеозначенные безпорядки были прекращены безъ удовлетворенія требованій студентовъ, вышепоименованныя лица, вмѣстѣ съ другими, стали принимать мѣры къ возбужденію не студенческаго уже, но всеобщаго неудовольствія къ Правительству, озабочиваясь, въ то же время, начертаніемъ опредѣленнаго плана преступныхъ дѣйствій, имѣвшихъ довести до народнаго возстанія, какъ въ этомъ удостовѣряютъ, между прочими обстоятельствами дѣла, напечатаніе воззванія „Къ обществу“ и составленіе той рукописной программы, которая потомъ найдена была между бумагами Волховскаго.

3. Что средствами для выполненія этого плана служили: предоставленіе одному изъ дѣятелей въ студенческихъ движеніяхъ, именно Нечаеву, бѣжать на время за границу, постоянныя сношенія между собою другихъ обвиняемыхъ, какъ-то: Орлова съ Ткачевымъ, Волховскимъ и Николаевымъ въ Москвѣ, затѣмъ Николаева же и Орлова съ Флоринскимъ и Коринѳскимъ въ с. Ивановѣ, Владимірской губерніи, причемъ дѣлались попытки къ устройству подпольной типографіи, собираемы были деньги, доставались чужіе паспорта, читались преступнаго содержанія рукописи и, наконецъ, эмигранту Нечаеву доставлялись средства для существованія за границею, какъ это дѣлала обвиняемая Томилова, причемъ Нечаевъ своими письмами не переставалъ поддерживать готовность къ продолженію какого-то общаго дѣла, разсылая въ то же время печатныя прокламаціи самаго преступнаго свойства.

4. Что затѣмъ, осенью 1869 года, когда Нечаевъ возвратился въ Россію, въ Москвѣ было организовано особое общество, о значеніи коего будетъ сказано ниже, подъ названіемъ „Народной расправы“, или общество топора; что это общество имѣло своихъ членовъ не только въ Москвѣ, но въ Петербургѣ, въ Ярославѣ и Владимірѣ, имѣло свои денежныя средства, свой условный шифръ для сношеній, свою печать и свои опредѣленныя правила, ослушниковъ которыхъ оно считало себя въ правѣ наказывать даже смертью, какъ это и случилось съ слушателемъ Академіи Ивановымъ, и, наконецъ— [illegible]

5. Что злоумышленіе этого общества было открыто Правительствомъ заблаговременно, при самомъ началѣ онаго, такъ что ни покушеній, ни смятеній и никакихъ иныхъ вредныхъ послѣдствій отъ него не произошло.

Такого рода выводы находятъ себѣ подтвержденіе въ нижеприводимыхъ обстоятельствахъ дѣла, въ которыхъ содержатся, между прочими, и данныя, необходимыя для опредѣленія значенія и конечной цѣли вышеозначеннаго общества, учрежденнаго въ Москвѣ.

Собственныя сознанія обвиняемыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова и Николаева, приведенныя выше, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ продолженіе сентября и октября мѣсяцевъ 1869 года, въ Москвѣ, они, обвиняемые, и многія другія лица, по преимуществу слушатели Петровской Земледѣльческой Академіи, образовали изъ себя коллективное цѣлое, которое не можетъ быть названо иначе какъ тайнымъ обществомъ. Такое значеніе этого соединенія многихъ лицъ вмѣстѣ явствуетъ какъ изъ самаго способа постепеннаго привлеченія каждаго изъ нихъ къ одному центру, такъ и изъ тѣхъ первоначальныхъ дѣйствій и пріемовъ, которые предпринимались прежде соединившимися лицами относительно примыкавшихъ впослѣдствіи, а именно: каждый новый членъ окончательно посвященный, т. е. прочитавшій

правила организаціи и прокламацію, обязанъ былъ составить кружокъ изъ пяти лицъ, но при этомъ строго наблюдалось, чтобы составъ одного кружка отнюдь не зналъ о личномъ составѣ другого кружка, такъ что принадлежность къ обществу лицъ, организованныхъ однимъ членомъ, составляла тайну для таковыхъ же лицъ, организованныхъ другимъ; что же касается до сношеній, которыя необходимо было имѣть старшему кружку, или отдѣленію съ остальными, то они производились безъ названія фамилій, а обозначеніемъ чиселъ, подъ которыми значился каждый членъ, и притомъ отъ имени неизвѣстнаго юридическаго лица—комитета, что, въ свою очередь, ставило членовъ въ невозможность знать, кто ихъ собратья и кто ими руководитъ. Если къ этимъ внѣшнимъ признакамъ таинственности организаціи присоединить еще то, высказанное всѣми означенными обвиняемыми обстоятельство, что дѣятельность каждаго отдѣльнаго члена общества, хотя и направленная къ одной общей сознательной цѣли, тѣмъ не менѣе была неизвѣстна всѣмъ, а узнавалась и провѣрялась только въ избранномъ кружкѣ (отдѣленіи), съ цѣлью, безъ сомнѣнія, обезпечить невозможность открытія кѣмъ либо этой дѣятельности Правительству,—то нельзя далѣе затрудняться въ признаніи за образовавшимся въ Москвѣ, какъ сказано выше, соединеніемъ многихъ лицъ въ одно цѣлое названія, именно, тайнаго общества.

Затѣмъ, цѣль этого общества ясно опредѣляется на основаніи слѣдующихъ данныхъ: изъ показаній обвиняемыхъ Успенскаго, Кузнецова и Николаева видно, что послѣ долгихъ споровъ съ Нечаевымъ о способахъ къ измѣненію государственнаго устройства Россіи путемъ мирнаго распространенія знаній въ массѣ народа или съ помощью внезапнаго политическаго переворота, въ сознаніи ихъ, наконецъ, укрѣпилась мысль о необходимости начать дѣйствовать именно такъ, какъ совѣтовалъ Нечаевъ, т. е. стремиться къ произведенію возстанія въ народѣ, имѣя ввиду воспользоваться для этого тѣмъ замѣшательствомъ, которое необходимо принесетъ съ собою для крестьянъ и помѣщиковъ день 19-го февраля 1870 года. Если, далѣе, изъ простого образованія кружковъ, которымъ занялось общество на первыхъ порахъ, и нельзя вывести указаній насчетъ того способа и тѣхъ средствъ, которыми общество было бы въ состояніи непосредственно произвести народное движеніе, такъ что объясненія обвиняемыхъ, что они приготовились лишь къ дѣйствіямъ, имѣвшихъ послѣдовать за совершимся уже народнымъ возстаніемъ, которое, какъ они надѣялись, произойдетъ само, въ силу вещей—представляется какъ бы правдоподобнымъ,—то, съ другой стороны, ближайшее знакомство съ содержаніемъ руководящихъ документовъ общества, именно прокламацій, а также съ свойствомъ той расправы, которую общество осуществило уже разъ надъ однимъ изъ своихъ членовъ, положительно убѣждаетъ въ томъ, что самое возстаніе въ народѣ общество надѣялось произвести черезъ своихъ членовъ непосредственно, не ожидая самостоятельнаго народнаго движенія. И дѣйствительно, текстъ прокламаціи „Народная расправа", найденной у Успенскаго и читанной большинствомъ обвиняемыхъ, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, такого рода посылки: „Начинаніе нашего святаго дѣла было положено утромъ 4-го апрѣля 1866 года Дмитріемъ Владиміровичемъ Каракозовымъ!..." „Мы имѣемъ только одинъ отрицательный, неизмѣнный планъ безпощаднаго разрушенія!.." „Да, мы не будемъ трогать Царя, если насъ къ тому не вызоветъ преждевременно какая-либо безумная мѣра или фактъ, въ которомъ будетъ замѣтна его иниціатива. Мы убережемъ его для казни мучительной и торжественной предъ лицомъ всего освобожденнаго чернаго люда, на развалинахъ государства.." „А теперь мы безотлагательно примемся за истребленіе его Аракчеевыхъ, то есть, тѣхъ извергов въ блестящихъ мундирахъ, обрызганныхъ народною кровью, что считаются столбами государства.." „До начала всеобщаго народнаго возстанія намъ необходимо придется истребить цѣлую орду грабителей казны" и проч.; и тутъ же въ выноскѣ дѣлается перечисленіе тѣхъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія въ Россіи, которыхъ необходимо истребить прежде всего, чтобы избавиться отъ министерствъ, генералъ-губернаторствъ и барства вообще и, кромѣ того, сдѣланы указанія на нѣкоторыхъ издателей газетъ, долженствующихъ подвергнуться той же участи.

Изъ всѣхъ этихъ выдержекъ, вполнѣ отвѣчающихъ, впрочемъ, и общему содержанію прокламаціи, не трудно убѣдиться, что въ сознаніи людей, принявшихъ ее за руководство, должно было образоваться одно лишь опредѣленное стремленіе приступить къ дѣлу путемъ истребленія, или убійствъ, тѣхъ живыхъ препятствій къ возбужденію народнаго возстанія, которыя въ лицѣ служащихъ или частныхъ людей сочтутся опасными для тайнаго общества; и уже первый періодъ существованія этого общества доказалъ, что мысли прокламаціи готовы перейти въ дѣйствительность, какъ только представится надобность. Насиліе надъ Ивановымъ и затѣмъ смерть его ясно убѣждаютъ, что члены общества не признаютъ инаго способа уничтожить мнимое или дѣйствительное препятствіе къ достиженію своихъ цѣлей, какъ только убійствомъ. Послѣ этого очевидно, что способъ, которымъ тайная организація, по крайней мѣрѣ въ лицѣ ея главныхъ представителей, думала произвести народное возстаніе, заключался въ томъ, чтобы рядомъ убійствъ въ высшихъ государственныхъ сферахъ возбу-

дить всеобщее смятеніе и, затѣмъ, путемъ ложныхъ слуховъ и извращенія правительственныхъ распоряженій, воспользоваться этимъ смятеніемъ для поднятія народа къ возстанію.

Такова, какъ слѣдуетъ заключить изъ приведенныхъ данныхъ дѣла, была ближайшая цѣль тайнаго общества, образованнаго въ Москвѣ. Что, затѣмъ, народное возстаніе, которымъ думали руководить члены тайной организаціи, должно было, въ свою очередь, вести къ измѣненію существующаго образа правленія, въ этомъ, послѣ сознаній, сдѣланныхъ тремя названными обвиняемыми и заключительныхъ словъ прокламаціи „Народная расправа" въ томъ, чтобы не оставить ни министерствъ, ни генералъ-губернаторствъ и проч., едва-ли можетъ быть сомнѣніе, ибо члены тайнаго общества не могли не сознавать, что существованіе различныхъ отраслей государственнаго управленія въ той или другой формѣ обусловливается настоящимъ положеніемъ верховной власти въ Россіи и, слѣдовательно, стремясь ниспровергнуть отдѣльныя части, они сознательно шли къ ниспроверженію Правительства во всемъ государствѣ и существующаго образа правленія.

Итакъ, на основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, выведенныхъ, въ свою очередь, изъ обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ фактическихъ данныхъ, слѣдуетъ признать, что осенью 1869 года въ Москвѣ образовалось тайное общество имѣвшее конечною цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи Правительства и измѣненіе образа правленія.

Затѣмъ, по отношенію къ виновности каждаго изъ перечисленныхъ выше обвиняемыхъ въ означенномъ преступленіи, а равно и въ приготовленіи къ оному и совершеніи убійства надъ слушателемъ Петровской Академіи Ивановымъ, слѣдствіемъ, какъ видно изъ всего предъидущаго, пріобрѣтены слѣдующія улики:

1. Противъ дворянина Петра Успенскаго. Какъ при дознаніи, такъ и на предварительномъ слѣдствіи, Успенскій сознался по обоимъ взводимымъ на него обвиненіямъ: въ принадлежности къ тайному обществу, съ вышеозначенною цѣлью и въ участіи въ убійствѣ слушателя Академіи Иванова, совершенномъ по предварительному согласію его, Успенскаго, съ Нечаевымъ, Кузнецовымъ, Николаевымъ и Прыжовымъ, 21-го ноября 1869 года, въ гротѣ Академіи, куда они завлекли Иванова, находясь сами въ скрытомъ мѣстѣ. Подробности разъясненій, данныхъ Успенскимъ, вполнѣ подкрѣпляются обстоятельствами дѣла: у него при обыскѣ найдена прокламація, бланки комитета, правила организаціи, печать общества и матеріальныя принадлежности печатанія, т. е. всѣ вещественные знаки, обличающіе принадлежность его къ противозаконному обществу; по осмотру мѣстности, гдѣ совершено убійство Иванова, дѣйствительно оказались многіе признаки совершенія тамъ этого преступленія: тѣло Иванова найдено было въ прудѣ, недалеко отъ грота Академіи, на ногахъ у него бичевка съ кирпичемъ и, кромѣ того, башлыкъ, которымъ ноги были перевязаны въ колѣняхъ; около пруда найденъ одинъ кирпичъ также съ бичевкою и кровавымъ пятномъ, а около грота—другой и также съ кровавыми пятнами; тамъ же найденъ и другой башлыкъ, оказавшійся впослѣдствіи принадлежащимъ слушателю Академіи Климину и бывшій при совершеніи убійства на Кузнецовѣ и, кромѣ того, барашковая шапка, бывшая, по показанію обвиняемыхъ, на Нечаевѣ.

2. Противъ слушателя Петровской Академіи, онъ же купеческій сынъ, Алексѣя Кузнецова имѣются такія же данныя: онъ также сознался, какъ въ принадлежности къ тайному обществу, такъ и въ участіи въ убійствѣ Иванова, при чемъ Кузнецовъ хотя и высказалъ, что, собственно, о цѣли общества никогда прямо не говорилось, но, ввиду того, что въ объясненіи своемъ онъ предположительно формулируетъ эту цѣль въ томъ же смыслѣ, какъ и обвиняемый Успенскій; что самъ онъ, Кузнецовъ, получая приказанія комитета и дѣйствуя въ отдѣленіи организаціи, не могъ не сознавать хорошо конечныхъ стремленій этого комитета, или Нечаева,—не остается сомнѣнія, что и онъ стремился къ ниспроверженію существующаго образа правленія; затѣмъ, относительно убійства Иванова показаніе его также подтверждается вышеприведеннымъ актомъ осмотра мѣстности убійства и осмотромъ его квартиры.

3. Противъ мѣщанина Николая Николаева существуютъ тѣ же улики. Сознаніе его въ принадлежности къ тайному обществу вполнѣ подтверждается, кромѣ согласныхъ съ нимъ показаній предъидущихъ обвиняемыхъ, еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что найденныя при обыскѣ у Успенскаго прокламаціи „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ" и экземпляръ „Правилъ организацій" оказались переписанными почеркомъ Николаева; участіе же его въ убійствѣ Иванова, кромѣ сознанія и актовъ осмотра, подтверждается тѣмъ, что послѣ его задержанія найденъ, брошенный имъ въ снѣгъ тотъ самый пистолетъ, которымъ былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ Иванова, а на немъ оказались надѣтыми брюки Нечаева, въ которыхъ этотъ послѣдній былъ одѣтъ при убійствѣ Иванова и на которыхъ остались кровяные знаки.

4. Противъ отставного коллежскаго секретаря Ивана Прыжова, который, хотя и не отвергаетъ принадлежности своей къ тайному обществу и участія въ убійствѣ Иванова, но объясняетъ, что подробности плана, съ помощью котораго Нечаевъ имѣлъ достигнуть крайне радикальныхъ цѣлей, ему, Прыжову, не были извѣстны—слѣдствіемъ установлены слѣдующія улики: во 1-хъ, оговоръ его обвиняемыми Успен-

скимъ, Кузнецовымъ и Николаевымъ въ томъ, что онъ былъ очень близокъ къ Нечаеву и былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ организаціи; во 2-хъ, собственноручное прикладываніе имъ къ листамъ почтовой бумаги, для составленія бланокъ, печати съ топоромъ и надписью „Комитета народной расправы“; въ 3-хъ, то обстоятельство, что онъ, кромѣ дѣятельности, общей всѣмъ другимъ членамъ организаціи, проявилъ еще свое особенное рвеніе къ развитію вліянія общества внѣ предѣловъ тайной организаціи, именно: сочинилъ одну изъ прокламацій подъ названіемъ „До громады“, въ которой, между прочимъ, дается совѣтъ народу не платить оброковъ и податей и острить ножи, чтобы возстать и защищать родину; въ 4-хъ, онъ, Прыжовъ, завязавъ намѣренно знакомство съ исключенными студентами Московскаго Университета Бутурлинымъ, Смирновымъ и друг., старался распространить въ этомъ Университетѣ такую же организацію, какая была въ тайномъ обществѣ, что безъ знанія о цѣли этой организаціи, предпринимать было бы немыслимо. Все это, вмѣстѣ взятое, доказываетъ, что Прыжову не могла быть неизвѣстна вышеуказанная цѣль тайнаго общества. Сознаніе же въ участіи въ убійствѣ Иванова вполнѣ подтверждается обстоятельствами этого послѣдняго дѣла и осмотромъ квартиры Алексѣя Кузнецова.

5. Противъ священническаго сына **Владиміра Орлова**. Орловъ, какъ выше сказано, сознался въ томъ, что Нечаевъ, еще въ февралѣ мѣсяцѣ 1869 года, высказывалъ ему свое намѣреніе поднять народъ къ возстанію и что просилъ его, Орлова, содѣйствовать ему въ этомъ, на что онъ и согласился. Дальнѣйшая дѣятельность Орлова, по его собственному показанію и показаніямъ обвиняемыхъ Николаева, Успенскаго, Флоринскаго, Коринѳскаго и Томиловой, заключалась въ слѣдующемъ: онъ познакомилъ Нечаева съ Успенскимъ подъ именемъ Павлова и съ Волховскимъ; онъ отправился изъ Москвы—сначала въ Петербургъ, гдѣ заботился о посылкѣ Нечаеву денегъ за границу; былъ на студенческой сходкѣ, и затѣмъ оставилъ Томиловой двѣ записки, въ которыхъ завѣщалъ ей вести какое то дѣло, потомъ былъ въ с. Ивановѣ, Владимірской губерніи, куда предварительно поѣхали съ его записками Николаевъ и Коринѳскій, при чемъ послѣдній получилъ отъ него указанія на лицъ, годныхъ къ пропагандѣ; прибывъ въ с. Иваново безъ всякой надобности, Орловъ, также повидимому безъ всякой надобности, уѣхалъ на югъ Россіи. Всѣ эти разъѣзды и дѣйствія свои Орловъ, между прочимъ, объясняетъ тѣмъ, что онъ, боясь отвѣтственности за передачу Нечаеву своего паспорта и соскучивъ искусственностью своего положенія, созданнаго для него Нечаевымъ передъ его знакомыми, которымъ онъ долженъ былъ казаться революціонеромъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ таковымъ не былъ, рѣшился заѣхать подальше, чтобъ объ немъ забыли; но изъ дѣла видно, что во 1-хъ, паспортъ не могъ причинить Орлову никакого затрудненія, потому что былъ возвращенъ ему Нечаевымъ и онъ имъ даже пользовался, ибо таковой найденъ при немъ; во 2-хъ, записки, отставленныя имъ у Томиловой, написаны имъ по отъѣздѣ уже Нечаева за границу, слѣдовательно, по удаленіи той причины, которая заставляла его маскироваться, при чемъ Орлову не предстояло никакой надобности заявлять Томиловой завѣдомо ложный для него слухъ о томъ, что Нечаевъ будто-бы бѣжалъ изъ крѣпости; въ 3-хъ, равнымъ образомъ, въ отсутствіи уже Нечаева, Орловъ не имѣлъ надобности, если бы не хотѣлъ дѣйствительно помогать Нечаеву, давать наставленіе Коринѳскому розыскивать въ с. Ивановѣ людей, годныхъ къ пропагандѣ; и въ 4-хъ, слѣдующее обстоятельство, которое даетъ надлежащее значеніе и всѣмъ предъидущимъ дѣйствіямъ Орлова: изъ показанія его видно, что, говоря ему о намѣреніи поднять народъ къ возстанію, Нечаевъ прибавлялъ: „Что время возстанія недалеко, что надо дѣйствовать на семинаристовъ, какъ на людей, ближе стоящихъ къ народу, что люди, посвятившіе себя этой дѣятельности, будутъ переѣзжать съ агитаціонною цѣлью изъ города въ городъ...“; между тѣмъ въ найденной между бумагами обвиняемаго Волховскаго рукописи, начинающейся словами: „Мы не можемъ не признать“ и проч., излагается планъ революціонныхъ дѣйствій именно въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ Орловъ передаетъ слова Нечаева; въ ней говорится: „Мы должны стараться создать возможно большее количество революціонныхъ типовъ, развить въ обществѣ сознаніе необходимости и возможности революціи, какъ единственнаго средства для достиженія лучшаго порядка вещей и заботиться объ устройствѣ революціонной организаціи... Организація должна быть устроена по духу децентрализаціи и на законѣ передвиженія, т. е. члены ея должны перемѣняться мѣстами чрезъ извѣстное время, переходить съ одного мѣста на другое... До мая дѣятельность лучшихъ людей должна быть сосредоточена въ Питерѣ и Москвѣ, а также частью и въ другихъ университетскихъ городахъ; въ это время долженъ быть подготовленъ и совершенъ протестъ студентовъ, какъ Университета, такъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, за право оффиціальныхъ сходокъ... Съ мая дѣятельность должна быть перенесена въ губернскіе и уѣздные города и сосредоточена, главнымъ образомъ, въ средѣ разночинцевъ, семинаристовъ и провинціальной голытьбы и т. д. Съ октября общими силами провинціальныхъ и столичныхъ дѣятелей пропаганда должна быть ведена въ средѣ самой массы народа“... Такое сходство, почти тождество выраженій въ объясненіи, данномъ Орловымъ о бесѣдѣ съ нимъ Нечаева, съ изложеніемъ означенной рукописи, даетъ поводъ подозрѣвать, что Орловъ не безучастенъ въ соста-

вленіи самой программы революціонныхъ дѣйствій, если при этомъ взять во вниманіе, что вышеозначенная рукопись списывалась съ оригинала, какъ видно по дѣлу, въ тотъ періодъ времени, когда Орловъ долженъ былъ быть въ Москвѣ и видѣться съ Волховскимъ, а съ другой стороны, что Коринѳскій, получившій отъ Орлова записку, по всему вѣроятію видѣлся съ нимъ передъ отъѣздомъ въ с. Иваново, гдѣ, по показанію Флоринскаго, предъявлялъ послѣднему рукопись, по содержанію однородную съ вышеприведенною, и, наконецъ, если ко всему этому прибавить заявленіе обвиняемаго Волховскаго, что Орловъ, при свиданіи съ нимъ въ посту 1869 года вручилъ ему какую то рукопись своего почерка, съ которой, какъ онъ думаетъ, и была переписана означенная рукопись, у него найденная, то нельзя не придти къ убѣжденію, что Орловъ, согласившись содѣйствовать Нечаеву въ возбужденіи народнаго возстанія, приступилъ уже и къ приготовленію къ этому преступленію, участвуя въ составленіи программы революціонныхъ дѣйствій и принимая мѣры къ ея распространенію.

6. Противъ дворянина Феликса Волховскаго, не смотря на совершенное отрицаніе его въ принятіи какого-либо участія въ революціонныхъ дѣйствіяхъ Нечаева, существуютъ однако жъ слѣдующія улики: по его собственному показанію, онъ, во время студенческаго движенія въ Петербургѣ, принялъ отъ пріѣхавшаго оттуда студента Енишерлова рукописное изложеніе студенческой исторіи, съ тѣмъ, чтобы распространить ее; Волховскій при этомъ не объяснилъ, что побудило его взять на себя распространеніе этой рукописи, въ подлинникѣ не отысканной, и, можетъ быть, вполнѣ не преступнаго содержанія, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что онъ не чуждъ былъ студенческому движенію. Далѣе въ бумагахъ его найдены двѣ рукописи: одна вышеупомянутая уже, заключающая въ себѣ программу революціонныхъ дѣйствій, другая, въ которой обсуждается характеръ политическихъ переворотовъ вообще и возможность такого переворота въ Россіи: въ ней, между прочимъ, есть такого рода мѣсто: „Устройте такъ, чтобы силы эти были приблизительно одинаковы, чтобы противъ партіи дѣйствія очутился въ одинъ прекрасный день не дворецъ, опирающійся на войско, а одинъ только дворецъ, который самъ по себѣ слабъ. Мнѣ кажется, что при быстротѣ и смѣломъ образѣ дѣйствій хорошо организованной партіи вовсе не невозможно овладѣть этою вещицею“.

Каковы бы ни были объясненія Волховскаго насчетъ нахожденія у него этихъ бумагъ, но преступное содержаніе ихъ не могло не быть ему извѣстно, а между тѣмъ храненіе ихъ у него, ввиду того обстоятельства, что онъ видѣлся съ Орловымъ и съ Нечаевымъ, хотя бы и подъ именемъ Павлова, въ Москвѣ, въ началѣ 1869 года, къ каковому времени, по его же собственному показанію и по показанію свидѣтельницы, переписывавшей первую рукопись съ оригинала, Надежды Успенской, и слѣдуетъ отнести появленіе этой революціонной программы, а затѣмъ вышеуказанная готовность его распространить изложеніе студенческой исторіи, въ которой онъ лично заинтересованъ не былъ—все это заставляетъ подозрѣвать его въ участіи въ тѣхъ же подготовительныхъ дѣйствіяхъ къ возбужденію народнаго возстанія, а слѣдовательно и къ ниспроверженію существующаго образа правленія, въ какихъ подозрѣвается и обвиняемый Орловъ.

7. Противъ кандидата правъ Петра Ткачева. Ткачевъ, какъ выше сказано, заявилъ, что никакого кружка около себя во время студенческой исторіи не составлялъ, съ Нечаевымъ знакомъ не былъ и вообще, что онъ ни въ чемъ противозаконномъ не принималъ участія. Между тѣмъ изъ слѣдствія видно: a) по показанію Орлова, что Ткачевъ зналъ очень хорошо Нечаева, такъ какъ послѣдній даже познакомилъ съ Ткачевымъ и его, Орлова; b) по показанію того же Орлова и Успенскаго, Ткачевъ рекомендовалъ въ своемъ письмѣ къ Успенскому Орлова и Волховскаго, слѣдовательно зналъ очень хорошо и рекомендуемыхъ и того, кому рекомендовалъ; c) по показанію привлеченнаго также къ настоящему дѣлу студента Земледѣльческаго Института Владиміра Ковалевскаго, у Ткачева во время студенческихъ движеній были, такъ называемыя, „Интимныя собранія“, на которыхъ, главнымъ образомъ, разсуждалъ Нечаевъ и разсуждалъ именно о необходимости образовывать кружки изъ пяти лицъ; d) по показанію другого привлеченнаго къ дѣлу обвиняемаго Ивана Лихутина, у Ткачева на означенныхъ собраніяхъ, кромѣ Нечаева, присутствовалъ и Орловъ;) e) по показанію обвиняемаго Николаева, Ткачевъ пріѣзжалъ съ Дементьевою въ Москву въ февралѣ мѣсяцѣ вовсе не для того, чтобы самому жениться на ней, а желалъ именно пріобрѣсти въ лицѣ Николаева подставного мужа, чтобы, затѣмъ, съ Дементьевою же уѣхать въ Петербургъ и, пользуясь правомъ ея уже располагать деньгами, употребить ихъ на типографію; это видно не только изъ объясненій Николаева и Орлова, который, видоизмѣняя цѣль стремленій Ткачева получить деньги Дементьевой, утверждаетъ, однако жъ, фактическія подробности вполнѣ согласно съ Николаевымъ, но и изъ собственныхъ объясненій Ткачева и Дементьевой, отличающихся слишкомъ очевидною неправдоподобностью; и, наконецъ, f) по показанію того же Николаева самъ Ткачевъ, говоря о желаніи скорѣе открыть типографію, высказывалъ ему, что предполагаетъ что-то напечатать; Успенскій же говорилъ ему,- Николаеву, что Ткачевъ взятъ за написаніе прокламаціи „Къ обществу“, что въ свою очередь подтверждается показаніемъ обвиняемаго Алексѣя Кузнецова, которому то же самое говорилъ Нечаевъ.

Всѣ эти отдѣльныя, фактическія указанія на Ткачева, взятыя въ совокупности, приводятъ къ несомнѣнному осужденію, что онъ дѣятельно участвовалъ въ студенческихъ волненіяхъ, что онъ, затѣмъ, въ виду неудавшихся результатовъ этихъ волненій отправился въ Москву, гдѣ несомнѣнно принималъ мѣры къ устройству типографіи, которая вскорѣ на его деньги, какъ показала Дементьева, и была открыта въ Петербургѣ, далѣе, хотя слѣдствіемъ и не пріобрѣтено положительныхъ данныхъ, изобличающихъ Ткачева въ сочиненіи прокламаціи „Къ обществу“, но ввиду того, во 1-хъ, что усилія его къ открытію типографіи Дементьевой положительно подтверждаются слѣдствіемъ, а онъ, между тѣмъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, считаетъ нужнымъ умалчивать объ нихъ; во 2-хъ, что почти вслѣдъ за возвращеніемъ его съ Дементьевою въ Петербургъ была открыта послѣднею типографія, въ которой если не первою работою, то одною изъ первыхъ было напечатаніе означенной прокламаціи; въ 3-хъ, отношенія его къ Дементьевой, по его собственному признанію, были настолько хороши, что она слушалась его совѣтовъ, что, впрочемъ, видно и изъ пассивной роли ея при поѣздкѣ въ Москву, и наконецъ въ 4-хъ, что, вслѣдствіе всего сказаннаго, тѣ показанія Николаева и Кузнецова, по которымъ сочиненіе прокламаціи „Къ обществу“ приписывается ему, Ткачеву, представляются далеко не лишенными основанія, — слѣдуетъ придти къ заключенію, что Ткачевъ принималъ такое же участіе въ приготовленіи къ государственному преступленію, созрѣвшему осенью 1869 года въ Москвѣ, какъ и упомянутые выше Орловъ и Волховскій.

8. Противъ с.-петербургской мѣщанки Александры Дементьевой въ дѣлѣ имѣется лишь сознаніе ея о напечатаніи въ своей типографіи вышеупомянутой прокламаціи „Къ обществу“; сознаніе это вполнѣ подтверждается актомъ произведеннаго у ней обыска, при коемъ найдены не только буквы того самаго шрифта, которымъ напечатана прокламація, но и нѣсколько слоговъ изъ заглавія „Къ обществу“.—Изъ показанія Дементьевой видно также, что она всѣ напечатанные ею 40 экземпляровъ прокламаціи разбросала въ разныхъ мѣстахъ.

9. Противъ жены полковника Елизаветы Томиловой существуютъ слѣдующія улики: По собственному сознанію, она, зная, что Нечаевъ бѣжалъ за границу съ паспортомъ Николаева, послала ему черезъ контору Гинцбурга 100 руб. сер.; по показанію Орлова, она просила его оставить ей записки, которыя бы уполномочивали ее дѣйствовать въ его отсутствіи его именемъ; непонятный, на первый взглядъ, смыслъ этихъ записокъ получаетъ значеніе въ виду того обстоятельства, что Нечаевъ въ письмахъ своихъ къ Томиловой настаивалъ на служеніи общему дѣлу, и, такимъ образомъ, при отсутствіи всякихъ другихъ указаній на какое-либо дѣло, неизбѣжно слѣдуетъ заключить, что просьба Томиловой, обращенная къ Орлову, имѣла въ виду поддержаніе того общаго дѣла, о коемъ упоминалъ ей Нечаевъ и о которомъ она, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ послѣднимъ, не могла не имѣть свѣдѣній. — Дѣятельность Томиловой заключалась, такимъ образомъ, въ матеріальномъ пособничествѣ тѣмъ лицамъ, которыя дѣлали приготовленія къ государственному преступленію.

10. Противъ слушателя Петровской Академіи Ивана Флоринскаго, сознавшагося въ томъ, что, находясь осенью 1869 года въ Москвѣ, переписывалъ правила организаціи, ѣздилъ по порученію Нечаева къ Маврицкому съ прокламаціею „Народная расправа“ и самъ имѣлъ таковую—слѣдствіемъ обнаружены факты, вполнѣ подтверждающіе эту дѣятельность; показаніе Маврицкаго, къ которому Флоринскій пріѣзжалъ по порученію Нечаева, не сказавъ однако-жъ объ этомъ Маврицкому, и показаніе привлеченнаго къ дѣлу Ивана Лихутина, который, бывши въ Москвѣ въ качествѣ ревизора отъ женевскаго комитета, позванъ былъ Флоринскимъ къ нему на квартиру съ помощью условнаго знака, — положительно убѣждаютъ, что Флоринскому очень хорошо былъ извѣстенъ смыслъ дѣйствій тайной организаціи.—И наконецъ,

11. Противъ бывшаго студента Медико-Хирургической Академіи Михаила Коринѳскаго слѣдствіемъ обнаружено, что онъ пріѣхалъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ с. Иваново съ цѣлью розыска, по порученію Орлова, лицъ, чрезъ которыхъ можно бы было пропагандировать, какъ выразились въ своихъ показаніяхъ Николаевъ и Флоринскій, т. е., очевидно, для того, чтобы распространять чрезъ нихъ въ народѣ мысли революціоннаго свойства. Это подтверждается не только безпричинностью появленія Коринѳскаго въ с. Ивановѣ, тогда какъ мѣсто его родины былъ Нижній-Новгородъ, но и въ особенности преступнымъ содержаніемъ предъявленной имъ Флоринскому программы, о полученіи которой онъ отозвался запамятованіемъ; между тѣмъ, судя по тому, что Коринѳскій, по порученію Орлова, ѣздилъ въ с. Иваново, отъ Орлова получилъ записку къ Флоринскому и отъ Орлова же порученіе собирать деньги, не остается никакого сомнѣнія, что и означенную преступную рукопись онъ получилъ для распространенія отъ Орлова, въ видѣ копіи съ того самаго оригинала, съ котораго списана найденная у Волховскаго программа революціонныхъ дѣйствій. — Всѣ эти факты показываютъ, что Коринѳскій принималъ также участіе въ приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ государственному преступленію, обнаруженному въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ.

На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются:

1. Дворянинъ Петръ Гавриловъ Успенскій.

2. Купеческій сынъ Алексѣй Кириловъ Кузнецовъ.

3. Отставной коллежскій секретарь Иванъ Гавриловъ Прыжовъ.

4. Московскій мѣщанинъ Николай Николаевъ Николаевъ въ томъ: во 1-хъ, что они по соглашенію съ прибывшимъ изъ Женевы осенью прошлаго 1869 года бывшимъ приходскимъ учителемъ Сергѣемъ Нечаевымъ, составили въ Москвѣ, а изъ нихъ Кузнецовъ началъ составлять въ Петербургѣ, заговоръ съ цѣлью ниспроверженія Правительства во всемъ Государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, при чемъ злоумышленіе ихъ открыто было Правительствомъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ, и во 2-хъ, въ томъ, что они, по предварительному между собою согласію, но по подговору вышепоименованнаго Нечаева, совершили 21-го ноября 1869 года убійство слушателя Петровской Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто, т. е. обвиняются въ совершеніи преступленій, предусмотрѣнныхъ 249, 250, 13 и 3 п. 1,453 ст. Улож. о Наказ., изд. 1866 г.

5. Бывшій слушатель Петровской Академіи Иванъ Ивановъ Флоринскій въ томъ, что онъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ означеннаго заговора съ знаніемъ о цѣли нхъ дѣйствій, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож.

6. Сынъ священника Владиміръ Өедоровъ Орловъ.

7. Дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховскій.

8. Кандидатъ правъ Петръ Никитинъ Ткачевъ.

Бывшій студентъ Медико-Хиругической Академіи Михаилъ Петровъ Коринѳскій, въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершили для этого приготовительныя дѣйствія, при чемъ также злоумышленіе ихъ открыто было Правительствомъ заблаговременно въ самомъ началѣ онаго, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож.

10. Жена полковника Елизавета Христіанова Томилова въ томъ, что дѣйствіями своими помогала обвиняемымъ Нечаеву и Орлову совершить приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи заговора ниспровергнуть Правительство и перемѣнить образъ правленія, при чемъ Томилова знала о такомъ ихъ злоумышленіи, т. е. обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13, 121, 249 и 250 ст. Улож. о Наказ.—и

11. С.-Петербургская мѣщанка Александра Дмитріева Дементьева въ томъ, что напечатала въ своей типографіи и затѣмъ распространила воззванія „Къ обществу", съ цѣлію возбудить къ явному неповиновенію власти верховной, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 251 ст. Улож. о Наказ.

Посему и на основаніи 1.032 и 1.033 ст. Уст. Угол. Судопр., вышепоименованные Успенскій, Кузнецовъ, Николаевъ, Прыжовъ, Орловъ, Ткачевъ, Флоринскій, Коринѳскій, Волховскій, Томилова и Дементьева предаются суду С.-Петербургской Судебной Палаты.

* *

По предложенію предсѣдателя, секретаремъ прочитаны были:

Общія правила организаціи.

§ 1. Строй организаціи основывается на довѣріи къ личности. § 2. Организаторъ (уже членъ) изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчаетъ 5—6 лицъ, съ которыми переговоривъ одиночно и заручившись согласіемъ каждаго, собираетъ ихъ вмѣстѣ и закладываетъ основаніе замкнутаго кружка. § 3. Механизмъ организаціи скрытъ отъ всякаго празднаго глаза, а потому вся сумма связей и весь ходъ дѣятельности кружка есть секретъ для всѣхъ, исключая его членовъ и центральнаго кружка, куда организаторъ представляетъ полный отчетъ въ опредѣленные сроки. § 4. По извѣстному плану, основанному на знаніи мѣстности или сословія, или среды, въ которой ведется подготовительная работа, труды спеціализируются членами. § 5. Членъ организаціи немедленно составляетъ въ свою очередь каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становится въ значеніи центральнаго, куда всѣ члены организаціи (по отношенію къ кружкамъ 2-й степени организаторовъ) вносятъ всю сумму свѣдѣній отъ своихъ кружковъ для доставленія далѣе. § 6. Правило не дѣйствовать непосредственно на всѣхъ тѣхъ, на которыхъ можно дѣйствовать съ неменьшимъ результатомъ посредственно т. е. черезъ другихъ, должно быть выполняемо съ строгой аккуратностью. § 7. Общій принципъ организаціи не убѣждать, т. е. не вырабатывать, а сплочивать тѣ силы, которыя есть уже на лицо, исключать всякія пренія, имѣющія отношенія къ реальной цѣли. § 8. Устраняются всякіе вопросы отъ членовъ къ организатору, имѣющіе цѣлью дѣло кружковъ подчиненныхъ. § 9. Полная откровенность отъ членовъ къ организатору лежитъ въ основѣ успѣшнаго хода дѣла. § 10. По образованіи кружковъ второго разряда прежде организованные становятся относительно ихъ центрами, получаютъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности въ той средѣ, гдѣ находятся. Великорусскій отдѣлъ. Москва.

Общія правила сѣти для отдѣленій.

1) Задача отдѣленій состоитъ въ достиженіи самостоятельности и независимости въ дѣлѣ организаціи и ихъ употребленія съ вящею гарантіею безопасности общаго дѣла. 2) Начало такого отдѣленія кладутъ двое или трое лицъ, уполномоченныхъ отъ сѣти съ одобренія комитета. Они группируютъ тѣхъ лицъ изъ кружковъ на основаніи общихъ правилъ организаціи, которыя, по осмотрѣнію комитета, окажутся удовлетворяющими требованіямъ. Черезъ организаторовъ поддерживается связь съ сѣтью. 3) Личности, избранныя изъ кружковъ и входящія въ составъ отдѣленія, на первомъ же собраніи даютъ обязательство: а) дѣйствовать неразрывно, коллективно, вполнѣ подчиняясь общему голосу, и оставить отдѣленіе только для вступленія въ ряды еще болѣе интимные, по указанію комитета; б) вмѣстѣ съ тѣмъ, они обязуются во всѣхъ своихъ отношеніяхъ ко внѣшнему міру имѣть въ виду только пользу общества. 4) Вступленіе въ отдѣленіе дѣлается постепенно, по одиночкѣ. Когда количество дойдетъ до 6, тогда отдѣленія раздѣляются на самостоятельныя группы, по указанію комитета. 5) Избирается сообща лицо, завѣдывающее письмоводствомъ, составленіемъ отчетовъ, пріемкой и отправленіемъ членовъ комитета и другихъ довѣренныхъ лицъ, имѣющихъ отношенія къ всему отдѣленію. Это же лицо хранитъ бумаги, вещи и имѣетъ адресы. 6) Другіе члены берутъ на себя обязанность вести подготовительную работу въ томъ или другомъ сословіи, или средѣ, и избираютъ себѣ помощниковъ изъ лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ, 7) Все количество лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ, разсматривается и употребляется какъ средство или орудіе для выполненія предпріятій и для достиженія цѣли общества. Потому, во всякомъ дѣлѣ, приводимомъ отдѣленіемъ въ исполненіе, существенный планъ этого дѣла или предпріятія долженъ быть извѣстенъ только отдѣленію; приводящія же его въ исполненіе личности отнюдь не должны знать сущность, а только тѣ подробности, тѣ части дѣла, которыя выполнить пало на ихъ долю. Для возбужденія же энергіи необходимо объяснять сущность дѣла въ превратномъ видѣ. 8) О планѣ предпріятія, задуманнаго членами, дается знать комитету, и только по соглашенію онаго приступается къ выполненію. 9) Планъ, предложенный со стороны комитета, выполняется немедленно. Для того, чтобы со стороны комитета не было требованій, превышающихъ силы отдѣленія, устанавливается самая строгая и аккуратная отчетность о состояніи отдѣленія чрезъ посредство тѣхъ звеньевъ, которыми оно связывается съ комитетомъ. 10) Отдѣленіе посылаетъ членовъ для ревизіи подчиненныхъ кружковъ и отправляетъ въ свѣжія мѣста для заложенія новыхъ организацій. 11) Вопросъ о средствахъ денежныхъ стоитъ на первомъ планѣ: 1-е, прямой сборъ съ членовъ, лицъ, сочувствующихъ—на бланкѣ комитета, съ выставленіемъ прописью количества жертвуемыхъ денегъ; 2-е, косвенный сборъ, подъ благовидными предлогами, отъ лицъ всѣхъ сословій, хотя бы и не сочувствующихъ; 3-е, устройство концертовъ, вечеровъ, подъ разными номинальными цѣлями; 4-е, разнообразныя предпріятія относительно частныхъ лицъ; всѣ другія болѣе грандіозныя средства исключаются изъ дѣятельности отдѣленія, какъ превышающія его силу, и только по указанію комитета отдѣленіе должно содѣйствовать выполненію такого плана; 5-е, изъ всей суммы приходовъ одна треть доставляется комитету. 12) Въ числѣ необходимыхъ условій для начала дѣятельности отдѣленія есть: 1-е, образованіе притоновъ; 2-е, допущеніе своихъ ловкихъ и практическихъ людей въ среду разносчиковъ, булочниковъ и прочее; 3-е, знакомство съ городскими сплетниками, публичными женщинами и другія частныя собиранія и распространенія слуховъ; 4-е, знакомство съ полиціей и съ міромъ старыхъ приказныхъ; 5-е, заведеніе сношеній съ такъ называемой преступной частью общества; 6-е, вліяніе на высокопоставленныхъ лицъ чрезъ ихъ женщинъ; 7-е, интеллигенція литературы; 8-е, поддержаніе агитаціи всевозможными средствами. Сей экземпляръ не долженъ распространяться, а храниться въ отдѣленіи.

Отношеніе революціонера къ самому себѣ.

§ 1. Революціонеръ—человѣкъ обреченный. У него нѣтъ ни своихъ интересовъ, ни дѣлъ, ни чувствъ, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все въ немъ поглощено единымъ исключительнымъ интересомъ, единою мыслью, единою страстію—революціей.

§ 2. Онъ въ глубинѣ своего существа, не на словахъ только, а на дѣлѣ, разорвалъ всякую связь съ гражданскимъ порядкомъ и со всѣмъ образованнымъ міромъ, со всѣми законами, приличіями, общепринятыми условіями и нравственностію этого міра. Онъ для него—врагъ безпощадный и еслибъ онъ продолжалъ жить въ немъ, то для того только, чтобы его вѣрнѣе разрушить.

§ 3. Революціонеръ презираетъ всякое доктринерство и отказался отъ мірской науки, предоставляя ее будущимъ поколѣніямъ. Онъ знаетъ только одну науку, науку разрушенія. Для этого и только для этого онъ изучаетъ теперь механику, физику, химію, пожалуй медицину. Для этого изучаетъ денно и нощно живую науку людей, характеровъ, положеній и всѣхъ условій настоящаго общественнаго строя, во всѣхъ

возможныхъ слояхъ. Цѣль же одна — наискорѣйшее разрушеніе (этого) поганаго строя.

§ 4. Онъ презираетъ общественное мнѣніе. Онъ презираетъ и ненавидитъ во всѣхъ побужденіяхъ и проявленіяхъ нынѣшнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствуетъ торжеству революціи. Безнравственно и преступно все, что помѣшаетъ ему.

§ 5. Революціонеръ — человѣкъ обреченный, безпощаденъ для государства и вообще для всего сословно-образованнаго общества; онъ и отъ нихъ не долженъ ждать для себя никакой пощады. Между ними и имъ существуетъ тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть. Онъ долженъ пріучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, онъ долженъ быть суровымъ и для другихъ. Всѣ нѣжныя, изнѣживающія чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены въ немъ единою холодною страстью революціоннаго дѣла. Для него существуетъ только одна нѣга, одно утѣшеніе, вознагражденіе и удовлетвореніе—успѣхъ революціи. Денно и нощно должна быть у него одна мысль, одна цѣль—безпощадное разрушеніе. Стремясь хладнокровно и неутомимо къ этой цѣли, онъ долженъ быть готовъ и самъ погибнуть и погубить своими руками все, что мѣшаетъ ея достиженію.

§ 7. Природа настоящаго революціонера исключаетъ всякій романтизмъ, всякую чувствительность, восторженность и увлеченіе. Онъ исключаетъ даже личную ненависть и мщеніе. Революціонерная страсть, ставъ въ немъ обыденностью, ежеминутно должна соединяться съ холоднымъ расчетомъ. Всегда и вездѣ онъ долженъ быть не то, къ чему его побуждаютъ влеченія личныя, а то, что предписываетъ ему общій интересъ революціи.

Отношеніе революціонера къ товарищамъ по революціи.

§ 8. Другомъ и милымъ человѣкомъ для революціонера можетъ быть только человѣкъ, заявившій себя на дѣлѣ такимъ же революціонернымъ дѣломъ, какъ и онъ самъ. Мѣра дружбы, преданности и прочихъ обязанностей въ отношеніи къ такому товарищу опредѣляется единственно степенью полезности въ дѣлѣ всеразрушительной практической революціи.

§ 9. О солидарности революціонеровъ и говорить нечего. Въ ней вся сила революціоннаго дѣла. Товарищи-революціонеры, стоящіе на одинаковой степени революціоннаго пониманія и страсти, должны, по возможности, обсуждать всѣ крупныя дѣла вмѣстѣ и рѣшать ихъ единодушно. Въ исполненіи такимъ образомъ рѣшеннаго плана, каждый долженъ разсчитывать, по возможности, на себя. Въ выполненіи ряда разрушительныхъ дѣйствій каждый долженъ дѣлать самъ и прибѣгать къ совѣту и помощи товарищей только тогда, когда это для успѣха необходимо.

§ 10. У каждаго товарища должно быть подъ рукою нѣсколько революціонеровъ втораго и третьяго разрядовъ, т. е. не совсѣмъ посвященныхъ. На нихъ онъ долженъ смотрѣть, какъ на часть общаго революціоннаго капитала, отданнаго въ его распоряженіе. Онъ долженъ экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь изъ него наибольшую пользу. На себя онъ смотритъ, какъ на капиталъ, обреченный на трату для торжества революціоннаго дѣла, только какъ на такой капиталъ, которымъ онъ самъ и одинъ безъ согласія всего товарищества вполнѣ посвященныхъ распоряжаться не можетъ.

§ 11. Когда товарищъ попадаетъ въ бѣду, рѣшая вопросъ спасать его или нѣтъ, революціонеръ долженъ соображаться не съ какими-нибудь личными чувствами, но только съ пользою революціоннаго дѣла. Поэтому онъ долженъ взвѣсить пользу, приносимую товарищемъ — съ одной стороны, а съ другой — трату революціонныхъ силъ, потребныхъ на избавленіе, и на которую сторону перетянетъ, такъ и долженъ рѣшить.

Отношенія революціонера къ обществу.

§ 12. Принятіе новаго члена, заявившаго себя не на словахъ, а на дѣлѣ, въ товарищество не можетъ быть рѣшено иначе, какъ единодушно.

§ 13. Революціонеръ вступаетъ въ государственный, сословный, такъ называемый, образованный міръ и живетъ въ немъ только съ вѣрой въ его полнѣйшее скорѣйшее разрушеніе. Онъ не революціонеръ, если ему чего-нибудь жаль въ этомъ мірѣ. Если онъ можетъ, то становится предъ истребленіемъ положенія, отношенія или какого-либо человѣка, принадлежащаго къ этому міру—всѣ и все должны быть ему равно ненавистны. Тѣмъ хуже для него, если у него есть въ немъ родственныя, дружескія и любовныя отношенія; онъ не революціонеръ, если они могутъ остановить его руку.

§ 14. Съ цѣлью безпощаднаго разрушенія революціонеръ можетъ и даже часто долженъ жить въ обществѣ, притворяясь совсѣмъ не тѣмъ, что онъ есть. Революціонеръ долженъ проникнуть всюду, во всѣ низшія и среднія сословія, въ купеческую лавку, въ церковь, въ барскій домъ, въ міръ бюрократическій, военный, въ литературу, въ III Отдѣленіе и даже въ Зимній дворецъ.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на нѣсколько категорій: 1-я категорія неотлагаемо осужденныхъ на смерть. Да будетъ составленъ товариществомъ списокъ такихъ осужденныхъ, по порядку ихъ относительной зловредности для успѣха революціоннаго дѣла, такъ чтобы предыдущіе нумера убрались прежде послѣдующихъ.

§ 16. При составленіи такихъ списковъ и для установленія вышерѣченнаго порядка, должно руководствоваться отнюдь не личнымъ злодѣйствомъ человѣка, ни даже ненавистью, возбуждаемой имъ въ товариществѣ или въ народѣ. Это злодѣйство и эта ненависть могутъ быть даже отчасти полезными, способствуя къ возбужденію народнаго бунта. Должно руководствоваться мѣрой пользы, которая должна произойти отъ его смерти для революціоннаго дѣла. Итакъ, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революціонной организаціи, а также внезапная и насильственная смерть которыхъ можетъ навести наибольшій страхъ на правительство и, лишивъ его умныхъ и энергичныхъ дѣятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категорія должна состоять изъ такихъ людей, которымъ даруютъ только временно жизнь, чтобы они рядомъ звѣрскихъ поступковъ довели народъ до неотвратимаго бунта.

§ 18. Къ третьей категоріи принадлежитъ множество высокопоставленныхъ скотовъ или личностей, неотличающихся ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, но пользующихся по положенію богатствомъ, связями, вліяніемъ, силой. Надо ихъ эксплоатировать всевозможными манерами, путями; опутать ихъ, сбить съ толку и, овладѣвъ, по возможности, ихъ грязными тайнами, сдѣлать ихъ своими рабами. Ихъ власть, вліяніе, связи, богатство и сила сдѣлаются, такимъ образомъ, неистощимою сокровищницею и сильной помощью для разныхъ предпріятій.

§ 19. Четвертая категорія состоитъ изъ государственныхъ честолюбцевъ и либераловъ съ разными оттѣнками. Съ ними можно конспирировать по ихъ программамъ, дѣлая видъ, что слѣпо слѣдуешь за ними, а между тѣмъ прибирать ихъ въ руки, овладѣть всѣми ихъ тайнами, скомпрометировать ихъ до-нельзя, такъ чтобы возвратъ для нихъ былъ не возможенъ, и ихъ руками мутить государство.

§ 20. Пятая категорія—доктринеры, конспираторы, революціонеры, всѣ праздно глаголющіе въ кружкахъ и на бумагѣ. Ихъ надо безпрестанно толкать и тянуть впередъ, въ практичныя головоломныя заявленія, результатомъ которыхъ будетъ безслѣдная гибель большинства и настоящая революціонная выработка немногихъ.

§ 21. Шестая и важная категорія—женщины, которыхъ должно раздѣлить на три главные разряда: однѣ—пустыя, обезсмысленныя, бездушныя, которыми можно пользоваться, какъ третьей и четвертой категоріями мужчинъ; другія—горячія, преданныя, способныя, но не наши, потому что не доработались еще до настоящаго безстрастнаго и фактическаго революціоннаго пониманія; ихъ должно употреблять, какъ мужчинъ пятой категоріи; наконецъ, женщины совсѣмъ наши, т. е. вполнѣ посвященныя и принявшія всецѣло нашу программу. Мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на драгоцѣннѣйшія сокровища наши, безъ помощи которыхъ намъ обойтись невозможно.

* * *

Отношенія товарищества къ народу.

§ 22. У товарищества нѣтъ другой цѣли, кромѣ полнѣйшаго освобожденія и счастія народа, т. е. чернорабочаго люда. Но, убѣжденное въ томъ, что это освобожденіе и достиженіе этого счастія возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество всѣми силами и средствами будетъ способствовать къ развитію и разобщенію тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вынести, наконецъ, народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію.

§ 23. Подъ революціею народною товарищество разумѣетъ не регламентированное движеніе по западному классическому образу—движеніе, которое всегда, останавливаясь передъ собственностію и передъ традиціями общественныхъ порядковъ, такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ея другою и стремилось создать, такъ называемое, революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы Россіи.

§ 24. Товарищество поэтому не намѣрено навязывать народу какую-бы то ни было организацію сверху. Будущая организація безъ сомнѣнія выработается изъ народнаго движенія и жизни. Но это—дѣло будущихъ поколѣній. Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе.

§ 25. Поэтому, сближаясь съ народомъ, мы прежде всего должны соединиться съ тѣми элементами народной жизни, которые со времени основанія московской государственной силы не переставали протестовать не на словахъ, а на дѣлѣ противъ всего, что прямо или косвенно связано съ государствомъ: противъ дворянства, противъ чиновничества, противъ поповъ, противъ гильдейскаго міра и противъ кулакаміроѣда. Но соединимся съ дикимъ разбойничьимъ міромъ, этимъ, истиннымъ и единственнымъ революціонеромъ въ Россіи.

§ 25. Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую, всесокрушающую силу—вотъ вся наша организація, конспирація, задача.

* * *

Предсѣдателемъ прочитаны были слѣдующіе, проектированные Судомъ, вопросы по существу дѣла:

1. Былъ ли осенью 1869 года составленъ заговоръ съ цѣлью ниспроверженія Правительства во всемъ Государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, причемъ заговоръ этотъ открытъ Правительствомъ заблаговременно, при самомъ началѣ онаго?

2. Если означеннаго заговора не существовало, то не было ли учреждено тогда же противозаконнаго сообщества, направленнаго къ измѣненію или ниспроверженію порядка государственнаго устройства въ Россіи?

3. Виновенъ ли дворянинъ П. Г. Успенскій, 22 лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ заговорѣ?

4. Если нѣтъ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что былъ главнымъ руководителемъ при составленіи означеннаго во 2-мъ вопросѣ общества?

5. Если Успенскій не былъ главнымъ руководителемъ, то не былъ ли соучастникомъ означеннаго сообщества?

6. Виновенъ ли дворянинъ Успенскій въ томъ, что онъ, по предварительному согласію съ другими лицами, но по подговору Нечаева, совершилъ, 21-го ноября 1869 года, убійство слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто?

7. Если онъ не виновенъ по предъидущему 6-му вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принималъ участіе въ совершеніи убійства?

8. Если виновенъ по послѣднему вопросу, то какого рода было его участіе въ убійствѣ?

9. Если Успенскій виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

10. Виновенъ ли купеческій сынъ А. К. Кузнецовъ, 24 лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ заговорѣ?

11. Если нѣтъ, то не виновенъ ли въ томъ, что былъ главнымъ руководителемъ при составленіи означеннаго въ вопросѣ 2-мъ сообщества?

12. Если Кузнецовъ не былъ главнымъ руководителемъ, то не былъ ли соучастникомъ означеннаго сообщества?

13. Виновенъ ли Кузнецовъ въ томъ, что началъ составлять въ Петербургѣ заговоръ съ цѣлью, означенною въ 1-мъ вопросѣ?

14. Если нѣтъ, то не виновенъ ли въ томъ, что началъ составлять въ Петербургѣ тайное общество съ цѣлью, указанною во 2-мъ вопросѣ?

15. Виновенъ ли Кузнецовъ въ томъ, что, по предварительному согласію съ другими лицами, но по подговору Нечаева, совершилъ, 21-го ноября 1869 года, убійство слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто?

16. Если онъ не виновенъ по предыидущему 15 вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что принималъ участіе въ совершеніи убійства?

17. Если виновенъ по послѣднему вопросу, то какого рода было его участіе въ убійствѣ?

18. Если Кузнецовъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

19. Виновенъ ли отставной коллежскій секретарь И. Г. Прыжовъ, 42 лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ заговорѣ?

20. Если нѣтъ, то виновенъ ли въ томъ, что былъ главнымъ руководителемъ при составленіи означеннаго въ вопросѣ 2-мъ сообщества?

21. Если Прыжовъ не былъ главнымъ руководителемъ, то не былъ ли онъ соучастникомъ означеннаго сообщества?

22. Виновенъ ли Прыжовъ въ томъ, что, по предварительному согласію съ другими лицами, но по подговору Нечаева, совершилъ, 21-го ноября 1869 г., убійство слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто?

23. Если онъ не виновенъ по предыидущему 22-му вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что принималъ участіе въ совершеніи убійства?

24. Если виновенъ по послѣднему вопросу, то какого рода было его участіе въ убійствѣ?

25. Если Прыжовъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

26. Виновенъ ли московскій мѣщанинъ Н. Н. Николаевъ, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ означенномъ въ 1-мъ вопросѣ заговорѣ?

27. Если онъ не принималъ участія въ заговорѣ, означенномъ въ 1-мъ вопросѣ, то не былъ ли соучастникомъ означеннаго въ вопросѣ 2-мъ сообщества?

28. Если Николаевъ былъ соучастникомъ означеннаго выше заговора или ука-

заннаго въ вопросѣ 2-мъ сообщества то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другими совершеннолѣтними?

29. Виновенъ ли московскій мѣщанинъ Николаевъ въ томъ, что, по предварительному согласію съ другими лицами, но по подговору Нечаева, совершилъ, 21-го ноября 1869 г., убійство слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто?

30. Если Николаевъ не виновенъ по предыдущему, 29-му вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что принималъ участіе въ совершеніи убійства?

31. Если виновенъ по послѣднему вопросу, то какого рода было его участіе въ убійствѣ?

32. Если Николаевъ виновенъ въ участіи въ убійствѣ Иванова или совершеніи его, то доказано ли, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе другими совершеннолѣтними?

33. Если Николаевъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

34. Виновенъ ли сынъ священника И. И. Флоринскій, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ дѣйствіяхъ означеннаго заговора съ знаніемъ о цѣли оныхъ?

35. Если нѣтъ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принималъ участіе въ тайномъ обществѣ, указанномъ въ 2-мъ вопросѣ?

36. Если Флоринскій виновенъ въ которомъ-либо изъ означенныхъ преступленій, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

37. Виновенъ ли сынъ священника В. Ф. Орловъ, 26-ти лѣтъ, въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для этого приготовительныя дѣйствія?

38. Если Орловъ виновенъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

39. Виновенъ ли дворянинъ Ф. В. Волховскій, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для этого приготовительныя дѣйствія?

40. Если Волховскій виновенъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

41. Виновенъ ли кандидатъ правъ П. Н. Ткачевъ, 25-ти лѣтъ, въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для этого приготовительныя дѣйствія?

42. Если подсудимый Ткачевъ не виновенъ въ означенномъ преступленіи, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что составилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія воззваніе „Къ обществу", съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствію властямъ, отъ Правительства установленнымъ?

43. Если нѣтъ, то не виновенъ ли въ томъ, что составилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія воззваніе „Къ обществу" оскорбительное и направленное къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и къ оправданію воспрещенныхъ ими дѣйствій съ цѣлью возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе?

44. Если Ткачевъ виновенъ въ которомъ-либо изъ указанныхъ въ 41-мъ, 42-мъ и 43-мъ вопросахъ преступленій, то какому на основаніи законовъ онъ подлежитъ наказанію?

45. Виновенъ ли сынъ священника М. П. Коринѳскій, 25-ти лѣтъ, въ томъ, что, умысливъ ниспровергнуть Правительство во всемъ Государствѣ и перемѣнить образъ правленія, совершилъ для этого приготовительныя дѣйствія?

46. Если Коринѳскій виновенъ, то какому, на основаніи законовъ, онъ подлежитъ наказанію?

47. Виновна ли вдова полковника Томилова, 30-ти лѣтъ, въ томъ, что дѣйствіями своими помогала Нечаеву и Орлову совершить приготовленія къ государственному преступленію, которое потомъ выразилось въ составленіи заговора или тайнаго общества, съ цѣлью ниспровергнуть Правительство и перемѣнить образъ правленія, при чемъ Томилова знала о таковомъ ихъ злоумышленіи?

48. Если подсудимая Томилова виновна въ означенномъ преступленіи, то какому, на основаніи закона, подлежитъ наказанію?

49. Виновна ли с.-петербургская мѣщанка Дементьева, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что напечатала въ своей типографіи и затѣмъ распространяла воззваніе „Къ обществу", съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной?

50. Если подсудимая Дементьева не виновна въ означенномъ преступленіи, то не виновна ли она въ томъ, что напечатала и распространяла воззваніе „Къ обществу", съ намѣреніемъ возбудить къ противодѣйствію властямъ, отъ Правительства установленнымъ?

51. Если Дементьева не виновна въ преступленіи, указанномъ въ 50-мъ вопросѣ, то не виновна-ли она въ томъ, что напечатала и распространила воззваніе „Къ обществу", оскорбительное и направленное къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и къ оправданію воспрещенныхъ ими

дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе?

52. Если Дементьева виновна по которому-либо изъ предыдущихъ вопросовъ, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другимъ совершеннолѣтнимъ?

53. Если Дементьева виновна въ которомъ-либо изъ вышеозначенныхъ преступленій, то какому она, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

Сторонами не было представлено никакихъ заявленій по содержанію прочитанныхъ вопросовъ, которые были утверждены Судомъ.

Засѣданіе 15-го іюля.

Предсѣдатель объявилъ слѣдующую резолюцію.

„Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло о заговорѣ съ цѣлью ниспровергнуть существующее въ Россіи Правительство по отношенію къ 11-ти лицамъ, находитъ, что осенью 1869 года, въ Москвѣ, составлено было тайное общество, имѣвшее цѣлью измѣнить существующій въ Россіи образъ правленія, и признаетъ затѣмъ виновными:

1. Дворянина П. Г. Успенскаго, 22 лѣтъ, личнаго почетнаго гражданина А. К. Кузнецова, 24-хъ лѣтъ, отставного коллежскаго секретаря И. Г. Прыжова, 42-хъ лѣтъ, и мѣщанина Н. Н. Николаева, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что они были соучастниками означеннаго тайнаго общества и въ томъ, что въ качествѣ сообщниковъ, по подговору Нечаева, совершили убійство студента Иванова, заманивъ его въ уединенное мѣсто.

2. Сына священника И. И. Флоринскаго, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что, зная о существованіи означеннаго общества, принималъ участіе въ дѣйствіяхъ онаго.

3. Дворянина П. Н. Ткачева, 27-ми лѣтъ, и мѣщанку А. Д. Дементьеву, 19 лѣтъ, въ томъ, что первый сочинилъ и отдалъ для напечатанія и распространенія, а послѣдняя напечатала и распространила воззваніе „Къ обществу", заключающее въ себѣ отзывъ оскорбительный и направленный къ колебанію общественнаго довѣрія къ распоряженіямъ правительственныхъ установленій и оправданію воспрещенныхъ ими дѣйствій, съ цѣлью возбудить къ этимъ распоряженіямъ и установленіямъ неуваженіе.

4. Находя затѣмъ подсудимыхъ священническаго сына В. Ф. Орлова, дворянина Ф. В. Волховскаго, вдову полковника Е. Х. Томилову и священническаго сына М. И. Коринѳскаго по настоящему дѣлу не виновными, Судебная Палата, на основаніи 318, 1.453 п. 3, 1.035, 134, 152, 19, 31, 139, 143, 129, 38 и 140-й ст. Улож. о Наказ. и 771-й Уст. Угол. Суд., опредѣляетъ:

1) подсудимыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова и Николаева лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Успенскаго—въ рудникахъ на 15 лѣтъ, Кузнецова—въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ, Прыжова—въ крѣпостяхъ на 12 лѣтъ, и Николаева — въ крѣпостяхъ на 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, затѣмъ поселить въ Сибири навсегда;

2) подсудимаго Флоринскаго заключить въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, съ отдачею затѣмъ подъ строгій надзоръ полиціи на 5 лѣтъ;

3) подсудимыхъ Ткачева и Дементьеву заключить въ тюрьму: перваго на 1 годъ и 4 мѣсяца, а Дементьеву на 4 мѣсяца;

4) подсудимыхъ Коринѳскаго, Волховскаго, Томилову и Орлова признать по Суду оправданными:

5) о примѣненіи мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда относительно Флоринскаго, Ткачева и Дементьевой составить особое постановленіе;

6) приговоръ о Ткачевѣ не приводить въ исполненіе, въ виду имѣющихся въ Палатѣ о немъ другихъ дѣлъ,—и

7) приговоръ этотъ по вступленіи въ законную силу относительно Успенскаго и Прыжова, на основаніи 945-й ст. Уст. Угол. Суд., представить на Высочайшее усмотрѣніе. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ черезъ 2 недѣли послѣ послѣдней резолюціи по настоящему дѣлу.

Предсѣдатель. Подсудимые Орловъ, Волховскій, Коринѳскій и Томилова! Не угодно ли вамъ выйти на середину залы.

(Подсудимые вышли).

Подсудимые! Вы свободны отъ суда и отъ содержанія подъ стражею. Господа, отнынѣ вамъ мѣсто не на позорной скамьѣ, а среди публики, среди всѣхъ насъ.

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты,
19-го іюля 1871 года, по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи.

Засѣданіе открыто въ томъ же составѣ Суда, какъ и по первой группѣ. Обвинялъ прокуроръ В. А. Половцевъ. Защитниками обвиняемыхъ явились присяжные повѣренные: Спасовичъ—Мутафова, Коробьина и Пажонъ-де-Монсе; Герардъ—Пирамидова, Лау и Коведяева; Таньевъ — князя Черкезова, И. Рязанцева, В. Рязанцева и Н. Голикова; Архангельскій—Сарибекова, Гавришева и Шеста-

кова; Соколовскій—Костыркина; Герке—С. Кузнецова, Ивакина и Рахметова; Стасовъ—Долгова и Римскаго-Корсакова; Арсеньевъ—П. и Д. Енкуватовыхъ Ординъ—Рипмана, Климина, Скипскаго, Шанаева и Бутурлина; Матвѣевъ—Хаджибекова; помощникъ присяжнаго повѣреннаго Утинъ—Бѣляевой и Ланге князь Урусовъ—Попова, Ишханова и Свѣчина.

Прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Результаты обыска, произведеннаго 26-го ноября 1869 года, въ Москвѣ, въ квартирѣ дворянина Петра Гаврилова Успенскаго, во 2-мъ кварталѣ Мѣщанской части, въ домѣ Камзолкина, а также въ московскомъ книжномъ магазинѣ Черкесова, въ которомъ Успенскій служилъ прикащикомъ, и произведенное вслѣдъ за симъ дознаніе, направленное для разъясненія значенія и цѣли храненія Успенскимъ найденныхъ у него бумагъ, обнаружили существованіе въ Москвѣ тайнаго общества, образованнаго съ цѣлію ниспроверженія, путемъ возстанія, существующаго въ Россіи Правительства и перемѣны порядка правленія.

Подробное разсмотрѣніе отобранныхъ при упомянутомъ обыскѣ бумагъ, разъясненныхъ, кромѣ того, объясненіями обвиняемаго Успенскаго, произведенные затѣмъ обыски у разныхъ лицъ, которыя или значились въ найденныхъ у Успенскаго запискахъ и упоминались въ данныхъ имъ объясненіяхъ, или которыя своимъ близкимъ знакомствомъ съ нимъ возбуждали противъ себя подозрѣніе, и наконецъ, объясненія спрошенныхъ при дознаніи лицъ привели къ раскрытію слѣдующихъ данныхъ.

Бывшій учитель приходского Сергіевскаго училища въ С.-Петербургѣ Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, прибывъ, какъ извѣстно, въ Москву 3-го сентября 1869 года изъ Женевы, въ качествѣ посланнаго отъ всемірнаго революціоннаго комитета, обратился непосредственно къ дворянину Петру Успенскому и, познакомившись, вслѣдъ за симъ, чрезъ него, со слушателями Петровской Земледѣльческой Академіи, кромѣ Алексѣя Кузнецова, съ Долговымъ, Рипманомъ, Ивановымъ и другими лицами, организовалъ изъ нихъ и при ихъ помощи тайное общество подъ названіемъ „Народная расправа“ или „Общество топора“, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ, обнаруженныхъ произведеннымъ по сему дѣлу, по Высочайшему повелѣнію, предварительнымъ слѣдствіемъ.

Изъ найденныхъ при обыскѣ въ квартирѣ Успенскаго „Изложенія общихъ правилъ сѣти для отдѣленій“ и „Общихъ правилъ организаціи“, а также изъ показаній обвиняемыхъ, разъяснявшихъ устройство тайнаго общества, оказывается, что внѣшняя сторона образованной Нечаевымъ организаціи состояла въ томъ, что лица, уполномоченныя отъ такъ называемой „сѣти“, съ одобренія комитета народной расправы, составляли отдѣленіе, въ которое поступали также лица изъ кружковъ, образованныхъ на основаніи „Общихъ правилъ организаціи“ въ тѣхъ случаяхъ, если они, по усмотрѣнію комитета, оказывались удовлетворяющими требованіямъ общества. Поступленіе въ отдѣленіе дѣлалось постепенно, поодиночкѣ. Когда число членовъ достигало пяти, тогда отдѣленіе раздѣлялось на группы, по указанію комитета. Изъ членовъ отдѣленія избиралось лицо, завѣдывавшее письмоводствомъ, храненіемъ бумагъ, вещей и т. п.; другіе же члены брали на себя обязанность вести подготовительную работу въ томъ или другомъ сословіи и избирали себѣ помощниковъ изъ лицъ, организованныхъ по общимъ правиламъ. Самые же кружки образовывались такимъ образомъ, что членъ организаціи изъ среды своихъ знакомыхъ намѣчалъ пять-шесть лицъ, говорилъ съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно и, получивъ согласіе на вступленіе въ общество, собиралъ ихъ вмѣстѣ и такимъ образомъ основывалъ свой отдѣльный кружокъ. Члены таковыхъ кружковъ, въ свою очередь, составляли каждый около себя кружокъ 2-й степени, къ которому прежде основанный становился въ значеніе центральнаго, куда вносилась вся сумма свѣдѣній о дѣятельности второстепенныхъ кружковъ для доставленія въ отдѣленіе. По образованіи таковыхъ кружковъ, члены ихъ, въ свою очередь, организовали третьестепенные кружки и т. д. Кружокъ, составившій посредствомъ своихъ членовъ низшіе кружки, становился относительно ихъ центромъ, получалъ уставъ общества и опредѣленную программу дѣятельности.

Всякій организаторъ, составляя кружокъ, долженъ былъ фамиліи всѣхъ членовъ своего кружка замѣнить цифрами, которыми и означать ихъ въ взаимной перепискѣ, въ отчетахъ, въ протоколахъ засѣданій и т. п. Первые организаторы или члены отдѣленія (Успенскій, Прыжовъ, Бѣляева, Ивановъ и Алексѣй Кузнецовъ) имѣли нумера единичные или вообще какую-нибудь цифру. Такой организаторъ, составляя свой кружокъ, означалъ привлеченныхъ имъ лицъ посредствомъ прибавленія къ своему нумеру съ правой стороны цифры по порядку приглашенія. Такъ, напримѣръ: фамилія члена отдѣленія Алексѣя Кузнецова означалась цифрою 5; фамиліи же приглашенныхъ имъ къ участію въ обществѣ: Скипскаго 51, князя Черкезова 52; Успенскій означался цифрою 17, приглашенный имъ Лау имѣлъ нумеръ 171; находившіеся же въ кружкѣ Лау Свѣчинъ и Ивакинъ означались нумерами 1.711 и 1.712 и т. д. Кромѣ, этого члены тайнаго общества въ сношеніяхъ своихъ, какъ съ посторонними лицами; такъ и между собою, обыкновенно скрывали свою настоящую фамилію и называли себя разными вымышленными именами. Такъ Нечаевъ назывался

Павловымъ, Иваномъ Петровичемъ, Дмитріемъ Өедоровичемъ, офицеромъ Пашинымъ; Николаевъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Александра Васильевича, Егора Анисимова; князь Черкезовъ—подъ именемъ Берсеньева и т. п.

Каждый представитель кружка долженъ былъ составить шифръ изъ азбучныхъ условныхъ знаковъ, которые обязанъ былъ запомнить и сообщить ихъ въ центральный въ отношеніи къ нему кружокъ, если онъ сносился съ нимъ непосредственно, или тому лицу, черезъ кого онъ сносился съ таковымъ кружкомъ. Азбука, какъ видно изъ объясненій обвиняемыхъ и изъ найденной у нихъ переписки, писанной шифромъ, состояла изъ цифръ, при чемъ одна или двѣ цифры означали букву. Для облегченія памяти, въ этой азбукѣ принималось въ соображеніе сходство цифръ съ буквами и сходство начальныхъ буквъ съ названіемъ чиселъ. Такъ, напримѣръ: нуль означалъ о, 5—п., 10—д., 11—и, 3—з, 4—ч: и т. п. Слова записывались въ видѣ счетовъ по-двѣ буквы, и подводился итогъ.

Тайное общество имѣло свою печать, найденную при обыскѣ у Петра Успенскаго, овальной формы, съ надписью кругомъ: „Комитетъ народной расправы 19-го февраля 1870 года", и съ изображеніемъ въ срединѣ топора. Печать употреблялась на такъ называемыхъ бланкахъ общества, посредствомъ которыхъ дѣлались разныя распоряженія и передавались приказанія комитета обыкновенно въ такой формѣ: „Предлагается такому-то сдѣлать то-то".

Дѣятельность тайнаго общества, главнымъ образомъ, состояла въ поддержаніи агитаціи въ народѣ всѣми возможными средствами, посредствомъ распространенія прокламаціи, ложныхъ слуховъ и т. п. Для удобнаго и безопаснаго достиженія этой цѣли, общество устраивало притоны, гдѣ могли бы имѣть пристанище укрывающіяся отъ преслѣдованія Правительства лица, доставляло таковымъ лицамъ и вообще имѣющимъ въ томъ надобность деньги, крестьянскіе паспорты и т. д. Для этой же цѣли общество заводило знакомство въ низшемъ классѣ общества; собирали деньги съ членовъ и съ лицъ, сочувствующихъ обществу, или непосредственно, или подъ разными благовидными предлогами, и съ лицъ, несочувствующихъ цѣли общества; составляло склады разнаго платья; заботилось о доставленіи мѣстъ лицамъ, посредствомъ которыхъ имѣло въ виду распространеніе и поддержаніе агитаціи въ разныхъ сословіяхъ.

Собранія тайнаго общества происходили въ отдѣльныхъ кружкахъ, при чемъ обыкновенно присутствовалъ или членъ отдѣленія, или вообще кто-нибудь изъ участниковъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ комитета, для наблюденія за тѣмъ, что происходило въ собраніи. Такой уполномоченный при входѣ предъявлялъ бланку отъ комитета, которая осматривалась присутствующими и тотчасъ же сжигалась. Въ собраніяхъ разсуждали о способахъ приведенія въ исполненіе разныхъ предписаній комитета, сбирали деньги въ казну общества, читали отчеты низшихъ кружковъ, обсуждали, кто, изъ указанныхъ членами лицъ, могъ быть привлеченъ къ участію въ обществѣ, читали разныя прокламаціи и т. п. Все происходившее въ засѣданіи записывалось условнымъ шифромъ въ протоколъ, и впослѣдствіи о дѣйствіяхъ каждаго кружка или члена составлялись отчеты, изъ которыхъ извлекались свѣдѣнія для составленія общаго отчета, который имѣлъ быть представленъ въ такъ называемый всемірный революціонный комитетъ.

Приступивъ къ устройству въ Москвѣ тайнаго общества на основаніи вышеизложенныхъ правилъ, Нечаевъ, въ началѣ сентября 1860 г., составилъ первый кружокъ организаціи, въ составъ котораго входили слушатели Петровской Земледѣльческой Академіи: Ивановъ (впослѣдствіи убитый), Долговъ, Алексѣй Кузнецовъ и Рипманъ. Послѣдовательность образованія дальнѣйшихъ кружковъ разъясняется слѣдующими показаніями обвиняемыхъ лицъ, спрошенныхъ при предварительномъ слѣдствіи, такъ равно и объясненіями, данными ими при производствѣ по сему дѣлу дознанія:

1. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Николай Степановъ Долговъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу „Народной расправы", объяснилъ, что съ Нечаевымъ, извѣстнымъ ему подъ именемъ Ивана Петровича Павлова, онъ познакомился въ августѣ 1869 года. Нечаевъ, заведя съ нимъ однажды разговоръ о непрактичности экономической артели, которую Долговъ имѣлъ намѣреніе устроить съ нѣсколькими изъ своихъ знакомыхъ, началъ доказывать необходимость политическаго переворота, при чемъ давалъ читать прокламаціи Бакунина и Нечаева. Результатомъ этихъ разговоровъ было то, что онъ, Долговъ, склонился на вступленіе въ общество, оставляя за собою право отказаться отъ участія въ дѣйствіяхъ въ критическую минуту, если онъ, Долговъ, увидитъ, что силъ у общества немного. Вслѣдствіе просьбы Нечаева указать ему слушателей Академіи, которыхъ онъ, Долговъ, считаетъ за лучшихъ, онъ познакомилъ Нечаева съ Ивановымъ (убитымъ) и Рипманомъ. Съ каждымъ изъ этихъ лицъ Нечаевъ разговаривалъ отдѣльно, и всѣ они согласились на вступленіе въ общество. Но о средствахъ и устройствѣ общества, а также о лицахъ, стоящихъ во главѣ его, Нечаевъ не разсказывалъ, говоря, что, по мѣрѣ того, какъ они будутъ становиться полезнѣе обществу, имъ все болѣе и болѣе будутъ открываться его дѣла, а въ критическую минуту каждому все

будетъ извѣстно. При этомъ Нечаевъ давалъ читать листокъ на французскомъ языкѣ съ припискою Бакунина, въ которомъ, въ общемъ видѣ, высказывались принципы общества (по показанію Успенскаго — уставъ и программа международнаго общества).

Вскорѣ послѣ сего въ квартирѣ Иванова, ночью, собрались: Нечаевъ, Алексѣй Кузнецовъ, Рипманъ и онъ, Долговъ. Нечаевъ далъ имъ прочесть правила общества. Такимъ образомъ составился первый кружокъ, которому былъ обѣщанъ уставъ по образованіи второстепенныхъ кружковъ; но обѣщаніе это не было исполнено за все время существованія кружка.

Послѣ составленія перваго кружка, около Иванова, Алексѣя Кузнецова и его, Долгова, сформировались второстепенные кружки. Къ Иванову примыкали Лау, Ланге, Пименъ Енкуватовъ и Владиміръ Поповъ. Лау и Пименъ Енкуватовъ составили около себя третьестепенные кружки; къ Лау присоединились Ивакинъ и Свѣчинъ, а къ Пимену Енкуватову—Шестаковъ, Римскій-Корсаковъ и два брата Голыковыхъ. Кружокъ Алексѣя Кузнецова состоялъ изъ Климина, Гаврищева, Семена Кузнецова и двухъ братьевъ Рязанцовыхъ. Кружокъ его, Долгова, состоялъ изъ Коробьина, Аврамова (вышедшаго изъ общества), и впослѣдствіи къ его кружку присоединилась Елизавета Бѣляева.

Впослѣдствіи въ составѣ кружковъ происходили перемѣны, вслѣдствіе удаленія или выбытія членовъ. Прежде всѣхъ былъ удаленъ Пименъ Енкуватовъ, и на его мѣсто былъ назначенъ въ кружокъ Иванова Шестаковъ. Послѣ Енкуватова очень скоро были отдѣлены Ивановъ и Алексѣй Кузнецовъ, какъ говорилось въ бланкахъ— „для болѣе спеціальнаго дѣла", и на мѣсто ихъ поступили Лау и Климинъ. Кружокъ Иванова присоединился вмѣстѣ съ Шестаковымъ къ кружку его, Долгова, а кружокъ Лау изъ третьестепеннаго сдѣлался второстепеннымъ.

Первый кружокъ собирался каждую недѣлю по разу, сначала ночью у Иванова, а потомъ по утрамъ, по очереди, у Иванова, Рипмана и у него, Долгова. На этихъ собраніяхъ составляли первыя краткія характеристики знакомыхъ, разбирали шифръ, предложенный Кузнецовымъ для записыванія протоколовъ, которые велись ими по очереди и доставлялись Успенскому по воскресеньямъ. На одномъ изъ собраній онъ, Долговъ, предложилъ составить кассу для поѣздокъ его въ Москву: но потомъ было кѣмъ-то предложено расширить кассу такъ, чтобы взносы въ нее дѣлались и другими кружками. Касса эта очень долго не устраивалась, вслѣдствіе чего отъ комитета поступило много бланковъ съ напоминаніемъ. Денегъ за все время собрано немного. На одно изъ собраній Кузнецовъ приносилъ бланки, гдѣ было написано сверху: „Въ пользу студентовъ", для того, чтобы члены кружковъ давали подписывать ихъ своимъ знакомымъ. Собранныя по этимъ бланкамъ деньги передавались Кузнецову, который вскорѣ отдалился отъ ихъ кружка. Въ числѣ занятій перваго кружка состояла и разсылка разнымъ лицамъ прокламацій, которыя были опущены въ почтовый ящикъ Ивановымъ. На собраніяхъ получали отъ комитета разныя бланки: 1) съ требованіемъ статистики населенія Петровско-Разумовскаго, со включеніемъ его характеристики, при чемъ Нечаевъ предложилъ нѣсколько знаковъ для означенія главныхъ чертъ характера: 1—означаетъ молчаливаго, 2—барскія наклонности, 3—народныя свойства: косность, лѣнь и друг. въ этомъ родѣ; 2) съ порученіемъ членамъ достать карточки трехъ полицейскихъ чиновниковъ; 3) съ порученіемъ навести справки о нѣкоей Цѣвловской въ томъ смыслѣ, не служитъ ли она въ III-мъ Отдѣленіи и т. п.

Послѣ происшедшей исторіи въ Московскомъ Университетѣ, около 15-го октября Нечаевъ удалился изъ кружка, вмѣсто его раза два или три бывалъ на собраніяхъ неизвѣстный человѣкъ, весьма бѣдно одѣтый, который не говорилъ своей фамиліи (Николаевъ). Въ это же время были отдѣлены Лау съ его кружкомъ и Рипманъ, такъ что въ первомъ кружкѣ остались Климинъ и онъ, Долговъ. По случаю исторіи въ Университетѣ была прислана бланка, въ которой говорилось, что этою исторіею нужно воспользоваться въ интересахъ дѣла, и потому требовалось, чтобы каждый членъ, имѣющій знакомыхъ студентовъ, отправился въ Москву для агитаціи и чтобы студентамъ другихъ Университетовъ были посланы письма, въ которыхъ разсказывалась бы студенческая исторія и то, что студенты начали сплачиваться въ кружки, имѣющіе политическій характеръ. На этой бланкѣ подписывались члены всѣхъ кружковъ, съ соблюденіемъ, по распоряженію комитета, того условія, чтобы представители, давая подписывать бланку, закрывали бы печать. Такія письма были посланы имъ, Долговымъ, разнымъ лицамъ. По адресу, данному Успенскимъ, онъ, Долговъ, былъ на собраніи студенческаго кружка, гдѣ былъ принятъ по знаку, данному ему также Успенскимъ (на лоскуткѣ бумаги была написана какая-то запутанная фигура). Разговоръ на этомъ собраніи былъ о студенческой кассѣ, и всѣ политическіе намеки, дѣланные имъ, Долговымъ, были отклонены тотчасъ же. О характерѣ этого собранія онъ, Долговъ, словесно сообщилъ Успенскому и на другой день, чрезъ Иванова прислалъ письменный отчетъ.

Павловъ при послѣднемъ ихъ свиданіи сообщилъ, что ему, Долгову, скоро передадутся посмертныя записки Нечаева, умершаго, по его словамъ, въ Сибири на каторгѣ, и что членамъ кружка необходимо знать все, что происходитъ въ предѣлахъ

Академіи въ смыслѣ общественномъ, и представлять объ этомъ отчеты. При этомъ Павловъ обратилъ вниманіе на литературные вечера, которые происходили у Костыркина и у Голиковыхъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ объ этихъ вечерахъ отъ Коробьина, онъ, Долговъ, передалъ отчетъ Успенскому.

Низшіе кружки обнаружили свою дѣятельность не ранѣе октября мѣсяца, за что первому кружку нѣсколько разъ дѣлались замѣчанія отъ комитета. Составленный имъ, Долговымъ, второстепенный кружокъ собирался не болѣе 6-ти разъ, и изъ членовъ его постоянно бывалъ Коробьинъ, а изъ остальныхъ каждый бывалъ по нѣскольку разъ. Дѣятельность второстепеннаго кружка была продолженіемъ дѣятельности перваго, такъ что и протоколы собранія велись тѣмъ же шифромъ.

Кромѣ вышеизложеннаго, дѣятельность его, Долгова, проявилась еще въ томъ, что онъ просилъ Владиміра Попова поселиться на гончарномъ заводѣ, чтобы тамъ учить грамотѣ рабочихъ, и что подъ диктовку Нечаева онъ, Долговъ, написалъ нѣсколько писемъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ за границу, но содержанія и адресовъ этихъ писемъ не помнитъ.

Протоколы собраній, написанные шифромъ и хранившіеся у него, Долгова, были имъ истреблены въ то время, когда онъ былъ увѣдомленъ о производимыхъ въ Москвѣ арестахъ.

Цѣль тайнаго общества, къ которому принадлежалъ онъ, Долговъ, состояла, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы при помощи революціи доставить народу самоуправленіе.

2. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Ѳедоръ Ѳедоровъ Рипманъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу „Народная расправа“, объяснилъ, что принявъ участіе въ тайномъ обществѣ по предложенію Нечаева, извѣстнаго ему подъ именемъ Ивана Петровича, съ которымъ онъ познакомился въ началѣ сентября мѣсяца 1869 года у слушателя Академіи Иванова, онъ, Рипманъ, изъявилъ свое согласіе на участіе, съ цѣлію познакомиться поближе съ народомъ. Послѣ собранія въ квартирѣ Иванова, гдѣ былъ онъ, Рипманъ, Нечаевъ, Долговъ и Алексѣй Кузнецовъ, и гдѣ Нечаевъ говорилъ о существующемъ за границею интернаціональномъ обществѣ, имѣющемъ цѣлію произвести въ Россіи политическій переворотъ путемъ революціи, онъ, Рипманъ, по данному ему адресу, отправился къ коллежскому секретарю Прыжову и поступилъ въ его кружокъ, состоявшій изъ слушателей Академіи Пимена Енкуватова, Коведяева и мѣщанина Николаева, извѣстнаго ему подъ именемъ Александра Васильевича. Поступленіе его, Рипмана, въ кружокъ Прыжова, имѣвшій своею спеціальностію непосредственныя сношенія съ народомъ, произошло вслѣдствіе того, что онъ до знакомства своего съ Нечаевымъ занимался съ нѣкоторыми изъ знакомыхъ ему крестьянъ. Это обстоятельство, сдѣлавшееся извѣстнымъ Нечаеву, имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что бланкою комитета онъ былъ отдѣленъ отъ перваго кружка для дѣйствій въ народѣ.

Кружокъ Прыжова на первомъ собраніи толковалъ о распредѣленіи занятій, при чемъ Прыжовымъ были указаны мѣста, которыя слѣдовало посѣщать съ цѣлью пропаганды въ народѣ, какъ напримѣръ: Хитровъ рынокъ, Дербеновка и т. п. На Хитровомъ рынкѣ, куда онъ ходилъ вмѣстѣ съ Пименомъ Енкуватовымъ, ему удалось познакомиться съ нѣсколькими публичными женщинами и, такъ называемыми, жуликами, но знакомство это не привело ни къ какимъ результатамъ. На одномъ изъ собраній, вслѣдствіе заявленія, сдѣланнаго Пименомъ Енкуватовымъ, что онъ безъ крестьянскаго паспорта не согласится идти въ народъ, Николаевъ досталъ нѣсколько старыхъ крестьянскихъ паспортовъ и одинъ изъ нихъ далъ ему, Рипману, для вытравленія. Онъ, Рипманъ, пробовалъ вытравлять написанное, но вытравить ализариновыхъ чернилъ ему не удалось. Кромѣ сего общество занималось рѣшеніемъ вопроса о замѣнѣ въ будущемъ формы правленія, при чемъ высказалось, что 19-мъ февраля 1870 года надо будетъ воспользоваться.

Послѣ исторіи въ Московскомъ Университетѣ, извѣстной подъ именемъ Полунинской, онъ, Рипманъ, получилъ чрезъ Прыжова предписаніе комитета отправиться на сходку студентовъ въ квартирѣ Мутафова. Бывшій съ нимъ на этой сходкѣ князь Черкезовъ предложилъ отправиться въ гостиницу Мамонтова, гдѣ можно было удобнѣе говорить о вещахъ серьезныхъ; изъ бывшихъ на сходкѣ студентовъ отправились съ ними человѣкъ семь: Ишхановъ, Мутафовъ, Пирамидовъ, Бутурлинъ, Смирновъ, Эльсницъ и Петровскій. На этой сходкѣ онъ, Рипманъ, говорилъ о тайномъ обществѣ, о его цѣли произвести революцію и проч. Князь Черкезовъ показывалъ прокламацію отъ „Сплотившихся къ разрозненнымъ“, но показывалъ ли что другое — не помнитъ.

Послѣ этого собранія онъ предложилъ Пирамидову вступить въ организацію и получилъ согласіе. Такое же предложеніе было сдѣлано Ишханову и Мутафову.

Въ началѣ ноября было собраніе его кружка, на которомъ были прочитаны правила общества и занимались намѣчаніемъ личностей.

Кружокъ его, Рипмана, собирался раза 4 или 5. На нѣсколькихъ собраніяхъ находился Александръ Васильевичъ, какъ уполномоченный отъ комитета, и при входѣ читалъ бланку, которая была осматриваема всѣми и сожжена. На этихъ же собраніяхъ

было предложено собирать деньги и завести шифръ, но ни то, ни другое не было исполнено. О дѣятельности своего кружка онъ, Рипманъ, составилъ 3 отчета, которые и были переданы Прыжову.

Цѣль тайнаго общества, въ которомъ онъ, Рипманъ, принималъ участіе, состояла въ произведеніи политическаго переворота путемъ революціи, чтобы тѣмъ способствовать возвышенію рабочаго сословія.

Обстоятельства, изложенныя въ предъидущихъ показаніяхъ Долгова и Рипмана о порядкѣ образованія кружковъ тайнаго общества, въ главныхъ чертахъ, вполнѣ подтверждается какъ показаніями обвиняемыхъ: Успенскаго, Алексѣя Кузнецова, Прыжова и Николаева, такъ и имѣющимися при дѣлѣ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, бумагами, найденными при обыскѣ у обвиняемыхъ. Въ разъясненіе же подробностей показаній Долгова и Рипмана, а также степени участія въ тайномъ обществѣ лицъ, оговоренныхъ какъ ими, такъ и обвиняемыми: Успенскимъ, Кузнецовымъ, Прыжовымъ и Николаевымъ, привлеченные къ сему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ показали слѣдующее:

3. Мѣщанка Елизавета Иванова Бѣляева, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснила, что вступила въ общество по предложенію Нечаева, извѣстнаго ей подъ именемъ Ивана Петровича, съ которымъ познакомилась въ квартирѣ Долгова въ первыхъ числахъ сентября. По вступленіи въ общество она была въ собраніи въ квартирѣ Кузнецова, гдѣ были Ивановъ (убитый), Прыжовъ, Успенскій и Нечаевъ. На этомъ собраніи распрашивали другъ друга о знакомыхъ, Кузнецовъ и Ивановъ отдавали деньги Нечаеву, раздавались листки для сбора въ пользу страждущихъ и постановили подписываться изъ предосторожности другими фамиліями. До этого собранія Нечаевъ далъ ей денегъ для поступленія на женскіе курсы и совѣтовалъ познакомиться съ посѣтительницами курсовъ, съ тѣмъ, чтобы она въ свою очередь познакомила съ ними и его. Она, Бѣляева, была на курсахъ разъ 6 или 7, но особенно познакомиться ни съ кѣмъ не успѣла.

Затѣмъ, по предложенію Нечаева, поступила въ кружокъ Долгова и, переѣхавъ въ квартиру Успенскаго, получила отъ послѣдняго извѣстіе, что онъ и Кузнецовъ сообщаться съ другими болѣе не будутъ, и съ этого времени прежнихъ собраній она уже болѣе не видѣла, такъ какъ Успенскій, сколько она могла замѣтить, скрывалъ отъ нея, что у него собирается кружокъ.

Въ началѣ ноября Нечаевъ предложилъ ей проѣхаться за границу, говоря, что у него есть тамъ друзья, которые ее примутъ хорошо, что поѣдетъ она не одна и что современемъ ей будетъ объяснена цѣль поѣздки. По его совѣту она достала себѣ свидѣтельство на выѣздъ изъ Москвы за границу, о чемъ и сообщила Успенскому и Прыжову, причемъ послѣдній сказалъ, что, можетъ быть, онъ будетъ ея спутникомъ. Поѣздка ея все откладывалась до 22-го ноября. Въ этотъ день утромъ къ ней пришелъ Нечаевъ и сообщилъ, что она на дняхъ поѣдетъ за границу, что онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ и передъ отъѣздомъ зайдетъ къ ней и принесетъ письма къ его знакомымъ, но этого не исполнилъ, и съ тѣхъ поръ она его не видала.

Кромѣ того, въ началѣ октября, она, Бѣляева, по порученію Нечаева, ѣздила въ Петербургъ съ его письмами къ Негрескулу, Лихутиной и Старицыну. Вручая эти письма, она, Бѣляева, и тѣ лица, на имя которыхъ таковыя были адресованы, называли Нечаева Дмитріемъ Өедоровичемъ. Въ письмѣ къ Лихутиной говорилось, чтобы она пріѣзжала въ Москву и привозила 100 рублей.

Цѣли общества она хорошо не понимала. Изъ разговоровъ же Нечаева ясно видѣла, что цѣль для Правительства вредная, такъ какъ Нечаевъ постоянно говорилъ, что народъ возбужденъ, готовъ требовать большихъ правъ и что они обязаны быть его руководителями.

4. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Иннокентій Өедоровъ Климинъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что въ концѣ сентября или началѣ октября 1869 года онъ, Климинъ, вмѣстѣ съ своими товарищами Гавришевымъ, Иваномъ Рязанцевымъ и Семеномъ Кузнецовымъ были приглашены Алексѣемъ Кузнецовымъ принять участіе въ обществѣ. При приглашеніи ихъ Кузнецовымъ была прочтена программа „интернаціональнаго общества", съ коротенькою припискою Бакунина. Чрезъ нѣсколько времени, когда онъ, Климинъ, и вышеозначенныя лица изъявили согласіе на вступленіе въ общество, имъ былъ прочтенъ уставъ,— и начались собранія кружка.

Въ кругъ дѣятельности собраній кружка входили: сборъ денегъ, каковыхъ было собрано отъ 10 до 15 рублей, чтеніе прокламацій и другихъ революціонныхъ сочиненій и указанія наличности, какъ годныя для дѣла, такъ и для него опасныя. Въ видѣ сбора въ пользу общества брали и одежду. Собранія кружка были разъ въ недѣлю, но потомъ собирались рѣже. На собраніяхъ иногда бывалъ неизвѣстный господинъ, называвшійся Иваномъ Петровичемъ. Въ срединѣ ноября къ ихъ кружку примкнули Владиміръ Рязанцевъ и Лебедевъ. Литературные вечера, бывшіе у Голиковыхъ и друг., устраивались съ цѣлью сблизить людей, узнавать ихъ и путемъ чтенія разныхъ тенденціозныхъ книгъ незамѣтно подготовлять къ вступленію годныхъ изъ нихъ въ общество.

24-го ноября утромъ пришелъ къ нему, Климину, неизвѣстный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи Николаевымъ, и вручилъ ему бланку съ приказаніемъ Комитета: „Ни въ какомъ случаѣ не признавать своего башлыка, гдѣ бы онъ его ни увидалъ“. Получивъ это приказаніе и узнавъ на другой день, т. е. 25-го ноября, объ убійствѣ Иванова, онъ, Климинъ, началъ догадываться о связи этой записки съ убійствомъ, такъ какъ башлыкъ его былъ данъ Алексѣю Кузнецову въ концѣ октября или началѣ ноября 1869 года и былъ затѣмъ найденъ на мѣстѣ убійства. Заявить же о своемъ предположеніи онъ не рѣшился, опасаясь и комитета, и привлеченія къ дѣлу. Для устраненія послѣдняго, т. е. привлеченія къ дѣлу, онъ взялъ башлыкъ у Гавришева, имѣя въ виду выдавать его за свой, если предположенія его окажутся основательными, что дѣйствительно и сдѣлалъ.

Принимая участіе въ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью, по его словамъ, производить антиправительственную пропаганду въ обществѣ, онъ, Климинъ, считалъ политическій переворотъ невозможнымъ въ скоромъ времени. О будущей же формѣ правленія онъ думалъ, что таковая будетъ основана на выборномъ началѣ и на широкомъ участіи въ управленіи самаго народа.

5. Князь Варлаамъ Джонъ Асланов Черкезовъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что участіе его въ дѣйствіяхъ общества состояло главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что онъ доставлялъ членамъ, и въ особенности организатору общества, Нечаеву денежныя средства, способствовалъ Нечаеву уѣхать за границу во время начавшихся уже арестовъ послѣ обнаруженія существованія означеннаго общества, склонялъ къ поступленію въ общество разныхъ лицъ и распространялъ имѣвшіяся у него прокламаціи („Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, „Народное дѣло“, „Летучій листокъ“, „Современныя“ и т. п.).

Разъясняя въ подробностяхъ свое участіе въ дѣйствіяхъ тайнаго общества, князь Черкезовъ показалъ слѣдующее:

Вступленіе его въ члены тайнаго общества произошло по приглашенію знакомаго ему слушателя Академіи Алексѣя Кузнецова, въ послѣднихъ числахъ октября или въ первыхъ числахъ ноября 1869 года. Кузнецовъ явился къ нему отъ имени Нечаева, отъ котораго, равно какъ и отъ Успенскаго, онъ еще прежде слышалъ о существованіи въ Москвѣ упомянутаго общества, и пригласилъ его отправиться въ Петровско-Разумовское. Прибывъ въ неизвѣстную ему, Черкезову, квартиру, онъ засталъ тамъ Нечаева, который и сообщилъ ему, что по распоряженію центра онъ, Черкезовъ, долженъ состоять въ кружкѣ Кузнецова и съ нимъ сноситься. По уходѣ Нечаева, Кузнецовъ прочиталъ ему и находившемуся тамъ же Скипскому правила организаціи, написанныя на бумагѣ съ печатью общества „Народная расправа“, передалъ имъ шифръ и сообщилъ объ обязанности каждаго члена указывать своихъ знакомыхъ, годныхъ для организаціи. Послѣ этого собранія Кузнецовъ условился съ нимъ о способахъ сношеній ихъ между собою и получилъ отъ него, Черкезова, 125 руб. и инженерный костюмъ для устроеннаго въ обществѣ склада одежды. Передъ отъѣздомъ на ливенскія изысканія, куда онъ, Черкезовъ, отправился 9-го ноября, онъ, чрезъ Кузнецова, ввелъ въ общество Воронцову и далъ Кузнецову два условленные знака для переговоровъ о вступленіи въ общество съ Коведяевымъ и Смирновымъ и, кромѣ того, говорилъ объ обществѣ съ студентомъ Петровскимъ, съ которымъ также условился извѣстнымъ знакомъ. По возвращеніи съ работъ изъ Орловской губерніи 25-го ноября, онъ, Черкезовъ, остановился въ квартирѣ Коведяева, и въ день ареста Успенскаго къ нему явился нѣкто, назвавшійся Александромъ Васильевичемъ (Николаевъ), объявилъ ему нумеръ организаціи 52, подъ которымъ онъ, Черкезовъ, числился въ обществѣ, и просилъ съѣздить въ Петербургъ для извѣщенія находившагося тамъ Кузнецова объ арестѣ Успенскаго, при чемъ передалъ записку, писанную шифромъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ, Черкезовъ, остановился у своихъ знакомыхъ Бобарыковыхъ, гдѣ встрѣтился съ Тейльсомъ и Александровскою, которымъ рекомендовался подъ фамиліею Берсеньева. Въ разговорѣ съ Тейльсомъ и Александровскою по поводу прокламацій и возможности народнаго движенія къ 19-му февраля 1870 года эти лица обѣщали ему съ своей стороны содѣйствіе. Разыскивая въ Петербургѣ Кузнецова, онъ встрѣтился съ Николаевымъ, послѣ чего Тейльсъ пригласилъ ихъ ночевать къ своимъ знакомымъ Ружевскому и Лавдовскому. Въ квартирѣ этихъ лицъ онъ встрѣтилъ Бобарыкову и, разговорившись съ ней о томъ же, о чемъ онъ говорилъ съ Тейльсомъ, получилъ также и отъ нея обѣщаніе содѣйствія. Встрѣтивъ затѣмъ Кузнецова и условившись съ Тейльсомъ, Александровскою и Бобарыковою относительно знака для лицъ, имѣющихъ являться къ нимъ отъ его имени, онъ уѣхалъ въ Москву. По пріѣздѣ туда онъ встрѣтилъ въ своей квартирѣ Николаева и Нечаева, изъ которыхъ послѣдній сообщилъ, что дѣла его идутъ хорошо, несмотря на открытіе Правительствомъ московской организаціи, что изъ-за границы вмѣстѣ съ нимъ пріѣхало еще 16 человѣкъ, которые работаютъ въ разныхъ концахъ Россіи, что Тула и особенно оружейники готовы къ возстанію. Въ этотъ же вечеръ Николаевъ и Нечаевъ уѣхали куда-то и возвратились чрезъ два дня, причемъ Нечаевъ говорилъ, что онъ ѣздилъ сообщить „коллективности“, которой онъ подчиненъ, объ арестѣ Успенскаго и другихъ членовъ. Нечаевъ заговорилъ о необходимости ѣхать за границу

для того, чтобы привести новыя прокламаціи и деньги, и онъ, Черкезовъ, вызвался помочь ему въ этомъ, чѣмъ только будетъ имѣть возможность, сообщилъ ему адресъ Александровской и сказалъ, чтобы Нечаевъ переговорилъ съ нею, не согласится ли она сопровождать его за границу. Кромѣ этого онъ полагалъ переговорить о поѣздкѣ за границу съ Тейльсомъ, котораго, чрезъ своего знакомаго, Пажона-де-Монсе, просилъ пріѣхать въ Москву. По отъѣздѣ Нечаева онъ отправился также въ Тулу, гдѣ вмѣстѣ съ Нечаевымъ уговаривали Александровскую ѣхать за границу какъ можно скорѣе. Чрезъ пять дней по отъѣздѣ Нечаева съ Александровскою, онъ, Черкезовъ, получилъ, какъ было между ними условлено, на имя Ламанскаго, телеграмму изъ Кенигсберга, извѣщавшую о благополучномъ переѣздѣ ихъ за границу. Послѣ сего онъ видѣлся въ Москвѣ съ Тейльсомъ и Бобарыковою, сообщилъ имъ объ отъѣздѣ Нечаева, передалъ Бобарыковой адресъ Огарева въ Женевѣ и просилъ ее немедленно ѣхать въ Женеву, видѣться съ Нечаевымъ и передать ему записку. 28-го декабря Николаевъ, уѣзжая куда то, передалъ ему для сохраненія списокъ крестьянъ, но въ ту же ночь онъ, Черкезовъ, былъ арестованъ.

Относительно своего участія въ дѣятельности тайнаго общества князь Черкезовъ присовокупилъ, что по порученію Кузнецова онъ бывалъ также на сходкахъ исключенныхъ студентовъ Московскаго Университета. На одной изъ этихъ сходокъ, въ квартирѣ Каспари, онъ предложилъ бывшимъ тамъ лицамъ отправиться къ нему въ гостиницу Мамонтова, гдѣ было удобнѣе продолжать сходку. Предложеніе его было принято, и къ нему явились Рипманъ, Смирновъ, Пирамидовъ, Ишхановъ и еще двое, фамилій которыхъ онъ не помнитъ. При этихъ лицахъ Рипманъ началъ говорить о существующей организаціи, членомъ которой онъ состоялъ, а онъ, Черкезовъ, далъ имъ прочесть прокламацію „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ“, и эта прокламація у кого то изъ нихъ осталась. О собраніяхъ въ квартирѣ Каспари и о своихъ личныхъ столкновеніяхъ съ разными лицами онъ, по просьбѣ Кузнецова, сдѣлалъ письменное сообщеніе, въ которомъ изложилъ также характеристики Бутурлина, Смирнова, Пирамидова, Ишханова и Петровскаго, какъ людей развитыхъ и горячо сочувствующихъ бѣдствіямъ народа.

6. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Семенъ Кириловъ Кузнецовъ объяснилъ, что приглашеніе къ вступленію въ общество было сдѣлано братомъ его, Алексѣемъ Кузнецовымъ, въ присутствіи Прокофьева, Ивана Рязанцева, Климина и Гавришева, причемъ имъ было предложено подумать и дать отвѣтъ скорѣе. Послѣ этого они всѣ, кромѣ Прокофьева, были созваны къ Алексѣю Кузнецову, который предложилъ имъ указать своихъ знакомыхъ, годныхъ для участія въ обществѣ. На этомъ же собраніи Алексѣй Кузнецовъ просилъ его дать отвѣтъ, согласенъ ли онъ ѣхать въ Симбирскъ для дѣйствій въ пользу распространенія общества, и вручилъ ему прокламацію для передачи какому-нибудь помѣщику-крѣпостнику. Кромѣ этого Алексѣй Кузнецовъ давалъ ему читать разныя прокламаціи Огарева, Нечаева и еще какую-то, и предлагалъ подписаться въ пользу общества, отъ чего онъ, Семенъ Кузнецовъ, отказался. На этомъ собраніи присутствовалъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, невысокаго роста, въ выпуклыхъ синихъ очкахъ и наблюдалъ за ихъ дѣйствіями. Затѣмъ Алексѣй Кузнецовъ давалъ ему читать какой-то уставъ или програму общества на французскомъ языкѣ. Уставъ этотъ былъ переведенъ на русскій языкъ Гавришевымъ. Дня черезъ 4 или черезъ 5 онъ, Семенъ Кузнецовъ, уѣхалъ въ Симбирскъ и что далѣе дѣлалось въ обществѣ — ему не извѣстно.

Положительнаго согласія на предложеніе дѣйствовать въ пользу общества, онъ, Семенъ Кузнецовъ, не давалъ. Высказываясь въ пользу общества, онъ тѣмъ не менѣе говорилъ, что надо бы хорошенько узнать, на сколько осуществимы идеи общества, и что если найдетъ удобнымъ и возможнымъ, то будетъ дѣйствовать.

Относительно денегъ, которыя будто бы имъ были даны въ пользу общества, онъ, Семенъ Кузнецовъ, объяснилъ, что деньги эти могли быть имъ подписаны еще въ февралѣ или мартѣ 1869 года, т. е. въ то время, когда была распространена подписка въ пользу студентовъ, высылаемыхъ по поводу университетской исторіи въ Петербургѣ, въ концѣ 1868 года.

Цѣль тайнаго общества состояла въ водвореніи въ Россіи путемъ революціи демократическаго образа правленія.

7. Купеческій сынъ Викторъ Павловъ Скипскій объяснилъ, что предложеніе о вступленіи въ общество было сдѣлано ему сначала Успенскимъ, а затѣмъ Алексѣемъ Кузнецовымъ, которому онъ и заявилъ о своемъ согласіи. Успенскій показывалъ ему прокламацію на бланкѣ „народной расправы“, а Алексѣй Кузнецовъ ту же прокламацію съ написаннымъ на ней уставомъ общества, или программою его дѣйствій. По приглашенію Кузнецова въ концѣ октября 1869 года, онъ былъ у него для ознакомленія съ членами кружка, гдѣ видѣлъ только одного князя Черкезова. Кузнецовъ передалъ ему письмо отъ комитета, съ предложеніемъ дѣйствовать въ Москвѣ среди малороссовъ. Это письмо, по приказанію Кузнецова, было тотчасъ же сожжено.

Исполняя приказаніе Кузнецова о томъ, что каждый членъ, уѣзжая куда нибудь, долженъ заявить о семъ своему организатору, онъ, Скипскій, при отъѣздѣ

своемъ въ Петербургъ, 27-го или 28-го октября 1869 года, получилъ отъ Кузнецова четыре письма, одно вовсе безъ адреса, другое съ № 51 на конвертѣ, третье на имя Негрескула, четвертое съ адресомъ Луниной. Распечатавъ письмо съ № 51, означавшимъ знакъ его, Скипскаго, въ обществѣ, онъ прочелъ, что письмо безъ адреса должно быть передано студенту Старицыну.

Отдавъ письма Негрескулу и Старицыну, онъ, Скипскій, по возвращеніи въ Москву сообщилъ о данныхъ на эти письма отвѣтахъ Кузнецову и Успенскому, причемъ Кузнецовъ просилъ его составить о семъ отчетъ.

При новомъ свиданіи съ Кузнецовымъ, онъ, Скипскій, объявилъ ему, что впредь до того, пока не узнаетъ всѣхъ личностей, заправляющихъ обществомъ, цѣлей и средствъ этого общества, проситъ болѣе не считать его сотоварищемъ по дѣлу.

Въ ночь обыска у Успенскаго онъ, Скипскій, ночевалъ въ магазинѣ. Утромъ явился къ нему Прыжовъ и, сообщивъ объ обыскѣ, просилъ показать, гдѣ лежатъ бумаги Успенскаго. Онъ предоставилъ Прыжову искать бумаги, но Прыжовъ ничего не нашелъ и удалился. При этомъ онъ, Скипскій, вспомнилъ, что дня два тому назадъ князь Черкезовъ давалъ ему записочку къ № 174, личности, которую онъ ни по фамиліи, ни въ лицо не знаетъ. Записочку эту онъ, Скипскій, сжегъ вмѣстѣ съ другими своими бумагами. При вторичномъ посѣщеніи Прыжовымъ магазина въ день обыска у Успенскаго, онъ, Скипскій, отдалъ ему четыре пакета съ надписями, сдѣланными рукою Успенскаго: „деньги Прыжова“, на другомъ „деньги Прыжова и Успенскаго“, на третьемъ „деньги Успенскаго“ и, наконецъ, на четвертомъ „деньги Надежды Гавриловны Успенской“.

Относительно найденныхъ у него, Скипскаго, при обыскѣ бумагъ онъ объяснилъ, что №№ 17, 18, 19 и 20 журнала „Общее вѣче“ получены имъ отъ Маріи Осиповой Антоновой, отъ которой также получены имъ шесть отдѣльныхъ листовъ изъ „Колокола“ и № 2 „Будущность“. Воззваніе „Братья товарищи“ списано имъ съ экземпляра, полученнаго по почтѣ и который оказался писаннымъ рукою Антоновой.

Фамилія его, Скипскаго, въ организаціи означалась нумеромъ 51.

Цѣль тайнаго общества, по показанію Скипскаго, состояла въ возбужденіи народа къ возстанію.

8. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Иванъ Владиміровъ Рязанцевъ, сознаваясь въ участіи въ тайномъ обществѣ, объяснилъ, что предложеніе о вступленіи въ общество было сдѣлано ему Алексѣемъ Кузнецовымъ при Климинѣ, Гавришевѣ и Прокофьевѣ. Выражая свое согласіе на вступленіе въ общество, онъ, Рязанцевъ, оставлялъ за собою право дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ для достиженія основной цѣли — улучшенія состоянія бѣдствующихъ классовъ.

Собираясь нѣсколько разъ вмѣстѣ съ упомянутыми лицами, онъ говорилъ объ обществѣ, читалъ запрещенныя изданія Долгорукаго, Искандера и т. п. Дѣйствія его, Рязанцева, относительно общества выразились въ пожертвованіи имъ 10 руб. О цѣляхъ же и средствахъ общества онъ, Рязанцевъ, подробностей не знаетъ, такъ какъ всѣ подобныя подробности передавались ему очень скупо, но ему было извѣстно, что это общество имѣетъ цѣлью уничтоженіе существующаго порядка.

9. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Владиміръ Николаевъ Рязанцевъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что о существованіи тайнаго общества „Народной расправы“ онъ узналъ отъ Алексѣя Кузнецова, который, разсказавъ ему организацію общества, предложилъ ему быть членомъ. Сначала онъ, Рязанцевъ, отказался, но впослѣдствіи, по предложенію Климина, вступилъ въ его кружокъ, составленный изъ Гавришева, Ивана Рязанцева и Лебедева.

Въ засѣданіяхъ кружка онъ, Владиміръ Рязанцевъ, участвовалъ только одинъ разъ, именно при вступленіи въ общество,когда имъ былъ прочитанъ уставъ общества.

Въ пользу общества онъ пожертвовалъ 10 рублей, хотя, давая деньги, не зналъ въ точности о цѣли сбора и что деньги поступаютъ въ пользу общества узналъ только впослѣдствіи. Цѣль общества, какъ ему было извѣстно, состояла въ возбужденіи народнаго возстанія.

10. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Георгій Яковлевъ Гавришевъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что въ обществѣ, сколько ему было извѣстно, принимали участіе Алексѣй и Семенъ Кузнецовы, Иванъ Рязанцевъ и Климинъ, но вообще гдѣ находилось это общество и каковы были его средства—не знаетъ. По вступленіи въ общество онъ читалъ прокламацію Нечаева и переводилъ съ французскаго языка программу общества соціальной демократіи, но въ какомъ духѣ была написана эта программа—не знаетъ, такъ какъ читалъ ее только одинъ разъ и нигдѣ не распространялъ. Самого же Нечаева онъ, Гавришевъ, не знаетъ.

Въ пользу общества онъ, Гавришевъ, пожертвовалъ 5 руб., но денегъ посредствомъ бланокъ „для страждущихъ“ не собиралъ, хотя и бралъ у Алексѣя Кузнецова двѣ такія бланки.

По порученію Алексѣя Кузнецова онъ, Гавришевъ, сообщилъ Лебедеву о существованіи политическаго общества, но вступить въ число членовъ его не склонялъ.

Цѣль общества состояла въ содѣйствіи къ измѣненію существующаго порядк правленія.

11. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Порфирій Ивановъ Коробьинъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что вступить въ общество ему предложено было Долговымъ въ первой половинѣ октября 1869 года. Дѣятельность его въ обществѣ состояла въ томъ, что онъ, по порученію Долгова: 1) вступилъ въ сношеніе съ полицейскимъ служителемъ Академіи Николаемъ Ивановымъ, съ цѣлью узнавать отъ него, не подслушиваетъ ли кто подъ окнами слушателей Академіи; 2) присутствовалъ на литературныхъ вечерахъ у Костыркина и Голиковыхъ и о томъ, что происходило, сообщалъ словесно Долгову; и 3) составлялъ списокъ слушателей Академіи, живущихъ въ казенныхъ нумерахъ, но характеристикъ этихъ слушателей не дѣлалъ.

На собраніяхъ кружка бывалъ нѣсколько разъ у Долгова и одинъ разъ у Ланге.

Цѣль общества состояла въ измѣненіи существующаго порядка.

12. Дворянинъ Владиміръ Константиновъ Поповъ объяснилъ, что, въ половинѣ октября 1869 года, покойный Ивановъ спросилъ его, Попова, не пожелаетъ ли онъ изъ сочувствія къ народу служить его интересамъ, на что онъ, Поповъ, выразилъ согласіе, подразумѣвая законные способы содѣйствія народу. Послѣ этого Долговъ заговорилъ съ нимъ о томъ же и, не слыша отъ него возраженій, пригласилъ его къ себѣ, гдѣ онъ, Поповъ, встрѣтилъ Коробьина, Ланге и, кажется, Шестакова. Долговъ снова началъ говорить о необходимости служенія народу, распрашивалъ о его знакомыхъ, о ихъ характеристикѣ и предложилъ ему, Попову, переселиться на гончарный заводъ, съ цѣлью разъяснять народу его положеніе, его бѣдность и т. п.; затѣмъ онъ, Поповъ, былъ у Ланге, гдѣ Долговъ говорилъ объ университетской исторіи въ томъ смыслѣ, что эту исторію слѣдуетъ распространять какъ можно болѣе. Хотя Долговъ прямого приглашенія о вступленіи въ кружокъ ему, Попову, и не высказывалъ, но при второмъ посѣщеніи онъ, Поповъ, могъ заключить, что лица, бывшія у Долгова: бѣлокурая дѣвушка (Бѣляева), Коробьинъ и еще кто то, принадлежатъ къ тайному обществу. Этотъ выводъ былъ сдѣланъ имъ, Поповымъ, изъ того, что Долговъ говорилъ не только о сближеніи съ народомъ, но и о необходимости увлечь его съ собою съ цѣлію измѣнить его экономическое положеніе, хотя о способѣ для достиженія этой цѣли прямо не говорилъ. Это предположеніе и мнѣнія, высказанныя другими членами о таинственности дѣйствій Долгова, убѣдили его въ существованіи тайнаго общества, вслѣдствіе чего онъ хотѣлъ удалиться и даже ѣхать въ Москву (изъ Петровско-Разумовскаго), но недостатокъ матеріальныхъ средствъ не позволилъ ему это сдѣлать.

Долговъ предложилъ ему, Попову, принять шифръ изъ цифръ для переписки членовъ общества и показывалъ ему способъ его употребленія.

50-ти копѣекъ въ пользу общества онъ, Поповъ, не давалъ, а если и далъ, то въ счетъ долга.

13. Бывшій студентъ Императорскаго Московскаго Университета, дворянинъ Николай Михайловъ Пирамидовъ объяснилъ слѣдующее:

Послѣ исключенія его изъ Университета за участіе въ безпорядкахъ, произведенныхъ по поводу нежеланія студентовъ посѣщать лекціи профессора Полунина, онъ получилъ чрезъ кого то изъ своихъ товарищей, въ концѣ октября 1869 года, письмо отъ чиновника Орфано на имя Прыжова, къ которому и отправился съ цѣлью получить отъ него какую-нибудь поддержку въ матеріальномъ отношеніи. Явившись къ Прыжову, онъ засталъ у него какого-то неизвѣстнаго ему господина, назвавшагося Петровымъ (по примѣтамъ, изложеннымъ въ показаніи Пирамидова, оказывается, что это былъ Нечаевъ), который принялъ участіе въ общемъ разговорѣ по поводу университетской исторіи. На другой или на третій день послѣ этого онъ, Пирамидовъ, явился снова къ Прыжову вмѣстѣ съ своими товарищами Бутурлинымъ и Смирновымъ. Прыжовъ говорилъ о необходимости объединенія студентовъ и указывалъ какъ примѣръ Петровскую Академію. По поводу этого онъ предложилъ вопросъ находившемуся тамъ же Нечаеву, какимъ образомъ устроено это объединеніе у студентовъ Академіи, на что получилъ отъ Нечаева отвѣтъ, что онъ и самъ хорошо не знаетъ и пришлетъ къ нимъ студента, который сведетъ ихъ туда. Въ этотъ же день явился къ нему, Пирамидову, Алексѣй Кузнецовъ, съ которымъ онъ и отправился въ Академію. Кузнецовъ описывалъ положеніе дѣлъ въ Россіи, необходимость встрѣтить предполагаемое народное движеніе и при прощаніи далъ ему условный знакъ, состоящій изъ буквъ и дробей, по которому онъ, Пирамидовъ, могъ бы говорить, не стѣсняясь, съ тѣмъ лицомъ, которое къ нему явится. На другой или на третій день послѣ сего онъ, Мутафовъ, Смирновъ, Эльсницъ и Петровскій явились къ Прыжову по его приглашенію. Прыжовъ спрашивалъ ихъ, читали ли они прокламаціи и какъ онѣ имъ нравятся. Не желая огорчить Прыжова и разсчитывая на его матеріальную помощь,

они не дали ему опредѣленнаго отвѣта и ушли. Около того же времени онъ, Пирамидовъ, получилъ по почтѣ прокламацію Бакунина, которую и сжегъ. На другой день явились къ нему Рипманъ и князь Черкезовъ съ вышеозначеннымъ знакомъ. По приглашенію Черкезова онъ, Пирамидовъ, Бутурлинъ, Смирновъ, Эльснитцъ, Петровскій и Ишхановъ отправились въ гостинницу Мамонтова, гдѣ Черкезовъ говорилъ о положеніи Россіи, о необходимости встрѣтить предполагаемое народное движеніе и присовокупилъ, что имъ легко собрать около себя кружокъ для этой цѣли; Рипманъ же объявилъ, что онъ членъ организаціи и предлагалъ желающимъ принять въ ней участіе, но онъ, Пирамидовъ, и его товарищи согласія не дали. Во время разговора князь Черкезовъ и Рипманъ давали читать прокламаціи. На другой день послѣ этого собранія, Рипманъ явился къ нему, Пирамидову, съ предложеніемъ вступить въ организацію. Изъявивъ на это предложеніе согласіе, онъ, Пирамидовъ, вечеромъ въ тотъ же день отправился къ Мутафову, гдѣ встрѣтилъ Ишханова и Рипмана. Здѣсь Рипманъ объяснилъ имъ планъ организаціи и прочелъ уставъ или правила общества, послѣ чего каждый изъ присутствующихъ далъ характеристики своихъ знакомыхъ.

Чрезъ нѣсколько дней они собрались у Мутафова, куда явились двое неизвѣстныхъ. Одинъ изъ нихъ принесъ бланку отъ „Комитета народной расправы“, въ которой значилось, что эта личность назначена для надзора за дѣйствіями ихъ кружка. Послѣ этого собранія ихъ кружокъ сходился еще нѣсколько разъ до полученія имъ отъ неизвѣстнаго ему человѣка предостереженія относительно лицъ, которыя будутъ являться съ бланками комитета.

Смирнову, Соколову и Тихоміров онъ, Пирамидовъ, сообщалъ объ обществѣ и о его цѣли, но послѣдніе двое никакого участія не приняли. Смирнову же, высланному изъ Москвы во Владиміръ, онъ послалъ письмо, подписанное „Египтянинъ“, съ просьбою привлечь къ участію въ обществѣ Лыткина.

Цѣль общества, какъ ему казалось, состояла въ желаніи собрать людей единомыслящихъ, въ виду предполагаемаго народнаго движенія. При этомъ хотя и говорилось о пропагандѣ въ народѣ, но это не требовалось отъ всѣхъ членовъ общества.

14. Студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Степанъ Лазаревъ Мутафовъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу и излагая обстоятельства, предшествовавшія его вступленію въ общество, согласно показанію обвиняемаго Пирамидова, объяснилъ, что, во время собранія въ гостинницѣ Мамонтова, Рипманъ и князь Черкезовъ показывали имъ разныя прокламаціи, говорили о существованіи тайнаго общества и предлагали бывшимъ тамъ его товарищамъ вступить въ таковое. Черезъ два дня послѣ этого собранія къ нему пришелъ Рипманъ, разсказалъ объ устройствѣ организаціи, и онъ, Мутафовъ, далъ ему свое согласіе. На слѣдующій день у него въ квартирѣ было собраніе, въ которомъ принимали участіе Рипманъ, Ишхановъ, Пирамидовъ и онъ, Мутафовъ, причемъ Рипманъ объявилъ, что они составляютъ кружокъ, который послѣ этого собирался еще разъ. Онъ, Мутафовъ, хотя и говорилъ въ собраніи, что имъ намѣчены Кудиновичъ и Аветисовъ, но съ этими лицами онъ не имѣлъ никакихъ разговоровъ объ обществѣ.

15. Студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Дживадъ Петровъ Ишхановъ объяснилъ, что по совѣту, данному имъ Рипманомъ, онъ въ ноябрѣ 1869 года составилъ кружокъ, въ составъ котораго входили Рахимовъ, Шанаевъ, Сарибековъ и Хаджибековъ, кои всѣ, подобно ему, были передъ тѣмъ исключены изъ Московскаго Университета. Кружку сему были имъ сообщены переданныя ему Рипманомъ свѣдѣнія о существованіи въ Москвѣ тайной организаціи, распространеніи ею воззваній и противозаконной цѣли этой организаціи. Впослѣдствіи Ишхановъ измѣнилъ это показаніе свое въ томъ смыслѣ, что кружокъ этотъ былъ образованъ единственно съ тою цѣлью, чтобы студенты сблизились другъ съ другомъ и входили бы во взаимныя нужды, и что хотя отъ Рипмана онъ и слышалъ о существованіи организаціи съ противоправительственною цѣлью, но Рипманъ никакого предложенія о вступленіи въ тайное общество ему не дѣлалъ.

Указанные обвиняемымъ Ишхановымъ, какъ члены организованнаго имъ кружка, студенты Императорскаго Московскаго Университета, Ибрагимъ Рахимовъ, Яковъ Осиповъ Сарибековъ, Индрисъ Шанаевъ и Амидъ Хаджибековъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, въ которое они вступили въ послѣднихъ числахъ ноября 1869 года, по предложенію студента Ишханова, объяснили слѣдующее:

16. Ибрагимъ Рахимовъ, что послѣ сдѣланнаго ему предложенія Ишхановымъ принять участіе въ дѣйствіяхъ тайнаго общества; имѣвшаго цѣлью, какъ онъ, Рахимовъ, полагалъ, достиженіе матеріальнаго улучшенія низшаго класса установленіемъ всеобщаго равенства путемъ политическаго переворота, у него на квартирѣ, которую онъ занималъ вмѣстѣ съ Хаджибековымъ, собрались Сарибековъ, Шанаевъ и Ишхановъ и послѣдній объявилъ имъ, что они всѣ члены организаціи, но подробностей на этомъ первомъ собраніи не объяснилъ; затѣмъ было еще собраніе кружка, на которомъ участвовали не всѣ члены и присутствовалъ какой-то незнакомецъ, который объявилъ имъ, что нужны деньги. Читалъ ли Ишхановъ правила организаціи, онъ, Рахимовъ, не помнитъ. По поводу Александровскаго военнаго училища, въ которомъ у него, Рахимова, есть нѣсколько знакомыхъ воспитанниковъ, разговоръ на

собраніи былъ въ томъ смыслѣ, что если въ этомъ училищѣ будутъ члены общества, то можно будетъ завладѣть оружіемъ. По поводу найденнаго при обыскѣ въ университетской лабораторіи, въ шкафу Рахимова, пакета съ типографскимъ шрифтомъ, Рахимовъ объяснилъ, что этотъ пакетъ, былъ переданъ ему Хаджибековымъ, который сказалъ, что шрифтъ принесенъ какимъ-то неизвѣстнымъ, съ просьбою передать ему, Рахимову, для сохраненія. Неизвѣстный приходилъ еще нѣсколько разъ, какъ будто съ цѣлью отдохнуть, и всегда говорилъ, что скоро опять будетъ.

17. Амидъ Хаджибековъ—что на собраніяхъ кружка, которыя происходили два раза въ квартирѣ Рахимова, говорили о вербованіи въ общество новыхъ членовъ. Прокламацій онъ не читалъ, хотя Рипманъ и обѣщалъ ему дать таковыя; прокламацію „Народная расправа“ видѣлъ у Рипмана, а также ее не читалъ. Тайное общество, къ которому онъ, Хаджибековъ, принадлежалъ, было образовано, какъ онъ полагаетъ противъ существующаго Правительства. Относительно типографскаго шрифта, найденнаго въ шкафу Рахимова, Хаджибековъ объяснилъ, что въ отсутствіе изъ дома Рахимова, въ началѣ декабря 1869 года, пришелъ къ нему неизвѣстный человѣкъ и вручилъ ему пакетъ для передачи Рахимову. Въ пакетѣ этомъ оказался типографскій шрифтъ.

18. Яковъ Сарибековъ — что кружокъ ихъ собирался разъ или два и на собраніяхъ говорили о необходимости достать денегъ, но для какой цѣли — ему неизвѣстно. Изъ революціонныхъ листковъ онъ видѣлъ только одинъ, показанный ему Ишхановымъ, но содержанія этого листка не помнитъ. Тайное общество, къ которому онъ, Сарибековъ, принадлежалъ, имѣло цѣлью произвести революцію.

Рахимовъ говорилъ ему, что въ университетской лабораторіи есть какіе-то шрифты, которые нужно будетъ взять оттуда, если его, Рахимова, арестуютъ; но онъ, не желая подвергать себя опасности, не исполнилъ этой просьбы.

19. Индрисъ Шанаевъ — что на собраніяхъ кружка онъ былъ только одинъ разъ въ квартирѣ Рахимова, гдѣ были прочитаны имъ правила организаціи. Тайное общество, къ которому онъ, Шанаевъ, принадлежалъ, имѣло цѣлью, по его словамъ, стоять за подавленный и угнетенный народъ.

20. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Пименъ Александровъ Енкуватовъ, при производствѣ дознанія и предварительнаго слѣдствія, отрицая не только свое участіе въ тайномъ обществѣ, но даже знаніе о существованіи таковаго, при объявленіи ему объ окончаніи слѣдствія заявилъ, что онъ принадлежалъ къ тайному обществу, составленному съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка правленія, что былъ представителемъ кружка или, какъ называлось въ обществѣ, организаторомъ; присоединилъ къ обществу нѣсколько лицъ, которыхъ назвать не желаетъ, требовалъ отъ общества крестьянскаго паспорта, чтобы было удобнѣе пропагандировать въ народѣ; хотѣлъ поступить на фабрику рабочимъ, но, по настоянію общества, въ лицѣ одного изъ его членовъ, долженъ былъ измѣнить свое намѣреніе и согласиться пропагандировать въ трактирахъ, гдѣ и успѣлъ быть всего два раза, и затѣмъ, по болѣзни, прекратилъ свои посѣщенія.

21. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Николай Алексѣевъ Шестаковъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что въ октябрѣ или ноябрѣ 1869 года Пименъ Енкуватовъ далъ ему прочесть „Народную расправу“ и предложилъ вступить въ его кружокъ. Не сочувствуя предлагаемымъ въ „Народной расправѣ“ средствамъ, онъ, Шестаковъ, выразилъ свое согласіе на вступленіе въ общество, съ тѣмъ условіемъ, чтобы дѣйствовать только пропагандою.

По выбытіи Пимена Енкуватова изъ кружка онъ, Шестаковъ, поступилъ на его мѣсто и впослѣдствіи узналъ отъ Долгова, что его, Шестакова, переводятъ въ другой кружокъ. Кружокъ ихъ состоялъ сначала изъ него, Римскаго-Корсакова и двухъ братьевъ Голиковыхъ. Находясь въ этомъ кружкѣ, онъ, Шестаковъ, хотѣлъ образовать свой кружокъ и уже намѣтилъ одну личность, но происшедшее убійство Иванова и другія мѣры общества заставили его рѣшиться отказаться отъ общества.

Правила организаціи ему были извѣстны. Въ пользу общества онъ, Шестаковъ, пожертвовалъ 2 рубля, которые были вручены покойному Иванову.

22. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Николай Ивановъ Голиковъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что вступилъ въ оное въ половинѣ или концѣ октября 1869 года, по предложенію Пимена Енкуватова, который при этомъ сообщилъ, что общество имѣетъ цѣлью обогащеніе простого класса. Послѣ этого онъ, Голиковъ, былъ приглашенъ Шестаковымъ, который объявилъ, что онъ причисленъ къ его, Шестакова, кружку по распоряженію свыше. Членами этого кружка были Шестаковъ, Римскій-Корсаковъ, онъ, Николай Голиковъ, и братъ его, Леонидъ Голиковъ. Представителемъ кружка былъ сначала Шестаковъ, а послѣ него Римскій-Корсаковъ.

Собранія кружка происходили у представителей разъ въ недѣлю, а иногда и рѣже. На собраніяхъ предостерегали отъ лицъ, которыхъ надо опасаться и отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ Полиціи. Кромѣ того говорили о необходимости сближенія съ другими лицами, для увеличенія числа членовъ общества, и дѣлались денежные сборы

въ пользу общества, причемъ, онъ, Голиковъ, пожертвовалъ одинъ рубль. Изъ прокламацій онъ, Голиковъ, видѣлъ, кажется одну у Римскаго-Корсакова, писанную и заключающую въ себѣ воззваніе отъ петербургскихъ студентовъ къ московскимъ, также видѣлъ и читалъ стихи къ Нечаеву.

Относительно литературныхъ вечеровъ, упоминаемыхъ въ показаніяхъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, Голиковъ объяснилъ, что бывавшіе у него литературные вечера дѣлались съ цѣлью сближенія людей и обмѣна мыслей.

23. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Николай Ивановъ Римскій-Корсаковъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что въ кружокъ, образованный Пименомъ Енкуватовымъ, онъ вступилъ въ сентябрѣ или октябрѣ 1869 года. Въ собраніяхъ кружка, въ которыхъ онъ, Римскій-Корсаковъ, участвовалъ, читались разныя прокламаціи, въ томъ числѣ и „Народная расправа", предлагали заводить какъ можно болѣе знакомствъ и вообще пропагандировать въ пользу общества. По выбытіи Шестакова онъ, Римскій-Корсаковъ, былъ представителемъ кружка, но самъ къ участію въ обществѣ никого не привлекъ. Собранія кружка происходили у Шестакова и у него, Римскаго-Корсакова.

Цѣль общества, къ которому онъ, Римскій-Корсаковъ, принадлежалъ, состояла въ измѣненіи существующаго порядка вообще; съ своей же стороны онъ, раздѣляя ученіе соціалистовъ, желалъ равномѣрнаго распредѣленія земли между лицами, занимающимися ея обработываніемъ. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія, онъ, Римскій-Корсаковъ, объяснилъ, что всѣ предъидущія показанія даны имъ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія и испуга, произведеннаго арестомъ, что онъ на сходкахъ кружковъ не былъ, прокламацій не читалъ и о принадлежности къ тайному обществу упоминаемыхъ въ его прежнихъ показаніяхъ лицъ—не знаетъ.

24. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Леонидъ Ивановъ Голиковъ объяснилъ, что онъ не только не принадлежалъ къ тайному обществу, образованному съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка правленія, но и вообще не зналъ о существованіи какихъ-либо тайныхъ обществъ. На литературныхъ вечерахъ, которые бывали у него, собирались человѣкъ до 15-ти, но прокламацій при немъ никто не читалъ.

25. Студентъ Императорскаго Московскаго Университета Домитій Александровъ Енкуватовъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, имѣвшему цѣлью возбужденіе народнаго возстанія, объяснилъ, что вступилъ въ общество по приглашенію лица, для него, Домитія Енкуватова, слишкомъ близкаго и фамиліи котораго онъ не назоветъ. Поступивъ въ число членовъ и слѣдуя плану организаціи, онъ, Домитій Енкуватовъ, предложилъ вступить въ общество Николаю Померанцеву, причемъ давалъ ему читать „Народную расправу". Ни на одномъ изъ собраній общества онъ, Домитій Енкуватовъ, не участвовалъ.

26. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Валентинъ Карловъ Ланге объяснилъ, что, въ началѣ октября 1869 года, онъ былъ приглашенъ покойнымъ Ивановымъ вступить въ члены общества, образованнаго съ цѣлью помогать народу, причемъ Ивановъ присовокупилъ, что онъ, Ланге, уже намѣченъ. Несмотря на то, что онъ отказался отъ этого предложенія, Ивановъ настаивалъ, чтобы онъ предварительно совершеннаго отказа побывалъ хотя на одномъ собраніи, и затѣмъ онъ узналъ отъ Иванова, что онъ, Ланге, переведенъ въ кружокъ Долгова, котораго и просилъ вычеркнуть изъ числа членовъ. Послѣ этого онъ, Ланге, случайно попалъ на собраніе къ Долгову, гдѣ былъ Коробьинъ, Владиміръ Поповъ и Шестаковъ. На этомъ собраніи разсуждали о необходимости придать студенческой исторіи политическій характеръ, съ чѣмъ онъ, Ланге, былъ несогласенъ, вслѣдствіе чего Долговъ, замѣтивъ тогда ему, что онъ, какъ видно, имъ не сочувствуетъ, черезъ недѣлю послѣ объявилъ, что онъ изъ числа членовъ общества исключенъ. У Иванова онъ, Ланге, былъ еще на одномъ собраніи, въ которомъ участвовалъ Пименъ Енкуватовъ и Поповъ, но при этомъ никакихъ особенныхъ разговоровъ не было, и о томъ, что это было собраніе членовъ организаціи, онъ, Ланге, узналъ отъ Долгова. Цѣль этого общества, по мнѣнію его, Ланге, состояла въ улучшеніи матеріальнаго состоянія народа, причемъ каждый членъ могъ дѣйствовать сообразно своимъ убѣжденіямъ.

27. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Эдуардъ Васильевъ Лау, не сознаваясь не только въ участіи въ тайномъ обществѣ, но даже и въ знаніи о существованіи таковаго, на всѣ предложенные ему вопросы объ обстоятельствахъ, въ которыхъ, по показаніямъ другихъ обвиняемыхъ, онъ принималъ участіе, отвѣчалъ отрицательно.

28. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Григорій Аггѣевъ Свѣчинъ объяснилъ, что не только не принималъ участія въ тайномъ обществѣ, но даже о существованіи таковаго не слышалъ.

29. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Петръ Өедоровъ Ивакинъ, признавая себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что поступилъ въ таковое по предложенію Лау, который и далъ ему для прочтенія правила организаціи. Членовъ общества, кромѣ Григорія Свѣчина, никого болѣе не знаетъ. Изъ прокламацій читалъ только одну, подъ заглавіемъ „Отъ сплотившихся

къ разрозненнымъ", но отъ кого таковую получилъ—не помнитъ. Цѣль тайнаго общества, къ которому онъ принадлежалъ, состояла, какъ онъ понималъ, въ помощи народу и приготовленіи болѣе благопріятныхъ условій для достиженія народомъ большихъ правъ.

30. Дворянинъ Дмитрій Егоровъ Коведяевъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что къ вступленію въ члены тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью содѣйствіе въ улучшеніи его матеріальнаго положенія, онъ былъ приглашенъ Черкезовымъ въ первыхъ числахъ ноября 1869 года. Вскорѣ послѣ сего Рипманъ, явясь къ нему съ значкомъ, подобнымъ тому, который ему, Коведяеву, былъ оставленъ Черкезовымъ, привезъ его на квартиру Мутафова и ввелъ въ кружокъ, въ которомъ, кромѣ его и Рипмана, участвовали Ишхановъ, Пирамидовъ и Мутафовъ. На этомъ собраніи всѣмъ членамъ кружка были прочитаны правила организаціи, и Рипманъ предлагалъ членамъ указать личности, удобныя для приглашенія въ общество, а также предлагалъ составить свои кружки и собирать деньги въ пользу общества. Второе собраніе кружка происходило въ квартирѣ его, Коведяева.

Около средины ноября 1869 года онъ и Рипманъ были переведены въ кружокъ Прыжова, въ которомъ, кромѣ того, участвовали Пименъ Енкуватовъ и Николаевъ, извѣстный ему подъ именемъ Александра Васильевича. Переходъ его въ кружокъ Прыжова состоялся по запискѣ, которую ему показалъ Рипманъ, но была ли на этой запискѣ печать—онъ не замѣтилъ. На собраніи у Прыжова говорили о необходимости сближенія съ простымъ народомъ и Прыжовъ указывалъ разныя мѣстности Москвы, гдѣ можно было бы завести сношенія. На второмъ собраніи у Прыжова Николаевъ, между прочимъ, объявилъ Енкуватову, что онъ увольняется изъ общества для лѣченія.

Послѣ ареста Успенскаго онъ, Коведяевъ, по просьбѣ Прыжова, ходилъ къ Лау объявить ему объ этомъ.

Николаевъ и князь Черкезовъ поселились у него на квартирѣ въ концѣ ноября, и затѣмъ, 4-го декабря, пріѣхалъ къ нему Нечаевъ и прожилъ у него десять дней. Съ Нечаевымъ, извѣстнымъ ему, Коведяеву, подъ именемъ Ивана Петровича, онъ познакомился въ ноябрѣ чрезъ Николаева, который рекомендовалъ его какъ своего знакомаго. Изъ этой рекомендаціи онъ могъ заключить, что Нечаевъ принадлежалъ къ тайному обществу. О томъ, что дѣлали у него на квартирѣ Нечаевъ, Николаевъ и Черкезовъ, ему, Коведяеву, неизвѣстно. Черкезовъ и Николаевъ посылали его два раза къ Пажону-де-Монсе. Первый разъ, по порученію Черкезова, онъ привезъ Пажона изъ гостиницы Мамонтова къ себѣ на квартиру, а второй разъ, по порученію Николаева, ходилъ къ Пажону просить денегъ, съ условнымъ паролемъ: „Наташа, любовь, носки". Пажонъ далъ ему 5 рублей, которые и были переданы Николаеву.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, 23-го или 24-го декабря, онъ, Коведяевъ, зашелъ къ своей знакомой Бобарыковой, которая попросила его съѣздить въ Москву и сообщить Черкезову объ арестѣ Тейльса, съ которымъ онъ, Коведяевъ, былъ нѣсколько знакомъ и который, какъ припоминаетъ, приходилъ къ нему на квартиру вмѣстѣ съ Николаевымъ передъ отъѣздомъ его, Коведяева, въ Петербургъ и оставался ночевать. По порученію Бобарыковой онъ ходилъ въ квартиру Алексѣева и передалъ Николаеву извѣстіе объ арестѣ Тейльса.

О принадлежности Бобарыковой къ тайному обществу онъ узналъ только по случаю даннаго ею порученія, но о существованіи и дѣятельности тайнаго общества въ Петербургѣ ему не было извѣстно.

31. Слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Алексѣй Антоновъ Костыркинъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, объяснилъ, что къ участію въ этомъ обществѣ онъ былъ приглашенъ покойнымъ Ивановымъ 13-го ноября 1869 года. Послѣ вступленія въ общество видѣлся съ Ивановымъ только два раза, такъ что никакихъ подробностей изучить не успѣлъ и кто были товарищи его по кружку—не знаетъ.

До вступленія въ общество онъ, Костыркинъ, въ сентябрѣ или октябрѣ 1869 года, видѣлъ у Иванова листки съ печатными бланками „Для страждущихъ" и на одномъ изъ нихъ подписалъ 50 копѣекъ, полагая, по словамъ Иванова, что это сборъ въ пользу исключенныхъ студентовъ. Въ это же время Ивановъ, сообщивъ ему, Костыркину, о тайномъ обществѣ, утверждалъ, что это общество разсыпано по всей Россіи. На заявленіе его, Костыркина, что онъ идти пропагандировать въ народъ не годится, Ивановъ возразилъ, что для него найдется другое дѣло. Ивановъ также показывалъ ему листокъ: „Потомки Рюрика" и говорилъ, что такія же прокламаціи получили нѣкоторые слушатели Академіи, причемъ выражалъ свое негодованіе по поводу представленія слушателемъ Академіи Фаддѣевымъ такой прокламаціи начальству. По смыслу объясненій Иванова о цѣли общества онъ, Костыркинъ, понималъ, что эта цѣль состоитъ въ измѣненіи существующихъ формъ правленія, хотя Ивановъ говорилъ объ этомъ какъ о могущемъ совершиться лишь въ отдаленномъ будущемъ, но ближайшая цѣль тайнаго общества состояла въ улучшеніи положенія народа посредствомъ измѣненія существующаго порядка.

32. Дворянинъ Иванъ Генриховъ Пажонъ-де-Монсе, сознаваясь въ знаніи

о существованіи тайнаго общества, имѣвшаго цѣлью произвести революцію, объяснилъ, что свѣдѣнія объ этомъ обществѣ имъ были получены отъ князя Черкезова, съ которымъ онъ жилъ вмѣстѣ двѣ недѣли въ нумерахъ гостиницы Мамонтова въ Москвѣ. Черкезовъ показывалъ ему книжки съ надписью „Для страждущихъ“ и предлагалъ подписаться въ пользу студентовъ, исключенныхъ за участіе въ такъ называемой Полунинской исторіи. Пажонъ далъ Черкезову 25 рублей. Послѣ сего однажды явился къ нему неизвѣстный, оказавшійся впослѣдствіи Коведяевымъ и произнеся слова: „любовь, Наташа, носки“, объяснилъ, что его прислалъ Черкезовъ съ просьбою дать денегъ. Пажонъ далъ ему 5 рублей, обѣщая въ случаѣ надобности достать еще. При свиданіи Черкезовъ, объясняя, что ему нужны деньги для вспомоществованія бѣдному студенту, просилъ Пажона дать ему старое платье. Пажонъ, исполняя эту просьбу, отвезъ пиджакъ, жилетъ и брюки въ квартиру Черкезова. Въ первыхъ числахъ декабря 1869 года Пажонъ ѣздилъ въ Петербургъ за своимъ свидѣтельствомъ, забытымъ въ гостиницѣ „Дагмара“ и по порученію Черкезова былъ у студента де-Тейльса, которому сообщилъ, что Черкезовъ хотѣлъ ѣхать за границу и чтобы Тейльсъ досталъ паспортъ. Явившись къ Тейльсу, Пажонъ, согласно указанію Черкезова, показывалъ условный знакъ (два пальца: указательный и средній). По возвращеніи въ Москву Пажонъ передалъ Черкезову, что Тейльсъ не видитъ цѣли ѣхать за границу, вслѣдствіе чего Черкезовъ и бывшій у него въ квартирѣ Нечаевъ, извѣстный Пажону подъ именемъ Ивана Петровича, начали уговаривать Пажона дать имъ его документы. Пажонъ, желая отъ нихъ отдѣлаться, ѣздилъ въ Канцелярію Генералъ-Губернатора и привезъ отвѣтъ, что паспортъ ранѣе двухъ недѣль выдать нельзя. Черкезовъ, сообщая Пажону о существованіи тайнаго общества, показывалъ ему прокламаціи и предлагалъ вступить въ организацію, говоря, что она имѣетъ уже много членовъ и существуетъ давно. Пажонъ на это предложеніе положительнаго отвѣта не далъ. Кромѣ сего Черкезовъ далъ ему шифръ, составленный изъ буквъ русской азбуки и сказалъ при этомъ, чтобы Пажонъ писалъ къ нему письма этимъ шифромъ.

33). Бывшій студентъ Императорскаго Московскаго Университета Александръ Сергѣевъ Бутурлинъ объяснилъ, что, во время своего пребыванія въ Москвѣ и затѣмъ, съ 29-го ноября 1869 г., въ Ярославлѣ, куда онъ былъ высланъ на жительство административнымъ порядкомъ, онъ ни отъ кого не слышалъ о существованіи какихъ-либо тайныхъ обществъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка правленія. Съ дворяниномъ Петромъ Успенскимъ онъ познакомился чрезъ Прыжова, по поводу написанной имъ, Бутурлинымъ, статьи объ университетской исторіи, желая эту статью напечатать въ какомъ-нибудь журналѣ. Съ Прыжовымъ онъ познакомился по совѣту своего знакомаго Орфано, съ цѣлію достать посредствомъ его какія-нибудь мѣста на желѣзныхъ дорогахъ для болѣе нуждающихся студентовъ. При посѣщеніяхъ Прыжова и студентовъ Петровской Академіи, куда онъ ѣздилъ съ цѣлію познакомиться съ ними и получить отъ нихъ какое-нибудь денежное вспомоществованіе въ пользу исключенныхъ студентовъ, разговоръ преимущественно происходилъ объ университетской исторіи, причемъ онъ, Бутурлинъ, съ своей стороны, говорилъ, что между студентами Университета мало общаго и единства.

* * *

Изъ сопоставленія объясненій привлеченныхъ къ сему дѣлу лицъ съ обстоятельствами дѣла и имѣющимися при дѣлѣ вещественными доказательствами, оказывается, что участіе всѣхъ вышепоименованныхъ обвиняемыхъ въ дѣятельности тайнаго общества „Народная расправа“ подтверждается слѣдующими уликами:

1) Къ изобличенію Николая Долгова, кромѣ собственнаго его сознанія, вполнѣ согласнаго съ обстоятельствами дѣла, служатъ показанія Успенскаго, Алексѣя Кузнецова, Прыжова, Бѣляевой, Рипмана, Коробьина и другихъ обвиняемыхъ, а также бумаги, найденныя у Успенскаго. Показанія этихъ лицъ подтверждаютъ, что Долговъ, назначенный Нечаевымъ для устройства въ Петровской Академіи кружковъ, былъ представителемъ центральнаго кружка Академіи и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а также о дѣятельности организованныхъ имъ кружковъ, представлялъ Успенскому отчеты и отъ него же, по указанію Нечаева, получалъ разныя порученія какъ бы отъ имени комитета. Непосредственныя и близкія отношенія Долгова къ Нечаеву и другимъ главнѣйшимъ его сообщникамъ по устройству тайнаго общества „Народная расправа“, знакомство его съ прокламаціями, въ которыхъ излагались руководящія начала дѣятельности сего тайнаго общества, и съ большинствомъ лицъ, принимавшихъ участіе въ организаціи, въ виду его собственнаго сознанія, что хотя о цѣли общества и не было почти разсужденія, но онъ и такъ понималъ, что цѣль эта состоитъ въ томъ, чтобы, при помощи революціи, овладѣть управленіемъ для доставленія народу самоуправленія—все это вмѣстѣ взятое, несомнѣнно доказываетъ, что дѣйствія Долгова въ устроенной Нечаевымъ организаціи были сознательнымъ съ его стороны участіемъ въ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію въ государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

2) Къ изобличенію обвиняемаго Ѳедора Рипмана, кромѣ его собственнаго сознанія, вполнѣ согласнаго съ обстоятельствами дѣла служатъ показанія Успен-

скаго, Кузнецова, Прыжова, Николаева, Долгова, князя Черкезова, Коведяева, Мутафова, Пирамидова, Ишханова и другихъ обвиняемыхъ. Изъ показаній этихъ, а равно изъ найденныхъ у Успенскаго бумагъ, оказывается, что Рипманъ, познакомившись, въ сентябрѣ 1869 года, съ Нечаевымъ, состоялъ членомъ перваго, организованнаго въ Москвѣ кружка. Послѣ сего, будучи переведенъ въ кружокъ Прыжова, принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ этого кружка, имѣвшаго спеціальное назначеніе—ближайшія сношенія съ низшимъ классомъ общества, для распространенія въ народѣ тѣхъ идей, которыя лежали въ основаніи тайнаго общества. Кромѣ сего, направляя свою дѣятельность къ увеличенію личнаго состава тайнаго общества и его средствъ, Рипманъ посѣщалъ для сей цѣли собранія студентовъ, гдѣ читалъ собравшимся лицамъ разныя прокламаціи, приглашалъ разныхъ лицъ къ участію въ тайномъ обществѣ, подчищалъ паспорта и о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ представлялъ отдѣльные отчеты. Такая дѣятельность Рипмана, при его ближайшемъ знакомствѣ какъ съ организаторомъ общества, Нечаевымъ и другими главнѣйшими его сообщниками, такъ и съ самымъ направленіемъ и основаніями этой организаціи, изложенными въ изданіяхъ „Народной расправы", въ виду его собственнаго сознанія въ томъ, что цѣль тайнаго общества, въ которомъ онъ принималъ участіе, состояла въ произведеніи политическаго переворота путемъ революціи, приводитъ къ убѣжденію въ сознательномъ съ его стороны участіи въ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ Правительства и перемѣны образа правленія.

3) Къ изобличенію Елизаветы Бѣляевой, кромѣ ея собственнаго сознанія, служатъ многочисленныя показанія обвиняемыхъ Успенскаго, Кузнецова, Прыжова, Долгова и другихъ обвиняемыхъ. Изъ показаній этихъ лицъ, а также изъ найденныхъ у обвиняемаго Успенскаго бумагъ оказывается, что Бѣляева, приглашенная въ тайное общество Нечаевымъ, первоначально была членомъ отдѣленія и въ послѣдствіи была переведена въ кружокъ Долгова. Будучи членомъ отдѣленія, Бѣляева принимала участіе въ собраніяхъ и исполняла разныя возлагаемыя на нее порученія, ѣздила въ Петербургъ къ разнымъ лицамъ съ письмами отъ Нечаева, вслѣдствіе предложенія Нечаева о поѣздкѣ за границу, доставала свидѣтельство изъ полиціи на выѣздъ изъ Москвы, посѣщала, по указанію Нечаева, женскіе курсы, гдѣ по показанію Кузнецова, подкидывала прокламаціи, и жертвовала деньги въ пользу общества. Дѣйствія Бѣляевой, въ связи съ ея близкимъ знакомствомъ съ организаціею, какъ члена отдѣленія, составленнаго изъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ такъ называемаго комитета и которымъ были извѣстны всѣ подробности дѣятельности общества, а также ея собственныя слова, что хотя цѣли общества она хорошо не понимала, но изъ разговоровъ ясно видѣла, что цѣль для Правительства вредная, такъ какъ ей говорили, что народъ возбужденъ, готовъ требовать большихъ правъ, и что они обязаны быть его руководителями, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что конечная цѣль общества, какъ она изложена въ прокламаціи „Народная расправа", была ей вполнѣ извѣстна, и что дѣятельность ея направлялась къ осуществленію этой цѣли.

4) Къ изобличенію Иннокентія Климина, кромѣ его собственнаго сознанія въ принадлежности къ тайному обществу, служатъ показанія тѣхъ же лицъ и тѣ же бумаги, найденныя у Успенскаго. Изъ этихъ показаній и бумагъ оказывается, что Климинъ былъ привлеченъ въ общество Алексѣемъ Кузнецовымъ, причемъ ему были сообщены основанія и цѣль общества и прочтена программа „Интернаціональнаго общества", съ припискою Бакунина. Послѣ измѣненій, происшедшихъ въ личномъ составѣ кружковъ организаціи, Климинъ былъ переведенъ на мѣсто Алексѣя Кузнецова въ первый кружокъ, въ дѣйствіяхъ котораго онъ принималъ участіе, жертвуя въ пользу общества деньги, составляя у себя на квартирѣ собранія и сохраняя тамъ же складъ платья, собраннаго для общества Кузнецовымъ. Послѣ убійства Иванова, гдѣ на мѣстѣ преступленія оставленъ убійцами башлыкъ, принадлежавшій Климину, къ нему приходилъ Николаевъ съ бланкою комитета „Народной расправы", съ припискою „Бюро секретныхъ дѣлъ". Въ этой бланкѣ на Климина возлагалась обязанность не узнавать своего башлыка въ случаѣ предъявленія, что и было исполнено Климинымъ, несмотря на то, что, по его собственному показанію, онъ догадывался о связи полученной имъ бланки съ убійствомъ Иванова еще прежде предъявленія ему башлыка. Близкое знакомство Климина со всѣми подробностями организаціи тайнаго общества и съ его конечною цѣлію, его непосредственныя сношенія съ главными дѣятелями организаціи, его повиновеніе распоряженіямъ „Комитета народной расправы" и, наконецъ, его собственное показаніе, что цѣль тайнаго общества состояла въ анти-правительственной пропагандѣ въ обществѣ, какъ подготовительной работѣ для будущаго, когда самая форма правленія будетъ основана на выборномъ началѣ и на широкомъ участіи въ управленіи самого народа—все это, вмѣстѣ взятое, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣятельность Климина, основанная на началахъ, изложенныхъ въ „Народной расправѣ", составляла участіе въ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію существующаго въ государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

5) Къ изобличенію князя Варлаама Черкезова въ принадлежности его къ

тайному обществу, кромѣ его собственнаго сознанія, служатъ показанія обвиняемыхъ Алексѣя Кузнецова, Рипмана, Успенскаго, Николаева, Коведяева, Мутафова, Александровской, Пирамидова, Тейльса, Эльснитца, Пажона-де-Монсе, а также найденныя у него вещественныя доказательства, Изъ показаній означенныхъ лицъ и его собственнаго сознанія оказывается, что князь Черкезовъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ общества; такъ, онъ жертвовалъ въ пользу общества деньги, которыми также снабжалъ организатора общества, Нечаева, и способствовалъ ему уѣхать за границу, при чемъ преступная цѣль поѣздки Нечаева была ему извѣстна. Склоняя къ поступленію въ общество разныхъ лицъ, Черкезовъ распространялъ между ними прокламаціи преступнаго содержанія, устраивалъ притоны для лицъ, принадлежащихъ къ обществу, ѣздилъ въ Петербургъ и Тулу для сношенія съ разными лицами, принимавшими участіе въ обществѣ. При такой дѣятельности Черкезова, направленной къ осуществленію конечной цѣли тайнаго общества „Народной расправы“, собственное его сознаніе въ томъ, что цѣль тайнаго общества состояла въ ниспроверженіи порядка правленія въ государствѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ принадлежности князя Черкезова къ заговору, составленному для упомянутой цѣли.

6) Къ изобличенію Семена Кузнецова въ принадлежности къ тайному обществу служатъ показанія Долгова, Климина, Успенскаго, Алексѣя Кузнецова и другихъ обвиняемыхъ, которые указываютъ на него какъ на члена организаціи. Алексѣй Кузнецовъ подтверждаетъ, что Семенъ Кузнецовъ, приглашенный имъ къ участію въ обществѣ, далъ свое согласіе, собралъ въ пользу общества три рубля и взялъ для распространенія прокламаціи „Потомки Рюрика“. При вступленіи Семена Кузнецова въ тайное общество ему былъ прочтенъ журналъ „Народной расправы“, и дана „Программа Интернаціональнаго общества“. Такимъ образомъ несмотря на несознаніе Семена Кузнецова въ принадлежности къ тайному обществу, вышеизложенныя обстоятельства, въ связи съ собственнымъ его показаніемъ о томъ, что хотя онъ и не давалъ согласія на вступленіе въ общество, но ему была извѣстна цѣль онаго, состоявшая въ водвореніи въ Россіи демократическаго образа правленія путемъ революціи, убѣждаютъ въ принадлежности его къ заговору, составленному съ вышеупомянутою цѣлію.

7) Къ изобличенію Виктора Скипскаго кромѣ его собственнаго сознанія о принадлежности къ тайному обществу, служатъ показанія Успенскаго, Алексѣя Кузнецова, князя Черкезова, Прыжова и найденныя у него при обыскѣ вещественныя доказательства. Изъ показаній этихъ усматривается, что Скипскій, приглашенный Алексѣемъ Кузнецовымъ къ участію въ тайномъ обществѣ, выразилъ свое согласіе при условіи, если это не начало, причемъ ему были объяснены правила и цѣль общества. Поѣздка Скипскаго въ Петербургъ съ разными письмами къ лицамъ, принимавшимъ участіе въ обществѣ, сожженіе бумагъ, относившихся къ дѣятельности общества, по полученіи увѣдомленія объ арестѣ Успенскаго, найденные у него два экземпляра воззванія „Братья-товарищи“, нумера журналовъ: „Общее Вѣче“ „Колокола“ и Будущности“ и, наконецъ, его собственное показаніе, что цѣль тайнаго общества, къ которому онъ принадлежалъ, состояла въ возбужденіи народа къ возстанію, служатъ достаточнымъ доказательствомъ въ принадлежности его къ заговору, составленному съ вышеупомянутою цѣлію.

8) Къ изобличенію Ивана Рязанцева въ знаніи о цѣли того тайнаго общества, въ принадлежности къ которому онъ сознался, объясняя, что эта цѣль, по его мнѣнію, состояла въ уничтоженіи существующаго порядка вещей, служатъ показанія Алексѣя Кузнецова, Успенскаго, Долгова, Климина, Владиміра Рязанцева и Гавришева. Алексѣй Кузнецовъ, подтверждая, что Иванъ Рязанцевъ, приглашенный къ участію въ обществѣ, выразилъ свое согласіе, присовокупилъ, что при этомъ ему былъ прочтенъ журналъ „Народной расправы“. Объясненіе Ивана Рязанцева о томъ, что, выразивъ свое согласіе на вступленіе въ тайное общество, онъ оставлялъ за собою право дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ для достиженія основной цѣли улучшенія состоянія бѣдствующихъ классовъ, въ виду его собственнаго же сознанія, что въ собраніяхъ того кружка, къ которому онъ принадлежалъ, читались запрещенныя изданія Долгорукова, Искандера и т. п., не заслуживаетъ вѣроятія, такъ какъ прочтенная ему при вступленіи въ общество программа „Народной расправы“ не могла не выяснить ему конечной цѣли общества, въ собраніяхъ котораго онъ участвовалъ и въ пользу котораго пожертвовалъ 10 рублей.

9) Къ изобличенію Владиміра Рязанцева въ знаніи о цѣли тайнаго общества, въ принадлежности къ которому онъ сознался, служатъ показанія тѣхъ же обвиняемыхъ. Изъ показаній этихъ усматривается, что Владиміру Рязанцеву, при вступленіи его въ общество, сначала по приглашенію Алексѣя Кузнецова, а потомъ Климина, въ кружкѣ котораго онъ былъ членомъ, разсказаны были устройство организаціи и цѣль общества, которая, по собственному сознанію Владиміра Рязанцева, понималась имъ въ смыслѣ возбужденія народнаго возстанія. Прочитанный Владиміромъ Рязанцевымъ уставъ общества, участіе его въ собраніи членовъ, пожертвованіе имъ 10 рублей въ пользу общества, при полномъ сознаніи преступной цѣли тайнаго

общества—все это, вмѣстѣ взятое, достаточно убѣждаетъ въ сознательномъ участіи Владиміра Рязанцева въ заговорѣ, направленномъ къ ниспроверженію Правительства въ государствѣ и перемѣнѣ образа правленія.

10) Къ изобличенію Георгія Гаврищева, кромѣ его собственнаго сознанія о принадлежности къ тайному обществу „Народной расправы", служатъ показанія Алексѣя и Семена Кузнецовыхъ, Долгова, Ивана и Владиміра Рязанцевыхъ, Климина и Лебедева. Изъ показаній этихъ обвиняемыхъ усматривается, что Гаврищевъ, приглашенный Алексѣемъ Кузнецовымъ къ вступленію въ общество, выразилъ свое согласіе, причемъ ему тогда же былъ прочтенъ журналъ „Народной расправы" и объяснены какъ устройство организаціи, такъ и конечная цѣль тайнаго общества. Состоя первоначально въ кружкѣ Алексѣя Кузнецова, а впослѣдствіи Климина, Гаврищевъ принималъ участіе въ собраніяхъ общества, пожертвовалъ въ пользу онаго 5 рублей, приглашалъ Лебедева къ вступленію въ число членовъ и исполнялъ разныя возлагаемыя на него порученія. Такія дѣйствія Гаврищева, въ виду его собственнаго сознанія, что цѣль общества понималась имъ въ смыслѣ содѣйствія къ измѣненію существующаго порядка правленія, несомнѣнно убѣждаютъ въ принадлежности его къ заговору, съ полнымъ знаніемъ преступной цѣли онаго.

11) Къ изобличенію Порфирія Коробьина въ принадлежности къ тайному обществу служатъ показанія Успенскаго, Долгова, Бѣляевой, Кузнецова, Ланге и другихъ, изъ которыхъ видно, что Коробьинъ, приглашенный къ участію въ обществѣ Долговымъ и выразившій свое согласіе, бывалъ въ собраніяхъ кружка Долгова и, вслѣдствіе бланокъ комитета, исполнялъ разныя порученія. При его собственномъ сознаніи, что цѣль тайнаго общества понималась имъ въ смыслѣ измѣненія существующаго порядка, вышеизложенныя обстоятельства указываютъ, что Коробьинъ принималъ участіе въ заговорѣ съ полнымъ знаніемъ преступной его цѣли.

12) Къ изобличенію Владиміра Попова, несмотря на несознаніе его въ принадлежности къ тайному обществу, служатъ показанія Долгова, Ланге и Бѣляевой, которые положительно удостовѣряютъ, что Поповъ состоялъ членомъ организаціи въ кружкѣ Долгова, принималъ участіе въ собраніяхъ и пожертвовалъ въ пользу общества 50 копѣекъ. Эти показанія и собственное сознаніе Попова, что онъ на сдѣланное ему предложеніе сначала покойнымъ слушателемъ Академіи Ивановымъ, а потомъ Долговымъ, о содѣйствіи служить интересамъ народа выразилъ свое согласіе, что впослѣдствіи, при посѣщеніи Долгова, у коего были разныя лица, онъ изъ разговоровъ происходившихъ на этомъ собраніи, заключилъ, что лица эти принадлежатъ къ тайному обществу, такъ какъ на этомъ собраніи говорили не только о сближеніи съ народомъ, но и о необходимости увлечь его за собою съ цѣлью измѣнить его экономическое положеніе, что Долговъ дѣлалъ ему предложеніе переселиться на гончарный заводъ, съ цѣлію разъяснять народу его положеніе, его бѣдность и т. п.—даютъ возможность придти къ заключенію, что Поповъ принималъ участіе въ дѣятельности тайнаго общества съ знаніемъ цѣли онаго, состоявшей въ ниспроверженіи существующаго въ Государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

13) Къ изобличенію Николая Пирамидова, кромѣ его собственнаго сознанія, служатъ показанія Алексѣя Кузнецова, Прыжова, Рипмана, князя Черкезова, Мутафова, Смирнова, и письма, найденныя при обыскѣ у Смирнова и Бутурлина. Показанія этихъ обвиняемыхъ и письма Пирамидова вполнѣ подтверждаютъ его принадлежность къ тайному обществу „Народной расправы", съ знаніемъ о преступной цѣли онаго, направленной къ ниспроверженію существующаго въ Государствѣ Правительства и перемѣнѣ образа правленія.

14) Къ изобличенію Степана Мутафова въ принадлежности къ тайному обществу служатъ показанія Успенскаго, Прыжова, Алексѣя Кузнецова, Рипмана, князя Черкезова и другихъ обвиняемыхъ, а также найденныя при обыскѣ у Успенскаго бумаги. Показанія этихъ лицъ удостовѣряютъ, что Мутафовъ, приглашенный Рипманомъ къ вступленію въ общество, далъ свое согласіе и принималъ участіе въ собраніяхъ кружковъ, съ знаніемъ какъ устройства организаціи, такъ и цѣли тайнаго общества произвести революцію, какъ ему было объяснено Рипманомъ. Эти показанія, въ связи съ его собственнымъ сознаніемъ, что на собраніи въ гостинницѣ Мамонтова Рипманъ и князь Черкезовъ показывали ему разныя прокламаціи, изъ которыхъ онъ не могъ не видѣть, въ чемъ состояла цѣль тайнаго общества, убѣждаютъ, что Мутафовъ сознательно участвовалъ въ тайномъ обществѣ съ вышеупомянутою цѣлію.

15) Къ изобличенію Джавада Ишханова, кромѣ показаній лицъ, упомянутыхъ въ предъидущемъ пунктѣ, служатъ показанія привлеченныхъ имъ къ участію въ тайномъ обществѣ студентовъ Рахимова, Хаджибекова, Серибекова и Шанаева. Показанія этихъ лицъ вполнѣ удостовѣряютъ принадлежность Ишханова къ тайному обществу „Народной расправы" и указываютъ на его, какъ на лицо, принимавшее дѣятельное участіе въ вербованіи новыхъ членовъ. Объясненіе Ишханова, что хотя онъ и составилъ кружокъ изъ своихъ товарищей Рахимова, Шанаева, Сарибекова и Хаджибекова только съ тою цѣлію, чтобы студенты сблизились другъ съ другомъ и входили бы во взаимныя нужды, вполнѣ опровергается показаніями какъ лицъ,

составлявшихъ его кружокъ, такъ и другихъ обвиняемыхъ. Рахимовъ показалъ, что цѣль общества состояла въ матеріальномъ улучшеніи низшаго класса установленіемъ всеобщаго равенства путемъ политическаго переворота, Сарибековъ—что общество имѣло цѣлію произвести революцію, Хаджибековъ—что это общество было образовано противъ существующаго Правительства, а Шанаевъ — что общество имѣло цѣлію стоять за подавленный и угнетенный народъ. Показанія этихъ лицъ, привлеченныхъ Ишхановымъ къ участію въ обществѣ, въ связи съ характеромъ дѣйствій того кружка, къ которому принадлежалъ Ишхановъ, исключаютъ всякое сомнѣніе въ томъ, что участіе Ишханова въ дѣятельности тайнаго общества и въ составленномъ имъ самимъ кружкѣ происходили съ полнымъ знаніемъ конечной цѣли общества „Народной расправы".

Къ изобличенію указанныхъ въ предъидущемъ пунктѣ:

16) Ибрагима Рахимова.

17) Амида Хаджибекова,

18) Якова Сарибекова,

19) Индриса Шанаева, кромѣ собственнаго ихъ сознанія о принадлежности къ кружку Ишханова, служатъ какъ показанія Рипмана, Успенскаго, Долгова и Николаева, такъ и ихъ взаимные оговоры, а также найденный по обыску у Рахимова типографскій шрифтъ, переданный ему Хаджибековымъ, а симъ полученный отъ Николаева. Изъ показаній этихъ лицъ оказывается, что Рахимовъ, Хаджибековъ, Сарибековъ и Шанаевъ, приглашенные въ число членовъ общества Ишхановымъ, участвовали въ собраніяхъ кружка, гдѣ имъ были объяснены правила организаціи. Происходившие на собраніяхъ разговоры о необходимости собирать деньги въ пользу тайнаго общества и о возможности овладѣть оружіемъ въ военномъ училищѣ доказываютъ, что обвиняемые вполнѣ сознавали, что тайное общество имѣло цѣлію ниспровергнуть Правительство и измѣнить существующій образъ правленія.

20) Къ изобличенію Пимена Енкуватова, сознавшагося въ принадлежности къ тайному обществу, составленному съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка правленія, служатъ показанія Успенскаго, Прыжова, Алексѣя Кузнецова, Рипмана, Коведяева, Шестакова, Николая Голикова, Долгова, Николаева и другихъ обвиняемыхъ, упоминающихъ о немъ, какъ о членѣ организаціи. Показанія этихъ лицъ удостовѣряютъ, что Пименъ Енкуватовъ, состоя членомъ въ кружкѣ Прыжова, имѣвшемъ спеціальною цѣлію вести преступную пропаганду въ низшихъ классахъ общества, непосредственно пригласилъ къ участію въ обществѣ нѣсколько новыхъ членовъ—Шестакова и Николая Голикова, причемъ давалъ для прочтенія журналъ „Народной. расправы". Эти обстоятельства вполнѣ показываютъ принадлежность Пимена Енкуватова къ тайному обществу, составленному, по его собственному сознанію, съ цѣлію ниспроверженія существующаго въ государствѣ порядка правленія.

21) Къ изобличенію Николая Шестакова, сознавшагося въ принадлежности къ тайному обществу, въ пользу котораго онъ пожертвовалъ два рубля, служатъ показанія Успенскаго, Николая Голикова и Римскаго-Корсакова. Показанія этихъ лицъ подтверждаютъ, что Шестаковъ, поступившій первоначально въ кружокъ Пимена Енкуватова, впослѣдствіи былъ представителемъ этого кружка, собранія котораго происходили у него на квартирѣ. На собраніяхъ этихъ, по удостовѣренію Римскаго-Корсакова, читались разныя прокламаціи, и въ томъ числѣ „Народная расправа", собирались въ пользу общества деньги, предлагали заводить какъ можно болѣе знакомыхъ и вообще пропагандировать въ пользу общества. При такой обстановкѣ дѣятельности кружка Шестакова, знаніе его о конечной цѣли тайнаго общества „Народной расправы" представляется вполнѣ доказаннымъ.

22) Къ изобличенію Николая Голикова въ знаніи о цѣли тайнаго общества, въ принадлежности къ которому онъ сознался, служатъ показанія Успенскаго, Долгова, Римскаго-Корсакова и Шестакова. Сознаніе Голикова въ томъ, что онъ участвовалъ въ собраніяхъ кружка и пожертвовалъ одинъ рубль въ пользу общества, въ виду приведеннаго въ предъидущемъ пунктѣ показанія Римскаго-Корсакова о характерѣ этихъ собраній, достаточно доказываетъ, что Голикову была вполнѣ извѣстна преступная цѣль тайнаго общества „Народной расправы".

23) Къ изобличенію Николая Римскаго-Корсакова служатъ показанія тѣхъ же лицъ, подтверждающихъ сдѣланное имъ сознаніе о принадлежности къ тайному обществу „Народной расправы", съ знаніемъ о его преступной цѣли. Хотя впослѣдствіи Римскій-Корсаковъ и заявилъ, что онъ на сходкахъ кружковъ не былъ, прокламацій не читалъ и подъ выраженіемъ „тайное общество" понималъ образованіе кружковъ безъ преступной цѣли, и что предъидущія показанія даны имъ въ болѣзненномъ состояніи и вслѣдствіе испуга, произведеннаго арестомъ, но это заявленіе, опровергаемое обстоятельствами дѣла, представляется совершенно голословнымъ.

24) Къ изобличенію Леонида Голикова, несознавшагося ни въ принадлежности къ тайному обществу, ни въ знаніи о его существованіи, служатъ показанія Успенскаго, Долгова, Николая Голикова, Шестакова и Римскаго-Корсакова. Показанія этихъ лицъ, удостовѣряющихъ участіе Леонида Голикова въ дѣятельности тай-

наго общества „Народной расправы", въ виду характеристики тѣхъ собраній, на которыхъ онъ участвовалъ, приведенной въ показаніи Римскаго-Корсакова, служатъ достаточнымъ доказательствомъ принадлежности Леонида Голикова къ тайному обществу „Народной расправы", съ знаніемъ о преступной его цѣли.

25) Къ изобличенію Домитія Енкуватова служатъ показанія Долгова, Римскаго-Корсакова и Померанцева, изъ которыхъ первые двое подтверждаютъ сдѣланное Домитіемъ Енкуватовымъ сознаніе въ принадлежности къ тайному обществу, а Померанцевъ удостовѣрилъ, что Домитій Енкуватовъ склонялъ его поступить въ общество „Народной расправы" и давалъ читать журналъ подъ этимъ заглавіемъ.

26) Къ изобличенію Валентина Ланге въ принадлежности къ тайному обществу служатъ показанія Успенскаго, Алексѣя Кузнецова, Бѣляевой, Коробьина и Владиміра Попова, которые подтверждаютъ, что Ланге, участвуя въ обществѣ, былъ первоначально членомъ кружка Иванова (убитаго), а впослѣдствіи состоялъ въ кружкѣ Долгова и принималъ участіе въ собраніяхъ кружка, который собирался и у него на квартирѣ. Объясненіе Ланге, что цѣль общества, по его мнѣнію, состояла въ улучшеніи матеріальнаго состоянія народа, причемъ каждый членъ могъ дѣйствовать сообразно своимъ убѣжденіямъ, при сопоставленіи его съ объясненіями другихъ членовъ того же кружка, указываетъ, что приведенныя слова Ланге о цѣли тайнаго общества выражаютъ собою только тотъ конечный результатъ дѣятельности тайнаго общества „Народной расправы", котораго оно стремилось достигнуть путемъ ниспроверженія Правительства и перемѣны образа правленія, и подтверждаютъ, что Ланге принадлежалъ къ тайному обществу „Народной расправы" съ знаніемъ о преступной его цѣли.

27) Къ изобличенію Эдуарда Лау, показаніе котораго состоитъ только изъ отрицанія фактовъ, вполнѣ доказанныхъ слѣдствіемъ, служатъ показанія Успенскаго, Долгова, Кузнецова, князя Черкезова, Николаева, Коведяева и Ивакина. Изъ показаній этихъ лицъ, а также изъ бумагъ, найденныхъ у Успенскаго и у покойнаго Иванова, гдѣ фамилія Лау значится въ числѣ членовъ тайнаго общества, оказывается: а) что Лау первоначально состоялъ въ кружкѣ Иванова, и впослѣдствіи занялъ его мѣсто въ первомъ кружкѣ; б) что Лау организовалъ свой кружокъ изъ Свѣчина и Ивакина, причемъ, по показанію послѣдняго, давалъ ему читать правила организаціи, и в) что по показанію Долгова, исполнялъ порученія, которыя возлагались на него бланками комитета „Народной расправы", причемъ Лау высказывалъ неудовольствіе по поводу начальническихъ наклонностей комитета. Приведенныя обстоятельства, доказывающія участіе Лау въ дѣйствіяхъ тайнаго общества, равномѣрно убѣждаютъ и въ знаніи его о цѣли тайнаго общества „Народной расправы".

28) Къ изобличенію Григорія Свѣчина, также несознавшагося ни въ принадлежности къ тайному обществу, ни въ знаніи о существованіи онаго, служатъ показанія тѣхъ же лицъ, приведенныхъ въ предъидущемъ пунктѣ. Долговъ, указывая на Свѣчина, какъ на члена организаціи, состоявшаго въ кружкѣ Лау, присовокупилъ, что на Свѣчина, вслѣдствіе полученной бланки комитета, было возложено порученіе испытать слушателя Академіи Аврамова, не проговорится ли онъ о принадлежности своей къ тайному обществу, и это порученіе было исполнено Свѣчинымъ. При такихъ данныхъ, принадлежность Свѣчина къ тайному обществу „Народной расправы", съ знаніемъ о преступной цѣли онаго, представляется достаточно доказанною.

29) Къ изобличенію Петра Ивакина служатъ показанія Успенскаго, Долгова и Кузнецова, а также бумаги, найденныя у Успенскаго, въ которыхъ Ивакинъ значится членомъ организаціи. Ивакинъ, сознаваясь въ принадлежности къ тайному обществу, въ которое онъ вступилъ по предложенію Лау, причемъ ему были даны для прочтенія правила организаціи, объяснилъ, что цѣль этого общества состояла, какъ онъ понималъ, въ приготовленіи болѣе благопріятныхъ условій народу и въ помощи ему для достиженія имъ большихъ правъ. Сознаніе Ивакина, подтверждая указанія приведенныхъ лицъ на принадлежность его къ тайному обществу „Народной расправы", въ виду того, что правила организаціи, по принятому въ этомъ обществѣ порядку, сообщались только лицамъ, уже имѣвшимъ достаточныя свѣдѣнія о конечной цѣли общества, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ, что приведенное имъ выраженіе о цѣли общества заключаетъ въ себѣ, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ, ту же программу „Народной расправы", имѣвшей цѣлію ниспроверженіе въ Государствѣ Правительства и перемѣну образа правленія.

30) Къ изобличенію Дмитрія Коведяева служатъ показанія Успенскаго, Прыжова, Николаева, Кузнецова, князя Черкезова, Рипмана, Мутафова, Пажона-де-Монсе и другихъ, которые вполнѣ подтверждаютъ сознаніе Коведяева въ принадлежности его къ тайному обществу „Народной расправы". Изъ показаній этихъ лицъ оказывается, что Коведяевъ, приглашенный въ тайное общество княземъ Черкезовымъ, первоначально состоялъ въ кружкѣ Рипмана и участвовалъ въ собраніяхъ, изъ которыхъ одно происходило у него на квартирѣ. При вступленіи въ общество, Коведяеву были прочитаны правила организаціи, и онъ, вмѣстѣ съ другими членами, видѣлъ бланку комитета „Народной расправы", которая была предъявлена ему Николаевымъ, бывшимъ на этомъ собраніи въ качествѣ уполномоченнаго отъ комитета. Изъ кружка

Рипмана Коведяевъ былъ переведенъ въ кружокъ Прыжова, въ собранiяхъ котораго также принималъ участiе. Состоя членомъ общества и исполняя разныя возлагаемыя на него порученiя, Коведяевъ укрывалъ въ своей квартирѣ отъ преслѣдованiя Правительства Нечаева, Николаева и князя Черкезова и, какъ объяснилъ обвиняемый Николаевъ, способствовалъ Нечаеву уѣхать за границу въ декабрѣ 1869 года. Эти данныя, вполнѣ удостовѣряя принадлежность Коведяева къ тайному обществу „Народной расправы", вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду его близкихъ сношенiй съ организаторами общества, приводятъ къ убѣжденiю, что цѣль тайнаго общества „Народной расправы" была ему вполнѣ извѣстна.

31) Къ изобличенiю Алексѣя Костыркина служатъ показанiя Успенскаго, Долгова и князя Черкезова. Показанiя этихъ лицъ, подтверждая сознанiе Костыркина о принадлежности его къ тайному обществу „народной расправы", вполнѣ убѣждаютъ, что Костыркинъ участвовалъ въ этомъ обществѣ съ знанiемъ о его конечной цѣли, которая, по собственному сознанiю его, Костыркина, состояла въ измѣненiи существующаго порядка и въ улучшенiи положенiя народа путемъ измѣненiя существующей формы правленiя.

32) Къ изобличенiю Ивана Пажона-де-Монсе служатъ показанiя Николаева, князя Черкезова, Тейльса, Коведяева и найденный у него при обыскѣ шифръ. Показанiя этихъ лицъ удостовѣряютъ, что Пажонъ-де Монсе, приглашенный къ вступленiю въ общество княземъ Черкезовымъ, котораго снабжалъ нѣсколько разъ деньгами, ѣздилъ въ Петербургъ для свиданiя съ Тейльсомъ и желалъ взять паспортъ для поѣздки за границу по дѣламъ тайнаго общества. Эти обстоятельства, въ виду найденнаго у Пажона шифра, даннаго ему княземъ Черкезовымъ, его способъ сношенiй съ членами тайнаго общества (Коведяевымъ и Тейльсомъ), посредствомъ условныхъ выраженiй и знаковъ, а также его сознанiе въ томъ, что онъ зналъ о существованiи тайнаго общества, цѣль котораго, по его словамъ, состояла въ произведенiи революцiи, и о принадлежности къ сему обществу князя Черкезова — не могутъ не служить достаточнымъ доказательствомъ, что Пажонъ-де-Монсе принималъ участiе въ тайномъ обществѣ „Народной расправы", съ знанiемъ о преступной его цѣли.

33) Къ изобличенiю Александра Бутурлина служатъ показанiя Успенскаго, Кузнецова, Рипмана, Пирамидова, Эльсница и Прыжова. Успенскiй показалъ, что Бутурлинъ, приглашенный имъ къ вступленiю въ общество, выразилъ свое согласiе и указалъ на нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ, по его словамъ, удобно было бы привлечь къ участiю въ обществѣ. Кромѣ сего, показанiя вышеприведенныхъ лицъ удостовѣряютъ, что Бутурлинъ былъ на собранiи въ гостиницѣ Мамонтова, гдѣ Рипманъ и князь Черкезовъ сообщали свѣдѣнiя объ организацiи тайнаго общества и показывали разныя возмутительныя прокламацiи. Все это, вмѣстѣ взятое, а также нѣкоторыя выраженiя писемъ, отобранныхъ при обыскахъ у Бутурлина и Смирнова, приводитъ къ убѣжденiю въ принадлежности Бутурлина къ тайному обществу „Народной расправы", съ знанiемъ о конечной его цѣли.

На основанiи всего вышеизложеннаго обвиняются: 1) бывшiй слушатель Петровской Земледѣльческой Академiи, сынъ коллежскаго секретаря Николай Степановъ Долговъ, 26 лѣтъ; 2) бывшiй слушатель той же Академiи, сынъ поручика Өедоръ Өедоровъ Рипманъ, 28 лѣтъ; 3) мѣщанка города Калуги, дѣвица Елизавета Иванова Бѣляева, 28 лѣтъ; 4) бывшiй слушатель Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академiи купеческiй сынъ Иннокентiй Өедоровъ Климинъ, 23 лѣтъ; 5) князь Варлаамъ-Джонъ Аслановъ Черкезовъ, 23 лѣтъ; 6) бывшiй слушатель Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академiи, купеческiй сынъ Семенъ Кириловъ Кузнецовъ, 23 лѣтъ; 7) купеческiй сынъ Викторъ Павловъ Скипскiй, 22 лѣтъ; 8) бывшiй слушатель Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академiи, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Владимiровъ Рязанцевъ, 23 лѣтъ; 9) бывшiй слушатель той же Академiи, потомственный почетный гражданинъ Владимiръ Николаевъ Рязанцевъ, 25 лѣтъ; 10) бывшiй слушатель той же Академiи, купеческiй сынъ Георгiй Яковлевъ Гавришевъ, 24 лѣтъ; 11) бывшiй слушатель той же Академiи дворянинъ Порфирiй Ивановъ Коробьинъ, 25 лѣтъ; 12) бывшiй слушатель той же Академiи, сынъ титулярнаго совѣтника Владимiръ Константиновъ Поповъ, 24 лѣтъ; 13) бывшiй студентъ Императорскаго Московскаго Университета, дворянинъ Николай Михайловъ Пирамидовъ, 22 лѣтъ; 14) бывшiй студентъ Императорской Медико-Хирургической Академiи, сынъ губернскаго секретаря Степанъ Лазаревъ Мутафовъ, 24 лѣтъ; 15) бывшiй студентъ Императорскаго Московскаго Университета, сынъ губернскаго секретаря Джавадъ Петровъ Ишхановъ, 23 лѣтъ; 16) бывшiй студентъ того же Университета, сынъ законоучителя Омаровой секты Тифлисской классической гимназiи Ибрагимъ Рахимовъ, 21 года; 17) бывшiй студентъ того же Университета, сынъ маiора Амидъ Хаджибековъ, 20 лѣтъ; 18) бывшiй студентъ того же Университета, дворянинъ Яковъ Сарибековъ, 23 лѣтъ; 19) бывшiй студентъ того же Университета, сынъ подпоручика Индрисъ Шанаевъ, 22 лѣтъ; 20) бывшiй слушатель Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академiи, дворянинъ Пименъ Александровъ Енкуватовъ, 22 лѣтъ; 21) бывшiй слушатель той же Академiи, купеческiй сынъ Николай Алексѣевъ Шестаковъ, 25 лѣтъ;

22) бывшій слушатель той же Академіи, дворянинъ Николай Ивановъ Голиковъ, 22лѣтъ; 23) бывшій слушатель той же Академіи, отставной прапорщикъ Николай Николаевъ Римскій-Корсаковъ, 27 лѣтъ; 24) бывшій слушатель той же Академіи, дворянинъ Леонидъ Ивановъ Голиковъ, 20 лѣтъ; 25) бывшій студентъ Императорскаго Московскаго Университета, дворянинъ Домитій Александровъ Енкуватовъ, 22 лѣтъ; 26) бывшій слушатель Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи, сынъ надворнаго совѣтника Валентинъ Карловъ Ланге, 23 лѣтъ; 27) бывшій слушатель той же Академіи, сынъ титулярнаго совѣтника Эдуардъ Вильгельмовъ Лау, 28 лѣтъ; 28) бывшій слушатель той же Академіи, сынъ поручика Григорій Аггѣевъ Свѣчинъ, 23 лѣтъ; 29) бывшій слушатель той же Академіи, сынъ коллежскаго секретаря Петръ Ѳедоровъ Ивакинъ, 26 лѣтъ; 30) сынъ надворнаго совѣтника Дмитрій Георгіевъ Коведяевъ, 20 лѣтъ; 31) бывшій слушатель Петровской Земледѣческой и Лѣсной Академіи, сынъ финляндскаго землевладѣльца Алексѣй Антоновъ Костыркинъ, 30 лѣтъ; 32) дворянинъ Иванъ Генриховъ Пажонъ-де-Монсе, 25 лѣтъ, и 33) бывшій студентъ Императорскаго Московскаго Университета, дворянинъ Александръ Сергѣевъ Бутурлинъ, 24 лѣтъ, въ томъ, что, принявъ участіе въ составленномъ, въ концѣ 1869 года, въ г. Москвѣ, заговорѣ съ цѣлію ниспровергнуть Правительство во всемъ государствѣ и перемѣнить существующій въ Россіи образъ правленія, приступили уже къ различнымъ приготовительнымъ по сему заговору дѣйствіямъ, зная о цѣли оныхъ, при чемъ злоумышленіе сіе было открыто Правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 249 и 250 ст. Улож. о Наказаніяхъ.

Посему вышепоименованные Николай Долговъ, Ѳедоръ Рипманъ, Елизавета Бѣляева, Иннокентій Климинъ, князь Варлаамъ Черкезовъ, Семенъ Кузнецовъ, Викторъ Скипскій, Иванъ Рязанцевъ, Владиміръ Рязанцевъ, Георгій Гавришевъ, Порфирій Коробьинъ, Владиміръ Поповъ, Николай Пирамадовъ, Степанъ Мутафовъ, Джаванъ Ишхановъ; Ибрагимъ Рахимовъ, Амидъ Хаджибековъ, Яковъ Сарибековъ, Индрисъ Шанаевъ, Пименъ Енкуватовъ, Николай Шестаковъ, Николай Голиковъ, Николай Римскій-Корсаковъ, Леонидъ Голиковъ, Домитій Енкуватовъ, Валентинъ Ланге, Эдуардъ Лау, Григорій Свѣчинъ, Петръ Ивакинъ, Дмитрій Коведяевъ, Алексѣй Костыркинъ, Иванъ Пажонъ-де-Монсе и Александръ Бутурлинъ предаются суду С.-Петербургской Судебной Палаты въ особомъ присутствіи, составленномъ на основаніи 1,032 ст. Уст. Угол. Судопр.

* * *

Предсѣдатель провозгласилъ слѣдующій проектъ вопросовъ:

1) Виновенъ ли сынъ титулярнаго совѣтника Н. Долговъ, 26-ти лѣтъ, въ томъ, что принималъ участіе въ составленномъ осенью 1869 года въ городѣ Москвѣ заговорѣ съ цѣлью ниспроверженія Правительства въ Государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, причемъ заговоръ этотъ открытъ Правительствомъ заблаговременно, при самомъ началѣ онаго?

2) Если Долговъ не виновенъ въ означенномъ въ первомъ вопросѣ преступленіи, то не виновенъ ли въ томъ, что принималъ участіе въ тайномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію или ниспроверженію порядка государственнаго устройства въ Россіи, съ знаніемъ о цѣли сего общества?

3) Если Долговъ виновенъ по предыдущему вопросу, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное пунктами 1—11, 318 ст. Ул. о Наказ. (по продолженію 1868 года) подходитъ его вина?

4) Виновенъ ли Долговъ въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, или къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію Его государствомъ?

5) Виновенъ ли Долговъ въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить къ бунту, или явному неповиновенію верховной власти?

6) Если Долговъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ-либо изъ нихъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

Тѣ же самые вопросы постановлены о подсудимыхъ: сынѣ поручика Ф. Рипманѣ, 28 лѣтъ; купеческомъ сынѣ И. Климинѣ, 23 лѣтъ; князѣ В. Черкезовѣ, 23 лѣтъ; дворянинѣ П. Енкуватовѣ, 22 лѣтъ; дворянинѣ Д. Енкуватовѣ, 22 лѣтъ.

Вопросы 1, 2, 3 и 6 постановлены о подсудимыхъ: калужской мѣщанкѣ Е. Бѣляевой, 23 лѣтъ; купеческомъ сынѣ С. Кузнецовѣ, 23 лѣтъ; купеческомъ сынѣ В. Скипскомъ, 22 лѣтъ; потомственномъ почетномъ гражданинѣ И. Рязанцевѣ, 23 лѣтъ; потомственномъ почетномъ гражданинѣ В. Рязанцевѣ, 25 лѣтъ; купеческомъ сынѣ Г. Гавришевѣ, 24 лѣтъ; дворянинѣ П. Коробьинѣ, 25 лѣтъ; сынѣ титулярнаго совѣтника В. Поповѣ, 24 лѣтъ; дворянинѣ Н. Пирамидовѣ, 22 лѣтъ; сынѣ губернскаго секретаря С. Мутафовѣ, 24 лѣтъ; сынѣ губернскаго секретаря Д. Ишхановѣ, 23 лѣтъ; дворянинѣ Я. Сарибековѣ, 23 лѣтъ; сынѣ подпоручика И. Шанаевѣ, 22 лѣтъ; купеческомъ сынѣ Н. Шестаковѣ, 25 лѣтъ; дворянинѣ Н. Голиковѣ, 22 лѣтъ; отставномъ прапорщикѣ Н. Римскомъ-Корсаковѣ, 27 лѣтъ; сынѣ надворнаго совѣтника В. Ланге, 23 лѣтъ; сынѣ титулярнаго совѣтника Э. Лау, 28 лѣтъ; сынѣ поручика Г. Свѣчинѣ, 23 лѣтъ; сынѣ коллежскаго секретаря П. Ива-

кинѣ, 26 лѣтъ; сынѣ финляндскаго землевладѣльца А. Костыркинѣ, 30 лѣтъ; дворянинѣ И. Пажонъ-де-Монсе, 25 лѣтъ; дворянинѣ А. Бутурлинѣ, 24 лѣтъ.

Затѣмъ тѣ же вопросы, т. е. 1, 2, 3 и 6, постановлены о подсудимыхъ: сынѣ законоучителя омаровой секты И. Рахимовѣ, 21 года; сынѣ маіора А. Хаджибековѣ, 20 лѣтъ; дворянинѣ Л. Голиковѣ, 18 лѣтъ; и сынѣ надворнаго совѣтника Д. Коведяевѣ, 19 лѣтъ, съ добавленіемъ вопроса: и если они виновны въ участіи въ преступленіи, то доказано ли, что они были вовлечены въ преступленіе другимъ совершеннолѣтнимъ?

Резолюція С.-Петербургской Судебной Палаты по второй группѣ обвиняемыхъ по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія существующаго въ Россіи порядка правленія.

Послѣ трехдневнаго совѣщанія предсѣдателемъ Суда объявлена была 6-го августа въ 10 часовъ 10 мин. вечера слѣдующая резолюція:

„Судебная Палата, разсмотрѣвъ вторую категорію, состоящую изъ 33-хъ подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Палата признаетъ виновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства: Долгова, Рипмана, Бѣляеву, Климина, кн. Черкезова, Скипскаго, И. Рязанцева, В. Рязанцева, Гавришева, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Ишханова, Рахимова, П. Енкуватова, Шестакова, Д. Енкуватова, Ланге, Лау, Свѣчина, Ивакина и Коведяева.

2) Палата находитъ—по обвиненію въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ сочиненій—Долгова, Климина, Рипмана, кн. Черкезова, П. и Д. Енкуватовыхъ—невиновными, и

3) Равнымъ образомъ Палата признаетъ невиновными въ соучастіи въ противозаконномъ обществѣ, направленномъ къ измѣненію существующаго въ Россіи государственнаго устройства: С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Л. и Н. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина.

На основаніи вышеизложеннаго и руководствуясь ст. 318 и 2, по прод. 1868 г., 31 ст. 3, 38, 39, 129, 134, 135, 140, и 143 и прил. 2-го къ ст. 70-й Улож. о Наказ. и 771 ст. Уст. Угол. Суд., опредѣляетъ:

1. Князя Черкезова, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Томскую губернію съ воспрещеніемъ ему всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства въ продолженіе $1^1/_2$ года и выѣзда затѣмъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе 5-ти лѣтъ.

2. Подвергнуть заключенію въ тюрьмѣ: Долгова, Рипмана, Климина и П. Енкуватова на 1 годъ; Шестакова и Д. Енкуватова на 8 мѣсяцевъ; Гавришева, Ишханова и Лау на 4 мѣсяца, Бѣляеву, Скипскаго, И. и В. Рязанцевыхъ, Коробьина, Попова, Пирамидова, Мутафова, Ланге, Свѣчина, Ивакина и Коведяева—на 2 мѣсяца, съ оставленіемъ по освобожденіи изъ тюрьмы подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіе 5-ти лѣтъ.

3. Рахимова подвергнуть аресту въ тюрьмѣ на 3 недѣли съ оставленіемъ за тѣмъ подъ таковымъ же надзоромъ въ теченіе 5-ти лѣтъ.

4. С. Кузнецова, Хаджибекова, Сарибекова, Шанаева, Н. и Л. Голиковыхъ, Римскаго-Корсакова, Костыркина, Пажона-де-Монсе и Бутурлина признать по суду оправданными.

5. Приговоръ этотъ, по вступленіи онаго въ законную силу, относительно князя Черкезова, на основаніи ст. 945-й Уст. Угол. Суд., представить на Высочайшее усмотрѣніе.

6. Принимая во вниманіе, что относительно подсудимыхъ Скипскаго, Коробьина, Пирамидова и Мутафова представляются особыя уваженія къ облегченію ихъ участи, ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ объ отмѣнѣ опредѣленнаго имъ Палатою наказанія и о совершенномъ ихъ помилованіи; и

7) Объ измѣненіи мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда тѣмъ изъ подсудимыхъ, коимъ приговоромъ симъ назначено наказаніе, несоединенное съ ограниченіемъ правъ состоянія, и кои содержатся подъ стражею, составить особое постановленіе.

Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ черезъ двѣ недѣли послѣ послѣдней резолюціи по настоящему дѣлу".

Оправданные подсудимые по распоряженію г. предсѣдателя были выведены на средину залы и онъ обратился къ нимъ съ слѣдующими словами:

„Подсудимые! правосудіе произнесло свое слово,—вы его слышали; слово это: вы свободны отъ суда и отъ содержанія подъ стражею".

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты, 16-го августа, по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи.

Засѣданіе открыто въ прежнемъ составѣ Суда, за исключеніемъ членовъ Палаты Маркевича и Мессинга. Обвинялъ прокуроръ Палаты В. А. Половцовъ. Защитники подсудимыхъ присяжные повѣренные: Поцо—И. Михитина, Арсеньевъ—де-Тейльса, Стасовъ—Александровской, Языковъ—Бобарыковой, Герардъ—Е. Лихутиной, Воронцовой и Попова, Унковскій—Святскаго, Соколовскій—Рослякова, Турчаниновъ — Ковалевскаго, Войцеховскій — Лунина, Деппъ — Мокріевича, и помощникъ присяжнаго повѣреннаго Утинъ—Лазаревскаго.

Предсѣдатель объявилъ, что дѣло будетъ разсматриваться относительно только 13 подсудимыхъ, такъ какъ относительно двухъ изъ поименованныхъ въ обвинительномъ актѣ, а именно Старицына и В. Лихутина, за смертью ихъ, дѣло по особому постановленію Палаты прекращено.

Затѣмъ былъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

При производствѣ дознанія по поводу открытія въ Москвѣ тайнаго общества съ цѣлью ниспроверженія существующаго въ Россіи образа правленія, между прочимъ, получены были свѣдѣнія, что дѣятельность тайной организаціи не ограничивалась Москвою, но что нѣкоторыя изъ прикосновенныхъ къ обществу лицъ предпринимали поѣздки, между прочими городами, и въ Петербургъ, гдѣ пытались основать одно изъ отдѣленій центральнаго Московскаго общества. Такъ сдѣлалось извѣстно, что, въ октябрѣ мѣсяцѣ, прислана была Нечаевымъ въ С.-Петербургъ мѣщанка Екатерина Бѣляева съ порученіями къ дѣвицѣ Лихутиной, технологу Старицыну и дворянину Негрескулу; равно обнаружено, что привлеченный Алексѣемъ Кузнецовымъ къ вступленію въ тайное общество библіотекарь книжнаго магазина Черкесова, купеческій сынъ Викторъ Скипскій, возилъ отъ Кузнецова, въ концѣ того же октября, письма въ Петербургъ къ студенту Технологическаго Института Старицыну, къ дворянину Негрескулу и къ женѣ студента Лѣниной; что въ Петербургѣ Скипскій, по поводу врученія Негрескулу письма, получилъ, между прочимъ, отъ него свѣдѣніе о насильственномъ взятіи отъ знакомаго имъ дворянина Андрея Николаева Колачевскаго векселя въ 6.000 р. сер., въ чемъ, какъ высказывалъ Негрескулъ, принимали участіе живущіе въ Петербургѣ братья Лихутины и авторъ письма, переданнаго Скипскимъ Негрескулу (т. е. Нечаевъ); что когда, послѣ убійства Иванова, Кузнецовъ и Нечаевъ прибыли въ Петербургъ, то тотчасъ же начались дѣятельные розыски разныхъ прежнихъ знакомыхъ Нечаева, при чемъ онъ и Кузнецовъ обратились прежде всего къ московской ихъ знакомой Воронцовой, переговоры съ которою о вступленіи ея въ общество начались еще въ Москвѣ, а потомъ Кузнецовъ сталъ исполнять различныя порученія Нечаева въ родѣ узнанія, напримѣръ, гдѣ живетъ такой-то, или можно ли войдти къ такому-то, приносилъ Нечаеву отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ сначала къ отставному подпоручику Рослякову, гдѣ дня три жилъ Нечаевъ, а потомъ въ бывшій Лѣсной Корпусъ, нынѣ Земледѣльческій Институтъ, гдѣ Нечаевъ оставался въ нумерѣ студентовъ Ковалевскаго, Святскаго и Топоркова; что двухъ послѣднихъ Кузнецовъ посвятилъ окончательно въ члены тайнаго общества; что затѣмъ, когда, вслѣдствіе полученныхъ изъ Москвы извѣстій объ арестѣ Успенскаго, Нечаевъ покидалъ Петербургъ, то вручилъ Кузнецову какіе-то пакеты, которые поручилъ сохранять до его возвращенія въ благонадежномъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего и отыскано было такое мѣсто въ квартирѣ студента Медико-Хирургической Академіи де-Тейльса, и, наконецъ, что проживающая въ Петербургѣ жена поручика Юлія Бобарыкова имѣла намѣреніе ѣхать съ письмами отъ членовъ общества за границу, именно въ Женеву, къ Нечаеву, который, въ срединѣ декабря выѣхалъ туда вмѣстѣ съ дворянкою Александровскою.

Вслѣдствіе такихъ данныхъ въ Петербургѣ были задержаны, между прочими, слѣдующія лица: братья Лихутины — отставной подпоручикъ Иванъ и студентъ Медико-Хирургической Академіи Владиміръ и сестра ихъ, дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина, студенты Земледѣльческаго Института Петръ Топорковъ, Владиміръ Святскій и Владиміръ Ковалевскій, студенты Медико-Хирургической Академіи Алексѣй де-Тейльсъ, Петръ Кошкинъ и Александръ Дудоладовъ, жена поручика Юлія Бобарыкова, студенты Технологическаго Института Константинъ Росляковъ и Александръ Старицынъ и бывшіе студенты сего Института Александръ Долгушинъ и Михаилъ Лазаревскій, слушатель Петровской Академіи Викторъ Лунинъ, поручикъ Левъ Топорковъ и впослѣдствіи уже, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что вышеупомянутая Александровская имѣетъ возвратиться въ Россію, была задержана и она въ г. Вержболовѣ. При производствѣ же по сему дѣлу предварительнаго слѣдствія привлечены къ нему въ качествѣ обвиняемыхъ жена дворянина Любовь Воронцова, студентъ Медико-Хирургической Академіи Петръ Поповъ и студентъ Технологическаго Института Прохоръ Дебогорій-Мокріевичъ.

Всѣ эти лица дали слѣдующія объясненія относительно знакомства своего съ

Нечаевымъ, принадлежности своей къ тайному обществу въ Москвѣ и вообще о всемъ извѣстномъ имъ объ этомъ обществѣ:

1. Отставной артиллеріи подпоручикъ Иванъ Лихутинъ показалъ, что съ Нечаевымъ онъ познакомился еще во время студенческихъ сходокъ, на которыхъ Нечаевъ являлся обыкновенно руководителемъ, а затѣмъ до сентября мѣсяца 1869 года онъ, Лихутинъ, его не встрѣчалъ, но помнитъ, что, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, сестра его, Екатерина, получила изъ-за границы письмо за подписью какой-то Началовой, подъ которою, какъ онъ думаетъ, слѣдуетъ разумѣть Нечаева. Затѣмъ, въ концѣ сентября мѣсяца, совершенно неожиданно явился къ нимъ въ квартиру Нечаевъ и сталъ распрашивать о томъ, что дѣлается у нихъ, при чемъ, послѣ нѣкоторыхъ объясненій, замѣтилъ, что „вы, господа, заснули: васъ разбудить нужно“. Черезъ два дня Нечаевъ собрался въ Москву, гдѣ, по его словамъ, равно какъ и на югѣ Россіи и въ разныхъ мѣстахъ, „дѣла идутъ хорошо, люди не спятъ, а сплочиваются“, и для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, пригласилъ его, Лихутина, отправиться съ нимъ въ Москву, на что онъ согласился. Подъѣзжая къ Москвѣ, Нечаевъ вручилъ ему бланку съ женевскою печатью, прося его выдать себя за агента Женевскаго революціоннаго общества, такъ какъ посторонній человѣкъ, по объясненію Нечаева, не могъ участвовать въ засѣданіяхъ кружковъ. Въ Москвѣ Лихутинъ прямо отправился въ книжный магазинъ Черкесова, къ Успенскому, у котораго встрѣтилъ Прыжова, и переговорилъ съ нимъ; вскорѣ явился за нимъ отъ Нечаева, который отправился въ Петровско-Разумовское, неизвѣстный человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи Флоринскимъ, съ клочкомъ отъ кусочка обоевъ, другой клочокъ котораго Нечаевъ, вмѣстѣ съ женевскою бланкою, вручилъ ему, Лихутину, какъ условный знакъ. Онъ пошелъ съ Флоринскимъ сначала къ нему на квартиру, а затѣмъ, по приглашенію Нечаева, былъ въ Петровской академіи, на собраніи кружка, имѣвшемъ мѣсто на верху въ самомъ зданіи Академіи (по слѣдствію оказалось, что это было собраніе у убитаго впослѣдствіи слушателя Академіи Иванова). Въ собраніи было четыре неизвѣстныхъ ему, Лихутину, лица, которымъ Нечаевъ представилъ его, какъ члена Женевскаго комитета, а ихъ назвалъ ему № 1, № 2, № 3 и № 4-мъ. Затѣмъ начались занятія, состоявшія въ выслушиваніи отчетовъ о дѣятельности членовъ, обсужденіи свѣдѣній о новыхъ личностяхъ и т. п. На другой день Нечаевъ попросилъ его сходить къ Успенскому взять бланокъ; но когда онъ, Лихутинъ, пришелъ на квартиру Успенскаго, то находившійся въ ней Прыжовъ сказалъ, что готовыхъ бланокъ нѣтъ, и потому пошелъ и принесъ откуда-то мѣдную печать съ вырѣзанными на ней топоромъ и словами: „Народная расправа 19-го февраля 1870 года“, съ помощью которой они и отпечатали нѣсколько бланокъ. Взявъ эти бланки, Лихутинъ и Прыжовъ повезли ихъ въ Петровско-Разумовское и пріѣхали къ Флоринскому, къ которому скоро пришелъ Нечаевъ. Тутъ онъ, Лихутинъ, сталъ собираться обратно въ Петербургъ и, прощаясь съ Нечаевымъ, просилъ послѣдняго оставить его спокойно заниматься наукою, на что Нечаевъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы онъ, Лихутинъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, досталъ вексель отъ дворянина Колачевскаго въ 6.000 р., необходимый ему, какъ объяснилъ Нечаевъ, для того, чтобы держать въ рукахъ Колачевскаго, при чемъ научилъ его даже, какъ это сдѣлать. Кромѣ того Нечаевъ вручилъ ему экземпляръ прокламаціи „Народная расправа“.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Лихутинъ разсказалъ о своей поѣздкѣ сестрѣ своей Екатеринѣ и товарищамъ Попову, Щелкунову и Ковалевскому, а „Народную расправу“, послѣ прочтенія въ кругу означенныхъ лицъ, сжегъ; затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, онъ, Лихутинъ, исполнилъ порученіе Нечаева относительно взятія у Колачевскаго векселя въ 6.000 руб. слѣдующимъ образомъ: пригласивъ къ себѣ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, черезъ товарища своего Попова, помощника присяжнаго повѣреннаго Колачевскаго, онъ, Лихутинъ, между тѣмъ, сообщилъ о своемъ намѣреніи брату своему Владиміру и студенту Мокріевичу, которые, прежде ухода отъ него Колачевскаго, вышли изъ дому, наняли карету, и изъ нихъ Владиміръ Лихутинъ, надѣвъ его офицерское платье, фальшивые усы и бакенбарды, а Мокріевичъ, начернивъ себѣ усы и бороду, стали ждать Колачевскаго недалеко отъ квартиры его Лихутина. Когда Колачевскій уходилъ, то, для вѣрности успѣха, онъ, Иванъ Лихутинъ, передалъ Колачевскому въ запечатанномъ пакетѣ записную книжку Нечаева, который этотъ послѣдній вручилъ ему при отъѣздѣ изъ Москвы, высказывая самый планъ ограбленія Колачевскаго, при чемъ Лихутинъ замѣтилъ Колачевскому, что книга эта вещь секретная. По выходѣ Колачевскаго на улицу, означенные братъ Лихутина и Мокріевичъ, назвавшись чинами III Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, арестовали его и повезли въ Знаменскую гостинницу, гдѣ предложили: или быть отправленнымъ немедленно въ III Отдѣленіе, или выдать вексель въ 6.000 руб. Колачевскій исполнилъ послѣднее, и затѣмъ Владиміръ Лихутинъ и Мокріевичъ возвратились домой и вручили ему, Ивану Лихутину, вексель въ 6.000 руб., подписанный Колачевскимъ; 24-го же ноября, когда Нечаевъ снова прибылъ въ Петербургъ и посѣтилъ его, Лихутина, онъ тайно передалъ ему означенный вексель.

Въ заключеніе своего показанія Иванъ Лихутинъ прибавилъ, что „сочувствовалъ революціоннымъ идеямъ и надѣялся достичь путемъ возстанія не того демокра-

тическаго правленія, о коемъ мечталъ Нечаевъ, но только представительнаго правленія съ большею, относительно, свободою личности и слова...“

По обыску у Лихутина, жившаго вмѣстѣ съ братомъ и сестрою, найдены, между прочимъ, записки, въ которыхъ содержатся такія указанія... „Поѣздка въ Тверь совсѣмъ рѣшитъ дѣло. Я увижу насколько могу полагаться на Шимановскаго; если-бы я и нашелъ въ немъ горячаго участника, то и то, по правиламъ тактики, я постарался бы, на случай неудачи, имѣть отступленіе; съ самаго утра все шелъ разговоръ о возможности преобразованія, о томъ, какая можетъ быть поставлена цѣль, чего можно добиться, т. е. какое будетъ имѣть устройство будущее человѣческое общество послѣ могущей быть революціи... и проч.

2. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Алексѣй де-Тейльсъ показалъ, что въ концѣ ноября мѣсяца, онъ встрѣтился въ квартирѣ поручика артиллеріи Бобарыкова съ княземъ Варлаамомъ Черкезовымъ, который въ разговорѣ далъ ему замѣтить, что въ настоящее время существуетъ что-то въ смыслѣ серьезнаго политическаго предпріятія. Заинтересовавшись этимъ, по причинамъ, которыя будутъ ниже указаны, онъ, де-Тейльсъ, просилъ Черкезова разъяснить ему въ чемъ дѣло; но тотъ замѣтилъ, что къ нему явится человѣкъ, который все скажетъ. На другой день, въ той же квартирѣ, отрекомендовалъ ему Черкезовъ новаго знакомаго подъ именемъ Александра Васильевича (оказавшагося Николаевымъ), про котораго сказалъ, что онъ членъ тайной организаціи; и Черкезовъ и Николаевъ стали просить его указать такую квартиру, гдѣ можно было бы видѣться съ однимъ знакомымъ, и, вслѣдствіе указанія имъ на квартиру студента Ружевскаго, на Петербургской сторонѣ, они сошлись туда вмѣстѣ съ новымъ лицомъ, приведеннымъ Николаевымъ и Черкезовымъ и оказавшимся Алексѣемъ Кузнецовымъ. И на этотъ разъ де-Тейльсъ ничего точнаго объ организаціи не узналъ, а получилъ лишь приглашеніе прибыть въ Москву, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ нѣкоимъ Иваномъ Петровичемъ (Нечаевымъ), отъ котораго получилъ бы уже всѣ свѣдѣнія. Между тѣмъ, въ это же время, Кузнецовъ ему предложилъ, а Черкезовъ потомъ въ квартирѣ Бобарыкова передалъ для храненія какіе-то пакеты, которые онъ, де-Тейльсъ, долженъ былъ вручить Ивану Петровичу, когда тотъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Пакеты эти онъ, де-Тейльсъ, впослѣдствіи, не дождавшись Ивана Петровича, сжегъ. Затѣмъ, по отъѣздѣ изъ Петербурга Черкезова и Николаева, къ нему, де-Тейльсу, изъ Москвы прибылъ посланный отъ Черкезова, нѣкто Пажонъ-де-Монсе, который просилъ его пріѣхать въ Москву, но онъ съ нимъ не поѣхалъ, а поѣхалъ уже въ концѣ декабря (24-го числа), когда пріѣхалъ за нимъ Николаевъ, увѣрившій его, что Иванъ Петровичъ ожидаетъ его въ Москвѣ. Прибылъ онъ въ Москву; но Иванъ Петровичъ оказался уѣхавшимъ уже за границу, вмѣстѣ съ знакомою де-Тейльса, Александровскою, и потому онъ ограничился полученіемъ свѣдѣній объ организаціи отъ Черкезова. Этотъ послѣдній сообщилъ ему, что лицо, вступающее въ организацію, знаетъ только того, кто его ввелъ; что то лицо, которое вновь поступило, даетъ отчетъ также тому, кто его ввелъ, и т. п. Послѣ этого онъ, де-Тейльсъ, съ Николаевымъ отправился въ Тулу, такъ какъ и Николаевъ и Черкезовъ просили его отрекомендовать нѣкоего Маслова на мѣсто письмоводителя къ мировому посреднику въ Тулѣ, что онъ и пытался сдѣлать, но неудачно. Затѣмъ онъ возвратился въ Петербургъ.

Разъясняя эти подробности своего участія въ дѣлѣ тайной организаціи, де-Тейльсъ такъ формулируетъ причины, побудившія его стремиться къ радикальному политическому перевороту въ Россіи: объѣзжая Курскую и Тверскую губерніи, онъ убѣдился, что земледѣльческими ассоціаціями, о которыхъ онъ мечталъ прежде, нельзя принести никакой пользы народу; онъ увидѣлъ, что рабочіе люди всюду терпятъ голодъ и лишенія, и что при такихъ условіяхъ никакія спеціальныя знанія, вносимыя образованными людьми въ массу, не могутъ имѣть дѣйствительнаго примѣненія, и потому онъ, де-Тейльсъ, сознавая, что и онъ лично свою спеціальностью не въ состояніи помочь народу, убѣдился, что мирный путь невозможенъ.

3. Жена поручика Юлія Бобарыкова, въ квартирѣ которой де-Тейльсъ былъ склоненъ Черкезовымъ и Николаевымъ къ поступленію въ тайную организацію, показала, что дѣйствительно Черкезовъ, въ концѣ ноября и въ декабрѣ мѣсяцахъ 1869 года, видѣлся въ ея квартирѣ съ Тейльсомъ и женою коллежскаго совѣтника Варварою Александровскою; но о чемъ у нихъ шла рѣчь—она не знаетъ, а изъ разговоровъ съ Черкезовымъ поняла, что есть какое-то тайное общество, но, по неясности намековъ его, она не могла отчетливо себѣ представить, какое именно общество. Тѣмъ не менѣе, когда Черкезовъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву, то она на приглашеніе его пріѣхать въ Москву дала согласіе, такъ какъ ей нужно было, во всякомъ случаѣ, ѣхать туда по денежнымъ дѣламъ. Въ Москвѣ она сначала остановилась въ нумерахъ, но потомъ, по неудобству этого помѣщенія, перешла на квартиру, указанную ей Черкезовымъ; затѣмъ съ нимъ была еще на одной квартирѣ, гдѣ опять слышала какія-то смутныя фразы объ обществѣ, и уѣзжая, получила отъ находившагося въ послѣдней квартирѣ неизвѣстнаго ей лица (какъ оказалось впослѣдствіи, Николаева) шифрованную записку для передачи Нечаеву въ Женевѣ; за границу же она намѣревалась ѣхать съ цѣлью узнать, гдѣ удобнѣе учиться медицинѣ, и непрочь

была познакомиться съ женевскими эмигрантами. Возвратясь въ Петербургъ, она, должно быть, означенную записку потеряла въ квартирѣ знакомой своей Луканиной, у которой ночевала.

Бобарыкова прибавляетъ при этомъ, что сама она въ дѣло организаціи посвящена не была и ни о какихъ другихъ тайныхъ обществахъ не слышала.

4. Жена коллежскаго совѣтника Варвара Александровская, задержанная при возвращеніи ея изъ Женевы 11-го января на станціи Вержболово, показала, что въ концѣ ноября 1869 года, въ бытность ея въ Петербургѣ, въ квартирѣ Бобарыковой, Черкезовъ и Николаевъ, называвшіеся тогда Берсеньевымъ и Александромъ Васильевичемъ, дѣйствительно говорили ей и студенту де-Тейльсу о существованіи какого-то общества, прося на первый разъ отъ нея позволенія останавливаться у нея въ Тулѣ нѣкоторымъ изъ членовъ общества. Не давъ положительнаго отвѣта, она уѣхала въ Тулу; но въ декабрѣ мѣсяцѣ къ ней явился туда неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся Елпидинымъ (а оказавшійся по слѣдствію Нечаевымъ), который, говоря, что пріѣхалъ отъ означеннаго Берсеньева, остался у нея ожидать будто-бы пріѣзда въ Тулу де-Тейльса. Послѣ продолжительной бесѣды съ Нечаевымъ, который, между прочимъ, далъ ей понять, что де-Тейльсъ вступилъ уже въ тайную организацію, она, Александровская, увидѣла себя подъ непобѣдимымъ вліяніемъ своего собесѣдника, такъ что когда онъ, а потомъ еще и прибывшій въ Тулу Берсеньевъ, или Черкезовъ, стали упрашивать ее ѣхать за границу по дѣламъ общества, замѣтивъ при этомъ мимоходомъ объ опасности не исполнять велѣнія комитета, какъ это пытался дѣлать убитый Ивановъ, то она безсознательно имъ подчинилась и отправилась въ Курскъ, гдѣ имѣла мѣсто въ земствѣ, достать себѣ заграничный паспортъ. Паспортъ она вскорѣ получила и пріѣхала въ Тулу, куда скоро пріѣхалъ также и Елпидинъ, и они вмѣстѣ выѣхали на Орелъ, чрезъ Динабургъ, за границу. Дорогою Елпидинъ высказалъ ей подробнѣе уже стремленія общества, именно: пояснилъ, что цѣль его—поднятіе народа къ возстанію, но причины, по которой онъ ее везъ за границу, не сообщилъ, объясняя, что комитетъ скажетъ, что ей дѣлать. По пріѣздѣ въ Женеву, Нечаевъ куда-то ушелъ, оставивъ ее одну на квартирѣ, но вскорѣ присланъ былъ за нею какой-то французъ, который отвелъ ее въ другой домъ, гдѣ она увидала какого-то старика (Огарева). Старикъ спросилъ, что дѣлается въ Россіи, и ушелъ, но потомъ вышелъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ, который отрекомендовалъ ему ее, заявивъ, что она, Александровская, принадлежитъ къ ихъ дѣлу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней затѣмъ, она, Александровская, оставалась въ квартирѣ, куда приходили разныя личности и Нечаевъ. Наконецъ, сказавъ ей, что надо уѣзжать въ Россію, Нечаевъ принесъ ей большое количество печатныхъ прокламацій и поручилъ передать ихъ въ Земледѣльческій Институтъ студентамъ Топоркову и Святскому, которымъ она должна была сказать: Топоркову—что нумеръ его 85, а Святскому—что буква его N; французскіе адресы же, оказавшіеся на отобранныхъ у нея прокламаціяхъ и написанные совсѣмъ на другія фамиліи, были нарочно написаны Нечаевымъ, чтобы отвести глаза полиціи, если прокламаціи попадутся. Такимъ образомъ она отправилась въ Россію съ прокламаціями и въ Вержболовѣ была задержана.

Александровская при этомъ прибавляетъ, что имѣла положительное намѣреніе предъявить эти прокламаціи не по назначенію Нечаева, а Правительству, и, узнавъ въ Вержболовѣ, что офицеръ, ее задержавшій, присланъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, вручила ему всѣ прокламаціи.

При задержаніи Александровской въ Вержболовѣ 11-го января, дѣйствительно найдены на ней подъ платьемъ значительное количество печатныхъ прокламацій, которыя, по разсмотрѣніи, оказались крайне возмутительнаго содержанія и заключаютъ въ себѣ обращенія къ разнымъ сословіямъ въ Россіи, какъ-то: къ войску, подъ названіемъ: „Что жъ братцы?“, къ народу, подъ названіемъ: „До громады“ и „Мужичкамъ и всѣмъ простымъ людямъ работникамъ“, къ студентамъ, подъ названіемъ: „Студентъ“, и „Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи“ и т. п.

5. Дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина, подтверждая показаніе брата своего, Ивана Лихутина, о посѣщеніи ихъ Нечаевымъ, о поѣздкѣ послѣдняго съ братомъ въ Москву и о томъ, что братъ ея, возвратясь изъ Москвы, разсказывалъ о составившемся тамъ обществѣ, объяснила, однако жъ, что прокламаціи „Народная расправа“ братъ ей не читалъ, сама она ни къ какому тайному обществу не принадлежала и вообще ничего не знаетъ о дѣятельности какого бы ни было общества.

6. Студентъ Технологическаго Института Александръ Старицынъ въ показаніяхъ своихъ при дознаніи и слѣдствіи заявилъ, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1869 года къ нему явился господинъ, назвавшійся Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, который началъ говорить, что надо сплотиться, объединиться, чтобы образовать силу. На вопросъ его, Старицына, почему онъ не говоритъ яснѣе, Дмитрій Ѳедоровичъ замѣтилъ, что онъ, т. е. Старицынъ, еще ничѣмъ себя не зарекомендовалъ, а если желаетъ быть полезнымъ, то чтобы образовывалъ кружки. При этомъ Дмитрій Ѳедоровичъ передалъ ему листокъ синей почтовой бумаги съ клеймомъ, на которомъ нарисованъ былъ топоръ и написано: „Народная расправа“. На листкѣ этомъ былъ написанъ уставъ о томъ,

какъ нужно организоваться и составлять кружки. Послѣ ухода Дмитрія Ѳедоровича, Старицынъ сжегъ этотъ листокъ. Уходя, Дмитрій Ѳедоровичъ сказалъ, что къ нему, Старицыну, явится отъ него посланный, которому онъ долженъ будетъ передать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. О всемъ вышеизложенномъ Старицынъ сообщилъ Лунину, Ковалевскому и Лазаревскому. Вскорѣ дѣйствительно прибыли къ нему сначала женщина, назвавшаяся Бѣляевою, а потомъ библіотекарь московскаго книжнаго магазина Черкесова—Скипскій, изъ коихъ первая на словахъ объяснила, а послѣдній съ запискою отъ Дмитрія Ѳедоровича, чтобы онъ, Старицынъ, прислалъ отчетъ въ Московское бюро, но онъ заявилъ имъ, что по болѣзни ничего не можетъ сдѣлать. Затѣмъ, въ ноябрѣ уже мѣсяцѣ, когда Старицынъ лежалъ въ клиникѣ, къ нему пришелъ неизвѣстный господинъ (оказавшійся потомъ Алексѣемъ Кузнецовымъ) также съ запискою отъ Дмитрія Ѳедоровича и опять съ такимъ же требованіемъ; но онъ тутъ же уже положительно высказалъ неизвѣстному, что онъ предоставляетъ себѣ дѣйствовать, какъ заблагоразсудится.

На вопросъ слѣдователя о томъ, извѣстна ли ему была цѣль общества, устраиваемаго Дмитріемъ Ѳедоровичемъ, Старицынъ показалъ, что несмотря на неясность разсужденій Дмитрія Ѳедоровича, онъ заключилъ, однако жъ, что послѣдній имѣлъ въ виду измѣненіе существующаго порядка.

Затѣмъ, при заключеніи слѣдствія, Старицынъ сдѣлалъ новое заявленіе, въ которомъ говоритъ, что Нечаева зналъ еще со времени студенческихъ движеній и обращеніе его къ нему подъ именемъ Дмитрія Ѳедоровича объясняетъ тѣмъ, что Нечаеву было извѣстно расположеніе, которымъ онъ, Старицынъ, пользовался среди товарищей. Кромѣ того онъ, Старицынъ, прибавляетъ, что онъ не можетъ себя признать виновнымъ и въ недонесеніи о тайномъ обществѣ, такъ какъ онъ при предъявленіи ему Нечаевымъ устава замѣтилъ только, что была синяя бумага съ овальною печатью, но ни топора, ни надписи „Народная расправа" не видѣлъ, а показалъ объ этомъ прежде при дознаніи потому, что ему предъявляли изображеніе подобной печати, и онъ, находясь въ болѣзненно-нервномъ состояніи, высказалъ то, чего не видалъ.

7. Жена дворянина Любовь Воронцова объяснила, что дѣйствительно, во время пребыванія ея въ Москвѣ (въ началѣ ноября мѣсяца 1869 г.), она была приглашена, чрезъ посредство письма отъ неизвѣстнаго, придти на Тверской бульваръ, если она желаетъ принять участіе въ какомъ-то обществѣ. Она исполнила это и съ встрѣтившимся съ нею въ названномъ мѣстѣ неизвѣстнымъ человѣкомъ (оказавшимся Кузнецовымъ), съ которымъ она обмѣнялась условною фразою, пошла въ какую-то квартиру, гдѣ незнакомецъ прочелъ ей уставъ общества, а затѣмъ пригласилъ ее вступить въ общество, и она согласилась. Послѣ краткой бесѣды, въ которой она упомянула о намѣреніи своемъ ѣхать въ Петербургъ, неизвѣстный пригласилъ ее придти на другой день, и когда она явилась, то онъ подалъ ей письмо отъ комитета, отмѣтившаго ее уже особымъ нумеромъ, и въ которомъ говорилось, что она должна совершенно ввѣриться тому лицу, на которое укажетъ ей незнакомецъ. Вслѣдъ затѣмъ изъ другой комнаты вышелъ другой человѣкъ (оказавшійся Нечаевымъ) и сталъ спрашивать ее о ея знакомыхъ въ Петербургѣ; она назвала нѣкоторыхъ, а онъ поручилъ ей склонить ихъ къ вступленію въ общество.

Цѣль этого общества, какъ поняла ее Воронцова изъ разговоровъ съ неизвѣстными, было измѣненіе существующаго порядка.

Далѣе Воронцова объяснила, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, она ни съ кѣмъ изъ своихъ знакомыхъ объ означенномъ обществѣ не говорила и вообще убѣдилась, что дѣйствія вышеупомянутыхъ московскихъ незнакомцевъ смѣшны, а потому, когда они, въ концѣ ноября, стали приходить къ ней, то она велѣла ихъ не принимать, что и было исполнено ея прислугою.

8. Студентъ Земледѣльческаго Института дворянинъ Владиміръ Святскій сознался въ томъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 г. онъ, въ квартирѣ своей, въ зданіи Земледѣльческаго Института, познакомившись съ неизвѣстнымъ ему офицеромъ путей сообщенія, назвавшимся Панинымъ (онъ же Нечаевъ), согласился на предложеніе послѣдняго вступить въ члены тайной организаціи, которая, какъ объяснилъ ему Панинъ, имѣла ввиду устраненіе настоящаго положенія вещей быстрыми, радикальными средствами, а не такими, каковыми оказывались всѣ либеральныя реформы послѣдняго времени. Панинъ, или Нечаевъ, высказывалъ ему, что путь реформъ слишкомъ медленenъ. Святскій сознался также, что онъ принялъ затѣмъ отъ присланнаго къ нему означеннымъ Панинымъ неизвѣстнаго ему человѣка (оказавшагося впослѣдствіи Кузнецовымъ) „Правила организаціи", стихотвореніе „Студентъ", „Воззваніе къ дворянству", три экземпляра воззванія „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ" и шифрованную азбуку, но по прочтеніи все это сжегъ. Воззванія „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ" Святскій долженъ былъ, незамѣтнымъ образомъ выронить на сходкѣ студентовъ Академіи, а помощью азбуки написать характеристики извѣстныхъ ему лицъ.

9. Студентъ Технологическаго Института отставной подпоручикъ Константинъ Росляковъ, у котораго, по показанію члена тайнаго общества Алексѣя Куз-

нецова, Нечаевъ жилъ три дня по пріѣздѣ въ Петербургъ, показалъ, что еще на сходкѣ, бывшей у нѣкоего Лунина въ половинѣ октября мѣсяца, онъ слышалъ, что Нечаевъ образовалъ въ Москвѣ какое-то общество; но такъ какъ изъ прокламаціи „Народная расправа", которую прочелъ на означенной сходкѣ пришедшій съ нимъ туда студентъ Старицынъ, они убѣдились, что средства, избранныя Московскимъ обществомъ, крайне дики, ибо въ „Народной расправѣ" проповѣдывались убійства высшихъ государственныхъ сановниковъ, то онъ, Росляковъ, вмѣстѣ съ другими, высказалъ желаніе сблизиться съ Московскимъ обществомъ, съ тѣмъ, чтобы измѣнить направленіе послѣдняго въ смыслѣ тѣхъ же мирныхъ стремленій развить образованіе народа, которыми проникнуты были онъ и его товарищи. Затѣмъ, 24-го ноября, товарищъ его, студентъ Технологическаго Института Лазаревскій, сказалъ ему, что Нечаевъ въ Петербургѣ и что студентъ Лѣснаго Института Ковалевскій проситъ его укрыть дня на два въ его, Рослякова, квартирѣ. Онъ согласился, и хотя зналъ, что пришедшій къ нему вскорѣ послѣ этого былъ Нечаевъ, но дѣлалъ видъ, что принимаетъ Кинявскаго, какъ объ этомъ было условлено между ними, Росляковымъ и Лазаревскимъ. Нечаевъ дѣйствительно принималъ у него въ квартирѣ какого-то господина (послѣ оказавшагося Алексѣемъ Кузнецовымъ), съ которымъ обыкновенно шептался въ другой комнатѣ. Кромѣ того, онъ самъ бесѣдовалъ съ Нечаевымъ, который, между прочимъ, ему высказывалъ, что для политическаго дѣла слѣдуетъ подготовить людей, что декабристы хотя сами и не разсчитывали на вѣрный успѣхъ, но понимали, что ихъ работа принесетъ плоды въ будущемъ. При этомъ Росляковъ прибавилъ, что подробности объ организаціи въ Москвѣ Нечаевъ ему не раскрывалъ.

10. Студентъ Земледѣльческаго Института отставной прапорщикъ Владиміръ Ковалевскій въ показаніяхъ своихъ подтвердилъ объясненія обвиняемыхъ Рослякова и Лунина о томъ, что на собраніи у нихъ шла рѣчь о присоединеніи членовъ Московскаго общества, устроеннаго, какъ онъ слышалъ, Нечаевымъ, къ нимъ, т. е. къ кружку его, Ковалевскаго, знакомыхъ, чтобы обратить ихъ на мирный путь, при чемъ содержаніе прокламацій порицалось всѣми. Ковалевскій объясняетъ затѣмъ, что Нечаева онъ зналъ еще со времени весеннихъ студенческихъ сходокъ и тогда же ни въ чемъ съ нимъ не соглашался; поэтому, когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 г. Нечаевъ неожиданно появился у Лихутиныхъ въ квартирѣ, гдѣ былъ и онъ, Ковалевскій, то желая какимъ-нибудь образомъ удалить его, онъ, Ковалевскій, увелъ Нечаева и попросилъ знакомаго своего Лазаревскаго помѣстить его гдѣ-нибудь на одну ночь, при чемъ назвалъ Нечаева Лазаревскому Кинявскимъ. На другой день, когда Ковалевскій былъ у себя въ нумерѣ, въ зданіи Земледѣльческаго Института, къ нему явился Нечаевъ и просилъ назвать его жившимъ въ одномъ съ нимъ нумерѣ студентамъ, инженеромъ Панинымъ, что онъ и исполнилъ. Пробылъ Нечаевъ у него два дня, и въ это время къ нему приходилъ неизвѣстный ему, Ковалевскому, господинъ (оказавшійся Кузнецовымъ), съ которымъ Нечаевъ говорилъ о чемъ-то шепотомъ. Послѣ этого онъ Нечаева уже болѣе не встрѣчалъ.

Въ заключеніе Ковалевскій объяснилъ, что самъ онъ къ тайному обществу не принадлежалъ и при немъ Иванъ Лихутинъ прокламаціи „Народная расправа" не читалъ.

11. Бывшій студентъ Технологическаго Института дворянинъ Михаилъ Лазаревскій ни въ чемъ не сознался, утверждая, что Нечаева не знаетъ и никогда его подъ именемъ Кинявскаго къ Рослякову не приводилъ.

12. Бывшій слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи дворянинъ Викторъ Лунинъ объяснилъ, что въ октябрѣ 1869 г., въ Москвѣ, онъ и слушатель Петровской Академіи Ивановъ познакомились съ Павловымъ (подъ этою фамиліею извѣстенъ Нечаевъ), который, бесѣдуя съ нимъ, Лунинымъ, по поводу прокламаціи „Народная расправа", защищалъ ея воззрѣнія, а затѣмъ, оставшись съ нимъ наединѣ, приглашалъ его вступить въ тайную организацію, утверждая при этомъ, что самъ онъ, Павловъ, одинъ изъ агентовъ организаціоннаго общества, существующаго въ Петербургѣ. Лунинъ не согласился поступить и уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, на сходкѣ у товарищей, разсказывалъ въ общихъ чертахъ объ устроенной въ Москвѣ организаціи и предложилъ привлечь наиболѣе вліятельныхъ членовъ послѣдней на сторону ихъ петербургскаго кружка, стремившагося, или предполагавшаго стремиться, къ измѣненію настоящаго порядка вещей въ Россіи мирнымъ путемъ развитія земледѣльческихъ ассоціацій и вообще знаній въ народѣ. Съ этою цѣлью онъ, Лунинъ, велъ переписку съ Долговымъ, Кузнецовымъ и Бѣляевою, находившимися въ Москвѣ. Затѣмъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, явились къ нему изъ Москвы знакомый его Черкезовъ и неизвѣстный господинъ, которые просили его передать находившимся уже тогда въ Петербургѣ Кузнецову и какому-то Ивану Петровичу (онъ же Нечаевъ) объ арестѣ Успенскаго, а потомъ былъ у него и Кузнецовъ.

Лунинъ при этомъ прибавляетъ, что онъ не считалъ себя въ чемъ-либо виновнымъ, такъ какъ о Московскомъ обществѣ имѣлъ самое смутное понятіе.

13. Студентъ Технологическаго Института Прохоръ Дебогорій-Мокріевичъ объяснилъ, что онъ дѣйствительно, вмѣстѣ съ Владиміромъ Лихутинымъ, совершилъ вышеописанное насиліе надъ Колачевскимъ, но игралъ при этомъ пассивную

роль. Онъ нанялъ только нумеръ въ Знаменской гостиницѣ, куда потомъ былъ привезенъ Колачевскій, и карету, въ которой самъ оставался, покуда Лихутинъ не посадилъ туда Колачевскаго; а затѣмъ все остальное совершалъ Лихутинъ и сказалъ уже ему потомъ, что взялъ съ Колачевскаго вексель. При этомъ Мокріевичъ присовокупилъ, что взятіе векселя была шутка, которую задумалъ Владиміръ Лихутинъ, а онъ съ нимъ согласился, но не имѣлъ въ виду никакихъ корыстныхъ цѣлей, и самый вексель, какъ ему сказали, былъ впослѣдствіи сожженъ.

Затѣмъ Мокріевичъ объяснилъ, что о поѣздкѣ Ивана Лихутина въ Москву онъ слышалъ отъ него же, при чемъ Лихутинъ ему разсказывалъ, что Нечаевъ распространяетъ тамъ между студентами прокламаціи и хлопочетъ о составленіи революціоннаго общества.

14. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Петръ Поповъ объяснилъ, что въ исторіи съ векселемъ онъ принималъ лишь то участіе, что по просьбѣ Лихутиныхъ написалъ письмо къ Колачевскому, прося зайти къ нимъ, и взялъ на прокатъ въ магазинѣ Жигунова саблю, а впослѣдствіи, когда Владиміръ Лихутинъ былъ арестованъ, что было 9-го декабря, то по просьбѣ послѣдняго онъ, Поповъ, съ Ковалевскимъ и Мокріевичемъ, черезъ недѣлю, сожгли этотъ вексель.

Далѣе Поповъ заявилъ, что Нечаевъ, былъ въ концѣ сентября, или началѣ октября 1869 года у Лихутиныхъ, приглашалъ всѣхъ ихъ бросить науки и идти въ народъ, указывая при этомъ на 19-е февраля 1870 года, какъ на моментъ особенно удобный для поднятія народа противъ Правительства, но онъ, равно какъ и другіе, съ нимъ не соглашался.

Поповъ подтвердилъ затѣмъ, что Иванъ Лихутинъ, возвратясь изъ Москвы, разсказывалъ, какъ онъ выдавалъ себя тамъ за Женевскаго агента, какъ тамъ собираются по три и по четыре человѣка и занимаются писаніемъ прокламацій, при чемъ показалъ привезенную съ собою прокламацію „Народная расправа", которую и онъ, Поповъ, читалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Поповъ удостовѣрилъ, что въ октябрѣ мѣсяцѣ, по поводу увеличившихся слуховъ о взятіи съ Колачевскаго векселя, при чемъ упоминулось и имя Нечаева, онъ послалъ въ Москву на имя Прыжова телеграмму, редакція которой принадлежала Екатеринѣ Лихутиной и отъ ея имени съ подписью „Морозовъ"; телеграмму эту, какъ объяснилъ Поповъ, онъ послалъ для того, чтобы предупредить пріѣздъ Нечаева въ Петербургъ, такъ какъ онъ своею личностью внушалъ имъ большое опасеніе. И наконецъ,

15. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Владиміръ Лихутинъ, подтверждая въ своемъ показаніи при слѣдствіи фактъ поѣздки брата своего Ивана съ Нечаевымъ въ Москву, объяснилъ, что онъ дѣйствительно вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Мокріевичемъ заставили Колачевскаго такимъ образомъ, какъ показалъ его братъ, выдать вексель въ 6.000 р. и что вексель этотъ до его ареста хранился у него въ квартирѣ, въ его комнатѣ, надъ дверью, подъ обоями, а при арестѣ онъ указалъ на это мѣсто храненія кому-то изъ своихъ товарищей, Попову или Ковалевскому; но при этомъ Владиміръ Лихутинъ прибавляетъ, что взятіе означеннаго векселя было не болѣе какъ результатомъ шутки, которую онъ, братъ его и другіе захотѣли разыграть надъ Колачевскимъ.

Изъ всѣхъ этихъ объясненій привлеченныхъ къ дѣлу лицъ оказывается, что преступныя намѣренія составившагося въ Москвѣ заговора съ цѣлью ниспроверженія Правительства и перемѣны образа правленія въ Россіи проникли черезъ зачинщика этого заговора Сергѣя Нечаева и соучастника его Алексѣя Кузнецова въ Петербургъ, гдѣ поименованныя выше лица, частью своими дѣйствіями, частью же недонесеніемъ о томъ своевременно Правительству, дали возможность означеннымъ Нечаеву и Кузнецову распространить до извѣстной степени свою преступную дѣятельность пріобрѣтеніемъ новыхъ членовъ заговора. Несмотря на то, что нѣкоторые изъ поименованныхъ выше обвиняемыхъ отрицаютъ всякое участіе свое въ этомъ заговорѣ, противъ нихъ, равно какъ и противъ сознающихся въ этомъ участіи, слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія улики:

1. Отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ, по собственному сознанію, подтвержденному показаніями брата его Владиміра Лихутина, студентовъ Попова, Мокріевича и Ковалевскаго и членовъ заговора въ Москвѣ Успенскаго, Флоринскаго и Прыжова, уличается въ томъ, что поѣздкою своею въ Москву, принятіемъ тамъ на себя роли агента Женевскаго революціоннаго общества, участіемъ въ приготовленіи бланокъ съ штемпелемъ „Народная расправа", а затѣмъ и приведеніемъ въ исполненіе желанія Нечаева взять вексель съ Колачевскаго путемъ грабежа, помогъ зачинщику заговора Нечаеву успѣшно продолжать свою преступную дѣятельность. Кромѣ того, свидѣтель, подпоручикъ Шимановскій, вполнѣ подтвердилъ, что Иванъ Лихутинъ былъ у него въ Твери съ неизвѣстнымъ господиномъ, оказавшимся впослѣдствіи Нечаевымъ; относительно же значенія этой поѣздки найдены указанія въ запискахъ, отобранныхъ у Лихутина при обыскѣ и вышеупомянутыхъ.

2. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Алексѣй де-Тейльсъ также, кромѣ собственнаго сознанія въ томъ, что онъ принялъ участіе въ вышеозначенномъ заговорѣ, съѣздивъ для этого въ Москву и Тулу, указавъ для Нечаева, на случай

его прибытія, безопасное убѣжище въ квартирѣ студента Ружевскаго, и взявъ для храненія пакеты отъ члена заговора князя Черкезова, уличается еще въ томъ же оговорами обвиняемыхъ Николаева, того же Черкезова и отчасти показаніемъ свидѣтеля, крестьянина Иванова, служившаго дворникомъ въ томъ домѣ, гдѣ де-Тейльсъ, по пріѣздѣ въ Москву, квартировалъ.

3. Жена поручика Юлія Бобарыкова, сознавшаяся въ томъ, что ѣздила, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1869 года, по вызову Черкезова, въ Москву, что находилась тамъ въ кругу членовъ заговора, что приняла отъ Николаева шифрованную записку для передачи Нечаеву въ Женевѣ, куда намѣрена была отправляться, тѣмъ самымъ уличается въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ вышеозначеннаго заговора, и хотя Бобарыкова утверждаетъ, что она не была посвящена вполнѣ въ дѣло тайной организаціи, но фактъ подговора въ ея квартирѣ обвиняемыми Николаевымъ и Черкезовымъ де-Тейльса и Александровской къ вступленію въ тайное общество и затѣмъ свидѣтельство дворянина Юлія Луканина о томъ, что Бобарыкова, ввиду невозможности самой ѣхать за границу, по случаю своего ареста, передала какое то письмо и вышеозначенную шифрованную записку женѣ Луканина, чтобы она отвезла ихъ къ эмигранту Огареву, доказываютъ, что ей не могла быть безызвѣстна и конечная цѣль заговора, которому она служила. Независимо отъ этого, въ дѣлѣ находится телеграмма отъ 22-го декабря, посланная по просьбѣ Бобарыковой студентомъ Ружевскимъ въ Москву Берсеньеву, т. е. Черкезову, о томъ, что она, Бобарыкова, больна и что письмо отъ нея будетъ. Это обстоятельство въ свою очередь доказываетъ, что Бобарыкова была слишкомъ заинтересована въ своевременномъ появленіи своемъ въ Москвѣ, гдѣ ея ждали члены заговора.

4. Жена коллежскаго совѣтника Варвара Александровская также собственнымъ сознаніемъ уличается въ содѣйствіи заговору, цѣль котораго ей была извѣстна изъ объясненій ѣхавшаго съ нею въ Женеву Нечаева. Сознаніе это вполнѣ подтверждается и результатомъ обыска Александровской, при ея задержаніи въ Вержболовѣ, когда у нея были найдены прокламаціи крайне преступнаго содержанія. Объясненіе же Александровской, что она намѣревалась донести объ этомъ Правительству, но не успѣла сего исполнить, не можетъ заслуживать уваженія, какъ потому, что изъ дѣла не усматривается существованія непреодолимыхъ для сего препятствій, такъ и потому, что разставшись съ Нечаевымъ въ Тулѣ, Александровская уѣхала въ Курскъ и оттуда, 15-го декабря, прислала телеграмму въ Москву на имя знакомаго Черкезова, инженера Ламанскаго, за подписью „акушерка Берсеньева", въ которой говорится между прочимъ: „согласна на практику . . . нынче домой ѣду". Смыслъ этой телеграммы, хотя и иносказательный, показываетъ, что Александровская дѣйствовала вполнѣ сознательно и внѣ всякаго принужденія.

5. Дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина, отрицающая принадлежность свою къ образованному въ Москвѣ тайному обществу, уличается, однако жъ, въ томъ: во-1-хъ, сношеніями съ Нечаевымъ, который еще въ то время, когда былъ за границею, писалъ къ ней подъ именемъ Началовой и звалъ ее за границу, и который, по словамъ Ивана Лихутина, подтверждаемымъ показаніемъ свидѣтельницы Евдокіи Кулебякиной, явился къ нимъ въ концѣ сентября 1869 года съ тѣмъ, чтобы видѣть одну Екатерину Лихутину, и, находясь у нихъ, большую часть времени провелъ въ ея комнатѣ, при чемъ подарилъ ей шарфъ; во-2-хъ, посылкою въ октябрѣ мѣсяцѣ телеграммы въ Москву на имя члена заговора Прыжова, въ которой она проситъ передать Дмитрію Ѳедоровичу, т. е. Нечаеву, что ее задерживаетъ въ Петербургѣ важное дѣло, до него относящееся, при чемъ телеграмма была подписана фамиліею „Морозовъ", и полученіемъ ею двухъ писемъ отъ того же Прыжова, изъ коихъ онъ однимъ звалъ ее въ Москву, на что она отвѣчала письмомъ, писаннымъ студентомъ Медико-Хирургической Академіи Поповымъ; въ 3-хъ, посѣщеніемъ ея въ октябрѣ 1869 г. присланною къ ней Нечаевымъ изъ Москвы мѣщанкою Бѣляевою, передавшею ей письмо его съ просьбою о высылкѣ денегъ и получившею отъ Лихутиной отвѣтъ на это письмо, и, наконецъ, въ-4-хъ, тѣмъ, что въ записной книжкѣ обвиняемаго Петра Успенскаго, между прочимъ, значится: „С.-Петербургъ, у Тавр. с. 19, 10 л. 40 Морозовъ", что записано, по показанію его, со словъ Нечаева и означаетъ адресъ Екатерины Лихутиной, которая въ организаціи имѣла № 40 и фамилію Морозовъ.

Всѣ эти фактическія данныя не могутъ не убѣждать, что Екатерина Лихутина принадлежала къ составу образованнаго въ Москвѣ съ преступною цѣлью тайнаго общества.

6. Студентъ Технологическаго Института Александръ Старицынъ, сначала сознавшійся въ томъ, что онъ зналъ о составившемся въ Москвѣ заговорѣ, а потомъ отвергнувшій свою виновность,—уличается однако жъ обстоятельствами, имъ самимъ переданными и подтверждаемыми показаніями обвиняемыхъ Алексѣя Кузнецова, Елизаветы Бѣляевой и Виктора Скипскаго. Изъ разговора съ Нечаевымъ и переданныхъ ему послѣднимъ правилъ организаціи, Старицынъ не могъ не знать, что за общество, въ которое его приглашалъ Нечаевъ. Если же принять во вниманіе показаніе Рослякова о томъ, что на сходкѣ у нихъ Старицынымъ была прочтена прокламація „Народная расправа", то нельзя не убѣдиться, что Старицыну были извѣстны не только суще-

ствованіе заговора, но и преступныя стремленія его. Посему и хотя Старицынъ, имѣвшій отъ Нечаева порученіе образовать кружокъ и не успѣлъ исполнить сего порученія, слѣдуетъ признать, что принятіе отъ него вышеозначенныхъ правилъ и связаннаго съ ними порученія, переговоры, кои онъ имѣлъ съ присланными отъ Нечаева лицами и чтеніе прокламаціи „Народная расправа" въ кругу своихъ знакомыхъ не только выражаютъ готовность его вступить въ означенный заговоръ, но и принятіе имъ на самомъ дѣлѣ участія въ дѣйствіяхъ его.

7. Жена дворянина Любовь Воронцова, хотя и оговаривается въ своемъ показаніи, что она отказалась отъ всякаго участія въ дѣйствіяхъ нечаевскаго общества, но ввиду показаній обвиняемыхъ князя Черкезова и Алексѣя Кузнецова о томъ, что Воронцовой были прочитаны главные документы ихъ тайнаго общества, т. е. правила организаціи и „Народная расправа", и, слѣдовательно, она была такимъ образомъ уже посвящена ими въ члены тайной организаціи, и что она, какъ по свидѣтельству Кузнецова и Николаева, такъ и по собственному сознанію, указала Нечаеву на извѣстныхъ ей въ Петербургѣ лицъ, кои могли вступить въ задуманное имъ предпріятіе,—не остается сомнѣнія въ томъ, что Воронцова принадлежала къ числу лицъ, принявшихъ участіе въ заговорѣ.

8. Дворянинъ Владиміръ Святскій собственнымъ сознаніемъ уличается въ томъ, что, бывъ приглашенъ принять участіе въ составленномъ въ Москвѣ заговорѣ Нечаевымъ, подъ именемъ Панина, ознакомился чрезъ него, какъ съ цѣлью, такъ и съ правилами организаціи, и затѣмъ изъявилъ свое согласіе на вступленіе въ означенную организацію, послѣ чего получилъ отъ одного изъ главныхъ дѣятелей ея, Кузнецова, нѣсколько различныхъ прокламацій возмутительнаго содержанія, для распространенія ихъ. Сознаніе Святскаго вполнѣ подтверждается показаніемъ обвиняемаго Алексѣя Кузнецова.

9. Отставной подпоручикъ Константинъ Росляковъ также собственнымъ сознаніемъ уличается въ томъ, что, узнавъ на сходкѣ у Лунина о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, образованнаго Нечаевымъ съ цѣлью ниспроверженія Правительства, въ чемъ вполнѣ убѣдился и чрезъ чтеніе прокламаціи „Народная расправа", заключавшей въ себѣ, какъ ему было извѣстно, сущность программы дѣйствій заговора, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года далъ у себя пріютъ Нечаеву. Сознаніе по сему предмету Рослякова подтверждается показаніями обвиняемыхъ Ковалевскаго, Алексѣя Кузнецова и отчасти хозяйки его квартиры, мѣщанки Авдотьи Андреевой.

10. Студентъ Земледѣльческаго Института Владиміръ Ковалевскій уличается собственнымъ сознаніемъ въ пособничествѣ образовавшемуся въ Москвѣ заговору съ преступною цѣлью укрывательства, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года, въ С.-Петербургѣ главнаго заговорщика Нечаева.

11. Дворянинъ Михаилъ Лазаревскій, хотя и не сознается, что онъ приводилъ Нечаева къ Рослякову, и вообще, что онъ зналъ о существованіи составленнаго въ Москвѣ заговора, но уличается въ этомъ: во-1-хъ, показаніями обвиняемыхъ Рослякова и Ковалевскаго, изъ которыхъ послѣдній лично передалъ ему Нечаева, и во-2-хъ, показаніемъ обвиняемаго же Алексѣя Кузнецова о томъ, что при представленіи имъ отчетовъ Нечаеву въ квартирѣ Рослякова находился и Лазаревскій, который даже предлагалъ свое содѣйствіе, если кому-нибудь нужно будетъ бѣжать за границу и затѣмъ о чемъ то шопотомъ говорилъ съ Нечаевымъ. Ввиду этихъ указаній нѣтъ возможности сомнѣваться, что хотя Лазаревскій и не состоялъ самъ въ числѣ заговорщиковъ, но что не только положительно зналъ о составленномъ ими заговорѣ, но и пріискалъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1869 года, убѣжище главному изъ сихъ заговорщиковъ—Нечаеву.

12. Дворянинъ Викторъ Лунинъ, хотя не призналъ себя виновнымъвъ знаніи о составленномъ Нечаевымъ заговорѣ въ Москвѣ, но уличается въ этомъ во-1-хъ, собственнымъ же сознаніемъ о томъ, что Нечаевъ, подъ именемъ Павлова, приглашалъ его вступилъ въ тайную организацію, при чемъ, главнымъ образомъ, у нихъ рѣчь шла о содержаніи прокламаціи „Народная расправа", и во-2-хъ, показаніями обвиняемыхъ Рослякова и Ковалевскаго о томъ, что онъ, Лунинъ, предлагалъ склонить дѣятелей московскаго тайнаго общества къ оставленію принятаго ими революціоннаго направленія, о которомъ онъ, слѣдовательно, зналъ, и къ поступленію въ кружокъ его, Лихутина, съ товарищами. Это послѣднее обстоятельство, кромѣ того, подтверждается еще и перепискою Лунина съ членами заговора Долговымъ и Бѣляевою, чего самъ Лихутинъ не отрицаетъ.

13. Студентъ Технологическаго Института Прохоръ Дебогорій-Мокріевичъ.

14. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Петръ Поповъ—и

15. Студентъ той же Академіи Владиміръ Лихутинъ собственными показаніями уличаются въ томъ, что, бывъ соглашены на то Иваномъ Лихутинымъ, помощью угрозъ, заставили дворянина Андрея Колачевскаго выдать имъ вексель въ 6.000 р., при чемъ они, кромѣ Ивана Лихутина, хотя и объясняютъ, что совершили это для шутки, но, ввиду заявленія Ивана Лихутина, что вексель нуженъ былъ Нечаеву, а затѣмъ и ввиду несогласія показаній Владиміра Лихутина, Мокріевича и Попова

съ показаніемъ того же Ивана Лихутина на счетъ дальнѣйшей судьбы векселя, который, по словамъ ихъ, былъ сожженъ, а по словамъ Ивана Лихутина переданъ имъ Нечаеву,—слѣдуетъ признать, что они въ этомъ случаѣ дѣйствовали съ преступною цѣлью. Кромѣ того изъ нихъ Дебогорій-Мокріевичъ и Поповъ, также по собственному сознанію и по оговору Ивана Лихутина, знали о составленномъ Нечаевымъ въ Москвѣ заговорѣ съ противогосударственною цѣлью.

По симъ основаніямъ обвиняются:

1. Отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ.
2. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Алексѣй де-Тейльсъ.
3. Жена подпоручика Юлія Бобарыкова.
4. Жена коллежскаго совѣтника Варвара Александровская.
5. Дочь коллежскаго совѣтника Екатерина Лихутина — и
6. Студентъ Технологическаго Института Александръ Старицынъ — въ томъ, что принимали участіе въ дѣйствіяхъ составленнаго въ Москвѣ заговора съ цѣлью ниспроверженія Правительства во всемъ государствѣ и перемѣны образа правленія, съ знаніемъ о цѣли сихъ дѣйствій, при чемъ злоумышленіе ихъ открыто Правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 249 и 250 ст. Улож. о Наказ. изд. 1866 г., и первый изъ нихъ, отставной подпоручикъ Иванъ Лихутинъ, кромѣ того, въ томъ, что согласилъ брата своего Владиміра, такъ равно студентовъ Мокріевича и Попова, посредствомъ угрозъ, заставить дворянина Колачевскаго выдать имъ вексель въ 6.000 р., т. е. совершилъ преступленіе, предусмотрѣнное 13 и 1.686 ст. Улож. о Наказ.
7. Жена дворянина Любовь Воронцова — и
8. Студентъ Земледѣльческаго Института, дворянинъ Владиміръ Святскій— въ томъ, что вступили въ означенный заговоръ, съ знаніемъ о цѣли его, т. е. совершили преступленіе, предусмотрѣнное 13, 249 и 250 ст. Улож, о Наказ.
9, Студентъ Технологическаго Института, отставной подпоручикъ Константинъ Росляковъ.
10. Студентъ Земледѣльческаго Иститута, отставной прапорщикъ Владиміръ Кавалевскій — и
11. Бывшій студентъ Технологическаго Института, дворянинъ Михаилъ Лазаревскій—въ томъ, что, не принимая прямого участія въ таковомъ заговорѣ, они завѣдомо давали или же содѣйствовали къ дачѣ убѣжища главному заговорщику Нечаеву, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 249 и 250 ст. Улож.
12. Бывшій слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи, дворянинъ Викторъ Лунинъ.
13. Студентъ Технологическаго Института Прохоръ Дебогорій-Мокріевичъ — и
13. Студентъ Медико-Хиругической Академіи Петръ Поповъ — въ томъ, что, зная о вышеизложенномъ злоумышленіи и приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйствіе и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнили сей обязанности, т. е. обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ тѣми же 249 и 250 ст. Улож., и кромѣ того, два послѣдніе — Дебогорій-Мокріевичъ и Поповъ, въ томъ еще, что, по предварительному согласію, помощью угрозъ, заставили дворянина Колачевскаго выдать имъ вексель въ 6.000 р., т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 13 и 1.683 ст. Улож.—и, наконецъ,
15. Студентъ Медико-Хирургической Академіи Владиміръ Лихутинъ обвиняется въ соучастіи, по предварительному согласію съ вышеозначенными Дебогоріемъ-Мокріевичемъ и Поповымъ, въ томъ же преступленіи относительно Колачевскаго, предусмотрѣнномъ 13 и 1.686 ст. Улож. о Наказ.

Посему вышепоименованные: Лихутины, де-Тейльсъ, Бобарыкова, Александровская, Старицынъ, Воронцова, Святскій, Росляковъ, Ковалевскій, Лазаревскій, Лунинъ, Дебогорій-Мокріевичъ и Поповъ предаются суду С.-Петербургской Судебной Палаты.

* * *

Предсѣдателемъ провозглашены были слѣдующіе вопросы:

1. Виновенъ ли отставной подпоручикъ И. Лихутинъ, 21-го года, въ томъ, что принималъ участіе въ дѣйствіяхъ составленнаго въ Москвѣ осенью 1869 года заговора, съ цѣлію ниспроверженія Правительства въ государствѣ и перемѣны образа правленія въ Россіи, при чемъ заговоръ этотъ открытъ Правительствомъ заблаговременно, при самомъ началѣ онаго?
2. Если Лихутинъ не виновенъ въ означенномъ въ первомъ вопросѣ преступленіи, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принималъ участіе въ дѣйствіяхъ составленнаго осенью 1869 года въ Москвѣ противозаконнаго сообщества направленнаго къ измѣненію или ниспроверженію порядка государственнаго устройства въ Россіи, съ знаніемъ о цѣли сего сообщества?
3. Если Лихутинъ виновенъ по предыдущему вопросу, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное пунктами 1—11 ст. Улож. о Наказ. по продолженію 1868 года, подходитъ его вина.

4. Виновенъ ли И. Лихутинъ въ томъ, что согласилъ, какъ брата своего В. Лихутина, такъ равно студентовъ Дебогорія-Мокріевича и Попова заставить посредствомъ угрозъ дворянина Колачевскаго выдать имъ вексель въ 6000 рублей?

5. Если Лихутинъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что изъ личныхъ видовъ согласилъ означенныхъ лицъ вовлечь дворянина Колачевскаго черезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ къ невыгодной для него, Колачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу?

6. Если Лихутинъ виновенъ по предыдущиму вопросу, то не уговорилъ ли онъ одно изъ упоминаемыхъ въ предшествовавшемъ вопросѣ лицъ для достиженія своей цѣли присвоить себѣ не принадлежащее ему званіе должностного по государственной службѣ лица?

7. Если подсудимый Лихутинъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которыхъ-либо изъ нихъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

(Вопросы 1-й, 2-й, 3-й и 7-й были постановлены относительно подсудимыхъ .е-Тейльса, Бобарыковой, Александровской и Лихутиной.

24. Виновна ли Александровская въ покушеніи къ злоумышленному распространенію сочиненія, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, или же къ личнымъ качествамъ Государя, или къ управленію Его государствомъ, при чемъ это покушеніе было остановлено не собственною волею подсудимой, а независѣвшими отъ нея обстоятельствами?

25. Виновна ли Александровская въ покушеніи на злоумышленное распространеніе сочиненій, съ цѣлью возбудить къ бунту, или явному неповиновенію власти верховной, при чемъ это покушеніе было остановлено не собственною волею подсудимой, а независѣвшими отъ нея обстоятельствами.

25. Если Александровская не виновна по предыдущимъ двумъ вопросамъ, то не виновна ли она въ приготовленіи къ злоумышленному распространенію упомянутыхъ въ тѣхъ вопросахъ сочиненій?

27. Виновна ли жена дворянина Л. Воронцова, 20-ти лѣтъ, въ томъ; что вступила въ означенный въ первомъ вопросѣ заговоръ?

28. Если Воронцова не виновна во вступленіи въ заговоръ, то не виновна ли она въ томъ, что принимала участіе въ поименованномъ во второмъ вопросѣ противозаконномъ сообществѣ, съ знаніемъ о его цѣляхъ?

29. Если Воронцова виновна по предыдущему вопросу, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное пунктами 1—11 ст. 318 Улож. о Наказ. по продол. 1866 года, походитъ ея вина?

30. Если Воронцова виновна, то доказано ли, что она была вовлечена въ преступленіе другими совершеннолѣтними?

31. Если подсудимая Воронцова виновна, то какому она, на основаніи закона, подлежитъ наказанію?

(Вопросы 27, 28, 29 и 31-й поставлены относительно подсудимаго Святскаго).

36. Виновенъ ли отставной поручикъ К. Росляковъ, 22-хъ лѣтъ, въ томъ, что, не принимая прямого участія въ означенныхъ въ 1-мъ или 2-мъ вопросахъ преступленіяхъ, завѣдомо и по предварительному соглашенію давалъ убѣжище или содѣйствовалъ къ тому, чтобы дано было убѣжище главному заговорщику или основателю тайнаго общества Нечаеву; въ видахъ способствованія послѣднему продолжать свою дѣятельность?

37. Если Росляковъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что завѣдомо участвовалъ въ сокрытіи главнаго заговорщика или основателя тайнаго общества Нечаева?

38. Если подсудимый Росляковъ виновенъ, то какому онъ, на основаніи закона подлежитъ наказанію?

(Вопросы 36, 37 и 38-й постановлены и относительно подсудимыхъ Ковалевскаго и Лазаревскаго).

45. Виновенъ ли дворянинъ В. Лунинъ, 26 лѣтъ, въ томъ, что, зная о поименованномъ въ первомъ или во второмъ вопросѣ злоумышленіи противъ Правительства и о приготовленіи къ приведенію онаго въ дѣйствіе и, имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнилъ этой обязанности?

46. Если подсудимый Лунинъ виновенъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

(Вопросы 45 и 46-й постановлены и относительно подсудимыхъ Дебогорія-Мокріевича и Попова).

51. Виновенъ ли подсудимый Дебогорій-Мокріевичъ въ томъ, что по предварительному согласію съ другими принималъ участіе въ принужденіи дворянина Колачевскаго съ помощію угрозъ выдать вексель въ 6000 рублей?

52. Если Дебогорій-Мокріевичъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что участвовалъ въ вовлеченіи дворянина Колачевскаго,

чрезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ, къ невыгодной для него, Колачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу?

53. Если Дебогорій - Мокріевичъ виновенъ по предыдущему вопросу, то при совершеніи означеннаго преступленія присвоивалъ ли кто-либо изъ участвовавшихъ въ ономъ лицъ, для достиженія своей цѣли, непринадлежащее званіе должностного по государственной службѣ лица?

54. Если Дебогорій-Мокріевичъ виновенъ по 51 или 52 вопросамъ, то какого рода было его участіе?

Вопросы 51, 52, 53 и 54 постановлены относительно подсудимаго Попова.

* * *

Резолюція Судебной Палаты по третьей группѣ обвиняемыхъ.

Въ воскресенье, 22-го августа, въ 5 часовъ 30 минутъ пополудни. Палата вынесла слѣдующій приговоръ, объявленный предсѣдателемъ:

„Судебная палата, разсмотрѣвъ дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, по отношенію къ 3-й группѣ, состоящей изъ 13-ти человѣкъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Палата признаетъ виновными въ принятіи участія въ дѣйствіяхъ составленнаго осенью 1869 года въ Москвѣ противозаконнаго сообщества, направленнаго къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка государственнаго устройства: И. Лихутина, де-Тейльса и Александровскую.

2. Равнымъ образомъ Палата находитъ, что Е. Лихутина виновна въ недонесеніи о существованіи вышеупомянутаго сообщества, но что за это ея преступленіе она, за силою 128 ст. Улож. о Наказ., не подлежитъ наказанію.

3. Кромѣ того Палата считаетъ виновными Лихутина и Александровскую: перваго въ томъ, что онъ изъ личныхъ видовъ согласилъ другихъ вовлечь дворянина Колачевскаго, чрезъ умышленное сообщеніе ему ложныхъ извѣстій о предстоящемъ ему арестѣ, къ невыгодной для него, Колачевскаго, сдѣлкѣ по имуществу, а послѣднюю въ томъ, что покушалась на злоумышленное распространеніе преступныхъ сочиненій.

4. Палата признаетъ подсудимыхъ Бобарыкову, Воронцову, Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокріевича и Попова въ взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными.

На основаніи вышеизложеннаго и, руководствуясь статьями 318 п. 2 и 9 (по продолженію 1868 года) 2-й степен. 36-й, 1-й степен. 38-й, 152, 1. 688, 245; 251, 4-й и 5-й степ. 19-й. 2 степ. 20, 114; 3-й степ. 31, 51, 128, 135 статей Улож. о Нак., а также 771 ст. Уст. Угол. Судопроизводства, Палата опредѣляетъ:

1. Александровскую, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

2. И. Литухина, по лишеніи нѣкоторыхъ, означенныхъ въ стат. 50 Улож., особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ смирительный домъ на 1 годъ и 4 мѣсяца, а по освобожденіи отдать его подъ надзоръ полиціи на одинъ годъ.

3. Де-Тейльса заключить въ тюрьму на 4 мѣсяца, съ оставленіемъ по освобожденіи изъ тюрьмы подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ продолженіе 5 лѣтъ.

4. Лихутину, Бобарыкову, Воронцову. Святскаго, Рослякова, Ковалевскаго, Лазаревскаго, Лунина, Дебогорія-Мокріевича и Попова — признать по суду оправданными.

5. Приговоръ этотъ, по вступленіи онаго въ законную силу относительно Александровской, на основ. 945 ст. Уст. Угол. Судопр., представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

6. Объ измѣненіи мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ Суда подсудимому де-Тейльсу составить особое постановленіе.

Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ черезъ 2 недѣли послѣ послѣдней резолюціи по настоящему дѣлу“.

Затѣмъ оправданные подсудимые, по распоряженію предсѣдателя, были выведены на средину залы, и предсѣдатель объявилъ ихъ свободными отъ суда, и отъ содержанія подъ стражею.

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты, 27-го сего августа, по дѣлу о заговорѣ, составленномъ съ цѣлію ниспроверженія существующаго порядка управленія въ Россіи.

Засѣданіе открыто въ томъ же составѣ Суда, какъ и по третьей группѣ обвиняемыхъ, по настоящему дѣлу. Обвинялъ товарищъ прокурора Александровъ; защищали: Петра Топоркова — присяжный повѣренный Стасовъ, Кошкина — присяжный повѣренный Спасовичъ, Долгушина — присяжный повѣренный Ольхинъ, Дудоладова—помощникъ присяжнаго повѣреннаго Люце, и Льва Топоркова — присяжный повѣренный Герке.

Прочитаны были обвинительные акты слѣдующаго содержанія:

1. При производствѣ слѣдствія о тайной политической организаціи, образованной въ Москвѣ бывшимъ учителемъ приходскаго училища Сергѣемъ Нечаевымъ, съ цѣлью ниспроверженія Правительства и измѣненія образа правленія въ Россіи, слушатель Петровской Земледѣльческой Академіи Кузнецовъ, сознаваясь въ принадлежности къ означенной организаціи и указывая на отдѣльныя личности и цѣлые кружки лицъ, враждебные Правительству, объяснилъ, между прочимъ, что по порученію Ивана Петровича (т. е. Нечаева), имѣлъ свиданіе съ Топорковымъ, завербованнымъ въ члены организаціи, адресъ котораго получилъ отъ Ивана Петровича. Бумажка съ адресомъ имѣла вырѣзку, которая находилась у Топоркова и имъ должна была быть предъявлена Кузнецову для сличенія. При свиданіи Кузнецовъ далъ Топоркову списать стихотвореніе „Студентъ", прочиталъ „Правила организаціи", передалъ три экземпляра прокламаціи „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ" и продиктовалъ азбуку, посредствомъ которой Топорковъ долженъ былъ написать отчетъ о своей дѣятельности. Этотъ отчетъ представленъ не былъ, такъ какъ ранѣе срока, назначеннаго для представленія его, Кузнецовъ былъ арестованъ.

Свѣдѣніями, собранными при дознаніи и слѣдствіемъ, показаніе Кузнецова подтвердилось.

1. Студентъ Земледѣльческаго Института Петръ Топорковъ въ показаніяхъ, данныхъ при дознаніи и слѣдствіи, объяснилъ, что въ зданіи Земледѣльческаго Института въ квартирѣ студентовъ Баснина, Ковалевскаго и Святскаго, однажды встрѣтилъ молодого человѣка, въ формѣ путей сообщенія, который назвался Панинымъ (Нечаевъ). Послѣдній, оставшись наединѣ съ Топорковымъ, сталъ спрашивать его о томъ, не видѣлъ ли онъ прокламацій, пущенныхъ Нечаевымъ, и сообщилъ, что въ Москвѣ существуетъ тайное общество, которое поставило себѣ цѣлью распространять въ народѣ слухи, что всѣ настоящія народныя бѣдствія происходятъ отъ существующаго образа правленія, и что поэтому, для народнаго благосостоянія, надо истребить высокопоставленныя личности, чтобы онѣ не помѣшали народному возстанію. Панинъ объяснялъ при этомъ, что общество образуется такимъ образомъ, что трое знаютъ только одного члена, и что личности, непринадлежащія къ обществу, должны быть истреблены. Затѣмъ Панинъ предложилъ Топоркову вступить въ общество и получилъ его согласіе. Послѣ этого, узнавъ отъ Топоркова адресъ брата его (т. е. Льва Топоркова) и фамиліи личностей, которыя съ нимъ живутъ (т. е. Кошкина, Долгушина и Дудоладова), Панинъ записалъ адресъ на бумажкѣ, половину которой оторвалъ, а другую передалъ Топоркову, сказавъ, чтобы онъ приходилъ по этому адресу въ субботу, въ четыре часа пополудни. Въ назначенное время Топорковъ явился въ квартиру брата (Малая Итальянская, домъ Алонкина), куда пришелъ господинъ въ бѣлой шапкѣ (Кузнецовъ), который приходилъ къ Панину въ Земледѣльческій Институтъ. Онъ взялъ у Топоркова обрѣзокъ бумажки съ адресомъ и, сличивъ его съ такимъ же обрѣзкомъ, бывшимъ у него самого, пригласилъ Топоркова слѣдовать за собою. Затѣмъ они пошли въ гостиницу, гдѣ незнакомецъ прочиталъ Топоркову „Правила организаціи" общества, передалъ два экземпляра листка „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ", со штемпелемъ русскаго революціоннаго общества, и продиктовалъ азбуку для сношеній, поручивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространять прокламаціи и вѣрбовать новыхъ членовъ, а чрезъ недѣлю представить отчетъ о своей дѣятельности. Топорковъ рѣшился завербовать Кошкина. Съ этою цѣлью онъ явился въ квартиру брата и, найдя случай остаться съ Кошкинымъ наединѣ, употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить его къ поступленію въ общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прочиталъ прокламацію „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ". Горячая натура Кошкина перестала сдерживаться, и онъ увлекся. Начались споры и предположенія, которые состояли въ томъ, чтобы идти въ народъ и пояснять ему, откуда происходятъ всѣ его бѣдствія. Кошкинъ даже говорилъ объ истребленіи Императорской партіи и о томъ, чтобы составить шайку и напасть на дворецъ. Хотя эти разговоры и происходили въ отдѣльной комнатѣ, но другіе, бывшіе въ квартирѣ, могли ихъ слышать чрезъ открытыя двери и тонкія перегородки, недоходившія до потолка. Согласно данному обѣщанію, Топорковъ приготовилъ отчетъ о своей дѣятельности, въ которомъ указалъ на Кошкина, Долгушина и Дудоладова, какъ на завербованныхъ имъ членовъ для тайнаго общества, хотя послѣдніе двое ничего объ этомъ не знали; но господинъ въ бѣлой шапкѣ не являлся, и потому Топорковъ былъ лишенъ возможности, какъ представить свой отчетъ по назначенію, такъ и удовлетворить Кошкина, который настоятельно требовалъ у Топоркова свѣдѣній о дѣйствіяхъ тайнаго общества. Вскорѣ послѣ этого Топорковъ былъ арестованъ.

2. Студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Петръ Кошкинъ въ показаніяхъ, данныхъ при дознаніи и слѣдствіи, объяснилъ, что по иниціативѣ его и Долгушина образовался кружокъ изъ сибирскихъ уроженцевъ, бывшихъ въ Петербургѣ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, цѣлью котораго было взаимное вспомоществованіе и сближеніе въ настоящемъ и дѣятельность въ Сибири на пользу ея населенія въ будущемъ. Кружокъ сибиряковъ имѣлъ нѣсколько собраній, на которыхъ было положено учредить кассу и библіотеку изъ книгъ о Сибири, такъ какъ прежде

начала своей дѣятельности члены кружка должны были изучить Сибирь и потребности ея населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ положено было устраивать общежитія, чтобы удешевить средства къ существованію. Такое общежитіе устроилось на Итальянской улицѣ, въ домѣ Алонкина. Здѣсь, съ 1-го ноября 1869 года, поселились на общей квартирѣ Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ. Впослѣдствіи кружокъ сибиряковъ распался, такъ какъ самые дѣятельные его члены стали увлекаться другими вопросами. Въ концѣ ноября мѣсяца начались аресты, которые очень взволновали жителей названной квартиры. Въ то же время начали распространяться слухи о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, которое должно содѣйствовать народному возстанію, ожидаемому въ 1870 году. Около этого времени въ означенную квартиру явился Петръ Топорковъ съ прокламаціею „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ" и съ этого вечера началъ пропаганду о необходимости насильственнаго переворота въ Россіи. Кромѣ прокламаціи „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ", Петръ Топорковъ приносилъ еще „Народную расправу", которую онъ, Кошкинъ, читалъ, а Долгушинъ почти выучилъ наизустъ. Агитація Петра Топоркова, въ связи съ слухами и разсказами, имъ же распространяемыми, о революціонномъ настроеніи общества, о насильственныхъ мѣрахъ Правительства и проч., повела къ тому, что онъ, Кошкинъ и Долгушинъ рѣшились пристать къ ожидаемой ими революціи и составить тайное общество съ цѣлью истребленія Императорской партіи, чтобы она не помѣшала народному возстанію. Подъ именемъ Императорской партіи они разумѣли лицъ высокопоставленныхъ и Особъ Императорской Фамиліи. Намѣренія Петра Топоркова, Кошкина и Долгушина были извѣстны Дудоладову и Льву Топоркову, такъ какъ разговоры о тайномъ обществѣ съ цѣлью истребленія Императорской партіи нерѣдко происходили въ ихъ присутствіи. Программа дѣйствій указаннаго общества всего лучше видна изъ его устава, написаннаго Долгушинымъ на двухъ осьмушкахъ листа бумаги. Здѣсь Долгушинъ срезюмировалъ все, что говорилось о революціи и прибавилъ еще нѣсколько своихъ мыслей. Изложеніе этой программы, сколько можетъ припомнить Кошкинъ, было слѣдующее: „Организуется общество тайное изъ людей, желающихъ перемѣны настоящаго порядка, который поддерживается административнымъ устарѣлымъ механизмомъ; слѣдовательно, если этого механизма не уничтожить, то настоящее, имѣющее быть народное возстаніе будетъ имъ подавлено. Для этого и организуется общество, чтобы помѣшать администраціи подавить возстаніе: а такъ какъ администрацію представляютъ немногія лица, держащія de facto все въ своихъ рукахъ, то этихъ-то лицъ и уничтожить. Императорская же Фамилія управляетъ только de jure, но зато она даетъ всегда возможность существовать лицамъ, которыя держатъ все въ своихъ рукахъ; поэтому, если будетъ возможно, то уничтожить и Императорскую Фамилію, но только въ этомъ случаѣ непремѣнное условіе, если будетъ возможно, уничтожить всѣхъ членовъ династіи. Если же хотя одинъ останется, то нечего и приниматься, потому что тогда старый порядокъ будетъ возстановленъ во всей силѣ. Общество начнетъ дѣйствовать и изыскивать средства для выполненія своей цѣли тогда, когда достигнетъ 200 человѣкъ, дѣйствовать же начнетъ только во время возстанія народа. Общество организуется посредствомъ десятковъ, изъ которыхъ первый составляетъ центръ, при чемъ низшіе центры не знаютъ высшихъ. Обязанности членовъ десятковъ — самый осторожный наборъ новыхъ членовъ до тѣхъ поръ, когда начнется повсемѣстное народное возстаніе". Въ показаніяхъ своихъ Кошкинъ удостовѣрилъ, что предположенія его, Петра Топоркова и Долгушина объ образованіи тайнаго общества съ цѣлью истребленія Императорской партіи ограничились одними разговорами.

3. Бывшій студентъ Технологическаго Института Александръ Долгушинъ, подтверждая показаніе Кошкина относительно кружка сибиряковъ, показалъ, что въ тайное общество, имѣющее цѣлью истребленіе Императорской партіи, вступить не соглашался, равно и предположеній своихъ объ организаціи этого общества посредствомъ десятковъ не писалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Долгушинъ подтвердилъ, что читалъ прокламаціи „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ" и „Народную расправу", изъ которыхъ первую принесъ Петръ Топорковъ, а вторую не помнитъ кто, и что собирался вмѣстѣ съ Петромъ Топорковымъ идти путешествовать по Россіи, но не съ цѣлью распространенія революціонныхъ идей, а съ цѣлью ознакомленія съ бытомъ и характеромъ народа и съ цѣлью пропаганды экономическихъ возрѣній. Кромѣ того, Долгушинъ показалъ, что слышалъ отъ Петра Топоркова о знакомствѣ и свиданіяхъ его съ Нечаевымъ.

Несмотря на запирательство Долгушина относительно согласія его вступить въ тайное общество съ цѣлью истребленія Императорской партіи, оговоръ, взведенный на него въ этомъ отношеніи Кошкинымъ, подтверждается показаніемъ Дудоладова.

4. Студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Александръ Дудоладовъ въ показаніяхъ, данныхъ при дознаніи и слѣдствіи, объяснилъ, что въ октябрѣ 1869 года товарищъ его по Академіи Сергѣй Федоровъ принесъ къ нимъ на квартиру прокламацію „Народная расправа", которую онъ, Дудоладовъ, и читалъ ему, Федорову, и Кошкину вслухъ, послѣ чего Петръ Топорковъ принесъ въ ихъ квартиру прокламацію „Отъ сплотившихся къ разрозненнымъ", и говорилъ о существованіи въ Москвѣ тайнаго общества, учрежденнаго Нечаевымъ. Въ этотъ разъ всѣ спорили съ

Топорковымъ и намѣреній его и Нечаева не одобряли. Вскорѣ послѣ этого Кошкинъ и Долгушинъ, до того умѣренные, стали высказывать крайнія мнѣнія. Такъ, напримѣръ, они предлагали устроить тайное общество съ цѣлью ниспроверженія существующаго порядка правленія и истребленія всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, а однажды кто-то изъ нихъ сказалъ, что если устроится общество въ 200 человѣкъ для уничтоженія Императорской партіи, то они должны пристать къ нему. Долгушинъ, на двухъ листикахъ бумаги написалъ планъ устройства тайнаго общества посредствомъ десятковъ. Во время подобныхъ разговоровъ онъ, Дудоладовъ, и Левъ Топорковъ всегда возражали Кошкину и Долгушину, но безуспѣшно, вслѣдствіе сего онъ, Дудоладовъ, и оставилъ ихъ квартиру.

5. Вольнослушатель Технологическаго Института, поручикъ 3-го Туркестанскаго линейнаго батальона Левъ Топорковъ, признаваясь, что дѣйствительно жилъ въ квартирѣ вмѣстѣ съ Кошкинымъ, Долгушинымъ и Дудоладовымъ, объяснилъ, что о тайномъ обществѣ съ цѣлью истребленія Императорской партіи ничего не слыхалъ, равно не слыхалъ и разговоровъ политическаго характера.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что Кошкинъ и Долгушинъ рѣшились, вслѣдствіе убѣжденій Петра Топоркова, составить тайное общество съ цѣлью истребленія Императорской партіи, а Дудоладовъ и Левъ Топорковъ, проживая съ Кошкинымъ и Долгушинымъ на одной квартирѣ и присутствуя при разговорахъ ихъ съ Петромъ Топорковымъ, знали о злоумышленіи ихъ и не довели о немъ до свѣдѣнія Правительства.

Вслѣдствіе сего обвиняется: 1) студентъ Земледѣльческаго Института Петръ Александровичъ Топорковъ, 20 лѣтъ, въ томъ, что, согласясь принять участіе въ заговорѣ, образованномъ съ цѣлью низверженія Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненія образа правленія, соглашалъ другихъ лицъ принять участіе въ означенномъ заговорѣ, который открытъ Правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о Наказ.; 2 студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Петръ Михайловъ Кошкинъ, 21 года, и 3) бывшій студентъ Технологическаго Института Александръ Васильевъ Долгушинъ, 22 лѣтъ, въ томъ, что согласились принять участіе въ означенномъ заговорѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о Наказ.; 4) студентъ Императорской Медико-Хирургической Академіи Александръ Ефимовъ Дудоладовъ, 22 лѣтъ, и 5) поручикъ 3-го Туркестанскаго линейного батальона Левъ Александровъ Топорковъ, 23 лѣтъ, въ томъ, что зная о существованіи вышеозначеннаго заговора, не довели о немъ до свѣдѣнія Правительства, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 15, 138, 249, и 250 Улож. о Наказ.

Посему вышеизложенные Петръ Топорковъ, Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ предаются суду С.-Петербургской Судебной Палаты въ особомъ присутствіи, составленномъ на основаніи статьи 1032 Уст. Угол. Судопр.

II. Изъ дѣла объ обнаруженныхъ въ разныхъ мѣстахъ признакахъ злоумышленія противъ установленнаго порядка правленія видно, что студенты Петръ Кошкинъ, Александръ Долгушинъ, Александръ Дудоладовъ и поручикъ Левъ Топорковъ, по постановленію С.-Петербургской Судебной Палаты 24-го февраля 1871 года, преданы суду: первые два — за то, что согласились принять участіе въ заговорѣ, образованномъ съ цѣлію низверженія Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненія образа Правленія, и остальные два—за то, что, зная о существованіи означеннаго заговора, не довели о немъ до свѣдѣнія Правительства.

Независимо отъ такого обвиненія Судебной Палаты, оказывается, что Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ, какъ по собственному сознанію, такъ и по показаніямъ свидѣтелей, приведеннымъ въ заключеніи прокурора, состояли членами кружка сибиряковъ; что для кружка этого былъ написанъ Долгушинымъ уставъ, и что въ собраніяхъ онаго разсуждалось объ отдѣленіи Сибири. Хотя члены кружка и объясняютъ, что отдѣленіе Сибири не входило въ планъ дѣйствій кружка и кружокъ сей вообще не имѣлъ политической цѣли, но объясненіе сіе опровергается во-первыхъ, показаніями Кошкина и Дудоладова о томъ, что на собраніяхъ кружка разсуждали по вопросу объ отдѣленіи Сибири, и въ самомъ уставѣ общества сибиряковъ, Долгушинымъ составленномъ, было сказано, какъ говорилъ Кошкинъ: „цѣли будущей нашей дѣятельности мы не можемъ опредѣлить потому, что неизвѣстно, каково будетъ положеніе Сибири во время улучшенія матеріальнаго ея благосостоянія — нужно ли тогда будетъ отдѣлить Сибирь,или нѣтъ", и во-вторыхъ, показаніями двухъ свидѣтелей, Кошлакова и Крохалева, кои показали, что кружокъ сибиряковъ, имѣвшій сначала цѣлью взаимное вспомоществованіе, потомъ принялъ характеръ политическій, и члены онаго, Кошкинъ, Левъ Топорковъ и Дудоладовъ, согласились съ мнѣніемъ Долгушина о необходимости отдѣленія Сибири отъ Россіи, каковая цѣль общества была выражена и въ уставѣ онаго, Долгушинымъ начертанномъ. Хотя прочіе свидѣтели, въ заключеніи прокурора Судебной Палаты приведенные, и говорятъ: одни — что ничего не знаютъ о цѣли кружка сибиряковъ и намѣреніи учредить библіотеку и кассу,—другіе, что знаютъ лишь только о намѣреніи образовать библіотеку и помо-

гать другъ другу, но показаніе этихъ свидѣтелей, при настоящемъ положеніи дѣла, нельзя признать окончательно опровергающими показанія самихъ обвиняемыхъ и помянутыхъ Кошлякова и Крохалева (оставившихъ общество сибиряковъ именно потому, что оно приняло характеръ политическій), на томъ основаніи, что изъ свидѣтелей сихъ одни вовсе не бывали на собраніяхъ кружка въ Надеждинской и Итальянской улицахъ, другіе были одинъ или два раза, третьи бывали у членовъ онаго не вечеромъ, когда происходили собранія, а днемъ, и притомъ и изъ сихъ свидѣтелей двое показали: Плотниковъ—что на собраніяхъ кружка, на коихъ онъ не былъ, шла рѣчь, какъ передалъ ему Кошкинъ, объ отдѣленіи Сибири, и Черемшанскій — что онъ удалялся отъ кружка потому, что на собраніяхъ онаго заводились разговоры по политическимъ вопросамъ изъ современной исторіи Европы, отвлекавшіе вниманіе кружка отъ истинной его цѣли—вспомоществованіи бѣднымъ сибирякамъ. Такимъ образомъ на Кошкина, Долгушина, Дудоладова и Льва Топоркова падаетъ обвиненіе: на первыхъ двухъ въ образованіи кружка сибиряковъ съ цѣлью ниспровергнуть Правительство въ нѣкоторой части Государства (отдѣлить Сибирь), каковой умыселъ открытъ Правительствомъ заблаговременно, при самомъ онаго началѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о Наказ., а на послѣднихъ—въ соучастіи въ помянутомъ кружкѣ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 249 и 250 Улож. о Наказ., почему Кошкинъ, Долгушинъ, Дудоладовъ и Левъ Топорковъ, уже преданные суду С.-Петербургской Судебной Палаты въ особомъ присутствіи, составленномъ на основаніи ст. 1.032 Уст. Угол. Суд., по обвиненію: первые два — въ участіи въ заговорѣ, образованномъ съ цѣлью низверженія Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненія образа правленія, а послѣдніе—въ знаніи и недонесеніи о семъ заговорѣ, предаются суду той же Палаты и по вышеизложенному обвиненію въ образованіи кружка сибиряковъ съ противозаконною цѣлью.

На предложенные предсѣдателемъ вопросы подсудимые не признали себя виновными во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ, при чемъ Кошкинъ и Долгушинъ объяснили, что они принимали участіе въ кружкѣ сибиряковъ, не имѣвшемъ никакой преступной цѣли.

* * *

Подсудимые не пожелали воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ послѣдняго слова, и предсѣдателемъ провозглашены были слѣдующіе вопросы:

1. Виновенъ-ли подсудимый Петръ Топорковъ, 19-ти лѣтъ, въ томъ, что, согласясь принять участіе въ заговорѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія Правительства и образа правленія во всемъ Государствѣ, соглашалъ другихъ лицъ принять участіе въ означенномъ заговорѣ, который Правительствомъ открытъ заблаговременно при самомъ онаго началѣ?

2- Если П. Топорковъ не виновенъ въ преступленіи, означенномъ въ 1-мъ вопросѣ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что принималъ участіе въ тайномъ обществѣ, составленномъ съ цѣлью ниспроверженія Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненія образа правленія?

3. Если онъ виновенъ по предыдущему вопросу, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное 1 — 11 пунк. 318 ст. Ул. по продолженію 1868 года, подходитъ его вина?

4. Если подсудимый П. Топорковъ виновенъ по 1-му или 2-му вопросамъ, то доказано ли, что онъ вовлеченъ въ преступленіе другими совершеннолѣтними?

5. Если П. Топорковъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ, или въ которомъ либо изъ нихъ, то какому онъ по закону подлежитъ наказанію?

Тѣ же вопросы поставлены о подсудимомъ П. Кошкинѣ, 20-ти лѣтъ, съ добавленіемъ вопроса:

9. Виновенъ ли Кошкинъ въ томъ, что образовалъ открытый Правительствомъ заблаговременно кружокъ сибиряковъ, имѣвшій цѣлью отдѣленіе Сибири?

Вопросы 1, 2, 3, 5 и 9-й поставлены о подсудимомъ А. Долгушинѣ, 21 года.

17. Виновенъ ли подсудимый А. Дудоладовъ, 21-го года, въ томъ, что зная о существованіи, открытаго Правительствомъ заблаговременно, заговора, имѣвшаго цѣлью ниспроверженіе Правительства во всемъ Государствѣ и измѣненіе образа правленія, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства?

18. Если Дудоладовъ не виновенъ по предыдущему вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что зная о тайномъ обществѣ, образованномъ съ цѣлію ниспроверженія Правительства и измѣненія образа правленія, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства?

19. Если Дудоладовъ виновенъ, то подъ какого рода участіе, предусмотрѣнное 318 ст., подходитъ его вина?

20. Виновенъ ли Дудоладовъ въ томъ, что принималъ участіе въ открытомъ Правительствомъ заблаговременно кружкѣ сибиряковъ, имѣвшемъ цѣлью отдѣленіе Сибири?

21. Если подсудимый Дудоладовъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ, или въ которомъ-либо изъ нихъ, то какому онъ по закону подлежитъ наказанію?

Вопросы 17, 18, 19, 20 и 21-й поставлены о подсудимомъ Л. Топорковѣ, 23-хъ лѣтъ.

Резолюція Судебной Палаты.

Въ $9^1/_2$ часовъ вечера предсѣдателемъ объявлена была слѣдующая резолюція Палаты:

„Судебная Палата, разсмотрѣвъ дѣло о лицахъ, обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи, по отношенію къ пятой категоріи подсудимыхъ, состоящей изъ П. Топоркова, Кошкина, Долгушина, Дудоладова и Л. Топоркова, и признавая изъ нихъ Кошкина виновнымъ въ произнесеніи заочно дерзкихъ и оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора безъ преднамѣреннаго на то умысла, а остальныхъ во взведенныхъ на нихъ преступленіяхъ не виновными, на основаніи 2 ч. 246 ст., 151, 1 и 2 степеней 37 ст. и 5-го п. 140 ст. Улож. о Наказ. и статьи 771 Уст. Угол. Судопр., опредѣляетъ: Кошкина подвергнуть заключенію въ смирительномъ домѣ на два мѣсяца, но, принимая во вниманіе долговременное содержаніе его подъ стражею и его молодость, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о совершенномъ его помилованіи; Топорковыхъ, Долгушина и Дудоладова признать по Суду оправданными“.

1872 годъ

Правительственный Вѣстникъ.

(25 февраля. № 47).

Дѣло дворянина Гончарова, обвиняемаго въ государственномъ преступленіи.

Засѣданіе С.-Петербургской Судебной Палаты 16-го февраля 1872 года.

Палата, въ усиленномъ составѣ, съ гг. сословными представителями, посвятитъ настоящее засѣданіе разсмотрѣнію дѣла о дворянинѣ Николаѣ Гончаровѣ, обвиняемомъ въ составленіи, напечатаніи и распространеніи воззваній преступнаго содержанія, а также въ проживательствѣ съ чужимъ видомъ.

Прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Въ маѣ мѣсяцѣ 1871 года появилось въ С.-Петербургѣ нѣсколько печатныхъ воззваній подъ заглавіемъ „Висѣлица“. Одно изъ таковыхъ воззваній было 20-го мая представлено приставу 1-го участка Адмиралтейской части либавскимъ гражданиномъ Освальдомъ Корномъ, коимъ оно вынуто изъ замочной скважины входной двери одной изъ квартиръ дома Гулакъ-Артемовскаго, на Малой Морской, въ которомъ Корнъ былъ у одного изъ своихъ знакомыхъ. Въ то же время жена коллежскаго совѣтника Марія Ершова, возвращаясь въ занимаемую ею на углу Казанскаго проспекта и Кадетской улицы, въ домѣ Стуккей, квартиру, подняла на лѣстницѣ печатный листокъ, который вслѣдъ затѣмъ передала жильцу своему, подпоручику Николаю Перепилицину, представившему его помощнику пристава Охтенскаго участка. Листокъ этотъ оказался тою же прокламаціею „Висѣлица“, на которой было выставленъ № 2-й.

Независимо отъ сего, прокламаціи эти были разсылаемы и по почтѣ изъ С.-Петербурга въ другіе города. Такъ войска Донского коллежскій регистраторъ Жигмановскій предъявилъ, въ началѣ мая, наказному атаману сего войска два нумера ихъ, полученные имъ безъ какого-либо письма или указанія на то, кѣмъ они присланы. Еще ранѣе того, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, проживавшая въ г. Нижнемъ-Новгородѣ дочь надворнаго совѣтника Надежда Успенская получила изъ С.-Петербурга чрезъ почту одинъ за другимъ два конверта, изъ коихъ въ каждомъ было по два экземпляра названной прокламаціи, которые были означены: первые два № 1, а послѣдніе № 2. Въ первомъ конвертѣ была вложена писанная неизвѣстнымъ Успенской почеркомъ записочка слѣдующаго содержанія: „Надежда Гавриловна! прошу показать вашимъ знакомымъ. Записку уничтожьте. Вашъ утренній провожатый“. Кромѣ того на первомъ конвертѣ было написано „отъ Ворониной“ и на послѣднемъ „отъ Петровой“. Всѣ эти конверты, письмо и воззванія Успенскою, по объясненію ея, вслѣдъ за полученіемъ ихъ уничтожены. Наконецъ, по распоряженію полиціи, задержано въ С.-Петербургѣ нѣсколько экземпляровъ воззваній „Висѣлица“, опущенныхъ въ городскіе почтовые ящики и предназначавшіеся къ разсылкѣ въ разныя мѣстности. Означенныя воззванія, числомъ четыре, имѣютъ одно общее всѣмъ заглавіе „Висѣлица“, Періодическій листокъ, С.-Петербургъ, и первые два, а равно послѣднее, подписаны „Коммунистъ“, третье же буквою „я“. На первомъ изъ нихъ стоитъ „13-го апрѣля 1871 г.“, на 2-мъ—„24-го апрѣля 1871 г.“, на 3-мъ—„4-го мая“ и на послѣднемъ—„14-го мая 1871 г.“. Въ 1-мъ № этого листка выражается увѣренность, что

начавшаяся въ Парижѣ революція распространится повсюду и такимъ образомъ проникнетъ и въ Россію; что появленіе ея должны возвѣстить сильные волею и кипучею страстью молодые русскіе люди, которые разобьютъ власть и во всемъ сравняютъ людей. Во 2-мъ №, говоря о проектахъ Каткова относительно классическаго образованія, составитель прокламаціи, называющій его рабомъ, висѣльникомъ и подлецомъ, погубившимъ десятки тысячъ людей, выражаетъ желаніе, чтобы онъ былъ убитъ и чтобы это убійство было началомъ нашихъ грядущихъ событій. Въ № 3-мъ, озаглавленномъ словами: „Чего мы хотимъ", говорится о томъ, что прежде всего нужна кровавая расправа съ неравенствомъ и потомъ побѣда русской революціи, остальное же совершится само собою. Для этого надо пользоваться тѣмъ, что есть, и готовить пріемъ революціи, отъ которой погибнетъ старый міръ. Прокламація эта заканчивается проклятіемъ этому міру слезъ и несчастій и братскимъ привѣтомъ русскимъ революціонерамъ. Въ послѣднемъ № содержится обращеніе къ всѣмъ честнымъ людямъ, кои должны откликнуться погибающему Парижу и возобновить начатое имъ дѣло революціи. Прокламація эта оканчивается словами: „Пусть нашъ скромный призывъ будетъ началомъ этого отклика . . . выступайте на борьбу съ окружающими разбойниками . . . къ оружію! къ оружію!"

Подозрѣніе въ составленіи, напечатаніи и распространеніи сихъ воззваній пало на бывшаго слушателя Технологическаго Института, дворянина Гончарова, жительствовавшаго близъ С.-Петербурга, въ Лѣсномъ участкѣ пригородной полиціи, на клеенчатой фабрикѣ, принадлежащей домашнему учителю Шереру, на которой онъ занимался въ качествѣ техника и съ коей скрылся 21-го мая. Задержанный вслѣдствіе этого подозрѣнія 6-го іюля, Гончаровъ въ означенномъ преступленіи, какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи, сознался, при чемъ первоначально объяснилъ совершеніе его тяжелыми нравственными обстоятельствами, но впослѣдствіи отказался отъ этого показанія, приписавъ его поспѣшности и не совсѣмъ спокойному состоянію духа, при коихъ онъ давалъ свои первыя объясненія. Печатаніе прокламацій произведено имъ при помощи шрифта, полученнаго имъ отъ одного знакомаго, назвать котораго онъ не хочетъ. Станкомъ служилъ невысокій ящичекъ, величиною формата прокламацій, въ коемъ обвиняемый устанавливалъ буквы, которыя помощью подушечки покрывалъ слоемъ черной масляной краски. Послѣ этого, наложивъ на нихъ листокъ бумаги, онъ накладывалъ сверху книгу и защемлялъ все это въ ручныя тиски. Заглавное слово „Висѣлица" обвиняемый приготовилъ изъ мѣдныхъ пластинокъ, предназначавшихся для фабричнаго штемпеля. Каждаго № прокламаціи было напечатано имъ до 20 штукъ, изъ коихъ не болѣе 10 можно было читать. Всѣ эти 40 экземпляровъ были имъ опущены въ почтовые ящики и собственноручно разбросаны по неизвѣстнымъ ему лѣстницамъ. Выѣхавъ 22-го мая изъ С.-Петербурга, Гончаровъ прибылъ 23-го мая въ Вильну, гдѣ прописался подъ именемъ студента Медико-Хирургической Академіи Мирона Чудновскаго, ему неизвѣстнаго, но билетъ коего найденъ имъ въ С.-Петербургѣ на улицѣ и представленъ имъ, вмѣсто своего потеряннаго имъ вида, къ пропискѣ въ виленскую полицію. Дѣйствіе это было совершено Гончаровымъ, по объясненію его, для увеличенія своей вины. Вслѣдствіе сего дворянинъ Николай Гончаровъ обвиняется въ томъ, что въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1871 года составилъ, напечаталъ и распространилъ въ С.-Петербургѣ и внѣ его до 40 экземпляровъ четырехъ различныхъ воззваній, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, а также возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, и въ томъ, что, прибывъ въ г. Вильну, предъявилъ 23-го мая 1871 года въ тамошней полиціи билетъ студента Медико-Хирургической Академіи Чудновскаго, выдавая его за свой, что составляетъ преступленія, предусмотрѣнныя 245, 251 и 977 ст. Улож. о Наказ.

* * *

Судебная Палата останавливается на слѣдующихъ вопросахъ:

1. Виновенъ ли дворянинъ Николай Петровъ Гончаровъ, 23-хъ лѣтъ, въ томъ, что въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ напечаталъ и распространилъ въ С.-Петербургѣ и внѣ его сочиненіе, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти? 2. Виновенъ ли Гончаровъ въ томъ, что тогда же составилъ, напечаталъ и распространилъ сочиненіе съ цѣлью возбудить къ бунту и явному неповиновенію власти верховной? 3. Виновенъ ли Гончаровъ въ томъ, что завѣдомо переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое, съ видомъ на жительство студента Медико-Хирургической Академіи Чудновскаго, выдавая этотъ видъ за свой? 4. Если Гончаровъ не виновенъ въ преступленіяхъ, указанныхъ въ первыхъ двухъ вопросахъ, то не виновенъ ли онъ въ томъ, что напечаталъ оскорбительные и направленные къ поколебанію общественнаго довѣрія отзывы о дѣйствующихъ въ Имперіи законахъ, коими установлено государственное устройство въ Россіи? 5. Если дворянинъ Николай Петровъ Гончаровъ виновенъ въ означенныхъ преступленіяхъ или въ которомъ-либо изъ нихъ, то какому онъ, на основаніи законовъ, подлежитъ наказанію?

С.-Петербургская Судебная Палата въ Особомъ Присутствіи, на основаніи 1.032 ст. Уст. Угол. Судопроиз. образованномъ, 16-го февраля 1872 года, разсмотрѣвъ дѣло о дворянинѣ Николаѣ Петровѣ Гончаровѣ, 23-хъ лѣтъ, обвиняемомъ въ напеча-

таніи и распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить неуваженіе къ верховной власти, а также съ цѣлью возбудить къ бунту, а равно и въ проживаніи по чужому паспорту, который онъ выдавалъ за свой, и признавая его въ сихъ преступленіяхъ виновнымъ, на основаніи ст. 245, 251, 977, 152, 134 и 6-й степ. 19-й опредѣляетъ: подсудимаго Николая Петрова Гончарова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на шесть лѣтъ, а по прекращенія сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда.

1873 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(12-го января. № 10.)

Засѣданіе Московскаго Окружного суда, 8-го января 1873 г., по дѣлу о мѣщанинѣ города Шуи, носящемъ званіе приходского учителя, Сергѣѣ Геннадіевѣ Нечаевѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ.

Предсѣдательствовалъ предсѣдатель П. А. Дейеръ, при членахъ П. Д. Орловѣ, и Б. В. Завьяловѣ, при прокурорѣ К. Н. Жуковѣ и секретарѣ Бауміштейнѣ; защитника подсудимый имѣть не желалъ. Подсудимый введенъ въ залу засѣданія въ 12 часовъ 40 минутъ. Предсѣдатель. Подсудимый, васъ зовутъ Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ? Подсудимый. Прежде, чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я прошу... Пред. (останавливая подсудимаго), Вы Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ? Подсуд. Прежде чѣмъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я имѣю честь заявить, что права суда надо мною за русскимъ судомъ не признаю, подсудимымъ себя не считаю. Если суду угодно знать причины, почему не считаю, то я сочту своимъ долгомъ объяснить эти причины. Предс. Подождите объяснять. Вы преданы Московскою Судебною Палатою суду Московскаго Окружнаго Суда. Окружный Судъ, на основаніи 549 ст. Уст. Угол. Судопроизводства не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса о подсудности этого дѣла и обязанъ исполнить Указъ Московской Судебной Палаты. Если же вы считаете распоряженіе Судебной Палаты о преданіи васъ суду Окружного Суда неправильнымъ, то можете обжаловать это распоряженіе въ кассаціонной жалобѣ Сенату. Затѣмъ я считаю этотъ вопросъ рѣшеннымъ и предлагаю вамъ къ нему не возвращаться. Подс. (сильно возвысивъ голосъ). Господинъ предсѣдатель, я эмигрантъ, подданнымъ Русскаго Императора быть пересталъ, формальности вашего судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія (подсудимаго по приказанію предсѣдателя выводятъ; въ это время онъ еще громче продолжаетъ) я признавалъ бы позорнымъ для себя допустить судить мое поведеніе... (на этомъ словѣ дверь за подсудимымъ была затворена). Въ публикѣ происходитъ сильное волненіе и общій крикъ: Вонъ его! вонъ! вонъ! Предс. (звонитъ). Никакихъ заявленій въ судѣ не допускается—ни за, ни противъ посудимаго. Не у публики спрашиваютъ суда. Если повторится подобное заявленіе, то я принужденъ буду удалить публику (въ публикѣ быстро волненіе утихаетъ. Предсѣдатель обращается къ прокурору). Г. прокуроръ, считаете ли вы сомнительнымъ обстоятельство, что человѣкъ, представшій здѣсь на Судѣ, есть именно тотъ Нечаевъ, который преданъ суду? Онъ на предложенный мною вопросъ о его личности отказался дать отвѣтъ. Прокур. Я имѣю честь заявить, что Судъ можетъ удостовѣриться въ личности Нечаева, тѣми протоколами, находящимися на листахъ 192 и 193, которые подписаны имъ самимъ, при чемъ онъ призналъ себя Сергѣемъ Геннадіевымъ Нечаевымъ, тѣмъ самымъ подсудимымъ, который преданъ теперь суду. Судъ, принимая во вниманіе, что на основаніи 638 ст. Уст. Угол. Суд. судебное засѣданіе открывается предложеніемъ подсудимому вопросовъ, касающихся его личности; что въ данномъ случаѣ, хотя подсудимый на эти вопросы не отвѣчалъ, но, не отрицая своей личности, высказывалъ только убѣжденіе о неподсудности настоящаго дѣла Московскому Окружному Суду, и тѣмъ самымъ какъ бы подтверждаетъ, что онъ тотъ самый Нечаевъ, о которомъ идетъ рѣчь; что кромѣ того въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія имѣется достаточное удостовѣреніе въ его личности,—призналъ возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла безъ формальнаго удостовѣренія въ томъ, что подсудимый, дѣйствительно, Нечаевъ. По провѣркѣ затѣмъ списка вызванныхъ свидѣтелей, оказалось, что изъ нихъ явился одинъ только Мухортовъ. Относительно остальныхъ свидѣтелей секретарь доложилъ, что Лау, Эрастовъ, Кизо, Климинъ и Дроздовъ не разысканы, а Успенскій, Николаевъ, Прыжовъ и Кузнецовъ сосланы въ каторжныя работы. Судъ, признавая причины неявки свидѣтелей уважительными, нашелъ возможнымъ приступить къ разсмотрѣнію настоящаго дѣла въ отсутствіе неявившихся свидѣтелей съ тѣмъ, чтобы были прочитаны тѣ

изъ свидѣтельскихъ показаній, прочтеніе которыхъ будетъ признано нужнымъ сторонами. По удаленіи изъ залы засѣданія свидѣтеля Мухортова и по пополненіи предсѣдателемъ недостающихъ пяти очередныхъ присяжныхъ засѣдателей изъ списка запасныхъ, прокуроръ воспользовался правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей, отведя пять человѣкъ. Затѣмъ по распоряженію предсѣдателя ввели подсудимаго. Предс. (обращаясь къ подсудимому). Желаете-ли вы воспользоваться правомъ отвода присяжныхъ засѣдателей? Подсуд. Позвольте объявить г. предсѣдатель... Пред. Желаете-ли вы воспользоваться правомъ отвода? Подсуд. (возвышеннымъ голосомъ). Всѣ формальности русскаго судопроизводства не имѣютъ для меня никакого значенія... (Подсудимаго выводятъ, въ дверяхъ онъ кричитъ: „Рабомъ вашего деспота я быть пересталъ! Да здравствуетъ земскій соборъ!...“). Прокуроръ просилъ занести послѣднія слова подсудимаго въ протоколъ. Въ составъ присутствія присяжныхъ засѣдателей вошли: 5 купцовъ, 2 чиновника, 1 цеховой, 1 почетный гражданинъ и 1 крестьянинъ. По приводѣ присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, предсѣдатель обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: „Г.г. присяжные засѣдатели! Вы вѣроятно еще находитесь подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ того, что, къ счастію еще въ первый разъ случилось на Судѣ. Еще ни разу безумецъ не дозволилъ себѣ на Судѣ высказывать то, что высказалъ этотъ человѣкъ. Но г.г. присяжные засѣдатели, для соблюденія достоинства Суда нужно, чтобы Судъ былъ спокоенъ. Нельзя произносить приговора о виновности человѣка подъ впечатлѣніями подобными настоящему. Поэтому, такъ какъ вамъ предстоитъ постановить сознательный приговоръ, то я приглашаю васъ выслушать со всѣмъ вниманіемъ все то, что будетъ происходить на судѣ, и тогда только вы въ состояніи будете сказать, что произнесли приговоръ справедливый. Отрѣшитесь насколько возможно отъ этого тяжелаго впечатлѣнія, будьте совершенно спокойны и на всѣ выходки подсудимаго, которыя могутъ быть еще впослѣдствіи, отвѣчайте совершеннымъ презрѣніемъ, какъ будто бы ихъ и не было. Такъ какъ вамъ приходится постановить приговоръ сознательный, то я еще разъ повторяю, что вы должны съ большимъ вниманіемъ отнестись ко всему тому, что будетъ происходить на Судѣ, чтобы даже этотъ человѣкъ не могъ сказать, что въ Россіи существуетъ Судъ, который судитъ не по обстоятельствамъ дѣла, а по впечатлѣнію, на него произведенному. Законъ даетъ вамъ полную возможность усвоить себѣ хорошо дѣло. Вы имѣете право осматривать слѣды преступленія, поличное, вещественныя доказательства и предлагать черезъ предсѣдателя Суда вопросы подсудимому и свидѣтелямъ. Подсудимый вѣроятно не будетъ отвѣчать на предложенные ему вопросы, но затѣмъ у васъ остается еще широкое поле усвоить себѣ вполнѣ дѣло черезъ разспросъ явившагося свидѣтеля и черезъ внимательное выслушаніе тѣхъ показаній отсутствующихъ свидѣтелей, которыя будутъ прочитаны предъ вами. Если что-нибудь въ этихъ показаніяхъ покажется вамъ неяснымъ, то вы имѣете право просить о вторичномъ прочтеніи ихъ и о разъясненіи всего того, что въ этихъ показаніяхъ представится вамъ не совсѣмъ яснымъ. Далѣе предсѣдатель объяснилъ вообще всѣ права и обязанности присяжныхъ засѣдателей. Затѣмъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: 26-го ноября 1869 года, сельскій староста деревни Петровскихъ Выселокъ заявилъ приставу 21-го стана Московскаго уѣзда, что имъ вмѣстѣ съ другими крестьянами въ верхней части пруда, принадлежащаго Петровской Земледѣльческой Академіи, усмотрѣнъ трупъ какого-то человѣка. По осмотрамъ, произведеннымъ какъ приставомъ, такъ и судебнымъ слѣдователемъ, оказалось, что трупъ лежитъ подъ льдомъ въ водѣ пруда, отстоящаго отъ академическихъ зданій въ трехъ четвертяхъ версты. Въ 20 шагахъ отъ пруда находится полуразрушенный гротъ. По направленію отъ пруда къ гроту найденъ кирпичъ съ слѣдами цемента, который былъ употребленъ при постройкѣ грота. Кирпичъ обвязанъ бичевкой и на немъ видны слѣды крови. Далѣе по тому же направленію замѣчено нѣсколько листьевъ со слѣдами крови, башлыкъ, обшитый темнокрасной тесьмой, на немъ въ четырехъ мѣстахъ пятно крови, а нѣсколько далѣе круглая черная барашковая шапка. Верхъ этой шапки весь окровавленъ и къ нему пристали древесные листья. У наружной стѣны грота найденъ другой кирпичъ, также обвязанный бичевкой, съ значительнымъ количествомъ кровяныхъ пятенъ. На наружной стѣнѣ грота замѣчено кровяное пятно и такія же пятна оказались на нѣкоторыхъ мѣстахъ, покрывающихъ полъ грота. Пятна эти находились только у входа въ гротъ и на пространствѣ отъ входа до начала темнаго коридора, ведущаго къ противоположному выходу изъ грота. По осмотрѣ того мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, оказалось, что ледъ надъ тѣмъ мѣстомъ былъ уже проломанъ и снова замерзъ. Трупъ лежалъ къ водѣ ногами къ берегу. Трупъ одѣтъ былъ въ обыкновенное платье, на ногахъ сапоги и калоши. Ноги трупа скрещены, выше щиколотки связаны бичевкой, къ концу которой привязанъ кирпичъ, а нѣсколько выше—башлыкомъ, принадлежащимъ слушателю Петровской Академіи Мухортову; такой же кирпичъ привязанъ къ шарфу, затянутому на шеѣ трупа. Въ лѣвомъ карманѣ жилета найдены серебряные часы, въ правомъ—монета въ 15 копѣекъ, а въ карманѣ брюкъ нѣсколько счетовъ и билетъ изъ книжнаго магазина Черкесова на имя слушателя Петровской Академіи Кузнецова. Часы остановились на 20-ти минутахъ шестого часа. На платьѣ, въ которомъ одѣтъ трупъ, видны пятна крови, а именно: на правомъ бортѣ и рукавѣ сюр-

тука и на воротѣ сорочки. Трупъ этотъ признанъ былъ слушателями Петровской Академіи за трупъ сотоварища ихъ, слушателя Петровской Академіи, Ивана Иванова. Во время производства осмотра крестьянинъ Петръ Кулачинъ представилъ черное, драповое пальто, найденное имъ случайно около стоговъ на лугу № 2. Пальто это оказалось принадлежащимъ покойному Иванову и актомъ осмотра удостовѣрено, что оно было сильно испачкано кровью. Медицинскимъ осмотромъ трупа обнаружены нижеслѣдующія поврежденія: во внутреннемъ углу лѣваго глаза рана съ запекшеюся кровью; такая же рана на затылкѣ, глазныя яблоки налиты кровью, полость носа наполнена запекшеюся кровью, кончикъ языка ущемленъ между зубами, вокругъ шеи и наружной ея части внизу виденъ темно-багроваго цвѣта кругъ, съ оттискомъ клѣтчатыхъ полосокъ и на ощупь пергаментной твердости; ниже и выше этого круга замѣтна вздутость: дѣтородный членъ напряженъ и выдѣляетъ небольшое количество слизи. По вскрытіи трупа оказалось, что двѣ вышеописанныя раны на затылкѣ и въ углу лѣваго глаза произошли отъ выстрѣла пулей въ голову и составляютъ одну сквозную рану; пуля вошла въ затылокъ и вышла черезъ глазъ. По заключенію, какъ врача, такъ и Медицинской Конторы, смерть Иванову послѣдовала отъ чрезмѣрнаго переполненія кровью легкихъ, вслѣдствіе задушенія при современной тому смертельной ранѣ головы. При чемъ врачъ, производившій осмотръ, дополнилъ, что рана произведена огнестрѣльнымъ оружіемъ, пулею навылетъ, и что Ивановъ лишенъ жизни часа черезъ два или менѣе послѣ принятія имъ пищи. Произведеннымъ судебнымъ слѣдователемъ по сему дѣлу слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія данныя: по показанію слушателя Петровской Академіи Дмитрія Ѳедорова Мухортова, жившаго вмѣстѣ съ Ивановымъ, этотъ послѣдній утромъ 20-го ноября уѣхалъ изъ Академіи въ Москву съ бывшимъ слушателемъ той же Академіи Алексѣемъ Кузнецовымъ, и болѣе домой не возвращался. Уѣзжая, Ивановъ, не найдя своего башлыка, взялъ башлыкъ Мухортова. Этимъ самымъ башлыкомъ и связаны ноги у трупа Иванова. То же самое показалъ слушатель Петровской Академіи Василій Эрастовъ, дополнивъ, что на другой или на третій день отъѣзда Иванова въ Москву, пріѣзжалъ какой-то неизвѣстный ему господинъ, назвавшійся Петровымъ, спрашивалъ Иванова, входилъ въ его комнату и, не дождавшись возвращенія Иванова, уѣхалъ обратно въ Москву. Затѣмъ 21-го ноября въ Москвѣ видѣли Иванова въ кухмистерской Молчанова, слушатель Петровской Академіи Лау, бывшій студентъ Московскаго Университета Кизо и студентъ того же университета Дроздовъ. Ивановъ, согласно показанію этихъ лицъ, обѣдалъ въ кухмистерской между 2 или 3 часами пополудни. Послѣ обѣда Ивановъ вмѣстѣ съ Кизо, Дроздовымъ и Лау отправился на квартиру Лау пить послѣобѣденный чай. Въ то время, когда они пили чай, въ квартиру Лау пришелъ какой-то неизвѣстный человѣкъ и вызвалъ Иванова. Ивановъ, сказавъ, что идетъ на урокъ, ушелъ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ. Почти вслѣдъ за Ивановымъ ушли изъ дому Кизо и Дроздовъ. На Страстномъ бульварѣ они снова встрѣтили Иванова съ его спутникомъ, и Ивановъ, спросивъ у нихъ, гдѣ Большая Дмитровка, пошелъ съ тѣмъ же неизвѣстнымъ человѣкомъ по указанному ими направленію. По предъявленіи Мухортову, Эрастову, Кизо и Лау шапки, найденной на мѣстѣ преступленія, они объяснили, что шапка эта Иванову не принадлежитъ. Башлыкъ, найденный у грота на мѣстѣ преступленія, оказался принадлежащимъ слушателю Петровской Академіи Иннокентію Климину, который показалъ, что башлыкъ этотъ въ концѣ октября или началѣ ноября мѣсяца былъ отданъ имъ слушателю Петровской Академіи Алексѣю Кириллову Кузнецову. Спрошенный, въ силу таковыхъ обстоятельствъ, въ качествѣ обвиняемаго, слушатель Петровской Академіи Алексѣй Кириловъ Кузнецовъ, сознаваясь въ убійствѣ Иванова, показалъ слѣдующее: убійство слушателя Иванова совершено 21-го ноября около 5 или 6 часовъ. Въ совершеніи убійства участвовали пять человѣкъ: Сергѣй Нечаевъ, извѣстный Кузнецову подъ именемъ Ивана Петровича, мѣщанинъ Николай Николаевъ, бывшій студентъ Петръ Успенскій, губернскій секретарь Иванъ Прыжовъ и онъ, Кузнецовъ. Умыселъ совершить убійство Иванова явился у Нечаева и Успенскаго, затѣмъ принять участіе въ убійствѣ заставили и Кузнецова. Нечаевъ предлагалъ сначала задушить или отравить Иванова, но затѣмъ рѣшили завлечь Иванова подъ вымышленнымъ предлогомъ въ мѣсто за академическимъ прудомъ въ гротъ и тамъ убить. Предлогомъ заманить его въ гротъ служило отысканіе скрытыхъ будто бы въ гротѣ типографическихъ станковъ. Для этой цѣли 21-го ноября Николаевъ ходилъ на квартиру Иванова часу въ 1-мъ или во 2-мъ дня, но не засталъ Иванова дома. Нѣсколько позже Нечаевъ послалъ Николаева къ студенту Лау, гдѣ думалъ застать Иванова, а Кузнецовъ былъ посланъ стеречь, когда Николаевъ и Ивановъ выйдутъ на улицу и затѣмъ предупредить о томъ остальныхъ соучастниковъ. Когда Кузнецовъ увидалъ, что Николаевъ и Ивановъ вышли изъ квартиры Лау на улицу, то онъ вернулся къ себѣ на квартиру. Оттуда Кузнецовъ съ Нечаевымъ и Успенскимъ на легковомъ извощикѣ поѣхали въ Петровскую Академію, оставивъ Прыжова на квартирѣ задержать нѣсколько Иванова и дать первымъ тремъ доѣхать до грота. Пріѣхавъ къ гроту, Нечаевъ сталъ пробивать ледъ въ пруду, а Успенскій навязывать на веревки кирпичи; Кузнецовъ же пошелъ на встрѣчу Иванову. Когда Николаевъ, Прыжовъ и Ивановъ пришли къ гроту, то Ивановъ вошелъ въ гротъ. Нечаевъ громко

закричалъ: „Кто тутъ“ и бросился на Иванова. Произошла свалка. Какъ происходила борьба—Кузнецовъ хорошо не помнитъ. Нечаевъ кричалъ на нихъ, но вдругъ раздался выстрѣлъ изъ револьвера и Ивановъ былъ убитъ. Кузнецовъ утверждаетъ, что они всѣ были ошеломлены. Нечаевъ снова сталъ ихъ бранить и началъ снимать съ убитаго Иванова пальто, осматривать его карманы, при чемъ взялъ сигары, записную книжку, портмонэ и нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ. Все это онъ передалъ отчасти Кузнецову, Николаеву и Прыжову. Послѣ этого они стащили трупъ въ прудъ. Нечаевъ ушелъ съ Успенскимъ, взявъ съ собою пальто Иванова, а Кузнецовъ ушелъ къ себѣ домой. Когда всѣ участники преступленія собрались въ квартирѣ Кузнецова, то они всѣ мылись и уничтожили слѣды преступленія. Револьверъ, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ Нечаевымъ въ Иванова, принадлежалъ Николаеву. Книжка, портмонэ и шапка Иванова, которую по ошибкѣ захватилъ съ мѣста преступленія Нечаевъ, забывъ тамъ свою, были сожжены въ печкѣ. Когда всѣ приводили себя въ порядокъ, Кузнецовъ видѣлъ, что у Нечаева руки были въ большихъ ранахъ. Нечаевъ, неизвѣстно Кузнецову по какой причинѣ, выстрѣлилъ послѣ убійства въ квартирѣ Кузнецова изъ того же револьвера и пуля оставила слѣдъ на обояхъ его комнаты. Кромѣ Кузнецова въ совершеніи того же преступленія сознались Успенскій, Николаевъ и Прыжовъ. Показанія ихъ, будучи вполнѣ согласны съ показаніемъ Кузнецова, разъясняютъ еще болѣе обстоятельства, сопровождавшія убійство Иванова. Такъ, Успенскій дополнилъ, что мысль убить Иванова принадлежала Нечаеву. Совѣщанія о томъ, какимъ образомъ совершить убійство, происходили цѣлую недѣлю. 21-го ноября утромъ Николаевъ былъ посланъ въ Академію за Ивановымъ, но не засталъ его дома. Затѣмъ Ивановъ былъ заманенъ въ гротъ, тѣмъ способомъ, какъ о томъ говоритъ Кузнецовъ. Когда Ивановъ вошелъ въ гротъ, то начался шумъ и Успенскій слышалъ, какъ Николаевъ кричалъ: „Не меня, не меня“. Оказалось, что Нечаевъ въ темнотѣ сталъ душить Николаева, принявъ его за Иванова. Ивановъ въ это время бросился къ выходу, но его снова повалили и Николаевъ съ Нечаевымъ стали его душить. Затѣмъ раздался выстрѣлъ и Ивановъ былъ убитъ. Нечаевъ говорилъ Успенскому, что онъ выстрѣлилъ Иванову въ голову изъ револьвера Николаева. Послѣ убійства къ трупу были привязаны камни, а самый трупъ опущенъ въ прудъ. На мѣстѣ преступленія остались шапка и башлыкъ, бывшие на Нечаевѣ. Во время борьбы въ гротѣ Ивановъ искусалъ Нечаеву руки,—это и было причиной тому, что когда Нечаевъ, вернувшись въ квартиру Кузнецова, сталъ показывать Успенскому устройство револьвера, то не могъ удержать курка и револьверъ выстрѣлилъ. Послѣ убійства Иванова Нечаевъ взялъ съ собою пальто Иванова, не желая, чтобы оно даромъ пропадало. Дорогой Успенскій замѣтилъ Нечаеву, что напрасно они взяли пальто, такъ какъ оно въ крови; тогда Нечаевъ отнесъ пальто въ сторону отъ дороги и бросилъ его у стоговъ съ сѣномъ. Точно такъ же объяснилъ совершеніе убійства и мѣщанинъ Николаевъ, добавивъ, что по приходѣ Иванова въ гротъ первымъ кинулся на него Николаевъ, схвативъ его сзади за руки. Вслѣдъ за нимъ бросился и Нечаевъ, но въ темнотѣ сталъ душить не Иванова, а его, Николаева. Воспользовавшись этимъ, Ивановъ побѣжалъ къ выходу изъ грота, но былъ сбитъ съ ногъ Кузнецовымъ. Тогда Нечаевъ сѣлъ на грудь Иванова и сталъ душить Иванова. Ивановъ кричалъ сначала: „За что вы меня бьете, что я вамъ сдѣлалъ?“, затѣмъ только стоналъ. Нечаевъ, ругаясь за то, что ему никто не помогаетъ, потребовалъ револьверъ, и когда его Николаевъ подалъ, выстрѣлилъ Иванову въ голову. Вышеизложенныя показанія подтверждены также и обвиняемымъ Прыжовымъ. Такимъ образомъ, всѣ обвиняемые согласно утверждаютъ, что убійство Иванова совершено по мысли Нечаева и по предварительному на то уговору; при чемъ Прыжовъ побудительную причину объясняетъ такъ: Нечаевъ, котораго Прыжовъ зналъ подъ именемъ Павлова, чувствовалъ къ Иванову личную ненависть. Ивановъ не желалъ подчиняться желѣзному характеру Нечаева и ему постоянно противорѣчилъ. Нечаевъ самъ говорилъ Прыжову о томъ и Прыжовъ уговаривалъ Иванова подчиниться Нечаеву. Затѣмъ обвиняемые Кузнецовъ, Прыжовъ и Николаевъ объясняютъ свое участіе въ этомъ преступленіи тѣмъ, что ихъ отказъ неминуемо повлекъ бы за собою месть со стороны Нечаева и они боялись сами быть убитыми. Справедливость вышеизложенныхъ показаній обвиняемыхъ, кромѣ взаимнаго ихъ между собою согласія, доказывается и тѣмъ, что они вполнѣ согласны съ обстоятельствами дѣла. Такъ, время убійства, по показанію обвиняемыхъ, совпадаетъ съ тѣмъ часомъ, на которомъ остановились часы, бывшіе на Ивановѣ. Мѣсто убійства и способъ его совершенія, какъ разсказали обвиняемые, вполнѣ соотвѣтствуютъ актамъ осмотровъ мѣстности и трупа. Послѣ того судебный слѣдователь пригласилъ обвиняемыхъ: Успенскаго, Кузнецова и Прыжова на мѣсто совершенія преступленія, и они, отдѣльно другъ отъ друга, совершенно согласно съ актомъ осмотра указали, гдѣ происходило убійство. Показанія обвиняемыхъ о выстрѣлѣ, сдѣланномъ Нечаевымъ въ квартирѣ Кузнецова послѣ убійства Иванова, подтвердились при осмотрѣ квартиры Кузнецова, на одной изъ стѣнъ которой обнаруженъ слѣдъ пули. Пріѣздъ Николаева 21-го числа за Ивановымъ въ Академію удостовѣренъ показаніемъ Эрастова, при чемъ Эрастовъ призналъ въ Николаевѣ именно то лицо, которое пріѣзжало за Ивановымъ. По осмотрѣ правой

руки Нечаева, на ней оказались рубцы, происшедшіе, по заключенію врачей, отъ заживших ранъ; раны же эти могли быть нанесены укушеніемъ. Произведеннымъ во Врачебномъ Отдѣленіи С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія микроскопическимъ изслѣдованіемъ пятенъ на кирпичахъ, веревкахъ, башлыкѣ, шапкѣ и пальто, оказалось, что пятна эти произошли отъ засохшей крови млекопитающаго. Обвиняемый Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, происходя изъ мѣщанъ города Шуи, по выдержаніи надлежащаго экзамена, удостоенъ былъ въ 1866 г. званія учителя приходского училища и до 30-го января 1869 г. занималъ должность учителя въ С.-Петербургскихъ приходскихъ училищахъ, но въ то время бѣжалъ за границу. Точно такъ же скрылся Нечаевъ и послѣ убійства Иванова, но въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года выданъ Швейцарскимъ Правительствомъ, какъ лицо, обвиняемое въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Спрошенный по обстоятельствамъ настоящаго дѣла, обвиняемый Нечаевъ заявилъ, что онъ не желаетъ давать никакихъ показаній и не отвѣчалъ ни на одинъ изъ предложенныхъ ему вопросовъ. На основаніи всего вышеизложеннаго, носящій званіе приходского учителя, бывшій мѣщанинъ города Шуи Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, 25 лѣтъ, обвиняется въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 1453 п. 3 Улож. о Наказ., почему и подлежитъ, согласно ст. 201 Уст. Угол. Судопр., суду Московскаго Окружного Суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. По прочтеніи акта, подсудимый вновь былъ введенъ въ залу засѣданія. Председ. (обращаясь къ подсудимому). Васъ обвиняютъ въ томъ, что вы 21-го ноября 1869 г., по предварительному уговору съ другими четырьмя лицами, сосланными уже за это преступленіе въ каторжныя работы, изъ личной ненависти убили въ гротѣ Петровской Академіи слушателя этой Академіи Иванова. Признаете ли себя виновнымъ? Подсуд. (тѣмъ же возвышеннымъ голосомъ, какъ и прежде). Убіеніе Иванова есть фактъ чисто политическаго характера; оно составляетъ часть дѣла о заговорѣ, которое разбиралось въ Петербургѣ... (подсудимаго, по распоряженію председателя уводятъ). Судебное слѣдствіе началось чтеніемъ акта осмотра 26-го ноября 1869 г. мѣстности, гдѣ найденъ трупъ Иванова —слѣдующаго содержанія: Отъ главныхъ академическихъ зданій прудъ отстоитъ, считая по дорогѣ, около $^3/_4$ версты и находится въ лѣсномъ участкѣ № 1; дорога хотя и пролегаетъ близъ пруда, но дорога эта не для общаго проѣзда, а для проѣзда рабочихъ. Подойдя къ пруду, во льду замѣтенъ былъ ясно конецъ башлыка и неясно очерченная фигура человѣка; на дорогѣ же, пролегающей по берегу пруда, шагахъ въ 15-ти отъ воды, по направленію отъ пруда къ полуразрушенному гроту, отстоящему отъ воды около 30 шаговъ, найденъ обыкновенный кирпичъ съ слѣдами цемента, по виду взятый изъ грота. Кирпичъ этотъ обвязанъ бичевкой, имѣющей довольно длинный конецъ; на срединѣ кирпича, гдѣ начинается длинный конецъ бичевки, около двухъ аршинъ, замѣчены небольшія пятна крови; далѣе по направленію къ гроту замѣчено нѣсколько листьевъ съ кровавыми пятнами; у небольшого деревца, въ разстояніи около $1^1/_4$ сажени, на землѣ найденъ башлыкъ, цвѣта военнаго башлыка, обшитый по военному образцу темнокрасной тесьмой; въ 4 мѣстахъ на башлыкѣ замѣчены кровяныя пятна неправильной формы; затѣмъ въ разстояніи 1 арш. отъ наружной стѣны грота найденъ обыкновенный кирпичъ, также обвязанный бичевкой и возлѣ кирпича найденъ малый конецъ не толстой веревки; на кирпичѣ замѣчены значительныя кровавыя пятна и возлѣ же кирпича на землѣ замѣтно значительное истеченіе крови. Между означеннымъ кирпичемъ съ кровяными слѣдами и башлыкомъ, найденнымъ у деревца, лежитъ круглая, черная, барашковая шапка на черной подкладкѣ. На наружной сторонѣ шапки, на мѣхѣ, замѣчено значительное истеченіе крови и шапка примята. На подкладкѣ же виденъ весьма незначительный, по шву, протекъ крови. На стѣнѣ грота съ наружной стороны, въ разстояніи около 1 арш. отъ земли, замѣчено весьма малое кровавое пятно. При входѣ въ гротъ, имѣющій круглую форму, въ діаметрѣ около 8 шаговъ, съ извилистымъ темнымъ ходомъ, длиною 17 шаговъ, замѣчено нѣсколько листьевъ, покрывающихъ вообще полъ грота, съ кровавыми пятнами по направленію отъ входа въ гротъ до входа въ темный корридоръ. Въ коридорѣ таковыхъ листьевъ съ кровавыми пятнами несмотря на осмотръ, произведенный по темнотѣ корридора (крытаго) съ огнемъ, не найдено. Возлѣ выхода изъ коридора замѣчено также нѣсколько древесныхъ листьевъ и маленькій сучекъ съ кровавыми пятнами. Другихъ слѣдовъ преступленія со стороны выхода изъ коридора не замѣчено. Затѣмъ, такъ какъ ледъ былъ довольно толстъ (около 2 вершковъ), то, дабы произвести наружный осмотръ трупа, сдѣлано распоряженіе о вынутіи такового изъ воды. Но прежде замѣчено, что ледъ какъ будто бы уже былъ проломанъ и потомъ снова замерзъ. Послѣ того какъ ледъ былъ осторожно разбитъ, оказалось, что трупъ человѣка въ приличномъ платьѣ находится лицомъ внизъ въ направленіи перепендикулярномъ къ берегу: ноги близъ берега, при вытаскиваніи трупа видно было, что онъ обутъ въ кожаныхъ обыкновенныхъ сапогахъ и калошахъ, ноги скрещены и выше щиколотки обвязаны бичевкой, къ концу которой привязанъ кирпичъ. Трупъ былъ въ вытянутомъ положеніи съ раскинутыми руками; оконечности пальцевъ сжаты. Когда трупъ былъ совершенно вынутъ изъ воды и перевернутъ лицомъ кверху, оказалось, по словамъ бывшихъ при осмотрѣ слушателей Петровской Земледѣльческой Академіи, что трупъ этотъ—слушателя Академіи Ивана Иванова Иванова, прожива-

шаго на фермѣ Академіи вмѣстѣ съ слушателемъ Мухортовымъ. Покойный Ивановъ одѣтъ въ триковыхъ, сѣраго цвѣта пиджакѣ и жилетѣ; брюки нѣсколько свѣтлѣе съ черными лампасами. На ногахъ, какъ сказано выше, надѣты сапоги и калоши; пиджакъ и жилетъ застегнуты на одну верхнюю пуговицу; изъ подъ застегнутаго платья видны двѣ рубахи, надѣтыя на покойномъ—внизу ситцевая, сверху бѣлая. Рубахи на спинѣ поднялись такъ, что видна обнаженная часть спины. Затѣмъ замѣчено, что лѣвая половина лица покойнаго Иванова окровавлена. Лѣвый глазъ разбитъ и значительная ссадина на переносьѣ, съ синевой на вѣкѣ къ переносью. Языкъ немного высунутъ. На темени найдена ранка глубиною около одной линіи, длиною около 6 линій, но, судя по наружному осмотру, безъ поврежденія черепа,нанесенная, вѣроятно, острымъ орудіемъ. На шеѣ покойнаго Иванова надѣтъ, или правильнѣе затянутъ, красный шерстяной шарфъ, на концахъ котораго привязанъ кирпичъ. Затѣмъ другихъ поврежденій на тѣлѣ, судя по наружному осмотру, не оказалось. Слѣдуетъ еще упомянуть, что ноги Иванова — кромѣ того, что связаны внизу бичевкой съ кирпичемъ — выше колѣна связаны еще башлыкомъ, принадлежащимъ, какъ оказалось, жившему вмѣстѣ съ Ивановымъ, слушателю Академіи Мухортову. На шеѣ покойнаго черный снурокъ, на которомъ оказались въ лѣвомъ карманѣ жилета серебряные часы, принадлежащіе слушателю Академіи Костыркину. Въ правомъ карманѣ пиджака найденъ полотняный платокъ съ мѣткою А. подъ короной, вышитыми гладью. Въ правомъ карманѣ жилета найдена серебряная монета въ 15 коп. Кромѣ того въ карманахъ панталонъ найдено нѣсколько небольшихъ бумажекъ, именно: нѣсколько счетовъ, билетъ библіотеки Черкесова, № 1.205 срокомъ отъ 10-го октября по 10-е ноября, на имя Кузнецова, также слушателя Академіи. Замѣчено, что часы остановились въ 5-ть часовъ 20 мин. Лѣвый карманъ пиджака осмотрѣть было нельзя, такъ какъ лѣвая половина платья сильно промерзла. Послѣ этого были прочитаны: 1) Судебно-медицинскій осмотръ трупа Ивана Иванова. (Слѣдуетъ подробное описаніе). 2) Заключеніе Медицинской Конторы о причинѣ смерти Иванова. Медицинская Контора, разсмотрѣвъ судебно-врачебный осмотръ трупа слушателя Петровской Академіи Ивана Иванова Иванова, нашла, что смерть Иванову послѣдовала отъ чрезмѣрнаго переполненія кровью легкихъ, вслѣдствіе задушенія, при современной тому смертельной ранѣ головы. Затѣмъ были введены въ залу засѣданія свидѣтель Мухортовъ и подсудимый Нечаевъ. На обычные вопросы предсѣдателя Мухортовъ объяснилъ, что онъ студентъ Петровской Академіи, подсудимаго Нечаева не знаетъ и никогда не видалъ. Прокуроръ заявилъ, что причинъ къ отводу Мухортова отъ присяги не имѣетъ. Пред. (обращаясь къ подсудимому). Студентъ Петровской Академіи Мухортовъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля по настоящему дѣлу; допускаете-ли вы его къ присягѣ? Подсуд. (болѣе спокойно, чѣмъ прежде). Я имѣлъ честь объявить, что за русскимъ судомъ права судить меня не признаю. Пред. Садитесь. Подсудимый садится, обернувшись лицомъ къ публикѣ. По принятіи присяги, свидѣтель Мухортовъ далъ слѣдующее показаніе: Я зналъ Иванова и переѣхалъ къ нему на квартиру за нѣсколько дней до его убійства. Я прожилъ съ нимъ вмѣстѣ дня два, а на третій, если не ошибаюсь, день, пріѣхалъ къ намъ довольно рано, когда мы пили чай, Кузнецовъ и позвалъ Иванова въ Москву по очень спѣшному дѣлу. Ивановъ одѣлся и, не найдя своего башлыка, взялъ мой и уѣхалъ въ Москву, обѣщаясь возвратиться въ половинѣ перваго часа ночи. Но прошло 3—4 дня, а его все не было. На это обстоятельство я не обращалъ никакого вниманія, потому что часто случается, что уѣдешь въ Москву на день, а пробудешь недѣлю. Наконецъ, замѣтили какое-то тѣло подъ льдомъ въ прудѣ Петровской Академіи въ самой отдаленной части парка. Дали знать становому, который въ присутствіи понятыхъ приступилъ къ вырубкѣ тѣла. Когда, его вырубили, то я узналъ въ немъ трупъ Иванова, а въ башлыкѣ, которымъ были связаны ноги Иванова, узналъ свой башлыкъ. Больше мнѣ объ убійствѣ ничего неизвѣстно. Пред. Въ отсутствіе Иванова къ нему не пріѣзжалъ-ли кто-нибудь? Свидѣт. Нѣтъ. Предс. Подсудимый не желаетъ предлагать вопросы свидѣтелю? Подсуд. (сидя и обернувшись къ публикѣ). Я подсудимымъ себя не считаю. Предс. Въ отсутствіе подсудимаго были прочитаны: актъ осмотра мѣстности, гдѣ найденъ трупъ Иванова, врачебный осмотръ этого трупа и заключеніе Медицинской Конторы о причинѣ смерти Иванова. Подсудимый, если желаетъ, можетъ представить объясненія по поводу этихъ документовъ. Подсуд. Я имѣлъ честь объяснить, что подсудимымъ себя не считаю. Затѣмъ, по распоряженію предсѣдателя и по заявленіямъ прокурора, противъ которыхъ подсудимый не возражалъ, прочитаны: 1) Показаніе почетнаго гражданина Василія Васильева Эрастова, данное 28-го ноября 1869 года: „Слушателя Иванова я хотя и давно зналъ, но въ хорошихъ отношеніяхъ съ нимъ былъ съ сентября мѣсяцѣ настоящаго года; жилъ я съ нимъ въ разныхъ квартирахъ, но по сосѣдству. 20-го ноября утромъ часовъ въ 10, Ивановъ вмѣстѣ съ другимъ слушателемъ Академіи, Алексѣемъ Кузнецовымъ, отправился въ Москву, но когда я спросилъ Иванова, куда онъ ѣдетъ, то Ивановъ сказалъ, что въ Почтамтъ, но зачѣмъ—не сказалъ, и съ тѣхъ поръ не возвращался; а въ отсутствіе Иванова, на другой или третій день пріѣхалъ въ пролеткѣ на извощикѣ неизвѣстный мнѣ человѣкъ и, войдя ко мнѣ въ квартиру, спросилъ ключъ отъ квартиры Иванова,

который находился у меня; я отдалъ ему ключъ, предполагая, что за нимъ идетъ и Ивановъ. Неизвѣстный, пробывъ въ квартирѣ Иванова часовъ до 3-хъ вечера, вышелъ оттуда: когда же я предлагалъ ему, отпустивъ извощика, дождаться Иванова, а потомъ отправиться на линейкѣ, то онъ не согласился, говоря, между прочимъ, что ему необходимо свиданіе съ Ивановымъ. Неизвѣстный, уѣзжая, говорилъ на мой вопросъ, что фамилія его Петровъ, имя же и отчество назвалъ—Иванъ Андреевъ или Андрей Ивановъ,—хорошенько не помню. Затѣмъ онъ сказалъ, что извощика нанялъ отъ Серпуховскихъ воротъ за 1 р. 50 коп.. Извощика я не видалъ, лошадь же видѣлъ издали, она была темной масти. Неизвѣстному, повидимому, лѣтъ 25, роста средняго, темнорусый, небольшая борода и усы рыжеватые; одѣтъ онъ былъ въ пальто драповое, довольно поношенное, темнаго цвѣта; брюки были надѣты въ сапоги, прочаго платья не замѣтилъ, но въ лицо признать могу. Кто убилъ Иванова и когда, — я не знаю. Самъ не виноватъ и подозрѣнія ни на кого не имѣю. Враговъ Ивановъ не имѣлъ и характера былъ смирнаго. Къ кому онъ ѣздилъ въ Москву—мнѣ неизвѣстно. Кому принадлежатъ показываемые мнѣ башлыкъ, шапка, трубка и спичечница — не знаю. На вопросъ председателя: „Подсудимый, ничего не имѣетъ возразить?“ предложенный какъ послѣ этого показанія, такъ и послѣ каждаго изъ послѣдующихъ свидѣтельскихъ показаній, подсудимый отвѣчалъ молчаніемъ. 2) Второе показаніе того же Эрастова, данное 12-го декабря 1869 года. Ивановъ 20-го ноября отправился вмѣстѣ съ Кузнецовымъ въ Москву. Къ десяти часамъ они отправились къ дилижансу, чтобы ѣхать въ Москву. Ивановъ былъ одѣтъ въ пиджакѣ, а поверхъ пиджака было надѣто пальто чернаго цвѣта. Шапка на немъ была изъ собачьяго мѣха; въ маленькихъ сапогахъ и въ калошахъ; на шеѣ у него былъ подвязанъ башлыкъ, цвѣтомъ похожій на тотъ, которымъ были перевязаны у него ноги. Предъявленная мнѣ, во время дополнительнаго моего показанія шапка не похожа на ту, въ которой ходилъ Ивановъ. Его шапка была рыжеватая и волосъ ея длиннѣе волоса предъявленной мнѣ. Кузнецовъ же былъ одѣтъ въ черномъ пальто, а остального его костюма не замѣтилъ. Былъ ли на немъ башлыкъ—не помню. Въ бытность его у меня въ комнатѣ, халата изъ верблюжьей шерсти я не замѣтилъ и у него никогда не видалъ. Ночевалъ-ли Кузнецовъ въ ночь съ 19-го на 20-е у Иванова въ квартирѣ,—это должно быть извѣстно Мухортову, жившему съ Ивановымъ въ одной комнатѣ. Такъ какъ у меня двери были отворены, т. е. не заперты на крючекъ, то Ивановъ ночью 19-го числа ночевалъ у меня. Утромъ съ нимъ пили чай у меня же въ комнатѣ, куда пришелъ также и Кузнецовъ, а откуда—не знаю. Послѣ 20-го числа я Иванова нигдѣ не видѣлъ. Неизвѣстный же, желавшій видѣть Иванова, былъ, не помню хорошо, 21-го или 22-го числа. Ключъ же я далъ сему неизвѣстному потому, что полагалъ идущаго вслѣдъ за нимъ Иванова, въ чемъ впослѣдствіи мое предположеніе не оправдалось — такъ что я, вслѣдствіе его непонятнаго для меня нахальства, относительно взятаго имъ у меня ключа Иванова, почелъ его за сыщика, а объ Ивановѣ—не пріѣхавшемъ въ назначенное время по дѣламъ столовой—подумалъ, что его заарестовали. Квартиру Иванова во время его жительства на фермѣ посѣщали его знакомые и товарищи. Ключъ отъ комнаты своей оставлялъ Ивановъ потому, что у него въ его отсутствіе бывали товарищи его, которые иногда брали или книги, или оставляли что-нибудь въ его комнатѣ. 20-го же числа кто отдалъ мнѣ свой общій ключъ отъ таковой же комнаты —я теперь хорошо не помню. У Иванова какой-то записной книжки я не видалъ. Иванова хотя я зналъ и знакомъ былъ съ нимъ, но особеннаго ничего онъ мнѣ не повѣрялъ. Предлагалъ раза два записаться въ число слушателей, получающихъ безплатные обѣды, но я отказался отъ этого предложенія. Былъ-ли Мухортовъ 21-го — 22-го числа — я не припомню, а также не помню былъ-ли онъ дома и 23-го ноября. 3) Показаніе слушателя Петровской Академіи Эдуарда Васильева Лау, данное 17-го декабря 1869 г.: „Въ послѣднее время я проживалъ вмѣстѣ съ Григоріемъ Свѣчинымъ на Петровкѣ, въ домѣ Самариной, въ меблированныхъ комнатахъ, а до этого жилъ съ Кизо на Патріаршихъ Прудахъ. Студента Дроздова, проживающаго теперь съ Кизо, я знаю; Иванова зналъ—онъ у меня иногда ночевалъ. Слушателя Кузнецова знаю въ лицо, кланяюсь съ нимъ, но коротко не знакомъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Иванова въ кухмистерской Молчанова. Кромѣ лицъ, неизвѣстныхъ мнѣ, здѣсь обѣдали: Кизо, Михаилъ Дроздовъ и, какъ мнѣ кажется, также Петръ Ивакинъ. За обѣдомъ всѣ были веселы, много шутили и смѣялись. Ивановъ былъ веселъ и говорилъ, что съ нимъ бывало рѣдко, почти никогда. Послѣ обѣда было предложено, чуть-ли не Ивановымъ, идти ко мнѣ пить чай; за самоваромъ не прерывалось обѣденное веселье. Шуткамъ и смѣху не было конца. Среди этого шума, говора и смѣха доложили, что кого-то спрашиваютъ. Въ это же время къ какому-то человѣку, появившемуся въ передней нашего номера, поспѣшно вышелъ Ивановъ; какъ говорилъ Кизо, они выходили въ коридоръ. Мы не успѣли оглянуться, кончить свой смѣхъ, какъ Ивановъ быстро вошелъ въ номеръ, взялъ съ окна свою шапку и на наше восклицаніе отвѣтилъ, что за нимъ пришли съ урока и затѣмъ ушелъ. Это было въ пятницу (21-го октября), должно быть около 5-ти часовъ вечера. По уходѣ Иванова, мы, т. е. Кизо, Дроздовъ и я, оставались за чаемъ. Не знаю, былъ-ли у меня Ивановъ, приходилъ онъ ко мнѣ чай пить или

нѣтъ. Черезъ нѣсколько времени, приблизительно, какъ мнѣ кажется, черезъ часъ, Кизо и Дроздовъ ушли, а я остался дома. Примѣтъ неизвѣстнаго человѣка, приходившаго за Ивановымъ, я не видалъ, потому что не выходилъ въ переднюю и среди шума не знаю собственно, какъ все устроилось такъ, что Ивановъ вышелъ къ нему. Показанныя мнѣ вещи—башлыкъ, шапка, спичечница и трубка—кому принадлежатъ я не знаю и никогда ихъ не видалъ. У Иванова была шапка съ околышемъ изъ собачьяго мѣха, темнаго цвѣта, съ донышкомъ суконнымъ, неопредѣленнаго, зеленоватаго цвѣта. О смерти Иванова я узналъ черезъ нѣсколько дней отъ Стемпковскаго, который заходилъ къ Кизо, когда я сидѣлъ у послѣдняго. Кто убилъ Иванова—я не знаю и никого не подозрѣваю. 4) Показаніе дворянина Кизо, данное 28-го ноября 1869 г.: „Слушателя Петровской Академіи Ивана Иванова я знаю; онъ у меня бывалъ довольно часто, а иногда и ночевалъ, а когда я переѣхалъ на одну квартиру со студентомъ Михаиломъ Дроздовымъ, то Ивановъ сталъ рѣже ночевать. Въ четвергъ 20-го ноября Ивановъ пришелъ ко мнѣ часовъ въ 12-ть ночи; сказавъ, что пришелъ отъ Сабаниныхъ, переночевавъ у меня, онъ часовъ въ 11-ть утра пошелъ снова на урокъ къ Сабанинымъ; воротился опять ко мнѣ часу во 2-мъ дня. Я съ нимъ и съ Дроздовымъ отправились обѣдать къ кухмистеру Молчанову, гдѣ мы встрѣтили слушателя Академіи Лау. Послѣ обѣда мы всѣ пошли къ Лау, проживающему на Петровкѣ, въ д. Самарина, противъ Петровскаго монастыря, и пили тамъ чай. Часу въ 5-мъ вечера пришелъ какой-то неизвѣстный господинъ и изъ передней спросилъ здѣсь-ли Ивановъ? Ивановъ вышелъ къ нему въ коридоръ, гдѣ проговорилъ съ нимъ минуты двѣ, возвратился въ комнату, взялъ башлыкъ и шапку и сказалъ, что идетъ на урокъ на Чистые Пруды. Почти вслѣдъ за ними пошли и мы и на улицѣ Страстного бульвара встрѣтили Иванова съ тѣмъ же неизвѣстнымъ человѣкомъ, который приходилъ за нимъ. Ивановъ остановилъ насъ и спросилъ, гдѣ Большая Дмитровка? Указавъ эту улицу, мы пошли домой, а неизвѣстный съ Ивановымъ пошелъ по направленію къ Дмитровкѣ. Намъ показалось страннымъ, что онъ пошелъ на урокъ на Чистые Пруды, а между тѣмъ отправился на Дмитровку. Кто тотъ неизвѣстный — я не знаю, въ чемъ онъ былъ одѣтъ—не замѣтилъ и въ лицо признать не могу. Съ тѣхъ поръ я Иванова нигдѣ не видалъ. Ивановъ до этого дня за два былъ у меня, взялъ взаймы 8 р. и обѣщалъ отдать ихъ 7-го декабря“ (далѣе въ показаніи повторяется то же, что и въ концѣ предыдущаго показанія о неизвѣстности свидѣтелю кому принадлежатъ показанныя ему вещи и о томъ, что онъ ни на кого не выражаетъ подозрѣнія въ убійствѣ Иванова). 5) Показаніе бывшаго студента Михаила Дроздова, данное 10-го декабря 1869 г., тождественно съ показаніемъ Кизо. 6) Показаніе слушателя Петровской Академіи Иннокентія Климина, данное 15-го декабря 1869 г.: „Кузнецова знаю и въ отношеніяхъ къ нему находился хорошихъ. Видѣлъ Кузнецова въ послѣдній разъ 19-го ноября сего года, въ полдень, на своей квартирѣ, на дачѣ Краснопѣвковой, что около Петровской Академіи. Пріѣзжалъ онъ ко мнѣ затѣмъ, чтобы передать довѣренность на полученіе изъ Почтамта денегъ, которыя онъ ожидалъ отъ своихъ родныхъ изъ Херсона. Иванова нѣсколько зналъ, а въ отношеніяхъ къ нему находился безразличныхъ, т. е. ни въ хорошихъ, ни въ дурныхъ. Видѣлъ его въ послѣдній разъ въ слушательской столовой, недѣли за три или четыре до моего ареста, т. е. до 7-го декабря сего года. Кузнецовъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со многими, въ томъ числѣ и со мной, но кто пользовался особенной его дружбой—опредѣлительно сказать не могу. О друзьяхъ же Иванова не знаю. Кузнецовъ до конца октября или до начала ноября сего года жилъ вмѣстѣ со мною въ одномъ домѣ, именно на дачѣ Краснопѣвковой, что около Петровской Академіи. У Иванова я какъ-то разъ былъ въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ сего года. Кузнецовъ и Ивановъ имѣли башлыки, но какіе именно—не знаю. Я имѣлъ башлыкъ желтаго цвѣта, обшитый тесьмой—находится же въ настоящее время въ сундукѣ на моей квартирѣ на дачѣ Стеллихъ, онъ не былъ разорванъ по шву; я его не давалъ Кузнецову при послѣднемъ моемъ свиданіи, но онъ иногда его носилъ, и башлыкъ, какъ я и выше сказалъ, въ настоящее время находится въ сундукѣ, на моей квартирѣ. Предъявленный башлыкъ не мой и кому принадлежитъ — не знаю. Мой башлыкъ грубѣе и тесьма свѣтлѣе. Кому принадлежитъ показываемая мнѣ шапка — не знаю. Съ слушателемъ Мухортовымъ я незнакомъ, но видѣлъ его. Отношеній его къ Кузнецову и Иванову не знаю. Видѣлъ его въ Академіи на лекціяхъ и въ слушательской столовой. Въ первый разъ я объ убійствѣ Иванова услышалъ 25-го ноября, вечеромъ, отъ дворника дачи Стеллихъ, который мнѣ сказалъ, въ присутствіи моего товарища Гавришева, что въ пруду найдено тѣло неизвѣстнаго человѣка; въ среду же вечеромъ, 26-го ноября, я узналъ отъ моего товарища Гавришева, что это тѣло Иванова. Впрочемъ я ошибся; я узналъ это не отъ Гавришева, а отъ Рязанцева. Кто убилъ Иванова я не знаю и подозрѣній ни на кого не имѣю. 7) Второе показаніе того же Климина, данное 19-го декабря 1869 г.: „15-го декабря 1869 г. я показалъ, что предъявленный мнѣ башлыкъ не принадлежитъ мнѣ; но въ настоящее время, обдумавъ свое показаніе и припомнивъ всѣ обстоятельства дѣла, показываю вполнѣ чистосердечно, что онъ мой и отданъ былъ мною Кузнецову въ концѣ октября или въ началѣ ноября сего года. Не показалъ я въ то время этого еще и потому, что

боялся быть обвиненнымъ въ такомъ тяжкомъ преступленіи, какъ убійство, въ томъ случаѣ, если то лицо отказалось бы отъ полученія имъ отъ меня башлыка, тѣмъ болѣе, что я не помню, взялъ-ли онъ его у меня при свидѣтеляхъ или одинъ на одинъ. Взялъ онъ его у меня на квартирѣ, на дачѣ Краснопѣвковой, поносить. Когда я жилъ на дачѣ Краснопѣвковой, то, дѣйствительно, къ Кузнецову пріѣзжали изъ Москвы иногда гости, но ихъ я въ лицо не знаю, знаю только одного изъ нихъ, котораго звали Иваномъ Петровичемъ; узналъ же я объ имени и отчествѣ его отъ самого Кузнецова. Иногда Иванъ Петровичъ пріѣзжалъ въ отсутствіе Кузнецова и спрашивалъ сего послѣдняго; фамилія этого господина мнѣ неизвѣстна; мѣсто жительства его также не знаю. Примѣты его слѣдующія: роста средняго, лѣтъ около 25-ти, волосы черноватые и кажется не очень длинные, глаза темные, довольно бойкіе, усы небольшіе, черные, есть-ли борода или нѣтъ,—не помню, костюмъ его былъ обыкновенный. Видѣлъ я его послѣдній разъ въ октябрѣ или въ ноябрѣ, хорошенько не помню, и гдѣ, — теперь не могу вспомнить. Башлыкъ же, который находится у меня въ сундукѣ, принадлежитъ моему товарищу Гавришеву, у котораго я взялъ его поносить. 8) Показаніе лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Петра Гаврилова Успенскаго, данное въ С.-Петербургѣ 13-го января 1870 года: „Покойнаго Иванова я зналъ, познакомился съ нимъ въ концѣ сентября мѣсяца 1869 года. Виновнымъ себя въ убійствѣ Иванова признаю. Совершено это убійство 21-го ноября между 5 и 6 часами вечера въ паркѣ Петровской Академіи мною, совмѣстно съ бывшимъ слушателемъ С.-Петербургскаго Университета Сергѣемъ Нечаевымъ, мѣщаниномъ Николаемъ Николаевымъ, губернскимъ секретаремъ Иваномъ Прыжовымъ и студентомъ Петровской Академіи Александромъ Кузнецовымъ. Мысль объ убійствѣ высказана была Нечаевымъ въ первый разъ въ воскресенье за 5 дней до совершенія; затѣмъ въ слѣдующіе дни были совѣщанія между нами. Прыжовъ, Кузнецовъ и я сначала не соглашались на предложеніе Нечаева, но затѣмъ, вечеромъ въ четвергъ, было рѣшено окончательно привести задуманное въ исполненіе на другой день, т. е. 21-го ноября. Въ назначенный день я пришелъ въ квартиру Кузнецова и тамъ уже засталъ Нечаева, Николаева, Прыжова и Кузнецова. Часовъ въ 11 утра Николаевъ отправился въ Академію за Ивановымъ, съ цѣлью привезти его въ Москву къ Кузнецову, гдѣ долженъ былъ ожидать его Прыжовъ и предложить ему, подъ вымышленнымъ предлогомъ, отправиться въ паркъ Академіи къ гроту, куда и мы должны были отправиться. Около 2 часовъ дня, чтобы Николаевъ, пріѣхавъ съ Ивановымъ, не засталъ насъ, мы отправились въ близъ находящуюся гостиницу, откуда, пообѣдавъ, зашли въ Bier-Halle, куда черезъ нѣсколько времени пришелъ Николаевъ и заявилъ, что не нашелъ Иванова; мы всѣ пришли опять на квартиру Кузнецова и отсюда, полагая, что Ивановъ находится у своего знакомаго студента Лау, Николаевъ и Кузнецовъ ушли за Ивановымъ къ Лау; Кузнецовъ оставался на улицѣ и когда увидѣлъ Николаева, идущаго съ Ивановымъ, взялъ извощика поскорѣе извѣстить насъ. Тотчасъ я, Кузнецовъ и Нечаевъ вышли изъ дома и, взявъ извощика, отправились въ Петровскую Академію, гдѣ Кузнецовъ привелъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ находился гротъ. Я и Нечаевъ остались у грота, а Кузнецовъ отправился встрѣчать Николаева, Прыжова и Иванова. Въ это время я нашелъ два камня и привязалъ къ нимъ веревки, данныя мнѣ Нечаевымъ, съ цѣлью привязать эти камни къ ногамъ. Наконецъ, послышались шаги. Я задрожалъ и прислонился къ стѣнѣ грота. Ивановъ и другіе вошли. Начался какой-то шумъ. Кто-то закричалъ: „Не меня, не меня“. Оказалось потомъ, что это кричалъ Николаевъ, на котораго бросился Нечаевъ, принявъ его за Иванова. Въ гротѣ было совершенно темно. Въ это время Ивановъ должно быть вырвался и бросился къ выходу. Кто-то, кажется Кузнецовъ, удержалъ его; я тоже хотѣлъ помочь ему, но въ эту минуту Нечаевъ схватился и уронилъ близъ выхода Иванова. Подошелъ Николаевъ и они что-то стали возиться съ нимъ, кажется, душили его. Я и Прыжовъ стояли въ сторонѣ. Раздался выстрѣлъ, но, кто выстрѣлилъ, я не видалъ, а потомъ Нечаевъ говорилъ, что вынулъ револьверъ Николаевъ, у котораго онъ былъ въ карманѣ, а выстрѣлилъ онъ, Нечаевъ, кажется, въ голову. Ивановъ былъ убитъ и я хотѣлъ привязать веревки съ камнемъ къ ногамъ, но не въ силахъ былъ этого сдѣлать. Кто-то выхватилъ ихъ у меня и привязалъ. Затѣмъ тѣло снесли на нѣсколько шаговъ и положили въ воду. Затѣмъ мы разошлись въ разныя стороны, возвратились въ Москву и сошлись у Кузнецова, гдѣ обмыли кровь, перемѣнили платье. Нечаевъ выливалъ изъ сапогъ воду, которая налилась въ нихъ, когда онъ входилъ въ воду, чтобы положить тѣло. Оказалось также, что на мѣстѣ осталась шапка, бывшая на Нечаевѣ, и башлыкъ. Между прочимъ, сидя уже у Кузнецова, я увидѣлъ на столѣ револьверъ и просилъ Нечаева показать мнѣ устройство его, такъ какъ я знакомъ до сихъ поръ не былъ съ подобными вещами. Онъ сталъ показывать, но такъ какъ у него руки были искусаны Ивановымъ и сильно болѣли, то когда онъ открылъ револьверъ, то отъ боли не могъ удержать пружины и раздался выстрѣлъ. Слѣды отъ этого выстрѣла должны сохраниться въ стѣнѣ квартиры Кузнецова, куда попала пуля. Послѣ того вскорѣ стали расходиться. Прыжовъ ушелъ нѣсколько раньше, часовъ около 9-ти, а я и Нечаевъ отправились ко мнѣ на квартиру въ 10 часу, гдѣ и провели ночь“. 9) Показаніе того же Успенскаго, данное судебному слѣдователю 2-го участка

Московскаго уѣзда 12 февраля 1870 г.: „Предъявленный мнѣ башлыкъ былъ, кажется, на Нечаевѣ и оставленъ имъ на мѣстѣ. Онъ же первый хватился его и шапки, но ни того, ни другого не старался искать, такъ какъ торопился уходомъ съ мѣста и потому надѣлъ шапку Иванова. Я сказалъ „кажется“ потому, что видѣлъ другой башлыкъ, лежавшій въ ногахъ Иванова и оставшійся завязаннымъ въ то время, когда привязывали камни. Предъявленная мнѣ шапка была на Нечаевѣ и потеряна имъ на мѣстѣ; онъ же шелъ въ шапкѣ Иванова. Предъявленныя мнѣ брюки — на комъ были и кому принадлежатъ — мнѣ неизвѣстно. Я знаю только, что, по возвращеніи на квартиру, Нечаевъ перемѣнялъ все бѣлье нижнее и даже сапоги, такъ какъ онъ былъ измоченъ до половины тѣла, входя въ воду довольно глубоко. По поводу револьвера я могу сказать, что, по моему мнѣнію, предъявленный мнѣ револьверъ и есть именно тотъ, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ, кѣмъ — мнѣ не было видно, и это я основываю на словахъ Нечаева, замѣтившаго, что это хорошій револьверъ, такъ какъ звукъ отъ выстрѣла едва былъ слышенъ. Два изъ предъявленныхъ мнѣ кирпичей — тѣ самые, къ которымъ были привязаны мною веревки, данныя мнѣ Нечаевымъ еще въ квартирѣ Кузнецова. По поводу другихъ двухъ кирпичей, найденной и предъявленной мнѣ трубки, спичечницы и часовъ — я ничего сказать не могу. Кто же привязывалъ на шею Иванова одинъ изъ кирпичей — тоже не видалъ. Послѣ выстрѣла тѣло было обыскиваемо, но опять таки кѣмъ именно — навѣрное сказать не могу; знаю только, что Нечаевъ снялъ съ убитаго пальто и понесъ, не желая, чтобы оно пропадало даромъ, но вскорѣ передалъ нести мнѣ. Мы шли съ нимъ по боковой дорогѣ, остальные трое шли садомъ, и такъ какъ я пенялъ ему и говорилъ, что пальто только мѣшаетъ идти, и что оно совершенно безполезно, тѣмъ болѣе, что на немъ кровь, то онъ взялъ у меня его изъ рукъ, отнесъ въ сторону отъ дороги и положилъ близъ стоговъ сѣна. Затѣмъ мы вышли на шоссе. Прежде еще появленія Иванова съ Николаевымъ и Прыжовымъ, въ то время, когда Кузнецовъ, кажется, ушелъ встрѣчать ихъ, а можетъ быть еще и при немъ, Нечаевъ длинною палкою старался разбить ледъ и образовать отверстіе. 10) Показаніе московскаго мѣщанина Николая Николаева, данное 19-го февраля 1870 г.: „Слушателя Петровской Академіи Ивана Иванова я зналъ; относительно убійства Иванова могу сообщить слѣдующее: на 21-е ноября я ночевалъ у Кузнецова; въ этотъ день утромъ пришелъ къ намъ Нечаевъ и сказалъ, что онъ, бывши у Прыжова, рѣшилъ убить Иванова и предложилъ слѣдующій планъ, задуманный Кузнецовымъ: завлечь Иванова въ гротъ, что въ саду близъ Петровской Академіи; при этомъ Кузнецовъ говорилъ, что убійство можетъ открыться года черезъ три, когда будутъ чистить прудъ; между прочимъ, Нечаевъ предлагалъ мнѣ вмѣстѣ съ нимъ задушить Иванова на его квартирѣ, такъ какъ онъ спалъ тамъ одинъ; послѣ онъ отъ этого плана отказался и остановились на первомъ. Въ этотъ же день утромъ я ѣздилъ въ Академію за Ивановымъ, чтобы привезти его въ Москву, но не засталъ его дома и мнѣ сосѣдъ Иванова по номеру,— студентъ Эрастовъ, сказалъ, что Ивановъ еще наканунѣ уѣхалъ въ Москву и не возвращался; тогда я взялъ у него ключъ отъ номера Иванова, ждалъ тамъ часовъ до 3-хъ; не дождавшись его, я уѣхалъ на томъ же извощикѣ въ Москву въ квартиру Кузнецова и тамъ засталъ Нечаева, Успенскаго, Прыжова и Кузнецова; рѣшили узнать, не поѣдетъ ли Ивановъ на шести часовой линейкѣ; справляться ходилъ Кузнецовъ, который, возвратясь, сказалъ, что Иванова нѣтъ. Затѣмъ рѣшили отыскать его у Лау, почему я и Кузнецовъ отправились туда; онъ остался на улицѣ, а я взошелъ въ квартиру. Тамъ я засталъ человѣкъ пять мнѣ совершенно незнакомыхъ, такъ же какъ и самъ Лау. Ивановъ стоялъ у окна и что-то разсматривалъ; на вопросъ неизвѣстнаго мнѣ господина, что мнѣ надо, я сказалъ, что Иванова; послѣдній сейчасъ же вышелъ ко мнѣ въ коридоръ, затѣмъ одѣлся, и мы отправились въ квартиру Кузнецова, а между тѣмъ Кузнецовъ, увидя насъ, выходящихъ отъ Лау, другой стороной тротуара поспѣшно отправился предупредить всѣхъ, что Ивановъ найденъ. Дорогой Ивановъ спрашивалъ меня: куда и зачѣмъ мы идемъ, и я ему сказалъ, что онъ узнаетъ объ всемъ въ квартирѣ Кузнецова. Придя въ квартиру, мы застали въ ней одного Прыжова, такъ какъ остальные, т. е. Кузнецовъ, Успенскій и Нечаевъ, уѣхали впередъ въ гротъ Академіи, поджидать нашего прибытія. Прыжовъ, отведя Иванова въ другую комнату, сказалъ ему, что намъ необходимо ѣхать въ Петровскую Академію. Ивановъ съ радостью согласился, и мы отправились, взявъ на Тверской извощика. При выѣздѣ изъ Москвы, Прыжовъ предложилъ заѣхать въ кабакъ и выпить, что мы и сдѣлали. Пріѣхавши въ Петровско-Разумовское, мы остановились за дачей Краснопѣвковой у проселочной дороги, отпустили извощика и отправились по направленію къ саду по проселочной дорогѣ, около которой стояли стоги сѣна. Недалеко отъ грота насъ встрѣтилъ Кузнецовъ, и мы пошли къ гроту со стороны лѣса, перейдя черезъ валъ, но прошли мимо грота и никого не встрѣтили; когда мы перешли на другую сторону и, подойдя къ гроту, вошли въ него, пропустя Иванова впередъ, я пошелъ сзади Иванова, Кузнецовъ сбоку; послѣдній крикнулъ: „Господа, гдѣ вы?“ Изъ грота отвѣчали: „Здѣсь“. Взойдя на середину грота, я схватилъ Иванова сзади за руки; онъ сталъ вырываться; во время борьбы, происходившей молча, мы прислонились къ стѣнѣ грота; въ это время Нечаевъ закричалъ: „Гдѣ же онъ?“ и въ потьмахъ схватилъ меня одной рукой

за лицо, стараясь зажать мнѣ ротъ, а другой за горло, вслѣдствіе чего я принужденъ былъ выпустить Иванова, и освободивъ себя отъ рукъ Нечаева, закричалъ: „Что вы меня душите, это я, Николаевъ“. Въ это время Ивановъ, вырвавшись отъ меня, побѣжалъ къ выходу; тогда Успенскій закричалъ: „Убѣжалъ, словите“. Кузнецовъ схватилъ Иванова и повалилъ его у входа въ гротъ. Тогда Нечаевъ, я и Успенскій бросились на Иванова. Нечаевъ сѣлъ на грудь Иванову и сталъ его душить. Кузнецовъ сидѣлъ въ ногахъ, я и Успенскій стояли около и ничего не дѣлали; я еще не могъ придти въ себя послѣ того, какъ Нечаевъ меня душилъ. Въ это время Ивановъ нѣсколько разъ крикнулъ и сказалъ: „За что вы меня бьете, что я сдѣлалъ?“ Нечаевъ выругалъ всѣхъ насъ за то, что мы не помогали душить Иванова и потребовалъ башлыкъ, который я снялъ съ Кузнецова и подалъ Нечаеву; послѣдній мнѣ закричалъ: „Души“, и я второпяхъ сталъ искать шею Иванова; но схватилъ только за руку Нечаева, душившую Иванова, причемъ Ивановъ успѣлъ перевернуться лицомъ къ землѣ и довольно громко простонать. Немного погодя онъ уже не кричалъ, но еще шевелился. Тогда Нечаевъ взялъ у меня револьверъ и прострѣлилъ имъ голову Иванова. Револьверъ, показываемый мнѣ въ настоящую минуту, тотъ самый. Затѣмъ я съ Нечаевымъ снялъ съ Иванова пальто и вынулъ изъ кармана панталонъ какія-то бумаги и портмонэ, въ которомъ ничего не было. Пальто Нечаевъ взялъ съ собою, когда уходилъ. Послѣ этого Нечаевъ привязалъ къ ногамъ Иванова каменья; я же привязывалъ къ рукамъ, но отъ волненія привязать не могъ, почему Нечаевъ сталъ привязывать самъ, и гдѣ онъ ихъ привязалъ — не знаю. Показываемые мнѣ теперь кирпичи, должно быть, тѣ самые. Послѣ этого мы всѣ стащили Иванова въ прудъ. Затѣмъ Нечаевъ съ Успенскимъ отправились къ Москвѣ черезъ проселочную дорогу, захвативъ съ собою пальто Иванова, а я съ Кузнецовымъ и Прыжовымъ прошли мимо Академіи по шоссе. Во время суматохи Нечаевъ потерялъ свою черную барашковую шапку, нынѣ мнѣ показываемую, а вмѣсто нея надѣлъ оставшуюся послѣ Иванова, которую мы сожгли въ квартирѣ Кузнецова. Показываемый мнѣ теперь башлыкъ, должно быть, тотъ самый, который былъ на Кузнецовѣ; башлыкъ же, бывшій на Ивановѣ, опущенъ былъ нами вмѣстѣ съ нимъ въ прудъ. Показываемые мнѣ теперь брюки принадлежатъ Нечаеву. Онъ въ нихъ былъ во время совершенія убійства и снялъ вслѣдствіе оказавшихся на нихъ кровяныхъ пятенъ; мною же онѣ были надѣты въ тотъ же вечеръ въ квартирѣ Кузнецова вслѣдствіе того, что я свои брюки замочилъ въ водѣ, когда тащилъ Иванова въ прудъ, а эти были сухи, послѣ чего я ихъ по забывчивости не снималъ до самаго дня моего ареста. Въ этотъ же вечеръ всѣ мы собрались у Кузнецова, гдѣ и обмывали все платье, запачканное въ крови; тогда же Нечаевъ, разсматривая револьверъ, которымъ былъ убитъ Ивановъ, выстрѣлилъ въ стѣну; пуля пролетѣла около головы Прыжова, который, вслѣдствіе этого, возымѣлъ подозрѣніе на Нечаева въ покушеніи убить его. Но Нечаевъ отговаривался тѣмъ, что онъ не могъ удержать курокъ, отчего произошелъ выстрѣлъ, такъ какъ у него руки были сильно искусаны Ивановымъ. На Кузнецовѣ былъ башлыкъ студента Климина. Кому принадлежатъ показываемые мнѣ теперь часы, трубочка и спичечница, я не знаю. Къ сему могу добавить, что Прыжовъ въ то время, когда условливались совершить убійство, просилъ Нечаева и всѣхъ насъ избавить его отъ присутствія при убійствѣ Иванова, говоря, что онъ слѣпъ и слабъ, но на это никто не согласился, говоря, что онъ долженъ фактически участвовать въ убійствѣ. Послѣ же Нечаевъ говорилъ, что это необходимо было для того, чтобы Прыжовъ насъ не выдалъ. Хотя я признаю себя виновнымъ въ смерти Иванова, но участіе я принималъ по приказанію Нечаева и протестовать противъ этого приказанія я не смѣлъ, боясь, чтобы онъ меня тоже не убилъ“. 11) Показаніе лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Алексѣя Кирилова Кузнецова, данное судебному слѣдователю Петербургскаго Окружного Суда 13-го января 1870 года: „Покойнаго Иванова я зналъ года два или больше, былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. Виновнымъ себя я въ убійствѣ его признаю. Убійство совершено было 21-го ноября часовъ въ 5 или 6 вечера; участвовало въ немъ 5 человѣкъ: Сергѣй Нечаевъ, извѣстный мнѣ тогда подъ именемъ Ивана Петровича, мѣщанинъ Николаевъ, извѣстный мнѣ подъ именемъ Александра Васильевича, бывшій студентъ Петръ Успенскій и губернскій секретарь Иванъ Прыжовъ. Умыселъ объ убійствѣ, какъ я полагаю, явился у Нечаева и Успенскаго, по крайней мѣрѣ видно было, что они прежде между собою это порѣшили; мнѣ же ими и Прыжовымъ было сообщено наканунѣ, и хотя я отказывался, но долженъ былъ изъявить согласіе на участіе въ убійствѣ. Нечаевъ сначала предлагалъ задушить или отравить; я возражалъ; наконецъ, остановились на задушеніи, для чего было рѣшено завлечь Иванова подъ вымышленнымъ предлогомъ въ гротъ за академическимъ прудомъ. Николаевъ, который, не участвуя на совѣщаніи о способѣ убійства, происходившемъ наканунѣ у Успенскаго, очевидно зналъ все отъ Нечаева, отправился 21-го ноября, часу въ первомъ или во второмъ, за Ивановымъ на его квартиру, а мы втроемъ (безъ Прыжова) отправились въ трактиръ „Тверь“ (противъ Страстного монастыря, на Тверской площади), отсюда пошли въ Bierhalle Даніельсона на Тверскомъ бульварѣ, куда пришли Николаевъ и Прыжовъ, и первый сказалъ, что Иванова нѣтъ дома, тогда всѣ пошли ко мнѣ на квартиру и отсюда Нечаевъ по-

слалъ Николаева къ студенту Петровской Академіи Эдуарду Лау за Ивановымъ, предполагая, что онъ тамъ, а меня — смотрѣть на улицѣ, не входя къ Лау, когда выйдетъ Николаевъ съ Ивановымъ и предупредить объ этомъ. Когда я увидѣлъ, что они выходятъ отъ Лау, я пошелъ предупредить, и всѣ втроемъ, т. е. я, Нечаевъ и Успенскій, взяли извощика (легкового) и поѣхали впередъ, остановились около Академіи и пѣшкомъ дошли до грота, гдѣ остались: Успенскій — связывать камни веревками, Нечаевъ прошибать палкою ледъ въ прудѣ, а я пошелъ встрѣчать Николаева съ Ивановымъ и Прыжова, который оставался у меня въ квартирѣ и долженъ былъ задержать нѣкоторое время Иванова въ квартирѣ моей, чтобы мы успѣли пріѣхать впередъ. Встрѣтивъ ихъ, я съ ними вмѣстѣ вошелъ въ гротъ, и когда Ивановъ былъ тамъ, я тотчасъ же вышелъ изъ грота; Ивановъ выбѣжалъ изъ грота, я подбѣжалъ къ нему, но подбѣжали Нечаевъ и Николаевъ, произошла свалка и его повалили; здѣсь, мнѣ кажется, всѣ его держали. Нечаевъ ругался и кричалъ на насъ; тутъ же внезапно кто-то выстрѣлилъ въ Иванова; какъ послѣ я узналъ, это выстрѣлилъ Нечаевъ изъ револьвера, который подалъ ему Николаевъ. Мы всѣ были ошеломлены; Нечаевъ опять сталъ на насъ ругаться и сталъ снимать съ убитаго Иванова пальто и осматривать карманы, при чемъ вынулъ сигары, записную книжку, портмонэ и нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, что передавалъ отчасти мнѣ, отчасти Николаеву и Прыжову, а Успенскій въ это время привязывалъ къ ногамъ Иванова камни и при этомъ спуталъ вмѣстѣ съ веревками и башлыкъ, который былъ мною взятъ у слушателя Петровской Академіи Климина и въ данную минуту находился на Успенскомъ. Кромѣ того мы всѣ потащили трупъ Иванова въ прудъ. Нечаевъ взялъ съ собою пальто и пошелъ съ Успенскимъ въ сторону Академіи, а мы втроемъ пошли по шоссе. Я пришелъ почти бѣгомъ къ себѣ на квартиру. Я или Николаевъ затопили печку и, когда всѣ пятеро собрались, сожгли взятыя у Иванова книжку и портмонэ и еще что-то, что именно—я не видѣлъ. Всѣ мы вытирались и мылись". 12) Показаніе того же Алексѣя Кузнецова, данное 13-го февраля 1870 года: „Изъ показанныхъ мнѣ вещей башлыкъ принадлежитъ Иннокентію Климину, у котораго я взялъ его недѣли за двѣ, бывши у него въ гостяхъ. Во время убійства я былъ въ своемъ башлыкѣ; этотъ же башлыкъ взятъ былъ изъ моей квартиры или Нечаевымъ, или Успенскимъ, кѣмъ изъ нихъ—не помню. Баранья шапка принадлежитъ Нечаеву, который ее потерялъ и вмѣсто нея взялъ шапку Иванова, не замѣтивши этого. Шапка Иванова была брошена мною въ огонь, несмотря на то, что меня уговаривали ее оставить. Были ли показанные мнѣ часы на Ивановѣ—я не знаю. Трубка, спичечница и брюки я не знаю, кому принадлежатъ; подобныхъ брюкъ на Ивановѣ я никогда не видалъ. Я видѣлъ, что Успенскій привязывалъ кирпичи или камни веревками, переданными ему Нечаевымъ. Кто привязывалъ къ шеѣ камни—не знаю, но къ ногамъ, кажется, привязывалъ Успенскій. Впрочемъ, я былъ въ такомъ страшномъ волненіи, что едва сознавалъ, что дѣлалось вокругъ меня. Револьверъ, показанный мнѣ, принадлежитъ Николаеву, и, какъ послѣ я узналъ изъ разговоровъ, выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ этого револьвера Нечаевымъ, хотя у него былъ и свой револьверъ. Изъ этого же револьвера былъ сдѣланъ Нечаевымъ выстрѣлъ въ моей квартирѣ, не знаю съ какою цѣлью. Какъ произошло это, я не видалъ, потому что былъ въ другой комнатѣ; послѣ я нашелъ знакъ отъ выстрѣла на стѣнѣ, но пуля мною не найдена. У Нечаева обѣ руки были въ большихъ ранахъ. Мы всѣ четверо, т. е. Ивановъ, Николаевъ, Прыжовъ и я, вошли въ гротъ, подошли къ его противоположной двери, тогда я услышалъ шорохъ и страшный, неестественный голосъ Нечаева, который крикнулъ: „Кто здѣсь?" Я въ то же мгновеніе выскочилъ изъ грота и сталъ смотрѣть на дорогу, на которой и стоялъ. Нѣсколько времени ничего не было слышно, но вдругъ я увидѣлъ, что кто-то выбѣгалъ, приклонившись къ землѣ; я подбѣжалъ и, не зная въ чемъ дѣло, спросилъ: „Что такое, что это?" Но въ это время уже выскочилъ Нечаевъ и другіе, произошла суматоха, Ивановъ былъ валенъ и кажется, упалъ ничкомъ на землю около самаго грота, шагахъ въ двухъ или трехъ, гдѣ былъ выстрѣлъ и на этомъ же мѣстѣ были привязаны камни. Я не принималъ прямого участія въ убійствѣ, но шелъ потому, что былъ увѣренъ, что Нечаевъ меня застрѣлилъ бы. Я былъ во всемъ этомъ страшномъ происшествіи зрителемъ по необходимости. Изъ Москвы я выѣхалъ вмѣстѣ съ Нечаевымъ изъ моей квартиры 22-го ноября 1869 г. въ Петербургъ". 13) Показаніе лишеннаго всѣхъ правъ состоянія Ивана Гаврилова Прыжова, данное 13-го февраля 1870 года судебному слѣдователю 2-го участка Московскаго уѣзда: „Слушателя Петровской Академіи Иванова я зналъ. Виновнымъ въ убійствѣ его себя не признаю. Что же касается участія моего въ этомъ, то оно было совершенно невольнымъ. 21-го ноября, утромъ рано, не давъ мнѣ напиться чаю, явился ко мнѣ Павловъ, теперь оказавшійся совершенно другимъ лицомъ, именно Нечаевымъ, вытащилъ меня изъ дому къ Успенскому и тамъ объявилъ, что уже надо будетъ всѣмъ отправиться въ Петровское. Послѣ обѣда я явился въ квартиру Кузнецова, нашелъ тамъ Павлова, Успенскаго, Николаева и самого хозяина квартиры—Кузнецова. Когда я увидалъ, что Павловъ приготовляетъ револьверъ и веревки, то понялъ, что готовится смерть Иванову. Еще до этого времени я зналъ, что Павловъ чувствуетъ къ нему личную ненависть, и старался по возможности

отклонить ея дурныя послѣдствія. Ивановъ своимъ упорствомъ постоянно раздражалъ желѣзный характеръ Павлова, и когда этотъ послѣдній просилъ меня переговорить съ Ивановымъ кое о чемъ, а самъ сказалъ, что уѣзжаетъ изъ Москвы (и Николаевъ, сидѣвшій въ другой комнатѣ, вѣроятно, припомнитъ это обстоятельство, бывшее на дачѣ Краснопѣвковой), то я тщетно упрашивалъ Иванова уступить хоть въ чемъ нибудь, сдѣлать хоть что-нибудь; но я всегда получалъ упорно-отрицательный отвѣтъ и выходилъ въ другую комнату, чтобы вздохнуть отъ этого непріятнаго положенія. Видя приготовленія Павлова, я сказалъ прямо: я на это не пойду. Онъ отвѣтилъ мнѣ, закричавъ на меня: „Теперь поздно отказываться, извольте идти". Я говорилъ, что ихъ довольно и безъ меня, тѣмъ больше, что я ночью ровно ничего не вижу. Они отвѣчали, что это ничего не значитъ. Я говорилъ, что въ случаѣ преслѣдованія, я бѣжать не могу и спутаю ихъ и себя. Они отвѣчали: „Ну такъ мы васъ понесемъ". Бороться съ желѣзной волею Павлова, съ его энергіей и рѣшительностью, которыя не знаютъ никакихъ предѣловъ, мнѣ было трудно и невозможно. Для приданія себѣ власти, надъ собою я хотѣлъ выпить водки, но Павловъ, по общему совѣту, отнялъ ее у меня и куда-то убралъ въ коридоръ. Рѣшено было послать Николаева въ Петровское привести оттуда Иванова. Онъ поѣхалъ, и я разсчитывалъ, что Ивановъ будетъ спасенъ, если его не застанутъ дома. Николаевъ, возвратившись, объявилъ, что Ивановъ въ Москвѣ у Лау. Павловъ велѣлъ Николаеву отправиться къ Лау, вызвать Иванова и привести къ Кузнецову, а самъ съ Кузнецовымъ или съ Успенскимъ (вѣрно не помню) отправился ждать послѣдствій на бульварѣ. Кузнецовъ потомъ прибѣжалъ и, сказавъ: „идетъ", тотчасъ же ушелъ и вмѣстѣ съ Павловымъ и Успенскимъ впередъ поѣхалъ въ Петровское. По приходѣ Иванова мнѣ уже нечего было дѣлать, какъ ѣхать туда же,—иначе мнѣ бы не жить въ этотъ вечеръ. Но я разсчитывалъ, что случай или счастье выручатъ, что можетъ быть къ моему голосу присоединится еще кто-нибудь и дѣло приметъ другой оборотъ. По пріѣздѣ въ Петровское въ лѣсу встрѣтилъ насъ Кузнецовъ съ головой, закутанной въ башлыкъ, и пошелъ впереди съ Ивановымъ. Сзади шелъ я съ Николаевымъ; Кузнецовъ съ Ивановымъ вошли въ гротъ. Я остался внѣ и видѣлъ, что началось что-то въ родѣ свалки. Николаевъ потомъ говорилъ мнѣ, что Павловъ вмѣсто Иванова бросился на него, Николаева, и сталъ его душить, пока этотъ отъ него не вырвался. Затѣмъ, помню, что кто-то говорилъ, чтобы связывали Иванову ноги; помню, что эта толпа бросилась изъ грота и возилась на землѣ нѣсколько минутъ, что меня при этомъ кто-то толкнулъ со словомъ: „прочь"; что Павловъ потребовалъ револьверъ: „дайте револьверъ"—и затѣмъ послѣдовалъ выстрѣлъ. Разломавъ сапогами ледъ и свалив Иванова въ прудъ, Павловъ съ Успенскимъ пошелъ налѣво, а мнѣ, Кузнецову и Николаеву велѣлъ идти направо; но еще въ лѣсу Кузнецовъ отдѣлился отъ насъ, и я съ Николаевымъ возвратился назадъ. Здѣсь, въ квартирѣ Кузнецова, у стола стоялъ Павловъ и снималъ съ себя окровавленную шапку Иванова, сюртукъ и сапоги; на полу была вода и кровь. Когда я вошелъ, то онъ опять закричалъ, чтобы я близко не подходилъ. Стоя у стола въ одной рубашкѣ, Павловъ примочивалъ водой пальцы лѣвой руки, перекушенные Ивановымъ; справа на стулѣ сидѣлъ Успенскій; на столѣ лежалъ револьверъ. Я подошелъ, чтобы изъ полуштофа налить водки и уѣхать—въ это время справа раздался выстрѣлъ, сдѣланный Павловымъ; пуля пролетѣла около моего праваго виска, оглушивъ меня. Я спросилъ: „что это такое?" Павловъ отвѣчалъ: „что же? если бы тебя убили, такъ на тебя бы и свалили". Я ушелъ домой, но съ половины дороги воротился, потому что позабылъ шарфъ. Взялъ я шарфъ и сталъ уходить, но Павловъ меня остановилъ и поцѣловалъ, сжавъ голову мнѣ. Что было затѣмъ—я не знаю. Показанный мнѣ башлыкъ долженъ быть тотъ самый, который Кузнецовъ оставилъ на мѣстѣ убійства; шапка принадлежитъ Павлову, брюки чьи—не знаю, а револьверъ долженъ быть Кузнецова, потому что подобный я прежде видѣлъ у него на столѣ. Кому принадлежатъ часы, трубка, спичечница—не знаю; предполагаю, что это Иванова, потому что мои сотоварищи, собираясь въ Петровское, оставили дома все, что у нихъ было въ карманахъ. Кто привязывалъ кирпичи—не знаю, потому что все совершалось въ страшной темнотѣ. Подъ именемъ Павлова оказался Сергѣй Нечаевъ". 14) Актъ освидѣтельствованія рукъ Сергѣя Нечаева, произведеннаго 23-го декабря 1872 года, по которому оказалось: на тыльной поверхности правой ручной кисти, соотвѣтственно нижнему концу пястной кости указательнаго пальца, явственно замѣчается рубецъ въ кожѣ, имѣющій косвенное направленіе сверху и справа внизъ и влѣво, длиною въ 3 линіи и шириною въ $^1/_2$ линіи, прямолинейнаго очертанія, бѣлесоватаго цвѣта, явственно отличающагося отъ цвѣта окружающей кожи, слегка лоснящійся, замѣтно возвышающійся надъ уровнемъ окружающей кожи и легко подвижный. Описанный рубецъ къ верхнему концу своему нѣсколько шире, а въ нижній конецъ его впадаетъ въ перпендикулярномъ направленіи другой рубчикъ, величиною приблизительно въ одну линію. На внутренней поверхности (локтевой) перваго сустава (верхняго) средняго пальца той же руки менѣе явственно замѣчается очень тонкій рубецъ въ кожѣ, имѣющій направленіе прямое, сверху внизъ, линейнаго очертанія, длиною приблизительно около 2-хъ линій, цвѣта бѣлесоватаго, слегка лоснящійся, подвижный. На лѣвой ручной кисти никакихъ знаковъ отъ по-

вреждений не усматривается. На предложенные слѣдователемъ вопросы: 1) Отчего произошли рубцы на правой рукѣ Нечаева? 2) Если это суть рубцы, происшедшіе отъ заживленія ранъ, то не могли ли они произойти отъ заживленія укушенныхъ ранъ? 3) Давно ли произошли эти рубцы? и 4) Рубцы такого рода могутъ ли сохраняться въ теченіе времени отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ? врачи дали слѣдующее заключеніе: 1) Рубцы, оказавшіеся на правой рукѣ Нечаева, произошли отъ заживишихъ ранъ. 2) Судя по виду и расположенію рубцовъ, они могли произойти и отъ заживленія укушенныхъ ранъ. 3) Какъ давно произошли эти рубцы—опредѣлить невозможно, но происхожденія они не недавняго. 4) Рубцы такого рода сохраняются не только въ теченіе времени отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ, но могутъ даже сохраниться и на всю жизнь. 15) Актъ осмотра квартиры Алексѣя Кузнецова, 15-го декабря 1869 г.: Квартира Кузнецова находится на дворѣ, въ каменномъ флигелѣ, въ нижнемъ этажѣ, и состоитъ изъ трехъ комнатъ, расположенныхъ слѣдующимъ образомъ: первая—темная, имѣющая въ длину и ширину 3 аршина, входъ въ нее изъ сѣней; прямо изъ передней представляется дверь въ слѣдующую комнату, отдѣляющуюся отъ передней деревянной перегородкой, не доходящей до потолка; эта комната имѣетъ въ длину 4, а въ ширину 3 аршина, съ однимъ окномъ, выходящимъ на дворъ; комната эта по штукатуркѣ оклеена желтыми обоями; въ этой комнатѣ съ правой стороны, на срединѣ стѣны, находятся нѣсколько небольшихъ пробоинъ, которыя судя по углубленію и квадратному очертанію ихъ, произошли отъ гвоздей; въ той же комнатѣ съ лѣвой стороны около окна, на срединѣ простѣнка, находятся шесть пробоинъ, изъ которыхъ четыре, судя по углубленію въ штукатуркѣ и по квадратному очертанію, произошли какъ бы отъ гвоздей, а остальныя двѣ, какъ можно предположить, произошли отъ пули, судя по очертанію на обояхъ и поверхностному углубленію на штукатуркѣ. Съ лѣвой стороны этой комнаты находится еще комната, отдѣляющаяся деревянною перегородкою и имѣющая въ длину 7 аршинъ и въ ширину 4 аршина, съ однимъ окномъ, выходящимъ во дворъ; комната эта тоже по штукатуркѣ оклеена дикими обоями. Въ этой комнатѣ съ лѣвой стороны окна, въ углу, на стѣнѣ обои разорваны какъ бы тупымъ орудіемъ, въ длину около вершка, и на сосѣдней стѣнѣ, немного выше перваго разрыва, видѣнъ другой разрывъ, какъ бы происшедшій отъ пули, скользнувшей рикошетомъ отъ перваго разрыва; предположеніе это основано на томъ, что на штукатуркѣ подъ первымъ разрывомъ, на поверхности углубленія штукатурки, замѣтны слѣды, какъ бы происшедшіе отъ карандаша или свинца. Другихъ же знаковъ во всей квартирѣ не найдено, и по осмотру какъ сора въ комнатахъ, такъ и золы въ печкѣ, ни пуль и нерастопленнаго свинца не оказалось. Затѣмъ обои со стѣны сняты и на нихъ подозрительные знаки обозначены чернилами подъ №№ 1 и 2 16) и 17) Акты осмотровъ мѣстности совершенія убійства, въ присутствіи Успенскаго, Кузнецова, Николаева и Прыжова: а) По словамъ Успенскаго, онъ шелъ съ двумя другими обвиняемыми къ мѣсту преступленія черезъ садъ Академіи, но такъ какъ въ настоящее время весь садъ занесенъ глубокимъ снѣгомъ, то поэтому эта дорога и не могла быть изслѣдована, вслѣдствіе чего всѣ присутствующіе направились къ тому же мѣсту по другой дорогѣ. По прибытіи къ кирпичному гроту, къ тому самому, около котораго найденъ былъ въ водѣ трупъ 25-го ноября 1869 года, и находящемуся въ 30-ти шагахъ отъ берега пруда, Успенскій объяснилъ что этотъ самый гротъ, куда завлеченъ былъ Ивановъ. Гротъ этотъ представляется совершенно круглымъ внутри, и это круглое пространство имѣетъ въ діаметрѣ около 9-ти аршинъ; на куполообразномъ потолкѣ имѣется круглое отверстіе, освѣщающее внутреннее помѣщеніе. Гротъ имѣетъ два входа: одинъ со стороны пруда — въ видѣ арки, другой съ противоположной стороны, прямо изъ лѣса, чрезъ извѣстный темный коридоръ. По словамъ Успенскаго, въ то время, когда Ивановъ, Николаевъ и Прыжовъ вошли въ гротъ, онъ стоялъ внутри грота, около стѣны, съ лѣвой стороны вышеупомянутой арки, Нечаевъ съ правой стороны. Затѣмъ онъ указалъ мѣсто снаружи грота, нѣсколько вправо, гдѣ душили Иванова, и оказалось что это то самое, на которомъ при предъидущихъ осмотрахъ замѣчены были слѣды крови. Въ заключеніе Успенскій указалъ, какъ то мѣсто пруда, куда, по словамъ, былъ опущенъ трупъ Иванова, такъ и то мѣсто около стоговъ сѣна, гдѣ было положено Нечаевымъ пальто, снятое съ Иванова, и это объясненіе совершенно совпало съ обстоятельствами обнаруженія преступленія. Послѣ этого Успенскій отправленъ былъ въ Канцелярію Академіи въ сопровожденіи поручика Московскаго жандармскаго дивизіона Памолога, который доставилъ вслѣдъ затѣмъ на мѣсто осмотра бывшаго слушателя Академіи Алексѣя Кузнецова. Послѣдній, также признавая, что это тотъ самый гротъ, гдѣ совершено было убійство Иванова, объяснилъ, что онъ пришелъ 21-го ноября къ гроту со стороны сада вмѣстѣ съ Успенскимъ и Нечаевымъ, а потомъ отправился въ противоположную сторону встрѣчать Иванова и другихъ, поэтому и не можетъ указать, гдѣ именно стояли Успенскій и Нечаевъ, когда Ивановъ вошелъ въ гротъ. Затѣмъ указалъ, гдѣ именно душили Иванова и гдѣ онъ былъ опущенъ въ воду, и это объясненіе совершенно оказалось согласнымъ съ прежде произведенными осмотрами. „б) По словамъ Николаева, онъ шелъ съ Прыжовымъ и Ивановымъ къ мѣсту преступленія, къ гроту, по проселочной дорогѣ, около которой стояли стоги сѣна. По прибытіи

къ гроту, онъ указалъ какъ то мѣсто, гдѣ душили Иванова, такъ и мѣсто пруда, куда былъ опущенъ трупъ Иванова, и оказалось, что объясненіе это совершенно согласно съ прежде произведенными осмотрами". Послѣ этого Николаевъ отправленъ былъ въ Канцелярію Академіи въ сопровожденіи корпуса жандармовъ прапорщика Соколова, который доставилъ вслѣдъ затѣмъ на мѣсто коллежскаго секретаря Прыжова. Послѣдній, также признавая, что это тотъ самый гротъ, гдѣ совершено было убійство Иванова—указалъ гдѣ именно душили Иванова и гдѣ онъ былъ опущенъ въ воду, и это показаніе его совершенно оказалось согласнымъ съ прежде произведенными осмотрами. 18) Актъ предъявленія свидѣтелю Эрастову обвиняемаго Николаева: 1870 года февраля 25-го дня, судебный слѣдователь Московскаго уѣзда 2-го участка Антоновъ, въ присутствіи товарища прокурора Колоколова, экзекутора Академіи Харламова, въ больницѣ Академіи, показывалъ слушателю Академіи Василію Васильеву Эрастову московскаго мѣщанина Николая Николаева въ числѣ пяти человѣкъ, одѣтыхъ также какъ и Николаевъ въ дубленные полушубки, съ тою цѣлію, не признаетъ-ли Эрастовъ кого-либо изъ показываемыхъ лицъ за пріѣзжавшаго къ нему на ферму 21-го ноября справляться объ Ивановѣ, и Эрастовъ, по обозрѣніи всѣхъ лицъ, призналъ Николаева за того самаго, который являлся къ нему 21-го или 22-го ноября на ферму справляться объ Ивановѣ и назвался Иваномъ Андреевымъ или Андреемъ Ивановымъ Петровымъ. 19) Выписка изъ журнальнаго постановленія Врачебнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія, состоявшагося мая 20-го дня 1870 года по дѣлу объ убійствѣ слушателя Петровской Академіи Иванова. Слушали: отношеніе сенатора Чемадурова, производящаго слѣдствіе по Высочайшему Повелѣнію отъ 9-го мая за № 495, при коемъ препровождая вещественныя доказательства по дѣлу объ убійствѣ слушателя Петровской Академіи Иванова: 1) старые, зеленоватаго цвѣта триковые брюки; 2) два кирпича; 3) суконный, коричневаго цвѣта башлыкъ, обшитый коричневою тесьмою; 4) шапку изъ черныхъ мерлушекъ и 5) пальто—проситъ подвергнуть находящіеся на вышесказанныхъ вещахъ пятна и кровяные знаки химико-микроскопическому изслѣдованію и о результатѣ сообщать г. сенатору Чемадурову.

Врачебнымъ отдѣленіемъ были подвергнуты химико-микроскопическому изслѣдованію, при чемъ оказалось: При осматриваніи триковыхъ брюкъ, кирпичей, суконнаго башлыка, шапки и пальто 1) на одномъ концѣ поперечника большого цѣльнаго кирпича—блестящее пятно красно-бураго цвѣта, простирающееся до противоположной стороны поперечника. На другомъ концѣ той же стороны поперечника, по краямъ, нѣсколько блестящихъ пятенъ краснобураго цвѣта, неопредѣленнаго очертанія. На разныхъ мѣстахъ веревки,которою обвязанъ былъ кирпичъ въ особенности на узлѣ и петлѣ, прилегающихъ къ большому пятну, нѣсколько пятенъ красно-бураго цвѣта. 2) На маломъ кирпичѣ, на поперечникѣ цѣльнаго конца, по краямъ около угловъ, на протяженіи около 2-хъ дюймовъ—неопредѣленнаго очертанія блестящія нятна красно-бураго цвѣта. Кромѣ того, на той же сторонѣ поперечника, дальше къ отломанному концу, отдѣльно стоящія пятна, неправильной формы и величиною частью въ булавочную головку, частью больше горошины. На разныхъ мѣстахъ веревки, которою обвязанъ былъ кирпичъ, оказались пятна красно-бураго цвѣта. 3) На одномъ концѣ башлыка нѣсколько пятенъ величиною въ горошину и бураго цвѣта, и одно пятно, имѣющее въ длинникѣ 1,а поперечникѣ ½ дюйма. На другомъ концѣ нѣсколько пятенъ грязно-зеленоватаго цвѣта и неопредѣленнаго очертанія. Повыше этихъ пятенъ оказались два пятна красно-бураго цвѣта, длиною около 1½ дюйма, шириною въ 6—8 линій. 4) На шапкѣ изъ мерлушекъ одна сторона на ощупь оказалась жесткою, волоса слипшіеся между собою, будто-бы пропитанные клейкимъ веществомъ. Къ волосамъ плотно прилипли кусочекъ кирпича, листья и клочки бумаги. Пятно это занимало пространство, начиная отъ самаго края шапки, около 2 ладоней и имѣло буро-черный цвѣтъ. На противоположной сторонѣ шапки также оказалось пятно, величиною около 3-хъ квадратныхъ вершковъ. 5) На лѣвомъ рукавѣ пальто—пятна, частью блестящія, красно-бураго цвѣта, занимавшія почти всю полость рукава. На сукнѣ и подкладкѣ лѣвой полосы, въ особенности на верхней части—2 пятна, неопредѣленнаго очертанія, величиною около 2 ладоней; кромѣ того нѣсколько отдѣльно стоящихъ пятенъ величиною отъ горошины до рубля и больше, бураго цвѣта. На разныхъ мѣстахъ лицевой, спинной части пальто—нѣсколько пятенъ разной величины, красно-бураго цвѣта. На правой сторонѣ воротника, ниже по обѣимъ сторонамъ обшлага и около 3-ей пуговицы—пятна неправильнаго очертанія, красно-бураго цвѣта. На лицевой сторонѣ праваго рукава, около самаго локтя, пятно красно-бураго цвѣта, нѣсколько больше рубля и таковое же въ разстояніи отъ перваго около 4 дюймовъ. 6) На разныхъ мѣстахъ триковыхъ брюкъ находились пятна неопредѣленнаго очертанія, разной величины и грязно-зеленаго цвѣта. Означенныя выше пятна были вырѣзаны и часть ихъ облита небольшимъ количествомъ перегнанной воды, а вторая смѣсью глицерина, сѣрной кислоты и воды. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, жидкости, слитыя съ пятенъ красно-бураго цвѣта на кирпичахъ, на веревкахъ, которыми обвязаны были кирпичи, на башлыкѣ, на шапкѣ и на пальто, имѣли красно-бурый, а жидкости, слитыя съ пятенъ грязно-зеленаго цвѣта, на башлыкѣ и на триковыхъ брюкахъ—грязно-желтый цвѣтъ, Часть жидкостей, полученныхъ при смачиваніи пятенъ съ водою, отдѣльно была

нагрѣваема по прибавленіи капли азотной кислоты; вторая же часть—по прибавленіи къ ней крупинки хлористаго натрія и нѣсколькихъ капель крѣпкой уксусной кислоты—сперва была оставлена на нѣкоторое время при обыкновенной температурѣ, а затѣмъ выпарена до суха. При нагрѣваніи прозрачныхъ жидкостей красно-бураго цвѣта образовалась муть, исчезнувшая отъ прибавленія ѣдкаго кали, а при разсматриваніи подъ микроскопомъ остатка, полученнаго обработкою жидкостей красно-бураго цвѣта, хлористымъ натріемъ и уксусною кислотою, оказались ромбическія таблички красно-желтаго цвѣта, легко растворимыя въ ѣдкомъ; слитыя съ прочихъ пятенъ при нагрѣваніи остались прозрачными и при разсматриваніи полученнаго отъ нихъ остатка подъ микроскопомъ ромбическихъ табличекъ. окрашенныхъ въ красно-желтый цвѣтъ, не оказалось. Въ жидкостяхъ, полученныхъ смачиваніемъ красно-бурыхъ пятенъ смѣсью воды, глицерина и сѣрной кислоты, при разсматриваніи подъ микроскопомъ замѣтны были кромѣ волоконъ ткани: 1) цвѣтныя тѣльца неправильной, округленной формы, 2) тѣльца частью плоскія, частью круглыя, съ двухъ сторонъ выгнутыми краями, свѣтло-красно-желтаго цвѣта.

Заключеніе. Изъ произведеннаго микроскопическаго изслѣдованія проистекаетъ: 1) что пятна красно-бураго цвѣта на кирпичахъ и веревкахъ, на башлыкѣ, на шапкѣ и на пальто произошли отъ засохшей крови млекопитающихъ; 2) что пятна грязно-зеленаго цвѣта на брюкахъ и на башлыкѣ произошли отъ помарокъ.

Прокуроръ. Гг. присяжные засѣдатели! 21-го ноября 1869 г. въ окрестностяхъ Москвы, на землѣ, принадлежащей Петровской Академіи, совершено было одно изъ тѣхъ преступленій, которое какъ въ нашихъ законахъ, такъ и во всѣхъ законахъ міра считается однимъ изъ тяжкихъ преступленій. Преступленіе это — убійство студента Иванова. На мнѣ лежитъ обязанность представить вамъ доказательства виновности въ этомъ убійствѣ того лица, которое предано въ настоящее время вашему суду—бывшаго мѣщанина г. Шуи, носящаго званіе учителя, Сергѣя Геннадіева Нечаева. Вы слышали изъ обвинительнаго акта, что остальные участники этого преступленія уже понесли, на основаніи приговора Суда, опредѣленное имъ по закону наказаніе. Остался не приговореннымъ одинъ только Нечаевъ, остался потому, что скрылся за границу. Швейцарское Правительство, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, признало, что оно носитъ характеръ тяжкаго уголовнаго преступленія и выдало Русскому Правительству Нечаева, который предстоитъ теперь предъ вами въ качествѣ обвиняемаго. Мнѣ врядъ-ли придется много распространяться о доказательствахъ виновности его, потому что они совершенно ясны, наглядны и убѣдительны. Прежде нежели я разскажу вамъ самыя обстоятельства преступленія и доказательство виновности въ немъ Нечаева, мнѣ необходимо опредѣлить то преступленіе, въ которомъ обвиняется Нечаевъ. Онъ обвиняется въ совершеніи преступленія, называемаго убійствомъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, причемъ жертва преступленія была завлечена убійцами въ такое мѣсто, гдѣ имъ легче всего было совершить преступленіе; короче сказать, Нечаевъ обвиняется въ убійствѣ въ засадѣ. Текстъ закона, который опредѣляетъ это преступленіе, гласитъ такимъ образомъ: „виновный въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или умысломъ, когда для учиненія своего злодѣянія убійца скрывался въ какой-либо засадѣ или заманилъ убитаго въ такое мѣсто, гдѣ онъ удобнѣе могъ посягнуть на жизнь его...“ Слѣдовательно, тяжесть этого преступленія на основаніи закона заключается главнымъ образомъ, во-первыхъ, въ лишеніи кого-либо жизни, и, во вторыхъ, въ томъ, что убійца подъ разными предлогами заманиваетъ жертву свою въ такое мѣсто, гдѣ она не можетъ защищаться, въ такое мѣсто, гдѣ жертвѣ этой нѣтъ болѣе спасенія. Разсказъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ убійство слушателя Петровской Академіи Иванова докажетъ вамъ, что преступленіе это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, о которомъ я имѣлъ честь сейчасъ говорить!

Вы изволили слышать, что 21-го ноября 1869 г. въ прудѣ Петровской Академіи найденъ былъ трупъ неизвѣстнаго мужчины. Когда этотъ трупъ былъ вынутъ изъ воды, то онъ признанъ былъ за трупъ слушателя Иванова. На мѣстѣ убійства оказались забытыми различныя вещи, принадлежность которыхъ обвиняемымъ лицамъ была впослѣдствіи доказана. Такъ, на мѣстѣ преступленія найдены были: башлыкъ, шапка. Затѣмъ трупъ Иванова по извлеченіи изъ воды былъ осмотрѣнъ и хотя нѣкоторыхъ вещей на немъ не оказалось, но другія вещи, какъ напримѣръ, часы и 15-ти копѣечная монета, были найдены въ карманѣ Иванова. Въ числѣ не оказавшихся на Ивановѣ вещей, было, между прочимъ, пальто, которое, какъ вы слышали изъ акта осмотра, найдено и представлено къ дѣлу крестьяниномъ Колугинымъ. Кромѣ шапки и башлыка на мѣстѣ преступленія найдены еще кирпичи, обвязанные веревкою, Цементъ, оказавшійся на кирпичахъ, доказываетъ, что они взяты были изъ полуразрушеннаго грота, который находится на лугу Петровской Академіи, недалеко отъ пруда. Вслѣдствіе этого, на первыхъ же порахъ явилось убѣжденіе въ томъ, что убійство совершено въ гротѣ, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее изслѣдованіе мѣстности показало, что кровяные слѣды, замѣченные въ гротѣ, находились также и внѣ его и шли къ самому пруду, составляя какъ бы слѣдъ, по которому несли трупъ, найденный въ водѣ. Такимъ образомъ мѣсто совершенія преступленія было опредѣлено: это былъ гротъ въ глухомъ мѣстѣ, около Петровской Академіи. Затѣмъ тотъ же

осмотръ вещей, найденныхъ на трупѣ Иванова, показалъ, что убійство это врядъ-ли могло быть совершено съ единственною цѣлію ограбленія Иванова; напротивъ, присутствіе часовъ, присутствіе небольшой монеты въ карманѣ Иванова, указывало на то, что здѣсь надобно было искать другую причину совершенія преступленія, а отыскавъ эту причину, искать вмѣстѣ съ тѣмъ виновныхъ въ убійствѣ Иванова. Вы изволили слышать, что на трупѣ Иванова найдены различныя поврежденія: во-первыхъ, сквозная рана на головѣ пулею на вылетъ, вошедшею въ затылокъ и вышедшею въ глазъ и во вторыхъ, признаки удушенія тѣмъ самымъ шарфомъ, который оказался на Ивановѣ. Сочетаніе этихъ двухъ причинъ, и въ особенности рана изъ револьвера въ голову небольшею пулею, указывало на то, что врядъ-ли правосудію придется имѣть здѣсь дѣло съ людьми, занимающимися разбоемъ, грабежомъ и принадлежащими къ разряду обыкновенныхъ преступниковъ, которыми наполнены тюремные замки. Предварительному слѣдствію удалось разработать это дѣло вполнѣ. При осмотрѣ трупа Иванова находился, между прочими, студентъ Петровской Академіи Мухортовъ. Онъ первый призналъ, что башлыкъ, которымъ были связаны ноги Иванова, принадлежитъ ему и затѣмъ онъ первый показалъ, что Ивановъ, съ которымъ онъ жилъ на одной квартирѣ, незадолго до открытія убійства, уѣхалъ въ Москву съ другимъ слушателемъ Академіи Кузнецовымъ. Вслѣдствіе этого начали разыскивать, кто видѣлъ Иванова въ Москвѣ въ послѣднее время. При этомъ напали на Кизо, Лау и Дроздова, показанія которыхъ прочтены предъ вами. Свидѣтели эти удостовѣряютъ, что они видѣли Иванова 21-го ноября, т. е. въ день совершенія убійства, въ кухмистерской Молчанова, откуда они вмѣстѣ съ Ивановымъ пошли къ Лау пить чай; во время этого чая въ квартиру Лау явился какой-то неизвѣстный человѣкъ, примѣты котораго они не могли запомнить, и пригласилъ Иванова неизвѣстно куда. Ивановъ быстро собрался и отправился съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, сказавъ, что идетъ на урокъ на Чистые Пруды. Вслѣдъ за Ивановымъ вышли Кизо и Дроздовъ. Они были очень удивлены, встрѣтивъ Иванова на Страстномъ бульварѣ, удивились потому, что Лау жилъ на Покровкѣ и слѣдовательно, чтобы попасть на Чистые Пруды, нужно было идти въ сторону противоположную Страстному бульвару. Ивановъ подошелъ къ нимъ, спросилъ, гдѣ Большая Дмитровка и вмѣстѣ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ пошелъ по направленію къ этой улицѣ. Съ тѣхъ поръ Иванова больше не видали.

Вы, г. г. присяжные засѣдатели, извольте припомнить, что кромѣ башлыка, которымъ были связаны ноги трупа Иванова, найденъ былъ на мѣстѣ преступленія, недалеко отъ грота, другой башлыкъ, принадлежащій, какъ оказалось потомъ, слушателю Петровской Академіи Климину. На вопросъ о принадлежности ему этого башлыка Климинъ отвѣтилъ сначала отрицательно, но затѣмъ удостовѣрилъ, что башлыкъ этотъ дѣйствительно принадлежитъ ему и отданъ былъ слушателю Кузнецову, незадолго до убійства Иванова. Такимъ образомъ изъ показанія Мухортова видно, что Ивановъ не задолго предъ тѣмъ отправился съ Кузнецовымъ въ Москву; затѣмъ башлыкъ, найденный на мѣстѣ преступленія, принадлежалъ въ то время также Кузнецову. Влѣдствіе этого явилось прямое непосредственное убѣжденіе въ томъ, что Кузнецовъ есть такое лицо, которое должно было принимать участіе въ убійствѣ Иванова. Въ силу таковыхъ указаній былъ допрошенъ Кузнецовъ и вмѣстѣ съ нимъ еще три лица—Успенскій, Прыжовъ и Николаевъ. Всѣ они, какъ вы слышали изъ прочитанныхъ показаній ихъ, сознались въ совершеніи этого убійства. По показанію этихъ четырехъ лицъ, убійство Иванова совершено такимъ образомъ, Нечаевъ, появившись изъ-за границы въ Москвѣ, познакомился съ остальными четырьмя подсудимыми и былъ извѣстенъ имъ подъ разными именами, а именно Успенскій и Николаевъ знали его подъ именемъ Нечаева, Кузнецовъ—подъ именемъ Ивана Петровича, а Прыжовъ—подъ именемъ Павлова. Въ то-же время Нечаевъ познакомился съ Ивановымъ, и вслѣдствіе ненависти, вслѣдствіе распри, вслѣдствіе этого чисто личнаго чувства къ Иванову, Нечаевъ задумалъ совершить это ужасное преступленіе. По показанію всѣхъ подсудимыхъ, цѣлую недѣлю шли совѣщаніи о томъ, какимъ образомъ совершить это преступленіе. Нечаевъ предлагалъ различные планы; такъ напримѣръ, онъ предлагалъ Николаеву задушить Иванова въ его собственной квартирѣ, воспользовавшись тѣмъ, что Ивановъ жилъ одинъ. Наконецъ, вслѣдствіе совѣта Кузнецова, указавшаго на гротъ, какъ на уединенное мѣсто около Петровской Академіи, рѣшено было заманить Иванова подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ этотъ гротъ и тамъ убить. Самый этотъ ходъ преступленія и дальнѣйшая развязка его указываетъ на то, что оно не могло быть совершено по внезапному побужденію. Планъ его требовалъ конечно предварительнаго разсмотрѣнія и затѣмъ уже приведенія въ исполненіе. Подсудимые разсказываютъ, что въ тотъ день, когда рѣшено было убить Иванова, Николаевъ былъ посланъ въ Петровскую Академію привести Иванова. Но Николаевъ возвратился, сказавъ, что Иванова въ Академіи не нашелъ. Тогда Нечаевъ, зная, что Ивановъ бывалъ въ квартирѣ Лау, послалъ Николаева вызвать его оттуда и въ то же время поручилъ Кузнецову слѣдить, когда выйдутъ Николаевъ и Ивановъ отъ Лау и предупредить объ этомъ остальныхъ сообщниковъ. Дѣйствительно Николаевъ засталъ у Лау Иванова и вызвалъ его. Кузнецовъ, увидѣвъ Николаева, идущаго съ Ивановымъ, отправился къ себѣ на квартиру, гдѣ ожи-

дали его Нечаевъ, Прыжовъ и Успенскій. Тогда Успенскій, Нечаевъ и Кузнецовъ отправились впередъ въ Петровскую Академію приготовить все необходимое для совершенія преступленія, оставивъ Прыжова задержать Иванова на то время, пока они доѣдутъ до Петровской Академіи и сдѣлаютъ указанныя приготовленія. Когда Николаевъ и Ивановъ явились на Дмитровку въ квартиру Кузнецова, то Прыжовъ вмѣстѣ съ ними отправился въ Петровскую Академію; дорогою они заѣзжали въ питейный домъ и пили водку. Въ это время остальные трое посудимые приготовляли у грота все необходимое для совершенія убійства: Нечаевъ пробивалъ ледъ въ пруду, куда былъ опущенъ потомъ трупъ Иванова, Успенскій навязывалъ веревки къ кирпичамъ, съ которыми нужно было погрузить трупъ въ воду, а Кузнецовъ отправился встрѣчать Николаева, Прыжова и Иванова, чтобы предупредить потомъ о приходѣ ихъ остальныхъ соучастниковъ. Въ скоромъ времени Прыжовъ, Николаевъ и Ивановъ явились около грота и вошли въ него. Тогда Николаевъ кинулся на Иванова и между ними завязалась борьба. Нечаевъ бросился помогать Николаеву, но по ошибкѣ въ темнотѣ вмѣсто Иванова схватилъ за горло Николаева и сталъ душить его. Раздался крикъ: „Не меня, не меня". Ивановъ, воспользовавшись этою минутою смятенія, кинулся къ выходу грота, но былъ сшибленъ съ ногъ Кузнецовымъ. На него сѣли Нечаевъ и Николаевъ и стали душить его. Ивановъ сначала кричалъ: „За что вы меня бьете, что я вамъ сдѣлалъ", потомъ только стоналъ, а наконецъ, и стонать пересталъ; но такъ какъ трупъ еще трепеталъ, оказывалъ еще признаки жизни, то Нечаевъ потребовалъ отъ Николаева револьверъ и, получивъ его, прострѣлилъ голову Иванову, Совершивъ это преступленіе, что дѣлаютъ подсудимые? Первымъ чувствомъ, первымъ движеніемъ, обуявшимъ ихъ, было желаніе воспользоваться чужою собственностью. Они грабятъ Иванова; да, они грабятъ его! Они отбираютъ у него записную книжку, отбираютъ сигары, отбираютъ деньги, отбираютъ пальто. Я не говорю, что самое убійство совершено съ корыстною цѣлью, иначе я обвинялъ бы Нечаева въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія; но, совершивъ преступленіе, подсудимые поддались этому чувству и ограбили свою жертву. Когда затѣмъ дорогою Успенскій сказалъ, что напрасно взято пальто Иванова, такъ какъ оно испачкано въ крови, тогда только Нечаевъ бросилъ это пальто. Остальныя вещи, взятыя у Иванова, были унесены и потомъ уничтожены въ квартирѣ Кузнецова. Убивъ и ограбивъ Иванова, подсудимые стали принимать мѣры къ уничтоженію слѣдовъ преступленія. Для этого были навязаны кирпичи на шею и къ ногамъ Иванова и трупъ былъ опущенъ въ прудъ—мѣра эта оказалась неудачною, такъ какъ въ скоромъ времени трупъ былъ найденъ и преступленіе обнаружено. Съ мѣста преступленія подсудимые отправились разными дорогами въ Москву, собрались въ квартирѣ Кузнецова, гдѣ чистили свое платье и вмѣстѣ съ другими слѣдами преступленія уничтожили нѣкоторыя вещи, отобранныя отъ Иванова, какъ напримѣръ, его записную книжку. Затѣмъ, когда одежда приведена была въ порядокъ, Успенскій заинтересовался устройствомъ револьвера и началъ разсматривать съ Нечаевымъ то самое орудіе, которымъ только что было совершено преступленіе. Въ большинствѣ уголовныхъ дѣлъ, встрѣчавшихся въ моей практикѣ, я замѣчалъ у виновниковъ преступленія особое отвращеніе отъ орудія преступленія. Я еще не встрѣчалъ такого человѣка, который сталъ бы хладнокровно разсматривать и показывать другимъ оружіе, которымъ за минуту передъ тѣмъ совершено убійство. Нечаевъ, показывая Успенскому устройство револьвера, выстрѣлилъ изъ него. Вы изволили слушать, что ни Прыжова, ни отчасти Николаева нельзя было убѣдить въ нечаянности этого выстрѣла. Они держатся того мнѣнія, что выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ Прыжова съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ, если онъ будетъ убитъ, то сложить на него всю вину, а если не будетъ убитъ, то показать, насколько онъ находится въ зависимости отъ этихъ лицъ и какъ опасно ему обнаружить преступленіе. Прыжовъ говоритъ это категорически; на то-же самое указываетъ и Николаевъ. Другихъ доказательствъ того, что Нечаевъ сдѣлалъ выстрѣлъ съ цѣлью убить Прыжова нѣтъ и потому подсудимый не обвиняется въ этомъ преступленіи. Я указываю вамъ однако на это обстоятельство, какъ на одно изъ тѣхъ, которыя характеризуютъ личность Нечаева. Затѣмъ рядомъ съ тѣмъ непозволительнымъ поведеніемъ, которое позволилъ себѣ подсудимый на Судѣ, мы все таки имѣемъ его собственное сознаніе въ убійствѣ. Вы изволили слышать, что Нечаевъ сказалъ: „убійство Иванова есть фактъ чисто политическаго свойства"; стало быть убійство Иванова сознано самимъ Нечаевымъ, и виновность его въ этомъ преступленіи совершенно ясна изъ самой фразы. Но если даже устранить ее, то совокупность показаній подсудимыхъ чрезвычайно твердо, чрезвычайно ясно устанавливаетъ улики противъ Нечаева. Вы изволили слышать, что всѣ показанія подсудимыхъ между собою согласны, а между тѣмъ подсудимые были допрошены въ разныхъ мѣстахъ, находясь подъ стражею; стало быть ни соглашенія, ни стачки между подсудимыми быть не могло, а въ такомъ случаѣ полное соглашеніе подсудимыхъ между собою доказываетъ, что показанія ихъ совершенно справедливы, совершенно согласны съ истиною. При этомъ я напомню, что Успенскій былъ допрошенъ 13-го января 1870 года не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, а Прыжовъ и Николаевъ въ Москвѣ, но Николаевъ содержался въ тюремномъ замкѣ и съ Прыжовымъ никакихъ сношеній не имѣлъ. Помимо этого, если мы посмотримъ

на внутреннее значеніе этихъ показаній и сопоставимъ ихъ съ обстоятельствами дѣла, которыя подтверждены актами осмотровъ, т. е. несомнѣнными документами, то еще болѣе убѣдимся въ ихъ полномъ согласіи съ истиной. Подсудимые говорятъ, что преступленіе было совершено нѣсколькими лицами, и дѣйствительно вся обстановка преступленія доказываетъ, что оно не могло быть дѣломъ одного человѣка. Такъ, вы знаете, что къ трупу Иванова были навязаны кирпичи,что ноги его были связаны; на это потребовалось бы много времени, если бы трудъ этотъ былъ совершенъ силами одного человѣка. Кромѣ того трупъ изъ грота очутился въ прудѣ, а изъ акта осмотра мѣстности видно, что слѣдовъ отъ перетаскиванія трупа не было; очевидно, что трупъ былъ принесенъ, для чего опять-таки требовались усилія не одного, а нѣсколькихъ лицъ. Далѣе подсудимые говорятъ, что преступленіе совершено по предварительному уговору. Дѣйствительно такъ стройно совершенное преступленіе, начиная отъ ухода Иванова изъ квартиры Лау и кончая сокрытіемъ слѣдовъ преступленія, показываетъ, что оно приводилось въ исполненіе по заранѣе обдуманному плану. Затѣмъ подсудимые говорятъ, что Николаевъ былъ посланъ искать Иванова, чтобы заманить его въ гротъ. И дѣйствительно свидѣтель Эрастовъ говоритъ, что на другой день послѣ отъѣзда Иванова въ Москву, за нимъ пріѣзжалъ какой-то человѣкъ, который называлъ себя Петровымъ. Когда Эрастову былъ показанъ Николаевъ, то онъ призналъ въ Николаевѣ того самого человѣка, который пріѣзжалъ за Ивановымъ. Не забудьте, что Николаевъ показанъ былъ Эрастову не съ глазу на глазъ, а вмѣстѣ съ нѣсколькими лицами и Эрастовъ прямо указалъ на Николаева, какъ на лицо, которое пріѣзжало въ Академію за Ивановымъ. Такимъ образомъ посылка Николаева въ Академію за Ивановымъ доказывается показаніемъ Эрастова Далѣе подсудимые говорятъ, что посылали Николаева въ квартиру Лау, чтобы выманить оттуда Иванова. Это обстоятельство совершенно подтверждается показаніями трехъ свидѣтелей — Кизо, Дроздова и Лау, которые хотя не упоминаютъ имени Николаева, но говорятъ, что дѣйствительно Ивановъ былъ выманенъ изъ квартиры Лау какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ и что этотъ человѣкъ велъ Иванова на Большую Дмитровку, гдѣ, какъ вы слышали изъ одного изъ прочитанныхъ актовъ, проживалъ Кузнецовъ, у котораго въ день совершенія преступленія собрались всѣ сообщники Нечаева. Вотъ послѣдній моментъ, въ который свидѣтели видятъ Иванова. Далѣе подсудимые обозначаютъ время совершенія преступленія. Время это вполнѣ ясно совпадаетъ съ такимъ обстоятельствомъ, которое опровергнуто быть не можетъ. Когда трупъ былъ опущенъ въ воду, то вода, проникнувъ въ часы Иванова, должна была остановить ихъ. Часы остановились около половины 6-го. Это время совершенно сходится съ показаніемъ свидѣтелей, которые говорятъ, что видѣли Иванова въ кухмистерской около второго или третьяго часа, послѣ чего пили чай у Лау и затѣмъ Ивановъ увезенъ былъ въ Петровскую Академію, гдѣ и былъ убитъ. Актъ медицинскаго осмотра говоритъ, что преступленіе могло быть совершено 2—3 часа спустя послѣ принятія Ивановымъ пищи. Если бы подсудимые невѣрно означили время совершенія преступленія, то оно не могло бы такъ точно совпадать съ тѣмъ временемъ, которое по дѣлу признается доказаннымъ. Что касается до мѣста совершенія преступленія, то и въ этомъ отношеніи подсудимые весьма точно указали, гдѣ совершался каждый отдѣльный фактъ, входящій въ составъ этого преступленія. Они говорятъ, что вотъ на такомъ-то мѣстѣ Ивановъ былъ застрѣленъ, на такомъ-то мѣстѣ привязывали къ трупу кирпичи. И дѣйствительно,на указанныхъ мѣстахъ найдены были слѣды крови— такого совпаденія не могло-бы быть, если бы подсудимые говорили ложь. Что касается до похищенія различныхъ предметовъ съ трупа Иванова, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ ни пальто, ни записной книжки, ни сигаръ при трупѣ Иванова найдено не было. Подсудимые говорятъ, что вещи эти взяты Нечаевымъ и розданы имъ своимъ соучастникамъ. Наконецъ, подсудимые говорятъ, что послѣ убійства Иванова, они собрались въ квартирѣ Кузнецова и здѣсь былъ сдѣланъ выстрѣлъ Нечаевымъ. Правильность этого показанія опять таки удостовѣряется актомъ осмотра, изъ котораго видно, что на стѣнѣ квартиры Кузнецова найденъ слѣдъ пули. Въ виду такого согласія показаній подсудимыхъ какъ между собою, такъ и съ обстоятельствами дѣла, мнѣ представляются показанія эти вполнѣ доказательными. Мнѣ кажется обойти ихъ нельзя и имъ слѣдуетъ вѣрить. Если же вы имъ повѣрите, то убѣдитесь, что главнымъ зачинщикомъ, подстрекателемъ къ убійству Иванова, былъ Нечаевъ и что онъ вмѣстѣ съ Николаевымъ первый приступилъ къ совершенію этого преступленія.

Я могъ бы ограничиться только этими доводами, гг. присяжные засѣдатели, и не входить въ дальнѣйшій разборъ дѣла; но мнѣ не хотѣлось бы оставить въ васъ никакого сомнѣнія, никакого колебанія. Вы можетъ быть спросите, съ какою цѣлью совершено это убійство. Я прочиталъ вамъ въ началѣ рѣчи ту статью закона, на основаніи которой преданъ суду Нечаевъ—3 п. I, 453 ст. Ул. о Наказ. Вы изволили слышать, что въ этой статьѣ не опредѣлено никакой цѣли преступленія, при которой подсудимый могъ бы быть подвергнутъ наказанію по ней. По отношенію къ этой статьѣ совершенно безразлична та цѣль, которою руководился подсудимый. Есть преступленія, въ условія которыхъ входитъ извѣстная цѣль, т. е. самъ законъ указы-

ваетъ извѣстную цѣль для того, чтобъ дѣяніе считалось такимъ-то преступленіемъ; такъ, напримѣръ, убійство подводится подъ особую статью, когда оно совершено съ цѣлью ограбленія. Но если человѣкъ убитъ въ засадѣ, убитъ измѣнническимъ образомъ, заманенный въ такое мѣсто, гдѣ онъ не можетъ защищаться, тогда законъ признаетъ достаточною наличность только этого обстоятельства, чтобы полный составъ преступленія былъ на лицо, независимо отъ той цѣли, съ которою совершено преступленіе. Но мы имѣемъ возможность до нѣкоторой степени опредѣлить цѣль, которою руководствовался Нечаевъ, совершая это преступленіе. Нечаевъ сказалъ здѣсь на Судѣ, что убійство Иванова есть фактъ политическаго свойства. Я не понимаю, почему подсудимый настаиваетъ на этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ убійство съ политическою цѣлью, есть преступленіе еще болѣе тяжкое, нежели то, въ которомъ я обвиняю его. Безнаказанно производить смятеніе въ обществѣ никто не можетъ, а сопряженное съ этимъ смятеніемъ убійство законъ наказываетъ крайне строго. На васъ подѣйствовать съ этой стороны невозможно. Вы представители общественной совѣсти и вы никому не дозволите относиться къ вамъ съ такими доводами, съ какими пожелалъ отнестись подсудимый. Притомъ заявленіе его и невѣрно; убійство Иванова не могло имѣть политической цѣли, не могло быть вызвано какими-либо политическими соображеніями. Ивановъ, по показанію подсудимыхъ, находился въ ссорѣ съ Нечаевымъ. Если Нечаевъ дѣйствительно на что-нибудь злоумышлялъ, то развѣ онъ сталъ бы открывать свои тайны человѣку, съ которымъ былъ въ ссорѣ. Стало быть убійство Иванова съ политическою цѣлью немыслимо. Затѣмъ, если бы убійство, было совершено только для того, чтобы лишить Иванова возможности повредить тѣмъ замысламъ, которые можетъ быть имѣли подсудимые, то на это указали бы всѣ они, такъ какъ замѣчено, что каждый преступникъ, въ самыхъ гнусныхъ проявленіяхъ злой воли отыскиваетъ всегда что-либо, что, по его мнѣнію, могло бы сколько нибудь извинить ужасное преступленіе, совершенное имъ. Но ни одинъ изъ подсудимыхъ, въ настоящемъ, случаѣ не согласился на эту цѣль. Кромѣ того эту цѣль, имѣли въ виду, ее провѣряя; на нее было обращено вниманіе. Вы изволили слышать, что все это дѣло произведено мѣстнымъ судебнымъ слѣдователемъ, тогда какъ слѣдствіе по политическому дѣлу было произведено сенаторомъ Чемадуровымъ, Высочайше командированнымъ для этого. Вы знаете, что одинъ изъ актовъ настоящаго дѣла былъ составленъ сенаторомъ Чемадуровымъ, и однако онъ не усмотрѣлъ никакой связи этого дѣла съ политическимъ, хотя слышалъ изустныя показанія подсудимыхъ, а мы только письменныя. Мы можемъ думать, что на тѣ или другіе вопросы подсудимые могли бы дополнить свои показанія, но лицо, имѣвшее возможность лично допрашивать ихъ обо всемъ, все-таки пришло къ убѣжденію, что дѣло это не имѣетъ никакой связи съ политическимъ преступленіемъ и потому производилось мѣстнымъ слѣдователемъ. Наконецъ, Швейцарское Правительство выдало Нечаева только тогда, когда убѣдилось, что преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, не имѣетъ никакого политическаго характера. Стало быть объясненіе подсудимаго съ этой стороны несправедливо, ложно. Мнѣ, гг. присяжные засѣдатели, въ моей дѣятельности не приходилось имѣть ни одного дѣла до такой степени ясно опредѣленнаго въ смыслѣ доказательствъ совершенія убійства и виновности въ немъ подсудимаго. Сомнѣваться здѣсь не въ чемъ; но можетъ быть у васъ родится мысль о томъ, не заслуживаетъ ли этотъ несчастный снисхожденія. По разсмотрѣнію предъидущаго дѣла предсѣдатель разъяснилъ вамъ, какимъ образомъ нужно относиться къ этому вопросу. Г. предсѣдатель вѣроятно и по настоящему дѣлу не откажется повторить предъ вами, что вы имѣете право дать подсудимому снисхожденіе только тогда, когда въ самыхъ обстоятельствахъ дѣла найдете достаточные къ тому поводы. Нельзя дать снисхожденія человѣку только потому, чтобы вы желали такъ сдѣлать; надобно имѣть къ этому основанія. Законъ говоритъ, что въ случаѣ дачи подсудимому снисхожденія присяжные отвѣчаютъ такъ: „заслуживаетъ снисхожденія по обстоятельствамъ дѣла“. Стало быть только обстоятельства дѣла могутъ подвинуть васъ къ тому, чтобы дать подсудимому снисхожденіе. Какія же обстоятельства настоящаго дѣла могутъ побудить васъ дать снисхожденіе Нечаеву? Я не буду касаться самой личности подсудимаго; она слишкомъ хорошо опредѣлилась передъ вами тѣми выходками, которыя позволилъ себѣ на Судѣ Нечаевъ. Но само дѣло говоритъ за себя. Вспомните, господа, что Ивановъ шелъ съ подсудимыми, въ числѣ которыхъ былъ Кузнецовъ, считавшійся его другомъ, что они заманили его въ гротъ подъ дружескимъ предлогомъ, что они совершили преступленіе обдуманно что они звѣрски распорядились съ Ивановымъ, что они душили, стрѣляли, мучили и наконецъ ограбили его въ послѣднюю минуту совершенія преступленія. Вотъ тѣ обстоятельства, на которыя можетъ ссылаться подсудимый Нечаевъ; они только отягчаютъ вину его, а никакъ не смягчаютъ ее. Предс. Подсудимый, вы ничего не имѣете сказать въ свое оправданіе? Подсуд. Я считаю унизительнымъ для своего имени защищаться отъ клеветы, очевидной для всѣхъ. Вся Россія знаетъ, что я преступникъ политическій. Повторю то, что сказалъ графу Левашову: правительство можетъ отнять у меня жизнь, но честь останется при мнѣ. Предсѣдатель заявилъ, что Судъ предполагаетъ поставить на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей слѣдующій вопросъ: „Вино-

венъ ли подсудимый, носящій званіе учителя городского приходского училища, Сергѣй Геннадіевъ Нечаевъ, родившійся 20-го сентября 1847 г., въ томъ, что, возымѣвъ, изъ личной ненависти, намѣреніе лишить жизни слушателя Петровской Академіи Иванова, согласилъ другихъ четырехъ лицъ, сосланныхъ уже за это преступленіе въ каторжныя работы, совершить это убійство и затѣмъ 21-го ноября 1869 г. привелъ задуманное намѣреніе въ исполненіе, заманивъ Иванова въ пустынное по времени года мѣсто— гротъ Петровской Академіи, и положивъ его тамъ на мѣстѣ собственноручнымъ выстрѣломъ изъ револьвера?" Предсѣд. Г.г. присяжные засѣдатели! Объясненіе свое я начну съ разбора возраженій, представленныхъ подсудимымъ. Первое изъ его возраженій заключается въ томъ, что онъ не обязанъ отвѣчать въ настоящемъ засѣданіи по обвиненію на немъ тяготѣющему, потому что это есть преступленіе политическое. Второе возраженіе его состояло въ томъ, что онъ, какъ непризнающій себя русскимъ подданнымъ, не подлежитъ суду русскихъ судебныхъ мѣстъ. Первое изъ этихъ возраженій не заслуживаетъ уваженія потому, что если онъ считалъ себя преступникомъ политическимъ, то ничто не мѣшало ему въ то время, когда совершилось это событіе, остаться въ Россіи и такимъ образомъ судиться въ томъ, въ чемъ онъ, по его мнѣнію, долженъ быть былъ судимъ. Но въ настоящее время онъ лишилъ себя возможности быть судимымъ въ качествѣ политическаго преступника, потому что, не возвратившись добровольно, онъ выданъ Русскому Правительству Швейцарскимъ Правительствомъ съ тѣмъ, чтобы онъ подлежалъ суду только за то тяжкое преступленіе, въ которомъ его теперь обвиняютъ. Помимо этого, предварительное слѣдствіе объ убійствѣ Иванова произведено совершенно отдѣльно отъ предварительнаго слѣдствія по другимъ пунктамъ обвиненій, тяготѣвшихъ на Нечаевѣ и его единомышленникахъ. Изъ этого, г.г. присяжные засѣдатели, вы должны убѣдиться, что первое возраженіе подсудимаго не имѣетъ достаточнаго основанія; я объясняю вамъ это именно для того, чтобы вы убѣдились въ ничтожности возраженія подсудимаго, потому что собственно ни я, ни прокуроръ не обязаны были давать вамъ объясненія по сему предмету.

Второе возраженіе Нечаева не имѣетъ уже ровно никакого основанія. Мы не будемъ разбирать, русскій ли онъ подданный или нѣтъ; но всякое самостоятельное государство судитъ лицъ, совершившихъ въ немъ извѣстное преступленіе, если бы они даже были иностранцы. Предположимъ, что настоящее убійство совершено не пятью русскими, а пятью иностранцами; всѣ эти пять иностранцевъ судились бы въ Россіи русскимъ судомъ по русскимъ законамъ. Устранивъ поэтому оба возраженія Нечаева, а равно и третье изъ его возраженій, что дѣло это не подсудно Окружному Суду, потому что, какъ я объяснялъ въ началѣ засѣданія, онъ можетъ жаловаться въ кассаціонномъ порядкѣ въ Правительствующій Сенатъ на опредѣленіе Судебной Палаты о подсудности настоящаго дѣла, если считаетъ это опредѣленіе неправильнымъ, — перехожу къ опредѣленію того преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый. Нечаевъ обвиняется въ томъ, что вмѣстѣ съ четырьмя другими лицами, которыхъ онъ на преступленіе согласилъ, 21-го ноября 1869 года, совершилъ убійство въ засадѣ, именно въ гротѣ Петровской Академіи, заманивъ туда жертву преступленія —слушателя Петровской Академіи, Иванова. Объяснять ли вамъ, г. г. присяжные засѣдатели, что такое убійство разумѣется совершенно безполезно. Всякій изъ васъ понимаетъ, что убійство есть лишеніе жизни другого человѣка. Но убійство можетъ быть различное; можетъ быть убійство, сдѣланное въ запальчивости, въ раздраженіи, а можетъ быть и такое убійство, для совершенія котораго разсчитываютъ и время и способъ совершенія преступленія. Настоящее убійство, если только вы даете вѣру тому слѣдствію, которое происходило предъ вами, совершено было съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, потому что не только опредѣлялось мѣсто, гдѣ должно быть совершено преступленіе, но выбирались и способы, какъ совершить его, т. е. задушить-ли, застрѣлить-ли, заманить-ли человѣка въ уединенное мѣсто и тамъ распорядиться съ нимъ,—словомъ, это преступленіе было зрѣло обдумано, и каждому изъ участниковъ его была предоставлена извѣстная доля дѣятельности. Затѣмъ это есть убійство, совершенное въ засадѣ, потому что Ивановъ приведенъ былъ въ такое мѣсто, гдѣ онъ не ожидалъ опасности, мѣсто по времени года отдаленное отъ всякаго жилья. Слѣдовательно, убійство это совершенно подходитъ подъ признаки того преступленія, въ которомъ обвиняется подсудимый Нечаевъ.

Каждое преступленіе можетъ быть совершено или однимъ лицомъ, или нѣсколькими. Какъ вы видѣли, настоящее преступленіе совершено было нѣсколькими лицами. Конечно, нельзя допустить, чтобы участники извѣстнаго преступленія принимали всѣ одинаковое участіе въ немъ: не могутъ всѣ разомъ душить, не могутъ всѣ разомъ стрѣлять въ одного человѣка, иначе они рискуютъ попасть другъ въ друга. Поэтому нужно различать то участіе, которое каждый изъ пяти подсудимыхъ принималъ въ убійствѣ слушателя Петровской Академіи, Иванова. Четверо изъ подсудимыхъ, какъ я уже объяснилъ вамъ, судились за это преступленіе и были признаны участниками въ совершеніи его, а не главными дѣятелями; вопросъ о томъ, кѣмъ они были соглашены, кто подговорилъ ихъ, остался открытымъ, такъ какъ Нечаевъ въ то время скрылся. Изъ изложеннаго вами г. прокуромъ вы уже видѣли, что мысль

убить Иванова зародилась въ головѣ Нечаева, что онъ остальныхъ четырехъ подсудимыхъ, понесшихъ уже наказаніе, согласилъ совершить это преступленіе, и не только согласилъ, но назначилъ каждому изъ нихъ ту роль, которая должна быть исполнена имъ, если не въ самомъ совершеніи убійства, то въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя предшествовали совершенію преступленія. Наконецъ, въ самомъ гротѣ, куда заманенъ былъ Ивановъ, Нечаевъ душилъ его и, выстрѣливъ изъ револьвера въ голову, лишилъ его жизни. Человѣкъ, игравшій такую роль въ совершеніи преступленія, г.г. присяжные засѣдатели, признается по закону зачинщикомъ. Итакъ, вы видите, что преступленіе это совершено было Нечаевымъ и его соучастниками съ зрѣло обдуманнымъ замысломъ, причемъ дѣйствія ихъ были строго согласованы; люди, совершившіе это преступленіе, были относительно люди извѣстной степени образованности. Такъ предстоящій предъ вами подсудимый — учитель приходского училища — при массѣ необразованнаго у насъ народа естественно выдѣляется изъ общаго уровня какъ лицо, обладающее извѣстной степенью образованности. Побужденіе къ совершенію этого преступленія было безнравственное и состояло въ томъ, чтобы отдѣлаться отъ человѣка, который являлся личнымъ врагомъ Нечаева, потому что онъ, какъ человѣкъ другого образа мыслей, чѣмъ Нечаевъ, и повидимому болѣе его развитой, могъ имѣть большее значеніе, чѣмъ Нечаевъ. Къ участію въ этомъ преступленіи привлечено было Нечаевымъ четыре человѣка, всѣ уже сосланные въ каторжныя работы. Усилій, для устраненія препятствія къ достиженію цѣли, употреблено было Нечаевымъ достаточно. Для того, чтобы Прыжовъ, на котораго по его сомнительности нельзя было разсчитывать, не могъ заявить о предстоящемъ совершеніи преступленія, принудили этого человѣка, 42 лѣтъ, принять участіе въ убійствѣ. Личныхъ отношеній нарушено было пропасть. Человѣкъ, подговорившій четырехъ другихъ къ совершенію преступленія, не остановился предъ тѣмъ, что трое изъ нихъ юноши, воспитывавшіеся еще въ заведеніяхъ и одинъ изъ нихъ несовершеннолѣтній. Нарушены были личныя отношенія и къ мѣсту, гдѣ совершено преступленіе. Воспитательное заведеніе есть святыня, нарушеніе которой представляется нарушеніемъ одной изъ тѣхъ личныхъ обязанностей, важнѣе которой трудно придумать. Зло, причиненное настоящимъ преступленіемъ, чрезвычайно велико, въ виду того, что человѣкъ былъ лишенъ жизни. Вотъ г.г. присяжные засѣдатели, обстановка, при которой совершено убійство Иванова.

Останавливаться на обстоятельствахъ дѣла я не буду. Я останавлюсь только на тѣхъ доказательствахъ, которыя представляются по настоящему дѣлу. Такими доказательствами между прочимъ служатъ: акты осмотра мѣстности и трупа Иванова, свидѣтельствующіе, что трупъ Иванова дѣйствительно былъ найденъ въ пруду Петровской Академіи и что Ивановъ умеръ не естественною смертью, а тою, о которой упоминается въ обвинительномъ актѣ и во всѣхъ выслушанныхъ вами показаніяхъ. Акты эти совершены съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ правилъ и формальностей. Независимо отъ этого, г.г. присяжные засѣдатели, фактъ убійства Иванова достаточно удостовѣренъ уже тѣмъ, что настоящее дѣло было въ разсмотрѣніи Судебной Палаты, и на основаніи тѣхъ доказательствъ, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ, Палата признала несомнѣннымъ, что Ивановъ дѣйствительно убитъ, убитъ тѣмъ способомъ, о которомъ упоминалось во время судебнаго слѣдствія. Остальныя доказательства, по настоящему дѣлу представленныя, суть свидѣтельскія показанія, изъ которыхъ одни относятся до существа дѣла, т. е. до тѣхъ обстоятельствъ, безъ которыхъ совершеніе преступленія было невозможно, а другія — до обстоятельствъ побочныхъ. Главными показаніями представляются показанія тѣхъ четырехъ лицъ, которыя на основаніи оныхъ признаны виновными въ участіи въ убійствѣ и сосланы за это въ каторжныя работы. Представляю судить вашей совѣсти о томъ, насколько показанія эти представляются достовѣрными и заслуживаютъ вѣроятія. Показанія остальныхъ свидѣтелей касаются побочныхъ обстоятельствъ и, разумѣется, должны быть признаны заслуживающими достовѣрности, если вы признаете, что показанія главныхъ четырехъ сосланныхъ свидѣтелей безупречны.

Въ Высочайшемъ манифестѣ, при которомъ распубликованы были Уставы 20-го ноября 1864 г., сказано между прочимъ: „Да царствуетъ милость въ Судахъ“. П о д с у д и м ы й (перебивая). А меня билъ гражданскій офицеръ. П р е д с ѣ д а т е л ь (не прерывая своей рѣчи). Нужно, г.г. присяжные засѣдатели, условиться насчетъ смысла этого выраженія. Это слово въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства не употребляется, но немыслимо, разумѣется, чтобы Уставъ Уголовнаго Судопроизводства, появившійся одновременно съ манифестомъ, въ которомъ употреблено приведенное мною выраженіе, не былъ проникнутъ милостію. И дѣйствительно, Уставъ проникнутъ ею. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства даетъ подсудимому право во время предварительнаго и судебнаго слѣдствій представлять всѣ допускаемыя закономъ доказательства въ подтвержденіе того, что онъ не совершилъ преступленія, или, если совершилъ, то не настолько виновенъ, насколько его обвиняютъ. Уставъ Уголовнаго Судопроизводства даетъ подсудимому право выбрать самому защитника, а если онъ лишенъ возможности выбрать таковаго, то предоставляетъ ему право просить у Суда назначенія защитника, т. е. человѣка опытнаго, который знаетъ на какія обстоя-

тельства слѣдуетъ обратить болѣе или менѣе вниманіе Суда. Подсудимый судится присяжными засѣдателями, которые опредѣляютъ вину или невиновность его по внутреннему своему убѣжденію, на основаніи выслушанныхъ ими обстоятельствъ дѣла. Стало быть, нѣтъ прежней системы формальныхъ доказательствъ, которая говорила, что если есть противъ подсудимаго два свидѣтельскихъ показанія, согласныхъ между собою, то Судъ долженъ обвинить подсудимаго. Присяжные засѣдатели имѣютъ право, признавъ посудимаго виновнымъ, признать въ то-же время его заслуживающимъ снисхожденія на основаніи тѣхъ же обстоятельствъ дѣла. Наконецъ, Судъ, назначивъ подсудимому наказаніе, имѣетъ право въ исключительныхъ случаяхъ ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о смягченіи участи подсудимаго. Большей милости нельзя ожидать, г.г. присяжные засѣдатели, отъ суда человѣческаго. Но только этою законною милостіею подсудимый и можетъ пользоваться. Никакой иной милости быть не можетъ на Судѣ, потому что это равносильно было бы произволу. Всякая иная милость будетъ милость незаконная, будетъ неправосудіемъ и будетъ идти въ разрѣзъ съ другимъ, употребленномъ въ томъ же манифестѣ, выраженіемъ: „Да царствуетъ правда въ Судахъ". Г.г. присяжные засѣдатели, вы должны разрѣшить настоящее дѣло на основаніи выслушанныхъ вами обстоятельствъ. Точно такъ же вы можете признать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія только въ виду какихъ нибудь обстоятельствъ дѣла. Вы не имѣете права давать произвольно снисхожденіе. Подобное снисхожденіе будетъ тою незаконною милостію, о которой я упомянулъ, а законъ обязываетъ васъ, давая подсудимому снисхожденіе, упоминать, что вы даете это снисхожденіе по обстоятельствамъ дѣла. Это выраженіе связываетъ вашу совѣсть и напоминаетъ вамъ о той присягѣ, которую вы приняли. Рѣшеніе присяжныхъ постановляется по большинству голосовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что безусловное большинство имѣетъ перевѣсъ, но можетъ случиться, что голоса ваши раздѣлятся поровну, что шесть будетъ за обвиненіе, шесть — за оправданіе, шесть — за дарованіе подсудимому снисхожденія, шесть — противъ дачи снисхожденія. Въ такомъ случаѣ законъ даетъ предпочтеніе или тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго, или тому, которое признаетъ его заслуживающимъ снисхожденія. Въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній вы имѣете право возвратиться въ залу засѣданія и просить у меня разъясненія. Отобравъ отъ присяжныхъ засѣдателей отвѣтъ, старшина подписываетъ его такимъ образомъ: „старшина присяжныхъ такой-то".

Присяжные, пробывъ въ совѣщательной комнатѣ 20 минутъ, вынесли на изложенный выше вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „да, виновенъ".

Прокуроръ заявилъ, что въ виду приговора присяжныхъ засѣдателей и на основаніи 3 п. 1.453 ст., 1.452 ст. и 2 степ. 19 ст. Улож. и Наказ., подсудимаго Нечаева слѣдуетъ лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 20 лѣтъ. Предсѣд. Подсудимый не возражаетъ? Подсуд. Это Шемякинъ Судъ. Судъ, постановивши резолюцію, объявилъ въ то-же засѣданіе въ окончательной формѣ слѣдующій приговоръ: „1873 года января 8-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій Окружный Судъ, по 1-му Отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Суда П. А. Дейера, въ составѣ членовъ Суда: П. Д. Орлова и В. В. Завьялова, при прокурорѣ Суда К. Н. Жуковѣ и секретарѣ М. Я. Баумштейнѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, слушалъ дѣло о мѣщанинѣ г. Шуи, носящемъ званіе домашняго учителя Сергѣѣ Геннадіевѣ Нечаевѣ, обвиняемомъ въ убійствѣ слушателя Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова. Рѣшеніемъ г. г. присяжныхъ засѣдателей подсудимый Нечаевъ признанъ виновнымъ въ томъ, что возымѣвъ, изъ личной ненависти, намѣреніе лишить жизнь слушателя Петровской Академіи Иванова, подговорилъ другихъ четырехъ лицъ, сосланныхъ уже за это преступленіе въ каторжныя работы, совершить это убійство, а затѣмъ 21-го ноября 1869 г. привелъ задуманное намѣреніе въ исполненіе, заманивъ Иванова въ пустынное по времени года мѣсто—гротъ Петровской Академіи—и положивъ его тамъ на мѣстѣ собственноручнымъ выстрѣломъ взъ револьвера. Принимая во вниманіе: во 1-хъ, что дѣяніе, въ которомъ Нечаевъ признанъ виновнымъ, по признакамъ своимъ соотвѣтствуетъ преступленію, предусмотрѣнному Улож. о Наказ. въ ст. 1453 п. 3, при чемъ Нечаевъ, согласно сего же Уложенія ст. 13 отд. 1 долженъ быть признанъ зачинщикомъ преступленія; во 2-хъ, что виновные въ убійствѣ, при вышепоименованныхъ обстоятельствахъ, на основанія Улож. о Наказ. ст. 1453 и 1452, приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на время отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ; въ 3-хъ, что поименованное наказаніе для Нечаева, какъ зачинщика преступленія, совершеннаго при обстоятельствахъ, увеличивающихъ его вину, на основаніи Улож. о Наказ. ст. 118 и 129 пунктовъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10 должно быть назначено въ высшей мѣрѣ — Московскій Окружный Судъ опредѣлилъ: 1) носящаго званіе учителя городского приходского училища Сергѣя Геннадіева Нечаева, 25-ти лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на двадцать лѣтъ, а затѣмъ на основаніе 25 ст. Улож. о Наказ., поселить въ Сибири навсегда; 2) вещественныя доказательства препроводить къ прокурору для поступленія съ ними по 512 ст. Св. Зак. XIV Уст. о Пред. и Пресѣч. Прест., по продолженію 1868 года".

По объявленіи этого приговора и по объясненіи подсудимому правъ его по предмету обжалованія приговора въ кассаціонномъ порядкѣ, предсѣдатель сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи подсудимаго изъ залы засѣданія. При выходѣ изъ залы подсудимый закричалъ: „Да здравствуетъ соборъ! Долой деспотизмъ!"

1873 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(21 мая № 120).

(Правит. сообщеніе).

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ.

Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя онихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентовъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское социалъ-демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: „Пугачевскій бунтъ", „Французская революція 1870 года",—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ даже такихъ, которыя не понимаютъ по нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное,безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей.

Такое нравственное паденіе не можетъ не обратить на себя серіознаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда-нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины?

Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть, хотя и незначительную, русской молодежи. Оно сознаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и неимѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта на четыре года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ и

въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсть и научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно такъ же не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ числа однѣхъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями, не имѣющими ничего общаго съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями—всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громадный сравнительно наплывъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ[1]). Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всѣми обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два-три докторскіе диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскій университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1 января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе.

Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого-либо означеннымъ ограниченіямъ.

1874 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(5-го мая. № 106).

Изъ 19-ти нижепоименованныхъ русскихъ подданныхъ, 15 человѣкъ удалились за границу безъ установленныхъ письменныхъ видовъ, а остальные четверо, хотя при выѣздѣ ихъ за границу и были снабжены паспортами, но, вопреки даннымъ имъ разрѣшеніямъ на отлучку, находятся внѣ отечества болѣе пяти лѣтъ, почему также относятся къ числу лицъ, проживающихъ за границею безъ дозволенія Правительства.

Вслѣдствіе сего всѣмъ этимъ лицамъ объявляется вызовъ, приглашающій ихъ къ возврату въ отечество въ теченіе шестимѣсячнаго срока со дня настоящей публикаціи, съ предупрежденіемъ, что если они и за симъ не подчинятся требованію Правительства, по исполненію правилъ объ отлучкахъ русскихъ подданныхъ за границу, то съ ними будетъ поступлено по всей строгости законовъ.

Вызовъ сей дѣлается: 1) бывшему студенту Медико-Хирургической Академіи Василію Александрову; 2) дворянину Михаилу Бакунину; 3) бывшему студенту Технологическаго Института Лазарю Гольденбергу; 4) студенту Московскаго унирерситета Владиміру Гольштейну; 5) дворянину Николаю Жуковскому; 6) отставному полковнику Петру Лаврову; 7) кандидату правъ Герману Лопатину; 8) дворянину Николаю Огареву; 9) бывшему уланскому офицеру Владиміру Озерову; 10) бывшему студенту Медико-Хирургической Академіи Земфирію Ралли; 11) бывшему студенту Технологическаго Института Михаилу Сажину; 12) бывшему студенту С.-Петербургскаго университета Селину Серебренникову; 13) студенту Московскаго университета Валеріану Смирнову; 14) отставному подполковнику Николаю Соко-

[1]) Число студентокъ изъ Россіи доходитъ до 108, изъ прочихъ же государствъ Европы не составляетъ и 20.

лову; 15) кандидату правъ Петру Ткачеву; 16) дворянину Антону Трусову; 17) бывшему студенту С.-Петербургскаго университета Николаю Утину; 18) бывшему студенту Казанскаго университета Михаилу Эльпидину; и 19) студенту Московскаго университета Александру Эльсницу.

Правительственный Вѣстникъ.

(№№ 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 172 и 173).

Засѣданіе Особаго Присутствія Правительствующаго Сената 9-го іюля 1874 года по дѣлу о подсудимыхъ: Долгушинѣ (25 л.), Дмоховскомъ (23 л.), Папинѣ (25 л.), Плотниковѣ (23 л.), Гамовѣ (26 л.), Чиковѣ (24 л.), Сидорацкомъ (20 л.), Авессаломовѣ (29 л.), Циммерманѣ (24 л.), Ободовской (26 л.), Сахаровой (26 л.) и Васильевѣ (18 л.), обвиняемыхъ въ составленіи и распространеніи прокламацій преступнаго содержанія.

Предсѣдательствовалъ первоприсутствующій сенаторъ Я. Я. Чемадуровъ, присутствовали сенаторы: Тизенгаузенъ, Евреиновъ, князь Голицынъ, Хвостовъ и Шульцъ и сословные представители: предводитель дворянства Тверской губерніи князь Мещерскій, предводитель дворянства Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи Померанцевъ, Одесскій городской голова Новосильцовъ, волостной старшина Парголовской волости Зоринъ, при оберъ-секретарѣ Трахтенбергѣ; обвинялъ товарищъ оберъ-прокурора Стадольскій; защищали присяжные повѣренные: Утинъ, Спасовичъ, Слонимскій, Герке, Гаевскій, Соколовскій, Брутъ, Буймистровъ, Куперникъ, Матросовъ и Полетаевъ.

Засѣданіе открыто въ 12 часовъ дня. Изъ числа свидѣтелей не явились трое. Стороны полагали продолжать слѣдствіе, несмотря на отсутствіе этихъ свидѣтелей. Затѣмъ прочитанъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

Осенью 1872 года, въ С.-Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ, въ д. Меркъ, проживалъ дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, завѣдывавшій въ то время мастерской жестяныхъ издѣлій Верещагина.

У Долгушина нерѣдко по вечерамъ собирались знакомые, въ томъ числѣ дворяне Иванъ Ивановъ Папинъ, Николай Александровъ Плотниковъ и технологъ 1-го разряда Левъ Адольфовъ Дмоховскій. По словамъ жены Долгушина Аграфены Дмитріевой, на этихъ собраніяхъ, въ коихъ она участвовала впрочемъ не всегда, общество занималось разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, въ числѣ коихъ на первомъ планѣ былъ вопросъ о „нормальномъ человѣкѣ". При этомъ, какъ ей кажется, Дмоховскій высказывалъ желаніе имѣть типографскій станокъ. Дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, не отвергая этого показанія жены своей, на предварительномъ слѣдствіи объяснилъ, что Дмоховскій, Папинъ, Плотниковъ точно у него въ указанное время по вечерамъ бывали, и что разговоры шли о пропагандѣ въ народѣ здравыхъ экономическихъ воззрѣній и о пользѣ печатанія съ этою цѣлью брошюръ, причемъ Дмоховскій дѣйствительно говорилъ, что не худо бы завести для всего этого свою типографію. Самъ Дмоховскій въ свою очередь показаній Долгушиныхъ не отрицаетъ, но не придавая обществу, собиравшемуся у Долгушина характера собраній, отвергаетъ то обстоятельство, что въ немъ говорилось о пропагандѣ въ народѣ. Папинъ и Плотниковъ, по ихъ въ томъ удостовѣренію, осенью 1872 года у Долгушина бывали часто, о предметѣ бесѣдъ у него никакихъ данныхъ не сообщаютъ, о предположеніи же Дмоховскаго отзываются полнымъ невѣдѣніемъ, ибо и его-то самого, какъ говорятъ, вовсе не знаютъ. Наконецъ, крестьянинъ Ананій Васильевъ, одинъ изъ работниковъ мастерской Верещагина, ходившій къ Долгушину на его квартиру по его приглашенію учиться, утверждаетъ, что мысль идти въ народъ, приведенная окончательно въ исполненіе гораздо позднѣе, первоначально возникла еще въ Петербургѣ, гдѣ ему и дѣлались въ этомъ смыслѣ предложенія.

Такимъ образомъ, представляется доказаннымъ, что первымъ шагомъ преступной дѣятельности главныхъ обвиняемыхъ лицъ, т. е. Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова и Ананія Васильева, были вечера на Петербургской сторонѣ у Долгушина, въ теченіе осени 1872 года.

Съ апрѣля 1873 года начинается постепенный переѣздъ всѣхъ указанныхъ выше лицъ въ Москву, гдѣ Долгушинъ, чрезъ посредство одного изъ бывшихъ работниковъ мастерской Верещагина, пріобрѣтаетъ въ дер. Сареево, звенигородскаго уѣзда, 5 десятинъ земли и выстраиваетъ тамъ для себя дачу. На этой-то дачѣ, по согласному объясненію Аграфены Дмитріевой Долгушиной и мѣщанки Татьяны Порфирьевой Сахаровой, знакомой Дмоховскаго, въ концѣ іюня 1873 года начались между съѣхавшимися въ ней главными дѣйствующими лицами разговоры уже о печатаніи прокламацій и необходимости распространенія ихъ въ народѣ. Разговоры эти весьма скоро перешли въ дѣло, и печатаніе прокламацій, въ которомъ принимали непосредственное участіе Долгушинъ, Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ, началось

дѣятельно и, бывъ прервано на дачѣ Долгушина, въ дер. Сареево, продолжалось еще въ Москвѣ, на квартирѣ Дмоховскаго, въ домѣ Степанова.

Отпечатано было три сорта прокламацій преступнаго содержанія: „Русскому народу", „Какъ должно жить по закону природы и правды" и „Къ интеллигентнымъ людямъ".

Сочиненіе первой и послѣдней, по показаніямъ Долгушиной, Сахаровой и Ананія Васильева, слѣдуетъ приписать дворянину Долгушину, авторъ же второй достовѣрно неизвѣстенъ.

Женщины, т. е. Долгушина и Сахарова, испугавшись дѣла, затѣяннаго въ дер. Сареево мужчинами, перебрались въ Москву и только около половины августа вернулись обратно на дачу, куда переѣхалъ и Дмоховскій. Папинъ же и Плотниковъ на дачѣ въ то время уже не жили, а только часто туда пріѣзжали. Вслѣдъ за симъ, ушедшій было отъ Долгушина работникъ его, крестьянинъ Ананій Васильевъ снова къ нему возвратился. Печатаніе прокламацій окончено. Пошли разсужденія о томъ, чтобы „идти въ народъ". Всѣ соглашались принять участіе въ дѣлахъ разноса прокламацій, чтенія и разъясненія ихъ простому народу. Но на самомъ дѣлѣ, не касаясь отдѣльныхъ случаевъ распространенія, такъ сказать, систематически привели это въ исполненіе въ первой половинѣ сентября 1873 года крестьянинъ Ананій Васильевъ и дворяне Папинъ и Плотниковъ; но и они не успѣли выполнить въ этомъ отношеніи условленную программу вполнѣ, и распространеніе прокламацій, какъ видно изъ дѣла, ограничилось нѣкоторыми мѣстностями губерній Московской, Калужской и Смоленской. Изъ настоящаго краткаго очерка всего дѣла видно, что главными дѣятелями въ немъ представляются дворяне Долгушинъ, Дмоховскій, Папинъ, Плотниковъ и крестьянинъ Ананій Васильевъ.

Но, независимо отъ указанныхъ лицъ, къ этому же дѣлу присоединяются еще нѣкоторыя другія, непосредственная связь съ которыми стоящихъ въ дѣлѣ на первомъ планѣ слѣдствіемъ не установлена и дѣятельность которыхъ составляетъ въ немъ отдѣльные, какъ-бы случайные эпизоды. Къ числу такихъ принадлежатъ: дворяне: Дмитрій Ивановъ Гамовъ, Александръ Сергѣевъ Чиковъ, Василій Петровъ Сидорацкій, ревельскій гражданинъ Эмилій Эмиліевъ Циммерманъ, сынъ священника Иванъ Флегонтовъ Авессаламовъ и дочь купца 2-ой гильдіи Александра Яковлева Ободовская. Первые двое, т. е. Гамовъ и Чиковъ, какъ видно изъ дѣла, представляются распространителями прокламацій, напечатанныхъ Долгушинымъ, Дмоховскимъ, Папинымъ и Плотниковымъ. Прикосновенность же остальныхъ имѣетъ еще болѣе второстепенное значеніе. Обращаясь за симъ къ подробностямъ настоящаго дѣла и преступному участію въ немъ каждаго изъ отдѣльныхъ лицъ, предварительнымъ слѣдствіемъ выяснено слѣдующее. Относительно дворянина Александра Васильева Долгушина. Долгушинъ представляется по дѣлу центромъ, около котораго группируются другія прикосновенныя къ нему лица. У него на квартирѣ осенью 1872 года, въ С.-Петербургѣ, возникла и до извѣстной степени созрѣла мысль о пропагандѣ въ народѣ; онъ, переѣхавъ въ Москву, покупаетъ по близости ея, въ дер. Сареево, дачу съ цѣлью заняться хозяйствомъ, какъ говоритъ онъ, но на самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ производства, съ цѣлью имѣть болѣе удобный пріютъ для предположенной опасной дѣятельности; онъ сочиняетъ текстъ двухъ прокламацій, на его дачѣ онѣ, главнѣйшимъ образомъ, печатаются, онъ продолжаетъ за симъ печатаніе прокламацій въ Москвѣ, на квартирѣ Дмоховскаго; онъ принимаетъ, наконецъ, участіе въ ихъ распространеніи. Вся изложенная преступная дѣятельность Долгушина обрисовывается главнѣйшимъ образомъ, показаніями жены его Аграфены Дмитріевой, мѣщанки Сахаровой и крестьянина Ананія Васильева. Но сверхъ того дѣло печатанія имъ прокламацій на дачѣ въ дер. Сареево, при содѣйствіи Дмоховскаго, Папина и Плотникова въ частности, а равно и распространеніе ихъ подтверждается какъ вещественными доказательствами, такъ и показаніями посторонныхъ къ дѣлу свидѣтелей. Изъ протоколовъ обысковъ, сдѣланныхъ во время производства дознанія 16-го сентября и 19-го октября 1873 года на дачѣ Долгушина, видно, что тамъ найдены: крестъ съ надписями: „Во имя Христа" и „Свобода, равенство, братство", полусгнившій первый листъ прокламацій „Русскому народу", столбикъ набора, картонная рама въ восемь отдѣленій, измятые клочки невышедшаго вполнѣ оттиска прокламацій „Русскому народу" и два стола со слѣдами черной краски. Двери и стѣны дачи носили въ многихъ мѣстахъ также слѣды черной краски, а на послѣднихъ, сверхъ того, были сдѣланы надписи на латинскомъ, итальянскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ, явно тенденціознаго характера.

Такимъ образомъ, при обыскѣ, на дачѣ произведенномъ, обнаружены наглядные слѣды, характеризующіе направленіе лицъ, въ ней обитавшихъ, а также и то, что на ней производилось печатаніе и притомъ именно прокламацій преступнаго содержанія, о названіяхъ коихъ упомянуто было раньше. То же подтверждается въ свою очередь и свидѣтельскими показаніями ямщика Дорогомиловской слободы Михаила Антонова Хухрикова, сына его Михаила Михайлова, и крестьянъ Афанасія Тихонова, Семена Михайлова, Максима и Кирилла Кондратьевыхъ-Курдаевыхъ. Совокупность всего объясненнаго ими приводитъ къ полному убѣжденію, что на дачѣ Долгушина

находились принадлежности печати, ибо нѣкоторые изъ названныхъ свидѣтелей ихъ перевозили съ дачи въ Москву. Показанія же крестьянина Максима Кондратьева-Курдаева о томъ, что, за повтореніе имъ ходившихъ про дачниковъ въ народѣ слуховъ, Долгушинъ стращалъ револьверомъ, ясно указываетъ какъ на таинственный характеръ занятій на дачѣ Долгушина и его товарищей, такъ равно и на степень страха, какой внушали имъ всякіе про занятія ихъ толки. Указанія на то, что Долгушинъ участвовалъ въ печатаніи прокламацій вмѣстѣ съ Дмоховскимъ въ д. Степанова, на квартирѣ послѣдняго, имѣются въ чистосердечномъ показаніи Сахаровой, отчасти подтверждаемомъ въ этомъ смыслѣ женой Долгушина Аграфеной Дмитріевой. Фактъ же распространенія Долгушинымъ прокламацій подтверждается, независимо показаній одного изъ обвиняемыхъ Ананія Васильева, показаніями свидѣтелей — крестьянъ Ѳедора Афанасьева и Ивана Сидорова. Изъ нихъ Васильевъ, между прочимъ, прямо говоритъ, что ходилъ съ Долгушинымъ въ одну изъ сосѣднихъ съ Сареевомъ деревень и тамъ читали прокламаціи „Какому-то мужику". Зеркальщикъ Афанасьевъ показалъ, что Долгушинъ, зайдя къ нему подъ предлогомъ заказа товара, читалъ ему прокламаціи „Русскому народу" и затѣмъ еще два экземпляра той же брошюры прислалъ съ Сидоровымъ; Сидоровъ показалъ, что дѣйствительно, передавалъ письмо Долгушина, въ коемъ оказались двѣ „пустяшныя книжки".

Наконецъ отсутствіе связи перевода мастерской Верещагина изъ Петербурга въ Москву съ переѣздомъ туда-же Долгушина, вопреки того, какъ старается это объяснить послѣдній, очевидно скрывая настоящую преступную цѣль, которую при этомъ преслѣдовалъ, доказывается показаніемъ свидѣтеля отставного лейтенанта Николая Васильевича Верещагина. Что касается, въ заключеніе, до содержанія прокламацій, то одна нихъ, „Къ интеллигентнымъ людямъ", порицая существующее Правительство, приглашаетъ людей, понявшихъ „крайнюю ненормальность современнаго порядка вещей, идти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства", и кончается воззваніемъ къ оружію на погибель „враговъ народа", къ числу коихъ отнесены: царь, бояре и князья.

Прокламація „Какъ должно жить по закону природы и правды", имѣя главнѣйшею цѣлью указать на равенство людей между собою по рожденію и равноправность ихъ на землю" исключающую всякое понятіе о „собственности личной", содержитъ также явныя порицанія существующаго въ Россіи порядка вещей, объясняя его тѣмъ, что Цари у насъ находятся во власти беззаконныхъ вельможъ, кои держатъ ихъ или устраняютъ, смотря по тому, насколько они образомъ дѣйствій своихъ для нихъ удобны. Въ то же время вельможи, по словамъ прокламаціи, чрезъ подкупленное духовенство проповѣдуютъ народу въ церквахъ, что „Царь, посаженный ихъ злодѣйствомъ, поощритель ихъ беззаконія, есть отъ Бога Царь посаженный". Все это въ прокламаціи какъ бы подкрѣпляется примѣрами отечественной исторіи.

Наконецъ, прокламація „Русскому народу", представляя настоящее положеніе крестьянъ въ Россіи въ самомъ безотрадномъ видѣ, направлена преимущественно къ возбужденію въ народѣ враждебнаго настроенія противъ существующихъ законоположеній относительно поземельной собственности и порядка, принятаго при распредѣленіи между сословіями податей и повинностей. Указывая на угнетеніе крестьянъ, допускаемое Правительствомъ со стороны помѣщиковъ и чиновниковъ и на намѣренное держаніе народа необразованнымъ, прокламація даже и освобожденію его изъ крѣпостной зависимости придаетъ значеніе лишь коммерческаго оборота Правительства, боявшагося будто-бы послѣ севастопольской кампанія финансоваго банкротства. При этомъ объясняется, что благодаря проискамъ барства, крестьяне въ этомъ случаѣ кругомъ обижены и малыми плохими надѣлами и большими оброками. Чтобы выйти изъ такого положенія, прокламація приглашаетъ народъ къ дружному, согласному возстанію, внушая требовать всеобщаго передѣла земли, управленія, составленнаго изъ выборныхъ изъ народа, отмѣны помѣщичьихъ оброковъ и т. п.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что прокламація написана языкомъ простонароднымъ, доступнымъ пониманію большинства крестьянъ, и испещрена текстами св. Евангелія, коими какъ бы подкрѣпляются приводимыя въ прокламаціи положенія, въ томъ числѣ и возбужденіе къ возстанію. Обвиняемый Долгушинъ не сознается ни въ чемъ, называя показанія постороннихъ свидѣтелей лживыми, а показанія собственной жены бредомъ больного, находящагося въ опасномъ положеніи.

Относительно технолога 1-го разряда Льва Адольфова Дмоховскаго. Познакомившись съ Долгушинымъ въ концѣ 1872 года, Дмоховскій былъ изъ числа участвовавшихъ на вечерахъ Долгушина, именно тѣхъ, на которыхъ былъ поднятъ впервые вопросъ о пропагандѣ въ народѣ и на которыхъ онъ, Дмоховскій, высказывался въ пользу необходимости пріобрѣтенія типографскаго станка, о чемъ было упомянуто еще въ началѣ настоящаго акта. Около половины марта Дмоховскій отправился за границу, по его словамъ, вслѣдствіе переговоровъ съ Верещагинымъ и его повѣреннымъ Фризелемъ, т. е. какъ бы по порученію Верещагина. На самомъ же дѣлѣ это было не такъ, ибо спрошенный по этому предмету Верещагинъ, объяснилъ, что Дмоховскаго посылалъ за границу не онъ, а заводчикъ клееваренія Платоновъ; повѣренный же Верещагина воспользовался отъѣздомъ за границу Дмоховскаго,

чтобы дать ему тамъ отдѣльное небольшое порученіе. Платоновъ, съ своей стороны, какъ видно изъ дѣла, Дмоховскаго за границу также не посылалъ, и такимъ образомъ, объясненіе его объ этой поѣздкѣ представляется явно-невѣрнымъ. Вернувшись изъ-за границы, Дмоховскій, по уговору съ Платоновымъ, поступилъ за 100 рублей въ мѣсяцъ для занятія на его московскій клееваренный заводъ, куда и переѣхалъ въ половинѣ мая 1873 г. Занимался онъ тамъ, по отзыву Платонова, настолько нерадиво, что послѣдній вынужденъ былъ измѣнить съ нимъ заключенное первоначально условіе. Въ половинѣ же іюля Дмоховскій выѣхалъ съ завода вовсе и поселился въ домѣ Степанова, при чемъ посѣщалъ заводъ Платонова лишь въ послѣ-обѣденное время. Дмоховскій, по его въ этомъ удостовѣренію, занимался въ это время по утрамъ разработкой проекта костеобжигательнаго завода, который преполагалось устроить на дачѣ Долгушина. Но и это показаніе обвиняемаго всецѣло опровергается обстоятельствами дѣла, изъ котораго видно, что небрежность, съ которою онъ занимался на заводѣ Платонова, объясняется весьма частыми его отлучками на дачу Долгушина, гдѣ печатались въ то время прокламаціи Долгушинымъ, Папинымъ, Плотниковымъ и имъ, Дмоховскимъ, а окончательный выѣздъ съ квартиры на заводѣ на собственную квартиру въ домъ Степанова — продолженіемъ тамъ печатанія тѣхъ же прокламацій, при участіи Долгушина, о чемъ дала обстоятельное объясненіе при предварительномъ слѣдствіи проживавшая на квартирѣ съ Дмоховскимъ, Сахарова. Осторожность, которою старался обставить свои занятія Дмоховскій въ домѣ Степанова, подробно объясняется въ показаніяхъ свидѣтелей домовладѣльца коллежскаго ассесора Михаила Петровича Степанова и дворника московскаго цехового Аркадія Михайлова Соловьева, по удостовѣренію коихъ окна квартиры Дмоховскаго, какъ на улицу, такъ и на дворъ, за исключеніемъ кухни, постоянно были завѣшаны. По ихъ же свидѣтельству, по выѣздѣ Дмоховскаго, въ одной изъ комнатъ, гдѣ, какъ надо полагать, печатаніе производилось, замѣчены были на стѣнахъ масляныя пятна. Когда затѣмъ, по словамъ Татьяны Порфирьевой Сахаровой, печатаніе прокламацій въ домѣ Степанова было окончено, деревянный станокъ былъ Дмоховскимъ сожженъ, а всѣ другія принадлежности печати отвезены Дмоховскимъ къ крестьянину Соломатину въ домъ Шепелевыхъ. Въ отвозкѣ туда вещей принимала участіе и сама Сахарова. Все это отчетливо подтверждается показаніями, данными при слѣдствіи крестьяниномъ Петромъ Ефимовымъ Соломатинымъ, женою его Маріею Ефимовою и дворникомъ дома Шепелевыхъ, крестьяниномъ Никандромъ Кузьминымъ Семинымъ, изъ объясненій коихъ видно также, что ящики Дмоховскаго были сравнительно съ ихъ величиной весьма тяжелые. Въ августѣ Дмоховскій переѣхалъ на дачу къ Долгушину, гдѣ, по согласному объясненію Ананія Васильева, Аграфены Дмитріевой Долгушиной и мѣщанки Сахаровой, начались тогда между Долгушинымъ, Дмоховскимъ, Папинымъ и Плотниковымъ обстоятельныя разсужденія о пропагандѣ въ народѣ. Условившись въ этомъ отношеніи окончательно, Дмоховскій вмѣстѣ съ тремя другими своими товарищами по преступному дѣлу, къ коимъ присоединился и Ананій Васильевъ, отправился въ началѣ сентября въ Москву, гдѣ на квартирѣ крестьянина Кирилла Кондратьева Курдаева участвовалъ вмѣстѣ съ другими, какъ показалъ обвиняемый крестьянинъ Ананій Васильевъ, въ дѣлежѣ прокламацій, предназначенныхъ для распространенія. Въ народъ, однако, Дмоховскій, подобно Долгушину, не пошелъ, но относительно распространенія имъ въ средѣ крестьянскаго населенія прокламацій и преступной пропаганды вообще, въ слѣдственномъ производствѣ имѣется показаніе крестьянина Өедора Афанасьева, доказывающее и то и другое. По словамъ Афанасьева, молодой человѣкъ худощавый, съ длиннымъ носомъ, просившій его однажды на дорогѣ, проѣхавъ дер. Оборвихи, подвезти въ Москву, сталъ во время пути съ нимъ разговаривать и высказалъ, между прочимъ, что живетъ въ Москвѣ на заводѣ Платонова въ кожевникахъ и что занимается приготовленіемъ разныхъ веществъ изъ рыбьяго клея. Затѣмъ, подъѣзжая къ Кунцовой рощѣ, сталъ говорить „о солдатчинѣ“, о томъ, что крестьянъ обижаютъ, не давая вдоволь земли и лѣсу, и что у него есть двѣ книжки о Стенькѣ Разинѣ и Пугачевѣ. Тотъ же молодой человѣкъ приходилъ къ нему вмѣстѣ съ другимъ подъ предлогомъ заказа зеркалъ въ деревнѣ, гдѣ читали и объясняли ему прокламацію „Русскому народу“. Хотя крестьянинъ Өедоръ Афанасьевъ по предъявленіи ему Дмоховскаго при слѣдствіи и не сказалъ положительно, что узнаетъ въ немъ именно того молодого человѣка, котораго подвозилъ въ Москву, и который былъ у него въ деревнѣ вмѣстѣ съ другими подъ предлогомъ заказа зеркалъ, и что предъявленный только похожъ на него. Новая обстановка этого эпизода, взятая вмѣстѣ, приводитъ къ убѣжденію, что молодой человѣкъ, о которомъ говоритъ Афанасьевъ никто иной, какъ Дмоховскій. То же подтверждаетъ и объясненіе, данное при слѣдствіи по показанію Афанасьева со стороны Долгушина, который прямо говоритъ, что о томъ, что Өедоръ Афанасьевъ—зеркальщикъ, узналъ отъ Дмоховскаго. Самъ обвиняемый все изложенное отрицаетъ всецѣло.

Преслѣдуя затѣмъ дальнѣйшую дѣятельность въ Москвѣ Дмоховскаго, по дѣлу оказывается, что въ началѣ сентября онъ нанялъ себѣ квартиру въ домѣ Гурина, куда и переѣхалъ на жительство съ Сахаровою. Квартира эта, по его собственному сознанію и по показаніямъ Татьяны Порфирьевой Сахаровой, а равно и двор-

ника дома крестьянина Афанасія Васильева, была взята Дмоховскимъ на имя Сахаровой, при чемъ онъ всячески уклонялся не только выдать дворнику свой паспортъ, но и назвать свою фамилію. Здѣсь такъ же какъ и въ домѣ Степанова, были завѣшаны всѣ окна, дверь въ темную комнату, гдѣ находились, какъ видно изъ дѣла, вещи для печатанія, была постоянно на замкѣ; дворника впускали съ чернаго крыльца, всегда отпиравшагося не вдругъ, а послѣ нѣкотораго промежутка времени, какъ бы необходимаго для принятія мѣръ предосторожности. Такая осторожность оправдывается, какъ видно изъ слѣдственнаго производства, тѣмъ, что Дмоховскій, едва успѣвъ переѣхать на новую квартиру, уже вновь принимается за преступное свое дѣло, заказываетъ столяру новый деревянный станокъ для печатанія и беретъ отъ Соломатина необходимыя для печатанія принадлежности, отвезенныя къ послѣднему на храненіе изъ дома Степанова. Все это, подтверждаясь показаніями Сахаровой, столяра крестьянина Макара Осипова и крестьянина Соломатина, не отвергается въ сущности и самимъ Дмоховскимъ, который, сознаваясь на предварительномъ слѣдствіи въ заказѣ Макару Осипову станка и въ покупкѣ красокъ, а равно и другихъ принадлежностей тисненія, объяснилъ, что дѣйствительно въ домѣ Гурина занимался приготовленіями къ печатанію, хотя и не рѣшилъ, что именно печатать будетъ. Къ сему обвиняемый однако самъ присовокупилъ, что если бы сталъ печатать, то, главнымъ образомъ, сочиненія, направленныя противъ собственности. Наконецъ, вещественныя доказательства, въ д. Гурина найденныя, въ свою очередь подтверждаютъ все изложенное. Такимъ образомъ, несмотря на отсутствіе въ производствѣ откровеннаго сознанія Дмоховскаго, онъ обстоятельствами дѣла съ достаточною вполнѣ ясностью и полнотою изобличается въ томъ, что, первый, подавъ мысль о типографскомъ станкѣ, принималъ участіе вмѣстѣ съ Долгушинымъ, Папинымъ и Плотниковымъ въ печатаніи прокламацій преступнаго содержанія, указанныхъ ранѣе сего, трехъ сортовъ, на дачѣ Долгушина въ дер. Сареево и позднѣе вмѣстѣ съ Долгушинымъ въ Москвѣ, въ д. Степанова, а равно также въ распространеніи одной изъ прокламацій, подъ названіемъ „Русскому народу".

Относительно дворянина Ивана Иванова Папина. Папинъ рѣшительно и безусловно отвергая всякое съ своей стороны участіе въ дѣлѣ печатанія и распространенія прокламацій преступнаго содержанія „Русскому народу", „Какъ должно жить по закону природы и правды" и „Интеллигентнымъ людямъ", доводитъ неискренность свою до отрицанія простого знакомства съ Сахаровой и даже Дмоховскимъ. По его въ томъ удостовѣренію, осенніе вечера у Долгушина въ 1873 г. характера кружка не имѣли, на нихъ о пропагандѣ не говорилось, о типографскомъ станкѣ тоже. Пріѣхавъ въ іюнѣ 1873 г. въ Москву, онъ былъ у Долгушина всего два раза: первый разъ лѣтомъ и пробылъ на дачѣ съ недѣлю, второй въ началѣ сентября и пробылъ дня два или три. Про печатаніе и распространеніе указанныхъ выше прокламацій, ничего не знаетъ, а тѣ прокламаціи, кои у него найдены, получилъ отъ неизвѣстнаго человѣка наканунѣ ареста. Что касается, наконецъ, до взятаго, у него Евангелія, въ которомъ отмѣчены были карандашемъ мѣста, вошедшія въ прокламацію „Русскому народу", и до стиховъ „пусть какъ единый человѣкъ и т. д.", кои также вошли частію въ ту же прокламацію, то Папинъ при слѣдствіи объяснилъ, что отмѣтки въ Евангеліи сдѣланы имъ послѣ полученія отъ неизвѣстнаго человѣка прокламацій въ видахъ ихъ провѣрки, а найденные стихи—случайность.

Всѣ изложенныя объясненія Папина опровергаются обстоятельствами дѣла и онъ достаточно уличается какъ въ печатаніи прокламацій на дачѣ въ дер. Сареево при участіи Долгушина, Дмоховскаго и Плотникова, такъ равно и въ распространеніи ихъ среди крестьянъ. То обстоятельство, что Папинъ въ 1872 г. принималъ участіе на осеннихъ вечерахъ Долгушина, преступный характеръ коихъ былъ уже указанъ ранѣе, доказывается показаніями Долгушиныхъ и не опровергается самимъ Папинымъ, который старался только придать имъ иное значеніе. То же, что онъ пріѣхалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Москву, былъ на дачѣ Долгушина въ дер. Сареево при другихъ условіяхъ, чѣмъ говоритъ самъ, причемъ участвовалъ наравнѣ съ Долгушинымъ, Дмоховскимъ и Плотниковымъ въ подготовительныхъ совѣщаніяхъ, въ пропагандѣ въ народѣ, въ печатаніи прокламацій преступнаго содержанія, въ окончательныхъ совѣщаніяхъ по поводу ихъ распространенія и, наконецъ, въ дѣлежѣ прокламацій на квартирѣ крестьянина Кирилла Кудраева доказывается показаніями Аграфены Дмитріевой Долгушиной, Татьяны Порфирьевой Сахаровой и Ананія Васильева, а также вещественными доказательствами, у него найденными. Приводить показанія указанныхъ выше лицъ, здѣсь снова не представляется надобности, такъ какъ они были уже приведены по этому предмету относительно обвиняемыхъ Долгушина и Дмоховскаго, при описаніи преступной дѣятельности коихъ въ дер. Сареево были сдѣланы ссылки и на соучастіе въ таковой же Папина. Что же касается до распространенія Папинымъ прокламацій среди крестьянъ, то необходимо замѣтить, что онъ въ этомъ отношеніи высказалъ несравненно большую послѣдовательность и энергію, нежели обвиняемые Долгушинъ и Дмоховскій. Вѣрный принятому въ дер. Сареево рѣшенію „идти въ народъ", онъ въ первыхъ числахъ сентября 1873 г. и привелъ это въ исполненіе и слѣдствіемъ по этому поводу обнаружено слѣду-

щее : 10-го сентября 1873 года безсрочно-отпускной рядовой Филиппъ Федоровъ и крестьянинъ Михаилъ Ивановъ Щербаковъ отправились пѣшкомъ изъ Москвы на родину, въ Вяземскій уѣздъ Смоленской губерніи; ликогда они отошли около 30 верстъ отъ Москвы по Можайской дорогѣ, то нагнали молодого человѣка въ казакинѣ тонкаго сукна, плисовыхъ шароварахъ и кожаной шапкѣ. Молодой человѣкъ завязалъ съ ними разговоръ, въ которомъ передалъ имъ, между прочимъ, что крестьяне одного изъ землевладѣльцевъ три года не подписывали уставную грамоту, а затѣмъ сталъ толковать, что „скоро будутъ всѣ равны на землѣ, что не будутъ кориться другъ другу, и что на землѣ скоро будетъ сдѣланъ рай безъ Бога". Не доходя верстъ 5-ти до гор. Можайска, молодой человѣкъ далъ Щербакову книжку, совѣтуя читать и говоря, что въ ней содержится „поученіе міру". На пути неизвѣстный показалъ имъ бывшій при немъ револьверъ, а равно Щербаковъ и Федоровъ видѣли у него евангеліе и клеенчатую сумку. По словамъ свидѣтеля Федорова, во время дороги молодой человѣкъ, смотря на записку, называлъ имъ сосѣднія села и деревни, а по словамъ Щербакова онъ видѣлъ у него бумагу, на которой были написани всѣ деревни и даже дорога нарисована. По предъявленіи рядовому Федорову и крестьянину Щербакову Папина, они безусловно признали въ немъ того самаго молодого человѣка, котораго встрѣчали на пути въ Можайскъ и который далъ имъ книжку. Револьверъ, евангеліе и сумка признаны ими были также. Затѣмъ Федоровъ и Щербаковъ, разставшись, по ихъ удостовѣренію, въ городѣ Можайскѣ съ неизвѣстнымъ который направился къ желѣзной дорогѣ, пошли дальше и ночевали въ дер. Кузнарицѣ, и на другой день пришли на ночлегъ въ Гжатскій уѣздъ Смоленской губерніи въ дер. Дурыкина, гдѣ и остановились на постояломъ дворѣ. Когда они заснули, то, хозяинъ крестьянинъ Алексѣй Максимовъ Митаевъ, увидѣвъ на окнѣ постоялаго двора книжку „Русскому народу" взялъ ее съ цѣлію почитать вмѣстѣ съ учителемъ его дѣтей, межевщикомъ Викторомъ Федоровымъ Жарковымъ. Замѣтивъ тотчасъ, что книжка содержанія возмутительнаго, они порѣшили, что она идетъ изъ Польши, и сговорились принять относительно прохожихъ соотвѣтственныя мѣры, кои только благодаря бездѣятельности мѣстныхъ старосты и сотскаго, не повели къ аресту Федорова и Щербакова. Книжка „Русскому народу", отобранная у рядового Федорова и крестьянина Щербакова въ селеніи Дурыкино, была впослѣдствіи передана Митяевымъ мѣстному исправнику. Что касается, наконецъ, до объясненія обвиняемаго Папина о способѣ полученія имъ прокламаціи отъ неизвѣстнаго, то таковое въ виду всего изложеннаго представляется настолько несостоятельнымъ, что не нуждается и въ особыхъ опроверженіяхъ.

Относительно дворянина Николая Александрова Плотникова. Преступная дѣятельность Плотникова въ главныхъ чертахъ тождественна съ дѣятельностью Папина. Подобно ему онъ, прибывъ изъ Петербурга въ Москву, принималъ участіе во всемъ томъ, что дѣлалось въ дер. Сареево на дачѣ Долгушина, не исключая и печатанія прокламацій и подобно ему же выказалъ особую рѣшимость въ дѣлѣ ихъ распространенія. Первое доказывается, какъ и относительно Папина, показаніями Аграфены Дмитріевой Долгушиной, Татьяны Порфирьевой Сахаровой и Ананія Васильева, а также отчасти и собственнымъ показаніемъ обвиняемаго, который при слѣдствіи, по поводу разговоровъ о пропагандѣ въ народѣ, бывшихъ въ дер. Сарево, объяснилъ, что о томъ, точно, рѣчь тамъ была и что самъ хотѣлъ идти на пропаганду въ народѣ „революціонныхъ идей". Что же касается до распространенія прокламацій: „Русскому народу", „Какъ должно жить по закону природы и правды" и „Къ интеллигентнымъ людямъ", то Плотниковъ, отказываясь дать какое-либо объясненіе о тѣхъ экземплярахъ прокламацій, кои были у него найдены, сослался только въ передачѣ одной изъ нихъ, а именно „Русскому народу", крестьянину Ивану Тихонову. Предварительнымъ слѣдствіемъ по этому предмету обнаружено: въ началѣ сентября, когда крестьяне Калужской губерніи Иванъ Тихоновъ и Павелъ Яковлевъ Соловьевъ отправились изъ города Егорьевска, Рязанской губерніи, на родину, то близъ станціи желѣзной дороги Люберцы встрѣтили молодого человѣка въ поддевкѣ. Разговорившись съ ними, молодой человѣкъ предложилъ имъ книжку, и когда они отъ нея отказались за незнаніемъ грамоты, то сталъ имъ читать самъ, говоря, что книжка „изъ Духовной Консисторіи". Въ этой книжкѣ, какъ это понялъ одинъ изъ свидѣтелей, Соловьевъ, говорилось „какъ господа жали крестьянъ въ бараній рогъ, и что не нужно платить податей". Книжку эту неизвѣстный совѣтывалъ „давать народу читать, чтобы въ голову забиралъ, памятовалъ". Когда, по словамъ свидѣтелей, они пришли на вокзалъ, то молодой человѣкъ спрашивалъ ихъ имена и мѣста жительства, и далъ имъ все-таки книжку, которую онъ назвалъ „Русскому народу" и которую читалъ на дорогѣ. По предъявленіи означеннымъ свидѣтелямъ экземпляра прокламаціи „Русскому народу" и Плотникова они признали именно ту книжку, которую имъ читалъ и затѣмъ отдалъ неизвѣстный, а въ послѣднемъ обвиняемаго. То же подтверждается независимо отъ собственнаго сознанія и замѣткой, сдѣланной Плотниковымъ въ отобранной отъ него памятной книжкѣ. Такимъ образомъ участіе Плотникова въ описанной ранѣе сего преступной дѣятельности обвиняемыхъ Долгушина, Дмоховскаго и Папина на дачѣ въ дер.

Сареево, выразившееся, главнѣйшемъ образомъ, въ печатаніи прокламацій „Русскому народу“, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, а равно и въ распространеніи ихъ впослѣдствіи доказывается обстоятельствами всего дѣла вполнѣ. Къ сему необходимо присовокупить, что, сознаваясь отчасти, какъ это было указано, въ основательности взводимыхъ противъ него обвиненій, Плотниковъ дѣлаетъ это въ формѣ, доказывающей съ его стороны неискренность, а извѣстный фанатизмъ, съ которымъ онъ относится къ своему преступному дѣлу. Такой общій выводъ подтверждается всѣми показаніями его при слѣдствіи, а равно и заявленіемъ его въ Московское Жандармское Управленіе, озаглавленнымъ: „То-ли челобитная! Глянь!“ которое слѣдуетъ, какъ онъ объяснилъ при слѣдствіи „понимать буквально“.

Относительно крестьянина Ананія Васильева. Крестьянинъ Ананій Васильевъ познакомился съ Долгушинымъ впервые въ то время, когда послѣдній завѣдывалъ мастерской Верещагина въ С.-Петербургѣ, т. е. въ 1872 году. Тогда же Долгушинъ обратилъ на него свое вниманіе и пригласилъ приходить къ нему учиться, чѣмъ Ананій Васильевъ и воспользовался. Тогда же, по словамъ обвиняемаго, зашла рѣчь о томъ, чтобы „идти въ народъ“, при чемъ ему предлагалось разносить въ народѣ книжки, съ тѣмъ, чтобы выручку за нихъ онъ обращалъ въ свою пользу. Такое дѣло Ананій Васильевъ призналъ для себя невыгоднымъ и предложеніе это не осуществилось. При переѣздѣ Долгушина въ Москву Ананій Васильевъ поступилъ къ нему въ услуженіе, но въ половинѣ іюня отошелъ, потому что Долгушинъ не платилъ слѣдующаго ему по уговору жалованья. Вмѣсто 70 рублей, кои онъ считалъ себя въ правѣ требовать отъ Долгушина, онъ получилъ шесть, при чемъ Дмоховскій, по его въ томъ удостовѣренію, бросилъ ему такую фразу: „что дачу купили не для того, чтобы помѣщичать, а чтобы это дѣло дѣлать“, а Долгушинъ на дорогѣ изъ Сареево въ Москву „далъ ему въ шею“. Въ концѣ августа Ананій Васильевъ вернулся въ Москву и снова отправился на дачу Долгушина. Печатаніе прокламацій тамъ было уже окончено, а потому и понятно, что Ананій Васильевъ не видѣлъ, какъ это дѣлалось. При немъ шли уже окончательныя совѣщанія о распространеніи прокламацій. При этомъ всѣ, т. е. Долгушинъ, Дмоховскій, Папинъ, Плотниковъ и онъ, Васильевъ, изъявили готовность идти для ихъ распространенія. Съ этою цѣлью обвиняемые отправились въ Москву и, порѣшивъ идти въ путь, на квартирѣ крестьянина Кирилла Кондратьева-Курдаева подѣлили между собою прокламаціи, при чемъ Ананій Васильевъ получилъ, какъ онъ говоритъ, штукъ 30 „Русскому народу“ и столько же „Какъ должно жить по закону природы и правды“. Затѣмъ обвиняемый пустился въ дорогу „впередъ всѣхъ“ и дѣятельно занялся распространеніемъ, указавъ при слѣдствіи и мѣста, гдѣ раздавалъ прокламаціи. Онъ раздавалъ ихъ вездѣ: и путникамъ, которымъ нравились его рѣчи, и гдѣ ночевалъ, и рабочимъ, работавшимъ на дорогахъ. Какъ ему было говорено, что „Христосъ этимъ же занимался“, такъ и онъ говорилъ это всѣмъ. Вернулся Ананій Васильевъ въ Москву тогда, когда у него остались на рукахъ только двѣ прокламаціи, и, получивъ отъ ревельскаго гражданина Циммермана 10 р. на дорогу, отправился на родину, въ Тверскую губернію, гдѣ и былъ арестованъ. Весь изложенный разсказъ почерпнутъ изъ собственныхъ вполнѣ чистосердечныхъ показаній Ананія Васильева, подтверждаемыхъ и обстоятельствами всего дѣла. Но, независимо отъ сего, показаніе Васильева о дѣятельности на дачѣ подтверждается показаніями Долгушиной и Сахаровой, кои также указываютъ на него, какъ на лицо, соглашавшееся взять на себя дѣло пропаганды въ народѣ. Что касается до распространенія прокламацій, то, помимо разсказа о совершенномъ съ этою цѣлью путешествія самого обвиняемаго и показанія его о томъ, что, еще проживая на дачѣ въ дер. Сареево онъ ходилъ съ Долгушинымъ читать прокламаціи „Одному мужику“, предварительнымъ слѣдствіемъ собраны слѣдующія доказательства: а) съ 12-го на 13-е сентября 1873 г., какъ о томъ согласно показываютъ свидѣтели крестьяне Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, дер. Токсино: Егоръ Григорьевъ Малюшкинъ, Григорій Ивановъ Синицынъ, Давыдъ Ивановъ, Семенъ Степановъ и Илья Григорьевъ—къ Давыду Иванову попросился ночевать „паренекъ“, остриженный по-русски, въ черной суконной поддевкѣ и въ сапогахъ съ подковками. За ночлегъ онъ далъ Давыду Иванову книжку, изъ которой Илья Григорьевъ прочиталъ при нихъ всѣхъ страницы 3 или 4. Крестьяне при этомъ заявляютъ, что ничего изъ нея не поняли, что книжка была „ни божественная, ни сказка“, и что они порѣшили, что она „годна только на папироски“. Книжка эта, отобранная при дознаніи жандармскимъ унтеръ-офицеромъ, оказалась прокламаціею „Русскому народу“, а „паренекъ“, давшій ее Давыду Иванову“, по описанію, сдѣланному послѣднимъ и съ его словъ другими, есть безъ сомнѣнія никто другой, какъ крестьянинъ Ананій Васильевъ. б) Крестьянинъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, дер. Воловниковой, Яковъ Матвѣевъ Смирновъ объяснилъ при слѣдствіи, что 10-го сентября 1873 года зашелъ къ нему и сталъ проситься ночевать молодой крестьянинъ, какъ онъ узналъ впослѣдствіи, Ананій Васильевъ Смирновъ дать ночлегъ согласился. Описывая затѣмъ разговоръ свой съ прохожимъ, онъ говоритъ, что коснулся вопроса о женитьбѣ. На это тотъ отвѣтилъ: „я еще молодъ и притомъ,

можетъ быть, меня завтра свяжутъ". Затѣмъ Ананій Васильевъ началъ читать ему книжку, которая „начиналась съ Евангелія" и въ которой потомъ говорилось, что не слѣдуетъ съ крестьянъ брать оброковъ, и что Царь обдѣлилъ ихъ землею". Въ благодарность за ужинъ Ананій Васильевъ оставилъ ему двѣ книжки, кои и были впослѣдствіи отобраны полиціею. По предъявленіи во время дознанія обвиняемаго Смирнову, онъ былъ имъ признанъ за того самаго, о коемъ свидѣтельствуетъ, а при предъявленіи при слѣдствіи прокламацій „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды", онъ призналъ ихъ за такія книжки, какія получилъ отъ Ананія Васильева. в) Осенью 1873 года,—какого именно числа—не помнитъ, крестьянинъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, дер. Крюкова Дмитрій Ивановъ Журавлевъ, находясь въ своей избѣ, увидѣлъ чрезъ окно молодого человѣка, одѣтаго въ русскій кафтанъ. Неизвѣстный подошелъ къ окну и предложить купить у него книжку, а когда Журавлевъ отказался, то далъ ему книжку даромъ. Она была озаглавлена „Русскому народу". Впослѣдствіи далъ читать эту книжку крестьянину одной съ нимъ деревни Василію Николаеву, отъ котораго она затѣмъ и была отобрана. Николаевъ сдѣланную на него ссылку подтвердилъ. г) Около „Воздвиженья" (14-го сентября) 1873 года крестьянинъ Московской губерніи, Клинскаго уѣзда, дер. Высокаго, Павелъ Захаровъ Морковниковъ, подъѣзжая къ деревнѣ Воловниково, нагналъ молодаго человѣка, который безъ предварительныхъ разговоровъ далъ ему двѣ книжки. Морковниковъ ихъ взялъ, прочиталъ и, по его въ томъ удостовѣреніи, ничего въ нихъ не понялъ. Книжки эти были у него впослѣдствіи отобраны и по предъявленіи при слѣдствіи прокламацій „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды" свидѣтель призналъ ихъ за точно такія, какія получилъ отъ неизвѣстнаго. д) Крестьянинъ Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда, Петръ Павловъ Кондауровъ, державшій въ 1873 году въ деревнѣ Кузьминской питейное заведеніе, показалъ, что осенью или лѣтомъ, навѣрное не помнитъ, видѣлъ на улицѣ человѣка, который спрашивалъ у него дорогу на слободу. Пока съ нимъ объяснялся, проходили дѣти изъ училища. Неизвѣстный предложилъ имъ купить книжки и, одинъ изъ мальчиковъ, Парфенъ Ивановъ, одну книжку за двѣ копѣйки купилъ. Когда неизвѣстный доставалъ книжку изъ сумки, свидѣтель видѣлъ, что тамъ были еще такія же. Неизвѣстный средняго роста, безъ усовъ и бороды, одѣтъ былъ въ поддевку тонкаго сукна. Мальчикъ Парфенъ Ивановъ сдѣланную на него ссылку подтвердилъ, добавивъ, что книжка была у него отобрана жандармомъ и что „начиналась съ текста евангелія отъ Матѳея". Кондауровъ и Парфенъ Ивановъ, которымъ при дознаніи былъ предъявленъ Ананій Васильевъ, признали его за то самое лицо, которое продавало книжки.

е) Крестьянинъ Московской губерніи, Волоколамскаго уѣзда, Алексѣй Іоновъ Волковъ объяснилъ при слѣдствіи, что 14-го сентября 1873 года, возвратившись домой съ работы, засталъ неизвѣстнаго просившаго ночлегъ и назвавшагося разносчикомъ книгъ. Изъ разговоровъ этого человѣка свидѣтель, по его въ томъ удостовѣренію, замѣтилъ, „что книжки, кои онъ разносилъ, надо передавать изъ селенія въ селеніе, изъ волости въ волость". Неизвѣстный читалъ ему книжки, и свидѣтель, понявъ, что онѣ „развратныя" и что въ нихъ говорится, что надобно „возмутить Россію", замѣтилъ разносчику, что съ такими книжками „можно пропасть", на что тотъ отвѣчалъ: „все равно пропадать—не всѣмъ же пропадать". По совѣту нѣкоторыхъ крестьянъ, потребовали у неизвѣстнаго паспортъ, который и читалъ крестьянинъ Кузьма Петровъ. При этомъ крестьянинъ Алексѣй Поповъ добавилъ, что онъ знаетъ, что у неизвѣстнаго одну книжку взялъ сынъ его Петръ. Въ дополненіе къ этому показанію крестьянинъ Кузьма Петровъ, съ своей стороны подтверждая сдѣланную на него ссылку, объяснилъ, что прохожій оказался по паспорту крестьяниномъ Тверской губерніи Ананіемъ Васильевымъ, а сынъ Алексѣя Іонова Петръ Алексѣевъ, подтверждая также показаніе отца о книжкѣ, добавилъ, что неизвѣстный, оказавшійся Ананіемъ Васильевымъ, былъ у нихъ въ домѣ еще ранѣе того дня, когда видѣлъ его отецъ, а именно 12-го сентября, ходилъ съ нимъ и Яковомъ Васильевымъ на фабрику и склонялъ его взять у него книжки и раздавать грамотнымъ, или отправиться вмѣстѣ съ нимъ ихъ разносить, отъ чего свидѣтель отказался. Наконецъ, крестьянинъ Яковъ Васильевъ, утверждая, что находился въ избѣ Алексѣя Іонова въ это время, когда неизвѣстный прохожій читалъ ему книжку, присовокупилъ, что на фабрику съ нимъ ходилъ точно и, получивъ отъ него книжку, самъ читалъ, но „не понявъ, извелъ на папиросы". При дознаніи видно, что всѣмъ указаннымъ свидѣтелямъ былъ предъявленъ Ананій Васильевъ, и что они признали его за того самаго, о коемъ показывали. Къ сему слѣдуетъ присовокупить, что обвиняемый Ананій Васильевъ, затрудняясь, какъ видно изъ его показаній при слѣдствіи, назвать всѣхъ тѣхъ лицъ, коимъ прокламаціи роздалъ, заявилъ, однако, что вполнѣ подтверждаетъ ссылку на него всѣхъ тѣхъ, кои были ему при дознаніи предъявлены. Такимъ образомъ, обвиненіе крестьянина Ананія Васильева въ распространеніи прокламаціи „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды" опирается па собственномъ, вполнѣ искреннемъ его сознаніи, согласнымъ и съ обстоятельствами дѣла.

Относительно мѣщанки Татьяны Порфирьевой Сахаровой. Сахарова,

какъ видно изъ слѣдственнаго производства, чистосердечно сознавшись въ участіи, которое принимала въ настоящемъ дѣлѣ, въ виду близкихъ отношеній съ Дмоховскимъ, такъ сказать, самостоятельной роли въ преступной дѣятельности главныхъ обвиняемыхъ не играла. Будучи близка къ Дмоховскому еще съ того времени, когда находилась въ Петербургѣ въ услуженіи у его родителей, и сошедшись съ нимъ вновь въ Москвѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1873 года, она была свидѣтельницей всѣхъ подготовительныхъ къ пропагандѣ разговоровъ на дачѣ Долгушина въ дер. Сареево, видѣла прокламаціи еще въ рукописи; видѣла, какъ ихъ печатали на дачѣ и въ Москвѣ въ домѣ Степанова; знала, что собираются ихъ распространять въ народѣ, и затѣмъ все-таки не приняла никакихъ мѣръ къ предупрежденію предпринятаго зла, хотя имѣла на то и время, и возможность, хотя и понимала преступность того, что вокругъ нея дѣлалось постепенно изо-дня въ день. Такая виновность Сахаровой не можетъ быть оправдана ссылкою на ея отношенія къ Дмоховскому, кои, составляя, безъ сомнѣнія, обстоятельство смягчающее, отнюдь не могутъ быть поводомъ къ непривлеченію Сахаровой къ должной по закону отвѣтственности предъ судомъ за попустительство, въ коемъ она и изобличается какъ собственными показаніями, вполнѣ согласными съ обстоятельствами дѣла, такъ равно показаніями дворянки Аграфены Дмитріевой Долгушиной и крестьянина Ананія Васильева, коими все сказанное о положеніи въ настоящемъ дѣлѣ Сахаровой вполнѣ подтверждается.

Относительно Дворянина Дмитрія Иванова Гамова. Гамовъ былъ первоначально сельскимъ учителемъ въ дер. Меглицахъ Новгородской губерніи, но затѣмъ, узнавъ что открывается учительское мѣсто на фабрикѣ Товарищества Реутовской Мануфактуры въ окрестностяхъ Москвы, чрезъ посредство Щербакова, бывшаго своего товарища, а нынѣ доктора этой фабрики, получилъ тамъ мѣсто учителя. По отзыву директора Реутовской Мануфактуры, инженеръ-технолога Байковскаго, Гамовъ не полюбился ему съ первыхъ же дней, потому что распустилъ школу и сталъ писать требованія въ дерзкомъ тонѣ.

Затѣмъ, 3-го декабря 1873 года, бухгалтеръ Тереневъ принесъ ему прокламацію „Какъ должно жить по закону природы и правды“, которая взята была первоначально у рабочаго Ельпидифора Мартынова и пройдя чрезъ нѣсколько рукъ дошла до Теренева. Г. Байковскій, по его словамъ, тотчасъ заподозрѣвъ Гамова, прокламацію сжегъ, но заявилъ, однако, обо всемъ случившемся въ Московское Жандармское Управленіе. Обвиняемый Гамовъ первоначально при слѣдствіи показалъ, что ни о какихъ прокламаціяхъ ничего не знаетъ, и что рабочимъ Ельпидифору Мартынову и Семену Егорову давалъ читать книги только изъ школьной библіотеки. При вторичномъ, однако, допросѣ Гамовъ сообщилъ, что рабочими Ельпидифоромъ Мартыновымъ и Семеномъ Егоровымъ, въ виду особаго ихъ рвенія учиться, заинтересовался исключительно и, давъ имъ перечитать все, что было въ библіотекѣ, далъ подъ конецъ двѣ брошюры: „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“, рекомендованныя ему бывшимъ его товарищемъ Баскинымъ. По удостовѣренію Гамова, онъ брошюръ самъ не читалъ и, передавая ихъ Мартынову и Егорову, не зналъ объ ихъ содержаніи, что извѣстно было и послѣднимъ. Но и это второе показаніе Гамова оказывается въ свою очередь невѣрнымъ. Допрошенный при предварительномъ слѣдствіи крестьянинъ Ельпидифоръ Мартыновъ объяснилъ, что двѣ прокламаціи: „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“, получилъ отъ бывшаго учителя фабричной школы Гамова. Передавая эти прокламаціи Гамовъ говорилъ: „чтобы ихъ давали читать какъ можно болѣе, а дойдетъ до конторы, заявили-бы, что купили въ Москвѣ на толкучкѣ“. Гамовъ „хвалилъ“ прокламаціи, называлъ ихъ „хорошими“ и говорилъ, что въ случаѣ его допроса, онъ, когда будетъ выпущенъ, еще дастъ такія же книжки“. Что же касается до крестьянина Семена Егорова, то онъ при слѣдствіи показалъ, что предъявленныя ему прокламаціи похожи на тѣ, кои видѣлъ у Ельпидифора Мартынова и что послѣдній точно сообщалъ ему, что Гамовъ, передавая ему прокламаціи, говорилъ, чтобы давать ихъ читать народу. Такимъ образомъ дѣлается совершенно яснымъ, что показаніе Гамова о томъ, что онъ далъ крестьянамъ прокламаціи, не прочтя ихъ предварительно самъ, несправедливо. Напротивъ того, изъ показанія Мартынова, заподозрѣть неискренность коего не представляется никакихъ основаній, прямо видно, что Гамовъ передавалъ ему прокламаціи, зная что передаетъ, и съ преступною притомъ цѣлью — распространенія ихъ въ народѣ. Точно такъ же неосновательнымъ представляется и объясненіе Гамова о способѣ полученія прокламацій отъ бывшаго товарища Баскина, какъ по той обстановкѣ, при которой это, по словамъ обвиняемаго, было сдѣлано, такъ и потому, что, по наведенной при слѣдствіи справкѣ, ссылка на Баскина оказалась ссылкою на лицо умершее.

Относительно дворянина Александра Сергѣева Чикова. Въ августѣ 1873 г. студентъ Технологическаго Института Поповъ встрѣтилъ въ Петербургѣ на Обуховской площади бывшаго своего товарища по гимназіи Чикова, который, узнавъ, что Поповъ собирается ѣхать на родину, въ область Войска Донского, просилъ его отвезти письмо и посылку на имя г. Грачевскаго, кои и отдать проѣздомъ на станціи Чертковъ Грязе-Царицынской линіи желѣзной дороги. Поповъ согласился, и Чиковъ

отнесъ ему на домъ и то, и другое. Впослѣдствіи оказалось, что въ посылкѣ, кромѣ книгъ, находились двѣ прокламаціи: „Къ интеллигентнымъ людямъ“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“. Допрошенный по этому предмету Чиковъ, сознаваясь при слѣдствіи, что посылку съ прокламаціями точно просилъ Попова передать Грачевскому, для чего таковую и отнесъ на квартиру перваго, относительно какъ цѣли, съ которою посылалъ ихъ, такъ и способа полученія прокламацій, а равно и всего того, что относится до посѣщенія имъ села Гуляевки, сослался на показанія, данныя имъ при дознаніи.Во время же дознанія Чиковъ первоначально объяснилъ, что въ іюнѣ 1873 года, бывъ на родинѣ, воспользовался удобнымъ случаемъ и посѣтилъ село Гуляевку, крестьянская жизнь котораго его интересовала уже давно. Проѣздомъ случайно познакомился на станціи Чертковъ съ однимъ изъ служащихъ на ней Грачевскимъ, коему и послалъ чрезъ Попова прокламаціи „въ видахъ того, чтобы познакомить его съ тѣмъ направленіемъ, которымъ онѣ проникнуты и пріобщить его, такъ сказать, къ образу мыслей и къ той дѣятельности, которымъ онъ, Чиковъ, сочувствовалъ, т. е. дѣятельности, имѣющей цѣлью народное образованіе и освобожденіе его изъ-подъ тѣхъ невыгодныхъ условій, въ которыхъ онъ, по его мнѣнію, находится“. О способѣ пріобрѣтенія прокламацій Чиковъ, по его въ томъ удостовѣренію, ничего сказать не можетъ, ибо не помнитъ какимъ образомъ и гдѣ ихъ получилъ, но знаетъ, что онѣ у него находятся съ начала 1873 года. Къ этому Чиковъ добавилъ, что брошюрамъ онъ „особаго значенія не придавалъ, хотя и раздѣлялъ высказанныя въ нихъ убѣжденія“. Въ слѣдующемъ затѣмъ показаніи, данномъ при дознаніи, Чиковъ въ разъясненіе того, что собственно интересовало его въ селѣ Гуляевкѣ, указалъ на бывшія тамъ „столкновенія“, а относительно цѣли, съ которою посылалъ Грачевскому прокламаціи, выразилъ, что сдѣлалъ это для того, чтобы Грачевскій, ознакомившись съ направленіемъ и убѣжденіемъ, выраженными въ обращеніи къ интеллигентнымъ людямъ, усвоилъ бы себѣ основную идею этого обращенія, приглашающаго каждаго образованнаго человѣка идти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства. Другая же брошюра послана была для того, чтобы онъ, Грачевскій, въ случаѣ, если усвоитъ себѣ упомянутый образъ мыслей, принялъ бы мѣры къ распространенію идей, изложенныхъ въ брошюрѣ, въ простомъ народѣ, для котораго она назначалась. Такимъ образомъ Чиковъ собственнымъ сознаніемъ, согласнымъ съ обстоятельствами дѣла, изобличается въ распространеніи прокламацій преступнаго содержанія, направленныхъ къ возбужденію народа противъ существующей власти. Что же касается до способа пріобрѣтенія имъ прокламацій, то хотя обвиняемый и даетъ по этому поводу очевидно ложное показаніе, но способъ этотъ, однако, слѣдствіемъ остался необнаруженнымъ.

Относительно ревельскаго гражданина Эмилія Эмиліева Циммермана. Обвиняемый крестьянинъ Ананій Васильевъ въ показаніи, данномъ имъ при слѣдствіи, окончивъ разсказъ о путешествіи, предпринятомъ имъ съ цѣлію распространенія прокламацій, между прочимъ, говоритъ, что возвратившись обратно въ Москву, былъ у Циммермана и, сообщивъ ему объ арестѣ двухъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, просилъ у него выдать ему его платье и бѣлье, а также снабдить прокламаціями для раздачи на родинѣ, въ Тверской губерніи. Циммерманъ, по удостовѣренію Васильева, въ свою очередь сообщивъ ему, что Дмоховскій и Долгушинъ еще на сободѣ, о прокламаціяхъ сказалъ, что теперь ихъ у него нѣтъ и велѣлъ приходить на другой день. Ананій Васильевъ это исполнилъ и, получивъ отъ Циммермана 10 руб., ушелъ на родину. Обвиняемый Циммерманъ, отвергая при слѣдствіи всякое участіе въ настоящемъ дѣлѣ вообще и показаніе Ананія Васильева въ томъ смыслѣ, какъ оно дано, въ частности сознался однако, что Ананій Васильевъ у него былъ, сообщалъ о двухъ арестованныхъ, говорилъ, что у него имѣются двѣ прокламаціи, кои онъ посовѣтовалъ ему изорвать, и что точно далъ ему 10 руб. на дорогу. Такимъ образомъ, если даже и не придавать показанію Ананія Васильева безусловной вѣры, то Циммерманъ уже и по собственному признанію достаточно изобличается въ томъ, что, зная, что у Ананія Васильева имѣются двѣ прокламаціи, вмѣсто донесенія о томъ надлежащей власти, еще снабдилъ его деньгами для прохода на родину.

Относительно дворянина Василія Петровича Сидорацкаго. Сидорацкій будучи привлеченъ къ дѣлу по обвиненію въ распространеніи прокламацій преступнаго содержанія, первоначально при слѣдствіи показалъ, что переданную имъ портупей-юнкеру Циммербергу прокламацію „Къ интеллигентнымъ людямъ“ онъ получилъ отъ неизвѣстнаго господина, познакомившись съ нимъ въ публичной библіотекѣ. Затѣмъ, по этому предмету онъ далъ другое показаніе, въ которомъ какъ на лицо, отъ котораго получена имъ означенная выше прокламація, указываетъ на бывшаго воспитанника Артиллерійскаго училища Завадскаго, который, какъ оказалось, по наведеннымъ справкамъ, умеръ. Не придавая, въ виду обстоятельствъ дѣла, передачѣ прокламацій Циммербергу значенія распространенія таковыхъ, Сидорацкій, однако, по собственному сознанію вполнѣ изобличается въ имѣніи прокламаціи преступнаго содержанія безъ надлежащаго на то разрѣшенія начальства.

Относительно сына священника Ивана Флегонтова Авессаломова. Преслѣдованіе противъ Авессаломова возбуждено по тому поводу, что у него найдена была прокламація „Русскому народу“. Авессаломовъ при слѣдствіи показалъ, что однажды, въ августѣ 1873 года, къ нему пришелъ его знакомый Соловьевъ (относительно коего, впредь до разысканія его, слѣдствіе Правительствующимъ Сенатомъ пріостановлено) и прочитавъ ему названную выше брошюру, таковую у него оставилъ. Какъ на причину, почему не обратилъ на нее должнаго вниманія, Авессаломовъ указываетъ на то, что Соловьевъ человѣкъ пустой и болтунъ, который весьма часто говоритъ всякій вздоръ безъ толку.

Такое объясненіе, если даже и дать ему полную вѣру, не можетъ быть признано обстоятельствомъ, снимающимъ съ обвиняемаго всякую личную отвѣтственность въ настоящемъ случаѣ, и поступокъ его, по собственному въ томъ показанію, представляется вполнѣ доказаннымъ и воспрещеннымъ имѣніемъ у себя прокламацій преступнаго содержанія безъ всякаго на то предусмотрѣннаго закономъ разрѣшенія.

Относительно дочери купца 2-й гильдіи Александры Яковлевой Ободовской. По обыску, произведенному у Ободовской, найдена была у нея прокламація „Русскому народу“, съ 17-й страницы начиная. По поводу этого Ободовская при слѣдствіи объяснила, что какимъ образомъ попалъ къ ней неполный экземпляръ названной прокламаціи, она не знаетъ, но думаетъ, что случайно въ какой-нибудь книгѣ. По ея въ томъ удостовѣренію, она до обыска этой прокламаціи не только не читала, но и не видала. Принимая во вниманіе голословность оправданій Ободовской, а съ другой — знакомство ея съ Чиковымъ, лицомъ, по собственному сознанію обвиняемомъ въ распространеніи прокламацій преступнаго содержанія, изложенное объясненіе представляется незаслуживающимъ уваженія и Ободовская, достаточно изобличенною въ томъ, что имѣла у себя прокламацію преступнаго содержанія внѣ дозволенныхъ условій, предусмотрѣнныхъ для сего закономъ. На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются:

Дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ — въ томъ, что составивъ самъ двѣ прокламаціи: „Русскому народу“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, направленныя къ возбужденію открытаго неповиновенія Верховной Власти, въ сообществѣ съ другими лицами не только напечаталъ какъ эти прокламаціи, такъ равно и прокламацію „Какъ должно жить по закону природы и правды“, такого же направленія, какъ и двѣ первыя, но и распространялъ ихъ съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, что составляетъ преступленіе предусмотрѣнное въ ст. 251 Улож. о наказ. изд. 1866 года; дворяне Левъ Адольфовъ Дмоховскій, Иванъ Ивановъ Панинъ и Николай Александровъ Плотниковъ—въ томъ, что, напечатавъ при взаимномъ участіи и при участіи Долгушина прокламаціи упомянутыхъ выше названій и содержанія, распространяли таковыя съ цѣлію возбудить населеніе къ бунту, что предусмотрѣно также ст. 251 Улож. о наказ.; крестьянинъ Ананій Васильевъ и дворяне Дмитрій Ивановъ Гамовъ и Александръ Сергѣевъ Чиковъ — въ томъ, что не участвуя ни въ составленіи, ни въ напечатаніи указанныхъ выше прокламацій, распространяли таковыя съ цѣлію возбужденія къ возстанію противъ Верховной Власти, что предусмотрѣно въ той же 251 ст. Улож. о наказ.; мѣщанка Татьяна Порфирьева Сахарова—въ томъ, что зная о совершенныхъ обвиняемыми Долгушинымъ, Дмоховскимъ, Панинымъ, Плотниковымъ и Ананіемъ Васильевымъ преступленіяхъ и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнила этой своей обязанности, что составляетъ дѣяніе, наказуемое по ст. 125 и 251 Улож. о наказ.; ревельскій гражданинъ Эмилій Эмиліевъ Циммерманъ — въ томъ, что узнавъ, что крестьянинъ Ананій Васильевъ распространялъ прокламаціи преступнаго содержанія, изъ коихъ двѣ еще у него находились на рукахъ, не донесъ о томъ надлежащей власти, что предусмотрѣно ст. 126 Улож. о нак., и наконецъ, дворянинъ Василій Петровъ Сидорацкій, сынъ священника Иванъ Флегонтовъ Авессаломовъ и дочь купца 2-й гильдіи Александра Яковлева Ободовская—въ томъ, что имѣли у себя прокламаціи преступнаго содержанія, безъ разрѣшенія на то высшаго начальства, что составляетъ дѣяніе предусмотрѣнное въ 3-й части ст. 251 Улож. о нак. (изд. 1866 года).

По прочтеніи обвинительнаго акта всѣ подсудимые были удалены изъ залы, за исключеніемъ Долгушина. Подсудимые спрашивались каждый отдѣльно, послѣ допроса одного, онъ уводился изъ залы засѣданія, и затѣмъ вводился слѣдующій подсудимый, такъ что во время допроса одного, прочіе подсудимые въ залѣ не находились.

Предс. Подсудимый Долгушинъ! Вы выслушали обвинительный актъ и знаете, что обвиняетесь въ томъ, что составили, напечатали и распространяли прокламаціи противозаконнаго содержанія. Признаете-ли себя въ этомъ виновнымъ? Подс. Я признаю себя виновнымъ только въ сочиненіи и печатаніи прокламаціи „Русскому народу“—болѣе ни въ чемъ. В. Что же вы сдѣлали съ ними по напечатаніи?—О. Относительно чего?—В. Относительно прокламацій. О. Ничего. В. Можетъ быть уничтожили или оставили гдѣ-нибудь? Можетъ быть взялъ ихъ кто-нибудь другой? О. Не знаю, я могу сказать только, что не распространялъ. В. А печатали какимъ способомъ? О. Обыкновеннымъ типографскимъ. В. Ручнымъ станкомъ? О. Да. В. Имѣли

шрифтъ? О. Имѣлъ все, что нужно для печатанія. В. Затѣмъ вы не знаете, куда дѣвались прокламаціи? О. Не знаю. Подсудимый удаленъ; введенъ Дмоховскій. На тотъ же вопросъ предсѣдателя о виновности, подсудимый отвѣчалъ: „Нѣтъ, не признаю“. Введенъ подсудимый Папинъ. На тотъ же вопросъ предсѣдателя подсудимый отвѣчалъ: Нѣтъ, не признаю“. Введенъ подсудимый Плотниковъ. Предсѣдатель повторилъ тотъ-же вопросъ. Подс. Въ криминальномъ смыслѣ — нѣтъ. Предс. Въ чемъ же вы признаете себя виновнымъ! О. Въ печатаніи прокламацій къ „Русскому народу“ и въ передачѣ одного экземпляра. В. Кому? О, Крестьянину Ивану. В. Слѣдовательно вы признаете фактъ, но не признаете виновности. Вы говорите, что дѣйствительно не печатали прокламацій. О. Участвовалъ въ печатаніи. В. Наборъ вашъ былъ? О. Нѣтъ. В. Можете сказать, чей онъ былъ? О. Нѣтъ, не могу сказать. В. Гдѣ это происходило? О. На дачѣ въ Сареево. В. Вы передали одинъ экземпляръ? О. Да, только одинъ. В. А напечатано было много? О. Я не помню точно числа, но если принять за точное показаніе одного лица, именно Васильева, что ему было дано до 30 экземпляровъ той и другой прокламаціи, то думаю, что у меня не больше 30 экземпляровъ „Къ русскому народу“ и 30 „Какъ надо жить по закону природы и правды“; за исключеніемъ одного экземпляра, я передалъ всѣ остальные Дмоховскому. Сенаторъ Евреиновъ. Въ какомъ количествѣ были напечатаны прокламаціи? Подс. Мнѣ неизвѣстно. В. Когда была уничтожена типографія? О. На дачѣ, въ промежутокъ времени между 14-мъ іюня и 7 іюля. В. Когда она была перевезена въ другое мѣсто? О. Я не знаю, была-ли куда перевезена. В. Въ уничтоженіи ея вы не участвовали? О. Нѣтъ. В. А въ устройствѣ типографіи въ Сареево вы участвовали? О. Да. В. Слѣдовательно, вамъ должно быть извѣстно, кто и устраивалъ? О. По мнѣнію моему, всѣ вмѣстѣ: Долгушинъ, Дмоховскій, я и Папинъ. В. На какія средства вы это дѣлали? О. Деньги были у нѣкоторыхъ лицъ. В. Вы не участвовали въ денежныхъ расходахъ на типографію? О. Моихъ вкладовъ не было. Кн. Мещерскій. Вамъ неизвѣстно, кто сочинялъ прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“? Подс. не знаю. Сенаторъ Евреиновъ. Одновременно прокламаціи печатались, или въ разное время? Подс. Въ разное время: по отпечатаніи одной, начинали другую. В. Конечно, кто-нибудь редактировалъ эти прокламаціи и, вѣроятно, у васъ было совѣщаніе? О. Я сказалъ, что участвовалъ только въ печатаніи прокламаціи „Къ русскому народу“. В. Но вы знали, кто эту прокламацію сочинилъ, или по крайней мѣрѣ, кто редактировалъ ее? При томъ вы, вѣроятно совѣщались, изложить и на какихъ основаніяхъ? О. По этому поводу я не хочу давать объясненій. По просьбѣ сторонъ, спрошены вновь подсудимые Долгушинъ и Дмоховскій. Введенъ подсудимый Долгушинъ. Предс. Вслѣдствіе показаній спрошенныхъ подсудимыхъ и ходатайства сторонъ я обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ; не хотите-ли дать объясненіе болѣе подробное, напримѣръ, относительно того, что предшествовало печатанію и составленію прокламацій. Подс. Я написалъ и печаталъ въ дер. Сареево воззваніе „Русскому народу“. В. Что побудило васъ? О. Я указалъ въ ней на недостатки современнаго порядка вещей... на народъ, страдающій отъ бѣдности. В. Содержаніе ея намъ извѣстно, а не хотите-ли указать тѣ обстоятельства, при которыхъ вы сочинили и печатали? О. Я изучилъ жизнь народа практически... В. Вы печатали въ Сареево? О. Да. В. Сколько было напечатано экземпляровъ? О. Тысячи полторы. В. Не хотите-ли сказать, куда онѣ дѣвались? Не извѣстно-ли вамъ это, такъ какъ изъ обвинительнаго акта вы видѣли, что прокламаціи были въ обращеніи въ народѣ? Не извѣстно-ли вамъ, какъ онѣ туда попали? При первомъ моемъ допросѣ вы сказали, что не знаете. Если вы и теперь остаетесь при этомъ-же, то я спрашивать васъ больше не буду. О. Дѣло въ томъ, что я занимался не одинъ. В. Плотниковъ говоритъ, что онъ передалъ только одинъ экземпляръ. О. Я не могу назвать тѣхъ личностей, которыя тутъ участвовали.— В. Я этого и не требую. Но вашъ защитникъ считалъ для вашей же пользы необходимымъ разспросить васъ подробнѣе. О. Мнѣ трудно отвѣчать на ваши вопросы. Сенаторъ Евреиновъ. Прокламацій было три. Всѣ онѣ печатались въ одной типографіи. Вы говорите, что печатали одну. Но вы вѣроятно знали, что были еще и другія прокламаціи? Подс. Я ничего не знаю относительно прокламацій „Къ интеллигентнымъ людямъ“ и мнѣ неизвѣстно, гдѣ онѣ печатались, а „Какъ жить“ печаталось на дачѣ, но я въ этомъ не участвовалъ. В. Кто же участвовалъ? О. Я не знаю. Прис. пов. Утинъ проситъ предложить подсудимому вопросъ относительно того, какое участіе въ дѣлѣ принималъ подсудимый Дмоховскій. Подс. Долгушинъ. Онъ на дачѣ былъ только два раза до 14-го іюня, а печатаніе началось послѣ 14-го. Предс. А въ городѣ? Подс. Я не знаю. Я продалъ типографію, но что съ нею дѣлали — мнѣ неизвѣстно. В. Былъ участникомъ Папинъ? О. Не знаю. Введенъ подсудимый Дмоховскій. Предсѣдатель предложилъ ему такой же вопросъ, какъ Долгушину, вслѣдствіе ходатайства сторонъ. Подс. Я въ печатаніи и распространеніи не признаю себя виновнымъ. Но знаю, что печатаніе происходило на дачѣ. Предс. Вы въ Сареево часто бывали? О. Бывалъ часто. В. Тамъ происходило печатаніе? О. Въ то время меня не было. Я бывалъ часто послѣ 15-го августа. В. Вамъ передалъ типографію Долгушинъ? О. Передалъ, и я признаю себя виновнымъ, что у меня были типографскія принадлежности, которыя я перевезъ въ Москву на квартиру въ домѣ Степанова. В. А употре-

бляли-ли ихъ въ дѣло? О. Нѣтъ, не употреблялъ, но желалъ сдѣлать употребленіе. Сенаторъ Евреиновъ. Какое вы хотѣли сдѣлать употребленіе? Подс. Я хотѣлъ печатать статьи противъ частной поземельной собственности. Введенъ подсудимый Папинъ. Предс. Вслѣдствіе показаній вашихъ товарищей и ходатайства сторонъ я предлагаю вамъ, не желаете-ли дать показанія относительно вашего участія въ печатаніи прокламацій, такъ какъ есть показанія Долгушина и Плотникова, что они участвовали. Вы бывали въ Сареево? О. Бывалъ. В. Происходило тамъ печатаніе? О. Нѣтъ. В. Когда печатаніе перенесено было въ Москву, т. е. когда Дмоховскій пріобрѣлъ типографію отъ Долгушина и перевезъ ее въ домъ Степанова, вы тамъ бывали? О. Нѣтъ, мнѣ ничего не было извѣстно и я ничего не видѣлъ. Введенъ подсудимый Чиковъ. Подс. Я признаю только посылку; что же касается до распространенія, то это отрицаю. В. Слѣдовательно, вы признаете себя виновнымъ въ томъ, что послали прокламацію? О. Послалъ. В. Какую? О. „Къ интеллигентнымъ людямъ". В. Кому? О. Грачевскому, служащему на Царицынской желѣзной дорогѣ. В. Отъ кого вы ее получили? О. Не могу сказать, такъ какъ подобныя вещи, въ той средѣ, гдѣ я жилъ, весьма легко переходятъ изъ рукъ въ руки; по этому я не могъ замѣтить ни времени, ни того случая, который былъ при этомъ, чтобы запомнить личность, которая мнѣ передала прокламацію. В. Гдѣ же это было? О. Я полагаю въ Петербургѣ, въ 1872 или въ 1873 году. Я относился къ этому безразлично. Думалъ, что прокламація печаталась за границей, и это фактъ совершенно частный, а не общій. В. Не можете-ли припомнить, когда это было? О. Теперь думаю, что это было по пріѣздѣ въ Петербургъ. В. Вы когда пріѣхали въ Петербургъ? О. Въ августѣ. Я долженъ замѣтить, что въ то время у меня были брошюры, напечатанныя въ Цюрихѣ, подъ названіемъ: „Какъ жить по закону природы и правды". В. Куда-же онѣ дѣвались? О. Случалось передавать своимъ, а иногда уничтожалъ. В. Вы сказали, что одинъ экземпляръ передали? О. Только одинъ экземпляръ. Сенаторъ Евреиновъ. Вы сказали, что не помните, отъ кого получили, потому что вращались въ извѣстной средѣ. Изъ кого-же состояла эта среда? Подс. Преимущественно изъ молодежи, студентовъ. В. У васъ бывали сходбища, собранія? О, Нѣтъ, никогда не велись регулярные разговоры; рѣшительнаго ничего не было. В. Кто въ этихъ разговорахъ участвовалъ? О. Это могло случиться просто: могли передавать знакомымъ въ кухмистерской. В. Нѣтъ вы сказали, что это было въ средѣ, въ которой вы вращались. Кто же въ этихъ разговорахъ участвовалъ? О. Студенты. В. Было нѣсколько человѣкъ въ этой средѣ? О. Нельзя сказать, что нѣсколько человѣкъ. Я былъ депутатомъ въ Технологическомъ Институтѣ, а потому у меня было большое знакомство. Кто былъ студентомъ, тотъ знаетъ, какія отношенія между студентами. В. Но вы раздѣляли тѣ взгляды, которые выражены? О. Я не отрицаю, что раздѣлялъ. (Засѣданіе прервано на 10 минутъ). По возобновленіи засѣданія введенъ подсудимый Гамовъ. Предс. Какъ вы слышали изъ обвинительнаго акта, вы обвиняетесь въ томъ, что распространяли прокламаціи противозаконнаго содержанія. Признаете-ли себя въ этомъ виновнымъ? Подс. Нѣтъ. В. Вы не распространяли? О. Не распространялъ, но далъ двѣ прокламаціи, не знавши ихъ преступнаго содержанія, т. е. неумышленно. В. Значитъ, вы признаете только фактъ и отрицаете виновность. Подъ какимъ названіемъ вы передали прокламаціи? О. „Къ русскому народу" и „Какъ надо жить по закону природы и правды". В. Кому вы ихъ передавали? О. Рабочимъ Семенову и Мартынову. В. Откуда вы ихъ получили? О. Мнѣ товарищъ передалъ. В. Онъ умеръ? О. Да. Но о смерти его я не зналъ при слѣдствіи, а я могу привести обстоятельства свиданія съ нимъ. В. Вы не передавали? О. Нѣтъ. В. Откуда товарищъ вашъ получилъ, не говорилъ вамъ? О. Нѣтъ. Сенаторъ Евреиновъ. А съ подсудимыми вы были знакомы? О. Ни одного изъ нихъ не знаю

Предс. Вы были учителемъ? Подс. Да. Сен. Евреиновъ. Гдѣ? Подс. Въ началѣ 1873 года я отправился въ Торовичскій уѣздъ и былъ учителемъ въ школѣ въ селѣ Меглицахъ, но, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я оставилъ школу. Въ іюнѣ отправился въ Москву отыскивать другого рода занятія. Тамъ въ продолженіе полутора мѣсяца я не находилъ себѣ никакого мѣста, и поиски мои были совершенно напрасны. Положеніе мое было незавидное, потому что не было никакихъ средствъ къ существованію. Квартиры тоже не было. Идя разъ черезъ Тверской бульваръ, я услышалъ стукъ изъ ресторана, пошелъ туда и увидѣлъ бывшаго товарища по гимназіи Щербакова. Я сказалъ ему свое положеніе и онъ предложилъ переѣхать къ нему жить, пока отыщется занятіе. Тамъ я узналъ, что директоръ фабрики г. Байковскій желаетъ улучшить школу и былъ недоволенъ своимъ прежнимъ учителемъ. Объ этомъ онъ говорилъ съ Н. С. Щербаковымъ, который предложилъ мнѣ это мѣсто, зная меня за человѣка преданнаго педагогическому дѣлу. Вначалѣ я не соглашался поступить, такъ какъ могъ ожидать такихъ же независящихъ отъ меня обстоятельствъ, какія были въ Меглицкой школѣ. Нужно замѣтить, что я собственно имѣлъ намѣреніе занять денегъ у Щербакова и уѣхать на родину; но такъ какъ денегъ я не занялъ, положеніе мое было незавидное, то я и рѣшился поступить на фабрику. Такъ какъ желаніе Байковскаго было улучшить школу, то, по моему совѣту, были куплены новѣйшія пособія: счеты, рельефный глобусъ и т. д. Потомъ я замѣнилъ Ушинскаго, такъ какъ онъ учитъ читать механически, такъ что

ученики не могли разсказать, что читали. Отсюда я вывелъ, что многіе не знали даже грамоты. Поэтому я считалъ необходимымъ перемѣнить руководство и для этого куплена была книга „Для первоначальнаго чтенія“ Водовозова. Я считалъ это руководство лучшимъ, потому что тамъ есть извѣстная система; притомъ разсказъ написанъ такимъ образомъ, что постепенно переходитъ отъ легкаго къ трудному. Затѣмъ я раздѣлилъ учениковъ на двѣ группы: на грамотныхъ и неграмотныхъ. Занятія въ школѣ шли съ 9 часовъ утра до 4 пополудни. Въ это время были промежутки: для обѣда часъ и послѣ обѣда получасовой промежутокъ. Въ эти промежутки я устроилъ дѣтскія игры, потому что былъ убѣжденъ, что это одно изъ весьма хорошихъ средствъ, чтобы замѣнить старые пріемы, потому что послѣ физическаго упражненія дѣти садились за занятія съ большею охотою. Сен. Евреиновъ. Это касается системы вашего преподаванія. Сколько времени вы пробыли въ фабричной школѣ? Подс. Около трехъ мѣсяцевъ. В. Что васъ побудило оставить ее? О. Непріятное столкновеніе съ директоромъ Байковскимъ, состоявшее въ томъ, что я написалъ ему записку слѣдующаго содержанія: „Покорнѣйше прошу контору прислать плотника или столяра, чтобы задѣлать щели въ полу, такъ какъ изъ этихъ щелей изъ кухни шелъ угаръ. Въ противномъ случаѣ я принужденъ буду прекратить на время занятія“. В. Когда вы были уволены, то куда поступили? О. На другой день я былъ арестованъ.

Предс. А крестьяне, которымъ вы давали прокламаціи, учились у васъ въ школѣ? Подс. Нѣтъ. Они были только одинъ день. По пріѣздѣ моемъ они пришли въ школу освѣдомиться, не привезъ ли я имъ новенькихъ книжечекъ? В. Вы и дали имъ двѣ брошюры. Вы ихъ читали? О. Нѣтъ. В. А заголовокъ видѣли? О. Видѣлъ. Сен. Евреиновъ. Съ кѣмъ вы были въ Москвѣ знакомы; напр. изъ ученаго міра? Вѣдь, не сосредоточивались же вы сами въ себѣ, а вращались въ какомъ-нибудь обществѣ? Подс. Кажется, изъ слѣдствія извѣстно, кто были мои знакомые. Я былъ знакомъ съ Н. С. Щербаковымъ и съ бывшимъ товарищемъ, слушателемъ Петровской академіи Аносовымъ и Князевымъ. Введенъ подсудимый Ананій Васильевъ. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что распространяли прокламаціи возмутительнаго содержанія. Признаете ли вы себя въ этомъ виновнымъ? Подс. Да. В. Разскажите, какъ было дѣло? О. Какъ было? В. Да, когда это было? О. Ну, въ сентябрѣ. В. Чѣмъ началось? Вы прокламаціи получили? О. Да. В. Отъ кого? О. Отъ Долгушина. В. Сколько? О. Я ихъ не считалъ, но думаю . . . . я считалъ послѣ . . . . Думаю, 30 паръ—значитъ 60. В. Отъ одного Долгушина получили? О. Нѣтъ, тутъ были Дмоховскій, Папинъ. В. Кто вамъ далъ? О. Долгушинъ. В. Одинъ? О. Позвольте.... Да, Долгушинъ одинъ. В. Подъ какимъ заглавіемъ? О. „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и „Къ русскому народу“. В. Получивши прокламаціи, вы пошли ихъ раздавать? О. Раздавалъ. В. Это было въ Москвѣ? О. Я шелъ по петербургской дорогѣ. В. Выдача была вамъ сдѣлана въ Москвѣ? О. Да. В. Въ чьемъ домѣ? О. Домъ не знаю, только въ квартирѣ Курдаева. В. Тутъ вы ихъ дѣлили? О. Да, дѣлили. В. Такъ что кромѣ васъ получали и другіе? О. Да, я видѣлъ въ ящикѣ . . . . Долгушинъ выдвинулъ ящикъ и далъ мнѣ . . . . тутъ былъ Дмоховскій . . . . и Плотниковъ и Папинъ. В. А до сентября вы знали Долгушина? О. Зналъ. В. Давно? О. Я зналъ, какъ у Верещагина жилъ. В. Вы на заводѣ у него работникомъ были? О. Да. В. Тогда знакомство начали съ Долгушинымъ? О. Да. В. А потомъ, когда переселились въ Сареево? О. Тогда взяли меня въ работники. В. Сколько времени вы были въ работникахъ? О. Два мѣсяца. В. Въ то время работались прокламаціи? О. Нѣтъ, я этого не видѣлъ, потому что я пришелъ 24-го, что ли то, апрѣля; изъ Петербурга проѣхалъ домой на Пасху и потомъ къ нему, а ушелъ въ іюнѣ. В. Потомъ опять пріѣхали къ нему? О. Потомъ пришелъ въ послѣднихъ числахъ августа. В. Тутъ и была вамъ передача прокламацій? Вы не были у него въ услуженіи? О. Я самъ не зналъ зачѣмъ пришелъ, я хотѣлъ мѣсто искать и зашелъ къ нему. Онъ мнѣ предложилъ прокламаціи раздавать. В. Послѣ іюня въ Сареевѣ никто не жилъ? О. Нѣтъ, не жили. В. Когда вы были тамъ въ іюнѣ, Долгушинъ жилъ одинъ тамъ? О. Одинъ и жена его жила. В. А кромѣ? О. Жили еще чей домъ. В. А изъ обвиняемыхъ не жилъ-ли кто? О. Нѣтъ, пріѣзжали. В. Гдѣ вы стали распространять прокламаціи? О. Я вышелъ въ Тверскія ворота и потомъ по петербургскому шоссе, потомъ свернулъ къ дому князя Голицына и потомъ пошелъ . . . . къ Воскресенскому пробрался. В. Вы гдѣ были въ Тверской губерніи? О. Нѣтъ, въ Московской. В. Прокламаціи вы раздавали разнымъ крестьянамъ даромъ? О. Извѣстное дѣло: я желалъ возмутить дѣйствительно народъ. В. Кѣмъ вы были научены? О. Долгушинымъ и другими сообщниками. Я съ коихъ поръ зналъ это. Они все убѣждали, что Правительство озоруетъ и т. д. В. Вамъ говорили, что полезно распространять? О. Да, что дѣло будетъ полезное. Говорили, что вообще лучшій надо порядокъ, а этотъ нехорошъ. В. Сколько вы роздали? О. Двѣ осталось . . . . Я по двѣ штуки отдавалъ. В. Такъ, значитъ, четыре осталось? О. Я не знаю . . . . Двѣ осталось только „Къ русскому народу“. В. Вы знали крестьянъ, которымъ давали прокламаціи? Вы видѣли ихъ при слѣдствіи? О. Не знаю. В. Пришедши въ Москву, куда вы дѣвали прокламаціи? О. Я отдалъ ихъ товарищу. В. Какому? О. Калистрату. В. Для чего? О. Прямо

такъ, подержать до времени. В. Потомъ спрашивали у него назадъ? О. Нѣтъ, я узналъ, что искали. Одну разорвалъ, а другія—не знаю. В. Пришедши въ Москву, вы давали кому-либо отчетъ въ томъ, что вы дѣлали? О. Я сказалъ Циммерману, что раздалъ прокламаціи. В. Почему же именно ему сказали? О. Они дали адресъ купцу Циммерману, Дмоховскій написалъ . . . . Сказали, когда раздашь всѣ, приходи къ нему, онъ снабдитъ деньгами. Я пришелъ къ Циммерману и сказалъ. В. Вы получили деньги отъ Циммермана? О. 10 рублей. В. Куда вы пошли? О. Отправился на родину. В. Въ деревнѣ долго прожили? О. Дня три или четыре, а потомъ былъ арестованъ. В. Гдѣ жили? О. Въ Тверской губерніи и уѣздѣ. В. У васъ родители есть? О. Есть. Сенаторъ Евреиновъ. Когда вы жили въ Петербургѣ у Долгушина, кто его посѣщалъ? Подс. Къ нему ѣздило много. В. Кто былъ, не припомните-ли личностей? О. Я помню . . . . Да какъ сказать . . . . очень много было . . . . Что же это, какъ? В. Изъ тѣхъ лицъ, которыя теперь здѣсь, бывали у него? О. Вотъ что: Я видѣлъ Дмоховскаго, Плотникова, Папина . . . . Еще изъ этихъ лицъ были . . . . ну да, изъ этихъ лицъ . . . . ну да, больше ничего . . . . В. Еще кто собирался къ нему изъ молодыхъ людей? О. Ну, другіе молодые люди пріѣзжали. В. Часто собранія эти бывали? О. Какъ сказать . . . . нерѣдко. В. Напримѣръ, сколько человѣкъ бывало? О. Какъ тутъ . . . . какъ сказать . . . . не сразу, потому что, какъ вамъ сказать . . . . потому что приходили больше и меньше . . . . В. Сколько числомъ? О. Числомъ? В. Да. О. Вообще, его знакомые, что-ли? В. Ну да, знакомые. О. Не знаю, много пріѣзжало. В. Изъ крестьянскаго сословія были? О. Все больше эти самые учащіеся студенты господа. В. Въ Москву никто не пріѣзжалъ? О. Одинъ только пріѣзжалъ. Я по крайней мѣрѣ видѣлъ Тихотскаго. В. Кто онъ такой? О. Онъ будто-бы харьковскій. В. Студентъ? О. Студентъ, что-ли, я не знаю. В. Больше никто не пріѣзжалъ изъ знакомыхъ Долгушина, которые здѣсь бывали у него въ Петербургѣ? О. Никого больше, еще Дмоховскій былъ. В. Вы видѣли въ усадьбѣ Долгушина типографскія принадлежности? Вѣдь васъ должно было это интересовать? О. Видите-ли: какъ сказать . . . . я не видалъ. В. Но вы въ комнаты входили? О. Что же въ деревенской избѣ жили безъ комнатъ . . . . Что же тутъ . . . . У него ящикъ стоялъ на полу, потомъ швейная машина стояла. В. Они скрывали, что дѣлаютъ? О. Когда жили на дачѣ, что-ли? В. Да. О. Нѣтъ, тогда мы оба работали, пахали. В. Въ Москвѣ посѣщали Долгушина, когда пришли въ Москву? О. Это послѣ того, какъ были распространены прокламаціи. В. Слѣдовательно, вы получили ихъ въ усадьбѣ? О. Нѣтъ. Прис. пов. Полетаевъ просилъ спросить, гдѣ подсудимый былъ въ дѣтствѣ въ услуженіи? Подс. Я жилъ въ Твери . . . въ разныхъ мѣстахъ . . . . изъ деревни ушелъ съ 12 лѣтъ. Предс. Куда же вы поступили? Подс. На спичечный заводъ въ Твери. В. Сколько времени тамъ были? О. Былъ мѣсяца два. В. Потомъ? О. Потомъ жилъ въ кабакѣ недѣли три. В. Не въ услуженіи? О. Въ услуженіи. В. Какихъ лѣтъ были? О. 12 лѣтъ. Я лѣто прожилъ въ булочной, въ кабакѣ, на заводѣ; потомъ жилъ въ деревнѣ, потомъ 16 лѣтъ въ Петербургъ пріѣхалъ и поступилъ на фабрику Верещагина. В. Теперь сколько вамъ лѣтъ? О. Девятнадцать. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить подсудимаго подробнѣе относительно разговоровъ о пропагандѣ въ Сареево, а затѣмъ, не извѣстно-ли подсудимому: не ходилъ-ли Долгушинъ въ какую-нибудь деревню и не распространялъ-ли тамъ прокламацій? потомъ, въ какомъ количествѣ была запашка или какое количество было посѣва и, наконецъ, не извѣстенъ-ли подсудимому эпизодъ съ Максимомъ Курдаевымъ, происшедшій вслѣдствіе нѣкоторыхъ слуховъ. Пред. (къ подс.) Вы слышали вопросъ? Не можете-ли разсказать? Подс. Я не разобралъ въ чемъ дѣло.—В. Былъ сговоръ о томъ, какъ идти въ народъ? О. Это было, даже въ Петербургѣ, а о томъ, какъ идти,—въ Сареевѣ извѣстно было, если въ Петербургѣ началось. В. Въ чемъ же заключался этотъ уговоръ? Кто тутъ былъ? О. Мы съ Долгушинымъ двое были. Извѣстно, такъ какъ, напримѣръ, онъ мнѣ разсказывалъ: извѣстное дѣло, это одинаковое убѣжденіе . . . . Больше ничего. В. Вы пахали съ Долгушинымъ землю на дачѣ? О. Пахали. В. Много-ли? О. Десятинъ 5 или 6; онъ говорилъ 8; но только не больше. В. А, знаете-ли что-нибудь о крестьянинѣ Курдаевѣ? О. О крестьянинѣ Курдаевѣ? В. Да. Вы знали его? О. Зналъ. В. Слыхали-ли, что съ нимъ происходило? О. Я не знаю что-то. В. Можетъ быть Курдаевъ вамъ что говорилъ? О. Онъ ничего не говорилъ. В. Напримѣръ, относительно распространенія прокламацій? О. Ничего. Сенаторъ Евреиновъ. Вы говорите, что пахали землю; это для посѣва или подъ огородъ? Подс. Картошку посѣяли. В. Сколько распахали? О. Не болѣе десятины. В. Продавали картошку? О. Не знаю: я уже уѣхалъ тогда въ деревню, послѣ того какъ посадили картошку. В. Позвольте васъ спросить: вы говорите, что прокламаціи раздавали даромъ; на какія же средства вы ходили по деревнямъ, и чѣмъ вы существовали? О. Мнѣ далъ Дмоховскій 11 рублей, купилъ сапоги и поддевку. Дмоховскій далъ Папину денегъ, а онъ далъ намъ: мнѣ и Плотникову по 11 рублей, а остальныя—„это мнѣ, говоритъ, на пули въ леворверъ“ что-ли. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить, участвовали ли при разговорѣ въ Сареево о пропагандѣ: Дмоховскій, Плотниковъ и Папинъ; затѣмъ не слышалъ-ли подсудимый чего-нибудь по поводу разговоровъ о томъ, что дачники дѣлаютъ фальшивыя деньги?

Пред. Участвовали ли въ разговорѣ Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ? Подс. Въ уговорѣ? В. Въ соглашеніи, какъ идти въ народъ? О. Кто участвовалъ? В. Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ? О. Какъ сказать... В. Не говорили-ли вамъ чего-нибудь о слухахъ относительно дѣланія фальшивыхъ денегъ? О. Я пришелъ къ Долгушину, онъ сказалъ, что вотъ слухъ про насъ, что мы, говоритъ, деньги дѣлаемъ, а, потомъ пошелъ слухъ, что книжки читаемъ. Прис. пов. Полетаевъ просилъ спросить: давали-ли подсудимому читать какія-нибудь книжки? Предс. Давали вамъ читать что-нибудь? Подс. Давали. В. Что же вы читали? О. Книжку „Эмма" и еще „Стеньку Разина". В. Вы хорошо читаете? О. Нѣтъ, плохо. В. Кто васъ училъ? О. Въ деревнѣ крестьяне. Присяж. пов. Спасовичъ просилъ разъяснить, когда именно ушелъ подсудимый изъ Сареево? Пред. Если вы числа точно не припомните, то можетъ быть припомните: въ началѣ, срединѣ или въ концѣ іюня? Под. Я ушелъ, 12-го, что-ли, числа, въ срединѣ, такъ что онъ разсчиталъ по 20-е. В. Не помните-ли; 14-го или 18-го числа вы тамъ еще были. О. Можетъ быть до 14-го или 16-го, уже не дальше 16-го и не раньше 12-го. Прис. пов. Спасовичъ просилъ спросить о томъ, что когда шелъ разговоръ о пропагандѣ, то Дмоховскій выразилъ-ли желаніе лично идти на пропаганду? Предс. Когда другіе говорили, что полезно идти въ народъ, то Дмоховскій желалъ и самъ? Подс. Дѣйствительно.... странное дѣло... что жъ ему не выражать? Я отъ него много слышалъ, что желаетъ вести это дѣло.... Ну да, выражалъ, что пропаганду вести слѣдуетъ. В. Не желалъ-ли онъ самъ лично идти? Подс. (подумавъ). Да, онъ дѣйствительно желалъ. В. Когда вы пришли къ Циммерману, то говорили ему, что двухъ уже арестовали? О. Говорилъ. В. Про кого это вы говорили? О. Про Долецкаго и Плотникова. В. Отъ кого же вы это узнали? О. Я слышалъ отъ Марьи Курдаевой. Прис. пов. Слонимскій просилъ спросить, былъ-ли Папинъ въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя уговаривали подсудимаго идти въ народъ? Подс. Папинъ былъ. Пред. Въ Петербургѣ не печатали какой-нибудь книжки? Подс. Не знаю. В. А тамъ Папинъ предлагалъ вамъ идти въ народъ? О. Тутъ было.... Позвольте, какъ сказать, потому что же.... я пріѣхалъ, больше ничего.... В. Деньги отъ кого получили? О. Отъ Дмоховскаго, т. е. отъ Папина, т. е. при этомъ Папинъ былъ. В. Былъ онъ въ числѣ тѣхъ, которые уговаривались идти въ народъ? О. Былъ, былъ. Прис. пов. Слонимскій. Я желалъ бы выяснить степень участія Папина. Предс. Подсудимый уже сказалъ, что онъ участвовалъ въ сговорѣ идти въ народъ; этого достаточно. Присяж. пов. Слонимскій. Въ Москвѣ или въ Петербургѣ? Предс. Онъ говоритъ, что и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Подс. Да и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Введена подсудимая Сахарова. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что знали, что Долгушинъ, Дмоховскій, Плотниковъ и Папинъ составили, напечатали прокламаціи; что это было при васъ, и что, слѣдовательно, имѣя возможность довести объ этомъ до свѣдѣнія Правительства, вы этой обязанности не исполнили. Признаете-ли себя въ этомъ виновною? Подсудимая. Нѣтъ, не признаю себя виновной. Я не была участницей.... По отношеніямъ къ человѣку... Предс. Вы не обвиняетесь въ участіи, а обвиняетесь только въ томъ, что знали, такъ какъ проживали вмѣстѣ. Не были-ли вы свидѣтельницей того, что дѣлалось? Подс. Нѣтъ, при мнѣ не печаталось. Я была только два раза на дачѣ... В. Въ какое это время было? О. Потомъ я уѣхала въ Москву съ Долгушиной и ничего не знала. В. Въ какое это время было? О. Я тогда больна была. Я ничего даже не помню. В. Затѣмъ вы переѣхали въ домъ Степанова? О. Да. В. Съ кѣмъ тамъ жили? О. Съ Дмоховскимъ. В. Тамъ не происходило что-нибудь въ квартирѣ? О. Нѣтъ. В. Не видали-ли шрифтовъ, станка? О. Ящики стояли въ одной комнатѣ. В. А съ чѣмъ они были? О. Не знаю. В. Послѣ того переѣхали на другую квартиру. Тамъ не печатались прокламаціи? О. Нѣтъ, при мнѣ ничего не дѣлали. В. Вы жили вмѣстѣ на квартирѣ, должны были знать, что въ ней дѣлается. О. Я не признаю себя виновною. Если я жила, то... отношенія мои... мое положеніе. В. Если вы были такъ близки, то могли знать? О. Я ничего не знаю. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить: не знала-ли подсудимая чего-нибудь о томъ, что говорилось о пропагандѣ въ Сареево? Предс. Въ Сареево вы сколько времени были? Подс. Первый день, дня два, а потомъ не помню... недѣлю или двѣ. В. Не слыхали-ли тамъ, что собирались печатать прокламаціи и говорили, что ихъ нужно распространить? О. Были разговоры, но я по своей болѣзни не всегда бывала при нихъ. В. Какіе же разговоры? О. Я не помню. В. Кто участвовалъ въ этихъ разговорахъ, не помните? О. Нѣтъ. Сенаторъ Евреиновъ. Вы видѣли, кто тамъ бывалъ? Подс. Долгушинъ и Плотниковъ приходили. В. А еще? О. Не помню хорошенько. Князь Мещерскій. О чемъ они разговаривали, когда вамъ случалось бывать при этихъ разговорахъ, не помните? Подс. Не припомнить всѣхъ хорошенько. Введенъ подсудимый Циммерманъ. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что знали отъ Васильева, что онъ распространяетъ прокламаціи и не донесли объ этомъ? Признаете-ли вы себя виновнымъ въ этомъ О. Нѣтъ, не признаю себя виновнымъ. В. У васъ бывалъ Васильевъ? О. Былъ. В. Что же онъ говорилъ вамъ? О. Относительно распространенія ничего не говорилъ. В. Денегъ вы ему давали? О. Давалъ. В. Сколько? О. Десять рублей. В. Съ какою цѣлью? О. Онъ говорилъ, что нужно на родину съѣздить. В. Почему вы его знали? О. Я съ нимъ познакомился у Дмоховскаго. В. Вы у него бывали? О. Да, когда жилъ въ

Петербургѣ. В. Какъ же Васильевъ зналъ, что вы живете въ Москвѣ и зналъ вашъ адресъ? О. Этого я и самъ не знаю. В. Васильевъ говорилъ вамъ о распространеніи прокламацій? О. Нѣтъ. Сенаторъ Евреиновъ. А сказалъ онъ вамъ, что у него есть прокламаціи? Подс. Да, онъ сказалъ, что есть. В. Вы не полюбопытствовали узнать въ чемъ онѣ заключаются? О. Нѣтъ. В. Вѣдь за какую-нибудь послугу вы дали ему 10 рублей? О. Нѣтъ, ни за какую послугу. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить: не зналъ-ли подсудимый, что прокламаціи содержатъ въ себѣ нѣчто антиправительственное? Предс. Вы заголовки прокламацій видѣли? Подс. Нѣтъ. В. А онъ говорилъ вамъ объ арестованіи двухъ? О. Да, онъ говорилъ, какъ я объяснялъ на слѣдствіи, что двое арестованы, и при этомъ сказалъ, что и у него есть прокламаціи. В. Онъ не показывалъ ихъ вамъ? О. Нѣтъ. Можетъ быть онѣ съ нимъ и не были. Вообще я этимъ не интересовался и не обратилъ на это никакого вниманія. В. Что вы сказали ему тогда? О. Я посовѣтовалъ разорвать и уничтожить, чтобы не вышли какія-нибудь непріятности. Товарищъ оберъ-прокурора. Я просилъ-бы разъяснить, какія это непріятности? Слѣдуетъ-ли понимать ихъ такимъ образомъ, что подсудимый зналъ смыслъ прокламацій? Подс. Понятное дѣло, потому что когда говорятъ „прокламація", то значитъ, что это что-нибудь запрещенное. Сенаторъ Евреиновъ. Вы были въ Петербургѣ знакомы съ Дмоховскимъ? Подс. Да. В. А въ Москвѣ бывали у него? О. Нѣтъ. Онъ у меня бывалъ раза два или три. В. Гдѣ вы познакомились? О. Чрезъ Тихотскаго, его родственника. В. Съ другими подсудимыми вы не были знакомы? О. У Долгушина я бывалъ, когда онъ жилъ на фабрикѣ. Остальныхъ не знаю. Вообще у него народу много бывало. Тамъ я увидѣлъ Васильева и обратилъ на него вниманіе, потому что крестьянинъ, а бывалъ тоже въ этомъ обществѣ. Введенъ подсудимый Сидорацкій. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что имѣли у себя прокламаціи, не имѣя на это надлежащаго разрѣшенія. Признаете-ли вы себя виновнымъ? Подс. Нѣтъ. Введенъ подсудимый Авессаломовъ. На такой же вопросъ предсѣдателя подсудимый отвѣчалъ: Я не могу сказать, что хранилъ. Одна у меня была. Предс. Какая была у васъ прокламація? Подс. Она озаглавлена: „Къ русскому народу". В. Отъ кого вы ее получили? О. Отъ Соловьева. В. Отъ офицера? О. Онъ говорилъ, что былъ офицеръ. В. Съ какою цѣлію онъ вамъ передалъ? О. У насъ никакого разговора о передачѣ не было. Онъ былъ у меня, показалъ прокламаціи и уходя оставилъ ее, можетъ быть, по разсѣянности. В. Вы оставили ее у себя и не заявили объ этомъ? О. Нѣтъ, не заявилъ. В. Вы никому ее не передавали? О. Нѣтъ. Она попала на полку въ книгу гдѣ и была найдена во время обыска. Прис. повѣр. Буймистровъ просилъ спросить о томъ, прочиталъ-ли Соловьевъ прокламацію всю, или частями, и читалъ-ли конецъ. Предс. Вы слышали, читалъ прокламацію? Подс. Когда Соловьевъ пришелъ ко мнѣ, я только-что проснулся послѣ обѣда. Онъ присѣлъ на кровать и перелистывая брошюрку, мѣстами читалъ. В. Вы не можете сказать всю-ли онъ ее прочиталъ? О. Онъ перебиралъ быстро и не могъ всей прочесть. В. Читалъ-ли онъ конецъ? О. Я не хотѣлъ его слушать. Прочиталъ-ли онъ до конца, я не могу сказать. В. Потомъ, когда Соловьевъ ушелъ, забывъ прокламацію, и когда вы ее замѣтили, вы не прочли ее сами? О. Нѣтъ. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ спросить: не помнитъ-ли подсудимый, какое было содержаніе тѣхъ мѣстъ прокламаціи, которыя были прочитаны. Предс. Не можете-ли припомнить, какія мѣста читались при васъ? Подс. Не могу сказать, не помню. Я не хотѣлъ обращать на это никакого вниманія. Введена подсудимая Ободовская. Предс. Вы обвиняетесь въ томъ, что имѣли у себя прокламацію, не имѣя на то права. Признаете-ли вы себя въ этомъ виновною? Подс. Нѣтъ, не признаю. Затѣмъ были введены всѣ подсудимые, которые и заняли свои мѣста. Прис. пов. Утинъ. На основаніи 720 ст. я имѣю честь просить васъ, г. предсѣдатель, не сочтетели вы возможнымъ сообщить подсудимому Долгушину все то, что говорилось другими подсудимыми въ его отсутствіе? Предс. Нѣтъ, я не признаю это нужнымъ. Прис. пов. Спасовичъ. Я просилъ-бы передать подсудимому Дмоховскому тѣ показанія подсудимыхъ, которыя отягчаютъ его участь. Предс. Вы ихъ слышали, слѣдовательно будете имѣть возможность выяснить это показаніями самихъ подсудимыхъ впослѣдствіи. Затѣмъ введены всѣ свидѣтели. Въ числѣ введенныхъ свидѣтелей оказалась явившаяся впослѣдствіи и свидѣтельница Долгушина. Товарищъ оберъ-прокурора полагалъ допросить всѣхъ свидѣтелей подъ присягою, за исключеніемъ малолѣтняго Хухрикова. Что касается до свидѣтельницы Долгушиной, то еще до прочтенія обвинительнаго акта, вслѣдствіе неявки Долгушиной, товарищъ оберъ-прокурора просилъ прочесть показаніе ея, какъ безвѣстно-отсутствующей. Присяж. пов. Утинъ находилъ, что показаніе ея не можетъ быть прочтено, такъ какъ ей, женѣ одного изъ подсудимыхъ долженъ быть предложенъ вопросъ, желаетъ-ли она дать показаніе или нѣтъ. Всѣ остальные защитники присоединились къ этому заявленію. Свидѣтельница Долгушина, спрошенная первоприсутствующимъ о томъ, желаетъ-ли она дать показаніе, заявила, что не желаетъ. Товарищъ оберъ-прок. находилъ, что на основаніи 705 ст. Уст. Уг. Суд. свидѣтельница Долгушина въ правѣ отказаться отъ дачи показаній на судѣ, но нѣтъ закона, который запрещалъ-бы въ подобномъ случаѣ прочтеніе показанія свидѣтеля. Принимая во вниманіе, что показаніе Долгушиной внесено въ обвинительный актъ

законно, и что изъ этого показанія обвинительная власть сдѣлала извѣстные выводы, обвинитель полагалъ, что Судъ не откажетъ ему въ прочтеніи показанія Долгушиной, которымъ будутъ подкрѣплены эти приведенные имъ выводы. Прис. пов. Утинъ указалъ на то, что подобный вопросъ восходилъ на разрѣшеніе Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента, который въ своихъ рѣшеніяхъ неоднократно разъяснялъ ст. 705 въ томъ смыслѣ, что свидѣтель, дававшій показаніе на предварительномъ слѣдствіи, можетъ отказаться отъ показанія на судѣ, а потому послѣ подобнаго отказа прочтеніе его показанія на судѣ допущено быть не можетъ. Прис. пов. Спасовичъ между прочимъ указалъ на то, что показаніе Долгушиной должно быть изъято изъ дѣла уже потому, что, вслѣдствіе отказа, оно не можетъ быть повѣрено на судѣ. Прис. пов. Слонимскій указалъ на то, что Долгушина давала свое показаніе на предварительномъ слѣдствіи въ качествѣ обвиняемой, между тѣмъ, какъ теперь, она является свидѣтельницею, а потому полагалъ, что все, что она показала на предварительномъ слѣдствіи, должно считаться, за ея отказомъ дать показаніе на судѣ, какъ бы несуществующимъ для Суда. Прис. пов. Герке высказалъ, что на основаніи 444 ст. Уст. Угол. Суд., при приводѣ свидѣтелей къ присягѣ и при отводѣ отъ допроса подъ присягою, а равно при освобожденіи нѣкоторыхъ лицъ вовсе отъ свидѣтельства, слѣдуетъ руководствоваться правилами указанными въ 704—709 ст., что, по ст. 705, въ указанныхъ въ ней случаяхъ свидѣтелю предоставляется право отказаться давать показаніе, данное такимъ свидѣтелемъ, на предварительномъ слѣдствіи, еще могло бы быть прочитано въ крайнемъ случаѣ, если .ы были соблюдены правила, изложенныя въ указанныхъ статьяхъ на предварительномъ слѣдствіи; но въ данномъ случаѣ изъ дѣла не видно, чтобы женѣ обвиняемаго, спрошенной на предварительномъ слѣдствіи, было представлено право, предоставляемое ей 705 ст. Независимо отъ этого, онъ просилъ во всякомъ случаѣ не давать вѣры показанію Долгушиной, данному ею на предварительномъ слѣдствіи. Судъ удалился для совѣщанія. По выходѣ, г. первоприсутствующій объявилъ, что Правительствующій Сенатъ постановилъ прочесть показаніе Долгушиной. Прис. пов. Утинъ просилъ повторить Долгушиной вопросъ, не пожелаетъ-ли она дать показаніе на судѣ, въ виду постановленія Правительствующаго Сената. На вопросъ первоприсутствующаго Долгушина снова отказалась отъ дачи показанія. Затѣмъ прочитано слѣдующее: „Зовутъ меня Аграфена Дмитріевна Долгушина, урожденная Скорпякова, 28 лѣтъ, родилась въ Тобольской губерніи, въ гор. Березовѣ. Вѣры православной, жена дворянина; окончила курсъ акушерства въ Петербургѣ, въ Маріинской акушерской школѣ; родители мои: отецъ, надворный совѣтникъ Д. Г. Скорпяковъ, былъ судьей въ Тобольской губерніи, въ г. Ялотуровскѣ; мать, Ольга Александровна, жила при мужѣ. Кромѣ меня у нихъ есть сынъ и двѣ дочери; изъ нихъ братъ живетъ въ Сибири; одна сестра — Массина, а другая сестра Амвросова — въ Сибири же. 1872 г. осенью мы жили въ Петербургѣ вмѣстѣ съ мужемъ Александромъ Васильевичемъ Долгушинымъ на Петербургской сторонѣ, по Большому Проспекту, въ домѣ Меркъ, гдѣ была лудильная мастерская Веращагина, управляющимъ которой былъ мой мужъ. Въ то же время на Кронверскомъ проспектѣ, въ д. 7, кв. 7 жили наши знакомые Левъ Топорковъ, Иванъ и А. Папины, Иванъ Ротовъ, Тихоміровъ, Муравьева иГорностаева. Съ Топорковомъ, Папиными и Ротовымъ мой мужъ былъ знакомъ еще въ Сибири; съ остальными же мы познакомились уже въ Петербургѣ. Иногда мы собирались всѣ вмѣстѣ по вечерамъ и занимались рѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, изъ которыхъ главнѣйшій былъ вопросъ о „нормальномъ человѣкѣ". При этомъ разбирались потребности человѣка съ его физической стороны, и мы пришли къ тому убѣжденію, что бѣдность и невѣжество суть главнѣйшія причины, почему большинство не удовлетворяетъ своимъ физіологическимъ потребностямъ. Дойдя до этого, каждый изъ насъ заявлялъ согласіе помогать, кто какъ можетъ, уничтоженію этихъ причинъ; образованіе народа было поставлено на первомъ мѣстѣ. Я не могла бывать на каждомъ изъ этихъ вечеровъ, потому что кормила ребенка. На одномъ изъ этихъ собраній, кажется въ январѣ 1873 года, Дмоховскій высказалъ желаніе имѣть типографскій станокъ. При всѣхъ-ли это было имъ высказано—я навѣрное сказать не могу, равно не знаю, для чего былъ нуженъ этотъ станокъ. Кончивъ въ то время курсъ акушерства въ Маріинской школѣ въ Петербургѣ, я думала искать мѣста акушерки, но мужъ мой сказалъ мнѣ, что мастерская Верещагина переводится въ Москву и будетъ-ли ему мѣсто при мастерской, онъ не знаетъ, но такъ какъ въ Петербургѣ для него занятія не представляется, то и звалъ меня ѣхать съ нимъ въ Москву, Въ февралѣ мужъ мой, замѣстивъ себя временно Дмоховскимъ (въ конторѣ Верещагина), уѣзжалъ куда-то на мѣсяцъ, и вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ мы собрались и переѣхали въ Москву. Кажется это было 3-го апрѣля. Въ Москвѣ мы остановились въ нумерахъ дома Кохановскаго, на Большой Никитской улицѣ. Въ этихъ нумерахъ у насъ былъ только Кириллъ Курдаевъ, котораго мой мужъ зналъ еще въ заведеніи Верещагина, гдѣ Курдаевъ былъ подмастерьемъ. Курдаевъ предложилъ мужу моему купить землю близъ деревни Сареево, изъ которой Курдаевъ былъ родомъ. Мужъ мой скоро согласился на это, такъ какъ онъ имѣлъ намѣреніе заняться сельскимъ хозяйствомъ, купилъ пустошь въ Сареевѣ, Звенигородскаго уѣзда, у крестьянина Щевелева. Вслѣдъ за

этимъ мы вскорѣ съ мужемъ переѣхали къ матери К. Курдаева въ Сареево, гдѣ пробыли май мѣсяцъ 1873 года, между тѣмъ, какъ устраивалась наша дача на купленной у Щевелева землѣ. Въ то время, когда мы жили у Курдаевой, къ намъ пріѣзжалъ Дмоховскій по возвращеніи изъ-за границы. Въ то же время у насъ жилъ Ананій Васильевъ, который занимался обработкою земли вмѣстѣ съ моимъ мужемъ. Во время пребыванія у насъ Дмоховскаго, никакихъ разговоровъ, касающихся настоящаго дѣла, не было. Въ началѣ іюня мы переѣхали во вновь отстроенную дачу. Здѣсь Дмоховскій продолжалъ насъ посѣщать, но всегда урывками и больше ночью. Къ концу іюня къ намъ переѣхали на дачу Иванъ Папинъ и Плотниковъ. Въ то же время переѣхалъ къ намъ Дмоховскій съ Сахаровою. Вотъ здѣсь какъ-то разъ вечеромъ кто-то изъ нихъ, кажется Дмоховскій, сказалъ, что здѣсь нужно заняться печатаніемъ. Услыхавъ это, я заявила, что въ такомъ случаѣ я не желаю оставаться съ ребенкомъ на дачѣ. Вслѣдствіе этого мужъ мой и въ особенности Дмоховскій назначили дать мнѣ 15 рублей, съ тѣмъ, чтобы я ѣхала въ село Иваново, Владимірской губерніи и занялась тамъ акушерствомъ. Но я ѣхать на 15 руб. въ назначенное мѣсто и притомъ съ ребенкомъ не рѣшилась, а, переговоривъ съ Татьяною Порфирьевой Сахаровой, мы рѣшились съ нею уѣхать въ Москву, гдѣ я сняла съ нею квартиру, на Шабаловкѣ. Когда я жила на дачѣ, то мнѣ запрещено было въ послѣднее время входить въ маленькую комнату и смотрѣть лежавшія тамъ на столѣ, покрытыя простынею, вещи. Какъ попали эти вещи на дачу, кѣмъ привезены — я не знаю. Помню только, что, понимая рискъ этого дѣла, не принимая лично ни малѣйшаго въ немъ участія и сознавая, что затѣмъ я остаюсь одна для моего ребенка, я даже изъ простаго любопытства не желала видѣть этихъ вещей. Мнѣ тяжело было видѣть суматоху, съ которою трудился мой мужъ съ товарищами, и все это заставило меня, несмотря на скудныя средства, переѣхать съ Сахаровою въ Москву на Шабаловку. На этой квартирѣ я съ Сахаровою прожила двѣ недѣли. Въ то время къ намъ пріѣзжали иногда мой мужъ, Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ. Послѣдніе двое были, кажется, одинъ разъ. Прибѣгали они всегда не надолго, спѣша и суетливо, такъ что сынъ мой, рѣдко видя отца, сталъ называть его Александромъ Васильевичемъ. При этихъ посѣщеніяхъ они не разсказывали намъ о своей дѣятельности. Затѣмъ наняла квартиру на Коровьемъ валу, въ домѣ Михайловской, куда переѣхалъ и мужъ мой; Сахарова же переѣхала къ Дмоховскому въ домъ Степанова. Въ домѣ Михайловской я прожила недѣли двѣ и переѣхала на дачу, гдѣ уже никакихъ вещей не было. Это было или въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюля, или же въ первыхъ числахъ августа. До 15-го августа жила на дачѣ съ ребенкомъ почти одна, и мужъ бывалъ весьма рѣдко. Съ 15-го же августа мужъ мой, Дмоховскій и Сахарова переѣхали на дачу, а Папинъ и Плотниковъ стали часто бывать. Въ то же время пріѣхалъ и Ананій Васильевъ. Здѣсь начались бесѣды и разсужденія, какъ идти въ народъ и разъяснить ему, что онъ не понимаетъ вполнѣ своего грустнаго положенія. Всѣ, не исключая и Ананія Васильева, согласились принять въ этомъ участіе, т. е. заняться разноскою книгъ, читать и разъяснять ихъ народу, причемъ я видѣла книжки „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды". Впрочемъ, первую книжку я видѣла раньше въ рукописи у моего мужа, въ домѣ Кохановской. Откуда взялась вторая книжка — мнѣ неизвѣстно. Въ первыхъ числахъ сентября мой мужъ, Дмоховскій, Папинъ, Плотниковъ и Ананій Васильевъ уѣхали съ дачи, а нѣсколько дней спустя уѣхала и Сахарова, забравъ всѣ свои вещи. Собравшись идти въ народъ, всѣ вышеупомянутые мужчины при разговорахъ разсматривали висѣвшія на стѣнахъ дачи карты губерній: Московской, Владимірской, Нижегородской и Псковской, которыя привезъ на дачу Дмоховскій, и которыя они, уѣзжая съ дачи, взяли съ собою. Вернувшись какъ-то на дачу, мужъ мой сказалъ, что они уже отправились, но куда кто пошелъ, онъ мнѣ не сказалъ. Въ первыхъ же числахъ сентября пріѣхалъ къ намъ въ первый разъ случайно Долецкій, и у него съ мужемъ моимъ зашелъ разговоръ о продажѣ этой дачи. Вслѣдствіе этого, думая оставить дачу, я, по предложенію Долецкаго, познакомилась съ его женою и ночевала одну ночь у нихъ. Я видѣлась тамъ съ Дмоховскимъ, который просилъ меня передать Сахаровой, чтобы она готовилась переѣзжать, такъ какъ онъ нанялъ ей квартиру у Крестовской Заставы. 14-го сентября, когда дача была уже продана Долецкому, я переѣхала въ Москву. Первую ночь я переночевала опять у Долецкихъ, а потомъ переѣхала на квартиру Сахаровой въ домъ Гурина, у Крестовской заставы. Проживъ 3 или 4 дня, я видѣла что приносили Дмоховскому деревянный столъ, къ которому онъ въ темную комнату приносилъ желѣзную доску. На другой день былъ привезенъ деревянный ящикъ, изъ котораго Дмоховскій вынулъ какую-то вещь, поставилъ ее въ темную комнату и заперъ дверь. Дмоховскій въ этой квартирѣ бывалъ рѣдко, но когда бывалъ, всегда возился въ темной комнатѣ. На третій или четвертый день вечеромъ Сахарова, придя отъ Долецкихъ, сказала, что Долецкій и Курдаевъ арестованы. Вслѣдствіе этого Дмоховскій тотчасъ предложилъ мнѣ убираться съ этой квартиры, и самъ перевезъ меня въ нумеръ гостинницы около Петербургскаго вокзала. На третій день послѣ моего переѣзда въ этотъ нумеръ, часу въ пятомъ, когда ко мнѣ пришла Сахарова, я попросила ее остаться съ ребенкомъ, а сама думала сходить къ Долецкимъ, но

дорогою, идя уже отъ Долецкаго, была арестована и доставлена въ Жандармское Управленіе". По поводу прочитаннаго показанія Долгушиной Дмоховскій далъ слѣдующее объясненіе: „Я познакомился съ Долгушинымъ въ концѣ декабря 1872 года въ Петербургѣ. При мнѣ онъ въ Петербургѣ прожилъ не болѣе какъ 4—5 дней, послѣ чего отправился, какъ сказалъ, въ Сибирь. Познакомился онъ со мною для того, чтобы передать мнѣ мастерскую, такъ что на совѣщаніяхъ, если они и были у Долгушина я участвовать не могъ, такъ какъ былъ съ нимъ въ Петербургѣ не болѣе 3 дней. Относительно того, считалъ-ли я необходимымъ пріобрѣсть типографскій станокъ, этого я отрицать не стану, такъ какъ желаніе пріобрѣсть типографскій станокъ, желаніе устроить типографію у меня было. Затѣмъ относительно Петербурга болѣе въ показаніи ничего не имѣется. Относительно дачи я скажу слѣдующее: когда я вернулся изъ-за границы, то былъ у Долгушиной 12-го мая. Но при этомъ у меня никакого разговора съ подсудимымъ не было. Тогда, онъ говорилъ, что купилъ дачу преимущественно для того, чтобы заниматься сельскимъ хозяйствомъ, что онъ и дѣлалъ. Послѣ того я пріѣзжалъ на дачу 21-го числа съ Тихомскимъ, и тогда разговоровъ не было никакихъ. Вскорѣ послѣ этого я пріѣзжалъ въ воскресенье, и опять-таки разговоровъ никакихъ не было. 6-го числа въ Москву пріѣхала Сахарова, послѣ чего дня черезъ три, 9-го числа, она, я и свидѣтель Курдаевъ отправились на дачу Долгушина. Вслѣдствіе дождя я слѣзъ и вернулся въ Москву, такъ что подсудимая Сахарова пріѣхала на дачу одна, а не со мною. Числа 12-го я получилъ отъ Долгушина письмо. въ которомъ онъ просилъ пріѣхать на дачу и въ которомъ было, между прочимъ, сказано, не могу-ли я занять для жены денегъ для переѣзда въ Москву. 13-го вечеромъ, не дожидаясь окончанія работъ на заводѣ, я пріѣхалъ на дачу поздно, такъ какъ она находится въ 35 верстахъ отъ Москвы. Долгушинъ сказалъ мнѣ, для чего онъ вызвалъ меня и, между прочимъ, былъ разговоръ о томъ, куда переѣхать Долгушиной и Сахаровой. Когда я спросилъ, для чего нужно переѣзжать съ дачи, то Долгушинъ сказалъ, что предполагаетъ заниматься на дачѣ печатаніемъ. О томъ, что происходило на дачѣ печатаніе, я зналъ. Рано утромъ я уѣхалъ, сказавъ, что если достану денегъ, то вернусь, и тогда на другой день мы можемъ отправиться. Я досталъ денегъ и, не ожидая окончанія работъ, отправился на дачу, сказалъ, что досталъ денегъ и потому на другой день можемъ отправиться въ Москву. Долгушина уѣхала съ дачи, главнымъ образомъ, для того, чтобы заниматься акушерствомъ, а Сахарова—для того, чтобы, во 1-хъ нанять квартиру, такъ какъ у Долгушиной паспорта не было и слѣдовадовательно на свое имя она квартиры нанять не могла и, во 2-хъ, для того, чтобы она могла присматривать за сыномъ Долгушиной. 14-го по утру, часовъ въ семь, мы выѣхали съ дачи съ Курдаевымъ на станцію желѣзной дороги и пріѣхали въ Москву. Я забылъ еще сказать, что въ то время на дачѣ при мнѣ были, кажется, Папинъ и Плотниковъ, но при этомъ никакихъ типографскихъ работъ не было. Вещи были дѣйствительно привезены, но лежали не въ комнатѣ, про которую говоритъ Долгушина, а находились въ подпольѣ. Относительно того, будто-бы Долгушиной было запрещено входить и смотрѣть, что тамъ находится, я долженъ сказать, что это было бы совершенно излишне. Если бы вещи находились на дачѣ, то запрещать не было бы надобности, потому что дача была не болѣе, какъ маленькая комната, раздѣленная перегородкой безъ дверей. Слѣдовательно такихъ предосторожностей не для чего было принимать. Вотъ почему у Долгушина, когда къ нему приходили крестьяне, которые бывали у него довольно часто, не могли ничего у него видѣть. Итакъ, 14-го числа мы пріѣхали въ Москву. Долгушина и Сахарова остались на время у Курдаева въ его мастерской жестяныхъ издѣлій. Я туда пришелъ вечеромъ и рѣшили, что Сахарова отправится въ Петербургъ, продастъ находящуюся у меня на квартирѣ мою собственную мебель и привезетъ нѣкоторыя принадлежности для квартиры, которую онѣ наймутъ. Квартиру въ это время онѣ наняли на Шабаловкѣ и около 13-го числа переѣхали на эту квартиру и жили на этой квартирѣ безвыѣздно до 15-го іюля, т. е. до переѣзда Сахаровой въ домъ Степанова ко мнѣ. Во время жительства Сахаровой и Долгушиной на Шабаловкѣ, я приходилъ къ нимъ почти ежедневно. Такъ какъ дать имъ денегъ сразу на нѣсколько дней я не имѣлъ возможности, то я приходилъ, чтобы дать имъ денегъ. Послѣ 14-го я на дачѣ не былъ до привоза вещей. О томъ, что тамъ дѣлалось, я зналъ, но не принималъ участія потому, что Долгушинъ не говорилъ, что моя помощь необходима. Когда я переѣхалъ на квартиру въ домъ Степанова, Долгушина, какъ помнится, можетъ быть и приходила, но во всякомъ случаѣ безъ меня, такъ какъ я ее не видалъ и, кажется, въ показаніи Долгушиной относительно квартиры Степанова болѣе ничего не имѣется. Послѣ 15-го августа я пріѣхалъ съ Сахаровой на дачу и бывалъ на дачѣ до 31-го августа, когда въ послѣдній разъ ушелъ оттуда съ Плотниковымъ и Долгушинымъ. Пріѣзжалъ туда я разъ пять, и въ это время у насъ разговора о распространеніи прокламацій не было; разговоръ же о томъ, чтобы идти въ народъ былъ. Ананій пришелъ 29-го числа, слѣдовательно, при мнѣ былъ и при Долгушинѣ и Плотниковѣ не болѣе двухъ дней. Онъ пришелъ 29-го, я ушелъ съ Долгушинымъ и Плотниковымъ 31-го. Опять-таки и при Васильевѣ разговора о распространеніи не было, были

только разговоры о томъ, чтобы идти въ народъ. Кто и что говорилъ — хорошо не помню. Но вообще разговоръ былъ, я этого не отрицаю, и можетъ быть, что и я принималъ въ немъ участіе. Относительно показанія Долгушиной о картахъ я долженъ сказать, что карты эти были пріобрѣтены мною. Послѣ 31-го августа до 8-го числа я жилъ у Долецкаго. Туда приходили Долгушинъ, Папинъ и Плотниковъ, но опять-таки здѣсь никакихъ разговоровъ не было. 8-го числа я нанялъ квартиру въ домѣ Гурина, о которомъ разскажу впослѣдствіи болѣе подробно. На эту квартиру переѣхала, между прочимъ, Сахарова, которая переѣхала уже тогда, когда вещи были перевезены и спрятаны въ комнату, которая была постоянно заперта, такъ что подсудимой Сахаровой, едва-ли было извѣстно, что тамъ находилось. Впрочемъ Долгушина такъ и показываетъ, что комната была заперта и во время работы туда никого не пускали. 14-го числа Сахарова отправилась по моей просьбѣ къ Курдаеву принести заказанныя ему мною лампы и чтобы принести денегъ на дорогу Долгушиной въ Петербургъ, такъ какъ она хотѣла туда ѣхать. Сахарова, возвратясь отъ Курдаева, сказала, что онъ арестованъ, кромѣ того сказала, что арестованъ Максимъ Кондратовъ. Такъ какъ они были знакомы съ Долгушинымъ, то я имѣлъ полное основаніе предполагать, что въ этой квартирѣ будетъ обыскъ, и, не желая подвергать Долгушину отвѣтственности, просилъ ее выѣхать. Она согласилась. Когда она уѣхала къ Долецкому, пришли я и Сахарова. Послѣ того я видѣлся съ Долгушинымъ и рѣшилъ съ нимъ, что я отвезу его сына къ сестрѣ его жены, что мною и было сдѣлано. Подс. Дмоховскій въ дополненіе показалъ: Около 2-го іюля я и Долгушинъ отправились на дачу, взяли находившіяся тамъ типографскія принадлежности: столъ деревянный, разобранный станокъ, одинъ боченокъ съ красками и пескомъ, который былъ насыпанъ для того, чтобы краска не разливалась, такъ какъ донышка у боченка не было. Затѣмъ было 5 или 6 пудовъ шрифта; въ кассѣ буквы лежали отдѣльно. Кромѣ этихъ вещей ничего не было. Нѣкоторыя буквы были даже смѣшаны, такъ какъ онѣ были въ употребленіи. На другой день утромъ, часа въ 4 утра, я и Долгушинъ выѣхали въ Москву. Но такъ какъ наша лошадь только что привезла насъ изъ Москвы и устала, то Долгушинъ пошелъ въ деревню и подрядилъ Тихонова. Когда онъ подъѣхалъ, я отпрегъ свою лошадь и уѣхалъ на ней. Что касается до Семена Михайлова, то онъ не могъ видѣть меня, такъ какъ онъ подошелъ позже Тихонова. Послѣ того, часа въ 2 или 3, явился мальчикъ Хухриковъ и уѣхалъ верхомъ на лошади, которая была взята отъ его отца. Затѣмъ вещи я перенесъ въ одну изъ комнатъ, которую я и заперъ. Послѣ того Долгушинъ нанялъ извощика. Сенаторъ Евреиновъ. Въ какомъ видѣ были вещи? Подс. Дмоховскій. Онѣ были уже въ употребленіи. Введенъ свидѣтель Михаилъ Антоновъ Хухриковъ, который на вопросъ первоприсутствующаго, что ему извѣстно по дѣлу, отвѣчалъ: Извѣстно, что пріѣзжалъ Долгушинъ поставить лошадь и просилъ дать ей сѣна, сказалъ, что пріѣдетъ вечеромъ и отдастъ деньги. Онъ пріѣхалъ съ возомъ, лошадь пристала; онъ просилъ найти ломового извощика. Я говорю: мы сами ломовые извощики.—„Можешь, говоритъ, довезти?“ Можемъ, говорю.—„Сколько стоитъ?“ —Рубль серебромъ.—Онъ согласился. Мы запрягли, сынъ отвезъ, а телѣгу привезли назадъ вечеромъ на ломовомъ. Товарищъ оберъ-прок. Вашъ сынъ возилъ вещи? Свид. Да. В. Говорилъ онъ, куда ихъ отвезъ? О. Нѣтъ, В. Вашъ сынъ отвезъ телѣгу, которая осталась тамъ? О. Она возвращена на ломовомъ извощикѣ. Прис. пов. Спасовичъ. Вы живете въ Москвѣ? Свид. Въ Москвѣ, около Дорогомиловской заставы. В. Къ вамъ телѣгу привезли поломанную? О. Нѣтъ, только лошадь оставили. В. Чью лошадь? О. Крестьянина. В. Кромѣ этого Долгушина нигдѣ не видѣли въ это время? О. Нигдѣ не видѣлъ. Прис. пов. Утинъ. Вы давно знаете Долгушина? Свид. Не такъ давно. Онъ можетъ быть разъ 10 ѣздилъ къ намъ; пріѣзжалъ когда верхомъ, когда въ телѣгѣ; оставитъ лошадь и пойдетъ пѣшкомъ. Потомъ вернется, отдастъ за сѣно 20 или 25 коп. и уѣдетъ. Товар. оберъ-прок. Вы узнаете теперь его? Свид. Да, узнаю. В. Посмотрите и скажите, который онъ. Свид. (Указывая на Долгушина). Вотъ этотъ самый. Прис. пов. Утинъ. Вы не получали отъ него какихъ-либо книжекъ? Свид. Нѣтъ. В. Въ какое время знали вы Долгушина? О. Годъ тому назадъ. Введенъ свидѣтель Михаилъ Михайловъ Хухриковъ, который на вопросы товарища оберъ-прокурора показалъ, что телѣгу онъ оставилъ во дворѣ, а самъ возвратился верхомъ. Введенъ свидѣтель Тихоновъ, который показалъ, что у Долгушина дорогою сломалась телѣга и пристала лошадь. Онъ просилъ свидѣтеля помочь ему. Свидѣтель взялся. Господъ было двое. Выпрягли лошадей, и одинъ изъ нихъ уѣхалъ верхомъ, а свидѣтель довезъ на своей лошади телѣгу до двора, а тамъ переложилъ вещи въ свою телѣгу и взялся доставить за два рубля въ Москву. Сенаторъ Евреиновъ. Какія вещи вы перекладывали? Свид. Вотъ такой столикъ (показывая на столъ изъ числа вещественныхъ доказательствъ) деревянный, два боченочка, насыпанные желтымъ пескомъ сверху. Я сталъ спрашивать, что такое? Неужели у васъ въ Москвѣ нѣтъ такого песку? Онъ сказалъ, что это краска. Потомъ были очень тяжелыя вещи, покрытыя рогожами и обвязанныя; еще были ящики. В. Не знаете-ли что было въ этихъ ящикахъ? О. Я не знаю какъ назвать.... буквы были. Всего возъ былъ не меньше 25 пудовъ. Лошадь шла тихо. Мы

за ней шли пѣшкомъ и разговоръ имѣли. Онъ сталъ спрашивать, чѣмъ занимаюсь. Я объяснилъ и спросилъ, что это за слова? Онъ говоритъ, что работаютъ его товарищи. Пріѣхали къ Хухрикову на дворъ. Я свою лошадь выпрягъ и заложилъ было его лошадь, но она не пошла, потому что нездорова была — такъ лихорадка, что-ли. Потомъ взяли дворникову лошадь, не знаю за какую цѣну и куда. Телѣгу я ему повѣрилъ, потому что онъ свою лошадь оставилъ мнѣ. Товар. оберъ-прок. Между вещами, которые вы перекладывали, не замѣтили-ли чугунной доски? Свид. Была, была. В. Похожа-ли вотъ на эту, которая лежитъ на столѣ? О. Похожа. В. Также съ дырами? О. Да. Тяжелая, такъ что вдвоемъ мы насилу переложили. В. Вы не видали его товарища? Нѣтъ, потому что я бѣгалъ за лошадью. Прис. пов. Утинъ. Не давалъ-ли этотъ господинъ читать какія-нибудь книжки. Свид. Нѣтъ. не давалъ.

Прис. пов. Спасовичъ. Вы живете въ деревнѣ Оборвихѣ? Свид. Да. В. Сколько это верстъ въ Москву? О. 18. В. Когда происходило о чемъ показываете? О. Передъ Ильинымъ днемъ дня за два, за три или пять. В. Вы видѣли буквы, которыя плотно сложены—гранки? О. Нѣтъ, онѣ были разсыпаны. Первоприсутствующій. Вы знали Долгушина? Свид. Нѣтъ, не зналъ. По просьбѣ товарища оберъ-прокурора спрошенъ снова М. А. Хухриковъ, который показалъ, что лошадь Долгушинымъ была оставлена у него, но свидѣтель не видѣлъ, кто ее оставилъ; было только двѣ лошади: Долгушина и крестьянина. Прис. пов. Слонимскій. (Къ свидѣтелю Тихонову). Вы грамотный? Свид. Нѣтъ. В. Откуда вы узнали что это буквы? О. У насъ одинъ снималъ дачу, онъ имѣлъ въ Москвѣ типографію и я нѣсколько разъ возилъ его туда, и наши люди жили въ типографіи. Введенъ свидѣтель Семенъ Михайловъ. На вопросъ, что ему извѣстно, онъ объяснилъ: Я знаю Афанасія Тихонова. Онъ на своей лошади возилъ вещи въ Москву. Я пришелъ къ нему попросить лошади въМоскву, а они уже запрягли. Меня просили пособить перекладывать вещи. Первоприсутствующій. Какія были вещи? Свид. Тутъ была большая доска, тяжела, обвязанная рогожами. Я спросилъ, на что эта доска? Онъ сказалъ, что прованское масло дѣлали, а что теперь она не годится и везутъ въ Москву. Потомъ были два боченка песку. Товарищъ оберъ-прокурора. Вещи тяжелыя были? Свид. Въ доскѣ было пудовъ пять. В. Не видали ли карточной рамки? О. Нѣтъ. В. А про боченки спросили, что въ нихъ? О. Нѣтъ. В. Ящиковъ съ перегородками не видали? О. Нѣтъ. В. Вы одного барина видѣли или двоихъ? О. Двоихъ; одинъ впередъ уѣхалъ. В. Вы его замѣтили? О. Да. В. Такъ что, если бы вамъ показать его, вы узнали бы его? О. Могу. В. Посмотрите, не узнаете ли? Свид. указалъ на Долгушина и Дмоховскаго и о послѣднемъ сказалъ, что этотъ ѣхалъ верхомъ. Прис. пов. Утинъ. Вы не получали какихъ-либо книжекъ или брошюрокъ отъ этого господина. Свид. Нѣтъ ничего. Прис. пов. Спасовичъ. Какъ велики были бочки? Свид. Такъ по нашему сказать въ полведра вина. В. Тяжелыя? О. Порядочно тяжелыя. В. Какъ вещи лежали? О. Въ телѣгѣ. В. Но были онѣ уложены во что-нибудь, или просто лежали? О. Нѣтъ, просто. В. Такъ что всѣ ихъ можно было видѣть? О. Да. В. Вы знаете, что такое буквы? О. Этого не видалъ. В. И набранныхъ не видали? О. Нѣтъ. Первоприсутствующій. Вы Долгушина давно знаете? Свид. Жилъ тутъ неподалеку, проѣзжалъ на дачу чрезъ нашу усадьбу. Сенаторъ Евреиновъ. Далеко ихъ дача отъ вашей деревни? Свид. Верстъ пять. Подс. Долгушинъ. Я уже имѣлъ случай сказать о томъ, что происходило на дачѣ печатаніе. Подс. Папинъ. Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ относительно показанія Долгушиной для того, чтобы характеризовать собранія, которыя происходили осенью 1872 года и на которыхъ я бывалъ. Когда въ сентябрѣ 1872 г. я пріѣхалъ въ Петербургъ, то вскорѣ встрѣтилъ Долгушина, къ которому сталъ ходить сначала рѣдко, потомъ чаще, такъ какъ у него собиралось довольно значительное количество людей, съ которыми хорошо проводилось время и гдѣ велась бесѣда о разныхъ вопросахъ, которые имѣли значеніе, если не для настоящаго, то для будущаго. Я хочу только указать на то, что здѣсь велись разговоры, имѣвшіе чисто теоретическое значеніе и не имѣвшіе никакой практической цѣли. У насъ часто возникалъ вопросъ о пропагандѣ, и въ этомъ отношеніи я вполнѣ подтверждаю показаніе Долгушиной. Для разъясненія этого вопроса я долженъ сдѣлать ссылку на одинъ ученый трудъ, для того, чтобы слишкомъ не распространяться. (Здѣсь подсудимый началъ приводить научныя теоріи, существующія по этому вопросу, и хотѣлъ сдѣлать ссылку на исторію Фридриха Поля, автора сравнительной статистики, но былъ остановленъ первоприсутствующимъ). Затѣмъ подсудимый въ доказательство того, что всѣ эти разсужденія имѣли чисто теоретическую цѣль, привелъ то, что собранія происходили преимущественно по воскресеньямъ, въ свободное отъ занятій время; что вообще собирались знакомые, полузнакомые и даже совершенно незнакомые. Подс. Долгушинъ заявилъ, что жена его въ показаніи своемъ перепутала всѣ числа; показаніе же Дмоховскаго въ этомъ отношеніи совершенно вѣрно. Введенъ свидѣтель Максимъ Курдаевъ, который на вопросъ первоприсутствующаго объяснилъ, что онъ караулилъ дачу, когда они оттуда уѣхали. Товарищъ оберъ-прокурора. Кто жилъ на дачѣ лѣтомъ? Свид.

Долгушинъ, Сахарова пріѣзжала, потомъ Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ. В. А г-жа Долгушина жила? О. Жила. В. Не помните ли, не пріѣзжалъ ли къ вамъ въ околотокъ исправникъ? О. Былъ такой случай. В. По этому поводу не спрашивали васъ о чемъ-нибудь? О. Долгушинъ спрашивалъ. Я говорю: исправникъ былъ. „По какому, говоритъ, дѣлу?“ Говорю: арестантовъ спрашивали. Тѣмъ и кончилось. В. Не ходили ли какіе-нибудь слухи объ этихъ господахъ, которые жили на дачѣ? О. Молва распространялась будто бы деньги дѣлаютъ. В. Какъ вы эту молву объясняете, почему она явилась? О. Такъ что завѣшены окна были и съ мужиками ходили въ трактирное заведеніе; бывало уже 9 часовъ, а окна все завѣшены; нужно вставать, а они спятъ, дѣловъ никакихъ не имѣютъ. Чѣмъ же живутъ? В. Не спрашивалъ ли у васъ чего-нибудь Долгушинъ по поводу этихъ слуховъ? О. Нѣтъ, этого ничего не было. В. Не говорилъ ли онъ вамъ, чтобъ вы не смѣли повторять этихъ слуховъ? О. Нѣтъ, когда опустѣлъ домъ, молва распространилась, что вотъ деньги дѣлали; за дворомъ былъ найденъ станокъ. Болѣе я ничего не видѣлъ. В. По поводу этихъ слуховъ вы ничего не говорили съ Долгушинымъ? О. Послѣ этого я распространялъ; по-деревенски товарищамъ сказалъ, что вѣроятно деньги дѣлаютъ; станокъ нашелъ такой же, какъ у моего брата, котораго арестовали за фальшивыя деньги. Когда Долгушинъ пріѣхалъ, прислалъ за мной Васильева. Васильевъ сказалъ, чтобы я явился вечеромъ. Я пришелъ, онъ наставилъ на меня „леворверъ“ прямо и говоритъ: „болтаешь; не смѣй больше пустяковъ говорить“. В. Еще ничего не говорилъ? О. Только сказалъ, чтобъ не болтать. В. Если будете болтать? О. „Вотъ тебѣ, говоритъ, жизнь кончу“. В. Кромѣ Долгушина, кто тутъ былъ еще? О. Всѣ: Дмоховскій, Папинъ, Плотниковъ и Васильевъ. Прис. пов. Утинъ. Когда нашли станокъ? Свид. Когда они уѣхали. Первоприсутствующій. А когда они уѣхали? Свид. Я покосъ косилъ къ Петрову дню—въ это время. Товарищъ оберъ-прокурора. Дача велика была? Свид. $4^1/_2$ десятины съ усадьбою. В. Пахатной земли много было? О. Такъ, съ $^3/_4$ десятины. В. Сколько можетъ быть засѣяно на этомъ кускѣ? О. Четверть ржи можно засѣять средней рукой. В. Огородъ былъ? О. Былъ небольшой. В. Что тамъ было? О. Капуста. В. А картофель былъ посѣянъ? О. Картофель былъ на горѣ. В. Кромѣ картофеля другихъ овощей не было? О. Нѣтъ. В. А хлѣбъ? О. Хлѣба ничего не было посѣяно. В. Покосъ былъ? О. Остальная земля подъ покосомъ и кустарниками по буграмъ. Прис. пов. Утинъ. Часто видали Долгушина? Свид. Онъ у насъ въ деревнѣ жилъ до постройки дачи. В. А потомъ видѣли? О. Видѣлъ. В. Не давалъ ли онъ вамъ какихъ-нибудь прокламацій? О. Ничего не давалъ. Подс. Дмоховскій. Когда Долгушинъ жилъ на дачѣ, вы не бывали у него? Свид. Нѣтъ. В. Слѣдовательно, о тѣхъ лицахъ, которыя бывали у него, не можете сказать? О. Не могу. В. Слѣдовательно, вы говорили о томъ времени, когда Долгушинъ вернулся изъ Москвы. О. Да. В. Вы говорите, что часто видѣли Долгушина; а Васильевъ былъ при этомъ? О. Былъ. В. Когда онъ пріѣхалъ? О. Не помню. Подс. Дмоховскій. Показаніе это невѣрно въ томъ отношеніи... Первоприсутствующій. По вашему оно можетъ быть невѣрно, но вы не можете сказать, чтобы оно и для другихъ представлялось невѣрнымъ. Введенъ свидѣтель Кириллъ Курдаевъ, который показалъ, что ему ничего неизвѣстно. Товар. оберъ-прок. Не помните ли, въ концѣ августа или началѣ сентября пріѣзжали къ Долгушину его товарищи? Свид. Нѣтъ, не помню. В. Кромѣ Долгушина вы знали кого-нибудь изъ его товарищей? О. Дмоховскаго зналъ. В. А еще кого? О. Папина и Плотникова. В. А Васильева знаете? О. Знаю. В. Не оставляли ли въ квартирѣ какихъ-либо вещей? О. Мебель стояла, были ящики. В. Съ чѣмъ? О. Не смотрѣлъ. В. А машина швейная была? О. Была. В. Вы не знаете, куда она дѣвалась? О. Въ закладъ отдали. В. Не знаете ли куда? О. На Арбатѣ. В. Когда была привезена машина, приблизительно въ какомъ мѣсяцѣ? О. Лѣтомъ, а въ какомъ мѣсяцѣ положительно опредѣлить не могу. В. Какая мебель была? О. Комодъ, диванъ, стулья. В. Въ комодѣ были какія-нибудь вещи? О. Я не смотрѣлъ, не знаю. В. Ящики при васъ вынимали? О. Не видѣлъ. Прис. пов. Утинъ. Не давали ли вамъ читать какихъ-нибудь прокламацій? Свидѣтель молчитъ. Первоприсутствующій. Вы знаете, что такое прокламація? Свид. Теперь то я знаю, понялъ. Прис. пов. Утинъ. Не давали ли вамъ читать какія-нибудь книжки? Свид. Нѣтъ, ничего не давали. Подс. Дмоховскій. Помните, какъ въ началѣ іюня вы везли насъ съ Сахаровой? Не доѣзжая до дачи, я слѣзъ въ деревнѣ и вернулся въ Москву? Свид. Помню. В. Такъ что съ вами я не пріѣзжалъ на дачу? О. Нѣтъ. В. Вы принесли лампу и приходили взять денегъ въ домъ? О. Нѣтъ. Первоприсутствующій. Лампу приносили? О. Нѣтъ. Тов. оберъ-прокур. Квартира у васъ была большая? Свид. Порядочная, три комнаты. Прис. пов. Слонимскій. У васъ есть рабочіе? Свид. Есть. В. Такъ что, когда вы уходили, то кто-нибудь остается въ комнатѣ? О. Да. В. Слѣдовательно, если кто приходилъ къ Долгушину, то можно было замѣтить это? О. Они ходили, но только не могу опредѣлить времени когда. В. Всѣ одновременно бывали? О. Не знаю, можетъ быть были, а можетъ не были всѣ вмѣстѣ. В. Дѣло состоитъ въ томъ, что у васъ въ комнатѣ всегда кто-нибудь оставался; а вѣдь ваша комната отдѣлялась отъ ихъ только деревянной перегородкой? О. Да. В. Рабочіе бывали постоянно? О. Постоянно. В. Если бы всѣ

собрались вмѣстѣ, то кто-нибудь могъ бы это знать? О. Нѣтъ, этого я не слыхалъ. Прис. пов. Утинъ. Не говорилъ ли вамъ кто-нибудь изъ рабочихъ: не давали ли имъ прокламацій? О. Нѣтъ, да у насъ и грамотныхъ то не очень много.

Затѣмъ засѣданіе въ $5^1/_4$ часовъ пополудни было прервано до 11 ч. утра слѣдующаго дня. Засѣданіе открыто въ 11 часовъ утра. По просьбѣ товарища оберъ-прокурора спрошенъ свидѣтель Кириллъ Курдаевъ, который показалъ, что онъ принималъ участіе въ покупкѣ дачи Долгушинымъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Какъ это произошло? вы ли предложили, или онъ васъ спрашивалъ? Свид. Онъ спросилъ. Онъ разговорился со мною, и я сказалъ, что у насъ есть двѣ дачи: одна большая, другая маленькая. Онъ хотѣлъ купить маленькую. Введенъ свидѣтель Ѳедоръ Аѳанасьевъ, который показалъ: ѣхавъ въ Москву, я встрѣтилъ молодыхъ людей, которые просили меня подвезти одного изъ нихъ въ Москву и спросили, сколько я возьму. Я спросилъ 40 коп., они давали 20, говоря, что у нихъ нѣтъ больше денегъ. Они просили меня довезти его до Калужскаго рынка, но я сказалъ, что туда и за цѣлковый не поѣду. Они говорятъ: „возьми 20 коп., правда больше нѣту".—Ну, какъ нѣту, такъ, пожалуй довезу. Вотъ мы и поѣхали. Я сталъ спрашивать, откуда онъ. Онъ сказалъ, что одинъ изъ нихъ выстроилъ домикъ и онъ туда пріѣзжалъ. А откуда, спрашиваю, самъ? „Я, говоритъ, петербургскій, живу у купца Плотникова въ кожевникахъ, изъ рыбьей чешуи клей дѣлаю". Такъ мы ѣхали и разговаривали. Подъѣхали къ Кунцовой рощѣ. Онъ сказалъ, что „вотъ у васъ скоро солдатчина будетъ по новому, и будетъ, говоритъ, не очень хорошо". Потомъ онъ сталъ говорить: „Что вотъ вамъ земли не дали". Я говорю: „Что же дѣлать!" Онъ говоритъ: „У меня вотъ двѣ книжки есть: „Стенька Разинъ" и „Пугачевъ". Вотъ „Пугачевъ". Вотъ почиталъ бы. Хорошо". Первоприсутствующій. Вы грамотный? Свид. Да. Я говорю: ничего, почитаю. Онъ сказалъ: „У меня теперь нѣту, но когда случай будетъ, я у тебя побываю въ деревнѣ". Доѣхали до Москвы, до Смоленскаго рынка, онъ отдалъ 20 коп. и я поѣхалъ продавать товаръ, а онъ ушелъ. Я продалъ товаръ, купилъ, что нужно и поѣхалъ домой. Проходитъ съ недѣлю. Былъ я на работѣ, пріѣзжаю домой къ своему двору. Солнце было уже низко. Приходятъ двое молодыхъ людей и спрашиваютъ: „Ты Ѳедоръ Аѳанасьевъ?" Я, говорю. „Сдѣлай милость, говорятъ, сдѣлай намъ зеркало и объясни цѣну". Я говорю: мы еще не работаемъ, а когда станемъ работать, тогда и о цѣнѣ поговоримъ. Они мнѣ мѣрку принесли и говорятъ: „Поговоримъ о цѣнѣ". Я говорю: теперь не о чемъ говорить. Потомъ они стали звать въ кабакъ. Я говорю: не пью. „Ну, говорятъ, пойдемъ чаю попьемъ". Я говорю: въ кабакъ не хожу и чай пить. „Ну такъ, проводи насъ, говорятъ, по крайней мѣрѣ". Проводить, отчего не проводить. Мы пошли за деревню. Дорогой они говорятъ, принесли двѣ книжки. Я сказалъ: не нужно мнѣ,—я неграмотный; попыталъ, что отъ нихъ будетъ. Они говорятъ: „Такъ мы тебѣ почитаемъ". Почитайте, говорю, отчего не почитать, я послушаю. Затѣмъ одинъ началъ читать. Я вижу, книжка не та, какъ они говорили, „Стенька Разинъ". Потомъ онъ дочитался до оброковъ, что платить не надо, что они незаконны. Я говорю: какъ оброки незаконны? Богъ велѣлъ платить; въ писаніи сказано: „воздадите кесарево кесареви и Божія Богови". Они говорятъ, что это было тогда, когда Господь ходилъ по землѣ, а теперь, говорятъ, этого не должно. Какъ, говорю, не должно и спрашиваю; какъ книги печатаны? Я знаю книги: „Житія святыхъ отецъ", богослужебныя книги . . . . Онъ говоритъ: „Хорошо, скоро узнаешь. Мы тебѣ, говорятъ, объ этомъ скажемъ". Я и спрашиваю: какъ человѣку на томъ свѣтѣ? будетъ что или нѣтъ? „Мы, говорятъ, скажемъ тебѣ это послѣ". Я сказалъ, что я такъ слышалъ, что ничего не будетъ—такъ, поглядѣть, что они скажутъ. Въ то время было уже очень темно. Онъ говоритъ: „Правда, говоритъ, не будетъ". Я и сказалъ: ты, говорю, напрасно говоришь. Я самъ знаю кое-что; за все нужно будетъ отвѣчать. Послѣ этого они пошли за рѣку, а я пошелъ домой. Не помню, больше недѣли прошло—или двѣ прошло. Нашъ крестьянинъ Сидоровъ ѣздилъ въ Москву. Дорогой онъ встрѣтилъ какого-то человѣка, который спросилъ его: „Ты изъ Грибанова"? Да, говоритъ. „Знаешь Федора Афанасьева, зеркальщика"? Знаю, говоритъ. „Отвези, говорятъ, ему письмо". Какое такое письмо, отъ кого? „Нужно, говорятъ, товару привезти". Крестьянинъ привезъ мнѣ письмо и отдалъ. Я разорвалъ конвертъ, гляжу, а тамъ тѣ самыя книжки. Думаю, что-то не ладно. Такъ прошло дня три—четыре. Я пошелъ на похороны и спросилъ священника на счетъ этихъ книжекъ. Священникъ сказалъ: „Покажи". Я взялъ книжки и пошелъ къ нему. Онъ поглядѣлъ и говоритъ, что за эти книжки худо будетъ, „уничтожь ихъ, чтобы не было; да и не поминай никому о нихъ". На другой день я уничтожилъ ихъ. Первоприсутствующій. Какое было заглавіе книжекъ? Свид. Одна была „Русскому народу"—ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ; а другую не помню. Одна въ 4 листка, широкая, а другая маленькая, узкая. Товарищъ оберъ-прокурора. Когда вы ѣхали въ Москву съ господиномъ, вы говорили ему, что занимаетесь зеркальнымъ мастерствомъ? Свид. Говорилъ. Онъ спрашивалъ, и я ему даже образцы показывалъ; у меня въ карманѣ были рамки. В. Не помните-ли, въ какой книжкѣ толкуется, что оброковъ платить не нужно? О. Думается, что въ маленькой. В. Вы припомните лицо того человѣка, котораго возили? О. Удостовѣрить не могу хорошо,

можетъ быть, ошибусь. В. Но если вамъ показать его, то узнаете, можетъ быть? О. Крѣпко не могу сказать, что узнаю. Первоприсутствующій. Потрудитесь взглянуть, не узнаете-ли вотъ этихъ людей? Свидѣтель осматриваетъ подсудимыхъ и указывая на Долгушина: „Вотъ этотъ приносилъ читать книжки". Товарищъ оберъ-прокурора. А не узнаете-ли того, котораго подвозили за 20 коп.? Свидѣтель еще разъ осматривая подсудимыхъ: „Нѣтъ, того не могу узнать. Я описывалъ его: высокій, худощавый". Прис. пов. Утинъ. Гдѣ находится ваша деревня? Свид. Въ Звенигородскомъ уѣздѣ. В. Далеко отъ Сареево? О. Верстахъ въ пяти. В. Онъ вынималъ вамъ книжки? О. Вынималъ изъ кармана и давалъ читать. В. Вы твердо это помните? Первоприсутствующій. Вѣдь онъ вамъ уже отвѣчалъ, что помнитъ, что же вы еще спрашиваете? Прис. пов. Утинъ. Вамъ Сидоровъ не разсказывалъ, какіе были два господина? Свид. Нѣтъ, ничего не говорилъ. Подс. Дмоховскій объяснилъ, что въ августѣ, послѣ 15-го числа, онъ ѣздилъ разъ пять изъ Москвы на дачу Долгушина и съ дачи въ Москву; ѣздилъ постоянно съ попутными крестьянами, а потому не можетъ отвергать возможности, что въ одну изъ этихъ поѣздокъ онъ познакомился съ крестьяниномъ Ѳедоромъ Аѳанасьевымъ. Разбирая затѣмъ показанія, которыя далъ свидѣтель относительно того молодаго человѣка, котораго онъ подвозилъ, подсудимый объяснилъ, что, можетъ быть, именно онъ и ѣздилъ съ Аѳанасьевымъ, но лично его не помнитъ. Разговоръ о клеевареніи онъ могъ съ нимъ имѣть, потому что говорилъ объ этомъ предметѣ и съ другими крестьянами. Далѣе Аѳанасьевъ показываетъ, что молодой человѣкъ, котораго онъ возилъ, говорилъ ему о томъ, что у крестьянъ земли мало, или она плохая. Подсудимый этого не отрицаетъ, такъ какъ разговоръ съ крестьянами о землѣ былъ вслѣдствіе того, что поземельный вопросъ вообще очень его интересовалъ. Былъ-ли разговоръ о книжкахъ „Стенька Разинъ" и „Пугачевъ", подсудимый хорошо не припомнитъ, но отвергать возможности такого разговора не желаетъ, потому что, дѣйствительно, могъ указывать на эти сочиненія. Наконецъ, относительно разговора о солдатчинѣ, т. е. о всесословной воинской повинности, подсудимый заявилъ, что разговоръ объ этомъ онъ имѣлъ со всѣми крестьянами, но говорилъ совершенно противное тому, что показалъ свидѣтель, а именно, онъ, подсудимый, никогда не говорилъ и не могъ говорить, что со введеніемъ всесословной воинской повинности будетъ хуже, а не лучше. Относительно того, что онъ не приходилъ къ Аѳанасьеву и читалъ ему прокламацій, Судъ можетъ удостовѣриться изъ показанія самого Аѳанасьева. Съ своей стороны онъ, подсудимый, заявилъ, что никому объ Аѳанасьевѣ не говорилъ, въ деревню его не ходилъ и прокламацій тамъ никому не читалъ. По просьбѣ прис. пов. Спасовича спрошенъ вновь Аѳанасьевъ. Прис. пов. Спасовичъ. Одну прокламацію вамъ читали? Первоприсутствующій. Вы знаете, что такое прокламація? Свид. Нѣтъ, не понимаю. Первоприсутствующій. Книжка. Свид. Одну читали, что оброкъ не нужно платить. Прис. пов. Спасовичъ. Долго онъ читалъ? О. Не могу показать . . . . только до этихъ словъ почитали и положили въ карманъ и у насъ пошла ужъ рѣчь о другомъ. В. Вамъ онъ не предлагалъ взять книжки? О. Онъ говорилъ, что я вамъ принесъ книжки, а я сказалъ, что мнѣ не нужно. Введенъ свидѣтель Сидоровъ. На вопросъ показать, что ему извѣстно, свидѣтель отвѣчалъ: вотъ что я знаю. Какъ я ѣхалъ изъ Москвы, дѣло было празднично—воскресенье, а числа не припомню . . . . послѣ Рождества Богородицы, осень. Попадаются мнѣ на Раздорской горѣ двое мужчинъ и женщина на лошади. Женщина съ мужчиной поѣхали въ Москву, а одинъ мужчина подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: „Ты не изъ Грибанова-ли"? Я говорю: да. „Знаешь Аѳанасьева"? Какъ, говорю, не знать. „Сдѣлай милость, отвези письмо". Я спрашиваю: отъ кого это письмо? Говоритъ: „Отъ хозяина, заказъ есть". Говорю: съ удовольствіемъ, отвести мнѣ не тяжело". Я взялъ письмо. Этимъ и кончилось. Онъ побѣжалъ догонять своихъ, а я поѣхалъ своей дорогой. Домой пріѣхалъ вечеромъ поздно. Утромъ, на другой день увидѣлъ Аѳанасьева и сказалъ: „Тебѣ письмо привезъ, попотчуй чайкомъ". „Какое письмо"? говоритъ. Я говорю: „не знаю, отъ прикащика что-ли". Онъ взялъ письмо и распечаталъ. Послѣ я съ нимъ не видѣлся—былъ нездоровъ. Потомъ спросилъ: какое письмо это?—Говоритъ: „книжки". Какія, говорю? „Да такъ, говоритъ, въ нихъ хорошаго нѣтъ". Первоприсутствующій. Вы сами не видѣли ихъ: большія или маленькія? Свид. Какія онѣ ростомъ—я не видѣлъ; Аѳанасьевъ только сказалъ: „пустякъ" говоритъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы помните въ лицо этого человѣка? Свид. Помнится. В. Посмотрите здѣсь, не можете-ли узнать? Свид. (осматривая подсудимыхъ и указывая на Долгушина). Вотъ этотъ самый человѣкъ. Прис. пов. Утинъ. Васъ спрашивали объ этомъ на слѣдствіи? Свид. Да. В. Показывали вамъ этого человѣка? О. Я сказалъ, что онъ ростомъ небольшой, рубашка на немъ была красная и плисовыя штаны. В. На слѣдствіи вы говорили, что крѣпко признать этого человѣка не можете. Отчего же вы теперь такъ сразу узнали? О. Конечно, я теперь его вижу во второй или третій разъ. Прис. пов. Утинъ. (обращаясь къ Суду). Во время предварительнаго слѣдствія свидѣтель не признавалъ подсудимаго. Первоприсутствующій. Ваше замѣчаніе присутствіе уже слышало. Введенъ свидѣтель Верещагинъ. На вопросъ, что ему извѣстно по дѣлу, свидѣтель отвѣчалъ: Я знаю Долгушина и Дмоховскаго. Первопри-

сутстствующій. Почему же вы ихъ знаете? Свид. Долгушина узналъ я осенью 1872 г., когда искалъ бухгалтера для заведенія, которое у меня было. Мой повѣренный публиковалъ объ этомъ въ газетахъ, вслѣдствіе того, что нашъ бухгалтеръ отходилъ. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ повѣренный мой сказалъ мнѣ, что заявился бухгалтеръ Александръ Васильевичъ Долгушинъ. При этомъ повѣренный мой считалъ нужнымъ предупредить меня, что Долгушинъ судился по нечаевскому дѣлу, заявивъ, что положеніе его крайне затруднительное, такъ какъ вслѣдствіе его судимости, ему никто не даетъ мѣста, а между тѣмъ онъ находится въ весьма трудныхъ семейныхъ обстоятельствахъ. В. Сколько времени онъ у васъ служилъ? О. До 1-го марта 1873 года. В. Потомъ вы его потеряли изъ виду, или видѣли еще? О. Видѣлъ еще въ Москвѣ, а потомъ уже не видѣлъ. В. А Дмоховскаго какъ знаете? Онъ у васъ жилъ? О. Нѣтъ, онъ занималъ мѣсто Долгушина около мѣсяца, такъ какъ Долгушинъ, уѣзжая оставилъ его вмѣсто себя. В. Куда же потомъ дѣвался Дмоховскій? О. Когда при переводѣ мастерской въ Москву было отказано г. Долгушину, то вмѣстѣ съ пріѣздомъ его окончились занятія по мастерской и г. Дмоховскаго. В. И вы болѣе его не видѣли? О. Нѣтъ, видѣлъ по пріѣздѣ его изъ-за границы. В. Онъ ѣздилъ за-границу по вашему порученію? О. Нѣтъ, порученіе было дано Фризелемъ, моимъ довѣреннымъ, завѣдывающимъ мастерской въ Москвѣ. В. Какое порученіе? О. Узнать о машинахъ. Такъ какъ онъ говорилъ, что ѣдетъ за границу по порученію заводчика Платонова, то одновременно съ этимъ онъ и былъ нанятъ за извѣстную плату узнать о новѣйшихъ машинахъ нашего производства. По возвращеніи его изъ-за границы онъ сообщилъ мнѣ тѣ свѣдѣнія, которыя привезъ по этому порученію. Я просилъ его передать ихъ Фризелю. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы изволили говорить, что Долгушинъ находился у васъ на службѣ. Скажите, вы отказали ему отъ мѣста до перевода мастерской въ Москву? Свид. Да. В. Такъ что этотъ отказъ былъ совершенно окончательный? О. Я отказалъ и этимъ окончились всѣ наши отношенія. Прис. пов. Утинъ. Вы приняли Долгушина на службу, потому что онъ былъ оправданъ по нечаевскому дѣлу? Свид. Да. В. Онъ жилъ въ томъ помѣщеніи, гдѣ находилась ваша мастерская? О. Сначала онъ жилъ на своей квартирѣ, а когда сталъ завѣдывать мастерской, то переѣхалъ жить туда. В. Эта квартира была большая? О. Четыре комнаты. Эта квартира была назначена для управляющаго мастерской, Сенаторъ Евреиновъ. Квартира эта была совершенно отдѣльная? Свид. Совершенно отдѣльная. В. Онъ одинъ жилъ въ ней? О. Одинъ. До него занималъ эту квартиру прежній завѣдывающій мастерской. Прис. пов. Спасовичъ. Вы закрыли мастерскую не потому, что были дурно ведены дѣла? Свид. Я хотѣлъ имѣть ближайшій надзоръ за мастерской и потому перевелъ ее въ Москву. В. Не былъ-ли мотивированъ этотъ переводъ дурными дѣйствіями по мастерской? О. Нѣтъ, приходо-расходныя книги были совершенно вѣрны; остальныя книги были недостаточно удовлетворительны, потому что не совсѣмъ хорошо были ведены. В. Когда былъ здѣсь г. Фризель? О. Онъ былъ въ мартѣ. В. Т. е., когда онъ могъ дать порученіе Дмоховскому за границу? О. Вѣроятно, въ это время, т. е. въ мартѣ. В. Въ чемъ порученіе состояло? О. Въ изслѣдованіи новѣйшихъ усовершенствованій за границей по нашему производству съ цѣлью удешевить его. В. Для этого дѣйствительно надо было ѣхать за границу? О. Да, тѣмъ болѣе, что я собирался послать одного технолога. В. Вы знали, что Дмоховскій писалъ по этому поводу г. Фризелю? О. Да, писалъ. В. Какія условія были относительно вознагражденія? О. Если онъ привезетъ свѣдѣнія довольно удовлетворительныя, то получитъ за это 300 рублей. Онъ долженъ былъ представить отчетъ объ этомъ, и, какъ кажется, представилъ его въ половинѣ мая. В. Происходилъ у васъ расчетъ съ Дмоховскимъ по этому предмету? О. Да, онъ получилъ 200 рублей, а 100 остались за нами. В. Въ послѣдній разъ, когда вы видѣли Дмоховскаго? О. Въ Москвѣ, въ мастерской, одинъ разъ. Прис. пов. Утинъ. Сколько у васъ получалъ жалованья Долгушинъ? Свид. 70 руб. въ мѣсяцъ при готовой квартирѣ, если не ошибаюсь. Подс. Дмоховскій объяснилъ, что Долгушинъ, уѣзжая и прося его замѣнить его мѣсто, сказалъ ему, что въ кассѣ мастерской (не слышно) 400 рублей и что если понадобится, то можетъ смѣло дать изъ своихъ денегъ. Онъ выдалъ до 600 р. Замѣняя Долгушина, онъ управлялъ мастерскою съ первыхъ чиселъ января до первыхъ чиселъ марта. Такимъ образомъ Верещагинъ остался ему долженъ до 1.000 р. Онъ отправился къ нему переговорить относительно его дома въ 1.000 р. Переговоривъ, онъ вернулся въ Петербургъ и здѣсь видѣлся съ Фризелемъ, который сказалъ ему, что желаетъ послать специалиста за границу, но при этомъ не далъ прямого порученія. Въ это же время подсудимый видѣлся съ Платоновымъ, который говорилъ, что ему было бы интересно узнать послѣднія усовершенствованія за границей по производству клееваренія и что, если кто привезетъ удовлетворительный отвѣтъ, то онъ за это заплатитъ. Поэтому подсудимый, имѣя уже въ виду желаніе Фризеля, сказалъ Платонову, что имѣетъ нѣкоторыя порученія, для исполненія которыхъ поѣдетъ за границу. Затѣмъ онъ переговорилъ съ Фризелемъ, съ которымъ условился относительно вознагражденія за порученіе за границу, куда и отправился 17-го или 18-го числа. За границей онъ посѣтилъ фабрику Ж. и нѣсколько другихъ. Что же касается порученія Платонова, то исполнить его не могъ, ца и не ручался за исполненіе, потому

что посѣщеніе фабрикъ этого производства чрезвычайно затруднено. Подсудимый зналъ это раньше, а потому и не условливался съ Платоновымъ заранѣе о вознагражденіи. Что касается до порученій Фризеля, то послѣдній сказалъ, что въ случаѣ удовлетворительнаго отвѣта онъ, подсудимый, можетъ разсчитывать на вознагражденіе въ 300 руб. Вернувшись изъ-за границы въ маѣ, подсудимый видѣлся съ Верещагинымъ, разсказалъ ему о своей заграничной поѣздкѣ и выражалъ желаніе получить 400 руб. На это Верещагинъ сказалъ, что если отчетъ будетъ удовлетворителенъ, то подсудимый получитъ 400 руб., причемъ 200 руб. получитъ тотчасъ же, а другіе 200 руб. тогда, когда при помощи свѣдѣній, привезенныхъ изъ-за границы, будетъ устроенъ заводъ штамповой посуды. Послѣ этого подсудимый видѣлся съ Фризелемъ нѣсколько разъ въ Москвѣ. Фризель предлагалъ ему дополнительные вопросы относительно его отчета и, найдя отчетъ и отвѣтъ его удовлетворительными, передалъ ему чекъ на полученіе 200 руб., которые онъ и получилъ. Введенъ свидѣтель купецъ Платоновъ. На вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу, онъ отвѣчалъ: Я объ этомъ дѣлѣ совершенно ничего не знаю. Первоприсутствующій. Дмоховскаго знаете? Свидѣт. Знаю. В. У васъ есть заводъ? О. Есть, клееваренный. В. Дмоховскій занимался у васъ на заводѣ? О. Занимался мѣсяцъ съ чѣмъ-то. Онъ представилъ на Политехническую выставку въ Москвѣ проектъ приготовленія клея изъ рыбьей чешуи, и такъ какъ я имѣлъ клееваренный заводъ, то пригласилъ его заниматься. Потомъ вслѣдствіе того, что онъ занимался крайне неудовлетворительно, я долженъ былъ съ нимъ разстаться. В. Вы давали ему порученіе за-границу? О. Когда я въ первый разъ познакомился съ нимъ и предложилъ ему заниматься у меня на заводѣ, тогда онъ сказалъ, что не можетъ, потому-что ему нужно было ѣхать по своимъ дѣламъ за границу. В. Такъ что онъ ѣздилъ за границу безъ вашего порученія? О. Я не давалъ ему порученія, а говорилъ только, что не можетъ-ли онъ познакомиться за границей съ нашимъ производствомъ. В. А по возвращеніи изъ-за границы? О. Онъ мнѣ сообщилъ, что можетъ пріѣхать ко мнѣ на заводъ и заниматься. В. Отчета по вашему производству о заграничной поѣздкѣ онъ вамъ не давалъ? О. Нѣтъ никакого. В. Вознагражденія ему не было выдано? О. Онъ мнѣ ничего не сказалъ такого, что заслуживало бы вознагражденія. В. Впередъ вы съ нимъ не уговаривались? О. Нѣтъ. Товарищъ Оберъ-прокурора. Когда Дмоховскій поступилъ къ вамъ на заводъ, онъ усердно занимался дѣломъ? Свид. Первое время, дней 6 или 7, занимался, а потомъ сталъ манкировать, такъ что дошелъ до того, что я не считалъ возможнымъ оставлять его болѣе. В. Онъ обязанъ былъ находиться на заводѣ цѣлый день? О. Непремѣнно долженъ былъ быть цѣлый день. Онъ жилъ на заводѣ, а потомъ переѣхалъ, и тогда являлся только послѣ обѣда, и то не каждый день. В. До котораго часа онъ сидѣлъ на заводѣ? О. Вообще въ послѣднее время онъ совершенно плохо занимался. Я самъ не жилъ на заводѣ и не могу точно опредѣлить время; но, вообще, онъ занимался въ послѣднее время мало. Прис. пов. Спасовичъ. Не можете-ли опредѣлить числа, съ котораго поступилъ къ вамъ Дмоховскій? Свид. Кажется въ маѣ, но точно числа не припомню. Первоприсутствующій. Если не можете опредѣлить времени точно, то постарайтесь вспомнить приблизительно. Свид. Кажется, во второй половинѣ мая. Прис. пов. Спасовичъ. Сколько онъ получалъ въ мѣсяцъ? Свид. Сто рублей. В. У васъ все было готово для производства? О. Кромѣ чешуи, которой не было еще пріобрѣтено. В. Но сначала нужно было заниматься опытами? О. У меня заводъ работалъ клей; но Дмоховскій предлагалъ только особый матеріалъ, а для этого дѣйствительно нужно было производить опыты. В. Не замѣчали-ли вы, что къ Дмоховскому ходитъ много знакомыхъ. О. Такъ какъ я не живу на заводѣ, то не знаю. В. Не было-ли у васъ въ концѣ іюня разговора о томъ, что у него бываютъ гости? О. Онъ вообще манкировалъ. В. Скажите, вы ему отказали, или онъ не согласился на нѣкоторыя условія? О. Въ виду того, что я не былъ совершенно удовлетворенъ его занятіями... В. Не писалъ-ли онъ вамъ письма, что не можетъ продолжать у васъ занятій? О. Въ виду того, что произошли пререканія, онъ дѣйствительно написалъ, что постоянно не можетъ у меня заниматься. В. Когда это было? О. Въ концѣ іюня. В. Затѣмъ онъ писалъ вамъ другое письмо о томъ, что согласился получать по 50 руб. въ мѣсяцъ. О. Да, это было приблизительно въ іюлѣ, когда онъ рѣшился, заниматься приготовленіемъ аппарата. Первоприсутствующій. А когда онъ пересталъ окончательно получать отъ васъ и половинное жалованье? Свид. Не позже начала августа. В. Значитъ, съ конца мая и до начала августа вы имѣли съ нимъ сношенія? О. Сначала сношенія у насъ были постоянныя, а потомъ совершенно случайныя. Онъ говорилъ, что не желалъ получать вознагражденія за посѣщеніе фабрики, а ему было интересно узнать результатъ аппарата. Прис. пов. Спасовичъ. Какого рода должность была у Дмоховскаго на вашемъ заводѣ? Имѣлъ-ли онъ въ своемъ распоряженіи рабочихъ? О. Нѣтъ, онъ былъ только по своей спеціальной части, т. е. приготовленія клея изъ рыбьей чешуи. Подс. Дмоховскій объяснилъ, что, кажется, 16-то марта, къ нему явился Платоновъ и сказалъ, что ему желательно переговорить съ нимъ, подсудимымъ. На другой день онъ пришелъ къ нему и они говорили о клевареніи, при чемъ возбуждался вопросъ о пользѣ съѣздить за границу и посмо-

трѣть новѣйшіе пріемы производства. Подсудимый сказалъ, что можетъ быть поѣдетъ за границу и если привезетъ отвѣтъ, то за него онъ долженъ заплатить. На это Платоновъ согласился и далъ записку, въ которой были написаны вопросы, на которые онъ желалъ получить отвѣты. За границей, относительно клееваренія онъ не могъ собрать свѣдѣній. Возвратившись изъ-за границы, онъ брался устроить Платонову заводъ для обработки рыбьей чешуи за 300 руб., но Платоновъ заявилъ, что не зачѣмъ устраивать новаго завода, потому что заводъ уже есть и предложилъ подсудимому 100 руб. въ мѣсяцъ. Вслѣдствіе этого предложенія онъ поѣхалъ въ Москву. Около 20-го мая онъ пріѣхалъ туда, а 22-го поступилъ на заводъ. Сколько помнится подсудимому, чешуи не было, а потому до послѣднихъ чиселъ іюня онъ приносилъ мало пользы заводчику и заявилъ ему, что будетъ совершенно излишне платить 100 руб. въ мѣсяцъ. Въ концѣ іюня подсудимый сталъ установлять приборъ. Дня два спустя этого у него былъ Папинъ и Плотниковъ и техникъ Лазаревъ. Въ то время въ сосѣднюю комнату вошелъ Платоновъ и сталъ говорить, что онъ, подсудимый, небрежно занимается, что принимаетъ гостей, которыхъ даже оставляетъ у себя ночевать. Разговоръ этотъ былъ слышенъ въ комнатѣ подсудимаго, вслѣдствіе чего онъ пошелъ къ Платонову и сказалъ ему, что не желаетъ болѣе оставаться у него на заводѣ. Платоновъ сказалъ, что не зналъ, что подсудимый съ другими находится въ сосѣдней комнатѣ. Подсудимый повторилъ свою просьбу и при расчетѣ намекалъ Платонову на 14-е число, когда онъ не былъ на заводѣ, за что слѣдуетъ вычесть, но Платоновъ не хотѣлъ этого. Такимъ образомъ въ концѣ іюля разсчитались, но Платоновъ просилъ окончить приборъ. Подсудимый сказалъ, что подумаетъ объ этомъ и числа 28-го или 29-го написалъ ему письмо о томъ, что онъ согласенъ окончить приборъ за 50 руб. въ мѣсяцъ, но на заводѣ не останется, а переѣдетъ на свою квартиру и будетъ являться на заводъ по мѣрѣ надобности. Платоновъ на это согласился и тогда подсудимый сталъ заниматься устройствомъ прибора. Когда приборъ былъ установленъ и чешуя пріобрѣтена, то, интересуясь результатами опытовъ, онъ просилъ Платонова позволить ему бывать на заводѣ и наблюдать за производствомъ безплатно. На это Платоновъ сказалъ, что не зачѣмъ заниматься безплатно, а что онъ можетъ заниматься обработкой раствора и если ему нѣтъ времени, то можетъ ходить въ послѣобѣденное время. Такимъ образомъ онъ посѣщалъ заводъ до первыхъ чиселъ августа. Платоновъ заплатилъ ему за это 28 рублей. Отошелъ онъ отъ Платонова потому, во-первыхъ, что онъ уѣхалъ на Нижегородскую ярмарку, а во-вторыхъ, потому, что работа на заводѣ прекратилась. Введенъ Свидѣтель Степановъ. На вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу и есть-ли у него домъ, онъ отвѣчалъ, что имѣетъ въ Москвѣ домъ, и что Дмоховскій нанималъ у него квартиру. Онъ переѣхалъ въ домъ свидѣтеля въ 20-хъ числахъ іюля, а 15-го августа съѣхалъ, такъ что жилъ около 26 дней. Первоприсутствующій. Вы живете сами въ этомъ домѣ? Свид. Нѣтъ, я живу въ другомъ. В. Такъ что, кромѣ Дмоховскаго въ этомъ домѣ никого не было? О. Никого. В. Онъ нанималъ у васъ квартиру самъ для себя. О. Да. В. Неизвѣстно-ли вамъ: одинъ онъ жилъ, или съ кѣмъ-нибудь? О. Съ нимъ жила какая-то женщина. В. Образъ его жизни былъ вамъ извѣстенъ? О. Вообще онъ жилъ скромно. В. Вы посѣщали его? О. Въ квартирѣ его не былъ, но приходилъ въ домъ во дворъ. В. Откуда вы имѣете свѣдѣнія о томъ, что жизнь его была скромная? О. Женщина, которая жила съ Дмоховскимъ, приходила къ моимъ и онѣ говорили, что квартиранты живутъ тихо. Товарищъ оберъ-прокурора. Въ качествѣ домохозяина вамъ случалось приходить смотрѣть домъ? Свид. Когда онъ жилъ, я ни разу не былъ у него на квартирѣ. В. Не въ квартирѣ, а такъ за порядкомъ дома? О. У меня дворникъ занимался этимъ домомъ. В. Но вамъ случалось проходить около дома? О. Да, я ходилъ около дома, проходя на службу. В. Не обращали-ли вы вниманія на окна: были они закрыты? О. Да, окна были закрыты постоянно, исключая кухоннаго окна. В. Чѣмъ были закрыты, т. е. завѣшены чѣмъ-нибудь, или закрыты ставнями? О. Нѣтъ, завѣшены. В. Васъ не подстрекало любопытство спросить дворника по этому предмету? О. Нѣтъ. В. Мимо дома вы проходили въ разное время, т. е. утромъ и вечеромъ? О. Случалось въ разное время, потому что я проходилъ мимо дома, идя по дѣламъ службы. В. Такъ что изъ вашихъ словъ я не долженъ выводить того заключенія, что окна были завѣшены. Введенъ свидѣтель Соловьевъ, который показалъ, что онъ былъ дворникомъ дома Степанова. Первоприсутствующій. Кто тамъ жилъ? Свид. Жилецъ. В. Какъ фамилія? О. Не знаю, какъ фамилія. В. Онъ одинъ жилъ? О. Нѣтъ, двое, какая-то съ нимъ женщина. В. Какъ же вы не знаете? Развѣ они паспорта не предъявляли? О. Нѣтъ, предъявляли. Я отмѣчалъ, только не помню фамилію. В. Онъ занималъ весь домъ? О. Весь, это особый домъ. В. Сколько комнатъ? Шесть. В. Когда онъ тамъ жилъ, вы ничего не замѣчали особеннаго? О. Нѣтъ, особеннаго ничего. В. Въ квартиру ходили? О. Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ. В. Кто же ему носилъ дрова и воду? О. Дрова—они сами нанимали, а воду сами у насъ изъ колодца брали. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы ничего не замѣчали особеннаго въ квартирѣ съ ея наружной стороны? Свид. Ничего. В. На окнахъ были шторы? О. Были.

В. Онѣ поднимались и опускались, какъ обыкновенно, или постоянно были открыты или закрыты? О. Нѣтъ, закрыты. В. Закрыты только утромъ и вечеромъ, а днемъ? О. Когда пойду мимо, то всѣ закрыты. В. А вамъ приходилось во всякое время дня ходить? О. Намъ туда не приходится ходить, а когда пойдешь, то закрыты, а иной разъ открыты. В. Не памятно-ли вамъ, что вы видѣли, окна постоянно закрытыми? О. Да, всегда были закрыты. В. Вы ходили къ нимъ въ квартиру? О. Да, былъ. В. Тамъ ничего не замѣтили особеннаго? О. Ничего. В. Вы не видѣли запачканой стѣны или она была чиста? О. Чиста. В. Пятенъ не замѣчали нигдѣ? О. Нигдѣ не замѣчалъ. Первоприсутствующій. Припомните и скажите правду: не замѣтили-ли вы пятенъ на стѣнахъ послѣ отъѣзда Дмоховскаго? О. Я не замѣчалъ пятенъ. Товарищъ оберъ-прокурора просилъ первоприсутствующаго спросить свидѣтеля Степанова относительно этихъ пятенъ. Приглашенъ свидѣтель Степановъ. Первоприсутствующій. Послѣ выѣзда Дмоховскаго вы осматривали квартиру? Свид. Да, я былъ въ квартирѣ одинъ. В. Не замѣтили-ли вы тамъ чего-нибудь? О. Я замѣтилъ пятна на стѣнѣ, но только тогда не думалъ, что это послѣ Дмоховскаго остались пятна, а скорѣе полагалъ, что прежніе жильцы. В. До выѣзда Дмоховскаго вы осматривали квартиру? О. Не могу сказать утвердительно, осматривалъ или нѣтъ. В. Какого рода были эти пятна и въ какихъ мѣстахъ? О. У прежнихъ жильцовъ стоялъ въ этой комнатѣ столъ, и я думалъ, что на немъ, вѣроятно, стояла бутыль съ масломъ, которое было пролито. В. Какія были пятна? О. Чисто-масляныя были на обояхъ, какъ, напримѣръ, отъ деревяннаго масла. В. Краски не было? О. Краски не замѣтилъ. В. А пятенъ на полу не замѣчали? О. Нѣтъ. В. Такъ что вы утверждаете, что пятна дѣйствительно были, и что пятна эти произошли отъ масла; но послѣ Дмоховскаго они появились, или ранѣе, вы положительно сказать не можете? О. Да. В. Въ какой комнатѣ вы нашли эти пятна? О. Я называю ее спальней. В. Не та-ли это комната, которая была въ срединѣ безъ оконъ на улицу и въ которой было два окна во дворѣ? О. Да, она была въ срединѣ, и потому я называю ее спальней. Первоприсутствующій. Вы говорите, что тутъ стоялъ столъ. Не припомните-ли, на какой высотѣ замѣтили пятна? О. Параллельно высотѣ стола, такъ что какъ будто масло было разлито по столу и протекло на стѣну. Подсудимый Дмоховскій. Г. Степановъ говорилъ о комнатѣ съ двумя окнами выходящей во дворъ, рядомъ съ кухней. Я желалъ бы знать, выходили-ли эти окна на тотъ дворъ, куда выходили окна его собственной квартиры. Это можетъ сказать дворникъ Соловьевъ. Свид. Соловьевъ. Да, они выходили къ нимъ на дворъ. В. Такъ что изъ оконъ квартиры хозяина были видны эти окна? О. Видны. В. Слѣдовательно, если бы эти окна были постоянно занавѣшены то хозяинъ видѣлъ-бы это? О. Я не знаю; окна высоко (не слыхать). Первоприсутствующій. Покажите, какъ они были высоко. Свид. Такъ аршина полтора, если съ улицы, а со двора выше, потому что домъ на горѣ. Подс. Дмоховскій. На этомъ дворѣ, кажется, паслась корова хозяйская? Не припомните-ли, что было разбито стекло въ окнѣ? Свид. Помню. В. Вы постоянно приходили за коровой и въ это время не слыхали-ли какого-нибудь шума въ моей квартирѣ? О. Нѣтъ, я ничего не слыхалъ. Введенъ свидѣтель Соломатинъ, который показалъ, что живетъ въ Москвѣ и что когда Дмоховскій привезъ къ нему вещи, то его не было дома, а вещи приняла его жена. Первоприсутствующій. Почему онъ къ вамъ привезъ вещи? Свид. Я его знаю, такъ какъ его отецъ у Шепелевыхъ былъ повѣреннымъ, а я управляющимъ. Въ настоящее время его сестра тоже у насъ по имѣнію Шепелевыхъ повѣреннымъ. Онъ поставилъ къ намъ вещи и потомъ чрезъ нѣсколько дней были взяты три маленькіе ящика, а четвертый ящикъ большой, такъ около 2 аршинъ длины и одного аршина вышины, оставался. В. Вамъ извѣстно, что было въ этихъ ящикахъ? О. Не знаю. В. Кто отдавалъ ему три маленькіе ящика? О. Тоже жена отпускала. Потомъ ихъ опять привозила къ намъ Сахарова. В. Чрезъ сколько времени? О. Тоже дня чрезъ три или 4. Сахарова сказала, что это ящикъ Дмоховскаго. Послѣ того недѣли чрезъ двѣ пріѣхалъ Дмоховскій съ ломовымъ извощикомъ, засталъ меня дома и просилъ отдать ему вещи. Мы втроемъ навалили эти ящики, при чемъ я спрашивалъ, что въ нихъ лежитъ. Онъ сказалъ, что это его машина. Первоприсутствующій. Тяжелы были ящики? О. Маленькіе пуда по три, а въ большомъ пудовъ 15 или 20. В. Куда же онъ ихъ отвезъ? О. Не знаю. Онъ ничего не сказалъ. В. Ихъ при васъ не откупоривали? О. Нѣтъ, но дворникъ говорилъ, что онъ вынималъ при немъ какія-то вещи. Товарищъ оберъ-прокурора. Здѣсь въ числѣ вещественныхъ доказательствъ находится одинъ большой ящикъ. Посмотрите, не похожъ-ли онъ на тотъ, который былъ у васъ? Свид. (посмотрѣвъ ящикъ) По винтамъ я могу припомнить, что это, кажется, тотъ самый, но полагаю, что тотъ былъ побольше. Первоприсутствующій. Посмотрите, хорошенько, потомъ скажите. Свид. (посмотрѣвъ снова) Утвердительно не могу сказать... крышка такая же съ винтами. Подс. Дмоховскій. Этотъ ящикъ тотъ самый и еще три ящика я дѣйствительно привозилъ. Послѣдній разъ я взялъ ихъ, кажется, числа 11-го октября. Свид. Я ящика не припомню, но полагаю, что въ половинѣ сентября. Дмоховскій. Тогда привозила ящики Сахарова. Первоприсутствующій (къ свидѣтелю). Не припомните-ли числа? Свид. Не припомню. Думаю, что въ половинѣ сентября или позднѣе. Подс. Дмоховскій объяснилъ, что вещи были

привезены въ домъ Степанова послѣ того какъ онъ пріобрѣлъ отъ Долгушина типографскія принадлежности. Вещи эти состояли изъ типографскаго станка, шрифта, боченка съ краской и пр. Такъ какъ онъ не предполагалъ начать печатаніе въ домѣ Степанова, то они были имъ сложены лишь до тѣхъ поръ, пока будутъ готовы ящики для укладки вещей. Когда ящики были готовы, то, уложивъ въ нихъ вещи, онъ отвезъ ящики къ Соломатинымъ. Это было въ концѣ іюня, и объ этомъ никто не зналъ. Послѣ этого онъ дѣйствительно бралъ отъ Соломатиныхъ 3 маленькіе ящика, а изъ большаго вынулъ только прессъ и перевезъ его въ домъ Гурина, гдѣ спряталъ въ темной комнатѣ. Онъ предполагалъ устроить новый станокъ, чтобы обойтись безъ помощи того, который онъ пріобрѣлъ у Долгушина, такъ какъ онъ не годился. Ящики были взяты 8-го числа? ихъ отдавалъ ему дворникъ. Дней чрезъ 5, т. е. 13-го числа, въ день передъ отъѣздомъ (не слышно) имъ были привезены остальныя вещи. Онъ думалъ въ домѣ Гурина заняться передѣлкою станка. На другой день, т. е, 14-го числа, Сахарова была у Долецкихъ и, придя оттуда, сказала, что Долецкій арестованъ. Вслѣдствіе этого подсудимый имѣлъ основаніе предполагать, что будетъ обыскъ и въ домѣ Гурина. Тогда онъ разобралъ станокъ, краску перелилъ изъ боченка въ кувшинъ. Наконецъ, 15-го числа вещи были уложены въ три ящика и отвезены въ послѣдній разъ къ Соломатинымъ Сахаровою, но о томъ, что было въ этихъ ящикахъ она не знала. Отъ Соломатиныхъ вещи были взяты подсудимымъ около 10-го или 11 октября. Введена **свидѣтельница Соломатина**, которая показала, что Дмоховскаго знаетъ. **Первоприсутствующій**. Къ вамъ были привезены вещи и вы ихъ принимали? **Свид.** Да. В. Какія? О. Три маленькіе ящика и четвертый большой. В. Что въ нихъ было? О. Я не видѣла. В. Долго они у васъ стояли? О. Не припомню, недѣли три или мѣсяцъ. В. Когда взяли назадъ? О. Дворникъ отпускалъ, мужа дома не было и дворникъ сказалъ, что большой ящикъ остался. В. Вы этотъ ящикъ видѣли хорошо? В. Хорошо видѣла. В. Не знаете-ли, посмотрите? **Свид.** (посмотрѣвъ ящикъ) Кажется тотъ самый, но положительно не могу сказать. В. Спачала были взяты три ящика маленькихъ, а потомъ за большимъ пріѣзжали? В. Три ящика взялъ Дмоховскій, а потомъ назадъ привезла ихъ дѣвушка и говоритъ, что прислалъ Дмоховскій. Я велѣла дворнику положить. Послѣ всѣ вещи взяли. Введенъ **свидѣтель Смирновъ**, который показалъ, что онъ жилъ въ Москвѣ, въ домѣ Шепелевыхъ. **Первоприсутствующій**. Вы были дворникомъ? **Свид.** Да. В. При васъ привозили вещи отъ Дмоховскаго? О. При мнѣ увозили три ящика, а изъ большого онъ вытащилъ что-то. В. Посмотрите вотъ этотъ ящикъ. **Свид.** (посмотрѣвъ) Это тотъ самый. В. Что онъ вынималъ изъ него? **Свид.** Не могу знать. В. Еще что вамъ извѣстно? О. Дѣвушка увозила три маленькіе ящика, которые передъ тѣмъ увозилъ Дмоховскій. Введенъ **свидѣтель Соловьевъ**, который показалъ, что въ первыхъ числахъ сентября прошлаго года явился какой-то господинъ, называвшій себя Николаемъ Андреевичемъ Львовымъ и смотрѣлъ квартиру; онъ былъ два раза, покончилъ только въ 3-й разъ, когда и задалъ задатокъ; а потомъ переѣхалъ 9-го или 10-го числа. **Первоприсутствующій**. Вы дворникъ дома Гурина? **Свид.** Дворникъ. В. Что же дальше было? О. Потомъ онъ отдалъ по 1-е октября деньги. Когда же я сталъ спрашивать паспортъ—у нашего столяра былъ взятъ мальчикъ, и я пришелъ къ хозяину за его паспортомъ—тамъ я видѣлъ, что столъ работается, и такой чудной мнѣ показался, съ вырѣзками. Я спросилъ: куда онъ это такой дѣлаетъ? Онъ сказалъ: „вашему потайному лицу". Я говорю: какой потайной? „Да, говоритъ, у него окна все завѣшены". Я пошелъ къ жильцу за паспортомъ, постучалъ разъ, другой. Мнѣ съ выдержкой отворили. Смотрю, а они чай пьютъ. Я сталъ спрашивать паспортъ, онъ сказалъ: „подожди, я еще не разбирался". Потомъ, на 4-й день, я опять сталъ спрашивать паспортъ. Онъ опять говоритъ: „Подожди, успѣешь". Потомъ я былъ на 6-й день. Онъ отдалъ тогда паспортъ одной Сахаровой и говоритъ: „Запиши квартиру на ея имя и съ нея будешь получать деньги. А вашъ, говорю, паспортъ? „На что онъ тебѣ, говоритъ, я не буду здѣсь жить". Гдѣ же, говорю, вы будете жить?—„Я, говоритъ, по заводамъ буду жить". **Первоприсутствующій**. Долго онъ жилъ послѣ этого? **Свид.** Нѣтъ, дня черезъ 3 уѣхалъ, въ Петербургъ сказалъ. Дня черезъ три, я легъ часовъ въ 11 на спокой, потому что у насъ ночью сторожъ есть. Потомъ слышу колокольчикъ звонитъ. Я выбѣгаю босикомъ. Вижу: стоитъ человѣкъ—это сыщикъ былъ. „Что ты, говоритъ, выскочилъ босой, простудишься, поди одѣнься, потому что мы съ тобой долгое время будемъ". Когда я одѣлся и вышелъ, онъ спрашиваетъ: „Ты водку пьешь?" Нѣтъ, говорю, поздно теперь.—„А чай, говоритъ, пойдешь пить?" Зачѣмъ, говорю, я пойду? Я васъ отъ роду первый разъ вижу.—„Пойдемъ, говоритъ, не бойся!" Я говорю, не пойду. Вдругъ онъ вынимаетъ и даетъ мнѣ 50 коп. Я говорю: зачѣмъ я возьму и по какому случаю ты мнѣ даешь? Онъ говоритъ: „Бери, когда даютъ и бѣги, когда бьютъ"; потомъ спрашиваетъ: „ну, что, говоритъ, у тебя живетъ Татьяна Порфирьева?" Я говорю: живетъ. „Не ходитъ-ли къ ней, говоритъ, какой-нибудь мужчина молодой, съ черною бородкою, невысокаго роста? Его зовутъ Александръ Васильевичъ Долгушинъ?" Я сказалъ, что такого никогда не видалъ. В. Вы можете узнать того человѣка, который нанималъ у васъ квартиру? О. Могу. В. Посмотрите, не узнаете-ли? **Свид.** (указывая на Дмоховскаго). Вотъ этотъ самый господинъ. В. Раз-

сказывайте, что дальше было? О. Я ему ничего не могъ сказать. Потомъ онъ говоритъ: „Поди къ Порфирьевой и спроси: дѣйствительно-ли она знаетъ его мѣсто жительства, да скажи, говоритъ, что пріѣзжала госпожа, въ пролеткѣ и велѣла тебѣ сказать, что если Порфирьевой некогда сегодня, то она завтра заѣдетъ. Я не понялъ тогда, потому что было поздно. На другой день я говорю Порфирьевой, что была госпожа и обѣщалась пріѣхать. Она мнѣ сказала, если она пріѣдетъ, то скажи, чтобы она сама пришла сюда; но если не пойдетъ, то я къ ней выйду". Товарищъ оберъ-прокурора. Вы только тогда замѣтили, что окна у жильца были завѣшены, когда вамъ столяръ назвалъ его потайнымъ бариномъ? Свид. У нихъ окна дѣйствительно были завѣшены завсегда. У меня были другія дѣла. В. Вы говорили, что были нѣсколько разъ въ квартирѣ. О. Былъ. В. Каждый разъ вамъ приходилось дожидаться, пока отворятъ, или это было только одинъ разъ? О. Нѣтъ приходилось раза 2 или 3 быть. В. Всегда васъ заставляли дожидаться? О. Всегда съ выдержкой. Сенаторъ Евреиновъ. Посѣщалъ-ли еще кто-нибудь вашихъ жильцовъ? Свид. Не могу сказать, потому что не видѣлъ. Два хода было къ нимъ, былъ съ мостовой ходъ, былъ съ улицы. Я не видѣлъ. Введенъ Свидѣтель Осиповъ. Первоприсутствующій. Помня присягу, которую вы дали, покажите правду о всемъ томъ, что вамъ извѣстно по настоящему дѣлу? Свид. Что извѣстно. Первое дѣло, пришелъ ко мнѣ Дмоховскій, вотъ, стало быть, онъ (показываетъ на Дмоховскаго пальцемъ). В. Вы жили въ Москвѣ. О. Жилъ я въ Москвѣ. В. Въ чьемъ домѣ? О. Въ домѣ купца Гурина. В. Вы чѣмъ занимаетесь? О. Столяръ-съ. В. Зачѣмъ къ вамъ пришелъ Дмоховскій? О. Пришелъ въ квартиру заказывать столъ, столъ такой особенный. Я спросилъ три рубля. Они отвѣтили, что за деньгами дѣло не станетъ, только дѣлай поскорѣй. Я спросилъ, для чего имъ нужно такой столъ. Онъ отвѣтилъ: „Товарищъ просилъ заказать и сказалъ, чтобъ за деньгами не стоять. В. Какой вы столъ дѣлали? Свид. (указывая на столъ, находящійся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ). Вотъ этотъ самый. В. Вы сказали, что столъ особенный; почему онъ былъ особенный? Вы по рисунку дѣлали? О. Рисунка не было, но онъ лично растолковалъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Взгляните: предъ вами лежатъ бруски; не вы-ли ихъ дѣлали? Свид. (посмотрѣвъ). Точно такъ, я дѣлалъ. В. Когда? О. Почти въ то же время. Онъ сначала бруски заказалъ и когда я кончилъ — должно быть 15 числа — тогда на другой день онъ пришелъ и сталъ просить сдѣлать столъ. Подс. Дмоховскій. Бруски были заказаны 13-го, а получены 14-го. Свид. Такъ какъ въ этихъ моихъ показаніяхъ насчетъ доски было сказано, что доска желѣзная, но такъ какъ теперь дѣло идетъ къ окончанію, то дѣйствительно я не покупалъ и не ходилъ покупать съ Дмоховскимъ; дѣйствительно, я во второмъ показаніи сказалъ, что доску я съ Дмоховскимъ не покупалъ и даже не видалъ. Дѣйствительно, я не покупалъ, но только въ крышку стола она была врѣзана дѣйствительно мною. В. Говорили-ли вы дворнику обо мнѣ, какъ о потайномъ жильцѣ? Свид. Дѣйствительно, ко мнѣ приходилъ дворникъ. Мы чай пили, къ разговору... Первоприсутствующій. Какъ звали дворника? Свид. Позвольте, я спрашиваю дворника, какой господинъ проживаетъ у васъ въ квартирѣ? Онъ отвѣтилъ, что онъ уѣхалъ. Я сказалъ, что неужели? Онъ только собирается уѣхать; ему, говорю, столъ дѣлается. Дворникъ говоритъ: „какой столъ?". А вотъ, говорю, погляди. Дворникъ поглядѣлъ. Я спрашиваю его: чѣмъ жилецъ занимается? Дворникъ говоритъ: „ѣздитъ по заводамъ". Я спросилъ: по какимъ? Онъ отвѣтилъ: не знаю; кажется, говоритъ, по „виннымъ", на что у меня съ моей стороны есть свидѣтели. Тов. оберъ-прокурора. Не замѣчали-ли вы сами, что окна въ квартирѣ жильца были всегда завѣшены? Свид. Окна дѣйствительно были занавѣшены, только подозрѣнія въ этомъ я никакого не имѣлъ. В. Не называли-ли вы Дмоховскаго потайнымъ жильцомъ? О. Никакъ нѣтъ. Прис. пов. Спасовичъ. Почему вы интересовались тѣмъ, что дѣлаетъ этотъ господинъ? Свид. Какъ же — интересно. Мнѣ столъ заказываютъ, стало быть, я обязанъ сдѣлать. В. Но кромѣ стола, какой же вы особенный интересъ имѣли? О. Особеннаго интереса не было. Какой же интересъ? Если я сдѣлалъ столъ за 3 рубля, такъ что-же? Введенъ свидѣтель отставной рядовой Федоровъ. Свидѣтель этотъ говорилъ такъ тихо и невнятно, что записать его показаніе во всей полнотѣ не было возможности. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: свидѣтель вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, крестьяниномъ Щербаковымъ, шелъ изъ Москвы на родину. Дорогой ихъ догналъ какой-то человѣкъ и присоединился къ нимъ. Когда они сѣли отдохнуть, незнакомецъ вынулъ изъ кармана бумагу и сталъ смотрѣть по ней деревни и села. Затѣмъ они отправились далѣе. Въ одномъ селѣ, по приглашенію спутника, заходили пить чай, послѣ чего свидѣтель и Щербаковъ пошли дальше, а незнакомецъ остался. Переночевавъ въ деревнѣ Шелковѣ, они продолжали свой путь и, отойдя версты четыре, догнали того же самаго незнакомца. Они удивились, какъ онъ, оставшись позади, очутился впереди ихъ. Онъ объяснилъ это тѣмъ, что его подвезли дровенники, которымъ, какъ онъ сказалъ, онъ купилъ полштофъ водки. Перейдя деревню, незнакомецъ сталъ „разговоръ имѣть такой, что будетъ жить единогласно, хладнокровно, не будетъ кориться. Тогда всѣ будутъ равны и можно устроить рай на землѣ безъ Бога". Когда сѣли отдохнуть, незнакомецъ разсказалъ, что „въ одномъ мѣстѣ

были три міра и не подписывались на уставную грамоту три года. Изъ нихъ былъ одинъ умный человѣкъ, который всѣ три міра содержалъ и не давалъ подписываться. Потомъ, во время Царскаго проѣзда, подавали Государю Императору хлѣбъ-соль, и Государь Императоръ принялъ". Далѣе свидѣтель сказалъ, что незнакомецъ показалъ имъ пистолетъ, который онъ вынулъ изъ праваго бокового кармана, повернулъ туда и сюда и опять положилъ. Пройдя еще немного, въ то время, когда свидѣтель немного отсталъ, незнакомецъ вынулъ Евангеліе, взялъ изъ него книжку и далъ Щербакову. Щербаковъ мнѣ говоритъ: „мнѣ некуда положить, возьми". Я взялъ и положилъ за пазуху. Пришли въ Можайскъ. Онъ пошелъ на желѣзную дорогу, а мы прошли черезъ городъ и пришли на ночлегъ въ деревню Дурыкино. Я положилъ книжку на окно. Приходитъ хозяинъ и говоритъ: „что это за книжка?" Я сказалъ, что намъ человѣкъ прохожій далъ. Хозяинъ взялъ книжку и положилъ къ себѣ на хлѣбъ. Они въ то время ужинали. У него учитель былъ. Поужинавши, они пошли въ питейное заведеніе спать и взяли книжку съ собой почитать. Переночевавши — это было 13-го или 14-го сентября — я говорю Щербакову: пойдемъ. Потомъ глянулъ на окно: гдѣ же книжка? Хозяйка говоритъ: „спросите у хозяина". Пришелъ хозяинъ и спрашиваетъ: „а гдѣ вы эту книжку взяли?" Говоримъ: прохожій шелъ съ нами и далъ. „А кто онъ, говоритъ, такой?" Мы сказали, что не можемъ знать, что за человѣкъ; не похоже, чтобы крестьянинъ, а либо приказчикъ, либо господинъ какой. Мы указали какое у него обличіе и одежда. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ плисовыхъ шароварахъ, жилетѣ и сапогахъ съ длинными голенищами. Хозяинъ сказалъ: „я васъ не отпущу, потому что книжка опасная, препровожу къ мировому судьѣ". Ну, извольте, говоримъ. Повели насъ къ десятскому, а тотъ говоритъ: „мнѣ некогда, по дѣламъ отправляюсь". Пошли къ сотскому и тотъ то же. У насъ онъ спросилъ свидѣтельства, мы показали, онъ посмотрѣлъ и пустилъ домой. Первоприсутствующій. А подъ какимъ заглавіемъ была книжка? Свид. „Православному народу". В. Вы не знаете по фамиліи того человѣка, который далъ ее вамъ? О. Тотъ разъ не зналъ. В. А теперь? О. Теперь знаю: Иванъ Ивановичъ Папинъ. Тов. оберъ-прокурора. Посмотрите тутъ на столѣ лежитъ пистолетъ и маленькая книжка — Евангеліе. Тѣ-ли это вещи, которыя вы видѣли у Папина? Свид. (посмотрѣвъ). Пистолетъ тотъ самый, но чехолъ не тотъ, тогда былъ холщевый, старый и сумочка. Евангеліе то самое. В. Папинъ не читалъ вамъ книжки? О. Только одну страничку. В. Вы твердо помните, что книжка называлась „Православному народу?" О. Онъ сказалъ, „Поученіе міру". В. Вы грамотный? О. Немножечко. В. Было-ли въ этой книжкѣ что-нибудь изъ Евангелія? О. Нѣтъ, изъ Евангельскаго слова онъ не читалъ. В. Но что было въ ней? О. Ничего не могу запомнить, кромѣ что читалъ страничку. В. А что говорилось на этой страничкѣ? О. Не могу припомнить. Прис. пов. Слонимскій. Вы долго пробыли въ Москвѣ? Свид. Съ 28-го августа по 10-е сентября. В. Въ которомъ часу вы оттуда вышли? О. Въ третьемъ часу; на 14-ой верстѣ ночевали. В. Возлѣ какой деревни вы встрѣтили незнакомца? О. Среди дороги. В. Когда? О. Это было 14-го числа. В. Онъ много съ вами говорилъ? О. Я не могу всего упомнить. В. Далеко-ли онъ съ вами прошелъ? О. 11-го числа мы дошли до села Кубишкаго, тамъ онъ остался чай пить. В. Книжки тогда онъ вамъ не показывалъ, а только общій разговоръ былъ? О. Да. В. А когда встрѣтился во второй разъ, онъ вамъ одну книжку показывалъ или нѣсколько? О. Нѣтъ, только одну. В. Онъ говорилъ вамъ о содержаніи этой книжки, т. е. что въ ней написано? О. Сказалъ, что поученіе міру. В. Въ чемъ же заключалось это поученіе: жить по религіи, ходить въ церковь? О. Нѣтъ, тамъ прямо говорилось, что не будемъ другъ другу кориться, что можно сдѣлать рай на землѣ безъ Бога. В. Вы твердо помните въ лицо этого господина? О. Твердо. В. Такъ что узнаете его теперь? О. Да. В. Посмотрите. Свид. (посмотрѣвъ и указывая на Папина). Вотъ этотъ. Подс. Папинъ. Я долженъ заявить, что всѣ показанія Федорова подтверждаю. Введенъ свидѣтель Митаевъ, который показалъ, что содержитъ постоялый дворъ и питейное заведеніе въ деревнѣ Дурыкино; не помнитъ котораго числа, но это было въ пятницу, онъ приходитъ домой ужинать и увидѣлъ на окнѣ книжку, о которой узналъ, что она принадлежитъ прохожимъ, расположившимся на ночлегъ у него въ домѣ. Поужинавъ, онъ съ учителемъ своимъ пошелъ спать въ питейное заведеніе и взялъ книжку съ собой. Придя туда, онъ посмотрѣлъ книжку и замѣтилъ, что на ней нѣтъ ни подписи цензора, ни типографіи. Тогда онъ попросилъ учителя почитать книжку. „Прочитавши, я опредѣлилъ — говоритъ свидѣтель — что эта книжка не иначе, какъ сочиненіе изъ Царства Польскаго, а потому я думалъ оставить ее до утра и спросить, кто имъ далъ эту книжку. Утромъ я пригласилъ ихъ въ заведеніе и сталъ спрашивать, нѣтъ-ли у нихъ еще другой книжки. Они сказали, что нѣтъ. Я спросилъ, гдѣ они взяли эту. Они стали разсказывать про одного прохожаго, назвавшаго себя адвокатомъ, который и далъ имъ эту книжку. Я говорю, что отправлю ихъ мировому судьѣ, и повелъ ихъ къ сотскому, котораго и сталъ просить, чтобы онъ свелъ ихъ къ мировому судьѣ. Сотскій отказался „потому что, говоритъ, имъ некогда, я иду съ повѣстками" Тогда я сказалъ сельскому старостѣ. Онъ сказалъ, что это „не мое дѣло, что это дѣло сотскаго", и бросилъ книгу на окно. Я взялъ ее къ себѣ, чтобы представить мировому

судьѣ. Я оставилъ ихъ у него, и онъ потомъ ихъ отпустилъ. Они разсказывали, въ чемъ одѣтъ прохожій человѣкъ, и говорили, что онъ долженъ придти въ Дурыкино, потому что шелъ въ эту деревню. Но этой личности не оказалось". Далѣе свидѣтель показалъ, что на другой день къ нему пріѣхали начальникъ станціи и еще господинъ Соколовъ, которые, узнавъ, что у свидѣтеля есть книжка, просили дать ее имъ, но онъ отказалъ, говоря, что ему нужно представить книжку мировому судьѣ. Они сказали, что на станціи есть жандармъ и просили дать до понедѣльника. Онъ далъ, и они возвратили ее. Въ среду онъ отвезъ книжку мировому судьѣ, но и тамъ ее не приняли. Послѣ этого проѣзжалъ исправникъ, который былъ на слѣдствіи, онъ и взялъ книжку. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы сказали, что у мироваго судьи книжку не приняли. Самъ мировой судья не принялъ? Свид. Нѣтъ, я мировому судьѣ не показывалъ, а показывалъ письмоводителю. В. Что же онъ сказалъ? О. Онъ сказалъ, что это не важная книжка, что нынче корреспонденціи дозволяются. В. Вы книжку всю читали? О. Всю. В. Почему вы вывели заключеніе, что она должна быть изъ Польши? О. Во время Польскаго мятежа я возилъ поляковъ и дорогой они давали мнѣ такія нравоученія, что дѣло производится неправильно, что не такъ поступаютъ... В. Однимъ словомъ, въ книжкѣ высказывались такія же мысли, какія вы слышали отъ поляковъ? О. Я видѣлъ съ ними сходство. В. Что же говорилось въ книжкѣ? О. Теперь не могу припомнить. Подс. Долгушинъ. Но вы, вѣроятно, помните хотя что-нибудь? Свид. Что же я могу помнить? Тамъ, первое въ заглавіи стоитъ „Русскому народу", въ слогѣ есть слово изъ Евангелія. Я слыхалъ тоже отъ лицъ, которыхъ возилъ; они разговаривали нѣкоторыя слова. Мнѣ казалось признать ихъ къ тому... В. Къ чему? О. Такъ, я сказываю... Первоприсутствующій. Онъ сказалъ, что черезъ годъ онъ содержанія не можетъ припомнить. Подс. Долгушинъ. Я интересуюсь этимъ вопросомъ потому, что я авторъ этой книжки и для меня интересно... Первоприсутствующій. Содержаніе книжки намъ извѣстно. Прис. пов. Слонимскій. Послѣ того, какъ вы взяли эту книжку, вы поджидали прохожаго, который далъ книжку Федорову? Свид. Да, поджидалъ этого адвоката. В. Зачѣмъ? О. По смыслу книжки хотѣлъ его задержать и представить къ мировому судьѣ. Введенъ свидѣтель Жарковъ, который показалъ, что былъ учителемъ дѣтей Митаева, книжку читалъ: она озаглавлена „Къ Русскому народу". Первоприсутствующій. Вы всю книжку прочитали? Свид. Всю. В. Когда кончили, что вы сказали? О. Я сказалъ, что этихъ лицъ надо арестовать. Товарищъ оберъ-прокурора. Вы поняли, вѣроятно, что книжка противозаконнаго содержанія? Свид. Очень даже. По просьбѣ прис. пов. Слонимскаго спрошенъ вновь свидѣтель Федоровъ, который на вопросъ: говорилъ-ли онъ Митаеву, что адвокатъ пройдетъ черезъ Дурыкино, отвѣчалъ отрицательно и объяснилъ, что онъ сказалъ только, что адвокатъ шелъ лишь до Можайска и повернулъ на желѣзную дорогу. Введенъ свидѣтель Иванъ Тихоновъ. На вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу, отвѣчалъ: „Послѣ рабочей поры мы пошли потомъ на сторону. Шли по каменной дорогѣ. Выходитъ къ намъ со стороны и говоритъ: „ахъ, вы пріустали, и я пріусталъ, пойдемте вмѣстѣ, я вамъ прочитаю книжку—будетъ повалнѣе". Дошли до села. Онъ говоритъ: „Пожалуй, я вамъ книжку то дамъ". Я говорю: зачѣмъ, мы не грамотные, мы не знаемъ, „Ну говоритъ, кому-нибудь дадите почитать". Мы взяли ,не знавши, что за книжка. Пришли на вокзалъ и сидимъ. Только къ намъ онъ же подходитъ и говоритъ: „ахъ, господа, я забылъ спросить васъ, какой вы губерніи и уѣзда и какого села". Я спросилъ: а зачѣмъ ты насъ это спрашиваешь". Онъ сказалъ что можетъ быть, побываю къ вамъ и съ вами въ карты поиграю". Мы сказали и онъ записалъ въ тетрадку. Мы отправились, а онъ ушелъ отъ насъ. Пріѣзжаемъ въ Егорьевскъ, тамъ работали; потомъ я ушелъ въ другое мѣсто и про эту книжку забылъ. Она осталась подъ головами, гдѣ я спалъ. Потомъ черезъ двѣ недѣли я пришелъ за рубашкой, которая лежала тоже подъ головами, и тогда приказчикъ взялъ книжку. Потомъ насъ разыскивали вездѣ, гдѣ мы работали". Первоприсутствующій. Вы хорошо видѣли эту книжку? Свид. Какъ же, видѣлъ. В. Вы совсѣмъ неграмотные? О. Нѣтъ. В. Заглавія книжки не знаете? О. Нѣтъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Вамъ прохожій читалъ эту книжку? Свид. Читалъ. В. Что въ ней говорилось? О. Мы не понимали ничего. В. Если вамъ эту книжку показать, то вы узнаете? О. Можетъ быть, коли такая. (Свидѣтелю предъявлена книжка). Свид. Такой величины, только та оклеена была. Тов. Оберъ-прокурора. Тонкая была книжка, или толстая? О. Нѣтъ, тонкая. Прис. пов. Герке. Не припомните-ли, что въ этой книжкѣ говорилось? Свид. Не помню. В. Прохожій читалъ вамъ всю ее? О. Не могу я тебѣ этого сказать. В. Вы у него не спрашивали, откуда эта книжка? О. Онъ сказалъ: „изъ духовнаго завѣщанія, божественная". Вѣдь мы не понимали какая. Тов. оберъ-прокурора. Вы не можете узнать въ лицо этого человѣка, помните его? Свид. Помню. В. Не можете-ли указать, посмотрите. Свид. (посмотрѣвъ на подсудимыхъ и указывая на Плотникова). Вотъ этотъ. Прис. пов. Герке. Насколько вы можете припомнить, было-ли въ этой книжкѣ говорено что-нибудь противъ Царя? Свид. Не помню. Подс. Плотниковъ объяснилъ, что онъ, дѣйствительно, встрѣтился въ августѣ съ этими крестьянами и

передалъ имъ прокламацію, при обстоятельствахъ совершенно сходныхъ съ тѣмъ, какъ показывалъ свидѣтель; но что при этомъ не говорилъ, что книжка составлена въ Духовной Консисторіи. (Къ свидѣтелю). Вы дѣйствительно повѣрили, что будто-бы эта книжка изъ Духовнаго Вѣдомства? Свид. Намъ сказали, что изъ Духовной Консисторіи. В. Не было-ли дѣло такъ, что я вамъ замѣтилъ, что книжка написана вообще текстами изъ священнаго писанія, или можетъ быть вы сами, читая книжку, дошли до того предположенія, что, вѣроятно, эта книжка печаталась въ Духовномъ вѣдомствѣ? О. Ничего не помню. Ты мнѣ только сказалъ, что вышла изъ духовнаго завѣщанія. Потомъ ты говоришь: „пожалуй, я вамъ эту книжку дамъ". Первоприсутствующій. Подсудимый васъ спрашиваетъ, точно-ли онъ говорилъ вамъ, что книжка духовная, или нѣтъ? Свид. Ничего онъ не говорилъ. Говорилъ, что изъ духовной вышла, а онъ ничего намъ не сказалъ. Подс. Плотниковъ. Вы говорите, что онъ вамъ сказалъ, что книжка изъ Духовной Консисторіи? Это вы про меня говорите, т. е. про то лицо, которое дало вамъ книжку? Свид. Про тебя. Подс. Я этого не говорилъ. Введенъ свидѣтель Павелъ Соловьевъ, который на вопросъ что ему извѣстно по дѣлу показалъ: „Мы шли дорогою осенью...." Первоприсутствующій. Кто шелъ? Свид. Мы съ батюшкой. В. Кто вашъ батюшка? О. Иванъ Тихоновъ. Первоприсутствующій. Продолжайте далѣе. Свид. Мы шли. Встрѣтился намъ человѣкъ. Мы идемъ своей стороной, а онъ своей стороной. Мы опередили его немного, а онъ перешелъ черезъ дорогу къ намъ и говоритъ: „вы, господа, пристали и я присталъ. Не хотите-ли я вамъ книжку почитаю, веселѣе будетъ идти". И спрашиваетъ: „Вы грамотные?" Батюшка сказалъ, что вотъ сынъ знаетъ немного. Онъ сказалъ: „ну, такъ вотъ я вамъ почитаю—время скорѣе пройдетъ". Началъ онъ читать эту книжку. Потомъ не доходя до села, онъ сказалъ: „не угодно-ли господа, я вамъ эту книжку подарю?" Батюшка говоритъ, зачѣмъ намъ, мы читать не знаемъ. Онъ говоритъ: „да вѣдь книжка ничего—божественная", и далъ намъ. Мы пошли. Сидимъ на вокзалѣ, ѣдимъ хлѣбъ, глядимъ — онъ подходитъ и говоритъ: „господа, я забылъ спросить васъ, какой вы губерніи, уѣзда и имѣнія? Карандаша у него не было, а у меня былъ,—я цифирь на работѣ писалъ,—хотѣлъ дать ему свой. „У меня, говоритъ, свой есть, только очинить надо и попросилъ ножичка. Я далъ ножичекъ, онъ очинилъ карандашъ, и потомъ записалъ насъ и говоритъ: „прощайте, я говоритъ, у васъ въ дому побываю". Потомъ мы отправились на поѣздъ въ Егорьевскъ. Мѣсяца два прошло; его, стало быть, поймали и посадили въ полицію, а книжку не нашли. Я отправился работать въ другую деревню верстъ за 10. Туда пріѣхали исправникъ и товарищъ прокурора и спрашиваютъ: „вы, говорятъ, Павелъ Яковлевичъ Соловьевъ?" Я, говорю. „Вамъ, говорятъ, такой-то молодецъ давалъ книжку?" Давалъ. Товарищъ прокурора говоритъ: „гдѣ же она?" Я говорю: „здѣсь нѣтъ, мы въ городѣ Егорьевскѣ жили".—„Какъ же, говоритъ, разыскать ее?" Я говорю: коли цѣла, такъ найдется. Потомъ меня взяли, вечеромъ, привезли; вдругъ приказчикъ книжку приноситъ, онъ взялъ ее, гдѣ мы работали, въ сараѣ; она была подъ головами, а ее взялъ приказчикъ у насъ. Тов. оберъ-прокурора. Что въ этой книжкѣ было написано? Свид. Я немножко понялъ. Тамъ сказано: безданно, безпошлинно жить, оброковъ не платить. Прис. пов. Герке. Вы не спросили этого человѣка, откуда эта книжка? Свид. Ничего не говорилъ. Первоприсутствующій. Вы все время были вмѣстѣ съ отцомъ? Свид. Вмѣстѣ. В. Человѣкъ этотъ читалъ вамъ ее дорогою? О. Читалъ. Прис. пов. Герке. Всю прочелъ? Свид. Нѣтъ, не всю. Онъ не много читалъ. „Я, говоритъ, ее уже читалъ". В. Говорилось тамъ что-нибудь о Царѣ, о властяхъ? О. О Царѣ забылъ, потому давно время. Тов. оберъ-прокурора. Не помните-ли, какъ она называлась? Свид. „Русскому народу". Подс. Плотниковъ. Вы говорите, что я говорилъ вамъ, будто бы книжка божественная. Можетъ быть, я говорилъ такъ, что ученіе, которое въ ней заключается, подтверждается словами Евангелія, напримѣръ, отъ Матѳея? Свид. Онъ назвалъ божественной. В. Можетъ быть, я сказалъ такъ, что то, что говорилось въ книжкѣ, подкрѣпляется библейскими словами, или просто назвалъ библейскою? Свид. (обращаясь къ подсудимому). Если бы я зналъ хорошо грамотѣ, навѣрное я посмотрѣлъ-бы и тебѣ тотъ же разъ не уйти бы съ вокзала. Тебя тогда бы взяли жандармы. Введенъ свидѣтель Давидъ Ивановъ, который на вопросъ, что ему извѣстно по настоящему дѣлу, показалъ, что у него была книжка. Первоприсутствующій. Откуда вы ее получили? Свид. Шелъ человѣкъ. В. Кто такой, не знаете? О. Не знаю. В. Какая была книжка? О. А кто ее знаетъ. В. Куда она дѣвалась? О. Отобрали. В. Кто? О. Становой. В. Какъ вы получили? О. Онъ ночевалъ у меня, прохожій былъ, и за ночлегъ отдалъ книжку. Тов. оберъ-прокурора. Вы узнали-бы того человѣка, который ночевалъ у васъ? Свид. Можетъ быть. В. Вы не просили кого-нибудь читать эту книжку? О. У насъ есть одинъ грамотный, онъ прочиталъ двѣ странички. В. Какъ вы ее поняли? О. Ничего не понялъ. В. Взгляните, не узнаете-ли того человѣка, который вамъ далъ книжку? Свид. (Посмотрѣвъ на подсудимыхъ и показывая на Васильева). Вотъ этотъ. Введенъ свидѣтель Смирновъ, который на вопросъ, что ему извѣстно, показалъ, что двѣ книжки даны ему какимъ-то прохожимъ, который ночевалъ у него. Первоприсутствующій. Вы грамотны? Свид. Умѣю читать по печатному. В.

Читали вы книжку? О. Нѣтъ. В. Что вы съ ней сдѣлали? О. Я предъявлялъ ее на деревнѣ и говорилъ, что вотъ прохожій оставилъ двѣ книжки. В. Нашлись грамотные въ деревнѣ и читали книжку? О. Читали. В. Поняли, что въ ней написано? О. Ничего не поняли. Вѣдь какой нашъ народъ? В. Потомъ, что было? О. Продолжалось до того, когда пріѣхалъ становой и взялъ книжку. Тов. оберъ-прокурора. Какое названіе книжки? Свид. Не помню. Первоприсутствующій. Онѣ обѣ одинаковой величины? Свид. Одинаковой. В. Зачѣмъ онъ вамъ ихъ далъ? О. Онъ далъ переслать въ другую деревню. Тов. оберъ-прокурора. Неужели вы совсѣмъ ничего не поняли, что тамъ написано? Свид. Ничего. В. Узнаете-ли вы теперь того человѣка, посмотрите? Свид. (осматривая подсудимыхъ). Гдѣ онъ, виноватый-то.... (Указывая па Васильева) Да, вотъ, онъ самый. Введенъ свидѣтель крестьянинъ Журавлевъ, который показалъ, что придя съ работы, онъ сидѣлъ у окна и въ это время по улицѣ шелъ прохожій, который подошелъ къ нему и показалъ книжки. Свидѣтель сказалъ, что у него нѣтъ денегъ, чтобы купить. Тогда прохожій сказалъ: „возьми такъ". Свидѣтель взялъ книжку, поглядѣлъ, и такъ какъ плохо читаетъ, то положилъ ее и ушелъ на работу. Первоприсутствующій. Какое заглавіе книжки? Свид. Не помню. Тов. оберъ-прокурора. Книжка маленькая была? Свид. Такъ три листика маленькихъ. В. Давали читать ее кому-нибудь? О. Сосѣду давалъ. В. Что онъ объ ней говорилъ? О. Ничего, да я его и не спрашивалъ. В. А вы узнали бы того человѣка, который далъ вамъ книжку? О. Кто его знаетъ, можетъ быть, и призналъ бы. Тов. оберъ-прокурора. Попробуйте, посмотрите. Свид. (осмотрѣвъ подсудимыхъ). Нѣтъ, не знаю. Введенъ свидѣтель Кандауровъ, который показалъ, что онъ былъ на улицѣ, когда къ нему подошелъ какой-то человѣкъ и сталъ спрашивать дорогу. Въ это время проходили дѣти изъ училища, къ которымъ этотъ человѣкъ подошелъ и сталъ предлагать книжки, говоря, что онѣ будто бы нужны для ученія. Одинъ мальчикъ согласился купить. Свидѣтель спросилъ, нѣтъ ли у прохожаго азбучки для своихъ дѣтей. Онъ сказалъ, что нѣтъ. Первоприсутсвующій. А вы книжки отъ него не получили? Свид. Нѣтъ. Тов. оберъ-прокурора. Онъ продавалъ книжки или даромъ давалъ? Свид. Нѣтъ, продалъ за двѣ копѣйки. В. Теперь вы бы его узнали? О. Какъ же не узнать! Тов. оберъ-прокурора. Посмотрите. Свид. (указывая на Васильева). Вотъ, этотъ. Введенъ свидѣтель Алексѣй Волковъ, который показалъ что у него ночевалъ прохожій и оставилъ емуодну книжку; онъ думалъ, что божественная, но посмотрѣвъ, сказалъ что съ такими книжками пропадешь. Тов. оберъ-прокурора. Почему вы это думали? Свид. Да онъ говорилъ, чтобы передавать отъ села до села, изъ конторы въ контору, что оброкъ платить не нужно. Какъ же не платить, этого нельзя? В. Вы узнали бы того человѣка? О. Тогда узналъ. Можетъ быть и теперь узнаю. Тов. оберъ-прокурора. Посмотрите. Свид. (указывая на Васильева). Вотъ онъ самый. Введенъ свидѣтель Кузьма Рыковъ, который показалъ: „14-го сентября я шелъ и зашелъ къ Якову Рыкову: тамъ сидитъ этотъ человѣкъ—Ананій Васильевъ. Первоприсутствующій. Почему вы знаете, что это Ананій Васильевъ? Свид. Послѣ узналъ. Рыковъ далъ мнѣ читать паспортъ и я увидѣлъ, что прохожій изъ Тверской губерніи. Потомъ я пошелъ домой, а онъ ушелъ изъ села. Тов. оберъ-прокурора. Не было-ли у васъ послѣ разговора о томъ, не давалъ-ли этотъ прохожій книжки? Свид. Нѣтъ. В. Почему же паспортъ отъ него требовали? О. Потому что онъ неизвѣстный человѣкъ. В. Не слыхали-ли вы послѣ, что онъ раздавалъ книжки? О. Да, послѣ слышалъ. Введенъ свид. Петръ Волковъ, который показалъ, что въ его отсутствіе пришелъ прохожій и попросился у его матери ночевать. Она пустила. Когда свидѣтель пришелъ домой, то спросилъ, что это за человѣкъ. Мать сказала, что съ книжками. Когда свидѣтель поужиналъ къ нему пришелъ товарищъ Степановъ и позвалъ на фабрику ночевать. Въ это время прохожій сталъ читать имъ книжку, но они не могли ничего разобрать въ ней. Затѣмъ отправились на фабрику и „для охоты" пригласили съ собою и прохожаго. На фабрикѣ онъ сталъ разъяснять имъ книжку, на что Степановъ отвѣчалъ: „намъ надо управлять крестьянствомъ нашимъ, а когда управимъ по крестьянству, то будемъ работать къ чему привычны". Придя по утру домой, прохожій положилъ книжку на столъ, сказавъ, что даромъ дастъ и ушелъ изъ избы. Первоприсутствующій. Кому вы давали книжку? Свид. Мы отдали ее прочитать. Намъ сказали, что это книжка нехорошая. Тогда мы отправились съ ней къ жандарму, онъ и отобралъ книжку и пошли разыскивать. Товарищъ оберъ-прокурора. Можете вы узнать этого человѣка? Свид. Могу сейчасъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Посмотрите. Свид. (посмотрѣлъ и указалъ на Васильева). Самый вотъ этотъ. Введенъ свидѣтель Яковъ Рыковъ, который на вопросъ, что ему извѣстно по дѣлу, отвѣтилъ: „Извѣстно". Первоприсутствующій. Что? Свид. Я зашелъ за Волковымъ къ Рыкову. Тутъ пришелъ какой-то человѣкъ. Потомъ онъ сталъ предлагать книжку. Я спросилъ: сколько за все нужно. Онъ сказалъ: „я, говоритъ, безплатно даю". В. Вы грамотный? О. Да. В. Не помните-ли какъ называется книжка? О. Я позабылъ. В. А какой величины? О. Небольшая, тоненькая. Товарищъ оберъ-прокурора. Можете узнать того человѣка, который далъ вамъ книжку? Свид. Какъ-же могу (смотритъ на подсудимыхъ и указываетъ на Васильева). Введенъ свидѣтель Бай

ковскій (директоръ Реутовской мануфактуры), который показалъ, что въ первыхъ числахъ декабря бухгалтеръ принесъ къ нему прокламацію: „Какъ должно жить по закону природы и правды". Свидѣтель прочиталъ первую страницу и нашелъ, что нужно донести объ этомъ и онъ донесъ начальнику Жандармскаго Управленія. Бухгалтеръ объяснилъ свидѣтелю, что прокламацію получилъ отъ конторщика Иванова, который, въ свою очередь, получилъ ее будто бы отъ смотрителя П. Васильева. Какъ она попала къ послѣднему свидѣтелю неизвѣстно, но онъ послѣ узналъ, что смотритель получилъ ее отъ рабочаго Е. Мартынова. Первоприсутствующій. Вы представили эту прокламацію? Свид. Нѣтъ, я немедленно ее сжегъ и только донесъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Вамъ не приходило въ голову, кто-бы могъ пустить эту прокламацію въ ходъ? Свид. Подозрѣнія ни на кого не было. В. Вы довольны были занятіями учителя Гамова? О. О занятіяхъ его я не могъ составить опредѣленнаго понятія. Неудовольствіе на г. Гамова я имѣлъ только то, что на предложеніе мое держать въ порядкѣ школу, такъ какъ на учениковъ жаловались рабочіе, помѣщавшіеся надъ училищемъ, что имъ не даютъ спать, г. Гамовъ не согласился и заявилъ, что по его педагогическимъ воззрѣніямъ, онъ этого сдѣлать не можетъ и просилъ уволить его. В. Сколько времени онъ у васъ пробылъ? О. Онъ поступилъ съ 15 сентября. Въ виду его отказа состоялось увольненіе въ тотъ же день. Прис. пов. Гаевскій. Не писалъ-ли вамъ Гамовъ о томъ, что онъ откажется отъ занятій, если въ школѣ будетъ угарно попрежнему? Свид. Да, дѣйствительно, онъ требовалъ, чтобы щели задѣлали; но требованіе его было выражено въ такой формѣ, которая мнѣ не понравилась. Доказательствомъ того, что эта форма не могла никому понравиться, служитъ то, что записку его я отослалъ г. Щербакову, который мнѣ его рекомендовалъ, и отослалъ безъ всякаго съ моей стороны письма. Щербаковъ, прочитавъ эту записку, выразилъ, что г. Гамову слѣдовало выражаться болѣе вѣжливо. В. Слѣдовательно, причина отказа заключалась въ томъ, что въ школѣ было угарно? О. Нѣтъ, а вслѣдствіе того, что г. Гамовъ не согласился учредить требуемый мною порядокъ въ школѣ. В. Установленіе какого порядка вы требовали?.. Вы находили, что ученики распущены? О. Они шумѣли до того, что не давали спать рабочимъ. В. Шумъ этотъ былъ въ промежуткахъ занятій, когда Гамовъ установилъ игры для дѣтей? О. Я просилъ, чтобы ученики не производили шума, и что могутъ выходить на дворъ, но не бѣгать по столамъ, не играть въ чехарду и т. п., особенно въ присутствіи ихъ учителя. В. Вы не слыхали, чтобы Гамовъ передавалъ кому-нибудь прокламаціи? О. Нѣтъ, не слыхалъ. В. Бывалъ Гамовъ по праздникамъ въ Москвѣ? О. Мнѣ это сдѣлалось извѣстнымъ только 3-го числа, когда я услышалъ заявленіе смотрителя о томъ, что рабочіе собрались принести жалобу на шумъ въ училищѣ. Я послалъ за Гамовымъ, его не было дома и мнѣ сказали, что онъ еще не возвратился изъ Москвы. В. Котораго числа поступилъ къ вамъ Гамовъ и когда уволенъ? О. Поступилъ 15 сентября, а уволенъ 4-го декабря. В. Неизвѣстно-ли вамъ, не привозилъ-ли онъ какихъ-нибудь книгъ изъ Москвы? О. Не знаю. Товарищъ оберъ-прокурора. Не слыхали-ли вы, что по вечерамъ, когда къ Гамову входили въ квартиру, то онъ прячетъ что-то. Свид. Мнѣ говорили, что когда кто заходитъ въ его квартиру, то онъ свою работу тотчасъ прячетъ въ столъ. Это мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ послѣ того, какъ мы узнали, что Гамовъ разыскивается Жандармскимъ Управленіемъ. Подс. Гамовъ. Вчера я говорилъ, что у меня были назначены для дѣтей часы въ промежутки занятій, въ которые дѣти занимались играми. Я считалъ это самымъ необходимѣйшимъ условіемъ и средствомъ для ученическихъ занятій дѣтей, такъ какъ дѣти послѣ физическаго упражненія занимаются съ большимъ вниманіемъ, а слѣдовательно и успѣхомъ. Поэтому предложеніе директора уничтожить эти игры заставило меня не согласиться принять эту мѣру. Вотъ причины, почему я сказалъ директору, что продолжать занятія не могу. Затѣмъ я, какъ это уже говорилъ, написалъ записку къ г. директору относительно задѣлки щелей и полагаю, что въ ней нѣтъ ничего, что могло-бы показаться непріятнымъ. Я уже приводилъ ея содержаніе и теперь напомню только, что въ ней было выражено: „Покорнѣйше прошу контору" и т. д. Введенъ свидѣтель Мартыновъ, который показалъ, что онъ находился работникомъ на Реутовской мануфактурѣ и былъ въ числѣ учениковъ школы. Первоприсутствующій. Давалъ вамъ учитель читать какія-нибудь книжки? Свид. Давалъ. В. Какія? О. Разсказы разные, степные очерки, потомъ далъ „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды". В. Кому вы ее передали? О. Товарищу Василію Кусакину. В. А вы сами не читали ее? О. Нѣтъ, не пришлось читать. В. Когда учитель далъ вамъ эти книжки, онъ говорилъ, чтобы вы передавали ихъ другимъ? О. Да, говорилъ, чтобы, когда прочитаемъ, передавали бы прочимъ. Товарищъ оберъ-прокурора. Онъ объяснилъ вамъ, откуда взялъ ихъ? Свид. Этого не говорилъ. В. А не говорилъ какъ поступить, на случай если эту книжку поймаютъ? О. Онъ сказалъ, чтобы мы объяснили, что купили на рынкѣ, а если, говоритъ, ничего не будетъ, то можно будетъ достать другихъ. В. Но говорилъ-ли онъ, что бы вы не сказывали, что книжки получили отъ него? О. Говорилъ. В. Изъ этого вы не поняли, что книжки запрещенныя? О. Нѣтъ, ничего не поняли. Сенаторъ Евреиновъ. Многіе читали эти книжки? Свид. Мы двое, потому что только двое взрослые и были въ училищѣ. Товарищъ оберъ-прокурора. Не да-

валъ-ли онъ вамъ читать сначала Чернышевскаго? Свид. Нѣтъ. Прис. пов. Гаевскій. Довольны-ли вы были вашимъ учителемъ? Свид. Онъ ничего намъ особаго не дѣлалъ. В. Лучше-ли онъ былъ для васъ, нежели прежній учитель? О. Оба учили читать и писать, ничему особому не учили. В. Которому изъ учителей вы были болѣе благодарны? О. И г. Гамову и прежнему, такъ какъ обиды не видѣли. В. Послѣ ученія были игры? О. Были игры для малолѣтнихъ. В. Было въ школѣ угарно? О. Правда, бывало часто угарно. В. Не предлагалъ-ли вамъ Гамовъ учить васъ отдѣльно? О. Мы говорили, что если будете хорошо учить, то стали-бы деньги платить. В. Не говорилъ-ли вамъ учитель чего-нибудь противъ Правительства? О. Этого ничего не говорилъ. В. А когда онъ давалъ книжки, не говорилъ, что онъ самъ ихъ не читалъ? О. Онъ сказалъ, что книжки хорошія, но, впрочемъ, я, говоритъ, самъ не знаю какого онѣ содержанія. Подс. Гамовъ. Имѣю честь обратить вниманіе Суда на это показаніе. Прис. пов Гаевскій. Книги для школы покупалъ г. Гамовъ? Свид. Были книги, только я не знаю.... В. Вы понимаете что значитъ прокламація? О. Совершенно не понимаю. В. Въ школѣ бывалъ директоръ фабрики во время классовъ? О. Иногда мы его видѣли во время нашихъ занятій. Введенъ свидѣтель Семенъ Егоровъ, который показалъ, что былъ рабочимъ на Реутовской мануфактурѣ и ходилъ въ школу вмѣстѣ съ Мартыновымъ. Что учитель давалъ книжки и между прочимъ „Русскому народу"; при этомъ говорилъ, чтобы они „давали народу", чтобы не разсказывали имъ отъ кого получили, а если дойдетъ до конторы, то сказали бы, что купили въ Москвѣ. Товарищъ оберъ-прокурора. Хвалилъ онъ вамъ эти книжки, когда давалъ читать, или просто далъ? Свид. Хвалить—хвалилъ. Далѣе на вопросъ защиты, свидѣтель показалъ, что Гамовъ продолжалъ заниматься со свидѣтелемъ и его товарищемъ отдѣльно, за что они желали платить ему. Свидѣтель получалъ на фабрикѣ 40 коп. въ день. Прис. пов. Гаевскій. Вы знаете, что значитъ прокламація? Свид. А Богъ ее знаетъ, книжка такъ книжка и есть. В. А что значитъ пропаганда? О. Нѣтъ, не знаю. Подс. Гамовъ. Когда я вамъ давалъ книжки изъ библіотеки, кромѣ этихъ двухъ, а также изъ своихъ, говорилъ я, чтобы вы давали ихъ читать народу? Свид. Говорили. — Этимъ окончился допросъ свидѣтелей и первоприсутствующій объявилъ, что присутствіе выслушаетъ прокламаціи при закрытыхъ дверяхъ, вслѣдствіе сего сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи публики изъ залы засѣданія. По прочтеніи двухъ прокламацій, засѣданіе въ шестомъ часу было прервано до 11 часовъ слѣдующаго дня. По открытіи засѣданія въ 11 часовъ утра, первоприсутствующій объявилъ, что судъ приступитъ къ чтенію прокламацій при закрытыхъ дверяхъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы публика была удалена на это время изъ залы засѣданія. По прочтеніи этихъ документовъ, публика снова была впущена въ залу. Затѣмъ стороны заявили ходатайства о прочтеніи различныхъ документовъ. Потомъ были прочтены слѣдующіе документы: 1. Протоколъ осмотра. 1874 года января 4-го дня членъ Московской Судебной Палаты Крахтъ, при товарищѣ прокурора Судебной Палаты Постельниковѣ и товарищѣ прокурора Московскаго Окружного Суда Демидовѣ, въ присутствіи нижеподписавшихся понятыхъ, на основаніи 330 ст. Уст. Угл. Суд., производилъ предварительный осмотръ нижепоименованнымъ предметамъ, подлежащимъ освидѣтельствованію и изслѣдованію черезъ свѣдущихъ людей. По осмотру оказалось, что въ числѣ предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію находятся: 1) Некрашеный сосновый столъ, взятый у Порфирьевой, длиною $1^3/_4$ арш., шириною $14^1/_2$ вершковъ, о 4-хъ ножкахъ, соединенныхъ перекладинами. Толщина доски стола $^3/_4$ вершка, вышина стола 1 арш. $2^1/_2$ вершка, считая по направленію перпендикулярному длинѣ стола; съ обѣихъ сторонъ выемки имѣются 4 квадратныя дыры. На разстояніи 5 вершковъ на правой сторонѣ выемки, считая по тому-же направленію, двѣ круглыя дыры. Въ выемкѣ помѣщается желѣзная доска, по длинѣ и ширинѣ равная длинѣ и ширинѣ самой выемки; толщина этой доски приблизительно $^1/_8$ вершка. На доскѣ этой имѣются 4 квадратныя дыры, соотвѣтственно дырамъ выемки, и 4 круглыя дыры; изъ послѣднихъ 2, находящіяся съ правой стороны доски на разстояніи каждая 5 вершковъ, считая отъ двухъ противоположныхъ крышекъ доски, соотвѣтствуютъ круглымъ дырамъ выемки. Остальныя двѣ на разстояніи $7^1/_2$ вершковъ, считая по направленію перпендикулярному ширинѣ доски, помѣщаются на двухъ противоположныхъ сторонахъ доски и въ выемкѣ соотвѣтственныхъ дыръ не имѣютъ. Противъ выемки, на нижней части столовой доски прикрѣплены двѣ дубовыя планки, въ которыхъ продолблены квадратныя дыры, совпадающія съ дырами выемки и прежней доски; длина этихъ планокъ равна ширинѣ выемки; ширина же $2^1/_4$ вершка. На разстояніи 5 вершковъ, считая по направленію перпендикулярному длинѣ стола, имѣются съ каждой стороны по 2 дыры, по виду и величинѣ сходныя съ имѣющимися на желѣзной доскѣ. Какъ на поверхности стола, такъ и на поверхности желѣзной доски, замѣтны слѣды масла и черной краски. На лицевой сторонѣ стола печать 4-го квартала Сущевской части. 2) Столъ, ножки котораго выкрашены красной краской и при немъ желѣзный листъ. Длина стола 1 арш. $7^1/_2$ вершковъ, ширина 14 вершковъ, вышина 1 аршинъ. Листъ желѣзный, концы котораго загнуты, длиною въ ширину стола, шириною $^1/_2$ аршина. Какъ въ длину, такъ и въ ширину листа, по краямъ имѣются дыры, совпадающія, если приложить листъ къ лѣвой сторонѣ стола,

съ дырами, имѣющимися на столѣ. На листѣ, равно какъ и на столѣ, слѣды черной краски и печать 4-го квартала Сущевской части. 3) Поливной кувшинъ съ черной краской; печать 4-го квартала Сущевской части. 4) Желѣзный валъ длиной 1 аршинъ 1/2 вершка, въ діаметрѣ 5/8 вершка; на одномъ изъ концовъ валика выемка, имѣющая форму параллелопипеда и подъ нею цифра „3“. На валикѣ слѣды краски. 5) Деревянный валикъ длиною 3/4 арш., въ діаметрѣ 7/8 вершка, на которомъ замѣтны слѣды черной краски и приложена печать 4-го квартала Сущевской части. 6) Три деревянныя четыреугольныя планки, двѣ длиною 1 арш. 8 1/2 вершк. и одна длиною 1 арш. 3 вершка, шириною всѣ 5/8 вершка, толщиною 1/3 вершка, на каждой печать 4-го квартала Сущевской части и слѣды черной краски. 7) Сосновая планка длиною 1 арш. 5 вершковъ, шириною вообще менѣе 1 вершка, толщиною 1/2 вершка. На одной сторонѣ замѣтны слѣды надписи „Осторожно“. На одномъ изъ концовъ планки имѣется дыра, проходящая всю толщину планки. На одномъ боку планки слѣды клея. На планкѣ печать помощника Начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 8) Двѣ мужскія кумачныя рубашки со слѣдами черной краски, на нихъ печать 4-го квартала Сущевской части. 9) Женское платье ситцевое со слѣдами черной краски, и на немъ печать 4-го квартала Сущевской части. 10) Клеенка черная длиною 3 арш. 3 вершка, шириною 1 1/4 арш., со слѣдами черной краски и на ней печать. 11) Проволочный прутикъ длиною 1/2 арш., съ одного конца загнутый въ видѣ кольца; печать. 12) Два полотенца и одна тряпка со слѣдами черной краски и масла, и къ нимъ приложена печать 4 квартала Сущевской части. 13) Картонная рамка длиною 11 вершковъ, шириною 1/2 аршина о 8 отдѣленіяхъ; каждое отдѣленіе длиною почти 4 вершка, шириною 2 вершка. Среднія отдѣленія заклеены бумагою, на которой видны слѣды краски. На краяхъ рамки просохшій песокъ. На рамкѣ печать Помощника Начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 14) Столъ некрашенный длины 1 арш. 7 вершковъ, ширины 3/4 аршина, вышиной 1 арш., на оборотной сторонѣ слѣды черной краски. На лицевой сторонѣ печать Помощника Начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 15) Макулатурный листъ, на которомъ печать помощника начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 16) Одинъ подмокшій экземпляръ прокламаціи „Русскому народу“, на которомъ печать помощника начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. 17) 23 экземпляра прокламаціи „Русскому народу“, величиною въ 1/8 долю листа, на 21 страницѣ; 24 экземпляра „Какъ должно жить по закону природы и правды“, въ 4-ю долю листа на 7 страницахъ; 3 экземпляра „Къ интеллигентнымъ людямъ“, величиною въ 4-ю долю листа на 1 страницѣ, взятые у бывшаго студента Николая Александрова Плотникова. 18) Экземпляры прокламацій, отобранные при дознаніи у крестьянъ: Тиханова и Яковлева—1 экземпляръ прокламаціи „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“; Чистякова по одному экземпляру прокламацій „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“; Морковникова—1 экземпляръ прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды“; Журавлева—по одному экземпляру прокламацій „Русскому народу“ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“; Гэрыкина—одинъ экземпляръ прокламаціи „Русскому народу“; Иванова и Вилкова—у каждаго по одному экземпляру прокламацій „Русскому народу„ и „Какъ должно жить по закону природы и правды“. 19) Одинъ экземпляръ прокламаціи „Русскому народу“, начиная съ 17 стр., отобранный у Ободовской. 20) Прокламаціи, приложенныя къ Петербургскому дознанію: 1 экземпляръ „Русскому народу“, 1 экземпляръ „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и 2 экземпляра „Къ интеллигентнымъ людямъ“. 21) Столбикъ набора въ 6 строкъ и тринадцать литеръ. 22) 26 экземпляровъ прокламаціи „Русскому народу“, величиною въ 8-ю долю листа на 21 страницѣ, 28 экземпляровъ прокламацій „Какъ должно жить по закону природы и правды“ въ 4 долю листа на 7 страницахъ и 7 экземпляровъ прокламацій „Къ интеллигентнымъ людямъ“, величиною въ 4-ю долю листа, на одной страницѣ, взятыя у бывшаго студента Ивана Ивановича Папина. 23) Некрашенный столъ, размѣрами сходный съ описаннымъ въ п. 14, имѣющій слѣды черной краски. На лицевой сторонѣ стола печать помощника начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ. II. По осмотру экспертами предъявленныхъ имъ трехъ прокламацій, а именно: 1) „Къ интеллигентнымъ людямъ“, 2) „Къ Русскому народу“ и 3) „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и на предложенные имъ вопросы они отвѣтили: На 1-й вопросъ: были-ли означенныя три прокламаціи напечатаны однимъ шрифтомъ? Всѣ три прокламаціи напечатаны не только однимъ и тѣмъ-же шрифтомъ, но и однимъ и тѣмъ-же наборомъ. Это доказывается, какъ одинаковымъ характеромъ и очертаніемъ прописныхъ и строчныхъ буквъ во всѣхъ трехъ прокламаціяхъ, такъ и множествомъ ошибокъ и неправильностей, сдѣланныхъ при наборѣ и неизмѣнно повторяющихся во всѣхъ экземплярахъ, какъ отобранныхъ у Папина и Плотникова, такъ и доставленныхъ изъ С.-Петербурга. Наборъ во всѣхъ проклама-

ціяхъ сдѣланъ безъ шпонъ и имѣющіеся пробѣлы задѣланы квадратами и бабашками. При печатаніи прокламаціи „Къ Русскому народу“ употреблялась въ дѣло картонная рамка, подъ названіемъ „рашкетъ“ о 8 отверстіяхъ, находившаяся по имѣющимся на ней признакамъ въ сыромъ мѣстѣ, которая служила для накладки на форму. Доказательствомъ тому, что рамка эта употреблялась именно для печатанія прокламаціи „Къ Русскому народу“, служитъ, во 1-хъ, то, что въ ея отверстіе вполнѣ входятъ полосы набора сказанной прокламаціи, и во 2-хъ, что на верхней оконечности одного изъ отверстій имѣются оттиски цифръ 18 и 5, а другого 1 и 0, (верхней части какой-нибудь круглой цифры 2, 3 или 9), которыя обозначаютъ страницы, входившія въ эти отверстія. Затѣмъ эксперты, обративъ вниманіе на заклеенныя отверстія этой рамы, не подходящія къ формату другихъ прокламацій а между тѣмъ носящія слѣды давленія и пятенъ отъ бабашекъ, пришли къ заключенію, что рамка эта въ томъ видѣ, въ которомъ она теперь находится, должна была быть въ употребленіи для напечатанія чего-либо другого неизвѣстнаго. Затѣмъ эксперты, принимая во вниманіе, что въ прокламаціи „Русскому народу“ весьма часто встрѣчается между строчными капитальныя буквы б и ѣ, а въ прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“ таковыя же буквы у и с, которыхъ въ прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды„ почти нѣтъ, признали, что наборъ всѣхъ этихъ прокламацій сдѣланъ былъ полный и что онѣ печатались не постепенно одна за другою, съ разборкою формъ, а въ одно время, или другими словами, весь наборъ всѣхъ 3 прокламацій стоялъ въ готовности, чтобы имѣть возможность оттиснуть каждую изъ нихъ по мѣрѣ надобности. Въ отдѣльности можно предполагать, что прокламація „Какъ должно жить по закону природы и правды“ печаталась въ два пріема. Поводомъ къ такому предположенію служитъ то, что въ нѣкоторыхъ экземплярахъ этой прокламаціи строки на первой полосѣ сначала до слова „отдѣленія“ и на нѣкоторыхъ другихъ полосахъ сошли съ прямой линіи, тогда какъ на другихъ экземплярахъ этого отступа или кривизны не имѣется и линія совершенно прямая. Впрочемъ, утвердительно сказать, что прокламація эта была отпечатана въ два раза нельзя, да и упомянутая кривизна могла быть замѣчена и исправлена въ моментъ самаго печатанія, какъ была исправлена прихватка, находящаяся на стр. 21 нѣкоторыхъ экземпляровъ прокламаціи „Русскому народу“ и не видная на другихъ. Вообще, судя по тому, что всѣ ошибки и неправильности въ прокламаціяхъ, сдѣланныя при наборѣ (напр. черный дефтъ на 6 стр. прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, неправильный абзацъ или отступъ на стр. 17 прокламаціи „Русскому народу“, неправильная разбивка словъ на стр. 7 прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды“ и т. п.) неизмѣнно повторяются во всѣхъ экземплярахъ, какъ взятыхъ въ Москвѣ, такъ и доставленныхъ изъ Петербурга,—эксперты пришли къ единогласному заключенію, что всѣ сказанныя прокламаціи печатались въ одинъ пріемъ и однимъ и тѣмъ-же наборомъ. На 2-й вопросъ: подходятъ-ли къ шрифту этихъ прокламацій столбикъ набора въ 6 строкъ и 13 литеръ, найденныхъ при обыскѣ у Александра Долгушина? Шрифтъ, отобранный у Долгушина и находящійся въ наборѣ, тотъ самый, которымъ отпечатаны всѣ вышеозначенныя прокламаціи. Но хотя эти шесть набранныхъ строкъ и составляютъ текстъ изъ прокламаціи „Русскому народу“ (стр. 14 и 15), однако наборъ этотъ въ употребленіи не былъ. Это ясно видно, во 1-хъ, изъ того, что на литерахъ нѣтъ слѣдовъ краски; во 2-хъ, что наборъ этотъ не сходенъ съ наборомъ, которымъ печаталась прокламація по разбивкѣ, между словами, и въ 3-хъ, что строки въ этомъ наборѣ отдѣлены шпонами, между тѣмъ какъ прокламаціи печатаны безъ шпонъ. На основаніи этихъ данныхъ можно предположить: или, что наборъ этотъ есть второй наборъ, который приготовлялся для новаго изданія прокламаціи „Русскому народу“, или что вся прокламація первоначально была набрана со шпонами, которыя впослѣдствіи были выкинуты для уменьшенія формата страницы. На 3-й вопросъ: какой именно этотъ шрифтъ, — экспертъ Рисъ объяснилъ, что шрифтъ, употребленный для печатанія всѣхъ трехъ прокламацій, есть шрифтъ словолитни Флинчъ (бывшей Дреслера) въ Франкфуртѣ, Брюсселѣ и С.-Петербургѣ, отлитый на кегель 12 и значащійся по образцамъ его коммиссіонера въ Петербургѣ Франца Марка подъ № 68. Хотя по сличеніи литеръ, отобранныхъ у Долгушина, съ нѣкоторыми образцами литеръ Франца Марка, выписанными изъ С.-Петербурга и взятыми въ московскихъ типографіяхъ изъ числа выписанныхъ отъ того же Франца Марка, сказалось, что литеры эти имѣютъ между собою нѣкоторое отличіе въ формѣ отливки, тѣмъ не менѣе экспертъ Рисъ положительно утверждаетъ, что шрифтъ этотъ долженъ быть пріобрѣтенъ въ С.-Петербургѣ отъ Франца Марка и даже его отливки, Предположеніе свое онъ подтверждаетъ, во 1-хъ, тѣмъ, что въ отливкѣ одного Франца Марка буква на литерѣ ставится не по серединѣ кегеля, а нѣсколько выше, тогда какъ во всѣхъ московскихъ и другихъ петербургскихъ словолитняхъ буква эта ставится по серединѣ, такъ что если при наборѣ буква по ошибкѣ будетъ поставлена вверхъ ногами, то она при печатаніи не выйдетъ изъ прямой линіи, между тѣмъ въ прокламаціяхъ „Русскому народу“ стр. 21, строка 20, въ словѣ единый, „Какъ должно жить по закону природы и правды“ стр. 2, строка 39, въ словѣ добродѣтельными и во множествѣ другихъ словъ буквы и, о, поставленныя въ наборѣ вверхъ ногами, вышли

изъ прямой линіи, что ясно показываетъ, что шрифтъ для этихъ прокламацій былъ употребленъ петербургскій, отливки Франца Марка; во 2-хъ, тѣмъ, что въ прокламаціяхъ весьма часто встрѣчаются математическіе знаки: напр., знакъ равенства (=), употребляемый вмѣсто тире (—) и ударенія на буквахъ, каковыя принадлежности отпускаются при шрифтахъ покупателямъ только однимъ Францемъ Маркомъ, тогда какъ московскими словолитнями знаки равенства и буквы съ удареніемъ отпускаются только по особому требованію и за особую плату, а къ шрифту русскому не прикладываются. На 4-й вопросъ: въ какомъ количествѣ нуженъ шрифтъ для отпечатанія брошюръ подобныхъ по объему своему вышеприведеннымъ? Чтобы напечатать одновременно всѣ три экземпляра прокламаціи, необходимо имѣть: 1) для прокламаціи „Русскому народу" шрифтовъ съ наборомъ до 4 пудовъ; 2) для прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ" до 20 фунтовъ и 3) для прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды" до 3 пудовъ, при чемъ чистаго шрифта должно быть отъ 5 до 6 пудовъ и до 2 пудовъ прибора. На 5-й вопросъ: можно-ли опредѣлить по наружному виду этихъ произведеній средства типографіи, въ которой они печатались? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ предшествующемъ пунктѣ. Разумѣется, кромѣ шрифтовъ съ приборомъ, въ типографіи должны были находиться и другія принадлежности для тисненія: квадраты, бабашки, типографскія чернила и пр. и главное тискальный прессъ или станокъ, который, судя по чистотѣ печати въ прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ", былъ довольно хорошій или хорошо приспособленный. Вообще-же средства типографіи были не велики. На 6-й вопросъ, сдѣланъ-ли наборъ людьми опытными въ этомъ дѣлѣ? Наборъ всѣхъ трехъ прокламацій вообще плохъ и показываетъ неопытность въ наборномъ дѣлѣ лицъ, его дѣлавшихъ. Это доказывается: во 1-хъ, неодинаковою разбивкою словъ; во 2-хъ, неправильными абзацами или отступами; въ 3-хъ, употребленіемъ во многихъ мѣстахъ вмѣсто тире дефисовъ или знаковъ равенства, и въ 4-хъ, наконецъ, переносами, сдѣланными либо совершенно безъ дефисовъ, либо съ дефисомъ, но не на своемъ мѣстѣ, Подобныхъ уклоненій отъ наборныхъ правилъ не допуститъ въ своемъ наборѣ не только хорошій наборщикъ, но и ученикъ, нѣсколько времени пробывшій въ типографіи; наконецъ, перепутанность шрифтовъ въ кассахъ, гдѣ со строчнымъ шрифтомъ былъ перемѣшанъ капитель, также свидѣтельствуетъ о неопытности распоряжающихся, На 7-й вопросъ: какія машины необходимы для печатанія? Типографское печатаніе можно производить различно, даже просто безъ всякихъ машинъ и прессовъ, одною рукою или щеткою. Но эти прокламаціи, какъ сказано выше, печатаны прессомъ, при чемъ употреблялась катушка для накатыванія красокъ и рашкетъ, накладываемый на наборъ, чтобы не марать края бумаги. Это та самая картонная рамка, съ отверстіями, о которой говорилось въ первомъ отвѣтѣ. Экспертъ Рисъ, обративъ вниманіе на картонъ этой рамы, высказалъ предположеніе, что картонъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ нѣмецкаго, полученъ изъ склада Франца Марка, торгующаго этими картонами въ С.-Петербургѣ. На 8-й вопросъ: одинаковая-ли бумага употреблена для печатанія всѣхъ трехъ прокламацій? бумага всѣхъ трехъ прокламацій одинаковая, русскихъ фабрикъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что бумага прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ", какъ видно, не была мочена при печатаніи между тѣмъ какъ бумага прочихъ двухъ прокламацій частями была мочена. На 9-й вопросъ: могъ-ли взятый у Порфирьевой столъ съ выемкой на лицевой сторонѣ и дырами замѣнить необходимыя машины для печатанія? При извѣстныхъ приспособленіяхъ на этомъ столѣ могъ быть устроенъ прессъ, и столъ этотъ могъ служить орудіемъ для печатанія прокламацій. Это предположеніе подтверждается остатками масла на прикрѣпленной къ столу желѣзной плитѣ или доскѣ съ дырами и слѣдами на ней рельсовъ, по которымъ долженъ былъ двигаться наборъ. Но по отсутствію на столѣ слѣдовъ типографской краски нельзя утверждать, чтобы онъ былъ въ употребленіи. На 10-й вопросъ: могутъ-ли имѣть значеніе при печатаніи другія вещи, а именно: желѣзный листъ съ дырами, желѣзная доска съ дырами, желѣзный круглый валъ, деревянный валикъ, деревянные угольные бруски? Желѣзный листъ могъ служить для катанія краски, но чтобы на немъ дѣйствительно каталась краска, утвердительно сказать нельзя, по отсутствію на немъ слѣдовъ оной; впрочемъ, листъ этотъ могъ быть хорошо смытъ. О желѣзной плитѣ съ дырами, имѣющей на себѣ слѣды масла, сказано въ предыдущемъ отвѣтѣ: она служила необходимою частью устроеннаго домашнимъ образомъ пресса. Что касается круглаго желѣзнаго вала, то былъ-ли онъ частью пресса и какою именно, — опредѣлить невозможно Скорѣе всего можно предположить, что онъ могъ служить для катанія по набору при воспроизведеніи оттисковъ безъ пресса. Деревянный валикъ могъ быть заготовленъ для катушки, но такъ какъ онъ не имѣетъ на обоихъ своихъ концахъ дыры, то утверждать этого нельзя. Дубовые угольные бруски служатъ обыкновенно марзанами для заколачиванія формъ; но имѣющіеся на лицо бруски въ дѣлѣ не были. Деревянная планка, съ надписью „осторожно" по размѣру своему похожа на крышку ящика, въ которомъ обыкновенно пересылаютъ шрифты. Подобные ящики вмѣщаютъ въ себѣ шрифтовъ отъ 6 до 8 пудовъ. По мнѣнію Риса, ящикъ этотъ, судя по укупоркѣ винтами, а не гвоздями, петербургскій, схожій съ употребляемыми Францемъ Маркомъ. Наконецъ, имѣющіеся при дѣлѣ клочки пе-

чатной бумаги составляютъ макулатуру или испорченные листы печатныхъ прокламацій. На 11-й вопросъ: употреблялась-ли черная краска, взятая у Порфирьевой? Краска эта, по освидѣтельствованію экспертовъ, оказалась низкаго сорта, слабая, машинная и болѣе всякой другой пригодная для печатанія этихъ прокламацій, почему съ утвердительностью можно сказать, что она употреблялась въ дѣло. Слѣды этой краски съ масломъ имѣются на клеенкѣ, полотенцѣ, порткахъ, рубашкѣ и женскомъ платьѣ. Полотенце и рубашка были въ употребленіи при печатаніи и потомъ вымыты. Слѣды этой-же краски и масла ясно замѣтны на крашеномъ и двухъ некрашенныхъ столахъ, что свидѣтельствуетъ, что они употреблялись при печатаніи прокламацій, т. е. на нихъ могли лежать наборъ и бумага для печатанія, отпечатанные экземпляры и проч. На 12-й вопросъ: могъ-ли столъ о 5 ножкахъ съ откосомъ служить для печатанія? Столъ о 5 ножкахъ могъ, какъ и другіе столы, служить для печатанія, въ особенности если на немъ былъ устроенъ механизмъ для тисненія. Прис. пов. Спасовичъ. По поводу только что прочитаннаго документа я хотѣлъ-бы сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Во-первыхъ, изъ экспертизы видно, что всѣ три прокламаціи печатались однимъ наборомъ. Во-вторыхъ, самое печатаніе производилось, кажется, въ одинъ пріемъ, потому что, хотя въ нѣкоторыхъ экземплярахъ прокламаціи „Какъ нужно жить по закону природы и правды“ есть кривыя и прямыя линіи, но это могло произойти при мытьѣ набора, а именно, когда нужно было мыть наборъ, то линія могла искривиться. Кромѣ того, сами эксперты говорятъ, что печатаніе могло быть произведено въ одинъ пріемъ. Наконецъ, во всѣхъ прокламаціяхъ буквы совершенно одинаковы, за исключеніемъ прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, которая печаталась на немоченой бумагѣ. Въ 3-хъ, обращаю вниманіе на то, что средства типографіи были очень ограничены; шрифту было всего 7½ пудовъ, затѣмъ весь шрифтъ былъ перемѣшанъ; самое-же печатаніе производилось людьми неумѣлыми, неопытными въ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, въ 4-хъ, въ эту рамку, имѣющую 8 отверстій и находящуюся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, какъ разъ входила плитка, наборъ прокламаціи „Русскому народу“. III. Протоколъ осмотра. 1874 года, февраля 15 дня, членъ Московской Судебной Палаты Крахтъ, при товарищѣ прокурора Палаты Постельниковѣ, и товарищѣ прокурора Окружного суда Демидовѣ, въ присутствіи понятыхъ, на основаніи 315, 317, 318, 319 и 321 ст. Уст. Угол. Суд. въ дополненіе къ протоколу 22 января 1873 года, производилъ осмотръ двухъ полотенецъ, взятыхъ на дачѣ дворянина Долгушина, деревяннаго ящика, взятаго у мѣщанки Порфирьевой, 1 экземпляра прокламаціи „Русскому народу“, отобраннаго у крестьянина Максимова, 2 записныхъ  книжекъ и текста съ 5-ю печатями, взятыхъ у крестьянина деревни Сареево Максима Кондратьева Курдаева, образцовъ шрифта и бабашекъ, доставленныхъ изъ частныхъ типографій по дѣлу. По осмотру оказалось: 1. Два полотенца, взятыя на дачѣ дворянина Александра Васильева Долгушина, носятъ на себѣ слѣды черной типографской краски и ржавчины, при чемъ къ одному изъ нихъ (концы котораго не окаймлены красными полосками) съ обѣихъ сторонъ присохъ песокъ. На полотенцахъ печать помощника начальника Жандармскаго Управленія въ Рузскомъ и Звенигородскомъ уѣздахъ. 2. Ящикъ, взятый при описи вещей у мѣщанки Порфирьевой, сосноваго дерева, сдѣланъ изъ строганыхъ досокъ, вышиною 1 арш. 4⅛ верш. шириною 1 арш. 2/8 верш., длиною 1 арш. 8¾ вершка; крышка ящика состоитъ изъ нѣсколькихъ нестроганыхъ и одной строганой доски и на послѣдней есть двѣ дыры, служившія для ея прикрѣпленія къ ящику винтами. Какъ на внутренней, такъ и на внѣшней сторонѣ стѣнокъ ящика, замѣтны слѣды черной краски. 3. Одинъ экземпляръ прокламаціи „Русскому народу“, отобранный крестьяниномъ Максимовымъ у рядового Филиппа Ѳедорова и крестьянина Михаила Щербакова, на 21 стран., форматъ его въ ⅛ долю, скрѣпленный по листамъ секретаремъ при прокурорѣ Смоленскаго Окружного суда. Прокламація эта, какъ по внѣшнему виду, такъ и по содержанію вполнѣ сходна съ тѣми, кои были подвергнуты освидѣтельствованію и изслѣдованію черезъ свѣдущихъ людей 4-го января 1874 года. 4. Двѣ записныя книжки, взятыя по обыску у крестьянина Максима Курдаева, форматомъ въ ⅛ долю листа, содержатъ въ себѣ записки объ оброчной и подушной недоимкѣ, расходъ, поминовеніе разныхъ лицъ за здравіе, частью-же содержатъ въ себѣ слова и фразы, значеніе которыхъ, въ связи съ прочимъ, непонятно. 5. Конвертъ съ 5-ю печатями и на немъ адресъ: Въ г. Москву на Смоленскомъ рынкѣ, близъ Смоленской Божіей Матери, въ мучной лабазъ. Ивану Ѳедоровичу, со вложеніемъ денегъ 4 руб., а васъ прошу передать въ деревню Митлово Григорію Голіонову, а васъ прошу передать въ деревню Шарево Авдотьѣ Никоновой. 6. Шесть бабашекъ металлическихъ, употребляемыхъ при печатаніи, по виду и по измѣренію вполнѣ сходны между собою и имѣютъ на одной изъ сторонъ выемки. 7. Двѣ бабашки по виду и по измѣренію сходны между собою, но отличаются отъ описанныхъ въ предшествующемъ §, какъ вообще, такъ и въ частности. 8. а) Образцы шрифта петербургской отливки цицеро № 68, кегель 12 h, словолитня „Маркъ и Ко.“ б) Образцы шрифта „Флинша“ отливки цицеро № 68 кегель 12, словолитня „Маркъ и Ко“. в) Образцы шрифта № 68 russisch отливки „И. Гольдберга“, г) Образцы шрифта № 68 französisch отливки „Безобразова“. Постановлено: „О вышеизложенномъ составить протоколъ, объяснивъ въ немъ, что изъ числа поименованныхъ выше пред-

метовъ бабашки и образцы шрифта, взятые при дознанiи изъ разныхъ словолитенъ для сличенія, съ этою цѣлью были предъявляемы экспертамъ 4 января 1874 года. IV. Отношеніе прокурора С.-Петербургской Судебной Палаты прокурору Московской Судебной Палаты № 202. Въ ночь съ 13 на 14 декабря 1873 года на австрійской границѣ, между Дорнеревскимъ и Волковецкимъ пограничными постами, были замѣчены 4 неизвѣстныхъ человѣка, пытавшіеся изъ Австріи перейти границу тайнымъ образомъ и имѣвшіе при себѣ нѣсколько мѣшковъ. Замѣтивъ преслѣдованіе ихъ пограничною стражею, люди эти бросили тюкъ и скрылись въ австрійскихъ владѣніяхъ. По вскрытіи оставленныхъ ими мѣшковъ, въ нихъ оказалось 1441 экз. разныхъ книгъ и брошюръ, изданныхъ за границею на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, революціоннаго содержанія, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, было нѣсколько экземпляровъ брошюры на русскомъ языкѣ, имѣющей характеръ революціоннаго воззванія къ народу, подъ заглавіемъ: „О мученикѣ Николаѣ и какъ долженъ жить человѣкъ по закону правды и природы". Сравненіе этого воззванія съ однимъ изъ воззваній, о печатаніи и распространеніи которыхъ производится въ настоящее время слѣдствіе въ Москвѣ, а именно подъ заглавіемъ: „Какъ должно жить по закону природы и правды", приводитъ къ тому заключенію, что послѣднее есть лишь незначительное сокращеніе перваго, при чемъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ, оно составляетъ простую перепечатку, слово въ слово, упомянутой прокламаціи заграничнаго изданія. Въ виду вышеизложеннаго, признавая, что сравненіе означенныхъ воззваній можетъ имѣть значеніе для предварительнаго слѣдствія по производившемуся въ Москвѣ дѣлу, имѣю честь препроводить при семъ на распоряженіе вашего превосходительства одинъ экземпляръ прокламаціи „О мученикѣ Николаѣ и т. д.". V. Протоколъ осмотра. 1874 года, февраля 15 дня, членъ Московской Судебной Палаты Крахтъ, при товарищѣ прокурора Палаты Постельниковѣ и товарищѣ прокурора Окружного Суда Демидовѣ, въ присутствіи понятыхъ, на осн. 330 ст. Уст. Угол. Суд. производилъ осмотръ одного экземпляра брошюры, озаглавленной: „О мученикѣ Николаѣ и какъ долженъ жить человѣкъ по закону правды и природы", на 28 стран., каждая въ $1/_8$ долю листа, подлежащаго освидѣтельствованію черезъ свѣдущихъ людей. По сравненіи означенной брошюры съ одною изъ прокламацій: „Какъ должно жить по закону правды и природы", оказалось, что содержаніе послѣдней составляютъ выдержки изъ брошюры перепечатанныя, за исключеніемъ нижеслѣдующаго, безъ всякаго измѣненія, съ соблюденіемъ пунктуаціи. Исключеніе составляютъ: 1) измѣненіе заглавія прокламаціи. Въ заглавіе прокламаціи не вошли слова „О мученикѣ Николаѣ" и затѣмъ слѣдующія („Какъ долженъ жить человѣкъ по закону правды и природы") построены въ формѣ безличнаго предложенія („Какъ должно жить по закону природы и правды"). 2) Начало прокламаціи соотвѣтствуетъ 7-й строкѣ на 1-й страницѣ брошюры. Слова: „Разскажите народу" и т. д. до „По закону природы" въ прокламаціи передѣланы такъ: „Идите въ народъ и говорите ему всю правду до послѣдняго слова и какъ человѣкъ долженъ жить по закону природы". Наиболѣе существенное отступленіе отъ пунктуаціи, соблюдаемой въ брошюрѣ, представляютъ: а) употребленіе въ прокламаціи многоточія тамъ, гдѣ въ брошюрѣ употреблены точки; б) своеобразное употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства (=); в) употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства тамъ, гдѣ въ брошюрѣ стоитъ тире; г) употребленіе въ прокламаціи ариѳметическаго знака равенства въ тѣхъ мѣстахъ текста, въ которыхъ въ брошюрѣ начинается красная строка. Затѣмъ, въ текстъ прокламаціи не вошли слѣдующія мѣста брошюры: а) первыя 6 строкъ брошюры на 1-й страницѣ отъ словъ „въ память мученика" до словъ „пытками пытали"; б) съ 14-й строки на 1-й страницѣ до 68-й строки на 3-й страницѣ отъ словъ „растутъ люди одинаково" до словъ „но какъ же можетъ человѣкъ служить человѣку"; в) часть 75-й, 76-я, 77-я и часть 78-й строки на 3-й страницѣ отъ словъ „точно такъ же, какъ жеребенокъ" до „какъ бы вы ихъ перевоспитали"; г) часть 78-й и 79-я строки на страницѣ 3-й слова „жеребенокъ всегда останется лошадью, ребенокъ всегда человѣкомъ, но..."; д) часть 272-й строки на 9-й страницѣ до 464-й строки отъ словъ „а послѣ перваго шага" до словъ „блѣдному для жилья разное мѣсто отводится"; е) часть 469-й строки на 15-й страницѣ до 551-й строки на 16-й страницѣ отъ словъ „разскажу я вамъ, беззаконники" до словъ „для спасенія человѣчества"; ж) часть 577-й строки на 18-й страницѣ до 585-й строки на 19-й страницѣ отъ словъ „вы преступники — беззаконники" до „далеко отъ мѣста жительства"; з) часть 672-й и 673-й строкъ на страницѣ 21-й слова: „злобный плодъ отъ злого сѣмени"; и) часть 744-й строки до 758-й строки на страницѣ 24-й отъ словъ „нѣтъ, законные правители" до „надъ нимъ не возвышаться"; і) часть 783-й и 784-й строки на страницѣ 25-й слова: „и въ общественное владѣніе земли, дома народу дающіе, вотъ законные правители"; к) часть 786-й и 787-я строки на страницѣ 25-й слова: „чрезъ злѣйшее преступленіе получающихъ силу великую"; л) часть 792-й, 793-я и часть 794-й строки на страницѣ 25-й слова: „Іона рекъ небеснымъ голосомъ: слушайте правду великую, неизмѣнную, вѣковѣчную"; м) часть 806-й до 830-й строки на страницѣ 26-й отъ словъ „было время злое" до „на блаженство людямъ данному". По осмотрѣ брошюры „О мученикѣ Николаѣ" г.г. экс-

перты: старшій инспекторъ для надзора за типографіями и т. п. заведеніями въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Никитинъ и младшій инспекторъ для надзора за типографіями и т. п. заведеніями въ Москвѣ, коллежскій совѣтникъ Марьянцъ заявили: По разсмотрѣніи прокламаціи „О мученикѣ Николаѣ“ и по сличеніи отдѣльныхъ словъ этой брошюры со словами прокламаціи „Какъ должно жить по закону природы и правды“ оказалось, что шрифтъ этой прокламаціи, хотя и одинаковый, т. е. по рисунку и характеру, но другой отливки, а именно: литеры брошюры „О мученикѣ Николаѣ“ отлиты шире, чѣмъ шрифтъ прокламаціи „Какъ должно жить и т. д.“, а потому и разстояніе буквъ между собою въ брошюрѣ дальше одна отъ другой, чѣмъ въ прокламаціи, въ которой буквы сжатѣе. На этомъ основаніи нельзя сказать, чтобы обѣ эти прокламаціи печатались въ одной и той же типографіи. Относительно же мѣста печатанія брошюры „О мученикѣ Николаѣ“, т. е. печаталась ли она за границею, опредѣлить трудно, но только можно сказать одно, что типографскія средства при печатаніи означенной брошюры были достаточны и типографія была правильно организована. Прис. пов. Спасовичъ. Тутъ приведены только начала и окончанія выдержекъ, вездѣ здѣсь говорится „отъ“ такихъ-то словъ „до“ такихъ-то, но не опредѣлены разницы между двумя сравниваемыми брошюрами относительно содержанія. Поэтому позвольте мнѣ изложить въ двухъ словахъ, въ чемъ здѣсь существенная разница. Брошюра „Какъ нужно жить по закону природы и правды“ сокращена почти въ половину противъ брошюры „О мученикѣ Николаѣ“. Изъ этой послѣдней выброшена главная руководящая мысль. Вы видѣли, что въ брошюрѣ „О мученикѣ Николаѣ“ говорится, что человѣку нельзя служить у человѣка — значитъ, противъ личнаго найма. Точно такъ же выброшены всѣ тирады относительно домовладѣльцевъ и о томъ, что дома должны быть общинною собственностью. Точно такъ же исключены всѣ примѣры относительно французскаго и англійскаго войска. Наконецъ, въ выраженіяхъ, относящихся къ русской исторіи, мы находимъ значительное смягченіе. Вообще относительно рѣзкости есть громадная разница между первообразомъ, т. е. брошюрой „О мученикѣ Николаѣ“ и брошюрой „Какъ нужно жить по закону природы и правды“.

VI. Письмо Чикова къ Грачевскому. С.-Петербургъ 1873 г., августа 28-го дня. Любезный Михаилъ Ѳедоровичъ! Посылаю вамъ съ этимъ подателемъ нѣсколько народныхъ книжекъ, изъ которыхъ, конечно, вы сдѣлаете должное употребленіе. Нужно замѣтить, что книжки эти не совсѣмъ хороши, но, во всякомъ случаѣ, за неимѣніемъ лучшихъ, будете покуда пользоваться и худшими. Эти книжки хороши, какъ средство къ подходящему толкованію; сами же собою непосредственно онѣ не могутъ дать отвѣтовъ на вопросы нашего крестьянина. Потому употребить ихъ съ пользою можно только при вашемъ личномъ занятіи съ рабочими людьми. Если будутъ вами подмѣчены какіе-либо факты, выдающіеся изъ ряда обыкновенныхъ изъ жизни народа, то сообщите по слѣдующему адресу: въ городъ Петербургъ, на углу Литейной и Бассейной, въ редакцію „Биржевыхъ Вѣдомостей“, ея превосходительству Ольгѣ Андреевнѣ Свентицкой, съ передачей Александрѣ Яковлевнѣ. При этомъ въ книжкѣ „Про старинныя времена“ найдете два листка, изъ которыхъ сдѣлаете тоже должное употребленіе. Изъ Черкасска Иванъ Яковлевичъ (въ сентябрѣ) думаетъ побывать у васъ. Тогда, вѣроятно, найдется поговорить кое о чемъ съ этой личностью. Пошлите ему билетъ по данному вамъ адресу. Я говорилъ съ нимъ объ этомъ во время моего проѣзда чрезъ Черкасскъ. Иванъ Яковлевичъ отправится въ Москву. Слѣдовательно, что только нужно будетъ, онъ исполнитъ всѣ ваши требованія. Ж. „В.“ еще не выходилъ, да вмѣсто его предполагается теперь газета, такъ какъ это скорѣй будетъ пособникомъ дѣлу. Мой привѣтъ — Александръ Чиковъ. P. S. Податель—хотя личность мало интересна, слѣдовательно, отъ него ничего не можете узнать. На дняхъ я уѣзжаю изъ Петербурга на западъ. Присмотритесь, пожалуйста, къ гуляевцамъ. Пишу, что называется, на ходу. Поэтому недосказанное что-либо постарайтесь дополнить сами. Для васъ лично я вложилъ книжку сборникъ „Недѣля“. Помѣщаю здѣсь, между прочими, „маршъ“ нашихъ демократовъ. Авторъ этого гимна —одинъ извѣстный намъ соціалистъ, имя котораго вы, между прочимъ, встрѣтите въ сборникѣ „Недѣля“.

VII. По осмотру оказалось: 1) Въ числѣ вещей, отобранныхъ у Ивана Папина имѣются: Относящіяся къ дѣлу: 1) Евангеліе на русскомъ языкѣ, стереотипное изданіе, въ сафьянномъ переплетѣ зеленаго цвѣта, и въ немъ, именно въ Евангеліи отъ Матѳея, на нѣкоторыхъ мѣстахъ подчеркнуты карандашемъ выраженія, включенныя затѣмъ въ прокламацію „Русскому народу“, а именно: а) напечатанный въ началѣ этой прокламаціи текстъ: „Ищите и обрящете, стучите и отворится вамъ, ибо всякій, кто ищетъ — находитъ и стучащему отворяютъ“. (Еван. отъ Мат. гл. 7); б) послѣ разсужденія о перемѣнѣ настоящаго порядка и о требованіи со стороны бѣдныхъ классовъ лучшей для нихъ участи, на страницѣ 14-й той же прокламаціи слѣдующіе тексты: „И поведутъ васъ къ правителямъ и царямъ... и будутъ отдавать въ судилища, и въ церквахъ своихъ будутъ бить васъ и будете ненавидимы всѣми за Мое имя; и не бойтесь убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убить; а бойтесь болѣе Того, кто можетъ и душу, и тѣло погубить въ геепнѣ... сберегающій душу свою,

потеряетъ ее, и потерявшій ее ради Меня, сбережетъ ее... И не думайте, что я пришелъ миръ принести на землю; не миръ, не спокойствіе пришелъ Я принести на землю, но мечъ — войну". (Матѳея гл. 10). Сверхъ того отмѣчены не вошедшіе въ прокламацію въ главѣ 3-й — тексты 4, 10, въ главѣ 4-й — тексты 8, 9, 10, 11, въ главѣ 5-й — тексты 3, 6, 10, 11, 34, въ главѣ 6-й — тексты 22, 23, 24, въ главѣ 7-й — тексты 6, 13, 19, 21, 22, 23, въ главѣ 9-й — тексты 10, 11, въ главѣ 10-й — тексты 11, 14, 16, 19, 25, и 27, въ главѣ 13-й — текстъ 14, въ главѣ 14-й — текстъ 6, въ главѣ 18-й — тексты 25 и 26, въ главѣ 24-й—текстъ 2. Внесенные въ прокламацію, но не отмѣченные карандашемъ: а) на 9-й стран. и 10-й сверху: И„ такъ во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними, ибо въ этомъ законъ и пророки". (Матѳея, глава 7, 12); на 2-й страницѣ снизу и 3-й сверху текстъ: „Люди, любите другъ друга, живите по братски между собой, говоритъ Онъ (Іисусъ Христосъ) и да не будетъ между вами ни рабовъ, ни знатныхъ, а будьте всѣ вы равны". (Мат., глава 23, 8); „Всѣ же знаютъ, что Іисусъ Христосъ приходилъ на землю исполнить законъ, а не нарушить его". (Отъ Матѳея, гл. 5, 17); б) помѣщенная послѣ приведенныхъ въ прокламаціи словъ: „Да что вы, братья, опомнитесь! При такихъ порядкахъ не можетъ быть справедливости, а только одно угнетеніе бѣдныхъ, темныхъ людей!.. И дѣйствительно... что мы видимъ? Видимъ, что всякій, кто только можетъ, старается надуть и прижать своего ближняго! Правительство беретъ съ народа непомѣрные поборы всѣмъ, чѣмъ только можно — и деньгами, и имуществомъ, и людьми" — ссылка, что въ Евангеліи Іисусъ Христосъ говоритъ, что „Этого не слѣдуетъ дѣлать". См. Матѳея гл. 17, 24, 26, изъ главъ 17-й — тексты 25, 26 и 24-й — текстъ 9-й — отмѣчены карандашемъ. Послѣ разсужденій о положеніи бѣдныхъ и богатыхъ классовъ на 12-й и 13-й страницахъ прокламаціи включены изъ Евангелія отъ Матѳея главы 23-й тексты: 4, 5, 7, 14, 23, 27, 33, 35, каковые карандашемъ не отмѣчены; 2) Карта Московской губерніи съ подробнымъ указаніемъ городовъ и всѣхъ селеній. На поляхъ этой карты написано карандашемъ: „Павловское, Введенское и Аксиньевское". 2) Револьверъ тульской работы съ шестью зарядами, завернутый въ клеенчатый чехолъ, клеенчатая сумка зеленаго цвѣта и коротенькая деревянная курительная трубочка. Вещи эти видѣли на Папинѣ въ Гжатскомъ уѣздѣ. 4) Стихи революціоннаго содержанія, писанные карандашемъ на полулистѣ и четвертой долѣ листа: а) „Свобода", б) „Ослушная пѣснь", в) „Ахъ ты, сукинъ сынъ, проклятый становой", г) „Ахъ, солдатское житье", д) „Страданьемъ и тоской твоя томится грудь" и е) „Возстанемъ, братья, за дѣло святое". Первый куплетъ „Ослушенной пѣсни": „Пусть, какъ единый человѣкъ, вся Русь замученная встанетъ, освободимъ себя на вѣкъ, земли родной на всѣхъ достанетъ", включенъ въ прокламацію „Русскому народу" и значится въ концѣ оной.

VIII. У Дмитрія Гамова: относящіяся къ дѣлу: 1) Евангеліе одинаковаго формата, какое найдено у Папина, но безъ всякихъ отмѣтокъ; 2) рукописная тетрадка въ $^1/_2$ долю листа, куда вошли: а) каталогъ разнымъ книгамъ; б) выписка изъ сочиненія Лассаля; в) выписка изъ сочиненія Миртова „Культура и Мысль"; г) изъ сборника „Недѣля".

IX. Протоколъ. 1872 года, сентября 14-го дня, корпуса жандармовъ генералъ-маіоръ Воейковъ, прибывъ съ мѣстными надзирателемъ и двумя понятыми, свидѣтелями, Сущевской части, 1-го квартала, въ домъ Коротаева, произвелъ, на основаніи 21 и 25 ст. закона 19-го мая 1871 года, по сообщеніи о семъ прокурору Московской Судебной Палаты, въ квартирѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Безсомыкина и прибывшаго къ нему по родству и остановившагося ночевать въ отдѣльномъ мезонинѣ бывшаго студента Московскаго Университета 3-го курса юридическаго факультета Ивана Папина обыскъ. Господинъ Папинъ найденъ спящимъ. При обыскѣ оказался на русской печкѣ принадлежащій ему карманный, незаряженный револьверъ съ четырьмя зарядными пулями и литографированная тетрадка „Слова вѣрующаго къ народу"; въ самой печкѣ, въ клеенчатой сумкѣ,—пакетъ съ печатными бумагами подъ заглавіемъ: „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды"; въ той же сумкѣ—литографированныя тетрадки съ вышеназваннымъ заглавіемъ: „Слова вѣрующаго къ народу", красная кумачная рубашка и разныя тетради, книги и записки. Постановилъ: опечатавъ эти вещи, представить ихъ начальнику Московскаго Губернскаго Жардармскаго Управленія, пригласивъ для объясненія г. Папина въ Московское Губернское Жандармское Управленіе. Прис. пов. Слоницкій просилъ обратить вниманіе на то, что у подсудимаго Папина найдены только двѣ прокламаціи: „Къ русскому народу" и „Какъ нужно жить по закону природы и правды".

X. Протоколъ. 1873 года, сентября 16-го дня, Корпуса Жандармовъ поручикъ Поповъ прибылъ 1-го стана, Звенигородскаго уѣзда, въ пустошь Пекрушкяну, въ домъ бывшаго студента С.-Петербургскаго Технологическаго Института Александра Васильева Долгушина, вмѣстѣ съ помощникомъ исправника Кобылинскимъ, помощникомъ начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздѣ маіоромъ Колотинскимъ, при двухъ сторонних свидѣтеляхъ: московскомъ мѣщанинѣ Михаилѣ Николаевѣ Днѣпровѣ и крестьянинѣ Верхушковской волости, деревни Кольчуги, Яковѣ Егоровѣ, для производства, на

основанiи ст. 25 закон. 19-го мая 1871 года, обыска. У Долгушина нашли домъ его запертымъ, и, отыскавъ находившагося при немъ сторожа, крестьянина сельца Сареево Максима Кондратьева Курдаева, который объяснилъ, что Долгушинъ вмѣстѣ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ Дмитрiемъ Ивановичемъ, фамилiи котораго не знаетъ, прiѣхавъ изъ Москвы на разсвѣтѣ 14-го числа сентября, тотчасъ же началъ собираться и часовъ въ 12 дня того же числа уѣхалъ вмѣстѣ съ женой и вещами въ Москву на подводѣ крестьянки сельца Сареево Матрены Степановой, объявивъ вышеупомянутому сторожу, что домъ свой съ землею продалъ Дмитрiю Ивановичу, который и просилъ Кондратьева быть у него также сторожемъ, самъ же уѣхалъ часомъ раньше Долгушина на станцiю желѣзной дороги Одинцево. При этомъ Кондратьевъ заявилъ, что часть вещей была отправлена женою Долгушина въ Москву съ крестьяниномъ сельца Сареево Ефимомъ Антоновымъ за день раньше. Приказавъ затѣмъ сторожу отпереть домъ, нашли его совершенно пустымъ, кромѣ необходимой мебели. При осмотрѣ затѣмъ дома найденъ былъ въ углу стоящимъ на полкѣ деревянный, неокрашенный, ручной работы крестъ, на которомъ вверху сдѣлана надпись: „Во имя Христа", а на перекладинѣ креста: „Свобода, равенство, братство". Надписи на стѣнахъ: на одной: „O Cod, o soul, o glory of liberty, Night and day their lightening, their light... We row like Slaves.... But if thy finger touch us these take flight. What man shall stop us and what Cod shall smite us?" На другой: „Quae medicamenta non sanant—ferrum sanant, quae ferrum non sanat—ignis sanat" (Hippocrates). Надъ дверью въ комнатѣ: „Segui il tuo corso; e lascia dir le genti! Ne sers que lui: sa cause est sainte. Il souffre et tout homme auprès du peuple est l'envoyè de Dieu". Въ столѣ найдена расходная книжка и адресъ г-жи Румянцевой. Постановилъ: найденныя вещи, опечатавъ печатями казенными помощника исправника и помощника начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленiя, маiора Колотинскаго, представить для разсмотрѣнiя къ начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленiя, опечатавъ тѣми же печатями надписи на стѣнахъ для предохраненiя отъ уничтоженiя. Товарищъ оберъ-прокурора. Переводъ надписей, найденныхъ на стѣнахъ, имѣется при дѣлѣ. Я только хотѣлъ указать на то, что надписи эти имѣютъ тенденцiозный характеръ. Прис. пов. Утинъ. Надписи эти не заключаютъ въ себѣ революцiоннаго характера. Напротивъ того, всѣ онѣ носятъ на себѣ религiозный характеръ, и если будетъ прочитанъ переводъ, то Судъ убѣдится въ этомъ.

XI. Протоколъ. 1873 года, октября 19-го дня, помощникъ начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленiя въ Звенигородскомъ и Рузскомъ уѣздахъ маiоръ, Колотинскiй, въ присутствiи товарища прокурора Московскаго Окружного Суда Демидова, Корпуса жандармовъ поручика Попова, исправляющаго должность Звенигородскаго исправника Кобылинскаго, при двухъ стороннихъ свидѣтеляхъ: крестьянахъ села Усова, 1-го стана Звенигородскаго уѣзда, Григорьѣ Филипповѣ и Петрѣ Антоновѣ Тряпкинѣ и сельскихъ старостахъ: деревни Сареево Никитѣ Борисовѣ и села Усова Дмитрiѣ Васильевѣ, на основанiи закона 19-го мая 1871 года ст. 25 и предписанiя начальника Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленiя отъ 17-го сентября, за № 1.023, производилъ обыски: во 1-хъ, въ деревнѣ Сареево, въ домѣ отсутствующаго крестьянина Кирилла Кондратьева Курдаева, при бытности брата его Максима Курдаева, гдѣ и были найдены на дворѣ въ сѣнѣ двѣ записныя книжки и конвертъ съ 5-ю печатями на имя Авдотьи Никоновой; во 2-хъ, въ той же деревнѣ Сареево, въ домѣ крестьянина Максима Кондратьева Курдаева, при бытности его самого, гдѣ ничего относящагося къ дѣлу не найдено; въ 3-хъ, осмотрѣно было русло всей рѣчки Медвѣники, начиная отъ дер. Сареево до Петрушкинской пустоши, гдѣ жилъ на дачѣ Долгушинъ; но по осмотру ничего относящагося къ дѣлу не оказалось; наконецъ, въ 4-хъ, былъ сдѣланъ осмотръ дачи и дома, въ которомъ жилъ лѣтомъ 1873 года Александръ Васильевъ Долгушинъ, при чемъ кромѣ того, что значится въ пртоколѣ отъ 16-го сентября сего года, найдено: всѣ имѣющiяся въ домѣ двери носятъ на себѣ слѣды прикосновенiя рукъ и пальцевъ, выпачканныхъ какой-то черною краской, таковые же слѣды замѣчаются и на двухъ столахъ, найденныхъ въ первой комнатѣ; слѣды, какъ будто брызги черной краски, замѣчаются тоже на стѣнахъ: 1) въ кухнѣ, направо отъ окна, и 2) въ маленькой дальней комнатѣ налѣво отъ окна, на перегородкѣ и на полу. Въ имѣющемся подъ губою подвалѣ не найдено ничего; замѣчены лишь на потолкѣ подвала вбитые небольшiе гвозди проволочные и загнутые, служившiе какъ будто для развѣски чего-то; около этихъ гвоздиковъ мѣстами тоже замѣчаются черныя пятна. Въ заднемъ чуланѣ избы и подъ поломъ чулана ничего найдено не было. При вскрытiи затѣмъ пола въ сѣняхъ дома сначала была усмотрѣна почти въ серединѣ сѣней печатная бумага полуизгнившая и заплѣснѣвшая, по разсмотрѣнiи которой оказалось, что это первый листъ прокламацiи „Русскому народу"; вслѣдъ затѣмъ въ этомъ же мѣстѣ былъ найденъ столбикъ набора, перевязанный веревочкою, въ шесть строчекъ, изъ которыхъ пятая неполная отъ вывалившихся литеръ; длина этого столбика въ два вершка, а ширина въ $^6/_8$ вершка. Далѣе, въ сторонѣ избы, лежала картонная рама въ 8 отдѣленiй, изъ которыхъ

4 заклеены бѣлой бумагой и выпачканы черной краской. При дальнѣйшемъ тщательномъ осмотрѣ въ разныхъ мѣстахъ поднятаго пола сѣней найдены измятые клочки невышедшаго вполнѣ оттиска, по видимому также прокламаціи, 13 литеръ шрифта, два выпачканныя въ черной краскѣ полотенца и клочекъ бумаги, выпачканный въ черной краскѣ, съ надписями: „Счету товаровъ“, „Ессену“, „Верещагину“, „Въ имуществъ Ленбову“. Въ маленькой дальней комнатѣ подъ лавкой лежала часть доски въ 1 арш. 5 в. длины, на которой ясно видна надпись, хотя и въ половину буквъ: „Осторожно“. Обыски и осмотры начались въ $10^1/_2$ часовъ утра и окончились въ 5 часовъ вечера. Домъ Долгушина предъ осмотромъ оказался опечатаннымъ и всѣ печати цѣлы. Постановлено: о всемъ вышеизложенномъ составить настоящій протоколъ, вещи, опечатавъ печатью помощника начальника жандармскаго Управленія Звенигородскаго и Рузскаго уѣздовъ, пріобщить къ дѣлу, домъ Долгушина снова опечатать и поручить надзору сельскаго старосты села Усова“.

XII. Протоколъ. 1873 года сентября 18-го дня, Корпуса жандармовъ штабс-капитанъ Ермолаевъ, прибывъ съ мѣстнымъ надзирателемъ, капитаномъ Кузьминскимъ и двумя понятыми—свидѣтелями: крестьяниномъ Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда, Василіемъ Михайловымъ Спрешинымъ и безсрочнымъ рядовымъ Григорьемъ Васильевымъ, Пречистенской части 4-го квартала въ Староконюшенную улицу, въ домѣ Арбузова въ квартиру братьевъ Николая и Василья Плотниковыхъ, произвелъ у нихъ на основаніи 21 и 25 ст. закона 19-го мая 1871 года и по сообщеніи о семъ прокурору Московской Судебной Палаты, самый строгій и тщательный обыскъ, при чемъ оказалось: разныя тетради, писанныя Николаевымъ Плотниковымъ по-нѣмецки и по-русски, тетради Василія Плотникова, писанныя по-русски. Во всѣхъ этихъ перепискахъ найдено подозрительное. Во время обыска стоявшій на часахъ на дворѣ у оконъ городовой Иванъ Маховъ замѣтилъ выкинутый изъ окна узелъ и свертокъ бумаги, въ которыхъ оказалось также подозрительное. Въ то же время былъ сдѣланъ обыскъ въ той комнатѣ, откуда выброшены были вещи, но ничего предосудительнаго не оказалось. На спросъ Николая и Василья Плотниковыхъ, не ихнія-ли вещи, они отказались отъ нихъ, а потомъ Николай Плотниковъ заявилъ, что онѣ принадлежатъ ему, и что онъ зналъ, что у него будутъ дѣлать сегодня обыскъ и когда мы стучались въ дверь, выбросилъ въ окно. Обо всемъ вышеизложенномъ постановилъ: бумаги опечатать, составить протоколъ и представить все начальнику Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія. Товарищъ оберъ-прокурора. Такъ какъ въ этомъ протоколѣ не сказано, что именно найдено подозрительнаго, а указано только на то, что найдены подозрительныя вещи, то я въ дополненіе считаю своею обязанностью объяснить суду, что всѣ тѣ вещи, которыя были признаны подозрительными, были опечатаны, затѣмъ протоколъ подписанъ самимъ подсудимымъ и при первомъ же отобранномъ отъ него показаніи онъ не отвергалъ того, что всѣ указанныя въ протоколѣ вещи суть вещи подозрительныя, и въ числѣ ихъ прокламаціи революціоннаго содержанія найдены именно у него. Прис. пов. Герке. Въ этомъ протоколѣ нѣтъ того оффиціальнаго заявленія, которое необходимо при составленіи подобныхъ протоколовъ, т. е. нѣтъ точнаго указанія на то, какія именно подозрительныя вещи были найдены, а сказано только: „Разныя“ подозрительныя вещи. Затѣмъ, въ дополненіе къ этому, я имѣю честь заявить Суду, что Плотниковъ, подписывая протоколъ, указалъ на то, что, по его мнѣнію, въ этихъ вещахъ не заключается ничего подозрительнаго. Надпись была прочитана, она слѣдующаго содержанія: XIII. „О существованіи и точности обыска свидѣтельствую, но замѣчаю при этомъ, что тетради на французскомъ и русскомъ языкахъ подозрительными не считаю. Бывшій студентъ Петербургскаго Университета Николай Плотниковъ. Подс. Плотниковъ заявилъ, что, дѣйствительно, у него кромѣ прокламацій „Русскому народу“ и „Какъ нужно жить по закону природы и правды“, были еще три прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, но, вслѣдствіе небольшаго числа ихъ, воспоминаніе объ этихъ трехъ прокламаціяхъ у него совершенно исчезло, и вотъ поэтому то онъ и отказался отъ того, что у него были эти три прокламаціи.

XIV. Протоколъ. 1873 года, сентября 29-го дня, Корпуса Жандармовъ поручикъ Поповъ, прибывъ съ мѣстнымъ надзирателемъ Байковымъ и двумя сторонними свидѣтелями:—отставнымъ рядовымъ Гаврилой Лукинымъ, купцомъ Иваномъ Васильевымъ Лебедевымъ и крестьяниномъ Кирилломъ Кондратьевымъ Курдаевымъ въ опечатанную квартиру ярославской мѣщанки Татьяны Порфирьевой, помѣщающейся въ Сущевской Части, 4-го квартала, въ домѣ купца Гурина, въ которой 27-го сего сентября былъ произведенъ обыскъ, и найдя печати въ цѣлости, приступилъ, на основаніи 25 ст. закона 19-го мая 1871 года, къ производству выемки, при чемъ взято мужское платье; пальто и двѣ поддевки были предъявлены крестьянину Курдаеву, который показалъ, что поддевка синеватаго сукна и пальто, принадлежитъ Александру Васильеву Долгушину, на которомъ онъ видѣлъ, носившимъ ихъ въ Москвѣ, когда Курдаевъ видѣлъ его въ послѣдній разъ. Постановилъ: опечатавъ, представить въ Московское Губернское Жандармское Управленіе.

XV. Протоколъ. 1873 года, октября 10-го дня, производящій дознаніе адъютантъ Московскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія, штабсъ-капитанъ Дудкинъ,

разсмотрѣвъ представленную приставомъ Сущевской Части при отношеніи отъ 7-го октября за № 6679 опись имущества ярославской мѣщанки Татьяны Порфирьевой, находящейся въ Сущевской Части, 4-го квартала, на 1-й Мѣщанской улицѣ, въ домѣ Гурина, нашелъ необходимымъ сдѣлать выемку упоминаемыхъ въ описи: чугунной плиты и 6 горшковъ, вслѣдствіе чего, прибывъ въ означенную квартиру, въ присутствіи товарища прокурора Московскаго Окружного Суда Демидова, помощника надзирателя Локтаева и при двухъ понятыхъ стороннихъ свидѣтеляхъ: крестьянина Ярославской губ.. Угличскаго уѣзда, деревни Федякова, Капитона Андреева Туницына и юрьевскаго мѣщанина Ивана Иванова Горяинова, жительствующихъ того же квартала; первый—въ домѣ Лебедева, и второй—въ томъ же домѣ Гурина, произвелъ означенную выемку, при чемъ оказалось, что все имущество Порфирьевой было сложено на дворѣ, въ особомъ сарайчикѣ и заперто висячимъ замкомъ, ключъ отъ котораго хранился у дворника, которому означенное имущество сдано было на храненіе; все сложенное имущество въ отдѣльности было найдено съ приложенными къ каждой вещи печатями конторы мѣстнаго квартала. Изъ числа вещей были взяты для пріобщенія къ дѣлу: во-первыхъ, чугунная доска или желѣзная, длиною $15^1/_2$ вершк. и шириною $7^1/_2$ вершк. и имѣющая на узкихъ бокахъ по двѣ четыреугольныя дыры и въ срединѣ двѣ маленькія и двѣ нѣсколько побольше круглыя дыры, на доскѣ имѣются слѣды черной краски; во-вторыхъ, изъ пяти горшковъ одинъ глиняный, заключающій въ себѣ черную краску. По объясненію помощника надзирателя Локтаева и одного изъ бывшихъ при описи понятыхъ, верейскаго купца Михаила Васильева Лебедева, живущаго въ томъ же кварталѣ и на той же улицѣ, въ своемъ домѣ, вышеозначенная доска и кувшинъ съ краской были найдены при описи имущества Порфирьевой въ дровяномъ сараѣ, въ углу за дровами. О всемъ вышеизложенномъ постановлено: составить настоящій протоколъ, который вмѣстѣ со взятыми вещами пріобщить къ дѣлу. Прис. пов. Спасовичъ заявилъ, что, тѣ вещи, которыя показаны въ этомъ протоколѣ принадлежащими Порфирьевой, принадлежатъ Дмоховскому, и если онѣ показаны принадлежащими Порфирьевой, то только потому, что квартира была записана на ея имя, нанята же она была Дмоховскимъ. Подсудимый Дмоховскій подтвердилъ это заявленіе защитника.

XVI. Протоколъ. 1873 года, ноября 28-го дня, Корпуса Жандармовъ генералъ-маіоръ Воейковъ, прибывъ съ мѣстнымъ надзирателемъ и понятыми сторонними свидѣтелями въ домъ временно московскаго купца и ревельскаго гражданина Эмилія Романовича Циммермана, Мѣщанской части 1-го квартала, произвелъ, на основаніи 21 и 25 ст. закона 19-го мая 1871 года и по сообщеніи о томъ прокурору Московской Судебной Палаты, въ особомъ помѣщеніи, занимаемомъ сыномъ домовладѣльца Эмиліемъ Цимерманомъ, а равно въ кладовыхъ и сараяхъ, самый строгій обыскъ, Въ означенной квартирѣ найдены: переписка, литографированная тетрадка: „Слова вѣрующаго къ народу", нѣмецкія книги цюрихской печати объ интернаціональномъ союзѣ, сочиненія Чернышевскаго и Михайлова и фотографическія карточки. Означенныя вещи, опечатавъ, постановилъ: представить къ начальнику Московскаго Жандармскаго Управленія, о чемъ и составить сей протоколъ. Затѣмъ прочитанъ переводъ надписей на дачѣ Долгушина: Переводъ: латинской надписи: „Что не можетъ быть излѣчено лѣкарствомъ, то излѣчивается желѣзомъ, а чего не можетъ излѣчить желѣзо, то излѣчиваетъ огонь" (Гиппократъ); итальянской: „Иди твоимъ путемъ и предоставь говоритъ народу"; французской: „Служи только ему, ибо его дѣло—есть дѣло священное. Онъ страдаетъ, и всякій человѣкъ вблизи народа—есть посланникъ Бога"; англійской: „О Богъ, о душа, о слава свободы, и днемъ, и ночью ихъ молнія и свѣтъ.... Мы гребемъ, какъ рабы.... Но если твой перстъ коснется насъ, то они бѣгутъ. Какой человѣкъ остановитъ насъ и какой Богъ поразитъ насъ?" Первоприсутствующій. Въ виду окончанія судебнаго слѣдствія, не желаетъ ли кто-нибудь дополнить его и разъяснить что-нибудь опросомъ свидѣтелей? Нужны-ли еще сторонамъ свидѣтели? (Стороны не изъявили желанія спрашивать свидѣтелей). Въ такомъ случаѣ свидѣтели могутъ удалиться. Прис. пов. Матросовъ По поводу прочтенія нѣкоторыхъ документовъ и заявленія, сдѣланнаго г. Дмоховскимъ, подсудимая Сахарова желаетъ дать объясненія При этомъ я долженъ заявить, что она стѣсняется и стѣснялась давать объясненія, такъ какъ не имѣетъ возможности передать все въ послѣдовательномъ порядкѣ. Поэтому она проситъ облегчить ея задачу, предлагая ей тѣ вопросы, которые судъ найдетъ необходимыми сдѣлать для разъясненія дѣла. Первоприсутствующій (къ подсудимой Сахаровой). Если вы считаете нужнымъ представить какія-либо объясненія, то сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь. Подс. Сахарова. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ — платье, запачканное черною краской. Я хотѣла объяснить, что оно могло запачкаться тогда, когда я выносила ящикъ.—В. Только это вы желали сказать, или еще что-нибудь? (Подсудимая молчитъ). Только теперь вамъ и есть возможность сказать что-либо въ свое оправданіе, потому что когда судебное слѣдствіе окончится, то затѣмъ, во время рѣчи, нельзя уже будетъ ссылатся на то, на что не было указано во время судебнаго слѣдствія. Подсудимая. Я была свидѣтельницей приготовленія къ печатанію. В. Что-же, у васъ были эти столы? О. Да, столы, наборъ. В. Вы видѣли сдѣ-

ланный наборъ, или разсыпанный? О. Разсыпаный въ ящикахъ. В. При васъ не набирали? О. Нѣтъ. В. Не печатали? О. Нѣтъ. В. А съ чего набирали, вамъ извѣстно? О. Нѣтъ. В. Сколько времени вы жили въ Москвѣ? О. Я. въ Москвѣ остановилась въ гостиницѣ, потомъ переѣхала на дачу въ Сареево. В. Тамъ дня два были? О. Да. В. Въ эти два дня ничего особенннаго не видѣли? О. Нѣтъ. В. Оттуда куда переѣхали? О. Съ Долгушиной въ Москву. В. Потомъ вы еще въ Сареево ѣздили? О. Да, въ августѣ. В. Сколько времени вы тамъ пробыли тогда? О. Недѣли двѣ. В. Вы жили въ домѣ Долгушина? О. Да. В. И въ это время вы ничего особеннаго не замѣчали? При васъ ничего не печаталось? О. Нѣтъ. В. А откуда вы переѣхали въ домъ Степанова? О. Съ Шабаловки. В. Живя въ домѣ Степанова, вы ничего особеннаго не замѣчали? О. Нѣтъ, ничего; видѣла только, что ящики стояли. В. Что въ нихъ было? О. Буквы для печатанія. В. Но самаго печатанія при васъ не было? О. Нѣтъ. В. А когда вы жили въ домѣ Гурина, что тамъ видѣли? О. Тамъ въ комнатѣ стояли ящики. В. Но свидѣтельницей печатанія не были? О. Нѣтъ. В. А съ дачи куда выѣхали? О. Въ домъ Гурина, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. В. Долго-ли тамъ оставались? О. Недѣли двѣ. В. Потомъ вы куда поѣхали? О. Я была арестована. Подс. Плотниковъ. Говорятъ, что я давалъ такое показаніе, что хотѣлъ идти на пропаганду революціонныхъ идей. Но дѣло въ томъ, что когда старое міросозерцаніе сталкивается съ новымъ міросозерцаніемъ, когда старыя идеи сталкиваются съ новыми идеями, то старыя идеи уступаютъ натиску новыхъ... Первоприсутствующій Намъ этого не нужно, намъ нужны лишь факты. Подс. Я только хотѣлъ сказать, что въ этомъ смыслѣ новыя идеи считаются революціонными. Первоприсутствующій. Я опять повторяю, что намъ нужны только факты, а не эти объясненія. Подс. Я объясняю это только для того, чтобы не дать поводъ къ слишкомъ рѣзкому объясненію со стороны нѣкоторыхъ изъ судей. Такимъ образомъ, я разумѣлъ революціонныя идеи въ сферѣ.... Первоприсутствующій. Намъ вовсе не нужно знать; намъ не нужно знать того, какъ вы понимаете революціонныя идеи, вы укажите только на факты. Подс. Если нужны только факты, то мое объясненіе можетъ сократиться. Подс. Гамовъ. Я желаю объяснить то противорѣчіе, которое находится въ показаніи Мартынова. Въ одно изъ воскресеній, возвращаясь по обыкновенію пѣшкомъ изъ Москвы, мнѣ попался рабочій, живущій на фабрикѣ лѣтъ 20, и передалъ слѣдующее обстоятельство, что одинъ изъ рабочихъ прочиталъ книжку (прокламацію) и сказалъ: „А за эту книжку нашего брата свяжутъ". Вотъ послѣ этого-то я началъ подозрѣвать въ этой книжкѣ преступность и вслѣдствіе этого говорилъ Мартынову, что если онъ не успѣетъ ее принести и книжка попадетъ до возвращенія ко мнѣ въ контору, то чтобы онъ сказалъ, что купилъ ее въ Москвѣ на толкучкѣ. Но до этого разговора я не зналъ содержанія книжки. Затѣмъ первопрусутствующій объявилъ судебное слѣдствіе оконченнымъ, и засѣданіе закрыто. Судебное слѣдствіе оконченнымъ, и засѣданіе закрыто. Судебныя пренія назначены на слѣдующій день въ 11 часовъ утра. По открытіи засѣданія первоприсутствующій объявилъ, что присутствіе приступитъ къ выслушанію преній, и предоставилъ слово обвинителю. Товарищъ оберъ-прокурора, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній объ общемъ значеніи настоящаго дѣла, приступилъ къ слѣдующему изложенію фактической его стороны. Осенью 1872 года, въ домѣ Меркъ, на Петербургской сторонѣ, проживалъ нѣкто Долгушинъ, замѣчу мимоходомъ, тотъ самый, который судился по нечаевскому дѣлу, принадлежа къ кружку сибиряковъ, На квартирѣ этого Долгушина осенью 1872 года собиралась молодежь. Собранія эти бывали довольно многолюдны, какъ это видно изъ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ равно и изъ показаній, которыя вы слышали здѣсь на Судѣ. Ананій Васильевъ, котораго показанія вы не только слышали, но котораго нѣкоторые изъ васъ лично допрашивали, заявилъ, что онъ, конечно, не можетъ опредѣленно сказать, на сколько многолюдны бывали собранія, но что „народу бывало много". На предложенный ему вопросъ: „Кто они были, изъ какой среды?" онъ отвѣтилъ: „А кто ихъ знаетъ, кажется, студенты". Слѣдовательно, очевидно собиралась молодежь. Вотъ на этихъ-то собраніяхъ, по объясненію Долгушиной, показаніе которой было здѣсь прочитано и на которое я, слѣдовательно, имѣю полное право ссылаться, зашла рѣчь „о нормальномъ человѣкѣ". На этихъ-то вечерахъ, гдѣ говорилось о нормальномъ человѣкѣ, между прочею молодежью бывали и всѣ главные обвиняемые по настоящему дѣлу. Главными обвиняемыми я называю Долгушина—хозяина дома, Дмоховскаго, Папина и Плотникова. Ананій Васильевъ бывалъ тамъ, такъ сказать, мимоходомъ, потому что въ то время онъ находился, какъ рабочій, въ мастерской у г. Верещагина, которою завѣдывалъ Долгушинъ. Скоро, однако, эти теоретическія бесѣды полуфилософскаго содержанія перешли на болѣе практическую почву. Инициатива въ этомъ дѣлѣ, какъ видно изъ предварительнаго слѣдствія, принадлежитъ Дмоховскому. Онъ первый заикнулся о типографскомъ станкѣ, слѣдовательно, онъ первый какъ бы приложилъ теорію къ практикѣ. Затѣмъ, какъ видно изъ предварительнаго слѣдствія, а равно изъ показаній, данныхъ на судѣ, Ананія Васильева, разговоры эти приняли чисто практическій характеръ. Между прочимъ, Ананій Васильевъ даетъ по этому поводу весьма интересное показаніе. Оно заключается въ томъ, что ему было предложено еще въ Петербургѣ „идти въ народъ".

разносить книжки, при чемъ условія были таковы, что онъ отправлялся разносить, продавать эти книжки по извѣстной цѣнѣ, вѣроятно, весьма не высокой, и чтобы все, что выторгуетъ, получалъ въ свою пользу. Васильевъ было согласился и пошелъ. Но потомъ, пораздумавъ, онъ пришелъ къ тому заключенію, что это будетъ невыгодно; что если положатъ жалованье, то еще можно будетъ пойти, а здѣсь совершенно неизвѣстно, насколько это будетъ выгодно, насколько вознаградится его трудъ. Поэтому онъ отказался отъ продажи на такихъ условіяхъ. Послѣ этихъ вечеровъ мы видимъ, что съ марта мѣсяца главные обвиняемые перебираются въ Москву. Долгушинъ переѣхалъ первый. Ему было отказано Верещагинымъ, у котораго онъ служилъ, потому что мастерская Верещагина въ то время была переведена въ Москву. Верещагинъ здѣсь на судѣ на весьма категорически поставленный ему вопросъ отвѣчалъ предъ вами, что всѣ отношенія его къ Долгушину закончились въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ окончательно разсчитанъ, и въ Москвѣ Верещагинъ не имѣлъ съ нимъ ровно ничего общаго, видѣлъ его въ Москвѣ только одинъ разъ, когда онъ приходилъ по поводу покупки или продажи сѣна, слѣдовательно по вопросу, не касающемуся мастерской.—На предварительномъ слѣдствіи подсудимый Долгушинъ старался объяснить свой переѣздъ въ Москву тѣмъ соображеніемъ, что мастерская передана, и что онъ хотѣлъ найти мѣсто. Насколько это соображеніе вѣрно—легко усмотрѣть изъ сейчасъ сказаннаго. Затѣмъ Дмоховскій уѣзжаетъ за границу. Объ этой заграничной поѣздкѣ я буду говорить подробно, когда буду разбирать дѣятельность каждаго подсудимаго отдѣльно. Въ настоящее время считаю достаточнымъ сказать, что эта поѣздка за границу осталась, повидимому, не разъясненною, сколько-нибудь удовлетворительно, Дмоховскимъ. Я представлю по этому предмету своевременно свои соображенія, которыя могутъ нѣкоторымъ образомъ указать на цѣль, съ которой подобная поѣздка могла быть сдѣлана. Какъ бы то ни было, но послѣ возвращенія Дмоховскаго изъ-за границы, онъ также перебирается въ Москву и поступаетъ на клееваренный заводъ купца Платонова. Мѣсяцъ спустя послѣ этого переѣзжаютъ въ Москву Папинъ и Плотниковъ. Ни на предварительномъ слѣдствіи, ни на судѣ, подсудимыми не было указано никакихъ причинъ, сколько-нибудь разумныхъ и выясняющихъ, почему они, т. е. Папинъ и Плотниковъ, перебрались въ Москву.

Вслѣдствіе этого невольно приходишь къ тому убѣжденію, что переѣздъ подсудимыхъ въ Москву обусловливался не какимъ-нибудь отдѣльнымъ для каждаго домашнимъ обстоятельствомъ, но одною общею цѣлью. Что дѣлаютъ затѣмъ эти господа, переѣхавъ въ Москву? Долгушинъ покупаетъ дачу по близости деревни Сареево. На предварительномъ слѣдствіи Долгушинъ утверждалъ, что дача была навязана ему Кирилломъ Курдаевымъ, что онъ ему совѣтовалъ купить дачу. Вы, вѣроятно, припомните, я допрашивалъ Курдаева по этому предмету, и онъ категорическимъ образомъ заявилъ, что онъ никогда не совѣтовалъ Долгушину покупать дачу, что иниціатива этого дѣла принадлежитъ Долгушину, а что онъ, свидѣтель, только помогалъ ему отыскать дачу, при чемъ предлагалъ двѣ, изъ которыхъ одну Долгушинъ считалъ для себя дорогою, а другую купилъ. Что это за дача—вамъ также извѣстно изъ моихъ разспросовъ и показаній свидѣтелей и подсудимыхъ. Дача состояла изъ куска земли примѣрно въ 5 десятинъ. Тамъ было посажено немного, какъ говорили дѣятели, картофеля и капусты, которые занимали, много-много, 3/4 десятины. Долгушинъ утверждалъ, что купилъ дачу съ цѣлью заняться хозяйствомъ. Я полагаю, что мнѣ не нужно доказывать, что подъ занятіемъ хозяйствомъ всякій разумѣетъ такое занятіе, отъ котораго онъ можетъ получить извѣстную выгоду. Непонятно, какой выгоды могъ ожидать Долгушинъ отъ такого ничтожнаго посада картофеля и капусты. Ужъ это много, если бы хватило всего на собственное его потребленіе. Такимъ образомъ, нельзя не заключить, что самая покупка дачи была сдѣлана не съ цѣлью хозяйства, а съ цѣлью уединиться, выбрать такой уголокъ потемнѣе, гдѣ можно было бы заняться тѣмъ преступнымъ дѣломъ, которымъ подсудимые дѣйствительно и занимались. Это видно изъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, изъ всѣхъ показаній; я разумѣю показанія Долгушиной, Сахаровой и Ананія Васильева. Подсудимые занимались тамъ печатаніемъ прокламацій, которое началось въ іюнѣ. Кстати—я, гг. судьи, ходатайствую предъ вами о томъ, чтобы вы не обращали особаго вниманія на числа. Достаточно будетъ, какъ я, по крайней, мѣрѣ полагаю, если будутъ указаны только мѣсяцы. Вы изволили, вѣроятно, убѣдиться, что свидѣтели затрудняются опредѣлять числа. Въ самомъ дѣлѣ, есть такіе свидѣтели, которыхъ большинство крестьяне, отъ которыхъ трудно требовать припомнить число, да и вообще для каждаго труднѣе припоминаются числа, нежели извѣстное событіе, извѣстный фактъ, обратившій на себя почему-либо вниманіе. Сверхъ того, въ данномъ случаѣ эта точность въ числахъ и не имѣетъ существеннаго значенія. Итакъ, въ іюнѣ началось печатаніе прокламацій. При этомъ предварительно были собранія, вродѣ осеннихъ вечеровъ въ Петербургѣ, но уже съ инымъ характеромъ. Здѣсь опять впервые, по показанію Долгушиной, завелъ рѣчь о печатаніи Дмоховскій. Когда было окончено печатаніе въ Сареево и когда главные обвиняемые по дѣлу, подъ которыми я разумѣю Долгушина и Дмоховскаго, благословили, такъ сказать, преступную дѣятельность остальныхъ трехъ, тѣ отправились въ началѣ сентября распространять про-

кламаціи, а Долгушинъ и Дмоховскій воздержались отъ этого и перебрались въ Москву въ домъ Степанова, гдѣ и продолжали свою преступную дѣятельность по части печатанія прокламацій. Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ начались аресты, и такимъ образомъ этой преступной дѣятельности былъ положенъ конецъ. Вотъ тотъ общій очеркъ настоящаго дѣла, который я считалъ своею обязанностью представить вамъ. Затѣмъ я перехожу къ обвиненію каждаго подсудимаго отдѣльно... Но еще одно слово въ дополненіе къ общему очерку. Я позволилъ себѣ сказать, говоря о подсудимыхъ, что это молодежь и молодежь недоучившаяся. Я забылъ упомянуть, что доказательства того у меня, конечно, на лицо. Возьмемъ главныхъ изъ обвиняемыхъ. Долгушинъ окончилъ курсъ въ гимназіи, немножко побылъ въ Технологическомъ Институтѣ, и тѣмъ кончилъ. Дмоховскій — единственный изъ всѣхъ — окончилъ курсъ въ Технологическомъ Институтѣ. Папинъ—но тутъ цѣлый формулярный списокъ: Тобольская Гимназія, Московскій Университетъ, Медицинская Академія, Лѣсной Институтъ, Петербургскій Университетъ, и нигдѣ онъ не кончилъ курса. Плотниковъ въ томъ же родѣ. Теперь перехожу къ обвиненію каждаго изъ подсудимыхъ.

Долгушинъ представляется мнѣ по дѣлу главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ томъ смыслѣ, что ему принадлежала инціатива всего дѣла. Припомните, гг. судьи, что у него въ квартирѣ начались собранія въ Петербургѣ; припомните также, что онъ обвиняется по обвинительному акту и сознался на судѣ въ сочиненіи одной прокламаціи: „Русскому народу“, но обвиняется, какъ я буду имѣть честь сказать далѣе, въ сочиненіи двухъ прокламацій: „Русскому народу“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“. Затѣмъ у него же, Долгушина, печатались на дачѣ прокламаціи; онъ же продолжалъ печатать ихъ вмѣстѣ съ Дмоховскимъ въ Москвѣ въ домѣ Степанова. Наконецъ, онъ же обвиняется мною въ распространеніи прокламацій. Характеризуя каждое изъ этихъ обвиненій, я буду имѣть случай указать, почему я называю Долгушина лицомъ, около котораго группировались всѣ остальные. Объясню, почему признаю его виновнымъ въ сочиненіи двухъ прокламацій. Въ сочиненіи прокламаціи „Русскому народу“ онъ сознался предъ вами, а потому говорить по этому предмету я не буду. Ограничусь только указаніемъ на то, что по предварительному слѣдствію онъ въ этомъ обвиняется вполнѣ его несчастною женою, которая заявила, что видѣла прокламацію въ рукописи, написанною задолго до печатанія. Вѣроятно, въ виду этого, а, можетъ быть, и по другимъ соображеніямъ, Долгушинъ не отрицалъ больше своей виновности въ сочиненіи этой прокламаціи. Въ отпечатаніи прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“ мы имѣемъ не менѣе искреннее и чистосердечное, а потому и заслуживающее полнаго довѣрія признаніе подсудимой Сахаровой, данное ею на предварительномъ слѣдствіи. Она положительно и ясно заявила, что въ то время, когда проживала въ домѣ Степанова съ Дмоховскимъ, къ нему приходилъ Долгушинъ и они вмѣстѣ печатали прокламаціи, что она своими глазами видѣла, какъ это дѣлалось, что видѣла прокламацію „Къ интеллигентнымъ людямъ“, сочиненную Долгушинымъ, въ домѣ Степанова еще въ рукописи. Прис. пов. Спасовичъ обратилъ вниманіе Суда на то, что показаніе Сахаровой не можетъ быть предметомъ судебныхъ преній, такъ какъ о немъ не было упомянуто во время судебнаго слѣдствія. Первоприсутствующій замѣтилъ, что онъ понимаетъ, что хочетъ сказать г. защитникъ, но мнѣніе его не совсѣмъ вѣрно. При этомъ онъ просилъ товарища оберъ-прокурора въ дальнѣйшемъ изложеніи показанія Сахаровой придерживаться судебнаго слѣдствія. Товарищъ оберъ-прокурора. Итакъ, мнѣ представляется совершенно доказаннымъ, что авторъ „Къ интеллигентнымъ людямъ“ есть Долгушинъ. Затѣмъ я приступаю къ доказательству печатанія прокламаціи. Въ печатаніи прокламацій подсудимые въ настоящее время полусознались сами. Я говорю полусознались, потому что они сознаются только въ печатаніи въ Сареево и отвергаютъ печатаніе въ домѣ Степанова. Но, независимо отъ сознанія подсудимыхъ, въ дѣлѣ имѣются положительныя доказательства, что печатаніе прокламацій происходило и въ домѣ Степанова. Относительно печатанія въ Сареево имѣются слѣдующія доказательства. Свидѣтели Хухриковы, которые были допрошены, на судебномъ слѣдствіи объяснили передъ вами подробно, какимъ образомъ и при какихъ обстоятельствахъ подсудимые перевозили вещи и притомъ какія вещи. Вещи эти принадлежали Долгушину. Затѣмъ, какъ объяснили свидѣтели, онѣ были тяжелы, завернуты въ рогожу, сквозь которую видны были винты, какъ показываетъ Семенъ Михайловъ, который помогалъ перекладывать вещи, и Тихановъ, который взялся довезти ихъ до Дорогомиловской слободы. Такимъ образомъ, независимо отъ сознанія подсудимыхъ, обстоятельство это достаточно доказывается свидѣтелями, и въ виду этого сознанія я считаю излишнимъ распространяться далѣе. Затѣмъ я обращу вниманіе Суда только на весьма характеристическое показаніе Максима Курдаева. Крестьянинъ этотъ — родной братъ Кириллу Курдаеву, съ которымъ Долгушинъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, такъ какъ онъ былъ въ числѣ рабочихъ въ мастерской Верещагина, и былъ нанятъ Долгушинымъ въ качествѣ сторожа. Этотъ Максимъ Курдаевъ заявилъ, что въ дер. Сареево, какъ онъ, такъ и другіе его односельцы, заподозрили въ Долгушинѣ и его гостяхъ (при чемъ онъ назвалъ остальныхъ 3-хъ главныхъ подсудимыхъ) въ дѣланіи фальшивой монеты. На

вопросъ мой, почему крестьяне пришли къ такому заключенію, онъ сказалъ, что вставали они очень рано, ложились поздно, окна всегда были занавѣшены и т. д., такъ что все указывало на совершенную таинственность. При этомъ еще важнѣе показаніе Максима Курдаева о томъ, какимъ образомъ поступилъ Дмоховскій, когда узналъ, что распространены такіе слухи, и когда узналъ, что въ околодкѣ находился исправникъ. Долгушинъ пригласилъ черезъ Васильева свидѣтеля Курдаева къ себѣ и спросилъ: правда-ли, что о нихъ говорятъ, и потомъ сказалъ, чтобы онъ никому не смѣлъ повторять этихъ слуховъ и даже пригрозилъ, въ случаѣ ослушанія, пистолетомъ. Показаніе это дано на судѣ. Такимъ образомъ, печатаніе прокламацій въ Сареево представляется совершенно доказаннымъ помимо сознанія подсудимыхъ. Что же касается до печатанія прокламацій въ домѣ Степанова, то, не указывая въ подробности на показаніе, данное по этому поводу, Сахаровою, я полагаю, что печатаніе это доказывается уже тѣмъ, что выписано изъ этого показанія въ обвинительномъ актѣ, который былъ прочитанъ передъ Судомъ. Обращаюсь къ доказательствамъ распространенія прокламацій. Относительно распространенія ихъ первымъ и однимъ изъ главныхъ показаній является показаніе Ананія Васильева. Ананій Васильевъ прямо заявилъ, что онъ ходилъ въ какую-то деревню вмѣстѣ съ Долгушинымъ и тамъ читали одну прокламацію крестьянамъ. Независимо отъ этого показанія, имѣются еще другія доказательства, повторенныя передъ вами на судѣ. Я хочу сказать о показаніяхъ Федора Афанасьева и Ивана Сидорова, который передалъ Афанасьеву письмо, врученное ему Долгушинымъ. Федоръ Афанасьевъ—зеркальщикъ, объяснилъ, что къ нему пришли двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ постарше, съ черною бородкою, въ которомъ онъ призналъ здѣсь на судѣ Долгушина, и другой помоложе, лица котораго твердо не припомнитъ. Они пришли къ нему въ деревню и стали распрашивать о томъ, можетъ-ли онъ взять заказъ на зеркала. На отрицательный отвѣтъ со стороны Афанасьева Долгушинъ просилъ пустить ихъ въ избу, чтобы подробнѣе переговорить о заказѣ. Афанасьевъ нашелъ это совершенно излишнимъ, такъ какъ подробно говорить о заказѣ тогда было не время. Поэтому онъ заявилъ, что не зачѣмъ идти въ избу. Тогда его пригласили пойти въ кабакъ напиться чаю. Афанасьевъ и на это приглашеніе отвѣчалъ отказомъ. Наконецъ, его попросили проводить и онъ согласился. Дорогою Долгушинъ сознался Афанасьеву, что они пришли не для заказа зеркалъ, а затѣмъ, чтобы дать почитать ему книжку. При этомъ зеркальщикъ Афанасьевъ подробно указалъ, какого рода была эта книжка. Этимъ дѣло и кончилось. На этотъ разъ Афанасьевъ книжку не взялъ. Послѣ этого, спустя нѣсколько дней, къ нему пришелъ его односелецъ Сидоровъ и принесъ письмо отъ неизвѣстнаго человѣка, который впослѣдствіи оказался Долгушинымъ, и котораго онъ призналъ здѣсь на судѣ. По показанію Сидорова Долгушинъ, увидѣвъ его на улицѣ при выѣздѣ изъ Москвы, спросилъ: не изъ той-ли онъ деревни, гдѣ живетъ зеркальщикъ Афанасьевъ. На утвердительный отвѣтъ Долгушинъ просилъ Сидорова передать письмо зеркальщику Афанасьеву, что тотъ и исполнилъ. Въ этомъ письмѣ, по показанію Афанасьева, оказались двѣ прокламаціи. Зная уже, какого содержанія эти книжки, Афанасьевъ показалъ ихъ на всякій случай священнику и когда тотъ сказалъ, что книжки дурныя, что за нихъ можетъ достаться, онъ ихъ уничтожилъ. Такимъ образомъ, я думаю, что распространеніе прокламацій со стороны Долгушина представляется вполнѣ доказаннымъ. Затѣмъ мнѣ остается обратиться къ содержанію самыхъ прокламацій. Подробно по этому поводу говорить считаю излишнимъ, такъ какъ эти прокламаціи были прочитаны передъ вами и ограничиваюсь только самымъ краткимъ указаніемъ. Первая прокламація — „Къ интеллигентнымъ людямъ“ весьма короткая, есть открытое воззваніе къ оружію противъ существующаго Правительства и написана спеціально для людей, до нѣкоторой степени подготовленныхъ, которые могли бы подобнаго рода брошюру распространять между другими лицами и преимущественно въ средѣ крестьянскаго населенія. Затѣмъ слѣдующая прокламація— „Какъ должно жить по закону природы и правды“, главнѣйшимъ образомъ старается развить вопросъ о равноправности людей на землю, однимъ словомъ, проводитъ крайнія соціальные идеи и кончается точно такъ же, какъ и прокламація „Къ интеллигентнымъ людямъ“, хотя въ менѣе рѣзкой формѣ, т. е. воззваніемъ къ оружію. Наконецъ, послѣдняя прокламація—„Русскому народу“, написанная болѣе сдержанно нежели двѣ предыдущія, но тѣмъ не менѣе, по моему мнѣнію, болѣе ихъ вредная, потому что поддѣлывается подъ тонъ крестьянской рѣчи, написана языкомъ простымъ, удобопонятнымъ простолюдину; она заключаетъ въ себѣ рѣзкое порицаніе Правительства и старается возбудить въ крестьянахъ самые дурные инстинкты и ненависть къ высшимъ сословіямъ, при чемъ также содержитъ въ себѣ воззваніе къ открытому возстанію. Подсудимый сознался, какъ я уже говорилъ, въ сочиненіи воззванія къ „Русскому народу“. Послѣ этого невольно задаешь себѣ вопросъ, почему онъ не сознается въ сочиненіи прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“. Я полагаю, что причина этому очень простая: во 1-хъ, удобнѣе сознаться въ сочиненіи къ „Русскому народу“ уже потому, что оно написано въ болѣе скромныхъ выраженіяхъ, слѣдовательно, есть возможность постараться придать ей невинное свойство, затѣмъ есть другая причина и, по мнѣнію моему, самая важная, а именно это то, что другой подсудимый — Дмо-

ховскій, какъ я уже имѣлъ случай указать вамъ, милостивые государи, сознается въ томъ, что онъ зналъ о печатаніи прокламацій въ Сареево, но только отрицаетъ свое участіе а равно участіе въ печатаніи въ домѣ Степанова вмѣстѣ съ Долгушинымъ. Отсюда понятно, что если бы Долгушинъ сознался въ сочиненіи прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ“, которая была напечатана въ Москвѣ, то ему пришлось бы затронуть интересы своего товарища, чего онъ не хочетъ. Вотъ почему онъ сознается въ сочиненіи воззванія къ „Русскому народу“ и отказывается отъ сочиненія прокламаціи Къ интеллигентнымъ людямъ“. Затѣмъ перехожу къ слѣдующему подсудимому — Дмоховскому. Если я сказалъ, что Долгушину принадлежитъ иниціатива всего дѣла, что онъ, такъ сказать, глава предпріятія, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Дмоховскій есть душа всего дѣла. Вотъ соображенія, на которыхъ я основываюсь. Я прошу припомнить, что первая иниціатива о заведеніи типографскаго станка, еще въ Петербургѣ, въ то время, когда вопросъ стоялъ только на теоретической почвѣ, принадлежитъ Дмоховскому. Далѣе имъ, Дмоховскимъ, были куплены географическія карты. Для чего онѣ были куплены, я въ свое время буду имѣть честь указать при разсмотрѣніи дѣятельности Папина и Плотникова, теперь же ограничусь только указаніемъ на то, что съ этими картами они отправились для распространенія прокламацій. И такъ, Дмоховскій купилъ эти карты и привезъ ихъ на дачу въ Сареево, чего онъ и самъ не отрицалъ здѣсь на судебномъ слѣдствіи. Далѣе вліяніе Дмоховскаго было настолько велико даже на самого Долгушина, что даже въ семейномъ вопросѣ, въ вопросѣ о томъ, гдѣ должна жить жена Долгушина, Дмоховскій играетъ первостепенную роль, какъ это мы видимъ изъ прочитаннаго здѣсь показанія г-жи Долгушиной. Она говоритъ, что когда, испугавшись затѣяннаго дѣла, вмѣстѣ съ Сахаровою рѣшилась уѣхать въ Москву, Дмоховскій настаивалъ, чтобы выдавать ей по 15 рублей въ мѣсяцъ и отправить въ село Иваново, Владимірской губерніи. Далѣе изъ показанія Ананія Васильва видно, что Дмоховскій посылалъ Васильева къ Циммерману, когда Васильевъ окончитъ распространеніе прокламацій и вернется въ Москву. Изъ показанія того же Васильева видно, что деньги при отправленіи въ разноску прокламацій выдавались Дмоховскимъ, хотя самъ Васильевъ и получилъ ихъ отъ Папина. Наконецъ, припомните еще одно обстоятельство, которое, хотя, повидимому, не имѣетъ значенія, но можетъ быть важно въ виду мною сказаннаго. Это то, что когда Долгушинъ, разставаясь съ Ананіемъ Васильевымъ, не разсчитался съ нимъ, какъ слѣдуетъ, оставшись должнымъ ему 70 рублей, то часть этого долга выплатилъ опять таки Дмоховскій. Такимъ образомъ, совокупность изложеннаго указываетъ на то, что Дмоховскій руководилъ дѣломъ и имѣлъ вліяніе не только на остальную компанію, но даже на Долгушина, котораго я ставлю во главѣ всего дѣла. Точно также я считаю излишнимъ указывать подробно на дѣятельность Дмоховскаго осенью 1872 года и ограничусь только указаніемъ на станокъ. Затѣмъ, какъ я сказалъ, въ половинѣ марта Дмоховскій уѣхалъ изъ Петербурга за границу. Зачѣмъ онъ ѣздилъ за границу, онъ этого объяснить никакъ не можетъ. Онъ старался объяснить это тѣмъ, что уѣзжалъ за границу по порученіямъ Платонова и Верещагина. Между тѣмъ показаніемъ г. Платонова, даннымъ какъ на предварительнымъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на судѣ, стараніе Дмоховскаго объяснить подобнымъ порученіемъ свою отлучку совершенно опровергается. Что говорятъ по этому поводу г. г. Платоновъ и Верещагинъ? Г. Верещагинъ прямо говоритъ, что Дмоховскаго никогда не посылалъ ни съ какимъ порученіемъ за границу, а что самъ Дмоховскій сказалъ ему, что ѣдетъ за границу, и только тогда г. Верещагинъ, пользуясь этимъ случаемъ, просилъ Дмоховскаго исполнить одно небольшое порученіе, за что обѣщалъ извѣстное вознагражденіе, думая, со словъ самаго Дмоховскаго, что онъ собирается ѣхать за границу по порученію г. Платонова. Почему г. Верещагинъ могъ знать, что Дмоховскій имѣетъ порученіе за границу отъ Платонова? Очевидно не иначе, какъ со словъ самого Дмоховскаго. Съ другой стороны, г. Платоновъ далъ показаніе въ томъ же родѣ, т. е. что никогда не давалъ Дмоховскому никакого порученія за границу, а, узнавъ отъ него самого, что онъ уѣзжаетъ за границу, точно также просилъ его исполнить нѣкоторыя порученія. Кромѣ того, самая сумма вознагражденія, полученнаго Дмоховскимъ отъ Верещагина, указываетъ ясно, что посылать нарочно человѣка за границу немыслимо за такія деньги, самому же ѣхать—нужно имѣть болѣе важныя причины. Какія это были причины, подсудимый не далъ вамъ объясненій. Затѣмъ мнѣ предстоитъ доказать виновность подсудимаго, какъ въ печатаніи, такъ и въ распространеніи прокламацій, притомъ виновность въ печатаніи, какъ на дачѣ въ деревнѣ Сареево, такъ и въ домѣ Степанова въ Москвѣ. Обвиненіе Дмоховскаго въ печатаніи прокламацій на дачѣ въ деревнѣ Сареево основано, главнѣйшимъ образомъ, на двухъ показаніяхъ: на показаніяхъ г-жи Долгушиной и Сахаровой, совершенно подтвердившей показаніе Долгушиной. На показаніе Сахаровой я подробно указывать не буду, но что оно было согласно съ показаніемъ Долгушиной, это я считаю себя въ правѣ сказать, такъ какъ это выражено въ обвинительномъ актѣ. Что касается до доказательствъ о томъ, что Дмоховскій участвовалъ въ печатаніи прокламацій съ Долгушинымъ въ домѣ Степанова, то, независимо отъ показанія лицъ, на которыхъ я уже указалъ, имѣются еще косвенныя улики, заключающіяся въ показаніи домовладѣльца

Степанова и его дворника и, наконецъ, въ показанiи дворника дома Гурина. Свидѣтель Степановъ показалъ вамъ, что онъ замѣчалъ, что шторы на окнахъ квартиры Дмоховскаго постоянно были спущены. Я спросилъ его, что, можетъ быть, онъ замѣчалъ это только утромъ, но онъ отвѣчалъ, что проходилъ мимо дома и въ другое время, но видѣлъ всегда спущенныя шторы. Безъ сомнѣнiя, это показанiе, въ виду другихъ объясненiй, прiобрѣтаетъ весьма серьезное значенiе. То же самое показываетъ и дворникъ дома Степанова. Затѣмъ Соломатины показали, что къ нимъ изъ дома Степанова были привезены Дмоховскимъ вещи. Какiя это были вещи, они не знали, но знаютъ только, что вещи были тяжелыя и притомъ небольшого объема, такъ что Дмоховскiй долженъ былъ объяснить имъ, что это его машина, значитъ, вещи металлическiя. Въ томъ же родѣ и показанiе дворника дома Соломатина. Такимъ образомъ, мнѣ представляется совершенно яснымъ, что въ домѣ Степанова печатались прокламацiи. Самъ Дмоховскiй, сознавая, что въ виду свидѣтельскихъ показанiй трудно отрицать все безусловно, какъ онъ это дѣлалъ на предварительномъ слѣдствiи, въ настоящее время здѣсь на судѣ заявилъ, что не отрицаетъ того обстоятельства, что, дѣйствительно, купилъ у Долгушина по окончанiи печатанiя въ Сареево станокъ, шрифтъ и другiя принадлежности тисненiя, что перевезъ эти вещи въ Москву въ домъ Степанова, оттуда къ Соломатинымъ, отъ нихъ одинъ разъ бралъ 3 ящика и что въ домѣ Гурина онъ предполагалъ печатать, и даже заявилъ, что печатать, а именно преимущественно сочиненiя, направленныя противъ собственности. Значитъ было предположенiе, не приведенное въ исполненiе. Далѣе онъ не отрицаетъ, что заказалъ столяру столъ, который обратилъ на себя особенное вниманiе своею формою. Столъ этотъ находится здѣсь передъ вами, и столяръ подтвердилъ, что это тотъ самый, который онъ сдѣлалъ для Дмоховскато. Дмоховскiй не отрицаетъ этого, я думаю, потому, что отрицать было бы уже невозможно. Затѣмъ мнѣ приходится сказать, почему я полагаю справедливымъ обвинять Дмоховскаго и въ распространенiи прокламацiй. Здѣсь я долженъ сказать, что какъ Долгушинъ, такъ и Дмоховскiй, очевидно, какъ мнѣ кажется, считая себя главными руководителями, держались соотвѣтствующимъ образомъ въ отношенiи другихъ. Мы это видимъ даже изъ дѣятельности Долгушина. Всѣ порѣшили идти на пропаганду и распространять прокламацiи, какъ это положительно видно изъ показанiя Долгушиной, но однако-жъ привели это рѣшенiе въ исполненiе только Панинъ, Плотниковъ и Васильевъ, т. е. люди, по моему убѣжденiю, приспособленные, главными лицами для выполненiя черной работы, а Долгушинъ и Дмоховскiй берегли себя на работу болѣе важную. Что эта была за работа — видно изъ обвинительнаго акта въ томъ мѣстѣ его, гдѣ говорится о печатанiи прокламацiй въ Москвѣ. Дмоховскiй, подобно Долгушину, поступаетъ относительно распространенiя также; онъ не является систематическимъ распространителемъ и относительно его имѣется только одно указанiе крестьянина Федора Аѳанасьева — зеркальщика, на показанiе котораго я уже имѣлъ честь передъ вами ссылаться. Онъ говорилъ, что къ нему въ деревню приходилъ подъ предлогомъ заказа зеркалъ, а на самомъ дѣлѣ навязать ему книжки, Долгушинъ съ какимъ-то другимъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ не помнитъ настолько, чтобы признать въ комъ-либо изъ подсудимыхъ. Я думаю, что этотъ молодой человѣкъ былъ никто иной, какъ Дмоховскiй. Убѣжденiе мое въ этомъ основано на слѣдующихъ соображенiяхъ. Панинъ, Плотниковъ и Васильевъ пустились энергически на дѣло распространенiя только тогда, когда былъ данъ для этого сигналъ Дмоховскимъ и Долгушинымъ въ Сареево, ранѣе этого изъ всѣхъ показанiй, въ томъ числѣ и изъ показанiя г-жи Долгушиной, о дѣятельности этихъ 3-хъ лицъ ничего не видно. Все, о чемъ говоритъ г-жа Долгушина, она говоритъ либо о мужѣ, либо о Дмоховскомъ, слѣдовательно, роль остальныхъ была второстепенная, исполнительная, подчиненная. Это первое основанiе. Второе основанiе: къ кому приносили прокламацiи Долгушинъ и неизвѣстный? Къ зеркальщику. На какомъ основанiи Долгушину пришло въ голову отправиться въ деревню, гдѣ живетъ зеркальщикъ Аѳанасьевъ, и почему онъ знаетъ, что тамъ живетъ этотъ зеркальщикъ? Указанiе на это мы видимъ въ сознанiи самого Долгушина, которое онъ сдѣлалъ на предварительномъ слѣдствiи. Сознанiе это заключается въ томъ, что онъ прямо заявилъ, что о Федорѣ Аѳанасьевѣ, зеркальщикѣ, сказалъ ему Дмоховскiй, сказалъ, что Федоръ Аѳанасьевъ живетъ въ такой-то деревнѣ и занимается зеркальнымъ мастерствомъ. Но и этого недостаточно. Еще есть косвенная улика, которая указываетъ на то, что не самъ Долгушинъ узналъ объ Аѳанасьевѣ. Мы имѣемъ въ дѣлѣ свѣдѣнiе, которое совершенно и всецѣло возстановлено на судебномъ слѣдствiи, что однажды въ Москву ѣхали Долгушинъ, Дмоховскiй и съ ними одна изъ женщинъ, Долгушина или Сахарова. Лошадь ихъ устала, и Дмоховскiй просилъ проѣзжавшаго крестьянина, которымъ и былъ Аѳанасьевъ, довезти его до Москвы. Сторговались за 20 копѣекъ и Аѳанасьевъ привезъ Дмоховскаго въ Москву. Дорогой, какъ показываетъ Аѳанасьевъ, господинъ худощавый, съ длиннымъ носомъ, молодой человѣкъ высокаго роста, спрашивалъ его, чѣмъ онъ занимается и между прочими разговорами сталъ говорить о томъ, что скоро начнется солдатчина по новому положенiю, но что этотъ

порядокъ никуда не годится, что онъ очень тяжелъ и предложилъ двѣ книжки: „Стеньку Разина“ и „Пугачева“; далѣе говорилъ о томъ, что оброки тяжелы, надѣлы плохи, однимъ словомъ, пропагандировалъ въ томъ смыслѣ, какъ написано въ прокламаціи. Въ виду этого показанія и въ виду того, что этотъ крестьянинъ, кромѣ того, говоритъ еще, что молодой человѣкъ просилъ подвезти его не къ Смоленскому рынку, а къ Калужскимъ воротамъ, откуда было весьма близко до квартиры Дмоховскаго. Дмоховскій сознался здѣсь на судѣ въ томъ что, дѣйствительно, то былъ онъ, или, точнѣе сказать, онъ не отрицаетъ возможности, чтобы то былъ онъ, такъ какъ онъ говорилъ съ крестьянами о солдатчинѣ, о землѣ и другихъ вещахъ, которыя его интересовали. Притомъ Дмоховскій дѣлаетъ оговорку, что онъ говорилъ о солдатчинѣ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, да и немыслимо, чтобы онъ говорилъ, что новый порядокъ рекрутской повинности дуренъ, потому что онъ таковъ, что Дмоховскій долженъ былъ по своимъ убѣжденіямъ отнестись къ нему сочувственно, какъ къ повинности всесословной. Я не вижу, впрочемъ, въ этомъ объясненіи никакой логики. Очевидно, что цѣль Дмоховскаго состояла не въ томъ, чтобъ сказать правду, и, какъ видно изъ всей его дѣятельности, цѣль эта заключалась въ томъ, чтобы возстановить крестьянъ противъ Правительства, внушить недовѣріе ко всѣмъ реформамъ. Съ этой стороны онъ дѣйствовалъ логично, если говорилъ то, что показываетъ Аѳанасьевъ. По этимъ основаніямъ, я глубоко убѣжденъ въ томъ, что неизвѣстный молодой человѣкъ, котораго зеркальщикъ признать не можетъ, есть никто иной, какъ Дмоховскій. Затѣмъ самое объясненіе, которое дѣлаетъ Дмоховскій на Судѣ, обставляя его довольно эфектно, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. Въ чемъ сознается Дмоховскій? Въ томъ, что онъ зналъ, что происходитъ печатаніе въ Сареево, но онъ не проговорился ни разу о томъ, что ему извѣстно, что именно печатается. Далѣе онъ сознается въ томъ, что можетъ быть позволилъ себѣ говорить такія вещи, о которыхъ показываетъ зеркальщикъ, Здѣсь, во-первыхъ, онъ говоритъ „можетъ быть“, а во вторыхъ, если-бы даже онъ и говорилъ все то дѣйствительно, то это было-бы только неумѣстной рѣчью. Далѣе онъ сознается въ томъ, что купилъ типографскія принадлежности съ цѣлію печатать сочиненія противъ собственности, но сейчасъ же заявилъ, что не привелъ этого намѣренія въ исполненіе. Ясно, такимъ образомъ, что сознаніе подсудимаго не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Считаю не лишнимъ еще разъ обратить ваше вниманіе на то, что весьма тщательная ссылка подсудимаго на числа не доказываетъ ничего. Очевидно, что Дмоховскій, указывая на цѣлый рядъ чиселъ, который я теперь не припомню, имѣлъ въ виду опровергать этимъ извѣстныя свидѣтельскія показанія, направленныя противъ него, Но я имѣлъ честь заявить вамъ и полагаю, что вы отнесетесь къ показаніямъ свидѣтельскимъ съ совершеннымъ довѣріемъ. Нельзя требовать, чтобы они точно помнили числа, достаточно, что они указываютъ на событія, въ особенности, когда эти свидѣтельскія показанія совершенно сходны между собою и съ обстоятельствами дѣла. Затѣмъ перехожу къ подсудимому Папину. Подсудимый Папинъ обвиняется мною въ томъ, что участвовалъ въ печатаніи прокламацій въ деревнѣ Сареево, а равно и въ томъ, что принималъ участіе въ подготовительныхъ разговорахъ по поводу пропаганды въ народѣ. Подсудимый Папинъ сознанія на предварительномъ слѣдствіи не учинилъ. Здѣсь на судѣ было нѣчто похожее на сознаніе въ нѣкоторыхъ частяхъ обвиненія, на которыя я буду имѣть честь указывать въ свое время. Итакъ, онъ обвиняется въ участіи въ печатаніи прокламацій, на основаніи тоже показанія г-жи Долгушиной, совершенно сходнаго съ показаніемъ Сахаровой. Что же касается до распространенія прокламацій, то, какъ я уже имѣлъ случай высказать ранѣе, дѣятельность его представляется въ этомъ отношеніи несравненно болѣе энергическою, нежели дѣятельность Долгушина и Дмоховскаго, которые уличаются въ распространеніи только въ отдѣльныхъ случаяхъ. Папинъ остается вѣренъ состоявшемуся въ Сареево уговору и, получивъ извѣстное число прокламацій въ Москвѣ при раздачѣ на квартирѣ Курдаева, именно 60 экземпляровъ, какъ показалъ Ананій Васильевъ, отправляется и добросовѣстно распространяетъ ихъ согласно уговору. Относительно этого обстоятельства имѣются слѣдующія свидѣтельскія показанія. Во-первыхъ, показанія Федорова. О показаніи Щербакова я не буду здѣсь говорить, во-первыхъ, потому, что онъ здѣсь не былъ, а во-вторыхъ, потому, что оно совершенно сходно съ показаніемъ Федорова, допрошеннаго вами здѣсь на Судѣ. Федоровъ объяснилъ, что когда онъ шелъ съ Щербаковымъ, то къ нему подошелъ молодой человѣкъ и завелъ съ нимъ первоначально разговоръ, а потомъ далъ прокламацію „Русскому народу“. Свидѣтель говоритъ, что онъ далъ ее Щербакову, который передалъ ее ему. При этомъ подсудимый разсматривалъ при свидѣтелѣ карту и показывалъ револьверъ, Евангеліе и другія вещи. Относительно содержанія прокламаціи, хотя показаніе свидѣтеля, данное на судѣ, не совсѣмъ точно, но точнаго показанія о содержаніи прокламаціи и трудно было требовать отъ простолюдина. Тѣмъ не менѣе, изъ показанія его видно, что дѣло шло именно о той прокламаціи, въ распространеніи которой подсудимый обвиняется. Далѣе Федоровъ передаетъ весьма интересный разсказъ о томъ, какимъ образомъ онъ и Щербаковъ попались съ полученною прокламаціею въ деревнѣ Дурыкино. Когда они туда пришли, заночевали у крестьянина Митаева, который держалъ постоялый дворъ и питейное заведеніе, то положили на

окно ту прокламацію, которую получили отъ подсудимаго Папина. Я говорю, что они получили отъ Папина, потому что онъ былъ признанъ Федоровымъ на Судѣ за того человѣка, который въ его глазахъ передалъ книжку Щербакову. Свидѣтель съ Щербаковымъ заснули, а на другой день Митаевъ спросилъ ихъ, откуда они получили книжку, при чемъ заявилъ, что она преступнаго содержанія и ихъ слѣдуетъ задержать, и для этого онъ принялъ соотвѣтствующія мѣры, т. е. повелъ ихъ сначала къ сотскому, а потомъ къ старостѣ. Благодаря бездѣятельности этихъ лицъ, они не были задержаны. Далѣе Митаевъ показалъ, что взялъ книжку сначала изъ простого любопытства, а когда прочиталъ ее вмѣстѣ съ учителемъ, то пришелъ къ окончательному убѣжденію, что она антиправительственнаго содержанія. Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на Судѣ, Митаевъ заявляетъ, что онъ предполагалъ, что книжка эта идетъ изъ Польши. Кто знаетъ нашего простолюдина, тому извѣстно, что подъ словомъ „изъ Польши" они разумѣютъ антиправительственное направленіе. Подсудимый Долгушинъ здѣсь на Судѣ пытался весьма подробно разспрашивать свидѣтеля, почему онъ пришелъ къ подобному заключенію. Мнѣ кажется, что онъ не могъ или не хотѣлъ понять того объясненія, которое далъ на эти вопросы свидѣтель. Вотъ все, что я имѣлъ сказать о подсудимомъ Папинѣ, какъ относительно печатанія прокламацій, такъ равно и относительно распространенія ихъ. Я полагаю, что доказано то и другое. Мнѣ остается сказать только нѣсколько словъ относительно попытки подсудимаго объяснить какіе то теоретическіе его взгляды на разные предметы; но подсудимый былъ совершенно во время остановленъ г. предсѣдателемъ. Тѣмъ не менѣе изъ этой попытки видно, что Папинъ представляется личностью, которая пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы ребячески порисоваться. Затѣмъ мнѣ приходится перейти къ подсудимому, заявившему себя „человѣкомъ безъ религіи", я хочу сказать о подсудимомъ Плотниковѣ. Подсудимый Плотниковъ на предварительномъ слѣдствіи не сознавался ни въ чемъ. Здѣсь же мы слышали его сознаніе въ томъ, что онъ участвовалъ въ печатаніи прокламацій. Подробно, какъ происходило это дѣло, онъ не разсказалъ, но, однако, его сознаніе болѣе справедливо чѣмъ то, которое сдѣлалъ въ этомъ отношеніи подсудимый Папинъ. Плотниковъ на вопросъ о томъ, какъ происходило дѣло, сказалъ: „Всѣ мы равно виноваты". Я считаю долгомъ обратить вниманіе на это сознаніе, потому что, несмотря на то, что оно явилось поздно, тѣмъ не менѣе все таки можетъ до нѣкоторой степени уменьшить мѣру наказанія подсудимому въ томъ случаѣ, если онъ будетъ признанъ виновнымъ. Плотниковъ обвиняется въ участіи въ печатаніи прокламацій, на основаніи тѣхъ же показаній, о которыхъ я имѣлъ уже случай упоминать. По поводу Папина, что касается до распространенія прокламацій, то Плотниковъ, независимо отъ собственнаго сознанія, уличается и показаніями свидѣтелей. Онъ самъ сознался, что передалъ одинъ экземпляръ воззванія „Русскому народу" свидѣтелю Тихонову. То же показываетъ свидѣтель Тихоновъ и его сынъ—Соловьевъ. При этомъ изъ разсказа послѣднихъ видно, что встрѣтившись съ Плотниковымъ, они вовсе съ нимъ не заговаривали, но что онъ первый началъ бесѣду и началъ ее чтеніемъ прокламаціи, увѣряя, что она изъ Духовной Консисторіи и что вообще духовнаго происхожденія. Такимъ образомъ, онъ самъ навязалъ имъ прокламацію. Здѣсь я не могу не обратить вашего вниманія на весьма характеристическое показаніе Соловьева. На вопросъ, предложенный ему подсудимымъ: правда-ли, что свидѣтелю говорилъ подсудимый о томъ, что прокламація изъ Духовной Консисторіи, а не самъ-ли свидѣтель это вычиталъ изъ книжки, послѣдній заявилъ, что онъ человѣкъ малограмотный, но что если бы былъ болѣе грамотный, то узналъ бы, что это за книжка и тогда подсудимый еще въ то время не дошелъ бы до станціи желѣзной дороги, а былъ бы представленъ жандарму. Такимъ образомъ, я полагаю, что обвиненіе Плотникова, какъ въ принятіи участія въ печатаніи прокламаціи на дачѣ въ Сареево, такъ равно и въ распространеніи представляется, совершенно доказаннымъ. Перехожу къ подсудимому Гамову. Подсудимый Гамовъ находился въ послѣднее время въ качествѣ учителя на Реутовской мануфактурѣ, которая расположена въ окрестностяхъ Москвы. Изъ объясненій, данныхъ свидѣтелемъ Байковскимъ, какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи видно, что Гамовъ занимался своимъ дѣломъ, по мнѣнію свидѣтеля, не вполнѣ удовлетворительно, по крайней мѣрѣ, г. Байковскій не былъ имъ доволенъ. Правда, подсудимый старается объяснить, что Байковскій былъ неправъ. Но я не буду разбирать этого обстоятельства; для меня существуетъ тотъ фактъ, что Байковскій, а равно и его знакомый, товарищъ подсудимаго, рекомендовавшій Гамова, были имъ недовольны. Самъ подсудимый, такимъ образомъ, разсказываетъ обстоятельства дѣла, до него относящіяся: онъ поступилъ на фабрику по рекомендаціи своего товарища, которому было извѣстно, что на фабрикѣ ищутъ человѣка, который могъ бы поправить дѣла школы. Въ видахъ этого поправленія онъ и поступилъ на фабрику. Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ Гамовъ въ этомъ отношеніи. Изъ дѣла мы видимъ, что крестьяне Мартыновъ и Егоровъ были единственные взрослые люди, пожелавшіе учиться въ школѣ фабрики, и подсудимый даетъ имъ двѣ прокламаціи: „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды", хваля эти книжки и совѣтуя не только самимъ ихъ читать, но давать читать и другимъ, подъ условіемъ

не говорить, что эти книжки получены отъ него, Гамова, и если бы дѣло дошло до конторы, то сказать, что книжки куплены на толкучкѣ. Относительно этого предмета свидѣтели Мартыновъ и Егоровъ дали весьма подробное показаніе здѣсь на Судѣ. Подсудимый Гамовъ на предварительномъ слѣдствіи и здѣсь говорилъ, что онъ, дѣйствительно, сознаетъ себя виновнымъ въ томъ, что передалъ этимъ крестьянамъ прокламаціи, но содержанія ихъ не зналъ, не имѣлъ о немъ ни малѣйшаго понятія, такъ какъ, получивъ отъ своего товарища, не читалъ ихъ, и что вся вина его состоитъ именно въ томъ, что онъ, не посмотрѣвъ эти книжки, передалъ ихъ рабочимъ, но что онъ говорилъ имъ о томъ, что не читалъ. Спрошенные по этому предмету свидѣтели Мартыновъ и Егоровъ, дѣйствительно, заявили, что, насколько имъ помнится, Гамовъ говорилъ имъ, что не читалъ книжки, но свидѣтели вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что Гамовъ говорилъ имъ, что если прокламаціи дойдутъ до начальства, то чтобы они не показывали, что получили отъ него, и сказали бы, что купили на рынкѣ. Послѣ этого мыслимо-ли предполагать, чтобы Гамовъ не зналъ и преступнаго содержанія прокламаціи, чтобы онъ придавалъ имъ значеніе невинныхъ книжекъ, которыя получилъ отъ человѣка весьма образованнаго, его товарища, которому онъ не могъ вполнѣ не довѣрять, именно отъ Баснина. Баснинъ былъ одинъ изъ тѣхъ лицъ, которыя привлечены по Нечаевскому дѣлу, о чемъ, конечно, зналъ Гамовъ. Уже одно это не могло давать Гамову повода вѣрить въ безупречность книжекъ, какъ это онъ старается доказать. Затѣмъ я имѣю честь обратить ваше вниманіе на обстоятельство, имѣющее второстепенное значеніе, но тѣмъ не менѣе, по мнѣнію моему, довольно важное. Изъ разсказа подсудимаго Гамова здѣсь на Судѣ видно, что онъ былъ всецѣло преданъ педагогическому дѣлу, что онъ заботился только о томъ, чтобы школа шла хорошо; что для этого, по его мнѣнію, было необходимо измѣнить систему преподаванія, вслѣдствіе чего онъ настаивалъ на покупкѣ разныхъ книгъ, рельефныхъ глобусовъ и другихъ тому подобныхъ вещей. Мнѣ кажется весьма страннымъ, что у такого человѣка, дѣятельность котораго, по его словамъ, направлена на такое свѣтлое и высокое дѣло, какъ образованіе народа, оказалась, какъ видно изъ протокола, библіотека, состоящая изъ книгъ безусловно тенденціознаго содержанія. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на такія сочиненія, какъ напр. Флеровскаго, и на другія политико-экономическаго содержанія, которыя никакъ не подходятъ къ той дѣятельности, которою занимался и которой былъ такъ преданъ Гамовъ. Въ заключеніе, хотя я и могъ бы упомянуть объ объясненіи Гамова, которое онъ далъ въ концѣ судебнаго слѣдствія, но оно до такой степени несостоятельно, что опровергать его я считаю совершенно излишнимъ. Перехожу къ подсудимому Чикову. Относительно Чикова былъ выставленъ обвинительною властью одинъ свидѣтель Поповъ, который на судъ не явился. Впрочемъ, показаніе его въ настоящее время представляется совершенно второстепеннымъ, въ виду сознанія подсудимаго, что онъ дѣйствительно передавалъ ему посылку, въ которой заключалось письмо съ прокламаціями къ Грачевскому. Чиковъ воспользовался тѣмъ, что товарищъ его Поповъ ѣхалъ въ область Войска Донскаго и передалъ посылку Грачевскому, служащему на Грязе-Царицынской желѣзной дорогѣ. Фактъ этотъ Чиковъ признаетъ всецѣло. Что касается пріобрѣтенія прокламацій, то на предварительномъ слѣдствіи Чиковъ далъ показаніе, что прокламаціи эти попались ему въ Петербургѣ въ концѣ августа 1872 года, когда онъ покупалъ какія-то книги. Затѣмъ вы слышали, что здѣсь на Судѣ Чиковъ, вѣроятно въ виду того, что по ходу дѣла нельзя было уже поддерживать, что онъ получилъ прокламаціи въ августѣ 1872 года, т. е. раньше того, какъ онѣ были напечатаны, счелъ нужнымъ заявить, что получилъ ихъ въ августѣ 1873 года, но отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ, онъ объ этомъ не далъ объясненія. Показаніе его въ этомъ отношеніи замѣчательно. Онъ говоритъ, что не помнитъ, откуда взялись у него прокламаціи, потому что передача такихъ брошюръ, была дѣломъ обыкновеннымъ въ той средѣ, въ которой онъ вращался. На вопросъ о томъ, въ какой именно средѣ онъ вращался, оказалось, что это та среда, на которую онъ совершенно напрасно клевещетъ. Я не могу согласиться, чтобы въ этой средѣ, средѣ студенческой, подобнаго рода брошюры составляли такое нормальное, обыкновенное явленіе, что на нихъ даже никто не обращалъ никакого вниманія. Такимъ образомъ, я убѣжденъ, что Чиковъ достаточно изобличается въ распространеніи прокламацій, и считаю совершенно излишнимъ повторять все то, что внесено въ обвинительный актъ, который вы слышали здѣсь, а равно и говорить о томъ, съ какою цѣлью Чиковъ отослалъ прокламаціи. Я полагаю, что достаточно, если скажу, что онъ отослалъ ихъ съ цѣлью пропаганды, съ цѣлью распространенія въ народѣ. Вы, конечно, замѣтили, что, упоминая о главныхъ обвиняемыхъ, я обошелъ Ананія Васильева и Сахарову, которые стояли ближе къ главнымъ виновнымъ, нежели сейчасъ упомянутыя мною лица. Я сдѣлалъ это по тому соображенію, что обвиняемые Васильевъ и Сахарова находились въ этомъ дѣлѣ въ совершенно исключительномъ положеніи. Начну съ Ананія Васильева. Чистосердечное сознаніе, данное имъ на предварительномъ слѣдствіи, и не менѣе чистосердечное сознаніе, сдѣланное здѣсь передъ вами на Судѣ, избавляетъ меня отъ необходимости указывать вамъ на цѣлый рядъ свидѣтелей, которые обвиняютъ его въ томъ, въ чемъ призналъ онъ себя

виновнымъ, а именно въ распространеніи прокламацій. Васильевъ не отвергаетъ ничего. Онъ разсказалъ какъ было дѣло, и его показаніе совершенно совпадаетъ съ показаніями Сахаровой и Долгушиной. Онъ прибылъ въ Сареево вмѣстѣ съ Долгушинымъ изъ Петербурга, нанявшись къ нему въ качествѣ рабочаго; онъ принималъ участіе во всѣхъ разговорахъ, которые тамъ были; потомъ, поссорившись за неразсчетъ, ушелъ къ себѣ въ деревню. Но вернувшись въ Москву, зашелъ опять къ Долгушину и попалъ опять въ прежнюю колею, въ тѣ же сѣти, изъ которыхъ онъ думалъ было выбраться, и былъ согласенъ на то, чтобы идти распространять прокламаціи. Подробно объяснять вамъ всѣ показанія подсудимаго, данныя имъ относительно того, какія мѣры принимались, чтобы склонить его къ этому, я не буду. Ограничусь только указаніемъ на то, что, читая его показаніе, невольно обливается сердце кровью, когда видишь, что у этого Васильева—крестьянина, молодого человѣка, чтобы не сказать мальчика, преступные люди старались отнять все, что у него было, а было у него очень немногое: онъ только зналъ грамоту и молитвы. Положимъ, что грамотѣ они научили его нѣсколько больше, научили читать прокламаціи; въ отношеніи же религіозномъ они отняли у него и молитвы, потому что учили не молиться, говоря, что это вздоръ. Итакъ они отправили его на дѣло распространенія прокламацій, и онъ добросовѣстно исполнилъ это порученіе. При этомъ я прошу васъ замѣтить тотъ способъ, посредствомъ котораго онъ раздавалъ прокламаціи. Онъ даже не раздавалъ ихъ, собственно говоря, а просто кидалъ всякому, кого бы ни встрѣтилъ, предлагая каждому книжку ни съ того, ни съ сего. Я не буду здѣсь указывать на свидѣтельскія показанія, кромѣ лишь одного. Мы имѣемъ свидѣтеля, у котораго Ананій ночевалъ и которому отдалъ прокламацію за ночлегъ. Когда ему сказали, что это книжка такая, за которую ему можетъ достаться, что ему пора бы жениться, онъ махнулъ рукою и сказалъ, что ему уже не жениться, потому что не сегодня, такъ завтра заберутъ. Это показаніе характеризуетъ дѣятельность Васильева. Онъ сдѣлалъ это, какъ самъ выразился, такъ: „Мнѣ было сказано, что Христосъ такъ дѣлалъ, такъ дѣлалъ и я". Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Ананій виновенъ въ распространеніи прокламацій, что онъ понималъ то, что распространяетъ вещи весьма преступнаго содержанія, но, тѣмъ не менѣе, онъ заслуживаетъ полнаго состраданія независимо оттого, что онъ несовершеннолѣтній, независимо отъ степени его развитія, еще и по тому чистосердечному сознанію, которое онъ сдѣлалъ, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на Судѣ. Такимъ образомъ, обвиняя Васильева я считалъ долгомъ сказать гораздо больше въ пользу снисхожденія, нежели въ пользу его обвиненія. Что касается до Сахаровой . . . . Первоприсутствующій. Я просилъ бы васъ не касаться подробностей показанія Сахаровой, даннаго на предварительномъ слѣдствіи, за исключеніемъ того, что находится въ обвинительномъ актѣ. Товарищъ оберъ-прокурора. Относительно Сахаровой я буду ссылаться только на показаніе, данное Долгушиной, прочитанное здѣсь на Судѣ, и на тѣ нѣсколько словъ, которыя сама подсудимая сказала вамъ здѣсь. Изъ показанія Долгушиной видно, что Сахарова была въ близкихъ отношеніяхъ къ подсудимому Дмоховскому; что она вмѣстѣ съ нимъ была у нихъ на дачѣ, что вмѣстѣ съ Долгушиной, испугавшись дѣятельности мужчинъ на дачѣ, рѣшилась оттуда уѣхать и дѣйствительно уѣхала въ Москву. Затѣмъ изъ показанія Долгушиной видно, что Сахарова поселилась вмѣстѣ съ Дмоховскимъ въ домѣ Степанова. Уже изъ этихъ показаній ясно, что Сахарова не могла не знать о преступной дѣятельности Дмоховскаго и Долгушина въ домѣ Степанова. Давъ весьма подробное показаніе на предварительномъ слѣдствіи, Сахарова здѣсь на Судѣ рѣшилась сказать лишь нѣсколько словъ на первый вопросъ о виновности. Впослѣдствіи она заявила желаніе объясниться болѣе подробно передъ Судомъ, но объясненія эти оказались весьма краткими. Изъ нихъ можно было видѣть только попытку до извѣстной степени сказать правду, но у нея не хватило воли настолько, чтобы выговорить все, что было. Она сказала нѣсколько словъ, не имѣющихъ даже второстепеннаго значенія, т. е. относительно платья, замараннаго черною краскою. Я обвиняю Сахарову въ попустительствѣ, потому что изъ дѣла видно, что она видѣла преступную дѣятельность своими глазами отъ самаго ея начала до конца. Но, обвиняя Сахарову въ попустительствѣ, я считаю долгомъ, въ виду ея прежняго сознанія, обратить ваше вниманіе на исключительное положеніе подсудимой. Изъ дѣла видно, что въ то время, когда печатались и распространялись прокламаціи, Сахарова была въ извѣстномъ положеніи, и отцемъ ея ребенка былъ Дмоховскій. Она сама сказала здѣсь на Судѣ, что отношенія ея къ Дмоховскому мѣшаютъ ей говорить. Вотъ все, что относительно Сахаровой я считалъ нужнымъ заявить. Затѣмъ мнѣ остается приступить къ разъясненію дѣятельности второстепенныхъ лицъ. Начну съ подсудимаго Циммермана. Подсудимый Циммерманъ обвиняется въ томъ, что зная, что Васильевъ распространялъ прокламаціи, не донесъ объ этомъ, кому слѣдуетъ. Обвиненіе это основано на показаніи Васильева, даннаго имъ, какъ на предварительномъ, такъ и на судебномъ слѣдствіи, причемъ послѣднее значительно разъясняетъ первое. Васильевъ на предварительномъ слѣдствіи показалъ, что когда онъ, окончивъ разноску прокламацій, съ двумя изъ нихъ, оставшимися у него, пришелъ въ Москву, какъ это было ему сказано, и отпра-

вился къ Циммерману, у котораго просилъ еще прокламацій, этотъ отвѣчалъ, что новыхъ нѣтъ, чтобы онъ шелъ домой и далъ ему 10 рублей. Васильевъ ушелъ въ свою деревню. Здѣсь на Судѣ Васильевъ нѣсколько подробнѣе объяснилъ это обстоятельство. Онъ говоритъ, что пришелъ къ Циммерману по указанію, заранѣе сдѣланному ему Дмоховскимъ. Дѣйствительно, представляется крайне нелогичнымъ, почему Васильевъ пришелъ именно къ Циммерману. Объясненіе Васильева, только-что мною приведенное, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ всѣмъ обстоятельствамъ дѣла. Такимъ образомъ, Васильевъ является къ Циммерману и проситъ прокламацій, но тотъ взамѣнъ ихъ даетъ 10 руб. При этомъ Васильевъ считалъ своимъ долгомъ доложить Циммерману, что двое арестованы. Циммерманъ не отрицаетъ этого и говоритъ, что дѣйствительно къ нему приходилъ Васильевъ, говорилъ, что у него остались двѣ прокламаціи, говорилъ, что двое арестованы и что онъ, Циммерманъ, далъ ему 10 руб. На вопросъ о томъ, почему и за какую послугу онъ далъ Васильеву 10 руб., т. к. немыслимо, чтобы онъ далъ ему деньги ни съ того, ни съ сего, Циммерманъ объяснилъ, что далъ потому, что Васильевъ сказалъ, что ему нужно идти въ деревню и потому, что онъ былъ съ нимъ знакомъ. Мнѣ кажется, что подобное объясненіе не заслуживаетъ никакого вниманія, не говоря уже о томъ, что вообще представляется страннымъ знакомство Циммермана съ крестьяниномъ Васильевымъ, человѣкомъ неразвитымъ. Онъ далъ ему 10 руб., хотя сумму небольшую, но все-таки никто не бросаетъ же денегъ, хотя бы имѣлъ достаточныя средства, всякому встрѣчному. Тѣмъ болѣе странно, что Циммерманъ бросилъ эти деньги лицу, которое сказало ему, что онъ распространялъ прокламаціи, чего Циммерманъ и самъ не отвергаетъ, утверждая лишь, что не зналъ содержанія этихъ прокламацій. Между тѣмъ на дополнительный вопросъ онъ сказалъ, что понималъ, что рѣчь идетъ о такихъ вещахъ, которыя содержатъ въ себѣ нѣчто антиправительственное. Поэтому я считаю доказаннымъ, что Циммерманъ виновенъ въ недонесеніи, такъ какъ онъ зналъ, что Ананій Васильевъ распространялъ прокламаціи не только противозаконнаго, но и революціоннаго содержанія, онъ зналъ это уже потому, что самое названіе прокламаціи указывало на это. Въ заключеніе я считаю долгомъ такъ же, какъ я сдѣлалъ это относительно Гамова, обратить ваше вниманіе на библіотеку Циммермана. Изъ протокола осмотра этой библіотеки видно, что она состояла спеціально изъ книгъ съ извѣстнымъ характеромъ. Здѣсь на первомъ планѣ оказались такія книги, какъ напр., цюрихское изданіе объ интернаціональномъ обществѣ и т. д. Этихъ указаній, я полагаю, достаточно для того, чтобы охарактеризовать личность Циммермана и то, насколько можно дать вѣры тому показанію, которое онъ сдѣлалъ какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на Судѣ. Что касается меня, то я отказываюсь вѣрить этому показанію. Затѣмъ перехожу къ подсудимому Сидорацкому. Сидорацкій обвиняется въ имѣніи у себя прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ", не имѣвъ на то разрѣшенія надлежащей власти. На предварительномъ слѣдствіи есть два показанія подсудимаго Сидорацкаго: одно о томъ, что онъ получилъ прокламацію въ библіотекѣ, а второе о томъ, что онъ получилъ ее отъ своего знакомаго, воспитанника Артиллерійскаго Училища. По справкѣ оказалось, что этотъ господинъ умеръ, и тѣмъ дѣло кончилось. Затѣмъ дальнѣйшихъ объясненій, откуда онъ взялъ прокламацію, въ дѣлѣ не имѣется. Не придавая этой передачѣ значенія характера распространенія, я считаю необходимымъ обвинить Сидорацкаго въ имѣніи прокламаціи безъ разрѣшенія начальства. Затѣмъ подсудимый Авессаломовъ обвиняется въ томъ же преступленіи, какъ и Сидорацкій, а именно, по его собственному удостовѣренію, сдѣланному, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и здѣсь на Судѣ, въ томъ, что однажды къ нему пришелъ его знакомый Соловьевъ въ то время, когда онъ спалъ, разбудилъ его, сѣлъ къ нему на постель и сталъ читать прокламацію „Русскому народу". Подсудимый, по его объясненію, не обращалъ на это никакого вниманія, потому что зналъ Соловьева за человѣка всегда болтающаго вздоръ. Далѣе подсудимый заявилъ, что какъ-нибудь Соловьевъ уронилъ прокламацію въ квартирѣ, и какъ она попала къ нему въ шкафъ, — онъ не знаетъ. Насколько странно подобное объясненіе, я распространяться не буду. Скажу только, что оно не заслуживаетъ никакого уваженія, и Авессаломовъ, какъ мнѣ кажется, долженъ быть признанъ виновнымъ въ имѣніи у себя прокламаціи безъ разрѣшенія начальства. Въ заключеніе мнѣ остается сказать о подсудимой Ободовской. Подсудимая Ободовская была знакома съ Чиковымъ. По собственнымъ ея словамъ, Чиковъ являлся къ ней вслѣдствіе того, что крайне интересовался педагогическимъ дѣломъ, которымъ занималась и Ободовская. Мнѣ кажется страннымъ, что Ободовская, отецъ которой владѣетъ собственнымъ домомъ здѣсь въ Петербургѣ, слѣдовательно человѣкъ, имѣющій средства, идетъ на скудное содержаніе учительницы, которое она получала, по ея словамъ, въ Новгородской губерніи. Далѣе, по словамъ Ободовской, Чиковъ, поговоривъ съ нею объ общемъ дѣлѣ, т. е. о дѣлѣ грамотности народа, ушелъ, упросивъ, однако, чтобы она разрѣшила ему писать ей. Ободовская на это согласилась, но съ тѣмъ, чтобы онъ адресовалъ письма не на ея имя, а на имя Свентицкой, которая носитъ титулъ превосходительства. Г-жа Ободовская объясняетъ это предположеніемъ, что письма на ея имя будутъ распечатаны. Я полагаю, что всѣ эти объясненія Ободовской до-

статочно указываютъ на то, что она очень хорошо понимала, что за личность Чиковъ и какого рода народнымъ образованіемъ онъ интересуется, потому что она считала необходимымъ просить его адресовать письма на другое лицо, чтобы они не попали въ другія руки, если бы были адресованы на ея имя. Съ своей стороны и Чиковъ понималъ Ободовскую, потому что придти впервые и просить вести корреспонденцію — немыслимо. Ободовская обвиняется въ томъ, что хранила отрывокъ одной изъ прокламацій со страницы 17-й. По этому предмету она объяснила, что не отрицаетъ этого факта, но говоритъ, во-первыхъ, что прокламація была неполная и, во-вторыхъ, что она ее не читала и даже не видала до обыска и что обрывокъ этотъ попался къ ней неизвѣстнымъ образомъ. Такого рода заявленіе, въ виду мною сказаннаго, нельзя не признать совершенно голословнымъ. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что никому подобнаго рода вещи не попадаются случайно. Въ виду изложеннаго мною, я полагаю, что Ободовская достаточно изобличается въ томъ, что имѣла прокламацію преступнаго содержанія безъ разрѣшенія начальства. Такимъ образомъ, я считаю задачу свою оконченною. Присяжный повѣренный Утинъ, защитникъ Долгушина, указавъ умѣренность и справедливость, съ которою отнесся къ настоящему дѣлу представитель обвинительной власти, и на сознаніе, сдѣланное на Судѣ подсудимымъ Долгушинымъ въ составленіи брошюры „Русскому народу", вошелъ въ подробный обзоръ содержанія этой брошюры, которая, по мнѣнію защиты, имѣетъ чисто теоретическій характеръ и не содержитъ въ себѣ никакихъ воззваній къ такимъ дѣйствіямъ, которыя бы имѣли цѣлію революціонное движеніе въ обыкновенно принимаемомъ смыслѣ этого слова. Если же въ концѣ брошюры и указаны прямо средства, которыми могутъ осуществиться требованія, заявляемыя авторомъ ея, то изъ этихъ средствъ нѣкоторыя представляются чисто идеальными, неосуществимыми и поэтому, по мнѣнію защиты, совершенно безвредными; другія же касаются такихъ условій общественнаго строя, какъ паспортная система и развитіе народныхъ школъ, на необходимость коренныхъ улучшеній обращено вниманіе самого Правительства. Затѣмъ, отрицая виновность Долгушина, какъ въ составленіи и печатаніи прокламацій: „Къ интеллигентнымъ людямъ" и „Какъ должно жить по закону природы и правды", такъ равно и въ распространеніи всѣхъ упомянутыхъ изданій, защитникъ перешелъ къ установленію состава того преступленія, въ которомъ Долгушинъ можетъ быть признанъ виновнымъ. Настаивая на томъ, что въ брошюрѣ „Русскому народу" не содержится воззванія противъ Верховной власти, и что она поэтому не можетъ подходить подъ дѣйствіе 251 ст. Улож. о нак., защитникъ полагалъ, что если даже въ оборотѣ этомъ признать воззваніе къ противодѣйствію распоряженіямъ Правительства, то и въ такомъ случаѣ Долгушинъ могъ бы подлежать отвѣтственности, установленной вновь изданнымъ, 4-го іюля сего года, закономъ о противозаконныхъ сообществахъ. Въ заключеніи своей рѣчи защитникъ указалъ на обстоятельства, вызывающія снисхожденіе къ Долгушину, а именно, на невозможность опасаться особеннаго вреда отъ брошюръ, приписываемыхъ Долгушину, въ виду прочности и непоколебимости общественнаго строя въ Россіи, и наличныя условія обвиняемаго: его молодость, близость его отношеній къ тому классу народа, блага котораго онъ желалъ, и идеальныя увлеченія, свойственныя его возрасту. Присяжный повѣренный Спасовичъ, защитникъ Дмоховскаго, началъ свою рѣчь съ разбора содержанія прокламацій „Какъ должно жить по закону природы и правды", „Русскому народу" и „Къ интеллигентнымъ людямъ". Первая прокламація, по мнѣнію защитника, составляетъ простую перепечатку, съ нѣкоторыми только сокращеніями, брошюры „О великомученикѣ Николаѣ", а вторая—вольное этой же брошюрѣ подражаніе. Обративъ затѣмъ вниманіе суда на нѣкоторыя встрѣчающіяся въ этой прокламаціи нелогичности, на невѣрность историческаго объясненія ею причинъ неравенства между людьми, присяжный повѣренный Спасовичъ нашелъ, что прокламація эта, если и можетъ вызвать кару закона, то только вслѣдствіе того, что въ ней оспаривается право собственности, но за то, по мнѣнію его, можетъ быть назначено взысканіе только по 1038 или же по 1036 ст. Улож. Если же прокламація эта и изобилуетъ выраженіями, возбуждающими вражду, то она все-таки не заключаетъ въ себѣ воззванія къ бунту, такъ какъ выраженія эти, по производимому этою прокламаціею общему впечатлѣнію, нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ. Относительно второй прокламаціи „Русскому народу", присяжный повѣренный Спасовичъ, обративъ сначала вниманіе на несовмѣстно предлагаемыхъ ею началахъ „свободы" и „равенства", какъ необходимыхъ условій для искорененія существующаго зла, и останавливаясь затѣмъ на тѣхъ практическихъ требованіяхъ, которыя предлагаются для осуществленія указанныхъ началъ, находитъ, что одни изъ этихъ требованій имѣютъ характеръ соціальный и цѣликомъ заимствованы изъ той же брошюры „О мученикѣ Николаѣ", а другія составляютъ не болѣе какъ проекты административной реформы, которые были разбираемы въ печати, и притомъ одни изъ нихъ уже осуществлены, а другіе осуществятся въ близкомъ будущемъ. Но ни въ одномъ мѣстѣ прокламація не затрагиваетъ вопроса о формѣ правленія, и нѣтъ въ ней никакого воззванія къ бунту. Что же касается, наконецъ, до третьей прокламаціи „Къ интеллигентнымъ людямъ", то, указавъ сначала на признаки, доказывающіе неодновременное составленіе ея съ двумя первыми, присяжный повѣренный



Спасовичъ обратилъ вниманіе на то, что она не могла быть составлена соціалистами, къ разряду которыхъ относитъ себя и Дмоховскій, такъ какъ конецъ ея, не имѣя ничего общаго съ началомъ, носящимъ соціальный характеръ, представляетъ уже характеръ политическій. Находя; такимъ образомъ, что 251 ст. Улож. имѣть примѣненія къ настоящему случаю не можетъ, присяжный повѣренный Спасовичъ въ заключеніе разбора содержанія означенныхъ прокламацій обратилъ вниманіе на то, что послѣдствія этихъ прокламацій были неважны, что никакого волненія прокламаціи эти произвести не могли и что преступленіе настоящее вытекаетъ изъ заблужденій ума, а не испорченности сердца, противъ чего лучшимъ средствомъ служитъ время. Переходя затѣмъ въ частности къ разсмотрѣнію обвиненія Дмоховскаго, присяжный повѣренный Спасовичъ, на основаніи данныхъ слѣдствія, пришелъ къ тому заключенію, что Дмоховскій, хотя и зналъ о замыслѣ кружка и даже содѣйствовалъ ему, но непосредственно своей руки составленію и распространенію прокламацій не прилагалъ. Обративъ, между прочимъ, вниманіе на разговоръ его съ зеркальщикомъ Аѳанасьевымъ, въ чемъ только и можно было-бы видѣть его непосредственное въ этомъ дѣлѣ участіе, присяжный повѣренный Спасовичъ замѣтилъ, что и этотъ разговоръ, имѣя характеръ совѣта, не заключалъ въ себѣ рѣшительно ничего революціоннаго. Такимъ образомъ, изъ анализа всѣхъ обстоятельствъ, по мнѣнію защитника, вытекаетъ, что Дмоховскій находился только около предпріятія, и если можетъ подлежать отвѣтственности, то только, какъ укрыватель и пособникъ преступленія, предусмотрѣннаго 1036 и 1027 ст. Улож.; если же онъ виноватъ въ большемъ, то можетъ быть обвиненъ въ пособничествѣ по 274 ст. Улож. Наконецъ, если онъ будетъ признанъ виновнымъ въ возбужденіи къ бунту, то къ нему долженъ быть примѣненъ новый законъ 4-го іюня 1874 года. Присяжный повѣренный Слонимскій, защитникъ Папина, указавъ на то, что дѣятельность общества, по мнѣнію обвинительной власти, была направлена къ разрушенію основъ общественной жизни, права собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ къ переустройству государства, вслѣдствіе чего явилось воззваніе къ бунту противъ Государя и государства, обратилъ вниманіе на несовмѣстимость этихъ двухъ ученій и на ихъ полное противорѣчіе и по цѣли, и по средствамъ, такъ какъ первое ученіе, носящее названіе коммунистическаго, стремится къ подавленію индивидуальной воли, въ чемъ бы она ни проявлялась, и поэтому нуждается въ центральной и даже деспотической власти, а, напротивъ того, второе выше всего ставитъ личную свободу каждаго члена государства и потому стремится къ нападенію на верховную центральную власть. Такимъ образомъ, или обвиняемые не понимали сами, что дѣлали, и въ такомъ случаѣ не подлежатъ отвѣтственности, или же если признавать ихъ послѣдовательными, то нельзя смѣшивать ихъ съ противниками, политическими дѣятелями и подвергать большему наказанію, чѣмъ они заслуживаютъ. Разбирая затѣмъ факты дѣла съ самаго возникновенія этого общества до конца его, присяжный повѣренный Слонимскій находитъ, что исходною точкою этого общества было отысканіе способовъ къ удовлетворенію физіологическихъ потребностей, такъ называемаго, нормальнаго человѣка. Съ этою цѣлью члены его шли пропагандировать то, что имъ казалось здравыми экономическими идеями. Изъ показаній всѣхъ спрошенныхъ по этому дѣлу оказывается, что вся пропаганда ихъ вращалась вокругъ поземельныхъ надѣловъ или большихъ оброковъ и стремилась къ разрушенію частной собственности и, какъ результатъ этого, къ возбужденію вражды неимущихъ классовъ къ имущимъ, но совершенно не было рѣчи ни о Царѣ, ни о государствѣ. Если бы народъ видѣлъ въ этихъ прокламаціяхъ что-либо похожее на бунтъ противъ Верховной власти, то вслѣдствіе того, что въ сознаніи его власть Верховная стоитъ несокрушимо, твердо, онъ распорядился бы въ этомъ случаѣ своимъ судомъ. Указавъ затѣмъ на то, что Папинъ обвиненіемъ выставляется то главнымъ, то второстепеннымъ дѣятелемъ, присяжный повѣренный Слонимскій по фактамъ дѣла пришелъ къ тому выводу, что Папинъ являлся далеко не важнымъ дѣятелемъ. Онъ не усвоилъ себѣ всѣхъ убѣжденій кружка и въ дѣлѣ распространенія прокламацій дѣйствовалъ крайне нерѣшительно, не энергично и даже боязливо, колеблясь на каждомъ шагу: онъ не пользуется каждымъ представляющимся къ тому удобнымъ случаемъ, и, даже имѣя случай, онъ не тотчасъ же приступаетъ къ исполненію своей задачи. Въ виду вышеизложеннаго, присяжный повѣренный Слонимскій просилъ Судъ отнестись къ Папину возможно снисходительно. Присяжный повѣренный Герке, защитникъ Плотникова, не смотря на выраженное его кліентомъ желаніе нести одинаковую съ другими отвѣтственность, находилъ, что роль Плотникова въ этомъ дѣлѣ весьма второстепенная. По собственному сознанію его, которое вполнѣ подтверждается обстоятельствами дѣла, онъ виноватъ только въ томъ, что принималъ участіе въ печатаніи прокламацій „Русскому народу" и въ передачѣ одного экземпляра крестьянину Тиханову; но нѣтъ никакихъ доказательствъ къ обвиненію его въ составленіи всѣхъ трехъ прокламацій и въ распространеніи первыхъ двухъ. У него, по мнѣнію г. Герке, не было вообще рѣшимости къ распространенію прокламацій, такъ какъ передача одной только прокламаціи крестьянину Тиханову и прочтеніе изъ нея тому же Тиханову только нѣкоторыхъ мѣстъ не могутъ доказать таковой рѣшимости. Указавъ затѣмъ на то, что Плотниковъ попалъ на скамью подсудимыхъ не потому, чтобы имѣлъ злую волю, а благо-

даря предшествовавшей исторіи своей жизни; исключительности своего положенія, особенной впечатлительности и отчасти даже болѣзненности, просилъ отнестись къ нему даже съ большею снисходительностью, чѣмъ къ другимъ. Въ виду этого и находя что въ прокламаціи „Русскому народу" нѣтъ воззванія къ бунту, и что она имѣетъ цѣлью не политическій, а соціальный переворотъ, г. Герке просилъ примѣнить къ Плотникову законъ 1874 года о тайныхъ обществахъ, не имѣющихъ политической цѣли. Присяжный повѣр. Полетаевъ, защитникъ Ананія Васильева, находилъ,что появленіе Васильева на скамьѣ подсудимыхъ составляетъ явленіе совершенно необыкновенное. Въ государственныхъ преступленіяхъ обыкновенно участвуютъ лица съ извѣстнымъ образованіемъ, какъ это и въ настоящемъ дѣлѣ. Чтобы вмѣнить дѣяніе лицу, необходимо, чтобы оно желало и знало послѣдствія этого дѣянія и его послѣдствій. Между тѣмъ, какъ другіе обвиняемые, обладающіе извѣстнымъ образованіемъ, давали на судѣ обстоятельныя объясненія, изъ которыхъ видно, что они ясно понимали значеніе всего задуманнаго и его послѣдствій, Ананій Васильевъ не могъ по своему невѣжеству и неразумію, дать такихъ объясненій и на всѣ вопросы повторялъ почти только одно слово: „Да". Онъ зналъ только, что существуютъ слова „пропаганда", „прокламація", но не понималъ совершенно значенія этихъ словъ, смутно только соединяя съ этими словами понятіе о чемъ-то нехорошемъ. Подъ возстаніемъ, которое онъ, по его словамъ, хотѣлъ произвести, онъ также разумѣлъ совсѣмъ другое, смотря на него какъ на мірскую сходку, сопровождавшуюся шумомъ, бранью и дракою. Если же онъ не могъ имѣть, по своему глубокому невѣжеству и неразумію, надлежащаго понятія о возстаніи, то еще менѣе могъ знать послѣдствія этого и совершенно уже не могъ оцѣнить значенія ихъ по отношенію къ общественной жизни и государственному порядку. Находя, такимъ образомъ, что Васильевъ совсѣмъ не понималъ значенія и послѣдствій своего дѣянія и поэтому близко подходитъ къ категоріи лицъ, которымъ преступленіе не можетъ быть вмѣняемо и указавъ затѣмъ на его неиспорченность нравственную, въ виду которой онъ заслуживаетъ болѣе другихъ состраданія и снисхожденія, присяжный повѣренный Полетаевъ просилъ Судъ исходатайствовать совершенное помилованіе его клиенту. Присяжный повѣренный Гаевскій, защитникъ Гамова, не касаясь общихъ вопросовъ о содержаніи и значеніи прокламацій въ виду того, что вопросы эти уже были подробно разработаны другими защитниками, ограничился подробнымъ разборомъ той статьи Улож. о нак., по которой обвиняется подсудимый Гамовъ и разсмотрѣніемъ виновности сего послѣдняго. 2-я часть 251 ст. Улож., примѣняемая обвинительною властью къ Гамову, требуетъ, по мнѣнію защиты, для ея примѣненія наличности трехъ признаковъ: распространенія воззваній, злаго умысла преступной, ясно опредѣленной цѣли, т. е. возбужденія къ бунту или явному неповиновенію Верховной власти; при отсутствіи одного изъ этихъ признаковъ невозможны существованіе самого преступленія и его наказуемость. Разсматривая съ этой точки зрѣнія дѣяніе Гамова, защитникъ доказывалъ, что дѣйствія этого обвиняемаго не совмѣщаютъ въ себѣ вовсе указанныхъ признаковъ. При этомъ защитникъ обратилъ вниманіе Суда на то, что передача одного экземпляра прокламаціи или чтеніе ея лицомъ, непонимающимъ смысла ея, такимъ слушателямъ, которые также не понимаютъ смысла прочитаннаго и самого слова „прокламація", не могутъ называться распространеніемъ; что дѣйствіямъ Гамова, нельзя приписывать злаго умысла, коль скоро не было самаго факта, предполагающаго этотъ умыселъ, т. е. распространенія; наконецъ, что тѣ двѣ прокламаціи, въ которыхъ обвиняется Гамовъ не содержатъ въ себѣ прямого воззванія къ какимъ-либо дѣйствіямъ, направленнымъ противъ власти. Разобравъ затѣмъ показанія свидѣтелей, относящіеся до Гамова, защитникъ доказывалъ, что показаніе одного изъ нихъ, Байковскаго, не уличаетъ вовсе обвиняемаго въ какомъ-либо дѣйствіи, имѣющемъ прямое отношеніе къ его обвиненію; объясненія же двухъ другихъ свидѣтелей Мартынова и Егорова не опровергаютъ показанія обвиняемаго о томъ, что онъ, передавая имъ прокламаціи, предупреждалъ, что самъ ихъ не читалъ. Если же Гамовъ при этомъ совѣтовалъ давать читать прокламаціи, какъ можно болѣе и впослѣдствіи училъ показывать, что они купили ихъ въ Москвѣ на толкучкѣ, то первый изъ этихъ совѣтовъ защитникъ объяснилъ чисто педагогическими цѣлями, желаніемъ развить грамотность въ народѣ, а второй тѣмъ, что онъ узналъ о содержаніи прокламаціи гораздо позже, много времени спустя послѣ передачи ихъ свидѣтелямъ. Относительно способа полученія прокламаціи Гамовымъ защитникъ доказывалъ справедливость объясненія обвиняемаго о томъ, что онъ получилъ ихъ отъ своего товарища Баснина, котораго Гамовъ зналъ за человѣка честнаго и хорошаго и имѣющаго при этомъ извѣстный авторитетъ въ дѣлѣ народнаго обученія, а потому и повѣрилъ рекомендаціи его относительно книгъ.. Указавъ въ заключеніе на то, что при обыскѣ у Гамова не было обнаружено ничего предосудительнаго или могущаго служить какимъ-либо обвиненіемъ, что онъ не былъ вовсе знакомъ и не имѣлъ ничего общаго съ прочими обвиняемыми по этому дѣлу, и, наконецъ, на многочисленность семейства обвиняемаго, которое онъ содержалъ своими трудами, защитникъ просилъ полнаго оправданія Гамова. Присяжный повѣренный Соколовскій, защитникъ Чикова, объяснилъ, что 251 ст. Улож, могла бы

быть примѣнена къ настоящему дѣлу только тогда, если бы составленію и распространенію прокламаціи предшествовала подготовительная работа, заключающаяся въ распространеніи въ средѣ общества недовольства противъ Правительства, или если бы члены этого кружка предполагали, что въ обществѣ находится столько разрушительныхъ элементовъ, что достаточно одной искры, чтобы произвести общественный пожаръ. Самая форма выраженій прокламацій указываетъ, что составители знали, что въ народѣ нѣтъ матеріала для возсозданія предположеннаго ими идеала, на что, по мнѣнію защитника, указываетъ самая форма ихъ выраженія. Прокламаціи, по мнѣнію г. Соколовскаго, не пишутся въ формѣ разговора учителя съ ученикомъ, а пишутся горячимъ словомъ равнаго къ равному. Къ Чикову 251 ст. Улож. не можетъ быть примѣнена тѣмъ болѣе, что по объясненію его, вполнѣ правдоподобному и ничѣмъ не опровергнутому, прокламацію онъ получилъ случайно отъ неизвѣстнаго ему человѣка. Ни съ кѣмъ изъ другихъ главныхъ участниковъ этого дѣла онъ не былъ знакомъ, за исключеніемъ одной только Ободовской. Но и въ этомъ послѣднемъ знакомствѣ не было также рѣшительно ничего противозаконнаго. Въ этомъ отношеніи г. Соколовскій обратилъ вниманіе и на то, что на судѣ прослѣжена вся жизнь Чикова и въ ней ничего предосудительнаго не было усмотрѣно. Условія, при которыхъ имъ была передана прокламація Грачевскому, также указываютъ на то, что передача эта была сдѣлана не съ противозаконною цѣлью, и что онъ не имѣлъ намѣренія этимъ склонить Грачевскаго къ принятію участія въ этомъ дѣлѣ. Это доказывается также характеромъ письма къ Грачевскому. Съ Грачевскимъ ранѣе этого онъ случайно познакомился на станціи и изъ разговоровъ съ нимъ узналъ, что онъ желаетъ поступить въ студенты; передавая прокламаціи Грачевскому, онъ просто хотѣлъ этимъ пустить ему, какъ новичку, пыль въ глаза, полиберальничать. Далѣе г. Соколовскій обратилъ вниманіе на то, что прокламаціи не могли принести никакого вреда, и въ подтвержденіе этого сослался на свидѣтелей, удостовѣряющихъ, что прочитанныхъ имъ прокламацій они или совершенно не понимали, или же понимали совершенно иначе. Указавъ въ заключеніе на то, что такая горсть людей, какою представляется настоящій кружекъ, не могла никакимъ образомъ поколебать основъ русской жизни, г. Соколовскій обратился къ Суду съ просьбою о милосердіи ко всѣмъ подсудимымъ. Присяжный повѣренный Матросовъ, защитникъ Сахаровой, указалъ на то, что о подсудимой нѣтъ въ дѣлѣ ни одного намека на первый періодъ дѣятельности главныхъ обвиняемыхъ, т. е. до отъѣзда ихъ изъ Петербурга. Нахожденіе же ея вмѣстѣ съ ними въ Сареево защитникъ объяснялъ только личными ея отношеніями къ Дмоховскому. Затѣмъ защитникъ остановился на разъясненіи того обстоятельства, которое обвинительною властью было принято за разнорѣчивость ея показаній, объясняя его простою неразвитостью обвиняемой и непониманіемъ ею сущности того дѣла, въ участіи въ которомъ она обвинялась. Отвергая вполнѣ это участіе въ виду неразвитости, отсутствія воспитанія и какихъ-либо познаній у Сахаровой, защитникъ просилъ о полномъ ея помилованіи. Присяжный повѣренный Куперникъ, защитникъ Циммермана, остановившись сначала на томъ преступленіи, въ которомъ обвиняется Циммерманъ, что недонесеніе не есть самостоятельное преступленіе, и отвѣтственность за него только тогда существуетъ, когда доказано главное преступленіе. Указавъ затѣмъ разницу въ понятіи о преслѣдованіи политическихъ преступленій въ государствахъ, гдѣ существуютъ организованные политическіе союзы и партіи, присяжный повѣренный Куперникъ, не находя въ прокламаціяхъ ничего преступнаго, замѣтилъ, что мысли этихъ прокламацій въ иной формѣ могли бы быть высказаны даже въ нашей печати при ея настоящемъ положеніи. Перейдя къ анализу недонесенія по Уложенію о наказ., защитникъ замѣтилъ, что каждый можетъ имѣть свой взглядъ на преступленіе, и если присяжный засѣдатель, не смотря на несомнѣнность факта преступленія, можетъ по разнымъ, ему одному только извѣстнымъ соображеніямъ, оправдать виновнаго, то нѣтъ основанія отнимать права свободнаго убѣжденія отъ каждаго частнаго лица и требовать, чтобы оно доносило о каждомъ преступленіи, тѣмъ болѣе, что для раскрытія преступленій въ государствахъ существуютъ особые органы. Обративъ, наконецъ, вниманіе на разницу въ обвиненіи Циммермана по обвинительному акту и по обвинительной рѣчи и находя, что это послѣднее по слѣдствію ничѣмъ не подтверждается, г. Куперникъ замѣтилъ, что Циммерману не было даже надобности доносить, такъ какъ преступный замыселъ и виновные были уже обнаружены самимъ Правительствомъ, и въ заключеніе просилъ полнаго оправданія своего кліента. Присяжный повѣренный Брутъ, защитникъ Сидорацкаго, ограничился указаніемъ на отсутствіе данныхъ къ обвиненію этого подсудимаго и на то, что если обвиненіе это и было основано на собственномъ сознаніи, сдѣланномъ имъ на предварительномъ слѣдствіи, то сознаніе это не было провѣрено на судѣ. Въ виду этого защитникъ требовалъ признанія обвиненія Сидорацкаго недоказаннымъ. Присяжный повѣренный Бурмистровъ, защитникъ Авессаломова, признавая подсудимаго виновнымъ лишь въ имѣніи у себя прокламаціи „Русскому народу“, которую онъ, по словамъ защитника, получилъ случайно, благодаря своей спеціальности учителя, и въ недонесеніи о томъ Правительству, указалъ на высказанное Авессаломовымъ несочувствіе этой прокламаціи, на его прежнюю безупречную дѣятельность и на то, что,





не объявляя Правительству объ имѣемой у него прокламаціи, онъ руководствовался исключительно опасеніемъ неблагопріятныхъ для него послѣдствій въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи, которыя бы онъ могъ этимъ на себя навлечь. Въ концѣ своей рѣчи защитникъ просилъ снисхожденія для подсудимаго во вниманіе къ его бѣдственному положенію и тѣмъ стѣснительнымъ послѣдствіямъ, съ которыми сопряжено привлеченіе его къ настоящему дѣлу, заявивъ при этомъ, что Суду не трудно быть снисходительнымъ. „Вамъ стоитъ только вспомнить, сказалъ г. Буймистровъ, Того, именемъ Котораго вы судите, вспомнить, что нашъ Государь далекъ отъ всякой суровости, и какія добрыя, въ высшей степени человѣческія начала, Онъ преподалъ новому суду“. Подсудимая Ободовская, не пожелавшая имѣть защитника, указывая на то, что у нея былъ найденъ лишь отрывокъ прокламаціи „Русскому народу“, утверждала, что отрывокъ этотъ попалъ къ ней совершенно случайно, вѣроятно съ какою-либо книгою, и что она не обратила на него никакого вниманія, если даже и видѣла его въ числѣ бывшихъ у нея писанныхъ или печатныхъ листовъ, такъ какъ онъ представлялся ей не болѣе, какъ лоскутомъ, неудобнымъ даже для чтенія. Выразивъ затѣмъ свое несочувствіе распространенію прокламацій, подсудимая объяснила свое знакомство съ подсудимымъ Чиковымъ, которое, по ея словамъ, ограничилось 3—4 свиданіями, общностью ихъ профессіи — народнаго учителя; занятія же свои этимъ предметомъ, не смотря на то, что, имѣя средства къ жизни, она не нуждалась въ жалованьѣ учительницы, Ободовская объяснила исключительно тѣмъ интересомъ, который это дѣло представляло въ ея глазахъ. Товарищъ оберъ-прокурора въ возраженіяхъ противъ защиты остановился на нѣкоторыхъ предметахъ особенной важности относительно политической стороны дѣла. Въ возраженіе защитнику Долгушина товарищъ оберъ-прокурора замѣтилъ, что, хотя въ прокламаціяхъ не указывается прямо на верховную власть, тѣмъ не менѣе, смыслъ ихъ и направленіе приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что онѣ имѣли въ виду эту именно власть, подразумѣваемую въ прокламаціяхъ подъ выраженіями: „Правительство“ и т. п. Приведенные защитникомъ доводы о томъ, что прочія прокламаціи, кромѣ прокламаціи „Русскому народу“, не могли быть составлены Долгушинымъ, и что онъ можетъ подлежать отвѣтственности лишь по новому закону о противозаконныхъ сообществахъ, обвинитель опровергалъ тѣмъ, что прокламаціи эти были предназначены для различныхъ слоевъ общества, чѣмъ и объясняется разница въ изложеніи и направленіи воззваній и тѣмъ, что законъ 7-го іюля сего года имѣетъ въ виду дѣйствія, направленныя противъ распоряженій Правительства, а не противъ самаго Правительства или верховной власти, какими представляются дѣйствія Долгушина. Отвѣчая защитнику Дмоховскаго, товарищъ оберъ-прокурора указалъ на значеніе свидѣтельскихъ показаній относительно поѣздки его за границу и причины, по которымъ обвиняемые были принуждены прекратить печатаніе прокламацій въ Сареево и перевести его въ Москву, а также на особое значеніе дѣлежа прокламацій между обвиняемыми, доказывающаго ихъ прямое намѣреніе распространять воззваніе. Далѣе товарищемъ оберъ-прокурора были сдѣланы возраженія на объясненія защитника Гамова о томъ, что этотъ обвиняемый не зналъ о содержаніи прокламацій, и наконецъ, указалъ на то, что всѣ обстоятельства, приведенныя защитникомъ Чикова въ его оправданіе, занесены въ обвинительный актъ. На возраженія товарища оберъ-прокурора были сдѣланы замѣчанія защитниками Долгушина, Дмоховскаго, Гамова и Чикова. Изъ нихъ первый повторилъ объясненія относительно обвиненія Долгушина въ составленіи прокламацій „Какъ жить по закону природы и правды“ и „Къ интеллигентнымъ людямъ“, настаивая на признаніи этого обвиненія недоказаннымъ, а также относительно примѣненія къ Долгушину наказанія. Присяжный повѣренный Спасовичъ остановился на значеніи свидѣтельскихъ показаній, уличающихъ, по мнѣнію обвинителя, его кліента и на возможности примѣнить къ нему новый законъ о противозаконныхъ сообществахъ. Защитникъ Гамова объяснилъ заявленія, сдѣланныя его кліентомъ во время засѣданія и, наконецъ, присяжный повѣренный Соколовскій указывалъ на различіе данныхъ, приведенныхъ относительно подсудимаго Чикова въ обвинительномъ актѣ и тѣхъ, которыя выяснились на судѣ и на обстоятельства, доказывающія несочувствіе обвиняемаго насильственнымъ переворотамъ. Первоприсутствующимъ было предложено всѣмъ обвиняемымъ: не желаютъ ли они представить еще чего-либо въ свое оправданіе? Подсудимый Дмоховскій призналъ себя виновнымъ въ томъ, что ему было извѣстно все, что дѣлалось на дачѣ Долгушина, что онъ участвовалъ во всѣхъ предположеніяхъ, составлявшихся Долгушинымъ, Папинымъ и Плотниковымъ и, наконецъ, въ пріобрѣтеніи станка съ намѣреніемъ устроить тайную типографію для печатанія сочиненій, направленныхъ противъ частной собственности, но отрицалъ существованіе въ этихъ дѣйствіяхъ преступнаго умысла и просилъ снисхожденія для трехъ обвиняемыхъ, которые привлечены къ дѣлу по винѣ его, Долгушина, Папина и Плотникова. Подсудимые Плотниковъ, Гамовъ и Чиковъ точно также въ краткихъ словахъ повторили сказанное о сущности ихъ убѣжденій и дѣйствій: остальные затѣмъ обвиняемые никакихъ заявленій не сдѣлали. Затѣмъ Судъ удалился для постановки вопросовъ и по возвращеніи въ залу засѣданія были прочитаны проекты вопросовъ. По прочтеніи первоначальной редакціи вопросовъ

защитники просили дать имъ вопросный листъ и нѣсколько времени на совѣщаніе въ виду сложности дѣла, что и было имъ предоставлено, и засѣданіе прервано до 12 часовъ слѣдующаго дня. Засѣданіе 14-го іюля. По открытіи засѣданія присяжный повѣренный Спасовичъ отъ имени всѣхъ защитниковъ просилъ Судъ объ измѣненіи поставленнаго имъ проекта вопросовъ. Измѣненіе, о которомъ ходатайствовали защитники, состояло, главнымъ образомъ, въ постановкѣ вопроса о событіи отдѣльно отъ вопроса о виновности каждаго изъ подсудимыхъ и въ опредѣленіи этого событія тѣми различными признаками, которыми Уложеніе о нак. опредѣляетъ преступленія, предусмотрѣнныя 251, 274 и 318 статьями этого Уложенія. Затѣмъ присяжный повѣренный Герке прочелъ составленный защитниками проектъ вопросовъ, затѣмъ Судъ удалился для обсужденія заявленія защитниковъ и по совѣщаніи первоприсутствующій прочелъ слѣдующую редакцію вопросовъ: 1) Доказано ли, что дворянинъ Александръ Васильевъ Долгушинъ, 25 лѣтъ, по предварительному соглашенію съ другими лицами, съ цѣлью составленія, печатанія и распространенія воззваній, направленныхъ къ возбужденію бунта и явнаго неповиновенія верховной власти завелъ типографію, находившуюся сперва въ дер. Сареево, потомъ переведенную въ Москву въ домъ Степанова? 2) Изобличаются-ли въ соглашеніи и совокупныхъ съ Долгушинымъ по упомянутому въ 1-мъ пунктѣ предмету дѣйствіяхъ: а) дворянинъ Л. А. Дмоховскій, 23 лѣтъ, б) дворянинъ И. И. Папинъ, 25 лѣтъ, в) дворянинъ Н. А. Плотниковъ, 23 лѣтъ? 3) Составлены и напечатаны-ли этими лицами въ упомянутой въ 1-мъ пунктѣ типографіи воззванія „Русскому народу", „Какъ должно жить по закону природы и правды" и „Къ интеллигентнымъ людямъ", назначенныя для распространенія съ указанною въ 1-мъ вопросѣ цѣлью и по содержанію своему этой цѣли соотвѣтствующія? 4) Были-ли означенныя воззванія распространяемы черезъ печатаніе и раздачу ихъ различнымъ лицамъ изъ крестьянскаго сословія и другимъ? 5) Если воззванія эти были распространяемы, то виновны-ли: а) Долгушинъ въ томъ, что управлялъ совершенными съ тою цѣлью дѣйствіями другихъ лицъ и что сверхъ того переслалъ крестьянину Аѳанасьеву по одному экземпляру воззванія „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды"; б) Дмоховскій—въ участіи съ Долгушинымъ по предмету управленія вышеозначенными дѣйствіями относительно распространенія тѣхъ воззваній; в) Папинъ — въ передачѣ воззванія „Русскому народу" крестьянину Щербакову и рядовому Федорову съ тою же цѣлью; г) Плотниковъ — въ передачѣ воззванія „Русскому народу" крестьянину И. Тихонову съ тою же цѣлью; е) крестьянинъ А. Васильевъ, 19 лѣтъ, въ передачѣ воззванія „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды" Д. Иванову, крестьянину А. Смирнову и другимъ лицамъ около 60 экземпляровъ; ж) дворянинъ Д. Гамовъ, 26 лѣтъ, въ передачѣ съ тою же цѣлью воззванія „Русскому народу" и „Какъ должно жить по закону природы и правды" крестьянамъ Мартынову и Егорову; з) дворянинъ А. Чиковъ, 26 лѣтъ, въ отсылкѣ съ тою же цѣлью съ студентомъ Поповымъ служащему на Грязе-Царицинской желѣзной дорогѣ Грачевскому воззванія „Къ интеллигентнымъ людямъ" и „Какъ должно жить по закону природы и правды"? 6) Если Долгушинъ, Дмоховскій, Папинъ и Плотниковъ не виновны по 5-му вопросу, то не виновны-ли они въ составленіи противозаконнаго сообщества съ цѣлью произвести въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ возстаніе противъ Государя и государства, или ниспроверженіе Правительства, или перемѣну образа правленія, но не обнаруживъ умысла дѣйствовать насильственно? 7) Если Гамовъ и Чиковъ не виновны по 5-му пункту, то не виновны-ли они въ томъ, что имѣли у себя, безъ дозволенія на то, означенныя въ томъ вопросѣ противозаконныя воззванія, которыя передали другимъ лицамъ безъ умысла на распространеніе? 8) Виновна-ли мѣщанка Т. П. Сахарова, 26 лѣтъ, въ томъ, что находясь при совершеніи противозаконныхъ дѣяній, указанныхъ въ 3-мъ вопросѣ и сознавая преступность оныхъ, не принимала никакихъ мѣръ къ предупрежденію предпринятаго зла, хотя и имѣла къ тому и время и возможность? 9) Виновенъ-ли рижскій мѣщанинъ Э. Циммерманъ, 24 лѣтъ, въ томъ, что, зная со словъ подсудимаго А. Васильева, что послѣднимъ роспространены экземпляры воззванія „Русскому народу", не донесъ объ этомъ, какъ бы слѣдовало, надлежащей власти? 10) Виновенъ-ли дворянинъ В. П. Сидорацкій, 20 лѣтъ, въ томъ, что получивъ воззваніе подъ заглавіемъ „Къ интеллигентнымъ людямъ", держалъ оное у себя, не имѣя на то разрѣшенія начальства? 11) Виновенъ-ли сынъ священника Н. Ф. Авессаломовъ, 23 лѣтъ, въ томъ, что, получивъ воззваніе „Русскому народу", держалъ оное у себя, не имѣя на то разрѣшенія начальства — и 12) Виновна-ли дочь купца А. Я. Ободовская, 26 лѣтъ, въ томъ, что имѣющуюся у нея часть воззванія „Русскому народу" хранила у себя безъ разрѣшенія начальства? По утвержденіи этой редакціи Судъ удалился на совѣщаніе, продолжавшееся $1^1/_2$ часа и по возвращеніи первоприсутствующій прочиталъ утвердительные отвѣты на всѣ вопросы, за исключеніемъ 6-го, который оставленъ безъ отвѣта. Затѣмъ первоприсутствующій объявилъ, что Судъ удалится для постановленія приговора. 15-го сего іюля, ровно въ 2 часа по полудни Особое Присутствіе Правительствующаго Сената объявило слѣдующую резолюцію по дѣлу о составленіи, напечатаніи и распространеніи прокламацій: „1874 года, іюля 15-го дня, по Указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ

въ особомъ присутствіи въ слѣдующемъ составѣ: первоприсутствующій сенаторъ Я. Я. Чемадуровъ, сенаторы: А. Г. Евреиновъ, Н. О. Тизенгаузенъ, князь Н. М. Голицынъ, Б. Н. Хвостовъ, Ф. К. Шульцъ, предводители дворянства: тверской губернскій князь Б. В. Мещерскій, опочецкій уѣздный А. А. Померанцевъ, одесскій городской голова Н. А. Новосельскій и парголовскій волостной старшина И. Зоринъ, при оберъ-секретарѣ Г. И. Трахтенбергѣ и товарищѣ оберъ-прокурора Стадольскомъ,— выслушавъ дѣло по обвиненію дворянъ: Долгушина, Дмоховскаго, Папина и другихъ въ составленіи, печатаніи и распространеніи воззваній преступнаго содержанія и пренія сторонъ, находятъ виновными: 1) подсудимыхъ Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова, Васильева и Гамова въ распространеніи составленныхъ и напечатанныхъ для этой цѣли первыми 4-мя въ заведенной ими типографіи воззваній: „Русскому народу", „Какъ должно жить по закону природы и правды" и „Къ интеллигентнымъ людямъ", каковыя воззванія направлены къ возбужденію явнаго неповиновенія Верховной власти и бунту; 2) Подсудимую Сахарову въ томъ, что она, узнавъ о напечатаніи и выпускѣ въ обращеніе Долгушинымъ и его сообщниками означенныхъ противозаконныхъ воззваній не донесла объ этомъ; 3) подсудимаго Циммермана въ томъ, что узнавъ отъ упомянутаго выше Васильева объ учиненномъ симъ послѣднимъ распространеніи сихъ воззваній, не донесъ объ этомъ и 4) подсудимыхъ Чикова, Сидорацкаго, Авессаломова и Ободовскую въ томъ, что они, получивъ первый — воззваніе „Какъ должно жить по закону природы и правды" и „Къ интеллигентнымъ людямъ", второй—сіе послѣднее воззваніе, третій—воззваніе „Русскому народу" и четвертая часть этого послѣдняго воззванія,—держали оныя у себя, не имѣя на то разрѣшенія подлежащаго начальства. Вслѣдствіе сего и признавая подсудимыхъ Долгушина и Дмоховскаго—зачинщиками содѣяннаго преступленія и примѣняя къ настоящему дѣлу 251 и 126 и нижеприводимыя статьи Улож. о нак., а относительно подсудимаго Васильева и ст. 775 Уст. Угол. Суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) дворянъ: Александра Долгушина, 25 лѣтъ и Льва Дмоховскаго, 23 лѣтъ, на основаніи 1-й части 251, 13, 118 и 19 (степ. 5) ст. Улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ съ послѣдствіями въ 25 ст. Улож. о нак. опредѣленными; 2) дворянъ: Ивана Папина, 25 лѣтъ, Николая Плотникова, 23 лѣтъ, на основаніи 1-й части 251, 119, 134 п. 2-го, 135 и 19 (степ. 7-й) ст. Улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ съ тѣми же послѣдствіями; 3) дворянина Дмитрія Гамова, 26 лѣтъ, на основаніи 1-й части 251 и 19 (степ. 5) ст. Улож. о нак., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ; 4) крестьянина Ананія Васильева, 19 лѣтъ, признать подлежащимъ, на основаніи 1-й части 251, 119, 134 п. 2-го и 4-го, 135, 139 и 19 (степ. 7-й) ст. Улож. о наказ., лишить всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 2 года и 8 мѣсяцевъ, но въ виду представляющихся по дѣлу особыхъ уваженій къ облегченію участи сего подсудимаго, всеподданнѣйше ходатайствовать передъ Его Императорскимъ Величествомъ, чрезъ Министра Юстиціи, о замѣнѣ этого наказанія для него, Васильева, 2-хъ лѣтнимъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ безъ лишенія правъ; 5) мѣщанку Татьяну Сахарову и гражданина Эмилія Циммермана, 24 лѣтъ, на основаніи 126 ст. Улож. о нак. подвергнуть аресту: 1-ую на 1 мѣсяцъ, а послѣдняго на 2 недѣли; 6) дворянина Александра Чикова, 24 лѣтъ, дворянина Василія Сидорацкаго, 20 лѣтъ, купеческую дочь Александру Ободовскую, 26 лѣтъ, и священническаго сына Ивана Авессаломова, 29 лѣтъ, на основаніи 3 ч. 251, 140 (п. 5) ст. Улож. о нак. подвергнуть аресту: Чикова на 2 мѣсяца, Сидорацкаго на 3 дня, Ободовскую на 7 дней и Авессаломова на 7 дней, и изъ нихъ Чикова отдать потомъ подъ надзоръ полиціи на 2 года; 7) судебныя по настоящему дѣлу издержки взыскать съ осужденныхъ лицъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ, принять на счетъ казны и 8) приговоръ относительно дворянъ Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова и Гамова, согласно съ 945 ст. Уст. Угол. Суд., представить чрезъ Министра Юстиціи на Высочайшее Его Императорскаго Величества Усмотрѣніе.

1875 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(№№ 158, 159, 160 и 162.)

Дѣло о Дьяковѣ, Сиряковѣ, Герасимовѣ, Александровѣ, Зайцевѣ, Янсонѣ, Ельцовѣ и Вячеславовѣ, обвиняемыхъ въ политическомъ преступленіи.

(Засѣданіе Особаго присутствія Правительствующаго Сената.)

Предсѣдательствуетъ первоприсутствующій сенаторъ А. Г. Евреиновъ; присутствуютъ сенаторы: М. Н. Туруновъ, Н. О. Тизенгаузенъ и Б. Н. Хвостовъ

и сословные представители: предводители дворянства: тверской губернскій князь Б. В. Мещерскій, вышневолоцкій уѣздный Н. В. Сназинъ-Тормасовъ, одесскій городской голова Н. А. Новосельскій и волостной старшина парголовской волости И. Зоринъ, при оберъ-секретарѣ Г. И. Трахтенбергѣ. Обвиняетъ товарищъ оберъ-прокурора Н. Н. Шрейберъ; защищаютъ присяжные повѣренные: Бардовскій — Герасимова, Боровиковскій—Александрова, Ольхинъ—Зайцева, Михайловъ—Янсона, Богаевскій — Ельцова и Вячеславова. Подсудимые Дьяковъ и Сиряковъ защищаются сами. По спросѣ первоприсутствующимъ подсудимыхъ о ихъ имени, отчествѣ, фамиліи, званіи, вѣроисповѣданіи и о томъ, получили-ли они копіи съ обвинительнаго акта, былъ прочитанъ послѣдній, содержащій въ себѣ слѣдующія данныя: Въ началѣ апрѣля мѣсяца сего 1875 года, рабочій фабрики Чешера, крестьянинъ Яковъ Самойловъ и безсрочно-отпускной бомбардиръ Антонъ Андреевъ подали начальнику с.-петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія заявленія, въ коихъ изъяснили: 1-й, что на дворъ фабрики Чешера въ квартиру рабочихъ Михаила Васильева, Матвѣя Тарасова, Никифора Кондратьева и др., приходилъ молодой человѣкъ, который читалъ имъ, послѣ занятій, о старинѣ, а потомъ о самарскомъ голодѣ. Когда Тарасовъ, Кондратьевъ и др. переѣхали на новую квартиру на Черную Рѣчку, то чтенія тамъ продолжались. Бывая у нихъ, слышалъ чтеніе книги „Хитрая Механика"; и 2-й, что въ концѣ марта 1875 года, братъ его, безсрочно-отпускной рядовой Яковъ Андреевъ, работающій на фабрикѣ Чешера, принесъ ему „Исторію одного французскаго крестьянина", объяснивъ, что подобныя книги въ квартиру рабочихъ, живущихъ въ Выборгской части, на дачѣ Бобонина, носятъ студенты. Замѣтивъ, что въ принесенной книгѣ нехорошо говорится, онъ ходилъ къ брату нѣсколько воскресеній и заставалъ тамъ читавшаго студента и нѣсколькихъ рабочихъ. Послѣ чтенія былъ разговоръ о томъ, что нужно всѣмъ соединиться и произвести бунтъ. Студентъ говорилъ, что нужно уничтожить купцовъ, дворянъ и Царя. При этомъ Антонъ Андреевъ представилъ книги: „Емельку Пугачева", „Сказку о четырехъ братьяхъ", „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ", „Хитрую Механику", полученныя имъ отъ студента и рабочаго фабрики Чешера, Василія Герасимова и присовокупилъ, что Герасимовъ съ фальшивымъ паспортомъ отправился въ Выборгъ. Произведенными, вслѣдствіе сего, дознаніемъ и предварительнымъ слѣдствіемъ обнаружено: 1) что суденть с.-петербургскаго университета Вячеславъ Михайловъ Дьяковъ, подъ именемъ Василія Михайлова, войдя въ концѣ 1874 г. въ знакомство съ нѣкоторыми рабочими фабрики Чешера, злоумышлено распространялъ сначала между ними, а потомъ между нѣкоторыми нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка и другими лицами, какъ непосредственно, такъ и чрезъ посредство другихъ лицъ, сочиненія, имѣющія цѣлью возбудить къ бунту и что въ означенной преступной дѣятельности Дьякова приняли завѣдомое участіе студентъ с.-петербургскаго университета Алексѣй Ивановъ Сиряковъ, подъ именемъ Алексѣя Иванова и рабочіе фабрики Чешера, жившіе на Выборгской Сторонѣ, по Головинскому переулку, на дачѣ Бобонина № 24, с.-петербургскіе мѣщане Василій Герасимовъ и Діомидъ Александровъ; 2) что музыкантъ лейбъ-гвардіи московскаго полка Трофимъ Зайцевъ и фельдшерскій ученикъ того же полка Юрій Янсонъ находились въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ означенныхъ выше лицъ, получали отъ нихъ упомянутыя преступныя сочиненія и знали объ ихъ преступной дѣятельности, и 3) что студенты с.-петербургской медико-хиругической Академіи Владиміръ Ельцовъ и Всеволодъ Вячеславовъ имѣли означенныя преступныя сочиненія. Предъ Рождествомъ 1874 года рабочій фабрики Чешеръ, находящейся на Выборгской Сторонѣ, крестьянинъ Тверской губерніи Степанъ Зарубай познакомилъ рабочихъ этой фабрики, крестьянъ Никифора Кондратьева и Мавѣя Тарасова съ крестьяниномъ Калужской губерніи Федосѣемъ Шиловымъ, который перешелъ на ту же фабрику. Шиловъ разсказывалъ Тарасову и Кондратьеву, что, когда онъ работалъ на кожевенной фабрикѣ, къ нимъ ходили господа, снимали для нихъ квартиру и носили имъ книжки. Когда Кондратьевъ и Тарасовъ сказали Шилову, что хорошо бы доставать новенькія книжки для чтенія, то Шиловъ познакомилъ ихъ со сторожемъ библіотеки, что въ клиникѣ, Иваномъ Тимоѳеевымъ и приносилъ отъ него книжки. Передъ самымъ Новымъ годомъ Тимоѳеевъ въ трактирѣ противъ московскихъ казармъ, встрѣтившись съ Кондратьевымъ и Тарасовымъ, познакомилъ ихъ съ Василіемъ Михайловымъ (оказавшимся студентомъ с.-петербургскаго университета Вячеславомъ Михайловымъ Дьяковымъ), который съ тѣхъ поръ сталъ ихъ посѣщать. При слѣдствіи Матвѣй Тарасовъ объяснилъ, что въ первый же вечеръ знакомства Василій Михайловъ на квартирѣ Кондратьева, когда они жили еще во дворѣ фабрики Чешера, говорилъ, что много расходовъ государственныхъ, что одного процента платимъ 90 милліоновъ, и что когда бы не было государства, не было бы и такихъ расходовъ; за симъ ходилъ на квартиру свидѣтеля познакомиться съ его товарищами по квартирѣ и остался у Кондратьева ночевать. Въ третій приходъ на квартиру свидѣтеля Михайловъ принесъ рукопись о самарскомъ голодѣ, читалъ и толковалъ ее имъ, при чемъ было человѣкъ шесть рабочихъ. Чрезъ нѣсколько времени свидѣтель вмѣстѣ съ Кондратьевымъ переѣхали, по просьбѣ Михайлова, на новую квартиру (на Черной рѣчкѣ, № 1), на занятіе которой

Михайловъ далъ 10 руб. сер. и просилъ, чтобы какъ можно больше народа опредѣлили бы на квартиру и приглашали къ себѣ слушать, какъ онъ будетъ читать. На эту квартиру Василій Михайловъ ходилъ къ нимъ часто, раза по три-четыре въ недѣлю, по буднямъ вечеромъ, а по праздникамъ поутру; приносилъ книги, читалъ ихъ имъ, въ томъ числѣ „Хитрую Механику" и просилъ раздавать рабочимъ книги, которыя передавалъ ему и Кондратьеву. Далъ имъ всего около 60 книжекъ, но нѣкоторыя бралъ назадъ, такъ что осталось книжекъ сорокъ, которыя они и представили въ два раза чиновнику Назорову. Василій Михайловъ читалъ также рукопись: „Мужицкую копейку", какъ мужикъ зарабатываетъ копейку, и какъ эта копейка опять идетъ къ купцу и „О ассоціаціяхъ", и дѣлалъ толкованіе, что, вотъ, говоритъ, живутъ тамъ въ Англіи рабочіе въ довольствіи и никакого разсору нѣтъ; можно, говоритъ, намъ отобрать отъ фабрикантовъ всѣ фабрики, уничтожить Правительство, побить всѣхъ господъ, отобрать ихъ землю и подѣлить между крестьянами. Говорилъ, что настоящее положеніе полтора или два года больше не протянется, только нужно вырвать корень; а если пошибешь только сучья, то пойдутъ отростки и опять будетъ то же, что теперь. Толковалъ, что и въ войскахъ тоже не дремлютъ, офицеры многіе за нихъ и не будутъ командовать чтобы мужиковъ бить. Недѣли за двѣ до масленицы Михайловъ, привелъ къ нимъ Алексѣя Иванова (оказавшагося студентомъ с.-петербургскаго университета Алексѣемъ Ивановымъ Сиряковымъ), говоря, что ему самому некогда ходить къ нимъ, потому что „мѣстовъ, куда надо ходить распространять — много —, а насъ народу мало", а теперь будетъ ходить Алексѣй Ивановъ, носить книжки и читать. Въ первое посѣщеніе Алексѣй Ивановъ началъ толковать о географіи, говорилъ о мѣстахъ, гдѣ народъ живетъ безъ правительства, и что тѣмъ, которые живутъ безъ правительства—лучше. Во второй разъ Алексѣй Ивановъ принесъ „Пугачева", но прочелъ не всю и толковалъ, что Пугачевъ дѣлалъ ошибки потому, что началъ жить по-царски, а о простанородьи забылъ; поэтому, если случится бунтъ, имъ не нужно давать одному человѣку такое препорученіе, какое имѣлъ Пугачевъ. При этомъ свидѣтель, будучи неграмотнымъ, описалъ изображеніе, имѣвшееся на книжкѣ „Пугачевъ". Въ третій разъ Алексѣй Ивановъ пришелъ къ нимъ вмѣстѣ съ Василіемъ Михайловымъ и Алексѣй дочитывалъ Пугачева. Тутъ они толковали, какъ надо разъѣхаться по сторонамъ и распространять о томъ, какъ Правительство притѣсняетъ, и раздавать книжки, и предлагали ему, Тарасову, ѣхать въ село Иваново, Шуйскаго уѣзда, съ означенною цѣлью. Всего Алексѣй Ивановъ былъ разъ пятнадцать у нихъ, но не всякій разъ читалъ, а, бывало, придетъ, поведетъ въ трактиръ, угоститъ чаемъ и водкой. Свидѣтель Никифоръ Кондратьевъ, подтверждая въ существенныхъ чертахъ показаніе Тарасова, между прочимъ объяснилъ, что Василій Михайловичъ читалъ имъ рукопись „О самарскомъ голодѣ", „Календарь", „Четыре брата", „Хитрую механику", „Пугачева", „Пѣсенникъ", листокъ „Чтой-то братцы плохо живется". При чтеніи Михайловъ говорилъ, что Правительства не нужно, а также капиталистовъ; чтобы фарики и заводы достались въ общественную пользу, земли всѣ подѣлить поровну, чтобы всѣ были равны; говорилъ, что эти книги нужно раздавать народу, чтобы пріучить народъ дѣлать возстаніе, при которомъ уничтожить Правительство и господъ; что это и въ другихъ державахъ такъ будетъ. Свидѣтелю и Тарасову Василій Михайловъ давалъ „Хитрую механику", „О четырехъ братьяхъ", „Французскаго крестьянина", „Пѣсенникъ", „Чтой-то, братцы, плохо живется", „Безоброчный", „Фабричные очерки", другихъ не помнитъ. Всѣ книги, которыя онъ получалъ отъ Василія Михайлова, свидѣтель представилъ чиновнику полиціи Назорову, котораго свидѣтель зналъ съ 1874 г. по другому дѣлу о студентахъ, раздававшихъ книжки; боясь, чтобы съ Василіемъ самимъ не попасть въ отвѣтъ, они съ Тарасовымъ заявили о Василіи Назорову. Алексѣй Ивановъ (студентъ Сиряковъ) читалъ имъ „Хитрую механику", „Ассоціацію", другихъ не помнитъ; при чемъ толковалъ о Правительствѣ, землѣ и проч., то же, что и Михайловъ. Алексѣй Ивановъ далъ свидѣтелю, чтобы раздавать народу книжки: „О четырехъ братьяхъ" и листокъ „Чтой-то братцы", а Тарасову при немъ, свидѣтелѣ, „Хитрую механику", „Пугачева" и „Чтой-то, братцы". Михайловъ и Алексѣй Ивановъ уговорили жившаго со свидѣтелемъ крестьянина Шилова ѣхать на родину для раздачи книжекъ, и Василій далъ Шилову на дорогу 6 руб. и разныхъ книгъ, а сверхъ того сторожъ библіотеки Тимофеевъ далъ отъ себя Шилову 4 руб. Отправленіе Шилова было въ началѣ Великаго поста, потому что крестьянинъ Зарубай писалъ изъ Тверской губерніи, что нужны книжки, и въ письмѣ было сказано: жатвы много, а дѣлателей мало. Письмо это читалъ имъ Василій, было оно у Шилова, а кому было писано—не знаетъ. Независимо отъ сего крестьянинъ Яковъ Самойловъ объяснилъ, что въ то время, когда онъ жилъ съ крестьяниномъ Тарасовымъ во дворѣ фабрики Чешера, Василій Михайловъ читалъ тамъ первый разъ книжку о русскихъ древностяхъ, а второй разъ о самарскомъ голодѣ; по прочтеніи сталъ разъяснять, что рабочему нужно стать заодно; подлинныхъ словъ не помнитъ, онъ не догаваривалъ, но видно, что противъ Правительства говорилъ. Человѣкъ 12 было рабочихъ при его чтеніи и толкованіи. Потомъ, когда Тарасовъ переѣхалъ на новую квартиру, то одинъ разъ Василій Михайловъ при немъ, Самойловѣ, читалъ кажется „У перевоза"; здѣсь говорилось, что одинъ

подалъ отъ міра прошеніе Императору, и пропалъ изъ-за этого. Означенные выше Тимофеевъ и Шиловъ были разыскиваемы, но по настоящее время не найдены. На Выборгской сторонѣ по Головинскому переулку, на дачѣ Бобонина, № 24, жили: 1) уроженецъ Лифляндской губерніи Матисъ Рейкасъ; 2) Нарвскій мѣщанинъ Микель Классонъ; 3) Кронштадтскій мѣщанинъ Александръ Янсонъ; 4) временно-отпускной рядовой Яковъ Андреевъ Крампе; 5) С.-Петербургскій мѣщанинъ Павелъ Александровъ и обвиняемые 6) Діомидъ Александровъ и 7) Василій Герасимовъ. Изъ лицъ жившихъ на дачѣ Бобонина объяснили: 1) Павелъ Александровъ — что предъявленнаго ему студента Дьякова знаетъ подъ именемъ слесаря Василія Михайлова; съ нимъ его познакомилъ Діомидъ Александровъ недѣли за двѣ или ранѣе до Рождества. Діомидъ его привелъ въ квартиру, когда они жили еще на дачѣ Базунова, на Малой Невкѣ. Въ первый приходъ Василій Михайловъ читалъ имъ „Французскаго крестьянина“ и про „Четырехъ братьевъ“. Послѣ его ухода началъ читать „Французскаго крестьянина“ Діомидъ съ того мѣста, на которомъ остановился Михайловъ и, окончивъ чтеніе, сказалъ, что прочелъ всю книжку. Когда они переѣхали на дачу Бобонина (что, по показанію Рейкаса, было 23-го февраля), Михайловъ ходилъ къ нимъ въ недѣлю раза 2 — 3, болѣе по праздникамъ. Всякій разъ читалъ книжки: прочелъ „Пугачева“, читалъ два раза что-то писанное, не помнитъ что; говорилъ что если будетъ бунтъ и наша возметъ, то выборныхъ поставятъ, Царя и купцовъ не будетъ; что нужно дружнѣе быть, что солдатъ не надо бить, что солдаты пойдутъ на Царя, что солдатъ надо тоже учить, давать имъ книжки, чтобы они на насъ не пошли. Свидѣтель видѣлъ, что Михайловъ давалъ Герасимову раза три какія-то книжки; какія—не знаетъ, видѣлъ только „Пѣсенникъ“. Онъ также давалъ книжки и Діомиду Александрову. Книги полученныя отъ Михайлова Герасимовымъ и Діомидомъ Александровымъ, лежали у нихъ въ незапертомъ столѣ, а на ночь они куда-то выносили ихъ изъ квартиры, завернувъ ихъ въ тряпку, говоря, что боятся обыска. Герасимовъ и Діомидъ Александровъ получали книжки, чтобы раздавать ихъ другимъ; кому именно роздали—не знаетъ, но видѣлъ, что Герасимовъ раза три давалъ книжки своимъ знакомымъ, приходившимъ въ ихъ квартиру по воскресеньямъ а однажды въ субботу далъ солдату Трофиму Зайцеву и двумъ ученикамъ его, кажется, по двѣ книжки. Кромѣ того, Герасимовъ далъ при свидѣтелѣ солдату Яно Сандеру, пришедшему въ ихъ квартиру, одинъ разъ какія-то двѣ или три книжки, и листокъ „Чтой-то братцы“, а другой разъ „Пугачева“. Раздавалъ-ли книжки Діомидъ Александровъ — не знаетъ, но онъ часто уходилъ изъ дома и иногда уносилъ книжки по двѣ: но приносилъ-ли ихъ обратно — не знаетъ, только разъ видѣлъ, что принесъ назадъ одну книжку. Свидѣтель былъ однажды въ казармахъ лейбъ-гвардіи московскаго полка съ Василіемъ Герасимовымъ. Изъ нихъ Герасимовъ читалъ солдатамъ „Чтой-то, братцы, плохо живется“, а потомъ Михайловъ читалъ про „Четырехъ братьевъ“. Сперва они были въ 9-й ротѣ, а послѣ пошли къ музыкантамъ; у послѣднихъ Герасимовъ и Михайловъ читали тѣ-же книжки. Въ 9-й ротѣ во время чтенія было много солдатъ, но свидѣтель можетъ назвать одного Яна Сандера. Точно также и въ музыкантской во время чтенія были солдаты, но свидѣтель знаетъ только Зайцева. Въ этотъ разъ Герасимовъ оставилъ въ 9-й ротѣ Яну Сандеру сколько-то книжекъ, но сколько — не замѣтилъ. Янъ Сандеръ сперва не хотѣлъ ихъ брать, а потомъ взялъ-ли, не знаетъ. Также по окончаніи чтенія въ музыкантской Герасимовъ оставилъ Зайцеву три книжки, сверху свидѣтель видѣлъ „Пугачева“. Затѣмъ въ другой разъ, на слѣдующей за первымъ посѣщеніемъ недѣлѣ, свидѣтель былъ въ московскихъ казармахъ съ однимъ Василіемъ Герасимовымъ: сперва они тоже зашли въ 9-ю роту, а потомъ въ музыкантскую. Въ обоихъ мѣстахъ Герасимовъ читалъ тѣ-же книжки, что и въ первый разъ, и еще „Пугачева“. Послѣ чтенія далъ Яну Сандеру двѣ или три книжки; сверху видѣлъ листокъ „Чтой-то, братцы“, а Зайцеву; 1) „Пугачева“, 2) про „Четырехъ братьевъ“ и 3) листокъ „Чтой-то, братцы“. Послѣ Рождества, порядочно спустя какъ они познакомились съ Михайловымъ, Діомидъ Александровъ привелъ къ нимъ на квартиру человѣка, по ремеслу слесаря, по крайней мѣрѣ онъ самъ и Діомидъ такъ говорили, Алексѣя Иванова (оказавшагося студентомъ Алексѣемъ Ивановымъ Сиряковымъ); о томъ, что онъ студентъ—свидѣтель не зналъ. Посѣщая ихъ квартиру, Алексѣй Ивановъ прочелъ печатный листъ о томъ, что хотятъ крестьянъ установить по новымъ правамъ; говорилъ что крестьянамъ хуже будетъ, но хорошо не понялъ. Въ другой разъ читалъ изъ большой печатной книги „Стенька Разинъ“, какъ тотъ воевалъ за крестьянъ, и говорилъ, что его неправильно считаютъ разбойникомъ, что онъ стоялъ за крестьянъ и уничтожалъ господъ и купцовъ. Засимъ прочелъ изъ „Пугачева“ часть о томъ, какъ Пугачевъ господъ билъ. Недѣли три или четыре передъ Пасхой Матвѣй Тарасовъ, у котораго свидѣтель (на фабрикѣ Чешера) работалъ, какъ у подмастерья въ комплектѣ, предложилъ ему итти къ полицейскому чиновнику Назорову, говоря что долженъ заявить ему объ всемъ и такимъ образомъ будетъ безопасенъ. Сперва свидѣтель не довѣрялъ Тарасову, но потомъ, будучи выпивши, согласился. Свидѣтель былъ разъ шесть или больше у Назорова и все разсказывалъ. Ходить было далеко, приходилось прогуливать время, и Назоровъ давалъ ему на

извозчика когда 1 руб., когда 50 коп. Назоровъ говорилъ, что когда ему дадутъ книжки, чтобы ихъ приносилъ ему. Свидѣтель и просилъ Алексѣя Иванова дать книжки; послѣдній принесъ, когда свидѣтеля дома не было, шесть книгъ: „Пугачева“, „О четырехъ братьяхъ“ и два листка: „Чтой-то братцы“; еще какія—не знаетъ, книги эти и 5 руб. Алексѣй Ивановъ отдалъ для врученія свидѣтелю Якову Андрееву. Три книги свидѣтель отдалъ Назорову, а остальныя сжегъ, потому что Антонъ Андреевъ хотѣлъ доносить. 2) Временно-отпускной рядовой Яковъ Андреевъ Крампе—что присутствовавшій при допросѣ студентъ Дьяковъ ему извѣстенъ подъ именемъ Василія и называлъ себя слесаремъ; въ первый разъ увидѣлъ его въ ихъ квартирѣ (на дачѣ Бобонина), кажется, на масляной. Приходилъ онъ два—три раза въ недѣлю, приносилъ книжки и читалъ ихъ жившимъ въ квартирѣ рабочимъ; при немъ, свидѣтель, читалъ: „Французскаго крестьянина“, „Пугачева“, „Хитрую механику“; другихъ книгъ не помнитъ. Иногда Василій при чтеніи толковалъ рабочимъ прочитанное; говорилъ, что нужно, чтобы всѣ были за одно, что тогда начальства будетъ не нужно, что будетъ одинъ выборный, что еще говорилъ — не помнитъ. На третьей или четвертой недѣлѣ поста, взялъ тихонько у Діомида Александрова изъ-подъ тюфяка „Французскаго крестьянина“, гдѣ еще лежали такія же двѣ книжки свидѣтель далъ брату своему, Антону Андреву, который, прочтя ее самъ приходилъ въ квартиру ихъ и, какъ говорилъ, пріобрѣлъ еще 4—5 экземпляровъ запрещенныхъ книгъ. Герасимовъ при немъ говорилъ рабочимъ, что студентъ ему будетъ платить деньги за то, чтобы онъ раздавалъ книги на сахарномъ заводѣ Кенига, куда и поступилъ, но пробылъ недолго. Герасимовъ, живя на ихъ квартирѣ, читалъ и про себя и вслухъ другимъ рабочимъ разныя книжки. Помнитъ, что читалъ вслухъ „Стеньку Разина“ и „Пугачева“, причемъ хвалилъ Пугачева, что Пугачевъ стоялъ за народъ, грабилъ помѣщиковъ. Герасимовъ ему говорилъ, что получалъ книжки отъ Василія. Тѣ три книжки, которыя лежали подъ тюфякомъ у Діомида Александрова, были даны послѣднему Василіемъ (Дьяковымъ) при свидѣтелѣ, и вообще нерѣдко случалось, что Василій оставлялъ разныя книжки Діомиду Александрову, Діомидъ Александровъ также самъ читалъ вслухъ „Французскаго крестьянина“ и другія книги—не знаетъ какъ назвать. Кромѣ Василія, Діомиду Александрову давалъ два раза пять или шесть книжекъ и маленькіе листки, въ родѣ газетъ, въ присутствіи свидѣтеля, другой студентъ. Алексѣй Ивановъ Сиряковъ; 18-го или 19-го апрѣля, въ субботу Алексѣй Ивановъ далъ ему, Крампе, пять книгъ для передачи Павлу Александрову и 5 руб., для передачи Діомиду, заплатившему за харчи Герасимова. Этотъ же Алексѣй читалъ однажды книгу о какихъ то правахъ. Герасимовъ говорилъ, что всякому встрѣчному раздаетъ эти книжки. Вечеромъ однажды при немъ Діомидъ спросилъ Герасимова, вынесъ-ли онъ съ квартиры или спряталъ-ли книги, на что Герасимовъ отвѣчалъ утвердительно. 3) Кронштадтскій мѣщанинъ Александръ Янсонъ, 4) нарвскій мѣщанинъ Микель Классонъ и 5) уроженецъ Лифляндской губерніи Матисъ Рейкасъ, признали присутствовавшаго при ихъ допросѣ студента Дьякова за лицо (по показанію первыхъ двухъ, это лицо называло себя Василіемъ), которое въ ихъ квартирѣ читало книжки, но свидѣтели (не зная хорошо по-русски) не понимали, что читалось. Свидѣтели видѣли книжки у Герасимова, а Рейкасъ, сверхъ того, и то, что Герасимовъ ихъ уносилъ. По словамъ Рейкаса и Янсона, квартиру ихъ часто посѣщалъ солдатъ, который шилъ рабочимъ сапоги; изъ нихъ Янсонъ удостовѣряетъ, что это былъ солдатъ московскаго полка, сапожникъ Трофимъ. Свидѣтель Антонъ Андреевъ при слѣдствіи не спрошенъ, за неразысканіемъ его мѣста жительства. Въ виду показаній, данныхъ Никифоровымъ Тарасовымъ и Павломъ Александровымъ, исправляющимъ должность товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты были истребованы отъ чиновника Назорова переданныя ему означенными лицами книжки и таковыя пріобщены къ дѣлу. Въ числѣ означенныхъ книгъ, между прочимъ, находятся: 1) Хитрая механика, 8 экземпляровъ. 2) Сказка о четырехъ братьяхъ 8 экземпляровъ. 3) Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ 6 экземпляровъ. 4) Емелька Пугачевъ 5 экземпляровъ, 5) Исторія французскаго крестьянина 3 экземпляра. 6) Листокъ „Чтой-то братцы“ 8 экземпляровъ. 7) „О мученикѣ Николаѣ“ 2 экземпляра и другіе. Независимо отъ вышеизложеннаго обнаружено слѣдующее: 1) Изъ обвиняемыхъ, мѣщанинъ Василій Герасимовъ былъ задержанъ на станціи Финляндской желѣзной дороги 11 минувшаго апрѣля, и при немъ, между прочимъ, найдено: 1) Паспортъ на имя крестьянина Олонецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Шуйской волости, Василія Павлова Трофимова, отъ 15-го февраля 1875 г., № 381. 2) Четыре экземпляра воззванія: „Чтой-то братцы“. 3) Одинъ экземпляръ книжки „Емелька Пугачевъ“. 4) Три экземпляра книжки „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и 5) Билетъ III-го класса на проѣздъ до станціи Паргала. По обыску въ имуществѣ рабочихъ завода Кенига, помѣщавшихся по сосѣдству съ Василіемъ Герасимовымъ, найденъ у крестьянина Петра Лукина „Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ“, причемъ Лукинъ объяснилъ, что онъ получилъ его отъ рабочаго Павла Петербургскаго на папиросы, такъ какъ онъ, Лукинъ, неграмотенъ. По объясненію Герасимова, поступивъ на фабрику Чешера и поселившись въ квартирѣ рабочихъ на дачѣ Бобонина, онъ познакомился тамъ съ

Василіемъ Михайловымъ, который, посѣщая ихъ часто, почти всегда приносилъ съ собою разныя книги, которыя имъ оставлялъ ихъ для раздачи другимъ. Это были: „Исторія французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, Емелька Пугачевъ“, „Хитрая механика“, „Пѣсенникъ“ и „Чтой-то, братцы“. Читая, Василій Михайловъ объяснялъ и велъ разговоръ о томъ, что было въ книжкахъ; говорилъ постоянно о бѣдности и притѣсненіяхъ простаго народа, что эти притѣсненія идутъ отъ Царя, дворянъ и чиновниковъ, и что для избавленія отъ этихъ притѣсненій нужно соединиться и бунтовать. Бунты, по словамъ Василія Михайлова, должны были начаться въ разныхъ мѣстахъ, такъ чтобы войско ничего не могло сдѣлать съ бунтующими и, когда бунты удадутся, то нужно просить Царя, чтобы сдѣлалъ легче народу. Передавая книжки для раздачи другимъ, Михайловъ говорилъ, что онъ также будетъ раздавать въ другихъ мѣстахъ и тогда сразу узнаютъ во многихъ мѣстахъ, что нужно бунтовать, Василій Михайловъ говорилъ, что можетъ также достать денегъ и паспорты кому нужно. Когда посѣщавшій ихъ квартиру солдатъ, сапожникъ Трофимъ Зайцевъ, сообщилъ Василію Михайлову, что въ ихъ казармѣ дѣлали обыскъ и генералъ нашелъ книжку „Хитрую механику“, то Михайловъ рѣшилъ отправить его, Герасимова, навремя изъ Петербурга, опасаясь, что его заберутъ; въ трактирѣ на Большой Дворянской улицѣ, въ присутствіи Павла Александрова, Михайловъ записалъ его, Герасимова, примѣты и спрашивалъ, какой дать лучше ему паспортъ: мѣщанскій или крестьянскій, а въ четвергъ на Страстной недѣлѣ далъ ему фальшивый паспортъ, запрещенныя книги, отобранныя отъ него, Герасимова, при задержаніи, совѣтуя раздавать тѣмъ, кто умѣетъ читать, и на дорогу 8 руб. сер. Ранѣе сего Михайловъ далъ ему еще 5 руб. сер, на харчи, когда у него, Герасимова, болѣла рука и, сверхъ того обѣщалъ ему давать деньги на содержаніе за услуги по пропагандѣ и по раздачѣ запрещенныхъ книгъ. При задержаніи, онъ, Герасимовъ, назвалъ себя Трофимовымъ. На заводѣ Кенига онъ, Герасимовъ, пробылъ 5 дней и тутъ далъ „Хитрую механику“ или „Сказку о четырехъ братьяхъ“ рабочему Павлу и, кромѣ того, оставилъ неграмотному рабочему подъ его подушкою — двѣ-три книжки. Алексѣй Ивановъ (Сиряковъ) былъ въ ихъ квартирѣ три раза: одинъ разъ читалъ о „Стенькѣ Разинѣ“, а другой разъ о правахъ, говоря, что права эти, по согласію Государя, утверждены; что не будетъ теперь ни судовъ, ни мировыхъ, а только губернаторы и волостные головы, отчего крестьянамъ будетъ такъ худо, что и жить нельзя. Герасимову кажется, что Діомидъ Александровъ давно былъ знакомъ съ Михайловымъ и что чрезъ него рабочіе ихъ квартиры познакомились съ Михайловымъ, и не будь Діомида, они не знали бы студентовъ и не видѣли бы книгъ. Діомидъ Александровъ постоянно говорилъ въ ихъ квартирѣ о притѣсненіяхъ, о плохой жизни рабочихъ и о необходимости все это измѣнить. Онъ, Діомидъ, также говорилъ, какъ Михайловъ, что нужно Государя, Правительство уничтожить; землю и имущество раздѣлить поровну, и что безъ Правительства мы сами лучше сумѣемъ справиться. Далѣе, изъ показаній Герасимова видно, что чрезъ его посредство нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка начали посѣщать квартиру рабочихъ фабрики Чешера, живущихъ на дачѣ Бобонина, а именно: 1) музыкантъ Трофимъ Зайцевъ, который шилъ и чинилъ рабочимъ означенной квартиры сапоги, а также шилъ таковые и по заказу Василія Михайлова (Дьякова) и былъ давно знакомъ Герасимову. Посѣщая ихъ, Зайцевъ, какъ полагаетъ Герасимовъ, слышалъ чтеніе Михайловымъ преступныхъ книгъ и его разсказы противъ Царя и Правительства. Самъ онъ, Герасимовъ, въ казармахъ бывалъ у Зайцева, разъ десять по поводу починки сапоговъ, книгъ ему не давалъ, но видѣлъ, какъ ему, Зайцеву, далъ двѣ книжки Михайловъ, которыя Зайцевъ на другой день принесъ обратно. 2) и 3) Рядовые 9-й роты московскаго полка Янъ Сандеръ и Вильямъ Пельгасъ, съ коими Герасимовъ познакомился въ трактирѣ противъ московскихъ казармъ и приглашалъ къ себѣ на квартиру. Въ Благовѣщенье, онъ, Герасимовъ, съ рабочимъ Павломъ Александровымъ, отправился въ казармы въ 9-ю роту; ихъ провели къ Сандеру; поговоривъ кое о чемъ, онъ, Герасимовъ, сталъ читать „Чтой-то братцы“, но прочитавъ строчки три, пересталъ, потому что Сандеръ и Пельгасъ уже одѣлись. Не замѣтилъ, чтобы кто-либо изъ солдатъ, бывшихъ въ казармахъ, слышалъ его чтеніе; къ тому же онъ не могъ читать громко, не имѣя голоса. По дорогѣ на дачу Бабонина они встрѣтили Михайлова, который по приходѣ на квартиру рабочихъ читалъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Солдаты сидѣли тамъ, гдѣ происходило чтеніе, и ихъ угощали чаемъ. Независимо отъ сего, Герасимовъ, по объясненію, былъ давно знакомъ — 4) съ фельдшерскимъ ученикомъ московскаго полка Юріемъ Янсономъ и, встрѣтившись въ кабакѣ на третьей или четвертой недѣлѣ великаго поста, возобновилъ знакомство. Видѣлся съ нимъ не болѣе четырехъ разъ въ лазаретѣ московскаго полка. Онъ, Герасимовъ, давалъ Юрію Янсону: 1) „Сказку о четырехъ братьяхъ“, 2) листокъ „Чтой-то братцы“ и, кажется, 3) „Пугачева“ и 4) „Хитрую Механику“. Давалъ эти книги, чтобы Янсонъ читалъ самъ и давалъ читать другимъ. Говорилъ ему, какъ училъ его Василій Михайловъ, что Царя, Правительства и начальства слушаться не надо, и что, когда народъ будетъ бунтовать, то чтобы солдаты ихъ не били; что тогда жить будетъ лучше, потому что всѣ будутъ равны, и все достояніе будетъ общее. Онъ, Герасимовъ,

говорилъ Зайцеву и Янсону, что такихъ, какъ студенты и они, раздающіе книги, много. Онъ говорилъ это со словъ Дьякова, но въ дѣйствительности Герасимовъ знаетъ такихъ только Дьякова, Алексѣя Иванова и Діомида Александрова. При слѣдствіи Герасимовъ призналъ себя виновнымъ только въ полученіи подложнаго паспорта на имя крестьянина Василія Трофимова и въ именованіи себя Трофимовымъ, но не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи съ цѣлью возбудить къ бунту, тѣхъ книгъ, которыя получалъ отъ Дьякова, и объяснилъ, что самъ ихъ не читалъ, кромѣ листка „Чтой-то, братцы" и хотя бывалъ, когда Дьяковъ читалъ на ихъ квартирѣ Діомиду Александрову и его товарищамъ разныя книжки и объяснялъ ихъ, но не понималъ къ чему эти книги, и мало когда слушалъ его чтеніе и объясненія. Раздавалъ книжки, которыя ему давалъ Дьяковъ, потому что его просили доставать книжки, да и Дьяковъ обѣщалъ давать ему деньги за распространіе его книжекъ. О томъ, что книжки нехорошія, узналъ только въ вербное воскресенье, когда Зайцевъ сообщилъ Дьякову о бывшемъ въ ихъ казармѣ обыскѣ. Тутъ Дьяковъ объяснилъ ему, что книги были противъ Царя и Правительства, и что когда народъ узнаетъ изъ этихъ книжекъ, какъ его ловко обдѣлываютъ господа съ Царемъ, то сдѣлаетъ бунтъ, какъ это было въ Америкѣ, или гдѣ-то не помнитъ, и если его, Герасимова, поймаютъ, что давалъ Янсону книги, то будетъ ему, Герасимову, бѣда. Вотъ только въ это время узналъ онъ, что книги эти нехорошія, а раньше этого не зналъ. Изложенныя выше и прочитанныя Герасимову показанія его, данныя имъ при дознаніи, онъ подтвердилъ и при слѣдствіи съ слѣдующими измѣненіями: 1) Дьяковъ, читая книжки, говорилъ о бѣдности и притѣсненіяхъ простаго народа; что притѣсненія идутъ отъ Царя, дворянъ и чиновниковъ, но не слышалъ, чтобы Дьяковъ говорилъ, что нужно бунтовать, чтобы избавиться отъ этого. Объ этомъ слышалъ отъ Діомида Александрова, который это говорилъ при немъ Герасимову раза два. 2) Передавая книжки Юрію Янсону, онъ, Герасимовъ, не говорилъ, что не надо слушаться Царя, начальства и Правительства. Въ первый разъ Янсонъ взялъ самъ со стола „Стеньку Разина" и „Сказку о четырехъ братьяхъ". Онъ, Герасимовъ, былъ тогда выпивши и не помнитъ, какъ Янсонъ взялъ книжки и ушелъ. Рядовые 9-й роты московскаго полка Янъ Сандеръ и Вильямъ Пельгасъ объяснили, что они познакомились съ Герасимовымъ въ трактирѣ; Герасимовъ съ ними заговорилъ и былъ у нихъ въ казармѣ съ другимъ рабочимъ, при чемъ, по показанію Сандера, пришедшіе въ казармахъ книгъ не читали, а Пельгасъ не видалъ, читали-ли, потому что былъ занятъ работою. Но на квартирѣ рабочихъ неизвѣстный имъ человѣкъ, встрѣтившійся имъ по дорогѣ и въ которомъ Янъ Сандеръ призналъ студента Дьякова, читалъ сказку о томъ, какъ четырехъ братьевъ въ Сибирь сослали. По объясненію Сандера, означеннаго Дьякова онъ въ казармахъ у нихъ не видалъ. Послѣ обнаруженія у рядоваго московскаго полка Ларичева книжки „Хитрая Механика", фельдфебель Яковъ Червяковъ, получивъ приказаніе отыскать „Сказку о четырехъ братьяхъ", которую видѣли прежде у Юрія Янсона, познакомился чрезъ посредство послѣдняго съ мѣщаниномъ Герасимовымъ, который вслѣдствіе просьбы Янсона, передалъ ему, въ присутствіи Червякова „Сказку о четырехъ братьяхъ" и два экземпляра листка „Чтой-то братцы". При этомъ, по показанію Червякова, Герасимовъ, когда они были въ трактирѣ, хвалилъ книжку; говорилъ, что листокъ еще интереснѣе, и приглашалъ ихъ притти на Черную рѣчку, гдѣ какой-то студентъ будетъ читать книжки и гдѣ можно еще достать таковыхъ. Упомянутая книжка „Сказка о четырехъ братьяхъ" и два экземпляра листка „Чтой-то братцы" препровождены и пріобщены къ дѣлу. Независимо отъ сего, музыкантъ Иванъ Жмудскій объяснилъ, что когда, однажды, онъ съ Зайцевымъ ходилъ на квартиру Василія Чухонца (Герасимова), гдѣ Зайцевъ долженъ былъ получить деньги за сапоги съ присутствовавшаго при допросѣ свидѣтеля, студента Дьякова, извѣстнаго ему подъ именемъ Василія, то при уходѣ ихъ Василій Чухонецъ (Герасимовъ) далъ ему, Жмудскому, книжку „Сказку о четырехъ братьяхъ". Герасимовъ ходилъ въ музыкантскую команду разъ или два раза въ недѣлю, при чемъ разъ видѣлъ у музыканта Зайцева его, Герасимова, вмѣстѣ съ Василіемъ (Дьяковымъ). Далѣе, рабочіе фабрики Чешера Матвѣй Тарасовъ и Никифоръ Кондратьевъ объяснили: 1) что Герасимовъ и Діомидъ Александровъ сами ему говорили, что получаютъ книги отъ Василія Михайлова, чтобы раздавать ихъ рабочимъ. Герасимовъ говорилъ, что Діомидъ носитъ книги рабочимъ пивовареннаго завода за Нарвской заставой и что Діомидъ познакомилъ Василія съ рабочими. Василій Герасимовъ однажды вслухъ читалъ, постомъ, въ трактирѣ, листокъ „Чтой-то братцы", но онъ, Тарасовъ, и бывшій съ нимъ Михаилъ Андреевъ его остановили. Герасимовъ заругался, говоря, что если мы такъ будемъ бояться, то никогда цѣли не получимъ. При этомъ въ трактирѣ было человѣка четыре постороннихъ; и 2-й, что Герасимовъ и Діомидъ Александровъ ему также говорили, что они раздавали книжки, получаемыя отъ студентовъ, а Діомидъ Александровъ говорилъ еще, что будто бы онъ съ Василіемъ (Дьяковымъ) ходили раздавать книжки на какой-то пивоваренный заводъ. Въ присутствіи свидѣтеля однажды Василій (Дьяковъ) далъ Діомиду двѣ книжки: „Хитрую механику" и „О четырехъ братьяхъ". Отобранный при задержаніи Герасимова, паспортъ оказался написаннымъ на имя крестьянина Оло-

нецкой губерніи, Петрозаводскаго уѣзда, Шуйской волости, Сунскаго общества, деревни Андреево-Новолока, Василія Павлова Трофимова. Выданъ 15-го февраля 1875 г. за печатью Шуйскаго волостнаго правленія и подписью волостнаго старшины Васькова и волостнаго писаря Зайцева. По произведенному начальникомъ олонецкаго губернскаго жандармскаго управленія розыску, крестьянина Василія Павлова Трофимова, ни по семейнымъ спискамъ, ни по ревизскимъ сказкамъ въ Шуйской волости не оказалось; равно обнаружено, что писаря Зайцева съ 1869 г. и по настоящее время въ означенной волости не было. Хотя же въ Шуйской волости и былъ волостной старшина Осипъ Васьковъ, но онъ былъ въ должности по 1875 годъ. При этомъ къ дѣлу приложены подпись бывшаго старшины Васькова и оттискъ печати Шуйскаго волостнаго правленія, не имѣющія тождества съ подписью и печатью на паспортѣ. II) Обвиняемый Діомидъ Александровъ былъ задержанъ въ казармахъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, 18-го минувшаго апрѣля, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Онъ пришелъ въ гости къ музыканту Зайцеву, который доложилъ фельдфебелю Ильѣ Андрееву, что пришедшій знаетъ также про книжки. Вслѣдствіе сего, надъ нимъ было установлено наблюденіе. Во время нахожденія Діомида Александрова въ казармахъ, Зайцевъ угощалъ его чаемъ и, сверхъ того, они выпили вмѣстѣ одну сороковушку (на 15 коп.), при чемъ Діомидъ Александровъ, въ присутствіи Зайцева, музыкантскаго ученика Ѳедотова, музыканта Антона Моргуна и унтеръ-офицера Ивана Павлова сталъ разсказывать о Пугачевѣ, что Пугачевъ собиралъ народъ, грабилъ помѣщиковъ, вѣшалъ и сажалъ ихъ на колъ, что войска переходили къ нему, потомъ разсказывалъ, что во Франціи была революція, сдѣлали бунтъ, повѣсили короля; что такая революція будетъ у насъ, что двѣ части Россіи уже подговорено, а одну часть подговорить нетрудно; что мужиковъ больше, чѣмъ солдатъ; солдатъ 800.000, а мужиковъ 82.000.000, да и солдаты не пойдутъ противъ отцовъ и матерей, а перейдутъ на ихъ сторону; что ежели бы не было Государя Императора и господъ, то лучше было-бы, потому что мы, говоритъ, теперь работаемъ на господъ и на казну, платимъ подати, а какъ бы перебить ихъ всѣхъ, то что мы бы сработали, то раздѣлили бы поровну, не было-бы ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Все это онъ разсказывалъ отъ себя, никто его не разспрашивалъ, причемъ былъ выпивши, но не пьянъ. Говорилъ еще, что такихъ, какъ онъ, толкователей, которые подговариваютъ народъ 1.500, а сыщиковъ только 500. Діомидъ Александровъ при слѣдствіи не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи, съ цѣлью возбудить къ бунту, книгъ, которыя доставлялъ Дьяковъ; послѣдняго зналъ подъ именемъ Василія Михайлова и считалъ его за токаря; познакомился съ нимъ предъ Масляной этого года, въ трактирѣ, на Выборгской сторонѣ, по Большому Сампсоніевскому проспекту, чрезъ рабочаго фабрики Чешера Петра Кревецкаго, который сказалъ ему, обвиняемому, что отъ Василія Михайлова можетъ получать книжки для чтенія. Кревецкій, какъ слышалъ обвиняемый, умеръ наканунѣ Пасхи, въ Петропавловской больницѣ. (По отзыву конторы этой больницы, Кревецкій на излѣченіе въ больницу въ текущемъ году не поступалъ). Послѣ сего Михайловъ (Дьяковъ) посѣщалъ ихъ квартиру и читалъ имъ вслухъ „Сказку о четырехъ братьяхъ", листокъ „Чтой-то братцы", „Хитрую механику", рукопись „О самарскомъ голодѣ", „Исторію французскаго крестьянина", но послѣднюю не всю, причемъ Михайловъ оставилъ ее въ ихъ квартирѣ, и онъ, Александровъ, спряталъ ее за шпалеру и потомъ прочелъ конецъ; увидя, что тамъ говорится неладно, о кровопролитіи, что всякій послѣдній воръ убиваетъ кого хочетъ и что, вообще, книга вредная, за которую придется отвѣчать, онъ, Александровъ, сжегъ ее въ четвергъ на Страстной. Другихъ книгъ не видѣлъ и отъ Михайлова не получалъ. Самъ книгъ никому не передавалъ. Подчасъ Михайловъ казался ему подозрительнымъ человѣкомъ, и онъ какъ-то съ хозяиномъ Рейкасомъ говорилъ, что не полякъ ли онъ, что смущаетъ народъ и читаетъ запрещенныя книжки. При дознаніи не показывалъ о знакомствѣ съ Василіемъ Михайловымъ со страха, думая, что ежели покажетъ на него, а другіе запрутся, что онъ же останется въ отвѣтѣ. Въ пятницу, на Святой, пошелъ въ казармы къ музыканту Зайцеву снести свои сапоги починить вновь, такъ какъ онъ ихъ скверно починилъ. Зайцевъ сказалъ, что на дняхъ былъ именинникъ, и оставилъ пить чай, послалъ за водкою. Онъ, Александровъ, выпилъ стаканъ и нѣсколько рюмокъ водки, отчего совсѣмъ охмѣлѣлъ. Зайцевъ сталъ его спрашивать, есть-ли у нихъ книги, которыя были прежде, и онъ отвѣтилъ, что нѣтъ никакихъ. Не помнитъ, сколько времени тамъ пробылъ и о чемъ говорилъ, былъ пьянъ и не знаетъ за что его задержали. III) Обвиняемый студентъ с.-петербургскаго университета Алексѣй Сиряковъ объяснилъ, что съ квартирою чухонцевъ (рабочіе, жившіе на дачѣ Бобонина) познакомился чрезъ Дьякова съ цѣлью познакомиться съ петербургскими рабочими. Желаніе познакомиться съ ними родилось въ немъ вслѣдствіе размышленій о несовершенствѣ настоящаго государственнаго строя, при которомъ жизнь рабочихъ классовъ почти невыносима. Съ Дьяковымъ ранѣе знакомства съ рабочими разговоровъ о пропагандѣ и соціальной революціи не было, но оказалось, что они на эти вопросы смотрятъ одинаково, т. е., что необходимо выяснить рабочимъ ихъ положеніе и указать выходъ изъ него въ соціальной революціи. Чтеніе „о правахъ", какъ говорятъ рабочіе, было не что

иное, какъ чтеніе проекта коммиссіи „о всесословности волости“. Читался проектъ съ цѣлью выяснить, что интересы привиллегированныхъ классовъ далеки отъ интересовъ рабочихъ 19-го апрѣля, кромѣ дозволенныхъ, передалъ по просьбѣ Дьякова въ квартирѣ Чухонцевъ еще два экземпляра „Емельки Пугачева“ и два экземпляра листка „Чтой-то братцы“, которые получилъ отъ Дьякова. Въ нѣкоторыя изъ посѣщеній рабочихъ онъ говорилъ имъ о тяжкомъ положеніи рабочихъ и, можетъ быть указывалъ выходъ изъ этого положенія въ соціальной революціи. Передача книгъ рабочимъ была сдѣлана съ цѣлью усвоенія ими тѣхъ идей, которыя тамъ проводятся; книги переданы имъ предъявленному ему Якову солдату (Якову Андрееву Крампе) вмѣстѣ съ 5 руб. сер. въ уплату долга за Герасимова. Подтверждая эти показанія при слѣдствіи, Сиряковъ не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи сочиненій и воззваній съ цѣлью возбудить къ бунту и присовокупилъ, что онъ выдавалъ себя за слесаря, чтобы рабочіе не стѣснялись его. Самъ рабочимъ не читалъ никакихъ книгъ. Кромѣ 19-го апрѣля, книгъ никому не передавалъ. IV) Обвиняемый студентъ с.-петербургскаго университета Вячеславъ Дьяковъ былъ задержанъ 12-го минувшаго апрѣля, вмѣстѣ съ ремесленникомъ Александромъ Крухмаловымъ; послѣдній объяснилъ, что познакомился съ Дьяковымъ въ трактирѣ близъ Сампсоньевскаго моста. Въ разговорѣ съ нимъ Дьяковъ говорилъ, что рабочіе зарабатываютъ мало, потому что начальство скверное, да нѣмцы мастера и что дѣло это можно поправить учась грамотѣ, и хотѣлъ рекомендовать ему людей, которые хорошо могутъ учить грамотѣ. Тогда же Дьяковъ просилъ похлопотать ему мѣсто чернорабочаго на патронномъ заводѣ. Въ день задержанія Дьяковъ пришелъ къ свидѣтелю, чтобы итти съ нимъ на патронный заводъ, куда они и шли, но по дорогѣ были задержаны. Обвиняемый Вячеславъ Дьяковъ объяснилъ, что онъ познакомился, первоначально, чрезъ посредство сторожа библіотеки медико-хирургической академіи, Ивана Тимоѳеева, съ крестьяниномъ Никифоромъ Кондратьевымъ, въ квартирѣ Кондратьева—съ мѣщаниномъ Діомидомъ Александровымъ, а черезъ послѣдняго съ его соквартирантами. Не признавая себя виновнымъ ни въ распространеніи сочиненій и воззваній съ цѣлью возбудить къ бунту, ни въ составленіи или передачѣ Герасимову подложнаго паспорта на имя крестьянина Василія Павлова Трофимова, Дьяковъ не отрицаетъ того обстоятельства, что онъ распространялъ книги „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Хитрую механику“, „Емельку Пугачева“, „Исторію одного французскаго крестьянина“, воззваніе, начинающееся: „Чтой-то братцы„ и „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“; но распространяя эти сочиненія, онъ не имѣлъ въ виду возбужденія къ бунту, а распространялъ ихъ съ цѣлью выясненія нѣкоторыхъ соціально-экономическихъ вопросовъ и отчасти съ воспитательною цѣлью. Всѣ названныя книги, за исключеніемъ „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ„ онъ читалъ рабочимъ и сопровождалъ свое чтеніе объясненіями, кромѣ того читалъ имъ отрывокъ изъ журнала „Впередъ“ о самарскомъ голодѣ; читалъ-ли воззваніе „Чтой-то братцы“ не помнитъ. Содержаніе книгъ, которыя распространялъ, было ему извѣстно, и было извѣстно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключалось воззваніе къ бунту. Въ началѣ знакомства съ рабочими, жившими на дачѣ Бобонина, онъ не давалъ книгъ для распространенія, а оставлялъ по одному экземпляру для чтенія. Потомъ уже, съ цѣлью распространенія, онъ давалъ Василію Герасимову по нѣскольку экземпляровъ и говорилъ, что чтеніе этихъ книгъ должно сопровождаться толкованіями въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ толковалъ, т. е. въ смыслѣ разъясненія соціально-экономическихъ вопросовъ. Діомиду Александрову никакихъ сочиненій и воззваній для распространенія не давалъ. Всего распространилъ 50—60 экземпляровъ книгъ разныхъ названій; въ это же число входятъ книги, оставленныя имъ Вячеславову для сохраненія. Средствъ для исхода изъ настоящаго положенія отъ себя рабочимъ не предлагалъ, а дѣлалъ указаніе на тѣ попытки, которые представляетъ исторія Россіи, попытки Пугачева и Разина; указывалъ на исторію французской революціи, на борьбу, которая постоянно ведется между рабочими и капиталистами въ Западной Европѣ — но ни одно изъ этихъ средствъ отъ себя не предлагалъ, потому что не считалъ себя въ правѣ говорить рабочему о томъ, что онъ самъ долженъ былъ рѣшать. По отношенію къ царской власти, онъ говорилъ рабочимъ, что во многихъ случаяхъ она находится въ зависимости отъ лицъ, которыя считаются ея пособниками. Въ доказательство приводилъ Императора Александра I, который не могъ совершить нѣкоторыхъ изъ реформъ, кои совершены въ нынѣшнее царствованіе, потому что встрѣтилъ отпоръ многихъ вліятельныхъ лицъ. Поэтому онъ не могъ говорить, будто все зло отъ Царя. Книги, найденныя у лицъ. находящихся съ нимъ въ соприкосновеніи, получилъ, но первоначальнымъ объясненіямъ, отъ неизвѣстнаго ему Петра Федорова, а по послѣднему показанію отъ лица, коего назвать не желаетъ. Отобранныя при его арестованіи—замѣтки на листахъ бумаги и программа соціально-революціонной пропаганды составлены имъ; рукопись изъ четырехъ тетрадей подъ заглавіемъ: „Воля“, „Палочная и голодная кабала“, „Машины и торговые погромы“ и „Англія“ переданы ему Петромъ Федоровымъ. Алексѣя Сирякова съ Кондратьевымъ познакомилъ онъ Дьяковъ. Давалъ ему, Сирякову, народныя заграничныя изданія, для передачи кому-либо изъ рабочихъ, живущихъ на дачѣ Бобонина, и въ то же время далъ 5 рублей для пере-

дачи имъ на уплату за харчи Герасимова. До этого однажды еще далъ Герасимову 5 рублей. Узнавъ, что Герасимова ищутъ и могутъ арестовать за переданныя въ казармы книги, онъ посовѣтовалъ ему уѣхать на время изъ Петербурга и далъ ему 8 р. с. и нѣсколько книжекъ соціально-революціоннаго содержанія, но паспорта не давалъ. Нижнимъ чинамъ московскаго полка книгъ никакихъ самъ не давалъ и Герасимову не поручалъ передавать книги нижнимъ чинамъ, а о передачѣ таковыхъ Герасимовымъ узналъ недѣли за 2—3 до пасхи. На квартирѣ рабочихъ познакомился съ солдатомъ Зайцевымъ; на этой же квартирѣ видѣлъ одинъ разъ еще двухъ-трехъ солдатъ. У Зайцева въ казармахъ былъ два раза, ему были заказаны сапоги, но ничего не читалъ и въ смыслѣ пропаганды ничего не говорилъ. Ремесленника Крухмалова не просилъ о мѣстѣ на патронномъ заводѣ. V. Обвиняемый, музыкантъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, Трофимъ Зайцевъ объяснилъ, что знакомый его Василій Герасимовъ приглашалъ его на квартиру рабочихъ, жившихъ на дачѣ Бобонина. Посѣщалъ онъ ихъ неоднократно, шилъ и чинилъ имъ сапоги. Придя туда, 20-го марта, утромъ, онъ засталъ тамъ молодого человѣка Василія Михайлова (Дьякова). Когда Герасимовъ сказалъ Василію Михайлову, что его, Зайцева, нечего бояться, то Михайловъ началъ читать по писанной тетрадкѣ, собравшимся тамъ рабочимъ; изъ читаннаго помнитъ о нѣкоторыхъ, объясненныхъ имъ въ показаніи, оскорбительныхъ для Его Императорскаго Величества мѣстахъ. Пробывъ часа два, онъ, Зайцевъ, ушелъ домой, причемъ Михайловъ заказалъ ему, по рекомендаціи Герасимова, сшить большіе сапоги. 22-го марта онъ вновь былъ вечеромъ на дачѣ Бобонина съ товарищемъ, рядовымъ Иваномъ Жмудскимъ, для того, чтобы получить съ Василія Михайлова и другихъ рабочихъ деньги за сапоги и, получивъ деньги, они съ Жмудскимъ хотѣли уйти, но Василій Герасимовъ, при Васильѣ Михайловѣ, далъ ему, Зайцеву, для чтенія „Хитрую механику“, а Жмудскому „Сказку о четырехъ братьяхъ“. 23-го марта, утромъ, по приглашенію Василія Герасимова и другихъ рабочихъ, былъ также на дачѣ Бобонина. Въ этотъ день Василій Михайловъ что-то читалъ собравшимся тамъ рабочимъ съ другихъ квартиръ, а онъ, Зайцевъ, съ четырьмя рабочими сидѣлъ въ сосѣдней каморкѣ и игралъ въ карты и не слышалъ что читалось. Въ этотъ день Герасимовъ провожалъ его, Зайцева, и, купивъ чаю и сахару, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ, Зайцевымъ, въ ихъ полковой лазаретъ къ неизвѣстному солдату (Янсону) и взявъ у него изъ-подъ подушки двѣ книжки: 1) „Емельку Пугачева“ и 2) „Очерки фабричной жизни“, передалъ ихъ ему, Зайцеву; Герасимовъ и Янсонъ говорили между собою по-чухонски. 4-го апрѣля, вечеромъ, заходилъ къ нему въ казармы Герасимовъ и, взявъ прежде данныя книжки, а равно „Исторію одного французскаго крестьянина“, которую Герасимовъ какъ-то занесъ къ нему въ казармы, пригласилъ его въ воскресенье къ себѣ. Относительно всѣхъ поименованныхъ выше книгъ, Зайцевъ сначала при дознаніи объяснилъ, что онъ ихъ читалъ, а при слѣдствіи показалъ, что онъ посмотрѣлъ только въ „Сказкѣ о четырехъ братьяхъ“ одно мѣсто о томъ, какъ монахи устроили, что икона плакала. Эти книги, вмѣстѣ съ двумя цензурными, также полученными отъ Герасимова „Фабричная жизнь“ и „Безоброчный“, лежали въ его, Зайцева, незапертомъ комодѣ и самъ онъ книгъ никому изъ товарищей не давалъ, но когда у него спрашивали, нѣтъ-ли чего почитать, онъ, Зайцевъ. говорилъ, чтобы взяли въ комодѣ и такимъ образомъ, можетъ кто изъ товарищей прочелъ ту или другую изъ полученныхъ отъ Герасимова книгъ. Въ воскресеніе, 6-го апрѣля, когда, онъ, Зайцевъ, былъ на дачѣ Бобонина, то говорилъ, что у нихъ въ полку также нашли книгу; на это Герасимовъ замѣтилъ, что оттого-то они и отобрали у него книжку, когда услыхали, что въ полку ищутъ. На слова его, Зайцева, что же въ этихъ книжкахъ, что они боятся, Герасимовъ, Дьяковъ и Діомидъ Александровъ разъяснили, что эти книжки строго воспрещаются, что въ нихъ говорится о бунтѣ, и тогда только (по объясненію, данному при слѣдствіи) онъ, Зайцевъ, узналъ настоящее объ этихъ книжкахъ. Тутъ всѣ трое стали говорить объ уничтоженіи Правительства, бунтѣ, что не будетъ Царя, всѣ будутъ равны и проч., но какъ онъ хорошо знаетъ, что въ Россіи ничего такіе люди подѣлать не могутъ, то подумалъ, что они болтаютъ пустое, Михайловъ былъ у него на пятой недѣлѣ великаго поста въ казармѣ съ Герасимовымъ и рабочимъ Яковомъ и сидѣлъ подлѣ него, Зайцева, когда онъ писалъ ноты, но ничего преступнаго не говорилъ. Относительно обстоятельствъ, сопровождавшихъ задержаніе Діомида Александрова, Зайцевъ далъ показаніе, согласное съ изложенными выше показаніями свидѣтелей. Нижніе чины музыкантской команды объяснили: 1) Музыкантскій ученикъ Николай Ѳедотовъ, что на просьбу свидѣтеля что нибудь почитать, Зайцевъ сказалъ ему: „возьми въ комодѣ“. Свидѣтель видѣлъ тамъ книжки: „Пугачева“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Фабричную жизнь“ и нѣкоторыя другія; первыя двѣ прочелъ — и 2) Музыкантъ Антонъ Моргунъ, что увидавъ въ комодѣ Зайцева книжку „Исторія французскаго крестьянина“, попросилъ ее у него. Прочиталъ странницъ 25, ничего не понялъ. Свидѣтель слышалъ, какъ ихъ музыкантъ Яковлевъ читалъ „Пугачева“. VI. Обвиняемый, прикомандированный къ лазарету московскаго полка фельдшерскій ученикъ Юрій Янсонъ при слѣдствіи объяснилъ, что онъ встрѣтился на пятой недѣлѣ поста съ своимъ знакомымъ Герасимовымъ въ трактирѣ, противъ ихъ казармъ; онъ, Янсонъ, былъ выпивши, а Герасимовъ еще уго-

стилъ его. Изъ трактира они пошли на дачу Бобонина, гдѣ Герасимовъ опять угостилъ такъ, что онъ сдѣлался шибко пьянъ и взявъ у Герасимова „Вѣстникъ Европы“, „Емельку Пугачева“, Сказку о четырехъ братьяхъ“ и „Хитрую Механику“, ушелъ. Въ воскресенье на шестой недѣлѣ поста, въ лазаретъ къ нему пришелъ Герасимовъ съ Зайцевымъ и принесъ копѣекъ на 10 чаю и сахару. Тогда онъ возвратилъ Герасимову его книги, кромѣ книжки „О четырехъ братьяхъ“, которой Герасимовъ не хотѣлъ брать, такъ какъ она была запачкана и въ крови. Въ этотъ разъ Герасимовъ говорилъ: „смотри, сколь праведно эти книжки говорятъ, что бѣдный народъ страдаетъ отъ начальства, что простой народъ работаетъ только на господъ; гдѣ простой человѣкъ могъ бы заработать 10 или 20 руб., онъ заработываетъ только 3 или 4 рубля, а остальные идутъ для начальства и для господъ“. О солдатахъ Герасимовъ говорилъ, что ежели будутъ бунтоваться, то чтобы солдаты не били бунтовщиковъ, а били свое начальство. При этомъ былъ и Зайцевъ, который тутъ же взялъ у Герасимова книжку „Емельку Пугачева“, такъ что у Герасимова остались двѣ книжки. Относительно полученія отъ Герасимова при фельдфебелѣ Червяковѣ „Сказки о четырехъ братьяхъ“ и листка „Чтой-то, братцы“, Янсонъ далъ объясненіе, въ существѣ, согласное съ изложеннымъ выше показаніемъ Червякова. При осмотрѣ командиромъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, имущества солдатъ, у рядоваго Родіона Ларичева была найдена „Хитрая Механика“, которая перешла къ нему отъ унтеръ-офицера Осипа Елесина, а послѣднему была передана ефрейторомъ Василіемъ Кирѣевымъ, объяснившимъ, согласно съ показаніемъ рядоваго Данилы Ежова, что означенная книжка была брошена Ежову 26-го марта, когда они были дежурными по лазарету, больнымъ солдатомъ. По предъявленіи имъ Юрія Янсона, какъ отдѣльно, такъ и въ числѣ другихъ нижнихъ чиновъ, бывшихъ въ означенный день на излѣченіи въ лазаретѣ, Ежовъ и Кирѣевъ признали въ Юріѣ Янсонѣ больнаго солдата, бросившаго „Хитрую Механику“. Упомянутая „Хитрая Механика“ пріобщена къ дѣлу. Противъ сего обвиняемый Янсонъ заявилъ, что Кирѣевъ и Ежовъ невѣрно показываютъ, что въ 3 часа, 26-го марта, онъ, одѣтый въ больничное платье, бросилъ имъ „Хитрую Механику“, потому что въ 1-мъ часу дня, въ этотъ день, его, Янсона, изъ лазарета выписали и онъ ушелъ оттуда. Это можетъ подтвердить фельдфебель Яковъ Червяковъ, госпитальный вахтеръ унтеръ-офицеръ Рейтцъ и врачъ, статскій совѣтникъ Подобѣдовъ. Старшій врачъ московскаго полка Подобѣдовъ увѣдомилъ, что Янсонъ выписанъ изъ лазарета 26-го марта, въ первомъ часу; фельдфебель Червяковъ показалъ, что 26-го марта въ 10 часовъ утра, докторъ, какъ всегда, обошелъ лазаретъ и выписалъ въ числѣ другихъ и Янсона; сряду по выпискѣ у больныхъ отбирается больничная одежда и дается постоянная. Такъ было и съ Янсономъ, который, какъ выписанный въ этотъ день изъ лазарета, не былъ наряженъ на службу при лазаретѣ, и около трехъ часовъ дня въ лазаретѣ вовсе не былъ, а былъ въ особой отъ лазарета казармѣ для лазаретной прислуги. Вахтеръ лазаретный Рейтцъ показалъ, что Янсонъ служилъ съ нимъ при лазаретѣ и хорошо помнитъ, что онъ выписанъ 26-го марта; въ первомъ часу свидѣтель отобралъ у него больничное платье и далъ ему постоянную одежду; тутъ же сряду Янсанъ ушелъ изъ лазарета и въ этотъ день свидѣтель его болѣе въ лазаретѣ не видалъ. VII и VIII. При производствѣ по сему дѣлу дознанія, признано было необходимымъ произвести обыскъ въ квартирѣ студента медико-хирургической академіи Владиміра Ельцова, результатомъ коего было обнаруженіе слѣдующихъ книгъ противозаконнаго содержанія: 1) Журналъ „Впередъ“ № 2; 2) „По поводу самарскаго голода; 3) „Хитрая Механика“; 4) Три экземпляра брошюры „Русской соціально-революціонной молодежи“; 5) Два экземпляра „Сборника новыхъ русскихъ пѣсенъ“; 6) „Въ память столѣтія Пугачевщины“; 7) „Емелька Пугачевъ“; 8) Двѣ книги въ переплетѣ, содержащія въ себѣ статьи изъ журнала „Впередъ“; 9) „Die Bakounisten an der Arbeit“; 10) „Les pretendus scissions dans l'international“. Сверхъ того отобрана была переписка, между которой найдены выписки изъ книжки „Хитрая Механика“. Относительно этихъ книгъ и выписокъ студентъ медико-хирургической академіи Ельцовъ и жившій прежде въ той же квартирѣ студентъ медико-хирургической академіи Всеволодъ Вечеславовъ при слѣдствіи объяснили: 1) Вечеславовъ, что за нѣсколько дней до праздника, онъ былъ на квартирѣ у Ельцова, когда никого не было дама. Пришелъ Дьяковъ, который бывалъ на этой квартирѣ довольно часто и спросилъ, куда положить одну вещь на сохраненіе, тогда онъ указалъ комодъ Ельцова. Дьяковъ положилъ туда что-то завернутое въ бумагу. Когда пришелъ Ельцовъ, онъ, Вечеславовъ, просилъ не трогать вещь, которая положена ему въ комодъ. По виду пачки можно было заключить, его это были книги. Выписки изъ „Хитрой Механики“ сдѣланы имъ, такъ какъ ето заинтересовала запрещенная книга. Подозрѣваетъ, что она была оставлена Дьяковымъ, но видѣлъ ее еще въ февралѣ въ грудѣ книгъ, принадлежавшихъ Ельцову и его соквартирантамъ и 2) Ельцовъ, что о существованіи найденныхъ у него книгъ узналъ лишь за нѣсколько дней до ареста и только въ послѣднее время узналъ, что ихъ принесъ студентъ Дьяковъ и, найдя дома одного Вечеславова, положилъ ихъ въ комодъ его, Ельцова, по указанію Вечеславова. 7-го или 9-го апрѣля, перебирая бѣлье, нашелъ книги и просмотрѣлъ изъ нихъ двѣ: „Пугачева и „Хитрую Механику“. Выписки въ тетради, найденной у него 12-го апрѣля,

сдѣланы Вечеславовымъ. Изъ метрическихъ свидѣтельствъ видно, что студентъ Вячеславъ Дьяковъ, сынъ дьякона, родился 24-го февраля 1854 года и что студентъ Алексѣй Сиряковъ, сынъ священника, родился 13-го января 1855 года, а изъ свидѣтельства инспектора студентовъ медико-хирургической академіи оказывается, что студентъ Вечеславовъ сынъ коллежскаго регистратора и что онъ родился 6-го ноября 1854 года. Изъ разсмотрѣнія сочиненій, которыя были преимущественно распространяемы между рабочими фабрики Чешера и нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка, а именно: 1) „Хитрая Механика“, 2) „Сказка о четырехъ братьяхъ“, 3) „Исторія одного французскаго крестьянина“. 4) „Емелька Пугачевъ“, 5) „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, 6) листокъ „Чтой-то, братцы“ и 7) статья изъ журнала „Впередъ“. „О самарскомъ голодѣ“, видно, что при различіи предметовъ, составляющихъ частное содержаніе каждаго изъ названныхъ сочиненій, всѣ они имѣютъ своимъ общимъ предметомъ возбужденіе населенія къ повсемѣстному насильственному возстанію скопомъ и заговоромъ противъ Государя и Государства, въ видахъ ниспроверженія Правительства во всемъ Государствѣ, перемѣны образа правленія и сокрушенія всего существующаго государственнаго строя и порядка. На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ обвиняются: 1. Студентъ с.-петербургскаго университета, сынъ дьякона, Вячеславъ Дьякомъ, 21-го года, въ томъ: А) что въ теченіе времени, отъ начала настоящаго года до 12-го минувшаго апрѣля, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, распространялъ между рабочими фабрики Чешера, нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка и другими лицами, непосредственно и чрезъ посредство соглашенныхъ имъ на то сообщниковъ, сочиненія по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Хитрую Механику“, 2) „Исторію французскаго крестьянина“, 3) „Сказку о четырехъ братьяхъ“, 4) „Емельку Пугачева“, 5) „Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ“, 6) листокъ „Чтой-то, братцы“ и 7) статью изъ журнала „Впередъ“ „О самарскомъ голодѣ“ и другія, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 118 и второю частью 251-й ст. улож. о нак. и Б) что 11-го апрѣля сего года далъ мѣщанину Василію Герасимову завѣдомо подложный паспортъ, съ приложенной къ оному фальшивою печатью; на имя крестьянина Василія Трофимова, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 296 и 975 ст. улож. о нак. II. Студентъ с.-петербургскаго университета Алексѣй Сиряковъ, сынъ священника, 20-ти лѣтъ, въ томъ, что принявъ, по предварительному соглашенію съ обвиняемымъ Дьяковымъ, участіе въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту между рабочими фабрики Чешера сочиненія, направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: „Емельку Пугачева“, 2) Сказку о четырехъ братьяхъ“, 3) листокъ „Чтой-то, братцы“ и другія, что составляетъ преступленіе. предусмотрѣнное 13, 119, 139 и второю частью 251-й ст. улож. о нак. III С.-Петербургскій мѣщанинъ Василій Герасимовъ, 22-хъ лѣтъ, въ томъ. что принялъ, по предварительному соглашенію, съ обвиняемымъ Дьяковымъ, участіе въ его преступленіи, распространялъ съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между разными лицами и нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка сочиненія, по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Емельку Пугачева“; 2) „Исторію французскаго крестьянина“: 3) „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и другія, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 119, и второю частью 251 ст. улож. о нак. IV. С.-Петербургскій мѣщанинъ Діомидъ Александровъ, 25 лѣтъ, въ томъ, что принявъ, по предварительному съ обвиняемымъ Дьяковымъ соглашенію, участіе въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между разными лицами и нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка сочиненія, по содержанію своему, направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: „Исторію французскаго крестьянина“ и другія, посредствомъ передачи оныхъ не обнаруженнымъ слѣдствіемъ лицамъ, чтенія вслухъ въ присутствіи другихъ лицъ второй половины „Исторіи французскаго крестьянина“ и изъясненія содержанія сочиненій, возбуждающихъ къ бунту, нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ московскаго полка; что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 13, 119 и второю частью 251-й ст. улож. о нак. V и I Музыканты лейбъ-гвардіи московскаго полка Трофимъ Зайцевъ, 29-ти лѣтъ и рядовой 7-й парковой артиллерійской бригады, прикомандированный къ фельдшерской командѣ лейбъ-гвардіи московскаго полка Юрій Янсонъ, 24-хъ лѣтъ, въ томъ, что зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ по сему дѣлу сочиненій, направленныхъ по своему содержанію къ возбужденію бунта, какъ-то: 1) „Емельки Пугачева“, 2) „Хитрой Механики“, „Сказки о четырехъ братьяхъ“, и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнили сей обязанности, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 126 ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, изд. 1869 года. VII и VIII, Студенты Императорской медико-хирургической академіи, Владиміръ Ельцовъ, 22-хъ лѣтъ, и Всеволодъ Вечеславовъ, 20-ти лѣтъ, въ томъ, что имѣли, безъ дозволенія надлежащаго начальства, сочиненія, направленныя къ возбужденію населенія къ бунту, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное четвертою частью 251, а относительно Вечеславова и 5 п. 140-й ст. улож. о нак. Вслѣдствіе сего вышепоименованные Дьяковъ, Сиряковъ, Герасимовъ, Александровъ, Зайцевъ, Янсонъ, Ельцовъ и Вечеславовъ, на основаніи 14 ст. Высочайше утвержденнаго, 7-го іюня 1872 г.,

мнѣнія Государственнаго Совѣта, предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената, установленнаго для сужденія дѣлъ о преступленіяхъ государственныхъ. По прочтеніи обвинительнаго акта, на вопросы первоприсутствующаго о виновности подсудимый Дьяковъ заявилъ, что онъ отвѣчать не желаетъ; подсудимый Сиряковъ также заявилъ, что отвѣчать не желаетъ; подсудимые: Герасимовъ, Зайцевъ, Янсонъ, Ельцовъ и Вечеславовъ отвѣчали, что виновными себя не признаютъ; подсудимый Александровъ заявилъ, что книжекъ никому не давалъ. Изъ числа вызванныхъ свидѣтелей не явилось двое: одинъ за смертью, другой за болѣзнью. Товарищъ оберъ-прокурора полагалъ на основаніи 626 ст. уст. угол. суд. показанія ихъ прочесть и засѣданіе продолжать. Защита, съ своей стороны, точно также не встрѣтила препятствія къ продолженію дѣла. По приводѣ явившихся свидѣтелей къ присягѣ, они были допрошены и показанія ихъ заключались въ слѣдующемъ: Свид. Тарасовъ (крестьянинъ) показалъ, что крестьянинъ Зарубай приходилъ въ заведеніе и приносилъ книжки, потомъ познакомилъ ихъ съ Шиловымъ. Послѣдній познакомилъ ихъ съ библіотекою. Разъ свидѣтель, Шиловъ и Кондратьевъ отправились къ Тимофееву и дорогой зашли въ трактиръ гдѣ пили чай, там ъ съ нимъ познакомился Михайловъ, который читалъ книжку. Когда свидѣтель вошелъ въ комнату, то при его входѣ Василій Михайловъ (Дьяковъ) читать пересталъ и начали разговаривать; о чемъ шла рѣчь, свидѣтель не слыхалъ, такъ какъ сидѣлъ съ товарищами за другимъ столикомъ. Потомъ Михайловъ сталъ говорить, нельзя-ли ему познакомиться съ артелью, къ которой принадлежалъ свидѣтель. Онъ сказалъ, что можно. Завязался разговоръ, причемъ Михайловъ говорилъ, что начальство обижаетъ народъ; потомъ онъ пошелъ къ нимъ на квартиру, куда сталъ приходить и приносить книжки. Сначала читалъ „Древнюю Русь". Свидѣтель сказалъ, что такія книжки имъ уже давалъ Зарубай. Послѣ этого Михайловъ принесъ книжку „О самарскомъ голодѣ" и сталъ читать. Прочитавъ не всю, позвалъ ихъ въ трактиръ и тамъ спросилъ, нельзя-ли опредѣлить на фабрику его товарища, котораго назвалъ Алексѣемъ Ивановымъ. Ему обѣщали исполнить просьбу. Онъ пришелъ въ слѣдующій разъ и опять позвалъ свидѣтеля въ трактиръ. Тамъ за однимъ столомъ уже сидѣлъ Алексѣй Ивановъ съ другимъ человѣкомъ, тоже Алексѣемъ Ивановымъ. Ему сказали, чтобы онъ пришелъ на другой день. Онъ пришелъ въ обѣдъ и ночевалъ, а на слѣдующее утро свидѣтель попросилъ хозяина принять его на работу, сказавъ, что это его землякъ. Послѣ этого, спустя дня четыре, Михайловъ сталъ говорить свидѣтелю и другимъ жившимъ съ нимъ рабочимъ, чтобы они сняли другую квартиру, потому что „въ этой неудобно", свидѣтель сказалъ, что для этого у нихъ нѣтъ денегъ. Михайловъ спросилъ сколько нужно и свидѣтель сказалъ, что на первый разъ надо рублей 10. Черезъ нѣсколько дней онъ далъ имъ 9 р. 50 коп. Они пріискали квартиру и переѣхали: свидѣтель, Кондратьевъ и Шиловъ. На новую квартиру Михайловъ приносилъ книжки и разсказывалъ, что нужно „перебить правительство, фабрикантовъ и купцовъ; если, говоритъ, будетъ Царь, то опять будетъ Правительство". На это мы сказали, говорилъ свидѣтель, что „невозможно жить безъ правительства, потому что тогда, кто сильнѣе, тотъ и завладѣетъ". Разъ онъ принесъ книжку „соціацію" и разсказывалъ, какъ живутъ въ Англіи: „заведутъ маленькую лавку, а потомъ откроютъ мельницу и сами управляются безъ всякаго правительства. Такъ будетъ и у насъ". Потомъ говорилъ, что денегъ совсѣмъ не нужно, потому что, если понадобится кому какой-либо товаръ, то можно размѣняться. Книжки, которыя имъ приносилъ Михайловъ, а потомъ Алексѣй Ивановъ (Сиряковъ), они представили чиновнику Назорову. Шилову Михайловъ далъ 6 руб., нѣсколько книжекъ—штукъ шесть—и отправилъ его домой. Книжки были: „Какъ плохо живется", „Хитрая механика" и еще какія-то, свидѣтель не помнитъ. Михайловъ говорилъ, что имъ нужно разъѣхаться по Россіи, и спрашивалъ, нѣтъ ли гдѣ у свидѣтеля знакомыхъ. Онъ сказалъ, что у него есть знакомые въ Ивановѣ, куда Михайловъ просилъ свидѣтеля ѣхать. Потомъ онъ привелъ Алексѣя Иванова и сказалъ, что „этотъ человѣкъ такой же, какъ и я; мѣста у насъ много, а людей мало, и потому мнѣ нѣтъ времени". Алексѣй Ивановъ училъ рабочихъ географіи по глобусу и читалъ разныя книги: „Хитрую механику", „Пугачева" и другія. Все это продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ. Когда Михайловъ сталъ просить свидѣтеля, чтобы онъ ѣхалъ въ Иваново, то онъ на это согласился, потому что ему не дозволено было противиться Михайлову и говорить противъ него. Но вмѣсто Иванова свидѣтель переѣхалъ на другую квартиру, и туда Михайловъ и Ивановъ перестали къ нимъ ходить, такъ что свидѣтель встрѣчалъ Михайлова только на улицѣ. Спустя нѣкоторое время на квартиру къ свидѣтелю пришли Герасимовъ и Андреевъ, и всѣ отправились въ трактиръ. Придя туда, Герасимовъ вынулъ книжку „Чтой-то братцы", подошелъ къ другому столу и сталъ читать. Свидѣтель замѣтилъ, зачѣмъ Герасимовъ читаетъ въ трактирѣ, и сказалъ, что поэтому не будетъ съ ними сидѣть. Въ это же время былъ разговоръ, что солдаты московскаго полка читаютъ книжки и что „дѣло тамъ идетъ хорошо", какъ говорилъ Герасимовъ, причемъ прибавлялъ, что не хорошо одно, а именно—тамъ строго, и если узнаетъ начальство, то солдатъ вѣшать будутъ. Обвиняемый Александровъ читалъ при свидѣтелѣ только одну книжку „Жизнь природы", и больше свидѣтель о немъ ничего не знаетъ. Свидѣтель призналъ

въ подсудимыхъ Дьяковѣ—Василія Михайлова, въ Сиряковѣ—Алексѣя Иванова, а также узналъ Герасимова и Александрова. На вопросы товарища оберъ-прокурора о томъ, что свидѣтелю извѣстно о дѣятельности Герасимова и Александрова, Тарасовъ показалъ, что Герасимовъ читалъ только книжку въ трактирѣ, а Александровъ не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла; онъ говорилъ, что только что оставилъ нѣкоторыя книжки за Нарвской заставой на пивоваренномъ заводѣ. При чтеніи книжекъ въ квартирѣ свидѣтеля присутствовали Кондратьевъ, его жена, племянникъ, мальчикъ лѣтъ 14-ти и Нуромскій. Иногда въ квартиру заходили Герасимовъ и Александровъ за Михайловымъ и уводили его. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что съ Герасимовымъ онъ познакомился мѣсяца за $1^1/_2$ до его ареста. Книжки передали и сдѣлали заявленіе чиновнику Назорову, потому что онъ былъ имъ уже извѣстенъ съ прошлаго года по подобному же дѣлу. Прис. пов. Бардовскій. Въ то время, когда вы слушали чтеніе книгъ, вы желали о нихъ донести? Свид. Тарасовъ. Желалъ. Я только хотѣлъ посмотрѣть, что будетъ дальше. На дальнѣйшіе вопросы другихъ защитниковъ свидѣтель показалъ, что подсудимаго Александрова онъ знаетъ года два. Сыщикомъ свидѣтель не состоитъ. Онъ видѣлъ подсудимаго Янсона въ трактирѣ въ то время, когда Герасимовъ еще не былъ арестованъ; онъ сидѣлъ съ Андреевымъ, о которомъ Александровъ сказалъ, что его нужно остерегаться, потому что онъ сыщикъ. Противъ этого показанія подсудимые заявленій никакихъ не сдѣлали. Свид. Кондратьевъ (крестьянинъ) показалъ, что, идя съ Шиловымъ, они встрѣтили Михайлова, познакомились, и онъ сталъ бывать у нихъ на квартирѣ, куда приносилъ книжки „Древнюю Русь“, „Самарскій голодъ“ и др. и читалъ ихъ. Потомъ уговаривалъ отыскать другую квартиру и обѣщалъ помочь. Впослѣдствіи дѣйствительно далъ 9 р. 50 коп. и послѣ еще 50 коп. Потомъ онъ просилъ опредѣлить на заводъ въ работу Алексѣя Иванова (Нуромскаго). Онъ приходилъ съ нимъ въ трактиръ, гдѣ съ ними познакомились Тарасовъ, Шиловъ и свидѣтель. Тарасовъ опредѣлилъ Иванова на работу. Затѣмъ они переѣхали на новую квартиру, на Черную рѣчку, куда Алексѣй Ивановъ (Сиряковъ) сталъ ходить вмѣсто Михайлова и читать книжки, потому что Михайлову, какъ онъ заявилъ, „было много другихъ дѣловъ“. Михайловъ и Сиряковъ толковали, что можно жить безъ правительства. Свидѣтель и его товарищи говорили, что нельзя. Тогда, сказалъ свидѣтель, они принесли „соціацію“ и объясняли, что въ другихъ земляхъ живутъ безъ правительства. Мы видимъ, что дѣло нехорошо, пошли и сказали чиновнику Назорову. Онъ велѣлъ намъ давать согласіе и сказалъ, что намъ ничего за это не будетъ. Мы такъ дальше и продолжали“.

Обозрѣвъ лежавшія на столѣ вещественныя доказательства, отобранныя на слѣдствіи книжки, свидѣтель указалъ на тѣ, которыя имъ читали подсудимые, причемъ добавилъ, что они просили распространять эти книжки, „но мы не смѣли этого дѣлать, потому что тутъ есть опасность“. Первоприсутствующій. Подсудимые объясняли вамъ содержаніе книжекъ? Свид. Кондратьевъ. Все говорили, чтобы правительство ниспровергнуть и завести общества. На вопросы товарища оберъ-прокурора свидѣтель показалъ, что при немъ подсудимый Дьяковъ давалъ книжки Александрову. Относительно отправки Шилова на родину свидѣтель объяснилъ, что Зарубай писалъ, чтобы прислали книжекъ „этого содержанія“. Михайловъ далъ ему 6 руб., книжекъ и отправилъ его въ деревню. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что Герасимовъ пришелъ въ первый разъ съ Тимоѳеевымъ. Онъ говорилъ, что нужно все спровергнуть. Сначала свидѣтель и его товарищи слушали книжки съ цѣлью узнать, что это такое, а потомъ увидѣли, что это запрещено и донесли. Съ Тарасовымъ свидѣтель знакомъ съ малолѣтства, а съ подсудимымъ Александровымъ года два. Свид. Самойловъ показалъ, что на квартиру на Выборгской, гдѣ онъ жилъ съ другими рабочими, приходилъ Василій Михайловъ. Сперва онъ принесъ и читалъ „Русскую древность“, какъ князья жили; потомъ онъ принесъ писанную книгу „О самарскомъ голодѣ“ и много толковалъ о томъ, какъ народъ обижаютъ помѣщики. Свидѣтелю не нравилось это чтеніе. Тарасовъ, Кондратьевъ и Шиловъ сняли потомъ особую квартиру. При чтеніи говорили, что землю надо отобрать у помѣщиковъ, встать всѣмъ за одно и вооружиться, вообще разъяснялъ каждое слово, которое написано было въ книжкахъ. На вопросы сторонъ свидѣтель показалъ, что въ числѣ другихъ читалась книжка „У перевоза“. Читали книжки внятно, такъ что понять можно было все. Говорили, что если больше читать, то больше будешь знать. Въ какой день встать всѣмъ за одно—не говорили; говорили только объ этомъ, какъ о возможномъ. Свид. Антонъ Андреевъ (крестьянинъ) показалъ, что съ подсудимымъ работалъ вмѣстѣ. Ему дали книжку „Французскій крестьянинъ“. Онъ почиталъ ее и увидѣлъ, что тамъ написано „совсѣмъ неправильно“, и сказалъ, что посмотритъ, какія еще есть книжки. „Я съ ними, сказалъ свидѣтель, много ходилъ и много своихъ денегъ истратилъ, чтобы познакомиться. Я и сталъ съ ними находиться, пока всѣхъ ихъ не переловили“. При чтеніи книжекъ свидѣтель находился. Подсудимые объясняли, чтобы не было Правительства, а чтобы народъ управлялся самъ. При этомъ свидѣтель указалъ на Дьякова, Сирякова, Герасимова и Александрова, замѣтивъ, что послѣдніе двое были „союзниками“ первыхъ. Онъ ходилъ съ Дьяковымъ и Герасимовымъ въ московскій полкъ. Изъ другихъ подсудимыхъ онъ знаетъ

Янсона, съ которымъ познакомился на Выборгской сторонѣ. Въ казармахъ московскаго полка при немъ книгъ солдатамъ не давали, а говорили только, что не будетъ Царя, ни господъ, ни купцовъ, а будутъ только одни крестьяне. Герасимовъ „руководилъ на сахарномъ заводѣ Кенига“, куда онъ поступилъ, по совѣту Михайлова, чтобы раздавать рабочимъ книжки. Свидѣтель познакомился съ Герасимовымъ черезъ своего брата, который жилъ съ нимъ на одной квартирѣ. Черезъ Герасимова онъ познакомился съ Александровымъ, а потомъ съ Михайловымъ и Ивановымъ. Съ Янсономъ познакомился въ квартирѣ одной женщины, съ которою онъ, свидѣтель, жилъ. Янсонъ хвастался, что у него есть разныя книжки, но свидѣтель ихъ не видѣлъ. Янсонъ хотѣлъ ихъ принести, но не принесъ. Что написано въ книжкахъ—онъ говорилъ, но свидѣтель этого разговора не помнитъ. Въ трактирѣ, на первый или на второй день Пасхи, съ Михайловымъ былъ и Янсонъ, но „объ этихъ дѣлахъ въ то время не разговаривали, потому что онъ сказалъ про меня, что я сыщикъ. Я сказалъ, что это неправда, и я вовсе не занимаюсь этими дѣлами“. Послѣ допроса этого свидѣтеля первоприсутствующій сдѣлалъ перерывъ на полчаса. По возобновленіи засѣданія продолжался допросъ свидѣтелей. Свид. Павелъ Александровъ показалъ, что онъ съ товарищами былъ въ трактирѣ, и съ ними Василій Михайловъ. Потомъ онъ сталъ ходить на квартиру Тарасова и читалъ тамъ книжки: „Четырехъ братьевъ“ и др. Затѣмъ они переѣхали на другую квартиру, куда Михайловъ сталъ ходить чаще и привелъ Алексѣя Иванова, который вмѣсто него сталъ читать книжки. Ходили въ квартиру Герасимовъ и Александровъ, которые также читали книжки. Съ Герасимовымъ свидѣтель также ходилъ въ московскія казармы. Съ Михайловымъ свидѣтель познакомился черезъ Александрова. Книжки, большею частью, давалъ Михайловъ, и онѣ обыкновенно лежали на столикѣ. Въ московскій полкъ свидѣтель ходилъ съ Герасимовымъ, а потомъ съ Михайловымъ. Были у музыкантовъ, потомъ ходили въ 9-ю роту, а оттуда въ трактиръ. Изъ трактира пошли на квартиру свидѣтеля и тамъ читали „Чтой-то, братцы“, а потомъ „Четырехъ братьевъ“. При этомъ Герасимовъ говорилъ солдатамъ, что „чѣмъ за Царя стоять, лучше за своего брата“. Потомъ говорили, „чтобы не было Царя и господъ, а лучше отъ себя поставимъ управляющихъ или кого тамъ“. Свидѣтель призналъ подсудимыхъ Дьякова, Сирякова, Герасимова, Александрова и Янсона. На вопросы товарища оберъ-прокурора свидѣтель показалъ, что на дачѣ Базунова Александровъ читалъ „Чтой-то, братцы“ и „Французскаго крестьянина“. Что именно читалось въ книжкѣ „Исторія французскаго крестьянина“, свидѣтель не помнитъ, потому что неграмотный. Михайловъ давалъ книжки Герасимову и Александрову и говорилъ, чтобы они тоже шли къ рабочимъ и раздавали. Алексѣй Ивановъ также приносилъ книжки, штукъ 6. Тутъ были „Пугачевъ“, „Чтой-то, братцы“ и др. Въ казармахъ Герасимовъ читалъ о „Четырехъ братьяхъ“. При этомъ чтеніи присутствовалъ подсудимый Зайцевъ. Герасимовъ хотѣлъ дать въ казармахъ книжку, но въ первый разъ ее не взяли, и онъ далъ въ другой разъ Зайцеву. Какая была книжка, свидѣтель не замѣтилъ. Алексѣй Ивановъ читалъ на дачѣ Бобонина „Пугачева“, „Стеньку Разина“ и „Французскаго крестьянина“. Онъ и Михайловъ объясняли: „не нужно раздѣлять, а чтобы сообща владѣть“. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что жилъ на квартирѣ вмѣстѣ съ Герасимовымъ; читалъ „Хитрую Механику“ и слышалъ, какъ говорили, что „скоро Царя не должно быть“. Михайловъ, давая Александрову книги, говорилъ: „самъ прочитаешь — другимъ людямъ передай“. Давалъ-ли Александровъ кому-нибудь книги, свидѣтель не видалъ. Онъ три раза уходилъ съ книгами изъ квартиры, и свидѣтель только одинъ разъ видѣлъ, что онъ принесъ книжки назадъ. Въ казармахъ были четыре раза: два раза въ музыкантской и два раза въ 9-й ротѣ. Свидѣтель неграмотенъ и отличалъ книги по картинкамъ и по оберткѣ. „По оберткѣ, сказалъ свидѣтель, я узнаю, а если оторвать, то не узнаю“. Изъ книжекъ, лежавшихъ на столѣ, свидѣтель дѣйствительно отыскалъ и назвалъ „Пугачева“, „Хитрую Механику“ и „Четырехъ братьевъ“. У чиновника Назорова, свидѣтель бывалъ разъ 10 и получалъ иногда деньги на извозчика. Подс. Зайцевъ противъ показанія свидѣтеля заявилъ, что онъ въ казармахъ у него никогда не былъ. Подс. Герасимовъ заявилъ, что онъ былъ только одинъ разъ въ казармахъ. Свид. Крампе (временно-отпускной рядовой) показалъ, что ходилъ на квартиру, гдѣ жили Герасимовъ и Александровъ, и гдѣ Василій Михайловъ и Алексѣй Ивановъ читали книжки. Александрова и Герасимова они подкупали ходить къ рабочимъ и читать книжки. Въ присутствіи свидѣтеля читались: „Исторія французскаго крестьянина“, „Пугачевъ“ и еще какія-то, свидѣтель не помнитъ, потому что неграмотенъ. При чтеніи объясняли, что будетъ вольно и что Царей не нужно. Свидѣтель призналъ первыхъ четырехъ подсудимыхъ, а остальные ему неизвѣстны. При чтеніи книжекъ находились только тѣ, которые жили въ квартирѣ и вообще человѣкъ 6. Раздавали-ли подсудимые книжки постороннимъ, свидѣтель не видалъ. „Исторію французскаго крестьянина“ свидѣтель взялъ отъ подсудимаго Александрова изъ-подъ подушки и передалъ ее своему брату; тотъ прочиталъ и сказалъ, что эту книжку запрещено читать. У Александрова было нѣсколько подобныхъ книжекъ. Онъ читалъ книжки, но мало, и слушателей не собиралъ. Алексѣй Ивановъ разъ давалъ свидѣтелю книжку для передачи Павлу Александрову. Подсудимому Александрову (Діомиду)

Алексѣй Ивановъ далъ денегъ и книжекъ и велѣлъ поступить на заводъ, чтобы онъ тамъ ихъ читалъ и раздавалъ. Михайловъ и Ивановъ ходили въ блузахъ, назывались мастеровыми, но кто они были свидѣтель не зналъ. Они говорили, что кто будетъ разнашивать книжки, то ему за это будутъ платить. Герасимовъ и Александровъ прятали книжки на ночь гдѣ-то во дворѣ. На квартирѣ, кромѣ подсудимыхъ Герасимова и Александрова, жили: Тарасовъ, Кондратьевъ и Андреевъ. Знакомство свидѣтеля съ Михайловымъ началось такъ: въ праздникъ онъ пришелъ въ квартиру Тарасова и другихъ и изъ кухни услыхалъ, что въ другой комнатѣ читаютъ книжку; онъ вошелъ и сталъ слушать; читалъ Михайловъ. Свид. Рейкасъ (уроженецъ Лифляндской губерніи) показалъ, что „онъ раза три видѣлъ, какъ читали книжки Герасимовъ и Михайловъ". Свидѣтель по русски плохо знаетъ; какія книжки читали— ему неизвѣстно, похожія на тѣ, которыя лежатъ на столѣ вещественныхъ доказательствъ. Свид. Классонъ (нарвскій мѣщанинъ) показалъ, что онъ по русски плохо понимаетъ и неграмотенъ. Василій Михайловъ читалъ какія-то книжки; по картинкамъ свидѣтель узналъ книжку о Пугачевѣ. Свид. Александръ Янсонъ (кронштадскій мѣщанинъ) показалъ, что два раза видѣлъ Михайлова, какъ онъ читалъ книжки, но что онъ читалъ—свидѣтель ничего не понималъ. Съ подсудимымъ Янсономъ свидѣтель ни въ какомъ родствѣ не состоитъ. Ему говорилъ Герасимовъ, что ходитъ въ казармы. Свидѣт. Крухмаловъ (ремесленникъ) показалъ, что познакомился съ Дьяковымъ въ трактирѣ, играя на билліардѣ; они разговорились. Дьяковъ спросилъ, сколько свидѣтель зарабатываетъ, на что тотъ отвѣчалъ, что мало, только 15 руб. Дьяковъ на это сказалъ, что это отъ того, что мастера нѣмцы и начальство скверное. Потомъ онъ говорилъ, что нужно учиться грамотѣ, чтобы лучше жить и хотѣлъ привести къ такимъ людямъ, которые учатъ. Затѣмъ онъ просилъ нельзя-ли его опредѣлить на мѣсто. Свидѣтель обѣщалъ рекомендовать его на патронный заводъ и эту просьбу повторилъ, придя къ свидѣтелю недѣли черезъ двѣ или три. Свидѣтель отправился съ нимъ къ своимъ знакомымъ на заводъ, но дорогою ихъ задержали. Свид. Сандеръ (рядовой) показалъ, что разъ осенью его товарищъ пригласилъ въ трактиръ угоститься, потому что онъ писалъ ему домой письмо, откуда ему прислали 25 руб. Въ трактирѣ пили чай, водку и красное вино. Тутъ они встрѣтили одного человѣка, именно Василія Герасимова, который заговорилъ съ ними по чухонски и пригласилъ ихъ къ себѣ на квартиру. Они сказали, что сначала надо къ нимъ зайти, а потомъ и они придутъ. Потомъ дѣйствительно пришелъ Герасимовъ съ какимъ-то другимъ, маленькимъ, фамиліи котораго свидѣтель не знаетъ. Свидѣтель съ товарищемъ хотѣли ихъ угостить, но они сказали, что не затѣмъ пришли и пригласили въ трактиръ. Тамъ заказали чаю за 15 коп. и взяли сороковушку водки. Герасимовъ приглашалъ ихъ къ себѣ на квартиру, но они отговаривались сначала, потому что боялись опоздать на ученье, а потомъ согласились и пошли. Дорогою они встрѣтили какого то человѣка, съ которымъ Герасимовъ остановился, а свидѣтель съ товарищемъ и съ маленькимъ пришли на квартиру къ Герасимову. Вскорѣ пришелъ и Герасимовъ съ человѣкомъ, съ которымъ встрѣтился дорогою. Тутъ ихъ угощали чаемъ и супомъ. Человѣкъ, который встрѣтился дорогою, взялъ книжку и сталъ читать. Посидѣвъ нѣсколько времени, свидѣтель сказалъ, что имъ пора идти. Ихъ сначила остановили, а потомъ пригласили придти въ воскресенье, въ 9 часовъ вечера. Они обѣщали и ушли, но больше не приходили и этихъ людей не видѣли. Книжку, которую читалъ чужой человѣкъ, онъ называлъ сказкой о четырехъ братьяхъ. На вопросы товарища оберъ-прокурора свидѣтель показалъ, что Герасимовъ, когда былъ въ 9-й ротѣ съ маленькимъ человѣкомъ, никакой книжки не читалъ. Человѣкъ, котораго они встрѣтили на дорогѣ въ казармахъ не былъ. Вслѣдствіе этого показанія, по просьбѣ товарища оберъ-прокурора, была дана очная ставка Сандеру съ Павломъ Александровымъ. На очной ставкѣ оба свидѣтеля остались при своихъ показаніяхъ. Свид. Ларичевъ показалъ, что разъ унтеръ-офицеръ Елесинъ читалъ книжку; его потребовали по службѣ, и онъ оставилъ книжку на столѣ или далъ свидѣтелю—послѣдній не припомнитъ, но онъ взялъ эту книжку, немного прочелъ, но тутъ „погнали на ужинъ". Книжку онъ положилъ въ столикъ, а послѣ уложилъ ее въ сундучекъ. Затѣмъ послѣдовалъ приказъ, чтобы осмотрѣть всѣ вещи солдатъ. На этомъ осмотрѣ нашли у свидѣтеля книжку. Это была „Хитрая Механика". Изъ той странички, которую свидѣтель прочелъ, онъ ничего не понялъ. Свид. Елесинъ (унтеръ-офицеръ) показалъ, что въ мартѣ мѣсяцѣ онъ былъ дежурнымъ по ротѣ. Ему далъ книжку дежурный въ лазаретѣ, сказавъ: „Не угодно ли почитать". Онъ прочелъ страницу, но тутъ его потребовали къ фельдфебелю, онъ бросилъ книжку и больше ея не видалъ. Книжка была озаглавлена „Хитрая Механика". Изъ того, что прочелъ, ничего не понялъ. Свид. Кирѣевъ (ефрейторъ) показалъ, что 26-го марта онъ былъ дежурнымъ по лазарету и сидѣлъ съ Ежовымъ, дневальнымъ. Мимо ихъ прошелъ больной рядовой Янсонъ въ кухню; возвращаясь оттуда онъ бросилъ имъ книжку и сказалъ: „на-те, читайте". Свидѣтель взялъ книжку и только успѣлъ прочитать заголовокъ: „Хитрая Механика", какъ его потребовали въ канцелярію. Онъ побѣжалъ, оставивъ у Ежова. Получивъ приказъ въ канцеляріи онъ зашелъ въ свою роту, гдѣ дежурнымъ былъ Елесинъ и разсказалъ о книжкѣ.

Елесинъ попросилъ дать ему эту книжку. Свидѣтель взялъ ее у Ежова и отдалъ Елесину. Свид. Ежовъ (рядовой) показалъ, что онъ сидѣлъ съ Кирѣевымъ въ госпиталѣ; мимо ихъ проходилъ больной Янсонъ и бросилъ книжку. Кирѣевъ сталъ было ее читать, но его потребовали, и онъ отдалъ книжку свидѣтелю. Въ четыре часа свидѣтель смѣнился и пришелъ въ роту. Книжка была у него за обшлагомъ. Зашелъ Кирѣевъ и спросилъ книжку, которую онъ ему и отдалъ. Свид. Червяковъ (фельдфебель) показалъ, что онъ получилъ приказаніе отъ поручика Постникова розыскать у солдатъ книжку подъ заглавіемъ: „Сказка о четырехъ братьяхъ". Свидѣтель спросилъ Янсона о книжкѣ, которая у него была раньше, но онъ сказалъ, что ея у него нѣтъ. Свидѣтель объяснилъ ему, что книжку хочетъ почитать завѣдывающій лазаретною частью. Тогда Янсонъ сказалъ, что сбѣгаетъ на фабрику и, можетъ быть, достанетъ книжку у своего знакомаго Герасимова. Возвратясь съ фабрики, онъ заявилъ, что Герасимова на фабрикѣ уже нѣтъ, и просилъ вторично сходить туда узнать, куда Герасимовъ дѣвался. Оказалось, что Герасимовъ перешелъ на сахарный заводъ Кенига. Свидѣтель отправился вмѣстѣ съ Янсономъ туда, вызвали Герасимова и пошли въ трактиръ пить чай. Въ трактирѣ Герасимовъ передалъ книжку Янсону, а послѣдній передалъ ее свидѣтелю, который въ свою очередь представилъ ее поручику Постникову. Въ трактирѣ Герасимовъ говорилъ, что книжка полезная и предлагалъ свидѣтелю придти къ нему на квартиру въ воскресенье, гдѣ будетъ собраніе, будутъ читать лекцію и тамъ можно получить много книжекъ. Подс. Герасимовъ заявилъ, что свидѣтель говоритъ неправду, такъ какъ онъ книжку не хвалилъ и не читалъ. Подс. Моргунъ (музыкантъ) показалъ, что къ Зайцеву пришелъ неизвѣстный человѣкъ, котораго онъ пригласилъ пить чай. „При мнѣ, сказалъ свидѣтель, человѣкъ этотъ началъ разговоръ о Пугачевѣ, какъ онъ дѣлалъ злыя дѣйствія—господъ вѣшалъ и сказалъ, что то же и теперь можно сдѣлать и что двѣ части Россіи подговорены, а третью легко будетъ подговорить. Не знаю, кто сказалъ: „что если бы солдатъ не было". На это онъ говоритъ, что солдатъ только 800.000, а мужиковъ 82.000.000. Потомъ сказалъ, что Правительство наняло 500 агентовъ ловить насъ, а насъ 1.500. Человѣкъ этотъ называлъ себя Тимоѳеевымъ. При этомъ разговорѣ были музыканты Павловъ и Ѳедотовъ. Свидѣтель указалъ на подсудимаго Александрова, какъ на того человѣка, который говорилъ о Пугачевѣ. Дальше свидѣтель объяснилъ: „Потомъ онъ еще говорилъ, что во Франціи революція была; Король Наполеонъ хотѣлъ убѣжать, на границѣ его поймали, привезли въ Парижъ, прочитали ему указъ и повѣсили". На вопросы сторонъ свидѣтель показалъ, что у Зайцева книжка лежала въ комодѣ; онъ взялъ ее и почиталъ въ одномъ мѣстѣ о монахахъ. Свидѣтель подумалъ, что нехорошо читать такую книжку, потому что это было воскресенье. О разговорѣ Александрова свидѣтель заявилъ старшему и его арестовали. Подс. Александровъ заявилъ, что противъ этого показанія онъ ничего не имѣетъ сказать, потому что онъ въ то время былъ пьянъ. Подс. Зайцевъ объяснилъ, что когда онъ узналъ, что книжку потребовалъ адъютантъ, онъ доложилъ фельдфебелю, какъ только пришелъ Александровъ, что это тотъ человѣкъ, который давалъ книжку. Свид. Ѳедотовъ (музыкантскій ученикъ) показалъ, что у Зайцева сидѣлъ незнакомый свидѣтелю человѣкъ, который разсказывалъ о Пугачевѣ, „какъ онъ вѣшалъ помѣщиковъ, и говорилъ, что это можно сдѣлать и теперь, чтобы не было надъ ними начальства". Зайцевъ угощалъ этого человѣка водкой; онъ былъ выпивши, но не пьянъ. Разъ свидѣтель попросилъ у Зайцева какую нибудь книжку почитать. Зайцевъ сказалъ, чтобы онъ взялъ книжку въ комодѣ. Тамъ было двѣ: „Пугачевъ" и „Сказка о четырехъ братьяхъ". Содержаніе книжекъ по мнѣнію свидѣтеля, „было глупо". Свид. Павловъ (унтеръ-офицеръ) показалъ, что онъ слышалъ, какъ Александровъ говорилъ: „было бы хорошо, если бы не было Правительства". Говорилъ, что такихъ толкователей 1.500, а сыщиковъ нанято ловить ихъ только 500. По просьбѣ защиты Павлову былъ предъявленъ свидѣтель Павелъ Александровъ. Свидѣтель Павловъ заявилъ, чтъ этотъ человѣкъ въ музыкантскомъ отдѣленіи не былъ. Свид. Рейтцъ (лазаретный вахтеръ) показалъ, что Янсонъ былъ выписанъ изъ лазарета 26-го марта въ первомъ часу дня. При выпискѣ обыкновенно госпитальныя вещи отбираются у больнаго и отправляются въ складъ, но халаты остаются на койкахъ. Свид. Андреевъ (отставной фельдфебель) показалъ, что на Страстной недѣлѣ его призвалъ къ себѣ полковой адъютантъ и спросилъ о Зайцевѣ, чѣмъ онъ занимается. Свидѣтель сказалъ, что онъ сапожный мастеръ; ходятъ къ нему мужики, но что они говорятъ, свидѣтель не знаетъ. Адъютантъ приказалъ наблюсти, не бываютъ-ли у Зайцева люди, которые „распускаютъ ложные слухи противъ Правительства", и нѣтъ-ли у него книжки подъ заглавіемъ „Сказка о четырехъ братьяхъ". Свидѣтель пришелъ къ Зайцеву и спросилъ нѣтъ-ли у него какой-нибудь сказки почитать знакомому свидѣтеля мальчику. Зайцевъ сказалъ, что такой книжки теперь у него нѣтъ, а есть только книжка „Указаніе на путь истины". Свидѣтель смотрѣлъ и у другихъ солдатъ книжекъ, но ничего не нашелъ. На Святой недѣлѣ пришелъ къ Зайцеву человѣкъ. Зайцева въ это время не было, а въ комнатѣ, по обыкновенію, находился свидѣтель для наблюденія; когда пришедшій спросилъ Зайцева, который былъ въ это время въ садикѣ,

свидѣтель пригласилъ обождать и позвалъ Зайцева, который тотчасъ-же явился. Затѣмъ, улучивъ минуту, онъ заявилъ свидѣтелю, что пришедшій человѣкъ занимается „этими дѣлами". Свидѣтель сказалъ, чтобы Зайцевъ пригласилъ его напиться чаю и угостилъ водкой, а самъ между тѣмъ побѣжалъ доложить полковому адъютанту. Послѣдній пришелъ въ казармы и, чтобы не подавать вида о причинѣ посѣщенія и разспросить Зайцева, приказалъ ему принести къ себѣ на квартиру сапожный инструментъ, а свидѣтелю сказалъ, что пришедшій человѣкъ можетъ быть невиноватъ, а потому приказалъ прежде его угостить, пригласить нѣсколькихъ свидѣтелей, и если онъ будетъ говорить что-нибудь противъ Правительства, тогда доложить дежурному по полку. Когда гость сталъ разсказывать о французской революціи, о Пугачевѣ и проч., свидѣтель отправился и доложилъ дежурному по полку, который доложилъ полковнику, и полковникъ приказалъ взять этого человѣка подъ арестъ. За этого человѣка свидѣтель призналъ подсудимаго Александрова. На вопросы защиты свидѣтель показалъ, что на Александрова указалъ Зайцевъ и что безъ этого указанія его не могли бы узнать. Когда проходилъ мимо комнаты Зайцева Моргунъ, то Зайцевъ пригласилъ его выпить чаю для того, чтобы онъ слышалъ, что будетъ говорить Александровъ. Свидѣтель не говорилъ ничего Зайцеву о томъ, что нужно поймать человѣка, который даетъ книжки, а Зайцевъ самъ хотѣлъ его найти. Свид. Аѳанасьевъ показалъ, что онъ жилъ въ одной квартирѣ съ подсудимымъ Ельцовымъ и еще съ двумя студентами. У нихъ былъ одинъ комодъ о четырехъ ящикахъ; каждому принадлежалъ одинъ ящикъ; всѣ они запирались однимъ ключемъ, и когда случалось уходить изъ квартиры всѣмъ, то ключъ оставляли въ извѣстномъ мѣстѣ. Подсудимый Вечеславовъ жилъ на этой же квартирѣ, но раньше до свидѣтеля. Случалось, что вещи иногда попадались по ошибкѣ въ чужой ящикъ. Въ квартирѣ былъ сдѣланъ обыскъ, нашли запрещенныя книги. Передъ обыскомъ студенты готовились къ экзамену. Затѣмъ по просьбѣ товарища оберъ-прокурора, были прочитаны два показанія неявившихся свидѣтелей Пельгаса (рядовой) и Жмудскаго (музыканта). Показаніе перваго заключается въ слѣдующемъ: видѣлъ-ли я до сего предъявляемаго мнѣ человѣка (предъявленъ былъ Вячеславъ Дьяковъ) — не знаю. Не помню когда, давно уже вечеромъ въ праздникъ, я былъ съ рядовымъ нашей роты Сандеромъ въ трактирѣ около нашихъ казармъ; тутъ подошелъ къ намъ какой-то работникъ, я былъ пьянъ и не помню о чемъ говорили; этотъ работникъ говорилъ по-русски и по-чухонски. На другой день этотъ работникъ съ другимъ молодымъ человѣкомъ очень маленькаго роста, съ бѣлыми волосами, пришли къ намъ въ казарму. Говорившій почухонски звалъ къ себѣ и я съ Сандеромъ отправился къ нему на вольную квартиру, куда-то на Черную рѣчку, а передъ тѣмъ заходили въ трактиръ. Читали-ли эти люди у насъ въ казармахъ какія книги, я не видалъ, такъ какъ былъ занятъ работою. Дорогою мы встрѣтили какого-то человѣка съ черными волосами, безъ бороды, котораго я видѣлъ въ первый разъ. Этотъ человѣкъ тоже пошелъ съ нами и когда мы пришли на квартиру, то встрѣтившійся съ нами на дорогѣ человѣкъ читалъ громко какую-то книжку, какъ онъ потомъ сказалъ „Четыре брата". Мы тутъ поѣли супу, напились чаю и пробыли недолго. Книгу, которую читали въ квартирѣ о томъ, что четырехъ братьевъ сослали въ Сибирь, а также никакихъ другихъ книгъ я ни отъ кого не получалъ, какъ тутъ въ квартирѣ, такъ и въ казармахъ; предлагали-ли мнѣ, чтобы я взялъ книги, я не знаю; того, чтобы давали Сандеру книги и онъ ихъ бралъ, я не видѣлъ. Я былъ на этой квартирѣ только одинъ разъ, а также только одинъ разъ видѣлъ вышеупомянутыхъ двухъ человѣкъ въ казармахъ. Музыканта нашего полка Трофима Зайцева не знаю". Показаніе Жмудскаго слѣдующаго содержанія: „Недѣли за три передъ Пасхой, въ субботу, я съ музыкантомъ Зайцевымъ пошли въ какой-то домъ на Черной рѣчкѣ; здѣсь Зайцевъ долженъ былъ получить деньги за сапоги, которыя онъ шилъ для присутствующаго здѣсь студента Дьякова извѣстнаго мнѣ подъ именемъ Василія. Придя на квартиру къ рабочимъ, мы не застали никого: черезъ полчаса пришли рабочіе, а затѣмъ и Василій, который; получивъ сапоги, заплатилъ тутъ-же за нихъ деньги. Ни рабочіе, ни Василій ничего намъ не разсказывали; получивъ деньги, мы тотчасъ же ушли, и передъ уходомъ нашимъ Василій (чухонецъ) далъ мнѣ „Сказку о четырехъ братьяхъ"; далъ-ли онъ тутъ какую-нибудь книгу Зайцеву — не видалъ. Придя домой, я началъ было читать эту „Сказку", да ничего не понялъ. Зайцевъ тогда взялъ у меня ее и просилъ Моргуна почитать вслухъ; я задремалъ скоро, не сталъ слушать и пошелъ спать. Василья (Дьякова) я видѣлъ у насъ въ музыкантской командѣ только одинъ разъ; былъ онъ тогда у Зайцева, тутъ же былъ и Василій (чухонецъ); читали-ли они что—я не знаю, ничего не видалъ. Въ другихъ ротахъ ни Василія Дьякова, ни Василія чухонца я не видалъ и не знаю, ходили-ли они. Василій чухонецъ ходилъ въ нашу команду разъ или два раза въ недѣлю, можетъ быть, онъ и чаще бывалъ, да я не видѣлъ. Давалъ-ли Василій-чухонецъ Зайцеву или кому-нибудь изъ солдатъ книжки, я не знаю. У Зайцева я видѣлъ „Хитрую механику" и „Сказку", которую далъ мнѣ Василій-чухонецъ, я видѣлъ у Зайцева въ комодѣ, но куда эти книжки дѣвались потомъ, не знаю. Давалъ-ли Василій (Дьяковъ) книги Зайцеву или другимъ солдатамъ, не знаю". По прочтеніи этихъ показаній стороны просили дополнить судебное слѣдствіе ссыл-

ками на нѣкоторые документы. По выслушаніи заявленій по этому предмету, особое присутствіе Правительствующаго Сената опредѣлило: во 1-хъ, въ ходатайствѣ защиты о прочтеніи сочиненій, составляющихъ пред[illegible]ъ настоящаго дѣла, отказать. предоставивъ сторонамъ ссылаться при судебныхъ преніяхъ на тѣ мѣста означенныхъ сочиненій, на которыя они найдутъ нужнымъ указать; во 2-хъ, въ ходатайствѣ сторонъ о допросѣ подсудимыхъ, которымъ было предоставлено, на основаніи 683 ст. уст. угол. суд., право представить объясненія по содержанію выслушанныхъ судомъ свидѣтельскихъ показаній—отказать, предоставивъ, какъ самимъ подсудимымъ, такъ и защитникамъ изложить въ защитительныхъ рѣчахъ тѣ объясненія, которыя они признаютъ необходимымъ дать въ свое оправданіе на основаніи 744, 745, 747 и 749 ст. уст. угол. суд.. и въ 3-хъ, согласно ходатайству сторонъ, разрѣшить имъ ссылаться на всѣ имѣющіяся въ дѣлѣ документы, акты осмотровъ и обысковъ. Затѣмъ судебное слѣдствіе было объявлено оконченнымъ и засѣданіе прервано до слѣдующаго дня. По возобновленіи засѣданія Товарищъ оберъ-прокурора Н. Н. Шрейдеръ сказалъ: „Г. г. сенаторы, г. г. сословные представители. Произведенное передъ вами судебное слѣдствіе раскрыло во всей подробности цѣль и намѣренія главныхъ по этому дѣлу обвиняемыхъ и степень виновности каждаго изъ привлеченныхъ къ этому дѣлу лицъ. Дѣятельность нѣкоторыхъ по этому дѣлу обвиняемыхъ состояла въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія не только между обыкновенными гражданами, съ цѣлью возбудить ихъ къ бунту, но упомянутыя сочиненія распространялись и между нѣкоторыми нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка, съ цѣлью и ихъ привлечь къ участію въ насильственномъ возстаніи скопомъ и заговоромъ противъ Государя и Государства. Доказанныя стремленія вовлечь въ преступленіе, направленное къ сокрушенію Государства, такихъ лицъ, которыя по самому существу своихъ обязанностей призваны къ его охраненію, такихъ лицъ, которыя по силѣ закона призваны къ защитѣ Престола и Отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, сообщаетъ этимъ стремленіямъ такую важность, что я на это обстоятельство считаю долгомъ обратить особенное ваше вниманіе. Если вслѣдствіе легкомыслія однихъ, недостаточной развитости чувства долга у другихъ, или, наконецъ, вообще недостаточной развитости третьихъ, означенныя преступныя стремленія не встрѣтили съ самаго начала въ средѣ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, коимъ были передаваемы сочиненія преступнаго содержанія, того отпора котораго эти преступныя стремленія въ дѣйствительности требовали, то это частное уклоненіе отъ долга службы и присяги сами же нижніе чины московскаго полка старались, по возможности, загладить дѣйствіями, о которыхъ я буду говорить впослѣдствіи. И это желаніе нижнихъ чиновъ по возможности загладить свой проступокъ краснорѣчивѣе всего доказываетъ, что въ русской арміи живетъ тотъ духъ воинской дисциплины и та глубокая преданность Престолу и Отечеству, которыя съ такою силою проявляются всегда и всюду, когда обстоятельства того потребуютъ. Но это желаніе нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи московскаго полка по возможности загладить свой проступокъ, какъ находящееся внѣ воли главныхъ по этому дѣлу обвиняемыхъ, не умаляетъ значенія ихъ преступныхъ попытокъ поколебать твердыню доблестей русскаго солдата и въ особенности не умаляетъ значенія дѣйствій того изъ обвиняемыхъ, отъ котораго шли эти преступныя стремленія и который, сообразно этимъ стремленіямъ, направлялъ дѣятельность соглашенныхъ имъ на то сообщниковъ". Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора обратился къ разбору свойства тѣхъ преступленій, въ которыхъ обвиняются подсудимые и между прочимъ указалъ на значеніе злоумышленія, о которомъ говорится во 2-й части 251 ст. улож. о нак. При несознаніи обвиняемыхъ въ злоумышленномъ распространеніи преступныхъ сочиненій, эта злоумышленность явствуетъ: во 1-хъ, изъ содержанія распространявшихся сочиненій, ибо нельзя распространять какія-бы то ни было сочиненія съ иною цѣлью, кромѣ той, чтобы были усвоены тѣ мысли и идеи, которыя въ распространяемыхъ сочиненіяхъ содержатся. По настоящему дѣлу были распространяемы книжки: „Хитрая механика", „Сказка о четырехъ братьяхъ", „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ", „Емелька Пугачевъ", Исторія французскаго крестьянина" и другія. Каждая изъ нихъ имѣетъ свое частное содержаніе. Такъ, напримѣръ „Исторія французскаго крестьянина" говоритъ о французской революціи. Въ книжкѣ „Емелька Пугачевъ" разсказывается о бунтѣ, произведенномъ государственнымъ преступникомъ Пугачевымъ и т. д. Но если вникнуть въ содержаніе всѣхъ этихъ сочиненій, то, несмотря на различіе ихъ частнаго содержанія, нельзя не убѣдиться въ томъ, что всѣ они клонятся къ одной цѣли — къ возбужденію населенія къ поголовному насильственному возстанію противъ Государя и Государства, съ цѣлію перемѣны существующаго образа правленія и сокрушенія всего государственнаго строя и порядка. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ книжекъ въ подробности указывается, какъ подлежитъ произвести возстаніе. Въ одной изъ книжекъ прямо говорится, что Пугачевымъ были пролиты рѣки крови, а что въ настоящее время прольются моря крови. Во 2-хъ, признакъ злоумышленности явствуетъ изъ количества распространявшихся сочиненій. Если преступныя сочиненія были передаваемы въ значительномъ числѣ, какъ это было по настоящему дѣлу, то тогда уже нѣтъ мѣста указанію па то, что

преступныя сочиненія были передаваемы безъ злаго умысла, а лишь для удовлетворенія празднаго любопытства, но, конечно, передача даже одного экземпляра преступнаго сочиненія сообщникомъ преступленія, т. е. лицомъ дѣйствующимъ по предварительному соглашенію съ главнымъ распространителемъ, есть также передача злоумышленная. По настоящему дѣлу обыкновенный способъ распространенія сочиненій, заключающійся въ передачѣ или разсылкѣ экземпляровъ сочиненія, былъ признанъ обвиняемыми недостаточнымъ. Сверхъ сего, преступныя сочиненія читались, съ цѣлью сдѣлать извѣстнымъ ихъ содержаніе, и людямъ неграмотнымъ. Мало того, чтенія эти были сопровождаемы преступными толкованіями съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ и яснымъ, къ чему именно читаемыя книжки клонятъ. Обративъ затѣмъ вниманіе на свойство преступленій недонесенія о злоумышленномъ распространеніи сочиненій и имѣнія преступныхъ сочиненій, г. товарищъ оберъ-прокурора перешелъ къ изложенію уликъ, собранныхъ противъ каждаго изъ обвиняемыхъ и началъ съ подсудимаго Дьякова. Студентъ Дьяковъ, окончивъ курсъ въ вологодской духовной семинаріи, въ сентябрѣ 1874 г. поступилъ въ с.-петербургскій университетъ и, не достигнувъ еще совершеннолѣтія, почти одновременно, въ концѣ прошлаго года, съ преступною цѣлью вошелъ въ знакомство съ двумя группами рабочихъ фабрики Чешера, принявъ на себя имя Василія Михайлова. Останавливаясь сначала на дѣятельности обвиняемаго Дьякова въ той группѣ рабочихъ, которые жили сначала во дворѣ фабрики Чешера, а потомъ въ домѣ Прокофьева, г. товарищъ оберъ-прокурора указалъ, что обвиняемый Дьяковъ сталъ приносить рабочимъ этой группы книжки преступнаго содержанія, просилъ распространять ихъ; далѣе, самъ читалъ эти книжки въ присутствіи рабочихъ, сопровождая чтенія преступными толкованіями. Впослѣдствіи, какъ показываютъ свидѣтели, онъ предложилъ рабочимъ переѣхать съ фабрики на другую квартиру, и когда они отвѣтили, что у нихъ для этого нѣтъ денегъ, то онъ далъ имъ 10 руб. По переѣздѣ рабочихъ на новую квартиру, онъ еще чаще посѣщалъ ихъ, приносилъ имъ преступныя сочиненія, читалъ ихъ, давалъ объясненія и просилъ раздавать книжки другимъ рабочимъ. Спустя нѣсколько времени онъ заявилъ, какъ объяснили свидѣтели, что ему самому нѣтъ времени ходить къ рабочимъ, потому что у него есть много другихъ мѣстъ, куда ему также ходить нужно, и что онъ приведетъ къ нимъ другого человѣка, который также какъ и онъ, будетъ носить имъ книжки, читать и толковать ихъ. И дѣйствительно онъ привелъ къ нимъ обвиняемаго Сирякова подъ именемъ Алексѣя Иванова и этотъ послѣдній, согласно данному Дьяковымъ обѣщанію, приносилъ рабочимъ преступныя сочиненія, читалъ ихъ и сопровождалъ чтеніе преступными толкованіями. Здѣсь же, на этой квартирѣ, въ домѣ Прокофьева, обвиняемые Дьяковъ и Сиряковъ склоняли крестьянина Тарасова ѣхать на родину, обѣщаясь снабдить его книжками преступнаго содержанія, съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ тамъ распространялъ, но эта поѣздка не состоялась. Затѣмъ они успѣли уговорить крестьянина Шилова, неразысканнаго и по сіе время, ѣхать на родину съ цѣлью распространенія въ народѣ сочиненій преступнаго содержанія, и обвиняемый Дьяковъ снабдилъ Шилова деньгами на дорогу и сочиненіями преступнаго содержанія. Вторая группа рабочихъ, съ которыми велъ знакомство обвиняемый Дьяковъ, проживала сначала на дачѣ Базунова, а потомъ на дачѣ Бобонина. Дѣятельность Дьякова среди этой группы рабочихъ была тождественна съ дѣятельностью его между рабочими первой группы; онъ также и сюда приносилъ сочиненія преступнаго содержанія, читалъ ихъ, сопровождалъ эти чтенія преступными толкованіями и, передавая рабочимъ книжки преступнаго содержанія, просилъ раздавать ихъ другимъ лицамъ. Жившіе на этой дачѣ рабочіе, мѣщане Герасимовъ и Діомидъ Александровъ, приняли дѣятельное участіе въ преступной дѣятельности Дьякова. Изъ нихъ Герасимовъ, склоненный Дьяковымъ, поступилъ на сахарный заводъ Кенига для распространенія между рабочими этого завода преступныхъ сочиненій, и это обстоятельство подтверждается не только показаніями свидѣтелей, но и актомъ обыска, при коемъ у одного рабочаго, близко помѣщавшагося отъ Герасимова, найдена была книжка преступнаго содержанія, именно „Пѣсенникъ". Для облегченія Герасимова въ исполненіи порученій по распространенію преступныхъ сочиненій, обвиняемый Дьяковъ, какъ показали свидѣтели, снабдилъ его деньгами, одинъ разъ давъ 5 руб., а другой разъ прислав столько же. На этой-то квартирѣ завязались сношенія обвиняемыхъ съ нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка. Сношенія эти, какъ доказано свидѣтельскими показаніями, завязались чрезъ посредство Герасимова. Обвинитель твердо убѣжденъ въ томъ, что мысль о томъ, чтобы войти въ близкія преступныя сношенія съ нижними чинами, принадлежала не Герасимову. Изъ тѣхъ преступныхъ толкованій, коими обвиняемый Дьяковъ сопровождалъ чтеніе книжекъ „Хитрой Механики" и другихъ толкованій, которыя выяснились изъ свидѣтельскихъ показаній, несомнѣнно явствуетъ, что мысль распространенія преступныхъ сочиненій между нижними чинами принадлежала Дьякову, и что по его почину Герасимовъ возобновлялъ знакомство съ тѣми изъ нихъ, которыхъ зналъ прежде, и заводилъ новыя знакомства, заговаривая съ солдатами въ трактирѣ, угощая ихъ и заманивая ихъ къ себѣ на квартиру, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ присутствовали при чтеніи Дьяковымъ преступныхъ сочиненій, и гдѣ нѣкоторымъ изъ

нихъ Герасимовъ при уходѣ вручалъ сочиненія преступнаго содержанія. Обстоятельство о томъ, читалъ-ли дѣйствительно Дьяковъ въ казармахъ московскаго полка въ 9-й ротѣ и въ музыкантской командѣ преступныя сочиненія, осталось недостаточно разъясненнымъ, въ виду того, что по этому предмету существуетъ противорѣчіе между свидѣтельскими показаніями. Обвинитель не счелъ нужнымъ останавливаться на этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ для обвиненія подсудимаго Дьякова достаточно и другихъ обнаруженныхъ судебнымъ слѣдствіемъ данныхъ. Далѣе обвинитель указалъ на то, что обвиняемый Дьяковъ хотѣлъ чрезъ посредство свидѣтеля Крухмалова поступить чернорабочимъ на патронный заводъ, куда они уже и шли, но были задержаны, и что Дьяковъ, когда ему сдѣлалось извѣстнымъ, что преступленіе его и его сообщниковъ обнаружено, рѣшилъ отправить Герасимова изъ Петербурга, снабдивъ его на дорогу деньгами, фальшивымъ паспортомъ на имя Трофимова и сочиненіями преступнаго содержанія, съ коими Герасимовъ и былъ задержанъ на станціи Финляндской желѣзной дороги. Въ заключеніе г. товарищъ оберъ-прокурора представилъ основанія, по которымъ считаетъ Дьякова главнымъ виновнымъ. Переходя за симъ къ обвиняемому Алексѣю Сирякову, г. обвинитель высказалъ, что Сиряковъ, бывъ товарищемъ обвиняемаго Дьякова по вологодской семинаріи и по с.-петербургскому университету, сдѣлался его товарищемъ и по преступной дѣятельности. Обвиняемый Сиряковъ былъ введенъ Дьяковымъ къ рабочимъ, которые жили въ домѣ Прокофьева, а потомъ и къ рабочимъ, жившимъ на дачѣ Бобонина, гдѣ онъ, по показаніямъ свидѣтелей, вполнѣ замѣнилъ Дьякова. Изъ этихъ показаній свидѣтелей явствуетъ, что Сиряковъ въ точности исполнилъ обѣщаніе, данное Дьяковымъ рабочимъ: онъ приносилъ имъ сочиненія преступнаго содержанія, читалъ имъ „Пугачева“, „Хитрую механику“ и другія и сопровождалъ эти чтенія такими же преступными толкованіями, какими сопровождалъ чтенія обвиняемый Дьяковъ; Сиряковъ точно также раздавалъ рабочимъ эти сочиненія и просилъ ихъ передавать другимъ. Далѣе, онъ участвовалъ въ отправленіи Шилова на родину для революціонной пропаганды и въ склоненіи къ тому же Тарасова, неимѣвшемъ, однако, успѣха; наконецъ, онъ, также какъ Дьяковъ, принялъ на себя имя Алексѣя Иванова и выдавалъ себя за слесаря. Затѣмъ товарищъ оберъ-прокурора обратилъ вниманіе на то, что нѣкоторые изъ рабочихъ, а именно, Тарасовъ, Павелъ Александровъ, Антонъ Андреевъ и другіе, не распространяли тѣхъ преступныхъ сочиненій, которыя получали отъ обвиняемыхъ Дьякова и Сирякова, а представляли ихъ въ сыскное отдѣленіе. Если бы изъ этого было выведено заключеніе, что они были агентами сыскного отдѣленія, то таковое заключеніе было бы несправедливо, потому что обстоятельства дѣла указываютъ, что означенные свидѣтели сами первоначально слушали чтенія преступныхъ сочиненій, не доводя о томъ до свѣдѣнія Правительства, и лишь впослѣдствіи опомнились и, опасаясь отвѣтственности, заявили о преступной дѣятельности обвиняемыхъ Дьякова и другихъ чиновнику сыскной полиціи, который былъ извѣстенъ рабочимъ фабрики Чешера, по розыскамъ, которые онъ производилъ на этой фабрикѣ въ прошломъ году. Подсудимый Герасимовъ, присутствуя первоначально при чтеніяхъ сочиненій преступнаго содержанія, впослѣдствіи принялъ участіе въ преступленіи Дьякова и Сирякова. Какъ доказано свидѣтельскими показаніями, онъ, получая сочиненія преступнаго содержанія отъ Дьякова, читалъ ихъ вслухъ другимъ лицамъ и распространялъ ихъ. Изъ показанія Павла Александрова видно, что Герасимовъ въ присутствіи свидѣтеля раздавалъ три раза преступныя книжки своимъ знакомымъ, приходившимъ въ ихъ квартиру. Свидѣтель Антонъ Андреевъ также показалъ, что Герасимовъ давалъ ему сочиненія преступнаго содержанія. Затѣмъ онъ согласился поступить на заводъ Кенига съ цѣлью распространять тамъ между рабочими преступныя сочиненія, что подтверждается, какъ уже было замѣчено раньше, не только свидѣтельскими показаніями, но и актомъ обыска, произведеннаго на заводѣ Кенига. У того-же Герасимова, при его задержаніи на станціи Финляндской желѣзной дороги, были найдены сочиненія преступнаго содержанія и притомъ не по одному экземпляру, а по нѣсколько, какъ это видно изъ акта обыска. У него же былъ найденъ и фальшивый паспортъ на имя крестьянина Трофимова. Далѣе, обвиняемый Герасимовъ былъ тѣмъ лицомъ, чрезъ посредство котораго нижніе чины лейбъ-гвардіи московскаго полка вошли въ сношенія съ обвиняемыми, получали сочиненія преступнаго содержанія и присутствовали при чтеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ. Изъ показаній рядовыхъ Пельгаса и Сандера видно, что Герасимовъ завелъ съ ними знакомство въ трактирѣ, угощалъ ихъ тамъ и зазвалъ къ себѣ на квартиру, гдѣ они слышали чтеніе обвиняемымъ Дьяковымъ „Сказки о четырехъ братьяхъ“. По показанію Павла Александрова, въ его присутствіи, Герасимовъ неоднократно давалъ музыканту Зайцеву сочиненія преступнаго содержанія, какъ, напримѣръ, „Емелька Пугачевъ“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Свидѣтели Ларичевъ, Ежовъ, Кирѣевъ и Елесинъ показали о томъ, какъ попала въ московскій полкъ „Хитрая Механика“, отобранная впослѣдствіи на смотру вещей нижнихъ чиновъ у Ларичева. Книжка эта попала къ нему отъ Янсона, къ коему она, также какъ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“, которую прежде видѣли у Янсона, могла быть передана только тѣмъ лицомъ, къ которому самъ же Янсонъ потомъ обращался за полученіемъ „Сказки о

четырехъ братьяхъ" по требованію фельдфебеля Червякова, а это лицо былъ Герасимовъ. Наконецъ, изъ показанія свидѣтеля Павла Александрова видно, что Герасимовъ въ самыхъ казармахъ московскаго полка читалъ сочиненія преступнаго содержанія. Что касается подсудимаго Діомида Александрова, то, не касаясь вопроса о томъ, когда и какъ онъ познакомился съ Дьяковымъ и Сиряковымъ, потому что вопросъ этотъ остался неразъясненнымъ, г. обвинитель высказалъ, что Александровъ жилъ сначала на дачѣ Базунова, а потомъ на дачѣ Бобонина. Изъ показаній свидѣтелей оказывается, что Дьяковъ неоднократно приносилъ и передавалъ Александрову сочиненія преступнаго содержанія съ цѣлью дальнѣйшаго ихъ распространенія. Хотя по дѣлу не обнаружено лицъ, которымъ Александровъ передавалъ сочиненія, но обстоятельство это представляется доказаннымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: свидѣтели Кондратьевъ и Тарасовъ показали, что Александровъ самъ имъ объяснялъ, что получаемыя отъ Дьякова книжки онъ передаетъ другимъ. Показанія этихъ свидѣтелей заслуживаютъ довѣрія, потому что въ то время, когда Александровъ разсказывалъ имъ о своей дѣятельности, онъ не имѣлъ никакихъ причинъ недовѣрять свидѣтелямъ Тарасову и Кондратьеву. Александровъ видѣлъ, что имъ, какъ и ему, Дьяковъ передавалъ сочиненія преступнаго содержанія, съ цѣлью ихъ дальнѣйшаго распространенія, и не зналъ, что Тарасовъ и Кондратьевъ представляли ихъ начальству. Въ подтвержденіе того, что Діомидъ Александровъ не взводилъ на себя напраснаго обвиненія, когда разсказывалъ, что передавалъ другимъ лицамъ сочиненія преступнаго содержанія, товарищъ оберъ-прокурора указалъ на то, что по дѣлу несомнѣнно доказано, что Александровъ получалъ отъ Дьякова неоднократно и въ значительномъ числѣ сочиненія преступнаго содержанія—и не объяснилъ, куда онъ ихъ дѣвалъ. Далѣе, свидѣтель Павелъ Александровъ показалъ, что обвиняемый Діомидъ Александровъ, уходя съ квартиры, неоднократно уносилъ съ собою тѣ книжки, которыя получалъ отъ Дьякова, и только одинъ разъ онъ видѣлъ, что Діомидъ Александровъ принесъ одну обратно. Что же касается до вопроса о томъ, былъ ли Діомидъ Александровъ способенъ, такъ сказать, съ духовной точки зрѣнія, распространять сочиненія преступнаго содержанія, то для разрѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ достаточно указать на тѣ преступные разсказы, которые дозволилъ себѣ Діомидъ Александровъ въ казармахъ московскаго полка, когда пришелъ къ музыканту Зайцеву. Независимо отъ сего, Діомидъ Александровъ содѣйствовалъ преступленію обвиняемаго Дьякова еще и тѣмъ, что читалъ вслухъ, въ присутствіи другихъ лицъ, сочиненія преступнаго содержанія, которыя получалъ отъ Дьякова, и хотя, какъ показалъ одинъ свидѣтель, читалъ вслухъ рѣже, чѣмъ Герасимовъ, но, тѣмъ не менѣе, читалъ вслухъ предъ другими лицами. Наконецъ, Діомидъ Александровъ содѣйствовалъ преступленію обвиняемаго Дьякова и тѣмъ, что въ казармахъ московскаго полка разсказывалъ, въ присутствіи нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, содержаніе книжекъ: „Емелька Пугачевъ" и „Исторія французскаго крестьянина", приводя изъ нихъ преимущественно тѣ мѣста, которыя представляются наиболѣе выдающимися, и сопровождалъ свои разсказы толкованіями еще болѣе преступнаго характера, какъ о томъ съ большою подробностью объяснили на судѣ музыкантъ Моргунъ и другіе нижніе чины. Въ отношеніи музыканта лейбъ-гвардіи московскаго полка Зайцева, товарищъ оберъ-прокурора высказалъ, что изъ показанія Павла Александрова видно, что Герасимовъ неоднократно передавалъ Зайцеву сочиненія преступнаго содержанія; по показанію свидѣтеля Жмудскаго, въ присутствіи Зайцева, Герасимовъ далъ свидѣтелю: „Сказку о четырехъ братьяхъ". Свидѣтели: музыканты Ѳедотовъ и Моргунъ видѣли у Зайцева „Сказку о четырехъ братьяхъ", „Пугачева" и „Исторію французскаго крестьянина". Наконецъ, изъ дѣла видно, что Зайцевъ неоднократно посѣщалъ квартиру рабочихъ, жившихъ на дачѣ Бобонина, а также присутствовалъ тамъ при чтеніи сочиненій преступнаго содержанія. Такимъ образомъ Зайцевъ неоднократно получалъ сочиненія преступнаго содержанія, присутствовалъ при чтеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, видѣлъ, что въ его присутствіи была передана Жмудскому книжка преступнаго содержанія и, слѣдовательно, не могъ не знать и не понимать, что означенныя книжки передавались съ злоумышленною цѣлью; онъ, однако, нарушивъ святость присяги, не довелъ о томъ до свѣдѣнія Правительства. Но впослѣдствіи Зайцевъ опомнился и, насколько могъ, способствовалъ задержанію Діомида Александрова, когда онъ пришелъ къ нему въ гости. Зайцевъ самъ заявилъ фельдфебелю Андрееву, что пришелъ тотъ человѣкъ, который про книжки знаетъ, и когда Діомидъ Александровъ сталъ разсказывать о содержаніи сочиненій „Емельки Пугачева" и „Исторіи французскаго крестьянина", онъ же, Зайцевъ, доложилъ объ этомъ фельдфебелю. Въ отношеніи подсудимаго Янсона товарищъ оберъ-прокурора, касаясь лишь тѣхъ данныхъ, которыя выяснились изъ свидѣтельскихъ показаній, указалъ на показаніе свидѣтеля Червякова о томъ, что у Янсона видѣли „Сказку о четырехъ братьяхъ" и что именно вслѣдствіе сего онъ обратился, по порученію начальства, къ Янсону съ требованіемъ о томъ, чтобы достать такую же книжку. Засимъ, приведя соображенія, основанныя на показаніяхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи московскаго полка Ларичева, Елесина, Кирѣева, Ежова и Рейца, товарищъ оберъ-прокурора вывелъ заключеніе, что „Хитрая Механика", которая была найдена

командиромъ полка у рядоваго Ларичева, принадлежала обвиняемому Янсону. Въ подтвержденіе Янсономъ о злоумышленномъ распространеніи сочиненій преступнаго содержанія, обвинитель привелъ, между прочимъ, показаніе фельдфебеля Червякова о томъ, что Янсонъ по первому его требованію взялся добыть „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и дѣйствительно добылъ ее отъ Герасимова, при личномъ присутствіи Червякова, и обратилъ вниманіе на показаніе Антона Андреева, которому Янсонъ самъ разсказывалъ, что онъ можетъ доставать отъ знакомаго ему человѣка книжки преступнаго содержанія, которыя по сему дѣлу были распространяемы. Такимъ образомъ, Янсонъ зналъ, кѣмъ распространялись означенныя сочиненія, и, однако, не довелъ о томъ до свѣдѣнія начальства. Затѣмъ, по мнѣнію г. товарища оберъ-прокурора и Янсонъ старался нѣсколько загладить свой проступокъ тѣмъ, что по требованію начальства добылъ у Герасимова „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Относительно студентовъ Ельцова и Вечеславова, обвинитель указалъ на то, что имѣніе Ельцовымъ сочиненій преступнаго содержанія подтверждается найденными у него при обыскѣ книжками, изъ коихъ на каждой рукою обвиняемаго написано: отобрана или взята у меня. Виновность же Вечеславова подтверждается тѣмъ, что при обыскѣ въ квартирѣ, гдѣ онъ прежде жилъ, найдены выписки изъ „Хитрой Механики, сдѣланныя его рукою. Первоприсутствующій. Подсудимый Дьяковъ, вамъ принадлежитъ слово. Подс. Дьяковъ. Говорить что-нибудь въ свою защиту послѣ того, что въ числѣ свидѣтелей выступили три агента сыскной полиціи, я не нахожу умѣстнымъ. Подс. Спряковъ. Я считаю защиту невозможною въ виду тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ заявилъ Дьяковъ. Присяжн. пов. Бардовскій (защитникъ подсудимаго Герасимова), изложивъ въ началѣ своей рѣчи сущность обвиненія, высказалъ, что по статьямъ 251 и 249 улож. о нак. существеннымъ признакомъ караемаго ими преступленія признается то, чтобы лицо, къ которому слѣдуетъ приложить этотъ уголовный законъ, распространяло книги преступнаго содержанія съ цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной. По коренному правилу уст. угол. судопр. не обвиняемый долженъ доказать, что онъ невиновенъ, а обвинитель долженъ доказать виновность подсудимаго, и чѣмъ строже положено наказаніе за извѣстное преступленіе, тѣмъ строже судъ долженъ относиться къ уликамъ, представляемымъ его разсмотрѣнію обвинительною властью, и если эти улики возбудятъ сомнѣніе, то оно должно быть истолковано въ пользу обвиняемаго. По отношенію къ Герасимову обвинительная власть указываетъ на группу свидѣтелей, которыхъ г. защитникъ въ свою очередь раздѣляетъ на двѣ категоріи: къ первой относятся тѣ лица, которыя слушали содержаніе преступныхъ сочиненій, не сочувствуя имъ, а лишь съ цѣлью донести объ этомъ надлежащей власти; ко второй группѣ относятся солдаты. Изъ первой группы свидѣтелей Тарасовъ показалъ, что Герасимовъ читалъ книжку въ трактирѣ, толкуя содержаніе ея въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ въ ней говорится; свидѣтель Кондратьевъ показалъ, что это было не въ трактирѣ, а въ квартирѣ. Затѣмъ въ этой же группѣ есть показанія Антона Андреева и Павла Александрова; изъ нихъ Андреевъ удостовѣряетъ только тотъ фактъ, что будто бы Герасимовъ передавалъ ему книжки, а Павелъ Александровъ указываетъ на то, что Герасимовъ въ казармахъ московскаго полка читалъ и толковалъ преступныя сочиненія. Обращаясь къ вопросу о томъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣть на показанія этихъ свидѣтелей, г. защитникъ находитъ, что можно вполнѣ довѣрять только такимъ свидѣтелямъ, которые нисколько не заинтересованы въ дѣлѣ. Между тѣмъ указанные свидѣтели сдѣлали доносъ, на основаніи котораго было сдѣлано слѣдствіе, и обвиняемые привлечены къ отвѣтственности. Слѣдовательно эти лица уже заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ доносъ оправдался, другими словами, чтобы подсудимые были обвинены. На этомъ основаніи г. защитникъ полагаетъ, что къ показаніямъ этихъ свидѣтелей нельзя относиться съ тѣмъ довѣріемъ, какъ къ показаніямъ безпристрастныхъ свидѣтелей; нельзя относиться къ нимъ съ довѣріемъ еще и потому, что они сами себѣ противорѣчатъ, какъ, напримѣръ, Андреевъ и Тарасовъ, и, наконецъ, потому, что эти лица сами не довѣряютъ другъ другу. Такъ, Павелъ Александровъ не повѣрилъ Тарасову, когда тотъ говорилъ, что нужно донести. Что касается показаній второй группы — солдатъ, то г. защитникъ согласно съ обвинительною властью полагаетъ, что этимъ лицамъ нужно вѣрить, и ихъ показанія совершенно опровергали показанія свидѣтелей первой группы. Такъ, напримѣръ, Павелъ Александровъ говоритъ, что Герасимовъ читалъ и объяснялъ въ казармахъ преступныя сочиненія, между тѣмъ солдаты совершенно отрицаютъ это показаніе. Свидѣтель Червяковъ показалъ, что, дѣйствительно, по его просьбѣ, далъ ему книжку, но самъ г. представитель обвинительной власти сказалъ, и это слѣдуетъ изъ смысла 251 ст., что одно имѣніе книжки и передача ея другому не можетъ быть подводимо подъ дѣйствіе второй части этой статьи. Такимъ образомъ, если Герасимовъ и можетъ быть обвиняемъ, то только въ имѣніи у себя сочиненій преступнаго содержанія, или, въ крайнемъ случаѣ, въ томъ, что, зная о распространеніи книгъ, онъ не донесъ объ этомъ правительству. Во всякомъ же случаѣ, судебное слѣдствіе дало, по мнѣнію защитника, достаточный матеріалъ для того, чтобы придти къ убѣжденію, что если Герасимовъ и передавалъ книжки, то у него не было той цѣли, которую ему приписываетъ обви-

нительная власть. Это видно изъ самаго содержанія распространявшихся книжекъ. Основная мысль этихъ сочиненій есть неравенство распредѣленія богатствъ. Г. защитникъ не утверждаетъ, чтобы распространеніе этихъ книгъ было не преступно, но это преступленіе предусмотрѣно въ особыхъ специальныхъ статьяхъ улож. о нак. Такъ, въ „Хитрой Механикѣ“ говорится, что копѣйка, заработанная мужикомъ, идетъ не на тотъ предметъ, на который слѣдуетъ; въ „Сказкѣ о четырехъ братьяхъ“ говорится, что они были возмущены неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ. Если бы подсудимые имѣли цѣлью произвести возстаніе, или воззваніе къ бунту, то они, конечно, избрали бы книжки съ другимъ содержаніемъ. Указавъ далѣе на то, что Герасимовъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ подсудимаго Дьякова, который точно также не имѣлъ цѣлью возбужденіе къ бунту, г. защитникъ указалъ на показанія свидѣтелей чухонцевъ, которые плохо говорятъ по-русски и съ которыми Герасимовъ говорилъ по-чухонски. Эти свидѣтели не упоминаютъ о томъ, чтобы Герасимовъ говорилъ имъ какія-нибудь возмутительныя рѣчи, между тѣмъ какъ ему всего удобнѣе было подѣлиться своими мыслями—приписываемыми ему обвиненіемъ—съ этими лицами. Далѣе, г. защитникъ указалъ на то, что въ каждомъ преступленіи нужно обращать вниманіе: во-1-хъ, какой вредъ произошелъ отъ преступленія и, во-2-хъ, на ту обстановку, среди которой жилъ, родился и воспитывался подсудимый. Что касается перваго обстоятельства, то не подлежитъ сомнѣнію, по мнѣнію г. защитника, что въ данномъ случаѣ никакихъ вредныхъ послѣдствій для государства не произошло, потому что книжки распространялись только между немногими лицами. Относительно второго обстоятельства г. защитникъ объяснилъ, что Герасимовъ не знаетъ своихъ родителей; онъ былъ отданъ въ воспитательный домъ, оттуда въ деревню къ чухнамъ, а потомъ поступилъ на фабрику. Подобныя условія воспитанія, очевидно, таковы, что они не могли дать человѣку такого воспитанія и образованія, которыя удержали бы его отъ преступной мысли. Первые знакомые Герасимова были такія лица, какъ Павелъ Александровъ и другіе, которые вмѣсто того, чтобы остановить его, сказать, что то, что написано въ книжкахъ, есть вздоръ, они, напротивъ, старались вовлечь и вовлекли его въ преступленіе. Прис. пов. Боровиковскій (защитникъ подсудимаго Александрова) высказалъ, что онъ не станетъ отвергать нѣкоторой виновности своего кліента, но задача суда заключается въ томъ, чтобы опредѣлить свойство и степень его вины. Не останавливаясь на разсмотрѣніи содержанія преступныхъ книжекъ и не разбирая вопроса о томъ, заключали ли онѣ въ себѣ возбужденіе къ бунту, или только сословную вражду, во всякомъ случаѣ ихъ нельзя не признать опасными, но опасность эта была не такъ велика, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Обвинительная власть указала, какъ на признакъ большой опасности, на то обстоятельство, что пропаганда вносилась въ среду войскъ. Но только тотъ, кто не знаетъ русской жизни и вѣками испытанной преданности русскаго солдата Царю и Отечеству, можетъ задаться затѣею проводить туда пропаганду. Г. защитникъ согласенъ съ обвинительною властью, что эта вѣрность и преданность русскаго солдата была доказана самымъ блестящимъ образомъ въ настоящемъ дѣлѣ. Изъ цѣлаго полка привлечены только двое, а всѣ остальные, которымъ было сколько-нибудь извѣстно о преступленіи, старались искоренить зло и даже самъ подсудимый Зайцевъ едва не менѣе другихъ способствовалъ къ раскрытію преступленія. Подсудимый Александровъ обвиняется, во-первыхъ, въ томъ, что передавалъ полученныя отъ Дьякова книжки нераскрытымъ слѣдствіемъ лицамъ, во-вторыхъ, что читалъ вторую половину „Исторіи французскаго крестьянина“ вслухъ и, въ-третьихъ, въ томъ, что разсказывалъ содержаніе книжки „Емелька Пугачевъ“ въ казармахъ московскаго полка. По первому предмету въ обвинительномъ актѣ сказано, что Александровъ передавалъ книжки „нераскрытымъ слѣдствіемъ лицамъ“. Это значитъ почти то же, что обвинять человѣка въ нераскрытомъ преступленіи. Все обвиненіе Александрова основано на оговорѣ его Герасимовымъ и на слухахъ. Но Герасимовъ, оговаривая Александрова, выразился, какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, что ему кажется, что Александровъ былъ давно знакомъ съ Дьяковымъ и, что не будь Діомида, не было бы и книжекъ. Такимъ образомъ, въ этомъ оговорѣ не заключается утвержденія какого-либо опредѣленнаго факта и, дѣйствительно, этотъ оговоръ опровергается свидѣтельскими показаніями. Такъ, свидѣтель Тарасовъ заявилъ, что Александрова познакомилъ съ Дьяковымъ онъ, Тарасовъ. Въ обвинительномъ актѣ, въ подтвержденіе оговора Герасимова, было указано на то, что Александровъ старался заводить закомства; но изъ показаній свидѣтелей видно, что Александровъ вовсе не старался заводить знакомствъ, онъ не созывалъ къ себѣ въ квартиру, а просто, какъ показалъ свидѣтель Крампе, онъ пришелъ въ квартиру, услышалъ то, что въ другой комнатѣ читаютъ, вошелъ и, такимъ образомъ, познакомился. Свидѣтель Тарасовъ и Кондратьевъ упомянули, что будто-бы Александровъ говорилъ имъ, что онъ распространялъ книжки на пивоваренномъ заводѣ, но по самымъ тщательнымъ розыскамъ между рабочими этого завода не открыто никакихъ слѣдовъ революціонной пропаганды. Далѣе, эти же свидѣтели не говорятъ, какія книжки распространялъ Александровъ, а между тѣмъ въ числѣ найденныхъ книгъ оказались и дозволенныя цензурою, какъ напримѣръ „Стенька Разинъ“.

Затѣмъ ни одинъ свидѣтель не показалъ, чтобы Александровъ далъ ему какую-нибудь преступную книжку или при немъ передалъ кому-нибудь другому. Такимъ образомъ остаются одни догадки и слухи о виновности Александрова въ взводимомъ на него преступленіи, а съ другой стороны, въ дѣлѣ есть указанія на такія обстоятельства, которыя исключаютъ всякое сомнѣніе въ невиновности Александрова. Такъ, подсудимый Дьяковъ на предварительномъ слѣдствіи сказалъ, что онъ распространялъ книжки, но Александрову никогда для распространенія не давалъ. Свидѣтель Павелъ Александровъ сказалъ, что будто-бы при немъ Дьяковъ давалъ Александрову книги. Но въ дѣлѣ нѣтъ указанія, чтобы Дьяковъ давалъ Александрову книги не для собственнаго чтенія, а для распространенія. Есть одно указаніе, что Александровъ вмѣстѣ съ Герасимовымъ выносили на ночь книжки изъ квартиры и прятали ихъ на дворѣ. Но это можно объяснить тѣмъ, что книги для распространенія находились у Герасимова, а Александровъ, вѣроятно, только помогалъ ему прятать эти книжки. Что касается обвиненія Александрова въ томъ, что онъ читалъ вторую половину „Исторіи французскаго крестьянина", то г. защитникъ указалъ на то, что Александровъ дѣйствительно окончилъ чтеніе этой книжки, начатое Дьяковымъ, но по окончаніи чтенія не дѣлалъ никакихъ объясненій. Относительно третьяго обвиненія, заключающагося въ томъ, что Александровъ разсказывалъ въ казармахъ содержаніе книжки „Емелька Пугачевъ", г. защитникъ полагалъ, что для того, чтобы признать подсудимаго виновнымъ по 251 ст. улож. о наказ., необходимо признать, что Александровъ говорилъ публично рѣчь. Между тѣмъ, его слушали только четыре человѣка, и притомъ для того, чтобы быть свидѣтелями, и онъ говорилъ не рѣчь, а лишь нѣсколько словъ подъ вліяніемъ выпитаго вина. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. защитника, къ Александрову не можетъ быть примѣнена 251 ст. улож. о наказ. и онъ можетъ быть признанъ виновнымъ только или въ имѣніи у себя запрещенныхъ книгъ, или въ недонесеніи. Прис. повѣр. Ольхинъ (защитникъ подсудимаго Зайцева), переходя къ фактической сторонѣ дѣла, не отрицалъ, что Зайцевъ бывалъ въ квартирѣ рабочихъ, но кромѣ одного простого появленія, тамъ ничего не было, какъ это утверждаютъ свидѣтели, которые говорятъ, что никакихъ преступныхъ разговоровъ не происходило. Подсудимый, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ, въ тѣхъ краткихъ словахъ, которыя онъ успѣлъ сказать, прямо заявилъ, что онъ дѣйствительно получилъ нѣкоторыя книжки, но не понималъ и то немногое, что въ нихъ читалъ. Такъ изъ „Сказки о четырехъ братьяхъ" онъ прочиталъ только одно мѣсто о монастырѣ. Что касается указанія на то, что Зайцевъ присутствовалъ при чтеніи Герасимовымъ въ казармахъ преступныхъ сочиненій, то объ этомъ заявилъ только одинъ свидѣтель, Павелъ Александровъ, показанію котораго самъ обвинитель не придаетъ серьезнаго значенія. Этотъ же свидѣтель показывалъ, что, однажды, вмѣстѣ съ Герасимовымъ и Дьяковымъ они были въ 9-й ротѣ московскаго полка, а оттуда перешли въ музыкантскую. Противъ этого показанія, несмотря на то, что всѣ подсудимые во время судебнаго слѣдствія ничего не возражали на показанія свидѣтелей, не только Зайцевъ, но и другой подсудимый, Герасимовъ, заявили, что это показаніе ложно. Это заявленіе подтвердили и свидѣтели. Рядовой Сандеръ и утеръ-офицеръ Павловъ положительно и съ большою твердостью заявили, что подсудимые Герасимовъ и Дьяковъ не были въ музыкантской и что изъ 9-й роты они прямо отправились въ трактиръ. Наконецъ, невозможно допустить, чтобы въ казармѣ, въ присутствіи цѣлаго полка солдатъ, въ то время, когда тамъ то и дѣло проходятъ офицеры, происходило публичное чтеніе книжекъ возмутительнаго содержанія. Въ дѣлѣ есть одно обстоятельство, которое не оспаривается и обвинительною властью— это участіе Зайцева въ раскрытіи преступленія. Свидѣтели показали, что Зайцевъ прямо указалъ на Александрова, и что онъ способствовалъ его поимкѣ; онъ угощалъ его чаемъ и водкой, онъ пригласилъ нижнихъ чиновъ быть свидѣтелями того, что говорилъ Александровъ. Такимъ образомъ, изъ слѣдствія оказывается, что Зайцевъ не присутствовалъ ни при какихъ чтеніяхъ и разъясненіяхъ; что если онъ самъ и прочелъ нѣсколько страничекъ, то рѣшительно не доказано, чтобы онъ понималъ ихъ содержаніе. Далѣе есть показаніе нѣсколькихъ свидѣтелей, которые говорятъ, что брали у Зайцева читать книжки, но никто изъ нихъ не понялъ ихъ; что книжки лежали въ незапертомъ комодѣ или просто валялись на немъ; и когда кто-нибудь просилъ у Зайцева дать ему что-нибудь почитать, то онъ говорилъ: „возьми тамъ въ комодѣ". Очевидно, что Зайцевъ вовсе не понималъ преступнаго значенія этихъ книжекъ, и какъ онъ, такъ и тѣ, которые брали у него книжки и читали, относились къ нимъ, какъ къ сказкѣ о Еруcланѣ Лазаревичѣ. Относительно юридической стороны дѣла г. защитникъ высказалъ, что ст. 126 улож. о наказ., наказывающая за недонесеніе, какъ и всякая другая статья, требуетъ сознательныхъ дѣйствій человѣка. Она указываетъ на знаніе о преступленіи и на возможность довести о немъ до свѣдѣнія Правительства. Слѣдовательно, человѣкъ долженъ прежде всего знать, совершается-ли преступленіе, и быть убѣжденнымъ въ этомъ. По мнѣнію г. защитника, едва-ли законодатель имѣлъ въ виду наказывать за недонесеніе о такомъ преступленіи, въ которомъ недонесшій еще сомнѣвался. Если взять всю фактическую обстановку обвиненія Зайцева, то тутъ можетъ быть одно изъ двухъ: или онъ виновенъ

въ распространенiи книжекъ, или рѣшительно ни въ чемъ невиновенъ. Самъ обвинитель признаетъ, и это совершенно справедливо, что Зайцевъ не можетъ быть обвиняемъ въ распространенiи книжекъ, потому что, давая читать ихъ другимъ, онъ не имѣлъ никакого злого умысла. Значитъ, онъ не понималъ преступности книжекъ, а если понималъ, то на немъ не лежало обязанности доносить. Обвиненіе, взводимое на Зайцева, усиливается еще на основанiи 4 п. 89 ст. воин. уст. о нак., въ которомъ сказано, что наказаніе увеличивается на одну или двѣ степени, когда при содѣянiи преступленія или проступка нарушена святость присяги или прямыя обязанности военной службы. Относительно нарушенія святости присяги г. защитникъ доказалъ, что Зайцевъ не можетъ понести наказанія за полное нарушеніе специальной воинской присяги, такъ какъ въ ней находится фраза, которая помѣщена въ общей присягѣ на вѣрноподданство. Фраза эта слѣдующая: „объ ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допускать тщитися“. Такимъ образомъ, за нарушеніе приведенной клятвы онъ можетъ быть наказанъ не какъ за нарушеніе специальной воинской присяги въ качествѣ военнаго чина, а какъ обыкновенный гражданинъ, принявшій присягу на вѣрноподданство. Если сдѣлать иначе, то само собою разумѣется, что за нарушеніе этой клятвы обыкновеннымъ гражданиномъ онъ не можетъ быть наказанъ. Въ заключеніе защитникъ обратилъ вниманіе суда на малограмотность подсудимаго, которая доказываетъ, что онъ узналъ о преступности сочиненій, которыя ему давали, только отъ полковаго адъютанта. Прис. пов*ѣ*р. Михайловъ (защитникъ подсудимаго Янсона) высказалъ, что для того, чтобы обвинить подсудимаго въ томъ преступленiи, которое на него возводится, необходимо доказать, что онъ зналъ о преступности сочиненій, имѣлъ возможность донести объ этомъ Правительству и не донесъ. Защитникъ несогласенъ съ товарищемъ оберъ-прокурора, который сказалъ, что судебное слѣдствіе вполнѣ разъяснило всѣ обстоятельства дѣла. Относительно Янсона, судебное слѣдствіе ничего не разъяснило, и если можно говорить объ его обвиненiи, то только на основанiи обвинительнаго акта. Въ обвинительномъ актѣ изложенъ оговоръ Герасимова, и въ одномъ мѣстѣ говорится, что Герасимовъ „давно былъ знакомъ съ Янсономъ и, встрѣтившись въ кабакѣ, возобновилъ знакомство, давалъ ему книжки, говорилъ, что такихъ, какъ студенты и они раздающіе книги, много“. Въ другомъ мѣстѣ на той же страницѣ сказано, что „передавая книжки Янсону, онъ, Герасимовъ, *не говорилъ*, что не надо слушаться Царя, начальства и Правительства“. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что говорилъ-ли Герасимовъ Янсону эти слова, или нѣтъ, есть весьма важное и существенное обстоятельство: если Герасимовъ говорилъ и Янсонъ принялъ это къ руководству, то онъ можетъ быть обвиняемъ въ томъ преступленiи, въ которомъ обвиняется, т. е. въ *сознательномъ* недонесенiи о преступленiи. Но если этихъ словъ не было сказано, то обвиненіе падаетъ. Такимъ образомъ, это обстоятельство представляется весьма существеннымъ, а между тѣмъ оно осталось неразъясненнымъ. Ни одинъ свидѣтель не удостовѣрилъ этого обстоятельства и самъ Герасимовъ ничего о немъ не говоритъ. Слѣдовательно, оно во всякомъ случаѣ остается сомнительнымъ, а такъ какъ всякое сомнѣніе должно быть истолковано въ пользу подсудимаго, то защитникъ полагалъ, что обстоятельство это слѣдуетъ признать недоказаннымъ и Янсона невиновнымъ. Если же Правительствующій Сенатъ не согласится съ этими доводами, то защитникъ просилъ примѣнить къ подсудимому самую низшую степень наказанія, которая допускается закономъ и соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла. Прис. пов*ѣ*р. Богаевскій (защитникъ подсуд. Ельцова и Вечеславова), высказалъ, что изъ показаній, данныхъ Ельцовымъ на предварительномъ слѣдствiи и свидѣтелемъ Аѳанасьевымъ на судѣ, видно, что Ельцовъ человѣкъ бѣдный, воспитывавшійся на свой счетъ и добывавшій для этого деньги работою; онъ жилъ вмѣстѣ съ товарищами на квартирѣ, гдѣ прежде жилъ Вечеславовъ. Если Ельцовъ и зналъ Дьякова, то зналъ чрезъ товарища Четвертухина, который воспитывался вмѣстѣ съ Дьяковымъ въ семинарiи. Свидѣтель Аѳанасьевъ показалъ, что у нихъ былъ комодъ о четырехъ ящикахъ, которые запирались однимъ ключемъ; случалось нерѣдко, что ящики оставались незапертыми. Разъ, въ отсутствiи Ельцова, пришелъ Дьяковъ и просилъ Вечеславова положить свертокъ. Хотя Вечеславовъ и подозрѣвалъ, что въ сверткѣ были книги, но не считалъ себя вправѣ допрашивать Дьякова, что это за книги и положилъ книги въ первый открытый ящикъ комода. По несчастью для Ельцова, ящикъ былъ его. Не подлежитъ сомнѣнію, что Ельцовъ не участвовалъ въ принятiи отъ Дьякова книгъ, и онъ даже не зналъ, что книги положены въ его ящикъ. Дня за четыре до обыска онъ случайно увидѣлъ „Хитрую механику“. Что ему было дѣлать: идти и доносить — но это очевидно было для него невозможно, и притомъ на кого же доносить, потому что онъ не зналъ, что книги принадлежатъ Дьякову. Книги были принесены не Вечеславову или Ельцову, а просто въ квартиру четырехъ студентовъ, и если попали въ ящикъ Ельцова, то совершенно случайно. Его еще можно было-бы обвинять, если-бы слѣдствіе указало на извѣстный образъ его мыслей, если бы были какія-нибудь данныя, по которымъ можно было-бы заключить о его политической неблагонадежности, но на это нѣтъ ни малѣй-

шаго указанія въ дѣлѣ. Еще меньше въ дѣлѣ есть уликъ противъ Вечеславова. Онъ обвиняется только потому, что у него нашли выписку изъ запрещенной книги. При дѣлѣ находится большая тетрадь, въ которую вшиты всѣ бумаги, отобранныя у Вечеславова: тамъ есть письма его и другія бумаги, изъ которыхъ видно, что онъ весьма любящій и почтительный сынъ, братъ, что онъ строго относится къ своимъ обязанностямъ, учится прилежно и, вообще, человѣкъ серьезный. Въ числѣ этихъ бумагъ найденъ одинъ клочекъ, въ которомъ счетомъ находится 50 словъ, выписанныхъ изъ „Хитрой механики", записанныя въ формѣ вопросовъ, какъ напримѣръ: „почему косвенные налоги тяжелѣе прямыхъ?" и т. п. Дѣло въ томъ, что у Вечеславова была привычка, при чтеніи каждой книги, дѣлать себѣ подобные вопросы. Въ тѣхъ же бумагахъ есть другая выписка изъ политической экономіи, въ формѣ такихъ же вопросовъ. „Хитрая механика" очевидно принадлежала не ему, потому что въ противномъ случаѣ ему не зачѣмъ было бы дѣлать изъ нея выписки. Она случайно попалась ему на глаза—онъ прочелъ и записалъ для памяти нѣкоторые вопросы. Между тѣмъ законъ для обвиненія по 4-й части 251 ст. улож. о нак. требуетъ, чтобы обвиняемый имѣлъ у себя запрещенную книгу. Указавъ затѣмъ на то, что хотя подсудимымъ угрожаетъ небольшое наказаніе — арестъ, но за нимъ еще слѣдуетъ отдача подъ надзоръ полиціи, а состоящіе подъ надзоромъ полиціи не могутъ оставаться въ академіи, „я ходатайствую, сказалъ защитникъ, передъ вами, г.г. судьи, объ оправданіи обвиняемыхъ. Не увеличивайте и безъ того огромное количество недоучившейся молодежи. Неизвѣстно, какой профессоръ можетъ уничтожить въ головѣ ученика преступную мысль, но извѣстно, что доучившіеся люди не идутъ туда, куда идутъ недоучившіеся". Затѣмъ было предоставлено послѣднее слово подсудимымъ. Подс. Герасимовъ заявилъ, что онъ не читалъ преступныхъ книгъ другимъ и что свидѣтели показали объ этомъ неправильно. Подс. Зайцевъ сказалъ, что Павелъ Александровъ никогда у него въ казармахъ не былъ и онъ даже не зналъ, гдѣ тотъ живетъ. Подс. Янсонъ объяснилъ, что „Сказку о четырехъ братьяхъ" и „Хитрую механику" онъ представлялъ въ дежурную комнату, откуда онѣ черезъ четыре дня были ему возвращены, и такимъ образомъ онъ вовсе не зналъ, что онѣ преступны. Послѣ этого особое присутствіе постановило на свое разрѣшеніе слѣдующіе вопросы: I. Виновенъ-ли подсудимый Вячеславъ Дьяковъ въ томъ, что съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, распространялъ между рабочими фабрики Чешера, нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка и другими лицами, непосредственно или чрезъ посредство соглашенныхъ имъ на то сообщниковъ, сочиненія, по содержанію своему, направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Хитрую механику", 2) „Исторію французскаго крестьянина", 3) „Сказку о четырехъ братьяхъ", 4) „Емельку Пугачева", 5) „Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсенъ", 6) листокъ „Чтой-то, братцы" и 7) статью изъ журнала „Впередъ" о самарскомъ голодѣ? II. Виновенъ-ли подсудимый Алексѣй Сиряковъ въ томъ, что по предварительному соглашенію съ обвиняемымъ Дьяковымъ, участвуя въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между рабочими фабрики Чешера сочиненія, направленныя къ означинной выше цѣли, какъ-то: „Емельку Пугачева", „Сказку о четырехъ братьяхъ" и листокъ „Чтой-то, братцы"? III. Виновенъ-ли подсудимый Василій Герасимовъ въ томъ, что по предварительному съ обвиняемымъ Дьяковымъ соглашенію, участвуя въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между нижними чинами лейбъ-гвардіи московскаго полка и другими лицами сочиненія, по содержанію своему направленныя къ означенной выше цѣли, какъ-то: 1) „Емельку Пугачева", 2) „Сказку о четырехъ братьяхъ", 3) „Исторія французскаго крестьянина"? IV. Виновенъ-ли подсудимый Діомидъ Александровъ въ томъ, что по предварительному съ обвиняемымъ Дьяковымъ соглашенію, участвуя въ его преступленіи, распространялъ, съ цѣлью возбудить населеніе къ бунту, между разными лицами сочиненія, направленныя, по содержанію своему, къ означенной выше цѣли, какъ-то: „Исторію французскаго крестьянина" и другія, и содѣйствовалъ преступленію Дьякова также тѣмъ, что читалъ вслухъ въ присутствіи другихъ лицъ вторую половину „Исторіи французскаго крестьянина" и изъяснялъ нѣкоторымъ нижнимъ чинамъ московскаго полка содержаніе сочиненій, возбуждающихъ къ бунту? V. Виновенъ-ли подсудимый Трофимъ Зайцевъ въ томъ, что зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ по сему дѣлу лицъ сочиненій, направленныхъ къ возбужденію бунта. какъ-то: 1) „Емельки Пугачева", 2) „Хитрой механики", 3) „Сказки о четырехъ братьяхъ", и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнилъ сей обязанности? VI. Виновенъ-ли подсудимый Юрій Янсонъ въ томъ, что, зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ по сему дѣлу лицъ сочиненій, направленныхъ къ возбужденію бунта, какъ-то: 1) „Емельки Пугачева", 2) „Хитрой механики", 3) „Сказки о четырехъ братьяхъ", и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнилъ своей обязанности? VII. Виновенъ-ли подсудимый Владиміръ Ельцовъ въ томъ, что безъ дозволенія надлежащаго начальства имѣлъ у себя сочиненія, направленныя къ возбужденію населенія къ бунту? VIII. Виновенъ-ли подсудимый Всеволодъ Вечеславовъ въ томъ, что безъ дозволенія начальства имѣлъ у себя сочиненія, направленныя къ возбужденію населенія къ бунту? Защита

подсудимыхъ Герасимова и Александрова просила поставить о нихъ слѣдующіе вопросы: если Герасимовъ не виновенъ по 3-ему, а Александровъ по 4-му вопросамъ, то не виновны-ли они въ томъ, что, зная о злоумышленномъ распространеніи нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу лицъ сочиненій, направленныхъ къ возбужденію бунта, и имѣвъ возможность довести о томъ до свѣдѣнія Правительства, не исполнили этой обязанности и имѣли у себя нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій безъ надлежащаго разрѣшенія начальства. Первоприсутствующій, по совѣщаніи съ судьями, объявилъ: имѣя въ виду, что судебное слѣдствіе не обнаружило никакихъ данныхъ, изъ которыхъ истекало бы основаніе къ постановкѣ дополнительныхъ вопросовъ, о которыхъ ходатайствуетъ защита, особое присутствіе опредѣлило ходатайство это оставить безъ послѣдствій. Послѣ этого судъ удалился для совѣщанія, и по выходѣ въ залу засѣданія первоприсутствующій объявилъ, что на всѣ предложенные вопросы особое присутствіе единогласно положило отвѣтить: Да, виновны. По выслушаніи заключенія товарища оберъ-прокурора и заявленій защиты о примѣненіи наказанія судъ снова удалился для совѣщанія и вынесъ слѣдующую резолюцію:

„Выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, признавая: 1) подсудимыхъ Вячеслава Дьякова, 21 года, Алексѣя Сирякова, 20 лѣтъ, Василія Герасимова, 22-хъ лѣтъ, и Діомида Александрова, 25 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ во 2 ч. 251 ст. ул. о нак.; 2) рядоваго Трофима Зайцева, 29 лѣтъ и Юрія Янсона, 24-хъ лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 126 ст. улож. о наказ., и 3) подсудимыхъ Владиміра Ельцова, 22 лѣтъ, и Всеволода Вечеславова, 20 лѣтъ, виновными въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ 4 ч. 251 ст. улож. о нак., и обращая вниманіе на особенно важное значеніе настоящаго дѣла въ томъ отношеніи, что преступныя дѣйствія первыхъ четырехъ подсудимыхъ направлены были не только къ возбужденію къ бунту между фабричными рабочими, но и къ поколебанію въ нижнихъ воинскихъ чинахъ одного изъ гвардейскихъ полковъ преданности ихъ Престолу и Отечеству и долга повиновенія установленному законами начальству, на основаніи улож. о наказ. ст. 251, 118, 119, 139, 140, 126, 19 (степ. 5), 39 (степ. 2 и 3), 34 (степ. 2) и воинск. уст. о наказ. (изд. 1869 г.), ст. 49 (степ. 5) и II примѣч. къ прилож. къ ст. 6, опредѣляетъ: 1) Вячеслава Дьякова, Алексѣя Сирякова, Василія Герасимова и Діомида Александрова лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ: Дьякова на десять лѣтъ, Герасимова и Александрова на девять лѣтъ и Сирякова на шесть лѣтъ: 2) Трофима Зайцева и Юрія Янсона лишить всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію имъ присвоенныхъ, или службою пріобрѣтенныхъ, и отдать въ военно-исправительныя роты на одинъ годъ и девять мѣсяцевъ; 3) Владиміра Ельцова и Всеволода Вечеславова подвергнуть аресту: перваго изъ нихъ — на десять дней, а втораго — на шесть дней, и 4) служебныя издержки, если таковыя были употреблены по настоящему дѣлу, взыскать съ упомянутыхъ виновныхъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ принять на счетъ казны“.

1876 годъ.

Правительственный Вѣстникъ.

(9-го декабря. № 276).

6-го сего декабря, къ концу совершавшагося въ Казанскомъ соборѣ богослуженія, начали въ значительномъ числѣ собираться въ храмъ молодые люди, по внѣшности коихъ можно было предполагать, что они принадлежатъ къ числу учащейся молодежи. Въ группахъ молодыхъ людей замѣтны были также и женщины. Во время молебна какъ молодые люди, такъ и примкнувшія къ нимъ женщины, вели себя крайне неприлично: они переходили съ мѣста на мѣсто, разговаривали, смѣялись и какъ будто о чемъ-то сговаривались. По окончаніи богослуженія, толпа этихъ необычныхъ посѣтителей храма спустилась съ входной лѣстницы собора и, отойдя отъ него лишь на нѣсколько шаговъ, остановилась и скучилась. Стоявшій среди толпы молодой человѣкъ обратился къ окружавшимъ его съ слѣдующими словами: „мы всегда чтимъ этотъ день въ память сосланныхъ въ каторжную работу....“ и произнеся засимъ нѣсколько фамилій и невнятныхъ словъ, закончилъ свою рѣчь крикомъ: „да здравствуетъ свобода, „ура!“ Крикъ этотъ былъ подхваченъ окружавшими его лицами. Затѣмъ тотъ же молодой человѣкъ вынулъ изъ-за пазухи стоявшаго около него крестьянскаго мальчика красный флагъ съ надписью на немъ крупными буквами: „Земля и воля“, и

махалъ имъ, продолжая кричать „ура!“ При этомъ нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ въ центрѣ группы, подняли на руки крестьянскаго мальчика, который тоже кричалъ ура, махая флагомъ. Между тѣмъ изъ толпы стали раздаваться голоса, предлагавшіе не расходиться и направиться всѣмъ вмѣстѣ по Невскому проспекту; другіе же, напротивъ, крикомъ изъявляли желаніе разойтись какъ можно поспѣшнѣе. Въ это время подоспѣлъ околоточный надзиратель съ городовыми, которые были встрѣчены принимавшими участіе въ безпорядкѣ лицами сначала бранью, а потомъ побоями. Стоявшая до этой минуты въ сторонѣ, удивленная этой нелѣпою выходкою, публика, при видѣ сопротивленія, оказаннаго чинамъ полиціи, исполнявшимъ свою обязанность, бросилась на помощь городовымъ, смяла нарушителей порядка и сообща съ полиціею арестовала 32 человѣка, изъ коихъ 11 женщинъ. Остальная часть участниковъ безпорядка, при такомъ оборотѣ дѣла, быстро разбѣжалась въ разныя стороны.

Дознаніе начато на основаніи закона 19 мая 1871 года.

Оглавленіе

1837 годъ.

1839 годъ.

1840 годъ.

1848 годъ.

1849 годъ.

1856 годъ.

1861 годъ.

1862 годъ.

1863 годъ.

1864 годъ.

1865 годъ.

1866 годъ.

1867 годъ.

1871 годъ.

1872 годъ.

1873 годъ.

1874 годъ.

1875 годъ.

1876 годъ.

Редакторъ К. В. Сперанская. Издательница А. И. Парамонова.

